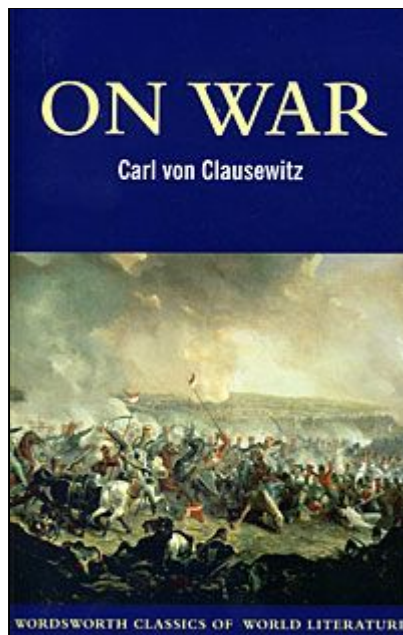

Карл фон Клаузевиц

О ВОЙНЕ

Carl von Clausewitz
On War
Издательства: Эксмо, Мидгард
2007 г.

Составившее три тома знаменитое исследование Клаузевица "О войне", в котором изложены взгляды автора на природу, цели и сущность войны, формы и способы ее ведения (и из которого, собственно, извлечен получивший столь широкую известность афоризм), явилось итогом многолетнего изучения военных походов и кампаний с 1566 по 1815 год. Тем не менее сочинение Клаузевица, сугубо конкретное по своим первоначальным задачам, оказалось востребованным не только - и не столько - военными тактиками и стратегами; потомки справедливо причислили эту работу к золотому фонду стратегических исследований общего характера, поставили в один ряд с такими образцами стратегического мышления, как трактаты Сунь-цзы, "Государь" Никколо Макиавелли и "Стратегия непрямых действий" Б.Лиддел Гарта.

От издательства

Пояснения Клаузевица

○ Часть I. Природа войны

Глава 1. Что такое война?

Глава 2. Цель и средства войны

Глава 3. Военный гений

Глава 4. Опасности на войне

Глава 5. Физическое напряжение на войне

Глава 6. Сведения, получаемые на войне

Глава 7. Трение на войне

Глава 8. Заключительные замечания к первой части

○ Часть II. Теория войны

Глава 1. Деление на части теории военного искусства

Глава 2. Теория войны

Глава 3. Военное искусство или военная наука

Глава 4. Методизм

Глава 5. Критика

Глава 6. Примеры

○ Часть III. Общие вопросы стратегии

Глава 1. Стратегия

Глава 2. Элементы стратегии

Глава 3. Моральные величины

Глава 4. Основные моральные потенции

- Глава 5. Воинская доблесть армии
- Глава 6. Смелость
- Глава 7. Твердость
- Глава 8. Численное превосходство
- Глава 9. Внезапность
- Глава 10. Хитрость
- Глава 10. Сосредоточение сил в пространстве
- Глава 12. Сосредоточение сил во времени
- Глава 13. Стратегический резерв
- Глава 14. Экономия сил
- Глава 15. Геометрический элемент
- Глава 16. О паузах в военных действиях
- Глава 17. Характер современной войны
- Глава 18. Напряжение и покой
- Часть IV. Бой
 - Глава 1. Обзор
 - Глава 2. Характер современного сражения
 - Глава 3. Бой вообще
 - Глава 4. Бой вообще (Продолжение)
 - Глава 5. О значении боя
 - Глава 6. Продолжительность боя
 - Глава 7. Решение боя
 - Глава 8. Обоюдное согласие на бой
 - Глава 9. Генеральное сражение
 - Глава 10. Генеральное сражение (Продолжение)
 - Глава 10. Генеральное сражение (Продолжение)
 - Глава 12. Средства стратегии для использования победы
 - Глава 13. Отступление после проигранного сражения
 - Глава 14. Ночной бой
- Часть V. Вооруженные силы
 - Глава 1. Общий обзор
 - Глава 2. Театр войны, армия, поход
 - Глава 3. Соотношение сил
 - Глава 4. Соотношение родов войск
 - Глава 5. Боевой порядок армии
 - Глава 6. Группировка армии
 - Глава 7. Авангард и сторожевое охранение
 - Глава 8. Способ действия передовых частей
 - Глава 9. Бивачное расположение
 - Глава 10. Марши
 - Глава 10. Марши (Продолжение)
 - Глава 12. Марши (Продолжение)
 - Глава 13. Размещение
 - Глава 14. Довольствие войск
 - Глава 15. Операционный базис
 - Глава 16. Коммуникационные линии
 - Глава 17. Местность [148]
 - Глава 18. Командование местности
- Часть VI. Оборона
 - Глава 1. Наступление и оборона
 - Глава 2. Соотношение между наступлением и обороной в тактике
 - Глава 3. Соотношение между наступлением и обороной в стратегии
 - Глава 4. Концентричность наступления и эксцентричность обороны
 - Глава 5. Характер стратегической обороны
 - Глава 6. Объем средств обороны
 - Глава 8. Виды сопротивления
 - Глава 9. Оборонительное сражение
 - Глава 10. Крепости
 - Глава 10. Крепости (Продолжение)
 - Глава 12. Оборонительная позиция
 - Глава 13. Крепкие позиции и укрепленные лагеря
 - Глава 14. Фланговые позиции
 - Глава 15. Оборона в горах
 - Глава 16. Оборона в горах (Продолжение)
 - Глава 17. Оборона в горах (Продолжение)
 - Глава 18. Оборона рек
 - Глава 19. Оборона рек (Продолжение)
 - Глава 20 А. Оборона болот
 - Глава 21. Оборона лесов
 - Глава 22. Кордон

- Глава 23. Ключ страны
 - Глава 24. Фланговое воздействие
 - Глава 25. Отступление внутрь страны
 - Глава 26. Народная война
 - Глава 27. Оборона театра войны
 - Глава 28. Оборона театра войны (Продолжение)
 - Глава 29. Оборона театра войны (Продолжение)
 - Глава 13. Оборона театра войны (Продолжение)
 - Наброски к VII части. Наступление
 - Глава 1. Наступление по его отношению к обороне
 - Глава 2. Природа стратегического наступления
 - Глава 3. Об объекте стратегического наступления
 - Глава 4. Убывающая сила наступления
 - Глава 5. Кульминационный пункт наступления
 - Глава 6. Уничтожение неприятельских вооруженных сил
 - Глава 7. Наступательное сражение
 - Глава 8. Переправа через реки
 - Глава 9. Наступление на оборонительные позиции
 - Глава 10. Наступление на укрепленный лагерь
 - Глава 10. Наступление в горах
 - Глава 12. Атака кордонных линий
 - Глава 13. Маневрирование
 - Глава 14. Наступление в болотах, затопленных пространствах и лесах
 - Глава 15. Наступление на театре войны, когда ищут решения
 - Глава 16. Наступление на театре войны, когда не ищут решения
 - Глава 17. Атака крепостей
 - Глава 18. Нападение на транспорты
 - Глава 19. Нападение на квартирное расположение неприятельской армии
 - Глава 20. Диверсия
 - Глава 21. Вторжение
 - Наброски к VIII части. План войны
 - Глава 1. Введение
 - Глава 2. Война абсолютная и война действительная
 - Глава 3. А. Внутренняя связь явлений войны
 - Глава 4. Ближайшее определение цели войны.
 - Глава 5. Ограниченная цель (Продолжение)
 - Глава 6 А. Влияние политической цели на конечную военную цель
 - Глава 7. Ограниченная цель.
 - Глава 8. Ограниченная цель.
 - Глава 9. План войны, когда цель заключается в сокрушении неприятеля
 - Приложение. Важнейшие принципы войны
 - I. Общие принципы войны
 - II. Тактика, или учение о бое
 - III. Стратегия
 - 1. Общие принципы
 - 2. Оборона
 - 3. Наступление
- Учебное пособие для обучения тактике, или учение о бое
Примечания

От издательства

Широкий интерес нашей общественности к теоретическим трудам Клаузевица объясняет выпуск в свет настоящего, второго издания его основной работы "О войне".

- "Для меня было вопросом честолюбия, - говорит Клаузевиц об этом своем труде - написать такую книгу, которую бы не забыли через 2-3 года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один лишний раз".

Эта надежда Клаузевица осуществилась полностью: уже больше столетия живет его книга, создавшая автору заслуженную славу глубокого военного теоретика, философа войны.

Клаузевиц был современником великой буржуазной революции. Диктатура якобинцев вдребезги разбила феодальный крепостнический строй во Франции. Созданная революцией новая армия победоносно отстаивала свою страну от натиска реакционной Европы и отважно расчищала своим оружием дорогу для нового социального строя. "Французские революционные войска толпами

прогоняли дворян, епископов и мелких князей... Они расчищали почву, точно они были пионерами в девственных лесах..." (Энгельс). Повсюду рушились старые сословные привилегии. Повсюду дыхание революционной бури пробуждало угнетенное и разоренное крестьянство и влачившее жалкое существование бюргерство.

Политические идеи французской революции остались чужды и враждебны прусскому дворянину Клаузевицу. В этом отношении он не возвышался над уровнем своего класса. Карл фон Клаузевиц - монархист. Вся его практическая военная деятельность прошла на службе европейской реакции. Четырнадцатилетним мальчиком, в 1793 г., Клаузевиц принимает участие в Рейнской кампании против революционной Франции. В 1806 г. он участвует в войне против Наполеона. В 1812 г. Клаузевиц покидает прусскую армию и переходит на службу к Александру I. На русской службе он остается до 1814 г., участвуя в Бородинском сражении, а также в операциях на Нижней Эльбе и в Нидерландах. В 1815 г., вернувшись в прусские [ii] войска, Клаузевиц состоит генерал-квартирмейстером корпуса в армии Блюхера и участвует в сражениях при Линьи и Ватерлоо. После июльской революции 1830 г. во Франции Клаузевиц лично разрабатывает план войны против Франции. Политическое лицо Клаузевица характеризуется также тем, что в 1810 г. прусский двор избрал его в качестве преподавателя для наследника престола - кронпринца. Монархические убеждения Клаузевица нашли свое отражение и в его основном труде "О войне".

Но будучи решительным врагом французской революции, Клаузевиц сумел понять значение переворота в военном деле, вызванного революцией.

Вместе со всеми участниками революционных и наполеоновских войн Клаузевиц пережил жестокое крушение всех, считавшихся "неизменными" и "вечными", норм и положений военного искусства XVII и XVIII столетия. На полях сражений против наемных, тщательно вымуштрованных армий реакционных коалиций выступили массовые армии революции. Новая армия крестьян, ремесленников и рабочих, воодушевленная лозунгами революции, нашла новые способы ведения войны, заменившие линейную, строго размеренную тактику, "косые боевые порядки" наемников Фридриха II. Стратегия "кабинетных" войн, похожая на искусное фехтование, сменилась в революционных войнах "плебейской" стратегией полного разгрома противника. А на полях Йены и Ауэрштедта вместе с прусской армией погибли все старые привычные представления о военном искусстве.

Было ясно, что в рамках "чистого" военного искусства, в пределах оперативно-стратегических "вензелей" и построений нельзя ни объяснить причин поражения гордой прусской армии, ни найти пути для возрождения ее военной мощи. Осенью 1806 г., перед Йенской битвой, Шарнгорст, наблюдая маневрирование французских отрядов, пытался подражать их военным приемам и отбросить фридриховскую тактику, но самое устройство прусской армии, конечно, сделало эти попытки безуспешными.

Принципы французской революции одержали блестящую победу и в военном деле. Признанием их торжества была борьба передовых военных деятелей Пруссии, к числу которых принадлежал и Клаузевиц, за военную реформу, за всеобщую воинскую повинность - на базе ликвидации крепостного права. После Йены Клаузевиц принимал практическое участие в этом преобразовании армии, работая вместе с Шарнгорстом в военном министерстве.

Ветхое здание германской империи под ударами революции рассыпалось в прах. Наполеон перетасовывал бесчисленные немецкие [iii] государства. Под натиском иноземного завоевателя бесповоротно рухнуло в катастрофе при Йене старое прусское государство.

Отсталая, полуфеодальная Германия, в лице ее молодой буржуазии, пробуждалась к новой жизни. Но германская буржуазия была слишком слаба для того, чтобы вступить на путь, победоносно пройденный перед тем ее французскими и английскими собратьями. Германия в этот период стояла еще только накануне промышленного переворота, начавшегося в ней лишь в 40-х годах XIX в. В эпоху Клаузевица германский капитализм развивался на базе домашней промышленности. Машинная техника находилась в зачаточном состоянии. Отсталость германского капитализма, выросшего под покровительством помещичьего правительства, определяла слабость германской буржуазии. Она была неспособна к решительной борьбе за новый общественный строй. Но жестокий военный разгром

Пруссии в 1806 г. со всей очевидностью показал необходимость буржуазных реформ. Подчиняясь неумолимому давлению обстоятельств, даже прусские помещики поняли, что только освобожденное от крепостных пут крестьянство способно возродить военную мощь Германии. Было ясно, что без некоторых, хотя бы только видимых, поблажек невозможно поднять прусского мужика на борьбу с Наполеоном. Кроме того, юнкерство опасалось, что освобождение крестьянства может в результате новых поражений прийти извне, от победителей-французов, или снизу, от крестьянской революции. Горький опыт, вынесенный из ряда позорных поражений, привел к буржуазным реформам Штейна - Гарденберга (начало освобождения крестьян и новое городское устройство) и военным реформам Шарнгорста (переход к коротким срокам службы в армии и всеобщей воинской повинности).

Общественный подъем после катастрофы при Йене охватил всю Германию. С берлинской кафедры Фихте обращался с пламенными речами к германской нации. Генрих Клейст в своих поэмах призывал к борьбе с иноземными завоевателями. Но горячий патриотизм немецкой буржуазии, поднявшей знамя объединения Германии, пошел в конечном счете на службу реакции. Борьба буржуазии за национальное освобождение, за национальное единство эксплуатировалась юнкерством и содействовала восстановлению старого порядка. Двадцатилетняя эра революционных войн завершилась победой реакционной Европы. Из плодов этой победы немецкая буржуазия не могла извлечь ничего. Экономическая слабость не позволила ей встать на революционный путь и толкала ее на примирение с господствующими феодальными условиями. [iv]

Бессилие и оппортунизм немецкой буржуазии нашли свое яркое выражение в германской классической философии. Буржуазия, практически не ставившая перед собой задачи борьбы с существующим строем, жила в мире отвлеченной мысли. Немецкая идеалистическая философия явилась бледным отражением французской революции, перенесенной в царство идей.

Под несомненным влиянием классического немецкого идеализма создавалось учение Клаузевица о войне.

Воспитанный на Канте, Монтескье и Макиавелли, прослушавший после Йены философские лекции кантианца Кизеветтера, Карл Клаузевиц работал над своим основным трудом "О войне" в годы (1818 - 1830), когда над умами Германии безраздельно властвовал Гегель. Непосредственные философские истоки учения Клаузевица приводят к Гегелю: от Гегеля - идеализм Клаузевица, от Гегеля его диалектический метод.

В учении Клаузевица о войне отразились основные черты идеологии раннего периода капитализма.

Клаузевиц - прежде всего философ. - "Я читаю теперь между прочим Клаузевица "О войне", - пишет Энгельс в 1858 г., - своеобразный способ философствовать, но в сущности очень хорошо".

В связи с занятиями по философии изучал Клаузевица в годы империалистической войны В. И. Ленин.

Над своим основным трудом "О войне" Клаузевиц работал в течение последних 12 лет своей жизни, будучи директором военной школы (академии) в Берлине. Этот труд Клаузевица был опубликован лишь после его смерти. Работа Клаузевица осталась незаконченной. Различные части труда разработаны неравномерно. Сказывается местами отсутствие окончательной редакции. Но этот незаконченный труд, который характеризовался автором, как "бесформенная груда мыслей", стоит несравненно выше всего, что дала теоретическая мысль старого мира в области анализа войны и военного искусства. Клаузевиц - вершина буржуазной военной теории.

Он решительно отказался в своем исследовании военных вопросов от методов формальной логики и метафизики, которые господствовали и господствуют в буржуазной военной науке. В диалектическом методе, в конкретности и всесторонности анализа, чуждого всякой схематичности, заключается бессмертное значение труда Клаузевица.

Заслуга Клаузевица состоит в том, что он впервые правильно поставил основные проблемы военной теории. Клаузевиц не создает "вечной" стратегической теории, не дает учебника с готовыми

[v] догматическими формулами. Задачей стратегии он считает исследование явлений войны и военного искусства. Он пытается вскрыть диалектику войны и выявить основные принципы и объективную закономерность ее процессов.

Клаузевиц много работал над историей. Большая часть его сочинений посвящена критическому разбору войн XVIII столетия. Эта предварительная исследовательская работа и его личный опыт привели Клаузевица к отрицанию "вечных принципов" военного искусства. Он расценивает такие "неизменные правила" как непосредственный источник жестоких поражений, как показатель убожества и косности военной мысли. "Всякая эпоха, - говорит Клаузевиц, имела свои собственные войны, свои собственные ограничивающие условия и свои затруднения. Каждая война имела бы, следовательно, также свою собственную теорию, если бы даже повсюду и всегда люди были бы расположены обрабатывать теории войны на основе философских принципов".

Клаузевиц тщательно и всесторонне исследует изменения характера войны в различные эпохи, рассматривая явления войны и военного искусства в их развитии и движении.

Клаузевиц - диалектик. Он изучает динамику каждого военного явления, вскрывая закономерность его развития и внутреннюю механику его превращений. Через все исследования Клаузевица красной нитью проходит основная мысль, что война движется и развивается в противоречиях. Все явления военной действительности Клаузевиц рассматривает под углом зрения основного диалектического закона единства и взаимного проникновения противоположностей. Он не противопоставляет оборону наступлению, сокрушение - измору, как это делают до сих пор эпигоны буржуазной военной мысли. Наоборот, в наступлении он не перестает видеть оборону, а в обороне наступление. "Всякое средство обороны ведет к средству наступления. Но они часто так близки, что заметить их можно и не переходя с точки зрения обороны на точку зрения атаки: одно само собой ведет к другому". "Оборона не состоит в безусловном ожидании и отбивании. Она... более или менее проникнута началом наступления. Точно так же и наступление не сплошь однородно, но всегда смешано с обороной". "Наступление на войне будет, в особенности в стратегии, постоянной сменой наступления обороной".

Представитель раннего периода капитализма, Клаузевиц был десятью головами выше последышей буржуазной военной мысли, никак не могущих выбраться из трясины метафизики. [vi]

Война представляется Клаузевицу "настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае изменяет свою природу. Характеризуя войну как "проявление насилия, применению которого не может быть пределов", он отчетливо, видит и такие войны, которые ведутся лишь в помощь переговорам и заключаются только в угрозе противнику.

Диалектически подходит Клаузевиц и к путям, ведущим к победе. Наряду с двумя основными видами - войной, стремящейся к сокрушению противника, и войной, разрешающей задачи местного и частного характера - он видит ряд промежуточных форм. Для него ясна невозможность догматизировать какие-либо определенные приемы ведения войны, выбор которых должен определяться исключительно конкретной обстановкой. "Смотря по обстоятельствам, - говорит он, - можно пользоваться с успехом различными подходящими средствами, каковы: уничтожение боевых сил противника, завоевание его провинций, простое их занятие, всякое предприятие, влияющее на политические отношения, и, наконец, пассивное выжидание ударов противника. Выбор каждого из средств зависит от обстановки каждого данного случая".

Клаузевиц ясно устанавливает различие между характером войны в смысле политическом и ее стратегическим характером. "Политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость; стратегически оборонительной войной называется такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре военных действий, который себе подготовил для этой цели. Даю ли на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера, это дела не меняет". Таким образом, политически оборонительная война может быть наступательной в смысле стратегическом и наоборот: "можно и на неприятельской земле, - говорит Клаузевиц, - защищать свою собственную страну".

Диалектика Клаузевица ярко разворачивается в его отказе от признания за войной

самодовлеющего значения. Несмотря на свой идеализм, он видит, что война "есть особое проявление общественных отношений". Клаузевиц не замыкается поэтому в рамках исследования внешних форм стратегии. Центральным местом в учении Клаузевица является мысль о вырастании войны из политики: "Война есть не что иное, как продолжение государственной политики другими средствами".

К главе, в которой Клаузевиц особенно подробно рассматривает вопрос о зависимости войны от политики (ч. III, гл. 6), Ленин в своих выписках сделал примечание: "Самая важная глава". [vii]

Крупнейшая заслуга Клаузевица заключается в том, что он решительно отверг представления о войне, как о самостоятельном, независимом от общественного развития явлении.

"...Ни при каких условиях, - пишет Клаузевиц, - мы не должны мыслить войну, как нечто самостоятельное, а как орудие политики. Только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. Во-вторых, именно это понимание показывает нам, сколь различны должны быть войны по характеру своих мотивов и тем обстоятельствам, из которых они зарождаются".

Вне политики война невозможна. Всегда в человеческом обществе войны вызывались политическими мотивами. "Война в человеческом обществе - война целых народов и притом народов цивилизованных - всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами", - пишет Клаузевиц.

Клаузевиц рассматривает с этой точки зрения ряд войн в истории и доказывает, что их характер целиком определялся политикой, орудием которой они были.

В свете марксизма-ленинизма этот анализ характера войн прошлой истории очень ограничен и беспомощен, так как исходит из идеалистических представлений Клаузевица об обществе и политике. Но насколько он все же опередил своих современников, показывает тот факт, что до сих пор буржуазные военные теоретики не только не пошли дальше в развитии положений, высказанных великим военным мыслителем, но и остались чужды им.

Крупнейшие теоретики буржуазии до сих пор продолжают рассматривать войну как явление, присущее человеческой природе, вечное и неотвратимое, пока существует мир. На этой позиции стоят все многочисленные буржуазные теории о происхождении войн: биологическая, расовая, психологическая и пр. Назначение их явно заключается в том, чтобы доказать угнетенным классам бессмысленность борьбы против войн, ведущих в интересах капитала.

Клаузевиц, определяя войну как продолжение политики иными средствами, одновременно указывает, что война есть явление особенное, специфическое. "Война есть, - писал он, - определенное дело (и таковым война всегда останется, сколь широкие интересы она не затрагивала бы и даже в том случае, когда на войну призваны все способные носить оружие мужчины данного народа), дело отличное и обособленное". [viii]

Касаясь в другом месте этого вопроса, Клаузевиц говорит, что специфическое в войне относится к природе применяемых ею средств. К сфере специфически военной деятельности относится все, что имеет отношение к вооруженным силам, их организации, сохранению, укреплению, использованию. Однако, отмечая специфику войны, Клаузевиц всюду подчеркивает, что война есть часть целого, а это целое - политика.

Для Клаузевица война - только инструмент политики, особая форма политических отношений. Политика определяет характер войны. Изменения в военном искусстве являются результатом изменения политики. В глазах Клаузевица военное искусство, это - политика, "сменившая перо на меч". Поэтому Клаузевиц решительно борется со всеми попытками подчинить политическую точку зрения военной. Он говорит об этих попытках, как о бессмыслице, "так как политика породила войну. Политика это разум, война же только орудие, а не наоборот".

В свете марксизма-ленинизма трактовка Клаузевицем войны как общественного явления имеет

лишь значение величайшего достижения буржуазной военной науки. Коренной порок его теории состоит в идеалистическом понимании политики. Политика для него - выражение интересов всего общества, концентрированный разум государства. Поняв зависимость войны от политики, от общественных условий, Клаузевиц не сумел пойти дальше этого.

Ограниченность буржуазного кругозора лишала Клаузевица возможности понять движущие силы развития самой политики, как исторической формы общественного развития, содержанием которого является классовая борьба. Клаузевиц не видел, что войны порождаются на почве столкновения экономических интересов, на почве классовой борьбы, так как не понимал, что политика - это концентрированная экономика, классовая борьба. И поэтому подлинный характер войн остался для него тайной. Он наивно считал войны "народными", если народные массы в них участвовали, будучи насильственно втянуты в вооруженную борьбу. Он не понимал, что войны Пруссии и других мелких германских государств против Наполеона были народными вовсе не потому, что в них широко участвовали народные массы, в связи с образованием армии на основе всеобщей воинской повинности: они приняли национально-освободительный, "народный" характер лишь тогда, когда началась борьба против диктатуры Наполеона, за национальное освобождение и объединение Германии. Но и в этих условиях союзники Пруссии в 1813-1815 гг. - Англия и Россия Александра I - вели реакционную войну. [ix]

В мировой войне 1914-1918 гг. участвовали огромные массы рабочих и трудящихся. В войну вовлечено было в тех или иных формах почти все население воюющих стран, и вопреки этому война по своему характеру была, конечно, не народной, а наоборот - грабительской, "противонародной", империалистической. Контрреволюционной будет по своему характеру и война империалистических хищников против СССР, тогда как война со стороны пролетарского государства будет войной революционной, справедливой, народной.

Идеалист Клаузевиц не видит классов и классовой борьбы: перед ним всегда - бесформенный "народ".

Изменение общественных отношений и "духа" народа составляет для него необъяснимую тайну. В конечном итоге "дух" становится последней основной пружиной движения и развития общественных отношений и самих войн.

Идеалистическое понимание политики не позволяло этому, поистине глубокому мыслителю разобраться в подлинном характере войн как в истории, так и в современную ему эпоху.

Устанавливая метод своего исследования, Клаузевиц возводит войну на степень абсолютной. Это абстрактное понятие абсолютной войны противопоставляется ее несовершенному отражению - подлинным историческим войнам. Яркое оказавшееся здесь влияние немецкой идеалистической философии приводит к основному противоречию в учении Клаузевица, ибо теория самораскрытия понятия абсолютной войны явно несовместима с его же основным положением о войне, как продолжении политики.

Стратегические взгляды Клаузевица подводят итог тому перевороту в военном деле, который вызвала французская революция. Если по Клаузевицу тактика, это - "учение об использовании вооруженных сил в бою", то стратегия - "учение об использовании боев в целях войны". Центральной решающей задачей полководства Клаузевиц считает организацию генерального сражения, под которым он подразумевает не ординарный бой, каких много на войне, а "... бой главной массы вооруженных сил... с полным напряжением сил за полную победу". Клаузевиц считал, что только великие решительные победы ведут к великим решительным результатам. Отсюда его вывод: "великое решение - только в великом сражении".

Но Клаузевиц знает, что решение стратегических задач вне конкретных условий и задач данной войны - бессмыслица. Это та схоластика, которую ненавидел и против которой боролся К. Клаузевиц - "разве, - спрашивает он, - возможно проектировать план кампании, не учитывая политического состояния и возможностей государства." [x]

Характер политики определяет и характер войны - таково основное положение Клаузевица.

"Природа политической цели имеет фактически решающее влияние на ведение войны" - "когда политика становится более грандиозной и мощной, - пишет военный мыслитель, - то таковой же становится и война".

Но правильно устанавливая, что политические уели войны определяют стратегическую линию поведения, Клаузевиц не понимал однако, что характер стратегии обуславливается еще характером вооруженной организации, ее социальной природой, численностью, а также количеством и качеством техники, которой она располагает.

В его трудах отсутствует анализ влияния характера армии на ведение войны. Конечно, он видел разницу между солдатами революции и наемниками, но подлинная сущность армии, ее природа, основы ее дисциплины и боеспособности остались для него тайной.

Клаузевиц уделил в своих работах большое место значению моральных элементов в ведении войны, однако свел все к рассуждениям о военном гении, о доблести армии, о хитрости, твердости, смелости, т.е. к моментам, важным в деле войны, но представляющим собою в отрыве от конкретной действительности пустые абстракции. Наивно звучат, наряду с глубокими мыслями великого теоретика, такие места в его работе: "Воинская доблесть присуща лишь постоянным армиям"; или: "Гений полководца в состоянии заменить дух армии тогда, когда возможно держать ее в сборе".

Клаузевиц не понял также всего значения военной техники, непосредственно обуславливающей способ ведения войны. В тех немногих словах, которые обронил Клаузевиц по поводу военной техники, во весь рост виден его идеализм. Не характер вооружения влияет на ведение войны, а наоборот: "Бой определяет вооружение и устройство войск".

Идеализм Клаузевица, разумеется, несовместим с наукой. Военно-организационная и военно-техническая сторона его теории явно устарели. И все же труды Клаузевица представляют ценнейшее из всего того, что дала буржуазная военная мысль. Именно с этой точки зрения мы рассматриваем Клаузевица и изучаем его теорию.

Марксизм-ленинизм, отдавая должное Клаузевицу, "основные мысли которого сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека" (Ленин), дал принципиально отличное от учения Клаузевица, свободное от идеалистических искажений, единственно научное понимание войны, как "продолжения политики разных классов в данное время". [xi] Ленин в годы империалистической войны тщательно изучал труд Клаузевица. Основное внимание Ленин сосредоточивал на учении Клаузевица об отношении войны к политике и на применении им диалектики к различным сторонам военного дела. Диалектические положения его учения Ленин не раз направлял против софистики социал-шовинистов, против Каутского и Плеханова. В брошюре "Социализм и война" один из разделов озаглавлен прямо цитатой Клаузевица: "Война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами". "Это знаменитое изречение, - пишет далее Ленин, - принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам - Клаузевицу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны" (Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 97).

В статье "Крах II Интернационала" Ленин снова указывает, что "в применении к войнам основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что "война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами". Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных заинтересованных держав и разных классов внутри них в данное время" (Ленин, Собр. соч. т. XIII, стр. 144 - 145). Там же в подстрочном примечании Ленин приводит следующую цитату из Клаузевица: "Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с начала войны эти отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам. Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств". Это положение В.И. Ленин использует для изобличения

софистики Каутского: "Если присмотреться к теоретическим предпосылкам рассуждений Каутского, мы получим именно тот взгляд, который высмеян Клаузевицем около 80 лет тому назад" (Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 145).

Позже Ленин напоминал о Клаузевице в своей борьбе против "левых" коммунистов. "Мы требуем от всех серьезного отношения к обороне страны, писал Ленин в статье "О "левом" ребячестве [xii] и мелкобуржуазности". Seriously относиться к обороне страны, это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны является отступление в глубь страны (тот, кто увидел бы в этом на данный только случай притянутую формулу, может прочитать у старика Клаузевица, одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории на этот счет). А у "левых" коммунистов нет и намека на то, чтобы они понимали значение вопроса о соотношении сил" (Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 240 - 241).

Опубликованные в XII Ленинском сборнике выписки и замечания Ленина на книгу Клаузевица "О войне" имеют огромное руководящее методологическое значение: они указывают, как следует читать и изучать труды великого буржуазного теоретика.

Идеалистическое учение Клаузевица нужно нам, разумеется, не для разработки нашей теории войны.

Марксистско-ленинское учение о войне основано на материалистической диалектике. Наша пролетарская теория войны исчерпывающим образом дана в произведениях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, в решениях нашей партии и ее ЦК. Но проделанный Клаузевицем опыт применения идеалистической диалектики к практической военной деятельности должен быть тщательно и всесторонне учтен нами. Этот критический учет может в известной степени помочь нам пользоваться мощным оружием материалистической диалектики Маркса-Ленина в области анализа конкретной военной действительности.

Настоящее, второе, издание труда Клаузевица "О войне" выходит в свет после необходимой проверки и исправления перевода.

Издательство не сочло нужным сопровождать перевод критическим комментарием и развернутым предисловием, считая совершенно достаточными приводимые в книге указания на все сделанные В. И. Лениным выписки и замечания. [xiii]

Из предисловия Марии фон Клаузевиц к первому изданию

Труд, которому должны предшествовать эти строки, почти исключительно занимал в течение последних двенадцати лет жизни внимание моего горячо любимого мужа; увы, его слишком рано лишили я и отечество. Закончить это произведение было заветной мечтой моего мужа, но он не собирался выпускать свой труд в свет при жизни; когда же я старалась склонить его к этому, он часто полушутя, а может быть, предчувствуя преждевременную кончину, отвечал мне: "Ты должна его издать".

С работой, занимавшей моего возлюбленного мужа, я не могла не быть ознакомлена во всех подробностях. Таким образом, никто лучше меня не может рассказать о том усердии и любви, с которыми мой муж отдавался труду, о тех надеждах, которые он на него возлагал, об обстоятельствах, сопровождавших зарождение труда, и наконец, о времени, когда он был создан. Богато одаренный дух моего мужа с ранней юности ощущал потребность в свете и правде. Как ни разносторонне он был образован, все же мысль его была направлена по преимуществу на военные науки, которые так необходимы для блага государства: здесь было его призвание. Шарнгорст[1] первый указал ему правильный путь, а назначение в 1810 г. преподавателем военного училища и приглашение дать первоначальное военное образование кронпринцу послужили новым толчком к тому, чтобы направить его усилия и стремления именно на этот предмет и изложить письменное, мысли, созревшие в нем и получившие уже строгую определенность. Сочинение, которым он закончил в 1812 г. курс преподавания кронпринцу, уже содержит в зародыше будущие труды. Но лишь в 1816 г., в Кобленце, он принялся снова за научную работу, используя опыт, приобретенный в течение четырех лет [xiv] войны. Сначала он записывал свои мысли в форме кратких, слабо связанных между собой заметок.

Помещаемая ниже недатированная заметка относится, по-видимому, к этому времени:

"В записанных здесь положениях затронуты, по моему мнению, главные начала, которые составляют то, что называется стратегией. Я вижу в них только материалы, но продвинулся в своей работе настолько, что готов приступить к слитию их в одно целое.

Эти материалы возникли без всякого заранее составленного плана. Сначала я намеревался, не думая ни о какой системе или строгой последовательности, записать в кратких, точных и сжатых положениях те из важнейших пунктов по этому предмету, относительно которых я пришел к определенному выводу. При этом мне смутно рисовалась форма, в какой Монтескье обработал свой материал[2]. Я полагал, что такие краткие и богатые оценками главы, которые я первоначально намечал назвать только зернами, достаточны, чтобы заинтересовать образованных, мыслящих людей как возможностью дальнейшего развития выводов, так и непосредственным их содержанием; при этом мне рисовался мыслящий и уже знакомый с предметом читатель. Однако моя природа всегда влекла меня к систематизации и логическому развитию мысли; в конце концов она и в данном случае одержала верх. Некоторое время мне удавалось заставить себя из тех заметок, которые я делал по отдельным вопросам, для того чтобы они для меня самого стали вполне ясными и определенными, извлекать лишь важнейшие выводы и, таким образом, сжимать свои мысли до небольшого объема; однако впоследствии специфический склад моего ума одержал окончательно верх: я приступил к развитию, по возможности, всех моих мыслей, и при этом мне, естественно, рисовался читатель, еще не знакомый с предметом.

Чем дальше развивалась моя работа и чем глубже я вникал в исследование, тем ближе подходил к систематическому изложению, благодаря чему стали появляться одна за другой главы моего сочинения.

Конечной моей задачей было еще раз проработать все сначала, придать более обстоятельную мотивировку прежде написанным статьям, свести анализ, заключенный в позднее составленных отделах, к определенному результату и, таким образом, создать из всего стройное целое объемом в один небольшой том. При этом, однако, мне хотелось избежать всего заурядного, само собою разумеющегося, сто раз повторенного и общепризнанного, ибо для меня было вопросом честолюбия написать такую книгу, которую не забыли бы через 2-3 [хv] года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один только раз".

В Кобленце, где у него было много дела по службе, он мог лишь урывками уделять немногие часы своим частным работам, и только в 1818 г., после назначения на должность директора военного училища в Берлине, у него оказалось достаточно свободного времени, чтобы раздвинуть рамки своего труда, обогатив его историей последних войн. Этот досуг примирял его с новой должностью, которая в других отношениях его не вполне удовлетворяла, так как, согласно организационной схеме военного училища, научная работа последнего не находилась в ведении директора, а руководилась особой учебной комиссией. Хотя он был и очень далек от всякого мелкого тщеславия, от всякого беспокойного эгоистического честолюбия, но испытывал потребность быть действительно полезным и не оставлять не использованными на деле те способности, которыми он был одарен. В практической жизни он не занимал такого положения, в котором эта потребность могла быть удовлетворена, и мало надеялся, что ему когда-либо удастся занять такое положение; поэтому все его устремления направились в научную область, и целью жизни стала та польза, которую он надеялся принести своей книгой. Если, несмотря на это, в нем все более и более крепло решение, чтобы труд вышел в свет лишь после его смерти, то это служит лучшим доказательством того, что к его благородному стремлению достигнуть своим сочинением возможно более крупных и прочных результатов не примешивалось ни малейшего тщеславия, жажды похвалы и признания со стороны современников, ни тени каких-либо эгоистических побуждений.

Так он продолжал усердно работать до весны 1830 г., когда был назначен на службу в артиллерию. Его деятельность приняла совершенно иное направление и достигла такого напряжения, что первое время ему пришлось отказаться от всякой литературной работы. Он привел в порядок свои бумаги, запечатал в отдельные пакеты, снабдил их соответствующими надписями и с грустью простился с любимой работой. В августе того же года состоялся его перевод в Бреславль, где он получил вторую артиллерийскую инспекцию; но уже в декабре он был переведен в Берлин на

должность начальника штаба при графе фон Гнейзенау (на время, пока фельдмаршал[3] состоял главнокомандующим). В марте 1831 г. он сопровождал своего уважаемого начальника в Познань. В ноябре, после тягостной для него кончины последнего, он вернулся в Бреславль. Здесь некоторым утешением для него была надежда приняться за [xvi] свой труд и, может быть, закончить его в течение зимы. Однако 7 ноября он прибыл в Бреславль, а 16-го его уже не стало, и собственноручно запечатанные им пакеты были вскрыты лишь после его смерти.

Это посмертное творение ныне выпускается в свет в том виде, в каком он его оставил, без добавлений или изъятия хотя бы одного слова.

30 июня 1832 г. [xvii]

Пояснения Клаузевица

Я смотрю на первые шесть частей, уже переписанных начисто, лишь как на довольно бесформенную пока массу, которая безусловно должна быть еще раз переработана. При этой переработке двойственность метода ведения войны будет очерчена резче, с уделением ей большего внимания. Таким путем все идеи приобретут более отчетливый смысл, определенное направление и приблизятся к практическому приложению. Двойственность метода ведения войны выражается в следующем. Целью войны может быть сокрушение врага, т.е. его политическое уничтожение или лишение возможности сопротивляться, вынуждающее его подписать любой мир, или же целью войны могут являться некоторые завоевания у границ своего государства, чтобы удержать их за собою или же воспользоваться ими как полезным залогом при заключении мира. Конечно, будут существовать и переходные формы между этими двумя видами войны, но глубокое природное различие двух указанных стремлений должно всюду ярко выступать, а их несовместимые стороны необходимо отделять одну от другой.

Помимо этого фактического различия между типами войн, надлежит точно и определенно установить еще практически столь же необходимую точку зрения, что война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами[4]. Если эта точка зрения будет всюду строго проведена, то она внесет большее единство в рассмотрение вопроса и поможет во всем легче разобраться. Хотя эта точка зрения найдет свое отражение главным образом в 8-й части этого сочинения, все же она должна быть подробно развита уже в 1-й части и принята в расчет при переработке первых шести частей. Благодаря такой переработке первые шесть частей освободятся от излишнего балласта, многие пробелы заполнятся и сгладятся, а некоторые общие места [xviii] отольются в определенные мысли и приобретут законченную форму.

7-ю часть "Наступление", для которой уже набросаны отдельные главы, следует рассматривать как отражение, рефлекс части 6-й. Она должна быть разработана в соответствии с указанной выше основной точкой зрения и не только не потребует новой переделки, но может послужить образцом для разработки первых шести частей.

Для 8-й части "План войны", трактующей об организации войны в целом, уже набросано несколько глав, которые, однако, даже нельзя рассматривать как проработанный материал; это лишь попытка вработаться в его массу, с тем чтобы только в процессе самой работы распознать, в чем заключается дело. Эту задачу я считаю разрешенной, и, закончив 7-ю часть, я намерен приступить к разработке 8-й, в которой обе указанные выше точки зрения должны отчетливо выступить вперед; они должны упростить и тем самым одухотворить всю мою систему взглядов. Надеюсь, что этой книгой мне удастся разглядеть кое-какие складки, образовавшиеся в мозгах стратегов и государственных людей; по крайней мере, она точно выяснит, о чем, собственно, идет речь и что следует учитывать при ведении войны.

Когда мне удастся путем разработки 8-й части установить полную ясность в своих мыслях и определить главнейшие очертания войны, то мне уже не будет трудно отразить этот дух и эти очертания войны в первых шести частях. Поэтому я приступлю к переработке первых шести частей лишь после окончания 8-й.

Если преждевременная смерть прервет эту мою работу, то все, что здесь написано, справедливо

может быть названо бесформенной массой идей; подвергшись превратным толкованиям, они могут послужить материалом для злословия многих незрелых критиков. В подобных случаях всякий воображает, что мысли, которые ему взбредут в голову, едва он возьмется за перо, достаточно хороши, чтобы быть высказанными и даже напечатанными, причем они кажутся ему столь же неоспоримыми, как дважды два четыре. Но если бы такой критик дал себе труд, подобно мне, в течение многих лет размышлять над этим предметом, постоянно сопоставляя ход мыслей с историей войн, то он проявил бы в своих замечаниях большую осторожность.

И все же, несмотря на незаконченность моего труда, я полагаю, что читатель, свободный от предрассудков, жаждущий истины и подлинного убеждения, найдет в первых шести частях плод многолетних размышлений и усердного изучения войны и, быть может, усвоит те основные мысли, из которых может возникнуть целая революция в общепринятой теории.

Берлин, 10 июля 1827 г. [xix] Помимо этого пояснения между бумагами покойного оказался следующий незаконченный отрывок, по-видимому, написанный значительно позднее:

"Рукопись о ведении большой войны, которую найдут после моей смерти, в настоящем ее виде должна оцениваться лишь как собрание отдельных частей, из которых должна была быть построена теория большой войны. Большой частью своего труда я еще не удовлетворен, а 6-я часть может рассматриваться лишь как опыт; мне хотелось бы ее совершенно переработать и найти для нее другое русло.

Однако главные линии в обрисовке войны, господствующие в этом материале, я считаю правильными; они являются результатом всестороннего размышления с постоянным уклоном к практике жизни, с постоянным учетом того, чему научили меня опыт и общение с выдающимися военными деятелями.

7-я часть должна была заключать наступление, но пока это только беглые наброски. 8-я часть должна была содержать в себе план войны; в нее я предполагал включить особый разбор политической стороны войны, а также рассмотреть ее с точки зрения гуманности.

Единственно законченной я считаю I главу 1-й части. По отношению ко всему сочинению в целом она является указателем того направления, которого я намерен был держаться.

Теория большой войны, или так называемая стратегия, представляет чрезвычайные трудности, и можно с полным основанием утверждать, что немногие имеют об отдельных ее частностях представление ясное, т.е. доведенное до понимания зависимости, вытекающей из существующей между ними причинной связи. Большинство людей следует указаниям только интуиции[5] и действует более или менее удачно, в зависимости от степени присущей им гениальности.

Так действовали все великие полководцы; в том и заключались отчасти их величие и гениальность, что у них был такт - всегда попадать в цель. Так всегда будет в области практической деятельности; для нее интуиции совершенно достаточно. Однако, когда стоит вопрос не об единоличных действиях, а о том, чтобы на совещании убедить других, тогда необходимы ясность представления и способность усмотреть внутреннюю связь рассматриваемых явлений. Но так как люди мало развиты в этом отношении, то большинство совещаний сводится к беспочвенным пререканиям, причем они заканчиваются либо тем, что каждый остается при своем мнении, либо соглашением, по которому одни уступают другим и останавливаются на среднем пути, по существу не имеющем никакой ценности. [xx]

Поэтому ясные представления в этих вопросах не бесполезны; кроме того, человеческому разуму вообще присуще стремление к ясности и установлению необходимой причинной связи.

Большие трудности, которые представляет такое философское наблюдение военного искусства, и многочисленные неудачные попытки его создать заставляют многих утверждать, что подобная теория невозможна, ибо речь идет о предметах, которые не охватываются каким-либо постоянным законом. Мы согласились бы с этим мнением и отказались бы от всякой попытки создать какую-либо теорию, если бы целый ряд положений не устанавливался с полной ясностью и без всякого труда,

например: что оборона - более сильная форма войны, но преследующая лишь негативную цель, наступление же - более слабая форма, имеющая позитивную цель; что крупные успехи ставят в свою зависимость более мелкие и что поэтому стратегические воздействия можно свести к определенным главным ударам; что демонстрация представляет собою более слабое использование сил, чем действительное наступление, а потому она является допустимой лишь при наличии особых условий; что победа заключается не просто в захвате поля сражения, а в физическом и моральном сокрушении вооруженных сил противника, достигаемом большей частью лишь преследованием после выигранного сражения, что успех бывает наибольшим на том направлении, на котором одержана победа, а потому переброска с одной линии и с одного направления на другие может рассматриваться лишь как необходимое зло; что обход может оправдываться только превосходством над противником вообще или превосходством наших линий сообщения или путей отступления над неприятельскими; что фланговые позиции обуславливаются тем же соотношением, что каждое наступление по мере продвижения вперед ослабляет себя". [xxi]

От автора

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. В нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому, как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве - реальному опыту.

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый колос. Исследование и наблюдение, философия и опыт никогда не должны относиться друг к другу с пренебрежением или отрицанием: они поддерживают друг друга. Логические построения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры: опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев[б]. [xxii]

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избитыми положениями, общими местами и всякого рода пустословием. Как яркий пример приведем цитату Лихтенберга из правил по тушению пожаров: "Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего налево от горящего дома, и левую стену дома, стоящего направо от него. Ибо если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая сторона дома стоит вправо от левой стены и так как огонь в свою очередь находится вправо и от этой стены и от правой стены (ибо мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защищать от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена; следовательно, кое-что могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, следует твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену, когда же дом расположен влево от огня, то правую".

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то, чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общений с людьми, знакомыми с военным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникли внешне слабо связанные между собой главы этой книги,

которые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Может быть, скоро появится более могучая голова, которая вместо отдельных зерен даст единый слиток чистого металла без примеси шлака.

Часть I.

Природа войны

Глава 1. Что такое война?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть отдельные элементы нашего предмета, затем отдельные его части и наконец весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь больше чем где бы то ни было необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны): в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступить с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку 2 борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель - сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война - это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в действительности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия нас понятий о государстве и законе не существует) является средством, а целью[7] будет - навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться.

Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее, как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом без особого кровопролития обезоружить и сокрушить и что к этому-де именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее, она содержит заблуждение и его следует рассеять. Война - дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства. Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны и притекает в войну извне. Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из 2 совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного намерения. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту, чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно ни каким или, во всяком случае, не связанным с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных - намерения, обуславливаемые рассудком.

Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и пр. Поэтому оно может и не иметь места в отдельном случае, но большей частью оно оказывается налицо; словом и цивилизованные народы могут вспылать взаимной ненавистью.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее, как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе отношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны[8] излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда является ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это "более или менее" зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит от того, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры несколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника. Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель - лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что задача военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем жертва, которую мы от него требуем; при этом конечно невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий должны ввести противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, это - полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением 2 живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня: следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую ему их. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат 2 тесно сплетающихся факторов: размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе[9].

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точному), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы соразмеряем наши силы и стремимся достичь перевеса, или, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии устремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Мера действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью - с абстрактным конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые в них самих заложены.

Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения; целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то мы непременно при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами попали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в таком усилии воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к

действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в том случае:

1. Если бы война была совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью.

2. Если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных столкновений.

3. Если бы она сама в себе заключала окончательное решение, т. е. заранее не подчинялась бы влиянию того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлечёнными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно - воли. Эта воля не есть что-то вовсе неизвестное; ее "завтра" делается сегодня. Война не возникает внезапно; подготовка ее не может быть делом одного мгновения. А потому каждый из 2 противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать.

Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигнет предела абсолютно совершенного, и таким образом проявление недочетов с обеих сторон служит умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы война решалась одним или несколькими одновременными столкновениями, то все приготовления к этому столкновению обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы непоправимым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение, войны заключается в ряде последовательных столкновений, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилом для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудача в решающем столкновении неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы немислимо. Военные действия, которые, имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-то реальный масштаб; таким образом, уже по одной, этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы : собственно вооруженные силы, страна с ее поверхностью и населением и союзники.

Страна с ее поверхностью и населением, помимо того что она является источником всех вооруженных сил в собственном смысле этого слова, составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последний области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и пр., словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого по рядка, которые обуславливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда они окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда перовое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием к тому, чтобы понижать напряжение сил для первого решительного действия: ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвергаться не станет. Чем значительнее будет первый крупный успех, тем благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то, что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предлогом и не сосредоточивает и не напрягает своих сил в должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона ошибочно допускает, служат объективным основанием для другой стороны к умерению своего напряжения; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими, политическими отношениями. Насколько такой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий, - ясно само собой.

10. Действительная жизнь вытесняет крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. В основу ложатся явления действительной жизни, возможности которых подвергаются оценке. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война уже не отвлеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия неизвестного будут служить действительные явления.

На основе состояния, характера и политики противника каждая из борющихся сторон будет строить, руководясь теорией вероятности свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема, которую мы уже рассматривали (п2): политическая цель войны. Закон крайности - намерение сокрушить противника, лишить его возможности сопротивляться, - до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но поскольку закон крайности бледнеет, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение потребного напряжения сил представляет лишь расчет вероятностей, основывающийся на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель как первоначальный мотив должна представлять весьма существенный фактор в этом комплексе. Чем меньше та жертва, которую мы требуем от нашего противника, тем вероятно меньше будет его сопротивление. Но чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем

незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения; а потому и наши усилия будут менее значительны.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая должна быть достигнута при помощи веерных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Так как мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, то и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе: она находится в зависимости от взаимоотношений 2 государств. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя ее действие, на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны, в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении, или в понижительном. Между 2 народами, 2 государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военными действиями. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например, завоевание известных областей. Порою политическая цель не будет пригодна служить оригиналом, с которого можно сколоть цель военных действий.

Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Тогда только ею определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней и притом тем сильнее, чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилуя свою природу, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением обсервационных частей. Последнее приводит нас к новому вопросу; нам предстоит его развить и дать ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии войны

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как "и ничтожна задача, поставленная военными действиями, - может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это - вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Каждое действие требует для его выполнения известного времени, которое мы назовем продолжительностью действия. Последняя может быть большей или меньшей, в зависимости от поспешности, вкладываемой в нее действующей стороной.

Эта большая или меньшая степень поспешности нас в настоящую минуту не интересует. Каждый исполняет свое дело по-своему. Медлитель не потому ведет свое дело кропотливо, что он желает на него потратить больше времени, а потому, что это свойственно его природе и при спешке он выполнял бы его хуже. Следовательно, затрачиваемое время зависит от внутренних причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если мы каждому действию предоставим на войне свойственную ему продолжительность, то мы будем вынуждены, по крайней мере на первый взгляд, признать, что всякая затрата времени сверх этой

продолжительности (т. е. приостановка военных действий) бессмысленна. Следует помнить, что здесь речь идет не о наступательных действиях того или другого противника, а о поступательном ходе войны в целом

13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда казалось бы, может быть только у одной стороны

Если обе стороны изготвились к борьбе, то к этому их побудило некоторое враждебное начало; до тех пор, пока они не сложили оружия, т. е. не заключили мира, это враждебное начало остается в силе; оно может временно смолкнуть у какой-либо из воюющих сторон лишь при условии, что последняя хочет выждать более благоприятного времени для операций[10].

На первый взгляд, казалось бы, это условие может иметься налицо лишь у одной из 2 сторон, ибо оно *so ipso* (тем самым) становится для другой противоположным началом. Раз в интересах одного - действовать, в интересах другого - выждать.

Полное равновесие не может вызвать паузы в развитии военных действий, так как в этом случае сторона, поставившая себе положительную задачу (наступающая), должна продолжать наступление.

Наконец представим себе равновесие в том смысле, что тот, у кого цель положительная, а следовательно более сильный мотив наступать, в то же время располагает меньшими силами, так что равновесие получается из сочетания мотивов и сил; в этом случае надо сказать, что, если нет основания ожидать перемены в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир; если же предвидится изменение равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно должно побуждать другую приступить к операции. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановки действий; и в этом случае дело опять сводится к выжиданию благоприятного момента.

Предположим, что одно из двух государств поставило себе положительную цель: завоевать известную область противника, чтобы получать нужную уступку при заключении мира. После завоевания политическая цель оказывается достигнутой, потребность в операциях исчезает, наступает успокоение. Если и противник готов примириться с этим успехом, он заключит мир; в противном же случае он будет действовать. Представим себе, что через 4 недели он будет лучше для этого подготовлен; таким образом у него будет достаточное основание для отсрочки своих операций.

Но логическая необходимость казалось бы, должна заставить с этого момента действовать противную сторону с тем, чтобы не дать времени побежденному подготовиться к новой борьбе. Здесь конечно предполагается верная оценка всех обстоятельств данного случая обеими сторонами.

14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям

Если бы такая непрерывность военных действий имела место в действительности, то она вновь толкала бы обе стороны к крайности. От такой деятельности, не знающей удержу и отдыха, настроение повысилось бы еще сильнее и оно придало бы борьбе еще большую степень страстности и стихийной силы; Благодаря непрерывности операций возникла бы более строгая последовательность, более ненарушимая причинная связь, и тем самым каждое единичное действие стало бы более значительным и, следовательно, более опасным.

Однако мы знаем, что операции редко или даже никогда так непрерывно не ведутся. Известно множество войн, в которых операции занимали самую незначительную часть, остальное же время тратилось на паузы. Все же эти войны нельзя признать аномалией. Паузы в развитии военных действий должны быть возможны и не должны являться противоречием по отношению к природе войны. Мы покажем теперь, что это именно так.

15. Здесь следовательно выдвигается принцип полярности(диаметральной противоположности)

Тем, что мы мыслим интерес одного полководца как величину, всегда противоположную

интересам другого, мы становимся на точку зрения признания подлинной полярности. Намереваясь в дальнейшем посвятить этому принципу отдельную главу, мы здесь скажем о нем следующее.

Принцип полярности имеет силу, лишь, когда он мыслится по отношению к одному и тому же предмету, где положительная величина и ее противоположность (величина отрицательная) друг друга, безусловно, уничтожают. В сражении и та, и другая сторона желает победить; это подлинная полярность: победа одного уничтожает победу другого. Но если речь идет о 2 различных явлениях, имеющих между собою общую связь, лежащую вне их, то полярны между собою не эти явления, а их отношения.

16. Нападение и оборона - явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним не приложила

Если бы существовала лишь одна форма войны, а именно - нападение на противника, и не было бы обороны, или, иными словами, если бы наступление отличалось от обороны лишь преследованием позитивной цели, присущей первому и отсутствующей у второй, а сама борьба была бы всегда одной и той же, то в такой борьбе всякий успех одного был бы в то же время неудачей другого, и полярность действительно оказалась бы налицо.

Однако военные действия проявляются в 2 формах - наступлении и обороне, - которые, как мы ниже покажем на фактических примерах, весьма различны по своей природе и неравны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, т. е. к бою, но отнюдь не в самом наступлении и обороне.

Если один полководец желает отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорения, но лишь при условии, что он останется при избранной им форме ведения борьбы. Если интерес А заключается в том, чтобы напасть на противника не теперь, а через 4 недели, то интерес Б сведется к тому, чтобы быть атакованным не на 4 недели позже, а сейчас же. В этом заключается непосредственное противоположение; но отсюда вовсе не следует, что в интересах Б было бы теперь же напасть на А; это представляет явление совершенно другого порядка.

17. Действие полярности уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии войны

Если оборона сильнее наступления (мы это докажем в дальнейшем), то возникает вопрос: столь же ли выгодна отсрочка сражения для первой стороны, сколько выгодна оборона для второй? Где этого нет, там противоположности не уравниваются, и, следовательно, течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Итак, мы видим, что побудительная сила, присущая полярности интересов, может затеряться в различии силы обороны и наступления и тем самым стать недейственной.

Таким образом, если тот, для кого настоящий момент благоприятен, тем не менее, настолько слаб, что не может отказаться от выгод обороны, то ему приходится мириться с ожиданием менее благоприятного для него будущего. Ему, быть может, все-таки выгоднее будет вести, хотя бы и в этом неблагоприятном будущем, оборонительный бой, чем переходить теперь в наступление или заключать невыгодный мир. А так как по нашему убеждению превосходство обороны (правильно понятой) чрезвычайно велико и гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд, то это и может служить объяснением большинству пауз в развитии военных действий, отнюдь не противоречащих самой природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые на войне, тем чаще и продолжительнее вследствие различной силы 2 форм борьбы (нападения и обороны) будут паузы. Все это подтверждается опытом прошлого.

18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку

Приостановку военных действий может вызвать также недостаточное уразумение создавшейся обстановки. Каждый полководец знает точно только собственное положение. Представление о положении противника он составляет на основании мало достоверных сведений. Полководец может ошибаться в своем суждении и превратно полагать, что наступил момент для действий противника, в

то время как в действительности следовало бы действовать ему самому. Такой недостаток разума обстановки может конечно вызвать как несвоевременное действие, так и несвоевременное воздержание от него; сам по себе он не способствует ни задержке военных действий, ни их ускорению. Однако, недостаточное проникновение в обстановку всегда должно рассматриваться как причина, отнюдь не противоречащая природе войны, которая может приостановить ход военных действий. Если принять во внимание, что мы всегда склонны и имеем больше оснований переоценивать силы противника, чем недооценивать их (такова человеческая природа), то приходится признать, что недостаточное проникновение в обстановку очень способствует задержке военных действий и является началом, умеряющим напряжение последних.

Возможность пауз в свою очередь вносит в развитие военных действий умеряющее начало, ибо паузы с течением времени до известной степени разжижают ведение войны, задерживают надвигающуюся опасность и увеличивают средства к восстановлению нарушенного равновесия.

Чем напряженнее было положение, явившееся исходным для войны, тем выше ее энергия и тем короче будут паузы; и напротив - паузы будут тем длиннее, чем слабее напряжение войны. Преследование более крупных целей ведь повышает волю к победе, а последняя, как мы знаем, является крупным фактором, творящим силу, и продуктом последней.

19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта, еще более ставят ее в зависимость от оценки обстановки[11]

Чем медленнее протекают военные действия, чем чаще и длительнее остановки в них, тем легче бывает исправить ошибку, тем смелее и дальше забирается в будущее действующая сторона в своих предположениях; развитие войны будет меньше приближаться к черте крайности, и все будет строиться на оценке обстановки и вероятностях. Для оценки обстановки в данных условиях требуемого самой природой конкретного случая быстрый или медленный ход военных действий дает больше или меньше времени.

20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет

Отсюда мы видим, насколько объективная природа войны сводит ее к учету шансов; теперь недостает лишь одного элемента, чтобы обратить ее в игру; это - случай. Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье.

21. Война обращается в игру не только по своей объективной, но и субъективной природе

Если рассмотреть субъективную природу войны, т. е. те силы, с которыми приходится ее вести, то она еще резче представится нам в виде игры. Стихия, в которой протекает военная деятельность, это - опасность; мужеству здесь отводится самая, важная роль.

Правда мужество может уживаться с мудрым расчетом, но это - качества совершенно разного порядка, отражающие различные духовные силы человека; напротив отвага, вера в свое счастье, смелость, лихость - не что иное, как проявление мужества, ищущего неведомого риска потому, что там - его стихия.

Итак с самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятностей, счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями по сравнению с другими видами человеческой деятельности более остальных похожим на карточную игру.

22. В общем, это часто находит отклик в духовной природе человека

Наш рассудок постоянно стремится к ясности и определенности, тогда как наш дух часто привлекает неведомое. Дух человека почти никогда не идет вместе с рассудком по узкой тропе

философского исследования и логических умозаключений; ведь, двигаясь по этому пути, он почти бессознательно достигнет таких областей, где все ему родственное и близкое окажется оторванным, далеко позади; поэтому дух человека и его воображение предпочитают пребывать в царстве случая и счастья. Взамен скудной необходимости он роскошествует там среди богатств возможного; вдохновляемая последними отвага окрыляется и таким образом риск, дерзание и опасность становятся той стихией, в которую мужество устремляется подобно смелому пловцу, бросающемуся в бурный поток.

Должна ли теория его покинуть здесь и самодовольно идти вперед путем абсолютных заключений и правил? Если так, то она бесполезна для жизни. Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами; отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для неведомого всегда остается простор и притом равно большой как в самых великих, так и в самых малых делах. Неведомому противопоставляются храбрость и вера в свои силы. Насколько велики последние настолько велик может быть и риск - простор, предоставленный неведомому. Таким образом мужество и вера в свои силы являются для войны существенными началами; поэтому теория должна выдвигать лишь такие законы, в сфере которых эти необходимые и благороднейшие военные добродетели могут свободно проявляться во всех своих степенях и видоизменениях. И а риске есть своя мудрость и даже осторожность, только намеряются они особым масштабом.

23. Война, тем не менее, всегда остается нешуточным средством для достижения серьезной цели. Ближайшее ее определение

Таковы война, полководец, руководящий ею, теория, которая ее регулирует. Но война - не забава, она - не простая игра на риск и удачу, не творчество свободного вдохновения; она - не шуточное средство для достижения серьезной цели. Вся та полная шкала цветов радуги, которыми переливает счастье на войне, волнение страстей, храбрость, фантазия и воодушевление, входящие в ее содержание, все это только специфические особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе - война целых народов, и притом народов цивилизованных, всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами. Она таким образом представляет собой политический акт. Будь она совершенным, ни чем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, тогда она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики, как нечто от нее совершенно независимое.

Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не, подчинилась бы никакому управлению, никакому руководству, и находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и ведением войны приводил к попыткам теоретического опознания. Однако дело обстоит иначе, и такое представление в основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является крайностью, разрешающей свое напряжение одним единственным разрядом. Она находится под действием сил, не вполне одинаково и равномерно развивающихся; порою прилив этих сил оказывается достаточным, для того чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком слабы, чтобы проявить какое-либо действие. Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а, следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более или менее быстро приходит к финишу, но течение ее во всяком случае бывает достаточно продолжительным, для того чтобы дать ему то или другое направление, т. е. сохранить, подчинение ее руководящей разумной воле.

Если принять во внимание, что исходной данной для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войны. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и соответственно самой часто подвергаться коренному изменению; все же политическая цель является тем, что, прежде всего надо принимать в соображение. Итак, политика будет проходить

красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние, разумеется поскольку это допустит природа сил, вызванных к жизни войною.

24. Война есть продолжение политики, только иными средствами[12]

Война - не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То специфическое, что присуще войне, относится лишь к природе применяемых ею средств. Военное искусство вообще и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали в противоречие с этими средствами. Такое притязание конечно немаловажно, но, как бы сильно в отдельных случаях оно ни влияло на политические задания, все же это воздействие должно мыслиться лишь как видоизменяющее их, ибо политическая задача является целью, война же только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели.

25. Виды войны

Чем грандиознее и сильнее мотивы войны, тем они больше охватывают все бытие народов, чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизится к своей абстрактной форме. Весь вопрос сводится к тому, чтобы сокрушить врага; военная цель и политическая цель совпадут, и сама война представится нам чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и следовательно тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель разойдется с целью идеальной войны, тем больше кажется, что война становится политической.

Однако чтобы у читателя не создалось ложного представления, мы должны заметить, что под этой естественной тенденцией войны мы разумеем лишь философскую, собственно логическую тенденцию, а вовсе не тенденцию реальных сил, вовлеченных в войну; не следует подразумевать под этим например все духовные силы и страсти сражающихся[13]. Правда последние в некоторых случаях могут находиться в состоянии такого возбуждения, что их трудно сдерживать в пределах, намечаемых политикой; однако большей частью такого противоречий не возникает, ибо при существовании столь сильных импульсов возник бы и соответствующий грандиозный политический план. В тех же случаях, когда план нацеливается на малое, обычно и подъем духовных сил в массах оказывается ничтожным, и эту массу скорее приходится подталкивать, чем сдерживать.

26. Все виды войны могут рассматриваться как политические действия

Итак, - возвращаясь к главному, - если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом она определенно выступает на первый план, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой[14]. Ведь если на политику смотреть как на разум олицетворенного государства, то в сочетания, охватываемые его расчетом, могут входить и сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разуметь не всестороннее проникновение и охват возможных отношений, а избегающее открытого употребления силы осторожное, лукавое, да пожалуй, и нечестное мудрствование.

27. Последствия такого взгляда для понимания военной истории и для основ теории

Итак во-первых войну мы должны мыслить при всех обстоятельствах не как нечто самостоятельное, а как орудие политики; только при таком представлении о войне возможно не впасть в противоречие со всей военной историей. Лишь при этом представлении эта великая книга раскрывается и становится доступной разумному пониманию. Во-вторых, именно эта точка зрения показывает нам, как различны должны быть войны в зависимости от мотивов и обстоятельств, из которых они зарождаются[15].

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном, отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее занею, чем она при данных обстоятельствах не может быть и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов; ниже, при рассмотрении плана войны мы остановимся на нем подробнее.

Пока мы ограничимся тем, что установим основную точку зрения на войну и на ее теорию.

28. Вывод для теории

Итак, война - не только подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу; по своему общему облику (в отношении господствующих в ней тенденций) война представляет удивительную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену свободной духовной деятельности; из подчиненности ее в качестве орудия политики, благодаря которому она подчиняется чистому рассудку.

Первая из этих 3 сторон главным образом относится к народу, вторая больше к полководцу и его армии и третья - к правительству[16]. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели принадлежат исключительно правительству.

Эти 3 тенденции, представляющие как бы 3 различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впадала бы в резкое противоречие с действительностью и поставила бы на себе крест.

Таким образом, задача теории - сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения.

Отыскание путей для разрешения этой трудной задачи составляет предмет нашего исследования в части этого сочинения, названной "О теории войны". Во всяком случае, только что установленное понятие войны явится первым лучом света, который осветит построение теории и даст нам возможность разобраться в огромном ее содержании.

Глава 2. Цель и средства войны

Познакомившись в предыдущей главе с изменчивой и сложной природой войны, приступим к исследованию влияния этой природы на цели и средства войны.

Если мы начнем с вопроса о цели военных действий, на которую должна ориентироваться вся война в целом, чтобы быть надежным орудием политики, то мы увидим, что эта военная цель столь же изменчива, как изменчива политическая цель, как различны условия войны.

Если мы начнем с того, что вернемся к отвлеченному понятию войны, то нам придется сказать, что собственно политическая цель войны находится вне ее пределов, ибо, если война есть акт насилия, направленный на то, чтобы принудить противника выполнить нашу волю, то все, всегда должно было бы сводиться к сокрушению врага, т.е. к лишению его возможности оказывать сопротивление. Сначала рассмотрим в обстановке реальности эту выведенную из чистого понятия цель: действительность дает нам много приближающихся к ней случаев.

Впоследствии при рассмотрении плана войны мы подробнее исследуем, что значит обезоружить государство, лишить его возможности, оказывать сопротивление; пока же мы будем различать 3 элемента, являющихся объектами общего порядка, охватывающими все остальное. Это - вооруженные

силы, территория и воля противника.

Вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу.

Следует иметь в виду, что впредь мы будем понимать "уничтожение вооруженных сил противника" именно в этом значении.

Территория должна быть завоевана, потому что она может явиться источником новых вооруженных сил.

Но даже после достижения того и другого нельзя считать, что война (враждебное напряжение и действие враждебных сил) прекратилась, пока не сломлена воля противника, т. е. его правительство и союзники не принуждены подписать мир или народ не приведен к покорности[17], потому что даже в то время, когда мы вполне овладеем неприятельской страной, борьба может снова возгореться внутри страны или при содействии союзников врага извне. Конечно, такой случай может иметь место и после заключения мира, но это лишь доказывает, что не всякая война приносит с собой полное решение и окончательную развязку. Впрочем при заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, и напряжение ослабевает, ибо все склонные к миру умы, а таких в каждом народе и при всех обстоятельствах немало, совершенно отходят от линии сопротивления[18]. Во всяком случае с заключением мира следует считать цель достигнутой и дело войны - исчерпанным.

Так как из 3 указанных выше элементов вооруженные силы противника предназначены для обороны страны, то естественный порядок действий заключается в том, чтобы сперва уничтожить вооруженные силы, затем завоевать страну и благодаря этим 2 успехам и положению, которое мы тогда займем, принудить неприятеля к заключению мира. Обычно уничтожение вооруженных сил неприятеля происходит постепенно, и с той же последовательностью, шаг за шагом, идет завоевание страны. При этом одно влияет на другое; потеря областей в свою очередь ведет к ослаблению вооруженных сил. Но такой порядок конечно не обязателен и потому не всегда имеет место. Вооруженные силы неприятеля могут, не подвергая себя чувствительным ударам, отступить к противоположной границе страны или даже за ее пределы. При таких обстоятельствах большая часть страны или даже вся страна окажется завоеванной.

Однако эта цель абстрактной войны - лишить неприятеля возможности сопротивляться - лишь крайнее средство для достижения политической цели, в котором концентрируются все остальные; в действительности полное обезоруживание врага, далеко не всегда имеет место и не является необходимым условием для заключения мира, а следовательно и не может выдвигаться теорией как непререкаемый закон. Существует множество примеров, когда заключение мира имело место раньше, чем одна из воюющих стран могла быть признана лишенной возможности сопротивляться, даже раньше, чем произошло заметное нарушение равновесия. Мало того, если мы обратимся к конкретным примерам, то будем вынуждены признать, что в целом ряде таких случаев, а именно когда противник значительно сильнее, сокрушение его являлось бы бесплодной игрой фантазии.

Причина, почему цель, выведенная из отвлеченного понятия войны, не всегда оказывается уместной в войне действительной, заключается в том различие между ними, которое было установлено нами в предыдущей главе. Если бы война была такой, какой она является в отвлеченном понятии, то между 2 государствами, обладающими заметно неравными силами, она была бы абсурдной, невозможной. Неравенство физических сил не должно было бы превосходить того предела, который можно уравновесить силами моральными; а этот предел в европейских странах при современном состоянии нашего общества очень близок. Поэтому, если войны и ведутся между государствами, обладающими далеко не равными силами, то это происходит оттого, что война, как она протекает в действительности, часто значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия.

Есть два обстоятельства, которые могут служить помимо полной невозможности сопротивляться мотивом к заключению мира. Первое сомнительность успеха, второе - слишком высокая его цена.

Война в целом, как мы видели в предыдущей главе, уклоняется от строгого закона внутренней необходимости и идет по пути, указываемому оценкой обстановки; и это происходит тем чаще, чем

больше приходится приспосабливаться войне к тем отношениям, из которых она возникла, чем ничтожнее мотивы и степень напряженности этих отношений. Отсюда понятно, что из самой оценки обстановки могут возникнуть мотивы к заключению мира. Таким образом, не всегда является надобность доводить войну до полного сокрушения одной из сторон. Если причины взаимного напряжения незначительны, надо полагать, что будет достаточно одного призрака будущих неудач, чтобы принудить к уступчивости сторону, перед которой этот призрак обозначился. Если другая сторона убеждена в этом, то естественно, что она будет стремиться лишь к тому, чтобы создать эту призрачную возможность, и не станет на кружной путь - добиваться полного сокрушения неприятеля.

Еще более широкое влияние на решение заключить мир оказывают соображения о совершенной уже и предстоящей затрате сил. Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как объема, так и продолжительности принесения жертв. Таким образом, как только потребуются затраты сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишить своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий.

Если бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.

Мы сознательно не касаемся здесь различия, которое непременно должно сказаться на операциях под влиянием позитивной или негативной природы политической цели. Хотя оно и имеет огромное значение, что будет указано ниже, здесь мы должны пока оставаться на общей точке зрения. Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и, в конце концов, могут сделаться совершенно иными именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятны ми последствиями.

Тут возникает вопрос, каким путем возможно воздействовать на вероятность успеха. Прежде всего конечно при помощи тех же средств, которые ведут к сокрушению: уничтожение вооруженных сил противника и завоевание территории; но эти средства уже несколько отличаются от того, чем они были при нашем устремлении к сокрушению. Далеко не одно и то же, когда мы нападаем на неприятеля в расчете после первого удара нанести ему целый ряд последующих, с тем чтобы сокрушить все его вооруженные силы, или когда мы намерены удовлетвориться одной победой, способной поколебать уверенность противника, дать ему почувствовать наше превосходство и таким образом вызвать в нем опасение за будущее. Если такова наша цель, то к раз грому его сил мы будем стремиться в той мере, насколько это для нее необходимо. Если мы не задаемся целью сокрушить противника, то и завоевание неприятельских территорий явится мероприятием другого порядка. При сокрушении подлинные операции заключаются именно в уничтожения вооруженных сил противника, а завоевание областей является лишь его следствием. На занятие территории раньше разгрома вооруженных сил приходится всегда смотреть как на необходимое зло. Напротив, в том случае, когда в нашу задачу не входит сокрушение неприятельских вооруженных сил и когда мы уверены, что и неприятель сам не ищет путей для разрешения спора на поле сражения и даже боится их, то занятие слабо или вовсе не обороняемой области уже само по себе представляет известный успех. Если такой успех оказывается достаточно крупным, чтобы внушить противнику опасение за окончательный исход войны, то он может представить кратчайший путь к заключению мира.

Теперь мы наталкиваемся на еще одно своеобразное средство воздействие на вероятность успеха, не сокрушая вооруженных сил противника. Это предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения. Иногда открывается возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, нанесть нам новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и пр.; все это повышает вероятность успеха, и этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокрушением вооруженных сил может

оказаться гораздо более кратким.

Второй вопрос заключается в том, каковы могут быть средства воздействия на увеличение расхода сил противника, т. е. на повышение приносимых им жертв.

Расход сил противника заключается в износе его вооруженных сил, что достигается разрушением их нашими усилиями, и в потере областей, следовательно в завоевании их нашими войсками.

При ближайшем рассмотрении станет само собой ясным, что и удары, наносимые вооруженными силами неприятеля, и захват его областей, преследующий цель увеличить расход неприятельских сил, имеют различное значение по сравнению с одноименными действиями, предпринимаемыми в целях сокрушения. Мы не должны смущаться, что в большинстве случаев это различие будет очень незначительно в действительной жизни, при слабых поводах к вражде самые тонкие оттенки отношений имеют решающее влияние на характер применения сил. В данном случае мы стремимся лишь показать, что при известных условиях кроме уничтожения сил врага имеются и иные пути достижения поставленной цели и что эти пути не содержат в себе внутреннего противоречия, не являются абсурдом и даже не составляют ошибки.

Помимо обоих указанных способов имеются еще 3 своеобразных пути непосредственно ведущих к увеличению затраты сил противника. Первый - это занятие неприятельской территории, но не для удержания ее за собой, а с целью собрать с нее контрибуцию или даже опустошить ее. Непосредственной целью в данном случае будет не завоевание страны, не сокрушение вооруженных сил противника, а нанесение ему как врагу вообще убытков. Второй путь будет заключаться в том, чтобы дать нашим операциям целеустановку преимущественно на увеличение убытков неприятеля. Ничего нет легче, как наметить два различных направления для усилий наших вооруженных сил; из них одно, безусловно, заслуживает предпочтения в том случае, если дело сводится к тому, чтобы сокрушить неприятеля; другое является более прибыльным, если о сокрушении не может быть и речи. Принято признавать первое направление более военным, а второе - более политическим. Но, становясь на высшую точку зрения, мы придем к выводу, что оба они одинаково военные, и каждое из них является целесообразным постольку, поскольку оно отвечает данным условиям. Третий путь - изнурения врага - по количеству обнимаемых им случаев наиболее важный. Мы выбрали это выражение не только для того, чтобы одним словом определить предмет, но и потому, что оно вполне выражает соответствующее понятие; это не только риторический оборот речи, как может показаться на первый взгляд. Под изнурением мы понимаем постепенно наступающее, благодаря продолжительности действия, истощение физических сил и воли противника.

Если мы хотим добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, мы должны довольствоваться наиболее скромными целями, потому что, крупная цель требует и большой затраты сил. Самая малая цель, какую мы можем себе поставить, это - чистое сопротивление[19], т. е. борьба без какого-либо позитивного задания. В этом случае наши средства окажутся относительно наибольшими, а следовательно и результат явится наиболее обеспеченным. Как же далеко может простираться этот отказ от позитивных задач? Очевидно, он не может доходить до абсолютной пассивности, ибо простое претерпевание ударов не было бы борьбой; сопротивление - это уже действительность, которая должна уничтожить такое количество сил противника, чтобы он был вынужден отказаться от своего задания. К этому только мы и будем стремиться в каждом отдельном случае, и в этом заключается негативная природа нашего задания.

Бесспорно, это негативное задание в каждом отдельном случае не может дать такого успеха, который дало бы позитивное в тех же условиях, при предпосылке, что последнему сопутствует удача. Но в том именно и состоит разница, что первое легче удастся, а следовательно является более обеспеченным. То, чего в отдельном столкновении при негативном задании недостает в смысле действительности, надо восполнить временем, следовательно продолжительностью борьбы; таким образом, это негативное задание, заключающее в себе принцип чистого сопротивления, является вместе с тем естественным средством добиться, превосходства над противником продолжительностью борьбы, т. е. его изнурить.

В этом заключается основное различие между наступлением и обороной, пронизывающее всю

область войны. Дальше развивать эту тему мы сейчас не будем и удовольствуемся замечанием, что из самого негативного задания вытекают все сопутствующие ему преимущества, а также более сильные формы борьбы; здесь осуществляется философский закон динамики успеха, устанавливающий зависимость между размером и обеспеченностью успеха. Все это мы рассмотрим впоследствии.

Негативное задание (сосредоточение всех средств для простого сопротивления) ставит в выгоднейшие условия борьбы; если это преимущество достаточно велико, чтобы уравновесить возможный перевес противника, то одной продолжительности борьбы будет достаточно, для того чтобы постепенно довести затрату сил противника до степени, уже несоответствующей его политической цели, и вынудить его отказаться от борьбы. Отсюда мы видим, что путь изнурения противника обнимает значительное число случаев, когда слабый может успешно бороться с более сильным.

Фридрих Великий ни в один момент семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и конечно неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII.

Но талантливое применение им мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале - и они заключили мир.

Итак в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения, наконец пассивное выжидание ударов врага, все это - средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника. Можем указать еще целый ряд кратчайших лазеек к цели; их мы назовем аргументами *ad hominem* (личного порядка. Ред.). В какой области человеческой деятельности не встречаем мы эти искры личных отношений, перелетающие через любые материальные перегородки? Они имеют исключительное значение на войне, где личность деятелей - в кабинете и в поле - играет такую крупную роль. Мы ограничиваемся здесь только намеком, ибо было бы педантизмом пытаться классифицировать эти методы. С ними число возможных путей, ведущих к достижению цели, растет до бесконечности.

Надо избегать недооценки различных кратчайших путей к цели; нельзя считать их редкими исключениями, а также признавать незначительными те различия в ведении войны, которые ими обуславливаются. Стоит только присмотреться к разнообразию политических целей, которые могут вызвать войну, и хотя бы приблизительно охватить взором расстояние, отделяющее войну на уничтожение, в которой ставится на карту политическое бытие, от войны, навязанной отживающим или даже вынужденным союзным договором. Между этими 2 видами войны существует множество градаций, встречающихся в действительности. Теория, отбросившая одну из этих градаций, с таким же правом могла бы отвернуться и от всех вообще, т. е. совершенно потерять контакт с миром действительности.

Так в общем обстоит дело с целью, которую приходится преследовать на войне; теперь обратимся к средствам.

Средство только одно - бой [20]. Как ни разнообразно слагается война, как ни далека она от грубого излияния гнева и ненависти в форме кулачной схватки, сколько бы к ней ни примешивалось постороннего бою элемента, - бой всегда заключается в понятии войны, так как бой является начальным пунктом, от которого исходят все явления войны.

Что это всегда так, несмотря на величайшее разнообразие и сложные сочетания действительности, подтверждается крайне несложным доказательством.

Все, что происходит на войне, ведется при посредстве вооруженных сил; а там, где применяют вооруженную силу, т.е. вооруженных людей, там по необходимости в основе должно лежать

представление о бое.

Таким образом, все имеющее отношение к вооруженным силам - их создание, сохранение[21] и использование - входит в сферу военной деятельности. Создание вооруженных сил и обеспечение их несомненно представляют собой только средство, использование же в бою - цель.

Борьба на войне является не рядом одиночных схваток, а представляет целое, составленное из многих членов. В этом великом целом мы можем установить единства двойственного порядка, имеющие то значение объекта, то субъекта [22]. Войска организуются таким путем, что некоторая группа бойцов сводится в единство, а последнее в свою очередь непременно является членом единства более высокого порядка, и т. д. Бой каждого из этих членов также представляет более или менее обособленное единство. В одно целое весь бой объединяется его целью, т. е. его объектом. Каждое обособленное единство, которое мы можем в нем различить, называется частным боем.

Мы уже установили, что в основе всякого применения вооруженной силы лежит представление о бое. Использование же вооруженных сил представляет не что иное, как установку и распорядок [23] известного числа частных боев.

Таким образом, всякая военная деятельность имеет прямое или косвенное отношение к бою. Солдата призывают, одевают, вооружают, обучают, он спит, ест, пьет и марширует только для того, чтобы драться в свое время и в надлежащем месте.

Если, следовательно, все нити военной деятельности приводят к бою, то мы их сразу охватим, установив распорядок боя. Именно из распорядка боя и его осуществления проистекают последующие результаты, а отнюдь не непосредственно из предшествовавших бою условий. В бою вся деятельность направлена на уничтожение противника, или, вернее, его боеспособности, это содержится в самом понятии боя. Поэтому уничтожение неприятельской вооруженной силы всегда будет средством для достижения цели боя.

Целью боя также может быть простое уничтожение вооруженных сил неприятеля, но это вовсе не обязательно; цель может быть и совершенно иной. Если, как мы видели, сокрушение противника не является единственным средством для достижения политической цели, если существуют и другие объекты, к которым можно стремиться на войне в качестве цели, то само собой разумеется, что эти объекты могут стать целью отдельных военных действий, а следовательно и целью боев.

Мало того даже в тех случаях, когда общей целью является сокрушение вооруженных сил неприятеля, частные бои, являющиеся элементами сокрушения в целом, не обязательно будут иметь своей ближайшей целью уничтожение вооруженных сил.

Если вспомнить о многочисленности состава крупной вооруженной силы, о множестве обстоятельств, оказывающих влияние на ее применение, то станет понятным, что и бой в целом такой вооруженной силы должен потребовать многообразных расчленений, соподчинений и сочетаний. При этом отдельным членам вооруженной силы естественно может ставиться множество частных целей, которые непосредственно не направлены на уничтожение неприятельских вооруженных сил; они будут, быть может в весьма повышенной степени, способствовать этому уничтожению, но только косвенно. Когда батальон получает, например, приказ сбить неприятеля с какого-либо места, горы и т. д., то обычно захват этих предметов представляет подлинную цель, а уничтожение находящихся там неприятельских сил будет лишь средством или побочным делом. Если неприятеля можно прогнать посредством простой демонстрации, то цель уже достигнута; но ведь обычно данный мост или гора занимают лишь для того, чтобы достигнуть более полного уничтожения вооруженных сил противника. Если такие явления наблюдаются на поле сражения, то то же самое, только в значительно увеличенном масштабе, повторяется на театре войны, где друг против друга стоят уже не 2 армии, а 2 государства, 2 народа, 2 страны. Здесь число возможных соотношений, а следовательно и комбинаций, значительно больше, распорядок может быть весьма разнообразным. Поэтому первое средство от последней цели всегда отделено на почтительное расстояние целой иерархией промежуточных целей.

Таким образом по многим причинам представляется возможным, что уничтожение

противостоящего неприятеля не является целью частного боя, а лишь средством. Во всех этих случаях дело уже не идет об осуществлении такого уничтожения, ибо этот бой является не чем иным, как измерителем сил, и имеет значение не сам по себе, а лишь по своему результату, т. е. исходу.

Такое соизмерение сил при очевидном неравенстве возможно произвести и путем арифметического подсчета. В таких случаях и не произойдет боя, так как слабейший своевременно уклонится.

Следовательно, цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений.

Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе внутреннего противоречия с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать возможность такого хода войны.

Война обладает только одним средством. - боем, но при разносторонности своего применения бой открывает для нашего мышления все различные пути, связанные с его многообразными целями, и наше исследование как будто не продвинулось несколько вперед. Но это далеко не так, потому что из единственности этого средства исходит путеводная нить нашего исследования, тянущаяся через всю сложную ткань военной деятельности и объединяющая ее.

Мы рассматривали уничтожение неприятельских вооруженных сил как одну из целей, которую можно преследовать на войне, оставляя открытым вопрос о том, какое значение следует ему придать среди других целей.

В каждом отдельном случае это будет зависеть от обстоятельств: в целом же этот вопрос был нами оставлен пока открытым. Теперь мы вновь к нему возвращаемся; постараемся теперь определить, какое значение надо придавать уничтожению неприятельских вооруженных сил.

Бой - это единственное действие на войне; в бою уничтожение противостоящих нам вооруженных сил есть средство, ведущее к цели. Это верно даже в том случае, когда фактически боя не происходило, потому что уклонение одной из сторон имело предпосылкой, что такое уничтожение оценивалось как несомненное. Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил лежит в основе всех военных операций. Оно - последняя точка опоры всех комбинаций, которые покоятся на нем, как свод зиждется на устоях. Все маневрирование происходит при предпосылке, что если бой, лежащий в его основе, действительно будет иметь место, то исход его должен быть благоприятным.

Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни отдаленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит [24].

Если решение оружием составляет основу всех военных комбинаций, то из этого следует, что противник любую из них может парализовать удачным для себя боем. Нет даже надобности, чтобы этот успех был одержан противником в том самом бою, на котором мы непосредственно строили нашу комбинацию; тот же результат дает и каждый иной бой, лишь бы он был достаточно значителен: каждый крупный успех в бою, т. е. всякое уничтожение части вооруженных сил неприятеля, сказывается на всех прочих его частях; в этом отношении вооруженные силы подобны жидкости: вычерпывая последнюю в одном месте, мы понижаем общий уровень.

Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные.

Конечно, мы можем приписывать уничтожению вооруженных сил противника более высокую действенность, лишь предполагая равенство всех прочих условий. Было бы большим заблуждением сделать из вышесказанного вывод, что слепое движение напролом всегда победит искусную осмотрительность. Неискусно бросаясь напролом, мы скорее придем к уничтожению собственных вооруженных сил, а не неприятельских, чего мы конечно не имеем в виду. Более значительная роль принадлежит не пути, а цели, и мы лишь сравниваем результат достижения одной цели с результатом достижения другой.

Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, - мы это настойчиво подчеркиваем, - нас ничто не обязывает ограничивать это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно колебания его уровня легче всего распространяются по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил является его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только набирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил гари прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Риск этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, в случае неудачи обратится против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны. Это однако справедливо только при условии; что эти методы применяются с обеих сторон, а именно, что неприятель идет теми же путями, что и мы; если он изберет путь решительного боя, мы должны будем, хотя бы против нашей воли стать на ту же дорогу. В этом случае все будет зависеть от исхода боя на уничтожение; ясно, что при всех прочих равных условиях мы в этом бою окажемся в худшем положении, так как частично свои намерения и средства ориентировали на другие задачи, чего не сделал наш противник. Две различных цели, из которых одна не составляет части другой, друг друга исключают; следовательно сила, обращенная на достижение одной из целей, не может одновременно служить другой. Поэтому, если одна воюющая сторона решила идти по пути крупных решений силой оружия, то она уже имеет большой шанс на успех, если только уверена, что другая сторона не идет по этому пути, а хочет преследовать иную цель. Кто задается этой иной целью, поступит разумно, лишь если он имеет основание предполагать, что и его противник не ищет крупных решений силой оружия.

Все, что мы говорили об ином направлении заданий и сил, относится к позитивным целям, которыми помимо уничтожения неприятеля можно задаваться на войне, и не распространяется на чистое сопротивление, избранное с намерением истощить противника. У простого сопротивления нет позитивного задания; наши силы не могут быть отвлечены против других объектов, так как предназначены парализовать намерения противника.

Тут нам приходится рассмотреть обратную сторону уничтожения неприятельских вооруженных сил. а именно - сохранение собственных сил. Оба эти стремления всегда идут рука об руку и находятся в постоянном взаимодействии. Они представляют существенные, неотъемлемые части одного и того же намерения. Нам остается выяснить, каковы будут последствия, если то или иное стремление получит перевес.

Стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы преследует позитивную цель и ведет к позитивным успехам, увенчанием коих должно явиться сокрушение противника.

Сохранение собственных вооруженных сил преследует негативную цель и таким образом ведет к парализованию намерений неприятеля, т.е. к чистому сопротивлению, увенчанием коего является такая затяжка продолжительности действий, которая истощит силы противника.

Стремление к позитивной цели вызывает к жизни акт уничтожения, стремление к негативной цели - побуждает выжидать.

Как далеко может и должно простираться такое выжидание, мы укажем при изложении учения о наступлении и обороне, к истоку которого мы вновь вернулись. Пока только отметим, что выжидание не должно быть совершенно пассивным, а также что в связанных с выжиданием действиях уничтожение принимающих в них участие неприятельских вооруженных сил может служить целью в такой же степени, как и всякий другой предмет. Таким образом было бы коренной ошибкой полагать, что негативное стремление непременно приводит к отказу от выбора своей целью уничтожения неприятельских вооруженных сил и к предпочтению бескровного решения. Перевес негативного стремления конечно может подать к этому повод, но такое решение всегда сопряжено с риском не попасть на правильный путь; последнее зависит от условий, находящихся не в нашей власти, а во власти противника. Этот иной, бескровный путь борьбы никоим образом не может рассматриваться как естественное средство удовлетворения преобладающей заботы - сохранения наших вооруженных сил; напротив, если этот путь не будет соответствовать обстановке, то поведет только к их полной гибели. Очень многие полководцы впадали в такую ошибку и губили себя. Единственно логическое последствие перевеса негативного стремления это - оторочка решения, в известной степени постановка себя под защиту выжидания решающего момента.

Обычным последствием этого, насколько позволяет обстановка, является откладывание действий во времени; а поскольку с этим связано пространство, то и отодвигание его и в пространстве. Но при наступлении момента, когда без существенного ущерба откладывать решения нельзя, выгоды негативного метода действий должны считаться исчерпанными и в этот момент неизменно должно выступить стремление - уничтожить неприятельские вооруженные силы, стремление, сдерживавшееся до того противовесом, однако никогда окончательно не вытеснявшееся.

Из предыдущего мы видим, что на войне многие пути ведут к успешному концу - к достижению политической цели; но средство для этого только одно бой; поэтому все подчинено высшему закону: решение силой оружия. Там, где противник фактически апеллирует к нему, отказываться от этой высшей инстанции нельзя. Воюющая сторона, желающая идти иным путем, должна быть уверена, что противник апеллировать не будет или проиграет свой процесс в этой высшей инстанции. Словом уничтожение неприятельских вооруженных сил первенствующая и преобладающая цель из всех, которые могут преследоваться на войне.

Что могут дать на войне другого рода комбинации, мы узнаем впоследствии и разумеется лишь постепенно. Здесь мы ограничиваемся одним общим признанием их возможности как чего-то, являющегося отклонением действительности от отвлеченного понятия войны и вызванного индивидуальными обстоятельствами. Но мы тут же должны подтвердить, что кровавое разрешение кризиса, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил первородный сын войны. Пусть осторожный полководец при ничтожных политических целях, при слабых мотивах, незначительном напряжении сил искусно нащупывает на поле сражения и в тиши кабинета пути, ведущие к миру, без крупных кризисов и кровавой развязки утилизирует специфически слабые стороны армии и правительства противника. Если его предположения достаточно мотивированы и дают основание рассчитывать на успех, мы не в праве его за это укорять, однако должны потребовать, чтобы он все время помнил, что идет обходными тропами, где его может настигнуть бог войны. Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу.

Мы обрисовали, что представляет собой война, каковы ее цели и средства, как она в изгибах действительности то больше, то меньше удаляется от начального абстрактного понятия, всё время однако оставаясь и черте его влияния и контролируемая высшим законом решения силой оружия. Выводы из сказанного мы должны закрепить в нашем сознании и всякий раз иметь в виду при рассмотрении последующих вопросов, если мы хотим понять подлинные отношения между ними и своеобразное значение каждого из них и не впадать в вопиющее противоречие с действительностью, а в конце концов и с самим собой.

Глава 3. Военный гений

Каждая специальная деятельность, занятие которой требует известных достижений, мастерства, нуждается в особых умственных и душевных способностях. Когда они проявляются в высокой степени и свидетельствуют о себе исключительными достижениями, дух, одаренный ими, называется гением.

Мы хорошо знаем, что это слово по широте своего смысла и по придаваемому ему толкованию применяется в весьма различном значении и что во многих случаях нелегко выразить на словах сущность гения; но так как мы не претендуем ни на звание философа, ни на звание словесника, то да будет нам позволено остановиться на значении этого понятия, принятом при обычном словоупотреблении, и под термином гения понимать чрезвычайно повышенную духовную способность к известного рода деятельности.

Чтобы объяснить это понятие и ближе ознакомиться с его содержанием, необходимо несколько остановиться на этой способности, на этом высоком качестве духа. Но мы не можем ограничиваться тем, кто отмечен необычайно высоким талантом, - на гении в собственном смысле этого слова, ибо это понятие не имеет точно определенных границ; мы будем рассматривать вообще духовные силы, совокупно направленные на военную деятельность, в которых мы вправе видеть сущность военного гения. Мы говорим "совокупность", ибо военный гений не является какой-либо одной способностью (например мужеством), при отсутствии других умственных и духовных способностей или при неприменимой для войны их ориентировке; напротив, он представляет гармоническое сочетание способностей, из которых та или другая преобладает, но ни одна не становится поперек другой.

Если бы от каждого из бойцов мы потребовали, чтобы он в большей или меньшей степени был военным гением, то наши армии были бы очень малочисленны. Военный гений обуславливается своеобразным направлением духовных сил и он может лишь редко встречаться в том народе, где к духовным способностям предъявляют самые разносторонние требования и где они получают весьма многогранное развитие. Чем менее разнообразна деятельность народа, чем больше у него преобладает военная деятельность, тем чаще должен встречаться военный гений. Но это определяет только его распространение, а не его высоту, так как последняя зависит от общего духовного развития данного народа. Если мы взглянем на первобытный воинственный народ, то мы найдем, что в нем воинственный дух гораздо более распространен среди отдельных лиц, чем у цивилизованного народа, потому что у первого им обладает почти каждый воин, тогда как среди цивилизованных людей многие делают войнами лишь по необходимости, а не по внутреннему влечению. Однако у первобытных народов никогда не встречается подлинно великого полководца и лишь крайне редко - то, что можно было бы назвать военным гением; для этого требуется такое развитие умственных способностей, каким дикий народ обладать не может.

Само собою разумеется, что у цивилизованных народов могут быть более или менее сильные военные наклонности и стремления, и чем они сильнее, тем чаще наблюдается воинственный дух в их армии и у отдельных лиц. А так как здесь это совпадает с высшими степенями духовного развития, то самых блестящих военных деятелей мы находим именно у таких народов; доказательством могут служить римляне и французы. Но величайшие имена полководцев у этих и других народов, прославивших себя на войне, появились лишь в период их подъема на высокую ступень цивилизации.

Уже это одно указывает, какую крупную роль играют умственные способности для высших степеней военного гения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Война - область опасности, следовательно мужество - важнейшее качество войны.

Мужество бывает двух родов: во-первых мужество в отношении личной опасности, а во-вторых мужество в отношении ответственности перед судом какой-нибудь внешней власти, или же внутренней - совести. Здесь речь идет лишь о первом.

Мужество по отношению личной опасности в свою очередь бывает двух родов: прежде всего - человек может быть равнодушен к опасности в силу личных свойств, вследствие пренебрежения к жизни или по привычке; во всяком случае это будет как бы постоянное состояние.

Во-вторых мужество может исходить из положительных побуждений, каковы например честолюбие, любовь к родине, всякого рода воодушевление; в этом случае мужество - не состояние, а

проявление настроения, чувств.

Понятно, оба эти вида мужества проявляются различно. Первый вид надежнее; сделавшись второй природой, он никогда не покидает человека; второй - часто дает более высокие результаты; с первым связана стойкость, со вторым - отвага; при первом - разум остается трезвым, при втором иногда изощряется, но порою и ослепляется. Совпадая, оба эти вида дают самый совершенный тип мужества.

Война - область физических усилий и страданий; чтобы не изнемочь под их бременем, нужны духовные и физические силы (врожденные или приобретенные - безразлично), делающие человека способным переносить испытания. Человек, обладающий этими качествами, соединенными со здоровым рассудком, - отличное орудие для войны; эти свойства особенно распространены среди первобытных и полудивилизованных народов.

Продолжая наше исследование, мы найдем, что война требует от своих адептов выдающихся умственных сил. Война - область недостоверного: три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, проницательный ум.

Иной раз заурядный ум может случайно напасть на истину, другой раз выдающаяся храбрость может загладить промах, но на общем уровне успехов недостаток ума в большинстве случаев непременно скажется.

Война - область случайности: только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий.

Недостоверность известий и постоянное вмешательство случайности приводят к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем ожидал; это не может не отражаться на его плане или по крайней мере на тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана. Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все принятые предположения, то на место последних должны выступить другие, но для этого обычно не хватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решение и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться. Впрочем, гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши намерения, но могут все же их поколебать. Знакомство с обстановкой растет, но наша неуверенность не уменьшается, а напротив увеличивается. Причина этого заключается в том, что необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно. Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии.

Чтобы успешно выдержать эту непрерывную борьбу с неожиданным, необходимо обладать двумя свойствами: во-первых умом, способным прорезать мерцанием своего внутреннего света ступившие сумерки и нащупать истину; во-вторых мужеством, чтобы последовать за этим слабым указующим проблеском. Первое свойство образно обозначается французским выражением "coup d'oeil"^[25], второе - решимость.

Бои на войне прежде и чаще всего привлекают наше внимание. В боях же время и пространство - важные элементы. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражений играли первенствующую роль, в понятии о быстром и находчивом решении на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда получилось это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Многие писавшие о военном искусстве определили его в этом узком смысле. Но нельзя не заметить, что вскоре под ним стали подразумевать все удачные решения, принятые в самый момент выполнения, например правильный выбор пункта атаки и пр. Отсюда в выражении "coup d'oeil" часто разумеется не просто физический глаз, но духовное око.

Естественно, что это выражение и его значение преимущественно относится к области тактики; однако без него нельзя обойтись и стратегии, поскольку и в ней нужны быстрые решения. Если

совлечь с этого понятия то, что, ему придает оттенок чрезмерно образного и ограниченного, то оно будет означать, не что иное, как быстрое улавливание истины, или совершенно: непостижимой для среднего ума, или дающейся ему после продолжительного рассмотрения и обдумывания.

В каждом отдельном случае решимость - проявление мужества; когда же она становится постоянным свойством характера, она представляет духовный навык. Здесь имеется в виду не мужество перед лицом физической опасности, а мужество в отношении ответственности, так сказать, перед лицом моральной опасности. Этот вид мужества часто называли *courage d'esprit* [26], потому что он имеет своим источником рассудок; тем не менее он - проявление характера, а не рассудка. Голая рассудительность - далеко еще не мужество; часто самые рассудительные люди не обладают решимостью. Сперва рассудок должен пробудить ощущение мужества, которое затем будет его поддерживать и нести на своих плечах, ибо при быстром натиске событий над человеком господствуют скорее чувства, нежели мысли.

Итак мы называем решимостью способность, в обстановке действий при недостаточных данных, устранять муки сомнений и опасности колебаний. При не вполне точном словоупотреблении решимостью называются и простая склонность к риску, смелость, отвага, дерзость. Однако в тех случаях, когда у человека есть достаточные данные (безразлично - субъективные или объективные, основательные или не обоснованные), говорить о его решимости нет никаких оснований, потому что решимость предполагает сомнения, которых здесь нет.

При достаточных данных речь может идти только о силе или слабости. Мы не настолько педантичны, чтобы вступать в пререкания по поводу небольшой неточности обычного словоупотребления; наше замечание имеет целью лишь устранить возможные неправильные возражения.

Итак решимость, побеждающая состояние сомнения, может быть вызвана только разумом, притом своеобразным его устремлением. Мы утверждаем, что наличие широкого кругозора в соединении с мужеством еще не составляют решимости. Бывают люди, обладающие самым проницательным духовным взором; при решении труднейших задач у них нет недостатка в мужестве, они готовы многое взять на себя, но в трудные минуты они все-таки не могут принять никакого решения. Их мужество и проницательность стоят порознь, не протягивают друг другу руки и потому не производят третьего свойства решимости. Последняя порождается лишь актом разума, осознавшего необходимость риска и тем побудившего волю. Этот своеобразный склад ума, побеждающий в человеке всякий иной страх страхом перед колебаниями и медлительностью, и есть-то, что вырабатывает в сильных характерах решимость; поэтому люди, обладающие ограниченным умом, не могут быть решительными в нашем смысле. Они могут действовать в затруднительных случаях без колебаний, но тогда они это делают необдуманно, а у того, кто действует необдуманно, не может быть борьбы с самим собою вследствие каких-либо сомнений.

Такой способ действия может порою оказаться удачным, но мы вновь повторяем: только по общему уровню успехов можно судить о гениальности. Если наше утверждение покажется странным кой-кому, кто знает иных гусарских офицеров, полных решимости, которых однако нельзя почесть за глубоких мыслителей, тому мы напоминаем, что здесь говорится об особом направлении ума, а не о выдающейся мыслительной способности вообще.

Итак мы полагаем, что решимость обязана своим существованием особому складу ума и притом такому, который свойствен скорее мощным, чем блестящим умам; мы можем подтвердить такую родословную решимости еще тем, что существует множество примеров, когда люди, проявлявшие на младших должностях величайшую решимость, утрачивали ее на высших. Они чувствуют необходимость принять решение, но сознают и опасность, заключающуюся в неправильном решении; а так как они не могут охватить порученное им дело, то их разум теряет прежнюю силу и они становятся тем более робкими, чем яснее сознают опасность нерешительности, которая их сковывает, и чем больше они привыкли действовать смело, сплеча.

При рассмотрении понятий "*coup d'oeil*" и решимости мы вплотную подошли к родственному понятию - к присутствию духа, играющему в царстве неожиданного, каким является война, большую роль: оно не что иное, как повышенная способность преодолевать неожиданное. Присутствием духа

восхищаются и при метком ответе на неожиданный вопрос, и при быстром и находчивом действии при внезапной опасности. Этот ответ или действие могут и не представлять чего-нибудь необыкновенного, лишь бы оказались к месту. То, что по зрелому и спокойному обсуждению представляется чем-то вполне обыкновенным и не производит впечатления, нравится как результат мгновенной находчивости. Самое выражение - присутствие духа - весьма метко обозначает близость и скорость оказанной разумом помощи.

Следует ли приписать это дивное качество человека преимущественно особому складу ума или общей уравновешенности, - зависит от природы данного случая, но наличие того и другого безусловно необходимо. Меткий ответ скорее говорит об остром уме, удачное мероприятие при внезапной опасности предполагает духовную уравновешенность.

Если мы бросим общий взгляд на 4 элемента, образующие атмосферу, в которой протекает война, - опасность, физическое напряжение, неизвестность и случайность, то станет легко понятным, что требуется большая духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эта сила в зависимости от форм, принимаемых ею при различных обстоятельствах, в устах рассказчиков и составителей отчетов о военных действиях получает название энергии, твердости, стойкости, силы духа, или характера.

Все эти различные проявления героической природы можно было бы рассматривать как одну и ту же силу воли, которая в зависимости от обстоятельств принимает различные формы; но как ни близки между собой эти понятия, все же они различны по содержанию; в интересах нашего исследования разобраться в них несколько точнее.

Для большей ясности укажем, что тяжесть, бремя или противодействие (назовите как хотите то, что вызывает напряжение духовных сил. в начальнике) является в весьма малой степени результатом непосредственных мероприятий противника - его сопротивления и поступков. Противник во-первых непосредственно воздействует только на личность командира, но не вмешивается в его деятельность как вождя. Когда неприятель оказывает сопротивление не 2 часа, а 4, то начальник подвергается личной опасности 2 часами дольше; но размеры опасности тем меньше, чем выше положение начальника. Для главнокомандующего она равна нулю.

Во-вторых упорное сопротивление неприятеля непосредственно влияет на начальника вследствие потерь в боевых средствах и связанной с этим ответственности. Озабоченность, вызываемая этими обстоятельствами, первая подвергает испытанию силу воли вождя и вызывает ее напряжение. Но мы утверждаем, что это далеко не самое тяжелое бремя, которое ему приходится нести, ибо в этом случае ему приходится справиться только с самим собой. Все прочее воздействие, оказываемое сопротивлением неприятеля, направлено на предводимых им бойцов и уже через них влияет на вождя.

До тех пор пока войска, исполненные мужеством, сражаются бодро и охотно начальнику редко представляется повод проявить значительную силу воли при преследовании своей цели; но когда возникнут затруднения, а это случится, как только от войск потребуются чрезвычайное напряжение, то дело уже не будет идти само собой как хорошо смазанная машина; напротив, сама машина начнет оказывать сопротивление, и для его преодоления потребуются от начальника огромная сила воли. Под этим сопротивлением следует разуметь не прямое неповиновение или возражение, хотя в отдельных случаях и это имеет место, а общее впечатление упадка физических и моральных сил и муки сознания при виде кровавых жертв; начальнику приходится бороться с ними внутри себя, а затем и среди подчиненных, передающих ему посредством или непосредственно свои впечатления, настроения, беспокойства, и стремления. По мере того как силы отдельных индивидов начинают падать, их уже не увлекает и не поддерживает собственная воля; все бремя инертности массы, постепенно переключается на волю начальника; пламенем своего сердца, светочем своего духа он должен вновь воспламенить жар стремления у всех остальных и пробудить у них луч надежды; лишь постольку он в состоянии это сделать, постольку он остается над массами, их властелином. Если этого нет, если его собственное мужество оказывается уже недостаточным, чтобы снова оживить отвагу всех остальных, масса увлечет его за собой, в низменную область животной природы, бегущей от опасности и не знающей позора. Вот то бремя, которое мужество и сила духа вождя должны преодолевать в течение борьбы, если он стремится совершить выдающееся.

Это бремя растет вместе с ростом масс, а следовательно и сил; чтобы они соответствовали растущему бремени, у начальника должно быть их тем больше, чем выше занимаемый им пост.

Энергия действий отражает силу побуждений, которыми действия вызваны, причем побуждения могут иметь источником как убеждения разума, так и эмоцию духа. Последняя является необходимой, если требуется проявление крупных усилий.

Из всех высоких чувств, наполняющих человеческое сердце в пылу сражения, ни одно, надо признаться, не представляется таким могучим и устойчивым, как жажда славы и чести, которые так несправедливо унижаются в немецком языке заменой их двумя недостойными суррогатами: честолюбие, славолюбие. Правда, злоупотребление этими гордыми стремлениями на войне обусловило самые возмутительные поступки по отношению к людскому роду; но по своему истоку эти чувства конечно принадлежат к числу наиболее благородных, какие только свойственны человеческой природе. На войне они подлинное дыхание жизни, одухотворяющее огромное тело. Все остальные чувства, кажущиеся очень распространенными и возвышенными - любовь к отечеству, фанатизм, чувство мести, всякого рода воодушевление, - не исключают необходимости в жажде славы и чести. Другие чувства конечно могут в общем возбудить толпу и повысить ее настроение. Но они не внушат вождю воли, сильнейшей, чем воля его спутников, что существенно необходимо, если он должен добиваться исключительных результатов. Другие чувства не превращают, подобно честолюбию, боевые успехи войск в личную собственность вождя, в которую последний вкладывает все свои силы: он усердно пашет, тщательно сеет, и он же собирает обильную жатву. Именно это стремление всех начальников, начиная с высшего и кончая низшим, этого рода промышленность, эта конкуренция и прищипоривание возбуждают дееспособность войск и обеспечивают им успех. Бывал ли когда-нибудь великий полководец без честолюбия, и мыслимо ли подобное явление?

Твердость означает сопротивляемость воли силе единичного удара, а стойкость - сопротивляемость продолжительности натиска. Эти качества очень близки, и часто одно выражение употребляют вместо другого; однако нельзя не отметить заметного различия между ними: твердость по отношению к единичному сильному впечатлению может опираться только на силу чувств, стойкость же нуждается в большей мере в поддержке разума, так как она черпает свою силу в планомерности, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Обратимся теперь к силе темперамента. Прежде всего возникает вопрос, что мы под этим подразумеваем. Конечно не пылкие и страстные порывы - это противоречило бы общепринятому словоупотреблению, - а способность повиноваться рассудку даже в момент величайшего возбуждения, в вихре самых бурных страстей. От одной ли силы разума зависит эта способность? Мы в этом сомневаемся. Тот факт, что встречаются люди с выдающимися умственными способностями, но не владеющие собой, не может конечно служить доказательством; напротив. На это можно было бы возразить, что здесь требуется особый склад ума, пожалуй не такой всеобъемлющий, но более крепкий.

Мы будем ближе к истине, если предположим, что одним из свойств самого темперамента является способность подчиняться рассудку даже в момент наиболее бурных волнений; эту способность мы назовем самообладанием. Но есть совершенно особое чувство, которое у сильных духом вносит известное равновесие в разбушевавшиеся страсти, не ослабляя их однако; и тем самым обеспечивает господство разума. Этот противовес - чувство человеческого достоинства, благороднейший вид гордости и глубочайшая душевная потребность действовать всегда и всюду как существо, одаренное прозорливостью и разумом.

Поэтому мы скажем: сильный темперамент - у того, кто не теряет равновесия даже в моменты величайшего возбуждения.

Рассматривая отдельных людей с точки зрения их темперамента, мы во-первых заметим людей мало восприимчивых, называемых флегматиками, или апатичными; во-вторых очень впечатлительных, но чувства которых никогда не выходят за пределы определенной степени интенсивности, людей чувствительных, но спокойных; в-третьих встречаются люди крайне возбудимые, чувства которых вспыхивают быстро и бурно, как порох, но на короткое время; наконец в-четвертых людей, не поддающихся малым впечатлениям и вообще раскачивающихся только

постепенно, но чувства которых сильны и устойчивы. Это - люди сильных, глубоких и скрытых страстей. Корни этих различных темпераментов по-видимому протягиваются к грани, на которой соприкасаются физическая и духовная природа человеческого организма; темперамент находится в зависимости от нервной системы этой амфибии, одной своей стороной обращенной к материи, другой же - к духу. Нам с нашей слабой философской подготовкой не приходится дольше останавливаться на этом темном и сложном вопросе, но важно вкратце отметить, как проявляются эти различные натуры в сфере военной деятельности, и можно ли от них ожидать значительной духовной силы.

Людей апатичных нелегко вывести из равновесия, но это конечно не признак духовной силы, потому что здесь вообще нет ее проявления. Однако следует признать, что подобные люди на войне благодаря своей постоянной уравновешенности обладают известными, хотя и односторонними, достоинствами. Они не чувствуют необходимости действовать, им не хватает импульса, активности, но зато они редко могут что-либо испортить.

Отличительная черта второй категории - проявление деятельности по незначительным причинам и подавленное состояние при крупных. В случае единичного несчастья они способны проявить кипучую активность; несчастье же целого народа их повергает в уныние, но не побуждает к деятельности. На войне у этих людей не будет недостатка ни в активности, ни в уравновешенности, но совершить что-либо великое они обычно не в состоянии; исключение представляет собой случай, когда люди этой категории обладают очень сильным умом и найдут в нем побуждение к великому. Но подобным натурам редко свойственен сильный, независимый ум.

Люди, бурно и быстро воспламеняющиеся сами по себе мало пригодны для практической жизни, а следовательно и для войны. Правда, импульс в них силен, но не выдерживает длительного напряжения. Однако, если горячность этих людей имеет уклон в сторону храбрости и честолюбия, то они могут быть удачно использованы на войне на более низких должностях на том простом основании, что военные предприятия, которыми приходится руководить начальнику невысокого, ранга, обычно являются несравненно более кратковременными. Здесь часто достаточно одного смелого решения, вспышки душевных сил. Дерзкий наскок, могучее "ура" - дело нескольких минут, в то время как смело начатое сражение затягивается на целый день, а поход - на целый год.

Подобным людям при порывистой быстроте их чувств вдвойне трудно сохранить душевное равновесие, поэтому они часто теряют голову, а это худшее, что может случиться при руководстве военными действиями. Однако утверждение, что крайне возбудимые характеры никогда не бывают сильными, т.е. не могут сохранять равновесие в моменты сильнейшего возбуждения, противоречило бы опыту. Этим людям свойственно чувство собственного достоинства, большинство из них принадлежит к числу благороднейших натур. Но они редко успевают проявить эти свойства и впоследствии часто проникаются глубоким стыдом и угрызениями. Когда воспитание, самонаблюдение и жизненный опыт рано или поздно научат их остерегаться самих себя, чтобы в момент сильного возбуждения еще вовремя осознать покоящийся в их груди противовес - чувство собственного достоинства, - они способны проявить большую силу духа.

Наконец люди, наружно спокойные, но глубоко чувствующие, относящиеся к предыдущему типу, как жар к пламени, - более всего способны своей титанической силой сдвинуть и покатить огромный груз, под которым мы образно представляем трудности, сопряженные с военной деятельностью. Воздействие их чувств подобно движению огромных масс, хотя и медленному, но зато всесокрушающему.

Хотя подобные люди и не столь подвергаются натиску своих чувств и не бывают, на свое горе, в такой степени выбиты ими из колеи, однако было бы неправильным предполагать, что они никогда не теряют равновесия и не подчиняются действию слепой страсти; скорее напротив - это будет случаться всякий раз при отсутствии у них гордого чувства самообладания или при его недостаточности. Чаще всего это наблюдается у выдающихся людей первобытных народов, где недостаток умственного развития всегда способствует господству страстей. Однако среди самых образованных народов и в самых образованных слоях часто случается, что людей уносят бури страстей, как уносили в средневековье в лесную чащу олени прикрученных к ним браконьеров.

Итак повторяем еще раз: сильным темпераментом обладает человек, способный не только

сильно чувствовать, но и сохраняющий равновесие при самых сильных испытаниях и способный, несмотря на бурю в груди, подчиняться тончайшим указаниям разума, как стрелка компаса на корабле, волнуемом бурей. [41 }

Под понятием сила характера или вообще характер мы подразумеваем твердое отстаивание убеждений безразлично, являются ли последние выводами из чужой или собственной системы взглядов, или же возникнут из принципов, норм, мгновенных впечатлений или других каких-либо проявлений разума. Однако это постоянство не может иметь места, если самые взгляды подвержены частым переменам. Изменение взглядов может явиться результатом не только чуткого влияния, но и следствием эволюции своего разума; последнее указывает однако на особую неустойчивость данного лица. Ясно, что о человеке, меняющем каждую минуту свои взгляды, хотя бы все они исходили от него самого, нельзя сказать, что он обладает характером. Итак, характер приписывают тому, чьи убеждения отличаются значительным постоянством, потому ли, что они глубоко обоснованы и ясны, а вследствие этого не подлежат изменению, или тому, у которого, как у флегматика, вяло функционирует деятельность рассудка, и потому нет оснований к изменению сложившихся убеждений, или наконец тому, у которого налицо подчеркнутое проявление воли, вытекающей из руководящего принципа разума и до известной степени отвергающей перемену взглядов.

Между тем на войне под влиянием многочисленных и сильных впечатлений при недостоверности всех данных и всех оценок имеется значительно больше возможностей человеку сбиться с избранного им пути, ввести себя и других в заблуждение, чем это бывает в иного рода человеческой деятельности.

Раздирающий душу вид опасности и страданий легко дает перевес чувству над доводами рассудка; при сумеречном освещении всех явлений составление о них глубокого и ясного представления так трудно, что смена взглядов становится более понятной и простительной. Здесь можно только улавливать и нащупывать истину и по таким шатким данным действовать. Нигде не встречается такого расхождения во взглядах, как на войне. Поток впечатлений, противоречащих собственным убеждениям, течет непрерывно. Даже величайшая флегма рассудка едва может являться защитой. Впечатления слишком сильны, живы и в то же время всегда направлены против духовного равновесия.

Лишь общие принципы и взгляды, которые руководят деятельностью с высшей точки зрения, могут быть плодом ясного и глубокого проникновения, и мнение о каждом конкретном случае стоит на них как бы на якорю. Но трудность и заключается в том, чтобы не оторваться от этих плодов прежних размышлений, очутившись в потоке мнений и явлений, которые несет с собой настоящее. Между конкретным случаем и принципом часто оказывается значительное пространство; которое не всегда можно перекрыть достаточно ясной цепью умозаключений; здесь нужна и известная вера в себя, и не бесполезен некоторый скептицизм. Часто ничто не может помочь, за исключением одного руководящего правила, которое, вынесенное за скобки мышления, может господствовать над ним; это - следующее правило: при всяком сомнении держаться своего первоначального мнения и отказываться от него только по получении вполне убедительных данных. [42 }

Надо твердо верить в справедливость испытанных основных принципов и при текучести минутных явлений не забывать, что истинность последних невысокой пробы. Если во всех сомнительных случаях мы будем отдавать предпочтение своим прежним убеждениям и засвидетельствуем тем нашу верность или постоянство, то в наших действиях отразятся те устойчивость и последовательность, которые зовутся характером.

Легко понять, насколько душевная уравновешенность содействует силе характера. Люди большой духовной силы очень часто обладают и большим характером.

Сила характера приводит нас к ее уродливой разновидности - упрямству.

В каждом конкретном случае трудно сказать, где кончается первое и начинается второе, но различие в понятии устанавливается легко.

Упрямство нельзя назвать дефектом разума; этим понятием мы определяем сопротивление

правильному и лучшему пониманию данного явления; конечно такое сопротивление не может быть делом разума, этой нашей способности понимать. Упрямство - дефект темперамента. Неподатливость воли и раздражительное отношение к чужим доводам происходит из особого рода самолюбия, для которого высшее удовольствие - только своим умом властвовать над собой и другими. Мы назвали бы упрямство своего рода тщеславием, если бы оно не было чем-то лучшим: тщеславие удовлетворяется видимостью, упорство же покоится на удовольствии, доставляемом сущностью.

Сила характера обращается в упрямство всякий раз, когда сопротивление чужим взглядам вытекает не из уверенности в правильности своих убеждений и не из следования высшему принципу, а из чувства противоречия. Если это определение, как мы уже ранее признались, мало помогает нам на практике, то все же оно помешает рассматривать упрямство как более высокую степень силы характера. Если упрямство приближается и даже граничит с силой характера, то оно все-таки не повышенная его степень, а нечто существенно различное; бывают чрезвычайно упрямые люди, которые благодаря недочетам своего ума оказываются весьма слабохарактерными.

Очерченные нами качества мастерства выдающегося военачальника представляют свойства, в которых проявляются совместно дух и разум; теперь рассмотрим еще одну черту военной деятельности, пожалуй самую яркую, если не самую важную, не зависящую от духовных сил и предъявляющую требования лишь к умственным способностям. Она вытекает из отношения войны к местности и почве.

Это отношение во-первых неопределимо: невозможно представить какое-либо проявление действий сформированной армии, совершаемое вне определенного пространства. Во-вторых, оно получает решающее значение, так как накладывает отпечаток на действия всех сил, а порой их совершенно изменяет: в-третьих оно то упирается в самые детальные особенности данного участка, то охватывает широчайшие пространства.

Отношение войны к местности и почве придает военной деятельности чрезвычайное своеобразие. Если мы взглянем на другие виды человеческой деятельности, имеющие известную связь с местностью (садоводство и земледелие, архитектура и гидротехнические сооружения, горное дело, охота и лесоводство), то все они ограничены скромными пространствами, которые в короткий срок могут быть обследованы с достаточной точностью. Между тем военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором предстоит действовать и которое он ни осмотреть, ни обследовать, несмотря на всю энергию, не сможет; постоянная же смена событий редко позволит детально с этим пространством ознакомиться. Конечно, его противник находится в таком же положении, но во-первых общие обеим сторонам затруднения остаются затруднениями, причем начальник, преодолевший их благодаря таланту и опыту, получает огромное преимущество; во-вторых такое равенство в затруднениях бывает лишь в общем, но отнюдь не в каждом конкретном случае; обычно один из двух противников (обороняющийся) гораздо лучше ознакомлен с местностью, чем другой.

Эту в высшей степени своеобразную трудность должна преодолеть особая способность ума, которая обозначается чересчур узким термином - чувство местности. Это - способность быстро и верно составить геометрическое представление о любой местности и, как следствие этого, всякий раз в ней затем хорошо ориентироваться. Очевидно, что это - работа воображения. Правда, что при этом восприятие отчасти создается при помощи зрения, отчасти при помощи рассудка, который своим проникновением, обостренным наукой и опытом, дополняет недостающее, и из обрывков, уловленных глазом, составляет целое. Но для того, чтобы это целое затем ясно и живо выступило перед сознанием, стало картиной, мысленно начертанной картой, отдельные детали коей не распадаются и длительно сохраняются в памяти, нужна духовная сила, которую мы называем воображением, фантазией. Если гениальный поэт или художник почувствует себя оскорбленным в том, что мы фантазии - их богине приписываем такого рода деятельность, если он будет пожимать плечами, услышав на основании сказанного, что находчивый молодой охотник обладает хорошим воображением, то мы охотно пойдем на уступку, признав, что речь здесь идет о крайне ограниченном круге применения фантазии, о, поистине, рабской службе с ее стороны. Но как бы то ни было эта способность, хотя бы в малой доле, должна найти свое применение, потому что при полном ее отсутствии человеку трудно представлять себе живые образы предметов в их взаимном отношении. Мы охотно признаем, что хорошая память в этом случае оказывает существенную помощь; но вопрос о том, следует ли считать память

самостоятельной душевной способностью или же ее в этом отношении укрепляет и фиксирует воображение, мы должны оставить открытым; память и воображение вообще трудно представить обособленно друг от друга.

Значительную роль при этом играют, конечно, навык и проницательность. Пьюисегюр, известный генерал-квартирмейстер знаменитого маршала Люксембурга, говорит, что вначале он мало доверял своим силам в этом отношении, так как замечал, что, когда ему приходилось отправляться за приказаниями на далекое расстояние, он всякий раз сбивался с пути.

Естественно, что применение этого таланта расширяется по мере повышения ранга. Если гусар или егеря, ведя свой разъезд или дозор при наличии немногих примет, ограниченном понимании, среднем воображении, обязан легко ориентироваться в дорогах и тропинках, то полководец должен подняться до представления географических особенностей целой области и даже страны, всегда иметь перед мысленным взором направление дорог, течение рек, расположение горных цепей и кроме того обладать способностью детально понимать подробности местности. Правда, помощь общим представлениям он черпает из всякого рода сообщений, карт, книг, мемуаров, а в изучении деталей ему помогают окружающие, но несомненно, что крупный талант быстрого и ясного охвата местности придает всем действиям полководца более легкий и уверенный ход, ограждает от известной внутренней беспомощности и делает его более независимым от других.

Указанная способность едва ли не единственная услуга, которую фантазия может оказать в военном деле. Во всем остальном эта распушенная богиня способна принести больше вреда, чем пользы.

Итак, мы, по-видимому, приняли во внимание все проявления умственных и духовных сил, к которым военная деятельность предъявляет свои запросы. Всюду разум представляется существенной содействующей силой, а поэтому понятно, что простая в своих проявлениях военная деятельность может выдающимся образом руководиться только людьми выдающихся умственных способностей.

Если эта точка зрения будет усвоена, то отпадает необходимость считать обход неприятельской позиции, - действие в сущности самое простое и тысячу раз повторявшееся, достижением высокого умственного напряжения.

Правда создалась привычка противопоставлять простого, хорошего солдата глубокомысленному или изобретательному, кипящему идеями уму, украшенным блеском всестороннего образования. Это противопоставление не лишено основания, но оно безусловно не доказывает еще, что достоинство солдата заключается только в храбрости; даже для того чтобы быть только хорошим рубакой, и то надо иметь на плечах толковую голову, пригодную для своеобразной работы. Мы вновь должны отметить весьма частое явление, когда люди, достигнув высоких постов, утрачивают работоспособность, так как присущий им кругозор оказывается недостаточным. Мы подчеркиваем, что речь идет о выдающихся достижениях, доставляющих славу в той области деятельности, которой себя данное лицо посвятило. Каждая ступень командования на войне образует свой собственный цикл необходимых умственных способностей, славы и чести.

Громадная пропасть отделяет полководца, руководящего всей войной или действиями на отдельном театре войны, от непосредственно ему подчиненных, последние находятся под несравненно более непосредственным руководством и надзором, и, следовательно, их умственная деятельность заключена в значительно более узкие рамки. Этим объясняется распространенное мнение, будто лишь на высшем посту необходим выдающийся ум, а на остальных ступенях командования будто бы можно обходиться самым посредственным рассудком.

Часто бывают склонны подмечать известное притупление умственных способностей поседевшего в боях начальника, занимающего ближайшую к полководцу командную должность, кругозор которого доведен до несомненной бедности его односторонней деятельностью; при всем уважении к его личной доблести часто готовы улыбаться над его ограниченностью. Мы не имеем в виду брать под свою защиту этих славных людей; таланты их от этого не вырастут, а в защите они едва ли нуждаются; мы хотим лишь показать, как дело обстоит в действительности, и рассеять заблуждение, будто на войне можно достигнуть выдающихся успехов и без умственных способностей,

одной храбростью.

Если даже на низших постах мы требуем от командира, стремящегося выдвинуться, выдающихся духовных способностей и повышаем наши требования на каждой ступени, то само собою очевидно, что мы отнюдь не так смотрим на тех, кто с честью занимает второе место в армии. Их кажущаяся простота рядом с многознающим ученым, борзо пишущим чиновником и выступающим в заседаниях государственным деятелем не должна нас вводить в заблуждение относительно выдающейся природы их творческого разума. Правда, иногда бывает, что люди приобретают на низших постах репутацию и затем достигают высших должностей, в действительности не соответствуя последним. Если их там не очень используют, то они не подвергаются опасности разоблачить свою несостоятельность: а молва не разбирается достаточно точно в том, какого рода слава принадлежит им по праву. Подобные люди являются часто причиной довольно низкого мнения и о личностях, подлинно блещущих на известных постах.

Таким образом, чтобы достигнуть выдающихся результатов на войне, и на низших и на высших ступенях, требуется своеобразный гений. Но история и суд потомства обычно придают наименование подлинного гения лишь тем умам, которые блистали на руководящих постах в роли полководцев. Это объясняется чрезвычайно повышенными требованиями к духу и уму, предъявляемыми на этом посту.

Для того, чтобы довести всю войну или хотя бы большой ее отрезок, называемый походом, до блестящего конца, необходимо глубоко вникнуть в высшие государственные соотношения. Здесь стратегия и политика сливаются воедино, и полководец делается одновременно и государственным человеком.

Карла XII не называют гением потому, что он не умел подчинять свои военные успехи высшей прозорливости и мудрости и потому не достиг блестящих результатов; не дают этого названия и Генриху IV потому, что он прожил не достаточно долго для того, чтобы выдвинуть свою военную деятельность на арену отношений нескольких государств и испытать свои силы в более трудных условиях, когда благородство чувств и рыцарский нрав не могут оказывать на противника того влияния, как при преодолении внутренней смуты.

В I главе нашего труда мы стремились дать читателю почувствовать объем того, что должно быть охвачено полководцем одним взглядом; и получить от него правильную оценку. Повторяем: полководец становится государственным человеком, но все же должен оставаться полководцем; во-первых он должен одним взглядом охватить все государственные взаимоотношения, во-вторых отдать себе ясный отчет в том, чего он может достигнуть с имеющимися у него средствами.

При этом многообразии и неопределенности всевозможных отношений приходится взвешивать множество величин, оценка значительной части коих может быть произведена только по законам вероятности. Если полководец не охватит всего этого своим глубоким прозорливым умом, то возникнет путаница заключений и соображений и утратится возможность правильного суждения. В этом понимании Бонапарт был совершенно прав, когда говорил, что многие вопросы, стоящие перед полководцем, являются математической задачей, достойной усилий Ньютона и Эйлера.

Главное, что здесь требуется от высших духовных сил, это - цельность и анализ, доведенный до удивительного прозрения, способного налету разрешать и разъяснять тысячи смутных представлений, одоление каждого из которых может истощить обыкновенный ум. Но эта высшая духовная деятельность, этот взор гения все же не стал бы достоянием истории, если бы он не нашел поддержки в тех свойствах темперамента и характера, о которых мы говорили выше.

Простое сознание истины представляет лишь крайне слабое побуждение для деятельности человека. Отсюда то великое различие, которое существует между познанием и волей, между знанием и умением. Наиболее сильно побуждают человека к действию чувства и та могучая поддержка, которую дают сплавы, если так можно выразиться, темперамента и рассудка, о которых мы говорили выше. Это - решимость, твердость, стойкость и сила характера.

Добавим: если эта повышенная умственная и духовная деятельность полководца не свидетельствовала бы о себе суммой достигнутых успехов и ее приходилось бы принимать лишь на

веру, она редко попадала бы на страницы истории.

То, что обычно делается известным о ходе военных событий, бывает чрезвычайно простым, кажется крайне однообразным. Повествование не дает никакого понятия о тех трудностях, которые при этом приходится преодолевать. Лишь изредка, благодаря мемуарам полководцев и их доверенных лиц или при особо тщательном исследовании какого-либо события удается схватить часть тех многих нитей, которые образуют ткань событий. Большая часть тех размышлений и той внутренней борьбы, которые предшествовали какому-либо крупному исполнению, умышленно скрывается, ибо они затрагивают политические интересы, или же просто забывается, ибо на них смотрят лишь как на леса, подлежащие сносу по окончании постройки.

Мы не будем пытаться более точно определить высшие духовные силы и отказываемся от установления отдельных свойств разума. Но на вопрос, какого рода ум более всего соответствует военному гению, скажем, исходя из природы военной деятельности и опыта действительности: скорее критический, чем творческий, скорее широкий, чем углубляющийся в одну сторону; горячей голове мы предпочтем холодную, и последней мы вверили бы на войне благосостояние наших братьев и детей, честь и безопасность родины.

Глава 4. **Опасности на войне**

Люди, не испытавшие опасностей войны, представляют себе ее скорее привлекательной, чем отталкивающей. В пылу воодушевления стремительно ринуться на врага - кто тогда считает пули и сраженных ими; зажмурив на несколько мгновений глаза, броситься навстречу смерти, еще не зная, предназначена она тебе или другим, и все это на самом пороге золотой победы, почти касаясь плода всех усилий, которого жаждет честолюбие, неужели это так трудно? Конечно нетрудно, но и не так легко, как это может показаться. Во-первых, таких мгновений будет мало; притом опасность - дело во всяком случае не мгновенное, как кажется многим, ее нельзя сразу проглотить, а придется принимать понемногу, разбавленную временем, подобно испорченной лекарственной микстуре.

Пойдем за новичком на поле сражения. Приближаясь к последнему, мы замечаем, что гром орудий, становящийся с каждым мгновением все более ясным, сменяется наконец воем ядер, привлекающим внимание новичка. Снаряды падают уже близко то спереди, то сзади. Мы спешим к холму, на котором командир корпуса расположился со своей многочисленной свитой. Здесь летит больше ядер, разрывы гранат настолько учащаются, что серьезная действительность уже сквозит через образы юношеской фантазии. Вдруг вы видите, как падает сраженным ваш знакомый: граната упала в строй и вызвала невольное смятение. Вы начинаете ощущать, что сохранять полное спокойствие и сосредоточенность становится уже трудно; даже самые храбрые становятся несколько рассеянными. Теперь еще шаг, в самое сражение, которое бушует перед вами пока еще в виде картины. Подойдем, к ближайшему начальнику дивизии; здесь снаряд летит за снарядом; грохот собственных орудий увеличивает вашу рассеянность. От дивизионного - к бригадному генералу. Последний, человек испытанной храбрости, тем не менее осторожно укрывается за холмом, домом или деревьями. Картечь, верный признак нарастающей опасности, барабанит по полям и крышам; снаряды с воем пролетают около нас и над головами во всех направлениях, часто свистят ружейные пули: еще один шаг к войскам - и мы среди пехоты, с неопишуемой стойкостью часами выдерживающей огневой бой. Здесь воздух наполнен свистом пуль, дающих знать о своей близости коротким резким звуком, когда они пролетают в нескольких дюймах от ваших ушей, головы, самой души. В беспокойно бьющемся сердце непрерывными мучительными ударами стучится сострадание к искалеченным и сраженным на ваших глазах.

Ни одной из этих различных ступеней опасности новичок не минует, не ощутив, что мысль здесь пробуждают иные силы и лучи ее преломляются иначе, чем при обычной умственной деятельности; скажем больше, надо быть совершенно исключительным человеком, чтобы под влиянием первых впечатлений не утратить способности принимать мгновенные решения. Правда привычка скоро притупляет эти впечатления; через полчаса становишься более или менее равнодушным ко всему окружающему; но до полного спокойствия и естественной душевной эластичности обыкновенный человек дойти не может, - а потому следует признать, что здесь обыденного недостаточно: чем шире круг деятельности, тем выше требования. Нужны восторженная, стоическая, прирожденная храбрость,

властное честолюбие или старая привычка к опасности и еще многое, чтобы в этой затрудняющей всякую деятельность обстановке результат работы был не ниже той нормы, которая у себя в кабинете кажется такой обыкновенной.

Опасность - один из элементов трения на войне; правильное представление о ней необходимо для познаний сущности войны. Поэтому мы и коснулись этого предмета.

Глава 5. **Физическое напряжение на войне**

Если бы никому не разрешалось высказывать суждения о военных событиях иначе, как в тот момент, когда он околел от холода или изнемог от жары и жажды, подавлен голодом и усталостью, мы конечно имели бы меньше объективно верных суждений, но зато они были бы строго субъективными, т.е. в точности передавали бы отношение судящего к предмету. Это видно уже из того, насколько умаленным, вялым и дешевеньким является суждение очевидцев о результатах губельного происшествия, особенно в тот момент, как они находятся среди этих несчастных событий. Последнее на наш взгляд может служить мерилем влияния, оказываемого физическим напряжением, и значения, какое ему при анализе явлений следует придавать.

Существуют явления, для пользования которыми на войне нет возможности установить какую-либо норму, к ним в особенности относится физическое напряжение. Способность к физическому напряжению, поскольку она не будет растрчена, является коэффициентом всех сил, и никто в точности не может сказать, до какого предела ее можно довести. Но замечательно: как более сильный стрелок ту же натягивает тетиву лука, так более мощному духом удастся на войне добиться от своих войск более высокой степени напряжения сил. Конечно, существует два вида напряжения сил. Один, когда после страшного разгрома, разбившись на обломки, подобно рухнувшему зданию, окруженная опасностями армия ищет спасения с величайшим напряжением физических сил. Другой - когда полководец по своему свободному соизволению, ведет победоносную армию, полную горделивого чувства.

Степень напряжения, которая в первом случае вызывает лишь сострадание, во втором внушает восторженное удивление, так как добиться ее здесь несоизмеримо труднее.

Таким образом и перед неопытным глазом выступает на свет одно из обстоятельств, которое тайно накладывает оковы на порывы духа и украдкой поглощает его силы.

Хотя здесь речь идет собственно лишь о напряжении, которого главнокомандующий требует от своей армии, начальник - от своих подчиненных, точнее - о мужестве, необходимом, чтобы его добиться, и об искусстве, без которого его нельзя сохранить, однако нельзя обойти и вопроса о физическом напряжении, испытываемом начальниками и полководцем. Добросовестно доведя анализ войны до этого места, мы должны принять во внимание также и удельный вес этого наслоения.

Мы рассматриваем здесь вопрос о физическом напряжении главным образом потому, что это напряжение, как и опасность, является одной из основных причин трения, а также и потому, что по неопределенному размеру вызываемого трения оно приближается к природе эластичных тел, сила трения которых, как известно, с трудом поддается исчислению.

Однако особое внутреннее чувство, которое природа дала нам в качестве путеводной нити для нашего суждения, предостерегает нас против злоупотребления ссылками на указанные суждения; нельзя отговариваться тягостными условиями войны. Подобно тому как отдельный человек ничего не выиграет, если будет ссылаться на свои слабости, подвергнувшись позору и оскорблениям, и, напротив - выставит себя в лучшем свете, сославшись на них после того, как ему удастся восторжествовать над клеветой или блестяще отомстить, так ни один полководец, ни одна армия изображением опасностей, тягот и напряжения не исправят впечатления от позорного поражения; но те же трудности могли бы значительно усилить блеск одержанной победы. Так кажущаяся снисходительность к побежденному, к которой склонен наш рассудок, подавляется нашим чувством, в существе своем являющимся суждением высшего порядка.

Глава 6.

Сведения, получаемые на войне

Словом "сведения" мы обозначаем всю совокупность знания, имеющихся у нас о неприятеле и его стране. Это - основа наших собственных идей и действий. Стоит лишь вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и шаткость, чтобы почувствовать, как хрупка зиждящаяся на ней постройка войны, как легко она может рухнуть и похоронить нас под своими обломками. Что следует доверять лишь надежным сообщениям, что никогда не следует отказываться от известного недоверия, об этом написано во всех руководствах; но это - жалкое, книжное утешение, представляющее ту премудрость, к которой охотно прибегают за неимением чего-либо лучшего составители систем и учебников.

Многие донесения, получаемые на войне, противоречат одно другому; ложных донесений еще больше, а основная их масса - мало достоверна. От военного работника в данном случае требуется известная способность различать, которая дается только знанием дела и людей и здравым суждением. При оценке различных сведений надлежит руководствоваться их вероятностью. Затруднения бывают уже значительными при составлении первоначальных планов, разрабатываемых в кабинетах, вне подлинной сферы войны. В суматохе военных действий они несравненно больше: там одно известие нагоняет другое; счастье еще, когда их противоречивость устанавливает известное равновесие и вызывает взаимную критику. Гораздо хуже для неопытного человека, когда случай отказывает ему в этой услуге: одно известие начинает подкреплять, подтверждать и преувеличивать другие, картина раскрашивается все новыми красками, наконец он оказывается перед необходимостью принять поспешное решение: последнее вскоре будет признано глупостью, а сведения, его вызвавшие, - ложью, преувеличением, ошибкой и пр. Короче говоря: большинство известий ложны, а человеческая опасливость черпает из них материал для новой лжи и неправды. Как общее правило всякий скорее способен поверить плохому, чем хорошему; каждый склонен несколько преувеличивать плохое. Грозящие опасности, о которых подобным образом доносят, похожи на морские волны, которые хотя и уносятся сами, но снова возвращаются без всякого видимого повода. Непоколбимо уверенный в превосходстве своего внутреннего знания начальник должен стоять, как скала, о которую разбиваются волны сомнений. Это нелегкая роль; кто от природы не одарен хладнокровием, не закален боевым опытом и не тверд в своем суждении должен принять за правило насильно, т.е. вопреки своим внутренним убеждениям отворачиваться от опасений в сторону надежд; только этот путь позволит ему сохранить истинное равновесие. Правильная оценка этих затруднений, составляющих одно из главных трений на войне, дает возможность видеть дело в совершенно ином свете, чем оно представлялось вначале. Впечатления чувств сильнее представлений разумного расчета, и это заходит так далеко, что почти ни одна сколько-нибудь крупная операция не выполнялась без того, чтобы командующему армией на первых же шагах не приходилось побеждать внутри себя вновь возникающие сомнения. Поэтому-то люди заурядные, следующие посторонним внушениям, обычно делаются нерешительными на месте действия. Обстоятельства им кажутся иными, чем они предполагали, и притом тем более, чем сильнее они продолжают поддаваться чужим внушениям. Но и тот, кто сам наметил план и смотрит на все собственными глазами, легко сбивается со своего первоначального мнения. Твердая уверенность в себе должна вооружить начальника против кажущегося напора данного момента. Его прежнее убеждение подтвердится при дальнейшем разворачивании событий, когда кулисы, выдвигаемые судьбой на авансцену войны, с их густо намалеванными образами различных опасностей отодвинутся назад и горизонт расширится. Это - одна из великих пропастей, отделяющих составление плана от его выполнения.

Глава 7.

Трение на войне

Пока человек лично не ознакомится с войной, он не поймет, в чем заключаются трудности дела, о которых постоянно идет речь, и каковы задачи гения и выдающихся духовных сил, необходимых полководцу. Все представляется чрезвычайно простым: необходимые знания - банальными, комбинации незначительными; по сравнению с ними заурядная задача высшей математики производит внушительное впечатление своим научным величием. Но тому, кто видел войну, все понятно; несмотря на это, крайне трудно указать, что изменяет это простое в трудное, и описать этот невидимый и тем не менее всюду действующий фактор.

Все на войне очень просто, но эта простота представляет трудности. Последние, накапливаясь, вызывают такое трение, о котором человек, не видавший войны, не может иметь правильного понятия. Представьте себе путешественника, которому еще до наступления ночи надо проехать 2 станции; 4-5 часов езды на почтовых по шоссе - пустыки. Вот он уже на предпоследней станции. Но здесь плохие лошади или нет вовсе никаких, а дальше гористая местность, неисправная дорога, наступает глубокая ночь. Он рад, что ему удалось после больших усилий добраться до ближайшей станции и найти там скудный приют. Так под влиянием бесчисленных мелких обстоятельств, которых письменно излагать не стоит, на войне все снижается, и человек далеко отстает от намеченной цели. Могучая, железная воля преодолевает все эти трения, она сокрушает препятствия; при этом правда приходит в негодность и сама машина. Нам часто придется возвращаться к этому выводу. Подобно обелиску, к которому ведут главные улицы города, в центре военного искусства господствует надо всем твердая воля гордого духа.

Трение это единственное понятие, которое в общем отличает действительную войну от войны бумажной. Военная машина - армия и все что к ней относится, - в основе своей чрезвычайно проста, и потому кажется, что ею легко управлять. Но вспомним, что ни одна из ее частей не сделана из целого куска; все решительно составлено из отдельных индивидов, из которых каждый испытывает трение по всем направлениям. Теоретически получается превосходно: командир батальона отвечает за выполнение данного приказа; так как батальон спаян дисциплиной воедино, а командир - человек испытанного рвения, то вал должен вращаться на железной оси с ничтожным трением. В действительности это не так, и в свое время вскрывается все ложное и преувеличенное, содержащееся в том представлении. Батальон не перестает состоять из людей; при случае каждый из них, даже самый ничтожный, может вызвать задержку или иное нарушение порядка. Опасности и физическое напряжение, с которыми сопряжена война, увеличивают зло настолько, что на них следует смотреть, как на важнейший его источник.

Это ужасное трение, которое не может, как в механике, быть сосредоточено в немногих пунктах, всюду приходит в соприкосновение со случайностью и вызывает явления, которых заранее учесть невозможно, так как они по большей части случайны. Подобной случайностью может оказаться например погода. Здесь - туман помешал вовремя обнаружить неприятеля, открыть огонь из орудия, доставить донесение начальнику; там из-за дождя один батальон не пришел вовсе, другой не мог прийти вовремя, так как ему вместо 3 часов пришлось шагать целых 8, в другом месте кавалерия увязла в размокшем грунте и не могла атаковать и т.п.

Мы привели эти 2 - 3 подробности для ясности, чтобы читатель понимал, что имеет в виду автор. Но о таких трудностях можно написать целые тома; чтобы избежать этого и все-таки дать читателю ясное представление о массе мелких затруднений, с которыми приходится бороться на войне, мы хотели отразить наши мысли в ряде картин, но боимся вызвать утомление. Ограничимся несколькими примерами; да простят их нам читатели, давно нас понявшие.

Деятельность на войне подобна движению в противодействующей среде. Как невозможно в воде легко и отчетливо воспроизвести самые естественные и несложные движения, простую ходьбу, так и на дойне обычных сил недостаточно, чтобы держаться хотя бы на уровне посредственности. Поэтому настоящий теоретик похож на учителя плавания, заставляющего упражняться на суше в движениях, которые понадобятся в воде. Эти движения покажутся смешными и странными тому, кто, глядя на них, не вспомнит о воде. Отсюда же происходит непрактичность и даже пошлость теоретиков, которые сами не погружались в воду или оказались неспособными извлечь из своего опыта каких-либо общих правил: они обучают только ходить, т. е. учат тому, что и без них каждый умеет.

Каждая война богата своеобразными явлениями. Она - неисследованное море, полное подводных камней; полководец никогда их не видел, но должен предчувствовать и уметь лавировать среди них в глубоком мраке ночи. Если вдобавок вдруг поднимется противный ветер, т.е. если будет иметь место крупная неблагоприятная случайность, - потребуются величайшее искусство, присутствие духа и напряжение сил, а смотрящему издали будет казаться, что все идет само собой. Знакомство с этим трением - значительная доля прославленного военного опыта, который требуется от хорошего генерала. Конечно генерал, придающий исключительное значение трению, особенно, если оно ему импонирует, не будет самым лучшим (такие боязливые генералы часто встречаются среди практиков). Но знание трения генералу безусловно необходимо, чтобы, где можно, его преодолевать и не ждать

точности действия, там, где из-за трения ее не может быть. Впрочем теоретически трение изучить в совершенстве нельзя, но если бы это и было возможно, то все же недоставало бы того навыка в оценке, того такта, который во всяком случае гораздо нужнее в поле, среди мелких и разнообразных явлений, чем при решении крупных важнейших вопросов, когда можно держать совет с самим собою и с другими. Как такт, почти обратившийся в привычку, всегда заставляет светского человека действовать, говорить и двигаться корректно, так же и военный опыт позволит обладающему им офицеру всегда в больших и малых делах, при каждом так сказать ударе пульса войны распорядиться правильно и к стати. При наличии опыта и навыка приходит ему на ум сама собою мысль: это - годится, это - нет. Он нелегко попадает впросак, что при частом повторении подрывает основы доверия и представляет большую опасность.

Трение или то, что мы обозначали здесь этим термином, делает легкое с виду трудным на деле. Мы еще вернемся впоследствии к этому предмету, и тогда станет ясным, что помимо опыта и сильной воли для того чтобы быть выдающимся полководцем необходимо обладать исключительными качествами духа.

Глава 8.

Заключительные замечания к первой части

Мы указали на опасность, физическое напряжение, недостоверность сведений и трение, как элементы, входящие в состав атмосферы войны и обращающие ее в среду, затрудняющую всякого рода деятельность. Сумму этих элементов и их противодействия можно назвать общим трением. Неужели для ослабления этого трения нет никакой надежной смазки? Таковой смазкой может быть только втянутость армии в войну, но это средство не всегда находится в распоряжении полководца и войск.

Привычка приучает тело к большим напряжениям, душу - к опасностям, рассудок - к осторожности в отношении впечатления минуты. Привычка сообщает всем драгоценную уравновешенность, которая, восходя от рядового гусара и стрелка до начальника дивизии, облегчает деятельность полководца.

Подобно тому как человеческий глаз, расширяя в темной комнате свой зрачок, использует небольшое количество наличного света, мало-помалу начинает различать предметы, и наконец вполне удовлетворительно разбирается в них, так и опытный солдат ориентируется на войне, в то время как перед новичком расстилается непроглядная тьма.

Ни один полководец не может дать войскам втянутости в войну. Маневры мирного времени являются слабой ее заменой; эта замена слаба по сравнению с подлинным боевым опытом, но не в сравнении с навыками, приобретаемыми войсками, которые тренируются только в механическом воспроизведении искусственных учений. Организация упражнений мирного времени, при которой открывается доступ хотя бы части элементов трения, развивает в отдельных начальниках способность к суждению, осмотрительность, даже решительность, и имеет несравненно большую ценность, чем это думают те, кто незнаком с этим на опыте. Крайне важно, чтобы военный - любого ранга - на войне не впервые столкнулся бы с явлениями трения, которые обычно сначала повергают в изумление и смущение. Если он с ними раньше встречался хотя бы однажды, то они ему уже наполовину знакомы. Это касается даже физических напряжений. В них следует упражняться с целью приучить не только тело, но главным образом ум. Солдат-новичок склонен на войне считать чрезвычайное напряжение сил, выпадающее на него, результатом крупных ошибок, блужданий и растерянности общего руководства; это удваивает его чувство подавленности. Это отпадает, если к напряжению своих сил он будет подготовлен маневрами.

Привлечение офицеров чужих армий, обладающих боевым опытом. - другое, менее широкое, но все-таки очень хорошее средство приобрести навык к войне в мирное время. В Европе повсеместно редко бывает мир; в остальных частях света война никогда не прекращается. Поэтому государство, пребывающее в долгом мире, должно постоянно привлекать к себе отдельных отличившихся на этих театрах войны офицеров, или же отправлять туда своих офицеров, чтобы они могли там познакомиться с войной.

Как бы ни было незначительно количество таких офицеров по отношению ко всей массе войск, все же их влияние будет очень заметно. Их опыт, направление ума, развитие характера влияют на подчиненных и товарищей; кроме того в тех случаях, когда они не могут быть поставлены на влиятельные посты, на них можно смотреть как на людей, знакомых с местностью на определенных театрах войны: во многих случаях от них можно получить полезные сведения и указания.

Часть II. Теория войны

Глава 1. Деление на части теории военного искусства

Война по существу своему это - бой, так как бой - единственный решающий акт многообразной деятельности, разумеющейся под широким понятием войны. Бой - это измерение духовных и физических сил путем взаимного столкновения сторон. Понятно, что исключать духовные силы нельзя, так как состояние духа оказывает самое решающее влияние на военные силы.

С давних времен необходимость борьбы заставляла человека изобретать специальные средства для получения преимуществ в бою. Вследствие этого бой во многом изменяется; но в какую форму ни вылился бы бой, лежащая в основе его идея не меняется и определяет сущность войны.

Изобретениями являются главным образом оружие и устройство войск. Прежде чем начать войну, надо изготовить оружие и тренировать бойцов. Эта работа направляется сообразно с природой боя, следовательно является продиктованной последней. Но это еще не бой, а только подготовка к нему. Что вооружение и устройство не являются существенной частью понятия боя, ясно, так как обходящаяся без них простая кулачная расправа все же является боем.

Бой определяет вооружение и устройство войск, но последние в свою очередь видоизменяют бой; таким образом между ними происходит взаимодействие.

Однако бой все же остается крайне своеобразным видом деятельности, в особенности потому, что протекает в своеобразной стихии. Эта стихия опасность.

Здесь более чем где-либо требуется разделение труда; чтобы пояснить практическую важность этого положения, достаточно напомнить, как отличные деятели в одной области оказывались абсолютно непригодными педантами в другой.

Притом вовсе нетрудно при исследовании разделить один вид деятельности от другого, если рассматривать вооруженные силы, являющиеся для нас средством, как данную величину; для целесообразного их применения достаточно будет уметь разобраться в их основных данных.

Итак, военное искусство в тесном смысле этого понятия является искусством использования в борьбе данных средств, для него нет более подходящего названия, как ведение войны. Но конечно, военное искусство в широком смысле охватывает и другие виды деятельности, существующие ради войны, т.е. всю работу по созданию вооруженных сил - их комплектование, вооружение, устройство и обучение.

Для того чтобы теория не порвала с реальностью, весьма важно разделить исследование этих двух видов деятельности. Действительно если бы теория военного искусства начиналась с организации вооруженных сил и, поскольку последние определяют ведение войны, приурочивала бы их к нему, то такая теория была бы приложима только в тех немногих случаях, когда наличные вооруженные силы в точности ей соответствуют. Напротив, если мы хотим иметь теорию, которая отвечала бы большинству случаев и никогда не являлась бы вовсе непригодной, то мы должны строить ее на основе нормальных вооруженных сил, какими они бывают в большинстве случаев, причем и здесь только на их важнейших данных.

Итак ведение войны есть расстановка сил и ведение боя. Если бы борьба представляла единичный акт, то не было бы никакого основания для дальнейшего подразделения теории ведения войны; однако борьба состоит из большего или меньшего числа отдельных, завершенных актов, которые мы называем частными боями, как мы на то указывали в I главе 1-й части[27], и которые образуют новые единства. Отсюда происходит 2 совершенно различных вида деятельности:

- 1) организация самих по себе этих отдельных боев и ведение их;
- 2) увязка их с общей целью войны. Первая называется тактикой, вторая стратегией.

Деление на тактику и стратегию в настоящее время имеет почти всеобщее распространение; каждый более или менее определенно знает, в какую из двух областей он должен поместить отдельное явление, даже не отдавая себе ясного отчета в основании для этого деления. Если подобным подразделением руководствуются бессознательно, то оно должно иметь глубокое основание. Мы его установили и можем сказать, что путеводной нитью наших розысков являлось общепринятое словоупотребление. Произвольные же попытки отдельных писателей определить эти понятия без учета природы вещей мы должны рассматривать как не имеющие общего распространения.

Итак, согласно нашему делению тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, а стратегия - учение об использовании боев в целях войны.

Впоследствии при более подробном рассмотрении боя мы сможем вполне отчетливо очертить понятие отдельного или самостоятельного боя и установить предпосылки, при которых единство этого понятия имеет место; здесь же мы удовольствуемся замечанием, что пределы единства боя в пространстве (при одновременных боях) совпадают с пределами командования соответственного начальника, а пределы единства во времени (при боях, следующих один за другим) простираются до момента полного преодоления кризиса, содержащегося в каждом бое .

Тот факт, что встречаются сомнительные случаи, а именно когда несколько боев могут рассматриваться как сливающиеся в одно целое, не может служить возражением против нашей системы подразделения, так как представляет возражение против любой системы подразделения реальных явлений, различия между которыми обычно сглаживаются постепенными переходами. Конечно, бывают и такие акты боевой деятельности, которые с одной и той же точки зрения могут с одинаковым успехом быть отнесены и к стратегии и к тактике: например действия на весьма растянутых позициях, подобных кордонной линии, организация некоторых речных переправ и т. д.

Подразделение на стратегию и тактику имеет в виду и полностью охватывает лишь использование вооруженных сил. Между тем на войне есть множество видов деятельности, которые помогают использованию вооруженных сил, но отличны от него, иногда приближаясь, иногда становясь более чуждыми ему. Все эти виды деятельности относятся к сохранению вооруженных сил. Подобно тому как создание и обучение сил предшествует их использованию, так сохранение их сопровождает это использование и составляет необходимое его условие. Впрочем при более внимательном разборе все виды деятельности, относящиеся сюда, должны рассматриваться как подготовка к бою, но подготовка, настолько близко соприкасающаяся с боевой деятельностью, что она сопровождает военные действия на всем их протяжении, чередуясь с актом использования вооруженных сил. Поэтому мы вправе отделить эти виды деятельности так же, как и прочие подготовительные действия, от военного искусства, нанимаемого более тесно, т.е. от непосредственного ведения войны, и к этому нас вынуждает основное требование всякой теории - отделять неоднородные явления друг от друга. Кто станет причислять к ведению войны в собственном смысле всю канитель продовольственной службы и администрации? Хотя они и находятся с ведением войны в постоянном взаимодействии, но все же представляют нечто по существу своему от него отличное.

В III главе 1-й части[28] мы говорили, что в то время как борьба в целом и частные бои представляют собой единственное подлинное действие, нити всех остальных видов деятельности приводят к бою и охватываются им. Этим мы хотели сказать, что всем остальным видам деятельности бой указывает объекты, к достижению которых они стремятся каждый согласно присущим им особенностям. Здесь мы подробнее остановимся на них.

Объекты деятельности, протекающие вне сферы боя, чрезвычайно разнообразны .

Некоторые из них с одной стороны являются частью самой борьбы и с ней тождественны, с другой же стороны имеют целью сохранение вооруженных сил. Другие служат исключительно сохранению этих сил и лишь на основе взаимодействия оказывают косвенное влияние на бой.

Объекты деятельности, являющиеся еще частью самой борьбы, это - марши, биваки и квартирное расположение войск, потому что ими обуславливается известное состояние войск, а там, где мыслятся войска, идея боя всегда должна быть налицо.

Другие, имеющие отношение исключительно к сохранению вооруженных сил, это - продовольствие войск, уход за ранеными и больными, пополнение вооружения и снаряжения.

Марши вполне тождественны с использованием войск. Марши в течение боя, обычно называемые эволюциями[29], еще не представляют подлинного действия оружием, но они так тесно и неизбежно связаны с последним, что составляют неотъемлемую часть того, что мы называем боем. Марш же вне боя - не что иное как выполнение стратегических предначертаний. Эти последние указывают: когда, где и с какими силами должен быть дан бой, а для выполнения этого единственным средством служит марш.

Таким образом, марши вне боя являются орудием стратегии, но не принадлежат единственно ей, так как войска на походе каждое мгновение могут ввязаться в бой; поэтому выполнение марша контролируется как тактикой, так и стратегией.

Когда мы указываем колонне путь по сию сторону реки или горного отрога, то это является стратегическим заданием, ибо в нем заключается намерение дать противнику бой, если последний завяжется на марше, по эту сторону реки или отрога, а не на противоположной стороне.

Если же колонна, вместо того чтобы идти в долине по дороге, будет двинута по сопровождающей последнюю возвышенности, или если ради удобства марша она будет разделена на несколько небольших колонн, то это уже явится тактическим заданием, ибо оно определяется тем способом, каким, в случае возможного боя, мы намерены использовать наши вооруженные силы.

Внутренний распорядок при передвижении всегда связан с боевой готовностью и относится к тактике, ибо он не что иное, как предвестник диспозиции для могущего иметь место боя.

Марш является инструментом, посредством которого стратегия распределяет свои деятельные начала, т.е. бои; эти последние входят в стратегию лишь своими результатами, но не своим фактическим течением; поэтому нас не должно удивить, что при анализе инструмент часто оказывался на месте деятельного начала. Так часто говорят о решающих искусных маршах, причем понимают при этом те комбинации боев, к которым эти марши привели. Такая подмена представлений вполне естественна, а краткость речи слишком желательна, чтобы настаивать на отказе от нее, но все же такой оборот речи является лишь сдвигом ряда представлений, настоящий смысл которого надлежит не упускать из виду, дабы не стать на ложный путь .

Таким ложным путем является приписывание стратегическим комбинациям силы, независимой от тактических успехов. Комбинируют марши и маневры, достигают намеченной цели и при этом нет и речи о бое; отсюда заключают, что будто бы существуют средства одолеть противника без боя. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность указать всю чреватую последствиями значительность этого заблуждения.

Но хотя марш и может рассматриваться как неотъемлемая часть боя, однако к нему относятся и вопросы, не имеющие прямого отношения к последнему, т.е. не являющиеся ни тактическими, ни стратегическими. Сюда относится весь распорядок, служащий лишь для удобства войск, - например сооружение мостов и дорог и т.п. Это однако лишь аксессуары; порой они могут стать очень близкими к использованию войск и почти с ними отождествиться, как например постройка моста на глазах у неприятеля, и все же они являются посторонними действиями, теория которых не входит в теорию ведения войны.

Биваки[30], под которыми в противоположность квартирному расположению мы разумеем всякое сосредоточенное, а следовательно, готовое к бою расположение войск, представляют состояние покоя и следовательно отдыха, но в то же время они являются стратегическим предрешением сражения в пунктах, где они располагаются; при этом порядок их расположения уже содержит в себе основные линии боя и обстановку, из которой исходит всякий оборонительный бой. Таким образом расположение биваков является существенной частью как стратегии, так и тактики.

Квартирное расположение заменяет бивак в целях предоставления лучшего отдыха войскам; следовательно по местонахождению и размеру занятой площади оно, как и биваки, относится к стратегии, а по внутренней организации, ориентированной на готовности к бою, является предметом тактики.

Правда, помимо отдыха войск бивачное и квартирное расположения обыкновенно преследуют и другие цели, например прикрытие известного района, удержание той или другой позиции; но часто целью может служить лишь первое. Припомним, что цели, преследуемые стратегией, могут быть чрезвычайно разнообразными, ибо все, что представляет для нее выгоду, может служить целью данного боя; но и сохранение орудия, при помощи которого ведется война[31], по необходимости часто будет являться целью отдельных ее комбинаций.

Следовательно, когда в подобном случае стратегия обслуживает лишь сохранение войск, то мы вовсе не оказываемся в чуждой нам области, но все еще находимся в области использования вооруженных сил, ибо всякое их размещение в любом пункте театра войны представляет использование их .

Но если сохранение войск на биваках или на квартирах вызывает такую деятельность, которая не является использованием вооруженных сил, вроде постройки землянок, разбивки палаток, снабжения продовольствием или работ по поддержанию чистоты на биваках и в местах расквартирования, то это уже не относится ни к стратегии, ни к тактике.

Даже сооружение окопов, расположение и устройство которых являются очевидно частью организации боя, а следовательно составляют предмет тактики, не принадлежит однако в отношении выполнения постройки к теории ведения войны; нужные для этого знания и умение должны быть уже присущи обученной вооруженной силе. Учение о бое предполагает их как уже готовую данную.

Из объектов, которые служат исключительно сохранению вооруженной силы и ни одной своей частью не отождествляются с боем, все же более близким к последнему, чем другие, является продовольствие войск, потому что эта деятельность должна выполняться ежедневно и притом для каждого индивида. Таким образом она перекрывает всю военную деятельность в ее стратегической части.

Мы говорим - в ее стратегической части, так как в рамках единичного боя вопрос продовольствия войск лишь в крайне редких случаях может оказать существенное влияние на план боя, хотя и такой случай мыслим. Наибольшее взаимодействие оказывается таким образом между продовольственным снабжением армии и стратегией; весьма часто бывает, что забота о продовольствии в значительной степени определяет основные стратегические линии кампании или войны. Но как бы часто и решительно ни влияла эта забота, снабжение войск продовольствием все же остается всегда деятельностью, существенно отличной от использования сил и влияющей на последнее лишь своими результатами.

Гораздо дальше от использования войск стоят другие объекты административной деятельности, о которых мы упоминали. Попечение о раненых очень важно для благосостояния армии, но распространяется лишь на малую часть входящих в ее состав индивидов и потому оказывает лишь очень слабое и притом косвенное влияние на использование остальных. Пополнение предметов снаряжения, поскольку оно не является постоянной деятельностью самого организма вооруженных сил, происходит периодически и таким образом только в редких случаях будет иметься в виду при составлении стратегических планов[32].

На здесь нам надо оговориться во избежание возможного недоразумения. В отдельных случаях

эти вопросы могут иметь решающее значение. Удаленность госпиталей и складов огнестрельных припасов может очень часто оказаться единственным основанием для крайне важных стратегических решений; этого факта мы не намерены ни отрицать, ни оставлять в тени .

Но речь идет не о фактическом значении в отдельных случаях, а об отвлеченной теории ведения войны, и мы утверждаем, что такие случаи слишком редки, чтобы теории ухода за больными и ранеными, пополнения оружием, огнестрельными припасами и т.п. придавать значение для теории ведения войны. Тем не менее целесообразно включить в теорию войны различные методы и системы, которые дают эти теории и их выводы; во всяком случае это имеет место по отношению к продовольствию войск.

Подводя снова итог нашим рассуждениям, мы скажем, что различные виды деятельности, связанные с войной, распадаются на две главные категории: на такие, которые являются лишь подготовительными к войне, и на самую войну. Этого деления должна держаться теория.

Знание и навыки, сопряженные с подготовкой, направлены на создание, обучение и сохранение всех вооруженных сил. Мы не будем останавливаться на том, какое общее название надо дать этой деятельности; но мы видим, что сюда входят артиллерия, фортификация, так называемая элементарная тактика, вся организация и администрация вооруженных сил и другие подобные предметы. Теория же самой войны занимается вопросами использования этих средств, выработанных в целях войны. От указанных ранее предметов она требует лишь вывода, а именно - данные о главных свойствах тех средств, которые предназначаются для ведения войны. Эту теорию войны мы и называем военным искусством в тесном смысле, или теорией ведения войны, или теорией использования вооруженных сил, что для нас обозначает одно и то же понятие.

Эта теория будет заниматься боем, являющимся подлинной борьбой, маршами, бивачным и квартирным расположением как состояниями, более или менее тождественными с первыми. Снабжение же войск как деятельность, не входящая в содержание боя, будет приниматься во внимание лишь своими конечными данными, подобно другим данным обстановки.

В свою очередь военное искусство в тесном смысле слова распадается на тактику и стратегию. Первая занимается оформлением отдельного боя, вторая использованием последнего. Обе затрагивают вопросы маршей, бивачного и квартирного расположения лишь через призму боя, и эти вопросы являются тактическими или стратегическими в зависимости от того, касаются ли они оформления боя или его значения.

Вероятно найдутся читатели, которым покажется излишним такое тщательное разграничение двух столь близко соприкасающихся предметов как тактика и стратегия, ибо оно не оказывает непосредственного влияния на само ведение войны. Но ведь нужно быть большим педантом, чтобы искать непосредственных воздействий теоретического подразделения на поле сражения.

Первая задача всякой теории, это - привести в порядок смутные и чрезвычайно спутанные понятия и представления, и лишь, условившись относительно названий и понятий, можно надеяться ясно и легко преуспевать в рассмотрении вопросов и при этом питать уверенность, что находишься с читателем на одной и той же точке зрения .

Тактика и стратегия представляют две в пространстве и времени друг друга проникающие, но в то же время по существу различные деятельности; мы ни в коем случае не можем отчетливо мыслить их внутренние законы и взаимоотношения, не установив в точности их понятия.

Тот, кому все это безразлично, или отказывается от всякого теоретического рассмотрения, или его ум еще не страдал от запутанных и сбивчивых представлений, не опирающихся на твердую точку зрения, не приводящих ни к какому удовлетворительному результату; подобные представления о ведении войны, порою плоские, порою фантастические, порою плавающие в пустоте общих мест, столь часто преподносятся нам в печатной и устной форме именно по той причине, что еще редко на этих предметах останавливался дух научного исследования.

Глава 2.

Теория войны

1. Первоначально под военным искусством разумели лишь подготовку боевых сил

Прежде под названием "военного искусства" или "военной науки" всегда разумели совокупность тех знаний и навыков, которые касаются материальных вещей. Устройство, изготовление и употребление оружия, постройка крепости и окопов, организация армии и механизм ее движений были предметами этих знаний и навыков, и все они были направлены к тому, чтобы выставить пригодную для войны вооруженную силу. При этом не выходили из области материи, и война рассматривалась как область деятельности лишь одной из воюющих сторон. По существу это был только постепенный переход от ремесла к утонченному механическому искусству. Все это имело приблизительно такое же отношение к бою, как искусство мастера, выделяющего шпаги, к искусству фехтования. О действиях в минуту опасности в непрерывно меняющейся обстановке, о подлинных проявлениях духа и мужества в надлежащем направлении не было и речи.

2. Война проявляется впервые в искусстве осадить крепости

В искусстве осадить впервые проявляется нечто, относящееся к руководству самим боем, т.е. признаки проявления того духа, которому вручена эта область материи. Но эти духовные проявления большей частью сейчас же получали материальное воплощение в виде подступов, траншей, контрпрошей, батарей и т.п. и являлись лишь нитью, требовавшейся, для того чтобы нанизать на нее это материальное творчество. Но в этих осадах духовная сторона могла найти почти исключительно такое выражение, и этим можно было довольствоваться.

3. Затем на тот же путь вступила тактика

Позднее тактика делала попытки придать механизму своих сочетаний характер общего распорядка, отвечающего особенностям инструмента[33]; эта попытка конечно ведет теорию на поле сражения; но на последнем не было простора для свободной деятельности ума и воли; там действовала армия, обращенная строями и боевым порядком в автомат; простая команда приводила его в движение, подобно часовому механизму.

4. Мысли о подлинном ведении войны встречались лишь изредка я под другим облаком

Предполагалось, что подлинное ведение войны, т.е. свободное (примененное к требованиям конкретной обстановки) использование подготовленных средств, не может быть предметом теории, а должно представлять арену применения естественных дарований человека. Мало-помалу, по мере того как война переходила от рукопашной борьбы средневековья к более правильной и сложной форме, в человеческом уме начинали тесниться отдельные отрывочные размышления, но они еще преимущественно проскальзывали только в мемуарах и рассказах, до известной степени incognito[34].

5. Размышления по поводу военных событий вызвали потребность в теории

Когда размышления по поводу военных событий стали накапливаться, а история стала приобретать критический характер, возникла живая потребность в известной точке опоры в виде принципов и правил, дабы столь свойственные военной истории спорные вопросы и борьба противоречивых мнений могли бы получить разрешение. Этот вихрь противоречивых мнений, лишенных какого-либо центра, каких-либо ясных норм, должен был представлять претящее человеческому уму явление.

6. Стремление установить положительное учение

Таким образом возникло стремление установить принципы, правила или даже системы ведения войны. Не взглядевшись должным образом в те бесконечные трудности, которые лежат на пути к созданию положительного учения о ведении войны, выдвинули эту задачу. Ведение войны, как мы то показали выше, расплывается в крайне неопределенных границах во все стороны, между тем как каждая система, каждое научное построение обладают ограничивающей природой синтеза; отсюда создается навсегда непримиримое противоречие между такой теорией и практикой.

7. Ограничение материальной стороной

Теоретики довольно скоро ощутили все трудности этой задачи и сочли себя вправе уклониться от нее.

Поэтому они вновь ориентировали свои принципы и системы лишь на одну материальную сторону и видели в войне действия лишь одной из воюющих сторон. Хотели, как в науке о подготовке к войне, дойти до известных положительных результатов; для этого требовалось принимать к рассмотрению лишь то, что могло быть подвергнуто точному учету.

8. Численное превосходство

Численное превосходство является вопросом материальным. Из всех факторов, которыми обуславливается победа, остановились именно на нем, так как численное превосходство, комбинируемое со временем и пространством, могло дать законы математического порядка. Мысля все прочие обстоятельства равными с обеих сторон и таким образом взаимно нейтрализованными, считали возможным отвлечься от них. Такое допущение пожалуй имело бы право на существование, если бы делалось временно, с целью изучить сопровождающие этот фактор обстоятельства; но поступить таким образом раз навсегда, считать численное превосходство за единственный закон и видеть в формуле: "сосредоточить к определенному времени в определенном пункте численное превосходство" - весь секрет военного искусства - это означало создавать ограничение, совершенно неспособное выдержать могущественный напор действительной жизни[35].

9. Снабжение армии

Была сделана попытка систематизировать в теоретической обработке еще другой материальный фактор. Армия рассматривалась как некоторый организм, требующий пропитания; снабжение армии и выдвинули как основной принцип ведения большой войны[36].

Конечно и тут пришли к определенным цифровым данным, но эти цифры, покоившиеся на множестве произвольных предпосылок, не могли устоять перед лицом действительного опыта.

10. Базис

Некий остроумец попытался сосредоточить в одном понятии базиса целую кучу разнообразных обстоятельств, между которыми оказались даже и некоторые духовные факторы: продовольствие армии, ее укомплектование и запасы снаряжения, обеспеченность сообщений с отечеством, наконец безопасность отступления, если в том окажется необходимость. Это понятие базиса сперва подменило все отдельные факторы; затем величина (протяжение) базиса подменила его самого, и наконец угол, который образует армия с этим базисом, заменил величину последнего[37], и все это проделано было, для того чтобы дойти до чистого геометрического результата, не представляющего уже никакой ценности .

Последнее конечно неизбежно должно было случиться, ибо ясно, что ни одна из этих подстановок не могла быть произведена без насилия над истиной и изъятия части содержания предшествующего понятия. Понятие базиса представляет действительную потребность стратегии, и дошедший до него оказал теории истинную услугу, но пользоваться им вышеуказанным способом безусловно недопустимо; это должно было привести к совершенно односторонним выводам, которые этого теоретика увлекли еще дальше в совершенно нелепом направлении, а именно - к установлению господствующего значения охватывающей формы базиса.

11. Внутренние линии

В виде реакции против этого ложного направления возведен был на престол другой геометрический принцип, принцип так называемых внутренних линий[38]. Этот принцип опирается на правильное основание, на ту истину, что бой есть единственное решающее средство на войне; но все же, именно вследствие своей исключительно геометрической природы, он - не что иное как новая односторонность, которая никогда не будет в состоянии господствовать над действительной жизнью.

12. Все подобные попытки должны быть отвергнуты

На все подобные попытки создать теорию можно смотреть как на шаг вперед к истине лишь в аналитической их части; в части же синтетической, дающей руководящие указания и правила, они совершенно непригодны.

Они стремятся к определенным величинам, в то время как на войне все неопределенно, и в расчет входят явно переменные величины.

Они направляют исследование лишь на величины материальные, в то время как военные действия насквозь пронизаны духовными силами и воздействиями.

Они всегда имеют в виду лишь действия одной стороны, между тем как война представляет постоянное взаимодействие противных сторон.

13. Гения ставили вне правил

Все то, что оказывалось недостижимым для скудной мудрости одностороннего исследования, лежало за научной оградой и представляло область гения, который якобы возвышается над общими правилами.

Горе воину, долженствующему пресмыкаться среди нищеты этих правил, недостойных гения; гений может гордо шагать через них и даже потешаться над ними. А между тем именно деяния гения должны являться лучшим правилом, и теория ничего лучшего сделать не может, как показать, как и почему действовал гений.

Горе той теории, которая становится в оппозицию к духу. Она не загладит этого противоречия никаким смирением; чем больше она будет унижаться, тем больше ее будут вытеснять из действительной жизни насмешка и презрение.

14. Затруднения, встреченные теорией при рассмотрении величин духовного порядка

Каждая теория становится бесконечно труднее с того момента, когда она затронет сферу моральных величин. Архитектура и живопись ясно понимают свои задачи, пока они имеют дело с материей; механические и оптические конструкции споров не вызывают. Но как только начинается моральное воздействие их творений, как только должны проглянуть духовные переживания и чувства, - весь кодекс правящих законов расплывается в неопределенных идеях.

Медицина по большей части занимается явлениями физическими, она имеет дело с животным организмом, который, будучи подвержен постоянным изменениям, через 2 месяца никогда не останется точно тем же, чем он был до того; это уже значительно затрудняет задачу медицины и ставит способность суждения врача выше его знаний; но насколько труднее случай, когда примешивается и душевное заболевание, и насколько выше ставим мы работу психиатра!

15. Моральные величины не могут быть исключены из теории войны

Но военная деятельность никогда не бывает направлена против одной лишь материи, а всегда в то же время и против моральных сил, одухотворяющих эту материю; отделить их друг от друга невозможно.

Моральные величины можно различать лишь внутренним оком, а последнее у каждого человека будет иным, да и у одного и того же человека бывает различным в разное время.

Так как опасность является общей стихией, в которой протекает вся военная деятельность, то суждение здесь будет находиться в зависимости от мужества и уверенности в собственных силах. Последние являются той призмой, через которую проходят все представления, раньше чем они достигают разума.

И все же нельзя сомневаться в том, что эти моральные величины могут получить известную объективную оценку уже на основе одного опыта.

Каждый знает моральное действие внезапного нападения, атаки с фланга или с тыла. Каждый ценит ниже храбрость противника, как только тот повернул спину, и проявляет совсем иную отвагу в роля преследующего, чем в роли преследуемого. Каждый судит о своем противнике по молве о его талантах, по его возрасту и его опытности и этим руководствуется в своей деятельности. Каждый тщательно взвешивает дух и настроение своих и неприятельских войск. Все эта и подобные им воздействия в области духовной природы подтвердились и постоянно повторялись на опыте; следовательно мы вправе считаться с ними как со своего рода действительными величинами .

Что может получиться из теории, которая оставила бы их без внимания?

Конечно эти истины должны вести свою родословную от опыта. С психологическими же и философскими мудрствованиями не должны связываться ни одна теория, ни один полководец.

16. Главная трудность для теории ведения войны

Чтобы отчетливо обозреть трудность задачи, которая содержится во всякой теории ведения войны, и иметь возможность вывести заключение о характере, который должна носить эта теория, мы должны ближе присмотреться к главным особенностям, определяющим природу военной деятельности.

17. Первая особенность: моральные силы и воздействия

ЧУВСТВО ВРАЖДЫ

Первая из этих особенностей заключается в моральных силах, и воздействиях.

В своей основе борьба представляет выражение враждебных чувств; правда в тех крупных столкновениях, которые мы называем войнами, враждебные чувства часто становятся только враждебными намерениями: обычно мы не найдем, по крайней мере у отдельного человека, чувств ненависти к отдельному единичному врагу. Тем не менее без такого морального переживания дело никогда не обходится. Национальная ненависть, в которой и в наших войнах редко чувствуется недостаток, заменяет в большей или меньшей степени личную вражду одного индивида к другому. Но там, где нет налицо и национальной ненависти и первоначально не было никакого озлобления, там враждебные чувства разгораются в процессе самой борьбы, ибо насилие, которое нам кто-то причиняет по приказанию свыше, разжигает в нас стремление отплатить и отомстить ему; это происходит даже прежде, чем у нас появятся соответственные чувства к высшей власти, распорядившейся этим насилием против нас. Это - по-человечески, или, если хотите, по-зверски, но это - так[39]. А в теории обычно принято смотреть на бой, как на абстрактное измерение сил без какого-либо участия настроения; это представляет одну из тысячи ошибок, допускаемых вполне умышленно теориями, не отдающими себе отчета в вытекающих из них последствиях.

Кроме этого порождаемого самой природой борьбы побуждения моральных сил существуют и другие, в основном самостоятельные, но родственные борьбе и легко с ней увязывающиеся, как то: честолюбие, властолюбие, воодушевление всякого рода и пр. .

18. Впечатления, производимые опасностью

МУЖЕСТВО

Наконец бой порождает стихию опасности, в которой все виды военной деятельности пребывают и движутся, как рыбы в воде, как птицы в воздухе. Действие же опасности влияет на дух или непосредственно, т.е. инстинктивно, или через посредство разума. Непосредственным отражением опасности является стремление избежать ее, а при неполноте последнего - страх и ужас. Если такое воздействие не имеет места, это означает, что этот инстинкт уравнивается мужеством. Но мужество никоим образом не есть акт рассудка, а представляет точно такое же чувство, как и страх;

последний направлен на физическое самосохранение, а мужество - на моральное. Мужество - благородный инстинкт, который не допускает своего использования в виде безжизненного инструмента, проявляющего свое действие в точно указанном размере. Таким образом мужество - не простой противовес опасности, предназначенный нейтрализовать ее действие, а величина самостоятельная.

19. Объем влияния опасности

Дабы правильно оценить влияние опасности, оказываемое на лиц, действующих на войне, не следует ограничиваться физической минутной опасностью. Она действует на начальника не только тем, что непосредственно угрожает лично ему, но и тем, что угрожает всем вверенным ему людям; это давление имеет место не только в момент действительного проявления опасности, но в течение всего промежутка времени, который в нашем представлении связан с этим моментом. И наконец, опасность оказывает не только непосредственное воздействие, но и косвенное, посредством ответственности, бремя которой, тяготеющее над сознанием начальника, она удесятерит. Кто может посоветовать или решиться дать большое сражение, не испытывая при этом большего или меньшего духовного напряжения или смущения перед опасностью и ответственностью, сопряженных с таким решительным актом? Можно положительно утверждать, что военная деятельность, поскольку она является подлинной деятельностью, а не только присутствием на войне, никогда полностью не выходит из сферы опасности.

20. Другие моральные силы

Рассматривая эти моральные силы, возбужденные враждой и опасностью, как специфически присущие войне, мы тем самым не исключаем всех остальных моральных сил, сопровождающих человека на его жизненном пути; и на войне они найдут для себя достаточно места. Правда, можно оказать, что иная мелкая игра страстей принуждена будет смолкнуть на этом серьезном жизненном поприще, но это относится лишь к лицам, действующим на низших ступенях: переносясь от одной опасности, от одного потрясения к другим, они теряют из виду все прочие обстоятельства жизни, отвыкают от лжи и обмана, ибо смерти не солжешь и не обманешь, и таким образом доходят до солдатской простоты характера - лучшего признака военного звания .

Но на высших постах дело обстоит иначе, ибо чем выше человек поставлен, тем шире должен быть его кругозор; следовательно там возникают всесторонние интересы и разнообразная игра страстей, и хороших, и дурных. Зависть и благородство, гордость и скромность, гнев и умиление - все они могут являться действенными силами в этой великой драме.

21. Особенности ума

Особенности ума действующего лица наряду с его темпераментом также оказывают на войне огромное влияние. Одного приходится ждать от ума фантастического, экзальтированного, незрелого, другого - от ума холодного и сильного.

22. Из многообразия духовного склада личности вытекает многообразие путей, ведущих к цели

Велико многообразие индивидуального духовного склада; его влияние сказывается главным образом на высших постах, ибо оно растет по мере подъема к ним. Оно по преимуществу и обуславливает то многообразие путей, ведущих к цели, и придает игре вероятностей и счастья ту столь различную долю участия в событиях, о которых мы говорили в 1-й части нашего труда.

23. Вторая особенность: живое противодействие

Вторая особенность военных действий, это - живое противодействие и вытекающее из него взаимодействие. Мы здесь уже не говорим о трудности рассчитать силу этого противодействия, ибо мы уже имели ее в виду в числе затруднений, встречаемых теорией при рассмотрении величин духовного порядка; мы имеем в виду то обстоятельство, что происходящее взаимодействие по самой своей природе противится всякой плановости. Те последствия со стороны противника, которые вызовет какое-либо наше мероприятие, представляют наиболее индивидуальную из всех данных

военной деятельности, между тем каждая теория должна классифицировать явления и никак не может включать в свое содержание случай чисто индивидуальный; оценка последнего всегда должна быть предоставлена личному суждению и таланту. Поэтому, вполне естественно, что в такой деятельности, как военная, где план, построенный на обстановке в целом, так часто нарушается неожиданными индивидуальными явлениями, вообще много должно быть предоставлено таланту и пользоваться указаниями теории приходится меньше, чем в какой-либо другой отрасли.

24. Третья особенность: недостоверность данных

Наконец своеобразное затруднение представляет недостоверность данных на войне; все действия ведутся в известной степени в полумраке; к тому же последний нередко, подобно туману или лунному освещению, создает иллюзию преувеличенного объема и причудливых очертаний .

Все то, что скрывает это слабое освещение, должен угадать талант, или же надо положиться на счастье. Итак, вновь приходится доверяться таланту или по недостатку объективного разума просто отдаваться на волю случая.

25. Положительное учение - невозможно

При такой природе предмета мы должны признать, что представляется абсолютно невозможным снабдить военное искусство подмостками в виде положительной научной системы, которая давала бы во всех случаях внешнюю опору военному деятелю. Последний везде, где от него требовался бы его личный талант, оказался бы вне такой научной системы и в противоречии с яею; какое бы многостороннее сооружение ни представляла система, постоянно получался бы все тот же результат, о котором мы уже говорили, а именно: талант и гений действуют вне закона, теория становится в противоречие с действительностью.

26. Выходы для создания теории(трудности не всюду одинаково велики)

Из этого затруднения открывается нам два выхода. Прежде всего то, что мы сказали о природе военной деятельности в целом, не распространяется в одинаковой мере на деятельность на любом посту. На низших ступенях командования предьявляется преимущественно требование на мужество и самоотверженность; трудности понимания и суждения здесь несравненно меньшие. Область явления гораздо более замкнута, цели и средства в количественном отношении более ограничены, данные - точнее: по большей части они даже могут быть установлены непосредственно зрением. Но чем выше мы поднимаемся по иерархической лестнице, тем больше возрастают затруднения, достигая высшей степени в деятельности верховного главнокомандующего, который почти во всем должен опираться на гений.

Расчленив военную деятельность по содержанию, мы также усмотрим, что трудности не везде одинаковы. Они уменьшаются, когда действия получают материальное выражение, и возрастают при переходе в мир духовный, в область мотивов, побуждающих волю. Поэтому легче теоретически наметить внутренний порядок боя, его организацию и ведение, чем его использование. Там идет борьба физическим оружием с той и с другой стороны, и хотя моральные силы конечно принимают участие в этой борьбе, все же материя сохраняет в ней свои права. Но в результате боев материальные успехи становятся в свою очередь мотивами, и нам приходится иметь дело исключительно с духовной природой. Одним словом тактика представляет для теории гораздо меньше трудностей, чем стратегия .

27. Теория должна являться рассмотрением, а не учением

Второй выход, делающий возможным построение теории, дает следующая точка зрения: теория не должна быть непременно положительным учением, т.е. руководством для действий. Во всех тех случаях, когда какая-нибудь деятельность постоянно сталкивается с одними и теми же вопросами, с теми же целями и средствами, хотя бы и несколько измененными и в разнообразнейших комбинациях, эти вопросы должны стать предметом углубленного рассмотрения. Такое рассмотрение и составляет существенную часть всякой теории и имеет преимущественное право на это название. Оно является аналитическим исследованием предмета[40], ведет к точному ознакомлению с ним и при условии проверки опытом, т.е. в нашем случае - военной историей, к полному усвоению его. Чем больше

рассмотрение достигает этой конечной цели, тем оно более переходит из объективной формы знания в субъективную форму умения; таким образом оно сохранит свою действенность и там, где природа дела допускает решение лишь посредством таланта; в нем самом скажется действенность достигшего своей цели рассмотрения. Если теория исследует предметы, составляющие сущность войны, если она более отчетливо различит то, что на первый взгляд кажется слившимся, если она укажет с достаточной полнотой все свойства средств и предусмотрит вероятные результаты их действия, если она ясно определит природу целей и осветит разумной критикой всю область войны, то она этим выполнит существеннейшую часть своей задачи. Она будет служить путеводителем тому, кто по книгам желает освоиться с войной; она всюду осветит ему путь, облегчит все шаги, воспитает его суждение и оградит от ложных шагов.

Если специалист затратит половину своей жизни на углубленное изучение темного вопроса, то он конечно уйдет дальше, чем тот, кто пожелает освоиться с ним в короткое время. Для того, чтобы каждый не стоял перед необходимостью заново приводить в порядок весь материал и полностью его разрабатывать, но находил все в упорядоченном и выясненном состоянии, и существует теория. Она должна воспитывать ум будущего полководца или вернее - руководить им в его самовоспитании, но не должна сопровождать его на поле сражения; так мудрый наставник направляет и облегчает умственное развитие юноши, не держа его; однако всю жизнь на помочах.

Если из соображений, выдвигаемых теорией, сами собой сложатся принципы и правила, если истина сама собой отольется в их кристаллическую форму, то теория не должна противиться этому естественному закону ума; наоборот там, где свод завершается таким замком, она его еще более выдвинет на первый план; но сделает она это лишь для того, чтобы удовлетворить философскому закону мышления и отчетливо указать на тот пункт, к которому устремлены все линии, а не для того, чтобы построить алгебраическую формулу для пользования на поле сражения; ведь эти принципы и правила также должны скорее определять главные линии внутренней, самостоятельной работы мыслящего ума, чем представлять при выполнении задачи вехи, точно указывающие путь .

28. При такой точке зрения теория является осуществимой и отпадает ее противоречие с практикой

Этой точкой зрения создается возможность удовлетворительной, т.е. полезной и никогда не вступающей в противоречие с действительностью, теории ведения войны; лишь от разумного обращения с нею будет зависеть - сблизить ее с делом настолько, чтобы исчезло бессмысленное расхождение между теорией и практикой. Последнее часто вызывалось неразумной теорией, отрешавшейся от человеческого здравого смысла, но часто являлось и для ограниченных умов и невежд предлогом, чтобы благополучно оставаться во врожденной им косности.

29. Таким образом теория рассматривает природу целей и средств. Цель и средства в тактике

Итак задача теории - рассмотреть природу средств и целей. В тактике средством служат обученные вооруженные силы, которые должны вести бой. Цель - это победа. Более точное определение этого понятия удобнее будет сделать в будущем, при рассмотрении боя; здесь мы ограничимся указанием как на признак одержанной победы на уход неприятеля с поля сражения. Посредством этой победы стратегия достигает той цели, которую она поставила данному бою и которая определяет истинное значение победы. Это значение несомненно оказывает известное влияние на природу победы. Победа, ориентированная на ослабление вооруженных сил противника, представляет нечто иное, чем победа, долженствующая доставить нам лишь обладание известной позицией. Таким образом значение боя может иметь заметное влияние на организацию и ведение его, а следовательно служить предметом рассмотрения и для тактики.

30. Обстоятельства, всегда сопровождающие применение средств

Так как известные обстоятельства всегда сопровождают бой и оказывают на него большее или меньшее влияние, то при исследовании применения вооруженных сил они также подлежат рассмотрению.

Эти обстоятельства суть условия местности, время суток и погода.

31. Условия местности

Условия местности, под которыми разумеется как сама местность, так и почва, могли бы, строго говоря, не оказывать влияния, если бы бой давался на абсолютно плоской, лишенной каких-либо сооружений равнине.

В степных краях это действительно и встречается, культивированных же районах Европы это - почти фантазия. Таким образом, едва ли хотя бы один бой между цивилизованными народами Европы можно мыслить без влияния местности и почвы .

32. Время суток

Время дня влияет на бой различием между днем и ночью, но зависимость от него конечно простирается и за эту грань между ними, ибо каждый бой имеет известную продолжительность, а крупные бои длятся даже многие часы. При организации большого сражения несомненно будет существенно важным начнется ли оно с утра или после полудня. Но конечно многие бои будут происходить при таких условиях, когда время дня окажется совершенно безразличным; в большинстве случаев влияние этого обстоятельства довольно ничтожно.

33. Погода

Погода еще реже оказывает решительное влияние на бой; в большинстве случаев известную роль играет туман.

34. Цели и средства в стратегии

Основным средством стратегии является победа, т.е. тактический успех, а цель ее в последней инстанции составляют те обстоятельства, которые должны непосредственно вести к заключению мира. Применение средств стратегии для достижения этой цели сопровождается точно так же известными обстоятельствами, оказывающими большее или меньшее влияние.

35. Обстоятельства, сопровождающие применение средств

Эти обстоятельства суть: местность и почва, причем первая понимается широко как страна и население в пределах всего театра войны; время суток, причем это представление расширяется до времени года; и наконец погода и притом необычайные ее проявления, например сильные морозы и т.п.

36. Они образуют новые средства

Ставя эти явления в связь с успехом боя, стратегия придает этому успеху, а следовательно и самому бою, особое значение и ставит ему особую цель. Но поскольку эта цель не является той, которая ведет непосредственно к заключению мира, т.е. будет целью промежуточной[41], она должна рассматриваться как средство, и мы поэтому можем рассматривать успехи в боях или победы во всех их различных значениях как средства стратегии. Захват позиции представляет подобный боевой успех, связанный с территорией. Но не только отдельные бои с их особыми целями надо рассматривать, как средство, но и всякое высшее единство, которое может образоваться из сочетания боев, направленных на одну общую цель. Зимний поход представляет такую комбинацию, связанную со временем года .

Таким образом в качестве цели остаются лишь те явления, которые мыслятся как непосредственно ведущие к миру, теория исследует все эти средства и цели, руководствуясь природой их действительности и их взаимоотношениями.

37. Стратегия черпает подлежащие исследованию средства и цели только из опыта

Первый вопрос: каким образом теория может достигнуть исчерпывающего перечисления этих явлений? Если бы это явилось задачей философского исследования, то последнее запуталось бы во

всех тех трудностях, которые во имя логической необходимости исключаются из ведения войны и ее теории. Поэтому теория обращается к опыту и берет под свое рассмотрение те комбинации, которые уже отмечены военной историей. Теория, создавшаяся таким путем, будет конечно до известной степени ограниченной, соответствующей лишь условиям, представленным в военной истории. Но такое ограничение уже потому неизбежно, что все, что говорит теория, или переведено ею на язык отвлеченностей из трудов по военной истории, или же по меньшей мере сопоставлено и сравнено с историческими данными. Впрочем подобное ограничение существует скорее в мыслях, чем в действительности.

Большое преимущество этого пути заключается в том, что теория при этом не может заблудиться в мечтаниях, мудрствованиях и химерах и все время остается на почве практики.

38. До каких пределов должен доходить анализ средств

Другой вопрос: как далеко должна заходить теория в анализе средств? Очевидно лишь настолько, насколько приходится принимать во внимание при пользовании этими средствами их специфические свойства. Дальноточность и действительность разных видов огнестрельного оружия крайне важны для тактики, но конструкция оружия, хотя и определяющая упомянутые свойства, совершенно безразлична, ибо данными для ведения войны являются не уголь, сера и селитра, медь и олово[42] для выделки из них пороха и пушек, но готовое оружие с его действительностью. Стратегия пользуется картами, не беспокоясь о тригонометрических исчислениях; она не исследует вопроса о том, как следует устраивать страну, воспитывать народ и управлять им для достижения наибольших военных успехов, но берет все эти данные такими, какие они бывают в европейских государствах; надо лишь обращать внимание на те случаи, где имеются какие-либо резкие отклонения, могущие оказать заметное влияние на войну.

39. Значительное упрощение знаний

Легко понять, что таким путем число предметов, подлежащих теоретическому изучению, значительно сокращается, а знания, необходимые для ведения войны, сильно ограничиваются.

Велико количество зданий и сноровок, которые вообще обслуживают военную деятельность и которые необходимы для подготовки; но прежде чем устроенная армия выступит в поход, и раньше чем эти знания и сноровки достигнут конечной цели своей деятельности, они сливаются в небольшое число крупных выводов, подобно тому как воды страны сливаются в реки, прежде чем они докатятся до моря. Лишь с этими вливающимися в море войны выводами должен ознакомиться тот, кто призван ею руководить.

40. Этим объясняется, почему так быстро формируются великие полководцы, почему быть полководцем не означает быть ученым

В самом деле, этот результат нашего рассмотрения является настолько необходимым, что всякий иной должен был бы вызывать у нас подозрение в его истинности. Лишь этим объясняется, что на войне так часто выступали с большим успехом на высших постах, даже в роли главнокомандующего, люди, деятельность которых до этого имела совсем иное направление. Более того, выдающиеся полководцы никогда не выходили из класса много знающих или ученых офицеров, но из людей, которые жили в обстановке, в большинстве случаев не соответствовавшей приобретению большого количества познаний. По этой причине всегда высмеивались как жалкие педанты те, кто утверждал, что для воспитания будущего полководца необходимо, или хотя бы полезно, начать с изучения всех деталей военного дела. Нетрудно доказать, что такие детальные знания приносят скорее вред, так как человеческое мышление воспитывается сведениями и течениями мысли, которые ему сообщаются. Лишь великое может сделать его великим; мелкое же делает его мелочным, если только он не отвергает мелочное, как нечто ему совершенно чуждое.

41. Прежнее противоречие

Но многие не обращали внимания на эту простоту знания, потребного на войне, и сваливали это знание в одну кучу со всей массой служебных сведений и сноровок; поэтому они впадали в явное

противоречие с явлениями действительного мира и находили из него выход лишь в том, что все приписывали гению: гений же не нуждается в теории и не для гениев теории сочиняются.

42. Поэтому стали отрицать полезность всякого знания и приписывали все природным дарованиям

Люди, у которых природный здравый смысл сократил свои права, конечно чувствовали, какая огромная пропасть лежит между гением высшего порядка и ученым педантом; они пришли к известного рода вольнодумству, отвергали всякую веру в теорию вообще и считали ведение войны естественной функцией человека, которую он выполняет с известным успехом в зависимости от того, родился ли он на свет с большим или меньшим к ней дарованием. Нельзя отрицать, что эти люди были ближе к истине, чем преклонявшиеся перед ложным знанием; однако все же сразу бросается в глаза, что этот взгляд представляет несомненное преувеличение .

Никакая деятельность человеческого ума невозможна без известного запаса представлений; но эти представления, по крайней мере в большинстве своем, не являются врожденными; они приобретаются человеком, составляя существо его знаний. Вопрос следовательно сводится лишь к тому, какого рода должны быть эти представления; последнее нам кажется мы уже определили, сказав, что для целей войны они должны определяться по тем вопросам, с которыми приходится непосредственно иметь дело на войне.

43. Знание должно быть сообразно с занимаемой должностью

В пределах арены военной деятельности знания должны быть различными в зависимости от положения, которое занимает начальник; они окажутся направленными на более мелкие и ограниченные предметы, когда занимаемый пост - скромный, на более крупные и многообъемлющие, когда начальник занимает высокую должность. Бывали полководцы, которые не проявили бы особенного блеска в должности командира кавалерийского полка, но бывало и наоборот.

44. На войне требуемые знания чрезвычайно просты, но умственная деятельность - дело не очень легкое

Хотя знания, требуемые на войне, крайне просты, так как сосредоточиваются на небольшом числе предметов и притом охватывают лишь их конечные выводы, уметь их применить все же не будет делом очень легким. На какие затруднения наталкивается деятельность на войне вообще, об этом мы уже говорили в 1-й части нашего сочинения; не останавливаясь здесь на тех, которые можно преодолеть только мужеством, мы утверждаем, что и подлинно умственная деятельность проста и легка на войне лишь на низших постах; с повышением же должности растут и трудности, а на высшем посту главнокомандующего умственная деятельность принадлежит к числу наиболее трудных, какие только выпадают на долю человеческого ума.

45. Каковы должны быть эти знания?

Полководцу не надо быть ни ученым историком, ни знатоком государственного права, но он должен быть близко знаком с высшими областями государственной жизни, он должен знать господствующие направления, действующие интересы, очередные вопросы, он должен быть знаком с главными действующими на арене политики лицами и правильно их оценивать. Нет надобности, чтобы он был тонким наблюдателем человеческой природы, изысканным знатоком человеческих характеров, но он должен знать характер, образ мыслей и нравы, особые недостатки и достоинства тех, коими он призван повелевать. Ему нет надобности знать что-либо об устройстве повозки или об упряжке лошадей в орудие, но он должен уметь правильно оценить продолжительность марша колонны при различной обстановке .

Всех этих познаний нельзя добиться посредством аппарата научных формул и выкладок, цепляющихся одна за другую, как шестерни; они приобретаются лишь тогда, когда человеку при рассмотрении вопросов, а также в жизни присущи меткое суждение и талант ясного восприятия.

Необходимое для деятельности на высоком посту знание следовательно характеризуется тем, что

оно может быть приобретено процессом рассмотрения, т.е. лишь помощью своеобразного таланта изучения и размышления; этот талант, подобно пчеле, берущей мед из цветка, умеет каким-то духовным инстинктом извлекать из-под внешних оболочек жизни их сущность; он черпает свои знания не только из рассмотрения и изучения, а и прямо из жизни. Жизнь с ее богатым запасом поучений не в состоянии сформировать Ньютонов и Эйлеров, но ей по силам создать высокую способность расчета Кондэ и Фридриха.

Итак для защиты высокого умственного уровня, требуемого военной деятельностью, нет никакой надобности прибегать к неправде или бестолковому педантизму. Никогда еще не бывало великого полководца с ограниченным умом, но очень часты те случаи, когда люди, служившие с выдающимся отличием на более низких постах оказывались ниже посредственности на высших постах, так как у них не хватало способностей. Само собою разумеется, что в этом отношении имеется различие и между постами главнокомандующих в различных случаях в зависимости от объема их полномочий.

46. Знание должно стать умением

Теперь нам остается упомянуть еще об одном условии, которое более настоятельно необходимо для познания ведения войны, чем для всякого другого, а именно: это познание должно всецело слиться с духовной деятельностью, утратить всякую объективность. Почти во всех остальных искусствах и на других поприщах работы действующее лицо может пользоваться истинами, которые оно смогло просто изучить, дух и смысл коих оно уже не переживает и которые извлекает из пыльных фолиантов. Даже истины, которые у него ежедневно под рукой и которыми он обычно пользуется, могут оставаться чем-то совершенно для него внешним. Когда архитектор берет в руки перо, чтобы при помощи сложного расчета определить мощность устоя, то добытая таким путем истина не есть выражение его духа. Ему сначала пришлось потрудиться над установлением необходимых данных, а затем он пустил их в обработку математической операции, законы которой не он изобрел и внутреннюю логику которой он в данную минуту даже и не вполне сознает; большей частью он применяет ее как механический прием. На войне так никогда не бывает. Духовная реакция, вечно меняющийся ход дела заставляют лицо, действующее на войне, носить в себе весь умственный аппарат своего знания; он должен обладать способностью всюду, при каждом биении пульса извлечь из себя самого необходимое решение. Таким образом знание через такую полную ассимиляцию с духом и жизнью должно превратиться у него в подлинное умение.

Вот почему все кажется таким легким у выдающихся военных деятелей и все приписывается природному таланту; мы говорим: "природному таланту" для того чтобы подчеркнуть различие его от таланта, воспитанного и выработанного путем наблюдения и изучения.

Мы думаем, что этим разбором мы отчетливо установили задачу теории ведения войны и указали способ ее разрешения.

Из двух областей, на которые мы разделили ведение войны, - тактика и стратегия - теория последней представляет бесспорно наибольшие трудности, ибо первая имеет почти замкнутый круг предметов, последняя же в направлении целей, непосредственно ведущих к заключению, мира, раскрывается в безграничную область возможностей. Но так как эту цель должен иметь в виду почти исключительно главнокомандующий, то эта трудность преимущественно относится к той части стратегии, в которой вращается последний.

Поэтому теория стратегии, особенно в области высших ее вопросов, должна в гораздо большей мере, чем теория тактики, ограничиться простым лишь рассмотрением явлений и довольствоваться тем, чтобы помочь деятелю добиться того проникновения в суть явлений, которое, сплавившись в одно целое со всем его мышлением, облегчит его шаги и придаст им уверенность, но никогда не заставит его отрешиться от самого себя и сделаться послушным орудием объективной причины.

Глава 3. Военное искусство или военная наука

1. Словоупотребление еще не установилось. Умение и знание. Цель науки - одно лишь знание;

цель искусства - умение

До сих пор еще колеблются в выборе между этими двумя терминами и не отдают себе ясного отчета, что должно послужить основанием для решения, хотя дело весьма просто. Мы уже раньше отмечали, что знание - нечто другое, чем умение. Оба эти понятия столь отличны между собой, что казалось бы их нелегко смешать. Уменье, собственно говоря, не могло бы быть изложено ни в какой книге, и значит искусство не должно бы служить заглавием какой-либо книги. Но раз уже образовалась привычка объединять под одним общим названием теории искусства, или попросту искусства, все потребные для искусства знания (которые в отдельности могли бы составить законченные науки), то представляется последовательным проводить и дальше этот принцип расчленения и называть искусством все то, что имеет своей целью созидательное умение, например строительное искусство, а наукой то, где целью является чистое знание - например математика, астрономия. Само собой понятно, что в каждой теории искусства могут заключаться отдельные научные построения; это не должно нас смущать .

Но замечательно, что нет и наук, которые обходились бы совершенно без искусства; в математике например счет и применение алгебры есть искусство, и оно простирается еще далеко за эти пределы. Причина, в следующем: как бы груба и наглядна ни была разница между знанием и умением в сложных результатах человеческого знания, проследить эти два начала в самом человеке и полностью разграничить их чрезвычайно трудно.

2. Трудность отделить опознание от суждения(военное искусство)

Всякое рассуждение есть искусство. Там, где логика протягивает тире[43], там, где заканчиваются предпосылки, составляющие результат опознания, там, где начинается суждение, - там начинается искусство. Мало того: само опознание умом есть опять-таки суждение, следовательно и искусство; в конце концов пожалуй то же можно сказать и об опознании чувствами. Словом: если нельзя себе представить человеческое существо с одной способностью опознания и без способности суждения и наоборот, то точно так же нельзя полностью отделить друг от друга искусства и науки. Чем больше эти тонкие проблески воплощаются в реальных формах внешнего мира, тем их царства резче отделяются друг от друга; и опять: где творчество и созидание составляют цель, там царит искусство, наука же господствует там, где целью служат исследование и знание. После всего вышесказанного явствует само собой, что правильнее говорить военное искусство, а не военная наука.

Нам пришлось задержаться, так как обойтись без этих понятий невозможно. Но теперь мы выступим с утверждением, что война не есть ни искусство, ни наука в подлинном смысле слова; непонимание этого являлось той ложной отправной точкой, от которой шел ошибочный путь невольных сопоставлений с остальными науками и искусствами и установления множества неправильных аналогий.

Это чувствовалось уже и раньше, почему и утверждали, что война, это ремесло; но от этого утверждения больше теряли, чем выигрывали, ибо ремесло есть лишь искусство низшей категории и как таковое оно подчиняется более определенным и узким законам. В действительности военное искусство некоторое время вращалось в сфере ремесла, а именно: в эпоху кондотьеров. Но такое направление оно получило не по внутренним, а по внешним причинам; в какой малой степени оно было в эту эпоху естественным и удовлетворительным, свидетельствует военная история.

3. Война есть акт человеческого общения

Итак мы говорим: война относится не к области искусств и наук, а к области общественной жизни. Она есть конфликт крупных интересов, который разрешается кровопролитием; лишь в последнем ее отличие от других конфликтов .

Скорее чем с каким-либо из искусств, ее можно сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельностей, а еще ближе к ней стоят политика, которую в свою очередь можно рассматривать как своего рода торговлю высокого масштаба. Кроме того политика есть лоно, вынашивающее войну; в политике уже заключаются в скрытом виде основные очертания войны, подобно тому как облик живого существа кроется в его зародыше[44].

4. Различие

Существенное различие между ведением войны и другими искусствами сводится к тому, что война не есть деятельность воли, проявляющаяся против мертвой материи, как это имеет место в механических искусствах, или же направленная на одухотворенные, но пассивно предающие себя его воздействию объекты - например дух и чувство человека, как это имеет место в изящных искусствах. Война есть деятельность воли против одухотворенного реагирующего объекта.

К такого рода деятельности мало подходит схематическое мышление, присущее искусствам и наукам; это сразу бросается в глаза, и в то же время становится понятным, почему постоянные попытки и искания законов, подобных тем, которые выводятся из мира мертвой материи, должны были приводить к постоянным ошибкам. Тем не менее именно по образцу механических искусств хотели создать искусство военное. Уподобление его искусствам изящным встречало препятствие уже в том, что последние сами еще мало поддаются правилам и законам, и все попытки создать таковые всегда признавались в конечном счете неудовлетворительными и односторонними: их всякий раз подмывал и сносил поток мнений, чувств и нравов.

Эта часть нашего труда должна до известной степени исследовать вопрос о том, подчиняется ли конфликт живых сил, завязывающийся и разрешающийся на войне, общим законам и могут ли последние служить пригодной руководящей нитью для военной деятельности; но уже само собою ясно, что этот предмет, как и всякий другой, не выходящий за пределы нашего разума, должен быть освещен и более или менее выяснен в его внутренней связи пытливым умом. И одного этого уж будет достаточно для того чтобы удовлетворить понятию о теории.

Глава 4. Методизм

Чтобы отчетливо уяснить себе понятия метода и методизма, играющие на войне такую важную роль, мы должны разрешить себе беглый взгляд на логическую иерархию, которая подобно властям предрержащим управляет миром действия .

Закон самое общее, и для познания и для действия в одинаковой мере истинное, понятие включает в своем буквальном смысле нечто субъективное и произвольное, но несмотря на это выражает как раз то, отчего зависим и мы и все предметы, вне нас находящиеся. Закон как предмет познания есть взаимоотношение вещей и их воздействий; как предмет воли он определяет действие, и в этом случае равнозначущ повелению и запрету.

Принцип есть такой же закон действия, но не в его формальном, окончательном значении; он представляет лишь дух и смысл закона; там, где многообразие действительного мира не укладывается в законченную форму закона, принцип предоставляет суждению большую свободу при его применении. Так как самому суждению предоставляется мотивировать те случаи, где принцип неприменим, то последний является подлинной точкой опоры и путеводной звездой для действующего лица.

Принцип - объективен, когда он является результатом объективной истины, и тогда он имеет силу в одинаковой мере для всех людей. Он субъективен и обычно называется максимой (maxime), когда он содержит субъективное отношение и когда он следовательно имеет известную силу лишь для того, кто его себе создал.

Правило часто понимается в смысле закона и является в таком случае равнозначущим принципу, ибо говорят: нет правила без исключений, но не говорят: нет закона без исключений; это является признаком того, что, имея в виду правило, оставляют за собой большую свободу в его применении.

В другом смысле правилом пользуются как средством опознать более глубоко скрытую истину по какому-нибудь единичному, более внешнему признаку, дабы связать с этим одним признаком закон, действие которого распространяется на всю истину в целом[45]. К этой категории принадлежат все правила игры, все сокращенные приемы математики и пр.

Положения и наставления - это такие определения действия, которыми затрагивается множество мелких, ближе указующих путь обстоятельств и которые слишком многочисленны и незначительны для включения их в общий закон.

Наконец метод, способ действия - это избранный между несколькими другими, постоянно повторяющийся прием, а методизм заключается в том, что деятельность определяется не принципами или индивидуальным наказом, а применением установленных методов. Тем самым необходимо, чтобы случаи, подведенные под такой метод, предполагались одинаковыми в своих существенных чертах; так как все случаи одинаковыми быть не могут, то важно, чтобы таких одинаковых случаев было возможно больше; другими словами: чтобы метод был рассчитан на наиболее вероятные случаи. Следовательно методизм основан не на определенных конкретных предпосылках, а на средней вероятности повторяющихся случаев и направлен на то, чтобы установить среднюю истину, постоянное, однообразное применение которой вскоре приобретает до некоторой степени характер механического навыка; необходимые действия выполняются почти бессознательно .

Понятие закона в смысле познания на войне является почти лишним, ибо сложные явления войны недостаточно закономерны, а закономерные недостаточно сложны, для того чтобы посредством этого понятия можно было достигнуть чего-либо большего, чем простой истиной. А там, где простого представления и простых слов достаточно, усложненные, высокого ранга представления и слова становятся вычурными и педантичными. В отношении же действия понятие закона не может быть использовано теорией, ибо при изменчивости и многообразии явлений ведение войны не знает утверждений, достаточно общих, чтобы заслужить названия закона.

Но понятия о принципах, правилах, положениях и методах необходимы для теории ведения войны постольку, поскольку они ведут к положительному учению, ибо в последнем истина может принимать лишь эту кристаллизованную форму.

Ввиду того что тактика есть та часть ведения войны, в которой теория скорее может выработаться в положительное учение, эти понятия и будут в ней чаще встречаться.

Не употреблять кавалерию без нужды против еще не расстроенной пехоты; стрелять лишь с дистанции, обеспечивающей действительность огня; приберегать по возможности силы к концу боя - все это принципы тактики. Все эти положения не являются абсолютно применимыми в каждом отдельном случае, но они должны быть всегда в сознании действующего, дабы он не упустил использовать содержащуюся в них истину в подходящей для того обстановке.

Когда по неурочной варке пищи в неприятельском отряде заключают об его скором выступлении, когда умышленное выставление войск на открытом месте во время боя дает указание на демонстративный характер атаки, то этот способ познания истины можно назвать правилом, ибо на основании одного видимого признака заключают о намерении, к которому этот признак относится.

Если существует правило - атаковать с удвоенной энергией противника, как только он начинает снимать свои батареи, то с этим единичным явлением мы связываем определенный ход наших действий, направленный на разгаданное нами таким путем общее состояние противника; мы полагаем, что он намерен уклониться от продолжения боя, начинает отступать и в этот момент неспособен ни оказать достаточное сопротивление, ни уклониться в должной мере путем отступления.

Положения и методы вносятся в обиход ведения войны практической теорией, подготовляющей войну, поскольку они привиты как действенный принцип обученным вооруженным силам. Все строевые уставы, наставления по обучению и устав полевой службы представляют собой положения и методы; в строевых - преобладают первые, в уставе полевой службы - вторые. С этими указаниями связывается подлинное ведение войны, оно их воспринимает как установленные способы действия; в качестве последних они должны включаться и в теорию ведения войны .

Но деятельность по использованию вооруженных сил остается свободной; здесь не может быть официальных положений, т.е. определенных наставлений, так как такие положения исключают свободу использования сил. Но методы, напротив, являясь общим способом выполнения встречающихся задач, рассчитанным, как мы сказали, на наиболее вероятные случаи, и представляя

доведенное до практики господство принципов и правил, могут конечно найти себе место в теории ведения войны, поскольку их не выдают за то, что они собой не представляют; их нельзя считать абсолютными и необходимыми системами действия, а лишь наилучшими общими формами, которые предлагаются на выбор и к которым можно непосредственно обратиться вместо принятия индивидуального решения.

Постоянное применение методов на войне нам представляется крайне существенным и неизбежным; вспомним, как часто приходится действовать на основании одних лишь предположений, или при полной неизвестности, ибо неприятель всячески мешает нам узнавать все обстоятельства, которые могут влиять на наше решение, и не хватает времени для их опознания; но если бы мы действительно ознакомились со всей обстановкой, то все же оказалось бы невозможным соответственно соразмерить наши распоряжения, которые не могут быть настолько сложными и далеко идущими; в результате наши мероприятия всегда должны быть рассчитаны на известное количество различных возможностей. Будем помнить, сколь бесчисленны все мелкие обстоятельства, которые сопровождают каждый конкретный случай и с которыми следовательно надлежало бы считаться, поэтому нет другого исхода, как мыслить их перекрывающимися друг друга и строить все свои распоряжения лишь на общем и вероятном. Наконец не будем упускать из виду, что при прогрессивно возрастающем с понижением должностей числе вождей подлинной проницательности и подготовленности к суждению каждого из них может быть предоставлено все меньше места, по мере того как деятельность спускается на низшие ступени иерархии; ясно, что там, где нельзя предполагать никакого иного понимания, кроме подсказанного знанием уставов и опытом, этому пониманию надо придти на помощь соответствующим методизмом. Он даст точку опоры их суждению и в то же время будет служить сдерживающим началом против фантастических, искаженных воззрений, которых приходится особенно опасаться в области, где опыт дается так дорого.

Помимо этой неизбежности методизма мы должны признать, что он приносит и положительную выгоду. А именно - постоянно повторяющимся упражнением в тех же формах достигаются известная быстрота, отчетливость и уверенность в вождении войск, что уменьшает естественное трение и облегчает ход машины.

Таким образом метод будет применяться тем чаще и с тем большей неизбежностью, чем ниже по ступеням должностей будет опускаться деятельность, на пути же вверх применение его будет сокращаться и совершенно исчезнет на высших постах. Поэтому он найдет себе более места в тактике, чем в стратегии .

Война в ее высшем понимании состоит не из множества мелких событий, которые перекрывают в своем разнообразии друг друга и над которыми, худо или хорошо, можно господствовать при помощи более или менее удачного метода, но из отдельных крупных, решающих событий, каждое из которых требует особого, индивидуального подхода. Это не поле стеблей, которое можно хуже или лучше косить без разбору более или менее подходящей косой, но это - большие деревья, к которым надо подходить с топором обдуманно, в соответствии со свойствами и направлением каждого ствола.

Как далеко может быть доведено применение методизма в военной деятельности, это конечно решает не непосредственно ранг или занимаемая должность, а существо данного дела; лишь потому, что высшие посты охватывают наиболее широкие виды деятельности, методизм в меньшей степени их касается. Постоянный боевой порядок, постоянная организация авангарда и сторожевого охранения, это - методы, которыми в известных случаях полководец связывает руки не только своим подчиненным, но и самому себе. Правда все это может быть изобретено и самим полководцем в соответствии с конкретной обстановкой; но, поскольку эти тактические формы основаны на общих свойствах войск и оружия, они могут сделаться объектом теории. С другой стороны надо решительно отвергнуть всякий метод, которым вздумали бы предопределять планы войны или кампании и поставлять их как бы штампованными из-под станка.

До тех пор пока не существует приличной теории войны, т.е. разумного рассмотрения ведения войны, методизм будет сверх меры захлестывать и высшую деятельность, ибо люди, занятые этим кругом деятельности, не всегда имели возможность подготовить и развить себя научными занятиями и более высокими жизненными переживаниями. Они не могут ориентироваться в непрактичном и противоречивом резонировании теории и критики, но присущий им здравый смысл отвергает его; в

результате у них не остается иногда разумения кроме разумения опыта; отсюда и в тех случаях, которые требуют свободного, индивидуального подхода и допускают таковой, они охотно применяют те средства, которые им дает опыт, т.е. подражают характерному образу действий полководца, из чего сам собою получается методизм. Когда мы видим, как генералы Фридриха Великого постоянно применяют при атаках так называемый кривой боевой порядок, как генералы французской революции пускают в дело охват длинными боевыми линиями, а питомцы Бонапарта с кровавой энергией атакуют сосредоточенными массами, мы узнаем в повторности приемов явно усвоенный метод и следовательно видим, что методизм может доходить и до самых высших сфер командования. Если более совершенная теория облегчит изучение ведения войны, воспитает ум и суждение людей, вознесенных на высшие посты, то методизм не будет распространяться так высоко, а поскольку методизм останется все же неизбежным, он по крайней мере будет черпать свое содержание из теории, а не будет заключаться в одном слепом подражании .

Как бы прекрасно ни вел свое дело великий полководец, все же в том способе, каким он это делает, есть нечто субъективное, и если у него есть своя манера, то в ней отражается добрая доля его индивидуальности, а последняя может далеко не согласовываться с индивидуальностью того, кто подражает этой манере.

Между тем было бы невозможным и неправильным совершенно изгнать из ведения войны субъективный методизм или манеру. На нее надо смотреть как на выявление влияния, оказываемого индивидуальностью данной войны в целом на отдельные ее явления. Только таким путем можно удовлетворить особые требования данной войны, не предусматривавшиеся и не рассматривавшиеся теорией. Совершенно естественно, что революционные войны имели свой способ действий, и какая теория могла бы предвидеть вперед их особенности? Но зло заключается в том, что такая, вытекающая из конкретного случая манера сама себя переживает, оставаясь неизменной, в то время когда обстоятельства незаметно уже изменились; этому-то и должна помешать теория своей ясной и разумной критикой. Когда в 1806г. прусские генералы, принц Людвиг - под Заальфельдом, Тауэнцин - у Дорнбурга под Иеной, Граверт - впереди Каппельдорфа, Рюхель - позади той же деревни, бросились в кривой боевой порядок Фридриха Великого в открытую пасть гибели, то тут сказались не одна лишь уж пережившая манера, но полнейшее скудоумие, до которого когда-либо доходил методизм. И они погубили армию Гогенлоэ так, как никогда еще ни одна армия не бывала погублена на самом поле сражения.

Глава 5. Критика

Теоретические истины всегда сильнее влияют на практическую жизнь посредством критики, чем путем своего изложения в виде учения; ибо критика, являясь приложением теоретической истины к действительным событиям, не только приближает ее к жизни, но в большей мере приучает и рассудок к этим истинам путем повторного их приложения к практике. Поэтому мы считаем необходимым, наряду с нашей точкой зрения на теорию, установить таковую же и на критику.

Мы отличаем критическое изложение от обыкновенного изложения исторического события, которое просто располагает явления одно за другим, едва касаясь их ближайшей причинной связи. В таком критическом изложении могут проявиться три вида умственной деятельности.

Во-первых историческое расследование и установление сомнительных фактов. Это и будет собственно историческим исследованием, не имеющим с теорией ничего общего.

Во-вторых вывод следствий из причин. Это и есть подлинное критическое исследование .

Оно для теории необходимо, ибо все то, что в теории может быть установлено или подтверждено, или хотя бы пояснено опытом, достигается лишь таким путем.

В-третьих оценка целесообразности применявшихся средств. Это - критика в собственном смысле, содержащая в себе похвалу и порицание. Здесь уже теория служит истории или скорее тому поучению, которое можно почерпнуть из истории.

В этих двух последних, подлинно критических частях исторического рассмотрения крайне важно проследить явления вплоть до их начальных элементов, т.е. до бесспорной истины, и не останавливаться, как это так часто бывает, на полпути, т.е. на каких-либо произвольных допущениях или предположениях.

Что касается до анализа следствий, то это нередко встречает непреодолимое внешнее препятствие в том, что истинные причины остаются порой совершенно неизвестными. Ни при каких обстоятельствах жизни это не случается так часто, как на войне, где события редко бывают вполне известны, а еще реже - мотивы действий, которые или умышленно скрываются действующими лицами, или могут утратиться для истории, если они были преходящие и случайные. Поэтому критическое повествование должно большей частью идти рука-об-руку с историческим исследованием, и все же часто образуется такое несоответствие между причиной и следствием, что критика не может считать себя вправе смотреть на известные результаты, как на необходимые следствия определенных причин. Следовательно, получаются неизбежные пробелы, т.е. отрезок исторических событий, которым нельзя воспользоваться для поучения. Теория может лишь требовать, чтобы исследование было решительно доведено до этого пробела, а по отношению к самому пробелу воздержалось бы от каких бы то ни было выводов.

Подлинное зло бывает тогда, когда за недостатком точных данных и полуизвестное признается достаточным для объяснения следствий, т.е. когда этому полуизвестному придают незаслуженное значение.

Помимо этого затруднения критическое исследование встречается еще с другим весьма серьезным внутренним затруднением, заключающимся в том, что действия на войне редко вытекают из одной простой причины, но в большинстве случаев будут результатом совокупности нескольких причин; поэтому недостаточно беспристрастно и добросовестно проследить весь ряд событий вплоть до их источника, но надо еще за каждой из наличных причин установить долю ее влияния. Таким образом придется подвергнуть ближайшему обследованию природу причин, и таким путем критическое исследование может привести в подлинную область теории.

Критическое рассмотрение, а именно оценка средств, приводит к вопросу о том, каковы были результаты примененных средств и отвечали ли они намерениям действовавших лиц.

Своеобразность воздействия данных средств приводит к исследованию их природы, т.е. снова в область теории.

Мы видели, что в критике все сводится к тому, чтобы дойти до несомненных истин, т.е. не останавливаться на произвольных допущениях, не обязательных для других; последним могут быть противопоставлены другие, быть может столь же произвольные утверждения. Тогда не будет конца совершенно бесплодным пререканиям и не получится никакого поучения.

Мы видим, что как исследование причин, так и оценка средств ведет в область теории, т.е. в область такой общей истины, которая вытекает не из данного лишь конкретного случая. Поэтому, если мы будем обладать пригодной теорией, то при рассмотрении фактов мы будем ссылаться на то, что ею уже окончательно установлено, и прекращать дальнейшее исследование в этом направлении. Там же, где такой теоретической истины нет, исследование придется доводить до первичных начал. Если такая необходимость встречается часто, то писатель естественно углубляется в страшные дебри подробностей; он будет завален работой и утратит возможность останавливаться на всем с достаточным вниманием.

В результате ему придется, чтобы положить хотя бы какие-нибудь границы рассмотрению, остановиться на произвольных допущениях, может быть и достаточных для автора, но остающихся произвольными для других, так как они не очевидны сами по себе и ничем не доказаны.

Итак пригодная теория, является существенной основой критики, и без помощи разумной теории критика никогда не дойдет до того уровня, на котором она действительно становится поучительной, а именно - когда она достигает степени убедительности и неопровержимого доказательства.

Однако было бы праздной мечтой верить в возможность такой теории, которая являлась бы хранилищем всей отвлеченной истины и оставляла бы для критики одну задачу: подвести каждый данный случай под соответствующий ему теоретический закон; было бы смешным педантизмом требовать от критики, чтобы она всякий раз почтительно останавливалась у порога священной теории. Тот же дух аналитического исследования, который создает теорию, должен руководить и работой критики. Таким образом критическая мысль может и должна часто переноситься в область теории, выясняя детально те пункты, которые для нее в данную минуту имеют особенное значение. Напротив, критика совершенно не удовлетворит своего назначения, если она опустится до бездушного применения теории. Вся положительная часть теоретического исследования, всякие принципы, правила и методы утрачивают свой характер всеобщности и абсолютной истины, по мере того как они обращаются в положительное учение. Они существуют для того чтобы предлагать свои услуги, а за суждением всегда должно оставаться право решать, подходят ли они или нет к данному случаю. Теоретическими положениями критика никогда не должна пользоваться, как законами и нормами для оценки, но лишь так, как ими должны пользоваться действующие на войне лица, т.е. в качестве точки опоры для суждения. Хотя тактика считает установленным, что в общем боевом порядке кавалерия должна располагаться не на одной линии с пехотой, а позади нее, но все же было бы неразумно на этом основании безусловно отвергать всякий уклоняющийся от этого правила распорядок; критика должна исследовать основания для такого уклонения, и лишь в случае недостаточности их она вправе сослаться на авторитет теории.

Далее, если теория установила, что атака по частям уменьшает шансы на успех, то было бы столь же неразумным без дальнейшего углубления в обстановку дела всякий раз, как атака по частям совпадает с неудачей, признавать последнюю за следствие первой, как и наоборот: в случае успеха атаки по частям приходиться тотчас же к противоположному заключению о неправильности этого теоретического положения. Дух исследования, присущий критике, не должен допускать ни той, ни другой крайности. Таким образом, критика преимущественно опирается на выводы аналитического исследования теории; то, что последняя окончательно выработала, критика не будет готовить заново; оно ведь и вырабатывается теорией для того, чтобы передать критике в готовом виде.

Задача критики - исследование причинной связи и целесообразности применявшихся средств - является нетрудной в тех случаях, когда причина и следствие, цель и средство оказываются в близкой связи друг с другом.

Когда армия подверглась внезапному нападению и вследствие этого не оказалась в состоянии упорядоченно и разумно использовать свои возможности, то следствие внезапного нападения представляется несомненным. Если теория установила, что охватывающая атака в бою ведет к большому, хотя и менее обеспеченным, результатам, возникает вопрос: стремился ли преимущественно предпринявший охватывающую атаку именно к большому успеху; в утвердительном случае средство применено им целесообразно. Но если он хотел этим приемом более обеспечить свой успех и если он свой расчет строил не столько на конкретной обстановке, сколько на общих свойствах охватывающей атаки, как это имело место сотни раз, то он неправильно судил о природе такой атаки и допустил ошибку.

В подобных случаях задача критического исследования и оценки не представляет трудностей, и она окажется легкой всякий раз, как мы будем ограничиваться исследованием ближайших последствий и целей. Это доступно личному усмотрению; для этого стоит лишь исключить разбираемое явление из общей связи с ходом событий и рассматривать его лишь в одном отношении.

Но на войне, как и вообще во всем мире, все, что принадлежит к известному целому, находится во взаимной связи; следовательно каждая причина, как бы ничтожна она ни была, сохраняет свое влияние до самого конца военных действий, видоизменяя его хотя бы в самой ничтожной мере.

Точно так же и применение каждого средства должно увязываться с самой конечной целью.

Таким образом можно следить за действием причины, до тех пор пока оно заслуживает наблюдения, и точно так же можно оценить целесообразность применения средства не только по отношению к ближайшей цели, но и рассматривая эту цель лишь как средство для достижения более высокой цели, и продолжать идти по этому пути, пока мы не дойдем до цели, которая не нуждается

уже ни в какой проверке, ибо необходимость ее не подлежит сомнению .

Во многих случаях, особенно когда речь идет о крупных, решительных мероприятиях, рассмотрение придется доводить до окончательной цели, до той именно, которая непосредственно должна привести к заключению мира.

Ясно, что с этим постоянным восхождением, с каждым вновь достигнутым этапом приобретается новая точка зрения для суждения. Таким образом то самое средство, которое с одной точки зрения представлялось выгодным, со следующей, более высокой, может быть отвергнуто.

Исследование причин явлений и оценка целесообразности примененных средств всегда идут рука об руку при критическом рассмотрении какого-нибудь акта; ибо только исследование причин приводит к тем вопросам, которые заслуживают стать объектом оценки.

Следуя вверх и вниз по этой цепи, мы наталкиваемся на значительные затруднения. Чем более отыскиваемая причина удалена от известного события, тем больше других причин приходится одновременно иметь в виду; при этом надо определить и учесть их воздействие, ибо каждое явление, чем оно выше стоит, тем большим количеством сил и обстоятельств обуславливается. Когда мы установим причины проигрыша сражения, то конечно тем самым мы установим и ту часть причин дальнейшего хода событий, которая падает на проигранное сражение, но лишь одну часть всех причин, ибо в конечный результат вольются, смотря по обстоятельствам, в большем или меньшем количестве следствия, вызванные другими причинами.

Совершенно такое же разнообразие возникает при оценке целесообразности средств по мере усвоения нами более высокой точки зрения, ибо с нею растет число средств, примененных к достижению более высокой цели. Конечная цель войны преследуется одновременно всеми армиями, а потому необходимо принять во внимание все, что при этом случилось или могло случиться.

Ясно, что это иногда может чрезвычайно расширить поле нашего рассмотрения и нам будет грозить опасность заблудиться; главная трудность сводится к тому, что приходится делать множество предположений о явлениях, в действительности не происходивших, но вполне возможных, а поэтому и не подлежащих устранению из рассмотрения.

Когда Бонапарт в марте 1797 г. наступал с итальянской армией от р.Тальяменто на эрцгерцога Карла, то сделал он это с тем умыслом, чтобы принудить этого полководца к решительным действиям раньше, чем он успеет притянуть к себе ожидавшиеся им с Рейна подкрепления. Если смотреть лишь с точки зрения ближайшего решительного акта, то средство было избрано удачно, что успех и подтвердил, ибо эрцгерцог был еще настолько слаб, что на Тальяменто он лишь сделал попытку к сопротивлению, а когда увидел, что его противник слишком силен и решителен, то отступил и очистил входы в Норийские Альпы. Но для какой же цели нужен был Бонапарту этот успех как средство? Чтобы самому проникнуть в сердце австрийской монархии, облегчить наступление обеим рейнским армиям Моро и Гоша и установить с ними ближайший контакт .

Так смотрел Бонапарт, и с этой точки зрения он был прав. Но если критика станет на более высокую точку зрения, а именно - на точку зрения французской директории, которая могла и должна была предвидеть, что кампания на Рейне могла открыться лишь 6 недель спустя, то на вторжение Бонапарта через Норийские Альпы можно смотреть лишь как на излишне рискованный шаг. Ибо стоило австрийцам подтянуть в Штирию с Рейна значительные резервы, которые эрцгерцог мог бы бросить на итальянскую армию, как не только эта последняя была бы уничтожена, но была бы проиграна вся кампания.

Эти размышления и овладели Бонапартом в окрестностях Виллаха и заставили его очень охотно согласиться на Леобенское перемирие.

Но если критика поднимется еще на одну ступень выше и уяснит, что у австрийцев между Веной и армией эрцгерцога Карла не было никаких резервов, то станет ясно, что дальнейшее наступление Бонапарта угрожало бы самой Вене.

Допустим, что Бонапарт знал, что столица открыта и что он располагал в Штирии превосходством над эрцгерцогом; в этом случае его поспешное наступление к сердцу австрийской монархии оказывается уже не бесцельным; однако осмысленность его находилась в зависимости от того, какую цену австрийцы придавали сохранению Вены. Если эта цена была настолько велика, что они предпочли бы пойти на те условия мира, которые Бонапарт намеревался им предложить, то на угрозу Вене приходится смотреть как на конечную цель военных действий. Если Бонапарт имел какие-либо основания предполагать это, то критика могла бы на этом остановиться, но если бы воздействие захвата Вены оставалось в области догадок, то критике пришлось бы вновь шагнуть на еще более высокую точку зрения и поставить вопрос: что бы случилось, если бы австрийцы решились пожертвовать Веной и отступили еще далее вглубь своей обширной территории? Однако на этот вопрос, как легко понять, нельзя дать ответа, не приняв в расчет вероятный ход действий между армиями обеих сторон на Рейне. При решительном численном перевесе французов (130 000 человек против 80 000) их успех конечно почти не подлежал сомнению, но тут возникал новый вопрос: как французская директория захотела бы его использовать? Французы могли развивать свой успех до противоположных границ австрийского государства, т.е. вплоть до полного разрушения или сокрушения этой державы, или же довольствоваться завоеванием значительной части территории в качестве залога при заключении мира. Для обоих случаев надо уяснить вероятный результат и лишь в зависимости от него определить затем вероятное решение французской директории. Положим в итоге этого рассмотрения оказалось бы, что для полного разгрома австрийской империи силы французов были далеко недостаточны, так что попытка в этом направлении сама собой вызвала бы полный переворот во всей обстановке, и что даже одно лишь завоевание и удержание за собой значительной части территории поставило бы французов в такое стратегическое положение, при котором их сил оказалось бы по всей вероятности недостаточно.

Этот результат должен был бы повлиять на оценку стратегического положения итальянской армии и побудил бы ее не предаваться чрезмерным надеждам. Это, бесспорно, и заставило Бонапарта, даже при полном учете беспомощного положения эрцгерцога, заключать Кампо-Формийский мир на условиях, не требовавших от австрийцев тяжелых жертв; австрийцы лишались только таких провинций, которые они не могли бы отвоевать даже после самой удачной кампании. Но французы не могли бы рассчитывать и на заключение этого умеренного мира в Кампо-Формию, а следовательно не могли бы сделать его целью своего наступления, если бы не было выдвинуто два соображения. Первое заключалось в вопросе: как расценивали сами австрийцы каждый из двух возможных исходов, считали бы ли они эти результаты, несмотря на вероятный счастливый, конечный успех в обоих случаях, стоящими тех жертв, которые были сопряжены с продолжением войны и которых они могли избежать ценою не слишком убыточного мира? Второй вопрос ставился так: будет ли австрийское правительство в состоянии спокойно взвесить конечный возможный успех своего упорного сопротивления и не поддастся ли оно малодушию под впечатлением временных неудач?

Рассмотрение существа первого вопроса отнюдь не является праздной игрой ума, но имеет столь огромное практическое значение, что оно всякий раз возникает, когда обсуждается какой-либо ориентированный на крайность план, и оно-то весьма часто и препятствует приведению его в исполнение.

Рассмотрение второго вопроса представляется столь же необходимым, ибо войну ведут не с абстрактным, а с реальным противником, которого надо постоянно иметь в виду. И наверно смелый Бонапарт не упускал эту точку зрения, т.е. учитывал тот ужас, который предшествовал его грозному мечу. Тот же расчет привел его в 1812 г. и в Москву. Здесь он просчитался; ужас несколько был изжит в предшествовавшей гигантской борьбе; в 1797 г. этот ужас конечно еще был свеж, а тайна сопротивления, доведенного до крайнего предела, тогда еще не была вскрыта; но и в 1797 г. его отвага привела бы к отрицательному результату, если бы в предвидении такового он не нашел исхода в умеренном Кампо-Формийском мире.

Этим мы и закончим данное рассмотрение; сказанное представляет собой образчик, показывающий, с какой широтой, многообразием и трудностями имеет дело критический разбор, если доходить в нем до предельных целей, а последнее является необходимым, когда дело идет о крупных, решающих актах. Из нашего рассмотрения видно, что помимо теоретического проникновения в предмет природный талант оказывает огромное влияние на ценность критического разбора, ибо преимущественно от этого таланта будут зависеть надлежащее освещение взаимной связи явлений и

выявление наиболее существенных соотношений событий из бесчисленного их множества.

Но таланту в этом деле предстоит и другого рода задача. Критическое рассмотрение заключается не в одной лишь оценке примененных средств, но и всех возможных; а последние еще надо указать, т.е. изобрести; ведь вообще нельзя порицать одно средство, если не можешь указать на другое - лучшее .

Как бы ни мало было в большинстве случаев число возможных комбинаций, все же нельзя отрицать, что выдвигая средства еще не использованные, мы не только производим простой анализ имевших место явлений, но и проявляем творчество, которое не может быть предуказано, а зависит исключительно от плодovitости ума.

Мы далеки от того, чтобы усматривать арену великой гениальности там, где все может быть сведено к очень немногим практически возможным и очень простым комбинациям, мы считаем смехотворным, когда изобретение обхода позиции рассматривается как черта великой гениальности, что часто имеет место; но тем не менее этот акт творческой самостоятельности является необходимым, и им существенно определяется ценность критического разбора.

Когда Бонапарт 30 июля 1796 г. принял решение снять осаду Мантуи, дабы сосредоточенными силами броситься навстречу отдельным колоннам неприятеля,двигающимся на выручку крепости, чтобы разбить их поодиночке, то это оказалось самым верным путем к блестящим победам. Эти победы действительно были одержаны и повторились с еще большим блеском и теми же средствами при последующих попытках прийти на выручку означенной крепости. Об этом все в один голос отзываются не иначе, как с восторженной похвалой.

Однако Бонапарт мог предпринять этот шаг 30 июля лишь ценой окончательного отказа от осады Мантуи, ибо при его решении нельзя было спасти осадный парк, а добыть в эту кампанию другой было невозможно. И действительно осада затем превратилась в простую блокаду, и крепость, которая в случае продолжения осады пала бы в очень скором времени, сопротивлялась, несмотря на все победы Бонапарта в открытом поле, еще в течение 6 месяцев.

Критика в этом усмотрела совершенно неизбежное зло, ибо она не могла указать лучшего способа сопротивления. Сопротивление против идущей на выручку армии за циркумвалационными линиями пользовалось такой дурной славой и презрением, что этот способ не приходил и в голову. Однако в эпоху Людовика XIV этот прием так часто достигал цели, что можно смотреть, как на своего рода моду, на то обстоятельство, что никто и не пытался обдумать возможность его использования 100 лет спустя. При допущении такого способа учет ближайших обстоятельств показал бы, что 40 000 солдат лучшей в мире пехоты, которой располагал бы Бонапарт в циркумвалационных линиях перед Мантуей, так мало могли страшиться 50 000 австрийцев, которых Вурмзер вел на выручку осажденной крепости, что последние едва ли попытались бы даже атаковать французские линии. Мы здесь не станем приводить дальнейших доказательств нашего утверждения, но полагаем, что сказанного достаточно, для того чтобы оно было принято во внимание наряду с другими. Думал ли сам Бонапарт, когда приступал к действию, об этом средстве, мы не беремся решать: ни в его мемуарах, ни в других печатных источниках об этом нет и следа; вся последующая критика об этом даже и не думала, так как глаз совершенно отвык от подобного мероприятия .

Заслуга напомнить об этом средстве не из великих, ибо стоит лишь освободиться от засилья модных взглядов, чтобы дойти до этого; но последнее необходимо чтобы приступить к его рассмотрению и сравнению с тем приемом, к которому прибег Бонапарт. Каков бы ни оказался результат такого сравнения, критика не должна его миновать.

Когда Бонапарт в феврале 1814 г. разбил в боях под Этожем, Шампобером, Монмиралем и т.д. армию Блюхера, а затем, бросив его, обратился против Шварценберга и нанес ему поражение под Монтро и Мормая, все восторгались тем, как Бонапарт постоянной переброской своих главных сил блестяще использовал ошибку союзников, наступавших раздельно. Если эти блестящие удары, наносимые во все стороны, все же не спасли Бонапарта, то это, как полагали, не могло быть поставлено ему в вину. Никто до сего времени не задал себе вопроса, каков был бы результат, если бы Бонапарт не повернул от Блюхера на Шварценберга, но продолжал бы наносить удары Блюхеру и

преследовал бы его до Рейна. Мы убеждены, что в этом случае произошел бы полный переворот во всей кампании, и главная армия союзников не пошла бы на Париж, а отступила бы за Рейн. Мы не настаиваем на том, чтобы наше убеждение разделяли другие, но ни один специалист не станет сомневаться, что критика должна заняться рассмотрением этой альтернативы, раз о ней зашла речь.

В этом случае средство, подлежащее сравнению с действительно примененным, было гораздо ближе к последнему, чем в предыдущем случае, однако и на этот раз на его рассмотрении никто не остановился, так как все слепо следовало по одному направлению и находилось под влиянием предубеждения.

Из необходимости указать на лучшее средство взамен опровергнутого возник тот род критики, которым почти исключительно пользуются, а именно: ограничиваются голым указанием на якобы лучший прием, не представляя в пользу его никаких доказательств. В результате указанный метод действий не для всех представляется доказанным. Другие поступают так же, и возникает спор, не имеющий никакого разумного основания. Вся литература о войне полна подобными примерами.

Мы считаем доказательства необходимыми всюду, где преимущество предлагаемого средства не настолько очевидно, чтобы не оставалось никакого сомнения. Сущность доказательства заключается в том, чтобы каждое из этих средств подвергнуть исследованию в отношении его особенностей и соответствия с поставленной целью. Раз дело сведено таким путем до простых истин, то спор должен наконец прекратиться или же привести к новым выводам, между тем как при ином методе аргументы pro и contra[46] начисто уничтожают друг друга.

Если бы например мы, не довольствуясь сказанным, решили в приведенном нами случае доказать, что неуклонное преследование Блюхера являлось бы более удачным решением, чем поворот против Шварценберга, то мы оперлись бы на следующие простые истины .

1. Как общее правило выгоднее продолжать наносить удары в одном направлении, чем перебрасывать свои силы с места на место, потому что во-первых такое перебрасывание сопряжено с потерей времени, и во-вторых там, где моральные силы уже подорваны значительными потерями, новые успехи являются более обеспеченными; таким образом, не меняя направления ударов, мы не оставляем неиспользованной часть достигнутого перевеса.

2. Блюхер, хотя численно был и слабее Шварценберга, но благодаря своей предприимчивости был значительно опаснее, а потому скорее в нем лежал центр тяжести, увлекающий все остальное за собой во взятом им направлении.

3. Потери, понесенные Блюхером, были почти равнозначны поражению, вследствие чего Бонапарт приобрел над ним такой перевес, что отступление Блюхера к Рейну едва ли подлежало сомнению, так как в этом направлении он не мог получить существенных подкреплений.

4. Никакой другой возможный успех не выделился бы с такой яркостью, не предстал бы воображению в таком колоссальном очертании; а при нерешительном, робком командовании армией, каким заведомо было командование Шварценберга, это должно рассматриваться как один из самых существенных факторов. Те потери, которые понесли наследный принц Вюртембергский под Монтро и граф Витгенштейн под Морман, вероятно с достаточной точностью были известны Шварценбергу. Те же поражения, которые понес бы Блюхер на своем совершенно обособленном и отдельном направлении от Марны до Рейна, докатывались бы до Шварценберга лишь в виде снежной лавины слухов. Отчаянный маневр, предпринятый Бонапартом в конце марта на Витри, представлявший попытку оказать воздействие на союзников угрозой их сообщениям, был очевидно построен на принципе устрашения, но обстоятельства были уже совершенно иные, ибо Бонапарт потерпел неудачу под Лаоном и Арси, а Блюхер уже присоединился к Шварценбергу со своей стотысячной армией.

Конечно найдутся люди, которых наши доводы не убедят, до по крайней мере они не будут иметь возможности нам возразить: "В то время, как Бонапарт угрожал бы своим продвижением к Рейну - базе Шварценберга, Шварценберг угрожал бы Парижу - базе Бонапарта", ибо мы приведенными нами доводами именно и хотели указать, что Шварценберг и не подумал бы двигаться на Париж.

По поводу примера из похода 1796 г., которого мы выше коснулись, мы бы сказали, что Бонапарт видел в принятом решении самое верное средство разбить австрийцев; если бы даже это и было так, то цель, достигаемая этим путем, являлась лишь пустым военным подвигом, который не мог оказать существенного влияния на падение Мантуи. Путь, который мы рекомендуем, по нашему мнению гораздо вернее мог воспрепятствовать снятию осады; но если бы мы с точки зрения французского полководца и не считали, что это так, и даже полагали бы, что он представляет меньше шансов на успех, то все же вопрос сводился к тому, что на одну чашу весов пришлось бы положить более обеспеченный, но почти бесполезный, а следовательно ничтожный успех, а на другую - успех не вполне вероятный, но гораздо более значительный .

При такой постановке вопроса наиболее смелым является второй способ разрешения вопроса, между тем как при поверхностном взгляде получается обратное представление. Несомненно, намерения Бонапарта были очень отважные, и следовательно надо полагать, что он не до конца уяснил себе природу данного случая и не обозрел последствий своего решения так, как мы их представляем себе теперь, после фактического опыта.

Вполне естественно, что при рассмотрении целесообразности примененных средств критике часто приходится ссылаться на военную историю, ибо в военном искусстве опыт имеет гораздо большую ценность, чем любая философская истина. Но конечно это доказательство историей действительно лишь при определенных условиях, о которых мы поговорим в особой главе. К сожалению, эти условия так редко выполняются, что ссылки на историю по большей части приводят к еще большей путанице в понятиях.

Теперь нам надо рассмотреть еще один важный вопрос, а именно: в какой, мере дозволительно или даже обязательно для критики пользоваться при обсуждении конкретного случая имеющимися в ее распоряжении более подробными сведениями о событиях, а также результатами этих событий; иначе говоря, когда и где критика должна отвлекаться от всех этих данных, дабы возможно точно стать в положение действовавшего лица.

Когда критика хочет высказать похвалу или порицание действовавшему лицу, то разумеется она должна постараться в точности стать на его точку зрения, т.е. сопоставить все то, что он знал и что руководило его действиями, и отстранить от себя все то, чего деятель не мог знать или не знал; следовательно прежде всего надо устранить данные о том, к какому результату привели предпринятые действия. Однако это лишь цель, к которой надо стремиться, но окончательно достигнуть невозможно, ибо обстановка, на фоне которой протекало какое-либо событие, никогда не может предстать перед глазами критика и том самом виде, в каком она была перед глазами действовавшего лица. Ряд мелких обстоятельств, которые могли оказывать влияние на решения, исчезли бесследно; об иных субъективных побуждениях не встречается никаких указаний. О последних узнают лишь потом из мемуаров самих деятелей или очень близких к ним лиц, а в таких мемуарах все трактуется обычно общими мазками, а порой излагается не вполне откровенно. Таким образом у критика будет недоставать многого, что живо стояло в сознании действовавшего лица.

С другой стороны критике еще труднее закрыть глаза на то, что ей слишком хорошо известно. Это легко лишь по отношению ко всем случайным, т.е. не коренящимся в существе обстановки, примешавшимся к ней обстоятельствам, но это крайне трудно и почти недостижимо по отношению ко всем существенным явлениям .

Прежде всего поговорим о результате. Если он вытек не из случайных явлений, то почти невозможно, чтобы знание его не оказало влияния на суждение о тех событиях, из которых оно получилось, ибо на ниве мы смотрим сквозь призму конечного результата и лишь через него окончательно знакомимся с ними и учимся их оценивать по достоинству. Военная история со всеми ее явлениями представляет для самой критики источник поучения, и вполне естественно, что последняя рассматривает явления в том освещении, которое ум придает рассмотрению всех событий в целом. Поэтому, если бы даже критика иногда и задавалась целью безусловно закрыть глаза на этот результат, то окончательно это ей все же никогда бы не удалось.

Но так обстоит дело не только с результатом, т.е. с тем, что наступает позднее, но и с обстановкой соответствующего момента, т.е. с теми данными, которые определяют действие. В

большинстве случаев в распоряжении критики их окажется больше, чем было у действовавшего лица; можно было бы думать, что закрыть на них глаза не трудно, однако на деле это не так. Знание как предшествовавших, так и одновременных обстоятельств основывается не только на определенных сообщениях, но в значительной мере и на целом ряде догадок и предположений; мало того, редко получается сообщение о не вполне случайных событиях, которому уж не предшествовали бы предположения или догадки; они-то и заменяют точное сообщение, если последнего нет. Таким образом понятно, что позднейшая критика, которой фактически известны все предшествовавшие и все одновременные обстоятельства, должна действовать неподкупно, задавая себе вопрос, какое из неведомых тогда обстоятельств она сочла бы вероятным. Мы утверждаем, что в данном случае полностью исключить из своего суждения известные данные столь же невозможно и по тем же самым причинам, как и закрыть глаза на конечный результат.

Отсюда, если критика захочет высказать похвалу или порицание по поводу какого-нибудь конкретного действия, то ей всегда лишь до известного предела удастся стать в положение действовавшего тогда лица. Во многих случаях последнее достигается в пределах практически нужного, в других же случаях оно может и вовсе не удалиться; этого не следует упускать из виду.

Однако нет никакой необходимости и даже не желательно, чтобы критика вполне отождествлялась с действующим лицом. На войне, как и во всякой деятельности, сопряженной с искусством, требуется развитое природное дарование, называемое мастерством. Мастерство может быть крупным и малым. В первом случае оно легко может оказаться выше дарования критика, ибо какой критик решился бы выразить притязание на мастерство Фридриха или Бонапарта! Но критика не может вовсе воздержаться от суждения о крупных талантах, и следовательно ей надо предоставить использовать преимущество более широкого горизонта. Следовательно критика не может вслед за великим полководцем решать выпавшие на него задачи, исходя только из имевшихся у него данных, как можно было бы поверить решению математической задачи; она должна сначала почтительно ознакомиться с высшим творчеством гения по достигнутым им успехам и по точкой координации всех действий, а затем изучить на фактах ту основную связь между событиями, тот истинный их смысл, которые умел предугадать взор гения.

Но и по отношению ко всякому, даже самому скромному мастерству необходимо, чтобы критика становилась на более высокую точку зрения, дабы, обогатившись объективными моментами для суждения, она являлась возможно менее субъективной и дабы ограниченный рассудок критика не мерил бы других своей мерой.

Такое высшее положение критики, ее похвала и порицание, выносимые после полного проникновения во все обстоятельства дела, не содержит в себе ничего оскорбительного для наших чувств; последнее создается лишь тогда, когда критик выдвигает вперед свою особу и начинает говорить таким тоном, словно вся та мудрость, которую он приобрел благодаря полному знакомству со всеми событиями, составляет его личный талант. Как ни груб такой обман, однако пустое тщеславие охотно к нему прибегает, и не мудрено, что это вызывает в других негодование. Но чаще случаи, когда такое самохвальство не входит в намерения критика, а лишь приписывается ему читателем; если первый не примет известных мер предосторожности, тогда тотчас же зарождается обвинение в отсутствии способности суждения.

Таким образом когда критик указывает на ошибки Фридрихов Великих и Бонапартов, то это не значит, что он сам, произносящий критическое суждение, этих ошибок не совершил бы; он даже мог бы согласиться, что на месте этих полководцев он вероятно совершил бы гораздо более грубые ошибки, но он усматривает эти ошибки из хода событий и связи между ними и требует от проницательности полководца, чтобы тот их предусмотрел.

Итак, критика есть суждение, основанное на ходе событий и на связи между ними, а следовательно и на их результате. Но результат может оказаться на суждении и совершенно иначе; бывает, что им попросту пользуются в качестве доказательства правильности или неправильности или другого мероприятия. Это можно назвать суждением по успеху. Такое суждение на первый взгляд кажется безусловно неприемлемым, и все же это - не так.

Когда Бонапарт в 1812 г. шел на Москву, все зависело от того, принудит ли он императора

Александра к миру завоеванием этой столицы и предшествовавшими этому событиями, как ему удалось принудить его в 1807 г. после сражения под Фридландом и как удалось принудить императора Франца в 1805 и 1809 гг. после Аустерлицкого и Ваграмского сражений; ибо раз он не получал мира в Москве, ему ничего не оставалось другого, как возвращаться вспять, т.е. понести стратегическое поражение. Мы не будем останавливаться на том, что сделал Бонапарт, чтобы добраться до Москвы, и не было ли уже при этом упущено многое такое, что могло бы побудить императора Александра заключить мир; не будем также говорить о тех гибельных обстоятельствах, которые сопровождали отступление и причина которых может быть уже заключалась в ведении войны в целом. Но независимо от этого вопрос остается тем же самым, ибо какими бы блестящими ни были результаты похода до занятия Москвы, все же дело сводилось к тому, будет ли император Александр настолько запуган всем этим, чтобы заключить мир. Если бы отступление и не носило на себе такого отпечатка истребления и гибели, поход все же являлся бы крупным стратегическим поражением .

Если бы император Александр согласился на невыгодный мир, то поход 1812 г. стал бы наряду с походами, закончившимися Аустерлицем, Фридландом и Ваграмом. А между тем и эти кампании, не будь заключен мир, вероятно привели бы к таким же катастрофам. Таким образом, какую бы силу, искусство и мужество ни проявил всемирный завоеватель, этот конечный вопрос, обращенный к судьбе, оставался бы повсюду тем же самым. Но неужели на этом основании мы должны отвергнуть походы 1805, 1807 и 1809 гг. и на основании данных одной кампании 1812 г. утверждать, что все они - плод неразумия, что успех их противоестественен и что в 1812 г. стратегическая правда наконец восторжествовала над слепым счастьем? Это было бы крайней натяжкой, суждением донельзя тираническим, которое могло быть доказанным лишь наполовину, ибо ни один человеческий взор не может проследить нить необходимого сцепления событий вплоть до окончательного решения, принятого побежденными монархами.

Но еще менее оснований утверждать, что поход 1812 г. заслуживал того же успеха, как и предшествующие, и если он им не увенчался, то это нечто совершенно ненормальное. В самом деле нельзя же смотреть на стойкость императора Александра, как на нечто ненормальное.

Что может быть естественнее, как сказать, что в 1805, 1807 и 1809 гг. Бонапарт правильно оценил своих противников, а в 1812 г. он ошибся; следовательно тогда он был прав, а на этот раз нет, и притом в обоих случаях потому именно, что нас тому учит конечный результат.

Все действия на войне, как мы уже говорили раньше, рассчитаны лишь на вероятные, а не на несомненные результаты; то, что недостает в отношении несомненности, должно быть предоставлено судьбе или счастью, - называйте это, как хотите. Правда мы можем требовать, чтобы доля счастья была как можно меньше, но лишь по отношению к конкретному случаю, т.е. в каждом отдельном случае эта доля должна быть возможно меньше, но из равных случаев мы вовсе не обязаны предпочитать именно тот, в котором меньше всего подлежащего сомнению. Это было бы согласно всей нашей теоретической установке огромной ошибкой. Бывают случаи, когда величайший риск является величайшей мудростью.

Во всем том, что действующее лицо предоставляет судьбе, по-видимому нет никакой его заслуги, а следовательно в этой части на него и не ложится никакая ответственность; тем не менее мы не можем удержаться от внутреннего одобрения всякий раз, как ожидание полководца оправдывается, когда же оно срывается, мы испытываем какое-то чувство неудовлетворенности. Дальше этого и не должно идти суждение о правильном и ошибочном, которое мы создаем только на основании конечной удачи или неудачи, или точнее, которое мы просто находим в ней .

Однако нельзя не признать, что чувство удовлетворения, испытываемое нашим сознанием от меткого действия, и чувство неудовлетворенности - от промаха все же покоятся на смутной догадке, что между успехом, приписываемым счастью, и гением действующего лица существует тонкая, невидимая умственному взору связь, и эта гипотеза доставляет нам известное удовлетворение. Такой взгляд подкрепляется тем, что наш интерес возрастает и переходит в более определенное чувство, когда в деятельности того же самого лица удачи и промахи часто повторяются. Отсюда становится понятным, почему счастье на войне имеет гораздо более благородный облик, чем счастье в игре. Повсюду, где благоприятствуем счастьем вождь не задевает как-либо наши интересы, мы с удовлетворением будем следить за его успехами.

Итак критика, после того как она взвесила все то, что принадлежит к области человеческого расчета и может быть удостоверено, должна предоставить слово конечному исходу в той части, в которой тайная внутренняя связь вещей не воплощается в видимых явлениях. При этом она должна с одной стороны оградить этот безмолвный приговор высшего судилища против напора необузданных мнений, с другой - возразить против нелепых злоупотреблений, которые могут быть допущены этой высшей инстанцией.

Этот приговор успеха всегда должен следовательно удостоверять то, что не может распознавать человеческий ум. К нему приходится обращаться главным образом в вопросе о духовных силах и их воздействии отчасти потому, что о них можно судить с наименьшей достоверностью, а отчасти и потому, что они, близко соприкасаясь с волей, легко ее обуславливают. Там, где решение вырвано страхом или мужеством, между чувством и волей не может быть установлено ничего объективного, а следовательно здесь уже мудрость и расчет более не влияют на вероятный исход дела.

Теперь мы еще позволим себе высказать несколько замечаний об орудия критики, а именно о языке, которым она пользуется, ибо критика в известной степени является спутником военных действий; ведь дающая оценку критика не что иное как размышление, которое должно предшествовать действию. Поэтому мы полагаем, что крайне существенно, чтобы язык критики- носил такой же характер, какой должен иметь язык размышлений на войне; иначе он теряет свою практичность и не дает критике доступа в действительную жизнь.

При рассмотрении вопроса о теории ведения войны мы говорили, что она должна воспитывать ум вождей, или вернее, руководить их воспитанием. Она не предназначена к тому, чтобы снабжать вождя положительным учением или системами, которыми он мог бы пользоваться как готовыми орудиями ума. Но если на войне для суждения о данном случае построение научных подсобных линий [47] не только не нужно, но даже недопустимо, - если истина не выступает здесь в систематическом оформлении и берется не из вторых рук, а непосредственно усматривается естественным умственным взором, - то то же должно быть и при критическом рассмотрении .

Правда мы видим, что всякий раз, как представляется слишком громоздким устанавливать природу явлений, критика должна опираться на уже окончательно признанные в теории истины. Однако подобно тому, как деятель на войне более повинуетя этим теоретическим истинам тогда, когда слил свое мышление с их духом, чем когда он видит в них лишь внешний мертвый закон, так и критика не должна ими пользоваться как чуждыми законами или алгебраическими формулами, при применении которых не требуется искать нового доказательства.. Она должна всегда сама светиться этими истинами, предоставляя теории лишь более точное и обстоятельное их доказательство. Таким образом критика избегнет таинственного и запутанного языка и будет литься простой речью в прозрачном, т.е. всегда наглядном, ряде образов.

Правда это не всегда вполне достижимо, но таково должно быть стремление критического изложения. Оно должно применять как можно меньше сложных форм распознавания и никогда не пользоваться построением научных подсобных линий как собственным аппаратом установления истины, но ко всему подходить с простым и свободным умственным взором.

Однако это благочестивое стремление, если мы можем позволить себе так выразиться, к сожалению до сих пор господствовало лишь в немногих критических разборах: большинство их из какого-то тщеславия тянулось к идейной напыщенности.

Первое зло, с которым часто приходится встречаться, это - беспомощное, совершенно недопустимое применение известных односторонних систем как формального закона. Но всегда нетрудно доказать всю односторонность такой системы, и стоит это сделать хотя бы однажды, чтобы раз навсегда подорвать авторитет ее судейского приговора. Здесь мы имеем дело с определенным явлением, а так как число возможных систем в конечном счете может быть лишь незначительно, то сами по себе они представляют еще меньшее зло.

Гораздо больший вред заключается в том придворном штате терминологий, технических выражений, и метафор, который тащат за собой системы и который, как распущенный сброд, как обозная челядь армии, отбившаяся от своих принципов, беспорядочно повсюду бродит. Критик, не

поднявшийся до цельной системы, - или потому, что ни одна из них ему не понравилась, или потому, что ему не удалось изучить какую-нибудь из них полностью, - все же норовит использовать хотя бы кусочек ее как направляющую веху, чтобы доказать, как ошибочен был тот или иной ход полководца. Большинство совсем не умеет рассуждать без того, чтобы не пользоваться то здесь, то там каким-либо обрывком военной теории как опорой. Самые мелкие из этих обрывков, сводящиеся просто к техническим терминам и метафорам, часто оказываются лишь затейливыми прикрасами, уснащающими критическое повествование. Но по самой природе дела вся терминология и технические выражения, принадлежащие какой-нибудь системе, утрачивают свой правильный смысл, - если они им когда-нибудь обладали, - раз только их выхватывают из системы и употребляют как аксиомы или как маленькие кристаллы истины, обладающие якобы большей убедительностью, чем обыденная речь .

Таким-то путем и получилось, что наши теоретические и критические книги вместо простого, безыскусственного и ясного рассуждения, при котором автор по крайней мере сам знает, о чем говорит, а читатель понимает, что читает, кишмя кишат этими терминологиями, создающими темные перекрестки, на которых автор и читатель расходятся в разные стороны. Нередко бывает еще хуже: часто они являются простой скорлупой без зерна. Сам автор толком не знает, что он собственно думает по данному поводу, и успокаивается на туманных представлениях, которые в обыденной речи его самого не удовлетворили бы.

Третье зло критики, это - злоупотребление историческими примерами и желание блеснуть начитанностью. Что такое история военного искусства, об этом мы уже говорили, и мы еще разовьем в отдельных главах нашу точку зрения на исторические примеры и вообще на военную историю. Факт, который задевают лишь мимоходом, может служить примером для совершенно противоположных воззрений, а 3 - 4 примера, выхваченные из самых отдаленных друг от друга эпох и стран, натасканные из самых разнородных обстановок и сваленные в кучу, чаще всего сбивают с толку и запутывают суждение, не обладая в то же время .ни малейшей доказательной силой; если взглянуть на все это при правильном освещении, то примеры чаще всего оказываются простой трухой, а намерение автора ограничивается желанием блеснуть начитанностью.

Что могут дать для практической жизни эти туманные, полуправдивые, запутанные, произвольные представления? Так мало, что в значительной степени из-за них теория с тех пор как она существует является подлинным противоречием практике и нередко служит предметом насмешек со стороны лиц, которым нельзя отказать в высоких качествах на поле брани.

Этого никоим образом не могло бы случиться, если бы теория простым языком и путем естественного рассмотрения вопросов, составляющих сущность военного дела, пыталась установить то, что может быть установлено, если бы она без ложных претензий и неподобающей пышности научных форм и исторических сопоставлений ближе придерживалась сути дела и шла рука об руку с людьми, которые призваны руководить военными действиями, опираясь лишь на свой разум.

Глава 6. Примеры

Исторические примеры все делают ясным и кроме того представляют собою самое лучшее доказательство в науках, исходящих из опыта. Более чем где-либо это наблюдается в военном искусстве .

Генерал Шарнгорст, который в своем "Спутнике" лучше всех писал о подлинной войне[48], утверждает, что для понимания военного дела исторические примеры - самое важное, и он пользовался ими с изумительным искусством. Переживи он ту войну, в которой он пал, 4-я часть его переработанного сочинения об артиллерии дала бы нам еще более блестящее доказательство того, как он наблюдал и извлекал поучения из проникновения в опыт войны.

Но писатели-теоретики лишь редко умеют так хорошо пользоваться историческими примерами; мало того, способ, которым они ими пользуются, не только не удовлетворяет разума, но даже оскорбляет его. Поэтому мы считаем важным подробнее остановиться на правильном употреблении примеров и на злоупотреблении ими.

Бесспорно, что знания, лежащие в основе военного искусства, относятся к наукам опытным, ибо, хотя они в большинстве случаев и проистекают из свойств[49] явлений, все же с этими свойствами надо сперва ознакомиться на опыте; кроме того, практическое применение подвергается стольким изменениям под влиянием разнообразнейших обстоятельств, что действие никогда нельзя постигнуть в полной мере из одних лишь свойств примененного средства.

Мы познали действие пороха, этого великого фактора нашей военной деятельности, лишь на опыте; еще и ныне мы продолжаем беспрерывно заниматься ближайшим изучением его свойств путем опытов. Что чугунное ядро, получившее посредством пороха начальную скорость 1 000 футов в 1 секунду, раздробит всякое живое существо, которого оно коснется в своем полете, конечно ясно само собой; для этого нет надобности в опыте; но сколько сотен побочных обстоятельств точно определяют его действие, которое частично можно определить лишь на опыте! А ведь не с одной только материальной действительностью приходится нам считаться; мы интересуемся в особенности моральным воздействием, а чтобы изучить и оценить последнее, нет иного средства, кроме опыта. В средние века, когда только что было изобретено огнестрельное оружие, его материальная действительность вследствие несовершенства устройства была понятно много слабее, чем в наши дни, но зато моральное воздействие - гораздо больше. Надо было самому наблюдать стойкость одной из частей, воспитавшихся на службе Бонапарту и предводимых им в его победоносном шествии, когда она находилась под сильнейшим и непрерывным орудийным огнем, чтобы составить себе понятие, чего может достигнуть воинская часть, закаленная долгой привычкой к опасностям и доведенная полнокровным чувством победы до предъявления самой себе требования высочайших достижений. Кто не видел этого, тот не сможет этому поверить .

С другой стороны опыт неоднократно свидетельствует, что еще в наши дни среди европейских войск можно встретить войска, строй которых легко рассеивается 2-3 пушечными выстрелами.

Но никакая основанная на опыте наука, а следовательно и теория военного искусства, не в состоящий постоянно о сопровождать свои положения историческими доказательствами; в частности по отдельным вопросам было бы нелегко привести доказательство в виде опытных данных. Когда на войне убеждаются, что известное средство оказывается весьма действительным, то к нему прибегают вновь; один перенимает его у другого; устанавливается форменная мода; таким путем, опираясь на опыт, это средство входит в общее употребление и получает место в теории, которая довольствуется тем, что вообще ссылается на опыт, чтобы объяснить, откуда взялось это средство, но не затем, чтобы найти в опыте доказательство его значения.

Совершенно иначе обстоит дело, когда приходится пользоваться опытом, для того чтобы устранить общераспространенное средство, разобраться в сомнительном или же ввести новое; тогда необходимо выставить в доказательство отдельные примеры из истории.

Применение исторических примеров при ближайшем рассмотрении исходит из 4 различных точек зрения.

1. Прежде всего примером можно пользоваться как простым пояснением мысли. При всяком отвлеченном рассуждении очень легко быть неверно понятым или даже вовсе непонятым; в тех случаях, когда автор этого опасается, он пользуется историческим примером, дабы осветить в должной мере свою мысль и обеспечить взаимное понимание между собой и читателем.

2. Пример может иметь прикладной характер[50], ибо он представляет возможность показать, как трактуются те более мелкие обстоятельства, которые при общем выражении мысли не могли быть охвачены во всей совокупности; в последнем и заключается различие между теорией и опытом.

Эти 2 случая относятся к собственно историческим примерам; 2 следующих относятся уже к историческим доказательствам.

3. Можно сослаться на исторический факт, дабы подкрепить то, что было сказано. Этого достаточно во всех случаях, когда желают доказать одну лишь возможность какого-либо явления или последствия.

4. Наконец можно создать какое-либо поучение из обстоятельного изложения того или иного исторического факта или из сопоставления нескольких таких фактов; это поучение обретает в самом этом свидетельстве свое полное доказательство.

В 1-м случае обыкновенно достаточно беглого упоминания данного факта, ибо он используется лишь односторонне. При этом даже историческая правда является делом второстепенным; вымышленный пример мог сослужить ту же службу; впрочем исторические примеры имеют всегда то преимущество, что они приближают поясняемую ими мысль к практической жизни .

2-й случай предполагает более подробное изложение данного факта, но и здесь точное соответствие истине является второстепенным; в этом отношении можно сказать то же самое, что было сказано по поводу 1-го случая.

При 3-м случае большей частью достаточно голого указания на несомненный факт. Если выдвигается положение, что укрепленные позиции при известных условиях могут достигнуть своей цели, то достаточно назвать Бунцельвицкую позицию[51], чтобы обосновать это утверждение.

Но если изложение какого-нибудь исторического факта должно доказать некоторую истину, имеющую общий характер, то этот случай должен быть развернут подробно и обстоятельно во всем том, что имеет отношение к данному утверждению; он должен быть в известной степени тщательно воспроизведенным на глазах читателя. Чем менее окажется возможным этого достигнуть, тем слабее будет доказательство и тем нужнее будет заменить недостающую отдельному факту доказательность большим количеством подходящих фактов; при этом будет полное основание предполагать, что влияния частных обстоятельств, установить которые нет возможности, будут взаимно аннулированы при известном числе фактов.

Если хотят на основании опыта доказать, что кавалерии лучше стоять позади пехоты, чем на одной линии с нею, или, что при отсутствии подавляющего перевеса сил опасно глубоко охватывать противника разобщенными колоннами - на театре войны или в сражения, следовательно стратегически или тактически, - то в 1-м случае недостаточно назвать несколько проигранных сражений, где кавалерия была расположена на флангах пехоты, и несколько выигранных, где она стояла позади нее, а во 2-м случае недостаточно вспомнить о сражениях под Риволи и Ваграмом, о наступлениях австрийцев на итальянском театре войны в 1796 г. или о наступлении французов в том же году на немецком, но это надо доказать, тщательно проследив все обстоятельства и отдельные происшествия, выяснив, каким путем эти формы расположения или наступления могли существенно обусловить неблагоприятный исход. При этом будет также выяснено, в какой мере эти формы должны быть отброшены; последнее надо установить непременно, ибо совершенно огульное отрицание их во всяком случае не соответствовало бы истине.

Мы уже признали, что, когда обстоятельное установление факта невозможно, то недостаточную доказательность можно заменить количеством примеров, но нельзя отрицать, что это - опасный прием, которым часто злоупотребляют. Вместо одного очень обстоятельно изложенного факта довольствуются тем, что вскользь упомянут 3 или 4 факта и тем самым достигнут видимости сильного доказательства. Между тем бывают вопросы, в которых целая дюжина приведенных примеров ничего не доказывает, так как речь идет об явлениях, часто повторяющихся; следовательно не трудно подобрать другую дюжину примеров с противоположным исходом .

Если нам назовут 12 сражений, где применение атаки разобщенными колоннами привело к неудаче, то мы можем привести 12 сражений, выигранных при применении того же порядка. Отсюда видно, что этим путем нельзя придти ни к какому выводу.

Если продумать все оказанное, то станет ясно, как легко могут иметь место злоупотребления историческими примерами.

Событие, не воспроизведенное тщательно во всех деталях, а лишь затронутое поверхностно, на лету, подобно предмету, на который смотрят с очень большого удаления; мы уже не в состоянии различить положение его частей, и он кажется одинакового вида со всех сторон. Подобные примеры действительно могут служить подтверждением самых противоположных мнений. Одни считают

походы Дауна образцом мудрой осторожности, другие - робости и нерешительности. Энергичное продвижение Бонапарта через Норийские Альпы в 1797 г. может рассматриваться как проявление блестящей решимости, но в нем можно видеть и подлинную необдуманность. Его стратегическое поражение в 1812 г. может с одной стороны быть растолковано как следствие избытка энергии, а с другой - объяснено недостатком таковой. Все эти мнения действительно были высказаны, и легко понять, как они могли возникнуть; каждое из них рисовало себе связь между событиями по-своему. Во всяком случае эти противоположные мнения не могут быть одновременно признаны, и какое-нибудь из них необходимо должно быть ложным.

Конечно мы должны быть чрезвычайно признательны превосходному Фекьеру[52] за многочисленные примеры, содержащиеся в его мемуарах, частично потому, что они довели до нас множество исторических данных, которых иначе мы были бы лишены, частью же потому, что Фекьер в своих мемуарах впервые произвел крайне полезное сближение теоретических, т.е. отвлеченных, представлений с практической жизнью, поскольку приведенные им случаи могли рассматривать как пояснение и более точное определение его теоретических утверждений. Впрочем он едва ли достигает у непредупрежденного читателя наших дней цели, которой он главным образом задался - доказать исторически теоретические истины; хотя он порою рассказывает события весьма обстоятельно, однако многого не хватает, чтобы внутренняя связь приведенных фактов необходимо обуславливала сделанные им выводы.

Простые ссылки на исторические события имеют еще тот недостаток, что часть читателей, недостаточно знакомая с этими событиями или не вполне сохранившая их в памяти, не может воспринять при этой ссылке те мысли, какие имел в виду автор; читателю остается либо подчиниться впечатлению, производимому на него автором, либо продолжать считать вопрос открытым.

Правда чрезвычайно трудно так воспроизвести или развернуть перед глазами читателя историческое событие, как это необходимо, чтобы им можно было пользоваться в качестве доказательства .

Писатель большей частью при этом будет стеснен отсутствием данных, а также временем и размерами труда. Однако мы утверждаем, что там, где дело идет о том, чтобы установить новое мнение или разобраться в сомнительном, одно основательно изложенное событие более поучительно, чем 10 поверхностно затронутых. Главное зло такого поверхностного отношения к истории заключается не в том, что писатель это делает в неосновательном предположении, будто он может им нечто доказать, а в том, что он никогда с этими событиями толком не ознакомится и что из такого легкомысленного, поверхностного обращения с историей впоследствии возникнут сотни ложных взглядов и теоретическое прожектерство, которые никогда бы не появились, если бы писатель сознавал свою обязанность - все то новое, что он намерен выпустить в свет и что он стремится доказать историей, выводить с полной несомненностью из точной связи явлений.

Убедившись в трудности пользования историческими примерами и в необходимости предъявлять к ним указанные требования, придется согласиться с тем, что история последних войн всегда должна представлять наиболее естественную область для выбора примеров, поскольку лишь она достаточно известна и разработана.

Последнее зависит не только от того, что в более отдаленные периоды существовали другие условия, а следовательно по другому складывалось и ведение войны, что делает события, имевшие тогда место, менее поучительными и практически менее важными для нас, но также и от того, что с течением времени военная история, подобно всякой другой, постепенно утрачивает множество мелких черт и обстоятельств, которые вначале еще в ней сохранялись. Она все более теряет свою окраску и жизненность, как выцветшая и потускневшая картина, так, что под конец остаются лишь общие очертания и немногие случайно уцелевшие частности, приобретающие благодаря этому преувеличенное значение.

Если мы взглянем на современное состояние военного дела, то убедимся, что, начиная с войны за австрийское наследство, войны, хотя бы в смысле вооружения, еще имеют значительное сходство с современными[53] и, несмотря на значительные изменения, происшедшие за это время как в крупных, так и в малых вопросах, все же условия достаточно близко подходят к современным, чтобы из них

можно было извлечь много поучительного. Совершенно иначе обстоит дело хотя бы с войной за испанское наследство, когда ручное огнестрельное оружие еще не так усовершенствовалось, а кавалерия представляла главный род войск. Чем дальше мы отходим назад, тем менее пригодной становится военная история и тем она делается беднее и малосодержательнее. Наиболее непригодной и скудной надо признать историю древних народов.

Эта непригодность конечно не абсолютна; она относится лишь к тем вопросам, которые находятся в зависимости от точного знакомства с теми обстоятельствами или явлениями, в отношении которых ведение войны подвергалось изменениям.

Как бы мы мало ни знали о ходе сражении между австрийцами и швейцарцами, между бургундцами и французами, мы тем не менее здесь усматриваем прежде всего ярко выраженные черты превосходства хорошей пехоты над самой лучшей конницей. Общий взгляд, брошенный на эпоху кондотьеров, учит нас тому, насколько все ведение войны зависит от того орудия, которым государство пользуется, ибо ни в какое другое время вооруженные силы, которыми пользовались на войне, не носили до такой степени характера самодовлеющего орудия и не были до такой степени оторваны от остальной государственной и народной жизни, как в эту эпоху. Тот удивительный способ, коим Рим во вторую Пуническую войну повел борьбу с Карфагеном, т.е. нападая на него в Африке и Испании, в то время как Ганнибал еще не был побежден в Италии, может послужить предметом весьма поучительного рассмотрения, ибо общее соотношение сил и условий этих государств и их войск, на чем и была основана разумность этого косвенного сопротивления, достаточно известно.

Но чем глубже мы будем вникать в подробности и удаляться от общих отношений и обстоятельств, тем меньше при изучении отдаленных эпох мы найдем образцов и опытных данных, ибо мы не в состоянии ни должным образом оценить соответствующие явления, ни сопоставить их с нашими совершенно изменившимися средствами.

К сожалению во все времена у писателей была большая склонность поговорить о событиях древности. Не будем касаться вопроса, какую роль в данном случае играли тщеславие и шарлатанство, но мы в этой тенденции в большинстве случаев не замечаем признаков честного намерения и горячего стремления научить и убедить, а при таких условиях мы не можем не видеть в этих экскурсиях ничего иного, кроме красивых заплат, прикрывающих пробелы и промахи.

Какая была бы огромная заслуга преподавать военное искусство в ряде исторических примеров, как то попытался сделать Фекьер! Но на это едва ли хватило бы целой человеческой жизни, если вспомнить, что тот, кто захотел бы это предпринять, должен был бы получить предварительную подготовку в виде долголетнего боевого опыта.

Тот, кто чувствует влечение задаться подобным трудом, пусть снарядится на это благое начинание, как на далекое паломничество. Пусть пожертвует он своим временем и не страшится никаких трудов, пусть не убоится никакой земной власти и великих мира сего, пусть он поднимется над собственным тщеславием и ложным стыдом, дабы по выражению французского кодекса сказать правду, одну только правду, всю правду.

Часть III.

Общие вопросы стратегии

Глава 1.

Стратегия

Понятие стратегии установлено во II[54] главе 2-й части. Стратегия, это - использование боя в целях войны. Собственно говоря она имеет в виду только бой, но ее теория должна рассматривать вместе с тем и проводника этой своеобразной деятельности, т. е. вооруженные силы как сами по себе, так и в их главных соотношениях, ибо бой дается при их посредстве и оказывает свое влияние прежде всего на них же. Самый бой стратегия должна исследовать со стороны его возможных последствий, а также в отношении моральных сил, играющих в нем важнейшую роль.

Стратегия есть использование боя для целей войны, следовательно она должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действиям целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению; иначе говоря она намечает проекты отдельных кампаний и дает в них установку отдельным боям. Так как большинство этих действий может быть намечено лишь на основе предположений, которые частично не оправдаются, а целый ряд более детальных определений заранее и совсем не может быть сделан, то из этого очевидно следует, что стратегия обязана сама выступить на театр войны, дабы на месте распорядиться частностями и внести в целое те изменения, в которых постоянно будет нужда. Таким образом она ни на минуту не может оторваться от военных действий.

Не всегда держались такого взгляда, по крайней мере по отношению к руководству в целом; это доказывает имевшаяся раньше привычка отводить стратегии место в правительстве, а не при армии, что лишь тогда допустимо, когда правительство находится настолько близко к армии, что, на него можно смотреть, как на ставку главнокомандующего.

Теория также последует за стратегией в этом проектировании военных действий или, вернее сказать, она будет освещать явления в их существе и взаимоотношениях и выделять то небольшое, что кажется принципом или правилом.

Если мы припомним из I главы[55], как много крупнейших величин затрагивает война, мы поймем, что способность учесть все эти величины предполагает редкую умственную силу.

Монарх или полководец, умеющий направить войну, которую он ведет, в точном соответствии со своими целями и средствами и делающей не слишком много, не слишком мало, дает этим лучшее доказательство своей гениальности. Но влияние гениальности сказывается не столько во вновь найденном оформлении действия, немедленно бросающемся в глаза, сколько в счастливом конечном исходе целого предприятия. Восхищения достойны именно попадание в точку безмолвно сделанных предположений и бесшумная гармония во всем ходе дела, обнаруживающиеся лишь в конечном общем успехе.

Исследователь, который, исходя от конечного успеха, не умеет напасть на след этой гармонии, часто ищет гениальности там, где ее нет и быть не может.

Обычно средства и формы, коими стратегия пользуется, являются столь простыми, а благодаря своему постоянному повторению столь знакомыми, что для здравомыслящего человека может показаться только смешным, когда ему приходится так часто слышать от критики преувеличенно напыщенные о них отзывы. Тысячу раз уже проделанный обход превозносится то как черта блестящей гениальности, то как глубокая проницательность, то даже как проявление самого всеобъемлющего знания. Могут ли быть в книжном мире более нелепые бредни?

Еще смешнее становится, если к этому добавить, что та же самая критика, исходя из самого пошлого взгляда, исключает из теории все духовные величины и хочет иметь дело лишь с одними материальными. Таким путем все сводится к 2 - 3 математическим соотношениям равновесия сил и численного превосходства во времени и пространстве да к нескольким углам и линиям. Если бы в самом деле все сводилось лишь к этому, то из такой дребедени едва ли удалось бы составить даже задачу для школьника.

Но согласимся раз навсегда: здесь не может быть и речи о научных формах и задачах; соотношения материальных элементов крайне просты; труднее уловить поставленные на карту моральные силы. Однако и в этой области сплетение явлений морального порядка и большое разнообразие моральных величин и их соотношений можно найти лишь в высших сферах стратегии, там, где она граничит с политикой и государствоведением, или вернее, где она сама становится и тем и другим. Тем не менее и в данном случае, как мы сказали, дело идет скорее об определении степени напряжения сил, чем о форме выполнения. Там, где господствует последняя, как это имеет место в отдельных мелких и крупных событиях войны, количество моральных величин уже значительно уменьшается.

Таким образом в стратегии все оказывается чрезвычайно просто, но из этого не следует, чтобы

все было и чрезвычайно легко. Раз из состояния и отношений государства определилось, чего должна и чего может достигнуть война, то найти к этому путь нетрудно; но неуклонно следовать по этому пути, проводить план до конца, не позволять себе тысячу раз сбиваться с него под влиянием различных побуждений - для этого помимо большой силы характера требуется еще и большая ясность и уверенность ума: поэтому из тысячи людей, из которых один отличается умом, другой - проницательностью, третий - отвагой и силой воли, может быть ни один не соединяет в себе все те качества, которые выдвинули бы его на стезе полководца из ряда посредственностей.

Может показаться странным, что для принятия важного решения в стратегии требуется гораздо больше силы воли, чем в тактике; но это не подлежит сомнению для тех, кто знает войну с этой стороны. В тактике мгновение само вас увлекает с неудержимой силой; действующее лицо чувствует, что его уносит водоворот событий, против которого оно не может бороться, не рискуя вызвать самых губельных последствий; оно подавляет в себе подымающиеся сомнения и смело продолжает дерзать. В стратегии, где все протекает гораздо медленнее, предоставлено гораздо больше простора для собственных и чужих сомнений, возражений, представлений, а следовательно также и для несвоевременных сожалений о прошлом. А так как в стратегии не приходится, как в тактике, видеть собственными глазами хотя бы половину всего, но лишь угадывать и предполагать, то и воззрения бывают менее устойчивы. В результате большинство полководцев, там где они должны были бы действовать, топчутся на месте среди мнимых затруднений и колебаний.

Бросим теперь взгляд на историю; остановимся на кампании Фридриха Великого 1760 г., прославленной блестящими маршами и маневрами, подлинном произведении искусства стратегического мастерства, как нам превозносит ее критика. Неужели мы должны приходить в безумный восторг от того, что король решал обходить то правый фланг Дауна, то левый, то опять правый и т.д.? Неужели мы обязаны в этом усматривать проявление глубочайшей мудрости? Нет, мы не в праве это делать, если хотим судить естественно и без жеманства. Раньше всего, конечно, мы должны удивляться мудрости короля, который, преследуя великую цель и располагая только ограниченными средствами, никогда не брался за дела, не отвечающие этим средствам, но предпринимал ровно столько, сколько было нужно для достижения его цели. Эта мудрость полководца была им проявлена не только в этой кампании, но и в течение всех трех войн, которые вел великий король.

Привезти Силезию в надежную гавань хорошо обеспеченного мира - вот, что было его целью.

Стоя во главе небольшого государства, во многих отношениях сходного с другими и имевшего превосходства лишь в некоторых отраслях административного управления, он не мог сделаться Александром Великим, а в качестве Карла XII, как и этот последний, он мог только разбить себе голову. Поэтому мы всегда видим в его способе вести войну эту сдержанную силу, которая всегда парит в равновесии, у которой никогда нет недостатка в настойчивости и которая в опасный момент возвышается до достойного удивления с тем, чтобы мгновение спустя снова спокойно парить, подчиняясь требованиям самых тонких побуждений политики.

Ни тщеславие, ни честолюбие, ни жажда мести не могут сбить его с этого пути, и только этот путь привел Фридриха к благополучному исходу борьбы. Как слабы эти слова, чтобы достойно оттенить эту черту великого полководца; лишь внимательно всмотревшись в удивительный исход борьбы и проследив причины, которые его обусловили, проникаешься убеждением, что лишь проницательный взор короля провел его благополучно через все подводные камни.

Это - одна сторона, которой мы восторгаемся в великом полководце, проявленная им в кампании 1760 г. и во всех остальных, но особенно в кампании 1760 г., ибо ни в одной другой ему не приходилось с такими малыми жертвами уравновешивать столь значительно превосходящие неприятельские силы.

Другая сторона связана с трудностями исполнения. Легко наметить марши для обхода справа и слева; нетрудно прийти и к мысли - всегда держать сосредоточенно свою горсточку войск, дабы всюду иметь возможность противостоять разбросанному неприятелю и умножить свои слабые силы быстрой их переброской; отсюда видно, что подобное изобретение не может вызывать нашего изумления, и перед лицом столь простых действий ничего не остается другого, как сознаться, что они просты.

Но пусть какой-нибудь полководец попробует повторить эти дела по примеру Фридриха Великого. Долго спустя толковали писатели, бывшие сами очевидцами, об опасности, даже о неосмотрительности, сопряженной с теми лагерями, которые занимал король, и мы не сомневаемся, что в тот момент, когда он располагался в них, эта опасность казалась втрое больше, чем впоследствии.

То же нужно сказать и о маршах, совершавшихся на глазах, часто даже под жерлами пушек неприятеля. Фридрих Великий располагался в этих лагерях или предпринимал эти марши потому, что он находил в методе действий Дауна, в его манере занимать позиции, в его чувстве ответственности и характере ту гарантию, которая делала его стоянки и марши хотя и рискованными, но не безрассудными. Но при этом требовались отвага, решительность и сила воли короля, для того чтобы видеть обстановку под таким углом зрения и не сбиться с пути, испугавшись той опасности, о которой в продолжение 30 лет после нее не переставали писать и говорить. Немногие полководцы, оказавшись в положении Фридриха, сочли бы выполнимыми эти простые стратегические средства.

Была еще и другая трудность выполнения: армия короля в течение этой кампании находится в постоянном движении. Два раза идет она по пятам Дауна, имея позади себя Ласси, по плохим проселочным дорогам от Эльбы к Силезии (начало июля и начало августа). Она каждое мгновение должна быть готова к бою и искусно организовать свои марши, что однако связано с большим напряжением войск. Хотя армию и сопровождают тысячи повозок, затрудняющих марш, однако ее снабжение крайне скудно. В Силезии до самого сражения под Лигницем, в течение 8 суток непрерывно, она была вынуждена совершать ночные переходы, все время двигаться взад и вперед мимо неприятельского фронта; это влечет за собой страшное напряжение сил и сопряжено с большими лишениями.

Можно ли предполагать, что все это могло происходить без большого трения в машине? Разве полководец может ворочать армией с такою же легкостью, как рука землемера ворочает астролябию? Разве сердца начальников и главнокомандующего не разрываются тысячу раз при виде страданий бедных, голодных и изнемогающих от жажды соратников? Разве до его уха не доходят жалобы и сетования по этому поводу? Разве у заурядного человека хватит мужества потребовать таких жертв от своих солдат, и разве такие усилия не привели бы неизбежно к упадку духа в войсках, не расстроили бы дисциплину, словом - не подорвали бы воинской доблести, если бы все это не сглаживалось безграничной верой в величие и непогрешимость полководца? Вот к чему надо питать уважение; этими-то чудесами выполнения мы должны восхищаться. Но все это можно целиком прочувствовать лишь тогда, когда мы на собственном опыте получим известное предвкушение; тот, кто знает войну лишь по книгам и по занятиям на учебном плацу, для того весь этот противовес, встречаемый действием, не существует; пусть же он поверит нам на слово, примет на веру все то, чего не знает по собственному опыту.

Мы пытались этим примером придать большую ясность ходу нашей мысли и спешим в заключение этой главы сказать, что в нашем изложении мы будем характеризовать те отдельные элементы стратегии, которые нам кажутся самыми важными, безразлично - материальны ли они или духовны; мы будем держаться нашего метода - переходить от единичного к сложному - и закончим внутренней связью всего военного акта, т.е. планом войны и планом кампании.

Бой[56] вообще возможен, если у данного пункта расположены войска, но на деле он не всегда имеет место. Следует ли смотреть на эту возможность, как на нечто реальное, т.е. как на действительное явление? Разумеется, да. Она становится таковой благодаря своим последствиям, и ее влияние, каково бы оно ни было, всегда скажется.

1. Возможные бои ввиду их последствий должны рассматриваться как действительные

Когда высылают отряд, чтобы отрезать путь отступления бегущему неприятелю, и он после этого сдастся, не вступая вовсе в бой, то решение его вызвано лишь тем боем, который ему предлагает высланный отряд.

Когда часть нашей армии занимает неприятельскую область, оставшуюся без обороны, и тем самым лишает неприятеля значительных средств пополнения его сил, то мы сохраняем за собой эту

область лишь благодаря тому бою, который выделенная часть нашей армии позволяет предусмотреть противнику, в случае если бы он захотел снова вернуть себе эту область.

В обоих случаях одна лишь возможность боя имела известные последствия, и тем самым эта возможность оказывается в ряду реальных явлений. Предположим, что неприятель в обоих случаях противопоставил нашим отрядам свои, превосходящие силами наши, и тем побудил их без боя отказаться от преследуемой ими цели; тогда конечно их цель оказалась бы недостигнутой; однако бой, который мы предлагали нашему противнику в этом пункте, все же не остался бы без последствий, ибо он притянул неприятельские силы. Даже в том случае, когда предприятие в целом принесло бы нам явный вред, все же нельзя сказать, что эта группировка, эти возможные бои не имели бы никаких последствий; для нас они в данном случае равносильны проигранному бою. Отсюда видно, что уничтожение неприятельских вооруженных сил и разгром неприятельской мощи достигаются лишь в результате боя, действительно имевшего место или только предложенного, но не принятого.

2. Двойкая цель боя

Но воздействия боя бывают двойкого рода; непосредственные и косвенные. Косвенными они бывают тогда, когда примешиваются посторонние предметы, которые становятся целью боя: они сами по себе не имеют в виду непосредственного уничтожения неприятельских вооруженных сил и лишь могут привести к таковому, хотя и окольным путем, но с тем большей силой. Ближайшей целью сражения может быть захват областей, городов, крепостей, дорог, мостов, магазинов и пр., но никогда эта цель не может явиться конечной целью. Эти предметы должны всегда рассматриваться как средства достижения перевеса сил, дабы в конце концов предложить противнику бой в таком положении, когда ему будет невозможно его принять. Таким образом, на все эти объекты боя надо смотреть как на промежуточные звенья, как бы на проводники действующего принципа, но отнюдь не как на самый действующий принцип.

3. Примеры

Когда в 1814 г. союзники заняли столицу Бонапарта, цель войны была достигнута. Начали сказываться политические расслоения, базой которых являлся Париж, и огромная трещина вызвала крушение мощи императора. Все это надлежит рассматривать с той точки зрения, что с падением Парижа вооруженные силы Бонапарта и его способность к сопротивлению разом значительно уменьшились, а превосходство сил союзников возросло в такой степени, что всякое дальнейшее сопротивление стало невозможным. Именно эта невозможность и дала Франции мир. Если представить себе, что силы союзников в тот момент благодаря внешним обстоятельствам уменьшились бы в той же пропорции и исчезло бы их превосходство, то исчезло бы одновременно и все значение занятия Парижа.

Мы просмотрели этот ряд предложений, для того чтобы показать естественный и единственно правильный взгляд на дело; отсюда вытекает и его значение. Этот взгляд неизменно возвращает нас к вопросу: каков будет в любой момент войны и кампании вероятный исход крупных и малых боев, которые могут быть враждующими сторонами предложены друг другу. Лишь этот вопрос решает при продумывании плана кампании или войны, какие мероприятия надо принять заранее.

4. Кто держится иной точки зрения, тот ложно оценивает другие вопросы

Если не приучить себя смотреть на войну или отдельную кампанию как на цепь, состоящую только из ряда боев, из которых каждый всегда влечет за собой следующий; если отдаться тому представлению, что занятие известных географических пунктов или завоевание незащищенных областей само по себе является чем-то существенным, то мы приблизимся к тому, чтобы смотреть на это как на некий успех, который можно мимоходом прикарманить. Рассматривая же занятие географического пункта так, а не как звено во всей цепи событий, мы можем и не задаться вопросом, не повлечет ли за собой впоследствии это обладание еще большие невыгоды. Как часто встречаем мы в военной истории подобные ошибки. Хочется сказать: подобно тому как торговец не может отложить и счесть чистым барышом прибыль от какой-нибудь отдельной торговой сделки, так и на войне невозможно обособить единственный успех от успеха в целом. Подобно тому как купец должен все время оперировать всей массой своего состояния, так и на войне лишь конечный итог решит вопрос,

на чьей стороне оказался успех и на чьей - неудача.

Если же мысль всегда будет ориентироваться на ряд боев, то, насколько это можно заранее предвидеть, она всегда будет находиться на прямом пути к цели, причем движение сил приобретает ту быстроту, т.е. устремленность, а действие - ту энергию, которые требует дело и которые не будут отвлечены посторонними влияниями.

Глава 2. Элементы стратегии

Причины, которые обуславливают в стратегии использование боев, представляется возможным расчленив на элементы различного порядка, а именно: на элементы моральные, физические, математические, географические и статистические. К первой категории относится все, что называется духовными свойствами и их воздействием; ко второй - количество вооруженных сил, их состав, преимущества в вооружении и пр.; к третьей - углы, образуемые операционными линиями, концентричность и эксцентричность движений, поскольку их геометрическая природа приобретает в конечном итоге значение; к четвертой - влияние местности, как то: господствующие пункты, горы, реки, леса, дороги; наконец к пятой - средства снабжения армия и пр. В том, что мы представим себе сначала эти элементы изолированными друг от друга, имеется своя хорошая сторона; это внесет ясность в представления, и тут же, мимоходом, мы сможем расценить большее или меньшее значение, какое каждая из этих категорий имеет.

Мысля их разделенными, мы сразу осознаем, что некоторые из них утрачивают свою кажущуюся важность. Так, например, сразу отчетливо чувствуется, что ценность операционного базиса, даже если рассматривать его только по отношению к направлению операционной линии, все же и при этой простейшей постановке вопроса гораздо меньше зависит от элемента геометрического, т.е. углов, которые эти линии между собою образуют, чем от состояния дорог и от местности, по которой они проходят.

Но если бы кто-нибудь вздумал вопросы стратегии толковать по этим элементам, то это была бы самая неудачная мысль, какая только может прийти в голову, ибо чаще всего в конкретных военных операциях эти элементы самым тесным и сложным образом сплетаются между собою; мы бы в таком случае погрузились в самый безжизненный анализ и как в кошмаре тщетно пытались бы перекинуть мост от этого абстрактного устоя к явлениям действительного мира. Да хранит небо всякого теоретика от столь пагубного начинания. Мы будем придерживаться мира целостных явлений и не будем углублять свой анализ дальше, чем сколько требуется в данном случае, для того, чтобы сделать понятной мысль, излагаемую нами читателям; эта мысль рождается у нас отнюдь не из умозрительного исследования, а из впечатления от цельного явления войны.

Глава 3. Моральные величины

Снова мы должны вернуться к этому предмету, который мы затронули в III главе 2-й части[57] этого труда, потому что моральные величины на войне занимают самое важное место. Эти моральные силы насквозь пропитывают всю военную стихию; у них величайшее сродство с волей, ибо воля есть величина моральная, и они заранее смыкаются с ней, сливаются с ней воедино, а воля это то, что приводит в движение и руководит всей массой материальных сил. К сожалению, моральные силы неуловимы для книжной мудрости, ибо их нельзя подвести ни под числа, ни под разряды; их можно лишь наблюдать и прочувствовать.

Дух и прочие моральные свойства армии, полководца, правительства, настроение провинций, в которых протекает война, моральное воздействие победы или поражения - все это данные, которые сами по себе весьма разнородны; в своем отношении к преследуемой нами цели и к обстановке, в которой мы находились, они могут опять-таки оказывать самое различное влияние.

Хотя в книгах об этом мало или даже ничего не говорится, все же эти данные относятся к теории военного искусства в такой же степени, как и все прочее, образующее войну. Я должен еще раз

повторить: жалка та философия, которая согласно старым образцам замыкает все свои правила и принципы по ею сторону рубежа, за которым начинается область моральных величин и которая, как только последние появляются на сцене, тотчас начинает перечислять исключения; пожалуй тем самым "исключения" организуются по научному, т.е. обращаются в правило; иногда это скудоумие ищет опоры в ссылке на гений, который выше всех правил, чем собственно говоря дается понять, что правила не только пишутся для дураков, но и сами по себе должны быть глупыми.

Если бы даже теория военного искусства не могла сделать ничего другого, как только напомнить об этих явлениях и доказать необходимость достойно ценить все значение моральных величин и учитывать их, то она уже расширила бы свои пределы на царство явлений морального порядка и установлением этой точки зрения заранее бы осудила тех, кто будет пытаться предстать перед ее судилищем с анализом одних лишь физических сил.

Теория и во всех своих так называемых правилах не может отмежевываться от моральных величин, ибо действие физических сил полностью сплавляется с действием моральных и они не могут быть выделены порознь из этого сплава, как выделяются отдельные металлы путем химического процесса из металлического сплава. Во всяком правиле, относящемся к физическим силам, теория должна руководствоваться учетом той доли, которая при этом может выпасть на величины моральные; иначе теория опустится до категорических положений, которые будут то слишком робки и ограничены, то слишком притязательны и обширны. Даже самые бездушные теории оказались, правда совершенно несознательно, вынужденными перенестись в это царство духа, ибо например невозможно об'яснить действие какой-нибудь победы сколько-нибудь удовлетворительно, не принимая во внимание ее морального впечатления. Поэтому большинство явлений, которые мы бегло исследуем в этом труде, состоит наполовину из физических, наполовину из моральных причин и следствий. Можно было бы сказать: физические явления подобны деревянной рукоятке, в то время как моральные представляют подлинный отточенный клинок, выкованный из благородного металла.

История лучше всего свидетельствует о четности моральных величин, и в ней всего ярче обнаруживается их порой невероятное влияние; и это - то благородное и совершенное в уроках истории, на чем может воспитаться дух полководца. Причем надо заметить, что доказательства, критические исследования и ученые трактаты в этом отношении не имеют такого значения, как ощущения, общие впечатления и одиноко падающие искры ума, сеющие те семена мудрости, которые должны оплодотворить душу.

Мы могли бы перебрать важнейшие на войне моральные явления и с усердием прилежного доцента попытаться выяснить, что можно сказать хорошего или худого о каждом из них. Но такой метод ведет к чересчур избитым местам и повседневным истинам, при таком анализе подлинные явления духа быстро скрываются, и анализ незаметно доходит до повествования о том, что всякому известно. В силу этого мы предпочитаем в данном случае более чем когда-либо сохранить нашу эскизную, рапсодическую форму изложения; мы будем довольны, если нам удастся вообще подчеркнуть значение этой стороны военного дела и сделать понятным тот дух, которым проникнуты взгляды настоящего труда.

Глава 4.

Основные моральные потенции

Это - таланты полководца, воинская доблесть армии, дух народа, комплекующего ее. Никто не может сказать, которая из этих сил в общем имеет наибольшее значение, ибо если нелегко что-либо высказать о значении их порознь, то еще труднее взвесить значение одной по сравнению с другой. Лучше всего не пренебрегать ни одной из них: между тем человеческое суждение в своем капризном переходе из одной крайности в другую чрезвычайно склонно игнорировать то одну, то другую из основных моральных величин. Лучше всего представить достаточно убедительные свидетельства истории, говорящие о неоспоримом влиянии этих трех факторов.

Несомненно за последнее время армии европейских государств дошли приблизительно до одного уровня обучения и боевой готовности; ведение войны, по выражению одного философа, получило столь естественную форму и воплотилось в своего рода метод, одинаково присущий всем армиям, что уже не приходится рассчитывать на применение полководцами особых - в полном смысле

слова искусственных - приемов, вроде косо́го боевого порядка Фридриха Великого.

Таким образом при современном положении дела более широкая область влияния бесспорно принадлежит народному духу и боевому опыту войск. Продолжительный мир мог бы вновь изменить это соотношение.

Дух народа, отражающийся в войсках (энтузиазм, фанатизм, вера, убеждения), ярче всего проявляется в горной войне, где каждый предоставлен самому себе вплоть до единичного солдата. Уже по одной этой причине горы являются наиболее выгодной ареной борьбы для народного ополчения.

Искусная боевая подготовка войска и закаленное мужество, спаивающие отдельные отряды как бы в один слиток, ярче всего проявляются в открытом поле.

Таланту полководца открывается наибольший простор на пересеченной, всхолмленной местности. В горах он не в достаточной мере может управлять отдельными колоннами, и руководство ими всеми превышает его силы; в открытом поле оно проще и не истощает его сил.

Предположения полководца должны ориентироваться на эти неоспоримые, близко между собою соприкасающиеся моменты.

Глава 5. **Воинская доблесть армии**

Воинская доблесть существенно отличается от простой храбрости и еще более от воодушевления делом, за которое ведется война. Правда первая есть необходимая ее составная часть, но так как она, хотя и является естественным свойством человеческой природы, может также воспитаться на войне у каждого бойца армии благодаря привычке и упражнению, то она у него принимает иное направление, чем у других людей. Она утрачивает в нем характер влечения к необузданной деятельности и проявлению силы, присущей ей в отдельной личности, и подчиняется добровольно высшим требованиям: послушанию, порядку, правилу и методу. Воодушевление делом, за которое ведется война, оживляет воинскую доблесть армии и усиливает ее пыл, но не является необходимым ее элементом.

Война есть определенное дело (и таковым война всегда останется, сколь широкие интересы она ни затрагивала бы, и даже в том случае, когда на войну призваны все способные носить оружие мужчины данного народа), дело отличное и обособленное. Быть проникнутым духом и сущностью этого дела, развивать и пробуждать в себе способность воспринимать силы, имеющие в нем значение, полностью охватить это дело разумом, путем упражнений добиться уверенности и быстроты, всецело в нем раствориться, из человека превратиться в исполнителя той роли, которая нам в этом деле отведена, - так проявляется в каждом индивидууме воинская доблесть армии.

Как бы ни мыслили себе совершенное воспитание в одной и той же личности качеств гражданина и воина, в какой бы мере мы ни представляли войну общенациональной и ушедшей в направлении, противоположном эпохе кондотьеров[58], но нам никогда не удастся изгладить индивидуальные черты военного дела, а раз это невозможно, то те, которые заняты им, и до тех пор пока им занимаются, будут неизбежно смотреть на себя как на особую корпорацию, в распорядках, законах и обычаях которой главным образом и коренятся духовные факторы войны. Так оно и есть в действительности. Поэтому при самом решительном стремлении смотреть на войну с высшей точки зрения было бы большой ошибкой относиться с пренебрежением к корпоративному духу (*esprit de corps*), который в большей или меньшей степени может и должен быть свойственным войскам. В том, что мы называем воинской доблестью армии, корпоративный дух представляет связующее средство, спаивающее образующие ее природные силы. На корпоративном духе легче нарастают кристаллы воинской доблести.

Армия, сохраняющая свой привычный порядок под губительным огнем, никогда не поддающаяся панике перед воображаемой опасностью, а перед лицом действительной - оспаривающая каждую пядь поля сражения, армия, гордая сознанием одержанных побед, которая и на краю гибели,

после поражения, сохраняет силу послушания и не утрачивает уважения и доверия к своим начальникам, армия, физические силы которой закалялись среди лишений и трудов, как мускулы атлета, и которая смотрит на эти напряжения как на средство, ведущее к победе, а не как на проклятие, тяготеющее на ее знаменах, армия, которой о всех этих обязанностях и добродетелях напоминает короткий катехизис, состоящий всего из одного лозунга - лозунга о чести ее оружия, - такая армия действительно проникнута воинским духом.

Можно превосходно сражаться, как вандейцы, и совершать великие дела, как швейцарцы, американцы и испанцы, не проявляя этой воинской доблести; можно даже с успехом подвизаться во главе регулярных армий, как то делали принц Евгений Савойский и Мальборо, не пользуясь особенно ее поддержкой. Поэтому мы не в праве сказать, что без воинской доблести не может быть удачной войны, и это мы с особенной настойчивостью подчеркиваем, дабы с большей яркостью индивидуализировать то понятие, которое мы здесь выдвигаем, чтобы представления не расплывались в общих формах и не составилось бы мнения, будто воинская доблесть в конце концов есть все и вся. Это не так. Воинская доблесть армии является определенной моральной величиной; военные действия можно мыслить и помимо нее, и таким образом можно подойти к оценке влияния ее как орудия, производительность которого можно учесть.

Охарактеризовав ее таким образом, посмотрим, что можно сказать о ее влиянии и средствах, коими можно ее приобрести.

Воинская доблесть является для войсковых частей всем тем, чем гений полководца является для целого. Полководец может руководить лишь целым, а не каждой отдельной частью, а там, где он не может руководить таковою, там ее вождем должен стать воинский дух. Полководца избирают, руководствуясь молвой о его выдающихся качествах, старших начальников более крупных частей назначают по тщательной их оценке; но эта оценка все более и более ослабляется, по мере того как мы спускаемся по ступеням иерархической лестницы, и на низах мы не можем базировать свой расчет на индивидуальных способностях; индивидуальные пробелы здесь должна восполнить воинская доблесть. Точно такую же роль играют природные качества собравшегося воевать народа: храбрость, находчивость, закаленность в трудах и лишениях и воодушевление.

Таким образом эти качества могут заменить воинский дух и наоборот. Отсюда вытекает следующее.

1. Воинская доблесть присуща лишь постоянным армиям; они в ней более всего и нуждаются. В народном ополчении и в течение войны ее могут заменять природные качества, которые тогда быстрее развиваются.

2. Постоянная армия, сражаясь с постоянной же армией, меньше нуждается в воинской доблести, чем постоянная армия в борьбе с народным ополчением, ибо в этом последнем случае силы раздробляются и отдельные части предоставляются самим себе. Там же, где армию можно держать сосредоточенно, гений полководца играет выдающуюся роль и восполняет то, чего недостает армии в моральном отношении. Вообще воинская доблесть бывает тем нужнее, чем театр войны и, другие обстоятельства делают войну более сложной и чем силы более раздроблены.

Единственный вывод, который можно сделать из этих истин, это тот, что в случае, когда у армии не хватает этой потенции в виде воинской доблести, надо организовать войну на возможно более простых началах, или удвоить заботы об остальных сторонах военной организации, но не ожидать от голого названия постоянной армии того, что может дать лишь армия, заслуживающая это название.

Итак воинская доблесть армии есть одна из важнейших моральных потенций на войне, и там, где ее не хватает, мы наблюдаем или замену ее другими силами, как например превосходством дарований полководца, воодушевлением народа, или мы находим, что результаты ее соответствуют затраченным усилиям. Как много великого вершит этот дух, эти высокие качества войск, это облагораживание руды, обращенной в блестящий металл, мы видим на македонянах, предводимых Александром, на римских легионах под начальством Цезаря, на испанской пехоте Александра Фарнезе, на шведах Густава Адольфа и Карла XII, на пруссаках Фридриха Великого и французах Бонапарта. Надо умышленно закрывать глаза на все свидетельства истории, чтобы не признавать, что удивительные успехи этих

полководцев и их величие в самых затруднительных положениях были возможны лишь с войсками, обладавшими этой моральной потенцией.

Этот дух может развиваться только из двух источников, которые могут его породить лишь совместно. Первый - это ряд войн и успехов, второй - это доведенная порою до высшей степени напряжения деятельность армии. Лишь в такой деятельности боец познает свои силы. Полководец, имеющий обыкновение больше требовать от своих солдат, может питать и большую уверенность в том, что эти требования будут выполнены. Солдат столь же гордится перенесенными невзгодами, как и преодоленными опасностями. Лишь на почве постоянной деятельности и напряжения создается зародыш доблести при условии, что его согревают солнечные лучи победы. Когда же из этого зародыша вырастет могучее дерево, то оно может противостоять самым сильным бурям неудач и поражений и даже в течение известного периода также и инертному покою мирного времени. Следовательно воинская доблесть может зародиться лишь на войне и при великом полководце, но сохраняться она может в течение нескольких поколений даже при полководцах посредственных и в длительные промежутки мирного времени.

С этим широким и облагороженным корпоративным духом закаленной боевой дружины, покрытой шрамами, не следует сравнивать самомнение и тщеславие, присущее постоянным армиям, склеенным воедино лишь воинскими уставами. Известная тяжеловесная серьезность и строгий внутренний порядок могут содействовать более долгому сохранению воинской доблести, но породить ее они не могут: они имеют свое значение, но переоценивать их не следует. Порядок, навыки, добрая воля, а также известного рода гордость и прекрасное настроение составляют качества воспитанной в мирное время армии, которые следует в ней ценить, но которые самостоятельного значения не имеют.

В такой армии все цепляется за целое, и одна трещина может раскрошить всю массу, как это бывает со стеклом, охлажденным слишком быстро. Особенно легко превращается самое лучшее настроение в мире в малодушие при первой неудаче и, если можно так выразиться, в раздувание опасности - французское *saive qui reut*[59]. Такая армия способна на что-нибудь лишь благодаря своему полководцу, и ни на что - сама по себе. Ею надо руководить с удвоенной осторожностью, до тех пор, пока победы и напряжения постепенно не возрастут в тяжеловесных доспехах нужную силу. Остережемся поэтому смешивать дух войска с его настроением.

Глава 6. Смелость

Какое место занимает и какую роль играет смелость в динамической системе сил, в которой она противопоставляется осторожности и предусмотрительности, мы уже выяснили, в главе об обеспеченности успеха[60] и показали, что теория не в праве выдвигать какие-либо законы, ставящие предел дерзанию.

Эта благородная сила порыва, с которым человеческая душа подымается над самой грозной опасностью, должна на войне рассматриваться как своеобразный действенный принцип. В самом деле, в какой же области человеческой деятельности смелость должна пользоваться столь неоспоримыми правами гражданства, как не на войне?

Начиная от обозного и барабанщика и кончая главнокомандующим, она является благороднейшей добродетелью, той настоящей сталью, от которой зависят вся острота и блеск оружия.

Мы должны признать: на войне у смелости особые привилегии. Сверх учета пространства, времени и сил надо накинуть несколько процентов и на нее; при превосходстве в смелости над противником эти проценты всегда будут добыты за счет упущений противной стороны. Смелость таким образом является творческой силой. Это нетрудно доказать и философским методом. Всякий раз, как смелость сталкивается с робостью, она имеет значительные шансы на успех, ибо робость является уже потерей равновесия. Лишь в тех случаях, когда смелость встречается с разумной осмотрительностью, которая мы готовы сказать, столь же отважна и во всяком случае столь же сильна как и смелость, последняя окажется в убытке; но это бывает редко. Во всей массе осмотрительных людей находится значительное большинство таких, которые являются осмотрительными из боязливости[61].

В массах смелость представляет силу, преимущественное развитие которой никогда не может принести ущерба другим силам, ибо масса связана рамками и структурой боевого порядка и службы с волей командования, и следовательно ею руководит постороннее разумение. Здесь смелость остается лишь силой натянутой пружины, всегда готовой к спуску.

Чем выше мы будем подниматься по ступеням служебной иерархии, тем большая необходимость явится в размышляющем уме, который находился бы рядом со смелостью, дабы последняя не оказывалась бы бесцельной, не обратилась бы в слепой импульс страсти, ибо чем выше ранг, тем меньше значения имеет личное самопожертвование, тем большую роль играют сохранение других и благополучие большего целого. Таким образом то, что упорядочивается в массе порядком службы, вошедшим в плоть и кровь, то у вождя должно упорядочивать размышление, и здесь смелость отдельного поступка может легко превратиться в ошибку. Но все же это будет красивая ошибка, на которую нельзя смотреть теми же глазами, как на всякую другую ошибку. Благо той армии, в которой часто проявляется несвоевременная отвага, это - буйная растительность, она - признак могучей почвы. Даже безрассудная смелость, т.е. смелость совершенно бесцельная, не должна рассматриваться с пренебрежением; в основе своей это - та же сила темперамента, только лишенная какого-либо содействия разума, проявляющаяся в виде особого рода страсти. Лишь там, где безрассудная смелость восстает против послушания[62], где она с пренебрежением отклоняет требования высшей воли, к ней надо относиться как к опасному злу, но не ради нее самой, а учитывая факт неповиновения, ибо на войне нет более важного начала, как послушание.

Что на войне, при одной и той же степени проницательности, дело в тысячу раз скорее может быть испорчено робостью, чем смелостью - достаточно это высказать, чтобы быть уверенным в одобрении наших читателей[63].

Казалось бы выдвижение разумной цели должно облегчить проявление смелости, а следовательно понизить ее внутреннюю цену; однако на деле происходит как раз наоборот.

Силы темперамента лишаются большей части своей мощи благодаря появлению ясной мысли и даже наличию самообладания. Поэтому мы встречаем смелость тем реже, чем выше мы поднимаемся по лестнице военного командования; если бы даже уровень понимания и ума не поднимался бы вместе с повышением в чинах, то все же начальникам на высоких постах так сильно и в таком большом числе навязываются извне объективные величины, обстоятельства и соображения, что они отягощаются ими, и притом тем более, чем меньше они в состоянии судить о них самостоятельно[64]. В этом на войне и заключается главное основание того вывода из жизненного опыта, который нашел себе выражение во французской поговорке: *Tel brille au second, qui s'eclipse au premier* (часто блистает на вторых ролях тот, кто меркнет на первых). Почти все генералы, которых история нам изображает как посредственных и даже нерешительных полководцев, отличались на низших постах смелостью и решительностью.

Между мотивами отважного поступка, вызванного давлением необходимости, надо делать различие. Эта необходимость имеет разные степени. Если она настоятельна, если начальник, стремясь к своей цели, борется среди крупных опасностей и принимает отважное решение, чтобы уклониться от другой столь же крупной опасности, то здесь можно изумляться разве только его решимости, которая все же сохраняет свою цену. Если юноша, чтобы показать свое искусство наездника, перескакивает через глубокую пропасть, то он отважен; когда же он делает тот же прыжок, спасаясь от преследующей толпы головорезов-янычар, то он только решителен. Но чем больше удалена необходимость и чем большее число отношений наш разум должен пробежать, чтобы познать ее, тем меньше такая необходимость нарушает права смелости. Когда Фридрих Великий в 1756 г. сознал неизбежность войны и мог спастись от гибели, лишь предупредив своих врагов наступлением, ему было необходимо самому начать войну, но это было в то же время и крайне смелым решением, только немногие люди в его положении на это решились бы.

Хотя стратегия есть сфера деятельности одних лишь полководцев или вождей, занимающих высшие посты, все же смелость, как и прочие воинские доблести, остальных членов армии для нее не безразлична. С армией, вышедшей из среды смелого народа, среди которого всегда поддерживалось чувство отваги, можно решиться на совершенно иные предприятия, чем с такой, которой эта воинская доблесть чужда; поэтому, говоря о смелости, мы имели в виду и армию. Но нашей темой собственно

является смелость полководца, хотя нам мало что остается сказать по этому поводу, после того как мы по крайнему своему разумению уже характеризовали эту воинскую доблесть.

Чем выше мы поднимаемся по лестнице командных должностей, тем больше будут преобладать в деятельности вождей мысль, рассудок и проницательность; соответственно отодвигается на второй план смелость, являющаяся свойством темперамента; поэтому мы так редко находим ее на высших командных постах, но зато тем более достойной восхищения является она тогда[65]. Смелость, руководимая выдающимся умом, является печатью героя; эта смелость заключается не в том, чтобы дерзать против природы вещей, грубо нарушая законы вероятности, но в энергичной поддержке того высшего расчета, который производится с молниеносной быстротой и лишь наполовину сознательно гением и интуицией, когда они делают свой выбор. Чем более смелость окрыляет ум и проницательность, тем дальше реют они в своем полете, тем всеобъемлющее становится взгляд и тем вернее будет результат; но конечно всегда сохраняет свою силу положение, что чем выше цель, тем значительнее сопряженные с нею опасности. Заурядный человек, не говоря уже о человеке слабом и нерешительном, дойдет пожалуй в сфере воображаемого действия, сидя спокойно в своей комнате далеко от опасности, до правильных заключений, поскольку конечно это возможно без живого непосредственного созерцания, но если его всюду будут подстерегать опасности и ответственность, он утратит ясный взгляд, а если бы таковой у него и сохранялся под влиянием окружающих, то во всяком случае он утратил бы решимость, ибо в этом уже никто ему помочь не может.

Поэтому мы полагаем, что без смелости выдающийся полководец немислим, т.е. таковым никогда не будет человек, у которого эта сила темперамента не была природной; ее мы поэтому считаем первым условием полководческой карьеры. Другой вопрос - сколько останется в человеке этой природной силы, развитой и видоизмененной воспитанием и последующей жизнью, когда он достигнет своего высокого поста. Чем больше сохранится в нем этой силы, тем могучее будут взмахи крыльев гения, тем выше направится его полет. Риск все растет, но и цели становятся все крупнее. Исходят ли при этом направляющие линии из отдельной необходимости, или же они тянутся к вершине здания, построенного честолюбием, выступает ли Фридрих или Александр, - большой разницы для критического рассмотрения в этом не будет. Если последнего больше увлекает фантазия, так как он еще отважнее, то первого более удовлетворяет разум, ибо в его действиях больше внутренней необходимости.

Теперь нам нужно упомянуть еще об одном важном обстоятельстве.

Дух отваги может войти в плоть и кровь армии или потому, что он присущ ее народу, или потому, что он порожден счастливой войной под водительством смелых полководцев; в последнем случае его вначале не будет.

Но в наши времена почти нет другой возможности воспитать его в народе, как при помощи войны, и притом при помощи отважного ее ведения. Лишь война может противодействовать той изнеженности, той погоне за приятными ощущениями, которые понижают дух народа, схваченного растущим благосостоянием и увлеченного деятельностью в сфере усилившихся мирных отношений.

Лишь тогда, когда народный характер и втянутость в войну постоянно взаимно поддерживают друг друга, народ может надеяться занять прочную позицию в политическом мире.

Глава 7. Твердость

Читатель ожидает здесь ознакомиться с углами и линиями, и вместо этих особ, получивших права гражданства в научном мире, он встречает лишь людей из повседневной жизни, с которыми чуть ли не каждый день видится на улице. Но все же автор не может даже на волосок стать математичнее, чем ему представляется его предмет, и его не пугает то разочарование, которое он может вызвать в читателе.

На войне, более чем где-либо в мире, явления оказываются не такими, как мы их себе представляли; на близком расстоянии они выглядят иначе, чем на далеком. С каким спокойствием архитектор может наблюдать, как поднимается постройка, коренящаяся в его плане! Врач, хотя

подверженный в своей деятельности большему числу случайностей и неисследованных влияний, все же точно знает образцы применяемых им средств и их действие. Не так на войне: здесь вождь крупного целого находится постоянно под ударами волн ложных и истинных сообщений и ошибок, допущенных вследствие страха, по небрежности, торопливости или по упрямству, проявленному на основании правильных или неправильных взглядов, по злой воле или из ложного или подлинного чувства долга, вследствие лености или переутомления; он окружен случайностями, которых никто не мог бы предусмотреть. Словом вождь подвержен сотне тысяч впечатлений, из которых большинство имеет тревожную и лишь меньшинство ободряющую тенденцию. Долгий боевой опыт дает ему такт быстро оценивать все эти явления по их достоинству; высокое мужество и внутренняя сила противостоят им, как скала напору волн. Тот, кто вздумал бы поддаться этим впечатлениям, тот не довел бы до конца ни одного из своих предприятий, а потому твердое отстаивание принятых решений, доколе против них не появится самых решительных доводов, является крайне необходимым противовесом. Кроме того на войне почти не бывает такого славного предприятия, которое не требовало бы для своего выполнения огромных усилий, трудов и лишений, и если слабость физической и духовной природы человека в этом случае всегда склонна идти на уступки, то все же привести к цели может лишь большая сила воли, - такая выдержка, которой будут удивляться и современники, и потомство.

Глава 8. **Численное превосходство**

Оно и в тактике и в стратегии представляет наиболее общий принцип победы, и мы прежде всего должны его рассмотреть с точки зрения этой всеобщности; мы позволим себе развить нашу мысль в следующем виде.

Стратегия определяет пункт, на котором разыгрывается бой, время, когда этот бой разыгрывается, и силы, которые в этом бою участвуют. Следовательно, давая эти три указания, она оказывает весьма существенное влияние на исход боя. Раз тактика дала бой и результат его налицо, будь то победа или поражение, стратегия использует результат так, как то представляется возможным в соответствии с целью войны. Эта цель войны чаще всего естественно будет очень отдаленной; близкой она будет в самых редких случаях. Ряд других, подчищенных целей является по отношению к ней средствами. Эти цели, которые в то же время являются средствами для целей высших, могут на практике быть разного рода; даже конечная цель, цель всей войны, бывает различной в каждой из войн; Мы ознакомимся с этими вопросами, по мере того как будем изучать различные явления, соприкасающиеся с ними; в нашу задачу здесь не входит, даже если бы это было возможно, охватить весь предмет полным их перечислением. Поэтому мы пока не будем говорить о применении боя.

Даже и те указания, при помощи которых стратегия оказывает влияние на исход боя, давая ему установку (в известной степени декретируя его), не так просты, чтобы их можно было охватить при рассмотрении в один прием. Стратегия, определяя время, место и силы, может на практике, сделать это несколькими способами, каждый из которых различно обуславливает как исход боя, так и его следствия. Мы изучим их постепенно, когда будем знакомиться с вопросами, ближе обуславливающими применение боя.

Если мы отбросим все разновидности, которые имеет бой в зависимости от его назначения и обстановки, из которой он вытекает, если мы наконец оставим вне своего суждения качество войск, которое тоже всегда представляет данную величину, то остается лишь голое понятие боя, т.е. бесформенной борьбы, в которой мы не различаем ничего, кроме числа бойцов.

В таком случае это число и будет определять победу. Уже из того множества отвлечений нашей мысли, к которым нам пришлось прибегнуть, чтобы дойти до этого пункта, мы можем заключить, что численное превосходство в бою является лишь одним из факторов, из коих слагается победа; таким образом при помощи численного превосходства мы не только не достигаем всего или главного, но даже может быть достигаем и весьма малого, в зависимости от того, как сложатся сопутствующие обстоятельства.

Но и самое численное превосходство может иметь различные степени: оно может мыслиться двойным, тройным, четверным и т. д.; всякому понятно, что численное превосходство, доведенное до

известной высокой степени, должно преодолеть все остальное.

С этой точки зрения надо согласиться, что численное превосходство представляет важнейший фактор боя, но оно должно быть достаточно велико, чтобы явиться противовесом всем прочим сопутствующим обстоятельствам. Непосредственный вывод из этого: на решительном пункте надо ввести в бой возможно большее число войск.

Окажется ли этих войск достаточно или нет, но в этом отношении нами будет сделано все то, что позволяли наши средства. Это первый принцип стратегии. В той общей форме, в которой мы его изложили, он одинаково применим к грекам и персам, к англичанам и мараттам[66], к французам и немцам; чтобы иметь возможность высказаться определеннее, будем иметь в виду наши европейские военные условия.

Здесь армия в отношении вооружения, организации и обучения гораздо более схожи между собою; имеется лишь одно различие, проявляющееся порою то на той, то на другой стороне, а именно - различие в воинской доблести армии, и в таланте полководца. Если мы пробежим страницы военной истории современной Европы, то мы нигде не встретим примера, который бы нам напоминал Марафон.

Фридрих Великий под Лейтеном с 30000 разбил 80000 австрийцев, под Росбахом с 25000 - до 50000 союзников; но это - единственные примеры побед, одержанных над противником вдвое и более чем вдвое сильнейшим. Примера победы Карла XII под Нарвой мы собственно привести не в праве. На русских того времени едва ли можно смотреть, как на европейцев, да и существенные обстоятельства этого сражения недостаточно выяснены. У Бонапарта под Дрезденом было 120000 человек против 220000, т.е. у его противников двойного превосходства сил полностью не было. Под Коллином Фридриху не повезло с 30000 против 50000 австрийцев, как и Бонапарту в отчаянной битве под Лейпцигом, где силы его доходили до 160000 против 280000 человек союзников; превосходство последних следовательно далеко не было двойным.

Отсюда ясно, что в современной Европе даже самому талантливому полководцу крайне трудно одержать победу над вдвое сильнейшим противником. Если таким образом двойной перевес в силах ложатся так тяжело на чашку весов даже против величайшего полководца, то мы не в праве сомневаться, что при обыкновенных условиях в крупных и мелких боях значительный перевес сил, которому не нужно быть и двойным, будет достаточен, чтобы обеспечить победу, как бы прочие условия ни были при этом невыгодны. Можно конечно вообразить теснину, где и десятикратное превосходство сил было бы недостаточно для преодоления сопротивления; но в таких случаях вообще не может быть речи о бое.

Итак мы полагаем, что в наших условиях, как и во всех схожих, соотношение сил на решительном пункте - огромное дело, и что в общем для обыденного случая оно из всех условий является самым важным. Число войск на решительном пункте зависит от абсолютной величины армии и от искусства ее использования.

Отсюда первое правило должно заключаться в следующем: начинать войну с возможно сильной армией.

Это на первый взгляд похоже на общее место, на самом же деле его не так.

Чтобы показать, как долго численность вооруженных сил вовсе не рассматривалась как главная данная, нам достаточно отметить, что в большинстве историй войн XVIII века, даже самых обстоятельных, численность армий или вовсе не упоминается, или приводится лишь между прочим, и ей никогда не придается особой ценности.

Темпельгоф[67] в своей истории семилетней войны является первым писателем, который приводит регулярно эти данные, да и то лишь поверхностным образом.

Даже Массенбах[68] в своем во многих отношениях критическом обзоре прусских кампаний в Вогезах 1793 и 1794 гг. много говорит о горах и долинах, дорогах и тропинках, но ни словом не

обмолвился о силах обеих сторон.

Другое доказательство заключается в той курьезной идее, которая бродила в головах нескольких критически настроенных писателей и согласно которой существует якобы известная численность армии, признаваемая наилучшей, - некая нормальная величина; вооруженные силы, превышающие эту норму, будут скорее обременительны, чем полезны.

Наконец существует множество примеров, когда не все имевшиеся в распоряжении вооруженные силы были действительно использованы в бою или на войне, так как численному превосходству не придавали того значения, какое оно имеет по природе дела.

Раз мы глубоко проникнуты убеждением, что при значительном перевесе сил можно добиться решительно всего, то такое ясное убеждение не может не отразиться на всех приготовлениях к войне, чтобы выступить в поле с возможно большим числом войск и либо самому добиться численного перевеса, либо предохранить себя от чрезмерного перевеса противника. Вот что можно сказать по поводу абсолютной силы армии, с которой приходится вести войну.

Размеры абсолютной силы армии определяются правительством, и хотя с этого определения уже начинается подлинная военная деятельность и само определение составляет крайне существенную часть ее, все же в большинстве случаев полководцу, который будет руководить потом вооруженными силами на войне, придется смотреть на их численность, как на уже данную величину, потому ли, что он не принимал никакого участия в ее установлении, или потому, что обстоятельства помешали довести ее до надлежащего размера.

Таким образом полководцу остается одно: искусным применением этих вооруженных сил добиваться относительного численного превосходства на решительном пункте даже тогда, когда абсолютный перевес сил оказывается недостижимым.

Самым существенным при этом представляется расчет времени и пространства; это дало повод смотреть в стратегии на этот расчет, как на предмет, в достаточной мере обнимающий все использование вооруженных сил. В этом направлении зашли даже настолько далеко, что стали усматривать в тактике и стратегии великих полководцев особую потаенную часть, специально приспособленную для этого.

Но это сопоставление времени и пространства, если оно до известной степени и лежит в основе стратегии и составляет так сказать ее насущный хлеб, все же не является в ней ни самым трудным, ни самым решающим моментом.

Если мы непредубежденным взглядом окинем военную историю, то найдем, что случаи, когда ошибки в таком расчете действительно оказывались причиной крупной неудачи, по крайней мере в стратегии чрезвычайно редки. Но если понятие искусного сочетания элементов времени и пространства должно являться отражением всех случаев, когда посредством быстрых маршей решительный и деятельный полководец одной и той же армией побил несколько противников (Фридрих Великий, Бонапарт), то мы напрасно будем путаться в этих чисто условных выражениях. Для ясности и плодотворности представлений необходимо называть вещи их собственными именами.

Верная оценка своих врагов (Даун, Шварценберг), риск - оставить временно перед ними лишь незначительные силы, энергия форсированных маршей, дерзость молниеносных атак, повышенная активность, которую великие люди проявляют в момент опасности, - вот истинные причины таких побед. Что же тут общего со способностью правильно сопоставить такие две простые вещи, как время и пространство.

Но и эта рикошетирующая игра сил, когда победы под Росбахом и под Монмиралем дали необходимый размах для побед под Лейтеном и Монтро[69], игра, которой великие полководцы не раз вверяли свою судьбу в оборонительной войне, все же, если говорить ясно и откровенно, представляет редкое явление в истории.

Гораздо чаще относительный перевес сил, т.е. искусное сосредоточение превосходных сил на

решительном пункте, бывает основан на правильной оценке этого пункта и на верном направлении, которое армия получает с самого начала, на решимости, которая требуется, чтобы пренебречь маловажным в пользу важного, т.е. держать свои силы в большей степени сосредоточенными. Это - характерные черты Фридриха Великого и Бонапарта.

Мы полагаем, что сказанным мы воздали численному превосходству подобающее ему значение; на него надо смотреть, как на основную идею, и его по возможности надо искать всюду и в первую голову.

Но считать его по этой причине необходимым условием победы было бы полным непониманием развиваемой нами мысли; мы стремились лишь пояснить то значение, какое следует придавать численности сил в бою. Если мы соберем силы возможно большие, то вполне удовлетворим принципу, и лишь оценка обстановки в целом может решить вопрос, следует ли из-за недостатка сил уклониться от боя.

Глава 9. Внезапность

Уже из самого содержания предшествующей главы, из общего стремления к относительному численному превосходству вытекает другое стремление, которое следовательно должно быть столь же общим. Это стремление - поразить врага внезапностью. Эта внезапность лежит более или менее в основе всех предприятий, ибо без нее численное превосходство на решительном пункте собственно является невысказанным.

Таким образом внезапность является средством достижения численного превосходства, но на нее сверх того следует смотреть, как на самостоятельный принцип вследствие ее морального воздействия. В тех случаях, когда внезапность достигается в высокой степени, последствиями ее является смятение и упадок духа противника; а насколько эти явления умножают успех, тому имеется достаточно примеров и крупных и мелких. Здесь собственно речь идет не о внезапном нападении, которое относится к атаке, но о стремлении вообще застать своими мероприятиями противника врасплох, а в особенности поразить его внезапностью распределения наших сил, что в одинаковой мере мыслимо и при обороне, а в обороне тактической играет особенно важную роль.

Мы говорим: внезапность лежит в основе всех без исключения предприятий, но в весьма различной мере, в зависимости от природы самого предприятия и от прочих обстоятельств.

Корни этого различия лежат уже в особенностях армии, полководца, даже правительства страны.

Скрытность и быстрота являются двумя образующими внезапность факторами, и оба они предполагают и в правительстве и в полководце большую энергию, а в армии - чрезвычайно серьезное отношение к службе. При изнеженности и халатности было бы напрасно рассчитывать на внезапность. Но сколь ни всеобщим и неизменным является стремление к внезапности и как ни безусловен известный ее эффект, который всегда будет иметь место, однако не менее верно и то, что внезапность редко удается в совершенной степени; это лежит в природе вещей. Поэтому мы составим себе совершенно ложное представление, если вообразим, что преимущественно этим средством можно достигнуть многого на войне. В идее это представляется чрезвычайно заманчивым, но на практике все большей частью застревает из-за трения машины в целом.

В тактике внезапность гораздо более обычное явление по той простой причине, что здесь все данные времени и пространства много меньше. Поэтому в стратегии внезапность окажется более осуществимой, когда стратегические мероприятия более приближаются к области тактики, и более трудно достижимой, когда они поднимаются выше, приближаясь к политике.

Приготовление к войне обычно занимает несколько месяцев, сбор войск в их пунктах сосредоточения требует большей частью устройства магазинов и окладов, а также значительных маршей, направление которых довольно скоро обнаруживается.

Поэтому крайне редко бывает, чтобы одно государство внезапно для другого объявило ему

войну или чтобы общее направление удара было неожиданностью для его противника. В XVII и XVIII столетиях, когда война в значительной мере вращалась вокруг осады крепости или города, наблюдалось в этом смысле особое стремление, и военное искусство имело даже особую главу - внезапное блокирование крепости; да и последнее редко когда удавалось.

Между тем внезапность явлений, которые могут произойти со дня на день, гораздо более мыслима; при операциях не так трудно выиграть у неприятеля один переход и благодаря этому перехватить какую-нибудь позицию, какой-либо пункт, путь сообщения и пр. Но ясно, что если внезапность достигается в этом случае легче, то она теряет в степени своей действительности и наоборот. Тот, кто полагает, что такая внезапность мелких предприятий может связываться с чем-то крупным, как например выигрышем сражения, захватом значительного магазина, тот воображает нечто по мысли вполне возможное, но не имеющее подтверждения в истории; вообще можно найти очень мало примеров, когда в результате таких предприятий получалось что-либо крупное, из чего мы конечно вправе заключить о трудностях, связанных с ними.

Конечно, обращаясь с подобными вопросами к истории, не следует увлекаться тем или другим коньком исторической критики, ее сентенциями и самодвольной терминологией, а надлежит посмотреть самому факту в глаза. Существует например известный день кампании 1761 г. в Силезии, который в этом отношении приобрел своего рода славу. Это - 22 июля, когда Фридрих Великий выиграл у генерала Лаудона путь к Носсену у Нейсе, чем, как говорят, он воспрепятствовал соединению австрийцев с русскими в Верхней Силезии и этим получил оторочку на целых 4 недели. Но если внимательно прочитать описание этих событий у главнейших историков[70] и вникнуть в него без предубеждения, мы не сможем приписать переходу, сделанному Фридрихом 22 июля, этого значения и вообще не найдем во всех рассуждениях об этих событиях, вошедших в моду, ничего кроме противоречий; в движениях Лаудона в эту пресловутую маневренную эпоху мы усмотрим много немотивированного. Кто же, действительно жаждущий истины и ясных доказательств, будет считаться с такого рода историческим свидетельством?

Когда рассчитывают в ходе кампании добиться посредством принципа внезапности значительных результатов, то конечно предполагают энергичную деятельность, быстрые решения, форсированные марши, которые должны явиться соответственными средствами; но все это, доведенное даже до высокой степени, не всегда достигает желаемых последствий; мы можем убедиться в этом на примере двух полководцев, по справедливости считающихся величайшими мастерами в этом отношении, - Фридриха Великого и Бонапарта. Первый в июле 1760 г. внезапно бросился из Бауцена на Ласси и направился к Дрездену, но ничего этим интермеццо[71] не достиг, а скорее наоборот - дела его от этого пошатнулись, ибо тем временем пала крепость Глац.

Бонапарт в 1813 г. два раза бросался совершенно внезапно из-под Дрездена на Блюхера, не говоря уже о его вторжении из Верхней Лузании в Богемию, и оба раза не достиг ожидаемого результата. То были лишь удары по воздуху, которые сводились к простой трате времени и сил, а под Дрезденом могли создать крайне опасное положение.

Следовательно, для того чтобы добиться крупных результатов внезапности, недостаточно одной только энергии, силы и решительности вождя; необходимы и другие благоприятные обстоятельства, Мы вовсе не намерены совершенно отрицать возможность этих крупных результатов и лишь указываем на их связанность с предпосылкой благоприятной обстановки, которая конечно не так часто оказывается налицо и вызвать которую вождь редко имеет возможность.

Те же полководцы дают нам яркие примеры. Вспомним знаменитую операцию Бонапарта 1814 г. против армии Блюхера, когда последняя, оторвавшись от главной армии, спускалась вдоль по Марне. Внезапный двухдневный переход едва ли может дать большие результаты. Армия Блюхера, растянувшаяся на 3 перехода, была разбита по частям и потерпела урон, равносильный потере генерального сражения. Это являлось исключительно последствием внезапности, так как если бы Блюхер допускал такую близкую возможность нападения Бонапарта, он совершенно иначе организовал бы свой марш. С этой-то ошибкой Блюхера и был связан крупный успех Бонапарта. Последний этих обстоятельств безусловно не знал, и таким образом в его пользу вмешалась счастливая случайность.

Точно так же в сражении под Лигницом в 1760 г. Фридрих Великий одержал блестящую победу, потому что в ночь перед боем он переменял позицию, занятую им только что перед тем; это явилось полной внезапностью для Лаудона, который в результате потерял 70 пушек и 10000 человек[72]. Хотя Фридрих Великий и усвоил себе в это время манеру как можно больше передвигаться с места на место, дабы таким образом или избежать сражения или во всяком случае спутать планы противника, все же изменение позиции, произведенное в ночь с 14-го на 15-е, не преследовало именно этой цели, а вызывалось, по словам самого короля, просто тем, что позиция, которую он занимал 14-го, ему не понравилась. Таким образом и на этот раз случай сыграл важную роль. Без совпадения нападения Лаудона с ночным сдвигом пруссаков и недоступностью местности результат оказался бы иным.

В высоких и высших областях стратегии также имеются примеры внезапности, связанные с серьезными последствиями; напомним лишь о блестящих походах великого курфюрста против шведов из Франконии в Померанию и из Бранденбургской Марки к р. Прегелю, о походе 1757 г., о знаменитом переходе Бонапарта через Альпы в 1800 г. В последнем случае армия капитулировала и сдала при этом весь свой театр войны и немного недоставало, чтобы в 1757 г. другая армия не сдала своего театра да и себя в придачу[73].

Наконец как пример совершенно внезапной войны мы можем привести вторжение Фридриха Великого в Силезию[74]. Всюду в этих случаях успех был огромный и потрясающий. Но подобные явления редко встречаются в истории. С ними не следует смешивать те случаи, когда государство по недостатку энергии и деятельности (в 1756 г. Саксония и в 1812 г. Россия) не было готово к войне вовремя.

Теперь остается сделать одно замечание, касающееся существа дела. Лишь тот может поразить внезапностью, кто диктует другому закон его поведения. Закон же диктует тот, кто действует, имея большие основания. Если мы удивим противника нелепым мероприятием, то по всей вероятности нас ждет не хороший успех, а нам придется несдобровать от ответного удара; во всяком случае противник не будет особенно огорчен нашим сюрпризом, ибо в нашем же промахе он найдет средство отвратить от себя зло. Так как нападение заключает в себе гораздо больше позитивных действий, чем оборона, то и внезапность во всяком случае чаще удастся нападающему, чем обороняющемуся; однако и при обороне использование внезапности не исключается, как мы то увидим впоследствии. Может встретиться и двухсторонняя внезапность как со стороны нападающего, так и со стороны обороняющегося, и тогда верх возьмет тот, кто правильнее лопал в точку.

Так казалось бы должно было быть; однако практическая жизнь не выдерживает эту линию строго и притом по самой простой причине. Моральные влияния, вызываемые внезапностью, часто обращают самое плохое положение в хорошее для того, в чью пользу складывается внезапность, и не дают возможности противной стороне принять толковое решение. Здесь, более чем в каком-либо другом месте нашего труда, мы имеем в виду не только одного старшего начальника, но и всех других начальников, ибо действие внезапности отличается той особенностью, что оно заметно ослабляет общую связь и единство и открывает простор для проявления личности каждого.

Многое зависит от общих условий, в которых складываются соотношения обеих сторон. Если одна из них благодаря общему моральному перевесу способна вызвать упадок духа и поспешность решения в другой, то она использует внезапность с большим успехом и пожнет плоды даже там, где собственно она должна была бы испытать неудачу.

Глава 10. Хитрость

Хитрость предполагает какое-нибудь скрытое намерение, и следовательно противопоставляется прямому, простому, т.е. непосредственному образу действия, подобно тому как остроумие противопоставляется непосредственному доказательству. Она не имеет ничего общего со средствами убеждения, интереса, силы, но у нее много общего с обманом; последний тоже скрывает свои намерения. Она является в сущности обманом даже тогда, когда все уже закончилось, но все же она отличается от того, что попросту называется этим именем, так как непосредственно не нарушает данного слова.

Хитрец вызывает в суждении противника, которого хочет обмануть, такие ошибки, которые представляют последнему дело не в настоящем виде и толкают его на ложный путь. Поэтому можно сказать: подобно тому как остроумие представляет жонглирование идеями и образами, так хитрость является жонглированием действиями.

На первый взгляд кажется правильным, что стратегия получила свое название от хитрости и что при всех действительных и кажущихся переменах, которым подвергалось ведение войны со времени греков, это название все еще указывает на специфическую сущность стратегии.

Если предоставить тактике осуществление насилия, т.е. ведение боев, и рассматривать стратегию как искусство удачно использовать возможности к этому, то казалось бы кроме таких сил темперамента, как жгучее честолюбие, которое словно пружина оказывает непрерывное давление, или как сильная, ни перед чем не склоняющаяся воля, и т.п., нет более подходящего природного свойства, для того чтобы руководить и придавать жизнь стратегической деятельности как именно хитрость. Уже постоянная потребность поразить внезапностью, о чем мы говорили в предыдущей главе, указывает на это, ибо в основе всякой внезапности лежит хотя бы некоторая доля хитрости.

Но как бы нам ни хотелось видеть военных деятелей, состязающимися в скрытности, ловкости и хитрости, приходится сознаться, что эти качества мало проявляются в истории и лишь в редких случаях выделяются из общей массы отношений и обстоятельств.

Причина довольно проста и в общем совпадает с тем, что служило темой предыдущей главы.

Стратегия не знает никакой иной деятельности, кроме распоряжения боями и относящихся к нему мероприятий. Она не включает, подобно обыденной жизни, отрасли деятельности, выражающейся только словами, т.е. заверениями, объяснениями и пр. А эти-то недорого стоящие слова и являются по преимуществу теми средствами, при помощи которых хитрец наводит туман.

Подходящие к этому на войне действия; планы и приказы, издаваемые только для вида, ложные сведения, умышленно сообщаемые противнику, и т.д. в области стратегии сравнительно так слабо действуют, что ими пользуются лишь в редких, особо благоприятных случаях, а потому их нельзя рассматривать как свободное поле деятельности полководца.

Такого же рода действия, как распоряжение боями, проведенные до степени, способной оказать известное впечатление на неприятеля, требуют сами по себе значительной затраты времени и сил, и притом тем большей, чем крупнее масштаб работы. А обыкновенно не желают приносить подобные жертвы, и так называемые демонстрации в стратегии редко оказывают предполагаемое воздействие. В самом деле небезопасно продолжительное время применять значительные силы только для вида, ибо всегда рискуешь промахнуться и потерять эти силы для действий на решительном пункте.

Эту трезвую правду полководец на войне всегда глубоко переживает, а потому у него проходит охота играть на лукавой подвижности. Сухая серьезность необходимости настолько толкает на непосредственно требуемую работу, что большей частью для такой игры уже не остается простора. Короче сказать, у фигур на шахматной доске стратегии не хватает подвижности, которая составляет стихию хитрости и лукавства.

Из всего этого мы приходим к выводу, что верный и меткий взгляд представляет более полезное, более необходимое свойство полководца, чем хитрость, хотя и это качество ничего не портит, если оно не развито за счет более необходимых свойств темперамента, что впрочем слишком часто наблюдается.

Но чем более силы, подчиненные стратегическому руководству, оказываются по сравнению со своими задачами слабыми, тем стратегическое руководство будет более склонно к хитрости. Малочисленной и совершенно слабой стороне, которой уже не может помочь ни осторожность, ни мудрость, в тот момент, когда ее покидает сознавшее свое бессилие искусство, хитрость еще предлагает свои услуги как единственный якорь опасения. Чем положение безвыходнее, чем более все сводится к одному отчаянному удару, тем охотнее хитрость становится рядом с отвагой. Освободившись от всех дальних расчетов, отказавшись от всех видов на то, чтобы расквитаться в

будущем, отвага и хитрость, поддерживая друг друга, сосредоточат слабое мерцание надежды в одну точку, в один луч, который может дать еще вспышку.

Глава 11. Сосредоточение сил в пространстве

Лучшая стратегия состоит в том, чтобы всегда быть возможно сильным; это значит прежде всего - быть вообще возможно сильным, а затем - и на решающем пункте. Поэтому помимо напряжения, создающего вооруженные силы и не всегда зависящего от полководца, нет в стратегии более высокого и простого закона, как следующий: держать свои силы сосредоточенно. Не следует отделять от главной массы какую-либо часть без крайней необходимости. Этого критерия мы держимся твердо и видим в нем надежного руководителя. Мы постепенно изучим разумные основания, которые могут быть для выделения части сил. Затем мы также увидим, что этот принцип не во всякой войне ведет к одним и тем же общим последствиям, но что таковые меняются в соответствии с целями и средствами.

Может показаться невероятным, и все же это случалось сотни раз, что вооруженные силы дробились и разъединялись по одному лишь темному подражанию традиционной манере без ясного сознания, зачем собственно это делается.

Если сосредоточение сил будет признано за норму, а всякое раздробление и разъединение - за исключение, которое должно быть мотивировано, то не только эта глупость будет совершенно избегнута, но и будет прегражден доступ многим ложным поводам к разделению сил.

Глава 12. Сосредоточение сил во времени

В данном случае мы имеем дело с понятием, которое при применении в действительной жизни вызывает немало недоразумений. Поэтому необходимо ясное установление и изложение связанных с этим понятием представлений, и мы надеемся, что нам будет дозволено вновь произвести небольшой анализ.

Война есть столкновение двух противоположных сил, откуда само собой вытекает, что более могучая из них не только уничтожает другую, но и увлекает ее в своем движении. Отсюда по существу не должно быть растянутого во времени (последовательного) применения сил; одновременное напряжение всех предназначенных для данного удара сил рисуется как основной закон войны.

Так оно и есть в действительности, но лишь постольку, поскольку борьба действительно подобна механическому столкновению; там же, где она выливается в длительное взаимодействие друг друга уничтожающих сил, там разумеется можно представить себе и растянутое во времени действие этих сил. Это имеет место в тактике преимущественно потому, что огневой бой составляет основу всякой тактики, но может происходить и по другим причинам. Когда в огневом бою 1000 человек введены в дело против 500, то размер их потерь складывается из размера неприятельских сил и из размера собственных, 1000 человек стреляют вдвое больше, чем 500; но и попадавшие пули в 1 000 человек больше, чем в 500, ибо надо предполагать, что первые стоят более плотно, чем вторые. Если бы мы могли предположить, что и число попаданий в них вдвое больше, то потери с обеих сторон были бы одинаковыми. Из 500 человек скажем 200 было бы выбито из строя, и столько же выбыло бы и из 1000 человек. Если бы у этих 500 было в резерве еще столько же людей, которые до сих пор оставались вне сферы огня, то с обеих сторон оставалось бы налицо по 800 человек, из которых однако у одной было 500 совершенно свежих людей с полным запасом патронов и нетронутыми силами, а у другой те же 800 человек, но все в одинаковой мере расстроенные, без достаточного запаса патронов и с ослабевшими силами. Конечно наша предпосылка, что 1 000 человек из-за одного лишь численного своего превосходства должны потерять вдвое больше людей, чем на их месте потеряли бы 500, не основательна; необходимо учесть при первоначальном распределении сил тот большой урон, который несет оставивший в резерве половину своих сил, ставя себя в худшее положение; точно так же следует допустить в большинстве случаев и ту возможность, что в первый же момент 1000 человек могут достигнуть какого-либо успеха: они например выбьют с позиции своего противника и принудят его к отступлению. Будут ли оба эти преимущества уравнивать невыгоду - остаться с 800 человек

расстроенных боем войск против врага, хотя немного слабейшего, но имеющего 500 человек свежих войск? Дальнейший анализ этого решить не в состоянии, здесь приходится обратиться к опыту, и в этом случае пожалуй не окажется ни одного офицера, имеющего хотя бы скромный боевой опыт, который в общем не признал бы преимущества за той стороной, у которой имеются свежие силы.

Отсюда очевидно, что введение в бой сразу слишком больших сил может оказаться невыгодным, ибо какие бы выгоды мы ни могли извлечь из перевеса в первый момент, возможно, что впоследствии мы будем за это наказаны.

Но эта опасность существует лишь постольку, поскольку проявляются беспорядок, расстройство и ослабление сил, словом тот кризис, который всякий бой несет с собою и для победителя. Появление в момент такого ослабленного состояния относительно свежих сил противника может оказать решающее действие.

Но там, где прекращается это явление разложения, сопутствующее победе, и остается следовательно только ощущение морального превосходства, которое дает каждая победа, там и свежие силы более уж не в состоянии поправить потерянное дело: они будут увлечены общим потоком. Разбитую накануне армию нельзя на другой день повести к победе при поддержке сильного резерва. Здесь мы подходим к источнику весьма существенного различия между тактикой и стратегией.

Дело в том, что тактические успехи, заключающиеся в пределах самого боя и до его окончания, по большей части достигаются еще в сфере этого разложения и ослабления; стратегический же успех, т.е. успех боя в целом, завершенная победа, безразлично крупная или мелкая, находится уже вне этих пределов. Лишь тогда, когда успехи частных боев свяжутся в одно самостоятельное целое, наступает стратегический результат, но тогда прекращается и состояние кризиса, боевые силы приобретают свой первоначальный облик, они лишь будут частично ослаблены в мере фактически понесенного урона.

Вывод из этого различия сводится к тому, что тактика допускает растянутое во времени введение в дело сил, стратегия же допускает только одновременное.

Если в тактике я не могу решить всего первым успехом, если я должен опасаться следующего момента, то само собою разумеется, что я буду для обеспечения первого успеха затрачивать лишь столько сил, сколько для этого будет казаться мне нужным, а остальные я буду держать вне губительной сферы огня и рукопашного боя, дабы иметь возможность противопоставить свежим силам свежие же силы или доконать ими ослабевшие силы врага. Не так - в стратегии. Во-первых, как мы только что показали, ей не так страшны ответные действия противника, после того как успех уже достигнут, ибо с этим успехом заканчивается и кризис; во-вторых не все стратегические силы непременно оказываются ослабленными боем. Потерпевшими оказываются только те войска, которые вступают в тактическое столкновение с неприятелем, т.е. ввязываются в частные бои; тактика должна не растрчивать бесполезно силы, а использовать лишь в мере необходимости, но отнюдь не полностью все то, что стратегически находится в столкновении с противником. Части, которые благодаря превосходству сил мало или вовсе не сражались и которые лишь своим присутствием содействовали благоприятному исходу, останутся после боя такими же, какими они были до него, и будут столь же пригодны для нового использования, как если бы они оставались вовсе праздными. Само собою однако ясно, насколько такие части, обеспечивающие превосходство, содействуют общему успеху; нетрудно понять и то, что они значительно понижают даже размер потерь наших частей, принявших участие в тактическом столкновении.

Следовательно, если в стратегии потери не возрастают с увеличением употребленных в дело сил, а часто даже понижаются, если кроме того успех этим более обеспечивается, то само собою понятно, что в стратегии чем больше использовать сил, тем лучше, и что имеющиеся в распоряжении силы должны быть использованы одновременно.

Но нам надо отстоять свое положение еще и с другой точки зрения. До сих пор мы говорили только о самом бое; бой конечно является подлинной военной деятельностью, но нам надо считаться и с людьми, временем и пространством, которые являются проводниками этой деятельности, и принять во внимание результаты их воздействия.

Труды, усилия и лишения представляют своеобразное разрушительное начало на войне, по существу не относящееся к самому бою, но более или менее неразрывно с ним связанное, и притом такое начало, которое по преимуществу входит в область стратегии. Правда подвергаться трудам, напряжениям и лишениям приходится и в тактике, и притом в наивысшей степени, но так как тактические акты мало продолжительны, то сравнительно ничтожные последствия их могут в ней в меньшей мере приниматься во внимание. Но в стратегии, где время и пространство значительно обширнее, действие этих начал не только будет чувствительным, то порою даже решающим. Нередко бывает, что победоносная армия теряет гораздо больше людей от болезни, чем в боях.

Если мы будем учитывать эту сферу разрушения в стратегии так же, как мы учитываем огонь и рукопашный бой в тактике, то мы конечно сможем допустить, что все подверженное этому разрушению окажется к концу кампании имя другого стратегического отрезка в таком состоянии ослабления, что появление свежих сил может иметь решающее значение. Поэтому и в стратегии казалось бы имеется такое же основание добиваться первого успеха с возможно меньшими силами, дабы сберечь к концу свежие войска.

Дабы точно оценить эту мысль, которая на практике во многих случаях приобретает видимость истины, нам нужно бросить взгляд на отдельные связанные с ней представления. Во-первых не следует смешивать понятие простого пополнения со свежими, нетронутыми силами. Очень редко бывают походы, к концу которых как победителю, так и побежденному не был бы крайне желательным новый приток сил; но не об этом идет здесь речь, так как подобного увеличения сил не понадобилось бы, если бы эти силы с самого начала были больше на такое именно количество. Но чтобы свежая армия, впервые выступающая в поход, по своей моральной ценности стояла выше армии, уже действующей на фронте, подобно тому как тактический резерв имеет преимущество перед теми частями, которые уже сильно пострадали в бою, - это противоречит всем данным опыта. В той же мере, как неудачная кампания лишает войска мужества и моральных сил, счастливая - наоборот подымает их ценность в этом отношении, а в среднем оба эти воздействия взаимно уравниваются; чистой прибылью оказывается боевой опыт. Кроме того здесь мы должны преимущественно иметь в виду, удачные кампании, а не несчастливые, ибо неудачный ход последних можно заранее предвидеть с некоторым вероятием; следовательно в них и без того сил не будет хватать, и думать о том, чтобы сберечь к концу часть этих сил, не приходится.

Раз этот пункт устранен, то спрашивается: возрастают ли потери вооруженных сил от напряжения сил и лишений с увеличением размера этих вооруженных сил, как это бывает в бою? И на этот вопрос приходится дать отрицательный ответ.

Напряжение сил вызывается главным образом опасностями, коими пропитан каждый миг военных действий в той или иной степени. Всюду противостоять этим опасностям с уверенностью, продолжая свою работу, - вот что составляет сущность тех разнообразных действий, из которых состоит тактическая и стратегическая служба армии. Эта служба тем тяжелее, чем слабее армия, и тем легче, чем существеннее ее превосходство над противником. Кто в этом может сомневаться? Кампания против значительно слабейшего неприятеля конечно потребует гораздо меньшего напряжения, чем против равного, а особенно против более сильного.

Это относится к напряжению сил. Несколько иначе обстоит дело по отношению к лишениям. Последние главным образом обуславливаются двумя причинами: недостаткам продовольствия и недостатком помещения, будь то на квартирах или в хорошо устроенных лагерях. И тот и другой вид лишений будет конечно тем больше, чем многочисленнее армия, сосредоточенная в одном пункте. Но разве численное превосходство не дает ей возможности распространиться и захватить больше пространства, а следовательно и больше средств для получения и размещения продовольствия?

Когда в 1812 г., во время своего вторжения в Россию, Бонапарт сосредоточил свою армию в неслыханно огромной массе на одной дороге и тем самым вызвал столь же неслыханный недостаток во всем необходимом, то это приходится приписать его основному принципу: на решительном пункте быть возможно сильным. Хватил ли он в данном случае через край, применяя свой принцип, это - вопрос, который в настоящий момент не подлежит нашему рассмотрению, но несомненно одно, что если бы он захотел избежать вызванных этим лишений, ему стоило только продвигаться на более широком фронте; в России нет недостатка в пространстве, и вообще в пространстве меньше всего

может оказаться недостатка. Поэтому отсюда никак нельзя создать довод в пользу доказательства, будто одновременное применение превосходных сил должно явиться источником больших лишений. Допустим однако, что климатические условия и неизбежное напряжение сил, сопряженное с войной, вызовут известную убыль и в той части армии, которую в качестве излишка сил можно было бы несомненно приберечь для позднейшего времени, если не учитывать помощи, которую она может оказать сражающейся армии; все же мы должны, обнимая вопрос одним взглядом во всей его совокупности, спросить себя: уравнивает ли эта убыль то преимущество, которое мы приобретаем во многих отношениях благодаря нашему подавляющему численному превосходству?

Нам необходимо также коснуться еще одного весьма важного пункта. В частном бою можно без особого труда наметить приблизительно те силы, какие будут нужны для достижения намеченного нами крупного успеха, а следовательно и определить излишек сил. В стратегии же это надо признать просто невозможным, ибо стратегический успех является отнюдь не столь определенным объектом, как успех тактический, и не имеет таких близких пределов. Поэтому то, что в тактике можно рассматривать как излишек сил, в стратегии придется считать как средство для расширения успеха, если к тому представится случай; с размерами достигаемого успеха растет и процент доходности, а следовательно перевес сил может в короткое время дать такие плоды, которые недостижимы при тщательной экономии сил.

Благодаря огромному превосходству сил Бонапарту удалось в 1812 г. добраться до Москвы и занять эту центральную столицу; если бы ему при помощи того же превосходства удалось еще полностью разгромить русскую армию, он вероятно заключил бы в Москве мир, которого всяким другим способом труднее было бы добиться. Этот пример должен лишь пояснить нашу мысль, а не доказать ее; последнее требовало бы длинного рассуждения, которое здесь было бы не на месте[75].

Все эти соображения направлены лишь против последовательного применения сил, но не против понятия собственно резерва, которого они правда вое время касаются, но которое, как мы это увидим в следующей главе, связано и с некоторыми другими понятиями.

Здесь мы хотим доказать лишь то, что если в тактике уже одна длительность действительного использования вооруженных сил их ослабляет, и время таким образом является одним из факторов убыли сил, в стратегии этого в основном не наблюдается. Разрушительное действие, которое время оказывает на вооруженные силы в области стратегии, отчасти ослабляется самой массой этих сил, отчасти покрывается другими способами, а поэтому стратегия не может задаваться целью использовать время как таковое в качестве союзника, вводя в действие свои силы последовательно.

Мы говорим "время как таковое", ибо та ценность, которую время может и должно иметь для одной из борющихся сторон благодаря другим, сопутствующим ему обстоятельствам, но вполне отличным от времени, есть нечто совсем иное и, являясь отнюдь не безразличной или ничтожной данной, будет предметом нашего рассмотрения в другом месте.

Итак закон, который мы пытались развить, - следующий: все силы, предназначенные и имеющиеся в нашем распоряжении для достижения какой-либо стратегической цели, должны быть использованы одновременно, и это использование их будет тем совершеннее, чем более окажется сосредоточенным в одном акте и в одном моменте.

Однако в стратегии все же имеют место настойчивость и растянутые во времени действия; мы тем менее можем об этом умолчать, что это представляет одно из главнейших средств достигнуть конечного успеха; мы разумеем продолжающееся развертывание новых сил. Это будет служить предметом отдельной главы[76], и мы здесь о нем упоминаем, для того чтобы не ввести читателя в заблуждение.

Теперь мы обратимся к теме весьма близкой к только что нами рассмотренной; лишь закончив ее исследование, мы будем иметь возможность дать надлежащее освещение всему вопросу в целом: мы имеем ввиду стратегический резерв.

Глава 13. **Стратегический резерв**

Резерв имеет два назначения, которые надо различать: во-первых продление и возобновление боя и во-вторых применение в непредвиденных случаях.

Первое назначение предполагает полезность последовательного применения сил и потому не может иметь места в стратегии. Те случаи, когда войсковые части направляются из тыла в какой-нибудь пункт, где противник начинает одолевать, очевидно должны быть отнесены ко второй категории назначений, ибо сопротивление, которое здесь приходится оказывать, видимо не было в достаточной степени предусмотрено. Войсковая же часть, предназначенная исключительно для продолжения боя, оставленная с этой целью позади, вне действия огня, и находящаяся в распоряжении старшего в бою начальника, будет уже тактическим резервом, а отнюдь не стратегическим.

Однако потребность иметь наготове известную силу для непредвиденного случая может встретиться и в стратегии, а потому может понадобиться и стратегический резерв, но только там, где можно допустить непредвиденный случай. В тактике, где мы по большей части узнаем о мероприятиях противника лишь в момент, когда они открываются нашим взорам, и где каждая лесная заросль, каждая складка местности могут их скрывать, там надо конечно быть всегда более или менее готовым встретиться с непредвиденным случаем и иметь возможность подкрепить те отдельные пункты нашего расположения в целом, которые оказались бы слишком слабыми, и вообще сообразовать наши действия с неприятельскими. В стратегии также могут встретиться подобные случаи, ибо стратегические действия непосредственно связываются с тактическими. И в стратегии многое делается лишь по непосредственно усмотренным, по недостоверным и изо дня в день, с часу на час приходящим сообщениям и наконец в зависимости от реального успеха боев; поэтому существенным условием стратегического водительства является в соответствии со степенью неизвестности удержание позади части вооруженных сил для последующего их применения.

Как известно, это постоянно имеет место при обороне, особенно же при обороне местных рубежей, рек, горных хребтов и т.п.

Но такая неопределенность все более уменьшается, когда стратегия отходит от тактики, и совершенно прекращается в тех областях, где она граничит с политикой.

Куда неприятель направляет в бой свои колонны, можно узнать лишь, когда это станет очевидным; где он будет переправляться через реку, узнается по некоторым приготовлениям, которые обнаруживаются незадолго перед этим; с какой стороны он вторгнется в нашу страну, об этом обычно трубят все газеты еще до того, когда раздастся первый выстрел. Чем обширнее мероприятия, тем труднее внезапно поразить ими. Время и пространство так велики, а отношения, из которых вытекают действия, настолько общеизвестны и устойчивы, что общий вывод или достаточно своевременно узнается, или же его можно достоверно установить предварительным изучением.

С другой стороны и пользование резервом, если бы таковой имелся, становится тем менее действительным, чем шире обусловившее его мероприятие противника. Мы видим, что то или иное решение частного боя само по себе ничто и что все частные бои находят свое завершение лишь в решении боя в целом.

Но и решение боя в целом имеет лишь относительное значение: оно бывает различных степеней в зависимости от того, насколько крупную и важную часть целого составляют те неприятельские силы, над которыми была одержана победа. Поражение, понесенное в столкновении одним корпусом, может быть заглажено победой армии; даже проигранное армией сражение может не только быть уравновешено сражением, выигранным армией более значительной, но даже обратиться в счастливое событие (2 дня сражения под Кульмом в 1813 г.)^[77]. Никто в этом не станет сомневаться; но столь же ясно, что значение, которое имеет каждая победа (счастливый исход каждого боя в целом), становится тем более прочным, чем значительнее побежденная часть неприятельской армии, и что благодаря этому возможность вернуть однажды потерянное последующим событием соответственно уменьшается. Ближе мы рассмотрим это в другом месте; здесь достаточно привлечь внимание к беспорности существования этой прогрессии.

К этим двум соображениям мы присоединим еще третье: растянутое во времени применение вооруженных сил в тактике всегда стремится отодвинуть решающий момент к концу всего боевого

акта; напротив в стратегии закон одновременности применения сил почти всегда заставляет добиваться основного решения (которое необязательно будет последним) в начале великого акта войны. В этих трех положениях мы найдем достаточно оснований для того, чтобы сказать: стратегический резерв тем менее необходим, тем более бесполезен и даже опасен, чем обширнее и многограннее назначение этого резерва.

Нетрудно определить тот поворотный пункт, за которым стратегический резерв начинает противоречить своему назначению: он находится в решительном столкновении. Применение всех сил должно быть приурочено к решительному столкновению, и всякий резерв (состоящий из готовой к использованию вооруженной силы), который предназначался бы для применения лишь после этого решительного акта, был бы нелепостью.

Таким образом, если тактика в своих резервах имеет средство не только противостоять непредвиденным начинаниям врага, но и исправить никогда не поддающийся предвидению исход боя, в случае неблагоприятного его оборота, то стратегии приходится отказаться от этого средства, по крайней мере в отношении главного решения. Вообще неудачи, понесенные в одном пункте, она может изгладить лишь успехом в другом, и только в редких случаях при помощи переброски сил с одного пункта на другой, но она никогда не должна иметь в мыслях сохранять позади часть сил, чтобы исправить возможную неудачу.

Мы признали нелепой идею стратегического резерва, не обязанного принять участие в главном столкновении; это в такой степени не подлежит сомнению, что мы никогда не соблазнились бы подвергнуть ее такому анализу, какой мы произвели в последних двух главах, если бы под обликом других представлений эта идея не получала более благовидный характер и не появлялась бы порою в замаскированном виде. Одни в ней видят плод стратегической мудрости и предусмотрительности, другие отвергают ее, а с нею вместе и всякую мысль о резерве, в том числе и тактическом. Эта путаница идей переходит и в действительную жизнь. Если нам нужен блестящий пример такого сумбура, то стоит лишь вспомнить о том, что Пруссия в 1806 г. оставила резерв в 20000 человек под начальством принца Евгения Вюртембергского, расквартированный в Бранденбургской провинции; этот резерв уже не мог вовремя поспеть к р. Заале, а другие 25000 человек той же державы оставались в восточной и южной Пруссии; их имели в виду мобилизовать лишь позднее в качестве резерва.

Ввиду этих примеров нам пожалуй не бросят упрека, что мы сражаемся с ветряными мельницами.

Глава 14. Экономия сил

Ход рассуждений, как мы уже говорили, редко удается посредством принципов и взглядов сузить до одной непрерывной линии. Всегда остается известный простор. Так бывает во всяком практическом искусстве. Для линии прекрасного не существует никаких абсцисс и ординат; круга и эллипсиса не начертить при помощи их алгебраических формул. Таким образом деятель должен то верить такому такту суждения, который вытекает из природной проницательности ума, развивается погружением в размышления и почти бессознательно находит верный путь, то упрощать закон, сводя его к ярко выраженным приметам, которые и служат для этого деятеля руководящими правилами, то искать опоры в установленном методе и обращать его в свой посох.

В качестве такой упрощенной приметы или умственной сноровки мы намечаем следующую точку зрения: всегда блюсти общее взаимодействие всех сил; другими словами: зорко смотреть, чтобы никогда какая-либо часть не оставалась праздною. Кто держит свои силы там, где неприятель не дает им достаточной работы, кто заставляет часть своих сил маршировать, т.е. оставляет их в бездействии в тот момент, когда войска противника наносят удар, тот плохо ведет свое хозяйство. В этом смысле надо понимать расточительное расходование сил: оно даже хуже нецелесообразного их использования. Раз нужно действовать, то прежде всего необходимо, чтобы действовали все части, так как даже самая нецелесообразная деятельность все-таки приковывает и занимает какую-либо часть неприятельских сил, между тем совершенно праздные силы временно как бы не существуют. Несомненно этот взгляд находится в связи с основными мыслями трех последних глав; это та же истина, лишь рассмотренная с более широкой точки зрения и собранная в единое представление.

Глава 15.

Геометрический элемент

До какой степени геометрический элемент или форма построения боевых сил на войне может обратиться в господствующий принцип, мы можем видеть на долговременной фортификации, где геометрия почти исключительно обслуживает все - от малого до великого. В тактике она также играет большую роль. Она составляет основу тактики, понимаемой узко, т.е. учения о передвижении войск; геометрические углы и линии царят над полевой фортификацией и над учением о выборе позиций и об атаке их, как законодатели, которые одни призваны быть вершителями спора. В этом засильи геометрии есть кое-что и неправильное, а в некоторой части оно представляет только пустую затею; однако именно в современной тактике, где в каждом бою стремятся к охвату противника, геометрический элемент снова приобрел большое влияние; применение его правда очень несложно, но постоянно повторяется. Тем не менее в тактике, где вое гораздо подвижнее, где моральные силы, индивидуальные черты и случай оказывают гораздо большее влияние, чем в борьбе за крепость, геометрический элемент не может господствовать в такой же мере, как он господствует в последней. В стратегии же его влияние еще ничтожнее. Правда и здесь формы распределения сил, очертания границ, стран и государств имеют большое значение, но геометрическое начало не является здесь решающим, как в фортификации, и далеко не таким важным, как в тактике. Как проявляется это влияние, об этом мы будем иметь возможность говорить исподволь по мере рассмотрения тех вопросов, в которых геометрический элемент выступает и заслуживает внимания. Здесь же главным образом мы желаем подчеркнуть разницу, существующую в этом отношении между тактикой и стратегией.

В тактике время и пространство очень скоро сводятся к абсолютно малому. Когда отряд охватывается противником с фланга и тыла, то очень скоро дело может дойти до момента, когда все пути отступления окажутся перехваченными; такое положение будет близко к полной невозможности продолжать бой; отряд обязан или пробиться, или предотвратить такое положение. Это обстоятельство придает с самого начала сильную действенность всем комбинациям, направленным к охвату противника; эта действенность вытекает преимущественно из тех опасений, которые они внушают противнику своими возможными последствиями. Поэтому геометрическая группировка вооруженных сил является важным фактором конечного результата.

Но в стратегии геометрическое оформление получает лишь слабое отражение вследствие значительного пространства и времени. Нельзя стрелять с одного театра военных действий на другой. Проходят недели и месяцы, прежде чем задуманный стратегический обход осуществится. Кроме того пространства так велики, что вероятность ударить в конце концов в большую точку крайне мала, даже при наилучших мероприятиях.

Таким образом в стратегии действие этого рода комбинаций, т.е. геометрического элемента, гораздо ничтожнее, а влияние успеха, фактически уже достигнутого в данном пункте, соответственно является гораздо более значительным. Этот успех всегда располагает достаточным временем, чтобы проявить всю силу своего действия, прежде чем ему в том помешают или даже вполне его парализуют заботы противоположного порядка. Поэтому мы не страшимся признать за вполне установленную истину, что в стратегии число и размах победоносных боев гораздо важнее линий того фасада, в котором эти бои между собою связываются.

Как раз обратный взгляд был излюбленной темой новейшей теории. Этим полагали придать стратегии большее значение. В стратегии видели опять-таки более высокую функцию ума и этим путем думали облагородить войну или, как говорили, совершая новую подмену понятий, сделать ее более научной. Мы считаем одной из основных заслуг более совершенной теории совлечь с подобных взбалмошных идей их незаслуженную репутацию; и так как геометрический элемент представляет собою важнейшее понятие, из которого эти идеи исходят, то мы выдвигаем особенно выпукло именно этот пункт.

Глава 16.

О паузах в военных действиях

Если смотреть на войну, как на акт взаимного уничтожения, то надо мыслить обе стороны в общем стремящимися вперед, но в то же время мы почти с такой же необходимостью должны мыслить

в отношении каждого отдельного момента одну сторону в состоянии выжидания и лишь другую - шагающей вперед, ибо обстоятельства никогда не могут быть совершенно одинаковыми для той и другой стороны. Со временем может произойти перемена, вследствие которой настоящий момент окажется более благоприятным для одной стороны, чем для другой. Если предположить у обоих полководцев полнейшее знакомство с обстановкой, то из последней вытекают побуждения, для одного - к активности, а для другого - к выжиданию. Следовательно у обеих сторон не может быть в одно и то же время интереса к наступлению, но точно так же у них одновременно не может быть интереса к выжиданию. Это взаимное исключение одной и той же цели происходит в данном случае не из общей полярности и следовательно не противоречит положениям, высказанным в V главе 2-й части [78], а из того, что для обоих полководцев в действительности одно и то же. положение является основанием, определяющим их действия, а именно - вероятность улучшения или ухудшения обстановки в будущем.

Но если даже допустить возможность полного равенства обстоятельств в этом отношении или если принять во внимание, что недостаточное знакомство каждого полководца с положением другого рисует их воображению такое равенство, то все же различие политических целей не допустит возможности такой приостановки действий. Одна из двух сторон с политической точки зрения непременно должна быть наступающей, ибо из обоюдной оборонительной цели война не могла бы возникнуть. Но так как у нападающего цель позитивная, а у обороняющегося - только негативная, то первому следовательно приличествует позитивное действие, ибо лишь этим путем он может достигнуть позитивной цели. Поэтому в тех случаях, когда обе стороны находятся в совершенно одинаковых условиях, позитивная цель вызывает наступающего на активные действия.

Таким образом с приведенной точкой зрения пауза в военных действиях, строго говоря, будет противоречить самой природе дела, ибо обе противные армии, как два враждебных элемента, должны непрерывно друг друга уничтожать, подобно тому как вода и огонь никогда не могут оказаться в положении равновесия, но до тех пор будут действовать друг на друга, пока один из этих двух элементов не исчезнет окончательно. Что бы мы оказали о двух борцах, которые целыми часами стояли бы, схватив друг друга и не делая ни малейшего движения? Таким образом казалось бы военные действия должны выливаться в постоянное движение, как заведенный часовой механизм. Но как ни дика и ни свирепа природа войны, все же она скована цепью человеческих слабостей, и проявляющееся в ней противоречие, заключающееся в том, что с одной стороны человек ищет и создает опасности, а с другой - их в то же время боится, никогда не может удивить.

Если мы обратимся к истории войн вообще, то часто мы найдем в ней нечто противоположное такому непрерывному стремлению к цели, и пауза и бездействие покажутся нам основным состоянием армий во время войны, а действия - лишь исключением. Это могло бы чуть ли не поколебать нашу веру в правильность созданных нами положений. Но в то время как военная история подтверждает сомнения массой приводимых ею фактов, ближайший ряд войн вновь оправдывает нашу точку зрения. Революционные войны даже с избытком свидетельствуют о ее реальности и с избытком доказывают ее необходимость. В этих войнах, и особенно в кампаниях Бонапарта, ведение войны достигло той не знающей ограничений степени энергии, которую мы считаем естественным законом войны. Следовательно такая степень возможна, а если возможна, то и необходима.

В самом деле, как разум мог бы оправдать растрату сил, сопряженную с войной, если бы действие не являлось их задачей? Булочник растапливает печь лишь тогда, когда он готовится сунуть в нее свои хлеба; лошадей запрягают в повозку лишь в том случае, если собираются ехать. Зачем же делать огромные усилия, сопряженные с войной, они не должны вызвать ничего другого, как только подобные же усилия со стороны неприятеля?

Вот, что мы можем сказать в защиту общего принципа; теперь - об его видоизменениях, поскольку они вытекают из самой природы дела, а не из конкретных особенностей.

Здесь надлежит отметить 3 причины, которые образуют внутренний противовес и препятствуют тому, чтобы часовой механизм слишком быстрым и непрерывным ходом исчерпал бы свой завод.

1-я причина, которая вызывает постоянную склонность к остановке и через то становится тормозящим началом, это - природная боязливость и нерешительность человеческого духа, своего рода сила тяжести в моральном мире, которая впрочем вызывается не силами притяжения, а силами

отталкивания, а именно - боязнью опасности и ответственности.

В пламенной стихии войны заурядные натуры оказываются слишком тяжеловесными; движение будет длительным лишь в том случае, если оно будет получать сильные и частые импульсы. Одного только представления о цели войны редко бывает достаточно, чтобы преодолеть эту тяжеловесность. Нужно, чтобы во главе стоял воинственный и предприимчивый ум, который чувствовал бы себя на войне, как рыба в воде, в своей подлинной стихии, или чтобы сверху проявлялось сильное давление, иначе неподвижное стояние на месте станет нормой, а наступление будет уже исключением.

2-й причиной является несовершенство человеческой проницательности и суждения; на войне оно выступает особенно ярко; даже собственное положение в каждый данный момент не всегда точно известно, а положение противника, закрытое завесой, должно разглядываться по скудным данным. Благодаря этому часто случается, что обе стороны видят свою выгоду в одном и том же, тогда как данное явление отвечает более интересам одной стороны. В этих условиях обе стороны могут думать, что поступают мудро, выжидая другого момента, как мы об этом уже упоминали в V главе 2-й части [79].

3-я причина, которая задерживает как тормоз ход машины и время от времени вызывает полное затишье, это - превосходство обороны; А может считать себя слишком слабым, чтобы атаковать Б, из чего однако не следует, чтобы Б был достаточно силен, для того чтобы атаковать А. Прирост сил, который дает оборона, не только исчезает в процессе перехода к нападению, но передается противнику, подобно тому как, выражаясь алгебраически, разница между $a + b$ и $a - b$ равна $2b$. Таким образом может случиться, что та и другая сторона не только считают себя слабыми для перехода в наступление, но и действительно слишком слабы для этого.

Итак заботливое благоразумие и страх перед слишком большой опасностью находят внутри самого военного искусства удобные позиции, чтобы доказывать свою правоту и укрощать стихийную необузданность войны.

Тем не менее эти причины, едва ли могут без натяжки об'яснить те продолжительные задержки, которые наблюдались в прежних, не вызванных более глубокими интересами, войнах, когда безделье и праздность занимали девять десятых времени по сравнению с проведенным под ружьем. Такое явление вызывалось главным образом тем влиянием, которое оказывали на способ ведения войны требования одной стороны и состояние и настроения другой, как мы уже говорили в главе о существе и цели войны.

Эти данные могут получить такое подавляющее значение, что война становится половинчатой. Часто войны представляют лишь вооруженный нейтралитет или занятие угрожающего положения, чтобы поддержать ведущиеся переговоры, или же скромную попытку добиться небольшого преимущества и затем выжидать, чем дело окончится, или наконец выполнение тягостной обязанности союзника, которую осуществляют с предельной скупостью.

Во всех подобных случаях, когда столкновение интересов ничтожно, начало вражды слабо и нет охоты особенно навредить противнику, а равно и от него не грозит большой опасности, словом, когда никакой крупный интерес не толкает и не подгоняет, правительства не желают ставить слишком много на карту. Отсюда и появляется то вялое ведение войны, в которой дух вражды, присущий настоящей войне, посажен на цепь.

Чем более война становится половинчатой, тем более у теории ее будет не хватать необходимых точек опоры и оснований для правильного ее построения; диктуемого необходимостью будет все менее и менее и начнет преобладать случайное.

Однако и в такой войне может быть свой разум; даже пожалуй здесь для разума открывается больший простор и более разнообразное поле деятельности, чем в другой войне. Азартная игра со свертками золота словно превращается в коммерческую игру на гроши. И здесь-то ведение войны заполняет время всевозможными мелкими выкрутасами: аванпостными стычками, балансирующими на грани шутки и серьезного дела, пространными диспозициями, не дающими никаких плодов, занятием позиций, выполнением маршей, которые впоследствии признаются учеными лишь потому,

что мелочная, крошечная причина, их обусловившая, для истории оказывается потерянной и простому здравому смыслу они ничего не говорят. Повторяем, именно здесь-то и обретают некоторые теоретики будто бы подлинное военное искусство. В этих фехтовальных приемах старых войн видят они конечную задачу теории; господство духа над материей и войны последних лет кажутся им грубым кулачным боем, который ничему не может научить и на который надо смотреть как на возврат к варварскому состоянию. Такой взгляд столь же мелочен, как и облюбованное ими дело. Там, где отсутствуют большие силы и большие страсти, конечно ловкому уму легче вести свою игру, но разве руководство крупными силами, работа за рулем среди бури, под ударами разъяренных волн, уже сами по себе не являются более высокой деятельностью духа? Разве указанное искусство фехтования не охвачено этим другим видом ведения войны, не является его частицей? Не относится ли первое к последнему, как движения, происходящие на кораблях, к движению самого корабля? Ведь оно может существовать лишь при том безмолвно заключенном условии, что противник будет действовать в том же духе. Но знаем ли мы, как долго он будет подчиняться этому условию? Разве французская революция не обрушилась на нас, охваченных уверенностью в непогрешимости старых приемов, и не отшвырнула нас от Шалона до самой Москвы? А разве перед этим Фридрих Великий подобным же образом не застиг врасплох австрийцев, успокоившихся на своих старых военных навыках, и, не потряс до основания их монархию? Горе правительству, которое со своей половинчатой политикой и скованным военным искусством натолкнется на противника, не задающего ограничений, подобно суровой стихии, для которой нет законов и которая подчиняется только присущим ей самой силам. Тогда всякое упущение в энергии и напряжении ляжет лишней гирей на чашку весов противника; в это мгновение не так легко будет изменить стойку фехтовальщика на позу атлета, и часто будет достаточно небольшого толчка, чтобы все повалить на землю.

Из приведенных оснований следует, что в течение кампании военные действия протекают не в форме непрерывного движения, а толчками, и что между отдельными кровопролитными актами наступают периоды взаимного наблюдения, когда обе стороны занимают оборонительное положение. Обыкновенно более высокие цели, преследуемые одной стороной, дают в ее действиях преобладание началу наступления и в общем заставляют ее занимать активное положение; это несколько видоизменяет ее поведение.

Глава 17. **Характер современной войны[80]**

Внимание, которое мы обязаны уделять характеру современной войны, имеет огромное влияние на все наши предположения, особенно же на стратегические.

С тех пор как отвага и счастье Бонапарта свели на нет все прежде принятые приемы войны и государства первого ранга были сокрушены почти одним ударом; с тех пор как испанцы своей упорной борьбой показали, как много можно достигнуть посредством вооружения и восстания широких масс, несмотря на присущие им слабости и рыхлость; с тех пор как Россия своей кампанией 1812 г. засвидетельствовала во-первых, что государство с большой территорией не может быть завоевано (что впрочем можно было бы знать и заранее), и во-вторых, что вероятность конечного успеха не во всех случаях уменьшается в соответствии с числом проигранных сражений и потерянных столиц и провинций (раньше это представлялось всем дипломатам столь несокрушимым принципом, что у них на такие случаи всегда был наготове плохонький временный мир), но что часто именно в сердце своей страны обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника, уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление; с тех пор наконец как Пруссия в 1813 г. показала, что внезапным усилием при помощи милиции нормальная мощь армии может увеличиться в 6 раз и что эта милиция может быть равно использована как внутри страны, так и для действий за ее пределами - после того как все это показало, какой огромный фактор в комплексе государственной мощи, способное к войне государства и вооруженных сил составляет сердце и настроение народа, после того как правительства смогли научить все эти вспомогательные средства, трудно предполагать, чтобы они оставили их не использованными в будущих войнах, безразлично, будет ли при этом налицо угроза их собственному существованию или их будет толкать могучее честолюбие.

Легко понять, что войны, которые будут вестись всей тяжестью народных масс обеих сторон, должны быть организованы на других началах, чем те, в которых все было рассчитано лишь на

участие постоянных армий. Постоянные армии в общем походили на флоты; сухопутные вооруженные силы в их отношении к остальному государству были подобны морским силам, а потому военное искусство на суше имело черты сходства с морской тактикой; их оно в настоящее время совершенно утратило.

Глава 18. **Напряжение и покой**

Динамический закон войны

В XVI главе этой части мы видели, насколько в большинстве кампаний время, расходуемое на паузы и на покой, превышает периоды собственно действий. Если, как было указано в прошлой главе, современным войнам присущ совершенно иной характер, то все же несомненно, что военные действия наших дней будут также прерываться более или менее продолжительными паузами; это заставляет нас более внимательно рассмотреть существо обоих состояний.

Когда наступает пауза в военных действиях, т.е. когда ни та, ни другая сторона не задается положительной целью, начинается состояние покоя и следовательно равновесия в самом широком смысле этого слова, т.е. равновесия не только физических и моральных сил борьбы, но и всех отношений и интересов сторон. Как только одна из них задается новой положительной целью и для достижения ее приходит в активное состояние, хотя бы это выражалось в одних лишь приготовлениях, и как только другая сторона начинает этому противодействовать, возникает напряжение сил; последнее продолжается до тех пор пока не последует какое-либо решение, т.е. момент, когда одна сторона откажется от своей цели, или другая уступит ей.

За этим решением, основывающимся на успешности боевых комбинаций обеих сторон, следует движение в том или в другом направлении. Когда это движение истощится или вследствие трудностей, которые ему приходится преодолевать, т.е. внутреннего трения, или вследствие возникшего противовеса, то наступает или новый период покоя, или новое напряжение и решение, за которым следует опять новое движение, в большинстве случаев в обратном направлении.

Установление такого умоглядного различия между равновесием, напряжением и движением более существенно для практической деятельности, чем это представляется на первый взгляд.

В состоянии покоя и равновесия может проявляться различная деятельность, а именно такая, которая исходит из требований конкретного случая, но не имеет целью какие-либо крупные перемены. Такая деятельность может в себя включать значительные бои и даже главнейшие сражения, но тем не менее природа ее совершенно иная, а потому и последствия ее по большей части будут иными. Когда имело место напряжение, то последствия решения боем окажутся гораздо более значительными, отчасти потому, что в них проявятся больший волевой импульс и больший натиск обстоятельств, отчасти потому, что все уже приготовлено и налажено для крупного сдвига. Решение напоминает в этом случае действие хорошо заложеного и забитого минного горна, между тем как событие, само по себе столь же крупное, но происшедшее в период покоя, скорее напоминает вспышку пороховой массы на открытом воздухе.

Впрочем состояние напряжения само собой разумеется следует мыслить различных степеней, и оно может таким образом переходить в состояние покоя в такой постепенности, что в низших своих степенях мало чем будет отличаться от последнего.

Существенная польза, которую мы извлекаем из этого рассмотрения, заключается в следующем выводе: всякое мероприятие, к которому прибегают в момент напряжения, важнее и ведет к большим последствиям, чем то же мероприятие, выполненное в состоянии равновесия, и это усугубление значения резко возрастает на высших степенях. Канонада под Вальми имела более решительные последствия, чем битва под Гохкирхом.

Мы должны совершенно иначе располагаться на участке территории, уступленном нам противником, в зависимости от того, обусловлена ли эта уступка тем, что он не в состоянии его защищать, или тем, что он отступил лишь с целью пойти на решение при более благоприятной

обстановке. Когда неприятель находится в периоде прогрессирующего стратегического наступления, одна неудачно выбранная позиция, единичный неправильный марш могут иметь роковые последствия, в то время как при состоянии равновесия эти ошибки должны быть очень резко выраженными, дабы вообще вызвать противника на какую-либо деятельность.

Большая часть времени во множестве прежних войн, как мы уже говорили, протекала в таком состоянии равновесия или же в крайнем случае при таких ничтожных, отделенных большими промежутками, слабых напряжениях, что события, которые в это время происходили, редко имели крупные последствия; [153 часто это бывали акты, пригнанные к случаю дня рождения королевы (Гооскирх), иногда они имели целью поддержать честь оружия (Куннерсдорф) или удовлетворить тщеславие полководца (Фрейберг).

Мы считаем крайне важным, чтобы полководец должным образом отдавал себе отчет в этих положениях и обладал необходимым тактом вести себя, сообразуясь с их духом; на опыте 1806 г. мы убедились, как часто в этом такте ощущается полный недостаток. В момент огромного напряжения, когда все клонилось к решительной развязке, которая одна со всеми своими последствиями должна была сосредоточить на себе все душевные силы полководца, появлялись проекты таких мероприятий и отчасти выполнялись такие действия (рекогносцировки в направлении Франконии), которые разве только в состоянии равновесия могли бы дать колеблющиеся шансы на слабый успех. За всеми этими мероприятиями и соображениями, вносившими путаницу и поглощавшими деятельность, забывалось единственно необходимое и спасительное.

Сделанное нами умозрительное различие важно нам еще для дальнейшего построения нашей теории, ибо все, что мы потом скажем о наступлении и обороне и о выполнении этого двухстороннего акта, связано с состоянием кризиса, в котором находятся силы в момент напряжения и движения, а также потому, что мы смотрим на всю ту деятельность, которая может происходить в периоды равновесия, лишь как на нечто побочное и будем ее трактовать в этом смысле. Отмеченные кризисы и являются подлинной войной, а состояние равновесия представляет лишь ее рефлекс.

Часть IV.

Бой

Глава 1.

Обзор

Рассмотрев в предыдущей части предметы, являющиеся существенными элементами войны, обратим теперь наш взгляд на бой, как на подлинную военную деятельность, которая своими материальными и моральными результатами - то более просто, то более сложно - обнимает весь смысл войны. В этой деятельности и в ее результатах мы должны, следовательно, снова встретиться с рассмотренными элементами.

Конструкция боя относится к тактике; мы бросим на нее лишь беглый взгляд, чтобы ознакомиться с его общим обликом. На практике ближайшие цели каждого боя придают ему своеобразное оформление; с этими ближайшими целями мы познакомимся в дальнейшем изложении. Однако эта своеобразность оформления по сравнению с общими свойствами боя большей частью незначительна, и большинство боев чрезвычайно схоже между собою; поэтому, чтобы избежать повторений, мы вынуждены сначала рассмотреть бой вообще, а потом уже перейти к вопросам ближайшего его применения.

Таким образом, в следующей главе мы в нескольких словах охарактеризуем ход современного сражения в тактическом отношении, ибо таковой лежит в основе наших представлений о бое.

Глава 2.

Характер современного сражения

Согласно тем определениям, которые мы дали тактике и стратегии, само собою разумеется, что

изменение природы тактики должно оказывать влияние и на стратегию. Раз тактические явления имеют в одном случае совсем иной характер, чем в другом, то и стратегические должны в свою очередь приобретать иной характер, чтобы оставаться последовательными и разумными. Поэтому важно охарактеризовать большое сражение в его новом оформлении, прежде чем приступить к изучению его стратегического использования.

Что теперь обычно делают в большом сражении? Спокойно размещают большие массы рядом и в затылок друг другу, в правильном порядке развертывают сравнительно небольшую часть целого и дают этой части часами истощаться в огневом бою, прерываемом время от времени и несколько подталкиваемом отдельными небольшими ударами, штыковыми атаками и кавалерийскими налетами. После того, как выдвинутая часть войск постепенно истощит таким путем свой боевой пыл и от него останется один перегар, ее отводят назад и заменяют другой.

Таким путем бой медленно догорает, смиряя свою стихию, как подмоченный порох, а когда ночной покров продиктует покой, ибо ничего уже нельзя различить и ни у кого нет охоты вверяться слепому случаю, тогда приступают к подсчету того, сколько осталось еще у той и другой стороны боеспособных масс, т.е. таких частей, которые не совсем еще пропали, как пропадают потухшие вулканы вследствие обвала их кратеров. Выясняют, сколько выиграно или проиграно пространства и как обстоит дело с обеспечением тыла; подводятся итоги отдельным впечатлениям храбрости и трусости, ума и глупости, которые подмечались как у себя, так и у противника, и общий учет выливается в одно общее впечатление, из которого слагается решение очистить поле сражения или возобновить бой на следующий день.

Это описание, не задающееся целью дать законченную картину современного сражения, а лишь отмечающее его основной тон, подходит в одинаковой степени и к атакующему, и к обороняющемуся; в него можно ввести отдельные черты, в зависимости от поставленной цели, местности и пр., существенно не изменяя указанного общего тона.

Однако современные сражения не случайно носят такой характер; они таковы потому, что стороны находятся приблизительно на одном уровне военной организации и военного искусства и что военная стихия, раздуваемая крупными национальными интересами, смогла выступить наружу и попала в свою естественную колею.

При наличии этих двух условий сражения всегда будут носить тот же характер.

Это общее представление о современном сражении не раз пригодится нам в дальнейшем изложении, когда мы захотим определить ценность отдельных коэффициентов, каковы силы, местность и пр. Такое описание можно распространить лишь на общие, крупные, решительные бои или приближающиеся к ним; мелкие столкновения тоже изменили свой характер в этом направлении, но в меньшей мере. Их характеристика относится к области тактики; все же впоследствии нам придется пояснить этот вопрос несколькими дополнительными штрихами.

Глава 3. Бой вообще

Бой есть подлинная военная деятельность, и все остальное - лишь ее проводники. Присмотримся внимательно к природе боя.

Бой есть борьба, а цель последней - или уничтожить, или преодолеть противника; противником в каждом отдельном бою является та вооруженная сила, которая нам противостоит.

Такова простейшая концепция боя, к которой мы еще вернемся; но предварительно мы должны дополнить ее целым рядом других представлений.

Если мы вообразим себе государство и его вооруженную силу как единство, то самым естественным представлением, для нас будет мыслить и войну как единичный большой бой; в условиях первобытных взаимоотношений диких народов это приблизительно так и было. Наши же войны состоят в действительности из множества крупных и мелких, одновременных и

последовательных боев, и это раздробление деятельности на множество отдельных актов имеет своим основанием великое многообразие отношений, из которых у нас возникает война.

Даже конечная цель наших войн - политическая цель - не всегда бывает совершенно проста; но хотя бы она и была простой, действие остается связанным с таким множеством условий и соображений, что цель не может быть достигнута посредством одного большого акта, но достигается лишь рядом более или менее крупных и мелких актов, соединенных в одно целое. Каждый из этих отдельных актов есть, следовательно, часть целого, имеющая поэтому свою особую цель; при посредстве последней она и связывается с этим целым.

Выше мы говорили, что каждое стратегическое действие может быть сведено к представлению о бое, так как оно является применением вооруженной силы, а в основе последней всегда лежит идея боя. Таким образом, мы можем в области стратегии свести всю военную деятельность к единствам отдельных боев и иметь дело лишь с целями этих последних. Мы будем знакомиться с этими особыми целями лишь постепенно, по мере того, как будем затрагивать вопросы, которые их обуславливают. Здесь достаточно сказать, что каждый бой, будь то крупный или малый, имеет свою особую цель, подчиненную общему целому. А раз это так, то на уничтожение и преодоление врага надо смотреть лишь как на средство для достижения этой цели. Так оно и есть на самом деле.

Однако этот вывод правилен лишь в данном логическом построении и имеет значение лишь в общей связи, объединяющей между собой все представления; мы его и вскрывали как раз для того, чтобы от него вновь освободиться.

Что значит преодолеть противника? Не что иное, как уничтожить его вооруженные силы смертью, ранами или же каким-нибудь иным способом, будь то раз навсегда или в такой лишь мере, чтобы противник отказался от дальнейшей борьбы. Таким образом, закрывая пока глаза на все особые, частные цели боев, мы можем рассматривать полное или частичное устранение противника как единственную цель всякого боя.

Мы утверждаем, что в большинстве случаев, особенно в крупных боях, особая цель, которая индивидуализирует данный бой и связывает его с целым, составляет лишь незначительное видоизменение этой общей цели или связанную с последней побочную цель; этого видоизменения достаточно, чтобы индивидуализировать данный бой, но оно всегда бывает слишком незначительно по сравнению с общей целью. Отсюда, если достигается одна побочная цель, то осуществляется лишь ничтожная доля назначения боя. Если это утверждение правильно, то придется признать, что подход к уничтожению неприятельских сил лишь как к средству, причем целью всегда будет нечто другое, правилен только в своем логическом построении, но он может привести к ошибочным выводам, если упустить из виду, что именно уничтожение неприятельских вооруженных сил опять-таки содержится в этой цели боя и что она представляет лишь слабое видоизменение стремления к уничтожению противника.

Такое упущение привело во времена, предшествовавшие последней военной эпохе, к совершенно ложным взглядам и тенденциям, породило обрывки систем, при помощи которых теория рассчитывала тем выше подняться над простым ремеслом, чем меньше в ней будет стремление пользоваться подлинным инструментом, т.е. уничтожением неприятельских боевых сил.

Правда, подобная система не могла бы возникнуть, если бы при этом не прибегали и к другим ложным предпосылкам и не ставили на место уничтожения неприятельских вооруженных сил другие задачи, от разрешения которых ошибочно ожидали значительных результатов. Мы будем бороться с этими системами всякий раз, как к этому представится случай, но мы не можем приступить к рассмотрению боя, не подтвердив всего его значения и истинной его ценности и не предупредив о тех искривлениях, к которым может привести утверждение, истинное лишь в формальном отношении.

Но как же мы докажем, что уничтожение неприятельских боевых сил в большинстве случаев, и притом в наиболее важных, составляет самое главное? Какое возражение мы можем выдвинуть против крайне утонченного воззрения, которое мыслит возможным достигнуть больших результатов при помощи особо искусных форм или косвенным путем, сопряженным со сравнительно ничтожным непосредственным истреблением неприятельских сил, или при помощи небольших, но чрезвычайно

искусно нанесенных ударов, настолько парализующих неприятельские силы и воздействующих на волю противника, что на такой метод следовало бы смотреть, как на значительное сокращение пути, ведущего к намеченной цели? Конечно, бой, данный в одном пункте, может иметь большее значение, чем в другом; конечно, и в стратегии имеют место искусный распорядок боев и постановка их в тесную связь между собой; да стратегия в этом искусстве и заключается; мы вовсе не намерены последнее отрицать, но мы утверждаем, что всюду и всегда господствующее значение принадлежит непосредственному уничтожению неприятельских боевых сил. Это господствующее значение, а не что-либо другое, мы и хотим отвоевать для принципа уничтожения.

В связи с этим мы должны напомнить, что находимся в области стратегии, а не тактики, и потому мы говорим не о средствах, которые могут оказаться в распоряжении последней, дабы с малой затратой вооруженных сил уничтожить значительные неприятельские силы. Под непосредственным уничтожением мы разумеем тактические успехи; следовательно, наше утверждение сводится к тому, что лишь крупные тактические успехи могут привести к крупным стратегическим или, как мы уже однажды высказали более определенно, тактические успехи на войне имеют первенствующее значение.

Доказательство этого утверждения представляется нам чрезвычайно простым; оно кроется в том времени, которого требует всякая сложная (искусная) комбинация. Вопрос о том, что даст больший результат, простой ли удар или более сложный, искусный, может быть без колебаний разрешен в пользу последнего, если противник мыслится как пассивный объект. Но каждый сложный удар требует больше времени; это время должно быть ему предоставлено, и притом так, чтобы контрудар против одной части не помешал целому закончить необходимые приготовления к нужному успеху. Если противник решится на более простой удар, выполнимый в короткий срок, то он предупредит нас и затормозит успех большого плана. Поэтому при оценке сложного удара надо принимать в расчет все опасности, которые угрожают ему в процессе подготовки; применять это средство можно лишь тогда, когда нет оснований опасаться помехи со стороны неприятеля путем более короткого удара. При наличии же такого опасения надо самому выбирать более краткий путь и идти по пути упрощения постольку, поскольку того требуют характер противника, условия, в которых он находится, и прочие обстоятельства. Если мы оставим бледные впечатления отвлеченных понятий и спустимся в сферу действительной жизни, то мы увидим, что подвижный, смелый и решительный противник не даст нам времени для искусных комбинаций дальнего прицела, а между тем против такого-то противника искусство нам больше всего и понадобится. Этим, как нам представляется, наглядно устанавливается преимущество простых и непосредственных приемов над сложными.

Таким образом, наше мнение клонится не к тому, что простой удар самый лучший, но что не следует замахиваться шире, чем то дозволяет место, и что дело тем скорее сведется к непосредственному бою, чем воинственнее будет наш противник. Таким образом, не только не следует пытаться превзойти противника в создании сложных планов, но, наоборот, надо стараться всегда опережать его в противоположном направлении.

Если добираться до исходных основ этих двух противоположных начал, то придется признать, что в основании одного лежит ум, в основании другого мужество. Крайне соблазнительно верить, что умеренное мужество в соединении с крупным разумом даст большие результаты, чем умеренный разум, сопряженный с большим мужеством. Если, однако, не рисовать себе эти элементы в неравных и не оправдываемых логикой соотношениях, то мы не имеем никакого права предоставить такой перевес уму над мужеством в той области, которая зовется опасностью и на которую надо смотреть как на подлинное родовое поместье храбрости.

К этому отвлеченному рассмотрению мы лишь добавим, что опыт не только не приводит к другому выводу, но он-то и является единственной причиной, толкающей нас в этом направлении, опыт и заставил нас прийти к таким замечаниям.

Тот, кто без предвзятости знакомится с историей, должен признать, что из всех воинских доблестей энергия в ведении войны всегда более всего содействовала успеху и славе оружия.

Каким образом мы разовьем наш основной принцип - смотреть на уничтожение неприятельских вооруженных сил как на самое главное не только во всей войне в ее целом, но и в каждом отдельном

бою, и как мы сопоставим этот принцип со всеми формами и условиями, вытекающими из отношений, на почве которых возникает война, - это мы увидим впоследствии. Уже приступая к теме, мы стремились к тому, чтобы утвердить за принципом уничтожения боевых сил признание всеобщего его значения; добившись этого результата, мы можем вернуться к бою.

Глава 4. **Бой вообще (Продолжение)**

В прошлой главе мы остановились на том, что уничтожение противника есть цель боя, и особым рассмотрением пытались доказать, что это является истинным в большинстве случаев, и притом в более крупных боях, ибо уничтожение неприятельских боевых сил всегда является господствующим началом на войне. Прочие цели, которые могут быть примешаны к идее уничтожения неприятельских сил и могут даже в некоторых случаях в большей или меньшей степени преобладать, мы охарактеризуем в общих чертах в следующей главе, а ближе с ними ознакомимся постепенно впоследствии. Здесь мы совершенно устраним эти цели из рассмотрения, признав уничтожение сил противника вполне достаточной целью отдельного боя.

Что же надо разуметь под уничтожением неприятельских боевых сил? Относительно большее уменьшение их по сравнению с понесенным нами уроном. Если у нас имеется значительное численное превосходство над противником, то понятно, что абсолютно одинаковый размер урона явится для нас относительно более слабым и должен признаваться нами уже как успех. Так как мы в настоящее время рассматриваем бой, лишенный всяких посторонних целей, то мы должны здесь устранить и ту цель, когда для еще большего уничтожения сил неприятеля бой используется лишь косвенно; [160 мы принимаем в расчет лишь непосредственный выигрыш, который мы приобретаем в этом процессе взаимного истребления, и его считаем целью боя, ибо это абсолютный выигрыш, который выявляется путем подсчета прибылей и убытков всей кампании и который в заключение всегда скажется в виде чистой прибыли.

Всякий другой вид победы над нашим противником имел бы свое обоснование или в других целях, что мы сейчас совершенно оставляем в стороне, или же давал бы временную, относительную выгоду, пример должен нам это пояснить.

Если мы путем искусных мероприятий поставили своего противника в столь невыгодное положение, что он не может продолжать боя, не подвергаясь серьезной опасности, и после некоторого сопротивления отступает, то мы вправе сказать, что мы одолели его на этом пункте; но если мы при этом одолении понесли относительно такие же потери, как и он, то при конечном подсчете прибылей и убытков кампании от этой победы, если такой результат заслуживает этого названия, ничего не останется. Поэтому одоление противника, т.е. постановка его в такое положение, что он должен отказаться от боя, само по себе не должно приниматься в расчет, а потому и не может входить в определение цели; таким образом, остается лишь та непосредственная прибыль, которую мы приобрели в этом процессе взаимного истребления. Сюда относятся не только потери, понесенные врагом во время самого боя, но и те, которые исследуют сейчас же за отходом неприятеля как непосредственное следствие его поражения.

Между тем, как это широко установлено опытом, материальные потери вооруженных сил в течение самого боя редко представляют существенную разницу у победителя и у побежденного, часто даже никакой; порой является даже обратная картина: самые чувствительные потери побежденный несет лишь с началом отхода, и как раз этих потерь не несет наряду с ним победитель. Слабые остатки потрясенных батальонов будут дорублены кавалерией, утомленные отстанут, подбитые орудия и зарядные ящики останутся на месте, другие не могут быть достаточно быстро увезены по испорченным дорогам и будут захвачены преследующей конницей; ночью отдельные колонны собьются с дороги и попадут без сопротивления в руки неприятеля; таким образом, победа принимает реальную форму уже после того, как она решена. В этом заключалось бы противоречие, если бы оно не разрешалось следующим образом.

Вооруженные силы обеих сторон несут во время боя не одни лишь физические потери; войска подвергаются и моральным - потрясению, надлому и уничтожению. При разрешении вопроса, можно ли продолжать бой или нет, приходится считаться не с одними потерями в людях, лошадях и орудиях,

но и с утратой порядка, мужества, доверия, сплоченности и внутренней связи. В таком случае решают главным образом моральные силы; эти же силы исключительно решают вопрос во всех тех случаях, когда потери победителя одинаковы с потерями побежденного.

Сверх того надо иметь в виду, что в течение боя трудно оценить соотношение физических потерь обеих сторон, но этой трудности не существует для оценки соотношения потерь моральных. Показателями этого соотношения служат, главным образом, два явления. Первое - это потеря пространства, на котором идет бой, второе - перевес в резервах. Чем относительно быстрее, по сравнению с противником, тают наши резервы, тем больше расходуем мы сил для поддержания равновесия; уже в этом обнаруживается чувствительный признак морального превосходства противника, который почти всегда вызывает в душе полководца чувство известной горечи и недооценки собственных войск. Основное, однако, заключается в том, что все войска, выдержавшие длительный бой, уподобляются более или менее перегоревшему шлаку: они расстреляли свои огнеприпасы, они растаяли, их физические и моральные силы истощены, да и мужество их, конечно, надломлено. Если, помимо численной убыли, мы будем рассматривать такую воинскую часть как организм, нам придется признать, что эта часть уже далеко не та, какой она была перед боем. Следовательно, потеря моральных сил может быть измерена, как аршином, количеством израсходованных резервов.

Таким образом, потери пространства и недостаток свежих резервов обычно являются главными причинами, определяющими отступление; этим мы, конечно, вовсе не исключаем и не хотим отодвинуть на задний план другие причины, которые могут заключаться во внутренней связи между частями, в общем плане и пр.

Каждый бой, таким образом, является кровопролитным и разрушительным сведением счета сил, как физических, так и моральных. У кого под конец останется наибольшая сумма тех и других, тот и будет победителем.

В бою потеря моральных сил являлась главной причиной, определявшей решение; когда же решение последовало, эта потеря продолжает расти и к концу действий в целом достигает своей кульминационной точки; она, таким образом, становится и средством для победителя нажать барыш на разгроме физических сил, что и составляет подлинную цель боя. Часто при общей потере порядка и единства сопротивление отдельных единиц ведет только к увеличению размеров поражения; мужество в общем подорвано, первоначальное напряжение, вызывавшееся оспариванием победы и поражения и заставлявшее забывать об опасностях, разрядилось; для большинства опасность уже представляется не как призыв к их мужеству, но как тяжкая кара. Таким-то образом уже в первый момент победы неприятельский инструмент оказывается ослабленным и притупленным, поэтому он более непригоден отвечать опасностью на опасность.

Этим-то временем и должен пользоваться победитель, дабы нажать подлинный барыш на разрушении физических сил; лишь то, чего он добьется в этом отношении, явится его реальным плюсом. Моральные силы противника могут мало-помалу возродиться, порядок будет восстановлен, мужество вновь воскреснет, и в большинстве случаев сохранится лишь ничтожная доля приобретенного перевеса, а порою даже и никакого. Иногда, правда редко, при разгоревшихся чувствах, мести и вражды противник может даже перейти в наступление. Результаты же, достигнутые в отношении убитых, раненых, пленных и захваченных орудий, никогда не будут сняты со счета.

Потери в бою состоят преимущественно из убитых и раненых, а после боя - из пленных и из утраченных орудий. Первые в большей или меньшей мере разделяет с побежденными и победитель, последние же - нет, и потому этот вид потерь обыкновенно ложится всецело на одну из борющихся сторон или, во всяком случае, в преобладающем размере.

Поэтому во все времена, по справедливости, смотрели на орудия и пленных как на подлинные трофеи победы и как на ее мерило, ибо в их количестве отражаются с полной несомненностью размеры победы. Даже степень морального превосходства гораздо лучше выясняется из этого, чем из какого-либо другого соотношения, особенно если сравнить с этими трофеями число убитых и раненых; здесь проявляется новая степень воздействия моральных сил.

Мы сказали, что моральные силы, уничтоженные боем и его ближайшими следствиями, постепенно снова восстанавливаются, причем часто не остается и следа их разрушения; это особенно относится к небольшим частям целого, реже - к крупным. Оно может иметь место и по отношению к значительной части вооруженных сил; государство, или правительство, коим принадлежит армия, редко или никогда не смогут изгладить следы морального поражения. Здесь расценивают соотношения сил с меньшим пристрастием и с более высокой точки зрения, и по числу оставшихся в руках противника трофеев и по отношению последних к потерям убитыми и ранеными определяют с большей легкостью и неоспоримостью степень своей слабости и несостоятельности.

В общем мы не должны слишком низко расценивать утрату равновесия моральных сил по той только причине, что они не имеют абсолютной ценности и не значатся непременно в конечной сумме достижений, эта утрата может получить такое подавляющее значение, что она с неудержимой силой опрокинет все остальные. Поэтому достижение морального перевеса может стать великой целью всех действий, о чем мы будем говорить в другом месте. Здесь мы должны рассмотреть еще некоторые первоначальные соотношения перевеса моральных сил.

Моральное влияние победы возрастает не только пропорционально размеру участвовавших в бою вооруженных сил, но растет в увеличивающейся прогрессии в зависимости как от размера боя, так и от его интенсивности. В разбитой дивизии порядок легко восстанавливается; как отдельный окопавшийся член легко согревается теплотою всего тела, так и мужество разбитой дивизии быстро снова возрождается в соприкосновении с мужеством всей армии, как только дивизия к ней присоединится. Если результаты небольшой победы и не исчезнут потом бесследно, то все же частично они будут для противника потерянны. Не то бывает, когда вся армия потерпит поражение в неудачном сражении, тогда все рухнет одно за другим. Один большой огонь достигает гораздо большей степени жара, чем несколько маленьких.

Другое условие, определяющее размер морального веса победы, - это численное соотношение сил, сражавшихся друг против друга. Разбить множество малыми силами - это дает не только двойной выигрыш, но и является свидетельством большого и, что самое важное, общего превосходства, встречи с которым побежденный и в будущем всегда должен опасаться. Однако в действительности такое влияние подобных случаев едва заметно. В момент действия понятие о подлинных силах противника обычно столь неопределенно, оценка своих собственных сил столь неверна, что тот, на чьей стороне превосходство сил, или вовсе не признает несоответствия сил, или долгое время отказывается его признать во всем объеме, вследствие чего ему большей частью удается уклониться от морального ущерба, который должен был бы отсюда для него возникнуть. Обычно лишь позднее на страницах истории раскрывается эта сила, освобождаясь от зажима, в котором ее держали незнание, тщеславие, а также умный расчет; тогда она, правда, окружает ореолом славы армию и ее вождя, но ее моральный вес уже никак не может воздействовать на давно минувшие события.

Раз пленные и захваченные орудия представляют собою явления, в которых главным образом воплощается победа и которые составляют ее подлинную кристаллизацию, то и вся организация боя преимущественно рассчитывается на них; уничтожение противника путем физического истребления и ранений выявляется здесь как простое средство.

Стратегии нет дела до того, какое влияние это оказывает на распорядок боя; однако сама установка боя стратегией уже связывается с этим вопросом, а именно - в отношении обеспечения собственного тыла и угрозы тылу противника. От этого в значительной степени зависят число пленных и захваченных орудий, тут тактика не всегда окажется в достаточной степени компетентною, если стратегические условия ей будут чересчур противоречить.

Угроза быть вынужденным сражаться на два фронта и еще более страшная опасность утратить последний путь отступления парализуют движения и силу сопротивления и воздействуют на альтернативу победы и поражения; кроме того, они в случае поражения увеличивают потери и доводят их порою до крайнего предела, т.е. до полного уничтожения. Таким образом, угрожаемый тыл делает поражение одновременно и более вероятным и более решительным.

Отсюда возникает верный инстинкт для всего ведения войны, и в особенности для крупных и мелких боев: обеспечивать свой собственный тыл и выигрывать тыл противника; он вытекает из

понятия победы, которое, как мы видим, включает в себе не только смертоубийство, но и нечто другое.

В этом стремлении мы видим первое уточняющее определение боя, и притом чрезвычайно общее. Действительно, нельзя представить себе боя, в котором это стремление в своем одностороннем или двустороннем оформлении не выявлялось бы наряду с простым приложением силы. Даже самый мелкий отрядик не бросится на врага, не подумав о своем отступлении, и в большинстве случаев он будет покушаться на путь отступления противника.

Как часто в сложной обстановке этот инстинкт встречает препятствия на своем прямом пути, как часто он бывает вынужден уступать другим соображениям более высокого порядка, - рассмотрение всего этого завело бы нас слишком далеко; мы довольствуемся тем, что выдвигаем его как общий, естественный закон боя.

Этот инстинкт действует повсюду, всюду оказывает давление своим естественным весом и становится тем центральным пунктом, вокруг которого вертятся почти все тактические и стратегические маневры.

Если мы еще раз бросим взгляд на совокупное понятие победы, то найдем в нем три элемента:

- 1) Большие потери физических сил противника.
- 2) Такие же - моральных.
- 3) Открытое признание в этом, выраженное в отказе побежденного от своего намерения.

Донесения обеих сторон о размере потерь убитыми и ранеными никогда не бывают точны, редко - правдивы, а в большинстве случаев переполнены умышленными извращениями. Даже сообщения о трофеях редко бывают достоверными, и, следовательно, там, где число их не слишком значительно, остается еще место для сомнений в действительности победы. Для суждения о потерях моральных сил нет какого-либо удовлетворительного мерила, за исключением трофеев; таким образом, во многих случаях лишь отказ от боя представляется единственно верным доказательством победы. На него можно смотреть, вместе с тем, как на признание своей вины склонением знамени; в данном единичном случае выражают признание правоты и превосходства противника, эта черта унижения и позора, которую надо особо выделить из числа прочих моральных последствий нарушенного равновесия, составляет существенную черту победы. Она - единственная, которая производит впечатление на общественное мнение вне армии, воздействует на народы и правительства обеих воюющих сторон и на все другие причастные страны.

Но отказ от своего намерения не вполне тождественен с уходом с поля сражения даже в том случае, если бой был упорен и продолжителен; никто не скажет о сторожевом охранении, которое отступило после упорного сопротивления, что оно отказалось от своей задачи; даже в тех боях, которые имеют своей задачей уничтожение боевых сил противника, нельзя всегда видеть в уходе с поля сражения отказ от этого намерения, например, при преднамеренном отступлении, когда территорию отстаивают пядь за пядью. Всего этого мы коснемся тогда, когда будем говорить об особых целях боя; здесь мы хотим лишь обратить внимание на то, что в большинстве случаев отказ от своего намерения трудно бывает отличить от ухода с поля сражения и что не следует придавать слишком малое значение тому впечатлению, какое последнее произведет на армию и вне ее.

Для полководцев и армий, которые еще не приобрели прочной репутации, это составляет особо трудную сторону иногда вполне обоснованной обстановкой мероприятия; ряд боев, заканчивающихся отступлением, может производить впечатление ряда поражений, в действительности не будучи таковым, и такое впечатление может оказать чрезвычайно вредное влияние. В этом случае отступающий не в состоянии полностью бороться с этим моральным впечатлением, излагая свои действительные намерения, ибо, чтобы исполнить это с надлежащим успехом, он должен был бы целиком обнародовать свой план, что, очевидно, противоречило бы его основным интересам.

Чтобы обратить внимание читателя на особое значение этой стороны победы, мы напомним хотя

бы сражение при Сооре, трофеи которого были незначительны (несколько тысяч пленных и 20 пушек) и где Фридрих Великий тем лишь подчеркнул свою победу, что еще пять дней оставался на поле сражения, хотя его отступление в Силезию уже было решено и вполне соответствовало общей обстановке. Он предполагал, что моральный вес этой победы приблизит его к миру, как он сам говорил об этом; но понадобилось еще несколько успехов - при Католиш-Геннерсдорфе, в Лузании и сражение при Кессельсдорфе, - раньше, чем мир был заключен; все же неким образом нельзя утверждать, что моральное действие сражения при Сооре равнялось нулю[81].

Если победой будут потрясены преимущественно моральные силы и если вследствие этого поднимется до неслыханных размеров число трофеев, то проигранный бой становится полным поражением, которое, следовательно, является результатом не всякой победы. Так как при подобном поражении моральные силы побежденного разлагаются в гораздо большей степени, то часто наступает полнейшая неспособность к сопротивлению, и вся дальнейшая деятельность сводится к уклонению от боя, т.е. к бегству.

Иена и Бель-Альянс[82] полны поражения. Бородино же - нет.

Не впадая в педантизм, нельзя указать какой-либо единичный признак в качестве грани, так как эти явления различаются лишь в степенях; но очень важно для ясности теоретических представлений установить понятия, характеризующие центральную часть явлений. Недостаток нашей терминологии: одним и тем же словом мы обозначаем как победу при полном поражении противника, так и победу при обычной его неудаче.

Глава 5. О значении боя

После того, как в прошлой главе мы рассмотрели бой в его абсолютном оформлении, подобном уменьшенной картине всей войны, обратимся теперь к тем отношениям, в которых бой, как часть большого целого, находится к другим частям. Прежде всего поставим вопрос о ближайшем значении, какое может иметь бой.

Так как война является взаимным уничтожением, то, казалось бы, и в нашем представлении, а может быть, и в действительности, самым естественным было бы, чтобы обе стороны сосредоточили в огромный кулак все свои силы и исход вверили одному объединенному удару этих масс. Несомненно, это представление содержит много правды, и, по-видимому, в общем чрезвычайно полезно его придерживаться и смотреть поэтому на мелкие стычки, как на неизбежный отход, своего рода стружки. Между тем дело никогда так просто не делается.

Что число боев растет с раздроблением сил, понятно само собою; ближайшие цели частных боев будут поэтому рассмотрены совместно с вопросом о разделении сил. Но эти цели и вместе с ними всю массу боев можно в общем разделить на известные классы; для ясности нашего рассмотрения необходимо теперь же с ними познакомиться.

Конечно, уничтожение неприятельских сил составляет цель каждого боя: однако с ним могут быть связаны и другие цели, причем последние могут даже преобладать в отдельных случаях; отсюда нам следует различать те случаи, когда уничтожение сил противника составляет главную задачу, от тех, когда оно является скорее средством. Помимо уничтожения неприятельских сил, общим назначением боев может быть обладание каким-либо пунктом или предметом; одновременно может иметь место одно из этих назначений или же несколько сразу; в последнем случае, однако, одно из них будет первенствующим. Обе основные формы войны - наступление и оборона, - о которых мы скоро будем говорить, не изменяют первого из этих трех назначений боя, но безусловно видоизменяют оба последние, и на этом основании мы могли бы составить следующую таблицу: Наступательный бой
Оборонительный бой
1. Уничтожение неприятельских сил. 1. Уничтожение неприятельских сил. 2. Захват пункта. 2. Оборона пункта. 3. Захват предмета. 3. Оборона предмета. Однако эти три назначения, по-видимому, не исчерпывают всего объема этой области; вспомним о рекогносцировках и демонстрациях, при которых, очевидно, ни один из трех вышеуказанных объектов не составляет цели боя. Таким образом, возможно допустить еще четвертый класс. Строго говоря, при рекогносцировках, когда мы хотим заставить неприятеля обнаружить свои силы, при тревогах, когда

мы думаем его утомить, при демонстрациях, когда мы его хотим задержать на месте или заставить направиться на другой пункт, - все эти цели достигаются не непосредственно, а лишь под видом одной из трех вышеприведенных задач, обычно второй, ибо противник, желающий произвести рекогносцировку, должен показать вид, будто он действительно имеет намерение напасть на нас и разбить или выбить из позиции и т.д. Однако эта фикция не есть действительная цель, а мы ставим вопрос лишь о последней; поэтому к этим трем целям нападающего мы должны еще добавить четвертую, заключающуюся в том, чтобы принудить противника к ложному для него шагу, или, иными словами, дать демонстративный бой. Такая цель мыслима лишь при наступлении, что вытекает из природы дела.

С другой стороны, надо заметить, что оборона какого-нибудь пункта может быть двух родов: безусловная, когда этот пункт вообще не должен быть сдан, или относительная, когда он нужен лишь временно. Последнее весьма часто имеет место в столкновениях сторожевых частей или арьергардов.

Что природа этих различных назначений боя оказывает существенное влияние на его организацию, - ясно само собою. Иначе будут действовать, когда просто хотят вытеснить с позиции неприятельский отряд, чем когда его хотят разбить наголову; иначе - когда хотят защищать какой-нибудь пункт во что бы то ни стало, чем когда стремятся лишь к тому, чтобы на время задержать неприятеля; в первом случае мало заботятся об условиях отступления, во втором они представляют самое существенное и т.д.

Но все эти соображения относятся к области тактики и приводятся нами здесь лишь в качестве примера для большей ясности. То, что стратегия имеет сказать об этих различных целях боя, найдет себе место в тех главах, которые коснутся этих целей. Ограничимся здесь лишь несколькими общими замечаниями: первое - то, что значение целей уменьшается приблизительно в том порядке, в каком у нас они помещены выше; второе, - что первая цель должна всегда преобладать в генеральном сражении; и наконец, что обе последние цели при оборонительном бое не сулят, собственно говоря, никаких выгод; они совершенно негативны и могут явиться полезными лишь косвенным образом в том случае, когда они облегчают достижение чего-то иного, позитивного. Поэтому для стратегического положения является плохим признаком, когда подобного рода бои учащаются.

Глава 6. **Продолжительность боя**

Если мы будем рассматривать бой не сам по себе, а в отношении его к вооруженным силам, то его продолжительность приобретает своеобразное значение.

На продолжительность боя надо до известной степени смотреть, как на некий результат второстепенного порядка. Для победителя бой никогда не заканчивается слишком быстро, для побежденного он никогда не длится слишком долго. Быстрота победы представляется высшим ее достижением[83]; поздний исход при поражении представляет некоторое возмещение неудачи.

В общем это так, но практически это становится важным в применении к тем боям, значение которых сводится к относительной обороне.

Здесь весь успех часто заключается в одной лишь продолжительности боя. На этом основании мы ее вводим в число стратегических элементов.

Продолжительность боя находится в зависимости от его существенных данных. Эти данные следующие: абсолютная численность войск, соотношение сил и родов войск обеих сторон и характер местности. 20000 человек не так быстро перемалываются друг о друга, как 2000; противнику, вдвое или втрое сильнейшему, нельзя противостоять так же долго, как противнику, равному по силам; кавалерийский бой разрешается скорее, чем бой пехоты, а бой одной пехоты скорее, чем бой пехоты в соединении с артиллерией; в горной и лесистой местности не так быстро продвигаются, как на равнине; все это ясно само собою.

Отсюда следует, что если бой должен достигнуть результата своей продолжительностью, то необходимо иметь в виду численность войск, соотношение родов войск и их расположение. Впрочем,

это правило является для нашего рассмотрения маловажным; мы хотим лишь связать с ним главные результаты, которые по этому предмету нам дает опыт.

Соппротивление, которое может оказать обыкновенная дивизия из 8000 10000 человек всех родов войск, длится, даже против значительно превосходящих сил неприятеля и при не вполне благоприятной местности, все же несколько часов, а если противник мало превосходит ее силами или равен ей, то, пожалуй, и полдня; корпус, состоящий из 3 или 4 дивизий, может выиграть вдвое большее время, армия в 80000-100000 человек - втрое или вчетверо больше. Следовательно, на указанный период эти массы могут быть предоставлены самим себе, и бой явится не раздробленным, если тем временем можно подвести остальные силы; действие последних тогда быстро сливается в одно целое с результатами, достигнутыми разгоревшимся боем.

Эти цифры мы почерпнули из опыта; но нам также важно полнее охарактеризовать момент решения боя и, следовательно, его окончания.

Глава 7. Решение боя

Никогда решение боя не наступает в один определенный момент, хотя в каждом бою бывают моменты величайшей важности, которые главным образом и обуславливают его участь. Таким образом, проигрыш боя есть постепенное опускание чаши весов. Но во всяком сражении наступает такой момент, когда его можно считать решенным, так что возобновление боя явилось бы началом нового боя, а не продолжением старого. Весьма важно составить ясное представление об этом моменте, чтобы иметь возможность решить, можно ли еще возобновить с пользой бой при помощи подоспевших подкреплений.

Часто в боях, неудачное течение которых исправить уже невозможно, жертвуют понапрасну новыми силами; но часто пропускают и случай вырвать победу там, где это еще возможно. Вот два примера, ярко это доказывающие.

В 1806 г. под Иеной принц Гогенлоэ принял с 35000 человек сражение против 60000 или 70000 человек Бонапарта и проиграл его, но так проиграл, что эти 35000 были как бы совершенно разгромлены, тогда генерал Рюхель попытался возобновить сражение с 12000 человек; последствием этого был мгновенный разгром и этих 12000.

В тот же день под Ауэрштедтом сражались 25000 пруссаков против 28000 человек корпусов Даву; хотя до полудня бой был и неудачен, однако войска далеко еще не находились в состоянии разложения, и потери пруссаков не превышали потерь противника, у которого вовсе не было кавалерии, - тут упустили случай использовать 18000 человек резерва генерала Калькрейта, чтобы дать сражению новый оборот; при таком использовании свежего резерва сражение не могло быть проиграно.

Каждый бой составляет одно целое, в котором частичные бои сливаются в один общий результат. В этом общем результате и заключается решение боя. Этот результат не должен быть непременно победой в том смысле, как мы ее изобразили в VI главе[84], ибо часто бой не имел соответственной установки, а иногда для этого не представлялось подходящего случая, так как противник мог слишком рано отступить, но в большинстве случаев, даже там, где имело место упорное сопротивление, решение наступает раньше, чем разовьется тот успех, который, собственно, и составляет сущность понятия победы.

Итак, мы ставим вопрос, когда же наступает обычно момент решения, т.е. тот момент, когда новые, - конечно, соразмерные, - силы уже не могут изменить несчастного исхода боя.

Если оставить в стороне демонстративные бои, которые по самой своей природе не допускают решения, то такими моментами будут:

1. Когда целью боя было обладание подвижным предметом, то решительным моментом явится утрата этого предмета.

2. Когда такою целью было обладание участком местности, то в большинстве случаев решительным моментом явится также его утрата, но не всегда, а именно лишь в том случае, когда этот участок был особо силен в оборонительном отношении; участок, легко доступный, как бы он ни был важен в других отношениях, может быть снова занят без особых трудностей.

3. Во всех остальных случаях, когда оба эти обстоятельства еще не решают боя, - следовательно, когда уничтожение неприятельских сил составляет главную цель, - решение наступает в тот момент, когда победитель перестает находиться в состоянии расстройств и, следовательно, известного бессилия, и таким образом прекращается возможность выгодного использования последовательного напряжения сил, о котором мы говорили в XII главе 3-й части. По этой-то причине мы и отнесли к этому моменту стратегическое единство боя.

Таким образом, бой, в котором успевающая сторона вовсе не вышла из состояния порядка и дееспособности или утратила таковые лишь в малой части своих сил, в то время как наши силы более или менее расстроились, - такой бой восстановить уже нельзя, как нельзя его восстановить в том случае, когда противник успел вполне восстановить свою боеспособность.

Следовательно, чем меньше та часть вооруженных сил, которая непосредственно сражается, и чем больше та их часть, которая в качестве резерва своим простым присутствием участвует в достижении решения, тем менее возможности у свежих частей противника вновь вырвать у нас из рук победу. Тот полководец и та армия, которые достигли наибольшего в смысле ведения боя с наивысшей экономией сил и используют в наибольшей мере моральное действие сильных резервов, идут по наиболее верному пути к победе. В последнее время приходится признать за французами, особенно под командой Бонапарта, огромное мастерство в этом отношении.

Далее, момент, когда у победителя проходит состояние боевого кризиса и к нему возвращается его прежняя дееспособность, наступает тем скорее, чем данная единица меньше. Конный сторожевой пост, карьером преследующий противника, в несколько минут снова перейдет в прежний порядок, и кризис продолжается у него только это время; целому кавалерийскому полку потребуются на это большой срок; еще больше - для пехоты, если она рассыпалась в стрелковые цепи, и, наконец, еще больше времени требуется для отряда из всех родов войск, когда одна часть его развернулась на одном случайном направлении, другая - на другом, и бой, таким образом, вызвал нарушение порядка, усиливающееся обыкновенно еще и тем, что ни одна часть толком не знает, где находятся другие. Тут-то наступает момент, когда победитель снова собирает бывший в употреблении инструмент, который весь перемешался и пришел в беспорядок, как-то его устраивает, размещает на подходящем месте и таким образом вновь приводит в порядок свою боевую мастерскую; такой момент наступает всегда тем позже, чем крупнее была войсковая часть.

Указанный момент еще более запаздывает, если ночь застает победителя в состоянии кризиса и, наконец, если местность пересеченная и закрытая. Но к этим двум пунктам следует добавить, что ночь - сильное средство защиты, ибо обстановка лишь редко складывается так, что можно ожидать успеха от ночных нападений, как это было, например, 10 марта 1814 г. под Ланом^[85], где Йорк явил прекрасный пример при столкновении с Мармоном. Точно так же закрытая и пересеченная местность может дать защиту победителю, переживающему затянувшийся кризис, против возможной реакции. Таким образом, оба эти обстоятельства - ночь и закрытая пересеченная местность - скорее затрудняют, чем облегчают возобновление того же самого боя.

До сих пор мы рассматривали помощь, спешащую к той стороне, которая близка к поражению, лишь как простое увеличение ее вооруженных сил, т.е. как непосредственно сзади подходящее подкрепление, что обычно и имеет место. Совсем иным является случай, когда эта помощь выйдет на фланг или в тыл противника.

О действительности атаки с фланга и тыла, поскольку это касается стратегии, мы поговорим в другом месте; атака, которую мы здесь имеем в виду при восстановлении боя, относится преимущественно к области тактики; [171 мы заговорили о ней лишь потому, что здесь мы ведем речь о результатах тактических действий и должны вторгнуться с нашими представлениями в область тактики.

Направление сил во фланг или в тыл неприятеля может значительно усилить их действенность; последнее, однако, не является неперменным результатом; такое направление может точно так же и очень ослабить их действие. Конкретные условия, в которых происходит бой, решают этот вопрос, как, впрочем, и все другие вопросы, и мы не можем сказать ничего более подробного. Для нас в настоящее время важны два пункта: во-первых, атаки с фланга и тыла, как общее правило, влияют более на размеры успеха после исхода боя, чем на самый исход. А между тем при восстановлении боя самое важное искать благоприятного решения, а не размеров успеха. С этой точки зрения надо бы считать, что подоспевшее к нам для восстановления боя подкрепление будет действовать менее выгодно для нас, когда оно направлено в тыл или фланг противника, так как действует отдельно от нас, чем когда оно непосредственно к нам присоединяется. Несомненно, во многих случаях это будет так; однако надо сказать, что большинство случаев свидетельствует об обратном, и притом по причине, указанной во втором пункте, имеющем для нас в данном случае особую важность.

Этот второй пункт заключается в моральной силе внезапности, которая, как общее правило, сопровождает появление подоспевшего для восстановления боя подкрепления. Действие внезапности при атаке с фланга и с тыла всегда бывает особенно сильно, и сторона, находящаяся в состоянии сопровождающего победу кризиса, при ее растянутом и разбросанном положении мало способна противодействовать этой внезапности. Всякому ясно, что удар во фланг или в тыл, имеющий мало значения в начале боя, когда силы еще сосредоточены и подготовлены к такой случайности, получит совершенно иной вес в последний момент боя.

Таким образом, приходится признать, что в большинстве случаев помощь, вышедшая на фланг или тыл неприятеля, будет гораздо более действительной; она явится таким же грузом, но давящим на более длинный рычаг. При таких обстоятельствах восстановление боя можно предпринять с силами, которых оказалось бы недостаточно, если бы их использовать в прямом направлении. Тут последствия не поддаются никакому расчету, так как преобладание полностью получают моральные силы и открывается широчайшее поле для отваги и риска.

Эти вопросы не должны ускользнуть от нашего внимания, и все эти моменты взаимодействующих сил должны быть учтены, когда в сомнительном случае приходится принимать решение, можно ли восстановить бой, клонящийся к поражению, или нет.

Если данный бой нельзя еще рассматривать как уже законченный, то новый бой, открывающийся при посредстве подоспевшего подкрепления, сливается воедино с предыдущим в одном общем результате. Не так бывает, когда бой уже окончательно решен; тут получают два отдельных результата. Если подоспевшее подкрепление представляет силу лишь относительно, т.е. если само по себе оно не может сравняться с неприятелем, то трудно рассчитывать на успешный исход этого второго боя; если же оно достаточно сильно для того, чтобы предпринять второй бой, не считаясь с результатом первого, то хотя подкрепление и может возместить неудачу первого боя успехом второго, но совершенно вычеркнуть первый из общего подсчета оно не может.

В сражении под Куннерсдорфом Фридрих Великий с первого же натиска захватил левое крыло русской позиции и взял 70 орудий, но к концу сражения и то и другое было утрачено, и весь результат первого боя был вычеркнут со счета. Если бы было возможно остановиться на первом успехе и отложить вторую часть боя до следующего дня, то, даже если бы Фридрих и проиграл это второе сражение, все же успехи первого могли бы уравновесить неуспех второго.

Но если удалось овладеть течением неудачного боя и повернуть его в свою пользу еще до окончания, то не только исчезает из нашего счета связан еще большей победы. В самом деле, если ясно представить себе тактический ход боя, то легко убедиться, что до его завершения все результаты частичных боев представляют собою как бы условные приговоры, которые не только аннулируются общим успехом, но и могут получить совершенно обратное значение. Чем больше ваши вооруженные силы разгромлены, тем больше о них разбилась неприятельских сил, тем, следовательно, сильнее будет кризис и у неприятеля и тем больший перевес получают наши свежие подкрепления. Если конечный результат обернется в нашу пользу, если мы вырвем из рук неприятеля поле сражения и захваченные им трофеи, то все затраченные им ради них силы окажутся нашей чистой прибылью, а наше начальное поражение обратится в ступень к более высокому триумфу. Самые блестящие военные подвиги, которые в случае победы так высоко подняли бы имя вашего противника, что он мог бы и не

считаться с потерями, оставляют по себе теперь лишь сожаление о напрасно принесенных жертвах. Так очарование победы и проклятие поражения изменяют специфический вес частных случаев.

Даже тогда, когда мы решительно превосходим силами противника и можем отплатить ему за нанесенное нам поражение еще большим, все же гораздо лучше предупредить неблагоприятный исход сколько-нибудь значительного боя и постараться обратить его в свою пользу, чем давать второе сражение.

Фельдмаршал Даун в 1760 г. пытался прийти на помощь генералу Лаудону под Лигницем, пока последний еще вел бой; но когда этот бой закончился неудачей, он уже не пробовал напасть на короля на следующий день, хотя сил у него было достаточно.

Поэтому кровопролитные авангардные бои, предшествующие сражению, должны рассматриваться как необходимое зло; там, где в них не является необходимость, их следует избегать.

Нам надо рассмотреть еще другое следствие.

Раз законченный бой представляет собою дело завершенное, то он не может служить основанием для того, чтобы решиться на другой бой; решение на новый бой должно вытекать из условий обстановки в целом. Однако подобному выводу противится известная моральная сила, с которой нам приходится считаться: чувство мести и жажда возмездия. Они живут в душе всякого, начиная с полководца и кончая самым младшим барабанщиком, и никогда армия не бывает лучше настроена, чем когда дело идет о том, чтобы загладить понесенную неудачу. Но это имеет место лишь при предпосылке, что разбитая часть не составляет слишком значительной доли целого; иначе это чувство угаснет в сознании своего бессилия.

Поэтому вполне естественна тенденция использовать эту моральную силу, чтобы вернуть утраченное, и затем, если прочие обстоятельства не препятствуют, добиваться второго боя.

Естественно, что этот второй бой будет по большей части наступательным.

В целом ряде второстепенных боев можно найти много примеров такой отместки; но крупные сражения обычно имеют слишком много других оснований, определяющих их возникновение, чтобы их могла породить такая сравнительно слабая сила.

Бесспорно, подобное чувство руководило 14 февраля 1814 г. благородным Блюхером, когда он, после того, как два его корпуса за три дня перед тем были разбиты под Монмиралем, решил пойти с третьим на это же поле сражения. Если бы он знал, что застанет там самого Бонапарта, то, конечно, более веские основания побудили бы его отложить свою месть, но он рассчитывал отплатить Мармону, и, вместо того чтобы пожать плоды своей благородной жажды возмездия, он потерпел поражение из-за ошибочности своего расчета.

Расстояние, на котором можно держать одну от другой войсковые массы, предназначенные для совместного ведения боя, находится в зависимости от продолжительности боя и от момента его решения. Эта группировка относится к тактике, поскольку она имеет в виду один и тот же бой; однако на нее можно смотреть с этой точки зрения лишь тогда, когда группировка настолько тесна, что два отдельных боя немислимы и что, таким образом, пространство, занимаемое целым, стратегически может рассматриваться как точка. Но на войне часто встречаются случаи, когда силы, предназначенные для совместного нанесения удара, приходится располагать так далеко друг от друга, что хотя их соединение для совместного боя и представляет главную задачу, однако не исключается и возможность раздельных боев. Такая группировка является, следовательно, стратегической.

Подобная стратегическая группировка бывает при совершении маршей отдельными массами и колоннами, при наличии авангардов и отдельных резервов, следующих по промежуточным (боковым) путям и назначенных служить подкреплением более чем одному стратегическому пункту, при сосредоточении отдельных корпусов с широкими квартир и т.д. Мы видим, что с такой группировкой приходится иметь дело постоянно; она составляет как бы разменную монету в стратегическом хозяйстве, в то время как генеральные сражения и все то, что стоит с ними наравне, представляют

золотую монету и талеры.

Глава 8. **Обоюдное согласие на бой**

Ни один бой не может произойти без согласия на то обеих сторон; из этой идеи, составляющей всю основу поединка, возникла фразеология историков, которая часто приводила ко многим неопределенным и ошибочным представлениям.

Рассуждения писателей часто вращаются около того пункта, что такой-то полководец предложил сражение другому, а последний его не принял.

Между тем бой представляет собою чрезвычайно видоизмененную дуэль, и его основа заключается не только в обоюдной жажде борьбы, т.е. в обоюдном согласии, но и в целях, которые связываются с боем; эти последние всегда относятся к более крупному целому; ведь даже война в целом, рассматриваемая как единая борьба, имеет политическую цель и поставлена в политические условия, относящиеся к другому, более обширному целому. Таким образом, голое желание одного победить другого совершенно отходит на второй план или, вернее, совершенно перестает быть чем-то самодовлеющим; на него можно смотреть лишь как на нерв, побуждающий к движению во исполнение воли высшего порядка.

У древних народов, а затем и в первое время по возникновении постоянных армий, выражение - тщетно предложить неприятелю бой - все же имело больше смысла, чем в наши дни. У древних народов действительно все было рассчитано на то, чтобы померяться между собою в борьбе в открытом поле, без всяких помех, и все военное искусство заключалось в организации и построении армии, т.е. в боевом порядке.

Так как их армии всякий раз неукоснительно окапывались в своих лагерях и на позицию, занимаемую лагерем, смотрели, как на нечто неприкосновенное, то бой становился возможным лишь тогда, когда противник покидал свой лагерь и выходил на доступную местность, как бы выступая на арену.

Поэтому, когда говорят, что Ганнибал тщетно предлагал сражение Фабию, то это по отношению к последнему ничего не выражает, кроме того, что сражение не входило в его планы, а это еще не доказывает ни морального, ни материального превосходства Ганнибала; но по отношению к Ганнибалу это выражение все же правильно, ибо оно гласит, что Ганнибал действительно желал боя.

В первые времена постоянных армий новой истории подобные же условия сопровождали крупные бои и сражения. Большие массы вводились в бой и действовали в бою в общем боевом порядке; эти массы, как одно беспомощное, неповоротливое целое, нуждались в более или менее равнинной местности и оказывались совершенно непригодными для нападения и даже для обороны на очень пересеченной, лесистой или гористой местности. Таким образом, обороняющаяся сторона и здесь до известной степени находила возможность уклоняться от боя. Эти условия, постепенно ослабевая, все же сохранились вплоть до первых Силезских войн, и лишь во время Семилетней войны нападение на противника, даже на малодоступной местности, все более и более начало входить в обычай и практику; правда, недоступная местность не переставала и дальше служить началом, подкрепляющим того, кто ею пользовался но она уже перестала быть тем заколдованным кругом, который зачаровывал природные силы войны.

За последние 30 лет[86] война еще более сложилась в этом направлении, и тому, кто действительно ищет решения посредством боя, ничто не может помешать: он волен отыскать своего противника и атаковать его; если он этого не делает, то о нем нельзя сказать, что он желает боя, и выражение, что он якобы предлагал сражение, которое его противник не принял, означает лишь то, что он не нашел достаточно выгодных для себя условий для боя; это будет уже признанием, к которому указанное выражение вовсе не подходит и которое оно стремится лишь затуманить.

Правда, обороняющаяся сторона, если она оставит занимаемую позицию и откажется от связанной с ней роли, может и теперь если не отказаться от боя, то уклониться от него; но тогда для

атакующего в этом результате будет заключаться уже полупобеда и признание его временного превосходства.

Поэтому в наши дни этот род представлений, относящийся к дуэли, не может применяться для окрашивания словесным триумфом бездействия того, за кем почин действий, т.е. наступающей стороны. Теперь обороняющийся, пока не отступит, может считаться желающим боя; он может, конечно, заявить, если на него не нападают, что он-де предлагал бой, если бы это не разумелось само собой.

С другой стороны, в настоящее время армию, желающую и имеющую возможность уклониться от боя, принудить к бою нелегко. А так как нападающего не всегда удовлетворят те выгоды, которые он приобретает благодаря такому уклонению противника, и действительная победа становится для него настоятельной необходимостью, то порою изыскиваются и применяются с большим искусством те немногие средства, какие существуют, чтобы такого противника принудить к бою.

Главнейшими средствами для этого служат: во-первых, окружение противника, дабы сделать для него отступление невозможным или настолько затруднительным, что он предпочтет принять бой, и, во-вторых, внезапное нападение на него. Последний прием, который в прежние времена находил свое основание в беспомощности всех движений, в наши дни оказывается весьма малодействительным. При своей гибкости и подвижности современные армии уже не боятся начинать отступление даже на глазах противника, и лишь особо неблагоприятные условия местности могут причинить значительные затруднения.

Подобный случай представляет сражение при Нересгейме, которое эрцгерцог Карл дал Моро в суровой альпийской местности 11 августа 1796 г. исключительно с целью облегчить себе отступление; впрочем, признаемся, мы в данном случае никогда не могли полностью разобраться в ходе мыслей этого знаменитого полководца и военного писателя.

Сражение при Росбахе представляет другой пример, поскольку главнокомандующий армиями союзников действительно не имел намерения атаковать Фридриха Великого.

О сражении у Соора король сам сказал, что он принял бой лишь потому, что отступление перед лицом неприятеля ему показалось опасным; впрочем, король приводит и другие основания для принятия этого сражения.

В общем, надо оказать, что, исключая подлинные ночные нечаянные нападения, такие примеры бывают крайне редко, а случаи, когда противник бывал вынужден к бою вследствие окружения, встречаются лишь по отношению к отдельным корпусам, как, например, по отношению к корпусу Финка у Макоена.

Глава 9. Генеральное сражение

Решение его

Что такое генеральное сражение? Это бой главной массы вооруженных сил, но, конечно, бой не маловажный, не преследующий второстепенную цель, не простая попытка, от которой тотчас же отказываются, едва только убедятся, что достигнуть цели будет трудно, а бой с полным напряжением сил за подлинную победу.

И в генеральном сражении к главной цели могут быть примешаны цели побочные; и оно может принять разнообразные оттенки в зависимости от обстоятельств, которые его вызвали, ибо и генеральное сражение связывается с более крупным целым, частью которого оно является. Но так как существо войны есть бой, а генеральное сражение есть бой главных сил, то на него следует смотреть как на действительный центр тяжести войны. В общем, отличительной чертой этого сражения является то, что оно, более чем всякий другой бой, происходит само по себе.

Это влияет на характер его решения, на последствия одержанной в нем победы и определяет его ценность для теории как средства к достижению цели. Поэтому мы делаем его предметом нашего особого рассмотрения, и притом именно здесь, еще до упоминания о тех специальных целях, которые с ним могут быть связаны, но которые, если только бой заслуживает названия генерального сражения, не могут изменить существенным образом его характера.

Раз генеральное сражение происходит главным образом само по себе, то причины его решения должны заключаться в нем самом; другими словами, в генеральном сражении надо добиваться победы до тех пор, пока к тому представляется хотя бы малейшая возможность; отказаться от нее можно не из-за каких-либо частных обстоятельств, а лишь единственно тогда, когда выяснится совершенная недостаточность сил.

Как же ближе определить этот момент?

Когда известный искусственный порядок и расстановка войск, как это довольно долго имело место в новейшем военном искусстве, составляли главное условие, при котором храбрость войска могла добиться победы, то решением являлось расстройство этого порядка. Крыло, разбитое и расшатанное до основания, решало и судьбу еще державшихся частей. Когда в другую эпоху сущность обороны заключалась в тесном единении армии с местностью, на которой она сражалась, с ее неровностями и преградами, так что армия и позиция составляли одно целое, тогда захват важного пункта этой позиции являлся решением. Говорили: ключ позиции утрачен, а потому дольше защищать ее нельзя, дольше продолжать бой невозможно. В обоих случаях разбитые армии напоминали лопнувшие струны инструмента, не годные к дальнейшему употреблению.

Как первое, геометрическое, начало, так и второе, географическое, имели тенденцию создавать в сражавшейся армии состояние напряжения, подобное охватывающему все частицы кристалла, что не позволяло использовать все наличные силы до последнего солдата. В настоящее время эти начала по меньшей мере настолько утратили влияние, что не являются господствующими. И теперь армия вступает в бой в известном порядке, но этот порядок не составляет решающего момента; и теперь еще пользуются неровностями местности для усиления обороны, но они не составляют единственной точки опоры.

Во II главе этой части мы пытались окинуть общим взглядом природу современного сражения. Согласно картине сражения, которую мы себе составили, боевой порядок является лишь правильным расположением боевых сил для наиболее удобного их использования, а ход боя есть взаимное медленное истребление этих сил в их столкновениях друг с другом, имеющее целью выяснить, который из двух противников будет истощен раньше другого.

Таким образом, решение отказаться от продолжения боя исходит в генеральном сражении, более чем в каком-либо другом, из соотношения между уцелевшими свежими резервами, какими располагает та и другая сторона; ибо лишь они еще обладают всеми своими моральными силами, и с ними нельзя равнять выгоревшие вследствие действия разрушительной стихии боя шлаки, представляемые расстрелянными и расстроенными батальонами. Потерянное пространство также служит мерилom утраты моральных сил, как мы говорили в другом месте; с ним тоже следует считаться, но преимущественно как с признаком понесенной утраты, а не как с непосредственной утратой; количество же свежих резервов всегда остается главным пунктом, приковывающим к себе внимание обоих полководцев.

Обыкновенно сражение с самого начала принимает, хотя и довольно неприметным образом, известный оборот. Часто этот оборот уже заранее резко предопределен мероприятиями, имеющими в виду сражение; [178 такой случай свидетельствует о недостатке проницательности со стороны того полководца, который начинает бой при таких неблагоприятных условиях, не отдавая себе в них отчета. Однако и там, где это не имеет места, ход сражения представляет собой по природе вещей преимущественно медленное изменение равновесия; вначале, как мы указали, оно неприметно, но позднее с каждым новым моментом все более усиливается и становится явным; такое понимание хода генерального сражения ближе к истине, чем уподобление его качанию маятника, колеблющегося справа налево, как обычно его мыслят под влиянием искаженных описаний сражений.

Пусть даже равновесие долгое время остается мало нарушенным или даже, будучи нарушено в одну сторону, оно снова восстанавливается, чтобы быть нарушенным в другую, все же несомненно, что в большинстве случаев побежденный полководец предвидит исход сражения задолго до отступления и что случаи, когда какая-нибудь частность влияет неожиданно и сильно на ход сражения в целом, по большей части встречаются лишь в тех измышлениях, которыми всякий старается скрасить рассказ о своем поражении.

Здесь мы можем лишь сослаться на суждение опытных и беспристрастных людей, которые, несомненно, подтвердят наши слова и будут отстаивать наш взгляд перед теми из наших читателей, которые не знакомы по собственному опыту с войной. Доказательство неизбежности такого хода сражения в силу его природы завело бы нас слишком глубоко в область тактики, к которой эта тема относится; мы же здесь имеем дело лишь с результатом тактических действий.

Когда мы говорим: побежденный полководец обыкновенно предвидит неудачный исход сражения задолго до того момента, когда он решится отказаться от продолжения боя, мы все же допускаем возможность и обратных случаев, ибо иначе мы высказывали бы противоречивое по существу положение. Если бы при всяком решительном обороте, какой принимает сражение, на него приходилось смотреть, как на сражение уже проигранное, то не стоило бы затрачивать больше сил на то, чтобы дать сражению другое течение, и, значит, указанный решительный оборот не должен был бы намного предшествовать моменту отступления. Правда, бывают случаи, когда сражение приняло уже весьма решительный оборот в определенном направлении, и все же решения в нем сменялись одно за другим; но это - случаи не обычные, а, напротив, крайне редкие. На такой-то случай и рассчитывает каждый полководец, к которому счастье повернулось спиной, и он обязан на него рассчитывать до тех пор, пока у него остаются малейшие шансы, что дело повернется в его пользу. Такую перемену он надеется вызвать увеличением напряжения, повышением еще имеющихся моральных сил, тем, что он превзойдет самого себя или, наконец, уцепится за счастливую случайность. Он продолжает вести дело до тех пор, пока борющиеся в нем храбрость и проницательность не разрешат между собою вопроса. Об этом мы поговорим несколько подробнее, но раньше укажем на признаки утраченного равновесия.

Исход сражения в целом состоит из суммы результатов всех частных боев; последние же запечатлеваются в трех различных видах.

Во-первых, в простой моральной силе сознания вождей. Если начальник дивизии видел, как были разбиты его батальоны, то это отразится на его поведении и на его донесениях, а последние в свою очередь окажут влияние на мероприятия главнокомандующего. Таким образом, даже те неудачные частные бои, которые, по-видимому, потом заглаживаются, не пропадают в смысле их результатов, и впечатления от них суммируются в душе полководца без всякого его старания и даже против его воли.

Во-вторых, в более быстром таянии наших войск, что при медленном, малоподвижном течении современных сражений установить нетрудно.

В-третьих - в потере пространства.

Все эти данные служат для глаза полководца верным компасом, чтобы определить направление, какое принимает корабль его сражения. Если у него потеряны целые батареи, а у неприятеля не взята ни одна; если целые батальоны его пехоты опрокинуты неприятельской конницей, между тем как батальоны противника всюду стоят непроницаемой массой; если линия огня его боевого порядка против воли отодвигается назад с одного места на другое; если для захвата известных пунктов производятся напрасные усилия, а подходящие батальоны каждый раз рассыпаются от хорошо организованного града картечи; если огонь наших батарей начинает ослабевать под действием орудийного огня противника; если наши стоящие под огнем противника батальоны чересчур быстро тают, ибо вместе с ранеными уходят толпами здоровые; если, благодаря нарушению общего плана сражения, отдельные части отрываются и берутся в плен; если самому отступлению начинает угрожать опасность, - то полководец вынужден опознать во всех этих явлениях тот оборот, какой для него принимает сражение. Чем дольше продолжается ход сражения в таком направлении, чем оно становится определеннее, тем труднее будет поворот колеса, тем быстрее приближается мгновение, когда полководец вынужден будет отказаться от боя; об этом-то моменте мы и хотим теперь

поговорить.

Мы уже неоднократно высказывали, что главным основанием для окончательного решения является по большей части численное соотношение резервов, оставшихся нетронутыми у той и у другой стороны; тот полководец, который видит резкий перевес своего противника в этом отношении, решается на отступление. Особенностью современных сражений как раз является то, что все неудачи и потери, имеющие место в течение их хода, могут быть исправлены введением свежих сил, ибо современные боевые порядки и способ, которым войска вводятся в бой, допускают пользование ими почти повсюду и во всяком положении. Поэтому пока у полководца, для которого, по-видимому, сражение принимает неблагоприятный оборот, еще имеется перевес резервов, он не откажется от дела. Но с того момента, как его резервы начинают становиться слабее, чем резервы противника, надо считать решение как бы предуказанным, и то, что он еще предпримет, зависит отчасти от конкретной обстановки, отчасти от степени мужества и стойкости полководца, данных ему от природы; [180 последние, впрочем, порою могут переходить в неразумное упрямство. Каким образом полководцу удастся определить соотношение резервов обеих сторон - это дело специального навыка и умения, о которых здесь во всяком случае не место говорить; нас интересует лишь результат, складывающийся в его суждении. Но этот результат еще не является самым моментом решения, ибо мотиву, возникающему постепенно, это не подобает; он является лишь общей направляющей решения, а последнее, чтобы быть принятым, требует еще особых побуждений. Таких постоянно повторяющихся побуждений главным образом два, а именно: угроза пути отступления и наступление ночи.

Если отступлению с каждым дальнейшим шагом, который делает ход сражения, угрожает все большая опасность и если резервы настолько растаяли, что их уже не хватит для того, чтобы отбросить противника, то ничего другого не остается, как предаться на волю судьбы и искать спасения в упорядоченном отступлении, которое при дальнейшем промедлении оказалось бы невыполнимым и привело бы, конечно, к полному разгрому и беспорядочному бегству.

Ночь также обычно прекращает все бои, ибо лишь в особых условиях ночной бой может явиться выгодным; а так как ночь - более подходящее время для отступления, чем день, то тот, кто считает последнее неизбежным или в высшей степени вероятным, предпочитает для этого воспользоваться ночью.

Но помимо этих двух поводов, самых обыкновенных и главных, могут быть и многие другие - меньшие, более индивидуальные, которых, само собою разумеется, не перечислишь, ибо, чем больше сражение клонится к полному нарушению равновесия, тем чувствительнее отзывается на равновесии всякий частичный результат. Так, потеря какой-нибудь одной батареи, удачный прорыв двух-трех полков неприятельской кавалерии и т.п. могут окончательно оформить уже назревшее решение отступить.

В заключение мы должны еще несколько остановиться на том пункте, когда в полководце мужество и проницательность должны выдержать борьбу между собою.

Хотя, с одной стороны, властолюбивая гордость победоносного завоевателя или непреклонная воля природного упорства, или, наконец, судорожное сопротивление благородного воодушевления не хотят отступить с поля боя, где они должны будут оставить свою честь, но, с другой стороны, проницательность разума советует не тратить всего до конца, не ставить последнее на карту, а сохранить хотя бы столько, сколько необходимо для упорядоченного отступления. Как ни высоко надлежит ценить мужество и стойкость на войне и как ни мало шансов добиться победы у того, кто не может решиться искать ее с полным напряжением всех своих сил, все же наступает момент, за которым дальнейшее упорство является отчаянием безумца; такое упорство не может встретить одобрения со стороны критика. В самом знаменитом из всех сражений, сражении при Бель-Альянсе [87], Бонапарт поставил на карту свои последние силы, чтобы повернуть в свою пользу ход сражения; когда его повернуть уже было невозможно, он поставил ребром последнюю копейку, а потом бежал, как нищий, и с поля сражения и из своего государства.

Глава 10. Генеральное сражение (Продолжение)

Влияние победы

В зависимости от принятой точки зрения приходится равно удивляться как экстраординарным последствиям, которые имели некоторые победы, так и ничтожности результатов, которые дали другие. Теперь мы несколько остановимся на природе влияния, оказываемого крупной победой.

Здесь нетрудно различить три вопроса: 1) влияние на само орудие победы, а именно - на полководцев и их армии, 2) влияние на заинтересованные государства и, наконец, 3) подлинный результат, складывающийся из того, как скажутся эти влияния на дальнейшем ходе войны.

Тот, кто остановится лишь на ничтожной разнице между потерями, понесенными на поле сражения убитыми, ранеными, пленными и отнятыми орудиями победителем и побежденным, тому последствия, вытекающие из этого ничтожного явления, покажутся совершенно непонятными; тем не менее, обычно все тут вполне естественно.

Уже в VII главе[88] мы говорили, что размер победы возрастает не пропорционально количеству побежденных сил, но в значительно большей степени. Моральные последствия, вызываемые исходом крупного боя, гораздо значительнее у побежденного, чем у победителя; они ведут к весьма крупным материальным потерям, и последние в свою очередь отражаются новыми потерями моральных сил; в таком взаимодействии те и другие потери растут и усиливаются. Этому моральному воздействию надлежит, следовательно, придавать особое значение. Оно отражается в противоположных направлениях на обеих сторонах: как оно подрывает силы побежденного, так же оно поднимает силы и деятельность победителя. Но главное воздействие все же сказывается на побежденном, ибо здесь оно является непосредственной причиной новых потерь; сверх того, оно обладает однородной природой с опасностью, трудами и лишениями, - словом, со всеми теми тяготами, среди которых протекает война, и потому вступает с ними некоторым образом в союз и растет при их помощи, в то время как те же обстоятельства у победителя являются лишь бременем, умеряющим подъем мужества. Таким образом, мы видим, что падение побежденного ниже уровня первоначального равновесия и много больше подъема над ним победителя; поэтому, говоря о воздействии, производимом победой, мы главным образом имеем в виду воздействие, оказываемое ею на побежденную армию. Если оно сильнее после крупного боя, чем после незначительного, то оно также много сильнее после генерального сражения, чем после второстепенного. Генеральное сражение существует само по себе, ради победы, которую оно должно дать и которой в нем добиваются с величайшим напряжением. Осилить противника именно здесь, на этом месте и в этот час, составляет задачу, на которую направлен весь военный план всеми его нитями; здесь сходятся все отдаленные надежды и смутные представления о будущем; здесь перед нами встает сама судьба, чтобы дать ответ на наш дерзновенный вопрос. В генеральном сражении сосредоточивается духовное напряжение не одного только полководца, но и всей его армии, вплоть до последнего обозного, - правда, с понижающейся интенсивностью и с уменьшающимся значением. Во все времена, по самой природе вещей, генеральное сражение никогда не являлось неподготовленным, неожиданным, слепым отправлением служебных обязанностей, но всегда было грандиозным фактом, который сам собой, отчасти по воле вождей, выдвигался из ряда обычных действий, дабы выше поднять духовное напряжение всех участников. Но чем сильнее это напряжение в генеральном сражении, тем сильнее должно оказаться воздействие его исхода. И опять-таки моральные следствия победы в современных сражениях должны быть сильнее, чем в прежних сражениях новейшей военной истории. Если современные сражения, как мы их описали, представляют собой подлинную борьбу до последних сил, то и решает эти сражения сумма сил, как материальных, так и моральных, в большей мере, чем отдельные распоряжения или даже случайность.

Сделанную ошибку можно в следующий раз исправить, от счастья и случая можно ожидать в другой раз больше благосклонности, но сумма моральных в материальных сил не меняется так быстро, а поэтому, видимо, и тот приговор, какой им вынесла одна победа, имеет много большее значение для всего будущего. Правда, лишь меньшинство участников сражения и причастных к нему задумывалось над этим различием; но самый ход сражения навязывает такой вывод сознанию всякого, кто при нем присутствует, а рассказ о нем в официальных отчетах, как бы они ни были приукрашены отдельными втиснутыми в них эпизодами, показывает в большей или меньшей степени остальному миру, что причины исхода скорее лежат в целом, чем в частностях. Тот, кто никогда лично не присутствовал при большом проигранном сражении, едва ли может составить себе живое, а следовательно, совершенно правдивое представление о нем[89]. Отвлеченное же представление о тех или иных небольших

потерях никогда не исчерпывает сущности понятия проигранного сражения. Остановимся несколько мгновений на этой картине.

Первое, что действует на воображение и, можно смело сказать, на рассудок в несчастливом сражении, - это таяние масс, затем потеря пространства, которая в той или другой степени имеет место всегда, а следовательно, и у наступающего, когда он терпит неудачу; [183 затем разрушение начального порядка, перемешивание частей, опасности, угрожающие отступлению, которые за немногими исключениями всегда более или менее нарастают, а там и отступление, которое обычно начинается ночью или, по крайней мере, продолжается в течение всей ночи. Уже на этом первом переходе мы вынуждены оставить множество выбившихся из сил и отбившихся, порою как раз самых храбрых, которые в бою наиболее отважно продвигались вперед и держались дольше других; чувство поражения, охватывавшее на поле битвы одних только старших офицеров, опускается теперь по всем ступеням до рядовых и усиливается отвратительным впечатлением оставления в руках врага стольких храбрых товарищей, которые как раз во время боя нам стали особенно дороги; чувство поражения еще увеличивается вследствие все более возрастающего недоверия к вождям, которым всякий подчиненный в большей или меньшей степени ставит в вину безуспешность своих усилий. И такое ощущение поражения не есть что-либо воображаемое, с чем можно справиться; теперь это очевидная истина, что противник оказался сильнее нас; эта истина могла быть настолько скрыта среди множества причин, что раньше ее не замечали; но при исходе боя она выступает всегда с настойчивой очевидностью, которую, может быть, и раньше уже сознавали, но которой, за неимением ничего более реального, противопоставляли надежду на случайность, веру в счастье и в судьбу, дерзкую отвагу. Теперь же оказалось, что всего этого недостаточно, и перед нами встает строго и повелительно суровая правда.

От всех этих впечатлений еще далеко до панического страха, который никогда не является последствием проигранного сражения у обладающей воинской доблестью армии и редко - у всякой другой; указанные же впечатления должны возникнуть у самой лучшей армии, и если благодаря втянутости в войну, привычке к победам и глубокому доверию к полководцу, они кое-где и бывают несколько смягчены, то в первое мгновение они все же никогда не оказываются отсутствующими. Вместе с тем эти впечатления не являются простым следствием утраты трофеев; последние теряются обычно лишь позднее, и об этом не так быстро становится всем известно; те же впечатления будут получаться и при самом медленном и постепенном нарушении равновесия и всегда будут составлять воздействие победы; на них во всех случаях можно рассчитывать.

Количество утраченных трофеев, как мы уже говорили, также усиливает это впечатление.

Ясно, насколько армия, находящаяся в таком состоянии, будет ослаблена в качестве инструмента и как мало можно рассчитывать на то, чтобы она в этом расслабленном состоянии, которое, как уже сказано, находит новых врагов во всех обычных трудностях, сопряженных с войною, оказалась в состоянии вернуть новым усилием утраченное. Перед сражением между обеими армиями существовало кажущееся или действительное равновесие; это равновесие теперь нарушено, и необходима внешняя причина, чтобы снова его восстановить; всякое новое напряжение сил без такой внешней точки опоры поведет лишь к новым потерям.

Таким образом, в самой скромной победе над главной массой вооруженных сил заключается толчок к постоянному понижению чашки весов, пока новые обстоятельства не дадут другого оборота всему делу. Если такие обстоятельства далеки и если победитель - неутомимый враг, обуреваемый жаждой славы, преследующий высокие цели, то требуется выдающийся полководец и превосходный, закаленный во многих боях воинский дух армии, чтобы не дать окончательно прорваться бушующему потоку перевеса сил, но умерить его порыв мелким многократным отпором до тех пор, пока сила победы не истощится у предела определенных достижений.

Теперь о влиянии поражения на народ и правительство. Это - внезапная гибель напряженнейших надежд, полное сокрушение чувства собственного достоинства. На место этих уничтоженных сил в образовавшуюся таким образом пустоту вливается страх с его пагубной способностью распространения, завершающий общий паралич. Подлинный нервный удар получает один из двух борцов от электрической искры, произведенной генеральным сражением. И это воздействие, в какой бы различной степени оно ни проявлялось тут и там, никогда не отсутствует полностью. Вместо того,

чтобы каждому решительно поспешить для отражения надвигающейся беды, каждый боится, что его усилие окажется напрасным, и в нерешительности останавливается в тот момент, когда он должен был бы спешить, или же малодушно опускает руки, становясь фаталистом и предоставляя все на волю судьбы. Следствия, которые вызывает воздействие победы в ходе самой войны, зависят отчасти от характера и талантов победоносного полководца, но еще более от обстоятельств, из которых явилась победа и к которым она привела. Без отваги и предприимчивости полководца самая блестящая победа не даст крупных результатов; но еще скорее истощается сила победы от обстоятельств, если они будут противодействовать ей во всем своем объеме и силе. Насколько иначе использовал бы Фридрих Великий победу под Коллином, чем Даун, и насколько иных последствий по сравнению с Пруссией добилась бы Франция от такого сражения, как при Лейтене!

С условиями, дающими возможность ожидать крупных следствий от крупной победы, мы познакомимся, когда будем изучать вопросы, с которыми эта тема связана; лишь тогда станет понятным то несоответствие, которое на первый взгляд может усматриваться между величиной победы и ее следствиями и которое слишком часто склонны приписывать недостатку энергии победителя. Здесь, когда мы имеем дело с генеральным сражением самим в себе, мы ограничимся указанием на то, что очерченные воздействия победы всегда имеются налицо, и они возрастают с интенсивностью победы, возрастают тем больше, чем больше сражение было сражением генеральным, т.е. чем больше в нем была сосредоточена вся вооруженная сила, а в вооруженной силе - вся сила государства.

Должна ли, однако, теория признавать это воздействие победы как нечто абсолютно необходимое? Не должна ли она, напротив, стремиться к тому, чтобы найти против него надлежащее средство и таким образом парализовать это действие? Казалось бы, нет ничего естественнее, как дать утвердительный ответ на этот вопрос; но храни нас небо от этого свойственного большинству теорий заблуждения, на почве которого возникают взаимно уничтожающиеся *pro* и *contra*.

Безусловно, это воздействие совершенно неизбежно, ибо оно заложено в самой природе дела и будет существовать и тогда, когда мы найдем средства ему противодействовать; так ядро, выстреленное из пушки, продолжает подчиняться вращательному движению земли, хотя бы оно было выпущено с востока на запад и вследствие этого противоположного движения утратило часть общей скорости.

Война в целом исходит из предпосылки человеческой слабости, и против нее она и направлена.

Следовательно, когда мы в дальнейшем изложении по другому поводу будем представлять свои соображения относительно того, что можно предпринять после проигранного сражения, когда мы будем рассматривать средства, которыми еще можно располагать в самом отчаянном положении, когда и при таких условиях мы еще будем верить в возможность все поправить, - то это не значит, что мы убеждены в возможности свести постепенно на нет все следствия такого поражения, так как силы и средства, которые будут теперь употреблены на восстановление, могли бы быть использованы для достижения позитивных целей. Это в одинаковой степени относится к силам как моральным, так и материальным.

Другой вопрос - не пробуждает ли проигранное генеральное сражение такие силы, которые иначе никогда не появились бы в жизни. Такой случай, конечно, вполне мыслим, и у многих народов он действительно наблюдался. Но вызов такой усиленной реакции уже не входит в компетенцию военного искусства; последнее может считаться с нею лишь там, где для нее имеются все предпосылки.

Если, следовательно, бывают случаи, когда последствия победы, вследствие реакции пробужденных ею сил, могут оказаться скорее пагубными, случаи, относящиеся, впрочем, к числу самых редких исключений, - то тем определеннее надо принимать во внимание ту разницу в следствиях, какую может вызвать одна и та же победа в зависимости от характера побежденного народа и государства.

Глава 10. **Генеральное сражение**

(Продолжение)

Применение сражения

Какое бы оформление война ни принимала в отдельных случаях и чтобы нам в зависимости от него ни пришлось признать необходимым на войне, нам стоит только обратиться к понятию войны, чтобы высказать с полной убежденностью:

- 1) уничтожение неприятельских боевых сил составляет основной ее принцип и главный путь к цели во всей области позитивных действий;
- 2) это уничтожение сил достигается преимущественно только боем;
- 3) лишь крупные бои общего характера дают крупные результаты;
- 4) самые крупные результаты достигаются тогда, когда бои объединяются в одно большое сражение;
- 5) лишь в генеральном сражении полководец правит делом собственными руками, и естественно, что он охотнее всего доверяет его своим рукам.

Из этих истин вытекает двойной закон, части которого взаимно подкрепляют друг друга, а именно: 1) уничтожение боевых сил неприятеля надо преимущественно искать в больших сражениях и в их результатах и 2) главная цель больших сражений должна заключаться в уничтожении неприятельских вооруженных сил.

Правда, принцип уничтожения можно в большей или меньшей степени усмотреть и в других средствах. Встречаются случаи, когда благодаря особо благоприятным обстоятельствам в небольшом бою может быть уничтожено несоответственно большое количество неприятельских сил (Максен). С другой стороны, в генеральном сражении может иметь место преобладание захвата или удержания известного пункта как чрезвычайно важная цель, но в общем неоспоримой и преобладающей истиной остается та, что генеральные сражения даются лишь для уничтожения боевых сил противника и что эта цель достигается только генеральным сражением.

Поэтому на генеральное сражение следует смотреть как на концентрированную войну, как на центр тяжести всей войны или кампании. Подобно тому, как солнечные лучи собираются в фокусе вогнутого зеркала в полное изображение солнца и дают высшую степень жара, так силы и обстоятельства войны концентрируются в генеральном сражении и получают общую наивысшую эффективность.

Сосредоточение вооруженных сил в одно крупное целое, которое более или менее имеет место во всех войнах, уже указывает на цель - нанести этим целым главный удар или добровольно, в роли атакующего, или под давлением противника, в роли обороняющегося. Там же, где такого главного решительного удара не происходит, там, следовательно, к первоначальному мотиву вражды примешались другие умеряющие и сдерживающие мотивы; действие оказывается ослабленным, измененным или даже совершенно приостановленным. Но и в этом состоянии обоюдного бездействия, которое составляло основной тон столь многих войн, идея возможного генерального сражения оставалась для обеих сторон направляющей точкой, далеким фокусом, по которому, однако, они строят свои орбиты. Чем более война становится действительной войной, чем больше она служит исходом накопившейся вражды и ненависти, чем больше она стремится ко взаимному одолению, - тем более вся деятельность сосредоточивается в акте кровопролитного боя и тем ярче выступает на первый план генеральное сражение.

Всюду, где смысл войны заключается в достижении позитивной цели, глубоко затрагивающей интересы противника, генеральное сражение является самым естественным средством; поэтому оно является и лучшим средством, что мы еще будем подробнее доказывать; обычно оно несет с собой возмездие для тех, кто его избегает из страха перед великим решением.

Позитивную цель преследует нападающая сторона, а потому генеральное сражение является по преимуществу ее средством. Однако, не входя здесь в более близкое определение понятия нападения и обороны, мы все же должны сказать, что даже обороняющаяся сторона в большинстве случаев обладает лишь этим действительным средством, чтобы рано или поздно удовлетворить при помощи его потребностям своего положения и разрешить свою задачу.

Генеральное сражение является самым кровопролитным путем разрешения задачи; хотя оно отнюдь не представляет простого взаимного убийства и его воздействие заключается преимущественно в том, чтобы убить мужество врага, а не его солдат, как мы подробнее рассмотрим в следующей главе, однако кровь всегда является его оплатой, а бойня определяет его характер, имея общий филологический корень с боем; вот перед чем содрогается человеческое сердце полководца. Но еще более смущается человеческий дух перед мыслью об окончательном решении одним ударом. В одной точке пространства и времени сосредоточено здесь все действие; и в такие минуты в нас закрадывается смутное чувство, будто в этом тесном пространстве наши силы не имеют возможности развернуться и проявить всю свою деятельность; словно, выигрывая время, мы уже много приобретаем, хотя это время вовсе не состоит нашим должником. Это одна только иллюзия, но и с иллюзией приходится считаться; именно эта слабость, которой подвержен человек при всяком ином великом решении, может с особенной силой заговорить в душе полководца, когда он должен поставить на лезвие ножа дело столь огромной важности. Вот почему и правительства и полководцы во все времена искали пути, чтобы обойти генеральное сражение - или для того, чтобы достигнуть своих целей без него, или чтобы миновать его незаметным образом. Историки и теоретики из всех сил старались потом найти в таких походах и войнах каким бы то ни было образом не только эквивалент упущенного генерального сражения, но даже проявление какого-то высшего искусства. Таким путем в наши времена мы приблизились было к тому, чтобы во имя экономии войны смотреть на генеральное сражение, как на зло, делающееся неизбежным из-за допущенных ошибок, как на болезненное явление, к которому правильно организованная осторожная война никогда не должна приводить; лишь те полководцы должны заслуживать лавров, которые умеют вести войну без кровопролития, а теория войны, подлинное учение браминов, как раз для того и существует, чтобы научить такому искусству.

История нашего времени разрушила эти фантазии, но ни один человек не может поручиться за то, что они снова не воскреснут на более или менее продолжительный срок и не увлекут руководителей судеб к подобным сумасбродствам, потворствующим человеческой слабости, а следовательно, близким сердцу человека. Может быть, еще настанет время, когда на походы Бонапарта и его сражения будут смотреть, как на проявление грубости и глупости, и снова благосклонным и доверчивым оком будут любоваться салонной шпагой устарелых закорюзлых порядков и приемов. Если теория может от этого предостеречь, то она окажет ценную услугу тем, кто захочет внять ее предостережению. Да удастся нам протянуть руку помощи тем, кто в нашем дорогом отечестве призван высказывать решающее мнение по этим вопросам, послужить им проводником в этой области и побудить их к добросовестной оценке существа дела.

Не одно лишь понятие войны приводит нас к тому, чтобы мы искали великое решение только в великом сражении, но и данные опыта. Испокон века лишь великие победы вели к великим результатам, у нападающей стороны безусловно, у обороняющейся - в большей или меньшей степени. Сам Бонапарт не достиг бы единственного в своем роде Ульма[90], если бы он боялся кровопролития; на этот эпизод надо смотреть именно как на второй укос, собранный с побед его предшествующих походов. Не одни лишь отважные, отчаянные, дерзкие полководцы пытались выполнить свое дело при помощи великого иска решительных сражений; этого пути держались все наиболее удачливые полководцы, и мы должны предоставить им дать ответ на столь широкообъемлющий вопрос. Мы и слышать не хотим о тех полководцах, которые будто бы побеждали без пролития человеческой крови. Если кровопролитное сражение представляет ужасное зрелище, то это должно служить основанием лишь к тому, чтобы смотреть на войну белее серьезно, а не к тому, чтобы из чувства человеколюбия дать своим мечтам мало-помалу притупиться, пока, наконец, не появится вновь кто-нибудь с отточенным мечом и не отрубит нам руки.

Мы смотрим на крупное сражение, как на главное решение, но, разумеется, не как на единственное, которое может потребоваться для данной войны или кампании. Лишь в новейшее время бывали нередко случаи, когда большое сражение решало судьбу целой кампании; те же случаи, когда

решалась одним сражением целая война, принадлежат к самым редким исключениям.

Решение, являющееся результатом большого сражения, конечно, зависит не исключительно от самого сражения, т.е. от массы сосредоточенных в нем сил и от интенсивности победы, но также и от множества других обстоятельств, касающихся вооруженных сил и государств, которым эти силы принадлежат. Однако вывод имеющихся налицо главных сил на великое единоборство является в то же время приступом к основному решению, размеры которого можно наперед предвидеть во многих отношениях, но далеко не во всех. Это решение может оказаться не единственным, но в качестве первого оно как таковое окажет влияние и на все последующие решения. Поэтому задуманное генеральное сражение по своим отношениям к остальному может в большей ли меньшей степени, а иногда и преимущественно рассматриваться временным центром тяжести, основным пунктом всей системы. Чем больше полководец будет преисполнен при выступлении истинным духом войны, который является и духом всякой борьбы, чем больше он будет проникнут чувством и мыслью, т.е. сознанием, что он должен разгромить и разгромит своего противника, - тем скорее он бросит все на чашу весов первого сражения, тем больше он будет надеяться и стремиться получить все в этом сражении. Едва ли Бонапарт когда-либо предпринимал какой-либо из своих походов без мысли, что он тотчас же, в первом же сражении, разгромит своего противника; то же думал и Фридрих Великий в более мелких условиях, при кризисе более ограниченного характера, когда он с небольшой армией стремился проложить себе путь в тылу русских или имперцев.

Решение, которое дает генеральное сражение, зависит отчасти, как мы сказали, от самого сражения, т.е. от численности вооруженных сил, принимающих в нем участие, и от размера достигнутого успеха.

Каким образом полководец может увеличить результаты сражения первым путем, ясно само собой. Мы ограничимся лишь замечанием, что с размерами генерального сражения увеличивается и число попутно решаемых им вопросов. Поэтому те полководцы, которые, веря в свои силы, любили эти крупные, решающие акты, всегда находили возможность применить в них большую часть своих боевых сил, не опуская ничего существенного в других пунктах.

Что же касается успеха или, говоря точнее, интенсивности победы, то последняя зависит преимущественно от четырех обстоятельств: 1) от тактической формы, в какой дается сражение; 2) от характера местности; 3) от соотношения родов войск; 4) от соотношения сил. Сражение, разыгранное фронтально и без обхода, редко даст такой крупный результат, как сражение, в котором побежденный оказался обойденным или которое он вынужден был дать, имея более или менее перевернутый фронт. На пересеченной или гористой местности результат точно так же бывает меньше, ибо здесь сила удара вообще оказывается ослабленной.

Если побежденный имеет равную или превосходящую численностью по сравнению с победителем кавалерию, то воздействие преследования, а следовательно, и большая часть результатов победы отпадают.

Наконец, само собою понятно, что победа, одержанная при большом превосходстве сил, если этим превосходством воспользовались для обхода или охвата, даст большие результаты, чем если победитель был слабее побежденного. Сражение под Лейтеном как будто заставляет нас усомниться в практической верности этого положения; но да будет нам на этот раз дозволено сказать то, чего мы вообще говорить не любим: нет правила без исключений.

Все эти пути дают полководцу средства придать сражению решительный характер; правда, вместе с тем возрастают и опасности, которым он подвергается, но этому динамическому закону морального мира подчиняется вся деятельность полководца.

На войне, следовательно, ничто не сравнимо по важности с генеральным сражением, и высшая мудрость стратегии проявляется в добывании необходимых для него средств, в правильной установке его по отношению к месту, времени и направлению сил и в использовании его результатов. Из важности значения, какое имеют эти вопросы, однако, не следует, чтобы они отличались большой сложностью и таинственностью; напротив, здесь все крайне просто, искусство комбинаций очень ограничено, но велика потребность в точной оценке явлений, в энергии, в твердой

последовательности, в юношеской предприимчивости - в героических свойствах, к которым нам еще не раз придется возвращаться. Таким образом, здесь требуется мало такого, чему можно научиться из книг, и многое из того, чему если и можно научиться, то не путем грамоты, а как-то иначе.

Импульс к генеральному сражению, свободное, верное движение к нему должны исходить из ощущения собственной силы и ясного сознания его необходимости; другими словами, этот импульс должен исходить из прирожденною мужества и из изощренного широкими жизненными горизонтами взгляда.

Великие примеры - лучшие наставники; но, конечно, будет прискорбно, когда между ними и нами ляжет облако теоретических предрассудков, ибо даже солнечный свет, проникая через облака, преломляется и окрашивается. Разрушить такие предрассудки, которые в известные эпохи образуются и распространяются как миазмы, - настоящий долг теории. То ложное, что порождено человеческим рассудком, может уничтожить тот же рассудок.

Глава 12.

Средства стратегии для использования победы

Самое трудное - возможно лучше подготовить победу; это - незаметная заслуга стратегии, за которую она редко получает похвалу. Во всем своем блеске и славе стратегия проявляется тогда, когда она использует уже одержанную победу.

Какую особую цель может преследовать сражение, как оно влияет на всю систему войны, где природа отношений ставит предел полету победы, где находится его кульминационный пункт - все это займет наше внимание лишь впоследствии. Но при всех мыслимых условиях остается неоспоримой истиной, что без преследования ни одна победа не может иметь крупных результатов, и, как бы ни был короток полет победы, он всегда должен простираться дальше первых шагов преследования. Дабы не возвращаться постоянно к этому положению, мы коснемся в общих чертах этой необходимой задачи к преодолению неприятельского сопротивления.

Преследование разбитого противника начинается с того момента, когда он, отказавшись от боя, покидает свои позиции; сюда нельзя причислять всех предшествующих передвижений назад и вперед, ибо они являются частью развития самого сражения. Обычно победа в указанный момент хотя и представляется несомненной, но еще крайне мала и слаба по своему размеру и в ряду прочих событий не давала бы значительных позитивных преимуществ, если бы не дополнялась преследованием в первый же день. Тут только, как мы уже говорили, собирается первая жатва трофеев, материализующая победу. Об этом-то преследовании мы и поговорим прежде всего.

Обычно обе стороны вступают в бой с весьма ослабленными физическими силами, ибо движения, непосредственно предшествовавшие сражению, носят на себе отпечаток не терпящих отлагательства требований. Усилия, которых стоит завершение длительной борьбы, доводят истощение до крайнего предела; к этому присоединяется еще и то обстоятельство, что у победившей стороны по сравнению с побежденной части не менее перемешаны и не менее оказываются вышедшими из их первоначальных организационных рамок; они, следовательно, нуждаются в том, чтобы их привели в порядок, собрали рассеявшихся, пополнили патроны у тех, кто расстрелял свои запасы. Все эти обстоятельства повергают и самого победителя в состояние кризиса, о котором мы уже упоминали. Если разбитый противник представлял лишь второстепенную часть, которая может быть принята и прикрыта другими частями, или если он вообще ожидает получить значительные подкрепления, то победитель легко может подвергнуться явной опасности лишиться своей победы; такие соображения скоро ставят предел дальнейшему преследованию или, во всяком случае, налагают на него сильную узду. Но даже там, где нет снования опасаться прибытия серьезных подкреплений к побежденному, в указанных выше обстоятельствах победитель встречает серьезный противовес своему порыву при преследовании. Правда, в последнем случае не приходится уже опасаться, чтобы победу вырвали из его рук, но все же возможность неудачных столкновений не исключена, и они могут значительно ослабить приобретенные уже выгоды. Кроме того, в этот момент на волю полководца тяжелым грузом ложится физическая природа человека с ее потребностями и слабостями. Все эти тысячи людей, находящихся под его начальством, нуждаются в покое и в подкреплении своих сил, имеют непреодолимую потребность в том, чтобы прежде всего был положен предел опасностям и

усилиям. Лишь немногие, на которых можно смотреть как на исключение, чувствуют и видят за пределами настоящего мгновения; лишь у этих немногих сохраняется такой простор их мужеству, что, когда самое необходимое уже выполнено, они еще в состоянии подумать о тех достижениях, которые в такие мгновения представляются лишь украшением победы, роскошью триумфа. Но все эти тысячи имеют свой голос на совете полководца, ибо во всей иерархической лестнице командования интересы физического человека находят верного проводника к сердцу полководца. Последний в свою очередь сам более или менее ослаблен в своей внутренней деятельности духовным и телесным напряжением, которому он подвергался, и вот по этим чисто человеческим причинам делается меньше, чем могло бы быть сделано, а то, что вообще делается, зависит уже только от жажды славы, энергии и, пожалуй, и от бессердечия главнокомандующего. Лишь этим можно объяснить тот робкий приступ к преследованию после победы, давшей им превосходство, который мы можем наблюдать у многих полководцев. Первое преследование мы ограничиваем первым днем и, самое большее, ночью, следующей за ним, ибо за пределами этого времени потребность дать отдохнуть собственным войскам заставит во всяком случае приостановить дальнейшие действия. Это первое преследование бывает разных естественных степеней.

Первая степень - это когда преследование выполняется лишь одной кавалерией; в этом случае оно скорее является средством устрашения и наблюдения, чем действительным натиском, ибо обычно достаточно малейшего местного рубежа, чтобы задержать преследующего. Хотя кавалерия может многого достигнуть против отдельных частей расстроенной и ослабленной армии, но против целого она опять-таки явится лишь вспомогательным родом войск, так как отступающий для прикрытия своего отступления введет в дело свои свежие резервы и таким образом с успехом может оказать сопротивление всеми родами войск на первом незначительном местном рубеже. Армия, обращенная в настоящее бегство и совершенно разложившаяся, конечно, представляет в данном случае исключение.

Вторая степень заключается в том, что преследование ведется сильным авангардом из всех родов войск, в составе которого, понятно, находится большая часть кавалерии. Такое преследование теснит противника до первой сильной позиции его арьергарда или до места ближайшей остановки его армии. Часто для того и другого не скоро представится возможность, и преследование продолжается дольше; но большей частью оно не идет за пределы одного - двух часов, ибо затем авангард не чувствует за собой достаточной поддержки.

Третья и самая сильная степень преследования бывает тогда, когда вся победоносная армия двигается вперед до тех пор, пока у нее хватает сил. В этом случае разбитая сторона покидает большинство позиций, предоставляемых ей местностью, при одном лишь приступе к подготовке атаки или обхода, а арьергард выказывает еще меньшую склонность к тому, чтобы ввязаться в упорное сопротивление.

Во всех трех случаях ночь обычно кладет предел преследованию, если наступит ранее его окончания; те немногие случаи, когда это не имеет места и преследование продолжается еще и ночью, должны рассматриваться как особо усиленная его степень.

Если мы вспомним, что в ночных боях все более или менее зависит от случая и что и без того к исходу сражения нормальная взаимозависимость и упорядоченный ход дела будут до крайности нарушены, мы легко поймем ужас, испытываемый обоими полководцами перед тем, чтобы продолжать развивать действия в темноте ночи. Если успех не является обеспеченным чрезвычайной степенью разложения противника или особым превосходством военной доблести победоносной армии, то все в таком случае в значительной мере предоставляется воле рока, что не может входить в интересы даже самого дерзновенного полководца. Как общее правило, ночь кладет предел преследованию даже в тех случаях, когда сражение было решено незадолго до ее наступления. Она позволяет побежденному тут же передохнуть и приступить к сбору своих сил, а если он будет продолжать свое отступление во время ночи, то даст ему возможность выиграть пространство. После этого перерыва побежденный находится уже в заметно лучшем состоянии. Много, что затерялось и перепуталось, снова отыскивается, огнестрельные припасы пополняются, целое сведено в новый порядок. То, что состоит между ним и победителем, будет уже новым боем, а не продолжением старого, и хотя этот новый бой далеко не предвещает абсолютно счастливого исхода, все же это будет новый бой, а не подбирание победителем рассыпавшихся обломков.

В тех же случаях, когда победитель может продолжать преследование и в течение всей ночи, хотя бы при помощи лишь сильного авангарда, составленного из всех родов войск, это в значительной мере усилит следствия победы, о чем свидетельствуют сражения под Лейтеном и Бель-Альянсом.

Вся деятельность подобного преследования относится в сущности к тактике, и мы останавливаемся на ней лишь для того, чтобы дать себе более ясный отчет в различии, которое оно вносит в результаты победы.

Это первое преследование до ближайшей остановки - неотъемлемое право победителя, и оно не находится почти ни в какой зависимости от обстановки и дальнейших его планов. Последние могут в значительной мере уменьшить позитивные результаты победы, одержанной главной массой сил, но помешать первому использованию ее они не могут; по крайней мере, такого рода случаи если и являются мыслимыми, то встречаются настолько редко, что не могут заметно повлиять на теорию. Во всяком случае надо заметить, что примеры последних войн раскрыли здесь для энергии совершенно новую арену. В прежних войнах, имевших более узкий фундамент и поставленных в более тесные границы, как во многих других отношениях, так в особенности в вопросе о преследовании создалось какое-то не являвшееся необходимым, чисто условное ограничение. Понятие чести одержать победу казалось полководцу настолько самым главным, что он не обращал остаточного внимания на действительное уничтожение сил неприятеля. Последнее представлялось ему лишь одним из многих средств на войне, даже не главным средством, не говоря уже единственным. Тем охотнее он влагал свою шпагу в ножны, раз только противник склонял свое оружие. Полководцам казалось вполне естественным прекращать сражение, как оно являлось решенным, и на дальнейшее кровопролитие они уже смотрели как на излишнюю жестокость. Если эта ложная философия и не охватывала всего объема решения, то все же она определяла тот уклон мысли, при котором представления об истощении всех сил и о физической невозможности продолжать бой получали легкий доступ и приобретали большой вес. Правда, мысль о сбережении своего инструмента победы легко приходит на ум, когда обладаешь только одним этим инструментом и предвидишь, что скоро наступит минута, когда он и без того окажется недостаточным для выполнения предстоящих задач, а к последнему обычно приводит всякое продолжение наступления. Однако такой расчет неверен постольку, поскольку дальнейшие потери сил, которые могли быть понесены при преследовании, совершенно не соответствовали бы потерям неприятеля. Но такой подход к оценке обстановки также мог возникнуть и тогда, когда не рассматривали уничтожение боевых сил неприятеля как главнейшую задачу. Оттого мы и видим, что в прежних войнах лишь подлинные герои, как Карл XII, Мальборо, Евгений, Фридрих Великий, наращивали свои победы, когда последние были достаточно решительны, энергичным преследованием; остальные полководцы обычно довольствовались занятием поля сражения. В наши дни большая энергия, какую приобрело ведение войны благодаря расширению тех интересов, до которых она возникает, уничтожила эти искусственные барьеры; преследование стало одной из главных задач победителя, число трофеев значительно увеличилось, и если в современных боях мы порою встречаем случаи, где оно не наблюдается, то такие сражения составляют исключения и всегда обусловлены особыми обстоятельствами. Под Гершеном^[91] и Бауценом полному поражению воспрепятствовало лишь огромное численное превосходство кавалерии союзников, под Гроссбереном и Деннивицем - неблагоприятное отношение шведского наследного принца, под Ланом - слабое состояние здоровья старика Блюхера.

Но и Бородино представляет пример, который может сюда относиться, и мы не можем удержаться от того, чтобы не сказать по этому поводу несколько слов, отчасти потому, что мы не признаем, чтобы от этого вопроса можно было отделаться простым порицанием Бонапарта, отчасти потому, что может показаться, будто этот случай и большое число однородных случаев принадлежат к числу тех, которые мы отнесли к крайне редким исключениям, когда обстановка в целом уже в начале сражения захватывает и оковывает полководца. Дело в том, что именно французские писатели, большие поклонники Бонапарта (Воданкур, Шамбрэ, Сегюр), решительно порицают его за то, что он не прогнал окончательно с поля сражения русскую армию и не использовал для ее разгрома свои последние силы. Это позволило бы обратить то, что являлось лишь проигранным сражением, в полное поражение. Мы бы зашли слишком далеко, если бы вздумали обстоятельно описать положение обеих армий, но одно во всяком случае ясно, что Бонапарт имел при переправе через Неман в корпусах, впоследствии дравшихся под Бородином, 300000 человек, а к этому моменту в них оставалось лишь 120000. В этих условиях у Бонапарта могло, конечно, возникнуть опасение, что у него не останется достаточно сил, чтобы идти на Москву. А лишь последняя являлась пунктом, от которого; казалось,

все зависело. Такая победа, которую он одержал, давала ему почти полную уверенность, что ему удастся занять эту столицу, ибо представлялось крайне невероятным, чтобы русские оказались в состоянии в течение ближайшей недели дать второе сражение. В Москве он надеялся найти мир. Правда, разгром русской армии в гораздо большей степени обеспечил бы ему этот мир, но первым условием все же было дойти до Москвы, т.е. дойти с такой силой, чтобы предстать перед столицей, а через нее и перед всем государством и правительством как повелитель. Того, что он в действительности довел до Москвы, было для этого уже недостаточно. Как показал дальнейший ход событий, положение было бы еще менее удовлетворительным, если бы одновременно с разгромом русской армии он вконец расстроил бы и свою, а такой исход глубоко ощущался Наполеоном, что и оправдывает его полностью в наших глазах. Отсюда не следует, однако, причислять этот случай к тем, где обстановка в целом лишает полководца возможности осуществить даже первое преследование после одержанной победы. Победа была решена к 4 часам пополудни, но русские еще удерживали в своих руках большую часть поля сражения и еще не хотели его очистить; они оказали бы при возобновлении атаки упорное сопротивление, которое хотя и несомненно закончилось бы их полным поражением, но стоило бы и противнику еще много крови. Таким образом, Бородино надо причислить к тем сражениям, которые, подобно Бауцену, не получили полного развития. Под Бауценом побежденный предпочел заблаговременно покинуть поле сражения; под Бородином победитель предпочел удовлетвориться половинной победой, не потому, что он сомневался в исходе, а потому, что был недостаточно богат, чтобы расплатиться за полную победу. Возвратимся к нашей теме. В результате нашего рассмотрения вытекает, что энергия, с которой проводится первое преследование, по преимуществу и определяет ценность победы, что это преследование составляет как бы второй акт победы, во многих случаях даже более важный, чем первый, и что стратегия, приближаясь в данном случае к тактике, чтобы принять из ее рук заверщенное дело, проявляет впервые свой авторитет в том, что требует этого завершения победы.

Но действие победы лишь в самых редких случаях останавливается на этом первом преследовании, теперь впервые открывается подлинное ристалище, и победа дает нужную энергию. Открывающееся состязание, как мы отмечали, обуславливается многими обстоятельствами, о которых нам здесь говорить пока не приходится. Но мы должны здесь рассмотреть все то касающееся преследования, что носит общий характер, дабы не повторяться всякий раз, когда оно будет встречаться.

При дальнейшем преследовании мы снова можем различать три степени его: простое продвижение вслед за неприятелем, настоящий нажим и параллельное преследование с целью отрезать пути отступления. Простое продвижение вслед за неприятелем побуждает его к дальнейшему отступлению до тех пор, пока он не найдет возможным снова вступить с нами в бой; его, следовательно, достаточно для того, чтобы исчерпать воздействие достигнутого нами перевеса и передать в наши руки все то, что побежденный не в состоянии с собою унести: раненых, больных, отставших, кое-что из имущества и обоза. Но это простое следование за неприятелем не увеличивает в его войсках разложения; последнее достигается при двух следующих степенях.

Если мы, не довольствуясь тем, что занимаем оставленные неприятелем биваки и захватываем лишь ту территорию, которую он нам оставляет, примем меры, чтобы всякий раз требовать от него большего и атаковать его арьергард нашим соответственно организованным авангардом, как только он попытается остановиться на отдых, - то это будет ускорять движение неприятеля и способствовать его разложению. Но последнее будет обусловлено преимущественно характером бегства без какой-либо передышки, который должно принять отступление противника. На солдата производит самое удручающее впечатление, когда он после утомительного перехода хочет предаться отдыху, а неприятельские орудия уже снова начинают греметь; если такое впечатление повторяется изо дня в день, то оно в конце концов может довести неприятеля до панического страха. В этом переживании заключается постоянное признание необходимости подчиняться воле противника и своей неспособности к сопротивлению, а такое сознание не может не ослабить в высшей степени моральные силы армии. Воздействие этого натиска еще более усугубится, если мы будем принуждать противника к ночным переходам. Когда победитель при заходе солнца спугивает побежденного с тех биваков, которые он выбрал или для всей армии, или хотя бы для своего арьергарда, то побежденный окажется вынужденным или делать ночной переход, или еще ночью переменить свою стоянку, отнеся ее дальше назад, что почти одно и то же; победитель же может провести ночь спокойно.

Организация маршей и выбор остановок зависят в этом случае от стольких разнообразных обстоятельств, - особенно от продовольствия, от крупных местных рубежей, от больших городов и пр., - что было бы нелепым педантизмом пытаться показать геометрическими построениями, каким способом преследующий, не отказывая себе в спокойном ночном отдыхе, может, навязывая свою волю отступающему, принуждать последнего всякий раз совершать ночные переходы. Однако практически осуществимо и бесспорно, что организация маршей при преследовании может иметь указанную тенденцию, а это должно значительно усиливать действие преследования. Если на практике это редко принимается в соображение, то по той причине, что такой прием труднее и для преследующей армии по сравнению с нормальным распределением стоянок и времени дня. Выступать рано утром, в полдень располагаться биваком, остальную часть дня употреблять на удовлетворение своих потребностей, а ночь - на отдых - гораздо более удобный метод, чем точно сообразовывать свои движения с движениями неприятеля, притом определяя их в последнюю минуту, сниматься с места то утром, то вечером, постоянно проводить несколько часов перед лицом противника, обмениваясь с ним пушечными выстрелами, вести непрерывные схватки передовыми частями, организовывать обходы, словом, пользоваться всем изобилием нужных для этого тактических приемов. Все это, естественно, ложится значительным бременем на преследующую армию, а на войне, где трудностей и без того так много, люди всегда бывают склонны снимать с себя те тяготы, которые не рисуются им безусловно необходимыми. Эти замечания сохраняют свою силу как по отношению ко всей армии, "так и, что обычно имеет место, по отношению к сильному авангарду. По всем этим причинам нам приходится довольно редко наблюдать эту вторую степень преследования, т.е. непрерывный нажим на побежденного. Сам Бонапарт мало его практиковал во время своего русского похода 1812 г. по той бросающейся в глаза в данном случае причине, что трудности и лишения, сопряженные с ним, и без того грозили его армии полным уничтожением, прежде чем ей удалось бы достигнуть намеченной цели; напротив, во всех других кампаниях французы в этом отношении выделялись своей энергией.

Третья и наиболее действительная степень преследования - это параллельный марш к ближайшей цели отступления.

Каждая разбитая армия, естественно, имеет позади себя, ближе или дальше, такой пункт, достижение которого для нее имеет в этот момент существенное значение, потому ли, что дальнейшее отступление ее подвергается опасности, как, например, при наличии теснины, или же потому, что крайне важно, чтобы отступающий дошел раньше победителя до этого пункта, например, столицы, магазина и пр., или же, наконец, потому, что в этом пункте отступающая армия может снова приобрести способность сопротивляться, как, например, на укрепленной позиции, в районе соединения с другими отрядами и пр.

Если победитель направит свое движение по боковой дороге, ведущей к тому же пункту, то само собой ясно, насколько оно должно пагубным образом ускорять отступление побежденного, делая его сначала поспешным, а под конец обращая его в бегство. У побежденного остается тогда лишь три способа реагировать на это. Первый мог бы заключаться в том, чтобы самому броситься наперерез неприятелю и неожиданным нападением достигнуть вероятности успеха, на который в общем в положении побежденного рассчитывать трудно; это, очевидно, предполагает предприимчивость и отвагу в полководце и превосходные качества армии, которая хотя и побеждена, но не понесла полного поражения. Отсюда следует, что этот прием лишь крайне редко будет применяться побежденным.

Второй способ - это ускорение отступления. Но этого-то именно и хочет добиться победитель; такой прием легко ведет к чрезмерному утомлению армии, которая будет нести неслыханные потери толпами отставших, поломанными орудиями и повозками всякого рода.

Третий способ - это уклонение в сторону для того, чтобы обойти ближайшие пункты, где путь отступающей армии может быть перерезан, и совершать марш с меньшим напряжением сил, на более далеком расстоянии от неприятеля; таким путем поспешность отступления делается менее зловредной. Последний способ - самый дурной. На него надо смотреть как на новый заем, который делает неплатежеспособный должник и который ведет к еще большему расстройству его дел. Правда, бывают положения, когда этот прием можно рекомендовать, а в других случаях он представляется единственно возможным, имеются и примеры его успешности, но в общем несомненно, что на него наталкивает не столько ясное сознание, считающее, что этим путем можно вернее достигнуть своей

цели, как другое, непозволительное, основание страх перед столкновением с неприятелем. Горе тому полководцу, который поддается этому чувству. Как бы ни пострадали моральные силы армии и как бы основательны ни были опасения оказаться в убытке при всякой встрече с неприятелем, однако это зло лишь усугубляется боязливым уклонением от всякой возможности такой встречи. Бонапарт в 1813 г. не перевел бы через Рейн и тех 30000-40000 человек, которые у него еще оставались после сражения под Ганау, если бы он уклонился от этого сражения и вздумал бы переправляться через Рейн у Маннгейма или Кобленца. Только при помощи небольших боев, подготовленных и проведенных с крайней тщательностью, при которых побежденный всегда в качестве обороняющегося может использовать выгоды местности, можно впервые поднять моральные силы армии.

Невероятным может показаться благодетельное влияние малейшего успеха. Но для такой попытки большинству полководцев приходится преодолеть самих себя; другой путь - путь уклонения - кажется на первый взгляд настолько легче, что большей частью его и предпочитают. Но как раз такое уклонение более всего способствует задачам победителя и часто кончается полной гибелью побежденного. Однако мы должны напомнить, что речь в данном случае идет о целой армии, а не об отдельном отряде, который, будучи отрезан, пытается путем обходного движения вновь присоединиться к остальным войскам. В последнем случае условия совсем иные, и удача достигается весьма часто. При этом беге наперегонки к намеченной цели важно, чтобы преследующая армия выделила отряд, который шел бы за преследуемыми по прямому пути, дабы подбирать все бросаемое ими и поддерживать в них то впечатление, которое всегда производит близость неприятеля. Последнее не было сделано Блюхером во время предпринятого им после сражения под Ватерлоо преследования, которое в других отношениях было образцовым.

Правда, такие марши ослабляют и преследующего, и их нельзя рекомендовать, если неприятельская армия отходит на новые крупные силы, если во главе ее стоит выдающийся полководец и если ее разгром еще не полностью подготовлен. Но там, где можно себе позволить применить этот способ, он действует, как мощная машина. Разбитая армия несет при этом несоразмерные потери большими и отставшими, вследствие постоянного страха перед гибелью дух ее падает и принижается; под конец не приходится и думать о каком-нибудь упорядоченном сопротивлении; каждый день теряются тысячи шлейных, даже без какого бы то ни было боя. В такой момент полного благополучия победителю нечего бояться разброски своих сил для того, чтобы увлечь в общий водоворот все находящееся в черте досягаемости его войск, отрезать отдельные отряды, захватить неподготовленные к обороне крепости, овладеть большими городами и пр. Он может позволить себе все, пока не создастся новая обстановка, и чем шире будет его размах, тем позднее наступит такая перемена. Войны Бонапарта дают нам много примеров таких блестящих действий, вызванных большими решающими победами и грандиозными преследованиями. Напомним хотя бы о сражениях под Иеной, Регенсбургом, Лейпцигом и Ватерлоо.

Глава 13.

Отступление после проигранного сражения

В проигранном сражении силы армии надламываются - моральные еще больше, чем физические. Второе сражение, без введения в игру новых, благоприятных обстоятельств, привело бы к полному поражению, а может быть, и к гибели. Это - военная аксиома. Естественно, отступление продолжается до того пункта, где равновесие сил снова восстановится или благодаря подкреплениям, или вследствие прикрытия, доставляемого значительной крепостью, или большим естественным рубежом, или, наконец, вследствие большой разброски неприятельской армии. Степень понесенных потерь и размер поражения будут удалять или приближать наступление этого момента равновесия; но еще в большей зависимости он находится от характера противника. Часто случается, что понесшая поражение армия вновь останавливается на близком расстоянии, хотя в ее положении и не произошло каких-либо перемен со времени сражения. Причина такого явления кроется или в моральной слабости противника или в том, что одержанный в сражении перевес оказался недостаточным для развития настойчивого натиска.

Чтобы использовать эти слабые стороны или промахи противника и не отступить ни на шаг дальше того, к чему вынуждает сила обстоятельств, главным же образом для того, чтобы поддержать моральные силы на возможно более благоприятном уровне, - необходимо медленное отступление с непрерывным сопротивлением, смелый отпор всякий раз, как преследующий увлечется чрезмерным

использованием своих преимуществ. Отступление великих полководцев и армий, закаленных в боях, всегда напоминает уход раненого льва, и это бесспорно лучшая теория.

Правда, очень часто в момент, когда хотелось выйти из трудного положения, начинали выполнять пустые формальности, вызывающие лишь бесполезную потерю времени и становившиеся опасными, так как в такие минуты все зависит от возможности быстро убраться. Опытные вожди придавали большое значение этому правилу. Но подобные случаи не следует смешивать с общим отступлением после проигранного сражения. Кто воображает, что в последнем случае может выиграть пространство несколькими большими переходами и легко занять устойчивое положение, тот совершает крупную ошибку. Первые движения должны быть возможно незначительными; в основном надо держаться принципа неподчинения воле неприятеля. Этому правилу нельзя следовать, не вступая в кровопролитные бои с надвигающимся противником, но принцип стоит этих жертв. Если им пренебрегать, то движение становится поспешным и скоро обращается в бешеный поток, причем потери одними отставшими превышают те, которые пришлось бы понести в арьергардных боях; сверх того теряются последние остатки мужества.

Сильный арьергард, составленный из отборных частей, предводимый самым храбрым генералом и поддержанный в важные минуты всей армией, тщательное использование местности, оказание сильного отпора всякий раз, когда дерзость неприятельского авангарда или условия местности доставляют удобный случай, словом, подготовка и выполнение настоящих небольших сражений - вот средства к проведению указанного принципа.

Трудности отступления, естественно, бывают большими или меньшими в зависимости от более или менее благоприятных условий, при которых протекало сражение, и в зависимости от большей или меньшей степени доведения сражения до последней точки. Насколько утрачивается всякая возможность совершить упорядоченное отступление, когда побежденный борется до последней крайности против численно превосходящего его противника, показывают сражения под Иеной и Ватерлоо.

Время от времени раздавались голоса (Ллойд, Бюлов), рекомендовавшие разделяться при отступлении, т.е. отступать отдельными отрядами или даже в эксцентрических направлениях. Мы не будем говорить здесь о том разделении на колонны, которое производится лишь ради удобства движения, причем совместные боевые действия остаются возможными и имеются нами в виду. Всякое же другое разделение в высшей степени опасно, противоречит природе вещей и, следовательно, составляет крупную ошибку. Каждое проигранное сражение представляет собою ослабляющее и разлагающее начало; поэтому ближайшая потребность сводится к тому, чтобы собраться и в этом сборе вновь обрести порядок, мужество и уверенность. Идея беспокоить противника с обоих флангов отдельными отрядами, в то время как он победоносно наступает, являлась бы сущей аномалией; она еще могла бы импонировать трусливому педанту, и в этом случае, может быть, была бы применима; но в тех случаях, когда нет полной уверенности в такой слабости противника, лучше от нее отказаться. Если стратегическая обстановка, создавшаяся после сражения, требует, чтобы мы прикрыли себя справа и слева отдельными отрядами, то надо сделать лишь то, что по обстоятельствам представляется безусловно необходимым; на подобное разделение сил следует всегда смотреть как на зло, причем редко будет возможно осуществить его в первый же день после сражения.

Когда Фридрих Великий после сражения под Коллином и снятия осады Праги отступал тремя колоннами, то произошло это не по его собственному выбору, но потому, что расположение его сил и прикрытие Саксонии не позволяли ничего другого. Бонапарт после сражения под Бриенном отослал Мармона на р. Об, а сам направился через Сену к Труа; если это не имело для него дурных последствий, то лишь потому, что союзники, вместо того чтобы предпринять преследование, сами также разделились: часть (Блюхер) направилась на Марну, а часть (Шварценберг), не считая себя достаточно сильной, продвигалась вперед крайне медленно.

Глава 14. Ночной бой

Как ведется ночной бой и каковы особенности его течения, это предмет тактики; мы рассматриваем его лишь постольку, поскольку в целом он представляет собою своеобразное средство.

В сущности каждая ночная атака является лишь повышенной степенью нечаянного нападения. На первый взгляд она рисуется нам как чрезвычайно действительный прием, ибо мы всегда мыслим себе обороняющегося застигнутым внезапно, а атакующего вполне подготовленным к тому, что произойдет. Какое неравенство! Фантазия изображает на одной стороне картину полного смятения, а на другой представляет нападающего, занятого лишь тем, чтобы пожинать плоды успеха. Отсюда столь часто наблюдаемое влечение к идее ночной атаки у людей, которые ничем не командуют и ни за что не отвечают, в то время как в действительности она - чрезвычайно редкое явление.

Эти представления исходят из предпосылки, что нападающему известны все принятые обороняющимся меры, ибо эти меры приняты и осуществлены заранее и не могли ускользнуть от его рекогносцировок и разведочной работы; напротив, мероприятия атакующего, как принятые лишь в момент выполнения, должны оставаться неизвестными противнику. Но уже последнее предположение не всегда оказывается верным, а первое - еще менее. Если мы не находимся от противника в столь близком расстоянии, чтобы он был расположен непосредственно на наших глазах, как находились австрийцы перед Фридрихом Великим до сражения при Гохкирхе, то наши сведения об его расположении всегда окажутся крайне неполными, их источником явятся рекогносцировки, донесения разведов, показания пленных и шпионов; все эти сведения уже потому никогда не будут определенными, что они явятся всегда более или менее устаревшими, и расположение неприятеля могло с того момента, которым они датированы, измениться. Впрочем, в прежние времена, при прежней тактике и системе устройства лагерей, было гораздо легче изучить расположение противника, чем теперь. Линию палаток гораздо легче различить, чем ряд землянок и шалашей или даже бивак, а лагерь в уставной развернутой линии фронта легче, чем лагерь по дивизиям, размещенным колоннами, какие часто встречаются в наше время. Можно полностью охватывать глазами местность, на которой таким образом бивакирует дивизия, и все же не составить себе правильного представления.

Но опять-таки расположение противника не составляет всего того, что нам надо знать. Меры, которые обороняющийся предпримет во время боя, столь же важны, не станет же он просто стрелять перед собою. Эти меры также делают ночные атаки более затруднительными в современных войнах, чем в прежних, ибо они в настоящее время получают преобладание над мерами, принятыми заблаговременно. В наших боях размещение обороняющегося имеет скорее временный характер, чем окончательный, а потому в современных войнах обороняющийся может гораздо сильнее поразить противника внезапными ударами, чем это он мог сделать в прежних войнах.

Таким образом, то, что атакующий знает во время ночного нападения об обороняющемся, редко или даже никогда не бывает достаточным для того, чтобы возместить непосредственное наблюдение.

Но обороняющийся со своей стороны имеет также небольшое преимущество; он чувствует себя более дома в той местности, которая образует его позицию, чем нападающий; так, жилец комнаты ориентируется в ней в темноте скорее, чем посторонний человек. Обороняющийся, по сравнению с атакующим, может быстрее разыскать каждую воинскую часть и легче до нее добраться.

Отсюда следует, что во время ночного боя атакующему нужны свои глаза не меньше, чем обороняющемуся; следовательно, лишь особые причины могут побудить к ночному нападению.

Такие причины преимущественно касаются второстепенных частей армии и лишь в редких случаях относятся ко всей армии, а отсюда следует, что ночная внезапная атака нормально может иметь место лишь в незначительных боях и только в редких случаях в больших сражениях.

Второстепенную часть неприятельской армии мы можем атаковать значительно превосходящими силами, следовательно, охватывая ее с целью или совершенно уничтожить, или же нанести ей в неравной борьбе большие потери, если тому будут благоприятствовать прочие обстоятельства. Однако такое предприятие может удалиться лишь при большой неожиданности, ибо в столь невыгодный бой ни одна слабая часть не станет ввязываться, а предпочтет своевременно отступить. Но высокой степени неожиданности, за исключением немногих случаев, когда местность имеет весьма закрытый характер, можно достигнуть лишь ночью. Отсюда следует, что если мы хотим извлечь выгоду из ошибочного расположения какой-нибудь второстепенной части неприятеля, то должны воспользоваться ночным временем, чтобы по крайней мере закончить нужную подготовку; самый же бой может начаться и под утро. Таким путем и возникают все мелкие предприятия против

неприятельского сторожевого охранения и других малых отрядов; острие этих предприятий направлено на то, чтобы при помощи перевеса сил и обхода вовлечь неприятеля в столь невыгодный для него бой, из которого он не мог бы выйти без больших потерь.

Чем крупнее атакуемая часть, тем предприятие труднее, ибо крупная часть всегда обладает в своих собственных недрах большими средствами, чтобы затянуть бой, пока не подоспеет подмога.

По этой причине целая неприятельская армия в обычных случаях не может стать объектом подобной атаки, ибо, хотя она и не может ожидать помощи извне, но сама она обладает достаточными средствами для того, чтобы противостоять такой атаке с нескольких сторон, особенно в наше время, когда все части подготовлены к столь обычной форме нападения. Будет ли иметь успех атака противника, направленная на нас с разных сторон, - это обычно будет зависеть от совершенно иных условий, но не от внезапности. Не останавливаясь здесь более подробно на рассмотрении этих условий, мы ограничимся лишь указанием на то, что с обходом связана возможность больших успехов, но вместе с тем и больших опасностей, и что таким образом, помимо конкретных обстоятельств, право на это дает нам лишь большое численное превосходство, каким мы можем располагать против второстепенной части неприятельской армии.

Но окружение и обход небольшого неприятельского отряда, и притом в темноте ночи, уже потому более выполнимы, что те силы, которые мы на это употребляем, как бы они ни превосходили противника численностью, все же, по всей вероятности, будут составлять лишь второстепенную часть нашей армии, а потому ими можно скорее идти на большой риск, чем ставить на карту целое. Кроме того, значительная часть, если не вся армия, будет служить для этой рискованной части опорой и будет готова ее принять, а это значительно уменьшает опасности предприятия.

Однако не только рискованность, но и трудности выполнения ночных предприятий ограничивают их применение рамками небольших сил. Так как подлинный смысл их заключается во внезапности, то первым условием выполнения является возможность подкрасться, а это легче сделать небольшими частями, чем крупными, для колонн же целой армии это почти невыполнимо. Вот почему такие предприятия обычно бывают направлены на отдельные части сторожевого охранения, а в отношении более крупных частей они могут быть применимы лишь в том случае, когда последние не выставили достаточного сторожевого охранения, как это было с Фридрихом Великим под Гохкирхом [92]. Такой случай реже может иметь место с целой армией, чем с небольшим отрядом.

В последнее время, когда война ведется гораздо быстрее и энергичнее, безусловно чаще могут иметь место случаи, когда враждующие армии располагаются друг от друга на близком расстоянии, не выставляя сильного сторожевого охранения, ибо то и другое наблюдается в моменты кризисов, незадолго предшествующих решению. Однако в такие минуты и готовность к бою у обеих сторон бывает большей: напротив, в прежние времена был распространен обычай располагать враждующие армии лагерем на виду друг у друга, и притом на долгое время; при этом у них не было других намерений, кроме стремления держать друг друга в узде. Как часто Фридрих Великий целыми неделями располагался так близко от австрийцев, что обе стороны могли обмениваться пушечными выстрелами!

Этот метод ведения войны, несомненно, более благоприятный для ночных нападений, в современных войнах совершенно оставлен, и враждующие армии, которые в наши дни уже не представляют таких законченных в себе организмов в отношении их снабжения и обеспечения палатками, обычно находят необходимым располагаться на расстоянии дневного перехода друг от друга. Если мы теперь пристальнее подумаем о ночной атаке на армию, то убедимся, что для такого предприятия редко будут иметься достаточные мотивы; последними могут быть:

1) совершенно исключительная неосторожность или дерзость противника, которые редко встречаются, а там, где они имеют место, проявление их обычно оправдывается значительным моральным превосходством;

2) панический страх, охвативший неприятельскую армию, или вообще такое превосходство наших моральных сил, которого одного достаточно, чтобы заменить в бою управление;

3) необходимость прорыва сквозь численно превосходящую нас армию противника, которая нас окружила, ибо в этом случае все ставится на внезапность, а задача - лишь бы благополучно вырваться - допускает большее сосредоточение сил;

4) наконец, безнадежное положение, когда наши силы находятся в таком несоответствии с силами противника, что лишь в крайнем риске можно усмотреть возможность успеха.

Но во всех этих случаях всегда останется в силе та предпосылка, что неприятельская армия находится у нас на глазах и не прикрыта авангардом.

Впрочем, большинство ночных боев организуется так, чтобы заканчиваться с наступлением дня; только подход и первое нападение выполняются под покровом темноты; таким образом, атакующий лучше может использовать последствия того смятения, которое он вызовет у противника; бои же, которые начинаются лишь с рассветом, причем ночь была использована только для подхода, уже не должны относиться к числу ночных боев.

Часть V. Вооруженные силы

Глава 1. Общий обзор

Мы рассмотрим вооруженные силы:

- 1) в отношении численности и состава;
- 2) по их состоянию вне боя;
- 3) с точки зрения их довольствия и, наконец,
- 4) в их общих отношениях к местности.

Следовательно, в этой части мы займемся теми отношениями вооруженных сил, которые надо рассматривать лишь как необходимые условия борьбы, но которые не являются самой борьбой. С последней они находятся в более или менее тесной связи и взаимодействии, а потому при применении боя о них часто будет заходить речь; однако предварительно мы должны раз навсегда исследовать каждое из них само по себе как отдельное целое по его существу и особенностям.

Глава 2. Театр войны, армия, поход

Природа предмета не дает возможности дать точное определение этих трех различных факторов в отношении пространства, массы и времени; но дабы порой не вызвать неправильного толкования наших слов, мы должны несколько уточнить те понятия, которые мы намерены в большинстве случаев вкладывать в эти термины.

1. Театр войны

Обычно под театром войны разумеют часть всего охваченного войной пространства, границы которого являются прикрытыми и которое потому обладает определенной самостоятельностью. Обеспечение границ театра военных действий может быть достигнуто крепостями, значительными местными рубежами, а также значительным удалением от остального пространства, охваченного войной. Такая часть представляет собой не только кусок целого, но и сама является небольшим целым, и благодаря этому перемены, происходящие на остальном захваченном войной пространстве, оказывают на нее не непосредственное, а лишь косвенное влияние. Если желательно установить точный признак, то таковым может быть только возможность представить себе на одном театре

наступление, а на другом - в то же самое время отступление; или оборонительные действия на одном, а наступательные - на другом. Но мы не всегда будем придерживаться такого строгого определения этого понятия; здесь мы желаем отметить лишь существенный его признак.

2. Армия

Пользуясь понятием театра войны, нетрудно установить, что такое армия: это та масса бойцов, которая находится на одном и том же театре войны. Однако это определение не вполне обнимает обычное словопотребление. Блюхер и Веллингтон в 1815 г. стояли во главе двух отдельных армий, хотя они действовали на одном театре войны. Таким образом, другим признаком армии является главное командование. Между тем этот признак очень близок к предыдущему, ибо при правильной организации на одном театре войны должен быть один главнокомандующий, и этот начальник на отдельном театре войны должен всегда обладать соответственной степенью самостоятельности.

Одна только абсолютная численность армии играет меньшую роль при ее наименовании, чем это может казаться на первый взгляд. Ибо там, где несколько армий действуют совместно на одном и том же театре войны, и притом под одним верховным командованием, они носят это название не по причине своей численности, но сохраняют его от прежних отношений (1813 г.: армия Силезская, Северная армия и пр.). Большую массу войск, которая предназначена действовать на одном театре войны, будут делить на корпуса, но отнюдь не на армии; по крайней мере это противоречило бы обычному способу наименования, которое, следовательно, имеет глубокие корни в существе дела. С другой стороны, было бы педантизмом высказывать притязание на название армии для всякого партизанского отряда, который самостоятельно хозяйничает в отдельной провинции; однако надо заметить, что никого не поражает, когда говорят о Вандейской армии во время революционных войн, хотя последняя порою не была многим сильнее такого отряда.

Таким образом, понятия армии и театра войны являются, как правило, сопряженными и взаимно обуславливающими друг друга.

3. Поход

Хотя часто понимают под походом те военные действия, которые в течение одного года происходят на всех театрах войны, тем не менее более обычно и более точно то словопотребление, которое под походом понимает действия, происходившие на одном театре войны. Однако нехорошо, когда при этом ограничиваются понятием годичности, ибо войны уже не разделяются сами собою на годичные походы определенным и продолжительным занятием зимних квартир. Но так как вместе с тем события, происходящие на одном театре войны, сами распадаются на известные более крупные отдельные отрезки времени, а именно тогда, когда заканчиваются непосредственные следствия какой-либо - более или менее значительной - катастрофы и завязываются новые осложнения, то надо принимать во внимание эти естественные периоды, дабы отнести к известному году (походу) принадлежащие к нему события. Никто не оборвет кампанию 1812 г. на р. Немане, где находились армии к 1 января 1813 г., и не отнесет дальнейшего отступления французов до Эльбы к походу 1813 г., ибо очевидно, что оно составляет часть их общего отступления от Москвы.

Установление этих понятий не отличается большой отчетливостью, но не представляет особого неудобства, так как они не предназначаются, подобно философским определениям, быть источником дальнейших определений. Они должны служить лишь для того, чтобы придать изложению несколько большую ясность и определенность.

Глава 3. Соотношение сил

В VIII главе 3-й части мы указали, какую ценность имеет в бою численное превосходство, а следовательно, и значение, которое имеет общий перевес сил для стратегии; отсюда вытекает важность соотношения сил; мы должны здесь высказаться о нем несколько подробнее.

Если мы рассмотрим без предубеждения историю современных войн, то будем вынуждены сознаться, что численное превосходство с каждым днем приобретает все более и более решающее

значение; поэтому правило быть возможно сильным в момент решительного боя в настоящее время мы должны ценить несколько больше, чем когда бы то ни было раньше.

Храбрость и дух войска во все времена повышали физические силы, так будет и впредь. Но мы встречаем в истории также периоды, когда резкое превосходство в устройстве и вооружении войск давало значительный моральный перевес; в другие периоды такой же перевес давала большая подвижность войск; далее оказывали влияние вновь вводимые системы тактики; затем военное искусство увлеклось стремлением к искусному использованию местности, руководимому широкими и многообъемлющими принципами; на этой почве одному полководцу время от времени удавалось выиграть у другого значительные преимущества; однако это стремление скоро исчезло и должно было уступить место более естественным и простым приемам. Если же мы без предвзятости взглянем на опыт последних войн, то будем вынуждены сказать, что ни в целых походах, ни в решительных боях, т.е. генеральных сражениях, подобные явления уже почти не наблюдались; отсылаем читателя ко второй главе предыдущей части[93]. Армии в наши дни настолько стали схожи между собой и вооружением, и снаряжением, и обучением, что между лучшими из них и худшими особо заметного различия в этом отношении не существует. Степень подготовки научных сил, правда, еще, пожалуй, представляет существенные различия, но она главным образом приводит лишь к тому, что одни являются инициаторами и изобретателями тех или иных усовершенствований, а другие их быстрыми подражателями. Даже полководцы подчиненного порядка - командиры корпусов и дивизий - всюду держатся одних и тех же взглядов и методов в отношении своей профессии; таким образом, кроме таланта главнокомандующего, который едва ли можно мыслить состоящим в каком-либо постоянном соотношении с уровнем культурного развития народа и армии и который, напротив, является всецело делом случая, - одна лишь втянутость войск в войну может еще дать одной из сторон заметное преимущество перед другой. Чем больше будет равновесие во всем этом, тем более решительное влияние оказывает численное соотношение сил.

Характер, который носят современные сражения, является результатом этого равновесия. Стоит лишь прочесть без предубеждения описание Бородинского сражения, где первая армия в мире - французская - померилась с русской армией, которая, несомненно, по многим сторонам своей организации и по степени подготовки отдельных ее частей могла быть признана наиболее отсталой. Во всем ходе сражения не наблюдается ни малейшего проявления большого искусства или интеллигентности; это спокойная борьба между собою противостоявших сил, а так как последние были почти равными, то и не могло произойти ничего иного, как только медленное опускание чаши весов на ту сторону, на которой была большая энергия в руководстве и большой боевой опыт армии. Мы выбрали как пример именно это сражение потому, что в нем более, чем в каком-либо другом, стороны были численно равны.

Мы не утверждаем, что все сражения таковы, но таков основной тон большинства.

В таких сражениях, где стороны так медленно и методически меряются силами, излишек этих сил у одной из сторон должен дать очень надежный перевес. В действительности напрасно мы будем искать в истории современных войн таких сражений, в которых победа была бы одержана над вдвое сильнейшим противником, что в прежние времена все же случалось гораздо чаще. Бонапарт, величайший полководец нашего времени, во всех своих победоносных генеральных сражениях, за исключением сражения под Дрезденом в 1813г., всегда умел сосредоточить более сильную или, во всяком случае, лишь немногим уступавшую противнику армию, а там, где это ему не удавалось, как под Лейпцигом, Бриенном, Ланом (Лаоном) и Ватерлоо, он терпел поражение.

Абсолютная численность является в стратегии большею частью такой данной, которую полководец не может уже изменить. Отсюда, однако, нельзя прийти к заключению, что вести войну со значительно слабейшей армией невозможно. Война не всегда является свободным решением политики, и менее всего она бывает такою там, где силы крайне неравны; следовательно, на войне мыслимо всякое соотношение сил, и странной была бы теория войны, которая ретировалась бы как раз там, где в ней нужда будет наибольшая.

Как бы ни была желательна с точки зрения теории известная соразмерность сил, все же даже в случае крайнего их несоответствия теория не может умыть себе руки и заявить, что она в данном случае неприменима. Никаких границ здесь установить невозможно.

Чем слабее силы, тем меньше должны быть и цели и тем короче будет продолжительность (применения этих сил - Ред.). В этих двух направлениях слабейшая сторона не может уступить в пространстве, если можно так выразиться. Какие изменения вносит в процесс войны размер сил, мы будем иметь возможность выяснять лишь постепенно, по мере того, как будем встречаться с этим вопросом; здесь же мы довольствуемся указанием общей точки зрения; для большей ясности добавим еще следующее.

Чем больше нехватка сил у стороны, вовлеченной в неравную борьбу, тем сильнее под давлением опасности должны стать их внутреннее напряжение и энергия. Там же, где наблюдается обратное явление, где вместо героического отчаяния наступает отчаяние малодушия, там, конечно, военному искусству делать нечего.

Если с этой энергией сочетается мудрая умеренность в замечаемых целях, тогда возникает игра блестящих ударов и осторожной сдержанности, чем мы столь восхищаемся в войнах Фридриха Великого[94].

Однако чем меньше могут достигнуть умеренность и осторожность, тем более важным являются напряжение и энергия всех сил. Там, где несоответствие сил настолько велико, что никакая степень ограничения собственных целей не может спасти от гибели, или когда вероятная продолжительность опасности настолько велика, что самое бережливое применение сил не может привести к цели, - напряжение всех сил будет или должно быть сосредоточено в одном единственном отчаянном ударе; теснимая сторона[95], уже не рассчитывая на помощь со стороны, которой взяться неоткуда, будет целиком возлагать свою последнюю надежду на моральное превосходство, которое придается каждому храброму человеку отчаянием. Крайнюю смелость он будет рассматривать, как высшую мудрость, в крайнем случае, он прибегнет к дерзкой хитрости, и если ему не суждено иметь удачи - он в гибели с честью обретет право на будущее воскресение.

Глава 4. **Соотношение родов войск**

Мы будем говорить лишь о трех главных родах войск: о пехоте, кавалерии и артиллерии.

Да будет мне дозволено привести нижеследующий анализ, относящийся преимущественно к области тактик, но необходимый для большей точности мышления.

Бой состоит из двух существенно отличных составных частей: уничтожения огнем и рукопашной схватки или индивидуального боя; последний в свою очередь является или нападением или обороной (нападение и оборона должны в данном случае, когда мы говорим об элементах, пониматься совершенно абсолютно). Артиллерия, очевидно, действует исключительно поражением огнем, кавалерия - лишь путем индивидуального боя, пехота - тем и другим способом.

Существо обороны в индивидуальном бою заключается в том, чтобы стоять твердо, будто пустив корни в почву; существо атаки - в движении. Кавалерия совершенно лишена первой способности, зато имеет преимущество в обладании

второй. Таким образом, она пригодна лишь для атаки. Пехота в основном обладает способностью стойко держаться, но также в известной степени не лишена и способности к движению.

Из этого распределения элементарных сил между разными родами войск вытекают превосходство и универсальность пехоты по сравнению с двумя другими родами войск, так как только она объединяет в себе все три элементарные силы. Далее из этого ясно вытекает, что соединение всех трех родов войск приводит к более полному использованию сил на войне, ибо благодаря такому соединению мы приобретаем возможность по желанию усиливать то или другое начало, которое всегда в одной и той же пропорции представлено в пехоте.

Уничтожающее начало огневого действия в наших современных войнах имеет, очевидно, наибольшую действительность; тем не менее столь же очевидно, что на индивидуальный бой, лицом к лицу, надо смотреть как на подлинную основу боя. На войне армия, состоящая из одной артиллерии,

являлась бы полной нелепостью, армия же, состоящая из одной кавалерии, мыслима, но сила ее имела бы крайне ничтожную интенсивность. Армия, состоящая из одной пехоты, была бы не только мыслима, но и гораздо более сильна. Отсюда в отношении самостоятельности порядок, в котором располагаются три рода войск, следующий: пехота, кавалерия, артиллерия.

В ином отношении стоят они, однако, в смысле сравнительного значения каждого рода войск при соединении их вместе. Так как начало уничтожения (огнем - Ред.) гораздо более действительно, чем начало движения, то полное отсутствие кавалерии гораздо менее ослабило бы армию, чем полное отсутствие артиллерии.

Армия, состоящая из одной артиллерии и пехоты, хотя и оказалась бы в неприятном положении при столкновении с армией, обладающей всеми тремя родами войск, но если бы недостающая у нее кавалерия была заменена соответственным количеством пехоты, то при несколько измененном способе действия она все же справилась бы со своим тактическим обходом. Она, конечно, несколько затруднялась бы в сфере сторожевой службы; она никогда не могла бы с достаточной энергией преследовать разбитого неприятеля и могла бы отступить лишь с большим трудом и усилиями; но самих по себе этих затруднений не было бы достаточно для того, чтобы заставить ее окончательно отказаться от действий в поле. Напротив, она прекрасно выполнила бы свою роль против другой армии, которая состояла бы из одной пехоты и кавалерии; как эта последняя армия могла бы устоять против армии, составленной из всех родов войск - трудно себе и представить.

Что эти соображения о сравнительном значении отдельных родов оружия представляют собою абстракцию, относящуюся только к нормальному большинству случаев, встречающихся на войне, разумеется само собою, и мы, конечно, не имеем в виду относить найденные положения к конкретной обстановке каждого частного боя. Батальон, несущий сторожевую службу или совершающий отступление, пожалуй, лучше предпочтет иметь при себе эскадрон, чем несколько пушек. Массе кавалерии и конной артиллерии, быстро преследующей или обходящей бегущего неприятеля, вовсе не требуется пехота и т.д.

Сведя воедино вышеизложенные соображения, мы приходим к выводу, что:

- 1) пехота - самый самостоятельный род войск;
- 2) артиллерия не обладает никакой самостоятельностью;
- 3) при соединении всех трех родов войск пехота является важнейшим;
- 4) легче всего можно обойтись без кавалерии;
- 5) соединение всех трех родов войск дает наибольшую силу.

Раз соединение всех трех родов войск дает наибольшую силу, то, естественно, возникает вопрос об абсолютно наивыгоднейшем их соотношении; но ответить на этот вопрос почти невозможно.

Если бы было возможно сравнить затрату средств, какую требует создание и содержание различных родов войск, а затем и пригодность каждого из них на войне, то тогда должен был бы получиться определенный результат, который в совершенно отвлеченной форме выразил бы наилучшее соотношение между ними. Но это лишь бесплодная игра воображения. Даже первый член этой пропорции трудно определяется; один фактор - денежные расходы - может быть определен, что же касается другого фактора - ценности человеческой жизни, то выразить его в цифрах никто не захочет.

То обстоятельство, что каждый из трех родов войск опирается по преимуществу на отдельную часть государственных средств: пехота - на численность населения, кавалерия - на количество лошадей, артиллерия - на денежные средства, вносит в расчет лишние данные, преобладание которых мы и можем довольно ясно усмотреть в крупных чертах истории различных народов и различных эпох.

Но, не имея возможности по иным причинам совершенно обойтись без масштаба для сравнения, мы вынуждены вместо первого члена пропорции в его целом пользоваться лишь одним из его фактов, который мы действительно можем установить, а именно - размером денежных затрат.

По этому поводу мы с достаточной для нас точностью можем в общем сказать, что согласно обычной практике эскадрон в 150 лошадей, батальон в 800 человек и батарея в 8 шестифунтовых орудий являются величинами, приблизительно равными по своей стоимости.

Что касается другого члена пропорции, а именно - сколько каждый род войск дает по сравнению с другим, то установить для него определенную величину еще труднее. До некоторой степени это еще было бы возможно, если бы дело сводилось к одному началу уничтожения; но каждый род войск имеет свое особенное назначение и, следовательно, свой особый круг деятельности; последний же в свою очередь является не настолько определенным, чтобы не мог быть большим или меньшим; это вызывает лишь видоизменения в ведении войны, но не причиняет решительного ущерба.

Часто ссылаются на то, что говорит об этом опыт, и думают найти в военной истории достаточные основания для определенных утверждений; но каждый должен сознаться, что все это - одни фразы, не опирающиеся на что-либо основное и неизбежное, а потому они для нашего исследования не имеют никакой цены.

Если бы даже можно было представить себе определенную величину, при которой образуется наилучшее соотношение разных родов войск, то таковая представит собою не искомое X, а простую игру воображения; однако все же можно сказать, какие следствия явятся результатом большого численного перевеса одного из родов войск или же значительного его недостатка по сравнению с тем же родом войск в неприятельской армии.

Артиллерия усиливает разрушительное огневое начало; она - самое страшное оружие, и, следовательно, недостаток в ней особенно понижает интенсивную силу армии. С другой стороны, она представляет собой наименее подвижный род войск, и, следовательно, она делает армию тяжеловесной; далее, она всегда нуждается в войсках для прикрытия, ибо совершенно неспособна к индивидуальному бою; если она излишне многочисленна, так, что части прикрытия, которые могут быть для нее выделены, не всюду будут в состоянии выдержать напор атакующих масс неприятеля, то ее часто придется терять; при этом обнаруживается еще одна невыгода, а именно, что из всех трех родов войск она как раз тот, который в отношении своих главных частей - орудий и повозок - весьма скоро может быть использован против нас.

Кавалерия увеличивает начало подвижности в армии. Если она слишком малочисленна, то это ослабляет быстроту развития хода военных событий, так как все должно делаться гораздо медленнее (пешком) и все должно организовываться с большей осторожностью; богатая жатва победы уже не косится косой, а жнется серпом.

Чрезмерное количество кавалерии никогда не может рассматриваться как непосредственный источник слабости вооруженных сил, как внутреннее неудобство; оно будет таковым лишь косвенно, в отношении трудности содержания ее, имея в виду, что вместо избыточных 10 000 кавалеристов можно было бы иметь 50 000 пехотинцев.

Эти особенности, вытекающие из преобладания какого-нибудь одного рода войск, тем важнее для военного искусства, понимаемого в более узком смысле слова, что последнее указывает нам методы использования имеющихся налицо вооруженных сил, состав же этих сил поступает в распоряжение главнокомандующего как готовая данная, при определении которой он играет сравнительно незначительную роль.

Итак, если мы захотим представить себе характер ведения войны, измененный вследствие преобладания какого-либо рода войск, то он будет рисоваться в следующем виде.

Избыток артиллерии приводит к преимущественно оборонительному, пассивному характеру действий; при этом будут искать спасения главным образом в укрепленных позициях, в значительных естественных рубежах, даже в горных позициях, дабы местные преграды принимали на себя оборону и

защиту многочисленной артиллерии, а неприятельские силы сами шли бы под ее губительный огонь. Вся война будет вестись серьезным, формально размеренным темпом менуэта.

Напротив, недостаток артиллерии побудит нас отдавать предпочтение активному принципу подвижности. Переходы, труды и усилия станут нашим своеобразным оружием; война получит разнообразный, оживленный, замысловатый характер; крупные события будут разменены на мелкую монету.

При весьма многочисленной кавалерии мы будем искать широкого простора равнин и любить размах крупных движений. Находясь на значительном расстоянии от неприятеля, мы будем пользоваться большим покоем и удобствами, но не будем давать ему возможность пользоваться ими. Мы будем предпринимать отважные обходы и вообще смелые движения, ибо мы хозяева пространства. Поскольку диверсии и набеги могут быть действительными вспомогательными средствами войны, мы будем иметь возможность легко их применять.

Решительный недостаток в кавалерии уменьшает подвижность армии, не усиливая ее истребительного начала, как то делает избыток артиллерии. Тогда осторожность и методичность образуют основной характер войны. Постоянное нахождение вблизи от противника, чтобы не терять его из виду; отказ от быстрых, а тем более торопливых и опрометчивых движений; всегда медленное передвижение хорошо сосредоточенных масс; предпочтение, оказываемое пересеченной местности и обороне, а там, где должно быть произведено наступление, кратчайшее направление на центр тяжести неприятельской армии таковы естественные тенденции в подобном случае.

Эти различные направления, принимаемые способом ведения войны в зависимости от преобладания того или другого рода войск, редко будут столь глубоко влиятельными и широко объемлющими, чтобы они одни - или по преимуществу одни - определяли ход всех операций. Если мы останавливаем свой выбор на стратегическом наступлении или на обороне, на действиях на том или другом театре войны, на генеральном сражении или на ином каком-либо средстве истребления, то мы руководимся другими существенными обстоятельствами; во всяком случае, если это будет не так, то надо опасаться, как бы мы не приняли второстепенное за главное. Но даже в тех случаях, когда главные вопросы уже решены на основе других данных, все же остается известный простор для проявления влияния, оказываемого преобладанием того или другого рода войск, ибо в наступлении можно быть осторожным и методичным, а в обороне - смелым и предприимчивым и т.д. во всех стадиях и оттенках боевой жизни.

С другой стороны, природа войны может оказывать существенное влияние на соотношение различных родов войск.

Во-первых, народная война, опирающаяся на ландвер и ландштурм, естественно, приводит к организации значительного количества пехоты, ибо в такой войне ощущается большой недостаток в средствах для снаряжения, чем в людях, а так как в таких случаях снаряжение ограничивается самым необходимым, то легко можно допустить, что вместо одной восьмиорудийной батареи может быть выставлен не один батальон пехоты, а целых два или три.

Во-вторых, если слабая сторона в борьбе с сильной не может прибегнуть к вооружению широких масс или к какому-нибудь ополчению, приближающемуся к этой организации, то увеличение артиллерии представляет, конечно, кратчайший путь к тому, чтобы хотя бы до некоторой степени довести до равновесия свои слабые силы, ибо этим путем сберегаются люди и повышается самое существенное начало своих вооруженных сил - начало истребления. Кроме того, в этом случае театр войны по большей части будет ограничен тесными пределами, а тогда этот род войск окажется более всего подходящим. Фридрих Великий прибег к этому средству в последние годы Семилетней войны.

В-третьих, кавалерия есть оружие движения и крупных решительных действий; поэтому увеличение ее состава сверх обычной нормы важно при весьма обширных пространствах, широкой маневренности и при наличии намерения нанести решительные удары. Бонапарт являет тому яркий пример.

Что наступление и оборона, собственно говоря, сами по себе не могут в данном случае оказать

влияния, станет для нас ясным лишь тогда, когда мы будем говорить об этих видах военной деятельности; сделаем лишь одно предварительное замечание, а именно, что обе стороны - как наступающая, так и обороняющаяся - обыкновенно проходят по одной и той же местности, а также, по крайней мере во многих случаях, могут преследовать те же решительные цели. Вспомним поход 1812 г.

Согласно общераспространенному мнению, в средние века кавалерия своей численностью значительно превосходила пехоту, и это соотношение постепенно, вплоть до наших дней, складывалось к невыгоде кавалерии. Однако это - по крайней мере, отчасти - представляет собою недоразумение. Численность кавалерии по отношению к пехоте была немного больше, в чем нетрудно убедиться, проследив внимательно более точные цифровые данные о вооруженных силах средних веков. Вспомним хотя бы о тех пехотных массах, которые составляли войска крестоносцев или следовали за императорами в их итальянских походах. Но значение кавалерии в те времена было действительно гораздо большее. Она являлась более могучим родом войск; составлялась она из отборной части народа, и притом так, что, значительно уступая в численности, она все же рассматривалась как самая главная; с пехотой мало считались и о ней почти не упоминали; отсюда сложилось мнение, будто в те времена ее было очень мало. Правда, при небольших междоусобных войнах, происходивших в Германии, Франции и Италии, чаще, чем теперь, могли быть случаи, когда вся немногочисленная армия состояла из одной конницы; так как она представляла самый главный род войск, то в этом не заключалось никакого противоречия; однако такие случаи не могут считаться решающими для определения общей нормы, так как последняя определяется главным образом большими армиями. Лишь тогда, когда в деле ведения войны ленные отношения потеряли всякое значение, а войны стали вестись при помощи наемных, оплачиваемых солдат, на базе вербовки и денег, т.е. в эпоху Тридцатилетней войны и Людовика XIV, окончательно прекратилось это пользование большими массами малополезной пехоты; пожалуй, тогда снова вернулись бы исключительно к коннице, если бы благодаря заметному усовершенствованию огнестрельного оружия пехота не приобрела большего значения; этим она сохранила свое численное преобладание над кавалерией; в этот период соотношение между пехотой и кавалерией, когда пехоты было мало, выражалось в цифрах 1:1, а когда пехота была очень многочисленна, то она относилась к коннице, как 3:1.

С тех пор, по мере совершенствования огнестрельного оружия, кавалерия все более теряет свое значение. Это само собою понятно; однако указанное совершенствование касается не только самого оружия и умения им пользоваться, но и умения употреблять в дело войска, по-новому вооруженные. В сражении при Мольвице пруссаки довели свое умение пользоваться огнем до высшей степени, превзойти которое не удалось и в позднейшие времена. Однако пользование пехотой на пересеченной местности и применение огнестрельного оружия в стрелковом бою появились лишь позднее и должны рассматриваться как крупный шаг вперед в акте истребления.

Таким образом, наше мнение сводится к тому, что соотношение между кавалерией и пехотой с точки зрения численности мало изменилось, значение же того и другого рода войск изменилось чрезвычайно. Это на первый взгляд кажется противоречием, но в сущности не является таковым. Дело в том, что в средние века пехота достигла такого значительного численного перевеса над конницей не по своему внутреннему отношению к последней, а по той причине, что все то, что нельзя было поставить в виде значительно более дорогого рода войск, выставлялось в виде пехоты; следовательно, пехота являлась лишь возможным выходом из трудного положения, а конница, если бы численность ее определялась исключительно ее значением, никогда не могла бы быть слишком многочисленной. По этой-то причине становится понятным, почему, несмотря на потерю значительной доли своего значения, кавалерия все же достаточно сохранила его для того, чтобы удержаться в том же численном отношении к пехоте, какое она до сих пор так упорно сохраняет.

Действительно, нельзя не отметить, что, по крайней мере, со времени войны за австрийское наследство, отношение кавалерии к пехоте не изменилось, колеблясь в пределах 1/4, 1/5, 1/6. По-видимому, это указывает на то, что именно такое соотношение удовлетворяет естественную потребность и что им выражаются как раз те величины, которые установить непосредственно не представляется возможным. Мы, однако, в этом сомневаемся и полагаем, что во многих случаях в пользу увеличения численности кавалерии действовали особые, исключительные основания.

Россия и Австрия представляют собою государства, которые наталкиваются на такое увеличение, ибо они еще располагают в составе своих владений обломками татарских организаций [96]. Бонапарт никогда не мог собрать достаточных сил для своих целей; использовав конскрипцию до крайнего предела, он имел возможность усилить свою армию лишь путем увеличения вспомогательных родов войск [97], для которых требуется больше денег, чем человеческого материала. Нельзя притом упускать из виду, что при огромных размерах его походов кавалерия должна была получать гораздо большую ценность, нежели в обыденных случаях.

Фридрих Великий, как известно, осмотрительно учитывал каждого рекрута, которого он мог сберечь для своей страны; главный его промысел заключался именно в том, чтобы поддерживать свою армию в сильном составе за счет иностранных государств. Что к этому у него было полное основание, станет понятным, если вспомнить, что из своих небольших владений он лишился еще прусских и вестфальских провинций [98]. А кавалерия, помимо того что она вообще требует меньше народа, гораздо легче пополняется при помощи вербовки; к этому присоединялась и его система ведения войны, основанная на превосходстве в подвижности; таким-то образом и произошло, что, в то время как пехота у него таяла, кавалерия до самого конца Семилетней войны численно непрерывно росла. Все же в конце этой войны кавалерия по численности едва достигала одной четверти выступавшей в поле пехоты.

В наполеоновскую эпоху впрочем мы можем встретить достаточное число примеров, когда армии, обладавшие необычайно слабой кавалерией, все же одерживали победу. Самый яркий пример этого - сражение при Гросс-Гершене [99]. Силы Бонапарта, если считать те дивизии, которые принимали участие в бою, равнялись 100000 человек, в том числе 5000 кавалерии и 90000 пехоты; у союзников же было 70000 человек, из которых 25000 кавалерии и 40000 пехоты. Таким образом, у Бонапарта, имевшего на 20000 человек кавалерии меньше, чем неприятель, было на 50000 человек пехоты больше; а следовало бы иметь пехоты на 100000 больше [100]. Если он все же выиграл сражение при таком перевесе пехоты, то спрашивается, мог ли бы он его проиграть при условии, что отношение сил было бы 140000 к 40000?

Правда, тотчас после окончания сражения сказалась огромная выгода нашего превосходства в кавалерии, ибо Бонапарт почти не захватил никаких трофеев. Таким образом, выиграть сражение - еще не все; однако не является ли это все же самым существенным?

Ввиду таких соображений нам кажется сомнительным, чтобы установившееся и сохранившееся до нас в последние 80 лет численное соотношение между кавалерией и пехотой было естественным и вытекающим исключительно из их абсолютной ценности; напротив, мы того мнения, что после многих колебаний соотношение этих двух родов войск подвергнется новому изменению в том же направлении, причем относительная численность кавалерии в конце концов значительно сократится.

Что касается артиллерии, то число орудий естественно возрастало с момента их изобретения по мере их облегчения и усовершенствования; однако со времен Фридриха Великого и до наших дней ее отношение к пехоте сохраняется довольно устойчиво - два или три орудия на каждую тысячу человек. Понятно, что эти цифры относятся к началу кампании, ибо в течение ее артиллерия тает не в такой прогрессии, как пехота; поэтому к концу кампании это соотношение значительно увеличивается и может быть оценено как 3, 4 и до 5 орудий на каждую 1000 человек. Является ли такое соотношение естественным или же увеличение числа орудий может возрасти без ущерба для ведения войны в целом, - этот вопрос должен разрешить опыт [101].

Итак, если мы подведем окончательный итог всему вышесказанному, то получится следующая картина:

1) пехота является главным родом войск, по отношению к которому остальные два являются подчиненными;

2) недостаток в этих двух родах войск может быть до некоторой степени восполнен большим искусством и энергичной деятельностью в ведении войны, при предпосылке, что пехота соответственно сильнее и лучше;

3) без артиллерии труднее обойтись, чем без кавалерии, ибо она представляет главное начало истребления, и действия ее в бою более тесно слиты с действиями пехоты;

4) так как в деле истребления артиллерия представляет наиболее сильный род войск, а кавалерия - наиболее слабый, то в общем вопрос надо ставить так: до какого предела можно усиливать артиллерию без особого ущерба и каким минимальным количеством кавалерии можно обойтись?

Глава 5. Боевой порядок армии

Боевой порядок - это то подразделение и объединение родов войск в отдельные члены всего целого и та форма их построения, которые должны остаться нормой для всей кампании или войны [102].

Таким образом, он заключает в себе до известной степени арифметический и геометрический элементы - подразделение и построение. Первое исходит из постоянной организации армии мирного времени, воспринимает известные части, как-то: батальоны, эскадроны, полки и батареи, за единицы и образует из них более крупные члены вплоть до целого - сообразно с требованиями обстановки.

Точно таким же способом и построение исходит из элементарной тактики, в соответствии с которой войска в мирное время обучаются и упражняются и на которую в основном во время войны приходится смотреть, как на мало подлежащую изменению данную [103]. Затем построение связывается с условиями применения войск на войне в крупных массах и, таким образом, в общем определяет тот нормальный порядок, в котором войска вступают в бой.

Так было во все времена, когда большие армии выступали в поход; была даже эпоха, когда форма построения войск признавалась самым существенным фактором боя.

Когда в XVII и XVIII столетиях усовершенствование огнестрельного оружия заставило сильно увеличить численность пехоты и растянуть ее в тонкие длинные линии, боевой порядок стал благодаря этому проще, но в то же время построение его стало трудным и искусственным. При этом уже решительно не знали, куда девать кавалерию, кроме размещения ее на флангах, где не было стрельбы и где у нее был простор для действий на коне; таким образом, боевой порядок всякий раз обращал армию в замкнутое неделимое целое. Стоило перерезать такую армию пополам, и она уподоблялась разрезанному надвое земляному червю; крылья продолжали еще жить и двигаться, но уже не могли выполнять свои органические функции. Армии как бы находились под известного рода заклятием единства, и всякий раз, когда требовалось выделить какую-либо часть, необходимо было провести небольшую реорганизацию и дезорганизацию. Армия в состоянии марша находилась в известной степени вне закона. Если неприятель находился поблизости, то марш должен был организовываться с крайним искусством; одну из линий или крыло приходилось вести через всякого рода естественные преграды на сносном интервале от других частей. Возможность совершать такие переходы приходилось точно воровать у противника, и единственное обстоятельство, которое делало это хроническое воровство безнаказанным, заключалось в том, что и противник находился под тем же самым заклятием.

Поэтому, когда во второй половине XVIII столетия напали на мысль о том, что кавалерия может с таким же успехом охранять фланги, размещаясь позади армии, как и составляя ее продолжение по фронту, и что в первом случае она может быть использована и для многих других целей, помимо простого состязания с кавалерией противника, то этим уже был сделан значительный шаг вперед, этим путем армия на всем своем фронте, представляющем всегда главнейшее ее протяжение, оказалась состоящей из однородных членов. Ее можно было разбить на любое число частей, причем так, что каждая часть походила на другую и на общее целое. Армия перестала быть неделимым единством и обратилась в многочленное целое, а отсюда стала гибкой и поворотливой. Части могли без особых затруднений отделяться от целого и снова к нему присоединяться: - боевой порядок не нарушался. Таким путем возникли соединения, составленные из всех родов войск, - точнее говоря, благодаря этому они стали возможными, ибо, конечно, потребность в них ощущалась гораздо раньше.

Вполне естественно, что вся эта эволюция определялась формами сражения. Когда-то сражение

представляло собой всю войну, и оно всегда останется ее сущностью. Вообще боевой порядок в большей мере относится к тактике, чем к стратегии; этим указанием' на источник мы хотим лишь подчеркнуть, как тактика подразделением целого на меньшие целые уже подготовила почву для стратегии.

Чем значительнее становятся армии, чем шире они распределяются на больших пространствах и чем многообразнее действия отдельных частей сплетаются одно с другим, тем больший простор открывается перед стратегией. Боевой порядок, как мы его понимаем[104], должен был вступить со стратегией в известное взаимодействие, которое проявляется главным образом в тех предельных точках, где тактика и стратегия соприкасаются между собою, а именно - в те моменты, когда общая группировка сил переходит в особый распорядок боя.

Теперь обратимся к трем пунктам: подразделение армии, объединение различных родов оружия и построение, и рассмотрим их в стратегическом отношении.

1. Подразделение

С точки зрения стратегии никогда не следовало бы задавать вопрос о том, какой силы должны быть дивизия или корпус, а лишь о том, сколько корпусов или дивизий должно быть в армии. Нет ничего более неуклюжего, чем армия, разделенная всего на три части, не говоря уже о делении ее на две части; такое деление почти нейтрализует главнокомандующего.

Определение численности крупных и мелких частей как на основе положений элементарной тактики, так и на основе высших тактических соображений открывает невероятно широкое поле для произвола, и одному богу известно все разнообразие рассуждений, развертывавшихся на этом просторе. Напротив, потребность в известном числе частей, входящих в состав самостоятельного целого, представляет нечто совершенно определенное и ясное, и эта мысль дает чисто стратегические основания для определения числа, а отсюда, конечно, и силы более крупных единиц; определение численности более мелких частей, как батальоны, роты и т.п., всецело остается в распоряжении тактики.

Нельзя себе представить самой мелкой изолированной единицы, в которой нельзя было бы различить трех частей, из которых одна часть может быть выдвинута вперед, одна часть задержана позади; конечно, четыре части представляют еще больше удобств; это вытекает из того, что средняя часть в качестве главных сил должна быть крупнее двух других; рассуждая дальше, можно дойти до восьми частей, что представляется нам наиболее подходящим для армии, если принять за постоянную необходимость иметь одну часть в качестве авангарда, три - в качестве главных сил, а именно: правое крыло, центр и левое крыло, две части как резерв и, наконец, одну для выделения вправо и одну для выделения влево. Было бы педантизмом придавать этим цифрам и фигурам особое значение, но мы все же полагаем, что они отражают обычное, всегда повторяющееся стратегическое построение, благодаря чему и представляют собой весьма удобное подразделение.

Правда, руководство армией (да и руководство всяким целым) представляется чрезвычайно облегченным, когда главнокомандующему приходится иметь дело не более, чем с тремя или четырьмя непосредственно ему подчиненными; но за это удобство полководец обыкновенно дорого расплачивается двояким образом.

Во-первых, чем длиннее иерархическая лестница, по которой должно спускаться приказание, тем это последнее более теряет в своей быстроте, силе и точности: это имеет место, когда между главнокомандующим и начальниками дивизий имеются еще и корпусные командиры; во-вторых, главнокомандующий утрачивает тем большую часть своей власти и действенности, чем шире круг деятельности его непосредственных подчиненных. Полководец, распоряжающийся 100000 человек, разделенных на восемь частей, обладает гораздо более интенсивной властью, чем в том случае, когда те же 100000 человек разделены всего на три части. На это имеется много разных причин; важнейшая из них та, что командир каждой части полагает, будто бы он имеет какие-то собственные права на все подчиненные ему войска, и потому упорствует почти всякий раз, когда какая-либо часть их отнимается у него на более или менее продолжительное время. Кто имеет хоть некоторый боевой опыт, тому это вполне ясно.

С другой стороны, нельзя доводить и числа отдельных частей до чрезмерно больших размеров, во избежание беспорядка. Штабу армии, состоящей из восьми частей, управлять уже не легко, и выше десяти доводить это число не следует. В дивизии же, где средства для доведения приказов до осуществления гораздо ограниченнее, подходящими являются более мелкие цифры: 4, максимум 5.

Если бы эти факторы (5 и 10) оказались недостаточными, т.е. если бы при этом бригады получились слишком большие, пришлось бы вставить еще корпусную организацию; при этом, однако, надо иметь в виду, что тем самым создается новая власть, которая сразу значительно снижает все прочие инстанции.

Что собственно надлежит разуметь под слишком крупной бригадой? Размер ее обыкновенно определяется числом от 2000 до 6000 человек, причем, по-видимому, существуют два основания для оправдания последнего предела: первое заключается в том, что бригада представляется как такая часть, которой один человек, может непосредственно управлять, т.е. командование которою лежит в пределах голоса[105], второе - что оставлять без артиллерии значительную массу пехоты нежелательно, а первичное объединение двух родов войск само собой создает особое подразделение.

Не будем углубляться в эти тактические тонкости и оставим в стороне спор о том, когда и в каком соотношении должно происходить объединение всех трех родов оружия: в дивизиях ли, состоящих из 8000 или 12000 человек, или в корпусах в 20000 - 30000 человек. Даже самые ярые противники подобного объединения[106] не будут возражать против нашего утверждения, что лишь это объединение придает самостоятельность частям и что для тех частей, которым приходится во время войны оказываться часто изолированными, оно по меньшей мере представляется желательным.

В армии, состоящей из 200000 человек и подразделенной на десять дивизий, из которых каждая в свою очередь подразделена на пять бригад, бригада равнялась бы 4000 человек. В этом случае мы ни в чем не усматриваем какой-либо аномалии. Правда, такую армию можно подразделить и на пять корпусов, а каждый корпус на четыре дивизии и дивизию на четыре бригады, причем создадутся бригады по 2500 человек; но, говоря теоретически, первое деление нам кажется предпочтительным, ибо при втором делении у нас уже получается на одну иерархическую ступень больше, и сверх того пять частей для подразделения армии мало, так как это делает ее недостаточно гибкой; то же можно сказать и о четырехдивизионном корпусе, а бригада в 2500 человек - бригада слабая; таких бригад у нас окажется 80, в то время как первое деление, имевшее их всего 50, было тем самым проще. Стоит ли отказываться от всех этих преимуществ лишь для того, чтобы главнокомандующему пришлось иметь дело с половинным числом генералов! Ясно само собою, что в не столь многочисленных армиях деление на корпуса представляется еще более неуместным.

Таковы отвлеченные соображения по этому предмету. Конкретный случай может, конечно, сопровождаться основаниями, которые приведут к иному решению. Прежде всего, надо признать, что если еще можно управлять восемью или десятью дивизиями, объединенными в армию на равнине, то при растянутом расположении в горах, пожалуй, командование ими оказалось бы невозможным. Широкая река, разделяющая армию на две равные части, заставит назначить особого начальника над каждой половиной. Короче говоря, могут быть сотни местных конкретных обстоятельств, перед которыми должно отступить отвлеченное правило.

Однако опыт учит нас, что эти отвлеченные основания все же применяются чаще всего и вытесняются частными случаями гораздо реже, чем это можно было бы предполагать.

Мы позволим себе обрисовать в кратких чертах общий объем всех этих соображений, сопоставив при этом отдельные, более веские замечания.

Разумея под членами целого лишь те, которые получают от первого подразделения, т.е. непосредственно подчиненные, мы говорим:

- 1) если у целого слишком мало членов, оно становится негибким;
- 2) если члены целого чересчур крупны, то это ослабляет силу высшего командования;

3) с каждой ступенью, по которой проходит приказание, сила его ослабляется по двум причинам: во-первых, вследствие утраты, происходящей от передачи через новую инстанцию; во-вторых, вследствие задержки во времени, которая вызывается этой передачей.

Все это служит основанием, чтобы число рядом стоящих единиц было возможно больше, а число инстанций - возможно меньше. Предел здесь ставится лишь тем, что армейское командование может с удобством управлять не более, чем восемью или десятью членами, а низшие инстанции - только четырьмя или шестью.

2. Объединение родов войск

Для стратегии объединение различных родов войск в боевом порядке важно лишь в отношении тех частей, которые, согласно обычному ходу дела, часто располагаются отдельно, причем они могут быть вынуждены самостоятельно вступить в бой. Для этого, естественно, предназначаются члены первого порядка и главным образом только они, ибо, как мы в этом будем иметь случай убедиться, образование отдельных групп большей частью вытекает из самого понятия целого и его потребностей.

Поэтому, строго говоря, стратегия должна была бы требовать постоянного соединения разных родов войск лишь в составе корпусов, а если этой единицы не существует, то в составе дивизий, и допускать в членах низшего порядка лишь временное объединение, когда то оказывается необходимым.

Но легко усмотреть, что корпуса, когда они достигают большой численности, от 30000 до 40000 человек, лишь в редких случаях будут занимать одно нераздельное расположение, следовательно, такие крупные корпуса нуждаются в объединении различных родов войск и в дивизиях. Тот, кто ставит ни во что задержку, происходящую при всяком спешном откомандировании, когда приходится придавать пехоте кавалерийскую часть, которая должна прибыть из довольно удаленного, может быть, пункта, - мы не говорим уже о путанице, которая может при этом произойти, - тот, очевидно, не обладает никаким военным опытом.

Вопросы, уточняющие условия объединения трех родов войск, определяющие, до каких пределов оно может спускаться, насколько тесным оно должно быть, какие при нем должны соблюдаться соотношения, какие резервы каждого рода оружия должны быть оставлены, относятся полностью к тактике.

3. Построение

Решение вопроса о том, в каких пространственных соотношениях между собою должны быть построены в боевом порядке отдельные части армии, точно так же принадлежит всецело тактике, так как определяется только сражением. Правда, существует и стратегическое построение, но оно зависит почти исключительно от задач и требований данной минуты, а то, что в нем имеется рационального, не содержится в значении, которое вкладывается в понятие боевого порядка^[107], поэтому мы рассматриваем его в следующей главе под заглавием "Группировка армии".

Боевой порядок армии есть, следовательно, подразделение ее и построение в упорядоченной для сражения массе. Части должны быть так сцеплены, чтобы как тактические, так и стратегические требования данной минуты могли быть легко удовлетворены любой отдельной частью, изъятой из общей массы. Как только минует потребность данного момента, части тотчас снова становятся на свои места; таким путем боевой порядок становится первой ступенью и основой того благотворного методизма, который на войне, подобно качанию маятника, регулирует все дело и о котором мы уже говорили в IV главе 2-й части.

Глава 6. Группировка армии^[108]

Между моментом начального сосредоточения вооруженных сил и моментом созревшего решения, когда стратегия поведет армию на решительный пункт, а тактика укажет каждой части ее место и роль, в большинстве случаев имеет место значительный промежуток времени. Точно так же

одна решающая катастрофа отделяется во времени от следующей[109] .

Прежде такие промежутки до известной степени как бы не являлись войной. Вспомним хотя бы, как Люксембург[110] располагался лагерем и совершал переходы. Мы обращаемся к действиям этого маршала потому, что он прославился своими лагерями и маршами, а следовательно, может считаться представителем своей эпохи, к тому же мы о нем больше знаем, чем о каком-нибудь другом современном ему полководце, из "Histoire de la Flandre Militaire"[111].

Лагери, как правило, упирались тылом вплотную к реке или болоту, или же к глубокому оврагу, что теперь сочли бы безумием. Фронт расположения отнюдь не определялся направлением, в котором находился неприятель, и часто бывали случаи, когда лагерь был обращен тылом к неприятелю, а фронтом к собственной стране. Такой неслыханный в наши дни образ действий может быть объяснен исключительно тем, что при выборе места под лагерь руководствовались главным образом и почти исключительно соображениями удобства, а на лагерное расположение смотрели как на состояние вне акта войны, так сказать, за кулисами сцены, где нет надобности стесняться. Что тылом всегда прислонялись вплотную к какой-нибудь естественной преграде, составляло, пожалуй, единственную меру предосторожности, которую при этом считали нужным принимать, правда, в духе тогдашнего способа вести войну. Ведь такая мера вовсе не подходила к случаю, если бы нас вынудили к бою в таком лагере. Впрочем, этого почти и не приходилось опасаться, ибо сражения происходили чуть ли не по обоюдному соглашению, - подобно дуэли, когда отправляются на удобное для обеих сторон rendez-vous (место встречи Ред.). Так как армии, отчасти из-за своей кавалерии, - которая даже на закате своей славы рассматривалась, особенно у французов, еще как главный род войск, - отчасти же вследствие беспомощности боевого порядка, не могли сражаться на всякой местности, то, расположившись на пересеченном пространстве, они оказывались как бы под охраной нейтральной территории; но так как и сами они не могли использовать пересеченную местность, то предпочитали выходить для сражения навстречу наступающему противнику.

Правда, мы знаем, что сражения, данные Люксембургом под Флерюсом, Стеенкеркеном и Неервинденом, были проведены им как раз в другом духе, но этот дух являлся тогда новым творчеством этого; великого полководца, отрывавшимся от прежних методов; на методе же размещения лагеря он еще не успел отразиться. Все изменения в военном искусстве всегда исходят из сферы решительных действий, а через их посредство постепенно видоизменяются и все прочие действия. Насколько мало смотрели на расположение лагерем как на настоящее состояние войны, доказывает выражение "Il va a la guerre" (он идет на войну. - Ред.), которое применяли к партизану, отправлявшемуся из лагеря для наблюдения за неприятелем.

Немногим отличались от этого и марши, при которых артиллерия совершенно отделялась от армии, чтобы следовать по более безопасным и удобным дорогам, а обе массы кавалерии менялись местами на крыльях, дабы честь быть на правом крыле выпадала на долю каждой поочередно.

Теперь же, т.е. преимущественно со времени Силезских войн, состояние вне боя настолько проникнуто отношением к бою, что оно находится с ним в самом тесном взаимодействии, и совершенно невозможно мыслить одно в его целом без другого. Прежде в течение кампании бой был оружием в собственном смысле слова, а состояние вне его - лишь рукояткой: первый - стальной клинок, второе - лишь прикрепленный к нему деревянный стержень, и, следовательно, целое состояло из разнородных частей, а теперь на бой надо смотреть, как на лезвие, а на состояние вне боя - как на тупую сторону оружия, целое же является хорошо выкованным металлом, в котором уже нельзя различить, где начинается сталь и где кончается железо.

Это бытие на войне вне боя определяется в наше время отчасти организацией и порядком службы, которые армия приносит из распорядка мирного времени, отчасти же тактическими и стратегическими требованиями данной минуты. Есть три состояния, в которых могут находиться вооруженные силы: квартирное расположение, марши, бивак. Все они одинаково принадлежат к тактике и стратегии. Последние, близко соприкасаясь в данном случае между собою, часто словно вторгаются в область одна другой; порою действительно это имеет место, и многие вопросы могут одновременно рассматриваться и как тактические, и как стратегические.

Мы поговорим об этих трех формах бытия вне боя в общих чертах, пока не связывая их с

особыми целями; поэтому мы должны прежде всего рассмотреть общую группировку боевых сил, ибо она представляет как для бивака, так и для расквартирования и для маршей распорядок высшей объемлющей категории.

Если рассматривать группировку вооруженных сил в общем, т.е. безотносительно к особым целям, то мы можем ее мыслить лишь как единство, т.е. как целое, предназначенное для совместного удара, ибо всякое отклонение от этой простейшей формы уже предполагало бы какую-нибудь особую цель. Таким образом, возникает понятие армии, безразлично - крупной или малой.

Далее, там, где отсутствуют какие-либо особые цели, выступает на первый план задача сохранения, а следовательно, безопасности армии. Таким образом, армия должна иметь возможность существовать без особых невзгод, и она же должна иметь возможность вступить в бой, сосредоточившись и не попадая в особо невыгодное положение, - вот два необходимых условия. Отсюда вытекают дальнейшие условия, касающиеся существования и безопасности армии:

- 1) легкость снабжения продовольствием;
- 2) удобство размещения;
- 3) обеспеченность тыла;
- 4) свободная полоса местности впереди;
- 5) расположение самой группировки на пересеченной местности;
- 6) стратегические опорные пункты;
- 7) целесообразная группировка.

По отдельным пунктам мы можем дать следующие пояснения.

Первые два пункта побуждают к тому, чтобы отыскивать районы населенные и культурные, большие города и проезжие дороги. Они важнее для общего решения, чем для частных.

То, что мы разумеем под обеспеченностью тыла, вытекает из содержания главы о коммуникационных линиях[112]. Ближайшее и важнейшее условие в этом отношении - это занятие фронта, перпендикулярного к направлению, которое имеет главный путь отступления вблизи от нашего расположения.

Что касается четвертого пункта, то хотя армия и не может обозревать всю полосу лежащей перед ней местности, как она может обозревать пространство перед фронтом при расположении для сражения, но ее стратегическим оком служат авангард, высланные вперед разъезды, лазутчики и пр.; конечно, для этих органов наблюдение на открытой местности легче, чем на пересеченной. Пункт пятый представляет лишь обратную сторону четвертого пункта.

Стратегические опорные пункты отличаются от тактических двумя свойствами: во-первых, тем, что нет необходимости, чтобы армия непосредственно с ними соприкасалась, и, во-вторых, тем, что они должны быть гораздо обширнее. Причина этого лежит в том, что по самой своей природе стратегия вообще вращается в более обширных условиях пространства и времени, чем тактика. Таким образом, если армия разместится на расстоянии одной мили от морского побережья или берега очень большой реки, то стратегически она будет опираться на эти предметы, ибо неприятель не имеет возможности использовать это пространство для стратегического обхода. Он не может углубиться в него на целые дни и недели, на расстояние миль и полных переходов. Напротив того, озеро в несколько миль окружности едва ли в стратегии можно рассматривать как препятствие; при способах действия, свойственных стратегии, несколько миль вправо или влево обыкновенно не составляют вопроса. Крепости могут служить стратегическими опорными пунктами постольку, поскольку они достаточно значительны и могут позволить предпринимать наступательные действия на значительное удаление.

Размещение армии отдельными группами обуславливается или особыми целями и потребностями, или же соображениями общего порядка; здесь речь может идти лишь о последних.

Первая общая потребность - это выдвижение вперед авангарда и других частей, предназначенных для наблюдения за противником.

Вторая заключается в том, что в очень крупных армиях и резервы отодвигаются обыкновенно на несколько миль назад, что ведет к размещению их отдельной группой.

Наконец, прикрытие обоих флангов армии требует обыкновенно отдельно расположенных корпусов.

Под этим прикрытием не следует разуметь, будто выделяется часть армии, чтобы защищать пространство, находящееся на фланге, дабы сделать этот так называемый слабый пункт недоступным для неприятеля. Кто же тогда будет охранять фланг фланга? Это столь распространенное представление совершеннейшая нелепость. В сущности, фланги сами по себе вовсе не являются слабыми частями армии, ибо и у противника тоже есть фланги и он не может угрожать нашим флангам, не подвергая опасности свои. Лишь в том случае, когда условия неравны, когда неприятельская армия сильнее нашей или имеет лучшие сообщения (см. "Коммуникационные линии"), фланги становятся более слабыми частями армии; но здесь мы не имеем в виду этих особых случаев, а следовательно, не говорим и о том случае, когда фланговому отряду действительно будет поручено в связи с другими комбинациями защищать пространство, находящееся на нашем фланге, ибо это уже не входит в категорию общих распоряжений.

Но если фланги и не являются особенно слабыми частями, они все же крайне важные части, ибо здесь, благодаря возможности обхода, сопротивление уже не так просто, как на фронте, мероприятия становятся сложнее и требуют больше времени и приготовлений. По этой причине в большинстве случаев является необходимость оградить фланги от непредвиденных предприятий со стороны противника; это достигается сосредоточением на флангах более крупных масс войск, чем это необходимо для простого наблюдения. Чем больше эти массы, тем отеснение их, даже если они не будут оказывать особо упорного сопротивления, потребует большего времени, большего развертывания неприятельских сил и приведет к более ясному раскрытию его намерений; этим наша цель уже будет достигнута; то, что должно последовать, зависит уже от особых планов, намечающихся в данный момент. Поэтому на части, расположенные на флангах, можно смотреть как на боковые авангарды, задерживающие продвижение противника в пространстве, находящемся за пределами наших крыльев, и обеспечивающие нам время принять соответственные меры для противодействия.

Если этим частям предстоит отходить на главные силы, а последние не начнут одновременно отступать, то очевидно, что они должны быть расположены не на линии общего фронта, а несколько выдвинуты вперед, ибо отступление даже тогда, когда к нему приступают, еще не ввязавшись в серьезный бой, не должно иметь характера резкого бокового движения.

Из этих внутренних оснований для раздельного построения и возникает естественная система четырех или пяти отдельных групп; эти цифры разнятся в зависимости от того, держится ли резерв при главных силах или нет.

Вопросы довольствия и размещения войск, которые вообще приходится учитывать при разрешении вопроса построения, надлежит не упускать из виду и при принятии группового построения. Заботы о продовольствии и размещении должны уложиться в одно русло с рассмотренными выше требованиями; идя навстречу одним, надо не слишком много поступаться другими. В большинстве случаев разделением армии на пять отдельных частей устраняются затруднения, связанные с довольствием и размещением войск, а потому хозяйственные соображения не внесут больших изменений.

Теперь нам остается еще бросить взгляд на удаление, в котором могут располагаться эти отдельные части, сохраняя возможность взаимной поддержки, т.е. совместного вступления в бой. Здесь мы напомним то, что было сказано в главах о продолжительности и решении боя^[113]; в этом отношении, как мы и говорили, абсолютных данных быть не может, ибо в данном вопросе абсолютная

и относительная силы армии, родов войск и условия местности оказывают огромное влияние; надо ограничиться лишь общими соображениями и иметь в виду средние выводы.

Расстояние, на котором может находиться авангард, определить легче всего: так как при своем отступлении он отходит на главные силы, то это расстояние во всяком случае может доходить до большого перехода, причем авангард еще не подвергается риску быть вынужденным дать отдельное сражение. Но его не следует продвигать дальше, чем того требует безопасность армии, так как чем больше ему придется отходить, тем большие потери он понесет.

Что касается частей, расположенных на флангах, то, как мы уже говорили, бой нормальной дивизии в 8000-10000 человек обычно длится несколько часов, даже полдня, прежде чем наступит решение; поэтому можно без опасения расположить такую дивизию на расстоянии нескольких часов ходьбы, т.е. на расстоянии до двух миль, по тем же основаниям корпус в три или четыре дивизии может быть удален на расстояние дневного перехода, т.е. 3 - 4 мили.

Из этого естественного построения главной массы, разделенной на четыре или пять групп, находящихся друг от друга на указанных расстояниях, возникает известный методизм, который будет автоматически развертывать армию, если только не скажутся решительным образом преследуемые армией особые цели.

Хотя мы и исходим из предпосылки, что каждая из этих отделенных друг от друга групп приспособлена к самостоятельному бою и что каждая из них может оказаться вынужденной принять таковой, но отсюда вовсе не следует, что истинная задача такого построения заключается именно в ведении боя порознь; обычно необходимость такого раздельного построения представляет лишь временное условие бытия. Как только противник приблизится к расположению армии, дабы добиться боем решения, период стратегии кончается, все сосредоточивается к моменту боя, и вместе с тем минуют и исчезают цели раздельной группировки. Когда начинается сражение, всякие соображения о продовольствии и расквартировании отпадают; наблюдение за неприятелем на фронте и флангах и ослабление его наскока умеренным отпором уже сыграли свою роль, и все теперь стремятся к великому единству генерального сражения. И лучшим критерием для суждения о правильности группировки будет мысль, что разделение сил есть уступка требованиям, неизбежное зло и что конечной целью построения является совместный бой.

Глава 7. Авангард и сторожевое охранение

Вопросы об авангарде и сторожевом охранении принадлежат к числу тех, в которых тактические и стратегические нити взаимно сплетаются. С одной стороны, их надо отнести к распорядку, придающему бою определенное оформление и обеспечивающему выполнение тактических предположений, с другой - они часто ведут к самостоятельным боям и вследствие большего или меньшего удаления от главных сил должны рассматриваться как звенья стратегической цепи, это отдельное их расположение и побуждает нас в дополнение к сказанному в прошлой главе несколько на них задержаться.

Войска, не вполне готовые к бою, всегда нуждаются в передовых частях, дабы заблаговременно быть осведомленными о приближении неприятеля и произвести разведку раньше, чем неприятель окажется в пределах кругозора главных сил, ибо последний простирается обычно немногим дальше досягаемости оружия. В каком положении оказался бы человек, глаза которого видели бы не дальше, чем хватают его руки! Сторожевое охранение - глаза армии; это было сказано уже давно. Но потребность в передовых частях не всегда бывает одинаковой; степени ее различны. Силы, расстояние, время, место, обстоятельства, характер войны, даже случайность - все это оказывает на них влияние, а потому не приходится удивляться, если в военной истории пользование авангардом и сторожевым охранением представляется нам не в простых определенных очертаниях, а как беспорядочный сонм разнообразнейших образцов.

Мы видим, что безопасность армии вверяется то определенному отряду авангарду, то длинной цепи отдельных сторожевых постов; порой мы встречаем и то и другое одновременно, а порой ни о том, ни о другом нет и речи; то у продвигающихся колонн имеется один общий авангард, то каждая

имеет свой, отдельный. Мы попытаемся отдать себе ясный отчет в этом вопросе и посмотреть, нельзя ли охватить практику несколькими основными правилами.

Если войска находятся в движении, то более или менее крупный отряд образует их передовую часть, т.е. авангард, а в случае, если совершается отступательное движение, - арьергард. Если армия расположена на квартирах или бивакирует, то передовая ее часть образуется длинной цепью слабых постов - сторожевым охранением. По самой природе вещей, стоя на месте, армия может и должна быть прикрыта на большем пространстве, чем когда она движется. Таким образом, в первом случае само собою возникает понятие цепи постов, а во втором - сосредоточения отряда.

Авангард и сторожевое охранение бывают различной силы, начиная от значительного соединения из всех родов войск и кончая гусарским полком; начиная от укрепленной, занятой всеми родами войск оборонительной линии и кончая простыми, высланными за черту лагеря парными часовыми и пикетами[114]. Поэтому роль таких передовых частей колеблется от простого наблюдения до оказания сопротивления наступающему противнику; такое сопротивление служит не только для того, чтобы дать время главным силам изготавиться к бою, но и для того, чтобы заставить противника преждевременно развернуться, что в значительной мере увеличит ценность наблюдений над его мероприятиями и намерениями.

Сила авангарда и сторожевого охранения будет больше или меньше в зависимости от того, сколько времени требуется для изготавки войск, а также от того, в какой степени организация нашего сопротивления должна быть сообразована с особыми мероприятиями противника.

Фридрих Великий, которого можно назвать наиболее готовым к бою полководцем и который вел свою армию в сражении почти непосредственно по команде, не нуждался в сильном сторожевом охранении. Поэтому мы его часто видим располагающимся лагерем на глазах у неприятеля и обеспечивающим себя то гусарским полком, то батальоном легкой пехоты или парными часовыми и пикетами, которые наряжались из лагеря. Во время маршей несколько тысяч сабель кавалерии, большей частью с правого крыла первой линии, составляли авангард; по окончании перехода последний присоединялся к главным силам. Лишь изредка встречаются случаи образования постоянного авангардного отряда.

Если небольшая армия стремится действовать напористо, всей тяжестью своей массы, чтобы использовать превосходство своей выучки и решимости командования, то все должно совершаться почти "sous la barbe de l'ennemi" (Под носом у неприятеля - Ред.) так, как действовал Фридрих Великий против Дауна. Отнесение центра тяжести главных сил назад и сложная система охранения совершенно парализовали бы его преимущества. Ошибки и увлечения в этом отношении могли однажды привести к поражению при Гохкирхе, но это вовсе не свидетельствует против такого способа действий; напротив, в том-то и приходится видеть мастерство короля, что за все Силезские войны было лишь одно сражение при Гохкирхе.

Между тем мы видим, что Бонапарт, у которого, конечно, имелись и прекрасная армия и решимость, почти всегда двигался при наличии сильного авангарда. Это вызывалось двумя причинами.

Первая вытекала из изменений, происшедших в тактике. Теперь уже не ведут армию в бой как несложное целое, не управляют уже ею простой командой, и сражение не решается большей или меньшей храбростью и искусством, как большая дуэль; приходится ближе приспособлять свои боевые силы к особенностям местности и обстановки; боевой порядок, а следовательно, и сражение обратились в многочисленное целое; отсюда даже простое решение разрастается в сложный план, а короткая команда - в более или менее длинную диспозицию; это требует времени и выбора надлежащего момента для отдачи распоряжений.

Вторая причина заключается в огромном размере современных армий. Фридрих вел в сражение 30000-40000 солдат, а Бонапарт 100000-200000.

Мы выбрали эти два примера потому, что от столь великих полководцев мы вправе ожидать, что они не изберут без всякого основания какой-либо постоянный метод действия. Вообще пользование

авангардом и сторожевым охранением в новейшее время значительно развилось. Но и в эпоху Силезских войн не все поступали подобно Фридриху Великому; мы видим у австрийцев гораздо более сильную систему сторожевого охранения и более частое выдвижение крупного авангарда, на что они имели достаточные основания по своему положению и обстоятельствам. Точно так же наблюдается значительное разнообразие и в современных войнах. Даже французские маршалы Макдональд в Силезии, Удино и Ней в Бранденбурге маневрируют с армиями в 60000 - 70000 человек, причем ни о каком авангарде мы не встречаем указаний.

До сих пор мы говорили об авангардах и сторожевом охранении с точки зрения степени их силы; существует, однако, и другая черта различия, в которой нам необходимо разобраться. Дело в том, что когда армия, занимающая известное пространство, продвигается общим фронтом вперед или назад, она может для всех своих колонн, двигающихся параллельно, иметь один общий авангард, или один общий арьергард, или же отдельные авангарды и арьергарды для каждой колонны. Чтобы уяснить себе этот вопрос, мы должны направить наши рассуждения следующим путем.

По существу, если имеется отдельный отряд, получивший название авангарда, то он предназначается лишь для охраны безопасности продвигающихся в центре главных сил. Если последние следуют по нескольким близким друг к другу дорогам, которые могут без затруднения быть заняты авангардом и, следовательно, будут прикрыты им, то, разумеется, боковые колонны не нуждаются в особом прикрытии.

Те же колонны, которые в качестве действительно отдельных отрядов продвигаются на более значительном удалении, должны сами позаботиться о выдвигении своих передовых частей. Колонны, находящиеся в центре в составе главных сил, в связи со случайными уклонами дорог могут также оказаться на слишком большом удалении от центра и должны будут сами позаботиться о себе. Таким образом, возникает столько авангардов, сколько будет параллельно следующих колонн; если каждый из этих авангардов будет гораздо слабее, чем должен был бы быть один общий, то они отойдут в ряд других тактических мероприятий, а в стратегическом смысле авангарда вовсе не будет. Если же главная масса в центре будет иметь в качестве передовой части один более крупный отряд, то последний будет фигурировать как авангард целого и во многих отношениях выполнять его задачи.

Что же, однако, может служить поводом к тому, чтобы центру придать гораздо более крупную передовую часть, чем флангам?

Тому имеются следующие три причины:

1. В центре обычно продвигается более сильная масса войск.
2. Из всей полосы, занимаемой армией в ширину, центр как таковой всегда остается самой важной частью, ибо все планы имеют отношение преимущественно к нему, а потому и поле сражения обычно бывает ближе к нему, чем к флангам.
3. Выдвинутый в центре отряд, если и не может охранять фланги, как подлинная их передовая часть, все же в значительной мере, хотя и косвенным образом, содействует их безопасности. Дело в том, что в обыкновенных случаях неприятель не может пройти мимо этого отряда на известном расстоянии, чтобы предпринять что-нибудь значительное против фланга, не подвергая при этом себя самому опасности атаки во фланг и тыл. Если влияние, оказываемое выдвинутым из центра отрядом на противника, и недостаточно, чтобы строить на нем полную уверенность в безопасности боковых колонн, то все же оно может устранить множество неприятностей, которые боковым колоннам уже не будут страшны.

Таким образом, если передовая часть средней колонны гораздо сильнее, чем передовые части боковых колонн, и, следовательно, представляет отдельный авангард, то задача ее уже не простое назначение передовой части - обеспечить от внезапного нападения войска, находящиеся за ней, а выполнение стратегической роли выдвинутого вперед отряда.

Использование этого отряда можно свести к следующим заданиям, определяющим и его практическое применение:

1. В тех случаях, когда для принятия нами соответственного построения требуется много времени, оказать более сильное сопротивление и принудить противника наступать с большой осторожностью, - следовательно, выполнить в повышенной степени задачу нормальных передовых частей.

2. Если главная масса войск весьма многочисленна, то сделать возможным удерживать эту неуклюжую массу несколько позади, сохраняя вблизи неприятеля более подвижный отряд.

3. Когда иные причины вынуждают нас удерживать главную массу на значительном расстоянии от противника, все же надо иметь поблизости от него отряд для наблюдения.

Мысль, что для этой цели достаточно было бы слабого наблюдательного поста или одних партизан, опровергается тем, что их очень легко прогнать, да и средств наблюдения у них гораздо меньше, чем у крупного отряда.

4. При преследовании неприятеля одним лишь авангардным отрядом, в состав которого следует включить большую часть кавалерии, можно гораздо быстрее передвигаться, вечером позже становиться на ночлег и утром раньше изготавляться, чем при действии всей армией в целом.

5. Наконец, при отступлении - в качестве арьергарда для обороны главных естественных рубежей. И здесь опять-таки центр играет важнейшую роль. На первый взгляд, правда, может показаться, что такому арьергарду постоянно грозит опасность быть обойденным с флангов. Однако не надо забывать, что если неприятель и продвинется несколько дальше на флангах, то ему все же остается еще пройти все то расстояние, которое отделяет его от центра, чтобы действительно угрожать общему арьергарду. Следовательно, арьергард центра всегда будет иметь возможность задержаться и оказать сопротивление. Однако положение сейчас же становится гораздо серьезнее, если центр начинает отступать быстрее флангов: сразу создается впечатление прорыва; это впечатление само по себе представляет опасность. Никогда потребность сосредоточиваться и сплачиваться не бывает так сильна и никогда так живо она не ощущается каждым, как во время отступления. Назначение крыльев в последней инстанции все же заключается в том, чтобы примкнуть к центру. Когда условия снабжения и дорожная сеть вынуждают отступать широким фронтом, обычно это движение все же заканчивается занятием сосредоточенного к центру расположения. Если ко всему сказанному еще добавить, что неприятель в свою очередь обыкновенно продвигается своими главными силами в центре и развивает здесь главный нажим, то мы вынуждены будем признать, что арьергард центра имеет особую важность.

Итак, выдвигание вперед отдельного авангардного отряда окажется целесообразным во всех тех случаях, когда имеет место одно из перечисленных заданий. Но они почти никогда не имеют места, если центр не сильнее флангов. Последнее наблюдалось у Макдональда, когда он в 1813г. наступал в Силезию против Блюхера, и у последнего на его марше к Эльбе. У обоих было по три корпуса, которые обычно шли тремя параллельными колоннами по трем разным дорогам. Поэтому нигде в не упоминается об авангардах этих армий.

Но такое построение тремя равносильными колоннами отнюдь нельзя рекомендовать, равно как и подразделение армии на три части, что делает ее чрезвычайно неповоротливой; это нами было уже указано в V главе 3-й части[115].

При построении целого в виде центра и двух отдельных крыльев, которое мы признали в прошлой главе наиболее естественным, пока не возникают какие-либо особые задания, авангардный отряд согласно простейшей идее окажется впереди центра, следовательно, и впереди фронта обоих крыльев; но так как боковые колонны имеют в сущности такое же назначение по отношению к флангам главных сил, какое авангард имеет на их фронте, то очень часто может случиться, что боковые колонны будут находиться на одной линии с авангардом, а иногда, в зависимости от особых обстоятельств, могут оказаться даже выдвинутыми еще дальше вперед.

О силе авангарда говорить много не приходится. В настоящее время установился вполне правильный обычай назначать для этой цели одну или несколько высших единиц, на которые расчленяется целое, усиливая их частью кавалерии; следовательно, это будет корпус, если армия

разделена на корпуса, одна или несколько дивизий, если она делится на дивизии.

Легко заметить, что и в этом отношении деление армии на большее число членов представляет известное преимущество.

Удаление, на которое следует выдвигать авангард, всецело зависит от обстоятельств; бывают случаи, когда он выдвигается перед главными силами дальше, чем на расстояние дневного перехода; порою же он располагается вплотную перед ними. В огромном большинстве случаев мы видим его на расстоянии от 1 до 3 миль, и это, конечно, свидетельствует, что обстановка чаще всего требует такого удаления; но из этого нельзя делать общего правила для руководства.

До сих пор в наших рассуждениях мы совершенно не касались сторожевого охранения, вернемся к нему вновь.

Когда мы вначале сказали, что сторожевое охранение соответствует пребыванию войск на месте, а авангард - на марше, то мы этим преследовали цель отнести эти понятия к их источнику и предварительно провести между ними границу; но ясно, что, придерживаясь буквально этого определения, мы только впали бы в педантизм.

Когда армия на марше останавливается вечером на ночлег, чтобы утром снова выступить дальше, то, конечно, и авангард делает то же самое и всякий раз выставляет для охраны самого себя и всего целого сторожевое охранение, но это еще не обращает авангард в сторожевую часть. Рассматривая сторожевое охранение как нечто противопоставляемое понятию авангарда, мы усмотрим обращение авангарда в сторожевую часть лишь при условии, что главная масса войск, составляющих передовую часть, разбросается по отдельным пунктам и от нее в смысле сосредоточенного отряда останется или очень мало или даже ничего, и, таким образом, понятие длинной линии постов возобладает над понятием объединенного отряда.

Чем короче время покоя, тем менее совершенны могут быть меры охранения, при переходах изо дня в день противник не может даже иметь возможности разобраться, что прикрыто охранением и что нет. Но чем дольше остановка, тем совершеннее должны быть организованы и наблюдение, и прикрытие всех подступов. Таким образом, как общее правило, при более продолжительных стоянках авангард будет постепенно все более и более растягиваться в линию охранения. Обратится ли он совершенно в последнее или же понятие объединенного отряда останется преобладающим, зависит главным образом от двух обстоятельств. Первое - это близость противостоящих армий, второе - свойства местности.

Если армии по сравнению со своим протяжением по фронту находятся очень близко друг от друга, то авангард между ними часто явится уже неуместным, охранение будет достигаться лишь рядом мелких постов.

Вообще сосредоточенному отряду, менее непосредственно прикрывающему подступы, требуется более времени и пространства, чтобы оказать свое влияние, а потому в тех случаях, когда армия занимает пространство значительной ширины, как, например, при квартирном расположении, ей необходимо устраиваться на значительном расстоянии от неприятеля, чтобы подступы к ней могли охраняться сосредоточенным отрядом; отсюда зимние квартиры, например, прикрываются обычно кордоном охранения.

Второе обстоятельство - это свойства местности; там, где сильный местный рубеж предоставляет возможность небольшими силами организовать прочную линию охранения, это обстоятельство, конечно, не оставят неиспользованным.

Наконец, на зимних квартирах суровая погода может также послужить основанием обратить авангард в линию постов, чтобы облегчить его размещение по квартирам.

Применение сильной линии охранения было доведено до наибольшего совершенства в англо-голландской армии во время зимнего похода 1794-1795 гг.: сторожевая линия образовывалась отдельными позициями, которые занимали целые бригады из всех родов войск, поддержанные

резервом. Шарнгорст, находившийся при этой армии, ввел этот прием в прусской армии в 1807 г. при занятии ею р. Пассарги в Восточной Пруссии. Но такой метод охранения редко встречается в новейшие времена, главным образом потому, что войны стали чрезвычайно маневренными. Однако даже там, где для его применения представлялся удобный случай, последний упускался, как, например, Мюратом под Тарутино. Если бы он больше растянул свою линию обороны, то не потерял бы в аванпостном бою трех десятков пушек.

Нельзя отрицать, что при соответственных условиях это средство может дать много выгод, о чем мы еще будем говорить по другому поводу

Глава 8.

Способ действия передовых частей

Безопасность армии зависит, как мы видели, от того воздействия, какое авангард и боковые отряды окажут на наступающего противника. На эти отряды в случае их борьбы с главными силами неприятеля надо всегда смотреть как на чрезвычайно слабые. Поэтому необходимо особо пояснить, как они могут выполнить свое назначение без особо крупных потерь из-за значительного неравенства сил.

Их назначение - наблюдение за противником и замедление его наступления. Слабая часть не способна удовлетворить даже первому требованию, отчасти потому, что ее легко прогнать, отчасти же потому, что ее средства, т.е. глаза, не могут далеко видеть.

Но наблюдение должно достигать и более высокой степени: нужно, чтобы неприятель оказался вынужденным развернуть перед передовым отрядом свои войска и при этом раскрыл бы не только свои силы, но и планы.

Для этой цели достаточно одного наличия передовых частей; им надо лишь выждать окончания мероприятия противника для атаки, а затем приступить к отходу.

Но сверх этого они должны еще замедлить наступление противника, а для этого необходимо оказать уже действительное сопротивление.

Как же представить себе это выжидание до последней минуты и сопротивление при условии, что передовые части не будут всегда подвергаться опасности крупных потерь? Это возможно, главным образом, потому, что и неприятель подвигается с выдвинутым вперед авангардом, а не надвигается сразу всей охватывающей и подавляющей силой своей армии. Неприятельский авангард может сам по себе быть сильнее нашего передового отряда, и к этому противник, естественно, будет стремиться; и неприятельская армия может находиться от него в более близком расстоянии, чем мы от своего авангарда, а так как она уже наступает, то скорее прибудет на поле боя, чтобы всей своей мощью поддержать натиск своего авангарда. Однако уже первый этап, когда выдвинутый нами вперед отряд будет иметь дело только с неприятельским авангардом, более или менее равным по силе, дает известный выигрыш времени и позволяет некоторое время наблюдать за приближающимся противником, не подвергая пока опасности собственное отступление.

Но оказание передовым отрядом некоторого сопротивления на подходящей позиции не влечет за собой всех тех невыгод, которых можно было бы ожидать в другом случае при таком несоответствии сил. Главная опасность в борьбе с превосходящим силами противника заключается в том, что можно оказаться обойденным и подвергнуться всем последствиям охватывающей атаки. Но эта опасность в данном случае значительно уменьшается, так как наступающий никогда не знает в точности, насколько близка поддержка со стороны самой армии, а потому опасается, как бы не поставить свои посланные в обход колонны между двух огней. Вследствие этого наступающий всегда держит свои отдельные колонны приблизительно на одной высоте и лишь тогда, когда окончательно выяснит расположение противника, начинает осторожно и осмотрительно обходить один из флангов. Подобная осторожность и медленное нащупывание дают возможность выдвинутому вперед отряду отступить до назревания действительной опасности.

Продолжительность действительного сопротивления такого отряда фронтальной атаке и началу

обхода зависит, главным образом, от характера местности и близости подкреплений. Если это сопротивление продолжится за пределы естественной меры, - или по неразумию, или из самоотвержения, чтобы выиграть армии нужное время, - то последствием всегда будут крупные потери.

Лишь в самых редких случаях, а именно, когда крупный местный рубеж представляет для того удобства, подлинное боевое сопротивление может получить серьезное значение. Вообще же продолжительность небольшого сражения, какое может дать передовой отряд, сама по себе едва ли представляет достаточный выигрыш времени. Последний получается трояким путем, что вытекает из природы самого дела, а именно:

- 1) вследствие осторожного, а следовательно, медленного продвижения противника;
- 2) вследствие известной длительности действительного сопротивления;
- 3) при посредстве самого отступления.

Это отступление должно выполняться настолько медленно, насколько допускает безопасность. Там, где местность дает возможность вновь занять позицию, она должна быть использована, что вынудит противника вновь приступить к подготовке атаки и обхода и, таким образом, даст новый выигрыш времени. На новой позиции, может быть, окажется возможным принять и настоящий бой.

Мы видим, что боевое сопротивление и отход тесно связаны между собою; длительность, которой недостает у этих боев, вознаграждается их повторностью.

Таков метод сопротивления выдвинутого вперед отряда. Результат его определяется прежде всего силой отряда и свойствами местности, затем расстоянием, на которое отряду приходится отходить назад, и той поддержкой, которую ему окажут главные силы.

Небольшая часть даже при равном соотношении сил не может оказать столь продолжительное сопротивление, как значительный отряд, ибо чем массы больше, тем больше времени требуется им для выполнения своих задач, каковы бы последние ни были. В гористой местности уже само движение совершается медленнее, а сопротивление на отдельных позициях более длительно и безопасно; такие позиции встречаются на каждом шагу.

Удаление, на которое был выдвинут отряд, увеличивает продолжительность его отступления, а следовательно, увеличивает и абсолютный выигрыш времени от его сопротивления; но так как такой отряд по своему положению менее способен к сопротивлению и не опирается на достаточную поддержку, он пройдет это расстояние относительно скорее, чем при более близком расстоянии от главных сил.

Прием и поддержка, которые будут оказаны такому отряду, должны, естественно, оказывать влияние на длительность его сопротивления, ибо все то, что приходится делать при отходе из предосторожности и осмотрительности, идет в ущерб сопротивлению и представляет минус во времени.

Заметная разница во времени, выигрываемом благодаря сопротивлению выдвинутого вперед отряда, получается, если неприятель встречается с ним лишь во второй половине дня; так как ночью редко пользуются для дальнейшего продвижения, то выигрыш времени бывает соответственно больше. Например, в 1815 г. перед первым прусским корпусом генерала Цитена, силой около 30000 человек, оказался Бонапарт во главе 120000 человек; на коротком пути между Шарлеруа и Линьи, едва достигающем 2 миль, Цитен сумел выиграть для сосредоточения прусской армии свыше 24 часов. Первая атака на генерала Цитена последовала 15 июня около 9 часов утра, а сражение под Линьи началось 16-го в 2 часа пополудни. Правда, генерал Цитен понес очень чувствительный урон - от 5000 до 6000 человек убитыми, ранеными и пленными.

Если мы обратимся к опыту, то можно прийти к следующему выводу, дающему точку опоры для суждений по этому поводу.

Дивизия в 10000 - 12000 человек, усиленная кавалерией, выдвинутая вперед на расстояние перехода в 3-4 мили, будет иметь возможность задержать неприятеля, включая в задержку и время отступления, даже на обычной не слишком содействующей обороне местности в течение времени в полтора раза большего, чем сколько потребовалось бы употребить на простое движение через полосу отступления; если же эта дивизия выдвинута лишь на расстояние 1 мили, то задержка неприятеля будет втрое или вчетверо больше того времени, которое потребовалось бы для простого марша.

Таким образом, при расстоянии в 4 мили, когда обычная длительность перехода равна 10 часам, можно рассчитывать на выигрыш приблизительно 15 часов с момента появления значительных сил неприятеля перед передовой позицией и до момента, когда они будут в состоянии напасть на наши главные силы. Если же авангард стоит на расстоянии всего 1 мили от нашего: войска, то время, какое протечет до возможного нападения на нас, будет превышать 3 - 4 часа, возможно даже вдвое больше, ибо время, какое понадобится неприятелю для того, чтобы развернуть свои силы против нашего авангарда, будет обычной продолжительности; время же сопротивления, оказанного в данном случае авангардом на его первой позиции, будет даже большим, чем на позиции, более удаленной от главных сил.

Отсюда вывод, находящий многочисленные подтверждения в боевом опыте: при первом варианте неприятелю нелегко будет предпринять атаку на нашу армию в тот самый день, в который он собьет наш авангард. Даже при втором варианте неприятель должен, по меньшей мере, потеснить наш авангард в первой половине дня, чтобы у него еще оставалось время для сражения.

Так как при первом варианте к нам приходит на помощь ночь, то мы видим, как много времени можно выиграть, продвинув авангард вперед на более далекое расстояние.

Мы отметили выше назначение отрядов, выставленных на флангах армии; их метод действия в большинстве случаев более или менее обусловлен обстоятельствами данного конкретного случая. Проще всего рассматривать их как выставленные в стороны авангарды, которые, будучи в то же время выдвинуты несколько вперед, отходят к главным силам в косом направлении.

Так как эти отряды находятся не прямо перед армией и потому не могут с таким удобством при отходе получить поддержку с обеих сторон, как настоящий авангард, то они подвергались бы большей опасности, если бы и сила удара противника в большинстве случаев не была слабее на оконечностях его фронта; на худой конец боковые отряды имеют простор для отхода и не подвергают армию при этом такой непосредственной опасности, какую может повлечь за собой обратившийся в бегство авангард.

Высылка кавалерии - излюбленный и самый лучший способ принять отходящий передовой отряд. При значительном удалении можно расположить резерв этого рода оружия между армией и выдвинутым вперед отрядом[116].

В конечном выводе мы можем сказать, что передовые отряды оказывают должное влияние не столько реальным напряжением сил, как простым своим присутствием, не столько теми боями, которые они действительно дают, сколько возможностью тех боев, которые они могли бы дать. Они нигде не могут фактически остановить продвижение неприятеля, но, как груз на маятнике, они могут его умерять и регулировать, в результате чего неприятельское наступление может быть подвергнуто более правильному учету.

Глава 9. **Бивачное расположение[117]**

Мы рассматриваем три состояния армии вне боя только в стратегическом отношении, т.е. постольку, поскольку они обуславливают место, время и количество вооруженных сил. Все те темы, которые касаются внутренней организации боя и перехода к состоянию боя, относятся к тактике.

Расположение лагерем, под которым мы разумеем всякое размещение войск, за исключением квартирного, будь то в палатках, землянках или под открытым небом, стратегически вполне тождественно с боем, обусловленным этой группировкой армии. Тактически же оно не всегда с ним

тождественно, ибо по самым разнообразным причинам можно для лагерной стоянки избрать несколько иное место, чем то, которое намечено для поля сражения. После того, как мы сказали все необходимое относительно построения армии, т.е. о месте, которое должны занять отдельные ее части, расположение лагерей дает нам повод привести здесь лишь несколько исторических соображений.

В прежние времена, т.е. раньше, чем армии вновь возросли до значительных размеров, а войны сделались более длительными и связанными в своих отдельных частях в одно целое, и вплоть до французской революции, войска всегда располагались лагерем в палатках. Это было их нормальным состоянием. С наступлением тепла они покидали свои зимние квартиры и вновь занимали последние лишь с наступлением зимы. На зимние квартиры надо смотреть в известной степени как на состояние вне войны, ибо в этот период силы были как бы нейтрализованы, и ход всего часового механизма словно приостанавливался. Расквартирование на отдых, предшествовавшее зимним квартирам в собственном смысле, и всякое другое размещение по обывательским квартирам на короткое время и на тесном пространстве являлись лишь переходными, исключительными состояниями.

Как такое повторное и добровольное нейтрализование сил могло мириться, - да еще и в наше время мирится, - с целями и существом войны, разбирать здесь не место; мы к этому вернемся впоследствии; сейчас нам достаточно установить, что так оно было.

Со времени французских революционных войн войска совершенно отказались от пользования палатками вследствие огромных обозов, которых последние требовали. С одной стороны, нашли более выгодным держать при армии в 100000 человек, вместо 6000 лошадей, предназначенных для перевозки палаток, 5000 человек кавалерии или сотню-другую лишних орудий, с другой - при крупных и быстрых передвижениях такой обоз оказывался помехой и приносил мало пользы.

Но это в свою очередь вызвало два отрицательных явления: боевые силы стали скорее расходоваться, а страна больше разорялась.

Как ни слаб кров из простого холста, все же нельзя не признать, что, утратив его защиту, войска лишились на длительное время значительного удобства. В течение одного какого-нибудь дня разница в пользу палатки мало ощутительна, ибо от ветра и холода палатка почти не защищает, а от сырости - очень несовершенно; но эта ничтожная разница, когда она повторяется 200 300 раз в год, становится весьма существенной. Естественным последствием является убыль в войсках от болезней.

Нет надобности подробно объяснять, как отсутствие палаток отражается на росте разорения страны.

Поэтому можно было бы думать, что отмена палаток этими двумя своими отрицательными воздействиями будет способствовать ослаблению интенсивности войны; приходилось бы дольше и чаще останавливаться по квартирам, а за неимением средств для устройства лагеря - не раз отказываться от расположения, занятие которого было бы возможным при наличии палаток.

Таковы бы и были последствия, если бы в эту эпоху война не подверглась вообще коренным изменениям, поглотившим эти мелкие второстепенные влияния.

Ее стихийный огонь стал таким всепожирающим, а ее энергия столь чрезвычайной, что исчезли и имевшиеся регулярные периоды покоя; все силы в неудержимом порыве устремились теперь к решительному акту, о чем мы подробнее будем говорить в 9-й части[118]. При таких обстоятельствах ясно, что не могло быть и речи о какой-либо перемене в способах использования вооруженных сил, которую могло бы обусловить уничтожение палаток. Теперь располагаются в землянках или под открытым небом, нисколько не считаясь с погодой, временем года и местностью, как того требуют поставленные цели и общий план действий.

Сохранит ли война во все времена и при всяких обстоятельствах эту энергию, об этом мы еще поговорим в дальнейшем: там, где у войны нет энергии, отсутствие палаток несомненно может оказать влияние на ее ведение; но чтобы это обратное действие могло когда-либо стать достаточно сильным, чтобы вновь привести к восстановлению палаточных лагерей, представляется нам сомнительным. Для стихии войны открылись более широкие границы; она может возвращаться в прежние узкие рамки

пить периодически на известное время, при известных обстоятельствах, затем снова прорвется всей необузданностью своей природы за их пределы. А постоянная организация войск должна рассчитываться лишь на такие периоды.

Глава 10. Марши

Марши представляют собою лишь простой переход из одного расположения в другое и подчиняются двум основным условиям. Первое - это удобство войск, дабы понапрасну не расходовались их силы, могущие найти себе более полезное применение; второе - точность движений, дабы они отвечали нашим расчетам. Если бы захотели двинуть 100000 человек одной колонной, т.е. по одной дороге без дистанций между частями, то хвост такой колонны никогда не прибыл бы в один и тот же день на место назначения вместе с ее головой; пришлось бы или продвигаться чрезвычайно медленно, или же вся масса, как низвергающаяся струя воды, разбилась бы на множество капель, а такое раздробление в связи с чрезмерным напряжением сил, которое выпало бы на долю частей, следующих в хвосте длинной колонны, скоро привело бы ее в состояние невообразимой сумятицы.

Уклоняясь от этой крайности, мы организуем переход тем легче и точнее, чем меньше будет масса войск, построенных в одну колонну. Отсюда возникает необходимость разделения сил, которое ничего не имеет общего с тем подразделением, которое вызывается раздельным построением армии. Таким образом, разделение на походные колонны хотя в общем и исходит из принятой группировки, но не следует за ней во всех частностях. Большую массу войск, какую желают сгруппировать сосредоточенно в одном пункте, придется разделить на части во время марша. Но даже тогда, когда раздельное построение обуславливает раздельный марш, могут преобладать или условия построения, или условия марша. Если, например, группировка имеет в виду лишь отдых и в ней ожидать боя не приходится, то преобладают соображения, связанные с маршем, а последние заключаются преимущественно в выборе хороших проезжих дорог. Имея в виду эти различные подходы, в одном случае будут выбирать дороги применительно к квартирному расположению и лагерям, а в другом - будут выбирать квартиры и лагеря применительно к дорогам. В тех случаях, когда ожидают сражения и дело сводится к сосредоточению массы в соответственном пункте, не придется задумываться над тем, чтобы по нужде повести войска по самым плохим проселкам. Если же находятся с армией, так сказать, еще на пути к театру войны, то для колонн выбирают ближайшие большие проезжие дороги, а места для расквартирования и лагерей отыскивают вблизи них, какие попадутся.

К какой бы из двух категорий ни принадлежал каждый данный переход, все же общим правилом современного военного искусства является, чтобы всюду, где бой возможен, т.е. на всей подлинной территории войны, колонны были организованы так, чтобы содержащаяся в них масса войск была способна вести самостоятельный бой. Это условие выполняется путем объединения трех родов войск, органическим разделением целого и соответственной организацией командования.

Таким образом, новый боевой порядок больше всего вызван условиями маршей, а организация последних извлекла из него наибольшие выгоды.

Когда в середине прошлого столетия, особенно на театре войны Фридриха II, начали смотреть на передвижение войск как на своеобразное ударное начало и стали вырывать победу при помощи неожиданных передвижений, то недостаток органического боевого порядка делал необходимым самые искусственные и неуклюжие распорядки марша. Чтобы выполнить вблизи противника какое-либо передвижение, необходимо быть всегда готовым к бою; но этой готовности никогда не было, раз армия не была сосредоточена вместе, ибо лишь в последнем случае армия составляла боеспособное целое. Вторую линию при фланговых движениях, - дабы она всегда находилась на надлежащем расстоянии от первой, т.е. не дальше 1/4 мили, - приходилось вести с большим трудом и усилиями "через пень и колоду", и то лишь при хорошем знании местности, - ибо где можно найти на расстоянии 1/4 мили две проезжие дороги, параллельные одна другой? То же имело место и с колоннами кавалерии, следовавшими по сторонам, когда движение направлялось прямо на неприятеля. Другая беда была с артиллерией, которой требовалась отдельная, прикрытая пехотой дорога, ибо пехота должна была образовать непрерывную линию, а артиллерия сделала бы ее длинные, растянутые колонны еще более растянутыми и спутала бы все дистанции. Стоит лишь прочесть диспозиции для походного движения в истории Семилетней войны Темпельгофа, чтобы получить полное

представление о всех этих обстоятельствах и тех путях, которыми война была тогда связана.

Но затем новейшее военное искусство ввело органическое подразделение армии на части; крупнейшие из них должны рассматриваться как целые меньшего порядка, способные в бою воспроизвести все действия крупного целого, с той единственной разницей, что таковые явятся относительно кратковременными; теперь даже в тех случаях, когда имеют в виду нанести совместный удар, уже не приходится держать колонны в близком друг от друга расстоянии, так, чтобы все они могли сомкнуться перед началом боя; достаточно, если такое соединение произойдет во время боя.

Чем меньше войсковая масса, тем она подвижнее, тем менее она нуждается в том разделении, которое обуславливается не принятой группировкой, а необходимостью бороться с беспомощностью массы. Небольшая часть пойдет по одной дороге, а если ей надо продвигаться по нескольким направлениям, то всегда можно найти рядом достаточно хорошие для этого дороги. Чем больше становятся массы, тем сильнее потребность в разделении, в увеличении числа колонн и в проезжих и даже больших дорогах; это ведет и к увеличению расстояния между колоннами. В обратном пропорциональном отношении, выражаясь математически, к этой потребности разделения находится сопряженная с разделением опасность. Чем меньше части, тем скорее они должны поспевать друг другу на помощь; чем они больше, тем дольше они могут быть предоставлены собственным силам. Стоит лишь вспомнить то, что по этому поводу было сказано в предшествующей части этого труда, и учесть, что в культурной местности на удалении нескольких миль от главной дороги всегда можно найти параллельные проезжие дороги [119], чтобы уяснить себе, что в организации марша не предвидится особенно больших затруднений, которые сделали бы несовместимым быстрое продвижение и точное прибытие с надлежащим сосредоточением. В горах же, где параллельные дороги встречаются значительно реже, а связь между ними крайне затруднительна, способность к сопротивлению отдельных колонн будет гораздо больше. Чтобы лучше уяснить этот вопрос, рассмотрим его в конкретном оформлении.

Дивизия в 8000 человек обычно занимает вместе со своей артиллерией и некоторым обозом пространство, проходимое в течение одного часа [120]; таким образом, если по одной дороге следуют две дивизии, то вторая прибывает после первой через час; дивизия, как мы уже говорили в VI главе 4-й части, даже против превосходящего ее силами неприятеля может выдержать бой в течение нескольких часов; следовательно, вторая дивизия, даже в худшем случае, т.е. если бы первой пришлось вступить в бой немедленно, прибыла бы не слишком поздно. Далее, на расстоянии часа ходьбы справа и слева от большой дороги, по которой следуют, можно будет всегда найти в культурных странах Средней Европы проселочные дороги, которыми войскам будет легко воспользоваться, чтобы избежать движения целиною, как то часто имело место в Семилетнюю войну.

Кроме того, опытом установлено, что армия, состоящая из четырех дивизий и кавалерийского резерва, может даже по плохим дорогам совершить в восемь часов своей головной частью переход в 3 мили. Будем считать на глубину каждой дивизии по часу, столько же на кавалерийский и артиллерийский резервы; тогда весь переход будет совершен в течение тринадцати часов. Это не чрезмерный срок; в данном случае пройдет по одной дороге до 40000 человек. Но при подобной массе войск можно найти и воспользоваться и более отдаленными проселками, а следовательно, еще больше сократить время перехода. Если бы масса войск, которая должна следовать по одной дороге, оказалась еще больше, чем предыдущая, то мы имели бы дело с тем случаем, когда прибытие ее полностью в один и тот же день уже не было бы столь необходимо, ибо такие массы войск в наше время не вступают в бой в первый же момент их сближения с противником, но обычно лишь на следующий день.

Мы привели эти конкретные случаи не для того, чтобы исчерпать ими все стороны вопроса, а для того, чтобы лучше пояснить нашу мысль и показать на опыте, что при современном способе ведения войны организация маршей уже не представляет особых трудностей, ибо самые быстрые и точные переходы уже не требуют особого искусства и подробного знакомства с местностью, как то имело место в Семилетнюю войну при быстрых и точных маршах Фридриха Великого; более того, можно сказать, что в настоящее время они совершаются почти сами собою благодаря органическому подразделению армии, во всяком случае, для этого не требуется составления обширных диспозиций. В прежнее время сражениями руководили посредством простой словесной команды, а переходы требовали длинных диспозиций; в наши дни боевые порядки требуют диспозиций, а для марша почти

достаточно одной команды. Как известно, все марши распадаются на фронтальные и параллельные. Последние носят название также фланговых и изменяют геометрическое положение частей; то, что при построении на месте стояло рядом, то на марше окажется в затылок одно другому, и наоборот. Хотя направлением движения может служить любой угол в пределах прямого, однако порядок марша должен непременно обуславливаться принадлежностью его к тому или другому

Только в тактике оказалось бы возможным совершить в точности это геометрическое изменение, и то лишь в случае, если воспользоваться для этого так называемым движением в колоннах рядами [121], что для больших масс невозможно. Тем менее это выполнимо в стратегии. Частями, меняющими свои геометрические соотношения, являлись при прежнем боевом порядке крылья и линии, при новом же обычно высшие подразделения: корпуса и дивизии, пожалуй, и бригады, - в зависимости от того, на какие единицы подразделяется целое. Однако и здесь сказываются отмеченные нами выше особые свойства нового боевого порядка: уже нет прежней необходимости, чтобы целое было в полном сборе до приступа к боевым действиям, и заботы направляются главным образом на то, чтобы уже сосредоточившиеся части образовали целое. Если две дивизии расположены так, что одна из них стоит позади другой в качестве резерва и им надлежит выступить против неприятеля по двум дорогам, то никому не придет в голову разделить каждую дивизию по обеим дорогам: не задумавшись, каждой дивизии отведут отдельную дорогу и заставят их следовать параллельно, поручив каждому из командиров дивизии самому озаботиться выделением своего резерва на случай боя. Единство командования гораздо важнее, чем первоначальное геометрическое соотношение; если дивизии прибудут без боя на назначенную им позицию, то они могут снова занять прежнее положение по отношению одна к другой. Когда две рядом стоящие дивизии должны совершить фланговый марш по двум дорогам, то еще менее может прийти в голову мысль указать позади стоящим частям или эшелонам каждой из этих дивизий идти по задней дороге; конечно, укажут каждой дивизии отдельную дорогу, и, таким образом, одна будет рассматриваться на время марша как резерв другой. Если армия, состоящая из четырех дивизий, из коих три расположены на фронте, а четвертая в резерве, должна двинуться против неприятеля в этом же порядке, то естественно будет указать каждой из трех дивизий, стоящих в первой линии, отдельную дорогу, а четвертую направить за той дивизией, которая идет в середине. Если бы эти три дороги оказались на слишком значительном удалении, то можно было бы без колебаний двинуться и по двум, не опасаясь, что от этого может произойти какой-либо существенный ущерб.

То же имеет место в обратном случае флангового марша.

Другой вопрос - это построение колонн справа или слева. При фланговом марше оно получается само собой. Никто не будет выполнять захождение направо, чтобы двигаться влево. При движениях вперед и назад порядок марша должен бы собственно приравливаться к положению дороги относительно участка предстоящего развертывания. В тактике это действительно может иметь место во многих случаях, ибо расстояния в ней меньше и, следовательно, здесь легче обозреть геометрические соотношения. В стратегии же это совершенно невозможно, и если мы все-таки время от времени видим, как в ней проводят некоторую аналогию с тактикой, то это представляет собою чистый педантизм. Впрочем, раньше весь распорядок маршей являлся исключительно делом тактики, так как и на марше армия оставалась неделимым целым и имел значение только общий бой целого; поэтому, например, Шверин 5 мая, выступая из района Брандейса, не мог предусмотреть, находится ли его будущее поле сражения справа или слева от дороги, и ему пришлось произвести свой знаменитый контрмарш [122].

Когда армия старого боевого порядка двигалась к неприятелю четырьмя колоннами, то оба крыла кавалерии первой и второй боевых линий составляли обе внешние колонны, а пехотные крылья обеих линий - две средние колонны. Эти колонны могли начать движение или все справа, или все слева, или правое крыло справа, а левое - слева, или левое - справа, а правое - слева; в последнем случае построение называлось "из середины". Все эти формы находились в известном отношении к будущему развертыванию, но в сущности они именно в этом отношении были безразличны. Когда Фридрих Великий двинулся на поле сражения у Лейтена, он построился крыльями, в четырех колоннах справа; он с легкостью, столь прославленной всеми историками, мог построить линейный боевой порядок только потому, что случайно ему захотелось атаковать левый фланг австрийцев, но если бы он захотел обойти правый фланг, то ему потребовалось бы, как под Прагой, произвести контрмарш.

Если даже тогда эти формы не соответствовали цели, то в наше время по отношению к ней они представляли бы в полном смысле слова детскую игру. Как раньше, так и теперь никто не знает положения поля сражения по отношению к тому пути, по которому приходится двигаться, и небольшая потеря времени, какая происходит от неправильного построения справа или слева, в наше время играет неизмеримо меньшую роль, чем прежде. И здесь новый боевой порядок оказывает свое благодетельное влияние: совершенно безразлично, какая дивизия прибудет первой и какую бригаду поведут первой в огонь.

При таких обстоятельствах движение колонн справа или слева имеет лишь то значение, что если его производят попеременно, то это выравнивает тяготы, выпадающие на долю войск. Последнее составляет хотя и единственное, но весьма существенное основание сохранять построение даже в крупных передвижениях[123].

При этих условиях построение "из середины" как определенный походный порядок само по себе отпадает и может возникать лишь случайно; марш "из середины" одной колонны в стратегии вообще представляет нелепость, так как он требовал бы двух дорог.

Впрочем, походный порядок относится скорее к тактике, чем к стратегии, ибо он представляет собою разложение целого на члены, которые после перехода снова должны обратиться в целое. Но так как в современном военном искусстве уже не обращают особого внимания на то, чтобы части непременно были вместе, а их, напротив, на марше удаляют друг от друга и предоставляют самим себе, то легко может случиться, что последствием этого будут бои, которые частям придется выдержать самим по себе и которые в сумме составят общее сражение. Вот почему мы и сочли нужным так долго задержаться на этом вопросе.

Но так как построение тремя рядом расположенными частями, как мы видели во II главе[124] этой части, оказывается самым естественным в тех случаях, когда не преобладает какая-либо специальная цель, то из него возникнет и походный порядок тремя большими колоннами, как самый естественный.

Теперь нам остается лишь отметить, что понятие колонны определяется не только особой дорогой, по которой следует известная масса войска, но что этим названием приходится обозначать в стратегии каждую из масс войск, следующих по одной и той же дороге одна за другой в течение нескольких дней, ибо деление на колонны происходит главным образом для сокращения и облегчения переходов, так как небольшое число людей продвигается всегда легче и быстрее, чем большое. Этой цели можно, однако, достигать не только тем, что проводят войска разными дорогами, но и тем, что их ведут по той же дороге, но в разные дни.

Глава 10. Марши (Продолжение)

Относительно размера перехода и потребного для этого времени естественно придерживаться общих норм, которые дает нам опыт.

Для наших современных армий уже давно установлено, что результатом усилий одного дня является обычно переход в 3 мили. При продолжительном переходе приходится его в среднем сократить до 2 миль, для того чтобы включить дневки, предназначенные на приведение в порядок всяких неисправностей.

Для дивизии в 8000 человек такой переход на ровной местности и по средним дорогам длится от 8 до 10 часов, на местности гористой - от 10 до 12 часов. Если в одну колонну соединено несколько дивизий, то переход длится двумя-тремя часами дольше, если даже не считать того времени, на которое задерживается выступление последующих дивизий.

Из этого мы видим, что при таких переходах день уже достаточно занят и что напряжение сил солдата, обремененного своей ношей в течение 10-12 часов, нельзя сравнить с обычным путешествием

пешком в 3 мили, которое одиночный путник может выполнить по сносной дороге в течение 5 часов.

Отдельные форсированные переходы не должны превышать 5, самое большее 6 миль, а при повторности таких переходов - 4 мили.

Переход в 5 миль требует уже привала в несколько часов, и дивизия в 8000 человек даже на хорошей дороге выполнит его не менее, чем в 16 часов. Если переход достигает 6 миль и в нем участвует несколько дивизий, то на него надо положить по меньшей мере 20 часов.

Здесь имеется в виду переход из одного лагеря в другой, совершаемый несколькими дивизиями, соединенными вместе, ибо это является обычной формой, встречающейся на театре войны. Если движется несколько дивизий в одной колонне, то сбор и выступление головных дивизий должны производиться несколько раньше, зато они и на ночлег придут скорее. Однако эта разница никогда не будет равняться полностью всему времени, которое дивизии нужно для вытягивания в колонну и какое ей нужно для того, что французы так метко называют *decoulement* (истечение). Следовательно, этим лить немного сберегаются силы солдат, а каждый переход значительно удлиняется в смысле срока при увеличении количества участвующих в ней войск. Лишь в редких случаях бывает возможно для дивизии производить подобным образом сбор и выступление побригадно в разное время, поэтому мы и приняли дивизию за единицу[125].

Хотя при продолжительных движениях войск вдали от противника, когда войска переходят из одного места расквартирования в другое небольшими эшелонами, без сборных пунктов, переходы сами по себе могут быть и длиннее, но путь уже и без того удлиняется теми крупными отклонениями от дороги, какие вызываются занятием квартир.

Переходы, при совершении которых войска должны ежедневно собираться в дивизии, а то и в корпуса, и все же разводиться по квартирам, требуют больше всего времени; их можно рекомендовать лишь в богатой местности и при не слишком крупных массах войск; только при таких условиях пребывание под кровлей и облегчение довольствия окупят большую продолжительность усилий, делаемых солдатами. Прусская армия во время своего отступления в 1806 г., бесспорно, придерживалась ошибочной системы, располагая войска по продовольственным соображениям каждую ночь на квартирах. Продовольствие можно было с таким же успехом доставлять и на биваки, зато армии не пришлось бы при чрезмерной затрате сил употребить на преодоление каких-нибудь 50 миль целых четырнадцать дней.

Однако все эти нормы пространства и времени подвергаются значительным изменениям при движении по плохим дорогам и в гористой местности[126]; тогда и в конкретном случае трудно с уверенностью определить время, требуемое для данного перехода; тем труднее установить какое-либо общее правило. Поэтому теория может лишь предостеречь от опасности тех ошибок, которые могут быть в этом деле. Во избежание их необходима крайняя осторожность в исчислениях, и надо всегда оставлять известный запас на непредвиденные случаи, которые могут внести замедление в движение. При этом надо принимать во внимание и погоду, и состояние войск.

Со времени упразднения палаток и введения для довольствия войск реквизиции продуктов питания на месте обоз значительно сократился; естественным следствием этого, казалось бы, должно было явиться ускорение движения армии, а следовательно, и удлинение дневных переходов. Однако это имеет место лишь при определенных условиях.

Марши на театре войны фактически от этого мало выиграли, ибо известно, что во всех случаях, когда определенная задача требовала переходов, превосходящих своими размерами обычную норму, обоз или оставляли позади, или отсылали вперед и держали его вдали от войск, пока эти марши продолжались. Таким образом, обоз и раньше не оказывал никакого влияния на движение, и если он переставал быть неотложно необходимым, то с ним уже не считались, как бы он от этого ни страдал. Поэтому в Семилетнюю войну мы наблюдали такие переходы, какие и в наши дни не могли бы быть превзойдены; для примера укажем на марш Ласси в 1760 г., когда он должен был поддержать диверсию русских на Берлин. Он прошел путь от Швейдница через Лузанию до Берлина, равный 45 милям, в 10 дней и делал, следовательно, по $4\frac{1}{2}$ мили в день, что для корпуса в 15000 человек представляло бы и в наше время нечто исключительное.

С другой стороны, как раз в измененной системе продовольствования марши современных войск получили тормозящее начало. Раз войска должны добывать себе часть продуктов сами, что часто имеет место, то это отнимает больше времени, чем простая приемка хлеба с хлебных фур. Кроме того, при более длительных походах нельзя уже располагать лагерем в одном пункте крупные массы войск; дивизии приходится, дабы легче было добывать для них все необходимое, размещать отдельно. Наконец, редко бывает, чтобы часть войск, а именно кавалерия, не располагалась по квартирам. Все это в целом вызывает значительную задержку. Поэтому мы видим, что когда Бонапарт в 1806 г. преследовал прусскую армию и стремился ее отрезать, а Блюхер в 1815 г. намеревался сделать то же самое с французской, то оба они в 10 дней едва прошли каких-нибудь 30 миль - скорость, которой даже Фридрих Великий умудрялся достигать при своих переходах из Силезии в Саксонию и обратно, несмотря на весь обоз, который он вел за собой.

И все-таки на театре войны крупные и мелкие воинские части значительно выиграли в отношении подвижности и удобоуправляемости благодаря уменьшению обозов. Во-первых, при одинаковом количестве кавалерии и орудий в армии имеется теперь меньше лошадей, благодаря чему заботы о фураже сокращаются; во-вторых, при расположении на позиции нет прежней связанности, так как уже не приходится постоянно учитывать огромный хвост тянувшихся обозов.

Марши, подобные тому, который выполнил Фридрих в 1758 г. после снятия осады Ольмюца при наличии 4000 повозок, для прикрытия которых ему пришлось половину своей армии выделить в виде отдельных батальонов и взводов, в наши дни уже не удались бы даже перед лицом самого робкого неприятеля.

При длинных перемещениях армий, как, например, от Таго до Немана[127], облегчение армии от обозов ощущается сильнее, ибо если из-за оставшихся при войске перевозочных средств обычная норма дневных переходов и остается такою же, все же в крайних случаях от нее можно отступить с меньшими жертвами.

Вообще с сокращением обозов достигается скорее сбережение сил, чем ускорение движения.

Глава 12. **Марши** **(Продолжение)**

Теперь мы должны рассмотреть то разрушительное влияние, которое оказывают марши на вооруженные силы. Оно так велико, что мы готовы его выдвинуть как особое активное начало наряду с боями.

Единственный умеренный переход не вызовет изнашивания инструмента[128], ряд таких переходов непременно отзовется на его состоянии, а ряд тяжелых переходов, конечно, несравненно более.

На театре войны недостатки продовольствия, жилищные условия, плохие разъезжие дороги и необходимость находиться в постоянной боевой готовности служат причинами, вызывающими несоразмерное напряжение сил, вследствие которого люди, животные, перевозочные средства и обмундирование приходят в негодность.

Принято говорить, что продолжительный физический покой для войск не полезен, что он обуславливает большее количество заболеваний, чем умеренная деятельность. Конечно, заболевания могут и будут иметь место, когда солдаты бывают скучены, при тесном размещении; однако такие же неудачные ночлеги, вызывающие заболевания, встречаются и на походе. Но нельзя согласиться с тем, что недостаток воздуха и движений будет причиной таких заболеваний, ибо и то и другое легко доставить путем упражнений на свежем воздухе.

Вспомните только, какую разницу составит для расшатанного и расстроенного организма человека, заболит ли он на открытой дороге в грязи и слякоти, под дождем, обремененный своей ношей, или же в комнате; даже из лагеря его скоро отправят в ближайшее местечко, и он не останется

вовсе без врачебной помощи, тогда как на походе он остается лежать на краю дороги целыми часами без всякой помощи и затем отставшим тащится на целые мили за войсками. Какое множество легких заболеваний обращается таким путем в тяжелые болезни, сколько тяжелых болезней становятся смертельными! Ведь в пыли и под палящими лучами летнего солнца даже умеренный переход страшно разгорячает и вызывает мучительную жажду: солдат с жадностью бросается к прохладному источнику и находит в нем заболевание и смерть.

Нашими замечаниями мы отнюдь не хотим ратовать за понижение активности на войне; инструмент для того и существует, чтобы им пользоваться, и если он от такого пользования изнашивается, то это в природе вещей. Мы хотим только указать всему надлежащее место и возразить против теоретического хвастовства, будто бы внезапные налеты, молниеносные передвижения, деятельность без отдыха и срока ничего не стоят; они отождествляются с богатейшими залежами, которые деятельность полководца оставляет неразработанными. С этими "залежами" дело обстоит точно так же, как с золотыми и серебряными рудниками; видят лишь продукт и не задаются вопросом, во что обошлась работа по его добыче.

Хотя при длительном походе вдали от неприятеля, вне пределов театра войны, условия марша бывают обычно более легкими и потери за день оказываются менее значительными, но зато заболевший самой легкой болезнью обычно надолго выбывает из строя, ибо выздоравливающие уже не могут догнать все более и более удаляющиеся войска.

В кавалерии число набивших спину и захромавших лошадей увеличивается в возрастающей прогрессии, а в обозе многое приходит в беспорядок и ломается. Поэтому после марша в 100 миль и больше армия прибывает значительно ослабевшей, особенно в отношении кавалерии и обоза.

Если такие переброски окажутся необходимыми на самом театре войны, т.е. на глазах у неприятеля, то оба неблагоприятных условия сливаются воедино, и потери при больших массах войск, а также при других неблагоприятных обстоятельствах, могут достигнуть совершенно невероятных размеров.

Приведем несколько примеров, дабы придать сказанному большую определенность.

Когда Бонапарт переправился 24 июня 1812 г. через Неман, его огромный центр, с которым он затем двинулся на Москву, заключал в себе 301000 человек; под Смоленском из них находилось в отделе 13500 человек; следовательно, всего должно было бы остаться 287500 человек. Между тем налицо имелось всего 182000 человек; таким образом, потери достигали 105500 человек[129]. Если мы при этом вспомним, что до этого момента произошло лишь два сколько-нибудь значительных боя: один - между Даву и Багратионом, другой - между Мюратом и Остерманом-Толстым, то потери французов в боях едва ли можно будет считать большими, чем в 10000 человек; следовательно, те потери, которые армия понесла большими и отставшими в течение 52 дней при передвижении на расстоянии приблизительно 70 миль, достигали 95000 человек, т.е. 1/3 всего состава.

Три недели спустя, к моменту Бородинского сражения, эти потери уже достигали 144000 человек (включая сюда и потери в боях), а восемь дней спустя в Москве - 198000. Вообще потери в этой армии в первый период наступления достигали ежедневно 1/150 во второй период - 1/120, а в третий - 1/19 всего состава, бывшего к началу периода[130].

Правда, продвижение Бонапарта со времени переправы через Неман до самой Москвы можно назвать безостановочным; однако не следует забывать, что оно длилось 82 дня, в течение которых были пройдены лишь какие-нибудь 120 миль, и что дважды французская армия формально останавливалась на месте: сначала в Вильно приблизительно на 14 дней, затем в Витебске приблизительно на 11 дней, и что в эти периоды многие отставшие имели время присоединиться к войскам. В течение этого четырнадцатинедельного похода ни время года, ни дороги не могли быть названы плохими, ибо еще было лето, а дороги, по которым шли, были по преимуществу песчаными. Но огромная масса войск, сосредоточенных на одной дороге, недостаток продовольствия и противник, находившийся в отступлении, но отнюдь не бежавший, создавали отягощавшие поход условия.

Мы не будем говорить об отступлении французской армии от Москвы до Немана, но все же мы

должны отметить, что преследовавшая ее русская армия, выступавшая из-под Калуги в числе 120000 человек, прибыла в Вильно в составе 30000 человек. Всякому известно, как мало она понесла за это время потерь в боях.

Еще один пример из кампании, протекавшей на небольшом пространстве, но отличавшейся многочисленными передвижениями взад и вперед, а именно - из действий Блюхера в Силезии и Саксонии в 1813 г. Принадлежавший к этой армии корпус Йорка начал поход 16 августа в составе 40000 человек, а прибыл под Лейпциг 19 октября с 12000. Главные бои, которые этот корпус выдержал под Гольдбергом, Лёвенбергом, в сражении на Кацбахе, у Вартенбурга и в сражении у Мёкерна (Лейпциг), обошлись ему, по данным самых авторитетных писателей, в 12000 человек, между тем остальные потери за восемь недель достигли 16000 человек, т.е. 2/5 всего состава[131].

Таким образом, надо быть готовым к большому разрушению своих сил, если имеется в виду ведение очень подвижной войны; это надо учитывать в плане действий и прежде всего позаботиться о пополнениях.

Глава 13. Размещение

В новейшей истории военного искусства размещение по квартирам стало вновь необходимым, ибо отпали и палатки, и законченная система обозов, которые давали армии независимость. Лагери из землянок и биваки под открытым небом, как их широко ни практиковать, все же не могут составлять неизменного способа размещения войск без того, чтобы рано или поздно, в зависимости от климатических условий, войска не подвергались заболеваниям и не истощали преждевременно свои силы. Поход в Россию в 1812 г. представляет собою один из немногих, в котором при крайне суровом климате войска в течение всех шести месяцев его длительности почти вовсе не занимали квартир. Но что же получилось в результате такого напряжения сил, которое можно было бы назвать экстравагантным, если бы эта квалификация еще в большей мере не отвечала политической идее этого предприятия!

Два обстоятельства могут препятствовать расквартированию войск: близость неприятеля и быстрота передвижений. По этой причине квартиры обычно немедленно покидают, как только приближаются решительные действия, и не занимают их, пока это решение не завершится.

В новейших войнах, т.е. во всех тех походах, которые протекали перед нашими глазами за последние двадцать пять лет, стихия войны действовала со всей присущей ей энергией. В этих войнах в отношении активности и напряжения сил по большей части были проявлены все возможности; но все эти походы были непродолжительны, редко длились они полгода, чаще же было достаточно затратить всего несколько месяцев, чтобы добиться намеченной цели, т.е. положения, когда побежденный бывал вынужден заключить перемирие или даже мир, или же наступал момент, когда победный импульс победителя истощался в борьбе. В эти периоды крайнего напряжения не могло быть и речи о расквартировании войск, ибо даже во время победного натиска при преследовании, когда уже никакая опасность не грозила победителю, быстрота передвижения все же не допускала этого облегчения.

Но когда по той или другой причине ход события бывает менее порывист и происходит преимущественно уравновешенное колебание и взвешивание сил, размещение войск под крышей, в удобных жилищах должно составлять главный предмет заботливого внимания. Эта потребность оказывает даже некоторое влияние на ведение войны: во-первых, чтобы выиграть время и обеспечить безопасность, выставляют более сильную систему сторожевого охранения и более значительный и далее выдвинутый вперед авангард и, во-вторых, обращают преимущественное внимание на богатство и культурность местности, а не на представляемые ею тактические выгоды и геометрические соотношения линий и точек. Торговый город в 20000 - 30000 жителей или большая дорога, вдоль которой почти непрерывно тянется ряд значительных селений и цветущих местечек, предоставляют такие удобства для сосредоточенного размещения больших масс, а это сосредоточение открывает такую возможность ими управлять и такой простор для действий, что эти преимущества с лихвою возмещают тактические выгоды, которые мог бы предоставить другой район.

Нам придется сделать лишь немногие замечания относительно порядка расквартирования, ибо

этот предмет своей большей частью относится к тактике.

Размещение войск по квартирам бывает двух родов, в зависимости от того, является ли оно главной задачей или второстепенной. Если группировка войск в течение кампании подчиняется исключительно тактическим и стратегическим соображениям и если для облегчения войск отведены квартиры, оказавшиеся по соседству с пунктом их назначения, что чаще всего имеет место по отношению к кавалерии, то тем самым квартиры оказываются делом второстепенным; они замещают лагерь и, следовательно, должны находиться на такой площади, чтобы войска имели возможность вовремя принять свою оперативную группировку.

Если же войска расквартировываются на отдых для восстановления своих сил, то размещение по квартирам является главной задачей, а остальные мероприятия, следовательно, и специальный выбор пунктов сосредоточения, должны лишь с ним сообразоваться.

Первый вопрос, который приходится рассматривать, касается формы всего района расквартирования. Обычно она представляет собою очень продолговатый прямоугольник, образуя как бы простое расширение тактического боевого порядка. Впереди его будет находиться сборный пункт, а штаб главного командования позади. Эти три условия в значительной мере препятствуют успешному сбору всех частей до прибытия неприятеля, более того - почти противоречат ему.

Чем больше район расквартирования приближается по своему очертанию к квадрату или даже к кругу, тем легче можно собрать войска к определенному пункту, а именно - к центру. Чем далее назад отнесен сборный пункт, тем позднее достигнет его неприятель и тем больше, следовательно, останется у нас времени для сбора. Сборный пункт, расположенный позади района расквартирования, никогда не может подвергнуться опасности[132]. Наоборот, чем дальше вперед вынесена главная квартира, тем раньше до нее доходят донесения и тем лучше бывает обо всем осведомлен командующий. Однако указанные выше условия не лишены оснований, с которыми в большей или меньшей мере придется считаться.

Растягивая районы расквартирования вширь, имеют в виду лучшее прикрытие страны, которую в противном случае неприятель мог бы обложить реквизициями. Однако это основание не слишком важно и не вполне соответствует истине. Оно правильно лишь тогда, когда речь идет о крайних флангах, и неверно по отношению к промежутку между двумя частями армии, районы размещения которых группируются вокруг их сборных пунктов, ибо в такой промежуток не решится вторгнуться ни один неприятельский отряд. Оно и не слишком важно потому, что существуют более простые средства защитить ближайшие к нам районы от неприятельских реквизиций, не прибегая к разброске своей армии.

Выдвигая вперед сборный пункт, преследуют цель прикрыть район расквартирования от атаки противника. Это связано со следующими соображениями. Во-первых, спешно становящаяся под ружье часть всегда оставляет после себя на квартирах целый хвост отставших, больных, повозок, запасов и пр., которые легко попали бы в руки неприятеля, если бы сборный пункт располагался позади них. Во-вторых, надо иметь в виду, что неприятель, рассеяв авангард или обойдя его крупными кавалерийскими частями, может напасть на отдельные полки и батальоны. Построенный к бою отряд, на который наткнется кавалерия противника, как бы; слаб он ни был и хотя бы он был под конец разбит, все же задержит ее продвижение, и, таким образом, время, будет выиграно.

Что касается расположения главной квартиры, то в г этом отношении господствовало мнение, что нет таких мер, которые достаточно обеспечили бы ее безопасность.

Руководствуясь этими различными соображениями, мы полагаем, что наилучшее устройство квартирное го района заключается в том, чтобы он представлял собой род прямоугольника, приближающегося к квадрату или кругу, со сборным пунктом в центре и - при сколько-нибудь значительных силах - с главной квартирой, расположенной в передних рядах.

То, что было сказано по поводу прикрытия флангов построения войск вообще, применимо и в данном случае; поэтому отдельные отряды справа и слева должны иметь свои отдельные сборные пункты на одном уровне с главными силами, хотя бы и имелось в виду вступить в бой совместно.

Впрочем, если мы примем во внимание, что, с одной стороны, свойства местности каким-нибудь природным рубежом намечают естественный сборный пункт, а с другой - что они своими селениями и городами определяют расположение квартир, то мы убедимся, как редко: геометрическая фигура играет в этом деле решающую роль; все же указать на нее мы считаем необходимым, потому, что она, как всякий общий закон, то с большей, то с меньшей властью проявляется в общей совокупности отдельных случаев.

Далее, относительно выгод, предоставляемых данной местностью для расквартирования, нам надлежит указать еще на желательность наличия прикрывающего местного рубежа, с тем чтобы избрать квартирный район позади него, а на стороне рубежа, обращенной к неприятелю, установить наблюдение при помощи большого числа мелких отрядов. Также выгодно расквартирование войск позади крепостей; численность гарнизона последних при подобных обстоятельствах не может быть установлена, и они внушают неприятелю гораздо больше уважения и осмотрительности.

Относительно укрепленных зимних квартир мы намерены поговорить особо в отдельной главе [133].

Расквартирование войск, стоящих на месте, отличается от расквартирования их на походе тем, что последнее, во избежание излишних концов, не распространяется вширь, а тянется вдоль основного пути, что безусловно благоприятствует быстроте сбора, раз только такое расквартирование не растягивается больше, чем на длину небольшого перехода.

Во всех тех случаях, когда мы, говоря техническим языком, находимся перед неприятелем, т.е. во всех тех случаях, когда оба авангарда отделены лишь незначительным пространством, протяжение района расквартирования и время, требуемое войсками для сбора, определяют силы и расположение авангарда и сторожевого охранения; в тех же случаях, когда силы и расположение их обусловлены положением неприятеля и обстоятельствами, то наоборот, ширина расквартирования будет зависеть от времени, обеспеченного нам сопротивлением передовых частей.

Как мы должны мыслить такое сопротивление, оказываемое выдвинутыми вперед отрядами, мы уже говорили в III [134] главе этой части, Из срока сопротивления передовых частей надо исключить время на передачу ориентировки и на распоряжения по подъему войск, и лишь то, что остается после такого вычета, составит время, могущее быть употребленным на движения по сосредоточению.

Чтобы и здесь, в конце изложения, зафиксировать наши представления о том, как все это складывается при нормальных условиях, мы должны заметить, что если бы радиус квартирного района равнялся расстоянию района от авангарда, а сборный пункт был приблизительно в центре района, то выигранное задержкой неприятельского наступления время оставалось бы для передачи донесений и приказов; это оказалось бы вполне достаточным в большинстве случаев, даже если осведомление о неприятельском наступлении производится не при помощи световой сигнализации, сигнальных выстрелов и пр., а просто по летучей почте, представляющей единственный вполне надежный способ связи [135].

Таким образом, при авангарде, выдвинутом вперед на расстояние 3 миль, можно было бы занять под квартиры пространство приблизительно в 30 квадратных миль. В местности со средней густотой населения на таком пространстве можно найти приблизительно около 10000 дворов [136], что для армии в 50000 человек, за вычетом авангарда, составит в среднем по четыре человека на двор. Такое квартирное расположение представляло бы большие удобства; при вдвое сильнейшей армии приходилось бы девять человек на двор, следовательно, все же квартиры оказались бы не слишком тесными. Когда же не представляется возможным выдвинуть авангард далее одной мили, мы имели бы площадь квартирного района всего в 4 квадратных мили, ибо хотя выигрыш времени уменьшается не вполне пропорционально уменьшению удаления авангарда от главных сил и при расстоянии в одну милю между авангардом и главными силами можно было бы рассчитывать на б часов, все же при такой близости неприятеля необходимо увеличить предосторожности. Конечно, на таком тесном пространстве армия в 50000 человек могла бы как-нибудь разместиться на квартирах лишь в густо населенной местности.

Мы видим, какую решающую роль играют в этом случае большие или хотя бы значительные

города, дающие возможность расквартировать от 10000 до 20000 человек в одном пункте.

Отсюда, казалось бы, следует, что если неприятель не слишком близок, а мы располагаем соответственным авангардом, то можно оставаться на квартирах, имея против себя и сосредоточенные неприятельские силы, что и было допущено Фридрихом Великим в начале 1762 г. под Бреславлем, а в 1812 г. Бонапартом под Витебском. Однако, имея перед собою сосредоточенного неприятеля, хотя бы и не приходилось опасаться за безопасность сбора войск при достаточном удалении от противника и надлежащих мероприятиях, все же не надо забывать, что армия, занятая спешным сбором, в это время не может делать ничего иного и что, следовательно, в этот период она не в состоянии использовать складывающуюся обстановку, а потому лишается значительной доли своей оперативной способности. Отсюда следует, что лишь в следующих трех случаях можно полностью размещать армию на квартирах:

1) когда то же делает и противник;

2) когда этого обязательно требует состояние войск;

3) когда ближайшая деятельность армии ограничивается обороной укрепленной позиции и, следовательно, все дело сводится к тому, чтобы вовремя собрать на ней войска.

Замечательный случай сбора расквартированной армии мы встречаем в кампании 1815 г. Генерал Цитен с 30 000 человек образовывал у Шарлеруа авангард армии Блюхера, которую предполагалось сосредоточить у Сомбрефа, всего в 2 милях позади. Самые же отдаленные от Сомбрефа квартиры находились на расстоянии 8 миль, а именно - с одной стороны за Синею, а с другой - по направлению к Льежу. Тем не менее войска, квартировавшие за Синею, уже собрались к Линьи за несколько часов до начала там сражения, а размещенные по направлению Льежа войска (корпус Бюлова) тоже оказались бы на месте, если бы не случайность и не ошибочная организация службы связи.

Бесспорно, о безопасности прусской армии позаботились недостаточно; впрочем, в оправдание надо сказать, что указанное расположение было занято тогда, когда французская армия сама стояла на еще более широко раскинутых квартирах. Таким образом, ошибка сводилась лишь к тому, что эти мероприятия не были изменены тотчас же по получении первого донесения о передвижениях французских войск и о прибытии к ним Бонапарта.

Все же заслуживает внимания то соображение, что прусская армия могла бы сосредоточиться под Сомбрефом еще до атаки неприятеля. Правда, Блюхер получил известие о наступлении неприятеля 14-го ночью, т.е. за двенадцать часов до того, как генерал Цитен подвергся действительному нападению, и тогда же было приступлено к сбору войск; но уже 15-го утром в 9 часов [137] генерал Цитен был в самом жарком огне, и лишь в этот момент генерал Тильман [138] получил в Синею приказ выступить в Намюр. Таким образом, ему пришлось сначала собрать свой корпус по дивизиям, а затем пройти 6 1/2 миль до Сомбрефа; на все это потребовалось 24 часа. К тому же времени мог прибыть и генерал Бюлов, если бы приказ о выступлении дошел до него своевременно.

Бонапарту же удалось начать свое нападение на Линь лишь в 2 часа пополудни 16-го. Опасение иметь Веллингтона с одной стороны, а Блюхера - с другой, - другими словами, несоответствие сил, - во многом объясняет эту медлительность; отсюда мы видим, насколько даже самый решительный полководец задерживается осторожным нащупыванием, которое всегда неизбежно при сколько-нибудь сложной обстановке.

Часть приведенных здесь соображений, очевидно, имеет скорее тактический, чем стратегический характер, но мы предпочли несколько выйти из пределов нашего предмета, чем рисковать высказаться недостаточно ясно.

Глава 14. Довольствие войск

Довольствие войск приобрело в современной войне гораздо большее значение, чем оно имело

раньше, по двум причинам. Прежде всего потому, что современные армии в общем гораздо больше, чем средневековые и даже чем они были в древности. Если и раньше время от времени бывали армии, равные по своей численности современным, а порою даже значительно их превосходившие, то это случалось лишь как редкое и преходящее явление[139]. В новейшей же военной истории, со времен Людовика XIV, армии всегда были чрезвычайно многочисленны. Вторая причина гораздо важнее и более специфически присуща новейшему времени. Она заключается в большей внутренней связи современных войн, в требовании постоянной боевой готовности, предъявляемом к ведущим их вооруженным силам. Большинство прежних войн состояло из отдельных, не связанных между собою предприятий, которые разделялись периодами затишья, в течение которых война фактически или совершенно прекращалась, или по крайней мере вооруженные силы настолько далеко расходились друг от друга, что каждая из двух воюющих армий могла заниматься удовлетворением своих потребностей, не считаясь со своим противником.

Войны новейшего времени, т.е. войны после Вестфальского мира[140], стараниями правительств приобрели более правильную связную форму; цели войны повсюду господствуют, и в вопросах довольствия войск они обуславливают такую организацию, которая могла бы всегда удовлетворить их требованиям. Правда, в войнах XVII и XVIII веков точно так же наблюдались длительные промежутки бездействия, которые весьма приближались к полной приостановке хода войны, - разумею регулярное занятие зимних квартир войсками. Однако и занятие зимних квартир подчинялось требованиям цели войны; к этому побуждало суровое время года, а не вопросы довольствия войск, и так как с наступлением лета они регулярно покидались, то по крайней мере в теплый период года требовалась непрерывность военных действий.

И здесь, как и во всех остальных случаях, переход от одного состояния к другому и от одного способа действия к новому происходил постепенно. В войнах против Людовика XIV союзники обычно отправляли свои войска на зимние квартиры в отдаленные провинции, дабы их легче было довольствовать; во время Силезских войн подобное явление уже не наблюдалось.

Это правильное и связное оформление военных действий стало возможным для государств главным образом после того, как на место феодальных ополчений явились наемные войска. Ленные обязанности выродились в денежный налог, а личная служба или совершенно отпала с заменой ее вербовкой, или же сохранилась лишь по отношению к самым низшим классам населения, причем дворянство (как это еще теперь практикуется в России и Венгрии) смотрело на поставку рекрут как на своего рода подать, уплачиваемую людьми. Во всяком случае армии, как мы на это уже указывали в другом месте, обратились в непосредственное орудие кабинетов, и главным базисом их явилась казна или денежные доходы правительства.

То самое, что произошло с устройством и постоянным пополнением вооруженных сил, должно было случиться и с их довольствием. Раз сословия были освобождены от первого с заменой денежной повинностью, то и последнее нельзя было на них возложить упрощенным приемом. Правительство, казна должны были взять на себя заботы по довольствию армии и не могли уже предоставить ей жить в пределах своей страны за счет последней. Таким образом, правительство было вынуждено смотреть на довольствие войск как на дело, всецело лежащее на его плечах. При этом довольствие войск стало труднее по двум причинам: во-первых, оно стало делом исключительно правительства, а во-вторых, вооруженные силы должны были все время оставаться на виду у неприятеля.

Пришлось не только создать особую военную касту (Kriegsvolk), но и особую организацию довольствия и развить ее по мере возможности.

Запасы продовольствия заготавливались частью путем закупок, частью путем поставок из государственных доменов и не только доставлялись из отдельных провинций и накапливались в магазинах, но и перевозились из этих магазинов к войскам при помощи специально организованных обозов; поблизости от войск хлеб выпекался в собственных пекарнях, откуда уже сами войска забирали его при помощи других обозов, которые под конец были приданы самим войскам. Мы обратили внимание на эту систему[141] не только потому, что она объясняет своеобразный характер войн, в которых она действовала, но и потому, что она никогда не может окончательно исчезнуть, и ее существенные частности всегда будут вновь встречаться.

Таким образом, военная организация имела тенденцию постепенно становиться все более и более независимой от народа и страны.

Следствием этого было то, что война сделалась более правильной, связной и более выдержанной по отношению к цели войны, т.е. политической цели, но в то же самое время она стала гораздо более ограниченной в своих движениях, более связанной, а энергия ее значительно ослабела. Теперь армия была прикована к своим магазинам; круг ее действий был ограничен организацией обозов. Вполне естественно, что все приняло ориентировку на возможную бережливость в деле содержания армии. Солдат, довольствуемый скудным куском хлеба, порою шатался как тень от истощения, и среди переносимых им лишений его не утешала никакая надежда на улучшение своего положения.

Тот, кто не учитывает столь скудного содержания солдата, а имеет в виду лишь то, чего достиг Фридрих Великий с бойцами, которые так питались, смотрит на дело предвзято. Способность переносить лишения составляет одну из прекраснейших добродетелей солдата, без нее не бывает армии с истинно воинственным духом; но такие лишения должны быть преходящими, обусловленными силой внешних обстоятельств, а не являющимися следствием бедствия, возведенного в систему, или результатом скаредного отвлеченного подсчета минимальной потребности. В последнем случае лишения всегда будут вести к физическому и моральному ослаблению человека. То, что Фридриху Великому удалось выполнить со своей армией, не может служить для нас масштабом, ибо отчасти и противники его держались той же системы, а отчасти мы не знаем, что бы он предпринял, если бы имел возможность предоставить своей армии те условия жизни, какие Бонапарт предоставлял своим солдатам всякий раз, как только обстоятельства ему это позволяли.

Но на содержание лошадей никогда не решались распространить эту искусственную систему продовольствования, ибо фураж, вследствие его объема, труднее перевозить. Одна фуражная дача весит приблизительно в десять раз больше, чем один паек, а число лошадей в армии составляет не 1/10 числа людей, а больше: в современных армиях - от 1/3 до 1/4, раньше - даже от 1/3 до 1/2. Таким образом, вес всех рационов для конского состава превышал бы вес всех солдатских пайков в три, четыре или даже пять раз; поэтому удовлетворить эту потребность старались самым непосредственным образом, а именно - путем фуражировок. Такие фуражировки представляли собою новый вид значительного стеснения, налагаемого на ведение войны. Во-первых, применение фуражировок выдвигало одним из важнейших условий требование, чтобы война велась на неприятельской территории, а во-вторых, фуражировки не позволяли долгое время оставаться на одном и том же месте. Впрочем, уже ко времени Силезских войн фуражировки в значительной мере сократились в своем объеме; явилось убеждение, что они вызывают гораздо большее опустошение и тяготу для страны, чем удовлетворение потребностей посредством поставок и реквизиции.

Когда французская революция заставила вновь двинуть на театр войны народные массы, то средства правительства оказались недостаточными, а вся военная система, исходившая из ограниченности этих средств и в этой же ограниченности находившая свое обеспечение, оказалась разгромленной; с разгромом же целого пала и та его часть, о которой мы сейчас говорим, а именно - система довольствия войск. Не очень заботясь о магазинах и еще менее думая об организации того искусного часового механизма, который приводил в движение, словно систему колесиков, отдельные части системы обозов, вожди революции высылали своих солдат на войну, гнали в бой своих генералов, питали, подкрепляли, оживляли и возбуждали всех при помощи реквизиций, грабежей и хищения всего того, в чем они нуждались.

Войны, которые вел Бонапарт и которые велись против него, заняли среднее место между этими двумя крайностями, т.е. он пользовался из всех средств теми, которые ему казались наиболее подходящими.

При новейшей системе довольствия войск, заключающейся в том, чтобы пользоваться, не считаясь с правом собственности, всем тем, что может дать известная местность, возможны четыре различных пути, а именно довольствие от квартирохозяина, сбор припасов непосредственно войсками, общая реквизиция и магазины. Все четыре способа обычно применяются одновременно, причем один из них является господствующим, но бывают случаи, когда применяют лишь один из них.

1. Довольствие от квартирохозяина или общины, что одно и то же

Если принять во внимание, что во всякой общине, - даже в больших городах, где она состоит исключительно из потребителей, - все же имеется всегда запас продовольствия на несколько дней, то станет ясно, что даже самый населенный город окажется в состоянии в течение одного дня прокормить расквартированные в нем войска, численностью равняющиеся количеству жителей, а когда число квартирующих войск значительно меньше населения, то и в течение нескольких дней, - для этого не требуется каких-либо особых предварительных мероприятий. В более или менее крупных городах это дает весьма удовлетворительный результат, ибо таким путем можно прокормить значительную массу войск, сосредоточенную в одном пункте. В небольших же городах и деревнях результат оказался бы недостаточным, ибо население в 3000-4000 человек на пространстве 1 квадратной мили, что представляет уже значительную плотность, обеспечило бы продовольствием всего лишь 3000 4000 солдат, при значительных массах войск это потребовало бы такой широкой разброски их, которая едва ли оказалась бы приемлемой в других отношениях. Однако на равнинах и даже в небольших городах наличное количество нужных на войне продовольственных средств значительно больше; запас хлеба у крестьянина, считая в среднем, обычно бывает достаточным для прокормления его семьи в течение одной-двух недель; мясо можно добыть в любой день, запас овощей обычно рассчитан до следующего урожая. Поэтому не представляет особых трудностей прокормить в течение нескольких дней войска, превышающие втрое или вчетверо население, если в этой местности войска еще не квартировали, - а это опять-таки является вполне удовлетворительным. При таких условиях колонна в 30 000 человек потребовала бы для своего расквартирования пространства до 4 квадратных миль в местности с плотностью населения в 2000-3000 человек на 1 квадратную милю, если при этом нельзя использовать для постоя значительного города; это заставило бы растянуть расквартирование в ширину на 2 мили. Таким образом, армия в 90 000 человек, в которой насчитывается около 75000 бойцов, если она будет двигаться при наличии трех дорог тремя параллельными колоннами, должна будет занять пространство по фронту всего лишь в 6 миль.

Если эти квартиры будут занимать последовательно следующие позади колоннами, то местным властям придется принимать особые меры, что, впрочем, не вызовет осложнений, если речь будет идти о довольствии в течение одного-двух лишних дней. Таким образом, если бы за этими 90000 человек в течение одного дня проследовало бы еще столько же, то и этим последним еще не пришлось бы терпеть недостатка в продовольствии, а при этом составляется уже внушительная масса в 150000 бойцов.

Еще меньше затруднений представляет корм для лошадей, ибо он не требует ни помола, ни выпечки, а так как для местных лошадей запас фуража всегда имеется налицо до следующего урожая, то даже там, где кормление скота в стойлах мало распространено, трудно ожидать большого недостатка корма; однако поставку фуража придется уже требовать не от хозяина квартиры, а от общины. Но, конечно, при организации марша следует принимать во внимание свойства местности и не назначать для расквартирования кавалерии торговых и фабричных местечек и не направлять кавалерию в такие местности, где ощущается недостаток в фураже.

Таким образом, общий вывод из этого беглого обзора сводится к тому, что в местности со средней плотностью населения, а именно - при 2000 - 3000 жителей на 1 квадратную милю [142], армия в 150000 бойцов может найти пропитание в течение одного-двух дней у квартирохозяев и общин, несмотря на весьма ограниченную разброску сил, не исключая возможности совместных боевых действий; следовательно, такую армию можно содержать в течение непрерывного похода без магазинов и какой-либо иной подготовки.

На этот вывод опирались все предприятия французских армий в течение революционных войн и при Бонапарте. Они продвинулись от Эча до Нижнего Дуная и от Рейна до Вислы почти без каких-либо иных способов продовольствования, кроме содержания за счет квартирохозяев. Так как все их предприятия, опираясь на физическое и моральное превосходство, сопровождалось несомненным успехом и, во всяком случае, не замедлялись нерешительностью и осмотрительностью, то продвижение по их победному пути представляло собою в большинстве случаев ряд непрерывных переходов.

Если обстоятельства менее благоприятны, если местность не так плотно населена или если население состоит больше из ремесленников, чем из крестьян, если почва неплодородна, а местность подвергалась несколько раз нашествиям, то, естественно, результаты будут менее благоприятны. Но

стоит вспомнить, что если увеличить поперечник района, занимаемого войсками, с 2 миль до 3, то сразу получается более чем двойная площадь, т.е. 9 квадратных миль вместо 4; при этой разброске в большинстве случаев совместные боевые действия остаются еще вполне возможными; отсюда ясно, что далее при неблагоприятных условиях, но при обязательном непрерывном движении вперед описываемый способ довольствия армии остается возможным.

Но как только явится остановка на несколько дней, тотчас должна наступить крайняя нужда, если нес, принять других мер. Существуют два таких мероприятия, без которых более или менее значительная армия и теперь обойтись не может.

Первое - это придача войскам обоза, при помощи которого везется запас хлеба и муки, как самой необходимой части довольствия, на несколько три-четыре - дней; если к этому присоединить еще трех-четырёхдневный запас продовольствия, который солдат несет на себе, то получается запас хотя и скудного питания на восемь дней.

Второе - это организация хорошего интендантства, которое при остановке в любой момент подвезет из дальних мест продукты, так что можно будет легко перейти в нужную минуту от системы квартирного довольствия к другой системе.

Довольствие от квартирохозяев имеет то огромное преимущество, что оно не требует никаких перевозочных средств и добывается в кратчайший срок; но оно строится на предположении, что, как правило, все войска размещаются по квартирам.

2. Довольствие путем войсковых реквизиций

Когда отдельный батальон располагается лагерем вблизи нескольких деревень, то он может возложить на последние поставку ему продовольственных припасов; в таком случае между этим способом довольствия и предшествующим не было бы существенного различия. Но если, как это обыкновенно бывает, масса войск, располагающаяся на ночлег в одном каком-либо пункте, значительно больше, то для более крупной единицы, как, например, бригады или дивизии, не останется ничего иного, как реквизировать сообща все необходимое в определенном районе, а затем полученные таким образом продукты поделить.

Уже с первого взгляда видно, что таким способом добыть довольствие для значительной армии невозможно. Количество продовольствия, добытое этим приемом в известном районе, будет гораздо меньше по сравнению с тем, которое могут добыть войска при расквартировании от своих хозяев. Когда 30 или 40 солдат войдут в дом крестьянина, они сумеют в случае нужды вытащить у него и последнее; но офицер, которого отправили с несколькими солдатами раздобыть продовольствие, не имеет ни времени, ни средств доискаться всех запасов, часто не хватает и перевозочных средств; поэтому удастся раздобыть лишь малую долю имеющегося в наличности. С другой стороны, массы войск, сосредоточиваемые в одном лагере, обычно так велики, что районы, из которых можно было бы достаточно скоро доставить необходимые продукты, окажутся слишком малы для удовлетворения всей потребности. Что может получиться, когда 30000 человек на 1 милю в окружности, т.е. на площади в 3 - 4 квадратных мили, реквизируют продукты продовольствия. Да и это редко им удастся, ибо большинство ближайших деревень окажутся обложенными отдельными воинскими частями, и последние ничем не захотят поделиться. Наконец, при этой системе наблюдается наибольшая расточительность, ибо отдельные части берут сверх меры, много пропадает зря и пр.

Следовательно, конечный вывод заключается в том, что довольствие войсковой реквизицией может применяться с успехом лишь не слишком крупными частями, например, до дивизии в 8000-10000 человек, и что даже в этом случае к ней приходится прибегать как к неизбежному злу.

Обычно эта мера оказывается неизбежной при наступательном марше для всех тех частей, которые стоят непосредственно перед неприятелем, как, например, для авангарда, сторожевого охранения. Они доходят до таких пунктов, где никаких мер заранее не могло быть принято, а сами обычно слишком удаляются от запасов, собранных для остальных частей армии. Далее, эту меру будут применять партизанские отряды, предоставленные самим себе; наконец, к ней будут обращаться во всех тех случаях, когда не имеется ни времени, ни средств для применения других способов получения

продовольствия.

Чем войска более приспособились к производству правильной реквизиции и чем больше позволяют время и обстоятельства перейти к этому способу снабжения, тем лучше будут результаты. Но в большинстве случаев на это не хватает времени, ибо то, что войска непосредственно сами добудут для себя, доходит до них гораздо скорее.

3. Довольствие при помощи правильной реквизиции

Это есть бесспорно самое простое и действительное средство снабжения продовольствием, лежащее в основе всех современных войн. От предшествующего способа эта мера отличается главным образом привлечением к реквизиции местных властей. Запасы в этом случае уже не отнимаются насильственным способом, где бы они ни находились, но получаются путем разумной разверстки. Такая разверстка может быть выполнена лишь местными властями.

Здесь все дело во времени. Чем больше имеется времени, тем полнее будет разверстка, тем она явится менее обременительной, тем правильнее будет поступление. Можно даже прибегнуть отчасти к закупкам на наличные деньги, что приблизит способ довольствия к магазинному. При сосредоточении вооруженных сил в собственной стране, а также при отступлении применение этого способа не представляет никаких затруднений. Напротив, при всяком продвижении в районе, коим мы еще не овладели, имеется очень мало времени, чтобы создать соответствующую организацию, - обычно лишь тот единственный день, на который авангард опережает армию. От авангарда и исходит обыкновенно предложение местным властям, с указанием количества пайков и рационов, какое они должны заготовить в том или другом пункте. Так как продовольствие и фураж могут быть доставлены лишь из ближайшего района, т.е. из округа, удаленного не свыше 2-3 миль от намеченного пункта, то при значительной армии эти наспех организованные ссыпки оказались бы далеко не достаточными, если бы войска не везли с собой продовольствия на несколько дней. Отсюда дело интендантства распорядиться добытыми таким способом продуктами, раздавая их лишь тем воинским частям, которые сами ничего не имеют. Но с каждым последующим днем затруднения будут уменьшаться, так как с увеличением числа дней и тех расстояний, на которых могут быть добываемы жизненные припасы, увеличивается в квадрате площадь реквизиции, а следовательно и сумма продуктов. Если в первый день продукты могли доставляться лишь с площади в 4 квадратных мили, то на следующий день могут эксплуатироваться 16 квадратных миль, на третий - 36; таким образом, на второй день площадь реквизиции будет на 12 миль больше, чем в первый день, на третий - на 20 миль больше, чем на второй.

Само собою разумеется, что мы указываем лишь на общую тенденцию, ибо могут иметь место многие обстоятельства, ограничивающие данную прогрессию; важнейшее из них сводится к тому, что районы, уже пройденные войсками, не могут участвовать в поставках в той же мере, как другие. Но, с другой стороны, надо иметь в виду и то, что радиус поставок может увеличиваться с каждым днем не только на 2 мили, а пожалуй, и на 3 - 4, а в некоторых местах и более.

Чтобы такие принудительные поставки действительно поступали, хотя бы в главной своей массе, об этом позаботится исполнительная власть отдельных воинских команд, приданных чиновникам, а еще больше влияет в этом направлении страх ответственности, наказаний и жестокостей, который в таких случаях обычно гнетет население.

Впрочем, нашей задачей не является изложение здесь подробностей организации всего часового механизма интендантства и продовольственной части: мы здесь имеем в виду лишь результат, который может быть получен этим способом.

Вывод, к которому мы приходим на основе здравого смысла по рассмотрении общих условий и который подтверждается опытом войн, начиная с революции, заключается в следующем: даже самая многочисленная армия, если она везет с собой запас продовольствия на несколько дней, несомненно может содержаться реквизиционным способом сбора продуктов, устанавливаемым с момента вступления армии в данную местность и захватывающим сначала лишь ближайшие районы, а затем постепенно распространяющимся на все более и более широкие пространства, причем в организации реквизиции будут принимать участие все более и более высокие административные инстанции.

Это средство не имеет никаких иных границ, кроме истощения, обнищания и разорения страны. Но при более продолжительном пребывании организация поставок постепенно восходит до высших учреждений страны, а эти последние, естественно, сделают все для того, чтобы распределить бремя обложения по возможности равномерно и облегчить тяжесть поставок путем закупок; да и само государство, ведущее на чужой территории войну, в том случае, когда его войска остаются во враждебной стране более продолжительное время, обычно уже не поступает грубо и беспощадно и не возлагает все бремя довольствия войск на оккупированную территорию. Таким образом, система реквизиций мало-помалу, естественно, начнет приближаться к системе магазинов, не превращаясь, однако, в последнюю окончательно и не переставая оказывать свое влияние на движения воинских частей, ибо большая разница остается ли страна действительным органом снабжения войск, хотя средства ее и восполняются запасами, привезенными издалека, или же армия, как то было в войнах XVIII столетия, организует свое совершенно самостоятельное хозяйство, а страна, как общее правило, в этом вовсе не участвует.

Наиболее существенное различие заключается в пользовании местными перевозочными средствами и местными хлебопекарнями. Благодаря этому отпадают огромные, почти всегда губительные для своего же дела армейские транспорты.

Хотя и теперь ни одна армия не будет в силах совершенно обойтись без продовольственного обоза, но последним ныне значительно меньше и служит он до известной степени лишь для того, чтобы перебрасывать излишки одного дня на другой. Особые обстоятельства вроде тех, что имели место в России в 1812 г., могут принудить и в новейшие времена содержать огромный обоз, а также везти с собой походные хлебопекарни. Однако подобные обстоятельства представляют исключение, так как не часто случается, чтобы 300 000 человек продвигались на 130 миль в глубь страны почти по одной дороге, и притом в таких странах, как Польша и Россия, да еще незадолго до снятия урожая. Но даже в подобных случаях войсковая организация продовольственного снабжения будет играть лишь вспомогательную роль, а реквизиция местных средств должна все же рассматриваться как основа всего снабжения армии продовольствием.

Со времен первых походов французской революционной войны реквизиции всегда были основой снабжения французской армии; к ним вынуждены были обратиться и сражавшиеся против нее войска союзников. Теперь трудно ожидать, чтобы от реквизиции когда-нибудь отказались. Никакая другая система не дает таких результатов в отношении энергии, легкости и несвязанности ведения войны. Обычно в течение первых трех-четырех недель действия в любом направлении не встречаются никаких затруднений, а затем на помощь являются магазины; можно с полным правом утверждать, что этим путем война приобретает полнейшую свободу действий. Хотя и могут возникнуть затруднения - большие в одном направлении, меньшие в другом - и это при выборе решения будет, конечно, несколько ложиться на чашу весов, однако нигде не придется встречаться с абсолютной невозможностью, и вопрос снабжения армии продовольствием никогда не будет иметь решающего значения. Лишь один случай явится исключением - это отступление в неприятельской стране. В подобном случае скучиваются многие неблагоприятные для довольствия условия. Движение получает непрерывный характер, обычно без остановок, а потому времени для образования запасов не хватает. Обстоятельства, при которых приступают к такому отходу, уже сами по себе большей частью являются крайне неблагоприятными. Таким образом, отступающим войскам приходится всегда держаться вместе, и не может быть и речи о размещении их по квартирам или о движении отходящих колонн на широком фронте; враждебное отношение страны не позволяет собирать запасы одним лишь требованием реквизиций без участия воинских команд; наконец, момент сам по себе является особенно подходящим, чтобы вызывать противодействие, злую волю местного населения. Все это приводит к тому, что в таких случаях, как общее правило, приходится ограничиваться прежде устроенными коммуникационными линиями.

Когда Бонапарт в 1812 г. решил начать свое отступление, он безусловно мог его выполнить лишь по той дороге, по которой он пришел, и притом как раз по продовольственным соображениям, ибо на всякой другой дороге его ожидала бы еще более несомненная и скорая гибель; все те осуждения Бонапарта, которые были высказаны по этому поводу даже французскими писателями, лишены всякого смысла.

4. Довольствие из магазинов

Этот способ снабжения отличался бы от предыдущего принципиально разве только в том случае, если бы он получил тот же характер, какой имел в последнюю треть XVII и на всем протяжении XVIII столетия. Но появится ли вновь когда-либо такая организация?

Правда, трудно себе представить, каким другим способом может быть организовано довольствие, если мыслить ведение войны крупными армиями, прикованными к одному месту в течение 7, 10 и 12 лет, как это было в Нидерландах, на Рейне, в Ломбардии, Силезии и Саксонии; какая страна могла бы в течение столь долгого времени служить главным источником содержания войск обеих воюющих сторон без того, чтобы не быть окончательно разоренной и, следовательно, постепенно стать неспособной выполнить эту задачу?

Но здесь естественно возникает вопрос: война ли определяет систему снабжения или же система снабжения определяет войну? На это мы ответим: сначала система снабжения определяет войну, поскольку это не противоречит остальным условиям, от которых война зависит; когда же последние начинают оказывать слишком сильное сопротивление, война начинает в свою очередь влиять на систему снабжения и, следовательно, определяет ее основы.

Война, построенная на основах снабжения реквизициями и довольствия войск местными средствами, имеет такое преимущество перед войной с довольствием лишь из магазинов, что последняя представляется совершенно другим инструментом. Поэтому ни одно государство не решится выступить с этим последним видом войны против первого; если бы и нашелся такой военный министр, у которого хватило бы ограниченности и невежества, чтобы не оценить безусловную обязательность новых методов, и армия выступила бы в начале войны со старой системой, то сила обстоятельств скоро подчинила бы себе полководца и навязала бы ему систему реквизиций. Если при этом иметь в виду, что крупные издержки, вызываемые магазинной системой, непременно отразятся на сокращении размеров вооружений и боевых сил, ибо ни у одного государства лишних денег не бывает, то станет ясно, что магазинной системы держаться невозможно, за исключением разве случая, когда обе воюющие страны захотели бы вступить по этому поводу в дипломатическое соглашение; конечно, этот случай представляет лишь простую игру фантазии.

Итак, по всей вероятности, войны отныне всегда будут начинаться при господстве реквизиционной системы; много ли то или другое правительство захочет сделать, чтобы дополнить ее искусственной организацией довольствия, с целью больше пощадить свою страну и т.д., об этом мы говорить не будем; во всяком случае, слишком много сделано не будет, ибо в такие моменты все устремляется в первую очередь на удовлетворение самых настоятельных потребностей, а к последним искусственная организация довольствия теперь уже не относится.

Однако в тех случаях, когда война по своим результатам не будет настолько решительной и настолько широко захватывающей по своим передвижениям, насколько это должно быть по существу ее природы, система реквизиций начнет до такой степени истощать страну, что придется или заключить мир, или принять меры к облегчению района военных действий и самостоятельному снабжению армии продовольствием. Последнее пришлось сделать французам при Бонапарте в Испании; но первое будет иметь место гораздо чаще. В большинстве войн истощение государства настолько возрастает, что вместо более дорогостоящего ведения войны склоняются к признанию необходимости заключить мир. Таким образом, новый способ войны и с этой стороны приводит к сокращению длительности войн.

Однако мы вовсе не намерены отрицать возможность войн со старой организацией снабжения; под давлением сложившихся у обеих сторон отношений и при других благоприятных обстоятельствах она, быть может, вновь когда-нибудь выявится; но мы уже не признаем такую форму естественной, это будет ненормальное явление, которое обстоятельства могут допустить, но которое никоим образом не будет вытекать из подлинного значения войны. Еще менее мы можем смотреть на эту форму - якобы более гуманную - как на шаг вперед в развитии войны, ибо война отнюдь не человеколюбива.

Но какую бы систему снабжения мы ни избрали, ясно, что в богатой и густо населенной местности довольствоваться будет легче, чем в местности бедной и малонаселенной. Здесь играет роль и плотность населения; это видно из двоякого отношения, какое она имеет к наличным запасам страны; во-первых, там, где много потребляют, должно быть и много запасов; во-вторых, большей плотности

населения, как общее правило, отвечает и большая урожайность. Хотя в этом отношении исключение представляют округа, населенные преимущественно фабричными рабочими, - особенно если эти округа, что бывает нередко, образуются горными долинами с неплодородной почвой в округе, - но в общем всегда гораздо легче обеспечить удовлетворение всех потребностей армии в стране густонаселенной, чем в стране малонаселенной. Нет сомнения, что 400 квадратных миль, на которых живет 400000 человек, как бы плодородна их почва ни была, не так легко прокормят стотысячную армию, как те же 400 квадратных миль, но с населением в 2 миллиона человек. К этому присоединяется и то обстоятельство, что в густонаселенных странах сеть дорог и водных путей гуще и находится в лучшем состоянии, а перевозочные средства обильнее и торговые сношения легче и надежнее. Словом, прокормить армию во Фландрии бесконечно легче, чем в Польше.

Вот почему война своими многочисленными ртами всегда охотнее присасывается к большим трактам, населенным городам, плодородным долинам больших рек и к часто посещаемым кораблями берегам морей.

Отсюда становится ясным общее воздействие, оказываемое довольствием войск на направление и форму операций, на выбор театра войны и на коммуникационные линии.

Предел, до которого распространяется это влияние, и значение, получаемое при общем подсчете трудности или легкости довольствия, конечно, зависят от того способа, каким война будет вестись. Если она ведется в присущем ей духе, т.е. со всей необузданной силой своей стихии, со свойственным ей тяготением к бою и решительным действиям, то довольствие армии окажется важным, но второстепенным делом; если же имеет место эквилибристика и армии в течение многих лет двигаются взад и вперед по территории одной и той же области, то продовольствие войск часто делается самым важным делом, интендант становится главнокомандующим, а ведение войны обращается в управление транспортом.

Можно указать множество походов, во время которых ничего не происходило, цели не достигались, силы напрасно тратились, и все это находило оправдание в недостатке продовольствия; а Бонапарт часто говорил: "qu'on ne me parle pas de vivres!" (я не хочу слышать о продовольствии! Ред.).

Правда, этот полководец наглядно показал в своем русском походе, как, не считаясь с этим вопросом, можно дойти до крайности; ведь если и нельзя сказать, что весь его поход потерпел крушение лишь из-за продовольствия, что в конечном счете можно только подозревать, то все же несомненно, что именно недостатком внимания Бонапарта к делу довольствия своей армии объясняется неслыханное таяние ее во время наступления и полная гибель во время отступления.

Не отрицая в Бонапарте природы страстного игрока, который часто отваживается на безрассудные крайности, все же мы можем сказать, что он и предшествовавшие ему революционные генералы в отношении довольствия войск покончили с очень властным предрассудком и показали, что на довольствие надлежит смотреть лишь как на одно из условий войны, а отнюдь не как на ее цель.

Впрочем, с лишениями на войне дело обстоит так же, как с физическим напряжением сил и с опасностями; требования, которые полководец сможет предъявить к своей армии, не ограничены определенной чертой; человек с сильным характером потребует большего, чем человек мягкий и чувствительный; да и размеры того, что армия может дать, весьма различны в зависимости от того, поддерживают ли волю и силу солдат привычка, воинский дух, доверие и любовь к полководцу или воодушевленная преданность отечеству. Но мы можем установить как правило, что лишения и нужда, каких бы высоких пределов они ни достигали, должны всегда рассматриваться как временное состояние и непременно сменяться обильным довольствием, а порою даже избытком. Может ли быть что-либо трогательнее представления о многих тысячах солдат, которые плохо одеты, обременены ношей в 30 - 40 фунтов, с трудом тащатся целыми днями во всякую погоду по любым дорогам, постоянно рискуют жизнью и здоровьем и не могут даже насытиться черствым хлебом? Когда знаешь, как часто это случается на войне, то с трудом можешь понять, как такое положение не приводит к более частому отказу сил и воли и как одно лишь устремление представлений человека своим постоянным воздействием может вызвать и поддерживать такое напряжение.

Таким образом, кто возлагает на солдат большие лишения во имя великих целей, тот должен

иметь в виду, по человеколюбию ли или из разумного расчета и вознаграждение, которым ой впоследствии за них должен расплатиться.

Теперь нам надо еще коснуться того различия, какое существует в снабжении продовольствием при наступлении и при обороне.

Оборона может непрерывно пользоваться всем тем, что она заготовила для довольствия войск. Таким образом, по существу у обороняющегося не должно быть недостатка в необходимом, особенно при действиях в собственной стране; но это положение сохраняет свою силу также и при обороне в неприятельской стране. Напротив, наступающая сторона удаляется от своих источников снабжения и должна поэтому в течение всего времени продвижения вперед и в первые недели после остановки добывать себе все необходимое со дня на день, причем дело редко обходится без недостачи и затруднений.

В двух случаях эти затруднения достигают высшей точки. Во-первых, при наступлении - перед тем, как наступит решение; тогда запасы противника находятся еще полностью в его руках, а наступающий вынужден оставить свои запасы позади; он должен держать свои войска сосредоточенными и поэтому не может использовать больших пространств, даже его транспорты не могут следовать за ним, раз только начались боевые передвижения. Если к этому моменту соответственно не подготовились, то легко может случиться, что войска за несколько дней до решительного сражения начнут испытывать лишения и нужду, что, конечно, не является подходящим средством для успешного введения их в бой.

Во-вторых, недостаток продовольствия возникает преимущественно к концу шествия победы, когда коммуникационные линии становятся чересчур растянутыми, особенно если война протекала в бедной, малонаселенной, может быть и враждебно настроенной местности. Какая огромная разница между сообщениями от Вильно до Москвы, где каждую подводу приходилось добывать силой, и сообщениями от Кельна - через Льеж, Лувен, Брюссель, Монс, Валансьен, Камбре - до Парижа, где достаточно коммерческого договора или векселя для того, чтобы достать миллионы рационов.

Часто от продовольственных затруднений тускнел блеск самых блестящих побед, чахли силы, и отступление, становившееся необходимостью, приобретало постепенно все признаки подлинного поражения.

Фуража для лошадей, в котором вначале, как мы сказали, обычно ощущается меньше всего нужды, при истощении местности начнет доставать раньше всего, ибо фураж, вследствие его объема, труднее всего доставлять издалека, а лошади гораздо скорее, чем люди, гибнут при недостатке питания. По этой-то причине многочисленная кавалерия и артиллерия могут обратиться в истинное бремя для армии и стать ослабляющим ее началом.

Глава 15. **Операционный базис**

Когда армия приступает к какой-либо операции, - для того ли, чтобы напасть на неприятеля на его территории, или только для того, чтобы развернуться на границе собственной страны, - она сохраняет неизбежную зависимость от источников своего снабжения и пополнения и должна поддерживать с ними связь, так как они являются условиями ее существования и сохранения. Эта зависимость растет в интенсивности и экстенсивности[143] с ростом армии. Но сохранять связь армии со всей страной не всегда можно, да и не нужно; связь эта должна иметься лишь с той частью страны, которая находится непосредственно позади армии и, следовательно, прикрывается расположением армии. В этой-то части страны будут по мере надобности устраиваться склады продовольствия и создастся организация для регулярного направления пополнений. Эта часть страны будет, таким образом, служить основой армии и всех ее операций; на нее надлежит смотреть, как на нечто составляющее с армией одно целое. Если запасы ради большей безопасности будут помещаться в укрепленных местах, то понятие базиса станет более рельефным, но оно не связано с этим условием, которое во многих случаях вовсе не имеет места.

Но и часть неприятельской страны может служить базисом для армии или, по крайней мере,

являться частью базиса. Когда армия продвинется внутрь неприятельской страны, многие предметы для удовлетворения ее потребностей будут черпаться из занятой территории; однако при этом обязательна предпосылка, чтобы мы действительно являлись в этом районе хозяевами, т.е. чтобы мы были твердо уверены в том, что там наши распоряжения будут исполнены. Между тем такая уверенность редко распространяется дальше того по большей части довольно ограниченного - пространства, на котором расположены наши небольшие гарнизоны или подвижные отряды, внушающие населению страх. В итоге то пространство в неприятельской стране, из которого можно черпать средства, далеко не отвечает нуждам армии и по большей части оказывается недостаточным. Таким образом, многое должна доставлять собственная страна, и притом всегда тот самый ее участок, который находится непосредственно позади армии и который в этом случае должен рассматриваться как необходимая составная часть базиса.

Потребности армии делятся на две категории: те, которые может удовлетворить всякая культурная страна, и те, источники удовлетворения которых лежат лишь на той территории, где армия была создана. Первыми по преимуществу будут средства продовольствия, вторыми же средства пополнения. Первые, следовательно, может доставлять и неприятельская страна, вторые же обычно лишь собственная страна, например, людей, оружие, а по большей части и боевые припасы. В отдельных случаях бывают исключения в отношении этого различия, но они редки и довольно ничтожны, поэтому указанное различие очень важно и является новым доказательством необходимости связи с собственной страной.

Запасы продовольствия обычно складывают в неукрепленных местах как в неприятельской, так и в собственной стране, так как не может быть достаточного количества крепостей, чтобы хранить значительные массы этих быстро расходуемых, требуемых то там то здесь продуктов; к тому же потеря их относительно легко может быть возмещена. Запасы же, предназначенные для пополнения, каковы оружие, боевые припасы и предметы снаряжения, нежелательно складывать в незащищенных местах близ театра войны, лучше их доставлять из более далеких мест; в неприятельской стране их можно хранить не иначе, как в крепостях. Отсюда также видно, что значение базиса в большей мере обуславливается средствами пополнения, чем средствами продовольствия.

Чем в большем количестве эти средства обеих категорий до обращения их в дело будут сосредоточены в крупных складах, чем больше, следовательно, отдельные источники будут сливаться в большие резервуары, тем больше последние могут считаться заменяющими всю страну, и понятие базы будет относиться главным образом к этим крупным складочным местам; однако этот процесс никогда не может дойти до того, чтобы одни только эти пункты представляли собой базис.

Если источники пополнения и продовольствия будут очень богаты, т.е. если ими явятся обширные и богатые полосы территории; если они окажутся сосредоточенными для быстрого функционирования в более крупные центры и так или иначе прикрытыми; если они будут находиться на близком удалении от армии, соединены с ней хорошими дорогами, широко растянуты позади армии или даже частью будут занимать охватывающее ее положение, то все это, с одной стороны, создаст для армии здоровую, сильную жизнь, а с другой предоставит ее движениям большую свободу. Все эти выгоды положения армии пытались суммировать в одном понятии, а именно - в понятии протяжения базиса, а всю сумму преимуществ и недостатков, вытекающих для армии из положения и свойств продовольственного и пополняющего источника, пытались выразить при помощи отношения этого базиса к цели операции, при помощи угла, образуемого его конечными точками и целью (которую мыслили как точку). Но, конечно, бросается в глаза, что все эти геометрические тонкости - не более как праздная игра, так как они построены на ряде подстановок, каждая из которых совершается за счет истины. Базис армии, как мы видели, по отношению к самой армии состоит из трех градаций: местных средств, складов, образованных в отдельных пунктах, и той территории, с которой собираются в них запасы. Эти три градации пространственно не совпадают, не могут быть сведены к одному началу и во всяком случае не могут быть заменены линией, которая должна представлять собою протяженность базиса в ширину и большей частью мыслится совершенно произвольно проходящую то от одной крепости к другой, то от одного главного областного города к другому, то вдоль политической границы страны. Невозможно установить и какого-либо определенного отношения между этими тремя градациями, ибо в действительности содержание их всегда более или менее перемешивается. В одном случае окрестности доставляют некоторые предметы пополнения, которые в другом случае приходится подвозить издалека; иногда бывают вынуждены подвозить с большого удаления даже

продовольствие. Иногда ближайшие крепости представляют собою обширные плацдармы, гавани, торговые центры, сосредоточивают в себе вооруженные силы целого государства, а в другом случае крепость будет иметь только слабый земляной вал, недостаточный для ее собственной обороны.

В результате все заключения, выведенные из величины операционного базиса, и операционных углов, и вся система ведения войны, построенная на них, поскольку она носила геометрический характер, никогда не имели никакого влияния на действительную войну, а в мире идей они вызывали одни лишь превратные устремления мысли. Но так как основа этого рода представлений истинна, а ошибочны лишь построенные на ней выводы, то подобная точка зрения может легко и часто встретиться также в будущем.

Таким образом, мы считаем, что следует остановиться на том, чтобы признать общее влияние базиса на операции, и подчеркиваем, что упростить понятие базиса, сведя его к двум-трем представлениям, образующим практически приложимые правила, нет никакой возможности, а необходимо в каждом отдельном случае иметь одновременно в виду все те градации, о которых мы говорили.

Раз приняты все меры для пополнения и снабжения продовольствием армии в известном районе и для известного направления, то даже в собственной стране только на этот район надо смотреть как на базис армии, так как изменение его всегда потребует известной затраты времени и сил. Даже в своей собственной стране армия не может менять свой базис изо дня в день, а потому она всегда более или менее ограничена в выборе направлений своих операций. Если, таким образом, при операциях в неприятельской стране захотели бы смотреть на всю нашу границу с ней как на базис армии, то в общем с этим можно было бы согласиться, поскольку всюду возможно организовать соответствующее устройство; но для каждого данного момента это неверно, ибо не всюду это устройство уже оказалось бы оборудованным. Когда в начале кампании 1812 г. русская армия отступала перед французской, она могла смотреть на всю Россию как на свой базис, тем более что огромные размеры этой страны предоставляли ей обширные пространства, куда бы она ни обратилась. И такое представление не было иллюзией, - оно оправдалось в действительности, когда позднее стали наступать на французов другие русские армии с разных сторон; однако для каждого данного периода кампании базис русской армии не был столь беспредельным, а определялся, главным образом, теми дорогами, по которым происходило движение транспортов к армии и от нее обратно. Эта ограниченность базиса помешала, например, русской армии после того, как она в течение трех дней дралась под Смоленском, начать свой дальнейший отход не на Москву, а в другом направлении; предполагалось внезапно броситься на Калугу, дабы тем отвлечь неприятеля от столицы. Такое изменение направления отступления стало бы возможным лишь при условии, что оно было заранее предусмотрено.

Мы сказали, что зависимость от базиса растет и экстенсивно и интенсивно вместе с увеличением армии, что понятно само собой. Армия подобна дереву: она черпает свои силы из той почвы, из которой растет; когда дерево мало, его нетрудно пересадить на другое место, но это становится тем труднее, чем оно больше. И маленькая часть имеет свои жизненные каналы, но она легко пускает корни там, где находится; с многочисленной армией дело обстоит не так. Отсюда всякий раз, когда речь идет о влиянии базиса на операции, в основу всех представлений должен ложиться масштаб, обусловленный величиною армии[144].

Кроме того, по самой природе вещей продовольствие имеет большее значение для удовлетворения потребностей текущего момента, пополнение же важнее для поддержания существования армии в течение более продолжительного времени. Причина этого заключается в том, что последнее может поступать только из определенных источников, тогда как первое может быть получено при помощи самых разнообразных способов. Это еще больше увеличивает влияние базиса на операции.

Как бы велико ни было влияние базиса, однако никогда не следует забывать, что оно принадлежит к такого рода влияниям, которые решительно оказываются лишь по истечении длительного времени, причем всегда остается вопросом, что за это время может произойти. Достоинства оперативного базиса редко с самого начала окажут решающее влияние на выбор той или другой операции. Непосредственные затруднения, которые могут возникнуть с этой стороны, могут быть изменены противопоставленными им действительными средствами; часто эти помехи

рассеиваются перед мощью решительных побед.

Глава 16. **Коммуникационные линии[145]**

Дороги, которые ведут от расположения армии к тем пунктам, в которых главным образом сосредоточены источники ее пополнения и снабжения и которые в нормальных случаях избираются ею и для отступления, имеют двойное значение: во-первых, они являются коммуникационными путями, предназначенными для постоянного питания армии, а во-вторых, они служат путями отступления[146].

В прошлой главе мы говорили, что хотя армия при современном способе снабжения довольствуется преимущественно местными средствами того района, в котором она расположена, все же она должна рассматриваться как единое целое со своим базисом. Коммуникационные линии принадлежат к этому целому: они образуют связь базиса с армией, и на них надо смотреть, как на ее жизненные артерии. Всякого рода поставки, транспорты боевых припасов, передвигающиеся туда и назад эшелоны, почта, курьеры, госпитали и склады, артиллерийские парки, административные учреждения - все это сплошь покрывает дороги и имеет в своей совокупной ценности решающее значение для армии.

Отсюда ясно, что эти жизненные артерии должны быть обеспечены от длительных перерывов; нехорошо, если они слишком длинны и труднопроходимы, ибо на длинном пути армия всегда теряет часть своей мощи, следствием чего будет ее хилое состояние.

Во втором смысле, т.е. как пути отступления, дороги составляют подлинный стратегический тыл армии.

В обоих значениях ценность дорог определяется их длиной, числом и положением, т.е. их общим направлением и направлением в ближайшем к армии районе, их устройством как дорог, трудностями рельефа, отношением и настроением населения и, наконец, их прикрытием крепостями или естественными преградами.

Однако не все дороги и пути, ведущие от места расположения армии к источникам ее жизни и силы, являются подлинными коммуникационными линиями. Хотя порою ими могут пользоваться и потому их можно рассматривать как дополнение к системе коммуникационных линий, но самая система ограничивается лишь теми дорогами, которые для этого специально оборудованы. Могут рассматриваться как истинные линии коммуникаций лишь дороги, оборудованные особыми окладами, госпиталями, этапами, почтовыми станциями; на эти дороги назначаются коменданты, и по ним распределяются полевые жандармы и гарнизоны. Но здесь выступает весьма существенное, иногда не замечаемое различие между армией в собственной стране и армией в стране неприятеля.

Хотя армия, действующая в собственной стране, будет тоже иметь организованные линии коммуникаций, но она не явится вынужденной ограничиваться исключительно ими и сможет в случае нужды оторваться от них и избрать любую другую дорогу, могущую быть использованной, ибо она всюду у себя дома, всюду имеет свои власти, всюду встречает сочувствие и поддержку. Если даже другие дороги менее хороши и подходящи для нее, то все же выбор их не представляет непреодолимых трудностей; поэтому, когда армия обойдена и оказывается вынужденной изменить направление фронта, она не станет считать таковое невозможным. В неприятельской же стране, как общее правило, армия будет смотреть как на коммуникационные линии лишь на те дороги, по которым она уже сама раньше проходила; отсюда возникает огромная разница в последствиях, вызванная целым рядом мелких и незаметных условий.

Наступающая в неприятельской стране армия по мере продвижения устраивает под своим прикрытием учреждения, образующие в совокупности коммуникационную линию. Благодаря тому, что внушаемые присутствием войск страх и ужас придают в глазах населения этим мероприятиям отпечаток неотвратимой необходимости, она может побудить население смотреть на эти мероприятия, как на некоторое смягчение общей военной напасти. Небольшие гарнизоны, оставляемые кое-где позади, поддерживают и обеспечивают всю систему. Но если бы мы вздумали направить своих

интендантов, этапных комендантов, жандармов, полевую почту и аппарат других учреждений на отдаленную дорогу, по которой войска еще не проходили, то местные жители смотрели бы на эти мероприятия как на бремя, от которого они охотно освободились бы, и если только решительные поражения и бедствия не повергли неприятельскую страну в панический ужас, то эти должностные лица встретят повсюду враждебный прием, понесут потери и будут прогнаны. Таким образом, для приведения в покорность нового пути требуются прежде всего гарнизоны, и притом более значительные, чем обыкновенно; и все же остается опасность, что жители попытаются оказать сопротивление этим гарнизонам. Словом, у продвигающейся по неприятельской стране армии отсутствуют все орудия послушания; она еще должна установить свои административные органы и притом ввести их авторитетом оружия; последнее не может быть достигнуто повсюду в один миг, без жертв и трудностей. Из этого следует, что в неприятельской стране армия в еще меньшей степени может перебрасываться с одного базиса на другой посредством изменения системы сообщений, чем в собственной стране, где это все же выполнимо; отсюда, в общем, вытекает большая ограниченность армии в движениях и большая чувствительность ее сообщений.

Но также самый выбор и устройство коммуникационных линий сразу оказываются связанными многими ограничивающими их условиями. Они должны являться не только проезжими дорогами вообще, но должны быть тем полезнее, чем они будут значительнее и чем более богаты и нацелены обслуживаемые ими города, а также чем большее число укрепленных пунктов их защищает. При этом в значительной мере решающее значение имеют реки, как водные пути, и мосты, как пункты переправ. Отсюда положение коммуникационных линий, а следовательно, и пути, избираемые армией для наступления, лишь до известной степени зависят от свободного выбора; положение их связано географическими условиями.

Указанные выше условия, взятые совокупно, определяют, является ли связь армии с ее базисом сильной или слабой; этот вывод, сопоставленный с оценкой сообщений неприятельской армии, решает, какой из двух противников имеет больше возможности отрезать другому его коммуникационные линии или даже путь отступления, т.е., по общепринятому техническому выражению, его обойти. Помимо морального или материального превосходства той или другой стороны, успех обхода обеспечивается лишь превосходством коммуникационных линий; при отсутствии такого превосходства противная сторона легко отпаривает тем же.

Такой обход, ввиду двоякого значения дорог, может преследовать две цели. Первая цель заключается в том, чтобы внести помеху или вовсе прервать подвоз к неприятелю, дабы вызвать увядание и угасание его армии и тем принудить ее к отступлению. Вторая цель - лишить неприятельскую армию самой возможности отступления.

Относительно первой цели надлежит заметить, что кратковременный перерыв коммуникационной линии при современной системе снабжения редко явится ощутимым; требуется некоторый срок, в течение которого накапливались бы ежедневные небольшие потери; тогда сумма их возместит то, чего недостает в смысле значения каждой из них. Отдельная операция, направленная в обход фланга противника, могла нанести решающий удар в известную эпоху, когда существовала искусственная система продовольствия и по дорогам разъезжали взад и вперед тысячи повозок с мукой [147], но в наши дни она не окажет ровно никакого действия, как бы удачно она ни была выполнена; в лучшем случае при ее помощи удастся захватить какой-нибудь транспорт и вызвать этим частичное ослабление, но отнюдь не обусловить необходимость отступления.

В результате этого операции, направленные в обход фланга противника, которые и раньше-то были в моде больше в книгах, чем в действительной жизни, представляются в настоящее время еще более оторванными от реальной жизни; можно утверждать, что лишь очень длинные коммуникационные линии при наличии неблагоприятных обстоятельств, особенно же если они повсюду и каждую минуту могут подвергнуться нападению вооруженных масс народа, могут сделать эти предприятия в обход фланга опасными.

Что касается преграждения пути отступления, то в этом отношении не следует переоценивать опасности стесненных и угрожаемых путей отступления; опыт последнего времени указывает нам, что при наличии хороших войск и смелых вождей поймать их труднее, чем им пробиться.

Средства для сокращения и обеспечения длинных коммуникаций крайне ограничены. Овладение несколькими крепостями в районе расположения армии и ее тыловых путей, а при отсутствии таковых - укрепление подходящих пунктов, хорошее обращение с населением, установление на тыловых путях строгой дисциплины, организация в занятой области хорошей полиции, настойчивая работа по улучшению дорог - вот немногие средства ослабить зло; конечно, устранить его полностью они не смогут.

В остальном сказанное нами в главе о продовольствии по поводу дорог, преимущественно избираемых армией, еще в большей степени приложимо и к коммуникационным линиям. Лучшими коммуникационными линиями являются самые большие дороги, проходящие через богатейшие города и наиболее культурные провинции; они заслуживают предпочтения, даже если являются очень кружными, и в большинстве случаев ближайшим образом определяют группировку армии.

Глава 17. **Местность[148]**

Совершенно независимо от продовольственных средств, которые составляют одну сторону этой темы, местность находится в тесной и всегда сказывающейся связи с военной деятельностью; она оказывает решительное влияние на бой как в отношении его течения, так и его подготовки и использования. С этой точки зрения во всем объеме значения, заключенного во французском выражении "terrain", мы и рассмотрим здесь местность.

Влияние этого фактора проявляется по преимуществу в области тактики, но его результаты сказываются и в стратегии; бой в горах и по своим последствиям представляет совершенно другое явление, чем бой на равнине.

Но пока мы не пришли к рассмотрению отдельно наступления и обороны и еще не приступили к их ближайшему исследованию, мы не можем начать рассмотрение вопросов о влиянии основных видов местности и должны здесь ограничиться лишь общей характеристикой. Местность оказывает влияние на военную деятельность тройко: в качестве препятствий, преграждающих доступ; в качестве препятствий, мешающих обзору, и в качестве укрытий от огня; к ним могут быть сведены все остальные.

Бесспорно, что это тройкое воздействие местности имеет тенденцию придать военной деятельности большее разнообразие, большую сложность и большую искусность, ибо это, несомненно, три лишние величины, входящие в комбинации.

Понятие абсолютно открытой равнины, т.е. местности, лишенной какого-либо влияния, существует в действительности только для очень мелких частей, да и для последних лишь на определенный данный момент. При более крупных частях и более длительном промежутке времени свойства местности скажутся на действиях; в отношении целых армий даже для отдельного момента, например, сражения, едва ли мыслим такой случай, чтобы местность не оказывала никакого влияния.

Итак, влияние местности всегда имеется налицо, но оно, конечно, может быть более сильным или более слабым, в зависимости от природы страны.

Если мы охватим одним взглядом всю массу явлений, то найдем, что местность удаляется от понятия ровного, открытого поля тройким образом: во-первых, формами рельефа, т.е. возвышенностями и углублениями, во-вторых, лесами, болотами и озерами, как естественными явлениями, и наконец, всем тем, что вносит культура. Влияние местности на военные действия обуславливается каждым из этих трех направлений. Если мы их несколько проследим, то получим: гористую местность, местность малообработанную, покрытую лесами и болотами, и наконец, местность интенсивной культуры. Во всех трех случаях война усложняется и требует большого искусства.

Что касается культуры, то не все виды ее оказывают одинаковое воздействие; всего сильнее сказывается обработка почвы, имеющая место во Фландрии, в Гольштинии и других странах, где местность пересечена множеством канав, заборов, изгородей и валов, множеством рассеянных

отдельных жилых построек и небольших групп порослей.

Самый легкий вид войны будет, следовательно, складываться в стране, ровно и умеренно обработанной. Но последнее справедливо только в очень общих чертах и при условии, что мы совершенно устраним из рассмотрения ту пользу, которую оборона извлекает из местных препятствий.

Каждый из этих трех видов местности сказывается по-своему на доступности, обзоре и укрытии.

В лесистой местности затруднен главным образом обзор, в гористой доступ, а в интенсивно обработанных районах оба затруднения сказываются одинаково }

В местности, богатой лесами, большая часть пространства оказывается в известной степени недоступной для движения, потому что помимо трудности последнего полная невозможность обозрения не позволяет использовать и существующие тропинки и проходы; это отчасти упрощает действия, в общем столь затрудненные в этой обстановке. Поэтому, хотя на лесистой местности, нелегко полностью сосредоточить для боя свои силы, но все же здесь не происходит такого дробления сил, какое обыкновенно имеет место в горах и в сильно пересеченной местности; иными словами, здесь дробление неизбежно, но не так значительно.

В горах преобладает затруднительность доступа, оказывающая воздействие в двух отношениях: во-первых, не всюду можно пробраться, а во-вторых, там, где это возможно, приходится продвигаться медленнее и с большими усилиями. Поэтому в горах скорость всех движений в значительной степени сокращается и процесс действий растягивается во времени. Но местность, имеющая горный рельеф, отличается, по сравнению с другими, еще и той особенностью, что один пункт ее всегда командует над другим. Мы будем особо говорить в следующей главе о командовании вообще, здесь же лишь отметим, что именно эта особенность вызывает значительное дробление сил в гористой местности, ибо пункты получают значение не только сами по себе, но и по тому влиянию, какое они оказывают на другие пункты.

Все три характера местности в их крайнем проявлении производят, как мы это уже говорили в другом месте, действие, ослабляющее влияние главнокомандующего на исход дела как раз в той мере, в какой значение подчиненных, вплоть до рядового, выступает сильнее. Само собой понятно, что чем дальше идет дробление и чем стесненнее становится обзор, тем больше каждое действующее лицо оказывается предоставленным самому себе. Правда, при большем расчленении, многообразии и многосторонности военной деятельности влияние умственного развития должно возрасти; в этом случае и главнокомандующий получит возможность полностью проявить свою проницательность; но нам приходится здесь повторить, что на войне сумма отдельных результатов имеет более решающее значение, чем та форма, в которой они связываются между собою. Таким образом, если мы, продолжая нашу мысль до ее крайних пределов, представим себе большую армию рассыпанной в огромную стрелковую цепь, в которой каждый солдат дает свое собственное маленькое сражение, то гораздо важнее будет сумма отдельных побед, чем форма их взаимной связи, ибо успех удачных комбинаций может вытекать лишь из положительных результатов, а отнюдь не из отрицательных. Таким образом, все решат в данном случае храбрость, искусство и дух отдельного бойца. Лишь в тех случаях, когда обе армии равноценны или же когда специфические качества каждой стороны взаимно уравновешивают друг друга, талант и проницательность полководца снова могут приобрести свое решающее значение. Отсюда вытекает, что в национальных войнах, - где если нет превосходства в искусстве и храбрости, то, по крайней мере, воинственный дух отдельных бойцов обычно сильно приподнят, - народное ополчение при большом раздроблении сил и на сильно пересеченной местности может показать свое превосходство и сохранить его на продолжительное время, хотя обычно у вооруженных сил такого рода недостает всех тех качеств и добродетелей, которые необходимы при сосредоточении даже не особенно сильных отрядов.

Вооруженные силы по своему характеру также представляют ряд постепенных оттенков между двумя крайностями; уже самая обстановка защиты своей страны придает постоянной армии народный оттенок и делает ее более способной к раздробленным действиям.

Но если у армии недостает этих свойств и способностей, а последние ярко выступают у противника, то она должна опасаться раздробления и избегать пересеченной местности. Однако

уклонение от пересеченной местности редко будет зависеть от нашей свободной воли. Нельзя выбирать для себя театр войны, как выбирается по многим образчикам товар; мы по большей части видим, что армии, которым по их природе выгодно сосредоточение в массу, напрягают все свое искусство на то, чтобы как-нибудь осуществить свою систему ведения войны вопреки свойствам местности. При этом они будут подвергаться другим невыгодам - например, скудному и затруднительному довольствию, плохому расквартированию, а во время боя - частым нападениям со всех сторон; однако невыгода, которая последовала бы при полном отказе от своих особых преимуществ, была бы гораздо больше.

Обе противоположные тенденции - к сосредоточению и дроблению вооруженных сил - проявляются в той мере, в какой особые свойства этих вооруженных сил тяготят в ту или другую сторону; но и в самых крайних случаях одна сторона не может оставаться все время сосредоточенною, а другая не может ожидать успеха от одной лишь распыленной деятельности. Так, французы бывали вынуждены в Испании дробить свои силы, а испанцы при защите своей земли путем народного восстания должны были испытать часть своих сил в больших сражениях.

Наряду с тем отношением, какое местность имеет к общим и в особенности к политическим свойствам вооруженных сил, играет важнейшую роль отношение местности к составу родов войск.

В каждой малодоступной местности, - по причине ли гор или лесов, или большой культуры, - многочисленная кавалерия оказывается бесполезной; это ясно само собою. Так же в очень лесистой местности обстоит дело и с артиллерией; здесь часто будет недоставать простора для использования ее дорог, чтобы ее провезти, и фуража для лошадей. Менее невыгодными для этого рода войск являются районы интенсивной культуры, а всего менее - горы. Правда, в обоих случаях местность доставляет укрытие от огня, что неблагоприятно для рода войск, который действует преимущественно огнем, а всюду проникающая пехота получает возможность часто ставить в затруднительное положение неуклюжие орудия. Однако и там, и здесь не бывает недостатка в просторе для применения многочисленной артиллерии, а в горах у нее бывает то крупное преимущество, что большая медленность движений противника усиливает действительность ее огня.

Неоспоримо, однако, решительное превосходство, получаемое пехотой над другими родами войск в условиях, затрудняющих движение по местности, и в этом случае количество ее может значительно превосходить обычные соотношения.

Глава 18. **Командование местности[149]**

Слово командовать (в оригинале "доминировать" - Ред.) обладает в военном искусстве особой волшебной силой, и действительно этому началу принадлежит крупная доля - пожалуй, большая половина - влияния, оказываемого местностью на действия вооруженных сил. Сюда протягивают свои корни многие святыни военной учености, как то: командующие позиции, ключи, стратегическое маневрирование и т.д. Мы постараемся настолько пристально взглянуть на этот предмет, насколько это возможно вне объемистого трактата, и пересмотреть имеющиеся здесь истину и фальшь, действительность и преувеличения.

Всякое проявление силы снизу вверх труднее, чем такое же проявление ее в обратном направлении. Этому условию подчиняется и бой по трем следующим основным причинам: во-первых, всякая возвышенность должна рассматриваться как препятствие доступу; во-вторых, сверху вниз стреляют хотя и не на заметно большее расстояние, но попадают, учитывая все геометрические отношения, заметно лучше, чем когда стреляют в обратном направлении; в-третьих, в этом случае обладают преимуществом более широкого кругозора. Как все эти данные объединяются в бою, нас здесь не касается; мы берем в целом сумму всех тех выгод, которые тактика извлекает из командования местности, и это целое рассматриваем как первую стратегическую выгоду.

Но первое и последнее из перечисленных преимуществ должны вновь сказаться и в стратегии, ибо в последней так же, как и в тактике, совершают передвижения и производят наблюдения; таким образом, если возвышенная позиция представляет затруднения доступа для того, кто стоит ниже, то это является второй выгодой, а большая широта кругозора - третьей, которую стратегия из нее может

извлечь.

Из этих элементов и состоит сила командующего, более высокого, господствующего положения; из этих источников и исходит чувство превосходства и уверенности у того, кто находится на окраине возвышенности и смотрит на своего противника, находящегося внизу, и чувство слабости и беспокойства у того, кто стоит внизу. Возможно, что это общее впечатление даже сильнее имеющихся для него реальных оснований, ибо выгоды от командующего положения более совпадают с чувственными представлениями, чем умеряющие их обстоятельства, тогда это воздействие воображения надо рассматривать как новый элемент, усиливающий значение командования.

Во всяком случае выгода от облегчения движений не абсолютна и не всегда бывает на стороне того, кто занимает более возвышенное положение; она скажется лишь в том случае, когда противник пойдет на него, этой выгоды нет, если обе стороны отделены друг от друга долиной; выгода даже оказывается на стороне того, кто стоит относительно ниже, если противники хотят встретиться на равнине (сражение под Гогенфридбергом)[150]. Точно так же преимущества более широкого кругозора имеют свои значительные ограничения: лесистая местность внизу и даже самая масса горы, на которой стоят, очень часто мешают обзору. Бывают бесчисленные случаи, когда на самой местности напрасно стали бы искать выгод командующей позиции, избранной по карте; порою даже будет представляться, что позиция связана со всеми противоположными недостатками. Однако эти ограничения и оговорки не уничтожают тех преимуществ, которые имеет стоящий выше и при наступлении, и при обороне. Теперь в нескольких словах скажем, в чем эти выгоды заключаются в обоих случаях.

Из трех стратегических преимуществ командования местности: большей тактической силы, затрудненности доступа и более широкого кругозора первые два такого рода, что они по существу, могут быть использованы только обороняющимся, ибо лишь тот, кто стоит на месте, может получить от них выгоду - при движении он их с собою не унесет; третье же преимущество может быть использовано в одинаковой мере как нападающей стороной, так и обороняющейся.

Отсюда вытекает, насколько важно для обороняющегося командование местности, а так как оно достигается решительным образом лишь на горных позициях, то из этого следовало бы заключить о важности имущества, доставляемого обороняющемуся горной позицией. Однако значение этого преимущества видоизменяется другими обстоятельствами, о которых мы будем говорить в главе об обороне в горах.

Нужно проводить различие, идет ли речь о командовании единичного пункта, например, позиции; тогда все стратегические преимущества приблизительно сводятся к одному тактическому - единичному бою в выгодных условиях; но вопрос может идти и о значительном районе: можно представить себе, например, целую провинцию как наклонную плоскость, представляющую скат с общего водораздела; в этом случае можно сделать несколько переходов и все же сохранить командование над впереди лежащей местностью, здесь стратегические преимущества расширяются, так как выгоды командования не ограничиваются комбинацией сил в отдельном бою, но охватывают и комбинирование нескольких боев[151]. Так обстоит дело при обороне.

При наступлении пользуются приблизительно теми же преимуществами командования, какие из него извлекает оборона; ведь стратегическое наступление состоит не из одного отдельного акта, как наступление тактическое. Наступление в стратегии не представляет непрерывного движения часового механизма. Оно распадается на отдельные переходы, между которыми имеются более или менее продолжительные паузы, в течение последних наступающая сторона находится в положении обороняющегося в такой же мере, как и ее противник.

Из выгод, доставляемых более широким кругозором, возникает как для наступления, так и для обороны до известной степени активное воздействие командующего положения; оно заключается в облегчении действия отдельными отрядами. Ибо те самые выгоды, которые целое извлекает из командующей позиции, извлекает и каждая отдельная его часть, благодаря им каждый отдельный - малый или большой - отряд оказывается сильнее, чем в том случае, если бы он не имел этих выгод, и выделение его связано с меньшим риском. Выгоды, которые можно извлечь из подобных отрядов, подлежат рассмотрению в другом месте.

Если командующее положение связывается с другими географическими преимуществами в наших отношениях к противнику, если последний оказывается стесненным в своих движениях еще по другим причинам, например, благодаря близости большой реки, то невыгоды его положения могут иметь решающий характер, и ему останется лишь одно - возможно поспешнее выбраться из этой обстановки. Никакая армия не в состоянии удержаться в долине большой реки, если она не обладает гребнем возвышенностей, образующих эту долину.

Таким образом, командующее положение может обратиться в действительное господство, и реальность этого представления неоспорима. Однако выражения: господствующий район, прикрывающая позиция, ключ страны и пр., поскольку они основаны только на природе командования и спуска вниз, по большей части представляют пустую скорлупу без здорового зерна. Дабы придать известную пикантность кажущейся обыденности военных комбинаций, по преимуществу применяют эти выспренные элементы теории; они составляют излюбленную тему ученых солдат, магическую палочку стратегических шарлатанов. Всей пустоты этого жонглирования мыслями, всех противоречий с опытом оказалось недостаточно, дабы убедить авторов и читателей, что в данном случае они лишь льют воду в дырявую бочку Данаид. Условия дела принимали за самое дело, инструмент - за направляющую его руку. На занятие такого района или позиции смотрели как на проявление силы вроде толчка или удара; сама местность и позиция расценивались как реальные величины; между тем первое представляет собой лишь поднятие руки, а второе - лишь мертвый инструмент, лишь свойство, которое должно еще воплотиться в какой-то предмет, простой знак плюс или минус, к которому еще не приставлена величина. Этим толчком и ударом, этим предметом, этой величиной будет победоносный бой; лишь он действительно пойдет в счет, лишь с ним можно считаться, и его всегда надо иметь в виду как в книжных рассуждениях, так и при действиях в поле.

Только число и значительность победоносных боев дают окончательное решение; следовательно, мы должны всегда иметь в виду на первом плане достоинства обеих армий и их вождей, а местность может играть только второстепенную роль.

Часть VI. Оборона

Глава 1. Наступление и оборона

1. Понятие обороны

В чем заключается понятие обороны? В отражении удара. Следовательно, каков ее признак? Выжидание этого удара. Так как этот признак всякий раз характеризует действие как оборонительное, то лишь с помощью его можно отличить на войне оборону от наступления. Но абсолютная оборона находится в полном противоречии с понятием войны, ибо в этом случае вела бы войну только одна сторона; поэтому оборона на войне может быть лишь относительной, и этот признак приложим только к понятию обороны в целом, но не может быть распространен на все ее части. Частный бой является оборонительным, когда мы выжидаем натиск, атаку неприятеля; сражение бывает оборонительным, когда мы выжидаем наступление, т.е. появление неприятеля перед нашей позицией в сфере нашего огня; кампания будет оборонительной, если мы будем выжидать вторжение противника на наш театр войны. Во всех этих случаях признак выжидания и отражения присущ понятию обороны в целом и не становится в противоречие с понятием войны: для нас может быть выгодным выжидать, чтобы враг напоролся на наши штыки, атаковал нашу позицию или вторгся на наш театр войны.

Но для того, чтобы и нам со своей стороны действительно вести войну, надо и самим давать неприятелю сдачу в виде ответных ударов, и этот наступательный акт в оборонительной войне происходит до известной степени под общим названием обороны, если развиваемые нами наступательные действия остаются в пределах понятия позиции или театра войны. Таким образом, можно в оборонительной кампании сражаться наступательно, а в оборонительном сражении использовать отдельные дивизии для наступательных действий; наконец, даже просто приняв построение для встречи атаки неприятеля, можно все же посылать ему навстречу наступательные пули. Отсюда оборонительная форма ведения войны является не непосредственным щитом, а щитом,

составленным из искусных ударов.

2. Выгоды обороны

В чем заключается смысл обороны? В удержании. Легче удержать, чем приобрести; уже из этого следует, что оборона, предполагая одинаковые средства, легче, чем наступление. В чем же заключается большая легкость удержания по сравнению с приобретением? В том, что все время, которое протекает неиспользованным, ложится на чашу весов обороняющегося. Последний жнет там, где не сеял. Каждое упущение наступающего, - происходит ли оно вследствие ошибочной оценки, или от страха, или инертности, - идет на пользу обороняющегося. Это преимущество не раз спасало от гибели Пруссию в течение Семилетней войны. Такое преимущество, вытекающее из понятия и цели, заключено в самой природе всякой вообще обороны; в столь схожей с войной области судебного процесса оно фиксируется латинской поговоркой: "beati sunt possidentes" ("Счастливы владеющие" - Ред.). Другое преимущество, которое присоединяется к вышеуказанному, вытекает лишь из природы войны и заключается в содействии условий местности, используемых по преимуществу обороной.

Установив, таким образом, эти общие понятия, перейдем к ближайшему рассмотрению.

В тактике каждый бой - большой или малый - является оборонительным, когда мы предоставляем противнику инициативу и выжидаем его появления перед нашим фронтом. С этого момента мы можем пользоваться всеми наступательными средствами, не утрачивая двух вышеуказанных выгод обороны, а именно: преимущества выжидания и преимущества, предоставляемого местностью. В стратегии сначала вместо боя мы имеем кампанию, а вместо позиции - театр войны; а затем вся война вновь заменит кампанию, а вся страна - театр войны[152], и в обоих случаях оборона останется тем же, чем она была в тактике.

Мы уже отметили в общем, что оборона легче, чем наступление, но так как оборона преследует негативную цель, удержание, а наступление - цель позитивную, завоевание, и так как последнее увеличивает наши средства вести войну, а первое - нет, то, чтобы быть точным, надлежит сказать: оборонительная форма ведения войны сама по себе сильнее, чем наступательная. К этому выводу мы и направляли свое рассуждение, ибо хотя он вполне вытекает из природы дела и тысячи раз подтверждается опытом, однако он совершенно противоречит господствующему мнению - яркий пример того, как поверхностные писатели могут спутать все понятия.

Раз оборона - более сильная форма ведения войны, но преследующая негативную цель, то из этого следует само собой, что ею должно пользоваться лишь в течение того промежутка времени, пока в ней нуждаются вследствие своей слабости, и от нее надо отказаться, как только налицо будет достаточная сила, чтобы поставить себе позитивную цель. А так как, одержав при содействии обороны победу, обычно мы достигаем более благоприятного соотношения сил, то естественный ход войны и сводится к тому, чтобы начинать ее с обороны и заканчивать наступлением. Таким образом, выдвигать оборону как конечную цель войны - это означает вступать в такое же противоречие с понятием войны, как и распространять пассивность обороны в целом на все ее части. Иными словами, война, в которой мы хотели бы использовать свои победы исключительно в целях отражения нападения, не нанося ответных ударов, в такой же мере была бы противна здравому смыслу, как и сражение, в котором во всех мероприятиях господствовала бы абсолютная оборона (пассивность).

Против правильности этого общего представления можно было бы привести много примеров таких войн, в которых оборона даже в своих конечных целях носила только оборонительный характер и где даже не было мысли о наступательной реакции. Но в основе такого возражения лежало бы упущение из виду того обстоятельства, что здесь речь идет лишь об общем представлении об обороне; мы утверждаем, что все примеры, которые можно было бы привести как ему противоречащие, должны рассматриваться как случаи, когда возможность наступательной реакции еще не обнаружилась.

Например, во время Семилетней войны, по крайней мере в последние три года, Фридрих Великий не думал о наступательных действиях; да мы полагаем даже, что в эту войну он вообще смотрел на свои наступательные действия только как на лучшее средство обороны; его принуждала к тому вся создававшаяся обстановка, и вполне естественно, что внимание полководца направлялось лишь на то, что непосредственно отвечало его положению. Тем не менее, нельзя рассматривать этот пример

обороны в большом масштабе без того, чтобы не положить в ее основу мысли о возможной наступательной реакции против Австрии и не сказать себе: но время еще не пришло. Что такое представление не лишено реального основания и при этом примере, свидетельствует самый факт заключения мира. Что, собственно, могло побудить Австрию заключить мир, как не мысль о том, что она одна не в состоянии своими силами уравновесить талант короля, что во всяком случае ее усилия должны быть гораздо большими, чем те, которые она уже делала до сих пор, и что при малейшем их ослаблении ей грозит новая потеря территории! И действительно, можно ли было иметь уверенность в том, что Фридрих Великий не попытается вновь нанести поражение австрийцам в Богемии и Моравии, если бы русские, шведы и войска германского союза перестали отвлекать на себя часть его сил?

Установив, таким образом, понятие обороны в его истинном смысле и очертив ее границы, мы еще раз вернемся к утверждению, что оборона представляет более сильную форму ведения войны.

При ближайшем рассмотрении и сравнении наступления и обороны это положение выступит с полной ясностью; теперь же мы ограничимся лишь указанием, к какому противоречию с самим собой и с данными опыта приводит обратное утверждение. Если бы форма наступления была более сильной, то не было бы никакого основания когда-либо прибегать к форме оборонительной, ибо последняя вдобавок преследует лишь негативную цель, каждый захотел бы наступать, и оборона представляла бы уродливое, бессмысленное явление. Наоборот, вполне естественно затрачивать на достижение высшей цели более крупные жертвы. Кто чувствует в себе излишек силы, чтобы пользоваться слабейшей формой, тот вправе стремиться к более крупной цели; тот же, кто задается более мелкой целью, может это делать лишь для того, чтобы использовать выгоды более сильной формы. Обратимся к опыту: неслыханно, чтобы при наличии двух театров войны наступление велось на том, где армия слабее противника, а оборона велась там, где силы превосходят неприятеля. Но если всегда и всюду было наоборот, то это, конечно, доказывает, что полководцы даже при личной решительной склонности к наступлению все же считают оборону более сильной формой. В ближайших главах мы разъясним еще несколько вводных пунктов.

Глава 2.

Соотношение между наступлением и обороной в тактике

Прежде всего мы должны бросить взор на условия, дающие в бою победу. Мы не будем говорить здесь ни о численном превосходстве, ни о храбрости, ни о выучке и других качествах армии, так как в общем они находятся в зависимости от обстоятельств, лежащих за пределами того военного искусства, о котором здесь идет речь; к тому же эти качества скажутся одинаково как в наступлении, так и в обороне; даже общее численное превосходство в данном случае нельзя принимать во внимание, так как численность армии представляет данную величину и не зависит от произвола полководца, притом все эти моменты не имеют особого отношения к наступлению и обороне. Три условия, как нам кажется, дают решительное преимущество, а именно: внезапность, преимущества, доставляемые местностью, и атака с нескольких сторон. Внезапность проявляется в том, что в одном из пунктов противопоставляют неприятелю значительно больше сил, нежели он ожидает^[153]. Этого рода превосходство в числе весьма отлично от общего численного превосходства и составляет важнейший фактор военного искусства. Каким образом выгоды местности способствуют победе, достаточно понятно само собой; отметим лишь, что здесь речь идет не только о препятствиях, на которые неприятель натывается при продвижении вперед, как то: крутые овраги, высокие горы, заболоченные реки, изгороди и пр. К выгодам, даваемым местностью, нужно отнести и возможность укрыто расположить наши силы. Даже при совершенно одинаковом для обоих противников характере местности можно сказать, что она благоприятствует тому, кто с нею знаком. Атака с нескольких сторон включает в себя всякого рода тактические обходы, большие или малые, и влияние ее основано частью на удвоенной действительности огня, частью на опасении потерять путь отступления.

Каково же относительное значение этих данных для наступления и обороны?

Если иметь в виду три принципа победы, которые мы развили выше, то на этот вопрос придется ответить, что первый и последний принципы отчасти, но лишь в малой степени, благоприятствуют наступающей стороне, между тем как все они в значительной степени, а второй - исключительно, находятся на стороне обороняющегося.

Наступающий имеет лишь преимущество внезапной атаки целого целым же, в то время как обороняющийся имеет возможность в течение всего боя беспрестанно захватывать врасплох своего противника силой и формой своих переходов в атаку.

Наступающий легче может охватить и отрезать своего противника в целом, чем обороняющийся, ибо последний уже стоит на месте, в то время как первый движется, нацеливаясь соответственно расположению обороны. Но этот обход относится опять-таки к целому; в течение же самого боя и для отдельных частей производство нападения с разных сторон легче обороняющемуся, чем наступающему, ибо, как мы выше сказали, он имеет больше возможности поразить своего противника внезапностью формы и силы своего перехода в атаку.

Что обороняющийся использует по преимуществу выгоды местности, понятно само собой; что же касается превосходства во внезапности благодаря силе и форме атаки, то причина его та, что наступающий должен продвигаться по большим трактам и дорогам, где его нетрудно наблюдать, а обороняющийся располагается укрыто и остается невидимым для наступающего почти до решительного момента. С тех пор, как стал применяться правильный способ ведения обороны, рекогносцировки вышли из моды, т.е. стали совершенно невозможными. Правда, порою еще производят рекогносцировку, но редко с нее возвращаются с ценными сведениями[154]. Как ни бесконечно велика выгода иметь возможность самому выбрать себе местность для расположения и с нею вполне ознакомиться до боя, как ни просто то, что тот, кто на этой местности устроит засаду (обороняющийся), гораздо более может поразить внезапностью своего противника, чем наступающий, - все же до сих пор не могли отделаться от старых представлений, будто принятое[155] сражение уже наполовину потеряно. Эти взгляды ведут свое начало от той системы обороны, которая была в ходу двадцать лет тому назад, отчасти же господствовала и в Семилетнюю войну, когда от местности не требовали никакой иной помощи, кроме наличия труднодоступного фронта (крутые скаты и пр.), когда тонкое построение и уязвимость флангов придавали боевому порядку такую слабость, что поневоле приходилось растягиваться от одной горы до другой, отчего зло еще более обострялось. Если для флангов находились опоры, то все сводилось к тому, чтобы не допустить пробить дыру в этой армии, растянутой как бы па пьльцах. Местность, занятая войсками, приобретала в каждой своей точке непосредственную ценность, и ее приходилось непосредственно же защищать. При таких условиях в сражении (Для обороняющегося - Ред.) не могло быть и речи о каком-либо маневре, о каком-либо поражении противника внезапностью; это представляло полную противоположность тому, чем может быть хорошая оборона и чем она в последнее время действительно стала.

Собственно говоря, пренебрежительное отношение к обороне всегда является наследием такой эпохи, в которой известная манера обороны пережила самое себя; так оно было и с той обороной, о которой мы только что говорили и которая в свое время имела действительно превосходство над наступлением.

Если мы проследим ход развития военного искусства, то увидим, что сперва, в эпоху Тридцатилетней войны и Войны за испанское наследство, развертывание и построение армии являлись одной из самых существенных частей сражения. Они составляли важнейшую часть плана сражения. Это давало, в общем, обороняющейся стороне большое преимущество, ибо ее армия к началу уже оказывалась развернутой и построенной. Как только способность войск маневрировать увеличилась, это преимущество исчезло, и наступающая сторона приобрела на некоторый период перевес. Тогда обороняющийся начал искать защиты за течением рек, за глубокими долинами и на горах. Таким образом, он вновь получил решительный перевес, что длилось до тех пор, пока наступающий не приобрел такую подвижность и искусство, что он уже сам мог отважиться двинуться по пересеченной местности и наступать отдельными колоннами, следовательно, получил возможность обходить противника. Это повело ко все большей растяжке, что толкнуло наступающего на мысль сосредоточиваться в нескольких пунктах и прорывать тонкую позицию противника. Это дало в третий раз перевес нападающему, а оборона вновь была вынуждена изменить свою систему. В последние войны она стала сохранять свои силы в крупных массах, в большинстве случаев не развертывая их и располагая укрыто, где к тому представлялась возможность; таким образом, оборона лишь изготавлялась к тому, чтобы встретить во всеоружии мероприятия противника, когда последние достаточно обнаружатся.

Это вовсе не исключает частичной пассивной обороны местности; выгоды ее слишком велики, и

использование их встречается сотни раз в течение одной кампании. Но центр тяжести действия обычно уже не лежит в такой пассивной обороне местности, а последнее-то нам и важно установить.

Наступающий может изобрести какой-нибудь новый крупный прием, что при простоте и внутренней необходимости, до которых все в настоящее время доведено, предвидеть не так легко; тогда и обороняющийся будет вынужден изменять свой способ действия. Однако помощь, оказываемая обороне местностью, всегда останется обеспеченною за ней, а так как местность со всеми ее особенностями более чем когда-либо связана с военными действиями, то она всегда обеспечит за обороной ее естественное превосходство[156].

Глава 3.

Соотношение между наступлением и обороной в стратегии

Сперва поставим вопрос: какие обстоятельства обеспечивают в стратегии успешный исход? В стратегии, как мы уже говорили, победы не бывает. Стратегический успех заключается, с одной стороны, в удачной подготовке тактической победы: чем значительнее этот стратегический успех, тем вероятнее и победа в бою. С другой стороны, стратегический успех заключается в использовании достигнутой победы: чем больше событий удастся стратегии при помощи своих комбинаций вовлечь после одержанной победы в результаты последней, чем больше ей удастся оттащить к себе отваливающихся обломков того, чье основание было поколеблено сражением, чем больше она охватывает широкими взмахами то, что с таким трудом и в скромных размерах достигается в самом сражении, - тем грандиознее ее успех. Основными факторами, дающими преимущественно такой успех или облегчающими его достижение, будут следующие главные начала, действующие в стратегии:

1. Выгоды, предоставляемые местностью.

2. Внезапность, вытекающая или из нечаянного нападения, или из неожиданной группировки в известном пункте более крупных сил, чем то предполагает противник.

3. Нападение с нескольких сторон.

Все эти три начала таковы же, как и в тактике.

4. Содействие, оказываемое театром войны, соответственно подготовленным устройством крепостей и другими мероприятиями.

5. Участие населения.

6. Использование крупных моральных сил.

В каких же отношениях находятся наступление и оборона к этим началам?

Как в стратегии, так и в тактике обороняющийся имеет на своей стороне местные выгоды, а наступающий - преимущество внезапности. Надо заметить, что внезапное нападение представляет для стратегии несравнимо более действительное и важное средство, чем для тактики. В последней внезапное нападение редко может быть развито до размеров крупной победы, между тем как захват противника врасплох в стратегии нередко одним ударом заканчивает войну. Впрочем, надлежит отметить, что применение этого средства имеет своей предпосылкой крупные, решающие, а следовательно, и редкие ошибки со стороны противника; вследствие этого оно не может ложиться особенно серьезным грузом на чашу весов наступления.

Создание внезапности для противника путем группировки превосходящих сил на известном пункте также имеет много общего с аналогичным приемом в тактике. Если обороняющийся вынужден разбросать свои силы на нескольких подступах к своему театру войны, то наступающий, очевидно, получит преимущество, заключающееся в возможности всеми своими силами обрушиться на одну из групп обороняющегося. Но и в этом случае новое искусство обороны путем иного метода действий

незаметно ввело иные основы. Если обороняющийся не опасается, что противник, воспользовавшись незанятой дорогой, обрушится на крупный магазин или депо, на не готовую к обороне крепость или на столицу, и если, таким образом, у него нет необходимости во что бы то ни стало преградить противнику избранную им дорогу, чтобы не потерять своего пути отступления, то у обороняющегося нет никакого основания дробить свои силы. Пусть наступающий изберет не ту дорогу, на которой он наткнулся бы на обороняющегося, - этот последний всегда успеет несколько дней спустя со всеми своими силами найти врага на новой дороге; в большинстве случаев он даже может быть уверен, что нападающий окажет ему честь, занявшись розыском его самого. Наконец, если наступающий сам найдет нужным при своем продвижении принять раздельную группировку, что является почти неизбежным по продовольственным соображениям, то обороняющийся получит очевидное преимущество - возможность обрушиться всеми своими силами на одну из частей противника.

Наступление во фланг и в тыл коренным образом изменяет свои свойства в стратегии, где оно может быть нацелено на боковые фасы или на тыл театра войны, так как:

1) действие перекрестного огня отпадает, ибо невозможно стрелять с одного конца театра войны на другой;

2) страх потерять путь отступления у обойденного гораздо меньше, ибо пространство не может быть в стратегии так же преграждено, как в тактике;

3) в стратегии, благодаря большим пространствам, с большей силой выступает значение внутренних линий, т.е. линий более коротких, что служит значительным противовесом нападению с разных сторон;

4) чувствительность коммуникационных линий, т.е. влияние, оказываемое простым их перерывом, создает в стратегии новый принцип.

Надо заметить, однако, что по самой природе вещей, благодаря обширности пространств, приемы охвата и нападения с нескольких сторон нормально могут быть употреблены в стратегии только стороной, захватившей инициативу, следовательно, наступающим, и что у обороняющегося нет той возможности, какую он имеет в тактике, в свою очередь охватить охватывающего в процессе действия[157], ибо он не может ни эшелонировать свои силы на соответственной глубине, ни расположить их достаточно открыто. Но что пользы для наступления от легкости охвата, раз последний не приносит никаких выгод? Поэтому в стратегии вообще нельзя было бы выдвигать охватывающее наступление как принцип победы, если бы при этом не имелось в виду его влияния на сообщения. Но этот фактор редко получает крупное значение в первый момент, когда наступление и оборона приходят в соприкосновение между собою и находятся еще в нормальной группировке по отношению друг к другу; он нарастает лишь с течением кампании, когда наступающая сторона на неприятельской территории постепенно переходит к обороне; тогда сообщения новоявленного обороняющегося становятся слабыми, и первоначально обороняющаяся сторона может использовать эту слабость, перейдя в наступление. Однако всякому ясно, что это превосходство наступления не может быть занесено в его общий счет, так как оно по существу складывается из высших свойств обороны.

Четвертый принцип - содействие, оказываемое театром войны, естественно, на стороне обороняющегося. Когда наступающая армия выступает в поход, она отрывается от своего театра войны и вследствие этого ослабляется, так как оставляет позади себя свои крепости и всякого рода склады. Чем больше район операций, через который ей предстоит продвинуться, тем больше сил она теряет вследствие маршей и выделения гарнизонов. Между тем армия обороняющегося сохраняет все свои связи, т.е. она продолжает пользоваться поддержкой своих крепостей, ничем не ослабляется и остается вблизи своих источников пополнения и снабжения.

Участие населения - как пятый принцип - хотя и имеет место не при всякой обороне, ибо оборонительная кампания может вестись и на неприятельской территории, но все же этот принцип, исходя из понятия обороны, находит в ней в большинстве случаев применение. Подчеркнем, что здесь, разумеется, если не исключительно, то преимущественно, содействие ландшафта и вооруженных народных масс; но участие народа также ведет к тому, что все трения становятся менее

значительными, а источники снабжения и пополнения оказываются ближе и приток сил и средств из них обильнее.

Ясную, как бы сквозь увеличительное стекло, картину влияния данных, указанных в третьем и четвертом пунктах, дает нам поход 1812 г.: 500000 человек переправились через Неман, 120000 человек участвовали в Бородинском сражении, и еще гораздо меньшее число дошло до Москвы.

Можно смело утверждать, что влияние этого огромного опыта так велико, что русские, даже если бы они затем не перешли в наступление, все же на долгое время были бы обеспечены от нового нашествия. Правда, за исключением Швеции, ни одна европейская страна не находится в таком положении, как Россия. Однако действующий принцип всюду остается тем же и отличается лишь степенью своей силы.

Если к четвертому и пятому принципам добавить то соображение, что эти силы относятся к первоначальной обороне, т.е. к обороне, протекающей в собственной стране, и что они слабеют, когда оборона переносится на неприятельскую почву и переплетается с наступательными предприятиями, то отсюда вытекает, приблизительно как и при третьем принципе, новая невыгода для наступления, ибо, точно так же, как оборона не состоит исключительно из оборонительных элементов, и наступление не состоит исключительно из элементов активных, более того, каждое наступление, которое не ведет непосредственно к миру, должно заканчиваться обороной.

Но раз все элементы обороны, встречающиеся в наступлении, ослабляются самой природой этого наступления, то это явление следует рассматривать как общий дефект последнего.

И это вовсе не праздная изворотливость мысли; напротив, здесь-то вообще и заключается главная невыгода наступления. Поэтому при составлении всякого плана стратегического наступления необходимо с самого начала обратить внимание на этот пункт, т.е. на оборону, которая должна последовать за наступлением, мы более подробно ознакомимся с этим в части, посвященной плану кампании[158].

Великие моральные силы, которыми порою бывают проникнуты все элементы войны, как своеобразным бродильным началом, и которыми полководец может, следовательно, пользоваться в известных случаях для подкрепления своей армии, можно мыслить в одинаковой мере как на стороне наступления, так и на стороне обороны; по крайней мере те из них, которые особенно ярко блещут при наступлении (например, смятение и страх в рядах противника), обычно проявляются лишь после решительного удара и редко способствуют тому, чтобы придать ему тот или иной оборот.

Этим, я полагаю, мы в достаточной мере обосновали наше положение, что оборона представляет более сильную форму войны, чем наступление, но остается еще упомянуть об одном небольшом и до сих пор не отмеченном факторе. Мы имеем в виду ту храбрость и то чувство превосходства, которые вытекают из сознания принадлежности к числу наступающих. Это - несомненная истина, однако эти чувства очень скоро тонут в более общем и сильном чувстве, которое придают армии ее победы и поражения, талантливость или неспособность ее вождей.

Глава 4.

Концентричность наступления и эксцентричность обороны

Эти два представления, эти две формы пользования силами при наступлении и обороне так часто встречаются в теории и в действительности, что навязываются воображению как почти необходимые формы, присущие наступлению и обороне. А между тем мало-мальски внимательное размышление показывает, что это неверно. Поэтому мы хотим возможно раньше рассмотреть эти две формы и раз навсегда составить о них ясное представление, дабы при дальнейшем рассмотрении взаимоотношений между наступлением и обороной мы могли совершенно от них отвлечься, чтобы нам уже не мешала видимость выгоды и ущерба, которой они окрашивают все явления. Мы рассмотрим их как чистые абстракции и выделим их понятие как некую эссенцию, оставив за собой право в будущем отмечать то участие, которое указанные формы принимают в различных явлениях.

Обороняющийся мыслится как в тактике, так и в стратегии выжидающим и, следовательно,

стоящим на месте, а наступающий - находящимся в движении, и притом в движении, имеющем в виду это стояние. Из этого необходимо следует, что охват и

окружение всецело зависят от воли наступающего, - конечно, до тех пор, пока продолжается его движение и сохраняется неподвижность обороняющегося. Наступающий волен выбрать концентрическую форму или отказаться от нее в зависимости от того, выгодно ли это для него или невыгодно; и эту свободу выбора следовало бы отнести к его общим преимуществам. Однако такой свободой выбора он пользуется только в тактике, в стратегии же - далеко не всегда. В тактике точки опоры обоих флангов почти никогда не дают полного обеспечения, в стратегии же - весьма часто, когда линия обороны тянется от моря и до моря или от одной нейтральной страны до другой. В этом случае наступление не может вестись концентрически, и свобода выбора является ограниченной. Еще неприятнее будет ограничение свободы выбора, когда наступление может вестись только концентрически. Россия и Франция не могут наступать на Германию иначе, как с разных сторон, и не могут предварительно собрать свои силы вместе. Таким образом, если бы позволительно было признать, что концентрическая форма действия сил в большинстве случаев является более слабой, то выгода, которую имеет наступающий благодаря большей свободе выбора, вероятно, совершенно уравновешивалась бы тем, что в иных случаях он был бы вынужден пользоваться более слабой формой.

Теперь рассмотрим влияние этих форм в тактике и в стратегии более подробно.

При концентрическом направлении сил - от периферии к центру - первое преимущество находят в том, что силы по мере продвижения вперед все более и более сближаются. Факт этот неоспорим, но предполагаемого преимущества нет, ибо сближение сил происходит у обеих сторон и, следовательно, выгоды уравновешиваются. То же можно сказать и про разброску сил при эксцентрических действиях.

Но другое реальное преимущество заключается в том, что силы, двигающиеся концентрически, направляют свое воздействие на одну общую точку, силы же, двигающиеся

эксцентрически, смотрят в разные стороны. Каковы же последствия? Здесь нам придется отдельно рассмотреть вопрос в тактике и в стратегии.

Мы не намерены производить слишком глубокий анализ и потому выдвигаем следующие пункты как выгоды, доставляемые этим воздействием в тактике.

1. Удвоение или по меньшей мере усиление действия огня, происходящее тогда, когда все части целого в известной мере уже сблизились.

2. Нападение на одну и ту же часть с нескольких сторон.

3. Захват пути отступления.

Преграждение пути отступления можно мыслить и в стратегии, но, очевидно, там оно будет гораздо труднее, ибо большие пространства заградить нелегко. Нападение на одну и ту же часть с разных сторон будет вообще тем действительнее и решительнее, чем меньше эта часть, чем ближе она мыслится к крайней грани, а именно - к единичному бойцу. Армия легко может сражаться на несколько фронтов одновременно, для дивизии это уже труднее, батальон будет драться, лишь построившись в каре, а отдельный человек совершенно не в состоянии это делать. Между тем стратегия охватывает вопросы больших масс, обширных пространств, продолжительного времени, а тактика занимает обратное положение. Отсюда следует, что нападение с нескольких сторон имеет иные последствия в стратегии, чем в тактике.

Действие огня не составляет предмета стратегии, но на его место становится нечто другое. Это - потрясение базиса, испытываемое в большей или меньшей степени всякой армией, когда неприятель победоносно появляется в ее ближнем или дальнем тылу.

Итак, можно считать установленным, что концентрическое действие сил обладает тем преимуществом, что воздействие, направленное на А, сейчас же отражается и на Б, не утрачивая своей

силы по отношению к А, что воздействие, направленное на Б, сейчас же отражается и на А, так что вместе они составляют не только А плюс Б, по нечто еще большее, и что эта выгода получается как в тактике, так и в стратегии, хотя в обеих - несколькими различными путями.

Что же можно противопоставить этому преимуществу при эксцентрическом действии сил? Очевидно; большую кучность группировки сил и действия по внутренним линиям. Нет надобности подробно развивать, каким путем это может сделаться таким множителем сил, что наступающий, не обладающий значительным численным превосходством, подвергается всем вытекающим из; этого невыгодам.

Раз оборона воспримет принцип движения (это движение хотя и начинается позже, чем движение наступающего, но должно быть всегда достаточно своевременным, чтобы скинуть с себя оковы застывшей пассивности), то преимущество большей сосредоточенности и внутренних линий становится в высокой степени решающим и по большей части скорее ведущим к достижению победы, чем концентрическая форма наступления. А победа должна предшествовать успеху последней: надо преодолеть противника, прежде чем думать о том, чтобы его отрезать. Словом, мы видим, что здесь существует такое же соотношение, как и вообще между наступлением и обороной: концентрическая форма ведет к блестящим успехам, форма эксцентрическая более надежно обеспечивает свои успехи, наступление представляет собой более слабую форму с позитивной целью, оборона - более сильная форма с негативной целью. Таким образом, эти формы, как нам представляется, находятся в состоянии некоторого колеблющегося равновесия. К этому еще добавим, что оборона не является повсюду абсолютной и потому не всегда лишена возможности использовать свои силы концентрически; после этих замечаний надо думать, что по меньшей мере уже не будет оснований утверждать, будто бы одного концентрического способа действия достаточно для того, чтобы предоставить наступлению общий перевес над обороной. Это заключение освобождает нас от того влияния, какое указанная идея могла бы постоянно оказывать на наше суждение.

То, что мы говорили до сих пор, обнимало и тактику, и стратегию; теперь надо отметить один чрезвычайно важный пункт, касающийся одной лишь стратегии. Выгоды внутренних линий растут с увеличением пространства, к коим относятся эти линии. При расстоянии до противника в несколько тысяч шагов или полумиллю, естественно, выгадываемое время не так велико, как при расстоянии в несколько переходов или в 20-30 миль; первые, т.е. небольшие, пространства принадлежат тактике, большие же - стратегии. Правда, в стратегии для достижения цели требуется и больше времени, чем в тактике: армию нельзя преодолеть так скоро, как батальон; однако нужный промежуток времени увеличивается в стратегии лишь до известного предела, а именно до продолжительности одного сражения, и во всяком случае не превосходит тех двух-трех дней, в течение которых можно уклоняться от сражения без существенных жертв. Далее наблюдается еще более крупное различие в самом выигрыше времени, который получается в том и в другом случае. При малых расстояниях в тактике, т.е. в сражении, передвижения одной стороны происходят чуть ли не на глазах другой; сторона, действующая по внешним линиям, очень скоро усмотрит маневр противника. При более значительных расстояниях в стратегии очень редко может случиться, чтобы какое-нибудь движение не оказалось скрытым от противника по крайней мере в течение суток; довольно часто имеют место случаи, когда оно остается нераскрытым в течение недель, особенно если переброска распространяется лишь на часть сил и совершается на значительном удалении. Легко понять, как велика выгода скрытности для того, кто по самой природе своего положения более всего имеет возможность ее использовать.

На этом мы заканчиваем наше рассмотрение концентрического и эксцентрического воздействия сил и их отношения к наступлению и к обороне, но оставляем за собой право еще вернуться к этому предмету.

Глава 5. **Характер стратегической обороны**

Мы уже указали, что оборона является более сильной формой ведения войны, посредством которой стремятся добиться победы, чтобы, достигнув перевеса, перейти в наступление, т.е. к достижению позитивной цели войны.

Даже в тех случаях, когда задача войны сводится к одному лишь сохранению status quo¹, все же простое отражение удара явится противоречащим понятию войны, ибо ведение войны заключается, бесспорно, не в одном претерпевании. Когда обороняющийся добился значительных преимуществ, оборона свою задачу выполнила, и он должен под защитой полученных выгод отплатить со своей стороны ударом за удар, если не хочет идти навстречу неминуемой гибели. Мудрость, требующая, чтобы железо ковалось, пока оно еще горячо, требует и использования достигнутого перевеса, дабы предотвратить вторично нападение. Правда, решение вопроса о том, как, когда и где эта реакция должна наступить, зависит от многих других условий, которые нам удастся развить лишь впоследствии. Здесь мы ограничимся только указанием, что этот переход к ответному удару надо мыслить как тенденцию обороны, следовательно, как существенную составную часть ее, и что всякий раз, когда в обиходе войны достигнутая посредством оборонительной формы победа не используется каким-либо образом и вследствие этого бесплодно отцветает, совершается крупная ошибка.

Быстрый, могучий переход в наступление - этот сверкающий меч возмездия - составляет самый блестящий момент обороны. Кто мысленно не связывает с ним оборону или, даже более, кто не включает этот момент непосредственно в понятие ее, для того превосходство обороны никогда не будет ясным. Он всегда будет думать лишь о том, что можно приобрести или насколько можно ослабить противника посредством наступления; но ведь результат зависит не от того, как завязан узел, а от того, как он развяжется. Часто допускается и грубое смешение понятий, когда под всяким наступлением разумеют неожиданное нападение и, следовательно, оборону представляют себе лишь в образе бедствия и смятения.

Правда, завоеватель предпринимает войну раньше, чем это делает безмятежный обороняющийся, и если завоевателю удастся достаточно сохранить втайне свои мероприятия, он может захватить оборону врасплох. Но это представляет собою нечто совершенно чуждое войне; так быть не должно. Война существует больше для обороняющегося, чем для завоевателя; ведь только обороной вызывается вторжение^[159], и вместе с ним войну. Завоеватель всегда миролюбив (как это всегда и утверждал Бонапарт). Он более охотно предпочел бы мирным путем занять пределы нашего государства; чтобы он этого сделать не мог, мы должны хотеть войны и, следовательно, к ней подготавливаться^[160], т.е. другими словами: именно слабые, обреченные на оборону, и должны быть всегда во всеоружии, дабы не подвергнуться внезапному нападению; таково требование военного искусства.

Впрочем, более раннее появление на театре войны в большинстве случаев зависит не от наступательных или оборонительных намерений, а от совершенно иных обстоятельств. Если выгоды нападения достаточно велики, тот, кто готов раньше, и берется наступательно за дело именно по причине своей готовности; тот же, кто запаздывает в своей готовности, может до известной степени уравновесить грозящий ему ущерб лишь выгодами обороны.

Возможность так прекрасно использовать упреждение в готовности надо вообще рассматривать как преимущество наступления, что нами и было уже признано в третьей части^[161]. Но это общее преимущество не является существенной необходимостью в каждом конкретном случае.

Таким образом, если мы мыслим оборону такой, какой она должна быть, то она будет рисоваться нам имеющей в возможной готовности все средства, армию, отвечающую требованиям войны, полководца, выжидающего неприятеля не вследствие растерянности и страха, а хладнокровно, по свободному выбору, крепости, не страшась никакой осады, наконец, здоровый народ, не боящийся врага более того, чем последний его опасается. С такими атрибутами оборона, пожалуй, не будет уже играть особенно жалкой роли по сравнению с наступлением, и последнее не будет представляться таким легким и неотразимым, каким оно рисуется в глазах тех, кто с наступлением соединяет мысль о мужестве, силе воли и подвижности, а с обороной - лишь картины бессилия и паралича.

Глава 6. Объем средств обороны

Во второй и третьей главах этой части мы показали, каким естественным превосходством обладает оборона в использовании тех данных, которые определяют тактический и стратегический успех, помимо абсолютного численного перевеса и достоинств вооруженных сил, а именно: выгод,

предоставляемых местностью, внезапности нападения с разных сторон, содействия, оказываемого театром войны, поддержки со стороны народа, использования крупных моральных сил. Теперь нам кажется полезным бросить взгляд на сумму тех средств, которые до известной степени следует рассматривать как устои различного рода, поддерживающие все здание обороны.

1. Ландвер[162]. За последнее время им стали пользоваться также и за пределами собственной страны при наступлении по неприятельской территории, и нельзя отрицать, что во многих государствах, например, в Пруссии, его организация такова, что на него приходится смотреть почти как на часть постоянной армии; следовательно, он относится к средствам не только обороны. Однако не следует упускать из виду, что очень энергичное использование ландвера в 1813, 1814 и 1815 гг. имело своим источником войну оборонительную и что ландвер, будучи лишь в очень немногих странах устроен так, как в Пруссии, по необходимости явится при малейшем несовершенстве своей организации более пригодным для обороны, чем для наступления. Кроме того, в самом понятии ландвера всегда заключается мысль о чрезвычайном, более или менее добровольном участии в войне всей народной массы, с ее физическими силами, достоянием, духовным складом. Чем больше организация ландвера удаляется от этого представления, тем больше последний будет приближаться под другим названием к постоянной армии, тем больше он будет обладать ее преимуществами, но при этом лишится преимущества подлинного ландвера - охвата масс, - гораздо более обширного, хотя и недостаточно определенного, но легко могущего еще более возрасти под влиянием состояния духа и настроений. В этом и заключается сущность ландвера; организация должна оставлять широкий простор сотрудничеству всего народа; в противном случае, ожидая от ландвера особых достижений, мы будем гоняться лишь за призраком.

Тесная связь между так понимаемым существом ландвера и обороной очевидна, и столь же очевидным является то, что такой ландвер всегда должен быть скорее отнесен к обороне, чем к наступлению; и, конечно, те стороны ландвера, которые заставляют нас предпочитать наступлению оборону, выскажутся полнее в последней.

2. Крепости. Влияние крепостей наступающего ограничивается ближайшим к границе районом и проявляется лишь в слабой степени; у обороняющегося оно распространяется и в глубину его территории, поэтому у него играют роль несколько крепостей, и воздействие их имеет гораздо большую интенсивность. Крепость, вызвавшая и выдержавшая настоящую осаду, несомненно, ложится более тяжелым грузом на чашу весов войны, чем такая, укрепления которой лишь устраняют мысль о захвате данного пункта, т.е. не отвлекают на себя сил противника и не уничтожают их.

3. Население. Хотя влияние отдельного жителя театра военных действий на ход войны большей частью заметно не более, чем воздействие капли воды в составе целого потока, все же даже в тех случаях, когда нельзя говорить ни о каком народном восстании, общее влияние, которое имеют жители страны на войну, весьма значительно[163]. В своей стране все идет гораздо легче, конечно при предпосылке, что настроение подданных этому понятию (т.е. подданству - Ред.) не противоречит. Все поставки, и крупные и мелкие, делаются неприятелю лишь под давлением ясно чувствуемой силы; последнюю приходится отрывать из состава армии, которая затрачивает для этого много людей и усилий. Обороняющийся получает все, - если и не всегда, так добровольно, как это имеет место в случаях восторженного самоотвержения, то по проторенной дороге гражданского послушания, являющегося второй природой обывателя; да и это послушание поддерживается совсем иными, исходящими уже не от армии, а от правительства, мерами устрашения и принуждения. Но и добровольное содействие, вытекающее из искренней преданности, несомненно будет весьма значительным, поскольку оно всегда проявится в тех случаях, когда не требуется никаких жертв. Отметим здесь хотя бы один пункт, имеющий огромное значение для ведения войны, это - осведомление, мы имеем в виду не столько те единичные крупные и важные данные, о которых доносят агенты разведки, сколько бесчисленное множество мелких соприкосновений с неизвестностью, в которые вступает каждодневная служба армии; именно в этой области хорошие отношения с населением дают обороняющемуся общее преимущество перед нападающим. Каждый малый дозор, каждый полевой караул, каждый командированный офицер - все они за нужными им сведениями о неприятеле, о друзьях и врагах обращаются к местным жителям.

Если от этих общих, всегда имеющих налицо отношений мы перейдем к особым случаям, когда население начинает принимать непосредственное участие в борьбе, вплоть до высочайшего его

напряжения, когда, как в

Испании, население само ведет борьбу в форме народной войны, - то мы поймем, что здесь речь идет уже не об одном лишь усилении содействия, оказываемого народом, но возникает подлинная новая величина; отсюда мы можем указать на:

4. Вооружение народа, или ландштурм, как на своеобразное средство обороны.

5. Наконец, как последнюю опору обороняющегося мы можем назвать союзников. При этом, конечно, мы не разумеем обыкновенных союзников, которых имеет и наступающий, но тех, которые существенно заинтересованы в сохранении государства. Если мы обратим внимание на комплекс государств современной Европы, то увидим (чтобы не говорить о систематическом регулировании равновесия сил и интересов, какого на самом деле нет и которое часто, поэтому справедливо оспаривается), что, неоспоримо, крупные и мелкие интересы государств и народов перекрещиваются между собой самым разнообразным и изменчивым способом. Каждая такая точка скрещения образует закрепляющий узел, ибо в ней направление одного интереса уравнивается направлением другого. Посредством всех этих узлов образуется большее или меньшее сцепление целого, и это сцепление при всяком изменении должно частично преодолеваться. Таким образом, общая сумма отношений государств между собой скорее действует в направлении сохранения целого в его настоящем оформлении, чем в направлении его изменения, т.е. в общем господствует тенденция сохранения.

Так, мы полагаем, надлежит понимать мысль о политическом равновесии, и в этом смысле она будет возникать сама собой повсюду, где несколько культурных стран; будут вступать в разносторонние соприкосновения между собой.

Насколько эта тенденция общих интересов действительна в отношении сохранения существующего положения, является другим вопросом; конечно, можно представить себе такие изменения во взаимоотношениях отдельных государств, которые облегчают деятельность целого, и другие, которые ее затрудняют. В первом случае это - попытки развить политическое равновесие, и так как их тенденция совпадает с тенденцией общих интересов, то они будут иметь на своей стороне и большинство этих интересов. В другом случае это отклонения от политического равновесия, преобладающая деятельность отдельной части, настоящая болезнь. Неудивительно, что болезни возникают в таком слабо связанном целом, как множество мелких и крупных государств, ведь они встречаются и в удивительно упорядоченном органическом целом всей живой природы.

Таким образом, если нам укажут на примеры в истории, когда отдельным государствам удавалось осуществить значительные перемены исключительно в своих интересах, а целое не делало и попытки тому воспрепятствовать, или даже на такие случаи, когда отдельное государство имело возможность настолько подняться над остальными, что оно стало почти неограниченной властью комплекса государств, - то мы отметим, что это отнюдь не доказывает отсутствия тенденции общих интересов к сохранению существующего положения, но лишь то, что ее влияние в данный момент было недостаточно велико. Тяготение к известной цели есть нечто отличное от движения к ней, но из-за этого еще нельзя отрицать его существования. Значение такого тяготения мы особенно ясно можем усмотреть из небесной динамики.

Мы говорим: тенденция к равновесию заключается в стремлении к сохранению существующего положения, причем мы, конечно, предполагаем, что в этом положении заключается покой, т.е. равновесие, ибо там, где оно нарушено, где появилось напряжение, там тенденция к равновесию может быть направлена и к переменам. Но эти перемены, если мы обратим внимание на природу предмета, могут коснуться лишь отдельных немногих государств и ни в коем случае не распространяются на большинство их. Таким образом, можно быть уверенным, что сохранение большинства государств будет всегда поддерживаться и обеспечиваться общими интересами всех и что каждое отдельное государство, которое еще не находится в состоянии напряжения и натянутости по отношению ко всему комплексу, в течение своей обороны найдет большее число интересов на своей стороне, а не против себя.

Кто смеется над этими размышлениями, как над утопическими мечтаниями, тот грешит против философской истины. Если последняя позволяет нам, познать те отношения, в которых существенные

элементы вещей противостоят один другому, то было бы, конечно, необдуманно, опуская все случайные воздействия, выводить отсюда законы, на основе которых можно регулировать каждый отдельный случай. Но кто, по словам великого писателя, не может возвыситься над уровнем анекдотов, кто только из них строит всю историю, везде начинает с самого индивидуального, с верхушки событий, и углубляется в предмет лишь постольку, поскольку он находит к тому те или другие поводы, никогда, следовательно, не доходя до господствующих, общих, лежащих в основе отношений, - мнение такого человека в лучшем случае может иметь какую-либо ценность только для отдельного явления. Все, что философия устанавливает как общий вывод для ряда случаев, представляется ему подобным сновидению.

Если бы не было этого всеобщего стремления к по-5 кою и сохранению существующего, то несколько сложившихся государств не могли бы спокойно существовать бок о бок более или менее продолжительное время, они неминуемо слились бы в одно. Таким образом, если современная Европа существует в нынешнем ее виде более тысячи лет, то мы можем приписать это явление лишь вышеуказанной тенденции общих интересов, и если защита комплекса не всегда была достаточной для сохранения каждого в отдельности, то это представляет лишь известные ненормальности в жизни комплекса, которые, однако, его не разрушили, а, напротив, были им преодолены.

Было бы совершенно излишним перечислять множество событий, когда перемены, чересчур нарушавшие равновесие, встречали противодействие в более или менее явной реакции других государств или же вовсе не были допущены ими; самый поверхностный взгляд, брошенный нами на страницы истории, покажет нам это. Мы хотим поговорить лишь об одном случае, ибо он всегда на устах тех, кто смеется над мыслью о политическом равновесии, а также потому, что он имеет особенное отношение к сказанному, как пример гибели мирного оборонявшегося государства, не вызвавшей участия и поддержки других государств. Мы говорим о Польше. Тот факт, что государство с 8 млн. жителей могло исчезнуть, будучи разделено между тремя другими государствами, причем ни у одного из остальных государств меч не обнажился, представляется на первый взгляд таким случаем, который или служит достаточным доказательством общей не действенности политического равновесия или по меньшей мере показывает, до каких пределов бессилие равновесия простирается в отдельных случаях. Что государство таких размеров могло исчезнуть и сделаться добычей других государств/ принадлежавших уже к числу наиболее могущественных (Россия и Австрия), представляется совершенно исключительным случаем, а если и такая крайность не могла затронуть ни одного из общих интересов всего европейского концерта, то с полным правом, по-видимому, можно было бы сказать, что реальность, какую эти общие интересы обладают в смысле сохранения интересов отдельного государства, должна почитаться воображаемой. Но мы остаемся при своем мнении, что один случай, как бы поразителен он ни был, ничего не доказывает против совокупности их, и утверждаем далее, что гибель Польши вовсе не является такой необъяснимой, как она может показаться на первый взгляд. Можно ли было смотреть на Польшу, как на европейское государство, заслуживающее одинаковой мерки с другими членами европейского концерта? Нет. Это было государство варварское, которое, вместо того чтобы лежать, как Крымское ханство на берегу Черного моря, на грани европейского государственного мира, было расположено среди него на Висле. Мы не хотим этим сказать что-либо презрительное о польском народе, не хотим этим и оправдывать раздела этой страны, но стремимся лишь взглянуть на вещи так, как они есть. В течение ста лет это государство в сущности не играло никакой политической роли и служило лишь яблоком раздора для других. При его состоянии и государственном устройстве оно никоим образом не могло бы долго просуществовать среди других государств, а существенное изменение в его варварском состоянии потребовало бы половины или целого столетия при условии, если вожди польского народа этого пожелали бы. Однако эти последние сами были еще слишком варварами для того, чтобы захотеть подобного изменения. Государственная неурядица и безграничное легкомыслие шли рука об руку, и они, таким образом, покатались в бездну. Задолго до раздела Польши русские чувствовали себя там как дома; понятия самостоятельного, определенного извне государства уже не существовало, и можно с уверенностью сказать, что если бы не произошел раздел Польши, она должна была бы обратиться в русскую провинцию. Не будь всего этого и будь Польша государством, способным обороняться, три державы не так легко приступили бы к ее разделу, а те государства, которые, как Франция, Швеция и Турция, были наиболее заинтересованы в ее целостности, могли бы тогда совсем иначе содействовать ее сохранению. Но нельзя, чтобы сохранение государства всецело ложилось на плечи других государств; это уже является чрезмерным требованием.

В течение более чем ста лет несколько раз поднимался вопрос о разделе Польши, и за это время на нее приходилось смотреть не как на запертый дом, а как на проезжую дорогу, по которой постоянно бродили чужие вооруженные силы. Неужели другие государства обязаны были этому препятствовать, неужели они должны были все время стоять с обнаженным мечом на страже неприкосновенности польских границ? Это значило бы требовать морально невозможного. В те времена Польша политически представляла собой не более, как необитаемую степь; и точно так же, как невозможно было бы ограждать такую, расположенную среди других государств, никем не защищаемую степь от их посягательств, так невозможно было обеспечить и неприкосновенность так называемой польской государственности. По всем этим причинам не следовало бы удивляться бесшумному исчезновению Польши больше, чем незаметному исчезновению Крымского ханства; турки во всяком случае были более заинтересованы, чем какое-либо из европейских государств, в сохранении Польши; но они понимали, что было бы бесплодным усилием поддерживать не способную к сопротивлению степь.

Мы возвращаемся к нашему предмету и полагаем, что нам удалось доказать, что в общем обороняющийся может больше рассчитывать на помощь извне, чем наступающий; он с тем большей уверенностью может на нее рассчитывать; чем важнее его существование для других, чем здоровее и сильнее его политическое и военное состояние.

Мы здесь указали на специфические средства обороны в полном их объеме, в отдельном случае не все они будут в распоряжении обороняющегося, это разумеется само собой; в одном случае будет недоставать одних, в другом других, но общему понятию обороны они принадлежат полностью. Глава 7.

Взаимодействие наступления и обороны

Теперь мы приступим к рассмотрению в отдельности обороны и наступления, поскольку можно провести грань между ними. Мы начинаем с обороны по следующим причинам. Конечно, вполне естественно и необходимо основывать правила обороны на правилах наступления и правила наступления на правилах обороны, однако или наступление, или оборона должны иметь еще третий пункт, чтобы весь ряд представлений мог с чего-нибудь начаться, а следовательно, стал бы возможен. Таким образом, первый вопрос заключается в том, чтобы уяснить этот пункт.

Если мы философски подойдем к происхождению войны, то увидим, что понятие войны возникает не из наступления, ибо последнее имеет своей абсолютной целью не столько борьбу, сколько овладение, а из обороны, ибо последняя имеет своей непосредственной целью борьбу, так как очевидно, что отражать и драться - одно и то же. Отражение направлено лишь на нападение и, следовательно, непременно его предполагает; между тем нападение направлено не на отражение, а на нечто другое, а именно на овладение и, следовательно, не предполагает непременно отражения. Поэтому вполне естественно, что если оборона первая вводит в действие стихию войны и лишь с ее рождением образуется деление на две стороны, то оборона же первая устанавливает и законы войны. Здесь речь идет не о каком-либо конкретном случае, но о случае общем, отвлеченном, намечаемом теорией для определения своего пути.

Таким образом, мы теперь знаем, где надо искать твердой точки опоры вне взаимодействия наступления и обороны, а именно - в обороне.

Если это заключение правильно, то для обороняющегося должны существовать побудительные причины, определяющие его поведение даже тогда, когда он еще ничего не знает о том, что будет делать наступающий, причем эти основания должны быть достаточными, чтобы дать назначение средствам борьбы. Наоборот, наступающий, до тех пор, пока он ничего не знает о своем противнике, не должен иметь никаких побудительных причин, определяющих его поведение и характер применения его боевых средств. У него не должно быть данных предпринять что-либо другое, как только захватить боевые средства с собой, т.е. овладеть чем-либо при помощи своей армии. Это отвечает действительности, ибо создать боевые средства еще не значит распорядиться ими, и наступающий, который берет их с собой, исходя из совершенно общего предположения, что они ему понадобятся, и который имеет в виду овладеть страной при помощи армии, вместо того чтобы сделать это при помощи комиссаров и прокламаций, этим еще не выполняет никакого положительного военного акта, между тем обороняющийся, который не только собирает свои боевые средства, но и

размещает их в соответствии с тем, как он намерен вести борьбу, впервые проявляет деятельность, к которой действительно подходит понятие войны.

Второй вопрос заключается в том, какого рода будут те побудительные причины, которые теория может установить для обороны еще до возникновения определенной мысли о самом наступлении. Очевидно, что таким побуждением будет продвижение противника с целью овладения, мыслимое вне войны, но дающее точку опоры для первых положений военной деятельности. Этому продвижению вперед оборона должна воспрепятствовать, следовательно, угрожающее продвижение должно мыслиться в связи с территорией страны, таким путем возникают первые, самые общие указания для обороны. Раз таковые установлены, с ними соразмеряется наступление, а из рассмотрения средств, которыми располагает последнее, получают новые уточнения для обороны. Тут и возникает взаимодействие, за которым теория в своем исследовании будет наблюдать, пока она находит добываемые этим путем выводы достойными внимания.

Этот небольшой анализ был необходим, чтобы придать большую ясность и определенность нашим последующим рассуждениям; все это я пишу не для поля сражения, да и не для будущего полководца, а для сонмища теоретиков, которые до сих пор слишком легко обращались с этой проблемой.

Глава 8. **Виды сопротивления**

Понятие обороны тождественно с отражением; в этом отражении заключено выжидание, а последнее составляет для нас главный признак обороны, и в нем мы видим главное ее преимущество.

Но так как оборона на войне не может быть исключительно одним претерпеванием, то и выжидание может быть ее абсолютным, а только относительным; предмет, к которому оно относится, является в пространстве или страной, или театром войны, или позицией, во времени же - войной, кампанией или сражением. Что эти предметы представляют не неизменные единицы, а лишь центральные пункты известных областей, которые переходят одна в другую и друг с другом сплетаются, нам хорошо известно; однако в практической жизни приходится часто довольствоваться лишь группировкой явлений, не проводя между ними строгих граней; к тому же эти понятия приобрели в самой практической жизни достаточную определенность, и вокруг них удобно сосредоточивать все остальные понятия. Таким образом, оборона страны лишь выжидает наступления на страну, оборона театра войны наступления на театр войны, оборона позиции - наступления на позицию.

Каждая позитивная, а, следовательно, более или менее носящая характер наступления деятельность, которую после этого момента проявит обороняющийся, не упразднит понятия обороны, ибо главный ее признак и главное ее преимущество - выжидание - уже имело место.

Понятия, связанные с временем, - война, кампания, сражение, сопровождают понятия страны, театра войны и позиции, а потому имеют одинаковое отношение к этому вопросу.

Следовательно, оборона состоит из двух разнородных частей - выжидания и действия. Тем, что мы отнесли первое к определенному предмету и, таким образом, предпослали его действию, мы сделали возможным соединение обеих в одно целое. Но акт обороны, особенно акт крупный, как кампания или целая война, не будет состоять во времени из двух крупных половин: первой, во время которой только выжидают, и второй, во время которой только действуют, но из смены этих двух состояний, причем выжидание может протягиваться красной нитью в течение всего акта обороны.

Мы придаем этому выжиданию столь крупное значение только потому, что этого требует природа нашего предмета; и если в теориях, господствовавших до сих пор, оно никогда не выдвигалось как самостоятельное понятие, то в практической жизни, хотя часто и бессознательно, оно постоянно служило путеводной нитью. Выжидание составляет такую основную составную часть военного акта в целом, что последний без первого едва ли представляется возможным, и мы поэтому впоследствии еще часто будем к нему возвращаться, изучая его воздействие в динамической игре сил.

Теперь мы займемся выяснением того, как начало выжидания тянется через весь акт обороны и какие различные ступени отсюда возникают в обороне.

Дабы установить наши представления на более простом предмете, мы отложим до части, в которой будем говорить о плане войны, рассмотрение вопроса об обороне страны, в котором наблюдается большая разносторонность и сильнейшее влияние политических факторов. С другой стороны, оборона позиции в сражении является предметом тактики, и лишь весь ее акт как целое составляет исходную точку стратегической деятельности; таким образом, мы лучше всего можем выявить условия обороны на вопросе обороны театра войны.

Мы сказали: выжидание и действие, - причем последнее всегда явится ответным ударом, т.е. реакцией, - составляют две существенные части обороны: без первого она не являлась бы обороной, а без последнего она не была бы войной. Эта точка зрения уже раньше привела нас к взгляду, что оборона не что иное, как более сильная форма ведения войны для более верной победы над противником; такого взгляда мы должны решительно придерживаться частью потому, что только он в конечном счете спасает нас от абсурда, частью потому, что чем отзывчивее и ближе мы к нему держимся, тем более мощным явится весь акт обороны.

Может иметь место попытка провести различие в реакции, составляющей вторую необходимую часть обороны, и признавать лишь ту часть ее, которая является собственно отражением - отражением от страны, от театра войны, от позиций, - необходимою частью обороны, имеющею место лишь постольку, поскольку этого требует безопасность обороняемых предметов; на возможность же дальнейшей реакции, переходящей уже в область действительного стратегического наступления, будут смотреть, как на предмет чуждый и безразличный для обороны; но это будет в корне противоречить вышеприведенному нами взгляду; отсюда мы и не можем смотреть на такое различие как на нечто существенное, и настаиваем, чтобы в основе каждой обороны лежала идея возмездия; ибо сколько бы мы в случае удачи ни нанесли урона противнику при первоначальной реакции, все же всегда недоставало бы надлежащего равновесия в динамическом соотношении между наступлением и обороной.

Итак, мы говорим: оборона есть более сильная форма ведения войны для достижения более легкой победы над врагом, и предоставляем обстоятельствам решать, будет ли победа выходить за пределы того предмета, к которому относилась оборона, или нет.

Но так как оборона связана с понятием выжидания, то эта цель победить неприятеля - может существовать лишь условно, т.е. если последует наступление с его стороны. Поэтому, если наступления не последует, то, конечно, оборона должна довольствоваться сохранением находящегося в ее обладании; в этом и заключается ее цель в период выжидания, т.е. ближайшая цель. Лишь довольствуясь этой скромной целью, она может использовать преимущества более сильной формы войны.

Представим себе армию и обороняемый ею театр войны; оборона может заключаться в следующем:

1. Армия может атаковать неприятеля, едва только последний вторгнется на театр войны (Мольвиц, Гогенфридберг).

2. Она может занять позицию вблизи границы и выжидать, пока неприятель не появится перед нею с целью атаки, а в этот момент сама на него напасть (Часлау, Соор, Росбах). Очевидно, в этом случае поведение уже более пассивно, выжидание продолжается дольше; допуская, что неприятельское наступление действительно состоится, мы получим по сравнению с первым случаем лишь небольшой выигрыш во времени или даже никакого. Но может случиться, что у неприятеля не хватит решимости для развертывания перед нами с целью атаки; поэтому сражение, которое при действиях по первому способу непременно должно произойти, при действиях по второму уже имеет шансы не состояться; выгоду от выжидания надо расценивать как более крупную.

3. В такой позиции армия может выжидать не только решения неприятеля дать сражение, т.е. появления его перед нашей позицией, но и фактического нападения. (Продолжая черпать примеры из

деятельности Фридриха Великого, мы находим у него такой образ действий под Бунцельвицем.) В этом случае дается настоящее оборонительное сражение, которое, однако, как мы уже выше говорили, может заключать в себе наступательное движение той или другой части армии. И здесь, как и в предыдущем случае, выигрыш времени еще не играет существенной роли, но решимость неприятеля подвергается новому испытанию; многие, уже выдвинувшись вперед для атаки, в последнюю минуту или даже после первой попытки отказывались от нее, находя позицию противника слишком сильною.

4, Армия может отнести сопротивление внутрь страны. Цель подобного отступления - вызвать и выждать такое ослабление противника, при котором он или сам приостановит продвижение, или же по меньшей мере окажется не в силах преодолеть то сопротивление, которое мы ему окажем в конце его пути.

Проще и яснее всего обнаруживается этот случай тогда, когда обороняющийся имеет возможность отойти за одну или несколько крепостей, которые наступающий вынужден осаждать или обложить. Ясно само собой, насколько это ослабляет вооруженные силы последнего и сколько случаев предоставляется обороняющемуся напасть на врага в каком-либо пункте с крупным перевесом сил.

Но даже когда нет крепостей, такое отступление внутрь страны может исподволь доставить обороняющемуся необходимое равновесие или даже перевес сил, которых у него не было на границе его страны, ибо всякое продвижение при стратегическом наступлении ослабляет наступающего отчасти абсолютно, отчасти вследствие неизбежного раздробления сил, о котором мы подробнее скажем при исследовании наступления. Мы здесь, однако, предвосхищаем эту истину, причем рассматриваем ее как факт, достаточно доказанный всеми войнами.

В этом четвертом случае особо важное преимущество надо видеть в выигрыше времени. Если наступающий начнет осаждать наши крепости, у нас будет выигрыш во времени до момента вероятного их падения (которое может иметь место через несколько недель, а в некоторых случаях и несколько месяцев); если же его ослабление, т.е. истощение наступательных сил, произойдет лишь вследствие продвижения вперед и занятия необходимых пунктов, следовательно, благодаря протяжению пройденного им пути, то выигрыш времени в большинстве случаев окажется еще крупнее, и наша деятельность не будет уже в такой степени связана с определенным моментом.

Кроме изменения соотношения сил между наступающим и обороняющимся, которое создается к концу этого пути, мы должны зачесть в актив обороны вновь повысившуюся выгоду от выжидания. Если бы наступающий и не оказался настолько ослабленным своим продвижением вперед, чтобы потерять способность напасть на наши главные силы там, где они останутся, то все же у него на это может не хватить решимости, ибо здесь ему всегда потребуется ее больше, нежели нужно было бы близ границы: силы уже ослаблены и не так свежи, а опасность возросла; с другой стороны, для нерешительного полководца достаточно бывает занятия территории, чтобы отогнать всякую мысль о сражении, так как он или действительно думает, или прикрывается предлогом, что в сражении больше нет надобности. Этот упущенный случай для сражения хотя и не явится для обороняющегося таким негативным успехом, каким он был бы в приграничном районе, однако предоставит ему значительный выигрыш времени.

Ясно, что во всех четырех указанных случаях обороняющийся пользуется выгодами, предоставляемыми местностью, а также воздействием, оказываемым крепостями и участием народных масс, причем эти воздействующие начала будут играть все большую роль с каждой новой ступенью обороны; они-то преимущественно и вызывают ослабление неприятельских сил на четвертой ступени обороны. А так как выгоды выжидания параллельно возрастают, то из этого само собою следует, что на эти ступени надо смотреть, как на действительную повышающуюся шкалу могущества обороны, и что эта форма войны становится тем сильнее, чем она больше удаляется от наступления. Мы в данном случае не боимся обвинения, будто мы держимся того взгляда, что наиболее сильной является наиболее пассивная оборона. Деятельность сопротивления с каждой последующей ступенью будет не ослабевать, а лишь замедляться, отсрочиваться. Ведь, очевидно, нет ничего противоестественного в утверждении, что на сильной и хорошо укрепленной позиции можно оказать большее сопротивление, а тогда, когда противник наполовину изматывает в атаках на нее свои силы, возможно ему нанести более действительный контрудар. Без преимуществ, которые давали ему его позиции, Даун не одержал бы победы под Коллином, и если бы он, когда Фридрих Великий, отступая с поля сражения, располагал

не свыше 18 000 человек, повел более энергичное преследование, то получилась бы одна из самых блестящих побед в военных анналах.

Итак, мы утверждаем, что с каждой последующей ступенью обороны возрастает перевес или, точнее, противовес, приобретаемый обороняющимся, а, следовательно, наращивается и сила контрудара.

Но достигаются ли эти преимущества наращивания мощи обороны даром? Отнюдь нет. Ибо жертвы, ценою которых они покупаются, растут в той же пропорции.

Когда мы выжидаем подхода неприятеля внутри нашего театра войны, то, как бы близко от границы ни произошло решительное сражение, все же неприятельские силы будут попираť наш театр войны, что не может не сопровождаться известными жертвами; между тем, наступая, мы переложили бы эти жертвы на плечи противника. Если мы не сразу пойдем навстречу неприятелю, чтобы его атаковать, то жертвы еще более возрастут, а пространство, какое займет неприятель, и время, какое ему потребуется, чтобы дойти до наших позиций, будут непрерывно их увеличивать. Если мы решаем дать оборонительное сражение и, таким образом, предоставляем неприятелю решение и выбор соответственного момента, то может случиться, что он довольно продолжительное время останется в обладании занятой территорией, и мы этим расплатимся за то время, которое выиграла благодаря нерешительности противника. Еще чувствительнее будут жертвы при отступлении в глубь страны.

Но все эти жертвы, которые приносит обороняющийся, причиняют ему только такую потерю сил, которая действует на его вооруженные силы лишь косвенным образом, следовательно, позднее и не непосредственно, и притом часто настолько косвенным образом, что воздействие их оказывается мало чувствительным. А это значит, что обороняющийся стремится увеличить свои силы за счет будущего, т.е. совершает заем, как должен делать всякий, кто слишком беден для занимаемого им положения.

Чтобы оценить успешность этих различных форм сопротивления, обратим внимание на цель наступления. Последняя сводится к овладению нашим театром военных действий или по крайней мере значительной его частью, так как под понятием целого надо разуметь по крайней мере большую его часть; обладание полосой территории в несколько миль вообще не имеет самостоятельного значения в стратегии. Пока наступающий еще не овладел театром военных действий, т.е. пока он, страшась нашей вооруженной силы, или вовсе еще не приступил к вторжению в него, или еще не подошел к нашей позиции, или же уклонился от сражения, которое мы предлагали ему дать, - до тех пор цель обороны оказывается достигнутой и воздействие мероприятий обороны представляется успешным. Но, конечно, это будет лишь негативный результат, непосредственно не дающий нам прироста сил, необходимого для контрудара. Косвенно же он может их дать, ибо потерянное время является минусом для наступающего.

Таким образом, на первых трех ступенях обороны, т.е. когда она протекает близ границы, отсутствие решительного столкновения уже представляет успех обороны.

Не то на четвертой ступени.

Если неприятель осаждает наши крепости, то мы должны своевременно их выручить, - следовательно, за нами очередь вызвать решительный акт нашей позитивной деятельностью.

Таково же положение, когда неприятель следует за нами внутрь страны, не подвергнув осаде наши крепости. Правда, в этом случае мы располагаем большим временем, мы можем дожидаться момента наибольшего ослабления неприятеля, но все же остается предпосылка, что мы, наконец, должны перейти к действию. Неприятель, пожалуй, уже овладел всем участком территории, являющимся объектом его наступления; однако он одолжен ему лишь временно; напряжение не прекращается, и решительный акт еще впереди. До тех пор, пока силы обороняющегося с каждым днем продолжают расти, а силы наступающего слабеют, оттяжка решительного акта остается в интересах первого; но как только наступает кульминационный пункт, а он наступит непременно, хотя бы под влиянием конечного воздействия общей суммы потерь, которым подвергся наступающий, для обороняющегося приходит час действовать и добиваться решения, всю выгоду от выжидания уже надо

считать окончательно исчерпанной.

Для определения этого момента, конечно, нет общего мерила, ибо он находится в зависимости от множества обстоятельств и условий, но мы можем отметить, что зима обычно является естественным поворотным пунктом. Если нам не удастся воспрепятствовать неприятелю перезимовать на занятой им территории, то на нее обычно приходится смотреть, как на окончательно уступленную. Впрочем, стоит нам лишь вспомнить о примере Торрес-Ведраса[164], чтобы убедиться в том, что это не является общим правилом.

В чем состоит решение вообще?

При рассмотрении всех вопросов мы постоянно представляли его в форме сражения (Генерального - Ред.). Но последнее, конечно, не необходимо; можно себе представить целый ряд боевых комбинаций в раздельной группировке, могущих вызвать новый оборот событий и сделать отступление противника неизбежным вследствие ли исхода реально состоявшихся частных боев или вследствие учета вероятного исхода несостоявшихся столкновений.

Другого решения на самом театре войны быть не может. Это неизбежно вытекает из установленного нами взгляда на войну; ведь если неприятельская армия начнет отступать из-за одного лишь недостатка в продовольствии, то это произойдет только вследствие стесненного положения, в которое неприятель поставлен силою нашего оружия; не будь вовсе налицо наших вооруженных сил, наступающему так или иначе удалось бы выйти из затруднения.

Таким образом, и в конце наступательного шествия, когда неприятель изнемогает от трудных условий наступления, когда выделение отдельных отрядов, голод и болезни ослабляют и истощают его, все же только страх перед нашим оружием может побудить его пойти вспять и отказаться от всего достигнутого. Тем не менее все же существует крупное различие между таким решением и решением, имеющим место близ границы.

В последнем случае лишь наше оружие противостоит его оружию, лишь оно обуздывает противника или воздействует на него разрушительно; но там, в конце наступательного шествия, неприятельские вооруженные силы уже наполовину уничтожены его собственными усилиями, что дает нашим силам совершенно иной вес: они являются хотя и последним, но не единственным решающим фактором. Уничтожение неприятельских вооруженных сил в процессе их продвижения уже подготавливает решение и может сделать это в такой мере, что одна возможность реакции с нашей стороны вызовет отступление, а следовательно, и новый оборот событий. В этом случае практически нельзя не приписать решения напряжению, сопровождавшему наступление. Правда, нельзя указать такого случая, в котором оружие обороняющегося не принимало бы никакого участия в окончательном решении; но с практической точки зрения важно различать, какое из этих двух начал имело преобладающее значение.

В этом смысле мы считаем себя вправе сказать, что в обороне существует два рода решения, а следовательно, и два рода реакций в зависимости от того, гибнет ли наступающий от меча обороняющегося или же от собственного напряжения сил.

Ясно само собой, что первый вид решения будет преобладать на первых трех ступенях, второй же - на четвертой ступени, причем этот второй вид решения может по преимуществу иметь место в тех случаях, когда отступление производится глубоко внутрь страны, и лишь он один может оправдать подобное отступление, сопровождаемое крупными жертвами.

Итак, мы познакомились с двумя различными началами обороны; бывали случаи в истории войн, где они встречались в таком чистом, изолированном виде, в каком только возможно встретить в практической жизни элементарные понятия. Первый - атака Фридрихом Великим в 1745 г. австрийцев под Гогенфридбергом в тот момент, когда они опускались с Силезских гор; австрийская армия не могла еще быть заметным образом ослаблена ни выделением отрядов, ни чрезмерным напряжением сил; другой случай - когда Веллингтон выжидал на укрепленной позиции Торрес-Ведрас, чтобы армия Массены была доведена голодом и стужей до такого состояния, чтобы сама была вынуждена начать отступление; здесь оружие обороняющегося не приняло никакого участия в реальном ослаблении

наступающего. В других случаях, где оба начала многообразно переплетаются между собой, все же одно из них определенно господствует над другим. Так было в 1812 г. В течение этого знаменитого похода произошло столько кровопролитных боев, что при других обстоятельствах одни эти бои могли бы привести к решительному исходу; тем не менее ни в одной кампании не обнаружилось с такой ясностью, что наступающий может погибнуть от собственных усилий. Из 300000 человек, составлявших центр французской армии, до Москвы дошло лишь около 90000, а выделено было из главных сил лишь около 13 000 человек; таким образом, потери достигали 197000 человек, из которых, конечно, не более одной трети можно отнести на потери в боях.

Все кампании, отличавшиеся так называемым темпо-ризированием[165], по образцу, данному знаменитым Фабием Кункатором, были рассчитаны, главным образом, на уничтожение неприятеля его собственными усилиями. Во многих походах это начало являлось руководящим, хотя о нем определенно и не говорили. Лишь закрыв глаза на все искусственные объяснения историков и взамен этого пристально взглядевшись в самые события, мы дойдем до этого истинного основания многих решений.

Теперь мы, кажется, достаточно развили понятия, лежащие в основе обороны, ясно показали и сделали понятным на двух главных видах сопротивления[166], как начало выжидания проходит через всю систему мышления и соединяется с позитивной деятельностью, так что последняя выступает в одном случае раньше, в другом - позже, когда выгоды выжидания оказываются исчерпанными.

Мы полагаем, что теперь нами измерена и охвачена вся область обороны. Правда, в ней есть еще предметы, достаточно важные для того, чтобы образовать особые отделы, т.е. центры особых систем мысли, которых, следовательно, мы не должны упустить: например, о существовании и влиянии крепостей и укрепленных лагерей, об обороне гор и рек, о давлении на фланги и т.д. Обо всем этом мы будем говорить в следующих главах; однако все эти темы не лежат за пределами вышеприведенного ряда наших представлений, а являются лишь ближайшим приложением их к условиям местности и обстановки. Этот ряд представлений выведен нами из понятия обороны и ее отношения к наступлению. Мы связали эти простые представления с действительностью и этим указали путь, как от действительности вновь к ним вернуться и получить под собой твердое основание.

Однако благодаря многообразию боевых комбинаций, - особенно в тех случаях, когда эти последние не приводят к действительно состоявшимся боям, а оказывают воздействие одной возможностью последних, - сопротивление силой оружия может приобретать столь изменчивую форму, столь различный характер, что невольно склоняешься к мнению о необходимости найти здесь еще другое активное начало. Между кровопролитным отпором в простом сражении и успехом стратегических комбинаций, одерживаемым без настоящего боя, существует такое огромное различие, что чувствуется необходимость предположить существование какой-то новой силы; так астрономы, наблюдая большое расстояние между Марсом и Юпитером, заключили о существовании между ними других планет[167].

Когда наступающий наталкивается на обороняющегося на укрепленной позиции, которую он не рассчитывает преодолеть, или за широкой рекой, через которую он не надеется переправиться, или даже в том случае, когда он опасается, что при дальнейшем продвижении не сможет достаточно обеспечить армию продовольствием, то отказ его от своих намерений все же будет вызван силой оружия обороняющегося: наступающего заставил остановиться только страх быть побежденным силой оружия или в генеральном сражении, или на особо важных пунктах.

Если с нами согласятся, что даже и при бескровном исходе в конечной инстанции решали бои, в действительности не имевшие места, а лишь предложенные, то все же будут полагать, что в этом случае наиболее действительное начало следует видеть в стратегических комбинациях этих боев, а не в тактическом решении, и что, когда говоря о других средствах обороны помимо оружия, разумеют господство стратегических комбинаций. Мы готовы с этим согласиться, так как находимся именно на той точке, к которой хотели прийти. Мы утверждаем: раз тактический результат боев образует основу всех стратегических комбинаций, то всегда возможна угроза, что наступающий ухватится за эту основу и прежде всего обеспечит за собой мастерство в тактике, дабы этим путем разрушить стратегические комбинации. Поэтому последние никогда нельзя рассматривать как нечто самостоятельное; они будут иметь значение только тогда, когда по той или другой причине

тактические результаты нам не внушают тревоги. Чтобы в нескольких словах пояснить нашу мысль, мы лишь напомним, что такой полководец, как Бонапарт, ни на что не оглядываясь, прорывался через всю стратегическую паутину, сплетенную его противниками, и сам стремился в бой, так как он почти никогда не сомневался в его исходе. Поэтому всякий раз, когда стратегия его противников не направляла всех своих усилий на то, чтобы подавить его в этом бою превосходными силами, и пускалась в более тонкие (слабейшие) комбинации, она оказывалась разорванной, как паутина. Но если такого полководца, как, например, Дауна, можно было остановить подобными комбинациями, то было бы бессмысленным предлагать Бонапарту и его армии то, что прусская армия предлагала в Семилетнюю войну Дауну и его армии. Почему? Потому, что Бонапарт отлично знал, что все сводится к тактическим результатам, и был в них уверен, в то время как у Дауна дело обстояло иначе. Поэтому мы и считаем заслуживающим внимания указать, что каждая стратегическая комбинация покоится лишь на тактических успехах и что последнее обстоятельство как при кровопролитном, так и при бескровном исходе является действительно основной причиной решения. Лишь когда последнего не приходится опасаться, - будь то вследствие характера противника или условий, в которых он действует, или по причине морального и физического равновесия обеих армий, или даже вследствие перевеса наших сил, - тогда можно ожидать чего-нибудь от стратегических комбинаций самих по себе, без боев.

На всем протяжении военной истории мы находим большое число походов, в которых наступающий, не вступая в кровопролитный бой, отказывался от дальнейшего! наступления, следовательно, одни стратегические комбинации оказывали сильное влияние; это могло бы навести на мысль, что по меньшей мере они обладают сами, по себе большой силой и часто могут одни решить дело, если нет оснований предполагать чересчур решительный тактический перевес наступающего. Но на это мы должны ответить: если в данном случае говорят о явлениях, имеющих свой источник на театре войны и, следовательно, относящихся к самой войне, то такое представление ложно; безрезультатность большинства наступлений имела свое основание в высших, т.е. политических условиях войны.

Общие условия, из которых возникает война, и которые, естественно, образуют ее основу, определяют также и ее характер; нам об этом больше придется говорить в дальнейшем, при рассмотрении плана войны. Эти общие условия сделали, однако, большинство войн чем-то половинчатым; в них чувства вражды в собственном смысле слова должны были прокладывать себе дорогу через такой узел сталкивающихся отношений, что становились элементом весьма слабо действующим [168]. Это должно, естественно, более и сильнее всего проявляться в наступлении, которое должно находить себе выражение в позитивной деятельности. Отсюда и неудивительно, что вялое наступление может быть остановлено самым слабым сопротивлением. Часто бывает достаточно одного призрака сопротивления, чтобы слабый, еле существующий замысел наступающего был стеснен тысячью соображений. ,

Не количество неприступных позиций, всюду встречающихся на пути, не страх перед грозными темными массами гор, протягивающимися по театру войны, не страх перед шириной реки, протекающей по нему, не легкость, с которой при помощи известного сочетания боев можно парализовать мускул, долженствующий нанести нам удар, не в этих данных лежит истинная причина того успеха, которого обороняющийся часто достигает бескровным путем. Истинная причина заключается в слабости воли, с которой наступающий делает свой нерешительный шаг вперед.

Можно и должно считаться с этими противовесами, но в них надо видеть лишь то, что они реально собой представляют, и не приписывать их воздействие другим явлениям, о которых мы здесь только и говорим. Мы не можем здесь не подчеркнуть, как часто военная история содержит ложное изложение событий и как много критика должна заботиться о восстановлении верной точки зрения.

Взглянем теперь на множество неудавшихся бескровных наступательных походов в том их оформлении, которое мы могли бы назвать вульгарным.

Наступающий продвигается в неприятельскую страну и несколько оттесняет противника, но одолеваяющие его сомнения не допускают довести дело до решительного сражения; так он и остается стоять перед неприятелем, делая вид, будто он совершил завоевание и у него не осталось иной задачи, помимо обеспечения завоеванного пространства; теперь, мол, искать сражения - дело противника, а

драться он согласен в любой день и пр. Всем этим полководец морочит свою армию, двор, весь мир, даже самого себя. Истинное же основание заключается в том, что он находит противника в занятом им положении слишком сильным. Мы здесь не говорили о том случае, когда нападающий отказывается от атаки по той причине, что не может использовать победы, так как находится уже у конца своего наступательного шествия, и нет запаса сил, чтобы начать новое. Последний случай предполагает уже удавшееся наступление, действительно имевшее место завоевание; здесь же мы имеем в виду лишь случай, когда наступающий застрял на пути к намеченному завоеванию.

Тогда начинается выжидание благоприятных обстоятельств; обыкновенно нет никаких оснований рассчитывать на них, ибо намеченное наступление уже доказывает, что ближайшее будущее не обещает ничего большего, чем настоящее, - таким образом, на сцену является новая иллюзия. Если, как обычно бывает, данная операция стоит в связи с другими одновременными, то сваливают па плечи других армий то, чего не удалось достигнуть своей, и ищут оснований для оправдания собственной бездеятельности в недостаточной поддержке и согласованности. Говорят о непреодолимых трудностях и находят мотивы в самых сложных и тонких отношениях. Так истощаются силы наступающего в бездействии или, вернее, в недостаточной, а потому и непродуктивной деятельности. Обороняющийся выигрывает время, что для него всего важнее; приближается неблагоприятное время года, и дело кончается тем, что наступающий возвращается в свои пределы на зимние квартиры.

Вся эта сеть ложных представлений переносится затем на страницы истории и вытесняет совершенно простое, истинное основание неуспеха, а именно - страх перед мечом врага. Если критика углубится в разбор подобного похода, то она истощит свои силы над множеством мотивов и контрмотивов, не дающих убедительных выводов, так как все они висят в воздухе, и нет желания снизойти на подлинный фундамент истины. Противовес, особенно ослабляющий стихийную силу войны, а с нею и наступление, заключается большею частью в политических отношениях и намерениях государства, а их всегда скрывают от света, от собственного народа и армии, а иногда даже от полководца. Никто не захочет мотивировать свою нерешительность признанием, что он-де боится недостатка сил довести дело до конца, что он наживет новых врагов или что он не хочет слишком большого усиления своих союзников и т.д. О таких сторонах умалчивают, но свету нужно дать связное изображение событий, и вот полководец оказывается вынужденным пустить в обращение за свой счет или за счет своего правительства целую сеть ложных оснований. Это постоянно повторяющееся жонглирование военной диалектикой окаменело в теории в виде целых систем, разумеется, весьма далеких от истины. Лишь теория, следующая простой нити внутренней связи событий, может дойти до сущности дела; мы это и пытались осуществить.

Относясь с таким скептицизмом к военной истории, мы видим, что рушится громадный аппарат наступления и обороны, состоящий из одних разглагольствований, а простая точка зрения на них, изложенная здесь нами, сама собой выступает на первый план. Мы полагаем, что она должна быть распространена на всю область обороны; только придерживаясь ее, мы будем в состоянии с ясным разумением судить о всей массе событий.

Теперь нам остается только заняться вопросом о применении этих различных форм обороны.

Так как они представляют лишь известные ступени усиления, покупаемые все возрастающими жертвами, то это уже в достаточной мере могло бы определить выбор их полководцем, если бы не сказывалось влияние и других обстоятельств. Полководец избрал бы именно ту форму, которая ему казалась бы достаточной, чтобы дать своим силам необходимую степень сопротивляемости, но не отошел бы дальше, дабы не вызвать излишних жертв. Однако не следует упускать из виду, что свобода выбора различных форм в большинстве случаев весьма ограничена, ибо другие обстоятельства, с которыми нельзя не считаться, вынуждают нас избрать тот или другой род обороны. Для отступления в глубь страны необходимо значительное пространство или такая обстановка, при которой, как было в Португалии в 1810 г., один союзник (Англия) давал точку опоры с тыла, а другой (Испания) своей обширной территорией значительно ослаблял ударную силу противника. Расположение крепостей - ближе к границе или отнесенное более в глубь страны - может также воздействовать за или против данного плана; в еще большей мере скажутся свойства местности, характер, нравы и настроение населения. Выбор между наступательным и оборонительным сражением может определяться планом противника, особенностями обеих армий и полководцев; наконец, к избранию той или другой формы

может привести наличие особенно выгодной позиции или оборонительной линии или же отсутствие таковых; короче говоря, достаточно назвать эти данные, чтобы дать почувствовать, что при обороне выбор во многих случаях скорее определяется ими, чем простым соотношением сил. В дальнейшем мы ближе познакомимся с затронутыми здесь вопросами; тогда с большей определенностью выяснится и влияние, которое они оказывают на выбор, а в конце - в части, посвященной плану войны и кампании, - все будет сведено воедино.

Но это влияние получит первенствующее значение по большей части лишь в тех случаях, когда соотношение сил не окажется слишком неравным; в противном случае (что бывает чаще) это соотношение сил оказывает решающее влияние. Военная история достаточно доказывает, что и без того ряда рассуждений, которые мы здесь развили, а смутно руководясь одним тактом суждения, как в большинстве случаев и делается в войне[169], соотношению сил отводили преобладающее значение при выборе форм обороны.

Тот же полководец, с той же армией, на том же театре войны раз дал сражение под Гогенфридбергом, а в другой раз засел в лагере под Бунцельвицем. Таким-то образом Фридрих Великий, более всех других полководцев стремившийся к наступлению, оказался в конце концов вынужденным при большом несоответствии сил занять чисто оборонительную позицию; и того же Бонапарта, который прежде, словно дикий вепрь, набрасывался на своих противников, разве мы не видим, при сильном изменении не в его пользу соотношения сил в августе и сентябре 1813 г., как бы запертым в клетку, повертывающимся то к одному противнику, то к другому, но не решающимся, однако, очертя голову ринуться на одного из них? А в октябре того же года, когда перевес в силах грозил подавить его, разве он не располагается, словно ища убежища, в углу, образуемом Партой, Эльстером и Плейссой у Лейпцига, как бы в углу комнаты, прислонившись спиной к стене и выжидая подхода неприятеля?

Мы не можем не отметить, что из этой главы, более чем из какого-либо другого данного труда, становится ясным, насколько мы далеки от стремления указать на новые принципы и методы ведения войны; напротив, мы лишь исследуем давно уже выявленное в его внутренней, более глубокой связи и хотим свести его к простейшим элементам.

Глава 9. Оборонительное сражение

В прошлой главе мы говорили, что обороняющийся может дать сражение, которое тактически явится чисто наступательным: обороняющийся может двинуться навстречу и атаковать противника в тот самый момент, когда последний вторгается на наш театр войны; обороняющийся также может выждать появления неприятеля перед своим фронтом и тогда перейти в наступление, и в этом случае сражение будет тактически наступательным; наконец, обороняющийся действительно может выждать атаку противника на своей позиции и в свою очередь действовать против него как путем обороны участков местности, так и переходом в атаку частью своих сил. При этом, разумеется, можно себе представить целую шкалу разных степеней, все более и более отклоняющихся от принципа позитивного[170] ответного удара и переходящих к принципу чисто местной обороны. Мы здесь не имеем возможности распространяться о том, как далеко можно зайти в этом направлении и какое соотношение обоих элементов наиболее выгодно для того, чтобы одержать решительную победу. Но мы продолжаем настаивать на том, что если искать такой победы, то невозможно вовсе обойтись без наступательной части сражения, и убеждены в том, что из этой наступательной части могут и должны исходить все последствия решительной победы, как будто это было сражение в тактическом смысле чисто наступательное.

Точно так же, как поле сражения стратегически представляет лишь точку, так и время сражения стратегически представляет лишь один момент[171], и стратегической величиной будет не ход сражения, а его конец и результат.

Итак, если правда, что с элементами наступления, заключающимися в каждом оборонительном сражении, может быть связана полная победа, то с точки зрения стратегических комбинаций не должно было бы быть по существу никакого различия между сражением наступательным и оборонительным. По нашему убеждению, оно так и есть в действительности, но на вид дело

представляется иначе. Чтобы пристальнее взглянуться в этот предмет, уяснить нашу точку зрения и тем самым устранить все кажущееся, мы бегло набросаем картину оборонительного сражения, как мы себе ее представляем.

Обороняющийся выжидает приближения наступающего на своей позиции; он выбрал для этого подходящую местность и устроился на ней, т.е. точно ее изучил, соорудил основательные укрепления на некоторых важнейших пунктах, провел и усовершенствовал тыловые дороги, поставил батареи, укрепил селения, выбрал укрытые места для размещения своих масс и пр. Фронт позиции должен быть более или менее силен; доступы к фронту должны быть затруднены одним или несколькими параллельными рвами, а также другими преградами или же влиянием командующих укрепленных пунктов; такой фронт во всех стадиях сопротивления, вплоть до момента борьбы за ядро позиции, когда обе враждующие стороны взаимно истощают друг друга в точках их соприкосновения, дает обороняющемуся возможность уничтожить с малым расходом своих сил значительное количество неприятельских. Опорные пункты, которые он выбрал для своих флангов, обеспечивают его от внезапного нападения с нескольких сторон. Закрытая местность, избранная для расположения своих войск, заставляет противника быть осторожным, даже робким, и дает возможность обороняющемуся, стягиваясь с боем к главной позиции, ослаблять наступающего небольшими удачными атаками. Устроившись таким образом, обороняющийся рассматривает с чувством удовлетворения сражение, горящее перед ним умеренным пламенем. Но он не считает возможности своего фронтального сопротивления неистощимыми, не верит в неуязвимость своих флангов и не ждет от удачной атаки нескольких батальонов или эскадронов резкого поворота в ходе всего сражения. Позиция его глубока, ибо каждая инстанция на ступенях лестницы боевого порядка, от дивизии вплоть до батальона, имеет свой резерв на непредвиденный случай и для возобновления боя. И все же он сохраняет совершенно нетронутой, вне боя, довольно значительную массу войск, от одной трети до одной четверти целого, и держит ее столь далеко позади, что о каких-либо потерях от неприятельского огня не может быть и речи; это удаление должно быть, по возможности, таковым, чтобы эта часть оказалась вне линии охвата, могущего быть направленным наступающим на тот или другой фланг позиции. Этой частью он имеет в виду защитить свои фланги от более далекого и значительного обхода, обеспечить себя от всяких непредвиденных случаев, а в последней трети сражения, когда план наступающего получит полное развитие и большая часть его сил окажется уже израсходованной, обороняющийся имеет в виду броситься с этой массой на часть неприятельских сил и развить против нее свое собственное небольшое наступательное сражение, используя в нем все элементы наступления, как то: атаку, внезапность и обход; этот нажим в момент наиболее неустойчивого положения центра тяжести сражения и должен вызвать общее попятное движение.

Таково нормальное представление, которое мы составили об оборонительном сражении; оно базируется на современном состоянии тактики. Наступающий при помощи общего охвата стремится сделать успех более обеспеченным и в то же время придать ему больший размах, а обороняющийся отвечает на него частным охватом, а именно - охватом той самой части неприятельской армии, которая направлена в охват. Этот частный охват можно мыслить достаточным для того, чтобы парализовать действие охвата наступающего, но из него не может развиться столь же широкий общий охват неприятельской армии, как это может удаться наступающему. Поэтому между очертаниями победы будет всегда та разница, что в наступательном сражении победоносные войска будут охватывать неприятеля и действовать по направлению к центру его, при оборонительном же сражении они будут действовать более или менее из центра к периферии, в радиальном направлении.

На самом поле сражения и в первой стадии преследования всегда приходится признавать охватывающую форму наиболее действительной; преимущества * ее, однако, не столько вытекают из ее оформления, сколько сказываются в тех случаях, когда удастся довести охват до крайнего его предела, т.е. еще во время самого сражения ограничить возможности отступления неприятельской армии. Именно против этого крайнего предела и нацеливается позитивная реакция обороняющегося, и во многих случаях, когда она окажется недостаточной для достижения победы, ее все же хватит на то, чтобы оградить обороняющегося от крайних последствий охвата. Тем не менее мы не можем не признать, что при оборонительном сражении в особенности имеет место опасность чрезмерного ограничения свободы отступления и что если ее не удастся предотвратить, то успех, достигнутый противником в самом сражении и в первой стадии преследования, значительно возрастет.

Но это относится лишь к первой стадии преследования, а именно - до наступления ночи. К

следующему дню охват оказывается уже закончившим свое существование, и в этом отношении равновесие вновь устанавливается между обеими сторонами[172].

Правда, обороняющийся может лишиться при этом своего лучшего пути отступления и попасть надолго в невыгодное стратегическое положение, но самый охват, за немногими исключениями, всегда окажется закончившим свое существование, так как он рассчитывается лишь на условия поля сражения и, следовательно, не может заходить далеко за пределы последнего. Что же, однако, произойдет на другой стороне, если победителем окажется обороняющийся! Побежденный окажется разорванным на части; в первый момент это может облегчить отступление, но уже на следующий день возникнет острая необходимость в соединении всех частей. Если одержана чрезвычайно решительная победа и обороняющийся, напирает очень энергично, то это соединение часто окажется невозможным, и разделение сил побежденного повлечет за собой для последнего самые печальные последствия, которые постепенно могут дойти до полного рассеяния его сил. Если бы Бонапарт одержал победу под Лейпцигом, то следствием этого явилось бы полное разъединение союзных армий и их стратегическое положение значительно ухудшилось бы. Под Дрезденом, где Бонапарт, собственно, не давал оборонительного сражения, наступление его все же имело ту геометрическую форму, о которой мы говорили, а именно - от центра к окружности; известно, в каком трудном положении оказались разделившиеся на части союзные войска: из затруднений их вывела лишь победа на Кацбахе, ибо, получив донесение о ней, Бонапарт с гвардией вернулся в Дрезден.

Подобный же пример представляет и сражение на Кацбахе; здесь мы видим обороняющегося, который в последнюю минуту переходит в наступление и, следовательно, действует эксцентрически; благодаря этому французские корпуса были отброшены в разные стороны, и несколько дней спустя дивизия Пюто попала в руки союзников как плод их победы.

Отсюда мы заключаем, что, тогда как наступление имеет возможность усилить свой успех посредством более родственной ему концентрической формы удара, обороне также дано средство при помощи более родственной ей эксцентрической формы усилить последствия своей победы по сравнению с теми, которые она имела бы при чисто параллельной позиции и перпендикулярном к ней действии сил. Мы полагаем, что оба эти средства равноценны.

Если мы редко наблюдаем в военной истории, что оборонительные сражения завершаются такими же крупными победами, как и наступательные, то это отнюдь не может служить опровержением нашего утверждения, что первые столь же пригодны для этого, как и вторые. Причина этому заключается в существенном различии условий, в которых находятся обороняющийся в наступающий. Обычно обороняющийся является слабейшей стороной не только в отношении вооруженных сил, но и в отношении всех условий обстановки; он в большинстве случаев не имеет или считает себя лишенным возможности дать полное развитие следствиям своей победы и довольствуется одним отражением опасности и спасением чести своего оружия. Бесспорно, обороняющийся может быть иной раз действительно связан своей слабостью и обстановкой; однако часто то, что являлось результатом необходимости, принималось за следствие той роли, которую играет обороняющийся, а отсюда сложился неразумный принципиальный взгляд на оборону, будто сражения, которые она дает, должны быть направлены лишь на отражение противника, а не на его уничтожение. Мы смотрим на такой взгляд, как на одно из самых вредных заблуждений, как на подлинное смещение формы с самим делом, и безусловно утверждаем, что в той форме ведения войны, которую мы называем обороной, победа не только вероятнее, но она может приобрести такие же размеры и следствия, как и при наступлении; это относится не только к суммарному результату всех боев, составляющих кампанию, но и к каждому отдельному сражению при наличии достаточных сил и воли.

Глава 10. Крепости

Раньше, вплоть до появления больших постоянных армий, крепости, т.е. замки и укрепленные города, имели единственным своим назначением защиту их обитателей. Рыцарь, теснимый со всех сторон, укрывался в свой замок, дабы выиграть время и выждать более благоприятный момент; города при помощи укреплений пытались отвлечь от себя проходящую мимо них грозную тучу войны. Но дело не остановилось на этом простейшем и естественном назначении крепостей; отношения, которые возникли между подобным пунктом, всей страной и армиями, воевавшими между собой в разных

местах страны, придали крепостям более широкое значение, проявившееся и за их стенами и в большей мере содействовавшее занятию страны или сохранению господства над ней, счастливому или несчастному исходу всей борьбы в целом; благодаря этому крепости сделались средством к тому, чтобы обратить войну в более связное целое. Таким путем крепости приобрели свое стратегическое значение, которое некоторое время считалось настолько важным, что крепости давали основное направление планам кампаний, сводившимся скорее к тому, чтобы захватить одну или

несколько крепостей, чем к уничтожению неприятельских сил. Большое внимание уделялось обоснованию значения крепостей, т.е. отношений укрепленных пунктов к местности и к армии; при определении тех пунктов, которые должны быть укреплены, считалось необходимым проявлять величайшую тщательность, тонкость и отвлеченное глубокомыслие. За этим отвлеченным определением стали почти совершенно забывать о первоначальном назначении крепостей, и таким образом возникла идея крепостей без городов и жителей[173].

С другой стороны, уже прошли те времена, когда простая укрепленная стена, без каких-либо иных военных сооружений могла оградить какое-нибудь населенное место от военного потока, разливавшегося по всей стране; эта возможность основывалась прежде отчасти на малых размерах тех государств, на которые делились тогда народы, отчасти на периодичности нападений того времени, которые, почти как времена года, имели свою определенную, крайне ограниченную продолжительность: или вассалы торопились разойтись по домам, или истощались деньги для оплаты кондотьеров. С тех пор, как крупные постоянные армии с их могучей артиллерией научились механически разрушать сопротивление стен и валов, у городов и других небольших общин пропала охота ставить на карту свои силы лишь для того, чтобы отсрочить захват их на несколько недель или месяцев, а затем быть подвергнутыми более суровой расправе. Еще менее могло входить в интересы армии дробить свои силы занятием многих укрепленных пунктов; оно, правда, задерживало до некоторой степени продвижение неприятеля, но в силу необходимости заканчивалось их сдачей. Во всяком случае, занимая крепости, нужно было оставлять себе столько сил, чтобы иметь возможность выступить против неприятеля в открытом поле, за исключением того случая, когда рассчитывали на подход союзника, который заставил бы противника снять осаду с наших крепостей и освободить наши войска. Таким образом, число крепостей должно было значительно сократиться; это также должно было от идеи непосредственной защиты имущества и жителей городов при помощи укрепления толкать к другой идее рассматривать крепости как косвенное средство обороны страны; такую роль они выполняют благодаря своему стратегическому значению, как узлы, связывающие стратегическую ткань.

Таков был ход идей не только в книгах, но и в практической жизни; правда, в книгах, как обычно, он развит более хитро.

Как ни необходимо такое направление дела, однако идеи завели слишком далеко. Искусственность и мелочная игра вытеснили здоровое ядро естественной и крупной потребности. Лишь эти простые крупные потребности мы будем иметь в виду при перечислении целей устройства крепостей и тех требований, которым они должны удовлетворить, при этом мы будем переходить от более простых к более сложным вопросам и в следующей главе ознакомимся с выводами относительно местоположения и числа крепостей.

Совершенно очевидно, что значение крепости складывается из двух различных элементов: пассивного и активного. Первым она охраняет занимаемую ею площадь и все, что на ней содержится; вторым она оказывает на окрестности известное влияние, простирающееся и за пределы сферы огня ее орудий.

Этот активный элемент сводится к наступательным действиям, которые гарнизон ее может предпринимать против всякого неприятеля, приблизившегося к ней на известное расстояние. Чем больше гарнизон, тем больше могут быть отряды, выдвигаемые из крепости с этой целью, а чем больше эти отряды, тем дальше они, как общее правило, могут выдвигаться. Отсюда следует, что район активного воздействия большой крепости не только интенсивнее, но и шире по своим размерам, чем район малой крепости. Но и сам активный элемент состоит некоторым образом из двух частей, а именно: из предприятий самого гарнизона и из предприятий, которые могут совершать другие крупные или мелкие отряды, не входящие в состав гарнизона, но связанные с крепостью. Отдельные

отряды, слишком слабые, чтобы самостоятельно противостоять неприятелю, получают возможность благодаря защите, которую они в случае нужды смогут найти за стенами крепости, удерживаться в данной местности и до некоторой степени господствовать над ней.

Предприятия, которые может себе позволить гарнизон, довольно ограничены. Даже в больших крепостях с сильным гарнизоном отряды, которые могут быть выделены для активных действий, большей частью бывают немногочисленны по сравнению с вооруженными силами, действующими в открытом поле, а диаметр района их действий редко оказывается больше двух переходов. Если же крепость невелика, то выдвигаемые ею отряды будут совершенно незначительны и район их действий по большей части ограничится соседними деревнями. Но отряды, не входящие в состав гарнизона и, следовательно, не обязанные непременно возвращаться в крепость, оказываются гораздо менее связанными; посредством таких отрядов активная сфера действия крепости при прочих благоприятных условиях может быть значительно расширена. Отсюда следует, что, когда мы говорим вообще об активном воздействии крепостей, то должны иметь в виду по преимуществу такие отряды.

Но и самая незначительная активная деятельность самого слабого гарнизона все же может оказаться весьма существенной для всех назначений, которые должны выполнять крепости. Строго говоря, даже самые пассивные из всех видов деятельности крепости (оборону против атаки) нельзя мыслить без такой активной деятельности. Между тем бросается в глаза, что при различных назначениях, какие крепость вообще или в отдельные моменты может выполнять, одни требуют в большей мере пассивной деятельности, другие преимущественно активной. Эти назначения частью просты, - и в таком случае воздействие крепости имеет непосредственный характер, - частью же они являются сложными, - и тогда воздействие крепости является более или менее косвенным. Мы намерены переходить от первых к последним, но предупреждаем, что одна и та же крепость может выполнять несколько и даже все перечисленные ниже назначения одновременно или в различные моменты.

Итак, мы утверждаем, крепости представляют крупную и превосходную опору для обороны, а именно:

1. Как обеспеченные склады. Наступающий в течение наступления живет изо дня в день, обороняющийся обычно должен задолго изготовиться, поэтому он не может черпать средства продовольствия из района, в котором располагается и который он в общем склонен щадить; поэтому склады для него крайне необходимы. Всякого рода запасы, которыми располагает наступающий, остаются позади на пути его продвижения и, таким образом, ускользают от опасностей театра войны; между тем запасы обороняющегося находятся под угрозой. Если эти запасы всякого рода не размещены в укрепленных местах, то они непременно окажут вредное влияние на деятельность в открытом поле, и часто необходимость прикрытия их обусловит занятие самых искусственных и растянутых позиций.

Обороняющаяся армия, лишенная крепостей, имеет сотни уязвимых мест, она представляет тело без панциря.

2. Как обеспечение крупных богатых городов. Это назначение весьма близко к предыдущему, ибо большие и богатые города, в особенности торговые центры, представляют собой для армии естественные склады; в качестве таковых обладание ими или утрата затрагивает армию непосредственно. Кроме того, всегда стоит сохранить эту часть государственного достояния, отчасти из-за тех сил, которые оттуда косвенно черпаются, отчасти потому, что обладание крупным населенным центром ложится серьезным грузом на чашу весов при заключении мира.

Такое назначение крепостей в последнее время недостаточно оценивалось, а между тем оно - одно из самых естественных, действующих самым могучим образом и подверженных наименьшему числу ошибок. Если бы существовала такая страна, где не только все крупные богатые города, но и все населенные места были бы укреплены и защищались своими жителями и окрестными крестьянами, то в этой стране быстрота хода войны была бы столь ослаблена, а подвергшийся нападению народ оказал бы давление на чашу весов такой крупной частью всех усилий, на которые он способен, что талант и сила воли неприятельского полководца оказались бы окончательно подавленными.

Мы упоминаем о таком идеале укрепления страны лишь для того, чтобы вызвать справедливую оценку вышеупомянутого назначения крепостей и чтобы важность непосредственной защиты, которую они дают, ни на одно мгновение не упускалась из виду, впрочем, это представление не противоречит нашему разбору, ибо среди всех городов всегда найдется несколько таких, которые, будучи укреплены сильнее, чем остальные, должны рассматриваться как подлинные опорные пункты вооруженных сил. Обе задачи, указанные в пунктах 1 и 2, требуют почти исключительно пассивного воздействия крепостей.

3. Как замки в собственном смысле этого слова. Они являются заставами на дорогах, а большей частью и на реках, где они расположены.

Не так то легко, как обыкновенно думают, найти проезжую проселочную дорогу, которая обходила бы крепость; такой обходный путь должен не только находиться вне сферы орудийного огня крепости, но и проходить в более или менее значительном удалении от нее с учетом возможных вылазок.

Если местность сколько-нибудь трудно проходима, то часто малейшее отклонение от проезжей дороги связано со значительным промедлением, обходящимся в целый дневной переход, что может иметь огромное значение при многократном пользовании дорогой[174].

Каким образом крепости влияют на операции преграждением судоходства по рекам, ясно само собой.

4. Как тактические опорные пункты. Так как диаметр района, действительно обстреливаемого орудиями мало-мальски крупной крепости, уже достигает размеров нескольких часов ходьбы, а сфера наступательных действий крепости во всяком случае еще шире, то крепости представляют собою наилучшие опорные пункты для флангов позиций. Озеро длиною в несколько миль, конечно, может служить превосходным опорным пунктом, однако крепость умеренной величины представляет большие преимущества. Нет необходимости фланг позиции дотягивать до непосредственной близости к крепости, ибо наступающий, опасаясь за свой путь отступления, не решится проникнуть в промежуток между флангом и крепостью

5. Как этапные пункты[175]. Если крепости расположены на коммуникационной линии обороняющегося, что по большей части и имеет место, то они являются удобными станциями для всего того, что продвигается по этой линии взад и вперед. Опасности, угрожающие коммуникационным линиям, заключаются, главным образом, в набегах, воздействие которых всегда сводится к коротким порывистым ударам. Если важный транспорт при приближении подобного набега может достигнуть крепости, ускорив свое движение или быстро свернув, то он спасен и спокойно выждет, пока опасность минует. Далее, вседвигающиеся взад и вперед эшелоны могут останавливаться в крепости на дневку, а затем нагонять, увеличивая последующие переходы. А им больше всего угрожает опасность как раз на дневках. Таким образом, коммуникационная линия в 30 миль длины делается в некотором роде короче наполовину, если посередине ее имеется крепость.

6. Как убежище для слабых и разбитых отрядов. Под прикрытием орудий не слишком малой крепости всякий отряд обеспечен от ударов неприятеля, даже если для него не устроено особого укрепленного лагеря[176]. Правда, такой отряд, если он хочет остановиться на более или менее продолжительное время, должен считаться с потерей своего пути отступления. Но бывают обстоятельства, когда подобная жертва представляется не чрезмерной, ибо дальнейшее отступление завершилось бы полным развалом.

Во многих случаях бывает возможно остановиться в крепости на несколько дней и не утрачивая возможности дальнейшего отступления. В особенности крепость является убежищем для опередивших разбитую армию легкораненых, рассеявшихся и пр.; здесь они могут выждать прибытия армии.

Если бы Магдебург находился в 1806 г. на прямой линии отступления прусской армии и если бы эта линия не была уже утрачена под Ауэрштедтом, прусская армия могла бы легко остановиться на три-четыре дня у этой большой крепости, собраться и вновь организовать. Но и в тех условиях, которые тогда имели место, она послужила сборным пунктом для остатков армии Гогенлоэ, которые

лишь там вновь стали реальным явлением.

Нужно самому пережить войну и получить непосредственное впечатление, чтобы составить себе ясное понятие о благотворном влиянии, оказываемое близостью крепостей, когда обстоятельства складываются неблагоприятно. В крепостях имеются порох и ружья, овес и хлеб, они дают кров больным, безопасность здоровым и возвращают самообладание уstraшенным. Они представляют собой гостеприимный дом в пустыне.

В последних четырех назначениях уже в несколько большей степени сказывается активное воздействие крепостей; это ясно само собой.

7. Как подлинный щит против неприятельского наступления. Крепости, которые обороняющийся оставляет перед собой, рассекают, как ледорезы[177], поток неприятельского наступления[178]. Неприятель должен по меньшей мере их блокировать, для чего ему нужно, если гарнизон деятелен и предприимчив, пожалуй, вдвое больше сил по сравнению с численностью гарнизона[179]. Кроме того, эти гарнизоны могут и должны в большинстве случаев состоять частью из войск, которые хотя и можно использовать в крепости, но которые неприменимы в открытом поле, а именно, из наполовину обученного ландвера, из полуинвалидов, вооруженных горожан, ландштурма и пр. Таким образом, неприятель, пожалуй, будет вчетверо больше ослаблен, чем мы.

Это несоразмерное ослабление неприятельских вооруженных сил представляет первую выгоду, которую нам дает своим сопротивлением осажденная крепость; но она - не единственная. С момента, когда неприятель минует линию наших крепостей, все его движения подвергаются гораздо большему стеснению; пути отступления его армии ограничены, и он постоянно должен заботиться о непосредственном прикрытии предпринятых им осад.

И здесь, следовательно, крепости оказывают могучее и решительное воздействие на акт обороны: на это назначение надо смотреть, как на важнейшее из всех тех, какие может иметь крепость.

Если, тем не менее, мы сравнительно редко встречаем в военной истории такое применение крепостей и отнюдь не замечаем, чтобы оно регулярно повторялось, то причина тому заключается в характере большинства войн, для которых это средство является чересчур решительным. Мы это выясним лишь в дальнейшем изложении[180].

При таком назначении крепости требования предъявляются, главным образом, к ее наступательной силе; из последней по меньшей мере вытекает влияние, оказываемое крепостью. Если бы крепость представляла для наступающего лишь пункт, который он не может занять, то, конечно, она могла бы служить для него помехой, но не в такой мере, чтобы он ощутил потребность осадить ее. Но так как наступающий не в состоянии оставить 6000, 8000 или даже 10000 человек хозяйничать и распоряжаться у себя в тылу, он должен окружить их соответственными силами, а для того, чтобы не быть вынужденным выделить эти силы на все время войны, он должен взять эту крепость, т.е. ее осадить. С момента приступа к осаде преимущественно выступает уже пассивное воздействие крепости.

Все до сих пор рассмотренные назначения крепостей выполняются довольно непосредственно простейшим образом. Напротив, при выполнении двух последующих назначений способ воздействия более сложен.

8. Как прикрытие растянутого квартирного расположения. Крепость средней величины преграждает доступ к расположенному позади нее квартирному району на фронте в 3-4 мили, это - простой результат ее существования; но каким образом на долю такой крепости может выпасть честь прикрывать квартирное расположение в 15-20 миль по фронту, о чем так часто гласит военная история, это требует, поскольку действительно имеет место, подробного разъяснения, а поскольку является иллюзией - опровержения.

Здесь надо принять во внимание следующие обстоятельства:

а) крепость сама по себе замыкает одну из главных дорог и действительно прикрывает местность

на 3-4 мили по фронту;

б) на крепость можно смотреть, как на необычайно сильное сторожевое охранение; она дает возможность весьма полного наблюдения местности, еще более усиливаемого агентурными данными, получение которых облегчается благодаря сношениям, существующим между значительным населенным центром и его районом; вполне естественно, что в городе с 6000, 8000 и 10000 жителей можно иметь больше сведений об окрестностях, чем в деревне, обычной стоянке сторожевых частей;

в) небольшие отряды могут опираться на крепость, находить у нее защиту и безопасность и время от времени могут продвигаться к неприятелю, чтобы добывать сведения, а если неприятель пройдет мимо крепости, то и для того, чтобы предпринять что-нибудь против его тыла; отсюда следует, что крепость хотя и не может сдвинуться со своего места, все же может выполнить роль выдвинутого вперед отряда (часть 5-я, глава VIII);

г) обороняющийся, сосредоточив свои войска, может сгруппировать их как раз позади крепости, так что наступающий не сможет проникнуть к его расположению без того, чтобы крепость не угрожала его тылу.

Конечно, всякое наступление, имеющее целью атаку квартирного расположения, надо понимать как нечаянное нападение; точнее говоря, здесь идет речь лишь об этой стороне наступления, причем само собой разумеется, что нечаянное нападение осуществляет свое воздействие в гораздо более краткий промежуток времени, чем действительное наступление на театр войны. Если в последнем случае крепость придется осадить или обуздать блокадой, то при простом нечаянном нападении на квартирное расположение это не явится столь же необходимым; следовательно, крепость не может в такой же мере ослабить наступающего. Это, конечно, истина; понятно также, что квартирные районы, удаленные от крепости на расстояние от 6 до 8 миль, непосредственно не защищаются ею; однако цель такого нападения заключается не в атаке квартир, отведенных нескольким частям. Лишь в следующей части труда, отведенной вопросам наступления, мы будем в состоянии обстоятельно указать, какую цель преследует такое нападение и чего от него можно ожидать; но, забегая вперед, мы уже теперь можем сказать, что главный его результат достигается не нападением на отдельные пункты расквартирования, а теми боями, которые наступающий навязывает разрозненным частям обороняющегося, находящимся не в надлежащем порядке, задача которых - торопиться к определенному пункту и которые не подготовлены для сражения. Но этот напор и движение по пятам должны быть всегда более или менее ориентированы против центра неприятельского расквартирования, а следовательно, значительная крепость, расположенная перед центром, несомненно явится большой помехой для наступающего.

Если мы вдумаемся в эти четыре пункта в их совокупном действии, то увидим, что значительная крепость, несомненно, прямым и косвенным образом обеспечивает некоторую безопасность гораздо большему протяжению расквартирования, чем может казаться на первый взгляд. Мы говорим: некоторую безопасность, ибо все эти косвенные воздействия делают продвижение неприятеля не невозможным, а только более трудным, более рискованным, а вследствие этого и менее вероятным и менее опасным для обороняющегося. Но это только и требуется в данном случае; только это и разумеется под прикрытием. Непосредственная безопасность в собственном смысле достигается сторожевым охранением и правильной организацией квартирного расположения.

Итак, способность более значительных крепостей прикрывать широкий фронт расположенного позади них квартирного района имеет под собой реальные основания, но вместе с тем нельзя отрицать и того, что в данном случае мы встречаемся в действительных военных планах, а еще более в исторических описаниях, с пустыми, бессодержательными выражениями или с иллюзорными представлениями. Такое прикрытия всецело зависит от взаимодействия нескольких обстоятельств, но и тогда создает лишь уменьшение опасности; поэтому ясно, что в отдельных случаях, - благодаря особым обстоятельствам и прежде всего благодаря смелости противника, - все это прикрытия может оказаться иллюзорным, а на войне нельзя довольствоваться тем, чтобы суммарно принимать на веру воздействие такой крепости; необходимо определенно продумать каждый конкретный случай.

9. Как прикрытия не занятой войсками области. Когда во время войны какая-нибудь область вовсе не занята войсками или занята незначительными силами и более или менее открыта для

неприятельских набегов, то на расположенную в ней значительную крепость смотрят, как на прикрытие или, если хотите, как на обеспечение этой области. Обеспечением она, безусловно, является, так как неприятель станет хозяином этой области не раньше, чем овладеет крепостью, и мы выгадаем время, чтобы поспешить для ее обороны. Прикрытие же можно мыслить лишь косвенно, понимая его не в подлинном смысле слова. Дело в том, что крепость может положить некоторый предел набегам неприятеля лишь своими активными действиями. Если последние ограничиваются деятельностью гарнизона, то их успех окажется незначительным; для этой цели гарнизоны крепости большей частью слишком слабы, да и состоят они преимущественно из одной пехоты, и притом не лучшего качества. Несколько большую реальность приобретает это понятие, если небольшие отряды будут действовать в связи с крепостью, которая явится для них опорным пунктом и убежищем.

10. Как центр вооружения народных масс. Продовольствие, оружие, огнестрельные припасы во время народной войны не могут быть предметом регулярных поставок; по самой природе такой войны приходится в этом отношении каждому изыскивать всевозможные способы; таким образом, открываются тысячи мелких источников средств сопротивления, которые в другое время остались бы неиспользованными. Однако вполне понятно, что значительная крепость, благодаря своим обширным запасам всех этих предметов, может придать народному сопротивлению больше силы и веса, больше связанности и последовательности.

Кроме того, крепость является убежищем для раненых, резиденцией правящих властей и казны, сборным пунктом для более значительных предприятий и т. д., наконец, ядром сопротивления, приводящим неприятельскую армию во время осады в состояние, облегчающее и поощряющее нападение взявшегося за оружие населения.

11. Для обороны рек и гор. Никогда крепость не выполняет столько задач, не берет на себя столько ролей, как в том случае, когда она расположена на берегу большой реки. Здесь она обеспечивает нашу переправу в любое время, препятствует переправе неприятеля на расстоянии нескольких миль в стороны, господствует над торговлей по всей реке, принимает в себя все суда, заграждает дороги и мосты и дает возможность защищать реку косвенным путем, а именно - путем занятия позиции на неприятельском берегу. Ясно, что этим многосторонним воздействием она в значительной мере облегчает оборону реки и должна рассматриваться как существенная часть этой обороны.

Подобное же значение имеют крепости в горах. Здесь крепости замыкают и открывают целые системы дорог, в узле которых они устраиваются; благодаря этому они господствуют над всем краем, через который тянутся эти горные дороги, и должны рассматриваться как истинные контрфорсы всей системы обороны.

Глава 10. Крепости (Продолжение)

Мы говорили о назначении крепостей, теперь перейдем к вопросу об их местоположении. На первый взгляд он представляется чрезвычайно запутанным, если вспомнить о множестве присущих крепостям назначений, из которых каждое может подвергнуться изменению вследствие условий местности; однако это опасение неосновательно, если мы будем придерживаться существа дела и избегать излишних тонкостей и ухищрений.

Ясно, что все эти требования будут одновременно удовлетворены, если в той области, которую следует рассматривать как театр войны, будут укреплены самые большие и богатые города на больших путях, соединяющих между собой оба государства; преимущество должно отдаваться портовым городам, а также городам, расположенным у морских заливов, на больших реках, в горах. Большие города и большие дороги всегда связаны между собою; та же естественная и многосторонняя связь существует между ними, большими реками и морским побережьем, так что эти четыре назначения легко совпадут, и между ними не явится противоречия; напротив, горы с ними не совпадают; в них редко можно встретить крупные города. Поэтому, если положение и направление горной цепи делают ее пригодной как оборонительную линию, то необходимо запереть проходящие через нее дороги и имеющиеся проходы небольшими фортами, сооружаемыми лишь для этой цели с возможно меньшей

затратой средств; крупные же крепостные сооружения должны быть предназначены для создания важных плацдармов на равнине.

Мы еще не учитывали направления границы, ничего не говорили о геометрическом начертании всей линии крепостей, а также и об остальных географических условиях их местоположения, так как мы смотрим на данные нами определения, как на самые существенные, и держимся того мнения, что во многих случаях, а именно в небольших государствах, их одних вполне будет достаточно. Разумеется, в странах с обширной территорией, которые обладают очень значительным числом городов и дорог или же, напротив, почти совершенно их лишены; которые или чрезвычайно богаты и, имея уже большое число крепостей, хотят соорудить новые, или же, наоборот, чрезвычайно бедны и вынуждены обходиться лишь немногими, - в этих случаях могут быть признаны необходимыми и другие определяющие основания, на которые мы и бросим теперь беглый взгляд.

Главные вопросы, которые еще остается рассмотреть, следующие:

- 1) какой путь должен быть выбран в качестве главного пути, если обе страны соединяются большим числом дорог, чем сколько хотят укрепить;
- 2) следует ли располагать крепости лишь близ границы или же надлежит их размещать по всей стране;
- 3) следует ли распределять крепости равномерно или группами;
- 4) каковы те географические условия местности, которые надлежит учитывать.

Многие другие вопросы, вытекающие из геометрического начертания линии крепостей, а именно: должны ли они располагаться в один ряд или в несколько рядов, т.е. более ли они действительны, когда стоят рядом, или же при расположении одна за другой; должны ли они размещаться в шахматном порядке или тянуться по прямой линии или по ломаной, образующей такие же исходящие и входящие углы, как линия огня самих укреплений, - все это представляется нам пустыми хитросплетениями, т.е. соображениями столь ничтожными, что соображения более важные их совершенно подавляют; мы упоминаем о них лишь потому, что в некоторых книгах не только говорится об этом жалком вздоре, но и придается ему чрезмерное значение.

Что касается первого вопроса, то, чтобы нагляднее себе его представить, возьмем лишь южную Германию по отношению к Франции, т.е. к верхнему течению Рейна. Если представить себе южную Германию как целое, укрепление которого должно быть определено стратегически безотносительно к отдельным государствам, то возникает большая неопределенность: от Рейна ведет множество великолепных шоссированных дорог внутрь Франции, Баварии и Австрии. Нет также недостатка и в городах, которые по своим размерам выделяются среди прочих, как, например, Нюрнберг, Вюрцбург, Ульм, Аугсбург, Мюнхен; но если укрепление всех их не входит в наши намерения, то необходимо произвести между ними выбор; далее, если согласно нашим взглядам считают за самое важное укрепить самые большие и богатые города, то все же нельзя отрицать, что при расстоянии, отделяющем Нюрнберг от Мюнхена, первый по сравнению со вторым будет находиться в совершенно иных стратегических условиях; отсюда можно задать себе еще один вопрос: не следует ли вместо Нюрнберга укрепить другой, менее значительный пункт, но лежащий ближе к Мюнхену?

Что же касается самого решения в подобных случаях, т.е. ответа на первый вопрос, то нам приходится отослать читателя к тому, что мы сказали в главе об общем плане обороны^[181] и о выборе направления для наступления. Там, где находится природное направление для вторжения^[182], там мы по преимуществу и поместим наши оборонительные сооружения.

Таким образом, из всех путей, идущих из неприятельской страны к нам, мы по преимуществу будем укреплять самый прямой, ведущий в сердце нашей страны, или же тот, который особенно облегчает операции неприятеля, так как пересекает плодородные провинции или тянется вдоль судоходной реки. Наступающий встретит тогда на своем пути эти укрепления; если же он попытается их обойти, то подставит обороняющемуся для естественного и выгодного воздействия свой фланг.

Вена - сердце южной Германии; по отношению к одной Франции (т.е. при условии нейтралитета Швейцарии и Италии) Мюнхен или Аугсбург в качестве главных крепостей имели бы, очевидно, больший смысл, чем Нюрнберг или Вюрцбург. А если еще принять во внимание и те пути, которые ведут из Швейцарии через Тироль и из Италии, то это станет еще более очевидным: для этих путей Мюнхен и Аугсбург по-прежнему сохраняют свое значение, в то время как Вюрцбург и Нюрнберг для них равны нулю.

Теперь обратимся ко второму вопросу, а именно: следует ли располагать крепости лишь вдоль границ или же их следует размещать по всей стране? Прежде всего отметим, что по отношению к небольшим государствам этот вопрос будет праздным, ибо то, что стратегически зовется границей, почти совпадает у них со всей страной. Но чем больше страна, о которой поднят вопрос, тем больше бросается в глаза необходимость дать на него ответ.

Естественным ответом будет указание на то, что место крепостей - на границе, ибо они должны защищать государство, а государство защищено до тех пор, пока защищены его границы. Это утверждение можно признать имеющим общее значение; однако оно подлежит значительным ограничениям, что будет видно из следующих замечаний.

Всякая оборона, рассчитывающая на внешнюю помощь, придает особое значение выигрышу времени; она не имеет в виду могучего контрудара и стремится к замедленному развитию хода события, в котором главную роль играет не столько ослабление противника, сколько выигрыш времени. Между тем, по самой природе вещей, при прочих равных условиях, крепости, разбросанные по всей стране, отделенные друг от друга большим пространством, могут быть взяты с большей затратой времени, чем сгруппированные тесным рядом на границе. Далее, во всех тех случаях, когда предполагается одолеть противника вследствие растянутости его сообщений и трудности его существования, - в странах, которые более всего могут рассчитывать на резкую реакцию, связанную с переходом от обороны к наступлению, было бы полным противоречием сосредоточивать оборону исключительно на границе. Если, наконец, принять во внимание, что укрепление столицы при малейшей к тому возможности составляет главную задачу [183]; что этого также требуют, согласно установленному нами принципу, главные города и главные торговые центры провинций; что реки, пересекающие страну, горы и другие местные рубежи представляют выгоды новых оборонительных линий, что многие города по своему удобному местоположению как бы сами требуют, чтобы их укрепили, наконец, что известные военные учреждения, как оружейные заводы и пр., выгоднее помещать внутри страны, чем на границе, а по своему значению они вполне заслуживают прикрытия их крепостными сооружениями, - то станет очевидным, что имеются основания - в одних случаях большие, в других меньшие - к тому, чтобы устраивать крепости внутри страны. Поэтому мы держимся мнения, что, хотя в государствах, обладающих большим числом крепостей, вполне благоразумно размещать их преимущественно на границе, все же было бы крупной ошибкой, если бы внутренность страны была совершенно их лишена. Мы, например, полагаем, что эта ошибка в значительной мере допущена во Франции. По этому поводу может справедливо возникнуть большое сомнение, когда пограничные провинции страны совершенно лишены больших городов и последние можно встретить лишь далеко позади, что, например, наблюдается в южной Германии: в Швабии почти вовсе нет больших городов, тогда как в Баварии их очень много. Мы не считаем возможным раз навсегда рассеять данное сомнение при помощи общих соображений и полагаем, что в таких случаях при решении вопроса надо руководствоваться особыми условиями данного конкретного случая, при этом мы обращаем внимание читателя на заключительное замечание настоящей главы.

Относительно третьего вопроса - следует ли располагать крепости группами или распределять их более равномерно - при внимательном рассмотрении можно заметить, что он возникает редко. Однако мы не хотим относить его на этом основании к числу бесполезных ухищрений. Группа, состоящая из двух, трех или четырех крепостей, удаленных от общего центра лишь на несколько переходов, придает этому пункту и армии, находящейся в нем, такую силу, что возникает великое искушение, если обстоятельства сколько-нибудь это позволяют, устроить у себя такой стратегический бастион.

Последний пункт касается остальных географических условий при выборе пункта под крепость. У моря, на берегах величайших или только крупных рек и в горах крепости оказываются имеющими вдвое большее значение, об этом мы уже говорили, так как это относится к числу основных соображений, влияющих на выбор пункта, но и сверх того остаются условия, которые приходится

учитывать.

Если крепость не может быть расположена на берегу большой реки, то лучше ее строить не вблизи реки, а на расстоянии 10 - 12 миль. Река рассекает и заграждает сферу воздействия крепости во всех отношениях, указанных нами выше[184].

Этого нельзя в той же мере сказать о горах, ибо последние не в такой степени, как реки, связывают движения мелких и крупных масс с отдельными пунктами (переправами - Ред.). Однако размещение крепостей на обращенной к неприятелю стороне гор невыгодно, так как прийти к ним на выручку представляется затруднительным. Когда они находятся по сю сторону гор, осада их для неприятеля крайне затруднена, ибо горы пересекают его коммуникационную линию. Напоминаем об осаде Ольмюца в 1758 г.

Легко понять, что большие непроходимые леса и болота представляют такие же условия, как и реки[185].

Нередко подымался также вопрос, выгодны или нет города, лежащие в очень трудно доступной местности, для устройства у них крепости. Так как их можно укрепить и защищать с меньшими затратами сил и так как при равных затратах они оказываются гораздо сильнее и часто совсем неприступными, а услуги, оказываемые крепостью, всегда носят более пассивный, чем активный, характер, то мы как будто вправе не придавать чрезмерного значения тому возражению, что их легко блокировать.

Если мы бросим еще раз взгляд на нашу столь простую систему укрепления страны, то будем вправе утверждать, что она покоится на крупных, устойчивых во времени и связанных с основами государства началах и отношениях; следовательно, в ней мы не встретим никаких признаков скоропреходящих, модных взглядов на войну, тонких стратегических измышлений, совершенно индивидуальных требований данного момента, что для крепостей, строящихся на 500 лет или даже на целое тысячелетие, представляло бы ошибку, влекущую за собой самые печальные последствия. Зильберберг в Силезии, построенный Фридрихом II на гребне Судетских гор, при совершенно изменившихся обстоятельствах утратил почти все свое значение; между тем Бреславль, если бы был и остался хорошей крепостью, при всех обстоятельствах сохранил бы свое значение как против французов, так и против русских, поляков и австрийцев.

Пусть читатель не забывает, что эти замечания выдвигаются нами не только на тот случай, когда государство заново обзаводится крепостями; тогда они являлись бы бесполезными, так как этот случай может встретиться лишь крайне редко или даже никогда; мы остановились на них, так как они полностью могут найти применение при устройстве каждой отдельной крепости.

Глава 12. **Оборонительная позиция**

Каждая позиция, на которой мы, принимая сражение, используем местность как средство защиты, есть позиция оборонительная. В данном случае безразлично, держимся ли мы более пассивного образа действий или более наступательного. Это вытекает из нашего общего воззрения на оборону.

Можно было бы так назвать и всякую позицию, на которой войска, двигаясь против неприятеля, были бы вынуждены принять сражение в случае неприятельской атаки. По существу большинство сражений так и происходило, а в течение всего средневековья об иных сражениях не было и речи. Громадное большинство позиций носит именно такой характер, но не о нем мы теперь намерены говорить; понятие позиции, в противоположность остановке войск на ночлег на марше[186], здесь достаточно для выяснения сути дела. Но позиция, обозначаемая особо как позиция оборонительная, должна представлять собой нечто иное.

Очевидно, при боевых столкновениях на обыкновенных позициях господствует понятие времени, обе армии идут одна против другой, чтобы встретиться, место - дело второстепенное, от него требуют лишь, чтобы оно было сколько-нибудь приемлемым. На настоящей же оборонительной

позиции является господствующим понятие места; решение должно произойти на этом именно месте, или точнее - по преимуществу посредством этого места. Лишь о такой позиции здесь будет идти речь.

Значение места здесь бывает двоякое: во-первых, оно будет заключаться в том влиянии, какое расположенные на нем силы будут оказывать на общее положение, а затем в том, что местоположение этих сил явится для них средством обороны и усиления; словом, место имеет значение стратегическое и тактическое.

Лишь из тактических свойств места, строго говоря, происходит выражение оборонительная позиция, ибо стратегические свойства, заключающиеся в том, что размещенные на этом месте вооруженные силы своим присутствием способствуют обороне страны, подойдут в той же мере и к наступательному образу действий.

Стратегическое значение позиции может быть раскрыто с полной ясностью лишь позднее, при рассмотрении вопроса об обороне театра войны; мы здесь о нем упомянем лишь в той мере, в какой это можно сделать теперь же. Предварительно нам надо точнее ознакомиться с двумя понятиями, имеющими между собой большое сходство и вследствие этого часто смешиваемыми, а именно: с обходом позиции и преследованием мимо нее.

Обход позиции относится к ее фронту и производится или с тем, чтобы напасть на позицию с фланга или даже с тыла, или же для того, чтобы перерезать путь отступления и коммуникационную линию.

Первое, т.е. нападение с фланга или с тыла, носит тактический характер. В наши дни, когда подвижность войск велика и все планы сражения более или менее ориентируются на обход и охватывающий бой, всякая позиция должна быть соответственно организована, а позиция, заслуживающая названия сильной, должна при сильном фронте обеспечить по меньшей мере возможность выгодных боевых комбинаций на флангах и в тылу, поскольку им угрожает опасность. Следовательно, обход с целью атаки позиции с фланга или тыла не сводит позицию к нулю; сражение, которое разовьется, будет связываться со значением позиции и должно доставить обороняющемуся те выгоды, какие он вообще мог рассчитывать получить от нее.

Если наступающий обходит позицию, нацеливаясь на путь отступления и коммуникационную линию, то это явится действием стратегическим; все будет зависеть от того, как долго позиция может выдержать этот нажим и нет ли средств превзойти противника в давлении на тыл, и то и другое зависит от положения позиции, т.е. главным образом от условий, в которых находятся сообщения обеих сторон. Хорошая позиция должна в этом отношении давать преимущества обороняющейся армии. Во всяком случае, и здесь позиция не сводится к нулю; напротив, противник, отнесшийся к ней таким образом, сам себя нейтрализует[187].

Но когда наступающий, не заботясь о присутствии сил, поджидающих его на оборонительной позиции, продвигается своими главными силами по другой дороге, то, преследуя свою цель, он проходит мимо позиции; если он может это сделать безнаказанно, то он на самом деле вынуждает нас поспешно покинуть нашу позицию, утрачивающую тогда всякое значение.

Нет почти ни одной позиции на свете, которую в буквальном смысле этого слова миновать было бы нельзя. Невозможность миновать позицию должна, следовательно, вытекать из того невыгодного положения, в которое наступающий себя поставит, пройдя мимо позиции. В чем именно заключаются невыгоды этого положения, мы будем иметь случай более обстоятельно пояснить в дальнейшем, в главе XXVII[188]; велики ли они или малы, во всяком случае эти невыгоды являются эквивалентом утраты тактического воздействия позиции; в задачу входят как тактическое воздействие на атакующего противника, так и постановка его в невыгодное положение при преследовании противника мимо.

Из вышесказанного вытекают два стратегических свойства, требуемые от оборонительной позиции:

- 1) чтобы мимо нее нельзя было пройти;

2) чтобы в борьбе за сообщения она давала преимущество обороняющемуся.

К этому надо добавить еще два следующих стратегических свойства:

3) чтобы соотношение коммуникационных линий выгодно влияло на оформление боя и

4) чтобы общее влияние местности было выгодным.

Дело в том, что соотношение коммуникационных линий не только влияет на возможность пройти мимо позиции или отрезать противнику подвоз продовольствия, но и на весь ход сражения. Отходящий в косом направлении путь отступления облегчает наступающему тактический обход и связывает наши тактические передвижения в ходе сражения. Косое по отношению к коммуникационной линии расположение войск является часто не виной тактики, а следствием недостатков позиции как стратегического пункта: его, например, совершенно невозможно избежать, когда ведущая в тыл дорога меняет свое направление в районе позиции (Бородино, 1812 г.); в таком случае наступающий находится в направлении, ведущем в обход нас, и при этом сам сохраняет перпендикулярное расположение к своим сообщениям.

Далее наступающий, - если он располагает для своего отступления многими дорогами, тогда как мы ограничены лишь одной, - обладает также преимуществом гораздо большей тактической свободы. В таких случаях тактическое искусство обороняющегося напрасно будет пытаться преодолеть невыгодное влияние, оказываемое стратегическими условиями[189].

Что же касается, наконец, четвертого пункта, то различные условия местности могут в своей сумме оказать столь невыгодное воздействие, что даже самый тщательный выбор и самое целесообразное применение тактических мероприятий окажутся бессильными. Отметим главнейшие обстоятельства:

1. Обороняющийся должен прежде всего добиваться преимущества над противником в обзоре и иметь возможность в пределах своей позиции быстро передвигать свои силы, чтобы на него броситься. Лишь там, где доступ наступающему затруднен рельефом и где налицо оба вышеуказанные условия, местность действительно благоприятствует обороняющемуся.

Напротив, невыгодными являются пункты, находящиеся под воздействием командующей над ними местности; далее - большинство горных позиций (о чем мы будем еще говорить особо в главах о войне в горах); затем - позиции, примыкающие флангом к горам: хотя такое положение и затрудняет противнику движение мимо позиции, зато облегчает ее обход, также невыгодными будут позиции, имеющие вблизи перед собой горы; невыгодными будут и другие свойства, о которых можно заключить из вышеупомянутых требований к местности.

Обратным этим невыгодным условиям явится случай, когда позиция имеет в своем тылу горы; отсюда вытекает столько выгод, что в общем можно признать такое положение за одно из наиболее благоприятных для оборонительной позиции.

2. Местность может в большей или меньшей степени соответствовать характеру армии и ее составу. Большой перевес в кавалерии с полным основанием заставляет нас искать позицию на открытой местности. Недостаток в этом роде войск, а пожалуй, и в артиллерии, при наличии пехоты, обладающей боевым опытом, знающей местность и воодушевленной энергией, подсказывает выбор трудной пересеченной местности.

Здесь нам не приходится подробно говорить о тактическом соотношении между местными условиями оборонительной позиции и вооруженными силами, нас интересует лишь общий вывод, так как он один представляет стратегическую величину.

Бесспорно, позиция, на которой армия хочет выждать до конца наступления неприятеля, должна предоставлять ей значительные выгоды; позиция должна быть такова, чтобы на нее можно было смотреть как на множитель сил армии. Где природа сделала многое, но все же недостаточно по сравнению с нашими пожеланиями, там приходит нам на помощь фортификационное искусство. При

его содействии часто удается сделать отдельные участки совершенно неприступными; ничего необыкновенного не будет, если и вся позиция окажется таковою. Очевидно, что в последнем случае вся природа мероприятия меняется. Теперь уже мы не ищем сражения в благоприятных условиях, а в этом сражении - успеха всей кампании; мы добиваемся успеха без боя. Располагая свои силы на неприступной позиции, мы просто отказываемся от сражения и вынуждаем противника искать решения иным способом.

Таким образом, мы должны совершенно отделить друг от друга оба случая и поговорим о последнем из них в следующей главе под заглавием "Крепкие позиции и укрепленные лагеря".

Та оборонительная позиция, о которой мы здесь говорим, должна быть не чем иным, как полем сражения, представляющим повышенные для нас выгоды; и для того, чтобы она стала полем сражения, благоприятствующие нам условия не должны быть доведены до чрезмерности. До какого же предела может быть доведена сила такой позиции? Очевидно, она должна быть тем сильнее, чем больше у нашего противника решимости атаковать; таким образом, ответ заключается в оценке данного конкретного случая. Когда перед нами Бонапарт, мы можем и должны отойти за более сильное прикрытие, чем когда имеем дело с каким-нибудь Дауном или Шварценбергом.

Если отдельные части позиции неприступны, например, фронт, то на это надо смотреть, как на частичный фактор ее силы в целом, ибо те войска, которые не требуются в этих пунктах, можно применить на других участках. Но нельзя упускать из виду того обстоятельства, что раз неприятель окажется совершенно бессильным против этих неприступных участков, то форма его наступления приобретает совершенно иной характер, и надо еще дать себе отчет, будет ли отвечать такое изменение нашим интересам.

Например: расположиться за значительной рекой настолько близко, что она может рассматриваться как преграда, усиливающая наш фронт (что порой и имело место), означает не что иное, как сделать реку опорным пунктом для нашего левого или правого фланга; противник, естественно, окажется вынужденным переправиться через реку правее или левее и атаковать, совершив захождение фронтом; таким образом, главный вопрос будет заключаться в том, какие это принесет нам выгоды или невыгоды.

На наш взгляд, оборонительная позиция тем больше будет приближаться к своему идеалу, чем труднее разгадать ее действительную силу и чем больше мы будем иметь случаев поразить противника внезапностью наших боевых комбинаций. В той же мере, в какой необходимо скрывать от неприятеля количество и направление наших сил, мы должны скрывать от него и те выгоды, которые мы предполагаем извлечь из характера местности. Правда, здесь можно достигнуть лишь известного предела, и притом требуются особые, еще мало изведенные приемы.

Близость значительной крепости, в каком бы направлении она ни находилась, доставляет позиции огромное преимущество над противником в свободе передвижения и использования своих сил; целесообразным применением полевых укреплений можно возместить недостаток природной силы отдельных пунктов; этим путем можно по произволу заранее очертить основные линии предстоящего боя. Таковы средства усиления, которые нам дает искусство. Если к этому присоединить удачный выбор препятствий, образуемых местностью и могущих затруднить действия неприятельских сил, но не делающих их невозможными; если мы будем стараться извлечь все выгоды из тех обстоятельств, что мы подробно знакомы с полем сражения, а неприятель нет, что мы имеем возможность лучше скрыть наши мероприятия, чем он свои, и что вообще с началом боя превосходство в средствах внезапности будет находиться на нашей стороне, - то из всех этих отдельных условий может возникнуть подавляющее, решительное влияние местности, под мощью которого неприятель будет изнывать, и притом так, что даже и не узнает истинной причины своего поражения. Вот что мы разумеем под оборонительной позицией, представляющей одно из главных преимуществ оборонительной войны.

Безотносительно к каким-либо особым обстоятельствам можно признать, что волнообразная, не слишком сильно, но и не чересчур слабо возделанная и застроенная местность представляет лучшие позиции такого рода.

Глава 13. Крепкие позиции и укрепленные лагеря

В прошлой главе мы указали, что позиция, настолько естественно сильная и хорошо укрепленная, что ее следует признать неприступной, совершенно утрачивает значение выгодного поля сражения и, следовательно, получает другой смысл. В настоящей главе мы рассмотрим ее особенности; так как по своей природе она близка к крепости, то мы назовем ее крепкой позицией.

Не так легко создать такую позицию одним возведением укреплений разве лишь в виде укрепленного лагеря при крепости, еще реже встретятся природные крепкие позиции, образованные естественными преградами. Нужна комбинация удачных природных условий и фортификационного искусства. Такие позиции часто называют укрепленными лагерями или укрепленными позициями, между тем последнее название может подойти ко всякой позиции, на которой возведено большее или меньшее количество укреплений, но которая, однако, не имеет ничего общего с характером той позиции, о которой в данном случае идет речь. Смысл крепкой позиции сводится к тому, чтобы сделать группирующиеся на ней вооруженные силы как бы неуязвимыми; посредством этого можно или действительно защитить непосредственным образом известное пространство, или же защитить только вооруженные силы, расположенные на крепкой позиции, дабы посредством них косвенным образом оказать защищающее страну воздействие. Первое значение имели укрепленные линии в прежних войнах, например, на границе Франции, второе - обращенные фронтами во все стороны, расположенные у крепостей укрепленные лагеря.

Когда фронт позиции настолько укреплен окопами и искусственными препятствиями, что атака на него становится невозможной, неприятель вынуждается к обходу его, дабы предпринять атаку с фланга или с тыла. Чтобы затруднить такие действия, старались отыскать опорные пункты, на которые фланги этих укрепленных линий могли бы в достаточной мере опираться; таковыми опорами являлись, например, Рейн и Вогезы в Эльзасских линиях. Чем длиннее фронт укрепленной линии, тем легче обеспечить ее от обхода, ибо каждый обход сопряжен для обходящего с известной опасностью, повышающейся соответственно с увеличением необходимого отклонения от первоначального направления его сил. Таким образом, фронт значительной длины, который удалось сделать неприступным, и хорошие опорные пункты давали возможность непосредственно защищать от неприятельского вторжения значительное пространство, по крайней мере, такова была точка зрения, послужившая основанием для создания подобных сооружений; таково было значение линий в Эльзасе, опиравшихся правым крылом на Рейн, а левым - на Вогезы, и Фландрских линий в 15 миль длины, опиравшихся правым флангом на Шельду и крепость Турнэ, а левым - примыкавших к морю.

Но если не имеется такого длинного и сильного от природы фронта и нет хороших опорных пунктов для флангов, а тем не менее требуется удержать за собой местность посредством укрепившихся вооруженных сил, то последние (и их позиция) для ограждения себя от обхода должны иметь возможность поворачивать фронт в любом направлении. При этом, однако, исчезает понятие действительно прикрытого пространства, ибо такая позиция стратегически может рассматриваться лишь как точка, прикрывающая вооруженные силы и этим дающая им возможность удерживать за собой страну, т. е. удерживаться в стране. Такой лагерь обойти уже нельзя, т. е. на него нельзя напасть с фланга или с тыла как с более слабых его сторон, так как он обращен фронтом во все стороны и всюду одинаково силен, но пройти мимо такого лагеря возможно, и притом гораздо легче, чем мимо укрепленной линии, ибо он имеет лишь незначительное протяжение.

Укрепленные лагеря, расположенные у крепостей, принадлежат к этому второму виду, ибо их назначение - защищать сосредоточенные в них войска; но дальнейшее их стратегическое значение, определяемое применением укрытой в них вооруженной силы, несколько отличается от значения прочих укрепленных лагерей.

Указав порядок возникновения этих трех средств обороны, мы перейдем к рассмотрению их ценности и обозначим их следующими именами: укрепленные линии, крепкие позиции и укрепленные лагеря при крепостях.

1. Линии. Они являются самым пагубным видом кордонной системы обороны, препятствие, представляемое ими для наступающего, имеет известную ценность лишь тогда, когда оно защищается

сильным огнем, само же по себе оно ничтожно. Та растяжка армии, при которой еще сохраняется достаточная действительность огня, является по сравнению с протяжением страны крайне ограниченной. Поэтому укрепленные линии могут быть лишь весьма короткими и прикрывающими только небольшую часть страны, в противном случае войска окажутся не в состоянии действительно защищать все их протяжение. Отсюда возникла мысль не защищать все пункты такой линии, а лишь наблюдать за ними и оборонять эти линии при помощи расположенных позади резервов, подобно тому, как можно оборонять не слишком широкую реку, однако этот прием противоречит природе данного средства. Если естественные препятствия, образуемые местностью, так велики, что подобный способ обороны оказался бы возможным, то окопы были бы бесполезными и даже опасными, ибо этот способ обороны не местный[190], а окопы пригодны лишь для местной обороны; если же смотреть на укрепления, как на главные препятствия доступу, то само собой понятно, как мало значения могут иметь в качестве преграды необороняемые окопы. Что может значить ров в 12 или хотя бы в 15 футов глубины и вал в 10 - 12 футов высоты против сосредоточенных усилий многих тысяч людей, не встречающих помехи от огня противника? В результате получается, что такие линии, если они были короткими и, значит, занимались относительно сильно, подвергались обходу; если же они были растянуты и недостаточно сильно заняты, то их атаковали с фронта и овладевали ими без особого труда.

Так как подобные линии прикрывают войска в местной обороне и отнимают у них всякую подвижность, то они представляют крайне неудачное средство против предприимчивого противника. Если же они, тем не менее, довольно долго применялись даже в недавних войнах, то причина этого заключалась лишь в ослаблении стихии войны, когда кажущаяся трудность часто вызывает такие же результаты, как и действительная. Впрочем, в большинстве кампаний этими линиями пользовались лишь для второстепенной обороны против набегов; хотя они и приносили при этом некоторую пользу, все же надо иметь в виду, сколько можно было бы выполнить более полезных дел на других пунктах при помощи войск, требовавшихся для их обороны. В последних войнах о них, конечно, не могло быть и речи, да мы и не находим от них здесь даже следа, и сомнительно, чтобы они снова когда-либо возникли[191].

2. Позиции. Оборона известного района (этот вопрос будет более подробно рассмотрен в XXVII главе) продолжается до тех пор, пока предназначенные для этого вооруженные силы удерживаются в нем, и прекращается лишь с момента, когда они его покидают и предоставляют своей участи.

Таким образом, если вооруженные силы должны удерживаться в стране, на которую напал неприятель, располагающий большим превосходством сил, то средства к этому будут заключаться в том, чтобы оградить эти вооруженные силы от неприятельского меча посредством неприступной позиции.

Так как такие позиции, как мы уже говорили, должны образовывать фронт во всех направлениях, то при обычной тактической растянутости занимаемых войсками участков и не слишком больших силах (очень крупные силы, впрочем, противоречили бы самой природе данного случая) они могли бы занять весьма малое пространство, а таковое в течение боя подвергалось бы стольким неблагоприятным воздействиям, что, как бы эти позиции ни были усилены всевозможными фортификационными сооружениями, едва ли можно было бы рассчитывать на успешность сопротивления[192]. Поэтому такой лагерь, обращенный фронтом по всем направлениям, должен по необходимости иметь стороны более значительной длины; притом эти стороны должны быть почти неприступными. Но никакое фортификационное искусство не будет в силах придать им, несмотря на их протяженность, такую силу, откуда вытекает основная предпосылка устройства подобного лагеря: наличие естественных препятствий, делающих одни участки его обвода совершенно недоступными, другие же - труднодоступными. Таким образом, чтобы иметь возможность применить крепкую позицию как средство обороны, необходима наличность такой естественной позиции, а где ее нет, цель не может быть достигнута при помощи одних фортификационных сооружений. Эти выводы относятся, главным образом, к тактике, но крепкие позиции являются также действительным стратегическим средством: укажем на примеры Пирны, Бунцельвица, Кольс-берга, Торрес-Ведраса и Дриссы. Что касается стратегических свойств крепких позиций, то, разумеется, первым условием является обеспечение продовольствием размещенных в лагере войск на некоторое время, т.е. на тот период, в течение которого лагерь будет сохранять свое значение; это может быть достигнуто лишь в том случае, если позиция имеет в своем тылу гавань (Кольсберг и Торрес-Ведрас), или если она находится

в непосредственной связи с крепостью (Бунцельвиц и Пирна), или же если внутри или поблизости лагеря имеется большой склад провианта (Дрисса)[193].

Только в первом случае снабжение может быть обеспечено на неопределенное время; во втором же и в третьем случаях - лишь на более или менее ограниченный период, и в этом отношении всегда будет грозить известная опасность. Отсюда видно, что трудности снабжения продовольствием исключают возможность использовать как крепкую позицию множество сильных пунктов, которые в других отношениях были бы для этого весьма пригодны; это делает соответствующие пункты чрезвычайно редкими.

Дабы познакомиться с воздействием такой позиции, с сопряженными с нею выгодами и опасностями, мы должны задать вопрос: что может предпринять против нее наступающий?

а) Наступающий может пройти мимо такой крепкой позиции, продолжать свои операции и оставить для наблюдения за нею большее или меньшее число войск.

Здесь мы должны отметить различие между двумя случаями: когда укрепленная позиция занята главными силами и когда она занята отрядами второстепенного порядка.

В первом случае движение наступающего мимо крепкой позиции может явиться полезным для него лишь тогда, когда, помимо главных сил обороняющегося, у него имеется еще другой решающий объект наступления, например, овладение крепостью, столицей и т.п. Но и при наличии такого объекта он может стремиться достигнуть его лишь при условии, что прочность его базиса и положение коммуникационной линии обеспечивают его от опасности воздействия на стратегический фланг.

Если мы отсюда заключим о допустимости и действительности крепкой позиции для главной массы боевых сил обороняющегося, то это окажется правильным или тогда, когда воздействие на стратегический фланг наступающего весьма решительно и можно заранее быть уверенным, что наступление удастся задержать раньше, чем оно достигнет опасного для обороны развития, или тогда, когда вовсе отсутствуют достижимые для наступающего объекты, за которые обороняющемуся приходилось бы опасаться. Если такой объект существует и угроза флангу наступающего недостаточно серьезна, то позицию или вовсе не нужно удерживать, или можно попытаться удержать ее лишь в виде опыта или для вида: может быть, противник захочет посчитаться с ее значением; однако при этом всегда будет грозить опасность, что если это не будет иметь места, то войска обороняющегося уже не успеют явиться на защиту угрожаемого объекта.

Если сильная позиция занята лишь отрядом второстепенного порядка, то у наступающего никогда не будет недостатка в другом объекте наступления, ибо таковым могут быть главные силы противника; в этом случае значение позиции ограничивается тем воздействием, какое она может оказать на стратегический фланг неприятеля, следовательно, оно будет связано с условиями воздействия на неприятельские сообщения,

б) Наступающий может, не решаясь пройти мимо позиции, полностью блокировать ее и принудить посредством голода к сдаче. Но это требует наличия двух условий: первое - чтобы у позиции не было свободного тыла и второе - чтобы наступающий был достаточно силен для полного окружения.

Если оба эти условия будут наличию, то хотя наступающие силы и окажутся в течение некоторого времени нейтрализованными укрепленным лагерем, но за эту выгоду обороняющийся заплатит потерей собранных в лагере вооруженных сил.

Отсюда следует, что прибегать к такому мероприятию, как занятие главными силами крепкой позиции, можно лишь в следующих случаях:

- когда имеется вполне обеспеченный тыл[194] (Торрес-Ведрас);

- когда можно предвидеть, что превосходство сил противника явится недостаточным для того, чтобы полностью блокировать наш лагерь; если неприятель при недостаточном превосходстве сил все

же попытался бы это сделать, то мы оказались бы в состоянии выйти с успехом из лагеря и разбить его по частям;

- когда можно рассчитывать на выручку, как это ошибочно допустили саксонцы в 1756 г. в Пирне и как это в действительности оправдалось в 1757 г. после сражения под Прагой; на самую Прагу надо смотреть, как на укрепленный лагерь, в котором принц Карл не дал бы себя окружить, если бы не знал, что его может освободить моравская армия.

Таким образом, одно из этих трех условий совершенно необходимо, чтобы оправдать занятие главными силами крепкой позиции; и все же мы должны согласиться, что последние два условия связаны с крупным риском.

Но когда речь идет о второстепенном отряде, которым в крайнем случае можно и пожертвовать для блага целого, то эти условия отпадают, и вопрос сводится лишь к тому, действительно ли такой жертвой предотвращается еще большее зло. Это, правда, имеет место редко, но невозможным признать такой случай нельзя. Укрепленный лагерь под Пирной помешал Фридриху Великому осуществить свое вторжение в Богемию еще в 1756 г. Австрийцы находились тогда в состоянии такой неготовности, что потеря Богемского королевства[195] представлялась несомненной, а с этим, вероятно, была бы сопряжена большая потеря людей, чем те 17 000 союзников, которые капитулировали в лагере под Пирной.

в) Если наступающему не представляется ни одной из возможностей, указанных в пунктах "а" и "б", и, следовательно, условия, выставленные нами в данном случае для обороняющегося, выполнены [196], то, конечно, наступающему остается только остановиться перед позицией, распространиться при помощи выделенных отрядов возможно шире по стране, довольствоваться мелкими, не решающего значения выпадами и предоставить будущему подлинное решение вопроса о владении данной областью. В этом случае позиция выполнила свою задачу.

3. Укрепленные лагеря при крепостях. Как мы уже сказали, они принадлежат в общем к классу крепких позиций, поскольку их задача - не прикрывать территорию, а защищать вооруженные силы от неприятельской атаки; они отличаются от двух предшествующих видов лишь в том отношении, что вместе с крепостью составляют одно нераздельное целое, благодаря чему, конечно, приобретают гораздо большую силу.

При этом выявляются еще следующие особенности:

а) Они могут иметь еще особое назначение: или сделать осаду крепости совершенно невозможной, или же крайне затруднить ее. Ради этой цели можно пожертвовать значительным числом войск, если крепость является гаванью, которую блокировать нельзя; во всех же других случаях можно опасаться, что укрепленный лагерь падет вследствие голода слишком рано, чтобы оправдать пожертвование значительным числом войск.

б) Укрепленные лагеря при крепостях могут быть устроены для меньшего количества войск, чем в открытом поле. 4000-5000 человек под стенами крепости могут оказаться непобедимыми, в то время как в открытом поле они, несомненно, погибли бы даже в самом сильно укрепленном лагере, какой только может существовать.

в) Они могут служить для сбора и завершения подготовки вооруженных сил, еще не обладающих достаточной внутренней спайкой, чтобы их можно было поставить в соприкосновение с неприятелем без защиты крепостных валов, например, новобранцев, ландвера, ландштурма и т.д.

Таким образом, укрепленные лагеря при крепостях могли бы представить собой разностороннее полезное средство, заслуживающее настойчивой рекомендации, если бы не были связаны с существенной невыгодой: они более или менее вредят крепости, если не представляется возможности занять их войсками; снабжать же всегда крепость таким гарнизоном, которого сколько-нибудь хватало бы и на такой укрепленный лагерь, чрезвычайно трудно.

Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы рекомендовать их устройство лишь в приморских

крепостях, а в остальных случаях считать их скорее вредными, чем полезными.

В заключение, чтобы охватить общим резюме наше мнение, мы скажем, что крепкие позиции и укрепленные лагеря:

- 1) тем необходимее, чем меньше страна и чем меньше у обороняющегося пространства для отступления;
- 2) тем менее опасны, чем вернее можно рассчитывать на помощь и выручку, будь то со стороны других сил, или же наступления сурового времени года, или народного восстания, или лишений в армии наступающего и пр.;
- 3) тем действительнее, чем слабее стихийная сила неприятельского натиска.

Глава 14. **Фланговые позиции**

А лишь для того, чтобы в нашем труде было легче отыскать это столь выдающееся в обычном обиходе военных идей понятие, мы, по примеру словарей, отводим ему отдельную главу, не думая при этом, чтобы под ним разумелось нечто самостоятельное.

Всякая позиция, которая должна удерживаться даже в том случае, когда неприятель следует мимо нее, представляет собою фланговую позицию, ибо с того момента, как противник проследовал мимо, она не может оказывать никакого иного воздействия, кроме воздействия на стратегический фланг противника. Отсюда все крепкие позиции в то же время являются и фланговыми позициями, так как, ввиду невозможности их атаковать и необходимости для неприятеля их миновать, вся ценность этих позиций сводится лишь к их воздействию на его стратегический фланг. Тянется ли действительный фронт крепкой позиции параллельно стратегическому флангу неприятеля, как под Кольсбергом, или перпендикулярно, как в Бунцельвице и Дриссе, - совершенно безразлично, ибо крепкая позиция должна быть готова обратить фронт в любую сторону.

Но можно удерживать за собой позицию, и не являющуюся неприступной, при проследовании неприятеля мимо нее, если только ее положение предоставляет такие преимущества в отношении путей отступления и коммуникационных линий, что можно произвести успешное нападение на стратегический фланг продвигающегося вперед противника и при этом последний, имея под угрозой свои сообщения, не будет в силах полностью отрезать нам пути отступления. При отсутствии последнего обстоятельства мы рисковали бы быть вынужденными к сражению, имея отрезанными пути отступления, так как наша позиция не является крепкой, т. е. неприступной.

Кампания 1806 г. поясняет нам это примером. Расположение прусской армии на правом берегу р. Заалы могло бы вполне обратиться по отношению к продвижению Бонапарта через Гоф в позицию фланговую, если бы пруссаки повернулись фронтом к Заале и в этом положении выжидали дальнейших событий.

Если бы в данном случае не было несоответствия физических и моральных сил и если бы во главе французских войск стоял генерал вроде Дауна, то прусская позиция блистательно оправдала бы себя. Пройти мимо нее было совершенно невозможно, что признал сам Бонапарт, решив ее атаковать; при этом самому Наполеону не удалось полностью отрезать линию отступления. При меньшем несоответствии моральных и физических сил было бы столь же невозможно отрезать путь отступления с позиции, как и пройти мимо нее, ибо поражение левого крыла прусской армии грозило ей гораздо меньшей опасностью, чем угрожало бы французской армии поражение ее левого крыла. Даже при несоответствии моральных и физических сил решительное и обдуманное командование давало бы еще большие надежды на победу. Ничто не мешало герцогу Брауншвейгскому 13-го принять такие меры, чтобы на рассвете 14-го противопоставить свои 80 000 человек тем 60 000 человек, которые Бонапарт перевел через Заалу у Йены и Дорнбурга. Если бы этого превосходства сил и крутых берегов долины Заалы в тылу французов и не оказалось достаточным, чтобы дать решительную победу, все же следовало ожидать, что исход боев сам по себе будет вполне удовлетворительным; а если и в этой обстановке нельзя было добиться счастливого исхода, то, значит, вообще следовало отложить мысль о

любых решительных действиях в этом районе и надлежало отступить далее, чтобы этим усилить себя и ослабить противника.

Таким образом, хотя прусская позиция на Заале и не являлась неприступной, она все же могла рассматриваться как фланговая по отношению к пути, проходившему через Гоф; однако, как всякая позиция, доступная атаке, она не имела в абсолютной степени свойства фланговой позиции, ибо становилась таковой лишь при условии, что неприятель не решится ее атаковать.

Еще менее отвечало бы ясному представлению о фланговой позиции расположение, не могущее быть удержанным, если неприятель будет следовать мимо. Одно лишь то обстоятельство, что обороняющийся может напасть на войска наступающего сбоку, не дает права называть такое расположение фланговой позицией, потому что фланговая атака имеет мало связи собственно с самой позицией; она, по меньшей мере в главном, не проистекает из ее свойств, как то имеет место при воздействии на стратегический фланг.

Отсюда следует, что относительно свойств фланговой позиции не приходится устанавливать что-либо новое. Здесь будет уместно сказать лишь несколько слов о характере этого мероприятия; при этом мы вовсе не будем иметь в виду крепких позиций в собственном смысле, о которых было сказано уже достаточно.

Фланговая позиция, не являющаяся неприступной, представляет собою весьма действительное, но поэтому-то и крайне опасное орудие. Если наступающий поддается ее чарам и остановится, то мы достигнем крупного результата с незначительной затратой сил; это будет подобно давлению, оказываемому мизинцем на длинный рычаг строгого мундштука. Но если действие окажется слишком слабым и не сможет пригвоздить наступление противника, то обороняющийся окажется пожертвовавшим в большей или меньшей степени своим отступлением и будет вынужден или попытаться поспешно ускользнуть кружными путями, - следовательно, в крайне неблагоприятных условиях, - или же подвергнуться риску сражаться без пути отступления. Против отважного, обладающего моральным превосходством противника, ищущего решительной схватки, это средство является в высшей степени рискованным и совершенно неуместным, как было отмечено нами на примере 1806 г. Наоборот, против осторожного неприятеля и в войнах, имеющих характер взаимного наблюдения, оно может служить одним из лучших средств, могущих быть использованными талантом обороняющегося. Примерами могут служить оборона реки Везера герцогом Фердинандом[197] при помощи позиции на левом берегу и известные позиции при Шмотзейфене и Ландсгуте, - хотя, правда, последний случай иллюстрирует всю опасность неправильного применения этого средства катастрофой корпуса Фукэ в 1760 г.

Глава 15. Оборона в горах

Влияние, оказываемое горами на ведение войны, чрезвычайно велико; следовательно, этот вопрос весьма важен для теории. Поскольку же это влияние вводит задерживающее начало в военные действия, оно прежде всего относится к обороне; поэтому мы рассмотрим его здесь, но не будем ограничиваться узкими пределами понятия обороны в горах. Так как при рассмотрении этого вопроса мы приходим к выводам, противоречащим во многих отношениях общепринятому мнению, то нам придется войти в некоторые подробности.

Прежде всего рассмотрим тактические свойства обороны в горах, дабы установить точку соприкосновения со стратегией.

Бесконечные трудности, сопряженные с движением крупных колонн по горным дорогам, и необычайная сила, которую приобретает ничтожный отряд, прикрытый с фронта крутым скатом, а справа и слева - ущельями, на которые он может опереться, бесспорно, представляют два обстоятельства, издавна дававшие обороне в горах общее право на признание действительности и силы и заставлявшие воздерживаться от нее крупные массы вооруженных сил.

Когда колонна, извиваясь, как змея, с трудом тянется по узким ущельям в гору и медленно, как улитка, переползает через нее, а артиллеристы и обозные с криком и руганью подгоняют ударами бича

своих заморенных кляч по дорогам, представляющим глубоко врезы рытвины; когда каждую ломающуюся повозку приходится с несказанным трудом удалять с пути, в ожидании чего все позади останавливается, клянет и ругается, - в такие минуты каждому приходит в голову, что стоит неприятелю появиться с несколькими сотнями людей, чтобы погнать все это воинство обратно. Отсюда родилось выражение историков, повествующих о теснинах, в которых горсть людей могла задержать целую армию. Между тем, каждому известно, - или должно быть известно, если он знаком с войной, - что такое походное движение через горы не имеет ничего общего с атакой их и что поэтому умозаключение от этой трудности к еще большей трудности атаки в корне неправильно [198].

Вполне естественно, что к подобному заключению приходит человек неопытный, и почти так же естественно, что и военное искусство в известную эпоху само впало в эту ошибку; влияние, оказываемое горами, представляло для человека, опытного в военном деле, почти такую же новость, как и для профана. До Тридцатилетней войны, - при тогдашней глубине боевого порядка, многочисленности кавалерии, неусовершенствованном огнестрельном оружии и других особенностях того времени, - пользование значительными препятствиями, образуемыми рельефом, было непривычно, а настоящая оборона в горах, по крайней мере регулярными войсками, являлась делом почти невозможным. Лишь когда боевой порядок сделался более растянутым, причем пехота и ее огнестрельное оружие выступили на первый план, начали обращать внимание на горы и долины. Однако прошло еще

100 лет до полного освоения гор военным искусством, что последовало в половине XVIII столетия.

Второе обстоятельство, а именно, громадная способность к сопротивлению, приобретаемая малым отрядом благодаря трудно доступной позиции, должно было еще больше утвердить во мнении о великой силе обороны в горах. Казалось, что стоит только вывод о таком небольшом отряде в трудном проходе помножить на известное число, чтобы распространить его от батальона на армию, от отдельной горы на горную цепь.

Не подлежит сомнению, что небольшой отряд, удачно выбравший позицию в горах, приобретает необычайную силу. Небольшая часть, которую на равнине легко прогнали бы несколько эскадронов кавалерии и которая сочла бы себя счастливой, если бы поспешным отступлением ей удалось спастись от разгрома и плена, имеет возможность в горах с известной, мы сказали бы, тактической наглостью выступить на глазах целой неприятельской армии и потребовать от последней, чтобы ей, небольшой кучке, были оказаны почести по-военному методическим наступлением, обходом и пр. Дело тактики - развить метод, помощью которого небольшая кучка достигает такой способности к сопротивлению, используя местные преграды, фланговые опорные пункты, новые позиции, лежащие на пути ее отступления; мы же берем факт как данную опыта.

Вполне естественно было думать, что значительное число таких отрядов, способных к сильному сопротивлению и расположенных один возле другого, должны были бы образовать очень сильный, почти неуязвимый фронт и что оборона в горах сводилась бы лишь к тому, чтобы обеспечить себя от обхода растягиванием фронта вправо и влево, пока не найдутся опорные пункты, соответствующие важности целого, или же до тех пор, пока не выяснится, что само протяжение фронта уже является обеспечением его от обхода. Горная страна представляет особенно большой соблазн в этом отношении, ибо она предлагает для позиций такое множество пунктов, один лучше другого, что просто не знаешь, на чем остановиться. Дело обычно кончается тем, что занимают отрядами на известном пространстве все горные проходы и защищают их, причем надеются, что, заняв таким образом 10 или 15 отрядами протяжение в 10 и более миль, наконец обеспечили себя от ненавистного обхода. Так как эти отдельные отряды казались тесно связанными между собою недоступной местностью (невозможно же двигаться колоннами вне дорог), то полагали, что неприятелю противопоставлена непроницаемая стена. На всякий случай оставляли в резерве несколько батальонов пехоты, несколько конных батарей и дюжину эскадронов кавалерии на случай, если где-нибудь произойдет неожиданный прорыв.

Никто не станет отрицать историческую верность этого представления о горной обороне, но нельзя утверждать, что мы окончательно отделались от такого представления, несмотря на всю его несообразность.

Ход развития тактики со времен средневековья при все возрастающей численности армии тоже способствовал тому, чтобы втянуть горные местности в сферу военных действий.

Основной характер обороны гор - это абсолютная пассивность; поэтому, пока армии еще не приобрели присущей им в наши дни подвижности, тяготение их к горной обороне было довольно естественно. Между тем, армии становились все крупнее и крупнее, учитывая действия огня, все более вытягивались в длинные и узкие линии; сохранение непрерывности фронта требовало высочайшего искусства, а движения были крайне затруднительны и почти невозможны. Выстраивание этой искусственной машины занимало почти полдня; на него уходила половина сражения и к нему относилось почти все, что ныне учитывается при составлении плана сражения. Закончив эту сложную работу, трудно было уже при появлении новых обстоятельств внести какие-либо изменения; вследствие этого наступающий, завершавший свое развертывание позже обороняющегося, имел возможность сообразовывать таковое с позицией последнего, лишенного возможности соответственно изменить свой распорядок. Таким путем атака приобрела общий пере-[199], а таковые нигде не встречаются в большем количестве и не являются более действительными, чем в горной местности. Поэтому старались до известной степени спаривать армию с надежным участком местности, и оба совместно делали свое общее дело. Батальон защищал гору, а гора батальон. В результате этого пассивная оборона приобретала в горной местности значительную силу. Особой беды от этого не было, за исключением еще большей потери свободы движений; но последней, впрочем, и в других случаях не умели надлежащим образом пользоваться.

Где две враждебные системы воздействуют одна на другую, там более слабые стороны, т.е. уязвимые точки одной системы, всегда привлекают удары другой. Если обороняющийся занимает ряд пунктов, представляющих собою каждый прочную и непреодолимую позицию, но остается неподвижным, окаменелым, то отсюда наступающий почерпнет смелость для обхода: ему уже нечего опасаться за свои собственные фланги. Это и имело место в действительности: система обходов[200] вошла в порядок дня; чтобы противодействовать обходам, стали все более и более растягивать позиции, что ослабило их фронт; тогда атака вдруг устремилась на последний; вместо того, чтобы путем еще большего растягивания своего фронта охватывать оборону, наступающий сосредоточивал массу своих войск на одном пункте и прорывал линию. Приблизительно такое оформление получила горная оборона в современной военной истории.

Таким путем наступление снова приобрело перевес и притом, главным образом, благодаря все более увеличивавшейся подвижности. И оборона могла бы найти для себя спасение только в подвижности, но гористая местность по самой своей природе противится подвижности, и потому горная оборона в целом, если можно так выразиться, потерпела поражение; войска, державшиеся этой системы горной обороны и застигнутые революционными войнами, испытали длинный ряд неудач.

Но чтобы нам не выплеснуть из ванны ребенка вместе с водой, не дать увлечь себя потоком общих мест и не прийти к утверждениям, которые ежедневно тысячи раз опровергаются силой обстоятельств, мы должны установить различие между воздействием обороны в горах в зависимости от особенностей отдельных случаев.

Главный вопрос, который в данном случае приходится разрешить и который проливает яркий свет на всю тему, заключается в том, должно ли сопротивление, намеченное при обороне гор, быть относительным или же абсолютным, т.е. должно ли оно длиться лишь в течение определенного промежутка времени или же завершиться решительной победой. Для сопротивления первого рода горная местность в высшей степени пригодна и вносит в него крупное усиливающее начало; для абсолютного же сопротивления она в общем совершенно непригодна, за исключением некоторых особых случаев.

В горах всякое движение медленно и затруднительно, требует много времени и, если протекает в сфере опасности, влечет за собою больше человеческих жертв. Затрата же времени и людей является мерилом оказанного сопротивления. До тех пор, пока движение остается исключительно делом наступающего, обороняющийся сохраняет решительное преимущество; но как только обороняющийся вынужден сам начать движение, это его преимущество сразу отпадает. Между тем, по самой природе дела, т.е. из тактических основ, вытекает допустимость большей пассивности при относительном сопротивлении, чем при сопротивлении, которое должно быть доведено до решительного исхода, при

относительном сопротивлении можно доводить эту пассивность до крайних пределов, т.е. до конца боя, что никогда не должно иметь места в другом случае. Таким образом, затрудняющий элемент горной местности, подобно более плотной среде, ослабляет всякую позитивную деятельность и является вполне отвечающим задачам относительной обороны.

Мы уже говорили, что небольшой отряд, занимающий горную позицию, приобретает необыкновенную силу вследствие свойств местности, хотя этот тактический вывод и не требует дальнейшего доказательства, мы должны еще пояснить его. Дело в том, что здесь надлежит различать относительно малую и абсолютно малую величину отряда. Если ваши силы выделяют изолированно одну из своих частей, то последняя может подвергнуться атаке всех неприятельских сил в целом, т.е. действию такого превосходства, по сравнению с которым эта часть будет действительно мала. В таком случае задачей ее, конечно, не может быть сопротивление абсолютное, а лишь относительное. Чем меньше будет эта часть по сравнению с нашими силами в целом и с неприятелем, тем это положение имеет больше силы.

Но даже абсолютно малый отряд, т.е. такой, против которого стоит не более сильный неприятель и который, следовательно, вправе думать об абсолютном сопротивлении, т.е. о подлинной победе, будет в несравненно лучшем положении в горах, чем большая армия, и извлечет больше выгоды из местности, чем эта последняя; мы это разъясним ниже.

Итак, мы приходим к выводу, что маленький отряд обладает в горах большой силой. Какую громадную пользу это приносит во всех случаях, когда дело идет об относительном сопротивлении, ясно само по себе, но принесет ли это столь же решительную выгоду большой армии при абсолютной обороне? К исследованию этого вопроса мы теперь и переходим.

Прежде всего поставим следующий вопрос: будет ли линия фронта, составленная из нескольких таких отрядов, обладать относительно такой же силой, как каждый из них в отдельности, как это до сих пор обычно признавалось? Безусловно нет, и когда делают такой вывод, допускают одну из двух ошибок.

Во-первых, часто смешивают местность бездорожную с местностью недоступной. Там, где нельзя следовать колонной, включающей в свой состав артиллерию и кавалерию, пехота все же может продвигаться; туда удастся доставить и артиллерию, ибо крайне напряженные, но краткие движения в бою нельзя мерить масштабом похода. Таким образом, обеспеченность связи между отдельными отрядами основывается на прямой иллюзии, а потому фланги каждого отряда находятся под угрозой.

Или же полагают, что ряд мелких отрядов, устроившихся для обороны в горах и занимающих расположение, действительно очень сильное на фронте каждого из них, будет иметь и очень сильные фланги каждого из них, так как ущелье, скалистый кряж и прочее представляют превосходные опорные пункты для малого отряда. Но в чем заключается их превосходство? Не в том, что они делают обход невозможным, но в том, что они вызывают затрату времени и сил, соответствующую воздействию малого отряда. Неприятелю, который пожелает и будет вынужден вследствие неприступности фронта обойти подобный отряд, несмотря на трудности, представляемые местностью, потребуется, пожалуй, полдня, чтобы выполнить эту задачу; придется, может быть, принести и некоторые человеческие жертвы. Если наш отряд может рассчитывать на подкрепление, или же если он должен оказывать сопротивление в течение известного срока, или, наконец, если по силам он равен противнику, то опоры его флангов выполнили свою задачу, и тогда можно было бы сказать: позиция обладает не только сильным фронтом, но и сильными флангами. Но не то будет, если речь идет о многих отрядах, образующих растянутую горную позицию. В этом случае не оказывается налицо ни одного из вышеприведенных трех условий. Неприятель атакует подавляющими силами один из пунктов; поддержка, получаемая с тыла, может быть слаба, а задача все же требует абсолютной обороны. В этих условиях опоры флангов этих отрядов окажутся ничего не стоящими.

На этот пробел наступление обычно и направляет свои удары. Атака сосредоточенными и, следовательно, весьма превосходными силами на один из пунктов фронта может встретить сопротивление, хотя и весьма упорное в масштабе этого пункта, но в отношении целого - весьма ничтожное, преодолев это сопротивление, наступающий оказывается подорвавшим оборону в целом и достигшим своей цели.

Отсюда следует, что относительное сопротивление в горах вообще больше, чем на равнине, и что при малых отрядах оно относительно всего сильнее и растет не пропорционально увеличению масс.

Теперь обратимся к подлинной цели общих крупных боев - к позитивной победе, которая также может быть целью обороны в горах. Если на нее обратят все или главные силы, то оборона гор сама собою переродится в оборонительное сражение в горах. Сражение, т.е. применение всех вооруженных сил для уничтожения неприятеля, теперь становится формой, а победа - целью боя. Оборона гор, имеющая при этом место, оказывается уже второстепенным явлением, она является уже не целью, а средством. Как скажутся свойства горной местности при постановке такой цели?

Характер оборонительного сражения представляет собою пассивную реакцию на фронте и повышено активную в нашем тылу; для последней гористая местность является ослабляющим началом. Два обстоятельства делают ее таковою. Прежде всего недостаток дорог, по которым можно было бы быстро передвигаться во всех направлениях из тыла вперед; даже внезапная тактическая атака тормозится неровностями местности. Во-вторых, трудность свободного обзора местности и неприятельских движений. Таким образом, горная местность предоставляет неприятелю в отношении наших активных действий такие же выгоды, какие она дает нам на фронте, и парализует полностью лучшую половину нашей обороны. К этому присоединяется еще и третье обстоятельство, а именно - опасность быть отрезанным. Как ни благоприятствует горная местность отступлению в случае общего нажима на фронт, как много она ни причиняет неприятелю потери времени, когда ему приходится нас обходить, все это, однако, имеет значение лишь в случае относительного сопротивления, не имеющего никакого отношения к решительному сражению, т.е. к бою до последней крайности. Правда, сопротивление здесь может длиться несколько дольше, а именно до тех пор, пока неприятель не достигнет своими фланговыми колоннами таких пунктов, которые угрожают нашему пути отступления или даже заграждают его; а если он ими овладел, то уже едва ли с этим можно будет бороться. Никакая контратака с тыла не может уже его выбить из угрожающих нам пунктов, никакое отчаянное движение всеми силами напролом не может одолеть его там, где он преградил путь отступлению. Тот, кто здесь усмотрит противоречие и будет полагать, что преимущества, доставляемые горной местностью наступающему, должны выпасть и на долю тому, кто пытается пробиться, тот упускает из виду различие обстоятельств. Отряд, вышедший на путь отступления и оспаривающий проход по нему, не имеет задачи абсолютной обороны; для него, вероятно, довольно нескольких часов успешного сопротивления; следовательно, он находится в выгодном положении малого отряда на горной позиции. Кроме того, противник уже не обладает всеми своими средствами борьбы, он приведен в расстройство, ощущает недостаток в боевых припасах и пр. Во всяком случае виды на успех чрезвычайно ограничены, и эта опасность имеет то свойство, что обороняющийся более всего ее боится; и этот страх действует уже в течение сражения и ослабляет все мышцы борющегося атлета. На флангах возникает болезненная чувствительность, и всякий слабый отряд, который наступающий продвинет на покрытый лесом горный выступ в нашем тылу, явится новым рычагом достижения им победы.

Все эти невыгоды большей частью исчезали бы и сохранились бы одни преимущества, если бы оборона в горах образовывалась сосредоточенной группировкой армии на обширном горном плато. В этом случае можно представить себе очень сильный фронт, весьма трудно доступные фланги и при этом полнейшую свободу передвижений внутри и в тылу позиции. Такую позицию можно было бы причислить к сильнейшим из всех существующих в мире, однако она - лишь иллюзорное представление, ибо хотя большая часть гор несколько более доступна на хребте, чем на склонах, однако большинство плоскогорий или недостаточно обширно для такой цели, или же оно не вполне заслуживает этого названия, имеющего в данном случае скорее геологическое значение, чем геометрическое[201].

Как мы уже указывали, невыгоды оборонительной горной позиции уменьшаются при слабости действующих там сил. Причина заключается в том, что последние требуют меньше пространства, нуждаются в меньшем числе дорог для своего отступления и т.д. Единичная гора не представляет горной местности и не обладает невыгодами последней. Чем отряд меньше, тем больше его расположение будет ограничиваться отдельными гребнями и горами и тем меньше у него будет нужды путаться в лабиринте бесчисленных обрывистых горных ущелий.

Оборона в горах (Продолжение)

Теперь приступим к использованию в области стратегии полученных нами в предшествующей главе тактических выводов.

Мы различаем в данном случае следующие вопросы:

1. Горы как поле сражения.
2. Влияние, оказываемое обладанием ими на другие районы.
3. Воздействие их в качестве стратегического барьера.
4. Особые условия снабжения продовольствием в горах. В отношении первого, наиболее важного, вопроса мы должны различать:
 - а) генеральное сражение,
 - б) бои второстепенного порядка.

1. Горы как поле сражения. В прошлой главе мы показали, как мало горная местность благоприятствует обороняющемуся в решительном сражении и насколько, наоборот, она выгодна для наступающего. Это стоит в резком противоречии с общераспространенным мнением; но ведь чего не перепутывает общераспространенное мнение, как мало оно разбирается в разнообразнейших отношениях! Чрезвычайное сопротивление, какое оказывают малые части общего целого, вызывает впечатление чрезвычайной силы всякой вообще обороны гор, а затем готовы удивляться, если кто-нибудь посмеет отрицать эту силу по отношению уже к главному акту всякой обороны - оборонительному сражению. С другой стороны, то же ходячее мнение готово усмотреть во всяком сражении, проигранном обороняющимся в горах, необъяснимые ошибки кордонной войны, не считаясь с природой вещей и их неизбежным влиянием. Нас не пугает встать в прямое противоречие с таким мнением; напротив, мы считаем уместным отметить, что с чувством большого удовлетворения мы нашли наше положение у одного автора, который по многим основаниям должен в данном вопросе пользоваться крупным авторитетом: мы имеем в виду труд эрцгерцога Карла о походах 1796 и 1797 гг.; в лице этого автора соединились сразу хороший историк, хороший критик и прежде всего хороший полководец[202].

Для нас является жалким зрелищем, когда более слабый обороняющийся, собрав с трудом и величайшим напряжением все свои силы, чтобы в решительном сражении дать почувствовать наступающему высокую степень своего патриотизма и воодушевления, а также разумной предусмотрительности, - когда этот обороняющийся, на которого устремлены с напряженным вниманием все взоры, направляется во мрак гор с их многочисленными завесами[203] и, будучи скован в своих движениях свойствами горной местности, подставляет себя под тысячи возможных ударов превосходных сил противника. Лишь в одном направлении его ум находит широкое поле деятельности, а именно в отношении возможностей использования всех препятствий, образуемых рельефом; но последнее ведет его к самой грани пагубной кордонной войны, от которой он должен уклониться во что бы то ни стало. Мы далеки от того, чтобы видеть в горной местности убежище для обороняющегося на случай решительного сражения; скорее мы советуем полководцу всемерно ее избегать.

Правда, порою это оказывается невозможным; в таких случаях сражение по необходимости приобретет заметно иной характер по сравнению со сражением на равнине; позиция станет более растянутой, в большинстве случаев - вдвое или втрое, сопротивление явится более пассивным, контрудары слабее. Все это воздействие горной местности, являющееся неизбежным; конечно, оборона в таком сражении все же не должна переходить в простую оборону гор, и основной ее характер должен непременно заключаться в сосредоточенной группировке вооруженных сил в горах; все должно решиться в одном бою и по большей части на глазах одного командующего; резервов должно оставаться достаточно, дабы решительный акт свелся не к простому сражению и не к одному

подставлению щита под удары противника. Это условие необходимо, но оно трудно выполнимо; так легко соскользнуть на путь, ведущий к простой обороне гор, что не приходится удивляться тому, что она столь часто встречается; опасность же последней так велика, что теория обязана самым настоятельным образом предостеречь от такой обороны.

Сказанного достаточно для представления о решающем сражении в горах главных сил.

С другой стороны, для боев второстепенного значения и важности горы могут оказаться чрезвычайно полезными, ибо в данном случае дело заключается вовсе не в абсолютном сопротивлении и о нем не связаны какие-либо решительные следствия. Это станет более ясным для нас, если мы перечислим цели, которые при этом имеют в виду.

а) Простой выигрыш времени. С этой целью мы встречаемся на каждом шагу и во всяком случае при занятии оборонительной линии для своевременного осведомления[204]; кроме того, ее всегда имеют в виду при выжидании прибытия подкреплений.

б) Отражение простой демонстрации или мелкой вспомогательной операции противника. Если провинция ограждена горами и последние защищаются войсками, то оборона, как бы слаба она ни была, всегда окажется достаточной для того, чтобы оградить ее от неприятельских набегов и других мелких экспедиций в целях ограбления этой провинции. При отсутствии гор такая слабая оборонительная цепь являлась бы бесполезной.

в) С целью произвести самим демонстрацию; пройдет еще много времени, пока взгляды, которых следует держаться относительно гор, станут общим достоянием. До тех же пор всегда найдутся противники, которые будут бояться гор и уклоняться от операции в них. В подобных случаях можно употребить для обороны гор и главные силы. В войнах, не отличающихся значительной энергией и подвижностью, подобные случаи будут весьма часто встречаться; нужно лишь не забывать условия - не иметь намерения дать генеральное сражение на горной позиции и не допускать положения, в котором мы были бы вынуждены дать его.

г) Вообще горная местность пригодна для всех группировок, при которых не имеют в виду принимать решительное сражение, ибо в ней все отдельные части являются более сильными и лишь целое как таковое оказывается слабее; кроме того, здесь не так легко быть застигнутым врасплох и оказаться вынужденным к решительному бою.

д) Наконец, горы представляют собою подлинную стихию для народной войны. Население, взявшееся за оружие, должно всегда быть подкреплено небольшими отрядами регулярных войск; близость же главных сил, по-видимому, невыгодно отражается на повстанческих массах. Таким образом, нормально это не может служить основанием к тому, чтобы армия втягивалась в горы.

Вот что можно было сказать о горах в отношении встречающихся в них боевых позиций.

2. Влияние, оказываемое горами на другие районы. Как мы говорили, в горной местности легко обеспечить за собою значительные пространства слабыми отрядами,

которые в местности легко доступной не могли бы держаться и были бы подвержены постоянной опасности; притом всякое продвижение в горах, занятых противником, гораздо медленнее, чем по равнине, а следовательно, не может идти одинаковым с последним темпом; отсюда вопрос о том, в чем обладании уже находятся горы, имеет гораздо большее значение, чем тот же вопрос по поводу какой-либо другой площади таких же размеров. На открытой местности это обладание пространством изо дня в день может переходить от одной стороны к другой; простое продвижение крупных сил вынуждает противника предоставить нужное нам пространство. Не так обстоит дело в горах; здесь даже при гораздо более слабых силах возможно вполне ощутительное сопротивление. А потому, когда у нас имеется потребность в участке территории, занятой горами, всегда возникает необходимость в особых, специально для этого организованных и часто требующих значительной затраты сил и времени операциях для овладения этим участком. Таким образом, если горы и не являются театром главных операций, то все же они не могут, как то имеет место в отношении доступной местности, рассматриваться как находящиеся в зависимости от главных операций; занятие их и обладание ими не

являются, как на равнине, прямым, естественным следствием нашего наступления. Итак, горная местность отличается гораздо большей самостоятельностью, а обладание ею более решительно и прочно. Если к этому добавить, что горный участок страны по самой своей природе дает со своей окраины хороший обзор на прилегающую открытую равнину, сам же остается как бы погруженным в глубокую мглу, то станет понятным, что горная цепь для того, кто ею не владеет, но находится с нею в соприкосновении, всегда представляется неистощимым источником вредоносных влияний, мастерской враждебных сил; еще в большей мере это имеет место, когда горы не только заняты неприятелем, но и принадлежат ему. Самые небольшие партии дерзких партизан, будучи преследуемы, тотчас же находят в них убежище и могут затем безнаказанно появиться вновь в другом месте; самые сильные колонны, скрытые горами, могут незаметно приблизиться, и наши вооруженные силы должны всегда держаться в некотором отдалении от гор, чтобы выйти из сферы их командующего влияния и не подвергаться риску невыгодных боев и внезапных ударов, на которые они не будут в состоянии ответить.

Таким образом, всякие горы на известном расстоянии оказывают значительное влияние на прилегающую к ним более низменную местность. Окажет ли это влияние свое воздействие мгновенно, например, в бою (сражение при Мальче на Рейне в 1796 г.), или же по прошествии некоторого времени на сообщения противника, это зависит от пространственных условий; может ли это влияние быть преодолено теми решительными действиями, которые разовьются в долине или на равнине, или же нет, - зависит от соотношения вооруженных сил.

Бонапарт в 1805 и 1809 гг. проник до Вены, не особенно заботясь о Тироле; между тем, в 1796 г. Моро был вынужден оставить Швабию, главным образом потому, что оказался не в состоянии овладеть более возвышенными ее районами и должен был направить слишком много сил для наблюдения за ними. В тех походах, в которых происходит игра уравновешенных колебаний сил, не станут подвергаться длительным невыгодам пребывания вблизи гор, находящихся во владении неприятеля, и попытаются занять и удержать за собою лишь тот их участок, в котором нуждаются в связи с основным направлением наступления; поэтому в этих случаях горы обычно становятся ареной мелких боевых стычек, надолго заваривающихся между обеими армиями. Но надо остерегаться переоценивать эти обстоятельства, рассматривать во всех случаях горную местность как ключ всей территории и видеть в обладании ею самое главное. Когда дело идет о победе, то главное - сама победа, а раз последняя одержана, то остальное нетрудно устроить сообразно с господствующими потребностями.

3. Горы, рассматриваемые как стратегический барьер. Здесь мы должны различить два соотношения.

Первое - опять-таки решительное сражение. Можно смотреть на горную цепь, как на реку, т.е. как на барьер с некоторыми доступными проходами, предоставляющий нам случай для победного боя, так как он разделяет продвигающиеся неприятельские силы, ограничивает последние известными дорогами и предоставляет нам возможность атаковать разрозненные колонны противника нашими сосредоточенными силами, расположенными позади гор. Если бы даже наступающий решил оставить в стороне все прочие соображения, он все же не мог бы двигаться в горах одной колонной, так как тем самым подверг бы себя опасности быть втянутым в решительное сражение, имея в своем распоряжении только один путь отступления; следовательно, способ действий обороны во всяком случае явится обусловленным весьма существенными обстоятельствами. Но так как понятие гор и горных проходов очень неопределенно, то соответственные мероприятия обороны будут находиться в полной зависимости от местности, и на них можно указать лишь как на возможные; однако надо помнить, что с этим способом обороны связаны две невыгоды; первая состоит в том, что неприятель после первого же нанесенного ему удара легко находит защиту в горах; вторая заключается в том, что в его руках находится командующая местность; эта невыгода не имеет решающего значения, но все же скажется.

Мы не знаем ни одного сражения, которое было бы дано при таких обстоятельствах, если не считать сражения против Альвинци в 1796 г. [205] Но что подобный случай может иметь место, доказывает переход Бонапарта через Альпы в 1800 г., когда Мелас мог его атаковать всеми своими войсками до сосредоточения разъединенных колонн Бонапарта.

Второе соотношение, которое создается горами как барьером, касается коммуникационной

линии неприятеля, когда они пересекают ее. Помимо укрепления проходов при помощи фортов и действий взявшегося за оружие народа, плохие горные дороги в неблагоприятное время года уже сами по себе могут быть губельны для армии; часто они вынуждали к отступлению армии, доведенные ими до полного истощения. Если к этому присоединяются частые налеты партизан или даже народная война, то неприятельская армия оказывается вынужденной выделить значительные силы и, наконец, занять постоянными отрядами ряд пунктов в горах; таким путем она попадает в самое невыгодное положение, в каком только может очутиться наступающий во время войны.

4. Особые условия снабжения армии в горах продовольствием. Этот вопрос чрезвычайно прост и сам по себе понятен. В этом отношении обороняющийся может извлечь крупные выгоды, когда наступающий или будет вынужден остановиться в горах, или оставит их в своем тылу.

Эти рассуждения об обороне гор, собственно говоря, охватывают войну в горах в целом, а их отражения достаточно освещают и наступательные действия в горах. Не следует смотреть на них как на нечто непрактичное и неправильное по той причине, что из гор нельзя сделать равнины, а из равнин - горы; выбор театра войны определяется таким множеством других условий, что, как кажется, для этого рода соображений может оставаться очень мало места. Мы убедимся, что, когда действия разыгрываются в крупном масштабе, выбор не является уже особенно ограниченным. Если речь идет о группировке и действиях главных сил, и притом в момент решительного сражения, то несколько лишних переходов вперед или назад могут вывести войска из гористой местности на равнину, а проведенное с решимостью сосредоточение вооруженных сил на равнине может нейтрализовать расположенные рядом горы.

Теперь мы снова сосредоточим в одном фокусе рассеянные по разбираемому нами вопросу лучи и представим отчетливую его картину.

Мы утверждаем и считаем доказанным, что горы в общем как в тактике, так и в стратегии не благоприятствуют обороне, разумея здесь под обороной оборону решающую, от результатов которой зависит обладание или потеря страны. Горы лишают кругозора и стесняют движения в любом направлении; они принуждают к пассивности и заставляют затыкать все доступы, вследствие чего возникает - в большей или меньшей степени - кордонная война. Поэтому следует, по возможности, избегать горной местности для главных сил, оставляя ее в стороне, или же держаться впереди или позади ее.

Напротив, для задач и целей второстепенных горная местность представляет, по нашему мнению, усиливающее начало; после всего того, что мы по этому поводу говорили, нельзя усмотреть никакого противоречия в нашем утверждении, что они являются подлинным убежищем слабого, т.е. того, кто уже не должен добиваться решительного боя. Выгоды, которыми пользуются при горном рельефе второстепенные роли, опять-таки делают горы неприемлемыми для главных сил.

Однако все эти соображения едва ли смогут удержать в равновесии чувственные впечатления. В каждом отдельном случае воображение не только не знакомых с военным делом, но и всех воспитанных на плохих методах ведения войны получает подавляющее впечатление о трудностях, которые горная местность, как более плотная, неподатливая стихия, противопоставляет всем движениям наступающего, и для них будет трудно не рассматривать наше мнение как собрание самых причудливых парадоксов. Но при всяком рассмотрении вопроса в целом опыт истории последнего столетия (с его своеобразными способами ведения войны) выступит на место чувственного впечатления, и тогда лишь немногие решатся высказать, например, мнение, что оборона Австрии со стороны Италии легче, нежели со стороны Рейна. Между тем, французы, которые в течение двадцати лет вели войну, имея энергичное, ни перед чем не останавливавшееся командование и воочию видевшие его благие последствия, еще долго будут отличаться как в этом случае, так и в других тактом хорошо выработанного суждения.

Что же? Неужели государство лучше защищено равниной, чем горами? Неужели Испания была бы сильнее без ее Пиренеев, Ломбардия была бы более недоступна без Альп, а ровную страну, например, северную Германию, было бы труднее завоевать, чем страну гористую? С этим неправильным выводом мы намерены связать наши заключительные замечания.

Мы не утверждаем, что Испания без своих Пиренеев была бы сильнее, чем при наличии их, а лишь то, что испанская армия, чувствуя в себе достаточно сил, чтобы довести дело до решительного сражения, поступит лучше, сосредоточив свои силы за р. Эбро, чем если бы она разделилась на части по числу пятнадцати пиренейских проходов. Но этим влияние Пиренеев на ход войны еще далеко не исчерпывается. То же утверждаем мы и об итальянской армии. Если бы она разбросалась по высоким Альпам, решительный противник ее одолел бы и не явилось бы даже вопроса о возможностях победы или поражения, тогда как на равнине Турина у нее были бы такие же шансы, как и у противника. Но по этой причине все же никто не станет думать, что наступающему приятно пересечь такой горный массив, как Альпы, и оставить его позади себя. К тому же принятие генерального сражения на равнине вовсе не исключает предварительной обороны гор второстепенными отрядами, что крайне желательно в таких горных массивах, как Альпы и Пиренеи. Наконец, мы далеки от мысли считать завоевание ровной местности делом более легким, чем завоевание местности гористой, - разве лишь в случае, когда одно решительное сражение окончательно обезоруживает неприятеля. После такой победы для завоевателя наступает состояние обороны, при котором гористая местность для него должна стать столь же - и более - невыгодной, чем она была для обороняющегося. Если война продолжается и появляется посторонняя помощь, если народ берется за оружие, то эта реакция еще усиливается горной местностью.

В этой области дело обстоит так же, как в диоптрике: при отодвигании предмета в определенном направлении, изображение становится ярче, но не насколько угодно, а только до достижения фокуса, за которым все получается наоборот.

Раз оборона в горах оказывается слабее, то это могло бы послужить основанием для того, чтобы наступающий избирал себе направление преимущественно через горы. Однако это будет иметь место лишь в редких случаях, ибо трудности содержания в них войск, плохие дороги, неизвестность, согласится ли неприятель дать генеральное сражение именно в горах, да и расположит ли в них неприятель свои главные силы, - с лихвой уравнивают возможные выгоды этого направления.

Глава 17. **Оборона в горах** **(Продолжение)**

В XV главе мы говорили о природе боя в горах, а в XVI - о том применении, которое бой в горах может найти в стратегии, и при этом часто встречались с понятием обороны в горах, но не останавливались на форме и организации этого мероприятия. Теперь рассмотрим его подробнее.

Так как горы часто тянутся по поверхности земли как полосы или пояса, то они производят деление между текущими в разных направлениях водами и таким образом образуют водоразделы целых речных систем. Эта форма целого повторяется в отдельных его частях: от главного массива отделяются отроги и гребни, образующие водоразделы более мелких систем. В связи с этим представление о горной обороне вначале естественно опиралось на созерцание их основного оформления в виде скорее длинного, чем широкого, препятствия, тянувшегося наподобие барьера; из этого представления и развивалось понятие горной обороны. И поныне геологи еще окончательно не стоворились относительно происхождения горных цепей и законов их образования; во всяком случае, течение вод яснее и проще всего очерчивает горную систему, или потому, что оно само принимало участие в образовании этой системы (через процесс размывания), или же потому, что само течение вод явилось следствием горной системы. Поэтому опять-таки являлось естественным искать руководящую нить для горной обороны в течении вод; на последнее можно смотреть, как на естественную нивелировку, знакомящую нас с общим направлением скатов, а следовательно, и с общим профилем горной местности; сверх этого течение вод образует долины, представляющие наиболее доступные пути к высшим точкам, ибо во всяком случае можно положительно утверждать, что процесс размыва водами сглаживает неровности откосов в правильную кривую. В связи со сказанным представление об обороне гор складывалось следующим образом: на горную цепь, пролегающую приблизительно параллельно линии обороны, можно смотреть, как на серьезное препятствие для доступа, как на своего рода вал, подступы к которому образуются долинами; оборона сосредоточивается непосредственно на гребне этого вала (т.е. на краю плоскогорий, находящихся в горах) и пересекает главные долины. Если же основное направление горного массива имеет скорее перпендикулярное направление к фронту обороны, то пришлось бы оборонять один из главных его отрогов, тянувшийся параллельно какой-либо

главной долине до главного хребта; пересечение позиции с последним образует важнейший пункт обороны.

Мы остановились на этом схематическом эскизе горной обороны, базирующемся на геологической структуре, ибо действительно было время, когда она рисовалась в таком виде теории, объединявшей в так называемом учении о местности (Terrainlehre) воедино законы процесса размывания с правилами ведения войны[206].

Однако все здесь настолько полно ложных предпосылок и ветошных представлений, что от этих взглядов в действительности остается слишком мало, чтобы в них можно было найти систематическую опору.

Главные хребты в настоящих горных массивах пустынно и бездорожны; нет возможности сгруппировать на них значительные массы войск. С боковыми отрогами часто дело обстоит так же; часто они оказываются слишком короткими и неправильными. Не на всех гребнях гор бывают плоскогорья, а там, где встречаются, они по большей части слишком узки и к тому же негостеприимны; более того, очень мало встречается гор, которые при более внимательном их рассмотрении образовали бы непрерывный главный хребет, а с боков имели бы такие скаты, которые могли бы сколько-нибудь сойти за наклонную плоскость или хотя бы террасообразные уступы. Главный хребет извивается, искривляется, разветвляется; могучие отроги простираются извилистыми линиями внутрь страны и порою как раз в своих конечных пунктах достигают более значительной высоты, чем главный хребет; к ним примыкают предгорья, образующие обширные глубокие долины, не гармонирующие с общей горной системой. К этому надо добавить, что там, где скрещиваются несколько горных цепей, или в тех узлах, откуда они исходят, понятие узкой полосы или пояса совершенно утрачивается и уступает место звездообразному строению водораздела и горных кряжей.

Отсюда ясно, - и каждый, кто с этой точки зрения изучал горные массивы, ощутит это с большой отчетливостью, - насколько идея систематической группировки войск ступшевывается и как непрактично было бы придерживаться ее как основы всего распорядка.

Если мы снова пристально взглянем в тактические явления войны в горах, то станет ясно, что в ней встречаются два главных элемента, а именно: во-первых, оборона крутых склонов, во-вторых, оборона узких долин. Последняя, в которой часто обороняющийся проявляет наибольшую силу сопротивления, нелегко может быть сопряжена с обороной главного хребта, ибо часто необходимо занять самую долину, и притом скорее там, где она вырывается из горного массива, чем у ее истоков, так как в первом случае она будет более глубоко врезанной. Кроме того, эта оборона долин сама по себе является средством обороны горной местности в тех случаях, когда на самом хребте войска не могут быть размещены. Таким образом, оборона долин играет тем большую роль, чем горы выше и непроходимее.

Из всех этих соображений вытекает, что надо совершенно отказаться от мысли об обороне более или менее правильной линии, которая совпадала бы с какой-то геологической линией, и смотреть на горный район лишь как на поверхность, пересеченную разнообразными неровностями и препятствиями; последние надо стремиться использовать в той мере, как это позволят обстоятельства. Таким образом, если геологические линии рельефа и необходимы для ясного представления об оформлении горного массива в целом, то при принятии мер для обороны они едва ли могут быть использованы.

Ни в Войну за австрийское наследство, ни в Семилетнюю, ни во время революционных войн мы не встречаем примеров оборонительного расположения, охватывающего целую горную систему и организованного в соответствии с ее основными очертаниями. Мы никогда не усматриваем армий, устроившихся на главном хребте, а всегда на склоне - то выше, то ниже, то в том, то в другом направлении: параллельно, перпендикулярно или под косым углом; по направлению течения вод или против него; в более высоких горах, например, в Альпах, мы встречаемся с обороной, сосредоточенной в одной долине; в менее высоких горах, как Судеты (причем это представляет наибольшую аномалию), на половине склона, обращенного к обороняющемуся, т.е. имея перед собой главный хребет; такова была позиция Фридриха Великого в 1762 г., прикрывавшая осаду Швейдница и имевшая перед фронтом лагеря высокую Совиную гору.

Наиболее знаменитые в Семилетнюю войну позиции Шмотзейфенская и Ландсгутская находились, в общем, в углубленных долинах; почти такое же положение занимала и позиция Фельдкирхенская в Форарльберге. В кампаниях 1799 и 1800 гг. позиции главных отрядов и у французов, и у австрийцев всегда бывали расположены в самых долинах, не только поперек, в целях их преграждения, но и вдоль них, тогда как горные хребты не занимались вовсе или занимались лишь немногими слабыми частями.

Хребты высоких Альп настолько бездорожны и пустынно, что их невозможно занимать крупными массами войск[207]. Таким образом, если все же желают держать войска в горах, дабы владеть ими, то не остается ничего другого, как располагать войска в долинах. На первый взгляд это представляется ошибкой, ибо согласно обычным теоретическим представлениям можно сказать: высоты господствуют над долинами. Но на деле это не так; горные хребты доступны лишь по немногим дорогам и тропинкам и за немногими исключениями только для одной пехоты, ибо проезжие дороги проходят по долинам. Таким образом, неприятель мог бы занять только отдельные пункты хребтов, и притом одной пехотой. Однако для действительного ружейного огня расстояния в этих горных массивах слишком велики; таким образом, располагаться в долине представляет меньше опасности, чем может казаться на первый взгляд[208]. Но, конечно, подобная оборона в долине подвержена другой крупной опасности, а именно - опасности оказаться отрезанной. Неприятель может спустить в долину одну лишь пехоту, которая будет Накапливаться очень медленно и с большими усилиями, и его появление не может быть внезапным. Но ни одна позиция не защищает спуска в долину такой тропы, и неприятель постепенно накапливает в долине превосходные силы, затем развертывается и прорывает тонкую и с этого момента весьма слабую линию обороняющегося, единственным прикрытием которой остается, может быть, лишь пересохшее каменистое русло горного потока. Между тем, отступление, которое может производиться только в долине, и притом постепенно, частями, пока не будет найден выход из гор, может оказаться невозможным для многих частей растянутого расположения; по этой причине австрийцы всякий раз теряли в Швейцарии пленными от трети до половины своих войск.

Теперь еще несколько слов о степени раздробления, которому обычно подвергаются вооруженные силы при подобной обороне.

Каждая подобная оборонительная группировка исходит из позиции главных сил, находящейся более или менее в центре всей линии, на главном пути. Другие отряды выделяются вправо и влево для занятия важнейших проходов, и, таким образом, целое образует группу из 3, 4, 5, 6 и более отрядов, развернутых приблизительно на одной линии. Как далеко может или должна простираться эта линия, зависит от потребностей каждого конкретного случая. Растяжка на два-три перехода, следовательно на 6-8 миль, является еще весьма умеренной, и наблюдались случаи, когда она возрастала до 20 и даже до 30 миль.

Между отдельными отрядами, расположенными друг от друга на удалении одного-двух часов ходьбы, легко найти другие, менее важные проходы, на которые с течением времени обратят внимание; найдутся отдельные превосходные позиции для 2-3 батальонов, вполне отвечающие задаче поддержания связи между главными отрядами; их, следовательно, тоже займут. Легко понять, что дробление сил может развиваться и дальше, доходя до отдельных рот и эскадронов, и такие случаи бывали нередко; словом, какого-либо общего предела раздроблению в данном случае не существует. С другой стороны, сила отдельных отрядов зависит от общего количества войск, и уже по одному этому ничего нельзя сказать о возможном или естественном размере сил, которые должны сохраняться в основных отрядах. Мы приведем лишь несколько положений, которым нас учат опыт и природа дела, дабы они могли явиться исходной точкой для нашего суждения.

1. Чем горы выше и недоступнее, тем больше может быть дробление сил; в этом случае силы должны дробиться больше потому, что слабее можно обеспечить местность комбинациями, основанными на движении, и что более сильное обеспечение ее должно достигаться непосредственным прикрытием. Оборона Альп требует гораздо большего дробления сил и приближается гораздо ближе к установлению кордона, чем оборона Вогез или Исполинских гор.

2. Дольше всюду, где имела место оборона гор, происходило такое дробление сил, при котором в основных отрядах в первом эшелоне имела по большей части пехота, а во втором эшелоне -

несколько эскадронов кавалерии; лишь главные силы, помещенные в центре, имели несколько батальонов пехоты и во второй линии.

3. В самых редких случаях удавалось сохранить стратегический резерв[209], предназначенный для усиления подвергшихся нападению отрядов, ибо при растяжке фронта повсюду чувствовалась слишком большая слабость. Поэтому подкрепления, которые мог получить подвергшийся атаке отряд, по большей части заимствовались из состава других, не атакованных отрядов, расположенных на фронте.

4. Даже в тех случаях, когда дробление сил было относительно незначительным, а сила отдельных отрядов - достаточно велика, главное их сопротивление всегда заключалось лишь в отстаивании местности, - и если неприятель полностью овладевал данной позицией, то подходящие подкрепления уже не могли изменить положения.

После всего сказанного разрешение вопроса о том, на что можно рассчитывать при обороне в горах, в каких случаях надлежит обращаться к этому средству и до каких пределов можно и должно доводить растяжку и дробление сил, теория должна предоставлять такту полководца. Достаточно, если она ему скажет, что собственно представляет собой это средство и какие роли оно может брать на себя в борьбе между армиями обеих сторон.

Полководец, который, занимая растянутую горную позицию, даст себя разбить наголову, заслуживает быть преданным военному суду.

Глава 18. Оборона рек

Большие и средние реки, поскольку речь идет об их обороне, относятся, подобно горам, к классу стратегических барьеров. Но в этом отношении между реками и горами имеются два различия: первое касается их относительной обороны, а второе - абсолютной.

Подобно горам, реки усиливают относительное сопротивление, но их особенность заключается в том, что они напоминают орудие, сделанное из твердого, но хрупкого материала; они или выдерживают удар, несколько не поддаваясь, или же оборона их дает излом, и ей наступает конец. При больших размерах реки и прочих выгодных условиях переправа может явиться абсолютно невозможной. Но раз оборона реки сломлена в каком-либо пункте, то уже дальнейшее упорное сопротивление, наблюдаемое при обороне гор, отпадает, и дело является решенным одним этим актом, за исключением случая, когда река протекает по горной местности.

Другая особенность больших рек в отношении ведения боя заключается в том, что в некоторых случаях они представляют возможность очень хороших и, в общем, лучших комбинаций для решительного сражения, чем горы.

Общее между ними то, что они являются опасными соблазнами, часто вовлекающими в ошибочные мероприятия и ставящими в крайне невыгодное положение. Мы еще обратим внимание на эти заключения при ближайшем рассмотрении обороны рек.

История не богата примерами успешной обороны рек; этим оправдывается мнение, что реки крупного и среднего размера не представляют такого сильного барьера, каким их считали раньше, при господстве системы абсолютной обороны, использовавшей всевозможные местные препятствия. Но все же нельзя отрицать то в общем выгодное влияние, которое реки оказывают на бой и на оборону страны.

Чтобы охватить вопрос обороны рек в его общей связи, мы сопоставим между собою различные точки зрения, с которых мы предполагаем рассмотреть его.

Прежде всего и вообще мы должны установить различие между стратегическими последствиями, к которым приводит оборона рек, и тем влиянием, какое реки оказывают на оборону страны, даже в

тех случаях, когда они вовсе не обороняются.

Затем оборона рек может иметь три различных значения:

1. Решительная[210] оборона главными силами.
2. Оборона демонстративная.
3. Относительная оборона второстепенными частями, как, например, сторожевыми и прикрывающими частями, вспомогательными отрядами и т.д.

Наконец, мы должны различать в обороне в отношении ее формы три главные ступени или вида, а именно:

1. Оборона непосредственная, препятствующая переправе.
2. Более косвенная оборона, при которой река и ее долина используются лишь как средство для более выгодных боевых комбинаций.
3. Строго косвенная[211] оборона посредством удержания неприступной позиции на неприятельской стороне реки.

По этим трем ступеням мы и распределяем наше рассмотрение; после того, как мы ознакомимся с каждой из этих ступеней в ее отношении к первому и важнейшему значению, мы примем во внимание в заключение и два остальных значения. Итак, начнем с непосредственной обороны, т.е. с обороны, долженствующей препятствовать переправе неприятельской армии.

Об этом виде обороны речь может идти лишь при очень крупных реках, т.е. при больших водных массах.

Сочетания пространства, времени и силы, на которые следует смотреть как на элементы теории речной обороны, изрядно запутывают этот вопрос; не легко найти твердые исходные точки для его разрешения. Однако при более внимательном размышлении мы непременно придем к следующим выводам.

Время, необходимое для наводки моста, определяет расстояние, на которое могут быть удалены друг от друга отряды, долженствующие оборонять реку. Если разделить всю длину линии обороны на величину этого расстояния, получится нужное число отрядов; если разделить на это число всю массу войск, то определится сила этих отрядов. Сопоставив силу отдельного отряда с тем числом войск, которое неприятель может перебросить во время постройки моста каким-либо другим способом, мы будем в состоянии судить, насколько можно рассчитывать на успешность сопротивления. Ибо лишь тогда можно быть уверенным, что река не будет форсирована, если обороняющийся сможет атаковать переправившиеся до окончания постройки моста части со значительным перевесом сил, т.е. примерно с силами, вдвое большими[212]. Поясним примером.

Если неприятелю требуется для сооружения моста 24 часа и в течение этих 24 часов он не имеет возможности переправить через реку другими средствами более 20000 человек, а обороняющийся имеет возможность в течение 12 часов сосредоточить к любому пункту обороняемого течения реки 20000 человек, то в этом случае река не может быть форсирована: обороняющийся прибудет к месту переправы, когда наступающий переправит приблизительно половину 20000 человек. А так как за 12 часов, считая и время, которое будет затрачено на передачу донесений о начавшейся переправе, можно пройти 4 мили, то необходимо было бы иметь по 20000 человек на каждые 8 миль обороны, - следовательно, для обороны реки на протяжении 24 миль - 60000 человек. Таких сил оказалось бы достаточно, чтобы сосредоточить в любом пункте 20000 человек, даже если бы неприятель попытался одновременно произвести две переправы; если же неприятель переправляется только в одном пункте, то явится возможность собрать и 40000.

Итак, в данном случае имеются три решающих момента:

1) ширина реки, 2) средства переправы, - ибо от того и другого зависят время, необходимое для постройки моста, и количество войск, которое может быть переправлено в течение постройки моста, - и 3) силы обороняющегося. Что касается силы неприятельской армии, то она на успехе переправы еще не сказывается. Согласно этой теории можно сказать, что существует предел, на котором совершенно отпадает всякая возможность переправы, и никакое превосходство сил не будет в состоянии ее осуществить.

Такова простая теория непосредственной обороны реки, т.е. такой обороны, которая стремится воспрепятствовать противнику закончить наводку моста и произвести переправу; при этом нами еще не учитывалось воздействие демонстраций, которые могут быть применены переправляющимся. Теперь рассмотрим ближайшие обстоятельства и мероприятия, необходимые при такой обороне.

Если сначала мы оставим в стороне географические особенности, то надо будет сказать, что отряды, намеченные согласно вышеизложенной теории, должны быть сосредоточенно размещены непосредственно близ реки. Непосредственно близ реки потому, что отнесение назад их расположения без надобности и пользы удлинит путь; так как многоводность реки обеспечивает отряды от всякого значительного воздействия со стороны неприятеля, то нет необходимости держать их позади как резерв оборонительной линии. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что дороги, которые тянутся непосредственно вдоль рек, в общем являются более проезжими, чем поперечные дороги, подходящие сзади к любому пункту реки. Наконец, наблюдение за рекой при таком расположении отрядов бесспорно легче, чем посредством одной цепи наблюдательных постов, - главным образом потому, что все старшие начальники в этом случае находятся близ реки. Сосредоточенное размещение этих отрядов требуется потому, что в противном случае весь расчет времени оказался бы иным. Тот, кто знает, сколько тратится времени на сбор войск, поймет, что именно в этом сосредоточенном расположении и заключается величайшая действительность обороны. Правда, на первый взгляд кажется соблазнительным небольшими отрядами помешать переправе неприятеля на лодках в первый же ее момент; однако эта мера допустима лишь в отношении некоторых пунктов, особенно выгодных для переправы, - в общем же является крайне пагубной. Не говоря уже о том, что в большинстве случаев неприятель окажется в состоянии прогнать такой небольшой отряд подавляющим огнем с противоположного берега, главный недочет при этом сводится к совершенно напрасной растрате своих сил; в лучшем случае при помощи такого отряда можно достигнуть лишь того, что неприятель выберет для своей переправы другой пункт. Поэтому, если мы не обладаем достаточными силами, чтобы отнестись к реке, как к крепостному рву, и соответственно защищать ее, - а этот случай не требует никаких указаний, - то такая непосредственная оборона берега не приведет нас к цели. Помимо этих общих правил, касающихся группировки войск, надо иметь еще в виду: первое - необходимость учитывать индивидуальные особенности реки, второе - удаление средств переправы и третье - влияние, оказываемое расположенными по реке крепостями.

Река, рассматриваемая как оборонительная линия, должна иметь справа и слева опорные пункты, - как, например, море или нейтральную область, - или же должны существовать какие-то другие обстоятельства, обуславливающие недейственность переправы за конечными пунктами оборонительной линии. А так как такие опорные пункты и такие обстоятельства встречаются лишь при большом протяжении линии обороны, то уже из этого ясно видно, что оборона реки должна всегда простирается на значительное протяжение; таким образом, в действительности нет возможности расположить крупную массу войск за сравнительно коротким участком реки (а мы всегда должны иметь в виду лишь такие случаи, которые могут иметь место в действительности). Мы сказали: за относительно коротким участком реки, под последним разумею протяжение, лишь немного превосходящее обычное протяжение фронта, на котором войска занимают расположение при отсутствии реки. Такие случаи, говорим мы, не встречаются в действительности, и каждая непосредственная оборона реки является своего рода кордонной системой, - по крайней мере, в отношении своего протяжения; следовательно, она окажется вовсе непригодной для противодействия обходу способом, являющимся естественным при сосредоточенном расположении. Поэтому в случаях, когда обход представляется возможным, непосредственная оборона реки, как бы ни складывались благоприятно условия для нее в прочих отношениях, представляет собою в высшей степени опасное предприятие.

Что же касается реки в пределах конечных пунктов обороны, то само собою разумеется, что не все пункты ее в равной степени пригодны для переправы. Условия, влияющие на удобство переправы,

теоретически могут быть намечены довольно точно, но конкретизировать их трудно, так как самые ничтожные местные особенности часто имеют более решающее значение, чем все то, что в книгах представляется очень важным и значительным. Но в такой конкретизации нет никакой нужды, ибо вид реки и сведения, получаемые от местных жителей, уже дают достаточно ясные указания, и для сравнения удобств переправы в различных пунктах не понадобится вспоминать, что твердят об этом книги.

Для большего уточнения мы можем подчеркнуть, что ведущие к реке дороги, впадающие в нее притоки, расположенные на ней большие города и в особенности имеющиеся острова более всего благоприятствуют переправе; напротив, командование берегов и изгибы русла в пункте переправы, которые в книгах играют первенствующую роль, в действительности редко оказывают какое-либо влияние. Это объясняется тем, что влияние двух последних факторов основано на ограниченной идее абсолютной обороны берега, - случай редкий или никогда не имеющий места при обороне крупных рек.

Какого бы рода ни были обстоятельства, создающие большую пригодность отдельных пунктов реки для переправы, они окажут влияние на группировку войск и внесут изменение в ее общий геометрический закон; однако слишком удаляться от него, слишком полагаться на трудность переправы в некоторых пунктах было бы неблагоприятно. Тогда неприятель, пожалуй, изберет пункт, по своей природе наименее благоприятный, раз он может рассчитывать встретить там самые слабые наши силы.

Во всяком случае возможно сильное занятие островов - мера, безусловно рекомендуемая, ибо серьезная атака какого-либо острова противником представляет вернейший признак места намеченной переправы.

Так как расставленные близ реки отряды должны иметь возможность следовать вверх и вниз в зависимости от требований обстановки, то к числу существенных подготовительных мер обороны, при отсутствии большой дороги, параллельной реке, относится приведение в порядок ближайших небольших, идущих параллельно течению реки дорог или даже сооружение на короткие расстояния новых дорог.

Вторая тема, которой нам надлежит коснуться, - это устранение средств переправы. Дело это нелегкое, и в отношении самой обороняемой реки, по крайней мере, оно требует значительного времени; затруднения же, которые встретятся по отношению к притокам, впадающим в реку с неприятельской стороны, явятся часто непреодолимыми, так как эти притоки обычно окажутся уже в руках неприятеля. Поэтому крайне важно запереть крепостями устья этих притоков.

Так как при переправе через большие реки возимые неприятелем мостовые средства, а именно - его понтоны, являются недостаточными, то многое зависит от тех средств, которые он найдет на самой реке, на ее притоках и в больших городах, расположенных на его стороне, наконец, в растущих вблизи реки лесах, которые он может использовать для постройки лодок и плотов. Бывают случаи, когда все эти обстоятельства настолько ему не благоприятствуют, что в результате переправа становится почти невозможной.

Наконец, крепости, расположенные по обеим сторонам реки или на неприятельской стороне, представляют собою не только щит, обеспечивающий от переправы ближайшие, выше и ниже расположенные участки, но и средство заграждения притоков, а также средство быстрого захвата и сосредоточения в своих пределах средств переправы.

Вот что можно сказать о непосредственной обороне реки, которая мыслится многоводной. При наличии глубоко врезанной речной долины с крутыми скатами или болотистых берегов трудность переправы и действительность обороны возрастают; однако эти трудности нельзя рассматривать как замену водной массы, ибо они не создают абсолютного перерыва местности; последний же представляет необходимое условие непосредственной обороны.

Если задать себе вопрос, какую роль может играть такая непосредственная оборона реки в стратегическом плане кампании, то приходится согласиться с тем, что она никогда не может вести к

решительной победе, - отчасти потому, что ее задача заключается в том, чтобы нигде не дать противнику возможности переправиться на нашу сторону или же чтобы подавить первую значительную массу неприятельских войск, которым удастся переправиться, отчасти же потому, что река мешает нам расширить сильным контрударом достигнутый успех до размеров решительной победы,

Зато подобная оборона реки может часто дать большой выигрыш во времени, к чему обычно и стремится обороняющийся. Сбор средств для переправы часто требует много времени; если несколько попыток терпят неудачу, то это даст еще значительно больший выигрыш времени. Если неприятель будет вынужден дать своим силам совершенно другое направление (из-за реки), то это может предоставить еще и другие выгоды; наконец, во всех тех случаях, когда побуждения неприятеля к наступлению являются не слишком серьезными, река может вовсе остановить его движение и прикрыть страду на долгое время.

Таким образом, непосредственная оборона при крупных силах с обеих сторон, при значительных размерах реки и при благоприятных обстоятельствах может считаться очень хорошим средством обороны, ведущим к результатам, на которые в последнее время (памятуя лишь о неудачных речных оборонах, предпринятых с недостаточными средствами) слишком мало обращали внимания. Ибо, если при вышеуказанных предпосылках (которые на таких реках, как Рейн и Дунай, легко могут иметь место) становится возможной успешная оборона на участке протяжением 24 мили с 60 000 человек против значительно превосходящих сил, то можно с полным правом сказать, что такое достижение заслуживает внимания.

Мы сказали против значительно превосходящих сил; к этому пункту мы должны еще раз вернуться. Согласно изложенной нами теории все сводится к средствам для переправы, а не к тем силам, которые намечены для переправы, раз они не меньше сил, обороняющих реку. Это может показаться очень странным, но это вполне верно. Конечно, не следует забывать, что большинство обороняемых участков рек - вернее сказать, решительно все лишены абсолютных опорных пунктов и, следовательно, могут быть обойдены, а такой обход значительно облегчается большим превосходством сил.

При этом надо иметь в виду, что такая непосредственная оборона реки даже в случае преодоления ее неприятелем все же не может быть поставлена на одну доску с проигранным сражением; едва ли она может привести к полному поражению, так как в бою участвует лишь часть наших войск, а неприятель, задержанный медленной переправой по единственному мосту, не имеет возможности тотчас же развить последствия своей победы до крупных размеров; отсюда ясно, что никак нельзя слишком низко ценить это средство борьбы.

Во всех практических, жизненных делах все сводится к тому, чтобы попасть в надлежащую точку. И при обороне реки важнейшим условием является правильный учет всех обстоятельств. На вид незначительное обстоятельство может внести существенные изменения в конкретную обстановку и обратить в пагубную ошибку то, что в другом случае представляло бы в высшей степени мудрую и действительную меру. Эта трудность - правильно все взвесить и учитывать не одни только свойства реки - здесь особенно велика; больше чем в каком-либо другом случае мы должны здесь особенно остерегаться опасности неправильного применения и толкования; но, сделав эту оговорку, мы считаем долгом открыто заявить, что не придаем никакого значения воплям тех, кто под влиянием смутных чувств и неопределенных представлений всего ожидает от наступления и маневра и видит наиболее верное олицетворение войны в гарцующем на коне с поднятой над головой саблей гусаре.

Такие представления и чувства далеко не всегда достаточны. Напомним хотя бы о некогда знаменитом диктаторе Веделе под Цюллихау в 1759 г. [213] Но хуже всего то, что эти представления и чувства редко сохраняются до конца; они покидают начальника как раз в тот момент, когда на него нападают крупные и сложные события, запутанные в лабиринт тысяч отношений и зависимостей.

Таким образом, мы полагаем, что непосредственная оборона реки при значительных массах войск и при благоприятных обстоятельствах может дать хорошие результаты, если довольствоваться скромными негативными успехами. Но это не относится к небольшим массам войск. В то время как 60000 человек на определенном участке реки могут воспрепятствовать переправе армии в 100000

человек и больше, 10000 человек не в состоянии помешать переправиться на том же протяжении корпусу в 10000 человек и, пожалуй, даже вдвое слабейшему отряду, если бы последний отважился подвергнуться опасности оказаться на одной стороне реки со столь превосходным противником. Это вполне понятно, так как средства переправы остаются теми же самыми.

До сих пор мы почти не останавливались на демонстративных переправах, так как при непосредственной обороне реки они не имеют большого значения: с одной стороны, при такой обороне сосредоточение войск на одном пункте не имеет места, каждой части и без того поручена оборона известного участка реки, а с другой - такие демонстративные переправы в указанной обстановке крайне затруднительны. Если средства для переправы сами по себе слишком незначительны, т.е. не имеются в том количестве, какого желал бы наступающий для обеспечения своего предприятия, то едва ли наступающий сможет и захочет затратить значительную их часть для демонстративной переправы. Во всяком случае, вследствие демонстрации общая масса войск, которую он будет в состоянии перебросить через реку на действительном месте переправы, соответственно уменьшится, и противник опять-таки выиграет то время, которое наступающий, может быть, потеряет из-за неуверенности, вызванной демонстрацией.

Непосредственная оборона вообще применима лишь по отношению к главным рекам в нижней половине их течения.

Второй вид обороны является весьма пригодным по отношению к небольшим рекам, текущим в глубоко взрезанных долинах, иногда даже когда эти реки очень незначительны. Он заключается в том, что войска группируются на таком расстоянии позади реки, что представляется возможным застигнуть неприятельскую армию или разделенную на части во время переправы, когда последняя производится одновременно в нескольких пунктах, или вблизи реки, когда армия стеснена в своих движениях одним мостом или одной дорогой, переправляясь в одном пункте. Иметь тыл, прижатый к реке или к глубокой долине, и располагать лишь одним путем отступления - крайне невыгодное положение для сражения; в использовании этого обстоятельства и состоит наиболее действительная оборона рек средней величины и глубоко взрезанных долин.

Группировка всей армии крупными частями вдоль самой реки, которую мы считаем наилучшей при непосредственной обороне, основывается на предпосылке, что неприятель не может большими массами неожиданно совершить переправу, ибо в противном случае опасность быть разбитым по частям была бы очень велика. Поэтому, если обстоятельства, благоприятствующие обороне реки, недостаточно выгодны, если в руках неприятеля уже имеются богатые средства для переправы, если река изобилует островами или даже бродами, если она недостаточно широка, если мы, обороняющиеся, недостаточно сильны и т.д., - то о непосредственной обороне реки не может быть и речи. Войска для обеспечения связи между собою должны быть несколько отодвинуты от реки, и все дело заключается теперь в том, чтобы, по возможности, ускорить сосредоточение к тому пункту, где неприятель предпринял переправу, чтобы атаковать его раньше, чем он успеет распространиться настолько, чтобы располагать несколькими переправами. В этом случае река или долина должны наблюдаться и слегка обороняться цепью сторожевого охранения, а сама армия должна располагаться в нескольких группах на подходящих пунктах на некотором расстоянии от реки (обычно на расстоянии нескольких часов ходьбы).

Главное затруднение для наступающего в данном случае заключается в прохождении через теснину, образуемую рекою и ее долиной. Здесь, следовательно, дело сводится не столько к водной массе самой реки, сколько к общему характеру образуемой теснины; как общее правило, глубокая скалистая долина представляет гораздо большее препятствие, чем река значительной ширины[214]. Трудность прохождения большой массы войск через значительные теснины в действительности гораздо больше, чем это представляется с отвлеченной точки зрения. Требуемое для этого время весьма значительно; опасность, что неприятелю удастся овладеть окружающими высотами еще в момент прохождения через теснину, внушает серьезное беспокойство. Если первые переправившиеся части слишком далеко продвинуты вперед, то они раньше столкнутся с неприятелем и им угрожает опасность быть раздавленными превосходными силами; если они останутся поблизости от места переправы, то придется сражаться в самых невыгодных условиях. Поэтому переход через такую прорезь в рельефе местности, имеющий целью помериться силами с армией противника по ту сторону ее, представляет собою отважное предприятие, необходимой предпосылкой успеха которого являются

значительное превосходство сил и надежность командования.

Правда, подобная оборонительная линия не может растянуться на такое пространство, как участок непосредственной обороны крупной реки, ибо в основе лежит стремление вступить в бой всеми сосредоточенными силами, а переправа здесь, как бы трудна она ни была, не может сравниться с переправами через большие реки; поэтому для совершения обхода неприятелю не придется совершать особенно дальних движений. Однако этот обход сдвигает неприятеля с его естественного направления (ибо мы, само собой разумеется, предполагаем, что долина перерезает последнее приблизительно перпендикулярно), а невыгодное явление стесненных путей отступления исчезает не сразу, а лишь постепенно. Таким образом, обороняющийся, даже не захвативший переправляющегося в самый критический момент, все же сохраняет некоторые преимущества и тогда, когда последний путем обхода приобрел некоторый простор.

Речь идет не об одной только водной массе рек; едва ли не большее внимание уделяется нами глубине их долин; поэтому мы должны оговориться, что под последней мы разумеем не настоящую горную долину, ибо в таком случае на нее распространялось бы все то, что нами было сказано о горах. Известны весьма многие совершенно ровные районы, где даже самые небольшие реки текут в глубоких долинах или оврагах с крутыми берегами; кроме того, сюда же следует отнести также реки, имеющие болотистые берега и другие препятствия для доступа.

При таких условиях группировка обороняющейся армии позади значительной реки или глубокой долины создает очень выгодное положение, и этот вид обороны рек надо отнести к числу наиболее удачных стратегических мероприятий.

Слабое ее место (т.е. пункт, на котором обороняющийся легко может споткнуться) - это чрезмерная растяжка сил. Так, естественно дать себя увлечь в подобных случаях от одного места переправы к другому и выйти из тех пределов, в которых следовало бы заключить оборону; а если не удастся дать бой вполне сосредоточившейся армией, то все значение этой обороны теряется; проигранный бой, вынужденное отступление, смятение и потери приближают армию к полному разгрому, хотя бы она и не упорствовала до крайнего предела.

В этих условиях обороняющийся не должен растягиваться слишком сильно; во всяком случае к вечеру того же дня, в который неприятель переправляется, обороняющийся обязан сосредоточить свои войска. Этим достаточно сказано, и мы можем отказаться от рассмотрения всяких дальнейших комбинаций времени, сил и пространства, зависящих в данном случае от множества местных условий.

Сражение, возникающее при подобных обстоятельствах, должно носить своеобразный характер, а именно - отличаться крайней энергией и дерзостью со стороны обороняющегося. Демонстрация, с помощью которой наступающий будет держать его некоторое время в неизвестности, обычно позволяет ему распознать пункт истинной переправы лишь тогда, когда времени для противодействия останется только в обрез. Специфические преимущества положения обороняющегося заключаются в невыгодном положении неприятельского корпуса, который окажется непосредственно перед ним. Но если по сторонам начнут тянуться переправившиеся в других местах корпуса и станут его охватывать, то он не сможет противодействовать им, как в обычном оборонительном сражении, энергичными атаками соответственных уступов, так как для этого ему пришлось бы пожертвовать выгодами своего положения[215]. Следовательно, обороняющийся должен добиться решения на своем фронте прежде, чем обходящие отряды станут для него опасны, т.е. он должен атаковать стоящие перед ним войска с возможной быстротой и энергией и их поражением решить все дело.

Однако целью такой обороны реки никогда не может являться сопротивление значительно превосходящим силам, как это все же мыслимо при непосредственной обороне очень крупной реки. Как общее правило, при данном виде обороны придется в действительности иметь дело с большей частью неприятельских сил, - правда, при благоприятствующих нам условиях. Отсюда легко усмотреть, что соотношение сил в этом случае скажется существенно.

Так обстоит дело с обороной средних рек и глубоко врезанных долин, когда действуют крупные массы войск. Значительное сопротивление, которое может быть оказано на самом краю обрыва в долину, не может ни в какой степени уравновесить невыгоды разброски сил этих крупных масс, для

которых решительная победа является прямой потребностью. Но если дело заключается лишь в более прочном занятии второстепенной оборонительной линии, на которой необходимо сопротивляться в течение некоторого времени, выжидая подхода подкреплений, то, разумеется, может иметь место непосредственная оборона края обрыва в долину или самого берега реки; если здесь и не приходится рассчитывать на выгоды, подобные тем, какие представляются горными позициями, то все же сопротивление может продолжаться дольше, чем на обычной местности. Лишь в одном случае этот прием становится опасным или даже невозможным: это - когда река протекает крайне извилисто, образуя многочисленные излучины, что часто наблюдается именно у рек, текущих в глубоких долинах. Взглянем хотя бы на течение реки Мозеля. Части, выдвинутые в выступающие излучины для их обороны, почти неизбежно погибнут в случае отступления.

Само собой разумеется, что при обороне очень большой реки применим - и к тому же в гораздо более благоприятных условиях - тот способ обороны, какой мы признали наиболее подходящим для обороны рек средней величины при наличии значительных масс войск. Этот способ найдет применение преимущественно в тех случаях, когда обороняющийся стремится к решительной победе (Асперн).

Совершенно иначе складывается вопрос, когда армия располагается фронтом вплотную вдоль берега крупной или средней реки или края глубокой долины, дабы таким образом командовать над преграждающим доступ тактическим препятствием или усилить свой фронт. Ближайшее его рассмотрение относится к области тактики. О действительности такого приема мы окажем лишь одно: в сущности - это полнейший самообман. Если долина врезана очень сильно, то фронт позиции окажется совершенно неприступным. А так как обход этой позиции не представляет больших затруднений, чем обход какой-либо иной позиции, то по существу все дело в данном случае сводится к тому, как будто сам обороняющийся уклонился в сторону от пути наступающего; последнее, разумеется, едва ли могло входить в задачу такого расположения. Оно, следовательно, может принести пользу лишь тогда когда по условиям местности оно настолько угрожает коммуникационным линиям наступающего, что всякое уклонение от прямой дороги будет сопряжено для наступающего с чрезмерно невыгодными последствиями.

При этом втором виде обороны демонстративные переправы гораздо опаснее, ибо наступающий может их предпринимать с меньшими затруднениями, а задача обороняющегося, напротив, сводится к тому, чтобы сосредоточить все свои силы в надлежащем пункте. Однако время, которым располагает обороняющийся, ограничено уже не в такой сильной степени, ибо его преимущества сохраняются до тех пор, пока наступающий не сосредоточил всех своих сил и не овладел несколькими переправами; к тому же действительность демонстративных атак не так велика, как при обороне кордона, когда все пункты необходимо удерживать за собою и когда при применении резерва центр тяжести заключается не в простом вопросе, где находятся главные силы противника, как то имеет место в данном случае, а в вопросе гораздо более сложном - в определении того пункта кордона, который будет раньше всего захвачен.

Относительно обоих видов обороны крупных и малых рек мы еще должны сделать одно общее замечание: организуемые в условиях поспешности и суматохи отступления, без необходимой подготовки, при невозможности удалить средства переправы и без точного знакомства с местностью они не могут дать тех результатов, о которых мы здесь говорили. В большинстве случаев на эти благоприятные условия рассчитывать не приходится, и тогда было бы большой ошибкой распылать свои силы на растянутой позиции.

Так как на войне обычно терпит неудачу все то, что делается не с достаточно отчетливым сознанием и с неполным напряжением и твердостью воли, то и оборона реки вообще окажется unsuccessful, если к ней обратятся лишь из страха дать сражение противнику в открытом поле, питая надежду, что неприятеля задержит ширина реки или глубина долины. В подобном случае наблюдается столь полное отсутствие уверенности в прочности своего положения, что обычно и полководец, и армия преисполнены самых тревожных ожиданий; и действительность в короткий срок оправдывает эти опасения. Ведь сражение в открытом поле не предполагает, как в дуэли, совершенного равенства шансов; обороняющемуся, не умеющему извлечь для себя никаких преимуществ ни из природных свойств обороны, ни из быстроты маршей и знания местности, ни из свободы своих передвижений, ничто не поможет, а менее всего смогут выручить его река и ее долина.

Действенность третьего вида обороны - занятия крепкой позиции на неприятельском берегу - основывается на угрожающей неприятелю опасности, которая возникает из того, что река будет пересекать его коммуникационные линии и ограничивать их несколькими перекинутыми мостами. Само собою ясно, что в данном случае речь может идти лишь о крупных многоводных реках. Только такие реки подойдут к подобному случаю, ибо мелководная река, протекающая по глубоко врезанной долине, обычно имеет так много переправ, что указанная опасность совершенно устраняется.

Но позиция обороняющегося должна быть очень сильна, почти неприступна, в противном случае он пошел бы навстречу желаниям противника и отказался бы от своих преимуществ. Если же она настолько сильна, что неприятель не решится ее атаковать, то при известных обстоятельствах сам он окажется прикованным к тому же берегу, на котором наводятся обороняющийся. Если наступающий переправится на другую сторону, тем самым он откроет доступ обороняющемуся к своим коммуникационным линиям. Правда, в то же время он будет угрожать и нашим коммуникационным линиям, здесь, как и во всех случаях расхождения обеих сторон по разным дорогам, все зависит от того, чьи сообщения по числу путей, их положению и прочим обстоятельствам являются более обеспеченными; от того, кто в совокупности всех условий может при этом больше проиграть, т.е. быть превзойденным противником; наконец, от того, которая из двух борющихся сторон сохранила в своей армии больше победного духа, дабы опереться на него в критический момент. Вся роль реки в данном случае сводится лишь к тому, что она повышает обоюдную опасность подобного движения, ибо возможности каждой стороны ограничиваются теперь мостами. Поскольку можно предполагать, что в нормальных условиях переправа обороняющегося, а также его склады всех видов окажутся более обеспеченными крепостями, чем переправа и склады наступающего, постольку подобная оборона является вполне мыслимой и может явиться на замену непосредственной обороны реки, когда прочие обстоятельства недостаточно благоприятствуют последней. Правда, в этом случае ни армия не защищена рекою, ни река - армией; но соединение этих двух факторов прикрывает страну, а в этом - вся суть.

Впрочем, надо признать, что этот метод обороны без решительного удара - способ, напоминающий напряжение, в котором оказываются два противоположных электрических полюса при одном лишь соприкосновении их сфер, - пригоден только для того, чтобы задержать не слишком сильный импульс. Он вполне применим против осторожного, нерешительного полководца, который не рвется стремительно вперед даже при значительном перевесе сил; точно так же и в том случае, когда уже наступило колеблющееся равновесие сил обеих сторон и последние только стремятся выиграть друг у Друга небольшие преимущества. Если же налицо большое превосходство сил и отважный противник, то это - опасный путь, приводящий на край гибельном

Впрочем, эта форма обороны выглядит так дерзко и в то же время так научно, что хотелось бы ее назвать элегантною, но так как элегантнось легко переходит в фатовство, что на войне не прощается так легко, как в обществе, то примеры такого рода элегантнось очень редки. Этот третий вид обороны реки породил особое подспорье для двух первых ее видов, а именно удержание в своих руках моста и предмостного укрепления, дабы постоянно угрожать переправой на неприятельский берег.

Помимо цели абсолютного сопротивления главными силами, каждый из этих трех видов обороны реки может иметь своей задачей и демонстративное сопротивление.

Создание такого призрака сопротивления, которое наг самом деле мы оказывать не намерены, обычно может быть достигнуто и посредством многих других мероприятий в> любом расположении, несколько отличающемся от обычной остановки на ночлег во время марша; однако при демонстративной обороне значительной реки призрака сопротивления разрастается в подлинное морочение противника, так как обороняющийся принимает множество более или менее обстоятельных мер; отсюда и воздействие демонстративной обороны реки обычно бывает более значительным и длительным, чем во всех других случаях. Выполнение такой переправы перед лицом неприятельской армии всегда является для наступающего очень важным шагом, и перед приступом к нему он часто затратит много времени на обдумывание, а иногда охотно отложит приступ к переправе до более благоприятного времени.

Для такой демонстративной обороны необходимо, следовательно, чтобы главные силы армии (приблизительно так же, как и при серьезной обороне) были расположены близ реки, но так как самое

намерение ограничиться лишь демонстративной обороной показывает, что для действительной обороны обстоятельства недостаточно благоприятны, то такая группировка, которая по необходимости должна быть более или менее растянутой и раздробленной, легко может привести к опасности крупных потерь, если части армии начнут втягиваться хотя бы лишь в умеренное сопротивление; это явилось бы в подлинном смысле слова полумерой. При демонстративной обороне все должно быть рассчитано на безошибочное сосредоточение армии в пункте, расположенном позади и притом на значительном удалении (часто на расстоянии нескольких переходов); сопротивление должно быть оказано лишь совместно с осуществлением этого сосредоточения.

Дабы пояснить наш взгляд и в то же время показать все значение, которое может иметь такая демонстративная оборона, мы напомним о конце кампании 1813 г. Бонапарт привел обратно из-за Рейна каких-нибудь 40000-50000 человек. Защищать с такими силами реку на том протяжении, на котором союзники могли бы с удобством переправиться, не меняя направления своих сил, а именно от Мангейма до Нимвегена, являлось совершенно невозможным. Обстановка позволяла Бонапарту рассчитывать на оказание первого серьезного сопротивления лишь приблизительно на линии французского Мааса, где он имел бы возможность усилиться некоторыми подкреплениями. Но если бы он тотчас же отвел свою армию туда, то союзники последовали бы за ним по пятам; если бы он занял для отдыха квартирное расположение за Рейном, то пришлось бы почти немедленно сняться с квартир, ибо даже при самой робкой осторожности союзники перебросили бы через Рейн тучи казаков и других легких войск, а раз это осуществилось бы успешно, то за ними последовали бы и другие части. Таким образом, французские корпуса должны были заняться приготовлениями к серьезной обороне Рейна. Так как легко можно было предвидеть, что из этой обороны ничего не выйдет, если только союзники действительно приступят к переправе через Рейн, то на эту оборону надо было смотреть, как на простую демонстрацию, при которой французские корпуса не подвергались никакой опасности, так как пункт их сосредоточения лежал на верхнем течении Мозеля. Один лишь Макдональд, который, как известно, находился с 20000 человек под Нимвегеном, допустил ошибку, оставаясь до момента, когда его фактически прогнали; так как оттеснение его из-за опоздания прибытия корпуса Винценгероде состоялось только в середине января, то это помешало Макдональду присоединиться к Бонапарту перед сражением под Бриенном. Демонстративная оборона Рейна все же оказалась достаточной, чтобы приостановить продвижение союзников и привести их к решению отложить переправу через Рейн до подхода подкреплений, т.е. задержало их на шесть недель. Эти шесть недель являлись для Бонапарта чрезвычайно ценными. Без демонстративной обороны Рейна победа под Лейпцигом непосредственно вела бы к Парижу, вступить же в бой по сю сторону этой столицы было бы для французов совершенно невозможно.

Подобный обман противника может иметь место и при втором виде речной обороны, т.е. при обороне рек среднего размера, однако в общем он будет менее действительным, ибо в этом последнем случае осуществление попытки переправиться встречает меньше затруднений, а потому чары призрачной обороны рассеются скорее.

При третьем виде речной обороны демонстрация оказалась бы еще менее действительной и не могла бы пойти дальше демонстративной обороны любой позиции, занятой на короткий срок.

Наконец, первые два вида обороны весьма пригодны для того, чтобы придать выставленной для какой-либо второстепенной цели линии сторожевого охранения, или линии обороны (кордона), или второстепенному отряду, выдвинутому только для наблюдения, большую силу и надежность, которых они не имели бы при отсутствии реки. Во всех этих случаях речь может идти исключительно об относительном сопротивлении, а последнее, конечно, значительно усиливается при наличии такого местного рубежа. Мы должны притом иметь в виду не только относительно крупный выигрыш времени, который может дать сопротивление в течение самого боя, но и множество опасений, которые обычно появляются у неприятеля при подобных предприятиях и в результате которых, если обстоятельства не толкают особенно настойчиво вперед, в девяноста девяти случаях из ста предприятие останется невыполненным.

Глава 19.

Оборона рек

(Продолжение)

Теперь нам надо сказать кое-что о влиянии, оказываемом крупными и средними реками на оборону страны в том случае, когда эти реки не обороняются.

Каждая значительная река с ее главной долиной и с примыкающими к ней долинами представляет собой значительное местное препятствие и благодаря этому в общем является выгодной для обороны; особенности ее влияния могут быть очерчены в их главных проявлениях более точным образом.

Прежде всего, мы должны различать, течет ли река параллельно границе, т.е. общему стратегическому фронту, или же ее течение имеет по отношению к границе косое или перпендикулярное направление. При параллельном течении мы должны различать тот случай, когда река находится в тылу нашей армии или же в тылу неприятеля, а в обоих случаях важно удаление, на котором находятся от реки войска той или другой стороны.

Обороняющаяся армия, имеющая в своем тылу на небольшом расстоянии (но не ближе одного перехода) значительную реку и обладающая на этой реке значительным числом обеспеченных переправ, находится, бесспорно, в более выгодном положении, чем если бы у нее не было в тылу этой реки, ибо хотя армия и связывается наличием определенных переправ и является несколько стесненной в своих движениях, но она гораздо больше выигрывает от обеспеченности своего стратегического тыла, т.е., главным образом, своих коммуникационных линий. При этом мы имеем в виду оборону в собственной стране, ибо в стране неприятельской, хотя бы неприятель стоял впереди нас, нам все же приходится в большей или меньшей степени опасаться появления его и в нашем тылу по ту сторону реки; в этом случае река, вследствие создаваемых ею дефиле, оказывала бы скорее вредное, чем полезное влияние на наше положение. Чем дальше позади армии протекает река, тем меньше пользы она приносит, а на известном расстоянии влияние ее совершенно исчезает.

Если наступающая армия при своем продвижении вперед должна оставить позади себя реку, то последняя окажет лишь вредное влияние на свободу ее движений, ибо она будет затруднять сообщение по коммуникационным линиям отдельными пунктами переправы. В 1760 г. принц Генрих, находясь против русских у Бреслава на правом берегу Одера, несомненно получал опору в этой реке, протекавшей позади него на расстоянии перехода; напротив, русские, переправившиеся впоследствии через Одер под начальством Чернышева, оказались в невыгодном положении вследствие грозившей им опасности потерять путь отступления с утратой единственного моста через эту реку.

Если река течет через театр войны более или менее перпендикулярно к фронту, то выгода от нее будет опять-таки на стороне обороняющегося, ибо, во-первых, она доставляет обычно целый ряд удобных позиции, опирающихся флангом на реку и использующих для усиления фронта долины притоков (такую роль играла Эльба для пруссаков во время Семилетней войны); во-вторых, наступающий будет вынужден или оставить незанятым один из берегов реки, или разделить свои силы, а при таком разделении обороняющийся опять имеет шансы извлечь из него выгоды, так как в его распоряжении находятся более обеспеченные переправы, чем у наступающего. Стоит только бросить общий взгляд на Семилетнюю войну, чтобы убедиться, что Одер и Эльба оказались для Фридриха

Великого при обороне его театра (а именно - Саксонии, Силезии и Бранденбурга) чрезвычайно полезными и, следовательно, в значительной мере препятствовали австрийцам и русским завоевать эти провинции, хотя подлинная оборона этих рек ни разу не имела места за все время Семилетней войны, а течение рек по обстановке оказывалось по большей части скорее косым или перпендикулярным по отношению к фронту, чем параллельным.

Лишь поскольку река при более или менее перпендикулярном направлении ее течения является водным путем, она в общем благоприятствует наступающему, так как коммуникационная линия последнего длиннее, а следовательно, и транспорт всего необходимого для него затруднительнее; в таком случае перевозки водой окажут ему значительное облегчение и послужат на пользу. Правда, и в данном случае у обороняющегося оказывается то преимущество, что он имеет возможность преградить крепостями пользование рекой наступающему, начиная от самой границы; однако это не уничтожает выгод, которые река доставляет наступающему в пределах его собственной территории. Но нужно принять во внимание следующие обстоятельства: что многие реки там, где они по своей

ширине имеют значение для войны в других отношениях, все же еще несудоходны; что иные реки бывают судоходны лишь в известное время года; что плавание вверх по течению крайне медленно и часто затруднительно; что многочисленные изгибы многих рек более чем удваивают длину пути; что в наше время главными путями сообщения между двумя странами являются шоссейные дороги; что теперь, больше чем в прежнее время, основную массу необходимых для войска продуктов обычно добывают в ближайших провинциях, а не доставляют издалека[216]. Отсюда ясно, что пользование рекой вообще не играет уже такой важной роли в деле снабжения войск, как обычно изображают в книгах, и что в этом отношении их воздействие на ход событий является крайне отдаленным и неопределенным.

Глава 20

А. Оборона болот

Большие, занимающие обширные пространства болота встречаются так редко, что на них долго останавливаться не стоит; но не надо забывать, что кое-какие низины и болотистые берега небольших речек встречаются чаще и образуют значительные местные рубежи, которые могут быть использованы в целях обороны и которые в действительности часто для этого используются.

Хотя мероприятия по их обороне приблизительно таковы же, как для обороны рек, тем не менее следует обратить внимание на некоторые особенности. Первая и важнейшая заключается в том, что те болота, которые вне гатей совершенно непроходимы для пехоты, делают переправу гораздо более затруднительной, чем какая бы то ни было река, ибо гать сооружается медленнее моста, и притом не существует каких-либо средств переправы, при помощи которых можно было бы предварительно перебросить часть войск для прикрытия работ по сооружению гати. Никто не приступит к постройке моста, не использовав часть лодок на перевозку авангарда, при переправе же через болото не может быть применен какой-либо соответственный подсобный прием; самый легкий способ организовать переправу одной пехоты через болото - это укладка досок, но при известной ширине болота на эту работу придется затратить несоизмеримо больше времени, чем на первую переправу через реку на лодках. Если вдобавок посредине болота протекает еще речка, через которую без моста пробраться нельзя, то задача переправы прикрывающих частей становится еще затруднительней, ибо по доскам могут перебраться отдельные люди, но доставить по ним тяжелые грузы, необходимые для постройки моста, невозможно. Это затруднение при известных обстоятельствах может стать непреодолимым.

Вторая особенность болот заключается в том, что переправы через них не могут быть окончательно уничтожены, подобно тому, как это возможно по отношению средств переправы через реку; мосты можно разобрать или настолько разрушить, что ими уже нельзя будет пользоваться, гати же в лучшем случае можно перервать, что не имеет большого значения. Если посредине болота протекает небольшая речка, то хотя и можно снять с нее мост, но это не уничтожит всю переправу в целом в такой мере, в какой разрушение моста уничтожает переправу через значительную реку. Естественно, что при стремлении использовать болото для обороны придется всякий раз занимать сильными отрядами и серьезно защищать все имеющиеся гати.

Таким образом, с одной стороны, болота вынуждают к местной обороне, но с другой, последняя облегчается невозможностью переправы в другом каком-либо месте. Эти две особенности придают обороне болот более местный и пассивный характер по сравнению с обороной рек.

Отсюда следует, что при обороне болот надо располагать сравнительно большими силами, чем при непосредственной обороне реки; следовательно, при одинаковых силах нельзя вдоль болот занимать столь же длинные оборонительные линии, - особенно в культурных странах, где число переправ даже при благоприятной обстановке для обороны все же будет очень велико.

В этом отношении болота уступают большим рекам, и этому обстоятельству нельзя не придавать большого значения, ибо всякая местная оборона является делом трудным и опасным. Однако если мы примем во внимание, что подобные болота и низменности обладают такой шириной, с которой нельзя сравнить ширину самых крупных европейских рек; что, следовательно, расположенный для обороны переправы отряд никогда не подвергается опасности быть подавленным огнем с противоположного берега; что действие его собственного огня благодаря крайне узкой и длинной гати бесконечно усиливается и что вообще переход через такую теснину, длиною в У4или в У2мили, представляет

значительно большую задержку, чем переход по мосту, - то приходится сознаться, что такие низины и болота, если переходы через них не слишком многочисленны, принадлежат к числу сильнейших оборонительных линий, какие только могут оказаться.

Косвенная оборона, которую мы изучили в отношении больших и средних рек, - когда местный рубеж используется для того, чтобы в выгодных условиях вступить в генеральное сражение, - может точно так же применяться при расположении за болотами.

Третий метод речной обороны - при помощи занятия позиции на неприятельском берегу - оказался бы чересчур рискованным вследствие длительности переправы через болота.

Крайне опасно предпринимать оборону таких болот, сырых лугов, пойм и пр., которые вне гати не являются абсолютно непроходимыми. Достаточно неприятелю найти хотя бы одну переправу через них, чтобы прорвать оборонительную линию, а такой прорыв в случае серьезного сопротивления всегда сопряжен с большими потерями.

Б. Затопление

Теперь нам остается упомянуть еще о затоплении. И как средство обороны, и как явление природы оно, бесспорно, ближе всего подходит к обширным болотам.

Правда, затопления встречаются редко; пожалуй, Голландия единственная страна, где они представляют явление, которое в отношении интересующего нас предмета заслуживает внимания. Эта страна и вынуждает нас по причине замечательных походов 1672 и 1787 гг., а также вследствие положения ее относительно Франции и Германии, посвятить данному вопросу некоторые соображения.

Голландские затопления по своему характеру отличаются от болотистых и непроходимых низин следующими особенностями:

1. Сама по себе страна сухая и состоит из лугов или пашен.

2. Ее прорезают многочисленные оросительные и водоотводные каналы большей или меньшей глубины и ширины, расположенные параллельными полосами.

3. Через всю страну во всевозможных направлениях проходят более крупные оросительные и осушительные несудоходные каналы, заключенные в дамбы; их свойства таковы, что перейти через них без мостов невозможно.

4. Поверхность всего района возможного затопления лежит заметно ниже уровня моря, а следовательно, и ниже уровня каналов.

5. Отсюда следует, что при помощи прорыва дамб, закрытия и открытия шлюзов можно покрыть водой страну так, что сухими останутся лишь дороги, пролегающие по более высоким дамбам, остальные же или будут совершенно под водою, или настолько размякнут, что ими пользоваться не придется. Уровень воды в затопленном районе достигает высоты лишь 3-4 футов, так что можно было бы, казалось, на коротком расстоянии пройти по затопленному пространству вброд, но этому препятствуют указанные в п. 2 небольшие каналы, которых под водой не видно. Лишь там, где эти каналы имеют соответственное направление и между двумя из них можно продвигаться вперед, не переходя через ту или другую, затопление перестает быть абсолютной преградой. Понятно, что такое движение вдоль каналов по затопленному пространству допустимо лишь на самых коротких расстояниях и, следовательно, этим обстоятельством можно пользоваться лишь в частных случаях, в тесных пределах тактики.

Отсюда вытекает следующее:

1. Наступающий ограничен некоторым небольшим числом подступов, пролегающих по довольно узким дамбам, обычно сопровождаемым справа и слева канавами, наполненными водой;

следовательно, эти подступы представляют собой очень длинное дефиле.

2. Любое оборонительное сооружение на такой дамбе может чрезвычайно легко быть усилено так, что побороть его сопротивление окажется невозможным.

3. Обороняющийся таким же образом ограничен в своих действиях и может на каждом отдельном пункте придерживаться только пассивной обороны; следовательно, он обречен ожидать своего спасения от пассивного сопротивления.

4. В данном случае дело заключается не в одной оборонительной линии, которая преграждала бы как барьер доступ в страну; повсюду оказывается налицо то же препятствие доступу, прикрывающее фланги; имеется возможность непрерывно занимать новые позиции и таким образом заменять утраченный участок оборонительной линии другим. Мы готовы сказать, что число комбинаций здесь, как и на шахматной доске, неисчерпаемо.

5. Но так как такое состояние страны мыслимо лишь при чрезвычайно высокой культуре и большой плотности населения, то отсюда само собой вытекает, что число подступов, а равно и число отрядов, необходимых для их заграждения, окажется очень большим по сравнению со стратегическим расположением за другими преградами; отсюда опять-таки следует, что такая оборонительная линия не должна быть длинной.

Основная голландская линия идет от Наардена на Зюдерзее[217], большей частью за р. Фехтой до Горкума на Ваале, т.е., собственно говоря, к Бисбошу, и имеет протяжение около 8 миль. Для обороны этой линии было использовано в 1672 и 1787 гг. 25000-30000 человек. Если бы можно было уверенно рассчитывать на непреодолимое сопротивление, то, несомненно, результат являлся бы весьма значительным; по меньшей мере, достигалось бы прикрытие расположенной позади голландской провинции[218]. В 1672 г. эта линия действительно выдержала наступление значительно превосходящих сил под начальством великих полководцев, а именно - сначала Конде и затем Люксембурга, в распоряжении которых находилось от 40000 до 50000 человек; однако решительных действий они не предприняли и предпочли выжидать наступления зимы, которая, впрочем, оказалась недостаточно суровой. Напротив, в 1787 г. сопротивление на этой линии оказалось совершенно ничтожным, и даже более серьезное сопротивление на гораздо более короткой линии, между Зюдерзее и Гаарлемским морем, было сломлено в один день воздействием весьма искусных и в точности отвечавших местным условиям тактических распоряжений герцога Брауншвейгского, несмотря на то, что силы пруссаков, действительно двинутые против этой линии, мало или даже вовсе не превосходили сил обороняющегося.

Различный исход этих двух оборон находится в зависимости от различия в главном командовании. В 1672 г. Людовик XIV напал на неизготовившихся к войне голландцев; последние, как известно, располагали сухопутными силами, не особенно проникнутыми воинственным духом. Поэтому большинство крепостей оказалось плохо снабженным предметами снаряжения и лишь со слабыми гарнизонами, состоящими из наемных войск; комендантами крепостей являлись или вероломные иностранцы, или свои, да неспособные. Поэтому бранденбургские крепости на Рейне, занятые голландцами, очень скоро почти без сопротивления попали в руки французов, точно так же, как и их собственные крепости, расположенные к востоку от указанной оборонительной линии, за исключением Гренингена. К захвату этого множества крепостей и свелась, главным образом, деятельность 150000 человек французской армии.

Когда же, вследствие имевшего место в августе 1672 г. убийства братьев де Витт, принц Оранский встал во главе правительства и внес единство в мероприятия по обороне, время оказалось еще не упущенным для того, чтобы заградить вышеуказанную оборонительную линию, и все мероприятия оказались настолько согласованными, что ни Конде, ни Люксембург, командовавшие после ухода обеих армий - Тюренна и Людовика XIV - оставшимися в Голландии войсками, не отважились что-либо предпринять против отдельных отрядов.

В 1787 г. обстоятельства сложились совершенно иначе. Вся тяжесть обороны легла на одну лишь провинцию - Голландию, а не на все семь союзных провинций Нидерландской республики. Теперь не было и речи о взятии всех тех крепостей, которые в 1672 г. составляли главный предмет военных

действий; оборона сразу ограничилась вышеупомянутой линией. Впрочем, и у наступающего имелось не 150 000 человек, а всего лишь 25 000; стоявший во главе полководец не являлся могущественным королем соседнего великого государства, а являлся посланцем весьма далекого, связанного всевозможными соображениями государя. Народ же, как во всей республике, так и в провинции Голландии, был разделен на две партии, но в Голландии партия республиканцев решительно господствовала и притом находилась в поистине восторженно-приподнятом настроении. В этих условиях в 1787 г. могло быть оказано по меньшей мере столь же успешное сопротивление, как и в 1672 г. Однако имелось и существенное различие: дело в том, что в 1787 г. не было единства в командовании. Последнее, переданное в 1672 г. в сильные руки разумного и предусмотрительного Вильгельма Оранского, оказалось в 1787 г. порученным так называемой комиссии обороны; эта комиссия, хотя и состоявшая из четырех сильных духом людей, не смогла, однако, внести во все дело обороны нужное единство мероприятий и внушить отдельным лицам требуемое доверие; поэтому весь инструмент оказался несовершенным и не пригодным к употреблению.

Мы остановились немного на этих событиях с целью внести несколько большую определенность в представление об этом оборонительном мероприятии и вместе с тем показать, насколько различна его действительность в зависимости от большего или меньшего единства и последовательности, господствующих в руководстве всем делом в целом.

Хотя организация и методы обороны такой оборонительной линии составляют предмет тактики, но близко соприкасаются и со стратегией; поэтому мы позволяем себе сделать замечание, повод к которому нам дает кампания 1787 г. Мы полагаем, что как ни пассивна должна быть по самой природе дела оборона отдельных пунктов, все же наступательная реакция на каком-либо участке сил всей оборонительной линии не исключается и может иметь хороший успех, если противник, как это имело место в 1787 г., не обладает заметным превосходством сил. Подобная вылазка может состояться лишь по дамбам и потому явится стесненной в свободе движений и не будет отличаться особой силой напора; но зато и наступающий не будет иметь возможности занять все те дороги и плотины, по которым он сам не продвигается. Таким образом, у обороняющегося всегда явится возможность, при его знании страны и обладании крепостями, или произвести действительную фланговую атаку против наступающих колонн неприятеля, или же отрезать им связь с их запасами продовольствия. Если при этом иметь в виду, в каком крайне стесненном положении находится наступающий, - а именно, как в данном случае по сравнению со всеми другими возрастает его зависимость от сообщений, - то станет понятным, что каждая вылазка обороняющегося, имеющая хотя бы самые отдаленные шансы на успех, даже оставаясь только демонстрацией, может принести крупные последствия. Мы очень сомневаемся, решился ли бы подойти к Амстердаму осторожный и осмотрительный герцог Брауншвейгский, если бы голландцы предприняли хотя бы одну такую демонстрацию, - например, со стороны Утрехта.

Глава 21. Оборона лесов

Прежде всего, нужно различать густые, непроходимые, дикорастущие леса от культурных разросшихся лесных насаждений, которые частью очень редки, частью прорезаны многочисленными путями.

Последние, раз вопрос идет о занятии оборонительной линии, следует или оставлять у себя в тылу, или, по возможности, избегать их. Обороняющийся более, чем наступающий, нуждается в том, чтобы иметь свободный кругозор, отчасти потому, что он является слабейшей стороной, отчасти потому, что естественные преимущества его положения побуждают обороняющегося развертывать свой план позднее наступающего. Если бы он допустил перед собою лесистую местность, то ему пришлось бы сражаться, как слепому против зрячего. Если бы он вздумал расположиться в лесу, то хотя обе стороны оказались бы слепыми, но это равенство не соответствовало бы естественным потребностям обороняющегося[219].

Итак, подобная лесистая местность не представляет каких-либо выгод для ведения обороняющимся боев, за исключением случая, когда она оказывается в тылу, где она позволяет укрыть от наблюдения неприятеля все, что происходит позади; лесистая местность может быть также использована обороняющимся для прикрытия и облегчения своего отступления.

Оговоримся, что здесь речь идет лишь о лесах в равнинной местности, ибо там, где местность носит решительно гористый характер, влияние последней в стратегии и тактике будет господствующим, и о нем мы уже говорили.

Но непроходимые леса, - т.е. такие, через которые можно пройти лишь по определенным дорогам, - несомненно, представляют для косвенной обороны выгоды, подобные тем, какие последняя извлекает из гор для завязки сражения в благоприятных условиях. Армия может позади такого леса выжидать в более или менее сосредоточенной группировке приближения неприятеля, чтобы атаковать его в момент дебуширования из теснин, образуемых лесными дорогами. Такой лес по оказываемому им воздействию скорее напоминает горы, чем реку, ибо хотя прохождение через него крайне медленно и трудно, однако в случае отступления он скорее выгоден, чем опасен.

Все же непосредственная оборона лесов, как бы непроходимы они ни были, - рискованное дело даже для самой слабой цепи сторожевого охранения, ибо засеки представляют лишь воображаемые преграды, и никакой лес не является настолько непроходимым, чтобы через него в сотне пунктов нельзя было продвинуть небольшие отряды, а эти последние по отношению к сторожевой цепи напоминают первые капли воды, просочившиеся через плотину; за ними вскоре последует общий ее размыв.

Гораздо важнее влияние, оказываемое обширными лесами при народной войне; бесспорно, они являются подлинной ее стихией; поэтому, если стратегический план обороны можно так построить, что сообщения неприятеля окажутся пересеченными обширными лесами, то тем самым в дело обороны будет введен новый могучий рычаг.

Глава 22. Кордон

Название кордона дается каждой изготовленной к обороне линии, стремящейся непосредственно защитить целую область путем ряда связанных между собой небольших отрядов, занимающих сильные позиции. Мы говорим непосредственно, ибо несколько выдвинутых на одну линию корпусов большой армии могли бы защищать от вторжения неприятеля значительную область страны, не образуя кордона, но такая защита не являлась бы непосредственной и осуществлялась бы путем различных комбинаций и движений.

Такая оборонительная линия, растянутая на большую длину, чтобы непосредственно прикрыть значительную область, обладает лишь ничтожной способностью к сопротивлению; это ясно до очевидности. Такая же неспособность к сопротивлению сохранится и при занятии кордона самыми крупными массами войск, если против них будут действовать соответственные массы. Отсюда следует, что задачей кордона может быть лишь оборона против удара слабого - по причине ли слабости волевого импульса или по причине незначительности тех сил, которые могут принять участие в этом ударе.

Таково и было назначение, для которого сооружалась Китайская стена: защита от набегов варваров[220]. Такое же значение имеют все организации линий и пограничных охран, устанавливаемых европейскими государствами, соприкасающимися с Азией и Турцией. При таком его применении кордон не становится в противоречие со здравым смыслом и не является нецелесообразным. Правда, не всякий набег может быть им предотвращен, но во всяком случае набеги будут затруднены и, следовательно, станут более редкими, а при взаимоотношениях, какие существуют с азиатскими народами, с которыми состояние войны никогда не прекращается, это чрезвычайно важно.

К этому значению кордона более всего приближаются и те линии, которые в новой истории устраивались также и в войнах между европейскими государствами, - как, например, французские линии на Рейне и в Нидерландах. Они, в сущности, были организованы для ограждения страны от вторжений, имевших задачей лишь сбор контрибуций и содержание войск противника. Таким образом, они имели назначением препятствовать лишь побочным предприятиям, а следовательно, и должны были обороняться только второстепенными силами. Но, конечно, в тех случаях, когда главные неприятельские силы направлялись против этих линий, обороняющийся оказывался вынужденным

занять их также своими главными силами; отсюда возник один из далеко не лучших приемов обороны. Вследствие этой невыгоды и так как охрана от набегов в течение преходящей войны представляет задачу безусловно второстепенного значения, которая при наличии таких линий легко может повести к чрезмерной затрате сил, на эти линии в наше время стали смотреть, как на вредное мероприятие. Чем интенсивнее сила будущей войны, тем это средство оказывается более бесполезным и опасным.

Наконец, все очень растянутые линии сторожевого охранения, прикрывающие квартирное расположение войск и долженствующие оказать некоторое сопротивление, могут рассматриваться как подлинные кордоны.

Их сопротивление рассчитывается преимущественно против набегов и других небольших предприятий, покушающихся на безопасность расквартированных в отдельных селениях войск; для достижения этой цели при благоприятных условиях местности оно может получить достаточную силу. В том случае, если надвинутся главные силы неприятеля, сопротивление может быть лишь относительным, т.е. рассчитанным только на выигрыш времени, но и этот выигрыш времени окажется в большинстве случаев не очень значительным, а следовательно, на него можно смотреть, как на нечто меньшее, чем задача кордона сторожевого охранения. Сосредоточение и приближение самой неприятельской армии никогда не может осуществиться настолько незаметно, чтобы обороняющийся об этом впервые узнал лишь от своего охранения, и допустить это мог бы только такой обороняющийся, который заслуживал бы в подобном случае сожаления.

Следовательно, и в этом случае кордон выставляется лишь против нападения слабых сил и не противоречит, как в двух других случаях, своему назначению.

Но если главные силы, предназначенные для обороны страны от главных неприятельских сил, будут разбиты на длинный ряд отрядов, занимающих оборонительные позиции, т.е. образуют кордон, то это представляется столь несообразным, что является необходимостью в исследовании дальнейших обстоятельств, сопровождающих и мотивирующих такое явление.

Всякая позиция в горной местности, - даже если она занимает с целью дать сражение вполне сосредоточенными силами, - может и неизбежно должна быть более растянутой, чем на равнине. Это возможно, ибо местные условия значительно повышают способность к сопротивлению; это необходимо, потому что здесь требуется более широкая база для отступления, как нами уже было отмечено в главе об обороне в горах. Но если в ближайшем будущем сражения не предвидится и если можно предполагать, что неприятель еще довольно долго будет оставаться против нас, ограничиваясь предприятиями лишь постольку, поскольку для них будет представляться благоприятный случай (состояние, являющееся обычным в большинстве войн), то естественно не ограничивать себя в отношении местности обладанием самым необходимым, но установить свое господство справа и слева над таким пространством территории, какое только допускает безопасность нашей армии; это дает нам разнообразные преимущества, как мы точнее еще покажем в дальнейшем. На открытой, доступной местности этого можно достигнуть при посредстве начала подвижности в большей мере, чем в горах, поэтому там для этой цели является меньшая потребность в растяжке и разброске вооруженных сил; к тому же они представляли бы там большую опасность, ибо на равнине каждая часть обладает гораздо меньшей способностью к сопротивлению.

Но в горах всякое обладание местностью находится в большей зависимости от местной обороны, так как нельзя скоро добраться до угрожаемого пункта и не так легко выбить противника даже превосходящими силами, раз он успел раньше нас занять известный пункт; при этих условиях в горах придут к расположению, хотя и не являющемуся подлинным кордоном, но все же приближающемуся к нему вследствие занятия ряда оборонительных позиций отдельными отрядами. Хотя от такой группировки, разбитой на несколько отрядов, остается еще большой шаг до кордона, но полководцы тем не менее часто его делают бессознательно, продвигаясь на этом пути от одной ступени к другой. Вначале целью раздробления сил является прикрытие местности и обладание ею, позднее это продолжается уже в интересах безопасности самих войск. Каждый начальник отдельного отряда учитывает выводы, которые будут вытекать из занятия пункта, преграждающего тот или другой доступ вправо или влево от его позиции, и, таким образом, целое незаметно переходит с одной ступени дробления на другую.

Следовательно, кордонную войну, которая ведется главными силами, надо рассматривать при ее возникновении не как сознательно избранную форму, имеющую своей задачей отразить всякий удар неприятельских сил, а как положение, в которое попадают, преследуя совершенно иную цель, именно сохранить господство над известной местностью и прикрыть ее от неприятеля, не имеющего в виду предпринимать какие-либо крупные действия. Такое положение всегда является ошибочным, а основания, по которым у полководца постепенно выманивалось выделение одного небольшого отряда за другим, надо признать ничтожными по сравнению с задачами главных сил; во всяком случае, они сигнализируют нам о возможности подобного заблуждения. Когда отдают себе отчет в этом заблуждении, т.е. в ложной оценке противника и своего собственного положения, то говорят об ошибочной системе. Однако с самой системой молча мирятся, когда ей можно следовать с известной выгодой или хотя бы без ущерба. Все восхваляют безупречные походы принца Генриха во время Семилетней войны, ибо таковыми их признал сам король[221], хотя эти походы являют самые резкие, необъяснимые примеры такой растянутой разброски отдельных отрядов, которая заслуживает названия кордонов не менее всякой другой. Такие группировки можно вполне оправдать следующим образом: принц Генрих знал своих противников, - он знал, что ему нечего опасаться каких-либо решительных действий с их стороны, - а так как цель занятого им расположения всегда заключалась в том, чтобы сохранить в своих руках возможно больший район страны, то он шел в этом направлении настолько далеко, насколько допускали обстоятельства. Если бы принц, раскинувши эту паутину, хоть раз потерпел измену счастья и понес большие потери, то следовало бы утверждать, что дело не в неправильной системе ведения войны, которой держался принц Генрих, а в том, что он допустил промах в своих мероприятиях и применил их в неподходящем случае.

Пытаясь объяснить, как может возникнуть так называемая кордонная система использования главных сил на театре войны, - более того, каким образом она может оказаться разумной и полезной и, следовательно, уже не представляться абсурдом, - мы все же готовы признать, что, по-видимому, бывают и такие случаи, когда полководцы или их генеральный штаб не отдают себе отчета в истинном значении кордонной системы. Они принимают ее относительную ценность за безусловную и серьезно считают ее пригодной для прикрытия при всяком неприятельском наступлении. Здесь, следовательно, налицо будет не ошибочное применение мероприятия, а полное его непонимание. Мы готовы согласиться, что такой подлинный абсурд был, по-видимому, допущен, между прочим, прусской и австрийской армиями при обороне Вогезов в 1793 и 1794 гг.

Глава 23. Ключ страны[222]

В военном искусстве нет теоретического представления, которому критика уделяла бы так много внимания, как то, которым мы займемся в настоящей главе. Это - парадный конь, которого оседлывают все авторы, описывающие сражения и походы, это чаще всего встречающаяся исходная точка всякого резонерства, и это тот фрагмент научного оформления, который хорошо знаком критике. Тем не менее связанное с ним понятие до сих пор еще твердо не установлено и еще ни разу отчетливо не определено.

Мы попытаемся развить его до полной ясности и тогда посмотрим, какая цена останется за ним для практической деятельности.

Мы рассматриваем его в этом месте нашего труда, так как предварительно надо было рассмотреть оборону гор и рек, а также понятия крепкой и укрепленной позиции, к которым оно непосредственно примыкает.

Неопределенное и путаное понятие, скрывающееся за этой древней военной метафорой, обозначало то такую местность, где страна представлялась наиболее открытой, то такую, где она представляла наибольшие трудности.

Если существует такой район, без обладания которым нельзя отважиться на вторжение в неприятельскую страну, то он по праву может быть назван ключом страны. Однако этого простого, но довольно бесплодного представления оказалось недостаточно для теоретиков; они возвели его в новую степень и под ключом страны стали разуметь такие пункты, которые решают вопрос об обладании страной в целом.

Когда русские хотели проникнуть в Крым, они должны были сперва овладеть Перекопом и его оборонительной линией, - не столько ради того, чтобы вообще получить в него доступ, ибо Ласси два раза (в 1737 и 1738 гг.) обходил эти линии[223], но для того, чтобы иметь возможность с известной степенью безопасности утвердиться в Крыму. Это чрезвычайно просто, но, правда, понятие пункта-ключа мало помогает уразумению этого. Но если бы действительно можно было сказать что тот, кто овладел районом Лангра, обладает или господствует над всей Францией вплоть до Парижа, т.е. что вступление во владение ею зависит лишь от него одного, то это было бы, очевидно, нечто иное, гораздо более важное. Согласно представлению первого рода, нельзя мыслить обладание страной без обладания тем пунктом, который мы называем ключом, - это понятно простому здравому смыслу; согласно же представлению второго рода, обладание пунктом, называемым ключом, немыслимо без того, чтобы из него непосредственно не вытекало обладание страной; последнее представляет уже что-то чудесное, для понимания которого простого здравого смысла недостаточно, - для этого необходима магия чернокнижников. Эта каббалистика возникла в действительности в литературе лет 60 тому назад, достигла своего кульминационного пункта к концу прошлого столетия, и, несмотря на подавляющую силу, уверенность и ясность, с какой методы ведения войны Бонапарта увлекли за собой убеждения всех современников, мы утверждаем, что она все же ухитряется тонкой живучей нитью тянуться по книжным страницам.

Само собою разумеется, что во всякой стране (раз мы должны отойти от нашего понятия пункта-ключа) найдутся пункты первенствующего значения, в которых сходятся многие дороги, в которых с удобством можно добывать продовольственные средства и из которых легко направиться в любую сторону, - короче говоря, обладание которыми дает возможность удовлетворить разнообразные потребности и доставляет многие выгоды. Если полководцу вздумалось бы подчеркнуть одним словом важность такого пункта, назвав его ключом страны, то было бы педантизмом протестовать; напротив, в таком смысле это обозначение весьма выразительно и привлекательно. Но если из этого простого цветка красноречия хотят сделать ядро, из которого должна развиваться целая система, с подобным дереву множеством разветвлений, то приходится взывать к здравому человеческому смыслу, чтобы он вернул этому выражению его истинную ценность.

От употребляемого на практике, но, конечно, очень неопределенного значения, которое имеет понятие "ключа страны" в рассказах полководцев о своих военных походах, следовало бы перейти, при желании развить из этого систему, к более определенному, следовательно, более одностороннему, рассмотрению этого вопроса[224]. Из разных сторон этого значения выбрали в основу превышение местности.

Когда дорога переваливает через горный хребет, то благодаришь небо, что достиг уже высшей точки, и начинаешь спуск. Это относится как к отдельному путешественнику, так в еще большей степени к армии. Кажется, что все трудности миновали; большей частью это действительно верно: спуск легкое дело, мы чувствуем свое превосходство над всяким, кто вздумал бы воспрепятствовать нам; видишь всю страну перед собою и заранее господствуешь над ней взглядом. Таким образом, высшая точка, которой достигает дорога, переваливающая через гору, рассматривалась как самая главная; в большинстве случаев она действительно является таковой, но далеко не во всех. Такие точки очень часто получают название ключа в исторических повествованиях полководцев, - правда, опять-таки в несколько ином смысле и обычно в ограниченном значении. Преимущественно с этим представлением и связалась ложная теория (создателем которой можно, пожалуй, считать Ллойда). Она признала ключами страны командующие над страной пункты, с которых спускается несколько дорог в страну, в которую предстоит вступить. Являлось вполне естественным, что это понятие сливалось с близко с ним соприкасавшимся, а именно - с представлением о систематической обороне гор[225], а вследствие этого все дело углублялось еще дальше в область иллюзий. К этому присоединились и некоторые элементы, имеющие значение при обороне гор, и, таким образом, вскоре понятие высшей точки дороги было оставлено, а за ключ страны стали признавать вообще высшую точку всей данной системы гор, т.е. точку водораздела.

А так как около этого времени, т.е. во второй половине XVIII столетия, распространились более ясные представления об образовании земной поверхности путем процесса размыва, то этой военной теории протянули руки естественные науки в образе этой геологической системы; тогда все плотины жизненной правды оказались прорванными, и резонирование всякого рода разлилось потоками фантастической теории, построенной на геологической аналогии. К концу XVIII столетия только и

говорилось - или, вернее, писалось - об истоках Рейна и Дуная. Правда, эта чепуха господствовала главным образом только в книгах, ибо в действительную жизнь проникает малая доля книжной мудрости, и притом тем меньшая, чем нелепее излагаемая в ней теория. Однако теория, о которой идет сейчас речь, на беду Германии не осталась без влияния на практическую деятельность: нам приходится сражаться не с одними ветряными мельницами, и чтобы это доказать, мы напомним о двух действительных происшествиях: во-первых, о важных, но чрезвычайно ученых походах прусской армии 1793 и 1794 гг. в Вогезы, теоретическое обоснование которых дают книги Граверта и Массенбаха; во-вторых, о походе 1814 г., где армию в 200 000 человек потащили на буксире той же нелепой теории через Швейцарию, на так называемое Лангрское плато.

Дело в том, что высокий пункт известной местности, с которого стекают в разные стороны источники вод, по большей части не что иное, как пункт возвышенный, и все, что в конце XVIII и в начале XIX столетия писалось о его влиянии на военные события с преувеличением и неправильным применением понятий, правильных по существу, является полнейшей фантазией. Если бы Рейн, Дунай и все шесть рек Германии имели одно общее место истока на одной какой-нибудь горе, то все же эта последняя в военном отношении представляла бы собой ценность разве лишь пункта, пригодного для устройства тригонометрического сигнала. Для световой сигнализации она уже оказалась бы менее соответствующей, для наблюдательного поста - еще менее, а для целой армии - совсем непригодной.

Итак, искание ключевой позиции страны в местности, признанной ключом, т.е. там, где различные горные отроги расходятся из одной общей точки и где начинаются самые высокие источники вод, представляет собою чисто книжную идею, которую отвергает самая природа, так как она творит хребты и долины не столь доступными сверху вниз, как признавалось до сих пор так называемым учением о местности, а разбрасывает по своему произволу вершины, долины и нередко окружает самый низкий уровень вод наиболее высокими массами гор. Если по этому вопросу навести справку в военной истории, то легко убедиться, как мало конечные геологические пункты известной местности влияют на ее использование для военных действий и насколько в этом смысле преобладают другие районы и другие потребности. Часто линии фронта проходят от указанных пунктов на самом близком расстоянии, и все же последние не привлекают к себе внимания.

Мы не будем больше заниматься этим ложным понятием - мы задержались на нем так долго потому, что на него опиралась целая горделивая система, - и вернемся к нашей точке зрения.

Итак, мы говорим: если выражение ключевая позиция должно соответствовать какому-нибудь самостоятельному понятию, то таковым может быть лишь понятие о местности, без обладания которой невозможно отважиться проникнуть в данную страну. Если этим именем обозначают каждый удобный проход в страну или каждый удобный центральный пункт, то это название утрачивает свое специфическое значение (т.е. свою ценность) и обозначает нечто такое, что можно найти повсюду, и тогда оно становится лишь красивым риторическим оборотом.

Итак, позиции, которые соответствовали бы понятию о ключе страны, будут, конечно, встречаться крайне редко. По большей части лучший ключ к стране находится в неприятельском войске, и для того, чтобы понятие места могло господствовать над понятием вооруженных сил, должны существовать особо благоприятные условия. Последние, на наш взгляд, проявляются в двух главных моментах: во-первых, в том, чтобы расположенные в этом пункта войска, благодаря содействию местных условий, были в состоянии оказать сильное тактическое сопротивление, и, во-вторых, чтобы эта позиция угрожала сообщениям неприятеля раньше, чем наши сообщения окажутся под угрозой с его стороны.

Глава 24. **Фланговое воздействие**

Едва ли нам нужно подчеркивать, что мы говорим о фланге стратегическом, т.е. о боковом протяжении в масштабе театра войны, и что с этим не следует сме-смешивать атаку, направленную сбоку в сражении, т.е. тактического флангового воздействия; даже в тех случаях, когда стратегическое воздействие в своей последней стадии совпадает с тактическим, оно легко может быть от него отделено, ибо одно никогда не является естественным следствием другого.

Эти фланговые воздействия и связанные с ними фланговые позиции также принадлежат к парадным конькам теории, с которыми на войне лишь редко приходится встречаться не потому, что самое средство является недействительным или иллюзорным, но потому, что обе стороны обычно стараются оградить себя от его воздействия; случаи же, когда уклониться от него невозможно, крайне редки. В этих-то редких случаях средство это часто проявляло значительную действенность. Вследствие этого, а также по причине того постоянного внимания, которое оно к себе вызывает во время войны, нам представляется важным дать ясное теоретическое представление об этом средстве. Хотя стратегическое фланговое воздействие, конечно, мыслимо не только при обороне, но и при наступлении, все же оно имеет гораздо больше сродства с первым, и потому ему место в числе средств обороны.

Прежде чем углубиться в этот вопрос, мы должны установить простейший принцип, который затем никогда не будем терять из виду; те силы, которые должны действовать в тылу или на фланге неприятеля, уже не могут действовать на него с фронта; отсюда вытекает, что совершенно ложным является представление, будто захождение в тыл само по себе уже является чем-то существенно важным. Само по себе это - ничто, и становится оно чем-то лишь в связи с другими данными; притом оно явится выгодным, а может быть и невыгодным, в зависимости от того, каковы эти другие данные; исследование последних и получает для нас особое значение.

Прежде всего в воздействии на стратегический фланг надо различать две стороны, а именно: воздействие на одну лишь коммуникационную линию и воздействие на путь отступления, с которым может быть соединено и первое воздействие.

Когда Даун в 1758 г. выслал летучие отряды для перехватывания подвоза к осаждавшим Ольмюц войскам, он, очевидно, не имел намерения преградить королю путь отступления в Силезию; напротив, он скорее хотел побудить короля к этому отступлению и охотно открыл бы ему путь отступления.

В кампанию 1812 г. все летучие отряды, которые в сентябре и октябре отделялись от главных сил русских, имели своей задачей лишь прервать сообщения французов, но отнюдь не преградить им путь отступления. Осуществление же последнего намерения являлось, очевидно, задачей Молдавской армии Чичагова, двигавшейся к Березине, а также войск ген. Витгенштейна, наступавшего против находившихся на Двине французских корпусов.

Приводим эти примеры лишь для большей ясности понимания.

В основном воздействие на коммуникационные линии направляется против неприятельского подвоза, против догоняющих главные силы мелких воинских команд, против курьеров и отдельных проезжающих лиц, против небольших неприятельских складов и пр., - словом, против всего того, что необходимо для поддержания сил и здоровья неприятельской армии. Такое воздействие должно этим путем ослабить армию противника и побудить ее к отступлению.

Воздействие на путь отступления неприятеля имеет задачей отрезать ему отступление. Оно может достигнуть этой цели лишь в том случае, если неприятель действительно решит отступить; впрочем, возможно, что оно и принудит его к отступлению путем соответственной угрозы. Следовательно, производя демонстративный нажим на путь отступления, можно достигнуть такого же результата, как и при воздействии на коммуникационную линию. Но всех этих последствий, как мы уже говорили, надлежит ожидать не от одного лишь обхода, не просто от геометрической формы группировки сил, а лишь от соответственных условий.

Чтобы яснее представить себе эти условия, мы совершенно разделим рассмотрение этих двух видов флангового воздействия и прежде всего остановимся на направленном против коммуникационной линии.

Тут мы прежде всего должны выдвинуть два основных условия, из которых одно или другое должно иметься налицо.

Первое условие: надо, чтобы для подобного воздействия на коммуникационные линии противника достаточно было таких незначительных сил, отсутствие которых было бы почти

незаметным на фронте.

Второе условие: неприятельская армия должна находиться у конца своего пути[226] и, следовательно, не имеет возможности каким-либо образом использовать новую победу над нашей армией или быть в силах следовать за нашей отступающей армией.

Мы пока не будем касаться последнего случая, который встречается не так редко, как могло бы показаться на первый взгляд, и займемся дальнейшими условиями первого случая.

Ближайшие из этих условий заключаются в том, чтобы коммуникационная линия неприятеля имела известную длину и не могла быть обеспечена двумя-тремя хорошими отрядами; второе - чтобы она по своему положению была доступна для нашего воздействия.

Доступность ее может быть двоякого рода: или по своему направлению, если коммуникационная линия идет не перпендикулярно к фронту противника, или - при условии прохождения ее по нашей стране; если оба условия совпадают, то доступность становится тем большею. Оба условия требуют более подробного анализа.

Казалось бы, когда речь идет о прикрытии коммуникационной линии в 40-50 миль, не так уж важно, расположена ли стоящая в конце этой линии армия под острым углом к ней, - протяжение фронта армии по сравнению с длиной коммуникационной линии представляется как бы точкой; и все же это не так. Даже при большом превосходстве в силах трудно прервать перпендикулярно отходящую неприятельскую коммуникационную линию путем набегов, направленных из армии. Если думать только о трудности абсолютного прикрытия известного пространства, то этому нельзя было бы поверить; напротив, следовало бы полагать, что армии трудно прикрыть свой тыл (т.е. местность, лежащую позади нее) от всех партий, какие может отрядить превосходящий нас силами противник. Разумеется, так, если бы на войне все обстояло так же ясно, как представляется на бумаге! Тогда, конечно, прикрывающий, не зная, на каком пункте может появиться летучий отряд, должен был бы фигурировать до известной степени в роли слепца, и одни лишь партизаны оставались бы зрячими. Но если иметь в виду недостоверность и несовершенство всех сведений, получаемых на войне, и не забывать, что обе стороны непрерывно, как бы потемках, нащупывают почву, то станет ясным, что летучий отряд, посланный в обход флангов для действий в тылу неприятельской армии, окажется в положении человека, которому в темной комнате приходится иметь дело со многими людьми. С течением времени он должен погибнуть; то же случится с отрядами, которые обойдут неприятельскую армию, занимающую перпендикулярную позицию, и, следовательно, будут находиться вблизи последней совершенно отрезанными от собственной армии. Мало того, что этим создается риск потерять много сил, но и самое оружие очень скоро притупляется; первая же беда, постигшая один из таких отрядов, сделает остальные робкими, и вместо отважных налетов и дерзкого задиранья получится зрелище непрерывного улепетывания.

Итак, благодаря этой трудности прямое расположение армии прикрывает ближайшие пункты своей коммуникационной линии, и притом, в зависимости от силы армии, на расстоянии двух или трех переходов; а эти ближайшие пункты и являются наиболее угрожаемыми, ибо они ближе всего расположены и к неприятельской армии.

Между тем, при заметно косом расположении нет такой обеспеченной части коммуникационной линии, и малейший нажим - безобиднейшая попытка со стороны противника - тотчас попадает в чувствительную точку.

Что же определяет фронт расположения армии, не занимающей перпендикулярного положения по отношению к коммуникационной линии? Фронт противника; но последний можно с таким же правом мыслить зависящим от нашего фронта. Здесь появляется взаимодействие, исходную точку которого мы должны отыскать.

Если мы себе представим коммуникационную линию наступающего АБ расположенную по отношению к коммуникационной линии обороняющегося ГД так, что она с нею образует значительный угол, то станет ясным, что если бы обороняющийся захотел занять позицию в точке В, где обе линии встречаются, наступающий из точки Б мог бы его принудить одним геометрическим

соотношением обернуться к нему фронтом и тем самым открыть свою коммуникационную линию. Но дело будет обстоять иначе, если обороняющийся расположится, не

доходя до точки пересечения обеих линий, - положим, в точке Д, - тогда наступающий оказался бы вынужденным повернуться к нему фронтом; мы предполагаем, что он не может произвольно менять направление своей операционной линии, которая ближайшим образом определяется географическими объектами, и не найдет возможности обратить ее, например, в направлении АД. Отсюда следует, что в этой системе взаимодействия обороняющийся имеет лишний шанс перед наступающим, так как ему для получения преимущества надо лишь занимать позицию, не доходя до точки пересечения обеих линий. Мы далеки от того, чтобы придавать большое значение этому геометрическому элементу, и остановились на его разборе лишь для того, чтобы сделать нашу мысль вполне понятной; напротив, мы совершенно убеждены, что местные и вообще конкретные обстоятельства в гораздо большей мере обуславливают расположение обороняющегося, и нет никакой возможности дать какие-либо общие указания относительно того, которая из двух сторон окажется вынужденной больше подставить под удары свою коммуникационную линию.

Если коммуникационные линии той и другой стороны идут в одном и том же направлении, та из сторон, которая примет по отношению к ним косое расположение, принудит и другую сделать то же, но в таком случае геометрически не получится никакой выгоды, та и другая стороны приобретут одинаковые преимущества и потерпят одинаковый ущерб.

Поэтому в нашем дальнейшем изложении мы будем исходить из факта одностороннего обнажения коммуникационной линии.

Что же касается второго невыгодного положения коммуникационной линии, создавшегося при ее прохождении по неприятельской стране, то само собой понятно, в какой мере она окажется обнаженной, если жители этой страны возьмутся за оружие. На создавшееся положение придется смотреть, как на развертывание неприятельских сил вдоль всей коммуникационной линии. Хотя эти силы сами по себе чрезвычайно слабы, - они лишены плотности и не способны к интенсивным усилиям, - но надо задуматься над тем, к чему приведет такое враждебное соприкосновение и воздействие во множестве пунктов, расположенных один подле другого вдоль линии значительного протяжения, где оно проявится. Здесь не требуются дальнейшие разъяснения. Но даже и тогда, когда подданные враждебной страны не взяли за оружие, когда в стране нет ландвера или какой-нибудь другой военной организации населения, и даже в тех случаях, когда народ отличается крайне невоинственным духом, уже одно простое отношение чужих подданных к неприятельскому правительству представляет собою весьма чувствительную невыгоду для коммуникационной линии противной стороны. Помощь, которой пользуется летучий отряд благодаря большей легкости сношения с жителями, знакомству с местностью и людьми, получаемой ориентировке и содействию со стороны властей имеет для него решающую ценность, - и эта помощь оказывается такому отряду без особых усилий с его стороны. К этому надо добавить, что на известном удалении всегда имеются крепости, реки, горы и другие убежища, которые в любое время оказываются в распоряжении нашего противника, если мы не вступим во владение ими и не снабдим их гарнизонами.

При таком отношении населения и в особенности при наличии и других благоприятных обстоятельств действие на коммуникационную линию неприятеля окажется возможным и в том случае, когда коммуникационная линия отходит перпендикулярно от фронта неприятельской армии, ибо нашим летучим отрядам уже не всегда явится необходимость возвращаться к своей армии; они смогут найти достаточное укрытие и в простом уклонении в пространства собственной страны.

Итак, мы теперь ознакомились: 1) со значительной длиной, 2) с косым положением и 3) с неприятельской территорией, как с главными обстоятельствами, при которых коммуникационные линии могут быть прерваны относительно небольшими силами противника; для того, чтобы этот перерыв сообщений оказался действенным, требуется еще четвертое условие, а именно известная длительность. В этом отношении мы сошлемся на сказанное нами по этому поводу в XV главе 5-й части.

Эти четыре условия являются лишь четырьмя основными, охватывающими этот вопрос; к ним примыкает множество местных и конкретных обстоятельств, которые часто становятся гораздо более

важными и вескими, чем основные условия. Чтобы назвать самые существенные, укажем на качество дорог, характер местности, по которой они проходят, на средства прикрытия, какими могут явиться реки, горы, болота, на время года и атмосферные условия, на значение отдельных отраслей подвоза, например, осадного парка, на количество легких войск и пр.

От всех этих обстоятельств будет зависеть успех, которого полководец сможет добиться на коммуникационной линии противника. Сравнивая общую сумму этих обстоятельств у одной стороны с общей суммой тех же обстоятельств у другой, мы получим соотношение между обеими системами сообщений; от этого же соотношения зависит, который из двух полководцев сможет в указанном смысле превзойти другого.

То, что выходит столь пространным в изложении, часто разрешается в каждом конкретном случае сразу на глаз; но для этого, конечно, необходима приобретенная путем опыта интуиция[227].

Надо продумать все разобранные здесь случаи, чтобы затем иметь возможность сознательно отнестись к обычной глупости писателей-критиков, полагающих, что словами обход и действие во фланг уже что-то сказано без дальнейшей мотивировки.

Теперь переходим ко второму основному условию, при котором может иметь место стратегическое действие во фланг.

Дальнейшему продвижению неприятельской армии может препятствовать не наше сопротивление, а какая-нибудь другая причина; какова бы последняя ни была, нашей армии уже нечего бояться ослабления своих сил выделением значительных отрядов; ведь если бы даже неприятель пожелал наказать нас за это, то мы сможем свободно уклониться от удара. Последнее имело место в русской главной армии в 1812 г. под Москвой. Но чтобы создался такой случай, вовсе не нужны столь огромные размеры и большой размах, какие мы наблюдаем в этом походе. Фридрих Великий всякий раз оказывался в таком же положении на границах Богемии или Моравии в течение первой Силезской войны; в сложной обстановке, в которой могут оказаться полководцы и их армии, можно себе представить самые разнообразные причины преимущественно политического характера, делающие дальнейшее продвижение вперед невозможным.

В этом случае силы, выделяемые для действий на фланг, могут быть более значительны, поэтому остальные условия могут быть и не столь благоприятны: даже соотношение между нашей системой сообщений и системой сообщений противника не должно складываться обязательно в нашу пользу, так как неприятель, не способный извлечь из нашего дальнейшего отступления выгоды, едва ли будет в силах расплатиться с нами той же монетой, а скорее озаботится непосредственным прикрытием своего отступления.

Итак, указанная обстановка оказывается весьма подходящей, чтобы достигнуть тех результатов, которых не желают добиваться путем сражения, представляющегося слишком рискованным, при помощи средства, которое менее блестяще и менее богато последствиями, чем победа, но зато и менее опасно.

В подобном случае фланговая позиция, обнажающая наши сообщения, не внушает уже таких сомнений и может всякий раз принудить противника занять косое по отношению к его коммуникационной линии расположение, таким образом, это вышеуказанное условие для успешного флангового воздействия будет иметь место почти неизбежно. Чем большее содействие окажут другие условия и иные благоприятные обстоятельства, тем

скорее можно ожидать успеха от этого средства; наоборот, чем меньше будет иметься налицо таких благоприятных обстоятельств, тем больше будет зависеть успех от превосходства в искусстве комбинаций и от быстроты и уверенности в выполнении.

Здесь открывается подлинная область стратегического маневрирования, столь многократно повторявшегося во время Семилетней войны в Силезии и в Саксонии, в походах 1760 и 1762 гг. Если во многих войнах отличавшихся слабостью проявлений стихийной силы, часто встречается подобное стратегическое маневрирование, то оно, конечно, бывает не потому, что уж так многочисленны

случаи, когда можно видеть полководца, стоящего у предела своих наступательных достижений, а потому, что недостаток решимости, мужества и предприимчивости, страх перед ответственностью часто заменяют истинные и веские основания; достаточно напомнить о фельдмаршале Дауне.

Сводя к одному основному выводу все наши рассуждения, мы найдем, что фланговое воздействие будет наиболее действительным:

- 1) при обороне;
- 2) к концу похода;
- 3) преимущественно при отступлении внутрь страны;
- 4) в соединении с народной войной.

О способе выполнения этого воздействия на коммуникационные линии нам остается сказать лишь несколько слов.

Эти предприятия должны выполняться искусными партизанами, которые совершают смелые марши и нападают своими маленькими отрядами на мелкие неприятельские гарнизоны, транспорты, передвигающиеся взад и вперед команды, ободряют взявшуюся за оружие часть населения [228] и соединяются с ней для отдельных предприятий. Отряды скорее должны быть многочисленны, чем сильны, и так организованы, чтобы было возможно объединение нескольких отрядов для выполнения более крупных предприятий; этому не должно слишком сильно препятствовать честолюбие и самодурство отдельных вождей.

Теперь нам остается еще поговорить о действиях против пути отступления.

Здесь нам особенно надо иметь в виду выдвинутый нами в самом начале принцип: силы, действующие в тылу противника, не могут быть использованы на фронте; следовательно, на действия против фланга или тыла нельзя смотреть, как на увеличение сил, а лишь как на более потенцированное [229] их применение - потенцированное в отношении результатов и в то же время потенцированное в отношении опасности.

Всякое вооруженное сопротивление, не являющееся простым и непосредственным, имеет тенденцию усиливать свою действенность за счет своей обеспеченности. Воздействие на фланг сосредоточенными силами или силами разъединенными, охватывающими противника, принадлежит к этой категории.

Но если действительно мы имеем серьезное намерение отрезать путь отступления и это не является простой демонстрацией, то подлинным разрешением этой задачи может явиться только решительное сражение или, по крайней мере, совокупность всех необходимых для него условий; в этом разрешении мы снова натолкнемся на отмеченные уже выше два элемента: большие достижения и большая опасность. Поэтому, чтобы полководец считал себя вправе придерживаться этого способа действий, у него должны быть обосновывающие его благоприятные условия.

При этом способе сопротивления мы должны различать две упомянутые раньше формы. Первая заключается в том, что полководец желает всей своей армией атаковать неприятеля с тыла - или исходя из запятой им с этой целью фланговой позиции, или путем подлинного обхода; вторая форма связана с разделением сил и занятием охватывающей группировки, чтобы полководец мог одной частью армии угрожать тылу неприятеля, а другой - фронту.

Повышение успеха в обоих случаях одно и то же, а именно: или действительно будет отрезан путь отступления и удастся захватить в плен или рассеять большую часть сил противника, или же вызывается поспешный отход на значительное расстояние неприятельской армии, уклоняющейся от этой опасности.

Но повышение опасности в этих двух случаях лично.

Если мы обходим неприятеля всеми своими ми, то опасность заключается в том, что мы обнажаем свой тыл, и тогда все опять зависит от соотношения между обоими путями отступления, подобно тому, как в аналогичном случае при воздействии на коммуникационные линии все сводилось к соотношению между этими линиями.

Правда, обороняющийся, находясь в собственной стране, менее, чем наступающий, стеснен в отношении своих коммуникационных линий и путей отступления, а потому имеет большую возможность осуществить стратегический обход; однако это общее положение является недостаточно исчерпывающим, чтобы на нем строить практический метод действия. Таким образом, решающим моментом является совокупность обстоятельств данного конкретного случая.

К этому можно еще добавить, что, естественно, благоприятные условия чаще встречаются при обширных пространствах, чем при небольших, и чаще в государствах самостоятельных, чем в слабых, рассчитывающих на постороннюю помощь, армии которых, следовательно, должны прежде всего не упускать из виду пункт соединения с армией, следующей на выручку; наконец, к концу похода, когда сила напора наступающего истощилась, эти условия складываются наиболее благоприятно для обороняющегося, - приблизительно так же, как это имеет место в отношении коммуникационных линий.

Фланговая позиция, какую русские в 1812 г. заняли с громадной выгодой для себя на дороге из Москвы в Калугу, когда сила напора Бонапарта уже истощилась, оказалась бы пагубной для них в начале кампании в Дрисском лагере, если бы они не догадались своевременно изменить свой план.

Другая форма обхода и отрезывания пути отступления при помощи разделения своих сил сопряжена с опасностью такого разъединения, тогда как неприятель, располагая преимуществами внутренних линий, остается сосредоточенным и имеет возможность атаковать каждую отделившуюся часть противника превосходными силами. Можно поставить себя в такое невыгодное положение, которое ничем не может быть возмещено, лишь при наличии одного из трех следующих основных условий:

- 1) первоначального распределения сил, вызывающего необходимость подобного образа действий во избежание большой потери времени;
- 2) значительного материального и морального превосходства, дающего право на применение самых решительных форм;
- 3) истощения силы напора противника, находящегося в конце пути своего наступления.

Концентрическое вторжение Фридриха Великого в Богемию в 1757 г. не имело целью объединить фронтальное наступление с наступлением на стратегический тыл, - по крайней мере, это никак не составляло главной его задачи, как мы более подробно разъясним это в другом месте. Во всяком случае ясно, что не могло быть и речи о предварительном соединении его сил в Силезии или в Саксонии до этого вторжения, ибо в таком случае он лишился бы всех выгод внезапности.

Когда союзники планировали вторую часть похода 1813 г., они при значительном материальном превосходстве могли уже думать о нанесении удара главными силами по правому флангу Бонапарта, а именно - на Эльбе, чтобы таким путем перенести театр военных действий с Одера на Эльбу. Неудачу, которую они потерпели под Дрезденом, следует приписать не их общим предначертаниям, а ряду допущенных ими стратегических и тактических промахов. Под Дрезденом они имели возможность сосредоточить 220000 человек против 130000 Бонапарта - соотношение сил безусловно для них благоприятное (под Лейпцигом оно выражалось в цифрах 285/157). Правда, Бонапарт, приняв своеобразную систему обороны на одной линии, слишком равномерно распределил свои силы (в Силезии 70000 против 90000, в Бранденбурге - 70000 против 110000), но во всяком случае ему было бы трудно, не уступая Силезии, сосредоточить на Эльбе такие силы, которые были бы в состоянии нанести решительный удар главной неприятельской армии. Точно так же союзники легко могли продвинуть к Майну войска, состоявшие под начальством Вреде, и попытаться отрезать Бонапарту дорогу на Майнц.

С развитием кампании 1812 г. русские имели основание направить свою Молдавскую армию на Волынь и Литву, чтобы позже двинуть ее в тыл главной французской армии, ибо не могло быть ни малейшего сомнения, что Москва окажется кульминационной точкой операционной линии [230] французов. За Россию, лежавшую по ту сторону Москвы, в продолжение этого похода нечего было опасаться; поэтому русской главной армии не было никаких оснований считать себя слишком слабой.

Та же форма группировки вооруженных сил лежала в основании первоначального, составленного ген. Пфулем, оборонительного плана, согласно которому армия под начальством Барклая должна была отойти в Дрисский лагерь, а армия Багратиона - наступать на тыл главных сил французов. Но какая разница между этими двумя моментами. В первом (хронологически - Ред.) французы были втрое сильнее русских; во втором - русские были заметно сильнее французов. В первом - французская армия имела силу напора, которой хватило до самой Москвы, на 80 миль дальше Дриссы; во втором - она уже не была в состоянии продвинуться хотя бы на один переход дальше Москвы; в первом - линия отступлений до Немана не превышала 30 миль, во втором - она достигала длины 112 миль. То же воздействие на путь отступления противника, которое во второй момент оказалось таким успешным, было бы непростительной глупостью в первом.

Так как воздействие на путь отступления, не являющееся простой демонстрацией, заключается в действительном наступлении с тыла, то об этом можно было бы еще многое сказать; однако это будет более уместно отнести в часть труда, посвященную наступлению.

Прерывая на этом наше рассмотрение, мы довольствуемся указанием тех условий, при которых может иметь место этот вид реакции.

Обычно под намерением принудить неприятеля к отходу угрозой его пути отступления разумеют скорее простую демонстрацию, чем действительное осуществление. Если бы в основе каждой демонстрации, дающей нужные результаты, непременно должна была лежать полная осуществимость подлинного действия, как это представляется естественным на первый взгляд, то все условия, необходимые для успеха демонстрации, должны были бы совершенно совпадать с условиями, требуемыми для подлинного действия. Однако на деле это не так; в главе, посвященной демонстрациям, мы увидим, что эти последние связаны с несколько иными условиями, и отсылаем к ней читателя.

Глава 25. **Отступление внутрь страны**

Мы рассматривали добровольное отступление внутрь страны как особенный косвенный вид сопротивления, при котором неприятель должен погибнуть не столько от нашего меча, сколько от собственного напряжения. При этом или вообще не предполагается никакого генерального сражения, или же срок его откладывается до того времени, когда неприятельские силы окажутся уже значительно ослабленными.

Продвижение наступающей армии связано с потерей сил из-за самого продвижения; это будет обстоятельно рассмотрено в седьмой части, по здесь мы должны предвосхитить вывод; последнее для нас тем легче, что в военной истории ясно об этом свидетельствует каждая кампания, в течение которой имело место значительное продвижение. Такое ослабление наступающего по мере его продвижения развивается усиленным темпом, если противник не побежден, а отходит добровольно со своими несломленными, сохраняющими свежесть войсками, но заставляет оплачивать кровью каждую пядь земли постоянным, строго размеренным сопротивлением, так что движение наступающего вперед является непрерывным пробиванием себе дороги, а не одним лишь преследованием.

С другой стороны, потери, которые несет при отступлении обороняющийся, будут гораздо сильнее, если он отходит после проигранного сражения, чем если он это делает добровольно. Ибо если бы он и был в состоянии оказывать преследующему тот ежедневный отпор, на который мы рассчитываем при добровольном отступлении, то терпел бы еще урон, связанный с отступлением, вследствие чего соответственно нарастали бы потери, понесенные им в сражении. Но как неестественно это предположение! Лучшая в мире армия, когда она бывает вынуждена отступать в глубь страны после проигранного сражения, понесет при этом совершенно несоразмерные потери, а

если значительное превосходство находится на стороне противника, что обыкновенно бывает в таких случаях, и он с большой энергией поведет преследование, что почти всегда наблюдалось в последних войнах, то все шансы за то, что произойдет подлинное бегство, и в результате его армия обычно окончательно погибает.

Строго размеренное ежедневное сопротивление должно всякий раз длиться лишь до тех пор, пока равновесие в борьбе еще может поддерживаться в состоянии колебания, при этом методе действий мы страхуем себя от поражения, вовремя уступая то пространство, за которое шел бой. Такая борьба обойдется наступающему по крайней мере так же дорого в отношении потерь людьми, как и обороняющемуся. Если последнее время от времени неизбежно несет при отступлении потери пленными, то наступающий будет нести больший урон от огня, ибо ему постоянно придется сражаться в невыгодных условиях в отношении местности. Правда, отступающий окончательно теряет своих тяжелораненых, но и наступающему приходится временно сбрасывать их со счетов, так как обычно они остаются в течение нескольких месяцев в госпиталях.

В конечном выводе обе армии будут в равной мере истреблять друг друга в этом постоянном взаимном соприкосновении.

Совершенно иную картину представляет преследование разбитой армии. В этом случае потери во время сражения, расстройство порядка, подорванное мужество и забота об отступлении крайне затрудняют для отступающего такое планомерное сопротивление, а в некоторых случаях делают его даже совершенно невозможным. Преследующий в первом случае продвигается вперед с крайней осторожностью, даже нерешительно, как слепой, нащупывающий перед собой почву; во втором же случае он ломится твердым шагом победителя, с дерзостью счастливица, с уверенностью полубога, ни перед чем не останавливаясь, - и чем смелее он идет напролом, тем более ускоряет он ход событий в том направлении, какое они уже приняли, ибо здесь - подлинная область моральных сил, которые растут и умножаются, не будучи связаны узкими гранями цифр и мер материального мира.

Отсюда ясно, насколько различно будет соотношение между обеими армиями в зависимости от того, каким из этих двух приемов они достигнут того пункта, на который можно смотреть, как на предел намеченного наступающим для себя пути.

Но мы говорили лишь о результате взаимного истребления; к этому результату примыкает еще и ослабление, испытываемое наступающим от других причин, относительно него, как уже было сказано выше, мы отсылаем читателя к седьмой части этого труда. С другой стороны, отступающий в большинстве случаев получает подкрепления в лице вооруженных сил, развертывающихся позднее, они могут явиться или в виде внешней помощи, или представлять новые формирования, созданные собственными настойчивыми усилиями.

Наконец, в отношении продовольствия между отступающим и продвигающимся вперед наблюдается такое несоответствие, что нередко первый живет в изобилии, в то время как другой чахнет от нужды.

Отступающий имеет возможность всюду накоплять запасы, навстречу которым он и идет, в то время как преследующий должен все направлять вдогонку, что даже при самой короткой коммуникационной линии бывает затруднительно, раз он находится в движении; это обстоятельство с самого начала вызывает во всем недостаток.

Все местные средства используются и большей частью исчерпываются отступающим. Остаются лишь обобранные деревни и города, выкошенные и вытопанные поля, вычерпанные колодцы и замутированные ручьи.

Таким образом, продвигающаяся вперед армия нередко с первого же дня вступает в борьбу за самые насущные потребности. Рассчитывать на неприятельские запасы она при этом совершенно не может, ибо было бы простой случайностью или непростительной ошибкой отходящего, если бы время от времени что-нибудь попадало в руки его противника.

Итак, нет сомнений, что при больших пространствах и не слишком большом несоответствии сил

воюющих сторон подобное отступление приведет к такому соотношению между вооруженными силами, которое сулит обороняющемуся бесконечно больше шансов на успех, чем какие он имел бы в случае, если бы решительное сражение произошло на границе. Но благодаря изменению в соотношении сил растут не только шансы на победу; одновременно с изменившимся положением сторон увеличивается и значение победы. Какая огромная разница между сражением, проигранным на собственной границе, и сражением, проигранным в глубине неприятельской страны! Более того, положение наступающего, находящегося в конце намеченного им себе пути, часто бывает таково, что даже выигранное сражение может побудить его к отступлению, ибо у него нет уже ни необходимого напора, чтобы завершить и использовать победу, ни возможности пополнить понесенные потери.

Поэтому имеется существенное различие в том, дано ли решительное сражение в начале наступления или в конце его.

Противовесом огромным выгодам приведенного способа обороны являются два обстоятельства: первое - потери, которые несет страна от вторжения неприятеля, второе - моральное впечатление.

Правда, на ограждение страны от потерь никогда нельзя смотреть как на цель обороны в целом, ибо этой целью будет выгодный мир. Все усилия должны быть направлены на достижение последнего возможно более надежным способом, и нет той временной жертвы, которую можно было бы считать чрезмерной. Однако эти потери, хотя бы они и не имели решающего значения, все же должны быть положены на чашу весов, ибо всегда будут нас интересовать.

Эти потери непосредственно не затрагивают нашей армии и оказывают воздействие на нее лишь более или менее кружным путем; между тем, само отступление непосредственно усиливает вооруженные силы. Поэтому трудно противопоставлять выгоды, получаемые армией при отступлении, жертвам, на которые обрекается страна; это явления разного порядка, и между ними нет близкой точки взаимодействия. Поэтому мы можем ограничиться лишь замечанием, что указанные потери будут больше, когда приходится жертвовать плодородной, густо населенной провинцией и значительными торговыми городами, а наибольшими они явятся тогда, когда вместе с этой провинцией будут утрачены и средства борьбы в готовом или полу готовом состоянии.

Второе обстоятельство, являющееся противовесом, это - моральное впечатление. Бывают случаи, когда полководцу необходимо через него перешагнуть, спокойно проводить свой план и взять на себя все невыгоды, создаваемые близоруким малодушием. Однако это еще не дает нам права считать моральное впечатление за призрак, которым можно пренебречь. Его следует уподоблять не такой силе, которая прилагается к одной точке, а такой силе, которая с быстротой молнии пронизывает все фибры и расслабляет всякую деятельность в пароде и в армии. Конечно, бывают случаи, когда смысл отхода внутрь страны быстро усваивается и пародом и армией, причем доверие и надежды даже возрастают, но такие случаи очень редки. Обычно ни народ, ни армия даже не разбирают, является ли данное движение добровольным отходом или же спотыкающимся, нерешительным отступлением, а еще менее - приняли ли этот план из мудрой предусмотрительности, чтобы обеспечить в будущем успех, или же из страха перед силой оружия противника. Народ будет испытывать чувства сострадания и досады, видя судьбу, постигшую принесенные в жертву провинции; армия легко может утратить доверие к своему вождю и даже веру в свои силы, а непрерывные арьергардные бои во время отступления будут постоянно вновь подтверждать ее опасения. Относительно таких последствий отступления не следует заблуждаться. И безусловно, рассматривая вопрос сам по себе, было бы естественнее, проще, благороднее, более соответственно моральному облику народа открыто выступить к барьеру, чтобы неприятель не мог переступить границы народа, не встретившись с его гением, требующим удовлетворения кровью.

Таковы выгоды и невыгоды указанной выше системы обороны; теперь еще несколько слов об условиях ее и о благоприятствующих ей обстоятельствах.

Обширные пространства или, по крайней мере, длинная линия отступления составляют главное и основное условие, ибо несколько переходов вперед, конечно, не смогут заметно ослабить неприятеля. Центр сил Бонапарта в 1812 г. под Витебском имел в своем составе 250000 человек, под Смоленском 182000, а под Бородином он сократился уже до 130000 человек, т.е. сравнялся с численностью центра русских. Бородино находится от границы на расстоянии 90 миль; но только под Москвой образовался

решительный перевес в пользу русских, что дало делу настолько несомненный новый оборот, что даже победа французов под Малоярославцем не могла внести в него существенного изменения.

Такой колоссальной территории, как Россия, не имеет ни одно европейское государство, и лишь у немногих из них можно себе представить линию отступления, достигающую сотни миль. Но зато и такая сила, как у французов в 1812 г., нелегко может встретиться при других обстоятельствах, а особенно такой перевес, какой наблюдался в начале похода на одной стороне: у французов было более чем вдвое войск и, кроме того, решительное моральное превосходство. Поэтому то, чего удалось здесь достигнуть лишь на протяжении 100 миль, при других обстоятельствах, пожалуй, может быть достигнуто при отступлении на 50, а то и на 30 миль.

К числу благоприятствующих обстоятельств принадлежат:

- 1) малокультурная местность;
- 2) верный воинственный народ;
- 3) дурное время года.

Все эти обстоятельства затрудняют содержание неприятельской армии, вынуждают организовать обширный подвоз, обуславливают постоянное выделение отрядов, утяжеляют службу, увеличивают заболевания и облегчают обороняющемуся воздействию на фланг противника.

Наконец, мы должны коснуться и абсолютных размеров боевых сил, что оказывает в данном случае известное влияние.

По самой природе вещей, независимо от соотношения сил обеих сторон, небольшая армия, в общем, скорее истощается, чем более значительная; следовательно, наступательный полет ее будет короче, а размеры ее театра войны не могут быть велики. Таким образом, до известной степени существует постоянное соотношение между абсолютными размерами вооруженных сил и размерами пространства, какое эти силы могут занять. Не может быть и речи о том, чтобы дать численное выражение этому соотношению; к тому же оно всегда будет меняться под влиянием других обстоятельств; достаточно сказать, что эти явления в глубочайшей основе своего существа обладают такой связью. С 500000 человек можно двинуться на Москву, с 50000 - нельзя, хотя бы в последнем случае соотношение сил и было гораздо более благоприятным, чем в первом.

Если мы примем это соотношение между абсолютными силами и пространством, одинаковым в двух разных случаях, то нет никакого сомнения, что успех нашего отступления в смысле ослабления неприятеля будет расти с ростом масс.

1. Продовольствие и расквартирование неприятеля будет затруднительнее, ибо хотя пространство, захватываемое войсками, растет в той же пропорции, как и сама армия, все же продовольствие никогда не добывается исключительно на этом пространстве, а все, что приходится везти за армией, подвергается потерям в большем размере; так же и для расквартирования можно использовать не все пространство, но лишь весьма малую его часть, которая не растет пропорционально росту масс.

2. Проникновение внутрь страны будет тем медленнее, чем крупнее становятся массы; следовательно, требуется больше времени для завершения всего пути наступления, и сумма ежедневных потерь возрастет.

3000 человек, которые гонят перед собою 2000, не позволяют последним в обычных условиях местности отступать небольшими переходами в 1-2, максимум 3 мили и время от времени останавливаться на несколько дней для отдыха. Настигнуть их, атаковать и погнать - дело нескольких часов. Но если мы помножим эти количества па 100, то картина получится совсем иная. Действия, которые в первом случае требовали нескольких часов, потребуют теперь уже целого дня, а то и двух дней. Каждая из сторон уже не может находиться полностью сосредоточенной в одном пункте; в связи с этим растет разнообразие всех движений и комбинаций, а следовательно, увеличивается и время,

требуемое для их выполнения. Но при этом наступающий оказывается в худшем положении, так как он вынужден из-за трудности снабжения разбрасываться больше, чем отступающий, и, следовательно, всегда находится под угрозой того, что последний нападет на какой-нибудь пункт превосходными силами, как то хотели сделать русские под Витебском.

3. Чем крупнее становятся массы, тем больше увеличивается затрата сил каждого отдельного человека, которую от него требует ежедневная стратегическая и тактическая служба. 100000 человек, которым ежедневно приходится выступать и развертываться, - то останавливаться на привал, то снова продолжать марш, то братья за оружие, то готовить пищу и принимать продукты, - 100000 человек, которые не могут расположиться на ночлег раньше, чем со всех сторон не придут надлежащие донесения, потребуют, в общем, вдвое больше времени для всех этих второстепенных побочных усилий походной жизни, чем это нужно колонне силой в 50000 человек; но ведь сутки для тех и для других имеют лишь 24 часа. А насколько время и усилия, затрачиваемые на один переход, различаются в зависимости от массы войск, мы уже показали в IX[231] главе предыдущей части. Правда, это напряжение разделит с наступающим и отступающий, но у первого оно значительно больше:

а) Потому что, согласно предположенному нами превосходству его сил, масса его больше.

б) Потому что обороняющийся, постоянно уступая место противнику, этой жертвой приобретает себе право всегда сохранять в своих руках решение, всегда предписывать другому закон. Он заранее составляет для себя план действий, и в большинстве случаев этот план ничем не нарушается, между тем как продвигающийся вперед может строить свой план лишь в согласии с неприятельской группировкой, которую он предварительно всегда должен постараться разведать.

Дабы не подумали, что мы впадаем в противоречие с тем, что нами было сказано в XII главе 4-й части, мы должны здесь напомнить, что речь идет о неприятеле, который не только не потерпел поражения, но даже не был побежден в сражении.

Эта прерогатива - всегда предписывать закон противнику - ведет к сбережению времени и сил и ко многим побочным преимуществам; получаемый выигрыш, суммируемый на протяжении известного времени, окажется весьма существенным.

в) Потому что отступающий, с одной стороны, делает все, чтобы облегчить свой отход, - он распоряжается починкой дорог и мостов, выбирает самые удобные места для ночлегов и т. д., - а с другой стороны, направляет столько же усилий на то, чтобы затруднить продвижение преследующему, разрушая мосты, уже одним своим прохождением портя и без того плохие дороги, отнимая у противника лучшие места для ночлега и пользования водой, так как он сам их занимает, и т. п.

Наконец, как на особо благоприятное условие укажем еще на народную войну. На последней здесь не приходится более подробно останавливаться, так как ей мы посвящаем особую главу.

До сих пор мы говорили о выгодах, какие приносит подобное отступление, о тех жертвах, каких оно требует, и об условиях, которые должны иметься налицо для его успешности; теперь мы хотим еще поговорить о его выполнении.

Первый вопрос, который мы должны поставить, касается направления отступления.

Оно должно совершаться внутрь страны, следовательно, вести по возможности к такому пункту, где неприятель с обеих сторон будет охвачен нашими провинциями; тогда он подставит себя под их воздействие, мы же не будем подвергаться опасности быть оттесненными от главного ядра нашей страны, что могло бы произойти, если бы мы избрали линию отступления, проходящую слишком близко к нашей границе; это получилось бы с русскими, если бы они в 1812 г. решились отступить на юг вместо того, чтобы отступить на восток.

Это - условие, заключающееся в самой цели мероприятия. От обстоятельств будет зависеть, какой пункт страны признать за лучший, насколько может быть соединена с таким выбором задача непосредственного прикрытия столицы или другого важного пункта или же отвлечения неприятеля от

них в другом направлении.

Если бы русские в 1812 г., заранее обдумав свой отход, проводили его вполне планомерно, они легко могли бы от Смоленска взять направление на Калугу, на которое они перешли лишь после очищения Москвы; очень возможно, что в этом случае Москва совсем не пострадала бы.

Дело в том, что под Бородином силы французов приблизительно достигали 130 000 человек; нет никаких оснований предполагать, что французы были бы сильнее, если бы русские приняли сражение на полпути к Калуге; сколько же из этих сил французы могли выделить и направить к Москве? Очевидно, весьма немного: но на расстояние 50 миль (удаление Смоленска от Москвы) нельзя отрядить слабые силы против такого города, как Москва.

Положим, что Бонапарт считал бы возможным рискнуть выделить для этой цели силы раньше, чем имело место решительное сражение, - например, из Смоленска, после боя под которым у него еще оставалось 160000 человек. Допустим, что для этого он отрядил бы 40000 человек, а против главных русских сил у него осталось бы 120000 человек. В таком случае к моменту сражения эти силы сократились бы до 90000 человек, т.е. оказались бы на 40000 меньше, чем имевшиеся налицо под Бородином. Таким образом, у русских получился бы перевес в 30 000 человек. Если принять ход Бородинского сражения за мерило, то можно предполагать, что в этих условиях русские оказались бы победителями. Во всяком случае соотношение сил было бы более для них благоприятным, чем под Бородином. Но отход русских не являлся осуществлением заранее обдуманного плана; отступление зашло так далеко потому, что всякий раз, как задумывали принять бой, находили себя недостаточно сильными для генерального сражения. Все средства продовольствия и пополнения были направлены на дорогу, ведущую от Москвы к Смоленску, и в Смоленске никому не могло прийти в голову ее оставить. Кроме того, победа между Смоленском и Калугой никогда не загладила бы в глазах русских греха оставления Москвы беззащитной в жертву возможному захвату ее неприятелем.

Еще вернее Бонапарт мог в 1813г. прикрыть Париж, заняв позицию значительно в стороне, - скажем, за Бургундским каналом, - и оставив в Париже лишь несколько тысяч человек и многочисленную национальную гвардию. Никогда у союзников не хватило бы духу отправить против Парижа корпус в 50000-60000 человек, зная, что под Оксерам находится Бонапарт со 100000 человек. С другой стороны, никто не посоветовал бы союзным армиям, если бы последние находились в положении Бонапарта, покинуть дорогу, ведущую в столицу, если бы их противником был Бонапарт. При имевшемся перевесе сил он ни минуты не задумался бы над тем, чтобы пойти прямо на столицу. Столь различен конечный вывод даже при тождественных обстоятельствах, но при ином соотношении моральных сил.

К этому мы лишь добавим, что при таком боковом направлении столица или то место, которое желают этим путем вывести из игры, должны обладать во всяком случае известной способностью к сопротивлению, дабы любой летучий отряд не мог занять и наложить на них контрибуцию. А теперь мы пока оставим эту тему, так как в дальнейшем, при рассмотрении вопроса о плане войны, мы еще к пей вернемся.

Но мы должны остановиться еще на одной особенности в вопросе о направлении линий отступления, а именно - на внезапном повороте в сторону. После того, как русские все время, вплоть до Москвы, держались одного и того же направления, которое привело бы их к Владимиру, они затем покинули его, перейдя сначала на рязанское направление, а затем и на калужское. Если бы они оказались вынужденными продолжать свое отступление, то последнее могло бы легко продолжаться в этом направлении и привело бы их к Киеву, т.е. значительно приблизило бы их к неприятельской границе. Что французы, даже если бы они в то время еще и сохраняли заметное превосходство над русскими, - не могли бы при этом удержать своей коммуникационной линии через Москву, ясно само собою, они должны были бы оставить не только Москву, но, по всей вероятности, и Смоленск, т.е. покинуть с таким трудом доставшееся им завоевание и удовольствоваться театром войны по западную сторону Березины.

Правда, при этом русская армия попала бы в то же самое невыгодное положение, в каком она могла очутиться, если бы сразу, с самого начала, взяла направление отступления на Киев, а именно - она оказалась бы отрезанной от главного ядра своего государства, но этот ущерб оказался бы уже

теперь почти лишь воображаемым, ибо состояние, в котором пришла бы неприятельская армия к Киеву, если бы она не проделала перед тем кружного пути через Москву, было бы, конечно, совершенно иным.

Ясно, что такой поворот в сторону пути отступления, легко выполнимый при больших пространствах, доставляет значительные выгоды:

1) он лишает противника (наступающего) возможности сохранять прежние коммуникационные линии, устройство же новых представляет всегда значительные трудности; к этому присоединяется еще и то обстоятельство, что он будет изменять свое направление лишь постепенно, а следовательно, ему придется не один раз искать новых коммуникационных линий;

2) если благодаря этому обе стороны снова приближаются к границе, наступающий уже не прикрывает группировкой своих сил сделанные им завоевания и будет вынужден, по всей вероятности, от них отказаться.

Россия со своими огромными пространствами представляет такое государство, где две армии положительно могут играть друг с другом в кошки и мышки.

Но и в странах с меньшей площадью такого рода повороты в сторону пути отступления возможны, если прочие обстоятельства тому благоприятствуют, о чем можно заключить лишь из рассмотрения всех условий данного конкретного случая.

Раз направление, в котором решено вовлечь неприятеля внутрь страны, установлено, то отсюда естественно следует, что наши главные силы должны отходить в этом направлении, ибо в противном случае и неприятель не двинул бы па это направление своих главных сил, а если бы он это и сделал, то мы не имели бы возможности поставить его в намеченные нами выше условия. При этом может возникнуть лишь один вопрос: следует ли держаться этого направления всеми силами или же выделить для отхода в сторону значительные части, чтобы осуществить таким образом свое отступление эксцентрически[232].

На этот вопрос мы должны ответить, что такая форма должна быть отвергнута:

1. Потому что таким путем силы разделяются, между тем как стягивание их к одному пункту составляет одно из главнейших затруднений для наступающего.

2. Потому что при этом на долю наступающего выпадают все выгоды, сопряженные с внутренними линиями; будучи более сосредоточен, чем мы, он приобретает больший перевес сил на отдельных пунктах. Правда, это превосходство, когда мы практикуем систему, заключающуюся прежде всего в постоянном уклонении, представляет меньше опасности; однако условия этого уклонения всегда требуют, чтобы мы представляли постоянную угрозу для противника и не позволили разбить себя по частям, что легко может иметь место. Дальнейшее неперемное условие такого отступления заключается в том, чтобы постепенно достигнуть превосходства наших главных сил, дабы иметь возможность использовать это превосходство для решительного сражения; при раздроблении сил это оставалось бы под вопросом.

3. Потому что вообще концентрические действия против неприятеля не подобают слабейшей стороне.

4. Потому что при разъединенных силах обороняющегося исчезают многие невыгоды, присущие слабым сторонам наступающего.

Главными уязвимыми сторонами при далеком продвижении наступления являются длинные коммуникационные линии и обнаженные стратегические фланги. Эксцентрическая форма отступления принудит наступающего развернуть фронтом в сторону часть своих сил; эта часть, назначенная собственно лишь для нейтрализации противопоставленных ему вооруженных сил, одновременно выполнит и другую побочную задачу - прикроет часть коммуникационной линии.

Следовательно, с точки зрения только стратегического воздействия отступления эксцентрическая форма невыгодна; иногда же ее задача заключается в подготовке позднейшего воздействия на коммуникационную линию противника; по этому поводу мы отсылаем к сказанному нами в предыдущей главе.

Существует лишь одна цель, для достижения которой допустимо согласиться на эксцентрическую форму отступления, а именно - если посредством этой формы мы можем оградить такие области, которые иначе были бы заняты неприятелем.

Нетрудно в большинстве случаев наперед с достаточной достоверностью предвидеть, какие пространства справа и слева займет продвигающийся вперед противник; указаниями для этого являются сбор и направление его сил, положение его провинций, крепостей и пр. по отношению к нашим; занимать войсками те пространства, на которые он, вероятно, покушаться не будет, было бы опасной расточительностью сил.

Труднее, однако, предвидеть, будем ли мы в состоянии воспрепятствовать неприятелю занять те области, которые он, вероятно, захочет занять, развернув там известные силы', в этом вопросе многое зависит от интуиции.

Когда русские отступали в 1812 г., они оставили корпус в 30000 человек под начальством Торماسова на Волыни против австрийцев, которые должны были вторгнуться в эту область. Обширность этой области, разнообразие трудностей, представляемых местностью, отсутствие перевеса неприятельских сил, которые должны были начать здесь наступление, давали русским право надеяться, что они здесь одержат верх или, по крайней мере, удержатся недалеко от границы[233]. Это впоследствии могло принести значительные выгоды, на которых мы здесь не будем останавливаться; кроме того, было почти невозможно своевременно подтянуть эти войска к главным силам, даже если бы этого и захотели. По этим причинам с полным основанием решили оставить эти войска на Волыни, чтобы вести там свою обособленную войну. Но нельзя согласиться с тем, что, согласно плану, разработанному генералом Пфулем, только армия Барклая (80000 человек) должна была отойти к Дриссе, а армии Багратиона (40000 человек) было указано оставаться на правом фланге французов, чтобы затем атаковать их с тыла; с первого взгляда ясно, что армии Багратиона было бы невозможно удержаться в южной части Литвы в тылу находящихся поблизости главных сил французов; огромные подавляющие массы последних очень скоро уничтожили бы ее.

Само собою разумеется, что в интересах обороняющегося покинуть как можно меньше провинций на произвол наступающему, но это всегда остается второстепенной задачей; не менее ясно и то, что наступление становится тем труднее, чем меньше или, точнее, чем уже та полоса, пределами которой мы могли бы ограничить наступление неприятеля; но все это подчиняется неременному условию, чтобы это начинание имело вероятность успеха и чтобы оно не слишком ослабляло главные силы обороняющегося, ибо последние, главным образом, и должны дать окончательное решение, так как если неприятель начнет отступление, то это прежде всего будет обусловлено затруднениями, которые возникнут в его главных силах; с ними же более всего связывается и повышение потери физических и моральных сил.

Итак, отступление внутрь страны должно вестись не побежденными и не разделенными силами, а силами, непосредственно предшествующими главному ядру неприятеля, и притом как можно медленнее, непрерывно оказывая сопротивление, дабы принудить неприятеля все время находиться в боевой готовности и растрчивать свои силы на стратегические и тактические меры предосторожности,

Когда обе стороны достигнут, таким образом, конца намеченного пути наступления, то обороняющийся при малейшей возможности должен занять косвенное к нему положение и начать всеми доступными способами действовать на тыл неприятеля.

Поход в Россию 1812 г. показывает нам все эти явления в крупном масштабе; мы можем наблюдать их последствия как бы через увеличительное стекло. Хотя это и не было добровольным отступлением, все же его вполне можно рассматривать под этим углом зрения. Если бы русским, при том знакомстве с его последствиями, какое они теперь имеют, пришлось снова его предпринять при

тех же самых условиях, то они добровольно и планомерно проделали бы все то, что в 1812 г. было предпринято по большей части невольно.

Однако было бы большой ошибкой полагать, что не было и не может быть примера подобного способа действия при отсутствии огромных пространств России.

Всюду, где стратегическое наступление вследствие одних лишь трудностей терпит крушение без решительного сражения и продвинувшаяся вперед сторона оказывается вынужденной к более или менее пагубному отступлению, мы встречаемся с основными условиями и основными воздействиями этой формы сопротивления, какими бы видоизменяющими ее обстоятельствами она ни сопровождалась. Поход Фридриха Великого в 1742 г. в Моравию, в 1744 - в Богемию, французский поход в Австрию 1743 г., поход герцога Брауншвейгского во Францию 1792 г., зимний поход Массены 1810 - 1811 гг. в Португалию представляют собою однородные примеры, но в гораздо меньших размерах и в более скромных условиях; и помимо этого можно встретить бесчисленное множество отрывочных воздействий подобного рода, где если не весь успех, то часть его может быть приписана тому принципу, который мы здесь подчеркивали.

Мы, однако, не даем изложения этих примеров, ибо при этом явилась бы необходимость осветить в каждом случае обстановку, что завело бы нас чересчур далеко.

В России и в других перечисленных случаях дела приняли другой оборот и без удачного сражения, дающего решение в кульминационном пункте; но и в тех случаях, когда нельзя ожидать подобного хода событий, важное значение получает уже то обстоятельство, что подобной формой сопротивления можно достигнуть соотношения сил, допускающего возможность победы; эта победа, подобно серьезному толчку, вызывает попятное движение, при котором возрастание пагубных последствий будет, по закону падения, непрерывно ускоряться.

Глава 26. **Народная война[234]**

Народная война в цивилизованной Европе представляет собою явление XIX века. У нее есть свои сторонники и противники; последние руководствуются или соображениями политического порядка, считая ее за средство революционное, за узаконенное состояние анархии, столь же опасное для общественного порядка внутри государства, как и для неприятеля, или же соображениями военного порядка, полагая, что результаты ее не соответствуют затрате сил. Соображение первого порядка нас в данном случае не касается, ибо мы рассматриваем народную войну лишь как средство борьбы, следовательно, лишь по отношению к неприятелю; соображения же второго порядка побуждают нас отметить, что народная война в общем должна рассматриваться как прорыв, произведенный в наше время стихией войны в ограждавших ее искусственных дамбах, как дальнейшее расширение и усиление того общего процесса брожения, который мы зовем войной. Система реквизиций, огромный рост армий, увеличившихся до чудовищных размеров, что объясняется применением реквизиций и всеобщей воинской повинностью, применение ополчения - все это явления, которые, если исходить из прежней тесно ограниченной военной системы, ведут по тому же пути, и на этом пути лежит и призыв ландштурма или поголовное вооружение народа. Первые из этих новых вспомогательных средств являются естественными и необходимыми следствиями разрушения старых рамок; они настолько увеличили силы впервые ими воспользовавшихся, что противник оказался увлеченным их примером и был сам вынужден к ним прибегнуть; то же самое будет иметь место и по отношению к народной войне. В общем, народ, разумно пользующийся этим средством, приобретает относительный перевес над народом, пренебрегающим им. Раз это так, может быть поставлен только один вопрос: является ли это новое усиление стихии войны благотворным для человечества или нет, - вопрос, на который, пожалуй, можно дать тот же ответ, что и на вопрос о самой войне, предоставляем оба вопроса на усмотрение философов. Но можно держаться и такого взгляда, что силы, поглощаемые народной войной, будучи употреблены на иные средства войны, могли бы дать лучшие результаты; однако не нужно особо глубоких изысканий, чтобы убедиться, что чаще всего эти силы не находятся в нашем распоряжении и не могут быть использованы по нашему произволу. Существенная их часть, а именно - элементы моральные обретают свое бытие лишь при такого рода употреблении этих сил.

Поэтому не приходится спрашивать, во что обходится данному народу сопротивление,

оказываемое им, когда он поголовно берется за оружие; мы ставим лишь вопрос: какое влияние может оказать подобное сопротивление, каковы его условия и как им надо пользоваться?

Что такое раздробленное сопротивление не пригодно для сосредоточенного во времени и пространстве нанесения крупных ударов, вытекает из самой природы этого явления. Действие его направлено на поверхность, подобно процессу испарения в физической природе. Чем больше эта поверхность и чем шире соприкосновение между народными массами и неприятельской армией, следовательно, чем больше последняя распространяется, - тем сильнее воздействие народной войны. Оно разрушает, как медленно тлеющий огонь, основные устои неприятельской армии. Так как результаты народной войны могут сказаться только по истечении некоторого времени, то в период, когда оба элемента так воздействуют друг на друга, возникает состояние напряжения, которое или постепенно разрешается, если народная война подавляется в отдельных местах, а в других сама мало-помалу угасает, или же ведет к кризису, когда пламя этого всеобщего пожара охватывает армию со всех сторон и вынуждает ее очистить страну, чтобы не погибнуть полностью. Чтобы последнее решение было вызвано одной лишь народной войной, необходимо предположить или такое пространство оккупированной территории, которое в Европе можно найти только в России, или такое несоответствие размеров вторгшейся армии с размером площади страны, какого в действительности не бывает.

Если не гоняться за призраками, то необходимо мыслить народную войну в соединении с войной, которую ведет постоянная армия, и обе эти войны сложенными в одно целое одним охватывающим их планом.

Необходимые условия, при которых народная война может получить действительную силу, будут следующие:

- 1) чтобы война велась внутри страны;
- 2) чтобы она не была решена одной катастрофой;
- 3) чтобы театр военных действий охватывал значительное пространство страны;
- 4) чтобы характер парода благоприятствовал этому мероприятию;
- 5) чтобы поверхность страны была сильно пересеченной и трудно доступной благодаря горам или лесам и болотам или вследствие характера обработки ее почвы.

Численность населения не имеет решающего значения, ибо меньше всего ощущается при этом недостаток в людях. Богатство или бедность населения тоже непосредственного значения не имеют, - по крайней мере, не должны были бы иметь; однако нельзя отрицать, что бедный, привыкший к тяжелой работе и лишениям народ обычно проявляет большую воинственность и силу.

Есть одна особенность страны, которая оказывается чрезвычайно благоприятной для народной войны, а именно - разбросанность жилищ, что наблюдается во многих частях Германии. Благодаря этому страна получает более изрезанный и закрытый характер; дороги становятся хуже, хотя число их увеличивается; расквартирование войск невероятно затрудняется. Здесь в малых размерах оказывается особенность, отличающая народную войну в целом, а именно - начало сопротивления имеется налицо повсюду и нигде. Если население живет совместно в селах, то самые беспокойные села подвергаются воинскому постою и даже караются отдачей на разграбление, предаются сожжению и пр., что, однако, в отношении вестфальских крестьян не так-то легко выполнить.

Не следует применять ландштурма или вооруженных народных отрядов против главных неприятельских сил или даже против более или менее значительных войсковых частей; их задача - не дробить орех, а понемногу подтачивать его скорлупу. Народ должен поднимать восстания в провинциях, расположенных по сторонам театра военных действий, куда неприятель не может ввести крупные силы. Скопляющиеся по сторонам грозные тучи должны следовать за неприятелем по мере его продвижения. Там, где неприятель еще не появлялся, не будет недостатка в мужестве, чтобы взяться за оружие против него; этот пример разожжет и массу населения, граничащую с неприятелем.

Так разгорается огонь, как пожар в степи, и достигает наконец тех пространств, на которые базируется наступающий, огонь охватывает его коммуникационные линии и подтачивает нерв его жизни. Ибо если даже не иметь преувеличенного представления о всемогуществе народной войны, - если не считать ее непреодолимой стихией, обуздать которую вооруженная сила не в состоянии, подобно тому как человек не может повелевать ветру и дождю, словом, если основывать свое суждение не на красноречивых сочинениях, то все же следует признать, что невозможно гнать перед собой вооруженных крестьян совершенно так же, как отряд солдат, привыкших жаться друг к другу, подобно стаду, и всегда готовых бежать в ту сторону, куда обращены лицом, - между тем как крестьяне, будучи разбиты, рассеиваются в раз'ные стороны, не нуждаясь для этого в каком-либо искусном плане. В этих условиях всякий марш небольшого отряда в гористой, лесистой или вообще сильно пересеченной местности приобретает чрезвычайно опасный характер: такое походное движение каждое мгновение может превратиться в бой, притом даже тогда, когда уже давно не было слышно о каких-либо неприятельских войсках. В любой момент в хвосте колонны могут появиться вооруженные крестьяне, которых уже давно отогнала голова той же колонны. Если речь идет о порче дорог и заграждении тесных проходов, то приемы, употребляемые сторожевым охранением и летучими отрядами регулярного войска, относятся к действиям поднявшейся крестьянской массы приблизительно так же, как движения автомата к движениям живого человека. У неприятеля для борьбы с ландштурмом нет никаких иных средств, кроме рассылки многочисленных частей для сопровождения своих транспортов, для охранения этапов, проходов, мостов и пр. Поскольку первые попытки ландштурма будут ничтожны, постольку и эти отряды, во избежание опасности чрезмерного распыления сил, будут сначала слабы; в борьбе с этими слабыми командами обычно и зажигается огонь народной войны. В некоторых местах благодаря численному превосходству над ними удастся восторжествовать, мужество будет расти, воинственный дух разгорится, и интенсивность борьбы увеличится, пока не настанет кульминационный момент, который окончательно решит исход дела.

Согласно нашему представлению о народной войне, она Должна сохранять свое облачное, туманное существование и никогда не должна сгущаться в действия компактных отрядов, иначе неприятель направит против них соответственные силы, уничтожит их и захватит много пленных. Тогда явится упадок духа; все будут полагать, что дело окончательно проиграно, что дальнейшие усилия напрасны, и оружие выпадет из рук народа. Но с другой стороны необходимо, чтобы этот туман стягивался густыми массами к известным пунктам, образуя грозные тучи, из которых могла бы блеснуть сокрушающая молния. Эти пункты, как уже было сказано выше, находятся главным образом на флангах театра военных действий неприятеля. Тут вооруженные народные массы должны собраться в более крупное и лучше устроенное целое с небольшим добавлением регулярных войск; тогда создастся вид организованного войска и явится возможность решиться на более крупное предприятие. Начиная с этих пунктов, интенсивность деятельности ландштурма должна постепенно уменьшаться в направлении к тылу неприятеля, где ландштурм подставлен под самые сильные его удары. Назначение этих более густых масс заключается в том, чтобы нападать на более значительные гарнизоны, оставленные противником позади себя; кроме того, они внушают страх и заботы и усиливают общее моральное впечатление; без них действия в целом оказались бы недостаточно мощными, и обстановка не внушала бы неприятелю достаточного беспокойства.

Это более крепкое оформление народной войны полководец может придать легче всего при помощи тех небольших регулярных частей, которыми он подкрепляет ландштурм. Без ободряющей поддержки, доставляемой небольшим добавлением регулярных войск, у населения большей частью не хватит веры в свои силы и энергии, чтобы взяться за оружие.

Чем сильнее будут предназначенные для этой цели войсковые части, тем больше будет сила их притяжения и тем огромнее станет обрушивающаяся на противника лавина. Но здесь имеются известные пределы: с одной стороны, было бы губительно расплыть всю армию ради этой второстепенной задачи, - как бы растворить ее среди ландштурма и в связи с последним создать растянутую, повсюду слабую оборонительную линию, относительно которой можно уверенно предвидеть, что и армия, и ополчение будут основательнейшим образом разбиты, - с другой стороны, мы знаем по опыту, что когда в известной провинции расположено слишком много регулярных войск, то энергия и действительность народной войны ослабевают.

Причины этого явления заключаются, во-первых, в том, что эта провинция навлекает на себя слишком большие неприятельские силы, во-вторых, население начинает полагаться на собственные

регулярные части, и в-третьих, присутствие значительных масс войск чересчур напрягает силы населения в другом направлении - по расквартированию, транспорту и поставкам провианта, фуража и т.д.

Другим средством для предотвращения слишком энергичной реакции неприятеля против народной войны будет следующее положение, являющееся одновременно и основным руководящим ее началом: пользуясь народной войной как крупным средством стратегической обороны, можно лишь в редких случаях доводить дело до тактической обороны или даже никогда не доводить. Боевые действия ландштурма имеют общий характер с боями, которые ведутся плохими войсками: большая сила и горячность натиска, но мало хладнокровия и недостаток выдержки. Несущественно, если масса ландштурма будет побеждена и обращена в бегство, ибо такова ее судьба, но нельзя допускать, чтобы она получила смертельный удар в результате чрезмерных потерь убитыми, ранеными и взятыми в плен. Подобные поражения очень скоро охладят бы пыл народа. Эти-то две особенности и противоречат природе тактической обороны. Оборонительный бой требует выдержанного, медленного, планомерного действия и отважного решения; простая попытка, от которой можно легко отказаться в любой момент, никогда не может привести к успеху при обороне. Поэтому, если ландштурму приходится брать на себя оборону какого-нибудь участка, то он никогда не должен доводить дело до решающего оборонительного боя, он в таком случае погибнет, как бы благоприятно обстоятельства ни складывались для него. Отсюда следует, что он может и должен защищать горные проходы, гати, ведущие через болота, и переправы через реки только до тех пор, пока это ему удастся; по раз линия обороны прорвана, ему лучше рассеяться и продолжать свою оборону при помощи неожиданных атак, чем сосредоточиться в тесном последнем убежище, перейти к форменной обороне и дать себя окружить. Как бы ни был храбр народ, как бы ни были воинственны его нравы, как бы сильна ни была его ненависть к врагу, как бы ни были, наконец, благоприятны условия местности, все же народная война не может вестись в слишком сгущенной атмосфере опасности. Поэтому горячий материал народной войны может гореть ярким пламенем лишь в более отдаленных пунктах, где будет достаточно свежего воздуха и где его огонь не может быть заглушен одним ударом.

Эти соображения представляют скорее нащупывание истины чутьем, чем объективный анализ, так как это явление слишком ново и слишком мало описано теми, кто имел возможность продолжительное время непосредственно наблюдать его. Нам остается теперь лишь сказать, что стратегический план обороны может воспринять содействие народной войны двумя различными путями: или как последнее вспомогательное средство после проигранного сражения, или как естественную помощь еще до того, как будет дано решительное сражение. В последнем случае необходимыми предпосылками являются отступление внутрь страны и тот косвенный вид реакции, о которых мы говорили в VIII и XXIV главах этой части. Поэтому нам остается лишь сказать несколько слов о созыве ландштурма после проигранного сражения.

Никакое государство не должно считать, что вся его судьба, т.е. самое его существование, может зависеть от одного, хотя бы самого решительного, сражения. Если оно потерпело поражение, то призыв новых сил и естественное ослабление, испытываемое с течением времени всяким наступлением, могут вызвать новый оборот дела, - , наконец, помощь может прийти со стороны. Всегда будет довольно времени, чтобы умереть. Естественно, чтобы утопающий хватался за соломинку, в такой же мере соответствует естественному порядку морального мира, чтобы народ испробовал последние средства для своего спасения, раз видит себя отброшенным на край бездны.

Как бы данное государство ни было мало и слабо по сравнению со своим противником, оно не должно скупиться на эти последние усилия, иначе пришлось бы сказать, что оно представляет собою уже мертвый организм. Это не исключает возможности заключить мир, связанный с большими жертвами, чтобы спасти себя от полной гибели, но и такое намерение, в свою очередь, не исключает полезности новых мер обороны[235], последние не затруднят и не ухудшат условия мира, а напротив, облегчат заключение мира и улучшат его условия. Они еще более необходимы в тех случаях, когда мы ждем помощи от тех, кто заинтересован в нашем сохранении. Поэтому правительство, которое после проигранного генерального сражения думает лишь о том, как бы ему поскорее успокоить народ на ложе мира, и, удрученное крушением великих, но ошибочных упований, уже не имеет ни мужества, ни охоты напрячь все силы страны, - такое правительство из малодушия поступает во всяком случае крайне непоследовательно и доказывает этим, что оно не было достойно победы и, может быть, поэтому и оказалось неспособным ее одержать.

Как бы решительно ни было поражение, которое потерпело государство, все же оно должно, при отсутствии армии внутри страны, обратиться к тому воздействию, которое могут оказать крепости и народная война. В этом отношении выгодно, если фланги главного театра войны примыкают к горам или другой трудно доступной местности; такая местность явится как бы выдвинутым

бастионом; стратегический фланговый обстрел с него должен задержать продвижение неприятеля.

Раз победитель втянется в осадные работы, он повсюду оставит позади себя сильные гарнизоны, чтобы обеспечить свою коммуникационную линию, или даже отрядит целые корпуса, чтобы высвободить локти и держать в порядке соседние провинции, и когда он окажется в достаточной мере ослабленным потерей живых и мертвых средств борьбы, то для обороняющейся армии настанет момент снова выступить к барьеру и метко направленным ударом поколебать наступающего, находящегося в очень невыгодном положении.

Глава 27. **Оборона театра войны[236]**

Мы, пожалуй, могли бы, ограничившись сказанным нами о важнейших средствах обороны, коснуться вопроса о том, как они связываются с общим планом обороны, лишь в последней части, где мы будем говорить о плане войны, только из последнего вытекает всякий подчиненный план наступления и обороны и в основном только им и определяется, во многих случаях даже самый план войны будет не чем иным, как проектом наступления или обороны на главном театре войны. Но мы вообще не сочли возможным начать наш труд с рассмотрения войны в целом, - хотя в войне, более чем в каком-либо другом явлении, части определяются целым, носят на себе отпечаток его характера и соответственно ему существенно видоизменяются, мы были вынуждены сначала отдать себе ясный отчет в отдельных явлениях как обособленных частях. Без такого постепенного перехода от простого к сложному мы оказались бы подавленными множеством неопределенных представлений; особенно большую путаницу внесли бы в наши представления столь разнообразные на войне явления взаимодействия. Поэтому мы стремимся приблизиться к целому еще на один шаг, т.е. хотим рассмотреть оборону театра войны как таковую (an und fur sich) и найти нить, связующую рассмотренные ранее явления.

Оборона в нашем представлении не что иное, как более сильная форма борьбы. Сохранение собственных вооруженных сил и уничтожение неприятельских - словом, победа является объектом этой формы борьбы, хотя, правда, не в ней ее конечная цель.

Последней будет сохранение собственного государства и сокрушение неприятельского и опять-таки, выражаясь кратко, намеченный мир, ибо лишь в нем конфликт находит свое разрешение и только здесь ему подводится общий итог.

Что же представляет собою неприятельское государство по отношению к войне? Прежде всего имеют значение его вооруженные силы, затем его территория; сверх того, конечно, и многое другое может приобрести преобладающую важность благодаря особым обстоятельствам: сюда относятся по преимуществу внешние и внутренние политические отношения, которые иногда играют более решающую роль, чем все остальное. Но хотя вооруженные силы и территория неприятельской страны сами по себе еще не представляют собою всей мощи самого неприятельского государства и не исчерпывают всех отношений, какие государство может иметь к войне, все же эти два фактора всегда сохраняют свое первенствующее положение и по своему значению обычно бесконечно превосходят все другие отношения. Вооруженные силы должны или защищать территорию собственного государства, или завоевать территорию неприятельского государства; со своей стороны, территория питает и непрерывно обновляет вооруженные силы. Таким образом, они оба зависят друг от друга, друг друга поддерживают, одинаково друг для друга важны. Однако в этих взаимоотношениях существует различие. Когда вооруженные силы уничтожены, т.е. сокрушены, лишены способности к дальнейшему сопротивлению, то потеря территории вытекает из этого сама собой; по, обратно, за потерей территории не следует непременно гибель вооруженной силы, ибо последняя может добровольно очистить страну, чтобы потом тем легче ее снова отвоевать. Не только полный разгром вооруженных сил решает судьбу территории, но даже всякое значительное ослабление их приводит

каждый раз к известной потере территории; напротив, не всякая значительная потеря территории вызывает соответственно ослабление вооруженных сил; впоследствии она, конечно, скажется, но она не всегда проявится в пределах того промежутка времени, в течение которого борьба будет решена.

Отсюда следует, что сохранение собственных вооруженных сил и ослабление или уничтожение неприятельских по своему значению стоит выше обладания территорией и, следовательно, должно составлять первейшую задачу полководца. Лишь тогда обладание территорией выступает на первый план как цель, когда эта цель оказывается еще не достигнутой при применении первого средства (ослабление или уничтожение неприятельских вооруженных сил).

Если бы все вооруженные силы противника были собраны в одну армию и если бы вся война заключалась в одном сражении, то обладание страной зависело бы от его исхода; уничтожение неприятельских вооруженных сил, завоевание неприятельской территории и обеспечение своей являлись бы последствиями этого сражения и до известной степени были бы тождественны с ним. Здесь возникает вопрос, что именно может побудить обороняющегося уклониться от этой простейшей формы военных действий и разделить свои силы в пространстве? Ответим: недостаточность победы, которую он мог бы одержать объединенными силами. Каждая победа имеет свой круг воздействия. Если последний охватывает все неприятельское государство и, следовательно, все его вооруженные силы и всю его территорию, т.е. если все части его будут вовлечены в то самое движение, которое мы сообщили ядру его сил, - то такая победа явится исчерпывающей все наши пожелания, и не было бы достаточно оснований для дробления наших сил. Но если существуют части неприятельских вооруженных сил, а также территории обеих сторон, на которые действия пашей победы не распространяются, то мы должны были бы учесть эти части особо, а так как мы не в силах сосредоточить в одном пункте территорию, как сосредоточиваем войска, то нам придется разделить последние для обороны этих частей или для наступления на них.

Лишь в малых и округленных государствах возможно достижение такого единства (Во времени и пространстве - Ред.) военных сил и имеется вероятность, что все будет зависеть от победы над этими силами. По отношению же к государствам с крупной территорией, соприкасающейся с нами на большом протяжении, или же по отношению к союзу государств, окружающих нас с разных сторон, подобное единство практически неосуществимо.

Здесь, следовательно, неизбежно должно произойти разделение вооруженных сил, что создает различные театры войны.

Сфера влияния победы будет, естественно, зависеть от величины ее, а последняя - от массы побежденных войск. Следовательно, против части территории, на которой собрано наибольшее количество неприятельских сил, может быть направлен тот удар, успешные последствия которого распространятся дальше всего; мы тем более будем уверены в достижении этого успеха, чем больше будет масса наших собственных вооруженных сил, предназначенная для нанесения этого удара. Этот естественный ряд представлений приводит нас к сравнению, посредством которого мы можем яснее передать нашу мысль: это - природа и воздействие центра тяжести в механике.

Центр тяжести всегда находится там, где собирается наибольшая масса; всякий удар, направленный на центр тяжести определенной массы, оказывается наиболее действительным; наконец, наиболее сильный удар будет нанесен центром тяжести той силы, которая его наносит; то же происходит и на войне. Вооруженные силы всякой воюющей стороны - отдельного ли государства или же союза государств - представляют собой известное единство и, следовательно, как-то вместе связываются; там же, где есть связь, появляется и аналогия с центром тяжести. Поэтому в этих вооруженных силах существуют известные центры тяжести, движение и направление которых оказывают решающее влияние на остальных пунктах; эти центры тяжести находятся там, куда собрана большая часть вооруженных сил; но в мире мертвой материи воздействие на центр тяжести имеет свою меру и предел в степени сцепления между собой частей; то же имеет место и на войне; как там, так и здесь удар легко может оказаться сильнее допускаемого сопротивляемостью; получится удар по воздуху, явится расточительная затрата сил.

Какое громадное различие между сплоченностью армии, выступающей под единым знаменем, идущей в бой под личным руководством одного полководца, и сплоченностью военных сил коалиции,

раскинутых на протяжении 50 или 100 миль и базирующихся к тому же в совершенно разные стороны! В первом случае следует ожидать, что сплоченность будет наиболее тесной, единство - самым близким; во втором случае еще далеко будет до полного единства; иногда оно будет заключаться лишь в общности политических намерений, да и то неполной и несовершенной; сплоченность же отдельных частей в большинстве случаев окажется очень слабой, а часто и вовсе призрачной.

Если, с одной стороны, мощь, которую мы хотели бы придать нашему удару, требует наибольшего сосредоточения сил, то, с другой стороны, мы должны остерегаться всякого перегиба, как приносящего существенный вред, ибо он связан с расточительной затратой сил, а это в свою очередь вызовет недостаток сил на других пунктах.

Распознавание этих *centra gravitates* (Центров тяжести - Ред.) неприятельских военных сил и определение сферы их воздействия составляют высший акт стратегического суждения. Поэтому всякий раз необходимо спрашивать себя, какое воздействие окажет продвижение вперед или отступление одной из частей противных сторон на остальные.

Мы вовсе не воображаем, что здесь нами изобретен какой-то новый метод; лишь в основу метода, которого держались все полководцы и во все времена, мы положили такие представления, которые должны уяснить связь этого метода с природой вещей.

Роль, которую играет представление о центре тяжести неприятельских сил во всем плане войны, будет рассмотрена в последней части нашего труда, куда и относится эта тема; мы ее заимствовали сейчас отсюда лишь для того, чтобы не оставлять никакого пробела в ряде представлений. При этом рассмотрении мы установили, чем именно обуславливается разделение вооруженных сил. В сущности имеются два противоположных друг другу стремления: одно обладание страной - влечет нас к разделению наших сил; другое - удар против центра тяжести неприятельских сил - снова собирает их до известной степени воедино.

Так возникают театры войны или области действия отдельных армий. Это такие части территории страны с размещенными на них вооруженными силами, внутри которых всякое решение, исходящее от главных действующих сил, непосредственно распространяется на целое и увлекает его в своем направлении. Мы говорим - непосредственно, ибо решение, имевшее место на каком-либо одном театре войны, естественно, должно оказывать более или менее отдаленное влияние и на соседние с ним театры военных действий.

Мы вновь подчеркнем, что в данном случае, как и повсюду, в наших определениях мы намечаем лишь центральные пункты известных областей представлений, не желая, да и не имея возможности, резкими чертами проводить грани между ними, что было бы противно природе самого предмета.

Итак, мы полагаем, что театр войны, будь он большой или малый, вместе с действующими на нем вооруженными силами - безотносительно к их численности - представляет целое, могущее быть сведенным к одному центру тяжести; в этом центре тяжести будет разыграно решение; оказаться победителем в этом пункте - значит осуществить оборону театра войны в самом широком смысле этого слова.

Глава 28. **Оборона театра войны** **(Продолжение)**

Оборона состоит из двух различных элементов, а именно из решения и выжидания. Установление связи между этими двумя элементами составляет предмет настоящей главы.

Прежде всего, мы должны сказать, что состояние выжидания хотя и не является законченной обороной, однако представляет ту ее область, по которой она продвигается к своей цели. До тех пор, пока вооруженная сила не покинула доверенной ей полосы территории, напряжение сил, вызванное обеими сторонами наступлением, продолжается вплоть до решения. Последнее может считаться действительно завершенным лишь тогда, когда или наступающий или обороняющийся покинет театр

войны.

Пока вооруженная сила удерживается в своем районе, оборона последнего продолжается, и в этом смысле оборона театра войны тождественна с обороной на театре войны. При этом не существенно, большую или меньшую часть театра захватил неприятель, так как пространство уступается ему лишь временно, впредь до решения.

Но такое понимание, с помощью которого мы стремимся определить состояние выживания в его правильном отношении к целому, верно лишь тогда, когда решительный акт действительно должен иметь место и считается обеими сторонами неизбежным. Ибо только это решение создает реальность центров тяжести сил обеих сторон и их действительности на обусловленном ими театре войны. Как только отпадает мысль о решении, так центры тяжести оказываются нейтрализованными; в известном смысле нейтрализуются и вооруженные силы в целом, и тогда выдвигается на первый план в качестве непосредственной цели обладание территорией страны, составляющей второй основной элемент театра войны в его целом. Иными словами, чем меньше обе стороны ищут на войне решительных ударов, тем больше они переходят ко взаимному наблюдению, тем важнее становится обладание территорией, тем больше обороняющийся старается все непосредственно прикрывать и тем шире стремится наступающий распространиться в своем движении.

Следует также признать, что огромное большинство войн и походов более близки к состоянию чистого наблюдения, чем к бою не на жизнь, а на смерть, т.е. к бою, в котором по крайней мере одна сторона ищет решения. Лишь войны XIX века[237] отличались этим последним характером в такой высокой степени, что по отношению к ним можно было применить теорию, построенную на этом. Но так как едва ли можно ожидать, что все будущие войны будут носить такой же характер, а скорее надо предполагать, что большинство их снова будет приближаться к характеру наблюдения, то теория, которая должна быть пригодной для действительной жизни, обязана с этим считаться. Поэтому мы прежде всего займемся тем случаем, когда все проникается и руководится стремлением к решению, т.е. войной в собственном смысле или, если можно так выразиться, абсолютной войной. В другой главе мы рассмотрим видоизменения, вытекающие вследствие большего или меньшего приближения к состоянию наблюдения.

В первом случае (наступающий или обороняющийся ищет решения) оборона театра войны должна будет заключаться в том, что обороняющийся должен держаться на театре войны таким образом, чтобы иметь возможность в каждое мгновение в выгодных условиях разыграть решение. Последнее может заключаться в одном сражении или в ряде крупных боев, но может также явиться итогом одних лишь взаимных отношений, вытекающих из группировки враждующих сторон, т.е. из последствий возможных боев.

Если бы даже сражение не было самым сильным, обычным и действительным средством добиться решения, - что, как мы полагаем, является нами уже неоднократно доказанным, - то было бы достаточно и того, что оно вообще является одним из средств добиться решения и потому требует сильнейшего сосредоточения сил, какое только допустимо в данных обстоятельствах. Генеральное сражение на театре войны есть столкновение одного центра тяжести с другим. Чем больше сил можно собрать в том или в другом, тем более обеспеченными, крупными будут его последствия. Следовательно, всякое разделение сил, не вызываемое определенной целью (т.е. такой целью, которой нельзя достигнуть счастливым исходом сражения или достижение которой составляет важное и главное для счастливого исхода самого сражения), должно быть отвергнуто.

Однако сильнейшее сосредоточение вооруженных сил не является единственным основным условием; необходимы такие группировки и положение их, чтобы сражение могло состояться в выгодных условиях.

К одной категории с этими основными условиями полностью относятся и те различные ступени обороны, которые мы могли изучить в главе о видах сопротивления[238], поэтому нетрудно связать последние с первыми в соответствии с условиями данного конкретного случая. Лишь в одном пункте заключается на первый взгляд внутреннее противоречие; оно требует разъяснения, тем более, что этот пункт - один из важнейших в обороне: это столкновение центров тяжести неприятельских сил.

Если обороняющийся будет заблаговременно и достаточно хорошо осведомлен, по каким дорогам будет продвигаться неприятель и где наверное можно встретить ядро его сил, то он сможет пойти к нему навстречу по этой дороге. Этот случай является обычным, ибо, хотя в отношении общих мероприятий - расположения крепостей, крупных складов оружия и мирной дислокации вооруженных сил - оборона предшествует наступлению и, таким образом, является для последнего руководящей и направляющей, все же при фактическом открытии военных действий оборона по отношению к силам наступающего уже будет пользоваться своеобразным преимуществом хода в игре после партнера.

Продвижение крупными силами по неприятельской стране требует значительных предварительных мероприятий, накопления продовольственных средств, запасов снаряжения и пр.; это продолжается настолько долго, что обороняющийся получает время, необходимое, чтобы сообразоваться со всем этим. Кроме того, не следует упускать из виду, что обороняющемуся вообще требуется меньше времени, ибо подготовка всякого государства рассчитана в большей мере на оборону, чем на наступление.

Но хотя бы в большинстве случаев это и было так, то все же не исключается возможность, что в отдельных случаях обороняющийся пребывает в неизвестности относительно главного направления вторжения противника; такой случай в особенности часто будет иметь место, если оборона покоится на мероприятиях, требующих значительной затраты времени, - например, сооружения укрепленной позиции и т.п. Далее, в тех случаях, когда обороняющийся не стремится дать тактически наступательное сражение, но фактически сгруппировался на линии наступления, наступающий сохраняет возможность обойти его позицию, несколько изменив свое первоначальное направление, ибо в европейских условиях обработки почвы никогда нельзя оказаться в таком положении, чтобы справа или слева не было дорог, по которым можно было бы миновать позицию. Очевидно, в таком случае обороняющийся не может выжидать своего противника на определенной позиции; по крайней мере он не может обманывать себя расчетом принять на этой позиции оборонительное сражение.

Но раньше, чем мы будем говорить о тех средствах, какие в этом случае остаются в распоряжении обороняющегося, мы должны сперва ближе рассмотреть природу такого случая и вероятность его появления.

Естественно, что в каждом государстве, а также на каждом театре войны (мы же в первую очередь говорим только о последнем) существуют объекты и пункты, наступление на которые может повлечь за собой особенно важные последствия. Мы полагаем более уместным подробнее поговорить об этом в части труда, рассматривающей наступление. Здесь мы ограничимся лишь замечанием, что в тех случаях, когда основанием, определяющим направление удара наступающего, является особенно выгодный для наступления объект и пункт, то это же основание будет воздействовать и на обороняющегося, определяя его действия и руководя им в тех случаях, когда он ничего не знает о намерениях противника. Если наступающий не изберет этого благоприятного для него направления, то он тем самым откажется от части своих естественных преимуществ. Ясно, что если обороняющийся занял позицию именно в этом направлении, то нельзя миновать и обойти его, не понеся известных жертв. Отсюда следует, что опасность ошибиться относительно направления, которое возьмет противник, а также возможность для наступающего миновать своего противника не так уж велики, как могут показаться на первый взгляд; в наличии уже будет иметься определенное, большей частью преобладающее основание для выбора известного направления; следовательно, в большинстве случаев обороняющийся со своими мероприятиями, связанными с определенным пунктом, не преминет оказаться на пути ядра неприятельских сил. Иными словами, обороняющийся может в большинстве случаев быть уверен в том, что если только он расположится правильно, наступающий пойдет на него.

Тем не менее мы не должны и не можем отрицать возможность, что в отдельных случаях подготовка обороняющегося не разгадает действий наступающего; возникает вопрос, что ему делать в этом случае и какие из выгод, присущих его положению, остаются еще за ним.

Спросим себя, что вообще может предпринять обороняющийся, если наступающий следует мимо него? Действия обороняющегося могут направляться по следующим путям:

1. С самого начала разделить свои силы, чтобы одной из частей наверняка встретить неприятеля, а другой - поспешить на помощь.

2. Занять позицию сосредоточенными силами и, если противник захочет пройти мимо, быстро принять в соответствующую сторону. В большинстве случаев такое продвижение уже не удастся произвести прямо в сторону, а придется занять новую позицию, несколько отступив назад.

3. Атаковать сосредоточенными силами неприятеля во фланг.

4. Действовать на его коммуникационные линии.

5. Посредством контрнаступления на его театр войны или страну совершить в точности то самое, что выполняет он, проходя мимо нас.

Мы приводим здесь последний прием потому, что возможно представить себе и такую обстановку, когда он может оказаться действительным; но он противоречит задаче обороны, т.е. основаниям, руководствуясь которыми мы остановили на ней наш выбор: на него можно смотреть, лишь как на исключение, обусловленное или какими-то крупными ошибками противника, или другими особенностями данного конкретного случая.

Воздействие на коммуникационные линии противника предполагает превосходство наших коммуникационных линий; последнее, безусловно, представляет одно из основных условий хорошей оборонительной позиции. Но если даже, исходя из этого, такое воздействие и обещает известные выгоды обороняющемуся, все же при обороне театра войны оно лишь в редких случаях явится пригодным, чтобы добиться решения; а достижение последнего, по нашему предположению, представляет цель похода.

Размеры отдельного театра войны обычно бывают не настолько велики, чтобы коммуникационные линии наступающего приобрели вследствие своей длины большую чувствительность; но если чувствительность КОММ муникационной линии имеет место, все же время, необходимое наступающему для осуществления своего удара, обычно оказывается слишком кратким, чтобы он мог быть задержан этим средством, действующим крайне медленно.

Таким образом, против неприятеля, стремящегося добиться решения, а также в том случае, когда и обороняющийся ищет его же, это средство (воздействие на коммуникационную линию) в большинстве случаев окажется совершенно недействительным.

Три других средства, которые остаются в распоряжении обороняющегося, направлены на непосредственное решение, - т.е. на столкновение одного центра тяжести с другим, - и, следовательно, они более соответствуют задаче. Заметим сейчас же, что третьему средству мы оказываем решительное предпочтение перед двумя другими; не отвергая окончательно этих последних, мы считаем его в большинстве случаев самым настоящим средством сопротивления.

При раздельной группировке мы рискуем быть вовлеченными в отрядную войну, из которой, когда против нас решительный противник, в лучшем случае может получиться лишь значительное относительное сопротивление, но отнюдь не то решение, к которому мы стремимся. Но допустим, что, руководясь верным тактом, удастся избежать этого ложного пути; все же предшествовавшее разделение сил сопротивления значительно ослабит удар; притом никогда нельзя быть уверенным, что выдвинутые первыми корпуса не понесут несоразмерных потерь. К тому же сопротивление, оказываемое выдвинутыми в первую очередь корпусами, обыкновенно заканчивающееся отступлением к спешащим на помощь главным силам, по большей части воспринимается войсками как проигранный бой и как ошибочное мероприятие, что значительно ослабляет моральные силы.

Второе средство - перехватить дорогу противнику, заняв соединенными силами позицию на пути его обходного движения, - грозит опасностью прибыть слишком поздно и застрять между двумя мероприятиями[239]. Кроме того, оборонительное сражение требует известного спокойствия, обдуманности, знакомства (даже близкого знакомства) с местностью, чего нельзя ожидать при поспешном преграждении обходного пути. Наконец, позиции, представляющие хорошее поле для оборонительного боя, - слишком редкое явление, чтобы можно было предполагать их найти на всякой дороге и во всяком ее пункте.

Напротив, третье средство - атаковать наступающего с фланга, т.е. дать ему сражение с перевернутым фронтом, - представляет значительные выгоды.

Во-первых, в этом случае, как известно, всегда происходит обнажение коммуникационных линий и путей отступления, а по общим свойствам и в особенности по тем требованиям, которые мы предъявляем к стратегической группировке обороняющегося, последний всегда в указанном отношении будет обладать известными преимуществами.

Во-вторых, - и это особенно существенно - каждый наступающий, намеревающийся пройти мимо своего противника, запутывается в двух противоположных стремлениях. Первоначально он хочет продвинуться вперед, дабы достигнуть цели своего наступления; но возможность ежеминутно подвергнуться атаке с фланга вызывает в нем потребность направить в эту сторону удар, и притом удар всеми силами. Эти два стремления противоречат друг другу и настолько спутывают внутренние отношения, настолько затрудняют принятие мер, отвечающих обстановке, как бы последняя ни сложилась, что едва ли может оказаться стратегически худшее положение. Если бы наступающий достоверно знал, когда и где он будет атакован, то он мог бы ловко и искусно к этому подготовиться; но при полной неопределенности в таком вопросе и при необходимости продвигаться вперед, нависающее сражение почти неизбежно застигнет его в момент весьма убогой подготовки к нему, т.е. наверно в невыгодных для него условиях.

Если для обороняющегося складываются иногда благоприятные моменты, когда он может дать в выгодных условиях наступательное сражение, то таких моментов надо прежде всего ожидать в этой обстановке. К тому же следует прибавить, что обороняющийся здесь может использовать знакомство с местностью и свободен в выборе ее; он имеет также возможность заранее подготовить и организовать свое движение; поэтому нельзя сомневаться, что и в этих обстоятельствах он сохранит значительное стратегическое превосходство над противником.

Итак, мы полагаем, что обороняющийся, занимающий сосредоточенными силами удачно расположенную позицию, может спокойно выжидать прохождения мимо него противника; если бы последний не стал атаковать его позицию, а действия на коммуникационные линии противника не отвечали бы обстановке, у него все же осталось бы превосходное средство добиться решительного исхода посредством атаки во фланг наступающего.

В истории мы почти не встречаемся с такого рода случаями; это отчасти объясняется тем, что у обороняющегося редко хватало смелости выдержать в таком положении, - он или разделял свои силы, или поспешно пытался пересечь всеми силами дорогу наступающему рокировочным или косым движением, отчасти же это происходило потому, что наступающий не дерзал в подобных условиях проходить мимо обороняющегося и обычно останавливал свой марш.

В этом случае обороняющийся вынужден дать наступательное сражение; ему приходится отказаться от дальнейших выгод выжидания сильной позиции, хороших укреплений и пр.; положение, в котором он застаёт продвигающегося неприятеля, не сможет в большинстве случаев возместить ему полностью утрату этих преимуществ, ибо во избежание их наступающий и поставил себя в новое положение; но все же некоторое возмещение он получит, и теории не приходится здесь сбрасывать со счета известную величину после взаимного поглощения pro и contra, как это часто имеет место, когда историки, критически подходящие к своей задаче, вставляют в свое повествование отрывочную часть теории.

Пусть не думают, что мы тут занимаемся логическими ухищрениями; напротив, чем глубже мы всматриваемся с точки зрения практики в этот предмет, тем более он представляется нам идеей, охватывающей все существо обороны, проникающей ее и ею управляющей.

Лишь атакуя всеми своими силами противника, раз только последний проходит мимо, обороняющийся может благополучно миновать обе пропасти, возле которых ведется оборона; эти пропасти - раздельное расположение и торопливое забегание перед противником. В обоих случаях он подчиняется воле наступающего, в обоих ему приходится пользоваться средствами крайней необходимости и действовать с опасной поспешностью; всякий раз, как решительный, жаждущий победы и решения противник сталкивается с такой системой обороны, он ее приводит к полному

крушению. Но всякий раз, когда обороняющийся сосредоточивает для совместного действия в надлежащем пункте все свои силы и решается атаковать ими неприятеля во фланг, он избирает верный путь и опирается на все те преимущества, какие только ему может доставить оборона в этом положении; хорошая подготовка, спокойствие, уверенность, единство и простота характеризуют в этом случае все его действия.

Мы не можем не упомянуть здесь о крупном историческом событии, имеющем ближайшее отношение к развиваемым здесь понятиям; нам важно предотвратить неправильную ссылку на этот пример.

Выжидая в октябре 1806 г. в Тюрингии французскую армию, предводимую Бонапартом, прусская армия располагалась посредине между двумя основными направлениями, по которым могли вторгнуться французы, а именно: между дорогой через Эрфурт и дорогой через Гоф, ведущими па Лейпциг и Берлин. Первоначальное намерение прорваться во Франконию прямо через Тюрингенский лес, а после отказа от него - неизвестность, по какому из этих двух путей направятся французы, определили выбор этого промежуточного по отношению к ним расположения. Как таковое оно должно было бы повести к мероприятиям по поспешному выдвиганию наперерез неприятелю.

Это и было основной идеей пруссаков на тот случай, если бы французы двинулись через Эрфурт, ибо пути к нему были вполне доступны; напротив, нечего было и думать о том, чтобы продвинуться на дорогу через Гоф, отчасти потому, что до этой дороги оставалось два или три перехода, отчасти же потому, что пути этого движения пересекались глубокой долиной реки Заалы. Последнее движение не входило в расчеты герцога Брауншвейгского, и поэтому никаких подготовительных мер к его осуществлению принято не было; однако выполнение этого движения входило в намерения принца Гогенлоэ, т.е. полковника Массенбаха[240], который хотел насильно навязать эту идею герцогу. Еще меньше могло быть речи о том, чтобы, исходя из этой группировки па левом берегу реки Заалы, дать наступательное сражение продвигающемуся вперед Бонапарту, т.е. перейти против него в указанную нами выше фланговую атаку; ибо если река Заала являлась препятствием к тому, чтобы в последнюю минуту забежать и преградить дорогу неприятелю, то она представляла еще большее препятствие тому, чтобы перейти в наступление в такой момент, когда неприятель уже должен был хотя бы отчасти владеть противоположным берегом реки. В результате герцог решил выжидать за рекой дальнейшего хода событий, если можно назвать индивидуальным решением то, что происходило в этой многоголовой главной квартире в момент величайшей сумятицы и полнейшей нерешительности. Чем бы это выжидание ни было вызвано, в итоге имелись следующие возможности:

- 1) атаковать неприятеля, если он переправится через Заалу, чтобы столкнуться с прусской армией, или
- 2) действовать на его коммуникационные линии, если он оставит прусскую армию в покое, или же
- 3) быстрым фланговым маршем преградить неприятелю дорогу еще у Лейпцига, если бы это признавалось выполнимым и желательным.

В первом случае прусская армия обладала бы значительными стратегическими и тактическими преимуществами вследствие трудностей, представляемых глубокой долиной реки Заалы; во втором - чисто стратегическое преимущество также было бы велико, ибо неприятель обладал лишь крайне узким базисом, стиснутым между нашей армией и нейтральной территорией Богемии, в то время как наш базис отличался исключительной шириной, даже в третьем случае наша армия, прикрытая рекой Заалой, оказывалась все же отнюдь не в невыгодном положении. Несмотря на общую сумятицу и неясность, царившие в главной квартире, эти три возможности действительно в ней обсуждались, но, конечно, нельзя удивляться тому, что если бы здесь и зародилась правильная идея среди общей нерешительности и царившего смятения, она была бы обречена при ее осуществлении на полное крушение.

В первых двух случаях позицию на левом берегу Заалы надо рассматривать как подлинно фланговую, в качестве последней она бесспорно представляла крупные выгоды; но, конечно, фланговая позиция для армии, не уверенной в себе, против превосходных сил неприятеля, против

Бонапарта, представляет очень смелое предприятие.

После долгих колебаний 13 октября герцог остановил свой выбор на третьей из вышеуказанных возможностей, но было слишком поздно. Бонапарт уже приступил к переправе через Заалу, и сражения под Иеной и Ауэрштедтом являлись неизбежными. Герцог в своей нерешительности уселся между двух стульев чтобы преградить дорогу неприятелю, он слишком поздно оставил занимаемый им район, а чтобы целесообразно дать сражение - слишком рано. Тем не менее природная сила этой позиции сказалась в такой степени, что герцог имел возможность под Ауэрштедтом уничтожить правое крыло своего противника, а князь Гогенлоэ еще мог бы вырваться из петли при помощи кровопролитного отступательного боя. Но под Ауэрштедтом не хватило решимости добиться победы, являвшейся несомненной, а под Иеной сочли возможным рассчитывать на победу, которая была совершенно немыслима.

Во всяком случае, у Бонапарта было такое сознание стратегического значения расположения пруссаков на Заале, что он не отважился пройти мимо и решился на переправу через эту реку в виду неприятеля.

Всем вышесказанным, мы полагаем, в достаточной мере уяснены отношения обороны к наступлению в случае действий, ориентированных на решение, и раскрыты положение и общая связь всех тех нитей, которыми скрепляются отдельные части оборонительных планов. Более определенный разбор отдельных мероприятий не входит в наши намерения, ибо это привело бы нас в безграничную область частных случаев. Раз полководец имеет перед собой определенную ориентирующую точку, он уже сам увидит, насколько географические, статистические и политические обстоятельства, материальные и личные условия, в которых находятся наша и неприятельская армии, соответствуют этой ориентировке и в какой мере они обуславливают тот или другой образ действий.

Однако, для того чтобы ближе связаться с вопросом о ступенях усиления обороны, с которым мы ознакомились в главе о видах обороны[241], и снова ввести сказанное в поле нашего зрения, мы укажем здесь на наиболее общие моменты.

1. Следующие поводы могут побудить нас пойти навстречу неприятелю, чтобы дать наступательное сражение:

а) Когда нам известно, что наступающий продвигается, имея свои силы весьма разбросанными, и когда, следовательно, даже при значительной слабости наших сил мы все же можем рассчитывать на победу.

Однако такое продвижение наступающего само по себе крайне неправдоподобно; следовательно, такой план хорош лишь в случае нашей полной осведомленности, обосновывание своих расчетов и возложение на это всех своих упований при наличии одних предположений и без достаточных мотивов крайне сомнительно и обычно приводит к невыгодному положению. Обстоятельства не оказываются такими, какими мы их ожидаем, приходится отказаться от наступательного сражения, а к оборонительному ничего не подготовлено. Приходится, таким образом, предпринять вынужденное отступление и предоставить почти все на волю случая.

Приблизительно так обстояло дело с обороной, которую в 1759 г. вела армия генерала Дона против русских; после вступления в командование генерала Веделя оборона закончилась неудачным сражением под Цюллихау.

Прожектеры слишком часто готовы пускать в ход это средство, - оно так упрощает все дело, - не задаваясь при этом вопросом, в какой мере обоснована предпосылка, на которую оно опирается.

б) Когда мы вообще достаточно сильны, чтобы дать сражение.

в) Когда нас побуждает к этому особая беспомощность и нерешительность противника.

В этом случае воздействие неожиданное не может оказаться более ценным, чем какое бы то ни было использование местности на хорошей позиции. Подлинная сущность умелого ведения войны и

заключается в том, чтобы этим путем ввести в игру мощь моральных сил; но при этом теория не может ни чересчур часто, ни чересчур громко повторять: необходимо, чтобы для этой предпосылки имелись объективные основания. Не имея таких конкретных оснований, постоянно твердят лишь о внезапности, о преимуществе необычайных наступлений, строят на этом планы, рассуждения, критические разборы, что представляет совершенно недопустимый, неосновательный прием.

г) Когда свойства нашей армии делают ее преимущественно пригодной к наступлению.

Несомненно, Фридрих Великий не ошибался и не основывался на одних мечтах, питая уверенность в том, что в своей армии - подвижной, мужественной, приученной к повиновению и точности, воодушевленной и приподнятой гордым сознанием своей силы, с привычным ей косым боевым порядком, он обладает орудием, которое в его твердой и смелой руке гораздо более пригодно для наступления, чем для обороны. Этим качеств у его противников не имелось, и именно в этом отношении он обладал решительным преимуществом перед ними. Использование его в большинстве случаев являлось более ценным, чем использование окопов и местных препятствий. Но такое превосходство будет редко встречаться; хорошо вышколенная и обученная маневрированию в крупном масштабе армия составляет лишь часть этого преимущества. Если Фридрих Великий утверждал, а за ним то же самое непрестанно повторяли и другие, что прусские войска особенно пригодны для наступления, то не следует придавать чрезмерного значения таким заявлениям; в большинстве случаев на войне чувствуют себя лучше и храбрее при наступлении, чем при обороне, но это чувство общее для всех армий; да и нет такой армии, о которой ее полководцы и вожди не утверждали бы того же самого. Поэтому в данном случае не следует легкомысленно доверять одной видимости превосходства и из-за нее упускать действительные преимущества.

Весьма естественным и веским поводом для наступательного сражения может служить соотношение родов войск, а именно многочисленная кавалерия при малом количестве орудий[242].

Продолжаем перечисление оснований:

д) Когда безусловно нельзя найти хорошей позиции.

е) Когда мы должны добиться решения в кратчайшее время.

ж) Наконец, при совокупности всех или нескольких вышеприведенных оснований.

2. Выжидание подхода противника в районе, где мы сами намерены его атаковать (Минден, 1759 г.), вызывается следующими естественными поводами:

а) Наши силы не настолько уступают силам противника, чтобы понудить нас искать сильную позицию и укреплять ее.

б) Встречается особенно пригодная для этого местность. Свойства, определяющие ее пригодность, относятся к тактике; здесь мы лишь отметим, что они заключаются преимущественно в легкой доступности местности па стороне обороняющегося и во всякого рода местных препятствиях на стороне неприятеля.

3. Основания, чтобы занять позицию, на которой действительно будет иметь место выжидание наступления противника.

а) Когда несоразмерность сил принуждает нас стремиться к использованию местных препятствий и укреплений.

б) Когда местность представляет собою исключительно хорошую позицию.

Оба вида сопротивления, второй и третий, будут в особенности заслуживать внимания, если мы сами не стремимся добиваться решения, довольствуемся негативным успехом и имеем основание рассчитывать, что противник будет медлить, проявлять нерешительность и, наконец, застрянет, не осуществив своих планов.

4. Укрепленный неприступный лагерь выполнит свою задачу лишь тогда:

а) Когда он расположен в особо важном стратегическом пункте.

Характер такой позиции заключается в том, что на ней сопротивление обороняющегося не может быть сломлено; поэтому неприятель оказывается вынужденным прибегнуть к другим средствам, т.е. или преследовать свою цель, не считаясь с позицией, или окружить и попытаться сломить ее голодом; если он не в силах осуществить последнее, то это свидетельствует о чрезвычайно высоких стратегических качествах избранной позиции.

б) Когда обстановка позволяет рассчитывать на помощь извне.

Именно в таком положении находилась саксонская армия, занявшая позицию под Пирной. Что бы ни говорили против этого мероприятия после губительного его исхода, все же остается несомненным, что никаким другим способом 17000 саксонцев не могли бы нейтрализовать 40000 пруссаков. Если австрийская армия под Ловозицем не сумела использовать полученного ею вследствие этого превосходства, то это лишь доказывает, как плохо было все ведение войны австрийцами и их военное устройство; нет никакого сомнения, что если бы саксонцы, вместо того чтобы отойти в лагерь под Пирной, отступили в Богемию, Фридрих Великий в ту же кампанию прогнал бы австрийцев и саксонцев за Прагу и захватил бы этот город. Тот, кто не хочет оценить этой выгоды и думает только о пленении всей армии, тот вообще не способен к стратегическому подсчету, а без подсчета не может быть и верных итогов.

Но так как случаи "а" и "б" встречаются крайне редко, то нет сомнения, что занятие укрепленного лагеря является мероприятием, требующим зрелого размышления и лишь в редких случаях удачно применяемым. Надежда импонировать противнику таким лагерем и тем парализовать всю его деятельность сопряжена с чрезмерным риском, а именно с риском быть вынужденным сражаться, не имея пути отступления. Если Фридрих Великий достиг своей цели в Бунцельвицком лагере, то приходится удивляться верности его суждения о своих противниках; правда, в этом случае, скорее чем в других, можно было надеяться, что в последние минуты Фридрих Великий нашел бы способ пробиться с обломками своей армии; следует также помнить о безответственности короля.

5. Если вблизи границы расположены одна или несколько крепостей, то возникает основной вопрос: должен ли обороняющийся искать решения впереди этих крепостей или позади них? Это последнее мотивируется:

а) превосходством противника, вынуждающим нас раздробить его силы раньше вступления в бой с ними;

б) близостью к этим крепостям, чтобы мы не несли излишние жертвы территории;

в) их обороноспособностью.

Главная задача крепостей заключается или должна заключаться в том, чтобы раздробить неприятельские силы при их продвижении и значительно ослабить ту их часть, у которой нам предстоит оспаривать решение. Если нам так редко приходится встречаться с подобным применением крепостей, то зависит это от того, что редко бывает, чтобы та или другая сторона добивалась решения. Здесь же мы имеем в виду исключительно этот случай. Поэтому для нас является совершенно простым, по крайне важным принципам, чтобы во всех случаях, когда обороняющийся обладает одной или несколькими крепостями вблизи границы, он держался, имея их впереди себя, и дал решительное сражение позади них. Мы готовы согласиться, что проигранное нами сражение, данное нами по сю сторону наших крепостей, отбросит нас несколько дальше в глубь нашей страны, чем если бы мы его с такими же тактическими результатами проиграли по ту их сторону; впрочем, причины этого различия обосновываются скорее в воображении, чем материальными данными. Не мешает также вспомнить, что по ту сторону крепостей можно предложить сражение на хорошо выбранной позиции, в то время как сражение позади них во многих случаях должно явиться сражением наступательным, а именно - когда неприятель осаждает крепость и грозит захватить ее. Но что значат эти тонкие нюансы по сравнению с преимуществом иметь в момент решительного сражения неприятеля ослабленным на

четверть или треть его сил или пожалуй, на целую их половину, если он имеет дело с несколькими нашими крепостями?

Итак, мы полагаем, что во всех случаях, когда решение неизбежно, ищет ли его наступающий или обороняющийся, и когда последний не слишком уверен в своей победе над неприятельскими силами и притом местность не предъявляет настойчивого требования - дать сражение более впереди, во всех этих случаях, говорим мы, близлежащая и обороноспособная крепость должна служить для обороняющегося решительным мотивом, чтобы с самого начала отойти за нее и дать состояться решению по сю сторону ее, т.е. пользуясь содействием крепости. Если при этом позиция, которую займет обороняющийся, будет расположена настолько близко к крепости, что наступающий не будет иметь возможности ни осадить ее, ни блокировать, не прогнав предварительно армию обороняющегося, то последний вместе с тем поставит противника в необходимость атаковать его позицию. Поэтому из всех оборонительных мероприятий в опасном положении ни одно не представляется нам столь простым и действительным, как выбор хорошей позиции на небольшом удалении позади значительной крепости.

Конечно, вопрос сложился бы несколько иначе, если бы крепость находилась на значительном удалении, в глубине страны. В этом случае такое мероприятие было бы связано с очищением значительной части своего театра войны; к этой жертве, как мы знаем, прибегают лишь при крайней необходимости. При таких условиях подобное мероприятие скорее приближается к отступлению внутрь страны.

Другим условием является обороноспособность данной крепости. Как известно, существуют такие укрепленные пункты и в особенности крупные города, соприкосновение которых с неприятельской армией недопустимо, так как они не в состоянии выдержать открытой атаки значительных сил. В подобном случае по меньшей мере наша позиция должна находиться так близко к крепости, чтобы имелась возможность прийти на помощь гарнизону.

Наконец, отступление внутрь страны явится естественным мероприятием лишь в следующих случаях:

- а) когда соотношение наших физических и моральных сил и сил противника исключает всякую мысль об успешном сопротивлении на границе или вблизи нее;
- б) когда главное - это выиграть время;
- в) когда этому благоприятствуют условия страны, о чем мы уже говорили в XXV главе.

На этом мы заканчиваем главу об обороне театра войны в тех случаях, когда та или другая сторона добивается решения и последнее, таким образом, является неизбежным. При этом, однако, мы должны напомнить, что на войне обстановка не представляется в столь определенном виде; следовательно, если перенести наши положения и рассуждения из области мышления в обстановку действительной войны, то придется иметь в виду еще XXX главу; в большинстве случаев должно мыслить полководца находящимся между обоими направлениями и приближающимся то к одному, то к другому из них, смотря по обстоятельствам.

Глава 29. **Оборона театра войны** **(Продолжение)**

Последовательное сопротивление

В XII и XIII главах 3-й части мы показали, что в стратегии последовательное сопротивление противоречит природе вещей и что все наличные силы должны быть использованы одновременно.

Для подвижных средств борьбы это положение не требует дальнейших разъяснений; но если мы будем рассматривать как некоторое средство борьбы самый район военных действий с его крепостями,

местными рубежами и даже просто размеры его площади, то такое средство борьбы оказывается недвижимым, и, следовательно, мы можем лишь постепенно ввести его в дело или же должны сразу настолько отступить назад, чтобы все те части, воздействие которых является необходимым, оказались впереди нас. Тогда все, чем занятая неприятелем страна может способствовать ослаблению его мощи, тотчас начинает оказывать свое влияние: наступающий должен по меньшей мере блокировать неприятельские крепости, обеспечить за собою оккупированную территорию посредством гарнизонов и других отрядов; он должен совершить большие переходы, доставлять все на большое расстояние и т.д. Все это оказывает воздействие на наступающего, продвигается ли он вперед до решения или после него, с той только разницей, что в первом случае сказывается несколько сильнее, чем во втором. Отсюда следует, что если обороняющийся захочет несколько отнести решение в глубь страны, то этим он, конечно, приобретет возможность ввести в игру все эти недвижимые средства борьбы.

С другой стороны, ясно, что такое отнесение в глубь страны решения не окажет никакого влияния на сферу воздействия победы, которую одержит наступающий. С этой сферой воздействия победы мы ближе познакомимся при рассмотрении наступления; здесь мы отметим лишь, что эта сфера простирается до тех пор, пока не окажется исчерпанным превосходство (продукт моральных и физических соотношений) победителя. А это превосходство исчерпывается, во-первых, растратой вооруженных сил, поглощаемых театром войны, и, во-вторых, потерями в боях. Оба вида ослабления не могут существенно измениться от того, имели ли место бои в начале или в конце, впереди или позади. Мы, например, полагаем, что в 1812 г. победа, которую одержал бы Наполеон над русскими под Вильно, повела бы его так же далеко, как и его победа под Бородино, предполагая, что силы его были бы такими же, и что победа под Москвой не привела бы его дальше. Москва в любом случае являлась пределом сферы его победы. Конечно, ни одной минуты не может быть сомнения, что решительное сражение близ границы (по иным причинам) дало бы гораздо большие победные результаты и поэтому, может быть, дало бы и большую сферу победы. Таким образом, отнесение обороняющимся решения назад не встречает препятствий с этой стороны дела.

В главе о видах сопротивления^[243] мы познакомились с отсрочкой решения, которое можно рассматривать как предельное; мы его назвали отступлением внутрь страны, это особый вид сопротивления, рассчитанный скорее на самоистощение наступающего собственными усилиями, чем на истребление его силой оружия в сражении. Но лишь при преобладании такого намерения можно смотреть на отсрочку решения, как на особый вид сопротивления, ибо в противном случае, конечно, можно представить себе бесчисленное множество градаций, и последние могут связываться со всевозможными средствами обороны. Таким образом, в большей или меньшей степени содействия театра войны мы видим не особый вид сопротивления, но лишь произвольный добавок недвижимых средств сопротивления сообразно с потребностью сложившихся отношений и обстоятельств.

Если обороняющийся считает, что он вовсе не нуждается для обеспечения решения в этих недвижимых средствах борьбы, или если сопряженные с их использованием дальнейшие жертвы кажутся ему чрезмерными, то они остаются в запасе для будущего и являются для него в известной степени постепенными подкреплениями, которые, может быть, обеспечат ему возможность сохранить мощь его подвижных вооруженных сил, дабы после первого решения разыграть еще второе, а затем, пожалуй, и третье, т.е. таким путем становятся возможным последовательное применение сил.

Если обороняющийся на границе проиграл сражение, но, однако, еще не поражен, то можно легко допустить, что уже позади своей ближайшей крепости он окажется в состоянии принять второе сражение; более того, если он имеет дело с не слишком решительным противником, то, пожалуй, достаточно будет значительного местного рубежа, чтобы остановить последнего.

Таким образом, при использовании театра войны, как и всего прочего, стратегия стоит перед задачей экономии сил: чем меньшим обходятся, тем лучше, по хватить должно; здесь, конечно, как и в торговле, дело заключается вовсе не в одном голом скряжничестве.

Однако, во избежание крупного недоразумения, мы должны подчеркнуть, что предметом нашего рассмотрения в данном случае вовсе не является вопрос о том, какое сопротивление может быть оказано и что может быть предпринято после проигранного сражения; мы лишь разбирали, на какой успех мы можем заранее рассчитывать при этом вторичном сопротивлении и, следовательно, как высоко можем мы его расценивать в нашем плане. Обороняющемуся здесь надлежит почти

исключительно обращать внимание только на один пункт: на своего противника - на его характер и на условия, в которых он находится. Противник слабохарактерный, неуверенный в себе, без большого честолюбия или находящийся в крайне стесненных обстоятельствах будет счастлив удовлетвориться в случае успеха умеренной выгодой и робко задержится перед всяким новым решением, которое отважится предложить ему обороняющийся. В подобном случае обороняющийся может рассчитывать, что ему удастся постепенно использовать средства сопротивления, предоставляемые ему театром войны; слабые в своем существе боевые действия будут постоянно возобновляться, и перед обороняющимся всегда с новой силой будут разворачиваться шансы повернуть конечное решение в свою пользу.

Но кто же не чувствует, что здесь мы уже начинаем приближаться к кампаниям, в которых не ищут решения и которые в гораздо большей степени являются ареной последовательного применения сил? О них мы и будем говорить в следующей главе.

Глава 13. Оборона театра войны (Продолжение)

Когда не ищут решения

Могут ли быть, и если могут, то в какой форме бывают такие войны, в которых ни та, ни другая сторона не является наступающей и где, следовательно, ни у кого нет стремления к чему-нибудь позитивному, об этом мы подробнее будем говорить в последней части, здесь нам нет надобности заниматься этим противоречием, ибо на одном из нескольких театров войны мы легко можем предположить основание для подобной обоюдной обороны в тех отношениях, которые связывают этот театр с целым.

Однако имели место не только отдельные кампании, лишенные фокусов в виде являющегося необходимостью решения, но история нам свидетельствует, что было много таких войн, в которых хотя и имелась наступающая сторона, а следовательно, и позитивная воля, но последняя была столь слабой, что уже не стремилась во что бы то ни стало к своей цели и не добивалась необходимого для этого решения, а довольствовалась теми выгодами, которые в известной степени сами собой вытекали из обстоятельств. Или же бывали случаи, когда наступающий не преследовал никакой самостоятельно поставленной цели и ставил свои действия в зависимость от обстоятельств, чтобы при случае пожинать плоды, подвертывавшиеся ему время от времени.

Такое наступление, отказывающееся от строгой логической необходимости продвигаться к цели, бредущее в течение всей кампании, подобно праздношатающемуся, без определенной цели и обращающееся то вправо, то влево за случайной дешевой добычей, мало чем отличается от обороны, так же предоставляющей полководцу срывать подобные плоды, но ближайшее философское рассмотрение такого рода ведения войны мы отложим до части нашего сочинения, посвященной наступлению, здесь же будем придерживаться лишь вывода, что в подобной кампании ни наступающий, ни обороняющийся не строят всех своих расчетов на решении, и последнее, таким образом, уже не образует замочного камня свода, к которому направлены все линии стратегической арки.

Подобного рода кампании (как нас учит история войн всех времен и стран) не только многочисленны, но составляют столь подавляющее большинство, что остальные являются как бы исключениями. Если бы даже со временем это отношение и изменилось, все же не подлежит сомнению, что таких кампаний всегда будет очень много и что в учении об обороне театра войны мы должны принять их в расчет. Мы попытаемся указать на проявляющиеся в них особенности. Действительная война большей частью окажется посередине между этими двумя направлениями и будет приближаться то к тому, то к другому, поэтому мы можем усмотреть практическое воздействие этих особенностей лишь в тех изменениях, которые они вызывают в абсолютной форме войны. Уже в III главе этой части [244] мы говорили, что выжидание составляет величайшее преимущество, каким оборона пользуется по сравнению с наступлением. В жизни и особенно на войне редко происходит все то, что должно было бы произойти в соответствии с обстоятельствами. Несовершенство человеческого разума, страх перед плохим исходом и случайности, постигающие развитие событий, приводят к

тому, что из всех действий, выполнение которых по обстоятельствам возможно, весьма многие остаются неосуществленными. На войне, где неполнота осведомленности, опасность катастрофы и множество случайностей представлены несоизмеримо сильнее, чем во всякой другой человеческой деятельности, число упущений, если их так называть, оказывается гораздо большим. Это и является той богатой нивой, на которой оборона пожинает плоды, растущие для нее как бы сами собой. Если к этому выводу из опыта присоединить самостоятельное значение, которое имеет на войне обладание территорией, то в данном случае оправдывается применяемое в боях мирного времени (юридических спорах) изречение "Beati simt possidentes"[245]. Последнее и заменяет собою решение, представляющее фокус всех войн, ориентированных на взаимное сокрушение. Это положение оказывается чрезвычайно плодотворным, - но не деятельностью, им вызванной, а мотивами для бездеятельности и для всей той деятельности, которая ведется в интересах бездеятельности. Там, где решение не ищется и не может ожидаться, там нет никаких оснований уступать во что бы то ни стало, такая уступка могла бы иметь место лишь для того, чтобы этой ценою купить себе известные преимущества к моменту решения. Следствием этого является стремление обороняющегося сохранить (т.е. прикрывать) столько, сколько представляется возможным, а наступающий стремится захватить все, что только можно, при отсутствии решения (т.е. распространяется возможно шире). Здесь нас интересует только оборона.

Повсюду, где нет вооруженных сил обороняющегося, наступающий может вступить в обладание территорией, и тогда преимущество выжидания перейдет на его сторону; отсюда возникает стремление повсюду непосредственно прикрывать страну, все дело сводится к тому, будет ли наступающий атаковать части, выставленные для прикрытия.

Раньше чем приступить к ближайшему рассмотрению особенностей обороны, мы должны заимствовать из части, посвященной наступлению, те объекты, к которым стремится наступающий, когда нет тяготения к решению. Эти объекты таковы:

1. Занятие значительного участка территории, поскольку этого можно достигнуть без решительного сражения.

2. Захват значительного склада при том же условии.

3. Взятие неприкрытой крепости. Хотя осада представляет собою более или менее крупное предприятие, которое часто требует значительных усилий, но все же она не связана с риском катастрофы. На худой конец от нее можно отказаться, не понеся притом значительных позитивных потерь[246].

4. Наконец, удачный, имеющий некоторое значение бой, в котором, однако, большого риска не допускается, а потому ничего крупного и не может быть достигнуто; бой, не являющийся узлом целой стратегической операции, чреватый последствиями, по существующий сам по себе, ради трофеев, ради чести оружия. Для такой цели, понятно, бой не станут давать во чтобы то ни стало, но будут выжидать выгодного случая или же постараются искусными действиями создать такой случай.

Эти четыре объекта наступления вызывают у обороняющегося следующие стремления:

1. Прикрывать крепости, оставляя их позади себя.

2. Прикрывать страну, распространяясь по ней.

3. Если растяжка фронта оказывается недостаточной, предупреждать противника быстрыми фланговыми маршами.

4. Остерегаться невыгодных боев.

Первые три стремления, конечно, отвечают намерению навязать наступающему инициативу и извлечь возможно большую пользу от выжидания; это намерение настолько глубоко коренится в природе дела, что было бы неразумно осуждать его без разбора. Оно должно иметь место постольку, поскольку не приходится ожидать решения; оно лежит в глубочайшей основе всех

подобных кампаний, хотя на поверхности военных действий часто и царит довольно живая деятельность, проявляющаяся, однако, в мелких, не ведущих к решению предприятиях.

Ганнибал, Фабий[247] и Фридрих Великий, а равно и Даун свидетельствовали свое уважение этому принципу всякий раз, когда не искали решения и не считали его вероятным. Четвертое стремление служит коррективом для предыдущих и является для них *conditio sine quanon*[248].

Теперь мы хотим несколько ближе рассмотреть эти объекты.

Расположение армии впереди крепостей для защиты их от наступления противника представляется на первый взгляд чем-то нелепым, каким-то плеоназмом[249], ибо крепостные сооружения для того и строятся, чтобы самостоятельно противостоять атакам неприятеля. Тем не менее мы видим тысячи и тысячи повторений этого мероприятия. Но так уже привилось, что в вопросах ведения войны самые обычные вещи часто представляются самыми непонятными. У кого хватит мужества на основании этого кажущегося противоречия признать тысячи и тысячи случаев такого расположения за тысячи и тысячи ошибок? Вечное повторение этой формы доказывает, что для нее должно иметься глубокое основание. Об этом основании мы уже говорили выше; оно гнездится в моральной инерции.

Если обороняющийся располагает впереди своей крепости, то наступающий не может ее атаковать, не разбив предварительно находящуюся перед ней армию. Но сражение является решением; если неприятель не стремится к последнему, то он сражения не даст, и обороняющийся, не обнажая меча, сохранит свою крепость. Поэтому всякий раз, как мы не предполагаем у наступающего намерения добиться решения, мы должны испытать, отважится ли он на него, так как весьма вероятно, что он на это не пойдет. Если вопреки нашим ожиданиям неприятель приблизится, чтобы атаковать, то в нашем распоряжении в этот момент в большинстве случаев остается средство отступить за свою крепость; благодаря этому расположение впереди крепости делается безопасным, а возможность сохранить без всяких жертв *status quo*[250] в таком случае уже не сопровождается хотя бы отдаленной опасностью.

Если обороняющийся располагает позади крепости, то он предоставляет противнику объект для действий, как будто нарочно для него созданный. Если крепость не очень значительна и сам наступающий не оказывается совершенно неподготовленным, то он предпримет осаду, дабы она не закончилась взятием крепости, обороняющийся должен двинуться па выручку. Отсюда позитивная деятельность, инициатива ляжет на его плечи, а противник, осадные действия которого надо рассматривать как продвижение к цели, окажется в блаженном положении владельца, который может выжидать. Дело всегда принимает такой оборот, отвечающий его свойствам; этому учит пас опыт. Осада, как мы уже отметили, не сопряжена с риском какой-либо катастрофы. Полководец, совершенно лишенный предприимчивости и энергии, который никогда не решился бы дать сражение, не задумываясь приступает к осаде, если он может приблизиться к крепости, не подвергаясь опасности; его даже не отпугивает наличие одной лишь полевой артиллерии. На худой конец он может отказаться от своего предприятия, не неся позитивных потерь. Приходится учитывать еще и опасность, всегда в большей или меньшей мере грозящую крепостям, - быть захваченными штурмом или каким-нибудь незаконным способом. Это обстоятельство обороняющийся при оценке обстановки не должен упускать из виду.

Взвешивая различные возможности, обороняющийся, естественно, должен предпочесть сражение в лучших условиях всякому другому; весьма вероятно, что он и совсем не будет сражаться. Таким образом, обычай располагать армию впереди своих крепостей представляется нам вполне естественным и простым. Фридрих Великий почти всегда применял этот прием, например, под Глогау против русских, под Швейднице, Нейссе и Дрезденом против австрийцев. Между тем, герцогу Бевернскому под Бреславлем не поздоровилось от такого приема. Если бы он расположился позади Бреславля, на него было бы невозможно напасть. Превосходство в силах австрийской армии, имевшее место в период отсутствия короля, с приближением последнего должно было прекратиться; таким образом, благодаря расположению позади Бреславля, сражение до прибытия короля могло быть избегнуто. Герцог Бевернский также несомненно предпочел бы расположиться позади Бреславля, если бы он при этом не давал австрийцам возможности подвергнуть этот важный город с его огромными запасами бомбардировке, за которую герцогу несомненно досталось бы от короля, который в

подобных случаях не всегда бывал сговорчив. То, что герцог сделал попытку обеспечить Бреславль, заняв впереди него укрепленную позицию, в конечном счете осуждать нельзя, ибо легко могло случиться, что принц Карл Лотарингский[251], удовлетворившись взятием Швейдница и находясь под угрозой приближения короля, воздержался бы от дальнейшего наступления. Самое лучшее было бы не доводить дело до сражения и в момент приближения австрийцев для атаки отступить через Бреславль; таким путем герцог Бевернский извлек бы из выжидания все выгоды, не поплатившись за них серьезным риском.

Мы обосновали и оправдали расположение обороняющегося впереди крепостей глубокими соображениями общего характера, но надо заметить, что к этому может быть добавлен и второстепенный довод, имеющий

более непосредственное, но недостаточно объемлющее значение; поэтому было бы невозможно основываться только на нем. Он заключается в том, что армия пользуется ближайшей крепостью как складом запасов; это представляет столько удобств и выгод, что командование неохотно пойдет на то, чтобы подвозить все необходимое для своей армии из более отдаленных крепостей или же устроить свои склады в неукрепленном пункте. А раз крепость служит магазином для армии, то во многих случаях расположение армии впереди нее представляется совершенно необходимым, а в большинстве - вполне естественным. Тем не менее ясно, что это ближайшее основание легко может быть переоценено теми, кто вообще не очень заботится о более глубоких основаниях, так как оно недостаточно для объяснения всех имевших место случаев и вообще не является столь веским по сравнению с другими данными, чтобы ему можно было отвести решающее значение в этом вопросе.

Взять одну или несколько крепостей, не дерзнув при этом дать сражение, это столь естественная задача всех наступлений, не задающихся достижением крупных решений, что обороняющийся ставит своей главной задачей воспрепятствовать этому намерению. Отсюда мы видим, что на театрах войны, включающих много крепостей, почти все движения ориентируются на то, что наступающий пытается неожиданно подступить к одной из них, для чего прибегает к разнообразным уловкам, обороняющийся же искусно подготовленными движениями старается успеть преградить к ним дорогу. Таков основной характер почти всех нидерландских походов Людовика XIV, вплоть до маршала Саксонского[252].

На этом покончим с вопросом о прикрытии крепостей. Прикрытие страны посредством растянутого расположения вооруженных сил можно мыслить лишь в связи со значительными местными преградами. Крупные и мелкие отряды, которые при этом приходится образовывать, могут приобрести известную способность к сопротивлению лишь благодаря сильным позициям, а так как естественные препятствия редко оказываются достаточными, то на помощь к ним является искусство фортификации. Однако следует заметить, что этим способом можно достигнуть в каждом отдельном пункте лишь относительного сопротивления (см. главу о значении боя) [253], его нельзя рассматривать как сопротивление абсолютное. Правда, может случиться, что противнику не удастся осилить такой отряд и что в отдельном случае получится абсолютный результат. Но ввиду большого числа таких отрядов каждый из них по сравнению с целым является слабым и подвержен атаке значительно превосходящих сил; поэтому было бы неблагоприятным строить весь свой расчет на успехе сопротивления каждого отдельного отряда.

Таким образом, при растянутой группировке можно рассчитывать лишь на более или менее продолжительное сопротивление, но не на подлинную победу. Между тем, этой способности отдельных отрядов к сопротивлению может оказаться достаточно для общей цели и для расчетов в целом. В кампаниях, в которых не приходится опасаться крупных решений и безостановочного продвижения вперед для одоления всех сил обороны, бои отдельного отряда, если даже они окончатся очищением его позиции, не так опасны. Редко это влечет за собою что-либо более серьезное, чем утрату этой позиции и некоторого количества трофеев: победа не оказывает более глубокого влияния на все положение; она не опрокидывает фундамента, разрушение которого вызвало бы крупный обвал. На худой конец, если вся система обороны окажется нарушенной с падением нескольких отдельных позиций, у обороняющегося всегда останется время, чтобы собрать воедино все отряды и, имея свои силы сосредоточенными, предложить решение, к которому наступающий, согласно нашему предположению, не стремится. Поэтому обычно бывает, что вместе с сосредоточением сил размах этой операции приходит к концу и дальнейшее продвижение наступающего приостанавливается. Небольшое пространство земли, несколько человек и пушек - вот и все потери обороняющегося;

наступающий же вполне удовлетворяется этим успехом.

На такой риск при несчастливом ходе событий, говорим мы, обороняющийся может пойти, если существует возможность и даже вероятность, что наступающий робко (или осторожно) остановится перед его разбросанными отрядами и не решится их атаковать. При этом рассмотрении не надо забывать, что мы предполагаем наступающего, не стремящегося идти на крупный риск; такого противника отряд средней силы, расположенный на сильной позиции, вполне может остановить, ибо хотя возможность отбить атаку и остается для этого отряда под сомнением, но противник задает себе вопрос, во что это ему обойдется и не будет ли цена слишком высока по сравнению с тем, что он может извлечь из победы в данной обстановке.

Это свидетельствует о весьма удовлетворительном результате, который может дать обороняющемуся в общем итоге кампании сильное относительное сопротивление, оказываемое растянутой цепочкой из многих отрядов на сильных позициях. Дабы дать надлежащее направление мысленному взору читателя, устремляющемуся теперь к страницам военной истории, мы поспешим отметить, что такое растянутое расположение чаще всего встречается в последней половине кампаний, ибо к этому времени обороняющийся имеет возможность изучить наступающего, его намерения и условия, в которых он действует, а наступающий уже успевает утратить небольшой запас предприимчивости, имевшийся в начале кампании.

В условиях растянутой обороны, прикрывающей страну, запасы и крепости, все местные препятствия - реки, горы, леса и болота - естественно должны играть значительную роль и приобретать выдающееся значение; относительно их использования мы сошлемся на сказанное нами выше.

Благодаря преобладающей важности топографического элемента связанная с ним отрасль знания и деятельность генерального штаба, которую принято считать наиболее свойственной ему, привлекают особое внимание. А так как генеральный штаб обычно является той частью войска, которая больше всего пишет и печатает, то отсюда и получилось, что эта сторона походов исторически больше всего фиксируется, в то же время возникает довольно естественная склонность именно ее систематизировать и из исторического разрешения одного случая сделать обобщающие выводы для последующих. Но это тщетное и ложное стремление. Даже при таком, более пассивном, более связанном с местностью способе ведения войны каждый случай отличается от другого и требует иного подхода. Самые лучшие мемуары, содержащие рассуждения об этих предметах, могут лишь ознакомить нас с ними, но отнюдь не могут рассматриваться как предписания. Они, собственно, становятся военной историей, трактующей лишь специфическую сторону этих войн.

Как ни необходима и ни достойна уважения эта деятельность Генерального штаба, которую мы здесь, по общепринятому взгляду, определили как наиболее свойственную ему, все же мы должны предостеречь от узурпации, которая часто вытекает из этой его деятельности в ущерб целому. Значение, которое приобретают те начальники штаба, которые являются наиболее сильными в этой области военной службы, придает им часто некоторую общую власть над умами и прежде всего над самим полководцем. Отсюда возникает привычка к одностороннему мышлению, приводящая к односторонности; в конце концов полководец перестает видеть что-либо, кроме гор и проходов, и то, что должно было быть определяемым обстановкой, свободно избранным мероприятием, обращается в маневр, становится второй натурой.

Так, в 1793 и 1794 гг. полковник Граверт, бывший в то время душой прусского Генерального штаба и известный как специалист по горам и проходам, сумел заставить двух резко отличных друг от друга полководцев герцога Брауншвейгского и генерала Моллендорфа - в точности держаться одних и тех же приемов ведения войны.

Оборонительная линия, организованная вдоль местного рубежа, может привести к кордонной войне; это само собой понятно. Она в большинстве случаев непременно и приводила бы к ней, если бы действительно все протяжение театра войны непосредственно должно было бы быть прикрыто подобным образом. Но большинство театров войны обладает такими размерами, по сравнению с которыми естественное протяжение тактического фронта назначенных для его обороны вооруженных сил слишком незначительно; а так как наступающий вследствие различных обстоятельств и своей

собственной организации связан с известными основными направлениями и дорогами и очень резкие отклонения от них даже перед лицом самого бездеятельного обороняющегося представляли бы слишком крупные неудобства и невыгоды, то для обороняющегося в большинстве случаев все сводится к тому, чтобы прикрыть местность вправо и влево от этих основных направлений на расстоянии известного числа миль или переходов. Это прикрытие, в свою очередь, достигается тем, что довольствуются преграждением главных дорог и подступов к ним отрядами, располагаемыми на сильных позициях, и ограничиваются наблюдением лежащей между ними местности. Следствием этого, конечно, может явиться то, что одна из колонн наступающего проскользнет между двумя отрядами, а отсюда явится возможность произвести намеченную на один из этих отрядов атаку с разных сторон. В предвидении этого отдельные отряды соответственно устраиваются на своих позициях: иногда их фланги примыкают к опорным пунктам, иногда организуется оборона к стороне фланга (так называемые загибы фланга); отчасти они обеспечиваются поддержкой со стороны расположенного позади резерва или же соседнего отряда. Таким образом, является возможность еще больше сократить число отрядов; в конечном счете армия, ведущая такого рода оборону, обычно, разбивается на четыре или пять главных оборонительных отрядов.

Для слишком удаленных, но все же в некоторой степени угрожаемых главных подступов устанавливают особые центральные пункты, что образует внутри большого театра войны как бы малые театры. Так, в Семилетнюю войну австрийцы в Нижнесилезских горах занимали своей главной армией по большей части от четырех до пяти позиций, выделив в Верхнюю Силезию небольшой почти самостоятельный корпус, который там организовывал подобную же систему обороны.

Чем дальше такая система обороны отходит от непосредственного прикрытия, тем больше приходится прибегать к движению (активная оборона) и даже к наступательным средствам. Известные группы войск рассматриваются как резервы; кроме того, один отряд спешит на помощь к другому своими свободными силами. Эта помощь оказывается или тем, что спешат подойти с тыла для фактического усиления и возобновления пассивного сопротивления, или тем, что атакуют неприятеля во фланг или даже угрожают его пути отступления. Если неприятель угрожает флангу отряда не непосредственной атакой, но лишь занятием такого расположения, которое является исходной позицией для попыток, направленных на его сообщения, то или фактически производят атаку на выдвинутый для этого отряд, или же вступают на путь репрессалий и пытаются в свою очередь действовать на сообщения неприятеля.

Итак, мы видим, что этот вид обороны, несмотря на пассивный характер его основ, все же должен воспринять многие активные средства и, ввиду сложности сопряженных с ним отношений, должен быть готов к использованию разнообразных приемов. Обычно считается наилучшей та оборона, которая шире всего пользуется активными или даже наступательными средствами однако, с одной стороны, это в значительной мере зависит от характера местности, особенностей вооруженных сил и даже таланта полководца, с другой же стороны, если мы возлагаем слишком много надежд на движение и прочие активные вспомогательные средства борьбы, легко может случиться, что будет недостаточно использована местная оборона сильного естественного рубежа. Полагаем, что теперь достаточно выяснено, что разумеется нами под растянутой оборонительной линией; мы обращаемся к третьему средству: к преграждению пути противнику посредством быстрых фланговых передвижений.

Это средство является неременной принадлежностью аппарата той обороны страны, которая здесь имеется в виду. Отчасти обороняющийся оказывается не в силах, несмотря на всю растянутость своей позиции, занять все угрожаемые подступы к своей стране, отчасти же ему во многих случаях приходится с ядром своих сил направляться к тому из своих отрядов, против которого намеревается броситься с ядром своих сил неприятель, ибо в противном случае сопротивление этого отряда слишком легко могло бы быть преодолено. Наконец, полководец, неохотно сковывающий свои силы пассивным сопротивлением в растянутом расположении, должен вообще стремиться достигнуть своей цели прикрытия страны сугубо быстрыми, обдумантыми и организованными движениями. Чем большие участки оставляются им незащищенными, тем большее мастерство должно проявляться в его движениях, дабы он успел повсюду вовремя преградить дорогу неприятелю.

Естественным следствием подобного стремления является изыскание повсюду позиций, которые занимают в нужных случаях и которые доставляют обороняющемуся достаточные преимущества, чтобы отбить у противника охоту их атаковать, раз только наша армия или даже часть ее займет эти

позиции. Так как к занятию этих позиций приходится беспрерывно обращаться и так как при этом все дело заключается в своевременном прибытии к ним, то они являются альфой и омегой всего этого метода вести войну; последняя по своему характеру называется также отрядной войной[254].

Подобно тому, как растянутое расположение и относительное сопротивление на войне без крупных решений не сопряжены с заложенными в них опасностями, так и преграждение пути при помощи фланговых продвижений не так рискованно, как оно явилось бы в момент крупного решения. Попытаться спешно забежать наперерез исполненному решимости противнику, имеющему возможность и волю совершать великие дела, означало бы оказаться на полпути к решительному поражению, ибо такая спешка и занятие первой попавшейся позиции не привели бы к добру при первом же, ни с чем не считающемся ударе всеми силами. Но против неприятеля, который берется за дело не всей рукой, а лишь кончиками пальцев, который не умеет использовать крупный результат (или, вернее, не умеет к нему подойти) и который добивается умеренного успеха, лишь бы по дешевой цене, - против такого противника, конечно, можно с успехом применить указанный прием сопротивления.

Отсюда вполне естественно, что подобный прием в общем также чаще встречается во второй половине кампании, чем при ее открытии.

Генеральному штабу здесь также представляется случай обработать свои топографические познания в связанную в одно целое систему мероприятий по выбору и подготовке позиций и ведущих к ним дорог.

В тех случаях, когда в конечном счете все сводится для одной стороны к тому, чтобы достигнуть известного пункта, а для другой - чтобы этому воспрепятствовать, часто обе стороны вынуждены выполнять свои движения на глазах противника, что заставляет проводить их с величайшей осторожностью и точностью, не требующимися в других случаях. В прежние времена, когда главные силы армии еще не подразделялись на самостоятельные дивизии и рассматривались - даже на марше - как одно неделимое целое, эта осторожность и точность были сопряжены с очень большими хлопотами и с большой затратой тактического искусства. Правда, в подобных обстоятельствах нередко отдельные бригады, взятые из боевой линии, спешно высылались вперед, дабы обеспечить захват известных пунктов и взять на себя выполнение определенной самостоятельной роли, пока не прибудет армия. Но такие случаи всегда являлись и оставались аномалиями. Походный порядок, в общем, всегда был направлен на передвижение целого без какого-либо нарушения его построения и на то, чтобы, по возможности, избежать подобных исключений. Теперь, когда главные силы армии подразделяются на самостоятельные члены, которые могут отважиться на бой с неприятельской армией в целом при условии, что остальные части будут поблизости, продолжат и завершат бой, теперь такой фланговый марш даже на глазах противника представляет меньше затруднений. Что прежде достигалось самим механизмом походного порядка, теперь достигается предварительной отправкой одних дивизий, ускорением движения других и большей свободой применения целого.

Рассмотренными нами средствами обороняющийся должен помешать наступающему овладеть крепостью, захватить значительное пространство территории или магазин. Помеха, которую встретит наступающий, будет носить характер боя, который ему будет предлагаться повсюду и который будет представлять для него или слишком мало вероятности на успех, или слишком большую угрозу реакции в случае неудачи, или вообще слишком большое напряжение сил, не соответствующее ни преследуемой им цели, ни условиям, в которых складываются его действия.

Если обороняющийся достигает этого триумфа своей подготовки и искусства и если наступающий, куда бы он ни обратил свой взор, видит, что мудрыми мероприятиями ему закрыта всякая перспектива достигнуть даже скромного его желания, то идея наступления попытается найти какой-нибудь выход в удовлетворении хотя бы чести своего оружия. Удачный исход какого-нибудь более или менее значительного боя дает войскам вид некоторого превосходства, удовлетворяет тщеславие полководца, двора, армии и народа, а тем самым отчасти отвечает и ожиданиям, естественно возлагаемым на всякое наступление.

Удачный, более или менее значительный бой ради одной лишь победы, ради трофеев явится теперь последней надеждой наступающего. Пусть не думают, что мы в данном случае запутываемся в

противоречии: мы все еще исходим из нашей предпосылки, что удачные мероприятия обороняющегося лишили наступающего всякой надежды достигнуть какой-либо другой цели посредством успешного боя. Такая надежда могла бы быть обоснована при наличии двух условий: во-первых, благоприятной обстановки для боя и, во вторых, чтобы успех в бою действительно вел к одной из этих целей.

Первое условие очень легко может иметь место без второго; таким образом, отдельные корпуса и отряды обороняющегося будут гораздо чаще подвергаться опасности втянуться в невыгодный для них бой, если наступающий добивается одной лишь чести завладеть полем сражения, нежели тогда, когда он связывает содержание тактического успеха с возможностью дальнейшей его эксплуатации.

Если мы поставим себя на место Дауна и постараемся уяснить себе его образ мыслей, то поймем, что он мог, не отклоняясь от своего обычного образа действий, рискнуть на внезапное нападение под Гохкирхом, так как он в этом сражении лишь стремился захватить трофеи. Между тем чреватая последствиями победа, которая принудила бы короля предоставить собственной судьбе Дрезден и Нейосе, представляла совершенно иную задачу, разрешение которой Даун не хотел брать на себя.

Пусть не думают, что мы устанавливаем мелочные и даже праздные различия; напротив, мы в данном случае имеем дело с одной из самых глубоких черт, характеризующих войну. Значение боя является для стратегии его внутренним смыслом, и мы не можем не повторить с особой настойчивостью, что в стратегии все основное всегда вытекает из конечного намерения обеих сторон, представляющего заключительный вывод всей системы мышления. Поэтому между одним сражением и другим может быть такое огромное стратегическое различие, что их нельзя даже рассматривать под углом зрения однородного средства.

Хотя бесплодная победа наступающего почти не является существенным ущербом для обороны, обороняющийся все же неохотно предоставит и такой успех своему противнику. К тому же никогда нельзя наверно предвидеть всего того, что такая победа может случайно за собой повлечь. Поэтому обороняющийся должен постоянно внимательно наблюдать за положением своих более значительных частей и отрядов. Хотя в данном случае важнейшее значение имеет целесообразность распоряжений начальников этих отрядов, однако последние могут быть втянуты в неизбежные катастрофы нецелесообразными решениями полководца. Кому при этом не придет на ум судьба корпуса Фуке под Ландсгутом и отряда Финка под Максеиом?

Фридрих Великий в обоих случаях слишком положился на влияние традиционных идей. Он, конечно, не мог рассчитывать, чтобы действительно 10000 человек на Ландсгутской позиции могли успешно сражаться против 30000 или чтобы Финк мог противостоять напору нахлынувших со всех сторон превосходных сил, но он рассчитывал, что и на этот раз, как и раньше, сила Ландсгутской позиции будет учтена как полноценный вексель и что Даун найдет в демонстрации против его фланга достаточный предлог, чтобы променять свое неудобное расположение в Саксонии на более удобное в Богемии. В одном случае он неправильно оценил Лаудона, в другом - Дауна; в этом-то и заключалась ошибочность его мероприятий.

Такие промахи могут приключиться и у полководцев, не столь гордых, дерзких и упрямых, каким бывал порой Фридрих Великий; помимо них в этом вопросе встречается крупное затруднение, заключающееся в том, что полководец не всегда может в полной мере рассчитывать на проницательность, усердие, мужество и силу характера начальников отдельных отрядов. Поэтому он не может предоставить разрешение всех вопросов их благоусмотрению, но многое должен предугадать им заранее, что связывает их действия и легко может оказаться в противоречии с обстоятельствами наступившего момента. Это, однако, составляет неизбежное зло. Без повелительной властной воли, которая простирает свое влияние вплоть до последнего звена, невозможно хорошее руководство войсками, и кто хотел бы следовать привычке всегда доверять людям и ожидать от людей самого лучшего, уж этим самым оказался бы совершенно не способным к хорошему руководству войсками.

Таким образом, необходимо постоянно и отчетливо иметь перед глазами положение каждой крупной части, каждого отдельного отряда, дабы неожиданно не вовлечь один из них в катастрофу.

Все эти усилия направлены на сохранение status quo. Чем они удачнее и успешнее, тем дольше

военные действия будут задерживаться в одном и том же районе, а чем длительнее эта задержка, тем большую важность приобретают заботы о продовольствии.

На смену реквизиций и поставок местных средств - или с самого начала, или вскоре - придет снабжение армии из магазинов; взамен реквизиций местных подвод, производимых для каждой отдельной перевозки, в большей или меньшей степени создастся организация постоянного обоза, составленного или из местных, или из принадлежащих самой армии подвод; словом, начнется приближение к тому правильно организованному снабжению армии продовольствием из магазинов, о котором мы уже говорили раньше, в XIV главе[255].

Однако не это обстоятельство оказывает особенно сильное влияние на ведение войны; оно и без того по самой своей задаче и характеру поставлено в рамки ограниченного пространства; система снабжения продовольствием явится одним из факторов, действующим - и даже очень сильно - в том же направлении, но не от нее зависит изменение всего характера войны. Зато воздействие обеих сторон на коммуникационные линии приобретает гораздо большее значение по двум основаниям. Во-первых, потому, что в подобных кампаниях отсутствуют более радикальные средства и стремления полководцев невольно тяготеют к более слабым, а во-вторых, в этой обстановке не чувствуется недостатка во времени, чтобы выждать воздействия этого средства. Таким образом, обеспечение своих коммуникационных линий окажется особенно важным для обороняющегося; хотя их перерыв и не может являться целью неприятельского наступления, однако он в состоянии понудить обороняющегося отступить и отказаться от обороны ряда объектов.

Все мероприятия по защите территории театра войны естественно ведут и к прикрытию коммуникационных линий. Обеспечение последних отчасти уже содержится в этих мероприятиях; нам остается лишь заметить, что обеспеченность сообщений составляет основное условие, определяющее выбор расположения и группировку сил.

Особым средством обеспечения служат сопровождающие отдельные транспорты небольшие, а порою и довольно значительные отряды. Это вызывается отчасти тем, что даже самые широко растянутые позиции не всегда могут обеспечить коммуникационные линии, отчасти тем, что такое конвоирование окажется особенно нужным там, где полководец захочет избежать чересчур растянутой группировки. Поэтому в истории Семилетней войны Темпельгофа мы находим множество примеров того, как Фридрих Великий отправлял свои мучные и хлебные транспорты в сопровождении отдельных пехотных или кавалерийских полков, а иногда даже целых бригад. Относительно австрийцев мы с такими фактами никогда не встречались; это, правда, отчасти объясняется тем, что на их стороне не было столь обстоятельного историка, отчасти же и тем, что они всегда занимали гораздо более растянутую позицию[256].

Упомянув о четырех устремлениях, в основном совершенно свободных от всякого элемента наступления и составляющих основу обороны, не тяготеющей к какому-либо решению, мы еще должны поговорить и о тех наступательных средствах, которые могут быть к ним примешаны в виде как бы пряной приправы. Эти наступательные средства, главным образом, следующие:

1. Воздействие на коммуникационные линии неприятеля; сюда же мы относим и предприятия против его складов.
2. Диверсии[257] и набеги на неприятельскую территорию.
3. Нападение на неприятельские части и отдельные отряды, а при благоприятных условиях даже на главные силы неприятеля, равно как и угроза таким нападением.

Первое из этих средств во всех подобных кампаниях непрерывно пускается в ход, но некоторым образом под сурдинку, не получая фактического проявления.

Крупная доля значения каждой целесообразной позиции обороняющегося вытекает из опасений, внушаемых ею наступающему за его коммуникационные линии. А так как в подобной войне, как мы уже сказали, снабжение армии продовольствием приобретает первенствующую важность для обеих сторон, в том числе и для наступающего, то значительная доля стратегических соображений

определяется опасениями возможного наступательного воздействия, исходящего из неприятельской позиции; к этому мы еще раз вернемся при рассмотрении наступления.

Но в сферу такой обороны входит не одно лишь общее воздействие, оказываемое выбором позиции, которое, как в механике давление, оказывает невидимое действие, но и действительное наступление частью вооруженных сил па неприятельскую коммуникационную линию. Однако, чтобы вести в выгодных условиях такого рода действия, необходимо наличие для этого особых оснований в положении коммуникационных линий, природе местности или особенностях вооруженных сил.

Набеги на неприятельскую территорию, преследующие задачи репрессий или наложения контрибуций с фискальными целями, собственно говоря, не могут рассматриваться как средства обороны; это скорее средства наступления, но обычно они связываются с намерением произвести подлинную диверсию; последняя же ставит себе задачей ослабить стоящие против нас неприятельские силы и, таким образом, может рассматриваться как подлинное средство обороны. Но так как диверсию можно в той же мере применять и при наступлении, а сама по себе она представляет фактические наступательные действия, то мы находим уместным более подробно о ней поговорить в следующей части. Итак, мы лишь внесли этот прием в наш перечень, дабы представить здесь полностью весь арсенал мелкого наступательного оружия, коим располагает оборона театра войны; мы ограничимся лишь предварительным замечанием, что объем и значение диверсии могут возрасти до такой степени, что вся война приобретет видимость и почетное звание войны наступательной. Такого рода были операции Фридриха Великого в Польше, Богемии, Франконии перед открытием кампании в 1759 г., которая сама по себе была чисто оборонительной, но эти вылазки на неприятельскую территорию придали ей характер наступательный, который благодаря своему моральному весу, пожалуй, имеет особую ценность.

Нападение на неприятельские части или на главные его силы должно мыслиться как необходимое дополнение обороны в целом во всех случаях, когда наступающий слишком легкомысленно относится к своей задаче и кое-где открывает свои слабые, уязвимые места. Под этим молча подразумеваемым условием протекают все действия обороны этого рода. Однако тут, как и при воздействии на коммуникационные линии противника, обороняющийся может сделать еще один шаг вперед в наступательную сферу и, подобно своему противнику, сделать предмет своих стремлений подстерегание момента для выгодного удара. Дабы иметь возможность рассчитывать на некоторый успех в этой области, обороняющийся должен или обладать значительным перевесом сил над своим противником, - что хотя и противоречит самой природе обороны, но все же случается в действительности, - или он должен обладать системой и талантом держать свои силы более сосредоточенными и возмещать своей деятельностью и подвижностью связанные с этим жертвы на других участках театра войны.

Примером первого является поведение Дауна в Семилетнюю войну, примером второго - поведение Фридриха Великого. Даун переходит в наступление почти исключительно в те моменты, когда его на это провоцирует Фридрих Великий своей преувеличенной дерзостью и пренебрежительным отношением к противнику (Гохкирх, Максен, Ландсгут). Напротив, Фридриха Великого мы почти всегда видим в непрерывном движении, стремящегося своими главными силами разбить тот или другой корпус Дауна. Правда, это ему удается лишь в редких случаях - по крайней мере результаты никогда не оказывались значительными, ибо Даун при большом превосходстве сил отличался удивительной осторожностью и предусмотрительностью; однако отсюда не следует заключать, что усилия короля оказывались совершенно бесплодными. Напротив, эти усилия представляли весьма действительное сопротивление, ибо - благодаря заботам и напряжению, которые противник был вынужден проявлять, дабы избежать чувствительных ударов, - нейтрализовалась сила, которая иначе способствовала бы прогрессу наступления. Вспомним хотя бы о Силезской кампании 1760 г., когда Даун и русские не могли продвинуться ни на один шаг вперед, будучи озабочены, как бы король не обрушился на них и не разбил бы их в том или другом пункте.

Теперь, нам кажется, мы отметили все, что составляет руководящие идеи и основные стремления, а следовательно, и опорные точки всей деятельности при обороне театра войны, когда не предвидится никакого решения. Мы преимущественно стремились перечислить их подряд, дабы представить картину связи стратегической деятельности в целом. Отдельные мероприятия, в которых они проявляются в действительности (позиции, марши и др.), мы подробно рассмотрели уже раньше.

Еще раз обозревая все сказанное, мы должны заметить, что при столь слабом наступательном духе, при столь ничтожном стремлении с обеих сторон искать окончательного решения, при столь слабых позитивных стимулах, при таком количестве внутренних противодействий, тормозящих и задерживающих решение, как это мы себе здесь представляем, существенное различие между наступлением и обороной должно все более и более исчезать. В начале похода один из противников вступит, конечно, на территорию другого, и благодаря этому его операция в известной мере примет характер наступления; однако может легко случиться, и это бывает очень часто, что другой вскоре все свои силы употребит на то, чтобы на чужой земле защищать свою землю. Так оба противника будут стоять друг против друга по существу в положении взаимного наблюдения; оба насторожившись, с тем чтобы ничего не потерять, быть может, оба также в равной мере рассчитывая остаться в выигрыше. Может случиться, как это было с Фридрихом Великим, что обороняющийся в этом намерении даже превосходит своего противника.

Чем больше наступающий отходит от роли продвигающегося вперед, чем слабее его нажим, заставляющий обороняющегося заботиться только о своей сильно угрожаемой безопасности и держаться строгой обороны, тем большее создается между борющимися равенство положения, при котором деятельность обеих сторон будет направлена на то, чтобы урвать у противника какую-нибудь выгоду, а себя оградить от ущерба, т.е. на подлинное стратегическое маневрирование. Такой характер в большей или меньшей степени носят все кампании, в которых взаимные отношения или политические задачи не допускают крупных решений.

Стратегическому маневрированию мы посвящаем в следующей части отдельную главу[258], но так как эта уравновешенная игра сил часто приобретает в теории неподобающее значение, мы считаем необходимым войти в более подробный разбор стратегического маневрирования здесь же, говоря об обороне, где по преимуществу такое значение ему и придается.

Мы назвали это маневрирование уравновешенной игрой сил, ибо там, где целое не приводится в движение, налицо имеется равновесие; где нет подгоняющего вперед стремления к крупной цели, там нет движения целого. В подобном случае на обе стороны, каково бы ни было неравенство их сил, надо смотреть, как на находящиеся в состоянии равновесия. На фоне такого общего равновесия выступают отдельные мотивы для более мелких действий и более ничтожных задач. Здесь они могут развиваться, так как не находятся под гнетом крупного решения и великой опасности. Таким образом, все, что вообще может быть выиграно и проиграно, разменивается на мелкую монету, а вся деятельность разлагается на мелкие дела. Из-за этих-то ничтожных выгод, приобретаемых лишь по дешевке, возникает между обоими полководцами борьба на ловкость; но так как на войне никогда нельзя окончательно преградить доступ случаю, а следовательно, и счастью, то эта борьба никогда не перестанет быть игрой. Между прочим, здесь перед нами возникают два вопроса, а именно - не играет ли для успеха при этом маневрировании случай меньшую, а анализирующий разум - большую роль, чем там, где все сосредоточивается в одном великом акте? На последний из этих вопросов[259] мы должны дать утвердительный ответ. Чем многочисленнее целое, чем чаще приходится принимать во внимание время и пространство, одно - единичными моментами, другое - единичными пунктами, тем, очевидно, шире поле деятельности для расчета, а следовательно, и для господства анализирующего разума. То, что выигрывается анализирующим разумом, частично освобождается от власти случая, но не обязательно всецело; поэтому мы не обязаны дать утвердительный ответ и на первый вопрос. Не надо забывать, что анализирующий разум не является единственной интеллектуальной силой полководца. Храбрость, сила характера, решимость, выдержка и пр. в свою очередь представляют качества, имеющие преобладающее значение там, где все зависит от одного великого решения; конечно, они будут играть несколько меньшую роль в уравновешенной игре сил, причем преобладающее значение мудрого расчета растет в данном случае не только за счет случайности, но и за счет этих качеств. С другой стороны, эти блестящие качества могут в момент великого решения вырвать из рук случая значительную долю его власти и, таким образом, до известной степени связать то, чем расчетливый ум был бы не в состоянии овладеть. Итак, мы видим, что здесь происходит конфликт нескольких сил, а потому нельзя прямо и просто утверждать, что в великом решающем акте случаю открыто более широкое поле, чем в суммарном итоге игры равноценных сил. Поэтому, если в этой игре сил мы видим, главным образом, борьбу на ловкость, то последнюю надо понимать как мудрый расчет, а не как военное мастерство в целом.

Эта сторона стратегического маневрирования как раз и дала повод приписывать

маневрированию в целом то неверное значение, о котором мы выше говорили. Во-первых, это умение отождествили с интеллектуальной ценностью полководца вообще. Но это большая ошибка, поскольку, как было уже сказано, нельзя отрицать, что в моменты принятия крупных решений другие моральные качества полководца могут оказаться более властными над силой обстоятельств. Если эта власть и является скорее результатом сильно развитой интуиции и тех всплеск духовного прозрения, которые возникают почти подсознательно, а не в результате длинной цепи умозаключений, все же она на этом основании не является менее полноправной в области военного искусства. Ведь военное искусство не является только деятельностью рассудка, равно как и деятельность рассудка в военном искусстве не является самым главным. Во-вторых, полагали, что неудача той или иной кампании обязательно зависит от степени подготовки в этой области полководца, или даже обоих полководцев, в то время как на самом деле такая неудача свое главное и общее основание всегда имела в тех общих условиях, которые войну превращали в подобного рода игру.

Так как большинство войн между культурными государствами скорее преследовало цель взаимного наблюдения, а не стремилось к сокрушению врага, то, естественно, подавляющая часть кампаний носила характер стратегического маневрирования. Те кампании из их числа, в которых не выдвинулся ни один великий полководец, не подверглись какому-либо изучению; в тех же случаях, когда появлялся великий полководец, привлекавший на себя взоры всех, или даже если появлялись два борющихся друг с другом великих полководца, как Тюрэнн и Монтекукули[260], там имена их накладывали на все это маневренное искусство окончательную печать отменного превосходства. Дальнейшим следствием явилось то, что стали смотреть на эту игру, как на верх искусства, как на высшее достижение его развития и, следовательно, как на главный источник, по которому надлежит изучать военное искусство.

Этот взгляд был перед французскими революционными войнами довольно распространен среди теоретиков. Эти войны сразу открыли совершенно иной мир военных явлений. Последние были первоначально несколько грубыми и безыскусными, но позже, при Бонапарте, систематизированные в замечательный метод, привели к успехам, вызвавшим всеобщее удивление; тогда отступились от старых образцов, стали думать, что все это является следствием новых открытий, хороших идей и т.д., но, конечно, также и изменений в общественных условиях, стали думать, что старое совсем больше не нужно и никогда больше не повторится. Но здесь, как и при всех подобных переворотах во мнениях, возникли различные группировки; и здесь старое воззрение нашло своих защитников, которые рассматривали новейшие явления как проявление грубой силы, как общий упадок искусства, полагая, что именно уравновешенная, безуспешная, пустая игра и должна быть объектом совершенствования. В основе этого последнего воззрения лежит такой логический и философский порок, что это можно только назвать печальным смешением понятий. Но и противоположное мнение, именно, что подобное больше не повторится, - тоже очень необоснованно. Из новейших явлений в области военного искусства лишь самую незначительную часть можно приписать новым открытиям или новым идейным направлениям, большинство их вызвано новыми общественными условиями и отношениями. Но и эти новейшие военные явления, имевшие место в критический момент процесса брожения, не могут приниматься за норму. Поэтому нет никакого сомнения, что значительная часть прежних военных отношений снова появится на свет. Здесь не место дальше распространяться на эту тему; достаточно того, что мы указали на положение, занимаемое этой уравновешенной игрой сил в ведении войны в целом, на ее значение и ее внутреннюю связь с остальными явлениями, и выяснили, что она всегда представляет собою продукт тех взаимоотношений, в которых находятся обе стороны, и весьма умеренного напряжения воинственной стихии. В этой игре один полководец может оказаться искуснее другого и при равенстве сил вырвать кое-какие преимущества; уступая же в силах противнику, искусный полководец благодаря превосходству таланта может удержать равновесие. Но усматривать в этом честь и величие полководца можно лишь вступая в грубое противоречие с природой войны. Напротив, подобная кампания будет всегда служить несомненным признаком того, что оба руководящие сторонами полководца не обладают крупным военным талантом или что талантливый полководец вынужден обстоятельствами воздержаться и не идти на риск крупного решения; но арена, па которой происходит подобная игра, никогда не может стать подмостками, на которых приобретает высшая военная слава.

До сих пор мы говорили об общем характере стратегического маневрирования; теперь нам надлежит еще упомянуть об одном особом влиянии, оказываемом им на ведение войны и заключающемся в том, что оно часто удаляет вооруженные силы от главных дорог и крупных городов

и заводит их в отдаленные или не имеющие значения углы. Если мелкие мгновенно вспыхивающие и тотчас же затухающие интересы играют решающую роль, то влияние основных очертаний страны на ведение войны становится слабее. Поэтому мы часто видим, что вооруженные силы выдвигаются в такие пункты, где никак нельзя было бы ожидать их встретить, если ориентироваться на крупные естественные потребности войны; отсюда следует, что перемены и изменчивость частных ходов войны здесь имеют место гораздо чаще, чем в войнах, имеющих крупные решения. Стоит только обратить внимание на последние пять походов Семилетней войны; несмотря на то, что в общем условия оставались неизменными, каждый поход получал новое оформление, а если всмотреться ближе, то окажется, что ни одно мероприятие не повторялось; между тем, в этих походах наступательное начало проявляется со стороны союзников все же с большей энергией, чем в большинстве прежних войн.

В настоящей главе об обороне театра войны, когда не предвидится крупного решения, мы указали лишь на тенденции, направляющие военную деятельность, и на внутреннюю связь, условия и характер последней; с частными мероприятиями, из которых она состоит, мы ознакомились в подробностях уже раньше. Теперь спрашивается: неужели не существует принципов, правил и методов, объемлющих эти тенденции? На это мы ответим, что если базироваться на истории, то таковых в виде постоянно повторяющихся форм мы не найдем. А между тем, в вопросах, связанных с этой темой и отличающихся столь разнообразной и изменчивой природой, мы могли бы считать имеющим силу только такой теоретический закон, который обоснован опытными данными. Война с крупными решениями не только много проще, но и много естественнее; она более свободна от внутренних противоречий, более объективна и более увязана воедино законом внутренней необходимости; поэтому рассудок и может указывать ей формы и законы. По отношению к войне, не имеющей решений, последнее нам представляется значительно более трудным. Даже два основных принципа возникшей лишь в наши дни теории войны, широта базиса (Бюлов) и группировка по внутренним принципам (Жомини), будучи приложены к обороне театра войны, оказываются на деле вовсе не объемлющими и не действенными. Между тем, являясь только формами, они должны были бы в данном случае оказаться наиболее действенными, ибо с распространением действий во времени и пространстве формы становятся действеннее, причем преобладание их над прочими слагаемыми общего итога увеличивается. В действительности же оказывается, что эти принципы представляют собою лишь одну из сторон дела, и притом отнюдь не решающую.

Уже своеобразие средств и обстоятельств должно оказывать огромное, нарушающее всякие общие правила влияние; это ясно само собой. То, что Дауну давали растяжка сил и осторожность в выборе расположения, то королю давала постоянная сосредоточенность его армии, всегда вплотную подходившей к противнику и всегда готовой на экспромты. И то и другое вытекало не только из характера их армий, но и из условий, в которых находились полководцы; королю гораздо легче делать экспромты, чем любому ответственному полководцу. Здесь мы еще раз настойчиво подчеркнем, что критика не имеет никакого права смотреть на ту или другую манеру, на тот или другой могущий выработаться метод, как на различные ступени к совершенству, и ставить одно выше другого; нет, они должны стоять рядом, и в каждом отдельном случае суждению должно быть предоставлено оценить их применение.

В нашу задачу здесь не может входить подробное перечисление этих разнообразных манер, возникающих из своеобразия армий, государств и обстоятельств; мы уже раньше в общих чертах указывали на влияние этих данных.

Итак, мы сознаемся, что в этой главе мы не можем привести ни принципов, ни правил, ни методов, ибо история нам таковых не дает; напротив, мы почти в каждый отдельный момент натываемся на своеобразные явления, которые часто представляются непонятными, порою даже поражают нас своей причудливостью. Но отсюда не следует, что изучение истории в этом отношении бесполезно. Даже там, где также нет системы и критерия для установления истины, там все же сама по себе истина существует, и ее тогда находят по большей части лишь посредством умелого суждения и на основании тактического подхода, вырабатываемого длительным опытом. Если история и не дает здесь формул, то все же она дает здесь, как и повсюду, навык в суждениях.

Мы хотим выставить лишь один объемлющий весь вопрос принцип или, точнее, мы хотим освежить и ярче представить перед глазами читателя естественную предпосылку, взятую нами в

основу всего здесь сказанного, и придать ей форму особого принципа.

Все приведенные здесь средства имеют лишь относительную ценность; все они находятся под гнетом проклятия известной немощи обеих сторон; над этой областью царит высший закон, который обуславливает явления. Об этом полководец никогда не должен забывать; он никогда не должен с воображаемой уверенностью возвращаться в этом тесном кругу, как в чем-то абсолютном, никогда не должен считать применяемые им средства за необходимые, единственные и прибегать к ним даже тогда, когда их недостаточность сознается им самим.

При той точке зрения, на которой мы теперь стоим, подобная ошибка может показаться почти невозможной; однако действительная жизнь складывается иначе, так как в ней все вопросы не ставятся в таких резких контрастах.

Мы снова должны обратить внимание читателя, что для придания нашим представлениям большей ясности, определенности и силы мы сделали предметом нашего рассмотрения лишь полные противоположности, как крайности каждого образа действий; в конкретном же случае война большей частью складывается посередине и подчиняется господству этой крайности лишь в меру своего к ней приближения.

Поэтому в основном вопрос сводится к тому, чтобы полководец прежде всего уяснил себе, имеет ли противник склонность и достаточную мощь, чтобы превзойти его посредством более крупного и решительного мероприятия. Раз такое опасение имеется, он должен отказаться от мелких мероприятий, ограждающих его от мелких неприятностей; в его руках имеется средство при помощи этой добровольной жертвы поставить себя в лучшее положение, чтобы оказаться на высоте более крупного решения. Другими словами, первое требование заключается в том, чтобы полководец овладел верным масштабам для организации своего дела.

Для того, чтобы на основе конкретных фактов придать большую определенность этим представлениям, мы бегло коснемся ряда случаев, в которых, как нам кажется, был применен неверный масштаб, т.е. где один из полководцев намечал мероприятия, предполагая гораздо менее решительную деятельность противника. Начнем с открытия кампании 1757 г., когда австрийцы доказали группировкой своих сил, что они не рассчитывали на столь решительное наступление со стороны Фридриха Великого. Затянувшееся пребывание корпуса Пиколомини у силезской границы в то время, когда всей армии герцога Карла Лотарингского грозила опасность быть вынужденной положить оружие, свидетельствует о полном непонимании сложившихся условий.

В 1758 г. французы не только заблуждались относительно последствий Клостер-Зевенской конвенции^[261] (что, впрочем, представляет факт, который сюда не относится), но и спустя два месяца совершенно неправильно судили о том, что может предпринять их противник; за это им пришлось расплатиться потерей всей территории от

Везера до Рейна. Мы уже говорили, что Фридрих Великий совершенно неправильно оценил своих противников в 1759 г. под Максеном и в 1760 г. под Ландсгутом и не ожидал от них столь решительных действий.

Но, пожалуй, история не знает более крупной ошибки в оценке масштаба борьбы, чем ошибка, допущенная в 1792 г. Имелось в виду небольшой вспомогательной армией дать перевес одной из сторон в разгоревшейся гражданской войне, а навалили себе на плечи огромное бремя борьбы со всем французским народом, выбитым из равновесия политическим фанатизмом. Эту ошибку мы лишь потому называем крупной, что она таковой оказалась впоследствии, но не потому, что ее своевременно легко можно было бы избежать. Что касается самого ведения войны, то нельзя не согласиться, что главная причина всех невзгод последующих лет лежит в кампании 1794 г. Союзники не уяснили мощного характера неприятельского наступления в этой кампании и противопоставили ему мелочную систему растянутых позиций и стратегического маневрирования. Сверх того, по политическим раздорам между Пруссией и Австрией и по нелепому принесению в жертву Бельгии и Голландии можно судить, как мало европейские кабинеты догадывались о силе прорвавшегося потока. В 1796 г. отдельные акты сопротивления под Монтенотте, Лоди и т.д. достаточно обнаруживают, как мало понимали австрийцы, что значило иметь дело с Бонапартом.

В 1800 г. катастрофа, постигшая Меласа, вызвана была не непосредственно внезапным наступлением французов, а ложным взглядом на возможные последствия этого наступления.

Ульм в 1805 г. был последним узлом реденькой ткани ученых, но крайне слабых стратегических комбинаций, пригодных разве для того, чтобы удержать ими какого-нибудь Дауна или Ласси, но не Бонапарта - революционного императора.

У пруссаков в 1806 г. нерешительность и замешательство были вызваны тем, что устарелые, мелочные, неприменимые взгляды и меры перемешивались с отдельными проблесками понимания и правильного сознания величайшей важности переживаемого момента. Как можно было при ясном сознании и верной оценке своего положения оставлять в Пруссии 30 000 человек, а также додуматься еще до создания в Вестфалии особого театра войны и вообразить, что можно достигнуть какого-нибудь успеха мелкими наступательными действиями вроде тех, для которых были предназначены корпуса Рюхеля и Гогешюэ[262], и как, наконец, могла еще в последние минуты совещания идти речь об опасностях, грозивших каким-то магазинам, о потере того или другого участка территории!

Даже в 1812 г., в этом грандиознейшем из всех походов, вначале не было недостатка в ложных устремлениях, исходивших из неправильно понимаемого масштаба. В главной квартире в Вильне была партия влиятельных лиц, настаивавших на сражении близ границы, дабы безнаказанно не попиралась русская земля. Что это сражение может быть проиграно, что оно будет проиграно, эти люди хорошо понимали; ибо хотя они и не знали, что на 80000 русских двинутся 300000 французов, но все же им было известно, что надо предполагать у неприятеля значительное превосходство в силах. Главное заблуждение заключалось в значении, придававшемся этому сражению; они полагали, что это будет только проигранное сражение, не отличающееся от многих других; между тем почти с полной уверенностью можно было утверждать, что это важнейшее решительное столкновение близ границы вызвало бы целый ряд еще других явлений. Даже лагерь в Дриссе являлся мероприятием, в основе которого лежал совершенно неверный масштаб оценки противника. Если бы на нем остановились, то пришлось бы дать себя отрезать со всех сторон и окончательно изолировать, а затем у французской армии нашлись бы все средства, чтобы заставить русскую армию положить оружие. Инициатор создания[263] этого лагеря не имел в виду действительного масштаба сил и воли.

Но и Бонапарт порой руководился ложным масштабом. После перемирия 1813 г. он рассчитывал сдержать второстепенные армии союзников (Блюхера и наследного принца шведского) корпусами, которые хотя и были недостаточно сильны, чтобы оказать действительное сопротивление, но все же могли дать осторожному командованию достаточный повод ни на что не решиться, что часто можно было наблюдать в прежние войны. Мысль его не остановилась в достаточной мере на той реакции, которую должны были вызвать глубоко укоренившаяся ненависть и грозная опасность, под воздействием которых находились Блюхер и Бюлов.

Вообще Бонапарт всегда недооценивал предприимчивость старика Блюхера. Под Лейпцигом один Блюхер вырвал у него из рук победу; под Ланом Блюхер мог бы его уничтожить, и если этого не случилось, то вследствие обстоятельств[264], вовсе не учитывавшихся Бонапартом. За эту ошибку его постигла, наконец, кара под Ватерлоо, разразившаяся громовым ударом

Наброски к седьмой части. Наступление

Глава 1.

Наступление по его отношению к обороне

Если два понятия логически противоположны, то одно становится дополнением другого, так что по существу из одного проистекает другое, но если ограниченность нашего ума не позволяет нам одним взглядом окинуть их одновременно и найти благодаря одной лишь противоположности в целом одного целое другого, - то все же понимание одного достаточно освещает многие частности другого. И потому мы полагаем, что первые главы, посвященные обороне, бросают достаточный свет и на наступление во всех вопросах, которые они затрагивают. Но полностью они их не исчерпывают. Система нашего мышления никогда не может быть полностью исчерпана, и потому там, где

противоположность не заложена столь непосредственно в самом понятии, как это было в первых главах, невозможно сделать непосредственные выводы, относящиеся к наступлению, на основании лишь того, что было сказано об обороне. К предмету нашего исследования нас приблизит новая точка зрения, поэтому будет естественно рассмотреть с этой ближайшей точки то, что с более отдаленной мы не могли заметить. Таким образом, создается дополнение к системе нашего мышления, причем высказанное о наступлении бросит новый свет и на оборону. Следовательно, говоря о наступлении, мы большей частью будем касаться тех же вопросов, о которых говорили, разбирая оборону. Однако мы не имеем намерения, по примеру большинства учебников фортификации, излагая наступление, обходить или сводить на нет все положительные ценности, усмотренные нами в обороне, для доказательства того, что против каждого из средств обороны имеется надежный способ наступления. Это было бы противно природе предмета. Оборона имеет свои сильные и слабые стороны; если первые и можно преодолеть, то все же их преодоление обходится несоизмеримо дорого, это положение приходится признать бесспорным с любой точки зрения, чтобы не впасть в противоречие с самим собою. Далее, мы не намерены со всей тщательностью проследить за игрой состязающихся между собой средств, каждое средство обороны вызывает соответствующее средство наступления, но часто эти средства настолько однородны, что нет необходимости для их оценки переходить с точки зрения обороны к точке зрения наступления, одно из них вытекает само собой из другого. Наша задача заключается лишь в том, чтобы указать в каждом вопросе на особые условия наступления, поскольку они не вытекают непосредственно из обороны; а этот способ разработки нашего предмета неизбежно приведет нас и к некоторым главам, не имеющим соответственных в части, посвященной обороне [265].

Глава 2. **Природа стратегического наступления**

Мы видели, что оборона на войне вообще, а следовательно, и стратегическая оборона не является одним лишь выжиданием и отражением атак, т.е. не есть нечто абсолютно пассивное, а пассивное лишь относительно, и потому оборона более или менее проникнута началом наступления. Наступление также не представляет собою однородного целого и постоянно перемешивается с элементами обороны. Однако здесь имеется различие. Оборону без контрудара нельзя себе представить: контрудар - необходимая составная часть обороны. Не то при наступлении, в котором удар - нечто цельное и завершенное, оборона, как таковая, ему не нужна, и его приводят к ней, как к неизбежному злу, лишь условия пространства и времени, в которых протекает наступление. Во-первых, наступление не может быть продолжено в непрерывной последовательности до полного его завершения, оно требует остановок, и в течение этих перерывов, когда оно само оказывается нейтрализованным, естественно наступает состояние обороны. Во-вторых, пространство, которое оставляют позади себя наступающие войска и использование которого безусловно необходимо для их существования, не всегда бывает прикрыто самим наступлением и требует особой защиты.

Следовательно, акт наступления на войне, с точки зрения стратегии, является постоянной сменой и сочетанием наступления и обороны, причем оборона не должна рассматриваться как действительная подготовка к наступлению, повышающая его напряжение. Оборона при наступлении не представляет собою действующего начала, напротив, она - неизбежное зло, тормозящее усилие, вызываемое инертностью массы; оборона - это первородный грех, смертное начало для наступления. Мы сказали тормозящее усилие, так как оборона, ничем не способствуя усилению наступления, ослабляет его действие уже одной вызываемой ею потерей времени. Но не может ли оборона в качестве составной части всякого наступления наносить ему и непосредственный ущерб? После того, как мы установили, что наступление более слабая, а оборона более сильная форма войны, то, казалось бы, из этого следует, что оборона не должна вредно влиять на наступление, так как, пока еще хватает сил для более слабой формы войны, то, конечно их будет достаточно и для более сильной. В общем, т.е. в главном, это верно, но насколько применимо в частности, об этом мы скажем в главе о кульминационной точке победы [266]. Однако не следует забывать, что превосходство стратегической обороны отчасти проистекает из того, что наступление не может обойтись без примеси обороны, но обороны много более слабого рода. Наступление вынуждено влачить за собою самые худшие элементы обороны, о которых уже нельзя утверждать все то, что относится к обороне в целом, и потому становится понятным, что они могут стать началом, непосредственно ослабляющим наступление. Именно этими моментами слабой обороны, содержащимися в наступлении, и должна пользоваться оборона для положительной деятельности содержащегося в ней наступательного начала. Какая огромная разница в

положении обороняющегося и наступающего, когда они во время двенадцатичасового отдыха, сменяющего дневной труд, находятся первый на своей тщательно выбранной, хорошо знакомой ему, заранее подготовленной позиции, а второй - на походном биваке, куда он попал ощупью, как слепой; то же различие сохраняется и в период более длительной остановки, вызванной необходимостью организовать подвоз продовольствия, ожиданием подкреплений и т.д. В этих случаях обороняющийся извлекает пользу для себя из близости своих крепостей и складов, а наступающий живет как птица небесная. Каждое наступление должно закончиться обороной, но какую форму она примет, зависит от обстановки. Последняя может быть или чрезвычайно благоприятной, если неприятельские силы уже уничтожены, или, если это не имело места, весьма затруднительной. Хотя такая оборона уже не является составной частью собственного наступления, все же ее свойства отражаются на наступлении и должны быть учтены при его оценке.

Общий вывод этого рассмотрения сводится к тому, что при всяком наступлении следует принимать в расчет и необходимо присущую ему оборону, дабы уяснить себе все невыгоды, с которыми оно сопряжено, и иметь возможность к ним подготовиться.

В зависимости от того, в какой мере используется начало выжидания, оборона представляет различные ступени. В связи с этим нарождаются формы обороны, существенно друг от друга отличающиеся, как это уже сказано нами в главе о видах сопротивления. [267]

Так как в наступлении заключается только одно действующее начало и оборона в нем является лишь цепляющимся за него мертвым грузом, то в наступлении не может быть таких различий. Конечно, существует большое различие в энергии наступления, в быстроте и силе удара, но это различие только количественное, а не качественное. Можно допустить, что в единичных случаях наступающий, чтобы успешнее достигнуть поставленной цели, изберет форму обороны и, например, расположится на хорошей позиции и даст себя па ней атаковать. Однако подобные случаи встречаются весьма редко, и мы не будем считаться с ними в нашей группировке понятий, так как мы исходим из практического опыта, а не из исключений. Таким образом, наступление не может быть повышаемо в степени, как это имеет место в видах сопротивления.

Наконец, совокупность средств наступления сводится, как общее правило, к вооруженным силам: из крепостей на наступление оказывают заметное воздействие только ближайшие к театру войны. Но это воздействие ослабевает по мере продвижения вперед, и понятно, что крепости наступающей стороны никогда не будут играть столь существенной роли, как при обороне, когда они часто приобретают важнейшее значение [268]. Содействие населения наступающему возможно только в тех случаях, когда жители сочувствуют ему больше, чем собственной армии. Наконец, у наступающего могут быть также союзники, но это отнюдь не вытекает из природы наступления, а является лишь результатом случайных обстоятельств [269]. Итак, хотя крепости, народное ополчение и помощь союзников входят в совокупность средств обороны, но мы их не можем причислить к составу средств наступления; в обороне они являются вполне естественными, здесь же они встречаются редко и по большей части случайно.

Глава 3.

Об объекте стратегического наступления

Цель войны - сокрушить противника; средство - уничтожение его вооруженных сил. Это верно как по отношению к наступлению, так и по отношению к обороне. Обороняющийся уничтожает силы противника, чтобы самому перейти в наступление, а наступающий - с целью овладеть страной. Таким образом, страна является объектом наступления, но не обязательно вся страна полностью: наступление может ограничиться захватом одной ее части, одной области, одного района, одной крепости и т.д. При заключении мира все захваченное может представлять большую ценность в качестве объекта приобретений или обмена.

Поэтому в качестве объекта стратегического наступления нужно представлять себе целый ряд бесчисленных ступеней, начиная от завоевания страны в целом и кончая занятием ничтожного местечка. Как только объект достигнут, наступление прекращается и начинается оборона. Из этого, казалось бы, следует, что можно рассматривать стратегическое наступление как определенно ограниченное целое. Но в действительности дело обстоит иначе. На практике намерения и

мероприятия наступательного характера часто незаметно переходят в область обороны, так же, как и планы обороны - в наступление. Редко или, по крайней мере, не всегда полководец точно намечает себе то, что он хочет завоевать, а ставит это в зависимость от развития событий[270]. Часто наступление заводит его дальше, чем он предполагал: часто после более или менее короткого отдыха он движется снова вперед, с новой стремительностью, но у нас нет повода рассматривать эти два периода наступления как два различных акта. Иногда наступающий останавливается раньше, чем предполагал, но не отказывается при этом от всего плана наступления и не переходит к подлинной обороне. Итак, если успешная оборона может незаметно перейти в наступление, то с наступлением может случиться обратное. Эти оттенки наступления необходимо иметь в виду, дабы не сделать ошибочных заключений из того, что мы скажем о наступлении вообще.

Глава 4. **Убывающая сила наступления**

Мы затрагиваем здесь один из наиболее существенных вопросов стратегии; от правильного его разрешения зависит в отдельных случаях правильность суждения о том, чего мы в состоянии достигнуть.

Причины, ослабляющие абсолютную мощь, следующие:

1. Самая цель наступления, так как в нее входит стремление занять неприятельскую страну. Обычно ослабление появляется лишь после первого решительного сражения, после которого, однако, наступление не прекращается.
2. Потребность наступающей армии оккупировать территорию, остающуюся позади, дабы обеспечивать свои сообщения и изыскивать средства существования.
3. Потери в боях и от болезней.
4. Удаление от источников пополнения.
5. Осады или блокады крепостей.
6. Падение напряжения.
7. Отступничество союзников.

Этим ослабляющим причинам противостоят другие, способные усилить наступление. Ясно, что результат определяется только сопоставлением этих двух различных величин. Так, например, ослабление наступления может быть уравновешено, а иногда даже превзойдено ослаблением обороны. Последнее, впрочем, встречается редко; при этом не следует принимать всегда в расчет все действующие вооруженные силы, а только те, которые противостоят друг другу впереди или на решающих пунктах. Примеры тому: французы в Австрии, Пруссии и России; союзники во Франции и французы в Испании.

Глава 5. **Кульминационный пункт наступления**

Успех в наступлении есть результат действительного превосходства; мы разумеем, конечно, суммарное превосходство материальных и моральных сил. В предыдущей главе мы указали, что сила наступления постепенно истощается; может случиться, что превосходство сил при этом возрастает, но в громадном большинстве случаев оно уменьшается. Наступающий закупает ценности, которые, быть может, и принесут ему выгоду при заключении мира, но пока он расплачивается за них наличными, расходуя свои вооруженные силы. Если превосходство, хотя и ежедневно уменьшающееся с успехами наступления, все же сохранится до заключения мира, то цель достигнута. Бывали стратегические наступления, которые приводили непосредственно к миру, однако таковых меньше всего; большинство их доводило только до такого момента, когда сил как раз хватало на то, чтобы держаться

в состоянии обороны и выжидать заключения мира. За этой точкой следует уже перелом, реакция. Сила такой реакции обычно значительно превосходит силу предшествовавшего ей удара. Этот переломный момент мы называем кульминационным пунктом наступления. Так как смысл наступления заключается в овладении неприятельской страной, то из этого следует, что продвижение вперед должно длиться до тех пор, пока не истощится перевес; это-то и гонит наступающего к цели, по легко может завести и дальше. Если принять во внимание, из какого большого количества элементов складывается уравнение действующих сил, то станет понятным, как трудно в некоторых случаях определить, на чьей стороне находится перевес. Часто все висит на шелковой нити воображения.

Поэтому все сводится к тому, чтобы чутьем, при помощи обостренной интуиции, уловить кульминационный момент наступления. Здесь мы сталкиваемся с кажущимся противоречием. Оборона сильнее Наступления; казалось бы поэтому, что последнее никогда не может завести слишком далеко, ибо до тех пор, пока слабейшая форма сохраняет достаточную силу, последняя будет тем более достаточной при переходе к сильнейшей форме[271].

Глава 6. Уничтожение неприятельских вооруженных сил

Уничтожение неприятельских вооруженных сил является средством достижения цели. Что разумеется под этим? Во что это обходится?

Возможны различные точки зрения по этому поводу:

а) уничтожить лишь столько, сколько того требует объект наступления;

б) или же столько, сколько окажется возможным;

в) шадить собственные силы - как основная точка зрения;

г) последнее начало может быть доведено так далеко, что наступающий будет предпринимать что-либо для уничтожения неприятельских сил лишь при благоприятных обстоятельствах, как это может иметь место и по отношению к объекту наступления, о чем уже было сказано в III главе.

Единственное средство уничтожения вооруженных сил противника - это бой, но притом двояким образом: во-первых, непосредственно и, во-вторых, косвенно, посредством комбинации боев. Следовательно, если бой - главное средство уничтожения, то все же не единственное[272]. Взятие крепости или захват части территории уже сами по себе представляют разрушение неприятельских боевых сил, но они могут повести к еще более крупным последствиям, т.е. воздействовать косвенно.

Итак, занятие незащищенной части страны вне зависимости от непосредственного достижения намеченной цели может быть рассматриваемо как уничтожение неприятельских боевых сил. И с этой точки зрения следует рассматривать случай, когда путем маневрирования заставляют противника очистить занятый им участок, что успехом оружия в точном смысле этого слова названо быть не может. Эти средства часто переоцениваются: редко они бывают равноценны выигранному сражению, но требуют мало жертв, а потому заманчивы; притом всегда следует опасаться невыгодного положения, в которое они могут поставить; они соблазнительны потому, что обходятся дешево.

На них надо всегда смотреть, как на мелкие ставки, ведущие к грошовому выигрышу. Они соответствуют стесненным обстоятельствам и робким побуждениям. Но они, очевидно, предпочтительнее безрезультатных сражений, успех которых не может быть использован.

Глава 7. Наступательное сражение

Сказанное нами об оборонительном сражении уже осветило многое в сражении наступательном. Мы тогда имели в виду такое сражение, где всего ярче выражена оборона, дабы вскрыть ее сущность; но подобного рода сражения редки, в большинстве же случаев сражения являются наполовину

встречными[273], и оборонительный характер в них значительно утрачивается. Иначе обстоит дело с наступательным сражением, оно сохраняет свой характер при всех обстоятельствах, выявляя его тем сильнее, чем меньше обратилась оборона к своей подлинной сущности. Поэтому и в не вполне выраженном оборонительном сражении и в подлинном случайном сражении всегда сохраняется некоторое различие в характере ведения сражения той и другой стороной. Главная особенность, отличающая наступательное сражение, - это охват или обход, предпринимаемые с началом сражения.

Очевидно, что наличие охватывающей линии фронта предоставляет для ведения наступательного боя большие преимущества; впрочем, это - предмет тактики. От этих преимуществ наступление не откажется из-за того, что оборона может применить против них соответствующее средство. Ведь для того, чтобы успешно охватить в свою очередь охватывающие части противника, обороняющийся должен расположиться на тщательно избранной и хорошо оборудованной позиции. Но для наступающего очень важно то, что в действительности (как показывает опыт всех времен) обороняющийся использует далеко не все выгоды, даваемые обороной; в большинстве случаев оборона представляет собою лишь жалкую попытку извернуться в положении весьма стесненном и опасном, когда она в предвидении наихудшего исхода сама идет навстречу наступлению. Последствием этого является то, что сражения с охватывающим или даже с перевернутым фронтом, которые по-настоящему должны были бы являться следствием выгодного соотношения коммуникационных линий, обычно представляют собою результат морального и физического превосходства (Маренго, Аустерлиц, Йена). Впрочем, наступление во фланг, т.е. сражение с перевернутым фронтом, более действительно, чем охватывающая атака. Представление, будто последняя с самого начала должна быть соединена с охватывающим стратегическим наступлением, как это было перед сражением под Прагой, является ошибочным[274]. Только в редких случаях одно бывает связано с другим, и вообще стратегическое охватывающее наступление - дело опасное. Об этом более подробно будет сказано в главе о наступлении на театре войны. В то время, как в оборонительном сражении полководец стремится возможно больше оттянуть решение и выиграть время, так как оборонительное сражение, не решенное до захода солнца, обычно превращается в выигранное, - в сражении наступательном он имеет потребность ускорить решение. Однако с чрезмерной поспешностью связана большая опасность, так как она ведет к расточительному расходованию сил. Отличительной особенностью наступательного сражения является в большинстве случаев неведение о положении противника, вследствие чего наступательное сражение буквально представляет собой нащупывание в неведомой обстановке (Аустерлиц, Ваграм, Гогенлинден, Йена, Кацбах). А чем больше неизвестность, тем более важно сосредоточение сил, тем предпочтительнее обход охвату. Что главнейшие плоды победы пожинаются при преследовании, об этом сказано уже в XII главе 4-й части. По самой природе наступательного сражения преследование более родственно ему, чем сражению оборонительному.

Глава 8. Переправа через реки

1. Значительная река, пересекающая линию наступления, представляет большие неудобства для наступающего, так как, переправляясь через нее, он обычно должен довольствоваться одним лишь местом переправы и если не пожелает остаться у самой реки, то будет чрезвычайно стеснен в своих действиях. Если же он намеревается дать по ту сторону реки решительное сражение противнику или если он может ожидать, что противник сам пойдет навстречу, то он окажется перед серьезной опасностью; в подобное положение ни один полководец не поставит себя, если не располагает значительным моральным и материальным превосходством.

2. В связи с трудностями, встречаемыми наступающим, оставившим позади себя реку, для обороняющегося гораздо чаще создается возможность успешно оборонять реку, чем это было бы при отсутствии этих трудностей. Исходя из предпосылки, что обороняющийся не смотрит на защиту реки, как на единственное средство спасения, а напротив, подготовился так, чтобы даже в случае неудачи обороны реки сохранилась возможность оказать сопротивление вблизи реки, наступающему приходится учитывать не только сопротивление, которое будет ему оказано после переправы, но и неудобства, упомянутые в предыдущем параграфе. Эти оба затруднения, взятые вместе, и вызывают в полководцах ту опаску, которую они проявляют при наступлении на обороняемую противником реку.

3. В предыдущей части мы видели, что при известных условиях сама оборона реки обещает

значительный успех, и опыт указывает нам, что в действительности этот успех бывает гораздо чаще, чем это предусматривает теория, так как последняя оперирует только реальными данными, в то время как наступающий, обычно представляя себе трудности более значительными, чем они являются в действительности, тем самым тормозит свою деятельность.

Если же речь идет о наступлении, не имеющем в виду решающего результата и производимом не со всепокрушающей энергией, то можно смело утверждать, что при выполнении встретится множество мелких препятствий и случайных помех, предусмотреть которые теория не в состоянии, но которые будут направлены в ущерб наступающему; ведь он является действующим лицом, следовательно, ему и придется столкнуться с ними. Достаточно вспомнить, как успешно оборонялись незначительные сами по себе реки Ломбардии. Из истории же мы знаем примеры такой обороны рек, когда они, как средство защиты, не оправдывали возлагавшихся на них надежд; это объясняется переоценкой этого средства обороны, исходящей не из разбора тактических данных, а из упований на подтвержденную опытом действительность обороны рек, притом раздутую еще свыше всякой меры.

4. Но обороняющийся иногда ошибочно связывает всю свою судьбу с обороной реки и ставит себя в такое положение, что ему грозит катастрофа при прорыве через реку. В этих случаях речная оборона может рассматриваться как весьма выгодная для наступающего форма сопротивления, так как легче прорвать оборону реки, чем выиграть обыкновенное сражение.

5. Из всего сказанного становится ясным, что оборона реки чрезвычайно целесообразна в тех случаях, когда решение не ожидается. Но в тех случаях, когда следует ожидать, что энергия противника или его подавляющее превосходство могут привести к решению, неправильно примененная оборона реки может приобрести положительную ценность для наступающего.

6. Лишь в немногих случаях при обороне рек обороняющийся не может быть обойден на всем защищаемом участке или на отдельном пункте реки. Поэтому наступающий, обладающий превосходством сил и стремящийся нанести решающий удар, всегда имеет в своем распоряжении средства, демонстрируя в одном пункте, переправиться в другом. Это позволит преодолеть невыгодные условия боя в первые моменты после переправы посредством численного превосходства и стремительности натиска, ибо превосходство в силах дает возможность осуществить все это. Таким образом, редко или, вернее, никогда не бывает подлинного тактического форсирования реки, при котором удалось бы подавляющим огнем и превосходящей храбростью отбросить один из главных отрядов противника. Выражение "форсирование переправы" надо понимать всегда лишь стратегически, так как наступающий, хотя и переправляется на участке, слабо или вовсе не защищенном в пределах организованной линии обороны, все же идет на то, чтобы подвергнуться всем невзгодам, которые по расчетам обороняющегося должны сложиться для него из-за переправы. Худшее, однако, что может сделать наступающий, это действительно переправиться в нескольких пунктах, если только последние не расположены вблизи друг от друга и не допускают возможности совместных боевых действий: если обороняющийся должен по необходимости дробить свои силы, то наступающий, разделяя свои силы, отказывается от своего естественного преимущества. Именно вследствие этого Бельгард в 1814 г. проиграл сражение на р. Минчио, где оба противника случайно переправились через реку одновременно, причем австрийцы оказались более разбросанными, чем французы.

7. Если обороняющийся удерживается впереди реки, то, само собою разумеется, имеются два способа победить его стратегически. Первый - когда наступающий, невзирая ни на что, все же переправится где-либо на другой берег и обратит против обороняющегося его же оружие; второй способ сражение. В первом случае решающее значение получает соотношение базирования и сообщений, хотя нередко бывает, что те или другие частные мероприятия приобретают более решающее значение, чем общие условия. Сторона, сумевшая принять более выгодную группировку и лучше устроиться, добившаяся большей дисциплины, имеющая преимущества в подвижности и т.д., может с успехом бороться против общих условий. Что же касается второго способа, т.е. сражения, то он предполагает у наступающего наличие средств и решимости для ведения боя и соответствующую обстановку. Но при наличии этих предпосылок трудно ожидать, чтобы обороняющийся отважился на подобный способ обороны реки.

8. В конечном выводе приходится сказать, что хотя сама переправа через реку лишь в редких

случаях представляет крупные затруднения, но всегда, если только нет стремления к решению, она внушает наступающему такие опасения за последствия и отдаленные возможности, что легко может его остановить. В этом случае наступающий или оставит противника в покое на его стороне реки, или если переправится через реку, то все же от нее не отойдет. Чрезвычайно редки случаи, когда обе стороны долго остаются друг против друга на противоположных берегах реки.

Однако река имеет важное значение и тогда, когда стремятся к крупным решениям. Она всегда ослабляет наступающего и является ему помехой; наиболее выгодное положение создается для него, если река прельстит обороняющегося и последний решит использовать ее как тактический барьер, полагая в ее защите основную задачу своего сопротивления. В этом случае наступающему представляется возможность наименее легким способом нанести решительный удар[275]. Конечно, в первый же момент нельзя будет добиться полного разгрома противника, но решение сложится из отдельных успешных боев, которые поставят противника в чрезвычайно неблагоприятную обстановку, как это было с австрийцами в 1796 г. на Нижнем Рейне.

Глава 9. **Наступление на оборонительные позиции**

В части, посвященной обороне, достаточно разъяснено, в какой мере оборонительные позиции вынуждают наступающего или их атаковать, или отказаться от дальнейшего продвижения. Лишь те позиции, которые достигают этого, являются целесообразными и пригодными поглотить или нейтрализовать силу наступления полностью или частично. Наступление по отношению к такой позиции бессильно, т.е. у него нет средств уравновесить это преимущество обороны. Но не все оборонительные позиции действительно таковы. Если наступающий усмотрит, что он в состоянии достигнуть своей цели, не атакуя позиции противника, то атаковать ее было бы ошибкой. Если позиция препятствует достижению цели наступающего, то спрашивается - нельзя ли угрозой флангу противника заставить его покинуть свою позицию. Только после того, как это средство окажется недействительным, решаются атаковать хорошую позицию, и тогда атака во фланг обычно представляет меньше трудностей. Выбор того или другого фланга зависит от положения и направления путей отступления обоих противников, т.е. от возможности создать угрозу отступлению неприятеля или обеспечить свое.

В отношении значительности той или другой возможности может возникнуть даже своего рода соревнование, причем преимущество следует, естественно, отдавать возможности угрожать отступлению противника, так как эта угроза характера наступательного, между тем как обеспечение собственного отступления есть оборонительное мероприятие. Но надо признать бесспорной и непреложной истиной, что атаковать крепкого противника, занимающего хорошую позицию, - дело сомнительное. Нет, правда, недостатка в примерах подобных сражений, притом удачно закончившихся, как Торгау и Ваграм (мы не упоминаем Дрездена, так как нельзя сказать, чтобы там был крепкий противник). Но в общем опасность для обороняющегося незначительна и вовсе отходит на второй план, если учитывать множество случаев, когда решительные полководцы пасовали перед такими позициями.

Но не следует смешивать случай, который мы имеем здесь в виду, с обычным сражением. Большинство сражений - простые встречные столкновения (*rencontres*), в которых одна сторона хотя и стоит неподвижно, но не на подготовленной позиции.

Глава 10. **Наступление на укрепленный лагерь**

Некоторое время господствовало течение - отзываться с большим пренебрежением об окопах и их значении. Это пренебрежение питалось неудачным исходом целого ряда сражений, в которых оборона опиралась на укрепления: кордонные оборонительные линии на границах Франции прорывались не раз, герцог Бе-вернский потерял сражение при Бреславле в укрепленном лагере, австрийцы были разбиты при Торгау; наконец, победы Фридриха Великого, одержанные благодаря подвижности и с помощью наступательных средств, набросили тень на всякую оборону, на всякий неподвижный бой и в особенности на полевые укрепления. Нельзя, конечно, считать надежной оборону, когда немногие тысячи людей должны защищать протяжении в несколько миль, а укрепления

представляют только окопы, обращенные рвом вперед; доверие к такой обороне к добру не приведет. Но разве не будет противоречием или, вернее, нелепостью желание распространить это утверждение на укрепления вообще, уподобляя себя этим (как это делает Темпельгоф) заурядному эскадронному командиру? К чему вообще нужны укрепления, если они не способны усилить оборону? Нет, не один только разум, но сотни и тысячи примеров показывают, что хорошо устроенное, занятое достаточными силами и храбро защищаемое укрепление должно, как правило, считаться неприступным и соответственно рассматриваться и наступающим. Исходя из этого взгляда на значение отдельного укрепления, нельзя сомневаться в том, что атака укрепленного лагеря - задача крайне трудная и в большинстве случаев безнадежная.

Укрепленные лагеря по своей природе занимают слабыми силами; однако в них возможно обороняться и против значительно превосходящих сил противника при наличии значительных естественных препятствий и хороших окопов. Фридрих Великий, несмотря на двойное превосходство сил, все же не решился атаковать лагерь у Пирны, и если впоследствии время от времени и утверждали, что лагерь можно было взять, то единственной опорой этого утверждения являлось крайне плохое состояние саксонских войск, что, конечно, не может служить аргументом против целесообразности укреплений вообще. К тому же весьма сомнительно, чтобы те, которые впоследствии считали эту атаку не только возможной, но и легко осуществимой, решились бы сами в действительности на нее.

Итак, мы полагаем, что атака укрепленного лагеря принадлежит к числу самых необычных средств наступления. Лишь в тех случаях, когда укрепления возведены наспех и еще не закончены, а имеющиеся препятствия еще недостаточно усилены; если весь лагерь, как это часто бывает, является лишь схемой того, чем ему надлежало бы быть; если он представляет собой лишь полу готовую стройку, - только тогда атака может быть не только рекомендована, но и явится путем к легкой победе.

Глава 10. **Наступление в горах**

Чем являются горные пространства со стратегической точки зрения и каково их значение для обороны и даже для наступления, об этом с достаточной полнотой было сказано уже в V главе[276] 6-й части и в последующих. Там мы пытались вскрыть ту роль, которую играют горы в качестве оборонительной линии, а из этого уже вытекает, как надо оценивать их значение с точки зрения наступающего. Таким образом, нам остается весьма немного сказать по этому важному вопросу. Главный наш вывод был тот, что на оборону гор следует смотреть с совершенно различных точек зрения в зависимости от того, идет ли речь о второстепенном бое или о генеральном сражении. Наступление в первом случае следует рассматривать лишь как неизбежное зло, так как все обстоятельства складываются против него; зато во втором случае оно имеет на своей стороне все преимущества и выгоды.

Таким образом, наступление, исполненное мощи и решимости дать сражение, отыщет своего противника в горах и на верное останется от этого в барыше.

Мы еще раз возвращаемся к этому вопросу, так как трудно ожидать, что наши выводы встретят сочувствие у аудитории: они кажутся противоречащими не только очевидности, но и опыту прежних войн. Действительно, мы в большинстве случаев до сих пор видели, что наступающая армия (ищет ли она генерального сражения или нет, - безразлично) считала необычайным счастьем, если противник оставлял незанятым лежащее поперек ее пути горное пространство, и спешила предупредить его в этом. В этой поспешности никто не усмотрит чего-либо противного интересам наступления. Наступающий прав и с нашей точки зрения; все же в данном случае необходимо отдать себе отчет в сущности обстоятельств.

Армия, наступающая на противника с намерением дать ему генеральное сражение и имеющая впереди себя горное пространство, пока не занятое неприятелем, естественно, опасается, чтобы он в последний момент не опередил ее и не занял тех проходов, которые она имеет в виду использовать. Если бы опасения наступающей армии оправдались и обороняющийся занял горы в последний момент, когда направление наступления уже определилось, то наступающая сторона лишилась бы тех преимуществ, которые имеются у нее, когда противник занимает обычную горную позицию. Ведь он

уже не будет столь неестественно растянут и не будет находиться в неизвестности о пути движения наступающего. С другой стороны, наступающий уже не сможет координировать выбор своего пути с расположением обороняющегося; таким образом, сражение в горах уже не будет соединено для него с теми преимуществами, о которых мы говорили в 6-й части; при таких обстоятельствах наступающий может натолкнуться на обороняющегося, уже успевшего занять неприступную позицию. В этих условиях в распоряжении обороняющегося оказалась бы возможность извлечь из своего расположения в горах значительные выгоды для генерального сражения. Конечно, это возможно; но не следует забывать о тех трудностях, которые возникнут для обороняющегося в связи с его попыткой устроиться в последний момент на хорошей позиции, которую он к тому же перед этим оставил совершенно незанятой. Поэтому приходится признать подобный способ обороны совершенно ненадежным, следовательно, случай, которого мог бы опасаться наступающий, невероятен. Но, несмотря на все его невероятие, вполне естественно, что его боятся, так как на войне многие опасения весьма естественны, хотя по существу и напрасны.

Но есть нечто другое, чего в подобных обстоятельствах может опасаться наступающий, - это оборона гор авангардом противника или цепью его сторожевого охранения. Хотя и этот способ лишь в немногих случаях будет отвечать интересам обороны, но все же при применении его наступающий не в состоянии разгадать, до какой степени будет доведено упорство обороны, и потому опасается всего худшего.

Высказанному нами мнению отнюдь не противоречит возможность существования позиции, являющейся благодаря гористому характеру местности совершенно неприступной. Такие позиции существуют и не в горах (Пириа, Шмотзейфен, Мейссен, Фельдкирх), и они особенно пригодны именно потому, что находятся не в горах. Однако легко себе представить, что в горах возможно отыскать позиции, не представляющие обычных неудобств, встречаемых в горном расположении; таковы, например, позиции на высоких плоскогорьях, но подобные позиции крайне редки, а здесь мы можем иметь в виду лишь большинство случаев.

Как мало пригодны горы для решительных оборонительных сражений, это мы видим из истории войн. Великие полководцы всегда предпочитали давать решительные сражения на равнинах. На протяжении всей истории нельзя найти примеров решительных боев в горах, исключая войн революционных, когда ложная практика и злоупотребление аналогией заставляли пользоваться горными позициями и там, где следовало бы ожидать решительных ударов (в 1793 и 1794 гг. в Вогезах и в 1795, 1796 и 1797 гг. в Италии). Все осуждали Меласа за то, что в 1800 г. он не занял альпийских проходов; но эта критика непродуманная, мы готовы сказать - ребяческая, судящая по первому взгляду. Бонапарт на месте Меласа также не занял бы этих проходов.

Распорядок наступления в горах относится по преимуществу к тактике, но все же мы считаем нужным дать следующие указания по общему контуру этого распорядка, наиболее близко соприкасающемуся со стратегией.

1. В горах нельзя, как на другой местности, уклоняться с дороги и невозможно образование из одной колонны двух или трех в случае срочной надобности разделения массы наступающих войск; так как войскам приходится быть втиснутыми в дефиле, то наступление должно вестись по нескольким дорогам, или, иными словами, более широким фронтом.

2. Против широко растянутой обороны в горах наступать, конечно, следует сосредоточенными силами; об охвате такой линии в целом и думать нечего. Достижения значительного боевого успеха надо добиваться скорее при помощи прорыва неприятельского фронта и оттеснения крыльев, чем при помощи охвата, угрожающего сообщениям. Быстрое, безостановочное продвижение вперед по главному пути отступления неприятеля является естественным стремлением наступающего.

3. Если же предстоит атаковать неприятеля в горах в менее растянутой группировке, то обходные движения явятся весьма существенной частью наступления, так как удары в лоб встретят наиболее сильное сопротивление обороняющегося, но обходы должны нацеливаться преимущественно на действительное отрезывание пути отступления неприятеля, а не на тактическую атаку с фланга или с тыла, так как при наличии у противника достаточных сил горные позиции даже с тыла в состоянии оказать большое сопротивление; при этом наискорейшего успеха надо ожидать от опасения

противника утратить путь отступления, если такое опасение удастся ему внушить. Эти опасения всегда проявляются в горах раньше и действуют сильнее, так как при плохом обороте дела в них не так-то легко проложить себе дорогу штыком. Однако простой демонстрации здесь будет недостаточно; правда, ею можно заставить противника покинуть его позиции, но нельзя добиться значительного успеха; поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы противник был действительно отрезан.

Глава 12. **Атака кордонных линий**

Когда оборона и атака кордонных линий должны привести к основному решению, то на стороне наступающего оказывается значительное преимущество, так как слишком большое протяжение обороны противоречит всем условиям успеха в решительном сражении еще в большей степени, чем непосредственная оборона реки или горного пространства. Примером могут служить Дененские линии принца Евгения Савойского 1712 г., потеря которых являлась вполне равноценной проигрышу сражения, а между тем Виллар едва ли одержал бы победу над Евгением, если бы последний занимал более сосредоточенное расположение. Оборонительные линии могут внушить уважение только в том случае, если наступающий не стремится к решительному сражению и притом линии заняты главными силами обороны; в этих условиях занятые в 1703 г. Людвигом Баденским Штольгофенские линии внушали почтение самому Виллару. Если же они заняты лишь второстепенной частью армии, то все будет зависеть от силы того отряда, который может быть использован против них. В большинстве случаев он встретит не слишком большое сопротивление, но, правда, и результаты победы редко будут особенно ценными.

Циркумвальные линии осаждающего имеют свой особый характер, и о них мы будем говорить в главе о наступлении на театре войны.

Все расположения кордонного характера, например, усиленная линия сторожевого охранения и прочее, всегда отличаются тем, что они легко поддаются прорыву, но когда прорыв не имеет целью дальнейшее наступление, чтобы добиться решения, то значение его невысоко и не окупает затраченных на него трудов.

Глава 13. **Маневрирование**

1. Вопрос о маневрировании был уже нами затронут в XXX главе 6-й части. Хотя маневрирование присуще как наступлению, так и обороне, но все же оно ближе по своей природе к первому, чем ко второй, почему мы и охарактеризуем здесь его несколько подробнее.

2. Маневрирование свойственно не наступлению открытой силой с его крупными сражениями, а такому его осуществлению, которое непосредственно вытекает из средств наступления, например, из воздействия на неприятельские коммуникационные линии, на его пути отступления, или из диверсий и пр.

3. Если придерживаться общепринятого словоупотребления, то под понятием маневрирования разумеется такого рода действие, которое вызывается до некоторой степени из ничего, т.е. из равновесия, каковое мы пытаемся нарушить, вовлекая противника на путь ошибок. Это - первые ходы на шахматной доске, борьба равноценных сил, имеющая целью создать счастливый случай для успеха, чтобы, воспользовавшись им, утвердить свое превосходство над противником.

4. Надлежит обратить внимание на следующие существенные элементы, являющиеся отчасти целью, отчасти основой маневрирования:

а) Снабжение продовольствием, от которого пытаются отрезать противника или в котором хотят его ограничить.

б) Соединение с другими отрядами.

в) Угроза связи противника с внутренними областями его страны или с другими армиями или отрядами.

г) Угроза линии отступления.

д) Нападение превосходными силами на отдельные пункты.

Перечисленные пять элементов могут до такой степени внедриться в самые мельчайшие частности данного положения, что последние приобретут превалирующее значение и на некоторое время подчинят себе все остальные интересы. Мост, дорога, укрепление начинают тогда играть первенствующую роль, и все значение их оказывается основанным лишь на их отношении к перечисленным элементам, что нетрудно доказать в каждом отдельном случае.

е) В результате удачного маневра наступающий, или, точнее, активная сторона (которой, конечно, может быть и обороняющийся), овладевает клочком территории, неприятельским складом и т.д.

ж) В стратегическом маневре мы встречаемся с двумя противоположностями, которые могут показаться особыми видами маневрирования, вследствие чего часто делали ложные выводы и создавали ошибочные правила. Хотя они представляют четыре члена, но в действительности мы имеем дело с составными частями одного общего целого. Первая противоположность - это охват и действие по внутренним линиям, вторая - сосредоточение сил и разброска их многими отрядами.

з) Что касается первой противоположности, то безусловно нельзя сказать, чтобы одна из ее двух частей имела принципиальное преимущество перед другой; попятно, что воздействие одной вызывает другую, противоположную, как естественный противовес, как самое подходящее противоядие. С другой стороны, охват однороден с наступлением, действие по внутренним линиям более соответствует обороне; поэтому первая часть чаще привлекает наступающего, а вторая - обороняющегося. Перевес будет на стороне той формы действия, которая используется с большим умением.

и) Также нельзя и во второй противоположности подчинить один ее член другому. Более сильная сторона может себе позволить разбросать свои силы по нескольким пунктам, что создает для нее во многих отношениях более удобные стратегические условия существования и действия, сберегая в то же время силы войск. Более слабая сторона должна держаться гораздо сосредоточеннее, а вытекающий отсюда ущерб ей следует предотвращать своей подвижностью. Эта большая подвижность предполагает высшую ступень умения совершать марши. Поэтому более слабой стороне придется больше напрягать свои физические и моральные силы. Вот последний вывод, с которым нам, конечно, постоянно придется сталкиваться, если мы будем оставаться последовательными; на него можно до известной степени смотреть, как на логическую проверку нашего рассуждения. Действия Фридриха Великого против Дауна в 1759 и 1760 гг. и против Лаудона в 1761 г. и действия Монтекуколи против Тюренна в 1673 и 1675 гг. всегда считались самыми искусными маневрами этого рода, и ими, главным образом, обосновывали мы наши суждения.

к) Мы уже предупреждали, что четыре части указанных двух противоположностей при неправильном их восприятии приводят к ложным выводам и положениям; мы предостерегаем также от переоценки таких общих условий, как база, местность и т.д., и от признания за ними решающего значения, какового в действительности они не имеют. Чем незначительнее интересы, за которые борются, тем большее значение приобретают отдельные подробности местности и данной минуты, и тем дальше отходит на второй план все существенное и крупное, не находящее для себя простора в мелочных расчетах. Можно ли себе представить, если смотреть с общей точки зрения, ситуацию, более противоречащую здравому смыслу, чем положение Тюренна в 1675 г., когда он стоял спиной к Рейну на протяжении 3 миль с одним мостом для отступления на своем крайнем правом фланге? Тем не менее его мероприятия достигли цели, и потому справедливо признать за ними высокую степень искусства и разумности. Но этот успех и искусство становятся понятными лишь тогда, когда мы войдем во все подробности и придадим им то значение, которое они получили в данном частном случае.

л) Мы убеждены, что для маневрирования нет никаких постоянных правил и что никакой метод и никакой общий принцип не могут служить для него указанием, но полагаем, что победа в борьбе достанется той стороне, которая проявит больше предприимчивости, точности, порядка, бесстрашия и дисциплины. Эти свойства и позволяют, главным образом, извлекать ощутительные результаты в таком состязании.

Глава 14.

Наступление в болотах, затопленных пространствах и лесах

Как мы уже упоминали, говоря об обороне, болота, т.е. непроходимые луговины, перерезанные только немногими плотинами, представляют особые трудности для тактического наступления. Ширина их почти всегда препятствует возможности прогнать артиллерийским огнем с противоположного берега противника и устроить переправу. Стратегическим следствием этого является стремление избежать необходимости атаки в болотах путем их обхода. Но в культурных условиях, встречающихся в некоторых местностях, где через болота проложено много проходов, хотя и может быть оказано относительно сильное сопротивление, но недостаточное для решающей обороны, и для последней болотистые пространства оказываются непригодными. Но если, по примеру Голландии, заболоченность почвы может быть усилена наводнением, то сопротивляемость обороны может быть доведена до непреоборимости, и всякое наступление в этих условиях потерпит крушение. Это доказала Голландия в 1672 г., когда после взятия французами всех расположенных вне линии затопления крепостей и занятия их гарнизонами у них осталось еще 50000 солдат, которые сначала под командой Конде, а затем Люксембурга оказались не в состоянии преодолеть линию наводнения, хотя последнюю защищало не более 20 000 человек. Если поход пруссаков в 1787 г. под начальством герцога Брауншвейгского против голландцев дал противоположный результат и эти линии были взяты почти при равенстве сил и с ничтожными потерями, то причину этого следует искать в разъединившем обороняющихся политическом положении и отсутствии единого командования. Но все же нет сомнения, что успех этого похода, т.е. прорыв наступающего через последнюю линию затопления до самых стен Амстердама, висел на волоске, а потому удача пруссаков не позволяет делать никаких заключений. Этим волоском явилось отсутствие наблюдения со стороны голландцев за Гаарлемским морем, что дало герцогу возможность обойти оборонительную линию и выйти в тыл голландцам у Амсельвена. Имей голландцы несколько кораблей на этом море, герцог никогда бы не дошел до Амстердама.

Какое влияние оказало бы это обстоятельство на условия мира, об этом здесь говорить не станем, но можно быть уверенным, что не было бы и речи о преодолении последней линии затопления.

Правда, зима является естественным врагом этой оборонительной меры, чем воспользовались французы в 1794 и 1795 гг., но для этого надо, чтобы зима была суровая.

Мы отнесли к числу средств, оказывающих сильную поддержку обороне, труднодоступные леса. Однако лес никогда не бывает настолько непроходимым, как реки и болота, и потому тактическая сила отдельных участков не может считаться столь же надежной, так как наступающий в состоянии пройти через лес, если последний не исключительно велик, по нескольким близко проложенным друг от друга путям. Но если значительные пространства почти сплошь покрыты лесами, как это имеет место в России и Польше, и у наступающего не хватит сил для того, чтобы через них прорваться, то его положение действительно будет очень тяжелым. Достаточно упомянуть хотя бы о трудностях, которые встретит снабжение продовольствием, и о том, как мало возможностей у наступающего во мраке лесов заставить противника почувствовать свое численное превосходство. Подобное положение, несомненно, одно из худших, в какое может попасть наступающий.

Глава 15[277].

Наступление на театре войны, когда ищут решения

Уже в 6-й части, говоря об обороне, мы затронули большинство вопросов, относящихся к этой главе и проливающих достаточный, хотя и отраженный, свет на наступление.

Понятие о замкнутом театре войны вообще больше связано с обороной, чем с наступлением. В

настоящей части мы уже рассмотрели некоторые существенные вопросы об объекте наступления, о сфере действия победы и т. д. [278] на самое же глубокое и существенное в отношении природы наступления мы сможем указать лишь когда будем говорить о плане войны. Однако кое-что может быть сказано и сейчас. Начнем с похода, предпринятого с целью добиться крупного решения.

1. Важнейшая цель наступления - это победа. Наступающий в состоянии преодолеть все природные выгоды обороны только превосходством своих сил и, пожалуй, еще с помощью того скромного преимущества, какое дает наступающей армии сознание того, что она наступает и движется вперед. Впрочем, в большинстве случаев влияние этого чувства переоценивается: оно недолговечно и не может противостоять серьезным испытаниям. Само собой разумеется, что мы исходим здесь из предположения, что обороняющийся действует столь же безошибочно и целесообразно, как и наступающий. Этим замечанием мы хотим рассеять туманные идеи о неожиданном нападении и внезапности, как об обильнейшем источнике побед наступающего; в действительности они не имеют места без наличия особых обстоятельств. Как обстоит дело с неожиданным нападением в стратегии, мы уже говорили в другом месте [279]. Итак, если наступление не обладает физическим превосходством, то на его стороне должно быть превосходство моральное, чтобы уравновесить невыгодные стороны более слабой формы, какой является наступление. Где нет и этого превосходства, там наступление ничем не оправдывается и к успеху не приведет.

2. Подобно тому, как душой обороны должна быть осторожная предусмотрительность, так душой наступления должны быть смелость и уверенность в своих силах. Отсюда, конечно, не следует, чтобы каждая из двух сторон не нуждалась в качествах другой, но названные качества ближе подходят к задачам соответственно наступления и обороны. Вообще эти качества потому и нужны, что военная деятельность представляет собою не упражнение в математических выкладках, но совокупность действий, происходящих в области тьмы или по меньшей мере сумерек, где приходится верить свою судьбу тому вождю, который является наиболее пригодным для нашей цели. Чем слабее духом обороняющийся, тем больше дерзости должен проявлять наступающий.

3. Для того, чтобы победить, необходимо встретить главные силы противника. Это менее сомнительно при наступлении, чем при обороне, так как наступающему остается только отыскать обороняющегося на его позициях; Однако, говоря об обороне, мы утверждали, что если обороняющийся расположился ошибочно, то наступающему искать его не приходится, ибо можно быть уверенным, что обороняющемуся придется самому отыскивать наступающего, у которого тогда будет преимущество, что его противник находится не на заранее подготовленной позиции. В данном случае все зависит от важнейших путей и направлений. Этот вопрос, когда мы говорили об обороне, оставлен нами открытым, со ссылкой на настоящую главу, поэтому здесь мы изложим все необходимое по этому вопросу.

4. Уже раньше мы указали, что может быть объектом наступления [280] и в чем, следовательно, будет смысл победы; если эти объекты находятся в пределах атакуемого театра войны и вместе с тем в пределах вероятной сферы победы, то естественным направлением удара будут ведущие к ним пути. Но не следует забывать, что объект наступления приобретает свое значение обычно только с победой, и потому мы должны всегда его мыслить в неразрывной связи с победой. Задача наступающего не в том, чтобы достигнуть самого объекта, а в том, чтобы овладеть им в качестве победителя, и потому удар должен нацеливаться не столько против самого объекта, сколько на тот путь к нему, на котором должна будет оказаться неприятельская армия. Этот путь и является ближайшим объектом наступления. Наивысшей победы мы добьемся тогда, когда отрежем армию противника от объекта и разобьем ее раньше, чем она дойдет до него. Допустим, что главный объект наступления неприятельская столица, а противник не расположился между нею и армией наступающего; тогда наступающий поступил бы неправильно, направившись прямо к столице: лучше нацелиться на сообщения между армией неприятеля и его столицей и там добиваться победы, которая доставит и обладание столицей.

Если в пределах сферы победы наступающего нет крупного объекта, то первенствующее значение приобретают сообщения армии противника с ближайшим крупным объектом. Поэтому каждый наступающий должен задать себе вопрос: если мне посчастливится в сражении, то что извлеку я из этой победы? Естественное направление удара должно вести на объект, которым желают завладеть, и если обороняющийся расположился именно в этом направлении, то поступил правильно,

и тогда наступающему не остается ничего иного, как идти на него. Если обороняемая позиция слишком сильна, то наступающий может сделать попытку пройти мимо, т.е. по нужде совершить обход, обращая необходимость в добродетель[281]. Если же противник расположился ошибочно, то наступающий идет на упомянутый объект и, поравнявшись с противником, если последний не принимает в сторону, чтобы перехватить наступление, сворачивает на линии его сообщений с этим объектом, дабы там встретить неприятельскую армию. Но если бы последняя не сдвинулась с места, то наступающему пришлось бы вернуться и атаковать ее с тыла.

Когда приходится выбирать между разными путями, следует отдавать предпочтение большим торговым дорогам, которые являются наиболее естественными и лучшими. Если пути эти делают слишком крутые колена, то для спрямления этих участков необходимо избрать иные, хотя и более узкие пути, так как путь отступления, значительно уклоняющийся от прямой линии, представляет всегда значительный риск.

5. У наступающего, который стремится к решительному, результату, редко имеется повод разбрасывать свои силы, и если такое дробление все же имеет место, то его приходится рассматривать как ошибку, вызванную неясностью положения. Итак, нужно продвигать все колонны на фронте такой ширины, чтобы они могли принять одновременно полностью участие в сражении. Это будет особенно выгодно, если, противник разбросал свои силы; в таком случае, чтобы удержать это выгодное положение, самому наступающему, может быть, придется произвести небольшие демонстрации, являющиеся до известной степени стратегическими *tausses attaques*[282]; разделение сил наступающего, вызываемое этим обстоятельством, надо признать целесообразным.

Неизбежное разделение наступающей армии на несколько колонн должно быть использовано для организации тактического наступления в форме охвата, так как последняя естественна для наступления и игнорировать ее без особой нужды не следует. Однако охват не должен выходить из пределов тактики, потому что охват стратегический в момент нанесения крупного удара являлся бы недопустимым расточением сил. Он мог бы быть оправдан только в том случае, когда наступающий настолько силен, что в успехе нет никакого сомнения.

6. Но и наступление нуждается в осторожности, так как и у наступающего имеется тыл и сообщения, которые необходимо обеспечить. Это обеспечение должно по возможности достигаться самим способом наступления, *eo ipso*[283] самой наступающей армией. Если же для этого окажутся необходимыми особые части, выделенные из армии, то это, естественно, может только повредить силе удара. Так как значительная армия наступает обычно на фронте шириной не менее одного перехода, то она в большинстве случаев сама прикрывает свои сообщения и путь отступления, если направление их не слишком отклоняется от перпендикуляра к линии фронта.

Степень опасности, которой подвергаются тыл и сообщения наступающего, зависит, главным образом, от положения и характера противника, но у обороняющегося вообще нет предпосылок для подобных покушений, когда над всем довлеет атмосфера предстоящего крупного решения; поэтому обычно наступающему с этой стороны не грозит серьезной опасности. Но когда продвижение прекращается и наступающий сам переходит мало-помалу к обороне, то прикрытие тыла становится все более насущной задачей, превращаясь постепенно в основную[284]. Так как по самой природе своей тыл наступающего слабее тыла обороняющегося, то последний может начать действия против сообщений наступающего еще задолго до перехода своего в действительное наступление и даже тогда, когда, отходя назад, он все еще продолжает уступать территорию противнику.

Глава 16.

Наступление на театре войны, когда не ищут решения

1. Если нет ни воли, ни достаточных сил для крупных решительных действий, все же может существовать определенное намерение произвести стратегическое наступление, направленное, однако, на какой-нибудь менее важный объект. Если оно удалось, то с достижением цели все приходит в состояние покоя и равновесия. Если же встретятся те или иные затруднения, то общее продвижение вперед затухает еще раньше; на смену ему выступают случайное наступление и стратегическое маневрирование. Таков характер большинства походов.

2. Объектом такого рода наступления может быть следующее:

а) Часть территории; ее занятие даст продовольственные выгоды, пожалуй, откроет возможность собрать контрибуцию, сэкономит средства своей страны и к тому же может послужить эквивалентом при заключении мира. Иногда к этим мотивам наступления присоединяется понятие о чести оружия, как это беспрестанно наблюдалось у французских полководцев времен Людовика XIV. Весьма существенным является вопрос: возможно ли удержать за собой эту часть территории? Утвердительно можно ответить только в том случае, если она будет смежной с территорией собственной, составляя естественное ее дополнение. Только такие части территории могут играть роль эквивалента при заключении мира, другие занимают обычно лишь на время кампании и зимой очищаются.

б) Неприятельский склад, но только значительный, так как незначительный не может служить объектом наступления, определяющего всю кампанию в целом. Овладение складом приносит само по себе ущерб обороняющемуся, а наступающему прибыль, но в данном случае главная выгода для последнего в том, что обороняющийся вынуждается этой утратой несколько отступить и очистить часть территории, которую он без этого удержал бы за собой. Таким образом, захват магазина, в сущности, - только средство, и мы упоминаем о нем здесь лишь потому, что этот захват является ближайшей конкретной целью действий.

в) Взятие крепости. Мы посвятили вопросу взятия крепостей отдельную главу[285] и отсылаем к ней читателя. Высказанные в ней положения в достаточной степени объясняют, почему крепости всегда составляют первенствующий и наиболее излюбленный объект тех наступательных войн и походов, которые не могут быть нацелены на полное сокрушение противника или на завоевание значительной части его территории. Этим легко объясняется, почему в изобилующих крепостями Нидерландах все постоянно сводилось к вопросу об овладении той или другой крепостью, причем в большинстве случаев цель постепенного завоевания целой провинции даже не являлась основной, и каждая крепость рассматривалась как самодовлеющая величина, представляющая сама по себе ценность, причем, пожалуй, обращали больше внимания на легкость и удобство осады, чем на ценность самой крепости.

Между тем осада сколько-нибудь значительной крепости - предприятие всегда серьезное, так как требует крупных денежных расходов, а на них приходится обращать особое внимание в войнах, не затрагивающих вопроса о существовании государства. В этих условиях такая осада является чрезвычайно существенной частью стратегического наступления. Чем незначительнее крепость или чем с меньшей серьезностью ведется осада, чем слабее подготовка к ней, чем больше предполагают все сделать *en passant*[286], тем ничтожнее окажется эта стратегическая цель и тем более будет соответствовать она пустым намерениям и слабым силам; часто все снизойдет на степень простой комедии, поставленной только потому, что наступающий чувствует себя обязанным что-то сделать.

г) Удачный бой, дело или, пожалуй, даже сражение из-за трофеев или хотя бы одной лишь чести оружия, а иногда просто из-за честолюбия полководца. В том, что это бывает, может сомневаться только тот, кто совершенно не знаком с военной историей. Именно к этому разряду принадлежит большинство наступательных сражений, данных французскими полководцами эпохи Людовика XIV. Но нельзя не отметить, что подобные бои не были лишены объективного значения и не являлись результатом только честолюбия. Они оказали весьма определенное и весьма решительное влияние на условия мира и, следовательно, вели достаточно прямо к намеченной цели. Честь оружия, моральное превосходство армии и полководца - все это действует невидимым образом, но беспрестанно сказываясь на всей военной деятельности в целом.

Бой с такой целью, правда, исходит из предпосылки, что, во-первых, перспектива победы достаточно вероятна и, во-вторых, в случае проигрыша сражения не слишком много будет поставлено на карту. Не следует, конечно, смешивать такие сражения, которые даются в стесненных обстоятельствах ради ограниченных целей, с теми, победа в которых остается неиспользованной из-за моральной слабости победителя.

3. Все указанные объекты, за исключением последнего[287], могут быть достигнуты без значительных боев, и наступающий обычно стремится достигнуть своей цели без таковых. Средства, которыми пользуется для этого наступающий, не рискующий вступить в решительное сражение,

вытекают из тех интересов, которые приходится обороняющемуся ограждать в пределах театра войны; они, следовательно, будут заключаться в угрозе сообщениям его с источниками снабжения (магазинами, плодородными областями, водными путями и т.п.), или с пунктами особой важности (мостами, горными проходами и т.д.), или с другими частями его армии, в занятии наступающим сильной позиции, чрезвычайно стесняющей противника, который не в состоянии выжить из нее наступающего, а также в занятии богатых городов, плодородных участков территории, местности с беспокойным населением, каковое можно побудить к восстанию, и в угрозе слабым союзникам противника. Действительный прорыв наступающим сообщений, которые обороняющийся не может восстановить без крупных жертв, вынуждает последнего отнестись к своему расположению назад или в сторону, чтобы продолжать прикрывать объект, обнажив пункты менее для него важные. Таким образом, оставляется без защиты или часть территории, или магазин, или путь к крепости, чем создается возможность захватить первые и осадить вторую. При этом могут происходить более или менее крупные бои, но так как к ним не стремятся, и они не являются целью, а только неизбежным злом, то по своим размерам и значению они не переступают известных пределов.

4. Воздействие обороняющегося на сообщения наступающего представляет реакцию, которая в войнах, нацеленных на крупное решение, может иметь место только при очень большой длине операционной линии; эта форма реакции более родственна войнам без крупных решений. Правда, в последнем случае сообщения наступающего редко достигают значительной длины, но здесь не так уже важно нанести противнику тяжелые потери; часто оказывается достаточным создать неприятелю затруднения в области снабжения или сократить таковое, а если сообщения противника не столь растянуты в пространстве, то это возмещается растяжкой во времени, которое может быть затрачено на этот способ борьбы с врагом. Отсюда весьма важной заботой для наступающего является прикрытие своих стратегических флангов. Когда между наступающим и обороняющимся возникает такого рода состязание, то первому из них приходится восполнять превосходством сил естественные невыгоды своего положения. Если у наступающего еще хватит достаточно сил и решимости нанести сильный удар какому-нибудь значительному отряду или даже главным силам неприятеля, то угроза, которая будет висеть над головой последнего, будет служить лучшим прикрытием наступающему.

5. Наконец, мы должны упомянуть еще об одном важном преимуществе, каковым в войнах этого рода обладает наступающий, а именно: он правильнее может судить о намерениях и силах противника, чем обороняющийся о нем. Гораздо труднее предвидеть заранее, до какой степени дойдет дерзость и предприимчивость наступающего, чем решить вопрос о том, замышляет ли обороняющийся какую-либо крупную операцию. Обычно одно то, что противник остановил свой выбор на обороне как форме ведения войны, указывает на отсутствие у него активных замыслов. Кроме того, подготовка к серьезному контрудару заметно отличается от обычной подготовки к обороне; гораздо труднее уловить различие между приготовлениями наступающего крупного или же ограниченного размаха. Наконец, обороняющийся вынужден принимать свои меры заранее, благодаря чему у наступающего есть преимущество: он отвечает на уже сделанный ход[288].

Глава 17. **Атака крепостей**

Здесь мы подвергаем разбору атаку крепостей, конечно, не с точки зрения фортификации, а под углом зрения, во-первых, стратегического смысла атаки, во-вторых, выбора между несколькими крепостями и, в-третьих, способов прикрытия осады.

Понятно, что потеря крепости ослабляет оборону, в особенности, если эта крепость являлась существенной ее частью. С другой стороны, бесспорно, что наступающий, овладев крепостью, приобретает в связи с этим много выгод, так как он может прикрыть ею часть территории, свое расположение или использовать ее для обеспеченного расположения своих складов и депо. Наконец, взятые крепости представляют для наступающего самую крепкую опору, когда он окажется вынужденным перейти к обороне. Все сказанное нами в части этого труда, посвященной обороне, о крепостях и их значении в ходе войны, в достаточной степени разъясняет вопрос и об атаке на них.

В вопросах целесообразности атаки крепостей существует резкое различие между походами с установкой на крупное решение и другими видами походов. В первом случае на осаду крепостей всегда приходится смотреть как на неизбежное зло.

Пока обстановка заставляет искать окончательного решения, осаждают только такие крепости, которые оставить неосаженными нельзя. Когда решение уже состоялось, когда кризис и напряжение сил на некоторое время уже миновали и, таким образом, наступила пауза, взятие крепостей может последовать как закрепление сделанных завоеваний; при таком положении осады крепостей если и не обходится без усилий и жертв, то все же не влечет за собой опасности. Осада же крепости в период кризиса значительно обостряет последний во вред наступающему; очевидно, ничто не ослабляет в такой степени силы наступающего и, следовательно, не подрывает так в самое нужное время его превосходство, как подобного рода осады. Однако бывают случаи, когда взятие той или другой крепости является совершенно необходимым, раз наступление должно продолжаться, и тогда на осаду следует смотреть как на интенсивное развитие наступления. В подобном положении кризис становится тем напряженнее, чем меньше до него было достигнуто крупных успехов. Об остальном по этому вопросу будет сказано в части, посвященной плану войны.

В походах с ограниченной целью овладение крепостью является обычно уже не средством, а самым смыслом действия; на взятую крепость смотрят как на небольшое, определенное завоевание, а как таковое, она обладает следующими преимуществами перед другими.

1. Крепость является небольшим, резко ограниченным объектом завоевания, не требующим величайшего напряжения сил, почему не приходится опасаться неудачи.

2. При заключении мира крепость можно использовать как предмет обмена.

3. Осада является интенсивным развитием наступления или по крайней мере производит впечатление такового, но не вызывает возрастающего ослабления сил, что неизбежно при всяком другом виде развития наступления.

4. Осада является предприятием, не сопряженным с риском испытать катастрофу.

По всем этим причинам взятие одной или нескольких крепостей обыкновенно становится целью стратегического наступления, не способного поставить себе более крупную цель.

При выборе крепости как объекта осады в случае каких-либо сомнений нужно руководствоваться:

а) удобством удержания взятой крепости за собою, так как это удобство поднимает ее цену как предмета обмена при заключении мира;

б) наличием средств для осады; при ограниченных средствах следует осаждать лишь небольшие крепости, так как лучше овладеть небольшой крепостью, чем потерпеть неудачу перед большой;

в) фортификационной силой крепости; последняя не всегда пропорциональна значению крепости, и было бы верхом нелепости нести тяжелые жертвы перед очень сильной, но не имеющей значения крепостью, когда можно избрать объектом атаки менее сильную;

г) вооружением и снабжением крепости и силой ее гарнизона; если крепость снабжена слабо и занята незначительным гарнизоном, то, естественно, взять ее будет легче; но при этом надо заметить, что обилие вооружения, снабжения и сильный гарнизон являются в то же время данной, определяющей ее значение, так как гарнизон и запасы крепости более непосредственно являются частью вооруженных сил неприятеля, чем крепостные верки; поэтому скорее окупит понесенные жертвы взятие крепости с сильным гарнизоном, чем крепости с особо сильными укреплениями;

д) относительной легкостью доставки осадных средств; большинство неудач при осадах происходит вследствие недостачи осадных средств, вызываемой трудностью подвоза; наиболее яркие примеры этого: осада Ландресси принцем Евгением Савойским в 1712 г. и Ольмюца Фридрихом Великим в 1758 г.;

е) и, наконец, надо еще иметь в виду более легкую возможность прикрытия осады.

Осаду можно прикрывать двумя совершенно различными способами: во-первых, при помощи укреплений, ограждающих осаждающую армию, т.е. циркумвальной линией, и, во-вторых, так называемой обсервационной линией. Первый способ уже совершенно вышел из употребления, хотя в его пользу говорит весьма существенный аргумент, а именно: армия наступающего при этом не ослабляет себя разделением сил и избегает, таким образом, основных отрицательных сторон, присущих положению осаждающего. Впрочем, весьма заметное ослабление порождается при этом с другой стороны, так как:

а) длинная циркумвальная линия требует в большинстве случаев непомерной растяжки сил армии;

б) если бы осажденный гарнизон был приобщен к подходящей ему на помощь армии, то он восстановил бы только ее первоначальную силу; в этих же условиях он является как бы неприятельским корпусом, расположенным внутри нашего лагеря, и при этом корпусом неуязвимым за крепостными валами, на которые он опирается; в течение некоторого времени его сопротивление не может быть сломлено, что, конечно, в значительной мере усиливает его значение;

в) оборона циркумвальной линии может быть только абсолютно пассивной, так как она имеет форму кольца с фронтом наружу, самую невыгодную и слабую из всех возможных позиций, крайне препятствующую всем попыткам перехода в наступление. Остается только обороняться в своих окопах до последней крайности. Легко понять, что эти условия могут вызвать гораздо большее ослабление осаждающей армии, чем уменьшение армии примерно на одну треть ее состава, когда она переходит в положение обсервационной [289]. Если при этом принять во внимание всеобщее со времени Фридриха Великого отвращение к окопам и увлечение подвижностью, маневрированием и так называемыми наступательными действиями (которые по существу не всегда являются таковыми), нас не должно удивлять, что циркумвальные линии теперь совершенно вышли из моды. Однако упомянутые слабые места их тактической обороны отнюдь не являются их единственным недостатком, и если мы упомянули о предрассудках, примешивающихся к суждению о циркумвальных линиях, то перечислим и действительные свойственные им недостатки. Циркумвальная линия прикрывает в сущности только заключающееся в ее пределах пространство, предоставляя противнику почти весь остальной театр войны, если для его прикрытия не выделены особые отряды, что опять-таки влечет за собой раздробление сил, которого как раз и хотят избежать. При подобной обстановке осаждающий всегда будет испытывать опасения и затруднения хотя бы при подвозе всего необходимого для осады. Да и вообще, если количество необходимых для осаждающей армии припасов и средств достигает внушительных размеров, а неприятель имеет в поле значительные силы, то прикрытие циркумвальными линиями возможно лишь в обстановке, подобной существующей в Нидерландах, где целая система расположенных вблизи одна от другой крепостей и оборонительных между ними линий прикрывает остальную территорию и значительно сокращает линии подвоза. В эпоху Людовика XIV с группировкой армии еще не связывали понятия театра войны. Так, во время Тридцатилетней войны армии двигались спорадически с места на место, подходя то к одной, то к другой крепости, вблизи которых не было неприятельских отрядов, и осаждали их до тех пор, пока хватало привезенных с собой осадных средств или пока не поспежала на выручку осажденным неприятельская армия. При таких условиях циркумвальные линии соответствовали обстановке.

В будущем они едва ли найдут себе применение; разве только в том случае, если противник выставит незначительные действующие силы и понятие театра войны по сравнению с самой осадой отойдет на второй план. В таком положении и впредь будет целесообразным держать свои силы сосредоточенными во время осады, что бесспорно придает последней большую энергию.

В эпоху Людовика XIV циркумвальные линии у Камбрэ и Валансьена оказались мало действительными; в первом случае, защищаемые принцем Конде, они были взяты приступом Тюренном, а во втором - Конде форсировал подобные же линии Тюренна. Однако не следует забывать, что в бесчисленных других случаях они внушали должное почтение даже тогда, когда налицо была самая настоятельная необходимость освободить осажденную крепость, а полководец обороняющейся стороны отличался большой предприимчивостью. Так, Виллар в 1708 г. не решился атаковать союзников в их линиях у Лилля. Фридрих Великий в 1758 г. под Ольмюцем и в 1760 г. под Дрезденом создал если не подлинные циркумвальные линии, то оборонительные системы, по существу

совпадавшие с последними, так как он одной и той же армией осаждал и прикрывал осаду. Под Ольмюцем прибегнуть к этой мере его побудило удаление, на котором находилась от него австрийская армия, но ему пришлось раскаяться в своем решении вследствие потери транспортов у Домштедтеля. Что тот же прием был применен под Дрезденом, объясняется пренебрежительным отношением Фридриха Великого к имперской армии и той поспешностью, с какою он стремился овладеть Дрезденом.

Наконец, минусом циркумвалационной линии является то обстоятельство, что при наличии ее в случае неудачи трудно спасти осадную артиллерию. Если решительный бой произойдет на расстоянии одного или нескольких переходов от осажденной крепости, то можно снять осаду раньше, чем неприятель успеет приблизиться, и убраться на переход отходящий осадный парк.

В вопросе о расположении обсервационной армии прежде всего необходимо решить, на каком удалении от осажденной крепости ей следует находиться. В большинстве случаев этот вопрос разрешается в связи с условиями местности или положением других армий и отрядов, с которыми осаждающая армия хочет сохранить связь. В остальном нетрудно усмотреть, что при увеличении расстояния достигается лучшее прикрытие осады, а при небольшом расстоянии, не превышающем нескольких миль, армиям, осаждающей и прикрывающей, легче оказать поддержку друг другу.

Глава 18.

Нападение на транспорты

Атака и оборона транспорта - дело тактики, и о них можно было бы здесь не упоминать, если бы в известной степени не требовалось предварительно установить условия возможности этих действий, что относится к области стратегии. Мы могли бы, конечно, затронуть эту тему, говоря об обороне, но то немногое, что по этому поводу вообще может быть высказано, легко изложить одновременно применительно и к наступлению и к обороне, причем первое в разбираемом вопросе играет главную роль.

Среднего размера транспорт в 300 или 400 повозок с любым грузом растягивается в длину на полмили, более значительный - на несколько миль. Каким же образом можно прикрыть столь растянутый участок теми ничтожными силами, какие обычно сопровождают обозы? Если прибавить к этому еще малоподвижность всей этой массы, ползущей чрезвычайно медленно и находящейся под постоянной угрозой замешательства; если к тому же принять во внимание, что каждую часть транспорта надо прикрывать отдельно, так как если противник настигнет эту часть, то весь транспорт придет в смятение, невольно возникает вопрос: возможно ли вообще защищать и прикрывать подобного рода обозы или, иными словами, почему не все атакованные транспорты бывают взяты и почему не все нуждающиеся в прикрытии, т.е. доступные нападению, бывают атакованы?

Ведь бесспорно, что любые тактические меры, как, например, совершенно непрактичное сокращение растяжки транспорта посредством непрерывного вытягивания и выстраивания его, предлагаемое Темпельгофом, или, что много лучше, разделение его, по совету Шарнгорста, на несколько колонн, не могут сколько-нибудь существенно ослабить основные невыгоды обороны транспорта

Разрешение загадки заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев безопасность транспортов обеспечивается стратегической обстановкой. В этом преимущество транспортов перед всеми другими частями армии, доступными воздействию на них неприятеля, в этом и причина дееспособности даже ничтожных средств транспортной обороны. Транспорты почти всегда находятся в тылу собственной армии или, по меньшей мере, на значительном расстоянии от неприятельской. Поэтому против них могут быть направлены лишь небольшие отряды, которые к тому же оказываются вынужденными выделять крупные резервы для прикрытия самих себя. К этому нужно добавить, что вследствие неуклюжести транспортных повозок нападающий, даже захватив их, все же обычно их не увозит, а ограничивается тем, что обрубит построения, уведет лошадей, взорвет зарядные ящики и т.д., что, конечно, задержит и дезорганизует транспорт, но не погубит его окончательно. Все сказанное достаточно ясно доказывает, что безопасность транспорта зависит в большей степени от общих стратегических условий, чем от сил его прикрытия. А если вдобавок это прикрытие, хотя и не имеющее возможности оказать непосредственной защиты всему транспорту, произведет решительный

натиск, то может расстроиться весь план неприятельского нападения. Таким образом, в конце концов оказывается, что нападение на транспорты не только не обещает верного успеха, но, наоборот, представляет изрядные трудности, и результаты его являются необеспеченными.

Но остается еще главное - возможность возмездия со стороны противника, который, узнав о нападении на его транспорт, захочет отомстить и, чтобы наказать противника, нанесет ему решительное поражение. Боязнь этого заставляет отказываться от множества начинаний, причем настоящая причина такой нерешительности остается неизвестной; ее объясняют наличием прикрытия и недоумевают, как оно, несмотря на свои жалкие возможности, в состоянии внушить к себе так много уважения. Чтобы почувствовать всю справедливость сказанного, вспомним о знаменитом отступлении Фридриха Великого через Богемию в 1758 г. после снятия им осады Ольмюца, когда половина его армии была разбита на отряды для прикрытия обоза, состоявшего из 4000 фургонов. Что же помешало Дауну напасть на это уродливое чудище? Конечно, страх, что король нападет на него с остальной половиной своей армии и втянет его в сражение, к которому Даун не стремился. Что воспрепятствовало Лаудону у Чишбовиц раньше и решительнее напасть на транспорт, вблизи от которого он все время находился? Опять-таки опасение хорошо получить по рукам. Находясь в 10 милях от своей главной армии, но совершенно от нее отрезанный армией пруссаков, он опасался возможности чувствительного поражения в том случае, если бы король, которого Даун вовсе не связывал, бросился на него с большей частью своих сил.

Транспортам лишь тогда угрожает действительная и большая опасность и, следовательно, лишь тогда они являются выгодным объектом для атаки, когда стратегическое положение армии таково, что она находится в противоестественных условиях и ей доставляют все необходимое не из тыла, а с фланга или даже из впереди лежащей местности. Уже упоминавшийся поход 1758 г. дает нам пример удачного захвата транспорта у Домштедтеля. Дорога в Нейссе тянулась влево от расположения пруссаков, а силы короля были настолько связаны осадой и необходимостью выставить заслон против Дауна, что австрийским партизанам не приходилось опасаться за себя и они могли с полным спокойствием приступить к своему нападению.

В 1712 г. Евгений Савойский во время осады Ландресси подвозил снабжение осадной армии из Бушена через Денен, т.е. по местности, лежавшей перед фронтом его стратегической группировки. Известно, к каким мерам ему пришлось прибегнуть для осуществления прикрытия в столь тяжелых условиях и в какое он попал затруднительное положение, приведшее к коренному изменению всего хода кампании[290].

Окончательный наш вывод сводится к тому, что хотя атака транспортов и представляется с точки зрения тактики предприятием очень легким, но в действительности осуществить ее далеко не так легко по причинам стратегическим, и успеха можно ждать лишь в том случае, если сообщения противника значительно более открыты, чем это имеет место обычно.

Глава 19.

Нападение на квартирное расположение неприятельской армии[291]

Предмет, о котором мы предполагаем говорить здесь, не был рассмотрен нами, когда мы говорили об обороне, так как расквартирование - по существу только состояние, в котором находится армия, а не оборонительное средство, причем это состояние связано с резким понижением боевой готовности. По поводу такой неподготовленности мы ограничили наши суждения тем, что в XIII главе 5-й части было высказано нами о подобном состоянии войск.

Здесь, говоря о наступлении, мы должны упомянуть о квартирном расположении противника как об особом объекте нападения, тем более что такое нападение носит характер исключительно своеобразный и может оказаться весьма действительным приемом стратегии. Следовательно, речь здесь будет идти не о внезапном нападении на отдельные квартиры неприятеля или на небольшой его отряд, расквартированный в нескольких деревнях, ибо организация такого нападения целиком дело тактики, но о наступлении на значительные силы, более или менее широко разбросанные по квартирам, так что целью наступления явится не нечаянное нападение на часть квартирной территории, а воспрепятствование сбору сил противника.

Атака неприятельской армии, расположенной по квартирам, является нападением на не сосредоточившуюся еще армию. Нападение можно назвать удачным, если: армия противника не успеет собраться в предварительно намеченном ею пункте и будет вынуждена избрать иной пункт, находящийся в более глубоком ее тылу. А так как отнесение назад этого сосредоточения, производимое в тяжелые минуты, редко бывает меньше, чем на один дневной переход, обычно же достигает нескольких переходов, то оно связывается с потерей территории, и в этом заключается первая выгода, которая выпадает на долю наступающего.

Такое нападение, нацеленное на противника, может вначале, конечно, являться и внезапной атакой некоторых участков расквартирования, правда, не всего сразу и даже не многих участков, так как последнее повело бы к значительному расширению фронта наступающей армии и ее разброске, что ни в коем случае не желательно. Из сказанного следует, что нечаянному нападению могут подвергнуться только те участки расквартирования неприятеля, которые лежат на пути наступающих колонн, да и это редко увенчивается полным успехом, так как приближение значительных сил редко остается незамеченным. Тем не менее отнюдь не следует пренебрегать и этим элементом наступления, на достигаемые им результаты мы смотрим, как на вторую выгоду, получаемую от такого нападения.

Третьей выгодой являются те частные бои, в которые будет вынужден втянуться противник; в них он может понести тяжелые потери. Значительная масса войск сосредоточивается на сборный пункт не побатальонно, а предварительно собирается в бригады, дивизии или корпуса; такие крупные соединения не могут бежать стремглав к назначенному месту и бывают вынуждены, если па них натолкнется неприятельская колонна, вступить с ней в бой. Правда, можно допустить, что следующие к сборному пункту части окажутся победителями, если колонна наступающего недостаточно сильна, но даже в случае победы она теряет время; да и вообще легко понять, что при таких условиях и при общей тенденции поскорей достигнуть позади расположенного пункта победитель едва ли сможет извлечь какую-либо выгоду из своей победы. Но следующие к сборному пункту части могут быть и разбиты, и это тем вероятнее, что у них не будет времени для того, чтобы подготовиться к надлежащему отпору. Поэтому мы вправе предположить, что наступающий при правильно задуманном и хорошо выполненном нападении захватит в этих частных боях значительные трофеи, которые явятся наиболее существенным слагаемым общего успеха.

Наконец, четвертая выгода, венчающая все предприятие, - известная временная дезорганизация неприятельской армии и упадок духа в ней, что редко позволяет немедленно использовать собравшиеся в конце концов силы. Подвергнувшийся нападению обычно бывает вынужден очистить еще часть территории и вообще внести резкие изменения в ход намеченных им операций.

Таковы обычно результаты удачного нападения на неприятельское квартирное расположение, т.е. такого нападения, при котором противник был лишен возможности сосредоточить без потерь свои войска там, где это было предусмотрено его планом. Но размер успеха по природе самого дела может быть самых различных степеней, и результат в одном случае будет весьма значителен, а в другом совершенно ничтожен. Однако даже тогда, когда результаты очень существенны, так как предприятие оказалось чрезвычайно успешным, значение его все же редко можно приравнять к тем выгодам, какие приносит выигранный генеральный сражения; это объясняется отчасти тем, что в первом случае количество трофеев редко бывает столь же значительно, как во втором, а отчасти тем, что моральное впечатление не может расцениваться столь высоко.

Этот общий результат необходимо всегда иметь в виду и не ожидать от рассматриваемого предприятия более того, что оно в состоянии дать. Некоторые считают нападение на квартиры за *non plus ultra*^[292] наступательной деятельности, но, как мы видим из подробного разбора всех его сторон и из опыта военной истории, оно таковым отнюдь не является.

Одним из блистательнейших внезапных нападений было нападение у Дутлингена герцога Лотарингского в 1643 г. на французские квартиры. Французский корпус в 16000 человек потерял своего командующего генерала Ранцау и 7000 человек. Поражение было полное; к такому результату привело полное отсутствие сторожевого охранения.

Нападение, которому подвергся Тюрэнн в 1644 г. под Мергентгеймом (Мариендаль, как его называют французы), по своему результату было равносильно поражению, так как Тюрэнн из 8000

человек потерял 3000. Однако такие потери он понес главным образом потому, что, сосредоточив не полностью свои войска, он преждевременно решил дать противнику отпор. Но на такие действия нормально рассчитывать нельзя; в данном случае это явилось скорее результатом плохо обдуманного сражения, а не самого нападения. Тюренн легко мог избежать боя и соединиться с частью войск, занимавшей дальние квартиры.

Третье прославленное нападение было совершено Тюренном в 1674 г. в Эльзасе против армии союзников, находившейся под начальством великого курфюрста, имперского генерала Бурнонвиля и герцога Лотарингского. Трофеи Тюренна были незначительны. Потери союзников не превышали 2000-3000 человек, что не могло иметь решающего значения при общей численности армии в 50 000 человек; однако союзники сочли невозможным дальнейшее сопротивление в Эльзасе и отступили за Рейн. Этот стратегический успех и явился как раз тем, чего Тюренн добивался, но причину успеха не следует искать в самом нападении. Нападение Тюренна расстроило не столько войска противников, сколько их планы, остальное довершили разногласия союзных полководцев и близость Рейна. Вообще это событие заслуживает более тщательного изучения, так как обычно оно истолковывается ложно.

В 1741 г. Нейперг внезапно напал на расквартирование Фридриха Великого, но весь успех выразился в том, что король был вынужден принять у Мольвица сражение с перевернутым фронтом и с не вполне сосредоточенными силами.

В 1745 г. Фридрих Великий напал на квартиры герцога Лотарингского в Лузании (Лаузице). Главный выигрыш при этом заключался в действительно внезапном нападении на Геннерсдорф, самый значительный из пунктов австрийского расквартирования, причем австрийцы потеряли 2000 человек. Общий же результат выразился в том, что герцог Лотарингский отступил через верхний Лаузиц в Богемию, что, однако, ему не помешало опять вернуться в Саксонию по левому берегу Эльбы, так что без нового сражения у Кессельдорфа кампания закончилась бы без значительного результата.

В 1758 г. герцог Фердинанд Брауншвейгский внезапно напал на расквартирование французов, потерявших при этом несколько тысяч человек и оказавшихся вынужденными отнести свою группировку за реку Адлер. Но моральное впечатление от нападения, пожалуй, сказалось в дальнейшем и отразилось на последовавшем очищении французами всей Вестфалии.

Если бы мы пожелали подытожить выводы из всех перечисленных примеров, то лишь первый и второй могут быть приравнены по значению своего успеха к выигранному сражению. Но в обоих этих случаях масса была малочисленна в отсутствовало охранение, что чрезвычайно облегчало нападение. Что же касается четырех остальных случаев, то хотя их и следует отнести к числу вполне удавшихся предприятий, они все же никак не могут быть приравнены по своим результатам к выигрышу сражения. Одержанные в них успехи могли быть достигнуты лишь по отношению к противнику со слабой волей и характером; потому-то и не могли добиться успеха в 1741 г. австрийцы, имевшие дело с Фридрихом Великим.

У пруссаков в 1806 г. был выработан план нападения на квартирное расположение французов во Франконии. Обстоятельства этому благоприятствовали: Бонапарт отсутствовал, французские корпуса были широко разбросаны по квартирам. В этих условиях прусская армия могла рассчитывать, что решительным и быстрым натиском ей удастся с большими или меньшими потерями отбросить французов за Рейн. Но на большее надеяться было бы неосновательно: не было никаких данных предполагать, что успех может быть развит и возможно будет продолжать преследование за Рейном или что будет достигнут такой моральный перевес, что французы не осмелятся в эту кампанию опять появиться на правом берегу Рейна.

В начале августа 1812 г., когда Наполеон остановил свою армию на отдых у Витебска, русские предполагали напасть из Смоленска на французское расквартирование. Однако, к счастью для русских, на это у них не хватило смелости, так как не только центральная группа французов превосходила вдвое силы русских, но возглавлял ее самый решительный полководец из всех когда-либо существовавших. Потеря французами пространства в несколько миль сама по себе еще ничего не решала, так как поблизости не было такого рубежа, до которого русские могли бы довести свое наступление и там закрепиться; да и война 1812 г. не была из разряда походов, вяло плетущихся к своему концу, но являлась выполнением серьезного плана наступающего, поставившего своей целью

полное сокрушение противника, и потому мелкие выгоды, какие могла бы доставить русским их атака на расквартирование французов, были несоизмеримо ниже поставленной цели и никак не могли уравновесить огромное неравенство условий и сил. Но самая возможность подобной попытки показывает, как неясное представление о действительности этого средства может привести к совершенно ошибочному его применению.

Все сказанное освещает данный предмет как средство стратегии. Однако и осуществление его относится не только к тактике, но по самой его природе частично принадлежит к области стратегии, поскольку подобное нападение обычно протекает на довольно широком пространстве и наступающая армия может быть вовлечена в бой по частям, как это обычно и случается, так что вся операция представляет агломерат из отдельных боев. Поэтому нам остается сказать еще несколько слов о наиболее естественной организации подобного наступления.

Важнейшие требования будут следующие:

1. Атаковать неприятельское расквартирование достаточно широким фронтом, так как в таком случае будут иметь место нечаянные нападения на несколько квартирных районов, а другие будут отрезаны и в неприятельскую армию будет внесена дезорганизация. Что же касается числа колонн и интервалов между ними, то это зависит от обстановки.

2. Колонны наступающего должны направляться концентрически к пункту, намечаемому для их соединения, так как и противник в конце концов в большей или меньшей мере сосредоточит свои силы. Пунктом соединения для атакующего будет по возможности сборный пункт противника, или же он может быть выбран на пути его отступления, и всего лучше там, где этот путь пересекает какой-либо естественный рубеж.

3. Отдельные колонны при встрече с силами противника должны атаковать их смело и решительно. На их стороне все выгоды обстановки, и потому полный риск уместен. Ввиду этого начальникам отдельных колонн должны быть предоставлены в данном случае большая свобода и полномочия действовать по усмотрению.

4. Планы тактического наступления против первых преграждающих путь отрядов противника должны быть всегда рассчитаны на их обход, так как главного успеха надо ожидать от разъединения неприятельских частей.

5. Каждая колонна должна состоять из всех родов войск и не страдать от отсутствия кавалерии. При некоторых обстоятельствах полезно распределить между этими колоннами всю резервную кавалерию; было бы ошибочно предполагать, что резервная кавалерия как таковая может сыграть в данном предприятии существенную роль. Ее в состоянии остановить первая встречная деревушка, малейший мост, самая незначительная роща[293].

6. Хотя по самой природе нечаянного нападения требуется, чтобы наступающий не выдвигал слишком далеко вперед своих авангардов, однако это относится лишь к моменту приближения к противнику. Раз бой уже начался на фронте неприятельского расквартирования и, таким образом, то, что можно было непосредственно выиграть от нечаянности, уже исчерпано, каждая колонна должна выдвинуть свой авангард из всех родов войск возможно дальше; эти авангарды благодаря большой своей подвижности могут значительно усилить смятение в войсках противника. Лишь этим способом удастся захватить то тут, то там обозы, артиллерию, командированных, отставших, которые обычно тянутся за поспешно снявшимися со стоянки войсками. Такие авангарды должны служить главным средством для обхода и отрезывания отдельных неприятельских частей.

7. Наконец, следует заранее на случай неудачи обдумать путь и порядок отступления и наметить сборный пункт для армии.

Глава 20. **Диверсия**

Под словом "диверсия" обычно подразумевают такое нападение на неприятельскую территорию,

посредством которого силы противника отвлекаются от важнейшего пункта. Лишь в тех случаях, когда основное намерение заключается именно в этом, а не в захвате объекта наступления, операция получает своеобразный характер; в противном же случае ее следует рассматривать как обычную атаку.

Понятно, что несмотря на это диверсия должна иметь все же объект нападения, так как только ценность этого объекта сможет заставить противника выделить часть войск для его защиты. Кроме того, если предприятие и не удастся как диверсия, то овладение подобным объектом должно являться возмещением затраченных на него сил.

Объектами диверсии могут быть: крепости, значительные склады или богатые большие города, особенно столицы, возможность сбора всякого рода контрибуций и, наконец, способствование восстанию недовольных подданных противника.

Что диверсии могут быть полезны - понять нетрудно, по несомненно они приносят пользу не всегда; иногда, напротив, они причиняют только вред. Первое требование к диверсии заключается в том, чтобы она оттянула от главного театра войны больше сил противника, чем мы сами употребили на диверсию. Если бы она отвлекла силы, по количеству только равные нашим, то действие собственно диверсии равнялось бы нулю, а она сама превратилась бы в наступление побочного характера. Вспомогательное наступление, предпринятое при благоприятной обстановке с целью небольшими силами достигнуть непропорционально крупных результатов, например, не затрачивая усилий, захватить важную крепость, - не может быть названо диверсией. Правда, его часто называют нападением нового противника на государство, находящееся уже в войне, но такое наступление отличается от обычного лишь направлением удара, и потому нет оснований давать ему особое наименование, так как в теории особыми названиями следует обозначать лишь своеобразные явления.

Но для того, чтобы более слабые силы привлекли на себя более крупные, необходимо наличие особых обстоятельств, и потому какой-нибудь летучий отряд, высланный в неприятельский район, не затронутый еще войной, не соответствует назначению диверсии.

Если наступающий отправит небольшой отряд в 1000 человек в неприятельскую провинцию, лежащую вне главного театра войны, с целью собрать там контрибуцию и т.п., то, конечно, можно ожидать, что противник будет не в состоянии воспрепятствовать этому намерению посылкой таких же 1000 человек и будет вынужден отрядить значительно большее количество своих войск, чтобы обеспечить провинцию от налетов. Но не может ли обороняющийся вместо защиты своей провинции восстановить нарушенное равновесие нападением на нашу, дабы ее подвергнуть той же участи? Следовательно, чтобы отсюда для нас получилось какое-нибудь преимущество, надо установить, что из провинции противника можно извлечь больше, чем из пашей, или что занятие ее угрожает более значительным интересам, чем занятие нашей. Если это так, то несомненно, даже очень слабая диверсия способна оттянуть на себя силы, несравненно большие затраченных нами на нее.

Однако по самой природе диверсии ее выгоды уменьшаются с ростом вводимых в дело масс, так как 50 000 человек могут с успехом защищать средних размеров провинцию не только против такого же количества нападающих войск, но и несколько большего. Таким образом, преимущество, получаемое при крупной диверсии, является чрезвычайно сомнительным; чем крупнее диверсия, тем благоприятнее для нее должны быть прочие обстоятельства, чтобы из нее получился какой-либо прок.

Этими обстоятельствами, способствующими диверсии, являются:

- а) наличие вооруженных сил, которыми можно располагать для диверсии, не ослабляя главного наступления;
- б) наличие у обороняющегося объектов, имеющих большую важность, которым можно угрожать при помощи диверсии;
- в) недовольство подданных противника;
- г) богатство провинции, могущее доставить значительные средства для войны.

Но если будут предприниматься лишь те диверсии, которые, будучи оценены с этих различных точек зрения, обещают успех, то окажется, что случаев для них представляется не слишком много.

К сказанному следует прибавить еще одно существенное замечание. Каждая диверсия подвергает бедствиям войны такую местность, которой без этого военные действия не коснулись бы; поэтому диверсия вызывает к жизни какие-то новые неприятельские силы, которые сами по себе оставались бы в покое; с этим приходится считаться особенно тогда, когда противник подготовил организацию милиции и народного ополчения. Вполне естественно и подтверждено опытом, что когда тот или иной район внезапно подвергается угрозе вторжения сил противника, а к обороне мер не принято, то все дельные чиновники, которые в нем окажутся, начнут изыскивать и претворять в действительность все мыслимые чрезвычайные мероприятия, способные предотвратить нависшую опасность. Таким путем здесь зарождаются новые силы для сопротивления, и притом в такой форме, которая напоминает народную войну и легко может ее вызвать.

Это обстоятельство должно быть учтено, дабы не выкопать себе самим могилы.

Экспедиции в Северную Голландию в 1799 г. и на остров Вальхерн в 1809 г. оправдываются с точки зрения диверсии только тем, что использовать иначе английские войска не было возможности; однако не подлежит сомнению, что диверсии эти в результате увеличили сумму средств сопротивления французов и любая высадка в самой Франции вызвала бы аналогичные последствия. Конечно, угроза высадки на берегах Франции дает много выгод, нейтрализуя значительное количество войск, несущих службу береговой охраны, но сама высадка крупных сил найдет себе оправдание лишь в том случае, если можно рассчитывать на содействие населения какой-либо провинции против своего же правительства.

Чем меньше оснований ожидать на войне крупного решения, тем уместнее диверсии, но вместе с тем и полученный от них выигрыш будет меньше. При победных обстоятельствах диверсии явятся средством дать движение замирающей на месте массе.

Выполнение.

1. Диверсия может заключать в себе подлинное наступление; тогда выполнение ее не носит особого, только ей присущего характера, кроме емкости и быстроты.

2. Диверсия может поставить себе целью произвести более внушительное впечатление, чем то, которого она заслуживает; в этом случае она является одновременно и демонстрацией. Какие особые меры должны быть применены при этом, может подсказать лишь изворотливость ума, хорошо осведомленного об обстоятельствах и людях. При наличии такой цели, естественно, всегда имеет место значительная разброска сил.

3. Если силы довольно значительны, а отступление ограничено лишь некоторыми пунктами, то существенным условием является особый резерв, на который могло бы опереться ведение всей операции.

Глава 21. Вторжение

То, что мы можем сказать по вопросу о вторжении, сводится почти исключительно к области терминологии. Это выражение встречается часто у новейших писателей, употребляющих его с какой-то претензией обозначить им некое особое явление. Французы постоянно говорят о *guerre d'invasion* [294], называя так наступление далеко в глубь неприятельской страны, причем противопоставляют это наступление методическому, т.е. такому, которое лишь грызет края страны. Но все это лишь словесная путаница, притом далеко не философского характера. Останавливается ли наступление близ границы или проникает в глубь страны, стремится ли оно прежде всего к захвату крепостей или ищет и непрерывно преследует ядро неприятельских сил, - все это зависит не от той или другой манеры [295], а вытекает из обстановки. В некоторых случаях, несмотря на продвижение далеко вперед, война ведется методичнее и даже осторожнее, чем тогда, когда медлят вблизи границы. В большинстве же случаев далекое вторжение не что иное, как счастливый результат энергично предпринятого

наступления, от которого, следовательно, оно ничем не отличается.

Кульминационный пункт победы[296]

Не во всякой войне победитель в состоянии окончательно сокрушить своего противника. Часто, и даже в большинстве случаев, наступает кульминационный пункт победы. Опыт войны в достаточной мере указывает на это; но так как этот вопрос является особо важным для теории войны и ложится в основу почти всех планов кампаний, причем на его поверхности искрятся кажущиеся противоречия, как игра лучей в изменчивых красках, то взглянем на него пристальнее и вскроем его сущность.

Обычно источником победы является перевес суммы всех физических и моральных сил; победа бесспорно увеличивает этот перевес, иначе не добивались бы ее так и не покупали бы ее столь дорогой ценой. Безусловно, победа сама по себе усиливает этот перевес; это также относится и к ее последствиям, но не до самого конца, а лишь до известного пункта. Последний может находиться очень близко и иногда лежит так близко, что все последствия победоносного сражения сводятся лишь к усилению морального превосходства. Взаимная зависимость всего этого и будет служить предметом нашего исследования.

По мере хода военных действий вооруженные силы постоянно соприкасаются с одними элементами, наращивающими их, и с другими, умалшающими их. Вопрос сводится к тому, на стороне каких элементов окажется перевес. Всякое уменьшение сил одной стороны надо рассматривать как увеличение сил другой, и этот двойственный поток прилива и отлива имеет место как при продвижении вперед, так и при отходе назад.

Достаточно исследовать основную причину экого изменения в одном случае, чтобы тем самым решить вопрос и в другом.

Главные причины усиления наступающего при его продвижении вперед будут следующие:

1. Потери вооруженных сил обороняющегося, ибо обычно они превышают потери наступающего.
2. Обороняющийся терпит утрату своих мертвых средств борьбы: складов, депо, мостов и пр., между тем как наступающий этих потерь не знает.
3. С момента занятия наступающим части областей противника последний теряет в них источник для содержания и пополнения своих боевых сил.
4. Частичное использование наступающим этих источников, иными словами, использование преимущества жить на счет противника.
5. Потери неприятельским государством внутренней связи и правильности функционирования всех его частей.
6. Союзники противника отступают от него, кое-кто из них присоединяется к наступающему. И наконец:
7. Уныние в рядах противника, которое может дойти до того, что оружие будет валиться у него из рук.

Причины ослабления при наступлении заключаются в следующем:

1. Наступающий вынужден осаждать, штурмовать или наблюдать за неприятельскими крепостями, возможно, что противник до одержанной над ним победы проделывал все это по отношению к нашим крепостям, но при отступлении он отзывает к себе все выделенные с этой целью силы.

2. С момента вступления на территорию противника изменяются условия театра войны; он становится враждебным нам, приходится им овладевать, так как он принадлежит нам лишь постольку, поскольку мы заняли его; но и занятый нами, затрудняет повсюду работу всего механизма нашей армии, что несомненно, ведет к ослаблению его действия.

3. Наступая, мы удаляемся от источников нашего снабжения, между тем как противник приближается к своим, отсюда задержка в пополнении израсходованных сил.

4. Угроза неприятельскому государству нередко побуждает другие государства выступить на его защиту. И наконец:

5. Увеличение опасности вызывает рост усилий противника, тогда как усилия побеждающего государства ослабевают.

Все эти выгоды и невыгоды могут соприкасаться, сталкиваться и затем продолжать свой путь совместно. Лишь упомянутые последними[297] противостоят друг другу как подлинные антитезы и при встрече одна с другой разойтись не могут и друг друга взаимно исключают. Уже это одно показывает, как бесконечно разнородны могут быть последствия победы в зависимости от того, ошеломит ли она противника или, наоборот, побудит его к новым, еще более напряженным усилиям.

Мы попытаемся охарактеризовать в нескольких словах каждый перечисленный раздел.

1. Потери неприятельских вооруженных сил могут быть намного значительнее наших в первый момент после понесенного ими поражения, а затем с каждым днем они будут постепенно уменьшаться, пока не достигнут равновесия с нашими потерями, но они могут точно так же возрастать с каждым днем в нарастающей прогрессии. Решающим фактором явится различие в положении и обстоятельствах. Обычно первое явление наблюдается у хорошей армии, а второе - у плохой, в этих случаях наряду с духом армии решимость правительства играет исключительную роль. На войне крайне важно различать оба этих случая, дабы не останавливаться там, где как раз надо бы начать действовать, и наоборот.

2. Точно так же потери противника мертвыми средствами борьбы могут возрастать и уменьшаться, это находится в зависимости от местоположения и состояния его складов. Впрочем, в наше время подобные потери не имеют по сравнению с другими крупного значения[298].

3. Третья выгода должна, естественно, расти по мере продвижения вперед, более того, она вообще начинает играть известную роль лишь с того момента, когда мы далеко проникаем в глубь неприятельской страны, т.е. когда позади нас остается от одной четверти до трети его территории. Впрочем, в данном случае надо учитывать внутреннюю ценность данного района в военном отношении.

Точно так же с продвижением вперед возрастает и выгода, указанная в п. 4.

Но относительно этих двух последних выгод следует отметить, что их влияние редко сказывается в ближайшем времени на борющихся вооруженных силах. Их влияние распространяется медленно, окольными путями, и потому ради них не стоит слишком сильно натягивать тетиву и ставить себя в опасное положение.

Пятое преимущество сказывается опять-таки лишь тогда, когда наступающий значительно продвинется вперед и конфигурация неприятельской страны позволяет отрезать от нее несколько провинций, которые, подобно оторванным членам, обычно скоро отмирают.

По поводу выгод, указанных в пп. 6 и 7, можно с некоторою вероятностью предположить, что они будут возрастать в связи с нашим продвижением вперед, но об этом мы еще поговорим.

Перейдем теперь к причинам ослабления.

1. Вместе с успехом наступления в большинстве случаев умножается необходимость в осаде,

штурме или блокаде крепостей. Одно это обстоятельство оказывает настолько сильное влияние на состояние вооруженных сил, что легко может уравновесить все выгоды. Правда, в последнее время начали блокировать крепости небольшими силами или даже ограничиваются мелкими отрядами для наблюдения за ними. К тому же противник также должен выделить гарнизоны для крепостей. Но тем не менее крепость - важный фактор обороны. Гарнизоны обычно лишь наполовину состоят из людей, взятых из действующей армии. Перед крепостью, расположенной вблизи наших линий сообщения, приходится оставлять силы, вдвое превышающие численность гарнизона, а при стремлении начать правильную осаду хотя бы одной значительной крепости или при желании вынудить ее голодом к сдаче необходима небольшая армия.

2. Вторая причина - отсутствие предварительной организации театра войны в неприятельской стране - неизбежно нарастает в своей действенности с продвижением вперед; хотя причина эта и не отражается немедленно на состоянии вооруженных сил, но тем сильнее сказывается на них с течением времени.

Мы можем считать своей только ту часть территории противника, которая нами занимается, т.е. где мы оставили небольшие действующие отряды или расположили гарнизоны, - главнейшие города, этапы и т.д. Как ни скупо будут отмерены эти гарнизоны, все же выделение их значительно ослабит наши вооруженные силы. Но это еще не самое существенное.

У каждой армии имеются свои стратегические фланги; мы имеем в виду местность, которая тянется по обе стороны ее сообщения. В таком же положении находится и неприятельская армия; поэтому слабость этих флангов не столь заметна. Это имеет место, пока армия находится в собственной стране; но если мы окажемся на неприятельской территории, то слабость эта станет весьма чувствительной; при растянутых сообщениях, притом слабо или вовсе не прикрытых, самое незначительное покушение на них противника обещает известный успех, а такие покушения в неприятельской стране возможны повсюду[299].

Чем дальше продвинемся мы, тем фланги[300] становятся длиннее и опасность увеличивается в возрастающей прогрессии; создать для них надежное прикрытие очень трудно, а растянутость и незащищенность сообщений являются главной причиной, порождающей дух предприимчивости у противника. Последствия же утраты сообщения в случае отступления могут оказаться серьезными.

Все это вместе взятое создает для армии с каждым ее шагом вперед все увеличивающееся бремя, и если у нее вначале не было исключительного превосходства, то размах ее планов постепенно суживается, ее ударная сила слабеет, и она в конце концов начинает испытывать беспокойство и неуверенность в своем положении.

3. Третья причина - отдаленность от источников, которые должны непрерывно пополнять столь же непрерывно тающие вооруженные силы. Армия, движущаяся на завоевание, подобна пламени в лампе; чем ниже становится уровень питающего ее масла, тем больше становится расстояние между пламенем и маслом, и пламя делается меньше, пока не погаснет совершенно.

Правда, богатство завоеванного края может в значительной мере уменьшить зло, но никогда не устранил его полностью; ведь многое возможно получить лишь из собственной страны, хотя бы, например, людей. Далее, заготовки в неприятельской стране обычно не производятся с такою быстротой и надежностью, как в своей собственной, и внезапно возникшую потребность нельзя так скоро удовлетворить, а недоразумения и ошибки всякого рода не так легко выявить и исправить.

Если глава государства не самолично ведет армию, что случается все чаще, если он от нее находится на расстоянии, то возникает новое и значительное неудобство, заключающееся в потере времени на непрерывные запросы и донесения, так как даже и наиболее широкие полномочия не могут охватить всей обширной области деятельности полководца.

4. Изменения в политических отношениях. Если такие изменения, вызванные победой, направляются во вред победителю, то нарастание вражды к нему, по всей вероятности, будет пропорционально его победоносному продвижению вперед; та же зависимость сохранится и в случае перемены отношения в его пользу. В подобном случае все зависит от существующих политических

связей, взаимоотношении, интересов, политических течений, от монархов, их министров, от фаворитов и любовниц и т.д. В общем можно лишь сказать, что когда терпит поражение большое государство, у которого есть мелкие союзники, то они обычно торопятся отречься от него, так что победитель с каждым нанесенным им ударом становится сильнее; но если побежденное государство невелико, то оно приобретает себе покровителей всего скорее тогда, когда опасность будет угрожать самому его существованию, и в этом случае другие государства, помогавшие расшатывать его, возможно, обратятся против победителя, чтобы воспрепятствовать окончательному уничтожению побежденного.

5. Рост неприятельского сопротивления. Бывает, что побежденный ошеломлен настолько, что под влиянием страха выпускает из своих рук оружие, а иногда бывает, что побежденного охватывает такой пароксизм воодушевления, что все берутся за оружие и сопротивление после первого поражения становится во много раз сильнее. Для того, чтобы предвидеть, что именно последует, надо учитывать характер народа и его правительства, природу страны и ее политические связи.

Одни только обстоятельства, указанные в двух последних пунктах, вносят нескончаемое разнообразие в планы, которые в том или другом случае составляются и должны быть составляемы. Поэтому случается, что один упускает счастье своею боязливостью или так называемыми методическими действиями, а другой вследствие необдумашности попадает в пучину гибели.

Не забудем еще и ослабления энергии, которое нередко проявляется у победителя, когда опасность удаляется, между тем как именно тогда требуются новые усилия, чтобы использовать победу. Окинув одним взглядом все эти различные и противоречивые начала, мы приходим к твердому убеждению, что использование победы и продвижение вперед при наступательной войне в большинстве случаев умаляют то превосходство сил, с которыми наступление было начато или которое было приобретено победой.

Здесь невольно рождается вопрос: но если это так, то что же побуждает победителя стремиться по орбите своей победы и продолжать наступление? И можно ли еще называть это использованием победы? Не лучше ли было бы остановиться, пока еще вовсе не началось уменьшение достигнутого перевеса?

На это, конечно, следует ответить, что перевес сил является не целью, а средством. Цель же заключается или в том, чтобы сокрушить врага, или по меньшей мере в том, чтобы отнять у него часть его территории, чтобы извлечь из этого выгоду если не для данного состояния вооруженных сил, то для ведения войны и заключения мира. Даже когда мы намереваемся окончательно сокрушить врага, все же приходится мириться с тем, что каждый наш шаг вперед уменьшает наше превосходство; отсюда еще отнюдь не следует, что это превосходство превратится в нуль раньше, чем прекратится сопротивление противника; прекращение последнюю может последовать и раньше. А если сокрушение противника возможно при том минимуме перевеса, который у нас еще остается, то было бы ошибкой не использовать его.

Итак, перевес, который имеется или приобретается на войне, является не целью, а только средством, которое следует использовать для достижения цели. Но надо знать пункт, до которого перевес простирается, дабы не перейти через него и не пожалеть позора вместо новых успехов.

Нам нет необходимости доказывать примерами, что стратегический перевес именно так исчерпывается в стратегическом наступлении; напротив, множество таких явлений и заставило нас искать их сокровенные причины. Только с появлением Бонапарта нам стали известны войны между цивилизованными пародами, в которых перевес непрерывно сохранялся до прекращения неприятельского сопротивления[301]. До Бонапарта всякая кампания заканчивалась тем, что победоносная армия старалась достигнуть такого пункта, на котором она могла бы удерживаться в состоянии равновесия с противником. По достижении этой точки победное шествие прекращалось, а иногда оказывалось необходимым даже отступление. Этот кульминационный пункт победы найдет свое место и в будущем во всех войнах, в которых сокрушение противника не сможет явиться целью военных действий, а войны такого рода и в будущем будут представлять большинство. Достижение поворотного пункта от наступления к обороне - естественная цель каждого конкретного плана кампании.

Переступив за указанный предел, мы не только будем напрасно напрягать наши силы, что не даст никаких дальнейших успехов, но будем расходовать их пагубно, вызывая реакцию, и притом такую, которая по не знающему исключений историческому опыту ведет к совершенно несоответственным по тяжести последствиям. Это явление так обычно и так естественно, что нам нет надобности обстоятельно излагать все его причины. Главнейшие из них во всех случаях: во-первых, победитель не успел еще устроиться на завоеванной территории и, во-вторых, воздействие на армию резкого контраста между случившейся крупной неудачей и ожидаемыми новыми успехами. В подобных положениях особое значение получают силы морального порядка, подъем духа, доходящий до дерзости, у одной из сторон и уныние у другой. Поэтому при отступлении потери становятся больше, и вчерашний победитель обычно благодарит судьбу, если ему удастся отделаться одним лишь возвращением завоеванного без утраты части собственной территории.

Здесь нам надо устранить кажущееся противоречие.

Казалось бы, что до тех пор, пока наступление продолжается, перевес сил сохраняется на его стороне, а так как оборона, завершающая победный путь, является более сильной формой ведения войны, чем наступление, то невелика опасность, что наступающий, перейдя к обороне, неожиданно окажется слабейшей стороной. А между тем это так, и мы должны согласиться с историческим опытом, что наибольшая опасность поворота колеса фортуны рождается именно тогда, когда наступление ослабевает и переходит в оборону. Каковы же причины этого явления?

Превосходство, признанное нами за оборонительной формой ведения войны, основано на: а) использовании местности; б) обладании подготовленным театром войны; в) содействии населения; г) выгодах выжидания.

Ясно, что все эти начала не всегда налицо и не всегда в равной степени сохраняют свое значение, а потому не всегда одна оборона походит на другую и обладает одинаковым превосходством над наступлением. В особенности последнее относится к тем случаям, когда приходится обращаться к обороне после исчерпавшего себя наступления. Обычно театр войны принимает в этом случае форму треугольника, в выдающейся вершине которого расположена наступавшая армия. Тогда перешедший к обороне пользуется из всех нами перечисленных начал первым (использованием условий местности). Выгода от предварительной подготовки театра войны абсолютно отсутствует, деятельность населения направлена в отрицательную сторону, а выгоды от ожидания совершенно ничтожны; причину этого мы сейчас объясним.

Часто целые кампании не дают никаких результатов вследствие равновесия, существующего только в воображении. У той стороны, которой надлежало бы действовать, не хватает должной решимости. Именно в этом мы и усматривали преимущество выжидания. Но когда это равновесие нарушается наступательными действиями, затрагивающими интерес неприятеля, то последний вынуждается к ответному действию; нет больше оснований надеяться, чтобы он предавался по-прежнему праздной нерешительности. Притом оборона, организованная на неприятельской территории, носит значительно более вызывающий характер, чем оборона на своей собственной - ей, так сказать, привиты элементы наступления, чем, по существу, она ослаблена. Если Даун не беспокоил Фридриха II в Саксонии и Силезии, то в Богемии такое спокойствие с его стороны, конечно, не имело бы места.

Итак, ясно, что оборона, вкрапленная в наступление, будет являться ослабленной в своих основных устоях и уже не выявит первоначально присущего ей превосходства.

Как ни одна оборонительная кампания не может состоять только из элементов обороны, так и кампания наступательная не состоит из элементов одного лишь наступления, так как помимо тех коротких промежуточных периодов, когда обе враждующие армии находятся в состоянии обороны, всякое наступление, которого не хватает для заключения мира, неизбежно заканчивается обороной [302].

Таким-то образом сама оборона способствует ослаблению наступления. Это не праздное остроумие силлогизма; мы усматриваем главнейший минус наступления в том, что оно с течением времени переходит в безусловно невыгодную оборону.

Мы объяснили, каким путем постепенно уменьшается первоначальное различие в силе между наступательной и оборонительной формами ведения войны. Теперь покажем, как это различие может исчезнуть совершенно и как на короткое время эти формы ведения войны в отношении своей силы могут поменяться местами.

Для того, чтобы изложить нашу мысль более кратким образом, да будет нам позволено указать на одно явление природы. В мире материи каждая сила способна проявить свое действие лишь при условии достаточного для этого времени. Сила, которая способна остановить движущееся тело, им преодолевается, если она воздействует на него медленно и постепенно и если продолжительность воздействия недостаточна. Этот закон из области физической природы представляет точную аналогию с некоторыми проявлениями нашей внутренней жизни. Если что-нибудь придало нашим мыслям известное направление, то не всякая, хотя бы сама по себе и достаточная, причина в состоянии изменить его или задержать ход мыслей. Для этого необходимы время, покой и непрерывность воздействия на сознание. То же самое наблюдается и на войне. Если наш дух устремился вперед к какой-нибудь цели или обратился вспять к какой-либо спасительной гавани, то легко может случиться, что те основания, которые должны бы остановить нас в первом случае или побудить к деятельности во втором, не всегда будут ощущаться во всей их силе. А так как действие идет своим порядком, то увлекаемый движением человек, сам того не замечая, легко переходит границу равновесия и оказывается по ту сторону кульминационного пункта. Бывает даже, что наступающему, поддерживаемому моральными силами, хотя его физические силы и исчерпаны, все же легче двигаться вперед, чем остановиться, в этом случае он подобен лошади, которая тащит тяжесть в гору. Кажется, что не впадая во внутреннее противоречие, мы достаточно обосновали сказанным то, что наступающий способен перешагнуть через тот пункт, остановившись на котором и перейдя к обороне, он мог бы рассчитывать на успех, т.е. на сохранение равновесия. Поэтому весьма важно, чтобы как наступающий, так и обороняющийся, составляя план кампании, правильно определили бы этот пункт, дабы первый из них не развивал операции свыше своих сил, так сказать, не влезал в долги, а второй смог бы догадаться о невыгодном положении противника и воспользоваться этим.

Теперь бросим взгляд назад на все то, что должен иметь в виду полководец при определении положения этого пункта, причем не забудем, что значимость важнейших факторов и направления, в котором они будут действовать, не только придется выводить, анализируя множество близких и отдаленных отношений и обстоятельств, но придется просто угадывать. Придется угадывать, окрепнет ли и уплотнится ли ядро неприятельской армии после первой ее неудачи или же оно рассыплется в прах, подобно графину из болонского стекла, когда на его поверхности сделана царапина. Придется угадывать, в какой степени парализует и ослабит воюющее государство противника перерыв некоторых линий сообщений и прекращение поступлений из тех или иных источников. Придется угадывать, свалится ли противник, изнемогая от жгучей боли полученной раны, или же, как раненый бык, придет в ярость. Наконец, необходимо угадать, какое чувство овладеет соседними державами - страх или негодование, и какие политические узы будут разорваны или закреплены. Все это, как и многое другое, полководец должен разгадать своей интуицией с такою же точностью, с какой хороший стрелок попадает в центр мишени. Нельзя не признать известного величия за таким актом человеческого разума. Наше суждение может уклониться с верной дороги по тысячам путей, расходящихся и скрещивающихся в различных направлениях. И если множество, запутанность и разнообразие вставших перед нами вопросов не смогут даже нас придавить, то над нами еще нависает ответственность и опасность.

Вот почему большинство полководцев охотнее останавливается задолго до предела, чем подходит к нему вплотную; и, наоборот, блестящая отвага и выдающаяся предприимчивость часто дают перелет и, таким образом, совершают непоправимый промах. Лишь тот, кто с малыми средствами совершает великое, действительно метко попадает в поставленную цель.

Наброски к восьмой части.

План войны

Глава 1.

Введение[303]

В главе о сущности и цели войны[304] мы до известной степени набросали общую схему понятия о ней и наметили ее отношение ко всему с ней связанному, дабы начать наше исследование на основе верных представлений. Мы коснулись тех разнообразных трудностей, с которыми при этом встречается наш разум, и, отложив на будущее их ближайшее рассмотрение, остановились на том выводе, что сокрушение неприятеля, следовательно, уничтожение его вооруженных сил составляет основную цель военной деятельности. Это дало нам возможность в следующей главе показать, что единственным средством военной деятельности является лишь бой. Полагаем, что это утверждение поставило нас для начала на правильную точку зрения.

Затем мы рассмотрели в отдельности заслуживающие внимания отношения и формы военной деятельности, встречающиеся за пределами боя, чтобы точнее оценить их значение - частью в зависимости от природы данного предмета, частью на основании данных военно-исторического опыта. При этом нашей задачей являлось очищение их от туманных, двусмысленных представлений, обычно с ними связанных, и выдвигание на первый план самого главного подлинной цели военной деятельности, т.е. уничтожение неприятеля. Здесь речь будет идти о плане войны и кампаний, что возвращает нас вновь к войне как целому и вынуждает связать наше изложение с воззрениями, выдвинутыми в 1-й части нашего труда.

Теперь на очереди главы, которые должны рассмотреть все вопросы в их совокупности и охватить подлинную стратегию во всем ее объеме и сущности. В самые недра стратегии, где сходятся все ее нити, мы вступаем не без некоторой робости, которая, впрочем, находит себе полное оправдание.

С одной стороны, военная деятельность представляется в высшей степени простой. Мы часто слышали и читаем, как просто и безыскусственно говорили о ней величайшие полководцы; по их словам, управление и приведение в движение тяжеловесной армейской машины, состоящей из сотен, тысяч различных членов, отходит совершенно на второй план перед их личностью, и, таким образом, весь исполинский акт войны в его целом индивидуализируется в своего рода единоборстве двух вождей. При этом мотивы их действия кажутся обусловленными немногими простыми представлениями, а порою несложным душевным побуждением; создается впечатление, что полководцы приступают к делу легко, уверенно, хотелось бы даже сказать - легкомысленно. Но, с другой стороны, мы усматриваем бесчисленное множество обстоятельств, в которых должен разобрататься анализирующий разум полководца, огромные и часто неопределенные расстояния, па которые тянутся отдельные связывающие их нити отношений и множество комбинации. И мы должны помнить обязанность, лежащую на теории, все это охватить систематически, т.е. с совершенной ясностью и исчерпывающей полнотой, и для всякого действия указать достаточные основания. При этом, вполне естественно, нами овладевает сильнейшее беспокойство, как бы нам не опуститься дошкольного педантизма, туда, где, ползая по подвалам тяжеловесных понятий, мы на пути своего анализа ни разу не встретимся с мышлениями великих полководцев, одним взглядом охватывавших существо дела. Если результат теоретических усилий привел бы к этому, то, пожалуй, лучше было бы вовсе к ним не приступать. Они вызвали бы пренебрежительное отношение к теории со стороны таланта; такая теория обречена на скорое забвение. С другой стороны, этот свободный глазомер полководца, эта простота представления, эта персонификация всей военной деятельности до такой степени составляют самый корень хорошего ведения войны, что лишь в условиях этой широты можно мыслить ту свободу духа полководца, которая является необходимой, чтобы властвовать над обстоятельствами, а не быть ими подавленной.

Не без робости делаем мы следующий шаг; он может быть направлен лишь по пути, намеченному нами с самого начала. Теория должна ярко осветить всю массу обстоятельств, дабы уму легче было среди них ориентироваться; она должна вырвать плевелы, которым заблуждение дало возможность повсюду прорасти; она должна вскрыть взаимоотношения явлений, отделить существенное от несущественного. Там, где представления сами собою складываются в такое ядро истины, которое мы называем принципом, там, где они сами устанавливают такой порядок, который мы называем правилом, на обязанности теории это отметить.

То, что ум вдохнет в себя во время этого странствования среди фундаментальных понятий предмета те лучи, которые засияют в нем самом, в этом и заключается та польза, которую может дать теория. Она не может снабдить его готовыми формулами для разрешения практических задач; она не

может указать обязательный для него путь, огражденный с обеих сторон принципами. Теория способна лишь направить пытливым взглядом на совокупность явлений и их взаимоотношения и затем отпускает человека в высшую область действия. Там, собрав, в мере их развития, все свои природные силы, он будет действовать уже сам в сознании истинного и правильного, выражающегося в конкретной, ясной мысли, рожденной воздействием всех этих сил, но кажущейся скорее результатом чувства, чем мышления.

Глава 2. **Война абсолютная и война действительная**

План войны обнимает собой все проявления военной деятельности в целом и объединяет ее в особое действие, имеющее единую конечную цель, в которую сливаются все отдельные частные цели.

Война не начинается, - или, во всяком случае, не следует, действуя разумно, начинать войну, - пока не будет установлено, чего мы хотим достигнуть посредством войны и в течение ее. В первом заключается смысл войны, второе является ее целью[305]. Из этой основной мысли вытекает все руководство войной, определяется размер потребных средств и мера энергии; влияние ее распространяется вплоть до самых мельчайших проявлений деятельности.

В первой главе мы сказали, что естественной целью военной деятельности является сокрушение противника и что если оставаться на строго философской точке зрения, то другой цели военной деятельности и быть не может.

Так как это представление распространяется на обе воюющие стороны, то отсюда следовало бы, что в военной деятельности не может быть пауз и покой не может наступить до тех пор, пока одна из двух борющихся сторон не будет действительно сокрушена.

В главе о паузах в военных действиях[306] мы показали, как чистый принцип вражды, приложенный к носителю его, человеку, и ко всем обстоятельствам, из коих складывается война, подвергается воздействию сдерживающего и умеряющего начала, вытекающего из внутренних свойств механизма войны.

Но этого ограничения совершенно недостаточно для того, чтобы мы могли перейти от первичного понятия войны к конкретному образу ее, какой мы почти повсюду встречаем в действительности. Большинство войн только кажется взрывом взаимного возмущения, когда каждый хватается за оружие, чтобы защищать себя самого, а другому внушить страх и при случае нанести ему удар[307]. Таким образом, мы здесь не видим двух взаимно уничтожающих друг друга стихий, вступивших в соприкосновение. Перед нами пока лишь напряжение двух еще отделенных стихий, разряжающееся отдельными небольшими ударами.

В чем же заключается эта изолирующая перегородка, препятствующая полному разряду? Почему философское представление о войне оказывается недостаточным? Эта перегородка заключается во множестве явлений, сил, отношений, которыми война соприкасается с государственной жизнью; через образуемый ими лабиринт нельзя провести логическое заключение простейшим путем, при помощи двух-трех силлогизмов; логическая последовательность теряется в его извилинах, а человек, привыкший и в малом, и в великом действовать, руководствуясь скорее отдельными господствующими понятиями и чувствами, чем строгой логикой, едва ли будет сознавать в данном случае всю неясность, половинчатость и непоследовательность своих действий.

Но если бы разум, предопределяющий войну, и мог действительно схватить сразу все эти обстоятельства, не теряя ни на одно мгновение своей цели из виду, то этого нельзя ждать от всех прочих умов в государстве, имеющих значение в данном случае; таким образом, возникает известное противодействие, а вместе с ним для преодоления инерции всей массы потребуются усилия; последние обычно оказываются недостаточными.

Такая непоследовательность имеет место то у одной, то у другой стороны, то у обеих вместе и тем самым становится причиной того, что война обращается в нечто совершенно отличное от того, чем она должна была бы быть по своей идее; она становится чем-то половинчатым, лишенным внутренней

связи.

Именно такова война почти повсюду, и можно было бы усомниться в том, что наше представление об абсолютном ее существовании имеет какую-либо реальность, если бы мы не наблюдали как раз в наши дни действительную войну в ее абсолютном совершенстве. После краткой прелюдии, разыгранной французской революцией, ни перед чем не останавливавшийся Бонапарт быстро поднял войну на эту ступень. Под его руководством ход войны безудержно развивался до полного разгрома противника. Почти столь же безудержно последовал и обратный удар. Вполне естественно и логично, что это вернуло нас к первичной идее войны с неумолимо вытекающими из нее заключениями.

Должны ли мы на этом закрепитесь и с этой точки зрения судить о всех войнах, как бы далеко они ни уклонялись от первоначальной идеи, и соответственно воздвигать всю теоретическую постройку?

Мы теперь же должны решить этот вопрос, так как, не установив своей точки зрения на то, должна ли война быть только приближающейся к абсолюту или она может быть и иною, мы не сможем сказать что-либо основательное о плане войны.

Если мы остановимся на первом, то наша теория будет, во всех своих частях ближе к подлинно необходимому, явится более ясной и законченной. Но что же придется нам тогда сказать по поводу всех тех войн, которые велись со времени Александра Македонского, за исключением, некоторых походов римлян, вплоть до Бонапарта? Нам пришлось бы их отвергнуть гуртом; но едва ли достойно? взять на себя такую смелость. А что всего хуже - нам пришлось бы сказать себе, что в ближайшее десятилетие наперекор нашей теории может снова произойти подобная же война и что эта теория, вооруженная могучей логикой, окажется все же немогущей перед силой обстоятельств. Поэтому нам придется примириться с тем, чтобы конструировать войну не из ее голого понятия, а признав право на соответственное место за всем чуждым, что к ней примешивается и с нею связывается, и, отдав должное естественной тяжеловесности и трению частей, всей непоследовательности, неясности и слабости человеческого духа. Мы должны усвоить себе тот взгляд, что получаемый войной облик вытекает из господствующих в данный момент идей, чувств и отношений. Более того, чтобы быть совершенно искренним, мы должны будем сознаться, что это имело место даже и тогда, когда при Бонапарте война приняла свой абсолютный облик[308].

Если мы должны так поступить, то надо признать, что война возникает и получает свой облик из конечного согласования не всех бесчисленных отношений, которые она затрагивает, а лишь некоторых из них, являющихся в данный момент господствующими; отсюда само собой вытекает, что она покоится на игре возможностей и вероятностей, счастья и несчастья, среди которых зачастую бесследно исчезает последовательность строгих логических заключений; логика вообще при этом оказывается весьма беспомощным и неудобным инструментом нашего мозга. В конце концов, приходится согласиться, что война является чем-то таким, что может быть то в большей, то в меньшей степени войной.

Все это теория должна признать, но ее обязанность все же поставить во главу угла абсолютный облик войны и использовать его как общий ориентир, дабы стремящийся что-либо почерпнуть из теории приучался никогда не упускать его из виду, рассматривал бы его как основной критерий всех своих надежд и опасений, дабы приблизиться к нему, где он может или когда он должен.

Не подлежит сомнению, что основное представление, являющееся фундаментом нашего мышления и деятельности, придает им известный тон и характер даже тогда, когда ближайшие решающие мотивы исходят из совершенно иной сферы; так живописец придает своим картинам тот или другой колорит с помощью красок, которые он накладывает для грунтовки.

Если теория может это успешно выполнить в наши дни, то этим она обязана последним войнам. Без таких предостерегающих примеров разрушительной силы разнузданной стихии теория напрасно бы кричала до хрипоты: никто не поверил бы тому, что ныне пережито всеми.

Разве Пруссия дерзнула бы в 1798 г.[309] вторгнуться во Францию с армией в 70 000 человек, если бы она могла предвидеть, что в случае неудачи обратный удар опрокинет все старые устои

европейского равновесия?

Разве Пруссия рискнула бы в 1806 г. выступить против Франции с армией в 100 000 человек, если бы она подозревала, что первый же пистолетный выстрел явится искрой, брошенной в минный очаг, от взрыва которого она взлетит на воздух?

Глава 3.

А. Внутренняя связь явлений войны

В зависимости от того, имеем ли мы в виду абсолютный облик войны или какой-либо другой, более или менее разнящийся от него, у нас возникают два различных взгляда на успехи военных действий.

При абсолютном облике войны, когда все логически вытекает из необходимых оснований и все быстро сцепляется одно с другим, когда, если можно так выразиться, не остается места безличному, нейтральному промежутку, вся война полна многообразным взаимодействием[310]; тесная связь охватывает весь ряд следующих один за другим боев[311]; кульминационный пункт, имеющийся у всякой победы, определяет пределы, за которыми начинается область потерь и поражений[312]; все эти естественные в ходе войны отношения, утверждаем мы, допускают возможность лишь одного успеха, а именно - конечного успеха. До конечного успеха ничего не решено: ничего не выиграно, ничего не потеряно. Здесь следует постоянно напоминать, что только конец венчает дело. При таком представлении война является неделимым целым, части которого (отдельные успехи) имеют цену лишь в их отношении к этому целому. Завоевание Москвы и половины России представляло интерес для Бонапарта лишь в том случае, если бы оно привело его к намеченному им миру. Но оно являлось лишь частью его плана кампании, и недоставало еще другой - разгрома русской армии. Если представить себе осуществление этого разгрома плюс прочие успехи, то надо считать достижение этого мира обеспеченным, насколько вообще обеспечение возможно в вопросах этого рода. Выполнить эту вторую часть плана Бонапарту не удалось, ибо он упустил подходящий для разгрома момент; в конечном счете, все успехи по первой части плана оказались не просто бесполезными, но и губительными.

Этому взгляду на общую связь военных успехов, который можно рассматривать как крайний, можно противопоставить другое крайнее представление, согласно которому течение войны складывается из отдельных, самодовлеющих успехов, причем, как в карточной игре, предыдущий розыгрыш не оказывает никакого влияния на последующий таким образом, здесь все сводится лишь к сумме результатов, и каждый из них можно отложить, как игральную фишку.

В той же мере как первое представление черпает свою истинность в самой природе войны, так и второе подтверждает свою правильность ссылками на историю. Бывает множество случаев, когда можно достигнуть небольшого, умеренного успеха, не связывая себя какими-либоотягчающими условиями. Чем умереннее будет стихия войны, тем чаще будут иметь место подобные случаи, но точно так же, как никогда не бывало, чтобы первый взгляд оправдался полностью, так не бывает и войн, которым отвечал бы исключительно второй взгляд, так, чтобы можно было вовсе обойтись без первого.

Если мы будем держаться первой точки зрения, то легко усмотрим необходимость рассматривать с самого начала каждую войну как единое целое; с первого же шага вперед полководец должен иметь в виду ту цель, к которой тянутся все нити.

Если мы станем на вторую точку зрения, то можно задаваться второстепенными выгодами ради них самих, предоставляя все остальное дальнейшему ходу событий.

Каждый из этих взглядов ведет к соответственным выводам, и теория не может обойтись ни без одного, ни без другого. Но разница в способе, коим она пользуется тем и другим, заключается в том, что она требует, чтобы первое представление, как коренное, всегда бралось за основу, а второе использовалось лишь для поправок в зависимости от особых обстоятельств.

Когда Фридрих Великий в 1742, 1744, 1757 и 1758 гг. каждый раз вгонял из Силезии и Саксонии

новый наступательный клин в австрийское государство, то он хорошо сознавал, что это не приведет к новому прочному завоеванию, подобно завоеванию Силезии и Саксонии; он поступал так не потому, что намеревался этим путем сокрушить австрийское государство, но потому, что он преследовал иную, второстепенную, цель: выиграть время и усилиться, чего было возможно достичь, не ставя на карту всю свою судьбу.

Но разумное достижение Пруссией в 1806 г. и Австрией в 1805 и 1809 гг. еще более скромной цели - прогнать французов за Рейн - требовало прежде всего, чтобы они окинули мысленным взором весь ряд событий, которые, вероятно, последовали бы за первым их шагом как в случае удачи, так и неудачи, вплоть до заключения мира. Это являлось абсолютно необходимым для того, чтобы окончательно решить, до какого предела можно, не подвергая себя опасности, использовать свою победу, и как и где можно будет остановить победное шествие неприятеля.

Внимательное рассмотрение исторических фактов укажет нам, в чем заключается различие обоих случаев. В XVIII веке, во время Силезских войн, война была исключительно только делом кабинетов, народ принимал в ней участие лишь в качестве слепого орудия. В начале XIX века на чашах весов стояли уже народы обеих сторон. [313]

Полководцы, противостоявшие Фридриху Великому, были людьми, выполнявшими поручение, а потому и людьми, характерной чертой коих являлась опасливая осторожность, противником же австрийцев и пруссаков был, говоря коротко, сам бог войны.

Различие этих обстоятельств не должно ли было обусловить и совершенно разные соображения? Не следовало ли в 1805, 1806 и 1809 гг. обратить внимание на крайний предел несчастья, как на нечто близкое, возможное и даже весьма вероятное, что привело бы к совершенно иному напряжению сил и иным планам, чем те, объектом которых являлось несколько крепостей или провинция средних размеров?

Это не было выполнено в должной мере, хотя Австрия и Пруссия, готовясь к войне, с достаточной силой ощущали грозное напряжение политической атмосферы. Они были и не в состоянии это выполнить, так как в то время эти отношения еще не были с такой полнотой разъяснены историей. Как раз эти поводы 1805, и 1806 и 1809 гг. и последующие существенно облегчили нам обобщение идей новейшей абсолютной войны с ее всесокрушающей энергией.

Итак, теория требует, чтобы перед всякой войной было уяснено представление об ее вероятном характере и общих очертаниях, вытекающих из политических данных и обстановки. Чем больше по этой оценке война по своему характеру будет приближаться к абсолютной, чем сильнее намеченные очертания войны охватят интересы воюющих государств и будут вовлекать их в общий водоворот, тем теснее будет взаимодействие всех событий войны и тем необходимее окажется не делать первого шага, не думая и о последнем.

Б. О размерах политической цели войны и напряжения

Насилие, которое нам придется применить к противнику, будет находиться, в соответствии с размерами наших политических требований, а также требований противника. Поскольку последние известны, казалось бы, степень обоюдных усилий может быть определена. Однако политические требования не всегда бывают достаточно явны, и в этом первая причина различия средств, применяемых с той

Положение и обстановка государств неодинаковы; в этом может заключаться вторая причина.

Точно так же неодинаковы и сила воли, характер и способность правителей; это - третья причина.

Эти три причины вводят известную неопределенность в расчет сопротивления, которое мы встретим, а следовательно, в расчет тех средств, которые надо будет использовать, и конечной военной цели, которую следует себе поставить.

Так как недостаточность усилий приводит на войне не только к невозможности осуществить задуманное, но и наносит прямой ущерб, то это заставляет обе стороны стремиться превзойти друг друга в подготовке средств, благодаря чему возникает известное взаимодействие.

Последнее могло бы дойти до крайнего предела напряжения, если бы такой предел мог быть установлен. Но тогда потерял бы свое значение размер политических требований, средство утратило бы всякое соответствие с политической целью войны, а стремление к крайнему напряжению в большинстве случаев разбилося бы о противодействие, которое встретилось бы в собственной стране.

Таким образом, начинающий войну вновь вынуждается обратиться на средний путь, следуя которому он до известной степени будет действовать по принципу - применять на войне лишь те средства и задаваться лишь такой конечной военной целью, которые будут достаточны для достижения политической цели. При следовании этому принципу воюющему придется отказаться от безусловного обеспечения успеха и от использования более широких возможностей.

Таким образом, умственная деятельность здесь покидает область строгого знания - логики и математики - и превращается в искусство в более широком смысле этого слова, т.е. в умение интуитивно выбирать из бесчисленного множества предметов и обстоятельств важнейшие и решающие. Большая или меньшая часть этой интуиции бесспорно состоит в полусознательном сравнении всех величин и обстоятельств, с помощью которого быстро устраняется все маловажное и несущественное, а более нужное и главное распознается скорее, нежели путем строго логических умозаключений.

Таким образом, чтобы познать меру тех средств, которые надо подготовить для войны, мы должны продумать политический смысл ее как для нас, так и для противника; мы должны оценить силы и внутренние условия неприятельского и нашего государства, характер и качества правительства и народа как у неприятеля, так и у нас, наконец, политические отношения с другими государствами и то воздействие, какое па них может оказать война. Легко понять, что взвешивание всех этих разнообразных обстоятельств, различным образом переплетающихся друг с другом, представляет крупную задачу; требуется подлинное прозрение гения, чтобы быстро установить верное понимание, так как совершенно невозможно овладеть всем этим множеством данных помощью лишь школьно правильного размышления.

И совершенно прав был Бонапарт, утверждавший, что с такой алгебраической задачей не справился бы сам Ньютон.

Многообразие обстоятельств и их размах, а также неясность, какой должна быть верная мера, нагромождают крупнейшие затруднения на пути к правильному выводу; но не следует упускать из виду, что огромная, ни с чем не сравнимая важность этого вопроса, да и сама его трудность и сложность увеличивают заслугу его разрешения. Опасность и ответственность не увеличивают в нормальном человеке свободу и активность духа, а, напротив, действуют на него удручающе; и потому, если эти переживания окрыляют и обостряют способность суждения, то несомненно мы имеем дело с редким величием духа.

Таким образом, мы, прежде всего, устанавливаем, что суждение о предстоящей войне, о конечной военной цели, которую надо себе поставить, о потребных для нее средствах может сложиться лишь из обзора совокупности всех обстоятельств, в которые вплетаются и злободневные моменты переживаемого времени. Это суждение, как и всякое другое в области военной практики, никогда не может быть чисто объективным, но определяется свойствами ума и темперамента государей, государственных людей и полководцев, - безразлично, совпадают ли последние в одном лице или же нет.

Наша тема станет более широкой и более поддающейся отвлеченной разработке, если мы будем иметь в виду общие условия, в которые эпоха и обстоятельства ставят государства. Поэтому мы позволим себе здесь бросить беглый взгляд на историю.

Полудикие татары, республики древнего мира, феодалы и торговые города средних веков, короли XVIII века, наконец, государи и народы XIX века - все вели войны по-своему, каждый иным

способом, другими средствами и для иных целей.

Татарские[314] орды искали нового местожительства. Они двигались целым народом, с женами и детьми, и поэтому относительная численность их превосходила любую армию, а целью их являлось покорение или изгнание противника. Применяя такие средства, они скоро сокрушили бы все на своем пути, если бы эти средства могли быть совмещаемы с высоким уровнем культуры.

Республики древности, за исключением Рима, являлись небольшими по размеру; еще меньше были их армии, исключавшие из своих рядов основную массу - чернь. Этим республикам было слишком много, и они располагались в слишком близком друг от друга соседстве; поэтому на них распространялось то естественное равновесие, которое по совершенно общему закону природы устанавливается между мелкими, обособленными частицами, а это являлось препятствием для крупных предприятий. Их войны, естественно, ограничивались опустошением полей и захватом отдельных городов, дабы заручиться в них на будущее время некоторым влиянием.

Один лишь Рим представлял в этом отношении исключение, но и то лишь в позднейшие периоды своей истории. Долгое время он вел небольшими отрядами обычную борьбу со своими соседями из-за добычи и союзников.

Его рост обуславливается, главным образом, заключенный им союзами, в результате коих соседние народы постепенно сливались с ним в одно целое, и только в меньшей степени - подлинным их покорением. Лишь после того,* как власть Рима таким путем распространилась на всю среднюю и южную Италию, Рим начал действительно расширяться завоеваниями. Пал Карфаген, Испания и Галлия? были завоеваны, Греция покорена, господство Рима распространилось и на Азию, и на Египет. К этому времени его вооруженные силы достигли огромных размеров без особого напряжения сил с его стороны: содержание их покрывалось несметными богатствами. Он уже не был похож на древние республики и имел мало общего с тем Римом, каким он был раньше. Он остался единственным в своем роде.

Столь же единственным в своем роде являются войны Александра Македонского. С небольшой, но выдающейся по своей организации армией он опрокинул подгнившие здания азиатских государств. Без отдыха и оглядки он проложил себе путь через обширные пространства Азии и проник до самой Индии. Республике совершить все это было бы не по силам: так быстро осуществить это мог только царь, являвшийся в известной степени своим собственным кондотьером.

Крупные и мелкие монархии средних веков вели свои войны при помощи ленных ополчений. В этом случае продолжительность всей войны ограничивалась кратким временем; что за этот срок не могло быть выполнено, должно было рассматриваться как невыполнимое. Само ленное ополчение состояло из звеньев, связанных вассальными отношениями; связь, объединявшая его, являлась наполовину законной обязанностью, наполовину добровольным союзом, а целое представляло подлинную конфедерацию. Вооружение и тактика основывались на кулачных началах, на единоборстве, а следовательно, были мало пригодны для действия в крупных массах. Вообще история не знает другого времени, когда государственная спайка была столь слаба, а отдельная личность столь самостоятельна. Все это точнейшим образом обуславливало характер войны. Они велись относительно быстро, праздные стоянки в течение похода встречались редко, политическая же цель преимущественно сводилась к тому, чтобы покарать, но не сокрушить неприятеля: угоняли его стада, сжигали замки и возвращались домой.

Крупные торговые города и маленькие республики породили институт кондотьеров. Это было дорогое, но крайне ограниченное в своих размерах войско. Еще ничтожнее следует расценивать интенсивность его усилий. Здесь не могло быть и речи о высшей степени напряжения и энергии, и дело большей частью сводилось лишь к притворной борьбе. Словом, ненависть и вражда уже не побуждали государство к непосредственной деятельности, а война обратилась в торговое предприятие; она утратила большую часть связанного с ней риска, что изменило ее природу, а потому все выводы, которые можно сделать из ее природы, не отвечали условиям борьбы кондотьеров.

Ленная система постепенно сплотилась в определенные территориальные государственные образования; государственная связь стала теснее, личные обязательства превратились в материальные,

последние большей частью были заменены денежным налогом, а на смену лепных ополчений явились наемные войска. Кондотьеры представляли переходную ступень; услугами их в течение некоторого времени пользовались и большие государства; однако вскоре наемники превратились в постоянное войско на жаловании, и вооруженные силы государств стали наконец армией, базировавшейся на средствах казны.

Вполне естественно, что медленное приближение к этой цели обуславливало многообразное переплетение всех этих трех видов вооруженной силы. Под начальством Генриха IV мы встречаем ленников, кондотьеров и постоянное войско. Кондотьеры продолжают встречаться до Тридцатилетней войны включительно, слабые следы их можно найти даже в XVIII столетии.

Насколько своеобразны были вооруженные силы этих различных эпох, настолько же оригинальным был строй и облик европейских государств. В сущности, эта часть света распалась на множество мелких государств, отчасти представлявших крайне беспокойные республики, отчасти - небольшие и неустойчивые монархии с крайне ограниченной правительственной властью. Такое государство нельзя было рассматривать как нечто целое; оно являлось лишь конгломератом слабо связанных между собою сил. Точно так же такое государство нельзя мыслить как единый разум, действующий по простейшим законам логики.

Именно с этой точки зрения и следует смотреть на внешнюю политику и войны средних веков. Вспомним хотя бы о длившихся в течение пятисот лет непрерывных походах германских императоров в Италию, за которыми, однако, ни разу не следовало основательное завоевание этой страны, и последнее даже не имелось в виду. Это явление, конечно, легко можно было бы счесть за постоянное повторение ошибки, вызванной установившейся в это время ложной точкой зрения; однако благоразумнее рассматривать его как результат сотни крупных причин, в которые мы можем, правда, вдуматься, но которые мы все же не можем ощутить с той живостью, с какою их воспринимал находившийся под их давлением деятель. В течение всего времени, затраченного вышедшими из этого хаоса крупными государствами на то, чтобы сложиться и образоваться, силы их главным образом напрягались и направлялись на внутреннее их сплочение; войны с внешним врагом происходили редко, притом носили на себе отпечаток незрелости государственного образования.

Раньше всего возникли войны между Францией и Англией. Францию той эпохи еще нельзя рассматривать как настоящую монархию: она еще представляла конгломерат герцогств и графств. Хотя единство государственного организма в Англии достигло более высокой степени, все же она вела войну посредством ленных ополчений среди частых внутренних смут.

При Людовике XI Франция сделала крупнейший шаг на пути к внутреннему единству; при Карле VIII она выступила в Италии как держава-завоевательница, а в царствование Людовика XIV она уже развила свою государственность и армию до высшего предела.

Испания достигла единства при Фердинанде Католике; а при Карле V благодаря случайным бракам внезапно народилась великая монархия, в состав которой входили Испания, Бургундия, Германия и Италия. Чего этому колоссу не хватало в отношении единства и внутренней государственной спайки, то он восполнял деньгами, и его постоянная армия столкнулась прежде всего с постоянными вооруженными силами Франции. После отречения Карла V испанский колосс распался на две части: на Испанию и Австрию. Последняя, усиленная присоединением Богемии и Венгрии, выступает отныне в роли великой державы и тянет за собой на буксире ладью германской конфедерации.

Конец XVII века - эпоху Людовика XIV - можно рассматривать как такой пункт истории, когда вооруженные силы, какими мы их видим в XVIII столетии, достигли высшей степени своего развития. Их основа - деньги и вербовка. Государства достигли полного единства, а правительства, заменив денежным налогом повинности своих подданных, сосредоточили все могущество в своей казне. Благодаря быстрому развитию культуры и улучшению административного аппарата это могущество резко выросло по сравнению с прошлым. Франция начинала войну с действующей армией в 200000 солдат постоянной службы; соответственные силы противопоставлялись и другими государствами.

Прочие отправления государственной жизни также приняли новые формы. Европа была

распределена между дюжиной монархий и несколькими республиками; теперь являлась мыслимой серьезная борьба между двумя государствами, не затрагивавшая в десять раз большее число других государств, как это бывало прежде[315]. Возможные политические комбинации все еще были чрезвычайно разнообразны, по все же их уже можно было охватить и временами предугадать, как они будут складываться.

Внутренние отношения почти всюду упростились до степени отполированной монархии; права и влияние сословий постепенно отмерли, и кабинет[316] становится мало-помалу завершенным единством, представляющим государство во внешних сношениях. Таким путем сложились предпосылки, чтобы армия, ставшая превосходным инструментом, и руководившая ею независимая воля могли придать войне облик, соответствующий понятию о ней.

В эту эпоху родились и три новых Александра: Густав-Адольф, Карл XII и Фридрих Великий, которые, опираясь на умеренные по размерам, но доведенные до совершенства армии, сокрушали все на своем пути и пытались основать из маленьких государств большие монархии. Если бы им противостояли государства азиатского типа, они достигли бы в исполнении роли Александра Македонского еще большего сходства. В отношении пределов военных дерзаний их во всяком случае можно рассматривать как предвестников Бонапарта.

Однако все, что война выиграла в отношении силы и логичности, она утратила в другом отношении.

Армии содержались за счет казны, которую государи начали рассматривать как свое личное достояние или, по меньшей мере, как собственность правительства, а не народа. Отношения с другими государствами затрагивали, за исключением немногих торговых интересов, преимущественно интересы фиска, т.е. правительства, но не народа; но крайней мере таковы были общераспространенные взгляды. Таким образом, кабинет считал себя по существу владельцем и управляющим крупным имением, которое он всегда стремился расширить, но подданные этого имения не были особенно заинтересованы в этом расширении. Итак, народ на войне при татарских походах был всем', в древних республиках и в средневековье - если понятие "народ" ограничить действительными гражданами государства - очень многим; в условиях XVIII века он стал непосредственно в войне ничем, сохраняя лишь косвенное влияние на войну благодаря своим общим достоинствам и недостаткам.

Так как правительство все больше отделялось от народа и лишь себя считало государством, то и война стала только деловым предприятием правительства, проводимым последним на деньги, взятые из своих сундуков, и посредством бродячих вербовщиков, работавших как в своей стране, так и в соседних областях. Следствием этого было то, что количество вооруженных сил, которые правительства могли выставить, являлось в достаточной степени определенной данной, и ее можно было взаимно учитывать как по объему возможных расходов, так и по их длительности. Это лишало войну самого опасного ее свойства, а именно - стремления к крайности и связанного с ним загадочного ряда возможностей.

Денежные доходы, казначейская наличность и кредит противника были известны; известна была и величина армии. Значительное увеличение последней в момент объявления войны являлось невыполнимым. Имея таким путем возможность обозреть пределы неприятельских сил, можно было считать себя достаточно обеспеченным от полной гибели; к этому присоединилось еще сознание ограниченности собственных сил. Все это заставляло выдвигать лишь умеренную конечную военную цель. При обеспеченности от крайностей со стороны противника не было нужды и самому отваживаться на крайности. Необходимость уже не понуждала к этому, - следовательно, только мужество и честолюбие могли толкать на крайние меры. Но последние находили себе могучий противовес в условиях тогдашней государственности. Даже в том случае, если в роли полководца выступал сам король, он оказывался вынужденным бережно обращаться с орудием войны - армией. Если бы последняя была полностью разбита, то новую создать было бы невозможно, а помимо постоянной армии другого орудия[317] не было. Отсюда требование большой осторожности во всех предприятиях, Лишь при убеждении в наличии на своей стороне крупных преимуществ решались пустить в дело это драгоценное орудие. Создать такие преимущества являлось задачей искусства полководца. В ожидании же их рождения до известной степени парили в абсолютной пустоте;

повода к действию не было, и казалось, что все силы и в особенности все побуждения находятся в состоянии покоя. Первоначальные стремления наступающего замирали в осторожности и опасливом раздумье.

Таким образом, война превратилась в настоящую игру, причем время и случаи тасовали карты. По своему значению она являлась лишь несколько усиленной дипломатией, более энергичным способом вести переговоры, в которых сражения и осады заменяли дипломатические ноты. Добиться умеренного успеха и воспользоваться им при заключении мира являлось целью даже наиболее честолюбивых. Этот ограниченный, съезжившийся облик войны обуславливался, как мы уже упоминали, узостью фундамента, на который опиралась война. Но если столь выдающиеся полководцы, как Густав-Адольф, Карл XII и Фридрих Великий, и их прекрасные армии не могли в большей степени подняться над общим уровнем явлений и даже им пришлось довольствоваться посредственными успехами, то это объясняется политическим равновесием Европы.

Раньше, при наличии в Европе многих мелких государств, чтобы помешать быстрому росту одного из них, использовались самые непосредственные интересы - близость, соседство, родственные узы, личное знакомство. Теперь, в эпоху больших государств, с удаленными друг от друга центрами, для той же цели стали пользоваться сильно разросшимися экономическими интересами. Политические интересы, взаимное их притяжение и отталкивание слились в очень утонченную систему, и если где-либо в Европе раздавался пушечный выстрел, он сейчас же находил свое отражение в каждом европейском правительстве.

Теперь новому Александру приходилось иметь помимо доброго меча и искусное перо, и все-таки его завоевания редко могли быть сколько-нибудь значительными.

Даже Людовик XIV, стремившийся опрокинуть европейское равновесие и достигший в конце XVII века положения, при котором он мог пренебрегать возбуждаемой им повсюду враждой, вел войну все же по общему шаблону, ибо его армия, хотя и была армией самого могущественного и богатого монарха, по существу являлась такой же, как и другие.

Грабежи и опустошения неприятельской страны, игравшие такую важную роль в войнах татар, древних народов и даже в средние века, теперь уже не соответствовали духу времени[318]. Подобные действия справедливо рассматривались как бесцельное варварство, за которое легко могло последовать возмездие, к тому же оно наносило вред населению, а не его правительству, и не могло оказать на последнее никакого воздействия; в то же время оно надолго отразилось бы отрицательно на культурном развитии народов. Таким образом, не только средства, но и цели войны все более и более концентрировались в армиях.

Армия с ее крепостями и несколькими подготовленными позициями представляла государство в государстве, и в его пределах стихия войны медленно пожирала самое себя. Вся Европа приветствовала эти изменения в военном искусстве и видела в них неизбежное следствие духовного прогресса. Здесь, конечно, имело место заблуждение, так как никакой прогресс не может вести к внутреннему противоречию и не сделает из дважды два - пять, как мы уже упоминали и должны будем еще сказать впоследствии. Результаты этих сдвигов в военном деле оказались, однако, безусловно благотворными для народов Европы; но не будем упускать из виду, что они еще в большей степени обратили войну в дело, касающееся исключительно правительства, еще более чуждое интересам народа. План войны наступающего государства состоял в те времена по преимуществу в том, чтобы овладеть той или другой неприятельской областью, план же обороняющегося стремился воспрепятствовать этому. План отдельной кампании сводился к захвату той или другой неприятельской крепости или же к тому, чтобы воспрепятствовать такому захвату. Только в том случае, когда эти цели не могли быть достигнуты без боя, сражения искали и давали. Тот, кто начинал сражение, не вынуждаемый к тому указанной необходимостью, а исходя лишь из жажды победы, считался дерзким полководцем. Обычно вся кампания заключалась в одной осаде, а при исключительном напряжении - в двух осадах. Зимние квартиры, на которые смотрели как на нечто необходимое, проводили резкую грань между двумя кампаниями; при этом всякие отношения между сторонами прекращались, и ухудшение обстановки, в которой находилась одна из сторон, не могло быть использовано противником.

При равенстве сил обеих сторон, а также в случае, когда более предприимчивый полководец был намного слабее своего противника, дело не доходило ни до сражения, ни до осады, и тогда вся деятельность сводилась или к сохранению известных позиций и магазинов, или к планомерному поглощению средств данного района.

Пока война велась таким способом, явно ограничивавшим природную ее мощь, никто не усматривал в этом чего-либо нецелесообразного; напротив, все представлялось в полном порядке, и критика, начавшая к концу XVIII столетия заниматься военным искусством, обращала свое внимание, главным образом, на частности, не слишком озабочиваясь началом и концом. Таким путем составлялись различные репутации и выдавались патенты на мастерство; даже фельдмаршал Даун мог прослыть великим полководцем, хотя ему, главным образом, и обязан Фридрих Великий достижениями своих политических целей, а Мария-Терезия - своей конечной неудачей. Лишь время от времени, когда здравый смысл брал свое, прорывалось разумное суждение: при наличии превосходных сил надо же достигать каких-либо положительных результатов, и если ничего не достигнуто, то, невзирая ни на какие кунштюки, ведение войны надо признать неумелым.

Такова была обстановка, когда разразилась французская революция. Австрия и Пруссия попытались выступить против нее с их дипломатическим военным искусством, но вскоре последнее засвидетельствовало свою несостоятельность. Исходя из обычных приемов оценки, союзники учитывали развал вооруженных сил Франции. Между тем, в 1793 г. на сцене появилась такая сила, о которой до той поры не имелось никакого представления. Война сразу стала делом народа^[319], и притом народа в 30 миллионов человек, каждый из которых считал себя гражданином своего отечества. Не вдаваясь в подробное рассмотрение обстоятельств, сопровождавших это великое явление, мы фиксируем здесь лишь интересующие нас выводы. Благодаря участию в войне всего народа на чашах весов оказались не одно правительство и его армия, а весь народ^[320] со всем присущим ему весом. Отныне уже не было определенных пределов ни для могущих найти применение средств, ни для напряжения сил; энергия ведения войны больше уже не находила себе противовеса, и потому опасность, грозившая противнику, возросла до крайности.

Если все революционные войны протекли раньше, чем их сила была осознана и полностью прочувствована; если революционные генералы еще не устремились неудержимо к конечной цели и не разрушили европейские монархии; если немецким армиям еще время от времени удавалось оказывать успешное сопротивление и задерживать победный поток, то реально это находилось в зависимости лишь от технического несовершенства французской организации: сначала солдатских масс, затем подбора генералов и, наконец, при директории - от недостатков самого правительства.

Когда же Бонапарт устранил эти недостатки, вооруженные силы Франции, опиравшиеся на народную мощь, прошли всю Европу, сметая на своем пути всякое сопротивление столь уверенно и надежно, что там, где им противопоставлялись одни лишь вооруженные силы старого порядка, не возникала даже тень сомнения в исходе борьбы. Но вызванная этими успехами реакция последовала еще вовремя. В Испании война сама собой сделалась народным делом. В Австрии в 1809 г. правительство впервые затратило необычайные усилия для организации резервных частей и ландвера; эти мероприятия уже приближались к цели и превосходили все считавшееся раньше в этом государстве исполнимым. В 1812 г. Россия последовала примеру Испании и Австрии; огромные размеры империи допустили использование этих мероприятий, несмотря на их запоздание, и повысили их действенность. Успех оказался блестящим. В Германии первой очнулась Пруссия, обратила войну в народное дело и, несмотря на вдвое меньшее население, полное отсутствие денег и кредита, выступила по сравнению с 1806 г. с двойными силами. Остальная Германия с большим или меньшим опозданием последовала примеру Пруссии, и Австрия, напрягая, правда, свои усилия слабее, чем в 1809 г., все же выступила с очень крупными силами. В 1813 и 1814 гг. Германия и Россия совместно выставили против Франции около полумиллиона человек, считая все действующие войска и пополнение потерь в течение двух кампаний.

При таких условиях и энергия, с которой велась война, стала уже иною, и если она лишь отчасти достигала уровня энергии французов и кое-где еще наблюдалась известная робость, то все же в целом ход кампании был выдержан не в старом, а в новом стиле. За восемь месяцев театр войны был перенесен с Одера на Сену, гордый Париж был впервые вынужден склонить свою главу, а грозный Бонапарт лежал на обеих лопатках.

Таким образом, война, ставшая со времен Бонапарта сперва на одной, затем на другой стороне снова делом всего народа, приобрела совершенно другую природу, вернее, сильно приблизилась к своей действительной природе, к своему абсолютному совершенству. Средства, пущенные в ход, не имели видимых границ; эти границы терялись в энергии и энтузиазме правительств и их подданных [321]. Энергия ведения войны была значительно усилена вследствие увеличения средств, широкой перспективы возможных успехов и сильного возбуждения умов. Целью же военных действий стало сокрушение противника; остановиться и вступить в переговоры стало возможным только тогда, когда противник был повержен и обессилен.

Так разразилась стихия войны, освобожденная от всех условных ограничений, во всей своей естественной силе. Основой этого было участие народов в этом великом государственном деле; и это участие проистекало частью из тех условий, которые французская революция создала внутри каждой страны, частью из той опасности, которой угрожали всем народам французы.

Всегда ли это так останется, все ли грядущие войны в Европе будут вестись при напряжении всех сил государства и, следовательно, во имя великих и близких народам интересов, - или впоследствии правительства опять изолируются от народа, - разрешить это было бы трудно, и менее всего мы считаем себя вправе решать такой вопрос. Но, вероятно, с нами охотно согласятся, если мы скажем, что не так-то легко воздвигнуть вновь раз прорванные преграды, заключавшиеся, главным образом, в непонимании заложенных в войне возможностей. По крайней мере всегда, когда на карту будут поставлены крупные интересы, взаимная вражда будет разряжаться так же, как это имело место в наши дни[322].

На этом мы заканчиваем наш беглый исторический обзор, предпринятый нами не для того, чтобы наскоро указать для каждой исторической эпохи несколько основных принципов ведения войны, а для того, чтобы показать, что всякая эпоха имела свои собственные войны, свои собственные ограничивающие условия, свои собственные затруднения. Каждая война имела бы, следовательно, также и свою собственную теорию войны, если бы даже всюду рано или поздно люди были склонны разрабатывать эту военную теорию сообразно философским принципам. Следовательно, события каждой эпохи должны оцениваться с учетом их своеобразия, и лишь тот в состоянии понять и правильно оценить полководца, кто сможет перенестись в каждую эпоху не столько путем скрупулезного изучения мелочных обстоятельств, сколько путем проницательного обзора крупных событий.

Однако каждый способ ведения войны хотя и предопределяется особыми условиями, в которых находятся государство и вооруженные силы, все же должен заключать в себе нечто более общее или, точнее, что-то совершенно общее, с чем прежде всего должна иметь дело теория.

В недавнем прошлом, когда война достигла своего абсолютного облика, она глубже всего вскрыла свои общие начала и требования. Невероятно, чтобы отныне все войны обладали столь же грандиозным характером, но в такой же степени невозможно, чтобы широкие ворота, которые были раскрыты недавними войнами, когда-либо вновь могли полностью закрыться. Отсюда теории, которая останавливалась бы исключительно на такой абсолютной войне, пришлось бы или изъять из своего охвата все те случаи, в которых чуждые влияния изменяют сущность войны, или осудить их как ошибки. Такой не может быть задача теории, которая должна являться учением о реальной войне, а не о войне в идеале. Поэтому теория, рассматривая различные вопросы своим пытливым, анализирующим и систематизирующим взором, должна всегда иметь в виду разнообразие условий, порождающих войну, и так наметить ее основные очертания, чтобы в них могли уложиться требования эпохи и данного момента.

После этого мы должны сказать, что цель, выдвигаемая начинающим войну, и средства, собираемые на нее, предопределяются совершенно конкретными особенностями его положения; именно поэтому они носят на себе отпечаток эпохи и общих отношений, и, наконец, они подчиняются еще и общим условиям, вытекающим из сущности войны.

Глава 4.

Ближайшее определение цели войны.

Сокрушение противника

Целью войны, согласно понятию о ней, всегда должно было быть сокрушение противника; такова наша основная предпосылка. Что же означает сокрушение? Для последнего полное завоевание неприятельского государства не всегда необходимо. Если бы в 1792 г. дошли до Парижа, то, поскольку человек может предвидеть, война с революционной партией на этом и закончилась бы; при этом не было бы даже нужды предварительно разбить ее армию, так как последнюю еще нельзя было рассматривать как самостоятельный источник силы. Напротив, в 1814 г. даже занятием Парижа еще не все было бы достигнуто, если бы Бонапарт оставался во главе значительной армии; но так как его армия была большей частью уничтожена, то и в 1814 и в 1815 гг. занятие Парижа решило все. Если бы Бонапарту в 1812 г. удалось до или после занятия Москвы так же разгромить русскую армию в 120000 человек, стоявшую на Калужской дороге, как он разгромил австрийскую армию в 1805 г. и прусскую в 1806 г., занятие Москвы, по всей вероятности, привело бы к миру, хотя все еще оставались незанятыми огромные пространства. В 1805 г. Аустерлицкое сражение решило исход кампании; следовательно, завоевания Вены и двух третей всех австрийских земель оказалось еще недостаточно, чтобы заключить мир; но, с другой стороны, после этого сражения заключению мира не могло помешать то обстоятельство, что Венгрия еще не была вовсе затронута вторжением французов. Поражение русской армии явилось последним требовавшимся ударом; у императора Александра поблизости другой армии не было, и, таким образом, мир являлся неизбежным следствием этой победы. Если бы русская армия еще на Дунае соединилась с австрийцами и еще там была бы вместе с ними разбита, то, по всей вероятности, вовсе не понадобилось бы и взятия Вены, и мир был бы заключен еще в Линце.

В других случаях и полное завоевание всего государства оказывается недостаточным; это имело место в 1807 г. в отношении Пруссии, когда удар, нанесенный русской вспомогательной армии под Эйлау[323], где была одержана сомнительная победа, оказался недостаточно решительным; исход войны был решен уже несомненной победой под Фридландом, как за год перед тем победой под Аустерлицем.

Мы видим, что и в этом случае результат нельзя было предвидеть, исходя лишь из причин общего характера. Весьма часто решающее значение получают причины индивидуальные, о которых могут судить лишь участники событий; иногда решают причины морального порядка - их много, но о них предпочитают умалчивать; получают значение даже самые мелкие эпизоды и случайности, которые попадают в историю лишь в качестве анекдота. Теория по этому поводу может сказать только следующее: нужно не упускать из виду все преобладающее в соотношении между воюющими государствами; в них складывается известный центр тяжести, то средоточие сил и движений, от которого зависит целое; на этот-то центр тяжести противника и должен быть направлен совокупный удар всех сил.

Мелкое всегда зависит от великого, маловажное от важного, случайное от существенного; на этом и должно базироваться наше суждение.

Александр, Густав-Адольф, Карл XII, Фридрих Великий имели свой центр тяжести в армии - с разгромом последней их роль была бы закопчена; у государств, терзаемых борьбой партий, центр тяжести находится в большинстве случаев в столицах; в мелких государствах, опирающихся на могущественных союзников - в армиях последних; у союзников - в общности их интересов; при народной войне - в личности вождей и общественном мнении. Против этих центров и должен направляться в каждом частном случае удар.

Если противник потеряет от первого удара равновесие, то ему не следует давать время его восстанавливать; надо продолжать наносить ему удары все в том же направлении, или, другими словами, победитель должен всегда направлять свои удары на целое, а не на частности противника. Действительное сокрушение противника достигается не тем, что мы спокойно будем завоевывать превосходными силами какую-либо неприятельскую провинцию и предпочитать обеспеченное обладание этой небольшой добычей гадательной возможности крупного успеха, а лишь тем, что мы непрерывно будем идти по следу самого ядра неприятельских сил, бросая в дело все, чтобы все выиграть.

Но каков бы ни был центр тяжести неприятеля, против которого мы должны направлять свои

усилия, все же победа и разгром его вооруженных сил представляют самое надежное начало и самое существенное во всех случаях.

Поэтому, опираясь на многие данные опыта, мы полагаем, что сокрушение противника преимущественно обуславливается следующими обстоятельствами:

1. Разгромом его армии, когда она представляет в известной степени самостоятельный источник силы.
2. Занятием неприятельской столицы, если она представляет не только административный центр, но является и пунктом нахождения представительных учреждений и партий.
3. Действительным ударом главному союзнику, если последний сам по себе значительнее нашего противника.

До сих пор мы мыслили противника на войне как единое целое, что при широком подходе к вопросу было вполне допустимо. Но после того, как мы сказали, что сокрушение противника заключается в преодолении сопротивления, сосредоточенного в его центре тяжести, мы должны отказаться от этой предпосылки и выдвинуть на первый план тот случай, когда мы имеем дело более чем с одним противником.

Если два или несколько государств соединяются против третьего, то с политической точки зрения это составит лишь одну войну; однако подобное политическое единство бывает разных степеней.

Вопрос заключается в том, имеет ли каждое воюющее государство свой самостоятельный интерес и свои самостоятельные силы для преследования этого интереса или интересы и силы прочих государств лишь опираются и примыкают к интересу и силам одного из них. Чем сильнее выражен этот последний случай, тем легче смотреть на разных противников, как на одного, и тем скорее можем мы упростить наши основные действия, сведя их к одному главному удару, и, поскольку такое упрощение возможно, этот удар остается самым верным средством достигнуть успеха.

Отсюда мы выдвигаем принцип, что, поскольку мы в состоянии победить всех остальных противников в лице одного из них, сокрушение этого одного должно являться конечной военной целью, так как мы в нем одном поражаем общий центр тяжести всей войны в целом.

Только в очень редких случаях такое представление о противниках оказывается недопустимым и сведение нескольких центров тяжести к одному не находит под собой реальной почвы. Если мы имеем дело с таким редким случаем, то, конечно, ничего другого не остается, как рассматривать подобную войну в виде двух или нескольких войн, у каждой из которых имеется своя особая конечная военная цель. Так как этот случай предполагает самостоятельность нескольких противников, следовательно, значительное превосходство совокупности их, то при этом вообще не может быть речи о сокрушении противника^[324].

Теперь мы с большей определенностью обратимся к вопросу: когда постановка такой цели^[325] является возможной и может быть рекомендована?

Прежде всего, наши вооруженные силы должны быть достаточными:

- а) для того, чтобы одержать решительную победу над вооруженными силами противника;
- б) чтобы сохранить за собой такой перевес, который необходим, чтобы развить одержанную победу до того пункта, за которым восстановление равновесия уже невысказано;
- в) помимо этого, наше политическое положение должно давать нам обеспечение^[326] в том, что таким успехом мы не навлечем на себя новых врагов, которые нас могли бы немедленно отвлечь от нашего первого противника.

Франция имела возможность в 1806 г. полностью сокрушить Пруссию, хотя этим самым она навлекла на себя всю вооруженную мощь России, ибо Франция была в состоянии вынести в Пруссию свою оборону против России.

То же самое могла позволить себе Франция в 1808 г. в Испании по отношению к Англии, но не по отношению к Австрии. Франция была вынуждена в 1809 г. значительно ослабить свои силы в Испании, и, может быть, ей пришлось бы вовсе оттуда уйти, если бы у нее и без того не оказалось слишком значительного превосходства физических и моральных сил над Австрией.

Таким образом, надо хорошо обдумать свое положение в этих трех инстанциях, дабы в последней не проиграть процесса, уже выигранного в двух первых, и не быть присужденным к уплате судебных издержек.

При оценке сил и работы, которую ими можно выполнить, нередко возникает мысль рассматривать по аналогии с динамикой время как фактор силы и соответственно предположить, что при половине напряжения, следовательно, с силами, уменьшенными в два раза, - можно будет в течение двух лет выполнить то, чего можно было бы добиться в один год всеми силами полностью. Подобный взгляд, то явно, то скрыто лежащий в основу многих военных планов, безусловно ошибочен.

Выполнение военных действий, как и всякое дело на земле, требует определенного времени; понятно, что в неделю не пройдешь пешком от Вильно до Москвы, но здесь нельзя усмотреть и следа какого-либо взаимодействия времени и силы, имеющего место в динамике.

Время нужно обеим воюющим сторонам, и вопрос заключается только в том, которая из них по своему положению первой может получить от него особые выгоды. Такой стороной (полагая, что своеобразие конкретной обстановки в одном случае уравнивается другим случаем), очевидно, будет слабейшая сторона; правда, к такому выводу нас приводит закон не динамики, а психологии. Зависть, соперничество, заботы, порою даже великодушные являются естественными ходатаями за несчастного; с одной стороны, они привлекают к нему друзей, с другой - ослабляют и разваливают союз его врагов. Поэтому время скорее принесет что-нибудь терпящему поражение, чем завоевателю. Далее, не надо забывать, что использование первой победы, как мы указывали в другом месте, требует значительной затраты сил; эти затраты представляют не только единовременный расход, но и расход длительный, подобный жизни на широкую ногу. Не всегда добавочные ресурсы, извлеченные из оккупации неприятельских областей, оказываются достаточными для покрытия этого сверхсменного расхода; постепенно напряжение усилий будет возрастать, наконец, его может не хватить, и само время приведет к внезапным коренным изменениям в обстановке.

Разве те деньги и иные ресурсы, которые в 1812 г. Бонапарт извлек из Польши и России, могли заменить ему ту сотню тысяч людей, которую ему следовало бы послать в Москву, чтобы в ней удержаться?!

Но если завоеванные области достаточно обширны, если в них расположены пункты, имеющие существенное значение для незавоеванной части территории, то нанесенная рана, как раковая опухоль, сама разъедает дальше организм побежденного; при таких условиях, даже не двигаясь дальше, завоеватель будет с течением времени больше выигрывать, чем проигрывать. Если не подойдет подмоги извне, то время может довершить начатое дело; еще не оккупированная территория может попасть сама собою в руки завоевателя; таким образом, время может также стать фактором увеличения его сил, но лишь в том случае, когда побежденный уже не способен к контрудару и поворот к счастью больше немислим, т.е. когда это приращение сил завоевателя уже теряет для него всякое значение, так как он уже добился главного, а опасность, связанная с кульминационным пунктом победы, миновала, - словом, противник уже сокрушен.

Этим рассуждением мы стремились пояснить, что всякое завоевание должно быть выполнено возможно скорее, что рассрочка в выполнении его на более длительный период времени, чем это абсолютно необходимо, не облегчает, но затрудняет завоевание. Если такое утверждение правильно, то правильным будет и следующее: если мы вообще обладаем достаточными силами, чтобы осуществить известное завоевание, то мы находимся и в состоянии выполнить его одним духом, без

промежуточных остановок. Само собой разумеется, что здесь мы не имеем в виду кратких остановок для сосредоточения сил и для принятия тех или иных необходимых мер.

Высказывая взгляд, что существенной чертой наступательной войны является стремление быстро и безостановочно добиваться развязки, мы тем самым опровергаем в корне мнение, противопоставляющее развивающемуся без задержек завоеванию медленное, так называемое методическое завоевание, как более верное и надежное[327]. Однако паше утверждение может показаться парадоксом даже для тех, кто вплоть до этого пункта охотно с нами соглашался. На первый взгляд представляется, что оно содержит в себе противоречие; оно идет вразрез с застарелым предрассудком, глубоко укоренившимся и тысячи раз повторявшимся в книгах; поэтому! мы считаем целесообразным ближе рассмотреть те неосновательные доводы, которые могут быть выдвинуты против нас.

Конечно, легче достичь более близкой цели, чем более отдаленной; но если достижение ближайшей цели нас не удовлетворяет, то отсюда еще не следует, что перерыв наступления и остановка движения обеспечат нам возможность с большей легкостью пройти вторую половину пути. Маленький прыжок легче сделать, чем большой; однако, желая перепрыгнуть через широкую канаву, мы не начнем с того, что половинным прыжком спрыгнем на ее дно.

Если мы внимательнее взглянем в то, что лежит в идее так называемой методической наступательной войны, то увидим:

1. Завоевание неприятельских крепостей, которые встречаются по пути.
2. Накопление необходимых запасов.
3. Укрепление важных пунктов: складов, мостов, позиций и прочего.
4. Остановки для отдыха на зиму и расположение войск по квартирам для поправки.
5. Выжидание пополнений следующего года.

Устанавливая для достижения этих задач формальный перерыв хода наступления, приостановку движения, полагают, что при этом выигрывается новый оперативный базис и новые силы, словно собственное государство успеет продвинуться за своей армией, а последняя с каждым новым походом будет получать новую ударную силу.

Все эти похвальные достижения, может быть, делают наступательную войну более удобной, но они отнюдь не делают более обеспеченным ее конечный успех, в большинстве случаев они лишь маскируют известные противоречия в настроении полководца или нерешительность правительства. Мы попытаемся опрокинуть их ударом с левого фланга.

1. Выжидание новых пополнений распространяется в той же мере, а пожалуй, даже в большей, и на противника, баланс здесь складывается в его пользу. Кроме того, в природе вещей, что государство за один год может выставить в поле приблизительно столько же солдат, сколько и за все два года, ибо действительный прирост сил за этот второй год по отношению к целому лишь крайне незначителен.

2. Противник отдыхает в такой же степени, как и мы.

3. Укрепление городов и позиций не дело армии, а потому не может служить основанием для проволоочки.

4. При теперешнем способе довольствования армий нужда в магазинах сказывается больше, когда армия стоит на месте, чем когда она продвигается вперед. Пока продвижение протекает успешно, наступающий всегда овладевает неприятельскими запасами, и это его выручает там, где местные средства скудны.

5. На овладение неприятельскими крепостями нельзя смотреть как на приостановку наступления, это - интенсивное развитие наступления, следовательно, вызываемая этим пауза имеет чисто внешний характер и, собственно говоря, не является тем случаем, о котором идет речь; это не задержка и не ослабление темпа. Но целесообразно ли предпринимать подлинную осаду той или другой крепости или же можно ограничиться блокадой или даже простым наблюдением их - это вопрос, могущий быть разрешенным лишь в зависимости от конкретных условий. Мы' ограничимся здесь общим указанием, что ответ на этот вопрос может быть дан только после разрешения другого вопроса: подвергается ли наступающий чрезмерной опасности, если он ограничится одной лишь блокадой и будет продолжать дальнейшее продвижение? Там, где такой опасности нет и имеется еще простор для распространения своих сил, лучше - отложить правильную осаду до конца-всего наступления. Не следует соблазняться мыслью поскорей закрепить за собой завоеванное и упускать из-за этого более важное.

Правда, можно полагать, что при дальнейшем продвижении вперед мы тотчас же снова ставим па карту все> приобретенное. Нам все же представляется, что в наступательной войне всякий перерыв, всякий отдых, всякая промежуточная остановка являются противоестественными; если же они оказываются неизбежными, на них следует смотреть как на зло, которое не только не обеспечивает успеха, но делает его сомнительным; более того, общая истина заключается в том, что когда мы по своей слабости допустим остановку, то нормально второго скачка к цели уже не последует, и если бы второй скачок был возможен, то для него эта остановка вовсе не была бы нужна, а если намеченная цель по своей отдаленности была с самого начала нам не по силам, она останется такой же навсегда.

Мы говорим: так выглядит общая истина; мы стремимся лишь устранить ту идею, будто время само по себе может доставить наступающему какой-либо выигрыш. Но так как политические отношения могут меняться из года в год, то по одной этой причине могут встретиться исключения, не отвечающие этой общей истине.

Может показаться, будто мы уклонились от пашей общей точки зрения и остановили свое внимание исключительно на войне наступательной. Но это не так. Правда, тот, кто имеет возможность задаться целью окончательно сокрушить своего противника, лишь в редких случаях будет вынужден обратиться к обороне, ближайшая задача которой состоит лишь в сохранении того, чем обладаешь; но мы безусловно должны настаивать на том, что оборона, лишенная всякого положительного начала, содержит в себе внутреннее противоречие как в стратегии, так и в тактике. Мы постоянно будем повторять, что всякая оборона должна по мере сил стремиться перейти в наступление, как только она исчерпает присущие ей выгоды. Это наступление и его цель следует рассматривать как подлинную цель обороны, независимо от того, велика она или мала. Поэтому целью обороны, возможно, явится и сокрушение неприятеля. Что могут встретиться и такие случаи, когда наступающий, хотя и имеет в виду огромную цель сокрушения, все же предпочтет сначала использовать оборонительную форму ведения войны, и что подобное представление не уклоняется от действительности, - легко доказать на примере похода 1812 г. Может быть, император Александр и не задумывался, втягиваясь в войну, над окончательным сокрушением своего противника[328], как это случилось впоследствии, но разве у него не могло быть такой мысли? И разве при наличии этой мысли не являлось все же вполне естественным, что русские начали войну с обороны?

Глава 5. Ограниченная цель (Продолжение)

В прошлой главе мы сказали, что под выражением "сокрушение противника" мы разумеем подлинную абсолютную цель военных действий; теперь рассмотрим, что остается делать в том случае, когда нет предпосылок для достижения этой цели.

Эти предпосылки заключаются в большем превосходстве физических или моральных сил или же в большей предприимчивости и склонности к крупным дерзаниям. Там, где нет этих условий, цель военных действий может быть лишь двоякого рода: или завоевание какой-либо небольшой или умеренной части неприятельской территории, или сохранение собственной - в ожидании более благоприятного момента; последнее представляет обычный случай при оборонительной войне.

Которая из этих двух задач уместна в данном конкретном случае, указывает нам выражение,

примененное нами по отношению к последней. Выжидание более благоприятного момента предполагает, что мы вправе ожидать такого момента в будущем; следовательно, такое выжидание, т.е. оборонительная война, всегда мотивируется такой перспективой; напротив, война наступательная, т.е. использование настоящего мгновения, предугадывается во всех тех случаях, когда будущее подает надежды не нам, а нашему противнику.

Третьим случаем, который, быть может, является наиболее типичным, был бы тот, когда обеим сторонам ничего определенного от будущего ждать не приходится, когда от будущего, следовательно, также нельзя получить определяющего основания. В этом случае, очевидно, нужно наступательную войну вести тому, кто является политически нападающим, т.е. тому, у кого есть для этого положительное основание; поскольку он для этой цели и вооружался, все время, которое тратится без достаточно веской причины, является для него чистой потерей.

Здесь мы принимаем решение в пользу наступательной или оборонительной войны на основаниях, которые вовсе не затрагивают вопроса о соотношении сил; а между тем, казалось бы, гораздо правильнее производить выбор между наступлением и обороной преимущественно в зависимости от взаимного соотношения сил воюющих сторон, однако мы полагаем, что при этом-то мы как раз и сошли бы с правильного пути. Логическую правильность нашего простого умозаключения никто не станет оспаривать; посмотрим теперь, может ли оно явиться ошибочным в конкретном случае.

Представим себе небольшое государство, которое вступило в конфликт с другим, значительно превосходящим его силами, и предвидит, что его положение будет ухудшаться с каждым годом. Разве оно не должно, если война неизбежна, воспользоваться тем временем, когда положение его менее плохо? Следовательно, оно должно наступать, но не потому, что наступление само по себе представляет какие-либо выгоды, - напротив, оно еще более увеличит неравенство сил, - но потому, что ему необходимо полностью покончить с этим делом, прежде чем наступят невыгодные для него времена, или по крайней мере добиться временных успехов, которые оно впоследствии может использовать. Такой вывод никоим образом нельзя признать нелепым. Но если бы это маленькое государство имело полную уверенность, что его противники сами двинутся против него, то в таком случае оно безусловно может и должно использовать оборону против них, чтобы добиться первоначального успеха; в этом случае оно, по крайней мере, не подвергается опасности потерять время.

Представим себе, далее, маленькое государство в войне с большим государством, причем предвидение будущего не влияет в какую-либо сторону на их решение; все же, если маленькое государство является наступающей стороной в политическом отношении, мы можем от него требовать, чтобы оно шествовало к своей цели.

Раз у него хватило дерзости на то, чтобы выдвинуть положительную политическую цель против более могущественного государства, то оно должно и действовать соответственно, т.е. вести наступление против своего врага, если только последний не снимет с него это бремя упреждением своего наступления. Выжидание было бы с его стороны абсурдом, свидетельствующим, что оно изменило свое политическое решение в момент его выполнения; последний случай довольно часто имеет место и немало способствует тому, что война приобретает неопределенный характер.

Наши размышления об ограниченной цели приводят нас и к наступательной войне с такой целью и к войне оборонительной; мы рассмотрим их в отдельных главах, но предварительно мы должны затронуть еще другой вопрос.

Мы до сих пор выводили ограничение конечной военной цели лишь из внутренних причин. Природу политических намерений мы учитывали лишь постольку, поскольку она направлена или не направлена на нечто положительное. Все прочее в политических намерениях по существу представляет нечто чуждое самой войне; однако во II главе 1-й части (цель и средства войны) мы уже установили, что характер политической цели, величина наших или неприятельских требований и все наше политическое положение фактически имеют решающее влияние на ведение войны.

Глава 6.

А. Влияние политической цели на конечную военную цель

Мы никогда не встретимся с таким случаем, чтобы государство, выступающее в интересах другого, относилось к ним столь же серьезно, как к своим собственным. Обычно отправляют среднего размера вспомогательную армию; если ее постигнет неудача, то на всем деле ставят крест и стараются выпутаться возможно дешевле.

В европейской политике давно вошло в обычай, что заключая взаимные оборонительные и наступательные союзы, государства обязуются оказывать друг другу взаимную поддержку, но не в такой мере, чтобы вражда и интересы одного союзника становились благодаря этому обязательными для другого; поддержка состоит лишь в том, что государства, не обращая внимания ни на предмет войны, ни на усилия противника, обещают друг другу определенную, обычно очень умеренную военную силу[329].

При таком выполнении союзнического долга союзник не рассматривает свои отношения с противником как состояние настоящей войны, которая обязательно должна была бы начинаться с объявления войны и заканчиваться заключением мира.

Однако это понятие нигде сколько-нибудь определенно не выражено, а практика в этом вопросе представляется колеблющейся[330].

Дело приобрело бы известную внутреннюю цельность, и теория войны не была бы поставлена по этому вопросу в столь неопределенное положение, если бы обещанная вспомогательная сила в 10, 20 или 30 тысяч человек предоставлялась воюющему государству в полное его распоряжение, чтобы оно могло ею пользоваться сообразно своим потребностям; в таком случае на вспомогательный отряд можно было бы смотреть, как на наемное войско. Но на практике бывает далеко не так. Обычно вспомогательная армия имеет своего отдельного командующего, зависящего только от своего правительства; последнее ставит ему цель, наиболее совершенным образом отражающую половинчатость его намерений.

Но даже в тех случаях, когда действительно два государства ведут войну с третьим, все же у них не всегда бывает совершенно одинаковый подход к нему, как к врагу, которого они должны уничтожить, дабы он их не уничтожил; часто все дело трактуется как торговая сделка, в которую каждый вкладывает, в зависимости от степени опасности, которой он подвергается, и в меру выгод, которых он может ожидать, определенный пай в 30 - 40 тысяч человек и поступает так, как будто он в этом деле может потерять только эту свою долю.

Такая точка зрения господствует не только в тех случаях, когда одно государство приходит другому на помощь в вопросе, мало его касающемся; даже при наличии у обоих государств общего крупного интереса дело не обходится без известных дипломатических оговорок, и договаривающиеся стороны обычно обязываются в заключаемой конвенции только на незначительное соучастие, чтобы использовать остальные военные силы в соответствии с особыми соображениями, которые могут возникнуть из дальнейшего хода политики.

Такой подход к ведению войны союзниками являлся чрезвычайно распространенным; лишь в последнее время под влиянием крайней опасности, заставившей умы стать на естественный путь (как то было против Бонапарта), или вынужденный безудержным насилием (в коалициях, образованных Бонапартом), он должен был уступить свое место более естественному.

Этот подход является половинчатостью, аномалией, ибо как война, так и мир по существу являются понятиями, которые невозможно разграничить по степеням; тем не менее эта манера является не просто дипломатическим обычаем, которым мог бы пренебречь разум; она глубоко коренится в природной ограниченности и слабости людей.

Наконец, и в войнах, которые вело государство в единственном числе, политические поводы оказывали могучее влияние на способ их ведения.

Если мы хотим добиться от неприятеля лишь небольшой жертвы, то можем довольствоваться

приобретением посредством войны небольшого эквивалента, что мы считаем возможным при умеренном напряжении сил. Приблизительно так же мыслит и наш противник. Когда та или другая сторона начнет убеждаться, что она ошиблась в своих расчетах, что она не имеет некоторого превосходства над противником, как того желала, и, наоборот, оказалась слабее его, то в этот момент обычно не хватает ни денег, ни всех остальных ресурсов, не хватает и достаточного морального импульса для проявления величайшей энергии; в результате изворачиваются, как могут, надеются па благоприятные события в будущем, хотя бы к тому не было никаких оснований, а война, между тем, влечит жалкое существование, как ослабленный, хворый организм.

Таким путем взаимодействие, соревнование, все могучее и неудержимое в войне тонет в застое слабых побуждений, и обе стороны действуют на крайне стеснившейся арене в сознании известной безопасности.

Если допустить это влияние политической цели на войну, а допустить его необходимо, то нельзя установить границ этого влияния и придется волей-неволей дойти до признания таких войн, которые заключаются только в угрозе противнику и ведутся в подкрепление переговоров.

Что теория войны, стремящаяся быть и оставаться философским размышлением, оказывается в данном случае в затруднительном положении, вполне понятно. Все необходимое, заключающееся в понятии войны, ускользает от теории, и ей грозит опасность лишиться всякой точки опоры. Однако скоро открывается естественный выход. Чем больше сказывается в военных действиях умеряющее начало или, вернее, чем слабее становятся побуждения к действию, тем более действие переходит в пассивное состояние, тем меньше становятся результаты, которые оно дает, и тем меньше оно нуждается в руководящих принципах. Все военное искусство обращается в простую осторожность, а последняя направляется главным образом на то, чтобы, колеблющееся равновесие внезапно не нарушилось в ущерб нам, а полувойна не превратилась в настоящую войну.

Б. Война есть орудие политики[331]

Мы всесторонне рассмотрели расхождение, существующее между природой войны и другими интересами отдельного человека и общественных союзов, дабы не упустить ни одного из этих элементов противоречия; это расхождение коренится в самом человеке, следовательно, не может быть разрешено философией. Закончив это, мы попытаемся теперь найти то единство, в которое эти элементы противоречия сливаются в практической жизни, отчасти нейтрализуя друг друга. Мы бы уже в самом начале выдвинули это единство, если бы не было необходимости заранее с особенной отчетливостью выделить эти противоречия и рассмотреть различные элементы в отдельности. Это единство[332] заключено в понятии о том, что война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не чем-то самостоятельным.

Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам.

Мы[333] утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств. Мы говорим: при вмешательстве иных средств, чтобы вместе с тем подчеркнуть, что эти политические отношения самой войной не прекращаются, не преобразуются в нечто совершенно другое, но по существу продолжают, какую бы форму ни принимали средства, которыми они пользуются, и что главные линии, по которым развиваются и связываются военные события, начертаны политикой, влияющей на войну вплоть до мира. И как можно себе представить это иначе? Разве[334] когда-либо прекращаются вместе с дипломатическими нотами политические отношения различных народов и правительств? Разве война не является только другим способом изложения и высказывания их мыслей? Война, конечно, имеет свою собственную грамматику, но несобственную логику.

Следовательно, война никогда не может отделяться от политических отношений, и если это где-либо происходит, то тем самым в известной мере разрываются все связующие нити и получается нечто бессмысленное и бесцельное.

Без такого понимания нельзя обойтись даже в том случае, если бы война была всецело войной, всецело проявлением необузданной стихии вражды. В самом деле, разве все факторы, на которых война основана и которые определяют ее главное направление, как то: собственная сила, сила противника, союзники обеих сторон, характер народов и правительств обеих сторон и т. д., как это мы перечисляли в первой главе первой книги, - разве все это факторы не политического характера и разве они не связаны со всеми политическими отношениями - столь тесно, что их невозможно от них отделить? - Но такое понимание становится вдвойне необходимым, если мы примем во внимание, что действительная война новее не стремится последовательно к наибольшей крайности, каковой она должна была бы быть согласно своему понятию, но что в действительности война половинчата, внутренне противоречива; что она как таковая не может следовать своим собственным законам, а должна рассматриваться как часть другого целого, и это целое политика. [335]

Политика, используя войну, уклоняется от всех строгих выводов, вытекающих из природы войны, мало заботится о конечных возможностях, интересуется лишь ближайшими вероятностями. Отсюда вносится во все дело значительная неопределенность, и, следовательно, война становится своего рода игрой; при этом политика каждого правительства лелеет надежду превзойти в этой игре своего противника искусством и дальновидностью.

Так[336] всеокрушающую стихию войны политика превращает лишь в свое простое орудие; страшный боевой меч, требующий, чтобы его подняли обеими руками, напрягая все силы для нанесения одного окончательного удара, благодаря политике превращается в легко управляемую шпагу, порою даже в рапиру, которой фехтуют по всем правилам искусства.

Так разрешаются противоречия, в которые война запутывает робкого по природе человека, если можно это назвать разрешением.

Раз[337] война есть часть политики, то, следовательно, она будет принимать и ее свойства. Когда политика становится более грандиозной и мощной, то таковой же становится и война; и этот рост может дойти до такой высоты, что война приобретет свой абсолютный облик.

Таким образом, при указанном способе понимания нам нет надобности упускать из виду этот облик войны, - напротив, он должен всегда чувствоваться на заднем плане.

Только с этой точки зрения война снова становится единством, только при этом можно рассматривать все войны как вещи одного рода[338]; только при таком представлении наше суждение получает правильную и точную опору и точку зрения, на основе которых следует создавать крупные планы и их оценивать.

Конечно, политический элемент не проникает глубоко в детали войны: пикеты и патрули[339] выставляются не согласно политическим соображениям; но тем решительнее влияние политического элемента при составлении плана всей войны, плана кампании и часто даже плана сражения.

Поэтому мы и не торопились выдвинуть в самом начале эту точку зрения. Она бы нам мало помогла при рассмотрении отдельных явлений и даже до известной степени отвлекала бы наше внимание; но при рассмотрении вопроса о плане войны и кампании она совершенно необходима.

Самое[340] важное в жизни - это отыскать такую точку зрения, исходя из которой все вещи могли бы быть поняты и оценены, и ее придерживаться; ибо только на основе единой точки зрения возможно охватить всю совокупность заявлений, как одно целое, и только единство точки зрения может предохранить нас от противоречий.

Если, следовательно, при составлении плана войны недопустимы две или несколько точек зрения в оценках, например, точка зрения солдата, администратора, политика и т. д., то спрашивается, необходимо ли, чтобы именно политика была той точкой зрения, которой должно подчиняться все остальное[341].

Мы исходим из того, что политика объединяет в себе и согласовывает все интересы как внутреннего управления, так и гуманности и всего остального[342], что может быть выдвинуто

философским разумом, ибо сама по себе политика ничто; она лишь защитник всех этих интересов перед другими государствами. Что политика может иметь неверное направление, служить преимущественно честолюбию, частным интересам[343], тщеславию правителей это сюда не относится. Ни в коем случае военное искусство не является "наставником" политики. Мы можем здесь рассматривать политику лишь как представителя всех интересов целого общества[344].

Итак, вопрос состоит лишь в том, должна ли при составлении плана войны политическая точка зрения склоняться перед точкой зрения чисто военной (если таковая вообще была бы мыслима), т.е. или совершенно исчезать, или ей подчиняться, или же политическая точка зрения должна быть господствующей, а военная находиться у нее в подчинении?

Мнение[345], что политическая точка зрения с началом войны перестает существовать, имело бы основание лишь в том случае, если войны были бы боем не на жизнь, а на смерть вследствие простой вражды; войны же в том виде, как они бывают в действительности, являются не чем иным, как выражением политики, что мы уже выше показали. Подчинить политическую точку зрения военной - бессмысленно, так как политика родила войну[346]. Политика - это разум, война же только орудие, а не наоборот. Следовательно, остается только возможным подчинение военной точки зрения политической.

Размышляя над вопросом о природе действительной войны, мы вспоминаем сказанное в III главе этой части: всякая война должна прежде всего рассматриваться по своему вероятному характеру и по главным очертаниям, вытекающим из политических величин и отношений; часто, - в наши дни мы можем с уверенностью сказать в большинстве случаев, - война должна рассматриваться как органическое целое, от которого нельзя отделить его составных частей, в котором, следовательно, каждое отдельное действие должно сливаться с целым и исходить из идеи этого целого; таким образом, нам станет совершенно понятным и ясным, что высшая точка зрения для руководства войной, из которой должны исходить главные руководящие линии, может быть только точка зрения политики.

Если мы будем исходить из этой точки зрения, все планы станут как бы монолитными, понимание и оценка облегчатся и станут естественнее, убежденность повысится, побуждения окажутся более соответственными, а история станет более понятной[347].

При такой точке зрения спор между интересами политическими и военными уже не вытекает из самой природы вещей; поэтому, если он возникает, на него надлежит смотреть просто как на недостаток разума. Конечно, политика не может предъявлять к войне невыполнимых требований; это противоречило бы совершенно естественной и необходимой предпосылке, что она знает орудие, которым желает пользоваться. Если же она правильно судит о ходе военных событий, то определение, какие события и какое направление событий более всего соответствуют задачам войны, - целиком дело политики и может быть только ее делом.

Словом, военное искусство, рассматриваемое с высшей точки зрения, становится политикой, однако, разумеется, политикой, дающей сражения, вместо того чтобы писать ноты[348].

Согласно этому взгляду недопустимо и даже вредно устанавливать такое различие, что крупное военное событие или план операции допускают обсуждение с чисто военной стороны; более того, привлечение военных к обсуждению планов войны, чтобы они высказались с чисто военной точки зрения о том, что следует делать правительствам, представляет прием, противоречащий здравому смыслу; и еще нелепее требование теоретиков, чтобы имеющиеся для войны средства передавались полководцу, а последний в соответствии с ними вырабатывал бы чисто военный план войны или кампании. Точно[349] так же весь наш опыт говорит за то, что, несмотря на большое разнообразие и развитие современного военного дела, главные руководящие линии войны все же всегда определялись кабинетами, т.е., выражаясь технически, только политической, а не военной инстанцией.

И это вполне естественно. Ни один из основных планов, необходимых для войны, не может быть составлен без учета политических условий. Обычно выражают нечто совсем другое, чем то, что хотят сказать, когда говорят, - а это часто имеет место - о вредном влиянии политики на ведение войны. Следует в этом случае порицать не это влияние политики, а самую политику. Если политика верна, т.е. если она ведет к своей цели, то соответственное ее воздействие может быть лишь благотворным для

войны; там же, где ее воздействие удаляет нас от цели, корень зла надо искать лишь в ошибках политики.

Лишь в тех случаях, когда политика ошибочно ожидает от применения некоторых боевых средств и мероприятий несоответственного их природе действия, она может своими решениями оказать вредное влияние на войну. Подобно тому как человек, мало знакомый с каким-нибудь языком, порою выражает не то, что он хочет сказать, так и политика даже при правильном ходе мысли может поставить задачи, не соответствующие ее собственным намерениям.

Последнее имело место бесчисленное множество раз, что доказывает, что политические вожди не должны быть чужды известному пониманию военного дела.

Раньше, чем продолжать, мы должны оградиться от неправильного толкования, которое легко может появиться. Мы далеки от мысли, что зарывшийся в бумагах военный министр, или ученый инженер, или даже испытанный боец будет наилучшим канцлером в том случае, если глава государства не руководит политикой. Иными словами, мы вовсе не хотим сказать, что знание военного дела должно быть главным качеством государственного человека. Широкий, выдающийся ум, сильный характер - вот те качества, которыми он по преимуществу должен обладать; понимание же военного дела всегда возможно так или иначе восполнить. Никогда во Франции политические и военные дела не руководились хуже, чем при братьях Белиль и герцоге Шуазель[350], которые все трое были хорошими солдатами.

Война должна вполне соответствовать замыслам политики, а политика должна соразмерять их в соответствии с имеющимися для войны средствами. Если политик и солдат не совмещаются в одном лице, то для достижения этого имеется лишь одно хорошее средство - сделать главнокомандующего членом правительства, дабы он в важнейшие моменты принимал участие в его совещаниях и решениях. Но опять-таки это возможно лишь в том случае, если само правительство находится вблизи театра военных действий, чтобы можно было без особого промедления решать все вопросы.

Австрийский император в 1809 г. и союзные государи в 1813, 1814 и 1815 гг. поступили таким образом, и этот метод вполне оправдался на практике.

Крайне опасно влияние в кабинете другого военного помимо главнокомандующего; это редко приведет к здоровой и энергичной работе. Пример Франции, когда Кар-но в 1793, 1794 и 1795 гг. руководил военными действиями из Парижа, безусловно не заслуживает подражания[351], ибо приемы террора доступны лишь революционным правительствам.

Закончим теперь рассуждение историческим обзором.

В 90-х годах прошлого[352] столетия произошел замечательный переворот в европейском военном искусстве; из-за него часть достижений лучших армий утратила всякое значение[353]. Начали достигаться такие военные успехи, о размерах которых раньше не имелось вовсе представления, казалось, что вся ответственность за происшедшие катастрофы ложится на ошибочные расчеты военного искусства. Конечно, привычки и традиции ограничивали военное искусство узким кругом идей, и оно было захвачено врасплох лавиной новых обстоятельств, которые хотя и выходили за пределы старого круга представлений, но не противоречили существу дела.

Наблюдатели[354], обладавшие наибольшей широтой взгляда, приписывали это явление тому общему воздействию, какое политика в течение столетий оказывала на военное искусство, и притом к вящему вреду последнего, вследствие чего это искусство стало межеумочным и опустилось до игры в солдатики. Факт был верно подмечен, но было ошибочно видеть в нем нечто случайно возникшее, чего легко можно было избежать.

Другие пытались все объяснить расхождениями в политике Австрии, Пруссии, Англии и других стран.

Разум чувствовал себя захваченным врасплох; но правда ли, что подлинная внезапность имела место в области, ведения войны, а не самой политики? Мы поставим вопрос на нашем языке:

проистекло ли бедствие из влияния политики на войну или же из ложного направления политики?

Огромное влияние Французской революции на зарубежные страны заключается, очевидно, не столько в новых средствах войны и новых взглядах на ее ведение, сколько в совершенно изменившихся методах государственного и: административного управления, в характере правительства, положении народа и т. д. Что правительства других стран па эти вещи смотрели неправильно, что они обычными средствами хотели создать противовес новым и неудержимым силам, все это - ошибки политики.

Разве эти ошибки можно было предвидеть и исправить, стоя на почве чисто военного понимания явлений? Конечно, нет. Ибо если бы и появился в то время подлинный стратег-философ, который из одной лишь природы; враждебного начала предвосхитил бы все последствия и, как пророк, возвестил бы об отдаленных грядущих возможностях, то такое откровенно осталось бы гласом вопиющего в пустыне.

Лишь при том условии, что политике удалось бы подняться до правильной оценки пробудившихся во Франции сил и новых политических отношений, возникших в Европе, политика могла бы предвидеть, как отсюда сложатся общие очертания войны, а последнее привело бы ее к установлению нужного объема средств, к выбору лучших, путей.

Следовательно, можно сказать: двадцатилетние победы революции являются главным образом следствием ошибочной политики противостоявших ей правительств.

Правда, ошибки эти обнаружили лишь во время войны, а события последней оказались в полном противоречии с теми ожиданиями, которые на них возлагались политикой. Но это произошло не от того, что политика не удосужилась посоветоваться с военным искусством. То военное искусство, которому политика могла верить, т.е. военное искусство того же времени, того же порядка, того же старого мира, к которому относилась и политика, представляло хорошо знакомый инструмент, которым она и раньше пользовалась; но оно, конечно, утверждаем мы, разделяло заблуждения политики, поэтому не могло ей открыть глаза. Правда, сама война в своей сущности, в своих формах также претерпела значительные изменения, приблизившие ее к абсолютному облику; но эти изменения возникли не из того, что французское правительство в известной мере эмансипировало войну, спустило ее, так сказать, с привязи политики; эти изменения возникли из новой политики, которая вышла из недр Французской революции, притом не только для Франции, но и для всей Европы. Эта политика выдвинула другие средства и другие силы и поэтому сделала возможным ведение войны с такой энергией, о которой вне этих условий нечего было бы думать.

Итак, действительные изменения в военном искусстве являются следствием изменившейся политики. Они отнюдь не служат доказательством возможности отделения одного от другого, а наоборот, являются решительным доказательством их тесного единства.

Итак, еще раз: война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить политической мерой. Поэтому ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам.

Глава 7. Ограниченная цель.

Наступательная война

В тех случаях, когда сокрушение противника не может явиться задачей войны, налицо все же может иметься непосредственно положительная цель. Последняя может заключаться лишь в завоевании части неприятельской территории.

Польза от такого завоевания заключается в том, что мы ослабляем этим путем неприятельское государство, а следовательно, и его вооруженные силы, и умножаем свои собственные силы; таким путем до некоторой степени мы ведем войну за счет противника. Кроме того, при заключении мира

обладание неприятельской областью может рассматриваться как чистый выигрыш, ибо она или останется за нами, или может быть обменена на другие выгоды.

Такой взгляд на завоевание неприятельской страны является весьма естественным, и против него не было бы вовсе возражений, если бы не состояние обороны, которое должно следовать за наступлением, оно часто может внушать опасения

В главе о кульминационном пункте победы мы с достаточной подробностью разъяснили, каким образом такое наступление ослабляет вооруженные силы и как за ним может последовать состояние, возбуждающее основательную тревогу за последствия.

Это ослабление наших сил при завоевании неприятельской территории имеет свои степени; эти последние находятся в зависимости преимущественно от географического положения завоеванного участка. Чем больше он является дополнением наших собственных земель, будучи окружен ими или простираясь вдоль них, чем больше он тянется в направлении действия главных сил, тем меньше он будет ослаблять наши вооруженные силы[355]. Саксония во время Семилетней войны представляла естественное дополнение прусского театра войны, и занятие ее не только не уменьшало вооруженных сил Фридриха Великого, но даже их усиливало, ибо она ближе расположена к Силезии, чем Бранденбург, и непосредственно прикрывает последнюю[356].

Даже Силезия, завоеванная Фридрихом Великим в 1740 и 1741 гг., не ослабила его вооруженных сил, ибо по своей форме и положению, а также по особенности своих границ[357] она предоставляла австрийцам, пока последние не владели Саксонией, лишь суженный конец, а этот небольшой участок соприкосновения к тому же лежал на том самом направлении, на котором были должны наноситься главные взаимные удары.

Напротив, в тех случаях, когда завоеванный участок территории вдается между другими неприятельскими провинциями, занимает эксцентрическое положение[358] и имеет неблагоприятные условия поверхности, ослабление вооруженных сил завоевателя возрастает так заметно, что не только неприятелю облегчается достижение победы в сражении, но таковое ему может даже не потребоваться.

Австрийцы всякий раз при попытке вторжения из Италии в Прованс бывали вынуждены очищать его без боя. Французы были рады выбраться в 1744 г. из Богемии, даже не проигравши ни одного сражения. Фридрих Великий в 1758 г. не мог удержаться в Богемии и Моравии с такими же силами, с какими он достиг столь блестящих успехов в 1757 г. в Силезии и Саксонии. Случаи, когда армии не могли удержаться в завоеванных землях лишь вследствие вызванного этим ослабления, встречаются столь часто, что нет надобности приводить дальнейшие примеры.

Поэтому, когда возникает вопрос о том, должны ли мы ставить себе такую цель, то все зависит от того, можем ли мы рассчитывать удержать за собой завоеванное или же окупит ли нам в достаточной мере временный захват территории (вторжение, диверсия) затраченные на него силы; в особенности следует обдумать, нет ли основания опасаться сильного обратного удара, от которого можно вовсе утратить равновесие. Над чем надо останавливаться в каждом конкретном случае при разрешении этого вопроса, мы уже указали в главе о кульминационном пункте. Нам остается добавить лишь следующее. Такого рода наступлением нам не всегда удастся возместить ущерб, понесенный на других направлениях. Пока мы занимаемся частичным завоеванием, неприятель может предпринять на другом участке то же самое, и если наше предприятие не будет иметь преобладающего значения, то оно не заставит неприятеля отказаться от своего начинания. Поэтому все сводится к зрелому обсуждению вопроса, не потеряем ли мы при этом больше, чем выиграем.

Сам по себе ущерб от неприятельского завоевания всегда бывает больше выгод, извлеченных нами из завоевания, хотя бы ценность завоеванных обеими сторонами областей была совершенно одинакова; это объясняется тем, что при завоевании многое теряется непродуманно.

Но так как непродуманные издержки имеют место и у противника, то они, собственно, не должны были бы являться основанием к тому, чтобы придавать большее значение сохранению принадлежащего нам, чем завоеванию. А все же это так. Сохранение того, что принадлежит нам,

всегда ближе нас затрагивает, и страдания, причиняемые нашей собственной стране, лишь тогда уравниваются и в известной степени централизуются, когда возмездие обещает принести значительные проценты, т.е. значительно превысить понесенный ущерб.

Вывод из всего вышесказанного тот, что стратегическое наступление, ставящее себе лишь умеренную задачу, в гораздо меньшей степени может освободиться от необходимости оборонять непосредственно не прикрытые им участки, чем наступление, направленное на центр тяжести неприятельского государства. Поэтому при постановке ограниченной цели не может быть в такой же степени достигнуто сосредоточение сил во времени и пространстве. Чтобы такое сосредоточение могло произойти хотя бы во времени, необходимо перейти в наступление, и притом одновременно на всех подходящих участках; но при таком наступлении утрачивается другая выгода, заключающаяся в том, что на отдельных пунктах при оборонительных действиях можно было бы обойтись гораздо меньшими силами. Таким образом, при постановке умеренной цели все военные действия уже нельзя сосредоточить в одной главной операции, а последнюю нельзя развить согласно одной основной руководящей идее. Все расплывается вширь, всюду усиливается трение и раскрывается более широкий простор для случайности.

Такова естественная тенденция явлений. Она постепенно сковывает и централизует полководца. Чем яснее он сознает эту тенденцию, чем больше в его распоряжении средств и полномочий, тем энергичнее он будет пытаться от нее освободиться, чтобы сосредоточить все внимание к одному пункту, хотя бы то было сопряжено и с большим риском.

Глава 8. Ограниченная цель.

Оборона

Конечная военная цель оборонительной войны, как мы уже говорили раньше, никогда не может быть абсолютно отрицательной. Даже для слабейшей стороны всегда найдется возможность сделать что-нибудь чувствительное или угрожающее противнику.

Правда, можно было бы указать, что такая цель будет заключаться в утомлении противника, ибо раз последний стремится к положительному результату, то для него всякое неудавшееся предприятие, даже если оно не имело иных последствий, кроме потери затраченных на него сил, представляет уже по существу шаг назад, в то время как потери обороняющегося являются не напрасными, ибо его цель - сохранение и эта цель достигается. Итак, можно было бы сказать, что положительная цель обороны заключается уже в сохранении. Такое понимание следовало бы признать правильным, если бы можно было определенно утверждать, что наступающий после известного числа неудачных попыток обязательно утомится и откажется от достижения своей цели. Но как раз такой неизбежности нет. С точки зрения истощения сил обороняющийся находится в менее выгодном положении. Наступление действительно ослабляет, но лишь в том случае, что может наступить поворотный пункт; в тех же случаях, когда о нем не приходится и думать, обороняющийся обессиливается больше, чем наступающий, отчасти потому, что он является слабейшей стороной и, следовательно, при равенстве потерь терпит больший урон, чем наступающий, а отчасти потому, что последний обычно отнимает у него часть его территории и источников снабжения и пополнения.

Однако нет никаких оснований делать отсюда вывод об уступке противнику, так как надо иметь в виду, что когда наступающий будет повторять свои удары, а обороняющийся будет ограничиваться одним отражением их, то последний уже не сможет устранить опасность успеха со стороны противника, и успех этот рано или поздно наступит.

Если действительно истощение или, вернее, утомление сильнейшей стороны нередко приводило к заключению мира, то причиной тому был тот половинчатый характер, который большей частью присущ войне. Однако с философской точки зрения в этом нельзя видеть общую и конечную задачу какой-либо обороны; отсюда остается лишь признать, что цель последней заключается в понятии выживания, каковое и составляет ее характерную черту. Это понятие включает в себе представление об изменении обстоятельств, об улучшении положения, чего можно ожидать лишь извне, там, где этого нельзя достигнуть внутренними средствами, т.е. самим сопротивлением, Это улучшение извне

может быть вызвано только изменением политической обстановки; или обороняющемуся удастся заключить новые союзы, или же окажутся расторгнутыми старые, направленные против него.

Такова, следовательно, цель обороняющегося в том случае, когда его слабость не дает ему оснований рассчитывать на успех сколько-нибудь значительного контрудара. Но не всякая оборона, согласно идее, которую мы о ней составили, носит такой характер. Мы указывали, что оборона является сильнейшей формой войны, и ради этой силы оборона может быть применена и в том случае, когда учитывается более или менее сильный контрудар.

Оба эти случая нужно с самого начала отделить друг от друга, ибо оборона в них складывается несколько differently.

В первом случае обороняющийся старается возможно дольше удержать за собой и сохранить в неприкосновенности свою территорию, ибо при этом он выигрывает больше всего времени, а выигрыш времени для него единственный путь к достижению цели. Положительную задачу, которую ему легче других было бы выполнить и которая дала бы ему возможность при заключении мира осуществить свои намерения, он еще не может включить в свой план войны. Эта стратегическая пассивность предоставляет обороняющемуся возможность добиться на некоторых участках известных успехов при простом отражении отдельных атак; обороняющийся попытается использовать тот перевес, которого он добился здесь, для защиты других участков, ибо обычно нужда глядит на него из всех углов и концов. Если к этому не представится случая, то его успех часто сведется к незначительной выгоде, заключающейся в том, что неприятель оставит его на некоторое время в покое.

Небольшие наступательные предприятия, задача которых заключается не столько в прочном овладении территорией, сколько в приобретении временных выгод - захват пространства, которое можно будет потом уступать, вторжения, диверсии, предприятия против отдельных крепостей, - могут найти себе место в этой системе обороны, не изменяя ее целей и характера, если обороняющийся не слишком уже бессилён.

Но во втором случае, где обороне уже привито известное положительное намерение, она приобретает и более положительный характер, и притом тем больше, чем крупнее контрудар, допустимый в данной обстановке. Иными словами, чем больше оборона вытекает из свободного решения дабы вернее обеспечить нанесение первого удара, тем более смелые западни может ставить обороняющийся своему противнику. Самый смелый прием такого рода, и при удаче самый действительный, - это отступление внутрь страны; это средство в то же время оказывается наиболее противоречащим системе, которой держится оборона в первом случае,

Вспомним о различии в положениях, в которых находилась Фридрих Великий в Семилетнюю войну и Россия в 1812 г.

Когда началась война, у Фридриха благодаря готовности его имелось известное превосходство; это дало ему возможность оккупировать Саксонию, составлявшую, впрочем, столь естественное дополнение прусского театра войны, что этот захват не только не ослабил его вооруженных сил, но даже увеличил их.

В начале кампании 1757 г. король пытался продолжать свое стратегическое наступление, что не казалось невозможным, пока русские и французы еще не появились на театре войны в Силезии, Бранденбурге и Саксонии. Это наступление закончилось неудачей и перешло в оборону; Фридриху до конца кампании пришлось ограничиться обороной; он был вынужден вновь очистить Богемию и освободить от неприятеля собственные области; последнее ему удалось лишь благодаря тому, что он с одной и той же армией сначала набросился на французов, а потом на австрийцев. Это преимущество ему могла дать только оборона^[359].

В 1758 г., когда неприятель теснее сомкнул вокруг него кольцо, а соотношение сил начало складываться очень невыгодно, он попытался предпринять новое небольшое наступление в Моравию; он задумал овладеть Ольмюцем ранее, чем его противники начнут кампанию; при этом Фридрих не надеялся ни удержать его за собой, ни продвинуться дальше; он лишь рассчитывал использовать его

как вынесенное вперед укрепление, как *contre-approche*[360] против австрийцев, которые тогда были бы вынуждены затратить остальную часть кампании, а может быть, и кампанию следующего года на то, чтобы вновь овладеть Ольмюцем. И это наступление постигла неудача. Тогда Фридрих отказался от всякой мысли о подлинном наступлении, сознавая, что последнее лишь увеличивает несоразмерность его сил с силами противника. Сосредоточенное расположение в центре его земель, в Саксонии и Силезии, использование коротких внутренних линий для внезапного усиления своих вооруженных сил на угрожаемом пункте, сражение, когда оно было неизбежно, небольшие вторжения, когда к тому представлялся удобный случай, и наряду с этим спокойное выжидание, сбережение средств до лучших времен вот что стало основой его плана войны. Выполнение этого плана постепенно приобретало все более пассивный характер. Заметив, что даже победы обходятся ему слишком дорого, он попытался применить более дешевые методы; для него важно было одно - выиграть время, сберечь то, чем он еще владел; он стал еще бережливее относиться к пространству и не побоялся перейти к подлинной кордонной системе. Последнего наименования заслуживают как позиции принца Генриха в Саксонии, так и позиции короля в Силезских горах. В его письмах к маркизу д'Аржану проглядывает то нетерпение, с которым он поджидал момента занятия зимних квартир; и как он был рад, когда он вновь мог начать располагаться на них, не понеся за кампанию особенно тяжелого ущерба.

Тот, кто вздумал бы порицать Фридриха, видя в этом лишь упадок духа, вынес бы, как нам представляется, необдуманый приговор.

Укрепленный лагерь у Бунцельвица, кордонное расположение принца Генриха в Саксонии и короля в Силезских горах не рисуются нам теперь мероприятиями, на которые следовало бы возлагать свои последние надежды, так как какой-нибудь Бонапарт скоро прорвал бы эту тактическую паутину; но не надо забывать, что времена переменились, что война сделалась совсем другою; что ее вдохновляют совсем другие силы; в предыдущую же эпоху могли оказаться действительными и такие позиции, которые теперь потеряли всякое значение; при этом необходимо учитывать и характер противника. Против имперских войск, против Дауна и Бутурлина пользование такими средствами, которые Фридрих сам ни во что не ставил бы, могло быть высшей мудростью.

Конечный успех оправдал такую точку зрения. Спокойно выжидая, Фридрих достиг своей цели и обошел все затруднения, о которые могли бы разбиться его силы.

Соотношение сил, которые русские могли противопоставить французам 1812 г., в начале кампании являлось гораздо более неблагоприятным для первых, чем соотношение сил, складывавшееся для Фридриха Великого в Семилетнюю войну. Но русские имели в перспективе прибытие значительных подкреплений в течение кампании. Вся Европа была полна тайными врагами Бонапарта; мощь последнего была взвинчена до крайней точки, изнурительная война отвлекала его силы в Испании, и, наконец, обширные пространства России открывали возможность довести до крайности ослабление неприятельских вооруженных сил путем отступления на протяжении 100 миль. При таких величественных обстоятельствах не только можно было рассчитывать на коренное изменение обстановки в случае, если бы предприятие французов не удалось (а как могло оно удалиться, раз император Александр не заключал мира, а его подданные не бунтовали?), но начавшаяся реакция могла привести к гибели противника. Высшая мудрость не могла бы, таким образом, подсказать лучшего плана, чем тот, который непреднамеренно проводили русские.

Правда, в те времена думали иначе и почли бы такой взгляд экстравагантным; но это не может теперь служить основанием для нас не выдвигать его как правильный. Раз мы должны учиться у истории, то надо смотреть на явления, имевшие место в действительности, как на возможные и в будущем. Что ряд великих событий, которые последовали за походом на Москву, являлся не рядом случайностей, с этим согласится всякий, кто может претендовать на право судить в таких вопросах. Если бы русские имели возможность кое-как защищать свои границы, то упадок могущества Франции и поворот в счастье все же, вероятно, наступил бы, но он наверно не наступил бы с такой титанической силой и размахом. Ценою великих жертв и опасностей (которые, правда, для всякой другой страны были бы гораздо значительнее, а для большинства - даже невозможными) Россия купила эти огромные выгоды.

Итак, крупного положительного успеха можно достигнуть лишь положительными

мероприятиями, стремящимися к решению, а не, только к выжиданию, - словом, и оборона достигает крупного выигрыша лишь при помощи крупной ставки.

Глава 9.

План войны, когда цель заключается в сокрушении неприятеля[361]

После того, как мы подробно охарактеризовали различные возможные конечные военные цели, мы просмотрим теперь распорядок войны в целом для трех отдельных ступеней[362], которые получаются в соответствии с различными целями.

Согласно всему тому, что мы до сих пор сказали об этом предмете, два основных принципа обнимают весь план войны и дают руководящее направление всему остальному.

Первое: сводить всю тяжесть неприятельского могущества к возможно меньшему числу центров тяжести, и если это удастся, то к одному; с другой стороны, удары против этих центров тяжести сводить к возможно меньшему числу основных операций, по возможности к одной; наконец, в пределах возможности все второстепенные операции ставить в подчиненное положение. Словом, первый принцип - в возможной степени сосредоточивать действие.

Второй принцип гласит: действовать с возможной быстротой, следовательно, не допускать без достаточного основания ни пауз, ни уклонения на окольные пути. Сведение сил неприятеля к одному центру тяжести зависит:

а) от политической увязки этих сил; если силы состоят из войск, принадлежащих одному государю, то обычно это не представит затруднений; если это союзные армии, из которых одна действует только в качестве союзника, не преследуя своих интересов, то трудность лишь немного возрастет; если же мы имеем дело с союзниками, связанными между собой общностью политических задач, то вопрос сводится к степени связывающей их дружбы; об этом мы уже говорили;

б) от положения войны, на котором выступают различные неприятельские армии.

Если неприятельские силы объединены на театре войны в одну армию, то фактически они составляют одно целое, и нам не о чем больше спрашивать; если же они группируются на театре войны несколькими армиями, то, единство уже не абсолютно, все же между частями существует достаточная связь для того, чтобы решительный удар, нанесенный одной частью, увлек вместе с этой частью и другие. Если армии распределены по соседним театрам войны, не отделенным друг от друга значительными естественными преградами, то и здесь может наблюдаться решительное влияние, оказываемое участью одной армии на другую; если же театры войны очень удалены друг от друга, если их разделяют нейтральные земли, значительные горы и пр., то указанное влияние представляется весьма сомнительным и даже вероятным; если же, наконец, они расположены на разных концах воюющего государства, так что действия на них расходятся в эксцентрических направлениях, то почти исчезают следы всякой связи между армиями.

Если бы на Пруссию одновременно напали Россия и Франция, то в отношении ведения войны это было бы равносильно двум отдельным войнам. Но единство все же сказалось бы во время переговоров. И наоборот, саксонские и австрийские войска во время Семилетней войны следует рассматривать как одно целое. Испытания, выпадавшие на одних, должны были ощущать и другие, отчасти потому, что для Фридриха Великого оба театра войны лежали в одном направлении, а отчасти потому, что Саксония не обладала политической самостоятельностью.

Бонапарту пришлось в Германии в 1813 г. бороться со многими врагами, но все они располагались по отношению к нему приблизительно в одном направлении, и театры войны их армий находились между собой в тесной связи и постоянном взаимодействии. Если бы Бонапарту удалось, сосредоточив свою армию, где-либо разбить главные силы противников, он тем самым нанес бы решительное поражение всем остальным частям. Если бы он разбил богемскую главную армию и двинулся через Прагу на Вену, Блюхер при всем своем желании не имел бы возможности оставаться в Саксонии, ибо его вызвали бы на помощь в Богемию, а шведский наследный принц ни за что не захотел бы оставаться в Бранденбурге.

Напротив, для Австрии при ведении войны против Франции одновременно на Рейне и в Италии всегда будет нелегко успешным ударом на одном из этих театров достигнуть решения и на другом. Отчасти Швейцария со своими горами слишком резко разделяет оба театра войны, отчасти дороги на них идут в эксцентрическом направлении. Франция скорее имеет возможность победой на одном из этих двух театров добиться решительного перелома и на другом, ибо направления ее сил на обоих театрах концентрически сходятся к Вене - центру тяжести австрийской монархии; далее, можно сказать, что легче действиями из Италии достигнуть решения и на Рейне, чем наоборот, ибо удар из Италии непосредственнее поражает центр австрийской державы, а удар на Рейне приходится на ее окраину.

Отсюда следует, что понятие о разъединении или единении неприятельских сил допускает разные градации, и лишь в каждом конкретном случае можно отдать себе отчет в том, какое влияние события, происходящие на одном театре войны, окажут на другой, а отсюда уже можно заключить, в какой мере можно свести различные центры тяжести неприятельских сил к одному.

Для принципа - сосредоточивать все усилия на центре тяжести неприятельской мощи - существует только одно исключение, а именно - когда второстепенные предприятия сулят необычайные выгоды, однако и при этом мы устанавливаем предпосылку наличия решительного перевеса сил, при котором второстепенные действия не подвергнут нас чрезмерному риску на важнейшем пункте.

Когда генерал Бюлов двинулся в 1814 г. в Голландию, можно было предвидеть, что 30 000 человек его корпуса не только нейтрализуют такое же число французов, но и дадут возможность голландцам и англичанам выступить со своими силами, которые иначе вовсе бы себя не проявили.

Итак, первая точка зрения, которой надо держаться при составлении плана войны, сведется к тому, чтобы выяснить центры тяжести неприятельских сил и, по возможности, свести их к одному; вторая будет заключаться в том, чтобы сосредоточить силы, направляемые против этого центра тяжести, для одной основной операции.

Здесь могут встретиться лишь следующие основания для дробления и разделения вооруженных сил:

1 Первоначальное расположение сил, следовательно и положение участвующих в наступлении государств.

Если сосредоточение вооруженных сил связано с обходными движениями и значительной потерей времени, а риск разъединенного продвижения не слишком велик, то такое разъединение является оправданным, ибо осуществление с большой потерей времени не являющегося необходимым сосредоточения войск и лишение тем самым первого удара свежести и размаха будет противоречить второму из выдвинутых нами основных принципов. Во всех случаях, когда мы можем рассчитывать в известной степени поразить противника внезапностью, этому следует уделять особое внимание.

Но еще важнее тот случай, когда наступление предпринимается союзными государствами, которые по отношению к неприятельскому государству расположены не в одном направлении, не одно позади другого, а рядом. В случае войны Пруссии и Австрии против Франции было бы весьма ошибочным мероприятием, сопряженным с напрасной тратой времени и сил, если бы армии обеих держав захотели выступить из одного пункта; естественное направление к сердцу Франции идет для пруссаков через нижнее течение Рейна, а для австрийцев - через верхнее. Соединение этих армий в дальнейшем не могло бы осуществиться без известных жертв; следовательно, в каждом таком случае приходится разрешать вопрос, будет ли сосредоточение сил настолько необходимым, чтобы стоило покупать его ценою этих жертв.

2 Наступление отделенными одна от другой группами может дать большие успехи.

Так как здесь идет речь о наступлении отделенными одна от другой группами против одного центра тяжести, то это предполагает концентрическое продвижение. Разъединенное наступление по параллельным или эксцентрическим линиям относится к второстепенным операциям, о которых мы

уже говорили.

Всякое концентрическое наступление как в стратегии, так и в тактике сулит более значительный успех, ибо в случае удачи мы не только опрокидываем неприятельскую армию, но в большей или меньшей мере и отрезаем ее. Следовательно, концентрическое наступление всегда богаче результатами, но вследствие разъединения частей и расширения театра войны оно связывается с более крупным риском. В данном вопросе дело обстоит так же, как и с наступлением и обороной: более слабая форма открывает перспективу на более крупные успехи.

В конце концов все сводится к тому, чувствует ли себя наступающий достаточно сильным для того, чтобы стремиться к крупной цели.

Когда Фридрих Великий в 1757 г. решил вторгнуться в Богемию, он это выполнил отдельными группами, наступавшими из Саксонии и Силезии. Две главные причины побудили его к этому: во-первых, распределение его сил на зимних квартирах было таково, что сосредоточение их в одном пункте лишило бы его удар внезапности; вторая причина сводилась к тому, что это концентрическое продвижение угрожало каждому из двух австрийских театров войны с фланга и тыла. Опасность, которой при этом подвергался сам Фридрих Великий, заключалась в том, что одна из его двух армий могла быть разбита превосходными силами. Раз австрийцы этого не поняли, они могли принять сражение только в центре или же подвергались опасности быть совершенно отброшенными в ту или другую сторону от своего пути отступления и претерпеть катастрофу; это и был тот чрезвычайный успех, который сулило королю это концентрическое наступление. Австрийцы предпочли принять сражение в центре, но Прага, у которой они построились, все еще была расположена в сфере охватывающего наступления, и последнее вследствие полной пассивности австрийцев достигло своей предельной действенности. Следствием этого после проигрыша австрийцами сражения явилась катастрофа, ибо нельзя не назвать катастрофой, если две трети армии вместе с главнокомандующим позволили запереть себя в Праге.

Этот блестящий успех в начале кампании был достигнут отважным концентрическим наступлением. Кто мог порицать Фридриха за то, что он считал достаточной гарантией успеха точность своих движений, энергию своих генералов, моральное превосходство своих войск и неповоротливость австрийцев? Эти моральные величины не должны выпадать из расчета; нельзя приписывать успех только геометрической форме наступления. Вспомним хотя бы о не менее блестящей кампании Бонапарта в 1796 г., когда австрийцы были так жестоко наказаны за концентрическое вторжение в Италию. Средства, находившиеся в распоряжении) французского генерала, имелись бы в наличии (за исключением моральных) и у австрийского полководца в 1757 г. и даже в большей мере, так как он не был, подобно Бонапарту, слабее своего противника. Таким образом, когда следует опасаться, что отдельное концентрическое продвижение даст противнику возможность посредством действий по внутренним линиям парализовать неравенство сил, такое движение рекомендовать нельзя, а если группировка! войск заставит прибегнуть к нему, то на него следует смотреть как на неизбежное зло.

Если мы с этой точки зрения взглянем на план, составленный для вторжения во Францию в 1814 г., то он не заслужит нашего одобрения. Русская, австрийская и прусская армии находились вместе в районе Франкфурта-на-Майне, на самом естественном и прямом направлении к центру тяжести французской монархии[363]. Их разделили и направили одну армию во Францию через Майнц, а другую - через Швейцарию. Так как у неприятеля было так мало сил, что ему нечего было и думать об обороне границ, то вся выгода, какую можно было бы ожидать от такого концентрического продвижения, если бы оно удалось, сводилась лишь к тому, что в то время как одной армией завоевывали Лотарингию и Эльзас, другая занимала Франш-Конте. Стоила ли эта маленькая выгода того, чтобы проделывать проход через Швейцарию? Мы знаем, впрочем, что решающее значение для выбора этого плана имели и другие столь же недостаточные основания, но здесь мы остановились лишь на тех элементах, о которых идет речь сейчас.

С другой стороны, Бонапарт был как раз человеком, превосходно умевшим обороняться против концентрического наступления, доказательством чему является его мастерская кампания 1796 г., и если союзники значительно превосходили его в количестве войск, то при всяком удобном случае проявлялось превосходство его как полководца. Он слишком поздно прибыл к своей армии в район

Шалона, вообще слишком пренебрежительно смотрел на своих противников и все же едва не разбил поодиночке обе армии. В каком виде застал он их под Бриенном? У Блюхера из его 65000 человек было налицо всего только 27000, а из 200000 главной армии - только 100000 человек. Невозможно было предоставить противнику больше шансов на успех. И, конечно, с того момента, как начались действия, важнейшая потребность союзников заключалась в том, чтобы вновь соединиться.

По всем этим соображениям мы полагаем, что если концентрическое наступление и представляет средство для достижения наибольшего успеха, то все же оно преимущественно должно вытекать из первоначального разделения сил; редко встречаются такие случаи, когда мы поступили бы правильно, отказываясь из-за него от кратчайшего и простейшего направления наших сил.

3. Расширение театра военных действий может служить основанием для продвижения отдельными группами.

Когда наступающая армия двинется из одного пункта и с успехом вторгнется в глубь неприятельской территории, то пространство, над которым она господствует, не будет точно ограничиваться теми путями, по которым она следует, а расширится несколько в стороны; однако размер этого расширения будет в значительной мере зависеть от плотности и сколоченности неприятельского государства. Если неприятельское государство слабо спаяно, а народ изнежен и отвык от войны, то без особых усилий с нашей стороны позади нашей победоносной армии откроется обширная полоса земли; но если мы имеем дело с мужественным и верным народом, то наше господство ограничится более или менее узким треугольником позади нашей армии.

Дабы предотвратить это зло, продвигающийся вперед должен вести свое наступление на достаточно широком фронте. Если неприятельские силы сосредоточены в одном пункте, то ширина фронта наступления может сохраняться лишь до установления контакта с противником и должна суживаться по мере приближения к его расположению; это попятно само собою.

Однако если неприятель сам принял достаточно широкую группировку, то распределение наших сил на таком же фронте само по себе не представляло бы ничего неблагоприятного. Мы здесь говорим об одном театре войны или о нескольких, но находящихся вблизи, по соседству. Таким образом, очевидно, что это будет случай, когда, по нашим взглядам, главная операция решит судьбу и второстепенных пунктов.

Но всегда ли следует ставить дело так, и можно ли подвергаться опасности, возникающей из недостаточного воздействия важнейшего пункта на пункты второстепенные? Не заслуживает ли потребность в известной ширине театра войны особого внимания?

Здесь, как и повсюду, невозможно исчерпать число комбинаций, которые могут иметь место; но мы утверждаем, что за немногими исключениями решение, достигнутое на главном пункте, скажется и на второстепенных. Этим принципом должны руководиться действия во всех тех случаях, в которых противное не устанавливается с полной очевидностью.

Когда Бонапарт вторгся в Россию, он с полным правом мог рассчитывать на то, что ему удастся, одолев главные силы русских, тем самым смести и сопротивление войск, оставленных на верхнем течении Двины. Он вначале оставил против них лишь корпус Удино; однако Витгенштейн перешел в наступление и Бонапарт оказался вынужденным послать туда еще шестой корпус.

Между тем против Багратиона он еще с самого начала кампании направил часть своих сил; но Багратион был увлечен общим уходом центра, и Бонапарт имел возможность снова присоединить к себе эти войска. Если бы Витгенштейну не приходилось прикрывать вторую столицу, то и он присоединился бы к отступательному движению главной армии под командой Барклая.

В 1805 и 1809 гг. победы Бонапарта под Ульмом и под Регенсбургом явились и решением судьбы Италии и Тироля, хотя первая представляла довольно удаленный и самостоятельный театр войны. В 1806 г. под Иеной и Ауэрштедтом он добился окончательного решения по отношению ко всему, что могло быть предпринято против него в Вестфалии, Гессене и по дороге на Франкфурт.

Среди множества обстоятельств, влияющих на сопротивление боковых районов театра войны, преимущественное значение принадлежит двум следующим.

Первое: если страна, как это было в России, имеет огромные размеры и располагает относительно большими силами, то решительный удар на главном направлении может затянуться надолго; поэтому отпадает надобность спешно сосредоточивать к нему все

Второе: когда (например, в 1806 г. в Силезии) боковой район приобретает необычную самостоятельность благодаря большому числу крепостей. И все же Бонапарт отнесся к этому району с большим пренебрежением, направив против него лишь 20 000 человек под начальством своего брата Жерома; между тем Бонапарт, двигаясь па Варшаву, оставлял этот район позади себя.

Если в конкретном случае выяснится, что удар на главном направлении, по всей вероятности, не отразится на боковых районах или уже фактически не отразился, то причина этого заключается в том, что неприятель выставил там значительные вооруженные силы; против них также придется выделить соответственные силы, что надо считать неизбежным злом, так как нельзя сразу же оставлять свои сообщения без всякой охраны. Однако осторожность может повести еще к дальнейшему шагу: она может выдвинуть требование, чтобы наступление на главном направлении точно сообразовалось с ходом наступления в боковых районах и, следовательно, чтобы каждый раз, когда неприятель не захочет уходить из них, наступление на главном направлении приостановилось бы.

Такой прием как будто не совсем противоречит выдвинутому нами принципу сосредоточивать возможно большие силы в одной главной операции, но тот дух, из которого рождается этот прием, явно противоположен идее, вложенной в наш принцип. При соблюдении этого приема возник бы такой темп движений, такое ослабление силы удара, такая игра случайностей и, наконец, такая потеря времени, что это практически было бы совершенно несовместимо с наступлением, имеющим целью сокрушение противника.

Трудности еще возрастут, если силы противника в этих боковых районах имеют возможность отходить в эксцентрических направлениях. Что же тогда останется от единства нашего удара?

Мы должны, следовательно, высказаться безусловно против зависимости главного наступления от хода действия в боковых районах и утверждаем, что направленное на сокрушение противника наступление, у которого не хватает смелости лететь стрелой прямо в сердце неприятельской страны, никогда не достигнет своей цели

4. Наконец, облегчение условий существования армии является четвертым основанием в пользу разьединенного наступления.

Конечно, гораздо приятнее идти с маленькой армией по богатой области, чем с большой следовать через бедную; но при целесообразных мероприятиях и с войсками, привыкшими к лишениям, последнее не представляется невозможным; поэтому такое соображение никогда не должно оказывать влияние на наше решение, чтобы мы из-за него подвергались серьезной опасности.

Итак, мы отдали должное основаниям для разделения сил, разлагающих единое главное действие на несколько, и не решимся высказывать порицание в тех случаях, когда такое разделение совершается на одном из этих оснований с ясным сознанием его смысла и с тщательным взвешиванием выгод и невыгод.

Но когда, как это обычно бывает, ученый Генеральный штаб по привычке составляет план, по которому различные районы театра войны должны быть еще до начала игры заняты разными фигурами, как поле на шахматной доске, и затем начинается игра - движение к цели, вдохновляемое фантастической мудростью комбинаций, сложными линиями и отношениями, когда войска должны разойтись сегодня для того, чтобы с напряжением всех сил и искусства, с великой опасностью вновь соединиться через две недели, - то мы испытываем глубокое отвращение к такому уклонению от прямого, простого, бесхитростного пути, умышленно ввергающему нас в полное замешательство. Подобные нелепости имеют тем легче место, чем слабее полководец осуществляет руководство войной и чем дальше отступает он от понимания своей роли, указанной нами в I главе 1, как

непосредственного выявления своей одаренной огромными силами индивидуальности. При такой слабости полководца весь план рождается в недрах фабрики непрактичного Генерального штаба и является продуктом мозговой деятельности дюжины полужнаек.

Теперь нам остается разобраться только в третьей части нашего первого принципа, а именно все второстепенное ставить, насколько возможно, в подчиненное положение.

Стремясь свести все военные действия к одной простой цели и достичь ее, по возможности, одной крупной операцией, мы лишаем остальные участки соприкосновения воюющих держав доли их самостоятельности: они становятся районами подчиненных действий. Если было бы возможно абсолютно все сосредоточить в одной операции, то эти участки соприкосновения оказались бы совершенно нейтрализованными; но это возможно лишь в редких случаях, и поэтому все сводится к тому, чтобы ставить эти участки соприкосновения в такие рамки, в которых они не отвлекут от важнейшего слишком много сил.

Прежде всего мы утверждаем, что план войны должен преследовать эту тенденцию даже в том случае, когда невозможно свести неприятельское сопротивление в целом к одному центру тяжести, и, следовательно, мы находимся в том положении, которое мы уже однажды характеризовали как ведение одновременно двух почти совершенно различных войн. Всегда следует смотреть на одну из них, как на главную и преимущественно на нее обращать все силы и внимание.

При такой точке зрения благоразумно будет действовать наступательно только на этом главном фронте, на другом же держаться обороны. Лишь при наличии необычайных обстоятельств, особо благоприятствующих наступлению на этом последнем, таковое может быть оправдано.

Далее, надлежит вести эту оборону на второстепенных участках возможно меньшими силами, стараясь извлекать все выгоды, присущие этой форме сопротивления.

Еще большее значение имеет эта точка зрения для всех тех театров войны, на которых хотя и выступают армии различных держав, но где обстановка допускает воздействие на них удара, нанесенного их общему центру тяжести.

Против же того врага, на которого направляется главный удар, оборона на второстепенных театрах уже не нужна. Само главное наступление и вызванные другими надобностями вспомогательные атаки являются исчерпывающими и делают оборону пунктов, непосредственно ими не прикрытых, излишней. Все сводится к важнейшему решению; им покрываются все потери. Если, по нашему разумению, сил достаточно для того, чтобы добиваться такого решения, то возможность неудачи не должна служить основанием к тому, чтобы принимать меры для обеспечения себя на всякий случай от возможного ущерба на других участках, ибо как раз последнее увеличивает в значительной степени возможность такой неудачи и таким путем вводит в наши действия противоречие[364].

Подобное преобладание главного действия над подчиненными должно сохраняться и между отдельными частями общего наступления. Но так как обычно иного рода причины определяют силы, подлежащие движению с того или другого театра войны против общего центра тяжести, то в данном случае речь идет лишь о стремлении отвести господствующую роль основному действию, ибо чем больше будет достигаться такое первенство, тем это действие будет проще и меньше подвержено случайностям.

Второй принцип заключается в быстром использовании вооруженных сил.

Каждая напрасная трата времени, каждый окольный, кружной путь являются расточительным расходом сил и, следовательно, противоречат принципам стратегии.

Весьма полезно при этом помнить, что наступление черпает свое почти единственное преимущество из внезапности, с которой происходит открытие действий. Его самые могучие крылья - это внезапность и безостановочность, и там, где цель наступления сводится к сокрушению врага, без них оно обойтись не может.

Здесь, следовательно, теория требует выбора кратчайших путей к цели и совершенно исключает бесчисленные споры о том, идти вправо или влево, туда или сюда.

Если мы напомним о том, что нами было сказано в главе об объекте стратегического наступления относительно впадины, ведущей к сердцу государства[365], а также и то, что мы говорили в главе этой части относительно влияния, оказываемого временем, то, думается нам, не потребуются дальнейших разъяснений для полного осознания, что этот принцип действительно обладает тем значением, которое мы ему приписываем.

Бонапарт всегда действовал таким образом. Кратчайшие дороги от своей армии к неприятельской или от своей столицы до столицы неприятеля были его излюбленными путями.

В чем же должна заключаться та главная операция, к которой мы все сводим и скорейшего, без каких-либо извилин, выполнения которой мы требуем?

Что значит сокрушение врага, мы, по возможности, разъяснили в общих чертах в IV главе, и было бы бесполезно вновь повторять сказанное. Конец в каждом отдельном случае может разниться, но начало всегда одно и то же, а именно - уничтожение неприятельских вооруженных сил, т. е. крупная победа, одержанная над ними, и их разгром. Чем скорее, т.е. чем ближе к нашей границе будет одержана эта победа, тем достижение ее будет легче; чем позже, т.е. чем глубже в неприятельской стране мы ее одержим, тем она будет решительнее. Здесь, как и во всех других случаях, легкость успеха находится в строгом соответствии с его размерами.

Поэтому, если мы не обладаем таким превосходством сил над противником, чтобы победа наша во всех случаях была несомненна, мы должны по возможности скорее добиться встречи с его главными силами. Мы говорим: по возможности, ибо если бы такая встреча была сопряжена для нас с кружными движениями, с блужданием по ложным направлениям и потерей времени, то добиваться ее во что бы то ни стало могло бы быть и ошибкой. Если мы не встречаем неприятельской армии на своем пути и не можем пуститься в поиски ее, так как это в других отношениях противоречило бы нашим интересам, то мы можем быть уверены, что найдем ее позднее, ибо она не замедлит броситься нам навстречу. Тогда нам придется сражаться, как мы только что говорили, при менее благоприятных условиях - зло, которого избежать нельзя. Если мы тем не менее выиграем сражение, то наша победа будет тем решительнее.

Отсюда следует, что умышленно проходить мимо неприятельских главных сил, когда они уже находятся на нашем пути, было бы ошибкой, по крайней мере постольку, поскольку мы имеем в виду облегчить себе одержание победы.

С другой стороны, из вышесказанного следует, что при очень значительном превосходстве сил можно сознательно пройти мимо неприятельских главных сил с тем, чтобы позднее дать им более решительное сражение.

Мы говорим о полной победе[366], следовательно, о разгроме неприятеля, а не просто о выигранном сражении. Но для такой победы необходимо охватывающее наступление или же сражение с перевернутым фронтом, ибо в обоих случаях исход носит решительный характер. Поэтому существенной частью плана кампании является установление соответственного распорядка как в отношении группировки вооруженных сил, так и направления их; об этом будет сказано ниже, в главе о плане кампании[367].

Правда, мы не отрицаем возможности полного разгрома в сражениях с прямым фронтом, и в подобных примерах нет недостатка в военной истории, однако такие случаи бывают редко и встречаются все реже и реже по мере того, как сходство между армиями в отношении обучения и тактической подготовки увеличивается. Теперь, уже не удастся взять в плен в одном селении 21 батальон, как то было в Блиндхейме[368].

Раз одержана крупная победа, то не должно быть и речи об отдыхе, передышке, о том, чтобы оглядеться, устроиться и прочем; в порядке дня только преследование, нанесение новых ударов, где это понадобится, захват неприятельской столицы, наступление на выполнявшие второстепенные

задачи части противника или на все то, что еще является опорой неприятельского государства.

Если наш победный путь направляется мимо неприятельских крепостей, то вопрос, следует ли подвергнуть их осаде, зависит от наших сил. При наличии большого перевеса на нашей стороне было бы потерей времени не овладеть ими как можно раньше. Но если мы не вполне уверены в дальнейшем успехе нашего продвигающегося ядра, то против крепостей мы должны оставить возможно меньшее количество войск, что исключает возможность их правильной осады. К тому моменту, когда осада крепости нас вынуждает приостановить дальнейшее наступление, последнее, как общее правило, уже достигло своего кульминационного пункта. Итак, мы настаиваем на быстром и безоговорочном продвижении вперед и преследовании главными силами. Мы уже высказались против того, чтобы продвижение вперед на главном направлении соотнобразовывалось с успехами в боковых районах; следствием этого в большинстве случаев является сохранение позади наших главных сил лишь узкой полосы территории, на которую распространяется наше господство и которая образует весь наш театр войны[369]. Мы уже раньше указывали, насколько это ослабляет силу удара в голове наступления и какие опасности создаются отсюда для наступающего. Но могут ли эти трудности, этот внутренний противовес получить такое развитие, что дальнейшее движение вперед затормозится? Безусловно, это может иметь место. Но мы уже раньше утверждали, что было бы ошибкой с самого начала стараться избежать такого сужения театра войны и ради этого задерживать быстроту наступления. Добавим теперь: пока полководец не сокрушил своего противника, пока он считает себя достаточно сильным, чтобы добиться своей цели, он и должен ее преследовать. Возможно, ему придется следовать по своему пути при все возрастающей опасности, но одновременно будет расти и величина возможного успеха. Когда же наступит такой момент, что он не рискнет идти дальше, когда он найдет нужным озаботиться о своем тыле, расширяться и вправо и влево, это, по всей вероятности, будет знаменовать, что он достиг кульминационного пункта. Сила порыва окажется иссякшей, и если противник к этому времени еще не сокрушен, то, по всей вероятности, это уже и не случится.

Все, что он будет предпринимать для более интенсивного совершенствования своего наступления, овладевая крепостями, проходами, провинциями, хотя и является медленным прогрессирующим, но это будет уже не абсолютное, а только относительное прогрессирующее. Неприятель уже более не бежит, он, возможно, подготавливает уже новое сопротивление; хотя наступающий все еще интенсивно прогрессирует, но, быть может, положение обороняющегося с каждым днем улучшается. Словом, мы повторяем вновь: после вынужденной остановки, как общее правило, вторичного порыва вперед не бывает.

Итак, теория требует лишь того, чтобы до тех пор, пока существует намерение сокрушить неприятеля, наступление против него продолжалось безостановочно; но если полководец отказывается от этой задачи, так как находит опасность чересчур сильной, он поступит разумно, остановившись и приступив к расширению занятого района. Теория осуждает это лишь в тех случаях, если при этом имеется в виду искуснее сокрушить противника.

Мы не настолько безрассудны, чтобы утверждать, будто нет примеров государств, постепенно доведенных до крайности. Во-первых, выдвинутое нами положение не является абсолютной истиной, не допускающей исключений; оно зиждется лишь на вероятных и обычных результатах; во-вторых, следует различать, действительно ли крушение государства было вызвано постепенно или же оно явилось результатом первой кампании. Здесь мы имеем в виду лишь последний случай, ибо только в нем происходит то напряжение сил, которое или преодолевает центр тяжести всего бремени, или же приводит к опасности быть им раздавленным. Если в первый год добиться умеренного успеха, добавить к нему на следующий год такой же и так мало-помалу продвигаться к цели, то при этом ни разу не возникнет особенно серьезной опасности, но зато она распределится на несколько моментов. Каждая пауза от одного успеха до другого раскрывает перед неприятелем новые перспективы; предыдущий успех оказывает на последующий весьма слабое воздействие, часто никакого; порою получается даже отрицательное воздействие, ибо неприятель успевает отдохнуть, иногда получает более сильный импульс к новому сопротивлению, или же к нему приходит помощь извне; а тогда, когда все совершается одним духом, вчерашний успех влечет за собой сегодняшний, и пожар зажигает новый пожар. Если есть государства, которые побеждены последовательными ударами и для которых время, этот ангел-хранитель обороняющегося, оказалось губительным, то бесконечно более многочисленны примеры, где намерения наступающего оказались целиком сорванными в силу проволочек. Вспомним только о результатах Семилетней войны, где австрийцы пытались достичь цели

с такой медлительностью, осмотрительностью и осторожностью, что потерпели полную неудачу.

Стоя на этой точке зрения, мы, конечно, никак не можем разделить того мнения, что стремление вперед всегда должно сопровождаться заботой о надлежащей организации театра войны и как бы уравниваться ею; напротив, мы видим в невыгодах, вытекающих из продвижения вперед, неизбежное зло, заслуживающее внимания лишь в том случае, когда впереди для нас уже нет никакой надежды на успех.

Пример Бонапарта в 1812 г. не только не служит опровержением выдвинутого нами положения, а напротив, заставляет нас еще тверже стоять на своем мнении.

Его наступление не потому потерпело неудачу, что он повел его слишком быстро и далеко, как гласит обычное мнение: будучи единственным средством достигнуть успеха, это наступление потерпело крах. Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т.е. оккупировать; по крайней мере этого нельзя сделать ни силами современных европейских государств, ни теми 500000 человек, которых для этого привел Бонапарт. Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров. Добраться же до этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны. Лишь достигнув могучим порывом самой Москвы, мог Бонапарт надеяться подорвать мужество правительства, стойкость и верность народа. В Москве надеялся он найти мир, и это была единственная разумная цель, какую он мог себе поставить в эту войну. В соответствии с этим двинул он свои главные силы против главных сил русских; последние, спотыкаясь, отступали перед ним через Дрисский лагерь и остановились лишь под Смоленском. Бонапарт вовлек в общее отступление Багратиона, нанес главной армии русских поражение и занял Москву. Он действовал здесь так же, как и всегда; лишь этим путем сделался он повелителем Европы, и только этим путем он мог им сделаться.

Кто, следовательно, восторгается Бонапартом как великим полководцем во всех его прежних походах, тот не должен его порицать и в этом случае.

Правда, позволительно судить о происшествии по конечному успеху, ибо последний является лучшей для него критикой (см. V главу 2-й части), но такое суждение, выведенное лишь на основании конечного успеха, не является еще продуктом человеческой мудрости. Изыскание причин неудачного похода еще не равносильно критической оценке последнего. Лишь доказав, что причины неудачи нельзя было не предвидеть или не следовало оставлять без внимания, мы становимся критиками и выступаем в роли судьи над полководцем.

Мы же утверждаем, что тот, кто находит поход 1812 г. абсурдом лишь по причине катастрофического оборота, который он принял в результате последовавшей реакции, а в случае успешного его окончания усматривал бы в нем самую блестящую комбинацию, тем самым свидетельствует свою полную неспособность к суждению.

Если бы Бонапарт остановился в Литве, как того желает большинство критиков^[370], чтобы сначала овладеть крепостями, которых, впрочем, кроме расположенной совершенно в стороне Риги, почти не было, ибо укрепления Бобруйска были слабы и значение их было невелико, - то он к зиме оказался бы в сетях печальной системы обороны; тогда те же критики первые бы возгласили: "Это уже не прежний Бонапарт! Как, он даже не довел дело до первого решительного сражения, и это он, который привык запечатлевать свои завоевания победами вроде Фридрихсвальда и Аустерлица на крайнем рубеже неприятельских государств! Как мог он боязливо прозевать овладение неприятельской столицей, беззащитной, готовой пасть Москвой, и тем самым оставить нетронутым ядро, вокруг которого могло вновь организоваться сопротивление. На его долю выпало неслыханное счастье внезапно обрушиться на этого далекого колосса, как нападают на соседний город или как Фридрих Великий напал на маленькую близкую Силезию, и он не воспользовался этим случаем, застыл на середине своего победного шествия, словно злой дух привязался к его стопам". Так судили бы люди по результатам, ибо таково большинство критиков.

Мы же со своей стороны скажем: поход 1812 г. не удался потому, что неприятельское правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т.е. потому, что он не мог уступить. Может быть, Бонапарт сделал ошибку, предприняв его, - по крайней мере результат

свидетельствует, что он ошибся в расчете, но мы утверждаем, что если уже добиваться этой цели, то в основных чертах иначе ничего нельзя было поделать.

Вместо того, чтобы взвалить себе на плечи бесконечно дорого стоящую оборонительную войну на востоке, вроде той, какую Бонапарт вел уже на западе, он испробовал единственное средство, ведущее к цели: вырвать мир у испуганного противника одним отважным ударом; при этом он рисковал гибелью своей армии; это была его ставка в игре, цена великой надежды. Если это разрушение его вооруженных сил превысило строго необходимые размеры по его вине, то последняя не в том, что он слишком далеко зашел вперед, такова была политическая цель и это было неизбежно, а в слишком позднем открытии кампании, в его расточительной - с точки зрения расхода людей - тактике, в недостаточно заботливом отношении к сохранению сил армии и к поддержанию в надлежащем виде пути отступления - наконец, в несколько запоздалом отходе из Москвы.

Тот аргумент, что русские армии могли преградить ему дорогу на Березине и окончательно отрезать путь отступления, не колеблет нашу точку зрения. Во-первых, как раз неудача этой попытки указывает, как трудно осуществить действительное преграждение отступления; отрезанная армия при самых неблагоприятных обстоятельствах, какие только можно себе представить, все же в конце концов проложила себе дорогу, и эта русская операция, хотя и увеличившая катастрофу, явилась все же лишь одной из ее слагаемых. Во-вторых, лишь редко встречающиеся условия местности создавали подходящую обстановку; без пересекающих путь отступления в перпендикулярном направлении болот Березины с их лесистыми, недоступными берегами преграждение отступления было бы еще менее возможным. В-третьих, не существует вообще иного средства обеспечить себя от подобного покушения, как вести наступление своей армии на широком фронте, что мы уже раньше отвергли, ибо если бы мы решились продвигаться в центре, прикрываясь на флангах войсками, оставляемыми справа и слева, то пришлось бы при всякой неудаче, постигшей одну из этих частей, спешить обратно на помощь с частями, находящимися в голове наступления, а в этих условиях из последнего вряд ли что-нибудь могло бы получиться.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Бонапарт оставил свои фланги без внимания. Против Витгенштейна были оставлены превосходные силы, перед Ригой стоял соответственный осадный корпус, которым там даже был излишним, на юге стоял Шварценберг с 50000 человек, что превосходило силы Тормасова и почти равнялось Чичагову; к этому надо еще добавить корпус Виктора в 30000 человек в центральном узле тыла. Даже в ноябре, т.е. в решительный момент, когда русские вооруженные силы усилились, а французские сильно ослабели, превосходство русских в тылу московской армии Бонапарта было не так уже значительно. Витгенштейн, Чичагов и Сакеп вместе располагали 110000 человек, а у Шварценберга, Репье, Виктора, Удино и Сен-Сира было в строю 80000. Самый осторожный полководец едва ли назначил бы для охраны своих флангов большее количество войск[371].

Если бы Бонапарт из 60000 человек, переправившихся в 1812 г. через Неман привел обратно за Неман не 50000 человек, считая в том числе Шварценберга, Репье и Макдональда, а 250000, что было возможно, если бы указанные нами ошибки Бонапарта не были допущены, то оставался бы лишь неудавшийся поход, теория ничего не могла бы возразить, ибо потерять в таком предприятии немного более половины армии не представляет ничего удивительного; это бросается нам в глаза лишь вследствие крупного масштаба войны.

Мы достаточно сказали о главной операции, необходимой ее тенденции и неизбежных опасностях; что касается подчиненных действий, то прежде всего они должны иметь одну общую цель, но цель эта должна быть так намечена, чтобы не являться помехой деятельности отдельных групп. Когда с Верхнего и Среднего Рейна и из Голландии наступают во Францию с тем, чтобы соединиться под Парижем, и каждой из трех армий дается указание ничем не рисковать, чтобы, по возможности, сохранить неприкосновенными свои силы до момента соединения, то такой план мы назовем пагубным. Здесь необходимо будет иметь место выравнивание этого тройного движения, которое внесет замедление, нерешительность и колебание в наступление каждой группы. Лучше каждой группе дать свою задачу и лишь тогда объединить их, когда различная их деятельность будет сама сливаться воедино[372].

Такое разъединение сил, при котором последние через несколько переходов вновь соединяются,

происходит во всех войнах и в сущности смысла не имеет. Раз происходит разъединение, то нужно знать зачем, и это зачем должно быть выполнено; оно не может иметь целью вновь соединиться, как в туре кадрили.

Поэтому, когда вооруженные силы наступают на различных театрах войны, каждая армия должна получить свою самостоятельную задачу, на выполнение которой она должна направить всю силу своего удара. Все дело в том, чтобы этот удар пришелся со всех сторон, а не в том, чтобы добиться всех возможных преимуществ.

Если одной из армий задача окажется не по силам, так как неприятель примет не ту группировку, которую мы предполагали, и она потерпит неудачу, то это не может и не должно оказать никакого влияния на деятельность других армий. В противном случае мы с самого начала подорвали бы шансы общего успеха. Лишь при неудаче, постигшей большинство групп или главные силы, она может и должна оказать воздействие на остальные части, в этом случае мы имеем дело с неудавшимся планом.

Это правило распространяется и на армии и отряды, первоначально предназначенные для обороны, которые благодаря удачному ведению ее могут перейти в наступление. Конечно, можно предпочесть использовать освободившиеся в них силы для наступления на главном направлении^[373]; решение этого вопроса преимущественно зависит от географических данных театра войны.

Но что в этом случае остается от геометрической фигуры и единства наступления в целом? Что будет с флангами и тылом отрядов, расположенных по соседству разбитым отрядом?

Против этого-то мы больше всего и боремся. Такое склеивание в геометрический квадрат плана обширного наступления означает следование по ложной системе мышления.

В XV главе 3-й части мы уже имели случай отметить, что в стратегии геометрический элемент не играет такой роли, как в тактике, и здесь мы хотим лишь повторить вывод, к которому мы пришли, а именно: действительные результаты, достигнутые в отдельных пунктах, в особенности при наступлении, безусловно заслуживают большего внимания, чем геометрическая фигура, постепенно получающаяся из различия достигнутых успехов.

Во всяком случае можно сказать с уверенностью, что при обширности пространств, с которыми имеет дело стратегия, соображения и решения, вызываемые геометрическим положением частей, вполне могут быть предоставлены главнокомандующему. Никто из подчиненных ему начальников не имеет права спрашивать о том, что делает или чего не делает его сосед, каждому должно быть указано, чтобы он неуклонно преследовал поставленную ему цель. Если из этого и произойдут крупные неудобства, то сверху всегда успеют внести необходимые поправки. Этим устраняется главный недостаток раздельного способа действий, заключающийся в том, что в ход событий вмешивается множество нереальных опасений, исходящих и предположения, что каждая случайность затрагивает не только ту часть, которой непосредственно касается, но по круговой поруке и всю армию в целом; последнее открывает широкий простор выявлению недостатков и личных счетов частных начальников.

Мы полагаем, что такой взгляд может показаться парадоксальным только лицам, бегло и недостаточно серьезно изучившим историю войн и потому еще не научившимся отличать существенное от несущественного и должным образом оценивать все воздействие человеческого несовершенства.

Суждение опытных в военном деле людей гласит, что даже в тактике нелегко добиться успешного результата при наступлении несколькими отдельными колоннами путем точного согласования всех частей; в стратегии, где разъединение частей гораздо больше, достичь этого много труднее или даже вовсе невозможно. Поэтому если бы постоянная согласованность всех частей была необходимым условием успеха, то от раздельного стратегического наступления пришлось бы безусловно отказаться. Но, с одной стороны, не от нашей воли зависит совершенно от него отказаться, ибо нас к нему могут вынудить обстоятельства, которые вовсе не в нашей власти, а с другой - даже в тактике нет надобности в таком постоянном согласовании всех частей в каждый отдельный момент, и еще менее она нужна в стратегии. Таким образом, стратегия может уделять согласованию не слишком много внимания, но тем тверже она должна настаивать на том, чтобы каждой части был отмерен

самостоятельный отрезок общей работы.

Здесь мы должны добавить еще одно существенное замечание, касающееся распределения ролей.

В 1793 и 1794 гг. главные силы Австрии находились в Нидерландах, а Пруссии - на Верхнем Рейне. Австрийские войска направлялись из Вены на Коде и Валансьен, скрещиваясь на своем пути с прусскими войсками, двигавшимися из Берлина па Ландау. Правда, австрийцам приходилось защищать свои бельгийские провинции, и если бы им удалось сделать завоевания во французской Фландрии, то последние были бы им чрезвычайно на руку; однако эта заинтересованность не являлась особенно существенной. После смерти князя Кауница министр Тугут, чтобы сильнее сосредоточить силы Австрии, совершенно отказался от защиты Нидерландов. Действительно, от Австрии до Фландрии расстояние было почти вдвое больше, чем до Эльзаса, что имело в то время большое значение вследствие ограниченности размера вооруженных сил и необходимости расплачиваться за все наличными деньгами. Но Тугут преследовал, очевидно, и другую цель: он стремился подхлестнуть настоятельностью опасности державы, заинтересованные в защите Нидерландов и нижнего течения Рейна, как то: Голландию, Англию[374] и Пруссию, и побудить их на большие усилия. Правда, он ошибся в своих расчетах, ибо в этот момент не было никакой возможности чего-либо добиться от прусского кабинета. Все же развитие этих событий указывает на влияние политических интересов на ход войны.

Пруссии нечего было ни оборонять, ни завоевывать в Эльзасе. В 1792 г. она предприняла поход через Лотарингию в Шампань под влиянием рыцарских чувств. Когда же последние под давлением неблагоприятных обстоятельств угасли, она продолжала вести войну уже с половинным интересом. Если бы прусские войска находились в Нидерландах, то они были бы в непосредственной связи с Голландией, на которую они могли смотреть почти как на собственную землю, так как они действовали в ней с успехом еще в 1787 г.; тогда они прикрывали бы нижнее течение Рейна, а следовательно, и часть прусской монархии, расположенную ближе всего к театру войны. С Англией Пруссия тоже оказалась бы в более тесном союзе благодаря субсидиям, и эти отношения не могли бы так быстро переродиться в коварство, вскоре проявленное прусским кабинетом.

Таким образом, результаты были бы гораздо лучше, если бы австрийцы развернули свои главные силы на верхнем течении Рейна, а пруссаки - все свои силы в Нидерландах, причем австрийцы оставили бы там лишь небольшой корпус.

Если бы в 1814 г. во главе Силезской армии поставили вместо предприимчивого Блюхера генерала Баркляя, а Блюхера оставили при главной армии под начальством Шварценберга, то кампания, вероятно, потерпела бы полное крушение.

Если бы предприимчивый Лаудон находился не на сильнейшем фронте прусской монархии, в Силезии, а на театре войны имперской армии, то возможно, что вся Семилетняя война приняла бы совершенно иной оборот. Дабы ближе подойти к этому вопросу, мы должны классифицировать явления по их главным особенностям.

Первый случай: когда мы ведем войну совместно с другими державами, выступающими не только в качестве наших союзниц, но преследующими собственные интересы.

Второй случай: когда союзная армия подошла на подмогу к нам.

Третий случай: когда дело сводится лишь к индивидуальным особенностям генералов.

В обоих первых случаях может возникнуть вопрос: не лучше ли полностью перемешать войска различных держав и образовать отдельные армии из корпусов разных государств, как это имело место в 1813 и 1814 гг., или же следует армии каждого государства, по возможности, держать отдельно и предоставить каждой из них действовать более самостоятельно. Очевидно, что первый способ наиболее совершенен, но он предполагает редко встречающуюся степень дружбы и общности интересов. При таком слиянии вооруженных сил отдельным правительствам гораздо труднее выделять свои особые интересы, а что касается вредного влияния эгоистических взглядов начальников, то

такое может проявиться лишь у командиров национальных корпусов, следовательно, только в области тактики, да и здесь не так безнаказанно и свободно, как при полном выделении каждой армии. В последнем случае оно распространяется на стратегию и сказывается в решающих вопросах. Но, как мы сказали, предпосылкой этого является редкое самоотречение со стороны правительств. В 1813 г. нужда погнала повелительно все правительства в этом направлении, и все же нельзя не отметить с особой похвалой, что русский император, располагавший самой сильной армией и имевший наибольшие заслуги в повороте фортуны, подчинил свои войска прусским и австрийским командующим армиями, не увлекаясь честолюбивым желанием действовать самостоятельной русской армией.

Если же подобное слияние вооруженных сил союзников неосуществимо, то полное их разделение во всяком случае представляется более желательным, чем разделение наполовину; хуже всего, когда два независимых полководца двух разных держав действуют на одном театре войны, как это часто имело место в течение Семилетней войны по отношению к русской, австрийской и имперской армиям. При полном разъединении армий трудности, которые предстоит преодолеть, также бывают более разъединены, и тогда доля бремени, выпадающая на каждую, ложится на нее всей своей тяжестью и сильнее побуждает ее к деятельности; если же армии находятся в тесной связи или даже на одном театре войны, то это побуждение отпадает, да к тому же злая воля одного парализует и силы других.

В первом из трех указанных случаев полное разъединение не встретит больших затруднений, ибо естественный интерес каждой державы обычно уже указывает ее силам иное направление; во втором такого интереса может и не быть, и тогда вспомогательной армии, если силы ее пропорционально невелики, не остается ничего иного, как совершенно подчиниться главной; так поступили австрийцы в конце кампании 1815 г., а пруссаки - в 1807 г.

Что же касается личных особенностей генералов, то в этом случае все переходит в область индивидуального, но мы вправе сделать одно замечание общего характера: не следует, как то часто случается, выбирать на роль командующих армиями, подчиняемых иностранному главному командованию, самых осторожных и осмотрительных, а наоборот, самых предприимчивых, ибо мы снова повторяем: при отдельных стратегических действиях ничто не имеет такого огромного значения, как полнейшее развитие каждой частью всей действительности ее сил; тогда ошибки, допущенные в одном месте, уравниваются успехами, достигнутыми в другом. Но такой деятельности полным ходом всех частей можно ожидать лишь там, где вождями являются решительные, предприимчивые люди, которых гонит вперед внутреннее влечение их собственного сердца, ибо редко бывает достаточно одного лишь объективного холодного убеждения в необходимости действовать.

Наконец, нам остается еще отметить, что, поскольку позволяют обстоятельства, следует пользоваться войсками и полководцами в отношении их назначения и характера местности сообразно их специфическим свойствам: постоянные армии, хорошие войска, многочисленную кавалерию, старых, осторожных, благоразумных полководцев надо использовать на открытой местности; ополчение, вооружившийся народ, молодых предприимчивых вождей в лесах, горах и теснинах; вспомогательные войска союзников - в богатых провинциях, где они чувствовали бы себя хорошо.

Сказанное нами до сих пор о плане войны вообще, а в этой главе - о плане, направленном на сокрушение противника, должно было особенно выдвинуть его цель и затем указать руководящие основы для организации средств и избрания путей. Мы хотели вызвать ясное сознание того, к чему следует стремиться и что делать в такой войне. Мы старались выдвинуть вперед необходимое и общее, оставить простор для конкретного и случайного, но устранить все произвольное, необоснованное, игрушечное, фантастическое и с офистическое. Если мы этого достигли, то наша задача разрешена.

Тот же, кто будет удивлен тем, что ничего не нашел здесь об обходе рек, о господстве над горами с их высших точек, о том, как избежать атаки укрепленных позиций и найти ключ страны, тот еще не понял нас и, думая мы, не понял и войны в ее основных очертаниях.

В предыдущих частях настоящего труда мы в общем охарактеризовали эти темы и пришли к выводу, что значение их в большинстве случаев гораздо меньше, чем то гласит ходячее мнение. Тем меньше могут и должны они в войне, целью которой является сокрушение неприятеля, претендовать

па крупную роль, т.е. на такую, которая имеет влияние на весь план войны.

Организации верховного командования мы посвятим особую главу в конце этой части[375], настоящую же главу мы закончим примером.

Если бы Австрия, Пруссия, Германский союз, Нидерланды и Англия[376] предприняли войну против Франции при условии, что Россия сохраняет нейтралитет[377], случай, который за последние полтора года не раз повторялся, то они были бы в состоянии вести наступательную войну, направленную на сокрушение противника. Ибо как ни велика и могущественна Франция, все же может создаться положение, что большая часть ее территории будет наводнена неприятельскими войсками, столица окажется в их власти, и оставшиеся у Франции средства борьбы будут явно недостаточны, а за исключением России нет державы, которая могла бы ей оказать существенную помощь. Испания слишком удалена и невыгодно расположена; итальянские государства слишком дряхлы и бессильны.

Вышеупомянутые страны, не считая их внеевропейских владений, насчитывают 75 000 000 жителей, между тем как у Франции их всего лишь 30 000 000[378]; армия, которую коалиция могла бы выставить в случае серьезной войны против Франции, равнялась бы без какого-либо преувеличения следующему:

Австрия - 250 000 чел.

Пруссия - 200 000

Остальная Германия - 150 000

Нидерланды - 75 000

Англия - 50 000 Всего - 725 000 чел. Если бы эти вооруженные силы действительно были выставлены, то они значительно превосходили бы те силы, какие Франция, по всей вероятности, могла бы противопоставить, так как это государство и при Бонапарте ни разу не обладало армией подобной численности. Учитывая при этом французские войска, долженствующие быть выделенными в гарнизоны крепостей и депо[379], для охранения берегов и пр., едва ли можно усомниться в значительном превосходстве сил союзников на главном театре войны, а на нем-то главным образом и основывается постановка сокрушительной цели.

Центр тяжести французского государства заключается в его вооруженных силах и в Париже. Разбить первые в одном или в нескольких генеральных сражениях, захватить Париж, отбросить остатки неприятельской армии за Луару - такова должна быть конечная военная цель союзников. Путь к сердцу французской монархии проходит через Брюссель к Парижу: там расстояние от границы до столицы всего 30 миль. Часть союзников - Англия, Нидерланды, Пруссия и северогерманские государства - имеет здесь естественный район развертывания, их страны лежат или поблизости, или же непосредственно позади. Австрия и южногерманские государства могут удобно вести войну, исходя лишь с верхнего течения Рейна. Самое естественное для них направление идет через Труа на Париж, или же на Орлеан. Итак, оба удара, один из Нидерландов, другой с верхнего течения Рейна, являются совершенно прямыми, безыскусственными, короткими и сильными, и оба ведут к центру тяжести неприятельской мощи. Между этими двумя ударами и должны быть распределены все силы наступающих.

Лишь два соображения противоречат этому простому плану.

Австрийцы не захотят оголять Италию; они во всяком случае захотят оставаться там хозяевами положения. Поэтому они не смогут ограничиться косвенным прикрытием Италии при помощи наступления на сердце Франции. Учитывая политическое состояние Италии, нельзя пренебрегать данной побочной задачей; но было бы решительной ошибкой связать с нею старую, многократно испытанную идею наступления на южную Францию со стороны Италии и увеличивать ради этого количество вооруженных сил в Италии, долженствующих служить лишь обеспечением ее на случай неудачи первой кампании. Лишь нужное для этой цели количество войск должно оставаться в Италии, лишь столько можно отвлечь от главного предприятия, если мы хотим остаться верными основной

мысли: единый план, сосредоточение сил. Завоевывать Францию со стороны Роны - это значит поднимать ружье, взявшись за конец его штыка, но, и в качестве второстепенного, побочного предприятия нельзя одобрить наступление на южную Францию, ибо оно лишь пробудит к жизни против нас новые силы. Всякий раз, как мы нападаем на отдаленную провинцию, мы затрагиваем интересы и возбуждаем деятельность, которые иначе дремали бы. Лишь в том случае, если бы оказалось, что оставленных в Италии сил слишком много для обеспечения страны и они могут остаться вовсе неиспользованными, можно оправдать наступление отсюда на южную Францию.

Поэтому повторяем: вооруженные силы в Италии должны быть доведены до того минимума, какой только допускают обстоятельства; их надо считать уже достаточными, если австрийцы не рискуют потерять в течение одной кампании всю страну. Примем это количество для нашего примера в 50000 человек.

Другое соображение, заслуживающее внимания, касается положения Франции как приморской страны. Так как на море господствует Англия, то отсюда вытекает значительная чувствительность Франции вдоль всего Атлантического побережья и, следовательно, более или менее сильное занятие его войсками. Как бы ни была слаба эта береговая охрана, все же она увеличивает втрое протяжение границ Франции, и это не может не отвлечь значительные силы от французских армий, действующих на театрах войны. 20000 или 30000 свободных десантных войск, которыми Англия могла бы угрожать Франции, потребовали бы, пожалуй, двойного или тройного количества французских войск, причем пришлось бы подумать не только о войсках, но и пушках, денежных затратах и прочем необходимым для флота и береговых батарей. Допустим, что англичане на это затратят 25000 человек.

Таким образом, наш план войны слагается совершенно просто и сводится к следующему:

1. В Нидерландах сосредоточиваются:

Пруссаков - 200 000 чел.

Нидерландцев - 75 000

Англичан - 25 000

Северогерманских союзных войск - 50 000 Всего - 350 000 чел. Из них приблизительно 50000 человек расходуется на занятие пограничных крепостей, и остается 300000 человек для движения на Париж и генерального сражения с французскими армиями.

2. 200000 австрийцев и 100000 южногерманских войск сосредоточиваются на верхнем течении Рейна, дабы вторгнуться во Францию одновременно с нидерландской армией и наступать в направлении верхнего течения Сены, а оттуда на Луару, дабы также дать неприятельской армии генеральное сражение. На Луаре оба эти удара могут быть объединены в один.

Этим мы установили главное[380]; то, что нам еще остается сказать, касается преимущественно тех ложных идей, которые мы хотели бы устранить, и заключается в следующем:

а) Основная тенденция полководца должна сводиться к тому, чтобы добиваться намеченного генерального сражения и дать его при такой обстановке и при таком соотношении сил, которые обещали бы решительную победу. Для осуществления этого намерения нужно жертвовать всем, стараясь обойтись при осадах, блокадах и выделении гарнизонов возможно меньшим числом войск. Если союзники вздумали бы, подобно Шварценбергу в 1814 г., вступив на неприятельскую территорию, тотчас же разойтись по эксцентрическим радиусам, то все пропало бы. Последнее не случилось в 1814 г., но союзники обязаны этим лишь бессилию Франции в то время. Наступление должно походить на мощно вгоняемый клин, а не на мыльный пузырь, раздувающийся, пока не лопнет.

б) Швейцарию надо предоставить своим собственным силам. Если она останется нейтральной, то мы будем иметь на верхнем течении Рейна хорошую опору для обеспечения фланга. Если на нее нападет Франция, то пусть Швейцария сама защищает собственную шкуру, к чему она во многих

отношениях вполне пригодна.

Нет большей нелепости, как, исходя из того, что Швейцария представляет наиболее высоко лежащую страну в Европе, приписывать ей какое-то решающее географическое влияние на военные события. Такое влияние может осуществляться лишь при некоторых редко встречающихся условиях, которых в данном случае налицо нет. В то время как французы подвергаются нападению в сердце собственной страны, они не могут вести сколько-нибудь сильного наступления из Швейцарии ни против Италии, ни против Швабии; менее всего может играть при этом роль возвышенное положение Швейцарии. Преимущества стратегического командующего положения сказываются прежде всего и главным образом при обороне, а то, что от этого значения остается для наступления, может проявиться лишь в каком-нибудь одном ударе. Кому это неизвестно, тот не продумал вопроса до полной ясности; и если в будущем в совете властителя и полководца обретется ученый офицер Генерального штаба, который начнет излагать с озабоченным челом подобную мудрость, то мы заранее заявляем, что это претенциозный вздор, и от души желаем, чтобы в том же совете оказался добрый рубака, дитя здравого разума, который заткнул бы ему рот.

в) Пространство между обеими наступающими армиями мы оставляем почти без внимания. Когда 600000 человек сосредотачиваются на расстоянии 30 - 40 миль от Парижа, чтобы двинуться в сердце Франции, разве, говорим мы, приходится еще думать о том, чтобы прикрывать среднее течение Рейна, т.е. Берлин, Дрезден, Вена и Мюнхен? Это противоречило бы всякому здравому смыслу. Но должны ли мы прикрывать свои сообщения? Это имело бы некоторую важность, но тогда вскоре можно было бы прийти и к тому, чтобы этому прикрытию придать силу и значение наступления и, следовательно, вместо того чтобы наступать по двум линиям, как то безусловно вызывается положением государств, начать наступать по трем линиям, чего вовсе уже не требуется; эти три линии, пожалуй, обратились бы затем в пять, а там и в целых семь, и этим путем в порядок дня была бы доставлена вся старая волынка.

Оба наши наступления имеют каждое свою цель; развернутые в них силы, по всей вероятности, значительно превосходят силы противника; если каждое энергично пойдет своим путем, то они несомненно окажут друг на друга благотворное влияние. Если бы одно из двух наступлений подверглось неудаче вследствие того, что неприятель очень неравномерно распределял бы свои силы, то можно с полным правом рассчитывать, что успех другого сам собой загладил бы этот ущерб, а в этом и заключается истинная связь обоих. Связь, распространяющаяся на события каждого дня, конечно, по дальности расстояния между ними существовать не может, да она им и не нужна; поэтому непосредственная или, вернее, прямая связь между ними не имеет особой цены.

Но неприятель, которого атакуют в самое нутро, не будет располагать крупными силами для перерыва этой связи; единственно, чего можно опасаться, это перерыва, вызванного местным населением, поддержанным летучими отрядами; на это предприятие противнику не придется и затрачивать настоящих войск. Для поддержания связи будет достаточно отправить из Трира в направлении на Реймс корпус в 10000-15000 человек, преимущественно кавалерии. Этих сил будет совершенно достаточно, чтобы прогнать любой партизанский отряд и держаться на линии фронта большой армии. Этот корпус не обязан ни блокировать, ни наблюдать крепостей; он будет проходить между ними и, не связывая себя каким-либо постоянным базированием, будет уклоняться в любом направлении от столкновения с превосходными силами. Крупное поражение постигнуть его не может, а если бы оно и имело место, то это не было бы большим несчастьем для целого. При таких условиях подобного корпуса, вероятно, будет достаточно для того, чтобы служить промежуточным звеном между обеими наступающими армиями.

г) Обе второстепенные группы, а именно - австрийская армия в Италии и английский десант, могут разрешать свои задачи так, как им покажется лучше. Если они не останутся вовсе праздными, то главное уже сделано; во всяком случае ни одно из двух крупных наступлений не должно быть поставлено в какую-либо зависимость от них.

Мы твердо убеждены, что таким путем Франция может быть сокрушена и наказана всякий раз, как ей вздумается вновь проявить ту заносчивость, с которой она угнетала Европу в течение последних ста пятидесяти лет. Лишь по ту сторону Парижа, на Луаре, можно добиться от нее тех условий, которые необходимы для мира Европы. Лишь этим путем можно быстро выявить естественное

соотношение между 30 и 75 миллионами душ населения, а не способом, практиковавшимся в течение полутора лет, когда эта страна бывала обставлена от Дюнкирхена до Генуи полукольцом армий, преследовавших до полусотни разнообразнейших мелких политических целей, из которых ни одна не была достаточно крупна, чтобы преодолеть инерцию, трения и чуждые влияния, постоянно зарождающиеся и вечно возобновляющиеся повсюду, особенно же в союзных армиях.

Как мало подобному распорядку соответствует первоначальная организация союзной германской армии, читатель сам может заметить. Вследствие этой организации федеративная часть Германии образует ядро германской мощи, а Пруссия и Австрия, ослабленные этим, теряют присущее им значение. Федеративное же государство для войны представляет весьма дряблое ядро, в нем нет единства, нет энергии, нет разумного выбора полководца, нет авторитета, нет ответственности.

Австрия и Пруссия составляют два естественных ударных центра германской империи; они составляют центр размаха, силу клинка; это монархические державы, привыкшие к войне, у них свои определенные интересы, самостоятельная мощь, они первенствуют среди других. Этим естественным очертаниям и должна следовать организация, а не ложной идее единства. Эта идея в данном случае совершенно невозможна, а тот, кто в погоне за невозможным упускает возможное, тот - глупец.

Приложение.

Важнейшие принципы войны[381]

Дополнение к курсу, читанному лично кронпринцу

Эти основные принципы являются плодом долговременных размышлений и систематического изучения военной истории; все же они мною лишь были намечены, а форма их не выдерживает строгой критики. Я останавливаюсь только на важнейших вопросах, так как вынужден к известной краткости. Задача этих принципов - не сообщить определенный круг знаний, а лишь явиться учебным пособием, ведущим к самостоятельным размышлениям.

I.

Общие принципы войны

1. Теория войны преимущественно занимается исследованием вопроса, как добиться на решительном пункте перевеса материальных средств и преимуществ. Но последнее может оказаться и невозможным; тогда теория учит и тому, как принять в расчет величины морального порядка, например, вероятные ошибки противника, впечатление, производимое отважностью предприятия, даже наше собственное отчаяние. Ведь это отнюдь не выходит из пределов военного искусства и его теории, так как последняя представляет не что иное, как здравое размышление по поводу любого положения, в котором можно очутиться на войне. На самых опасных из таких положений надо чаще всего останавливать свое внимание, чтобы теснее с ними свыкнуться. Этим путем разум может стать основой героических решений.

Иначе представить это дело вашему высочеству может только педант, взгляды которого причинят вам только вред. Вы сами когда-нибудь ясно почувствуете в великие минуты жизни, среди суматохи и неурядицы боя, что лишь указанная нами установка может помочь там, где помощь всего нужнее и где цифровые выкладки педантов оставляют нас без всякой поддержки.

2. Естественно, что на войне всегда стараются иметь на своей стороне вероятность успеха, рассчитывая при этом или на материальное, или на моральное превосходство. Однако не всегда это бывает возможно; часто приходится предпринимать что-нибудь, не считаясь с вероятностью успеха, а именно тогда, когда нельзя сделать ничего лучшего. Если бы мы в таком случае пришли в отчаяние, то наш разум как раз умолк бы тогда, когда он более всего необходим, когда все кажется ополчившимся против нас.

Итак, если против нас даже сама вероятность успеха, то все же не следует считать из-за этого предприятие невозможным или неразумным: разумно оно всегда, раз мы ничего лучшего сделать не можем и при имеющихся у нас скудных средствах добиваемся всего, что только возможно. Дабы в

подобном положении не потерять хладнокровия и стойкости, качеств, которые на войне прежде всего подвергаются опасности и которые сохранить так трудно в подобных условиях, но без которых даже при самых блестящих духовных дарованиях человек ни на что не способен, - надо приучить себя к мысли погибнуть с честью, постоянно питать ее в своей груди и с нею свыкнуться. Будьте уверены, ваше высочество, что без этой твердой решимости ничего великого сделать нельзя даже в счастливой войне, а тем более в несчастной[382].

Фридриха II верно не раз занимала эта мысль во время его первых Силезских войн; так как он свыкся с нею, он и предпринял в памятный день 5 декабря свою атаку под Лейтеном, а не потому, что он заранее учел высокую вероятность разбить и австрийцев посредством своего косоного боевого порядка.

3. При всех операциях, на которых вы будете останавливаться в том или другом случае, при всех мероприятиях, на которые вы будете решаться, у вас всегда будет выбор между самым отважным и самым осторожным решением. Существует мнение, будто теория рекомендует самое осторожное. Это неправда. Если теория что-либо и советует, то, следуя естеству и войны, она советует самое решительное, т.е. самое отважное; но она же предоставляет самому полководцу делать выбор в меру своего собственного мужества, своей предприимчивости, своей веры в свои силы. А потому делайте свой выбор в меру своих внутренних сил, но помните, что великим не сделался ни один полководец, лишенный дерзновения.

II.

Тактика, или учение о бое

Война состоит из сочетания многих отдельных боев. Такое сочетание может быть мудрым или неразумным, а от этого в значительной мере зависит успех; но еще важнее исход самого боя, ибо лишь из сочетания удачных боев могут получиться хорошие результаты. Поэтому самым важным на войне все же остается искусство победить своего врага в бою.

Главный принцип обороны: никогда не держаться совершенно пассивно; в то самое время, когда неприятель нас атакует, мы должны напасть на него с фронта и во фланг. Ведут оборону на известной линии лишь для того, чтобы принудить противника развернуть для атаки свои силы, а затем с другими, удержанными позади частями переходят в свою очередь в наступление. Как ваше высочество сами совершенно правильно изволили заметить, искусство возводить окопы должно служить обороняющемуся не для того, чтобы спокойно защищаться за их стеною, а для того, чтобы с большим успехом атаковать противника; то же можно сказать и о всякой пассивной обороне; она всегда является только средством атаковать в выгодных условиях неприятеля на местности, нами избранной и, соответственно оборудованной, где мы разместили свои части.

Создавая план для боя, надо иметь в виду достижение крупной цели, например, атаку значительной неприятельской колонны или полное ее поражение. Задаваясь мелкой целью, в то время как неприятель имеет в виду цель обширную, мы, очевидно, останемся в проигрыше, ибо мы ставим на карту рубли против копеек.

Правило, представляющее собою первейшую из причин победы в современном военном искусстве: задаваться целью важной, решительной и преследовать ее с энергией и упорством.

Правда, при этом возрастает также и опасность, которой мы подвергаемся в случае неудачи; но умножать осторожность за счет достигаемого результата - это ложная осторожность, противоречащая, как мы уже говорили, природе войны; ради крупных целей надо и отваживаться на многое. Истинная осторожность заключается в том, чтобы, отваживаясь на что-нибудь на войне, тщательно выбирать и применять средства к достижению результата, не упуская ни одного из них по лености или легкомыслию. Такого рода была осторожность императора Наполеона, который никогда не преследовал крупных целей боязливо и половинными шагами ради осторожности.

Вспомните, ваше высочество, о тех немногих оборонительных сражениях, которые отмечены историей как победоносные, и вы увидите, что лучшие из них были проведены в духе приведенных нами принципов, ибо изучение военной истории и подсказало нам эти принципы.

Даже при превосходстве в силах все же часто выбирают для направления главного удара лишь один пункт, что и позволяет сосредоточить против него большие силы, ибо совершенно окружить неприятельскую армию оказывается возможным лишь в самых редких случаях; предпосылкой окружения является огромное физическое и моральное превосходство. Оттеснить же противника от линии отступления можно, атакуя один из его флангов; уже это дает в большинстве случаев крупные результаты. Вообще главное - это уверенность (значительная степень вероятности) в том, что победа будет одержана, т.е. уверенность в том, что неприятель будет прогнан с поля сражения. Обеспеченность успеха и должна ложиться в основу всего плана сражения, ибо выигранное, хотя бы не вполне решительное сражение нетрудно уже обратить в решительную победу путем энергичного преследования.

При наступлении, как и при обороне, надо избирать объектом атаки ту часть неприятельской армии, поражение которой сулит самые решительные выгоды.

Как и при обороне, надо не прекращать боя, пока цель не будет достигнута или все средства не будут исчерпаны. Если обороняющийся тоже активен, если он атакует нас на других пунктах, то мы можем вырвать у него победу, лишь превзойдя его в энергии и дерзости. Если противник пассивен, то вообще мы не подвергаемся значительной опасности.

Согласованность атак отдельных дивизий и корпусов достигается не тем, что ими пытаются руководить из одного пункта так, что хотя они и следуют на значительном расстоянии или даже, может быть, отделены друг от друга неприятельскими войсками, все же постоянно сохраняют между собой связь, точно соотносят друг с другом свои движения и пр. Это ложный, дурной способ достигать согласования действий; он подвержен тысяче случайностей, посредством его никогда нельзя достигнуть чего-нибудь великого, но зато можно наверное ожидать поражения при наличии сильного, энергичного противника.

Верный способ заключается в том, чтобы указать каждому начальнику дивизии или корпуса главное направление его движения и поставить ему целью его действий - неприятеля, а задачей - победу над неприятелем.

Каждый начальник колонны, следовательно, имеет приказ атаковать неприятеля, где бы он его ни встретил и притом всеми своими силами. На него нельзя возлагать ответственность за исход, ибо это вызовет в нем нерешительность; он отвечает лишь за то, что его колонна примет участие в бою всеми своими силами, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

Хорошо организованная самостоятельная часть может выдержать довольно долго (несколько часов) атаку превосходных сил и, следовательно, не может быть мгновенно уничтожена; поэтому, если она действительно слишком рано ввяжется в бой с противником и даже будет разбита, затраченные усилия не окажутся потерянными даром для общего дела: неприятелю придется развернуть и израсходовать свои силы против этой части, что предоставит остальным удобный случай атаковать в выгодных условиях.

Итак, согласованность действий сил обеспечивается тем, что каждой части предоставляется известная самостоятельность и что каждая часть обязана искать встречи с неприятелем и атаковать его с полным самоотвержением[383]. Один из важнейших принципов наступательной войны, это - поразить неприятеля внезапностью. Чем атака внезапнее, тем она будет успешнее. На неожиданность, которую может создать обороняющийся скрытностью своих мероприятий и укрытым расположением войск, наступающий может ответить лишь неожиданностью своего появления.

Однако это явление наблюдается крайне редко в новейших войнах, что зависит частью от улучшения принимаемых в настоящее время мер охранения, а частью от быстроты ведения войны; теперь в военных действиях редко наступает продолжительная пауза, в течение которой бдительность одной из сторон могла бы ослабеть, что предоставило бы другой стороне случай произвести внезапную атаку.

Мы не должны ни на минуту упускать из виду следующий принцип, огромное значение которого я не могу не подчеркнуть с особой настойчивостью: не вводить сразу и на авось всех своих сил в дело,

ибо через это мы выпускаем из рук все средства руководить боем; по возможности истомлять противника малым количеством сил, сохраняя решительную массу для последней решительной минуты. Раз пущен в ход этот решительный резерв, им надо действовать с величайшей дерзостью.

Следует установить для всей кампании или для всей войны нормальный боевой порядок, т.е. порядок расположения войск до и во время боя. Этот боевой порядок заменяет специальную диспозицию во всех тех случаях, когда таковая не была составлена заранее. Поэтому он по преимуществу должен быть рассчитан на оборону. Этот боевой порядок устанавливает в армии известный метод ведения боя, что крайне необходимо и полезно, ибо большинство младших генералов и других командиров более мелких частей не будет обладать особыми познаниями в тактике, да и не будет иметь выдающихся военных талантов.

Таким путем устанавливается известный методизм, заменяющий искусство там, где таковое отсутствует. По моему убеждению, это в высокой степени присуще французской армии[384].

Наступающему надо считаться с местными условиями главным образом в двух отношениях: не выбирать пунктом атаки слишком трудно проходимую местность, а с другой стороны - наступать, по возможности, по такой местности, на которой неприятелю труднее всего разгадать наши силы.

Принцип, имеющий для обороняющегося величайшее значение, на который надо смотреть как на краеугольный камень всего учения об обороне: никогда не уповать всецело на силу местности, следовательно, никогда не поддаваться соблазну пассивной обороны в расчете на таковую силу. Если местность действительно столь сильна, что наступающему будет невозможно нас выбить из занимаемого расположения, то он его обойдет, что всегда возможно, а тогда самая неприступная местность окажется бесполезной; мы тогда будем принуждены драться на совершенно иной местности, в условиях изменившейся в корне обстановки, как будто мы и вовсе не вводили в наши планы неприступную позицию. Но если позиция не представляет такой силы и атака ее в известной степени еще возможна, то выгодная местность никогда не сможет уравновесить невыгоды чисто пассивной обороны. Следовательно, все препятствия, представляемые местностью, должны быть использованы лишь для частной обороны, дабы с небольшими силами оказать сравнительно сильное сопротивление и выиграть время для перехода в наступление, посредством которого надо пытаться добиться подлинной победы на другом участке[385].

III. Стратегия[386]

Она является сочетанием отдельных боев, из которых состоит война, для достижения цели кампании и всей войны. Раз мы умеем драться, раз мы умеем побеждать, нам не хватает лишь немногого. Сочетать счастливые результаты легко, ибо это исключительно вопрос навыка в правильном суждении; для этого уже не требуется специальных знаний, как для управления боем[387].

Отсюда те немногие принципы, которые можно установить в стратегии и которые покоятся на организационных основах государства и армии, можно свести по существу к весьма кратким положениям.

1. Общие принципы

1. При ведении войны могут быть три главные задачи:

- а) победить и уничтожить вооруженные силы неприятеля;
- б) овладеть материальными средствами борьбы и другими источниками существования неприятельской армии;
- в) склонить на свою сторону общественное мнение.

2. Для достижения первой задачи всегда нацеливают главную операцию против главной армии

неприятеля или хотя бы против значительной ее части, ибо, лишь разбив ее, можно с успехом приступить к выполнению двух других.

3. Чтобы овладеть материальными средствами борьбы неприятеля, направляют свои операции на те пункты, в которых по преимуществу концентрируются эти средства: на столицы, склады, большие крепости. На пути к ним предстоит встреча с неприятельскими главными силами или значительной частью их.

4. Наконец, склоняют на свою сторону общественное мнение путем крупных побед и овладения столицей.

5. Первый и самый важный принцип, которым надо руководствоваться для достижения этих задач, заключается в следующем: напрягать полностью все силы, находящиеся в нашем распоряжении. Всякий предел напряжению, допущенный здесь нами, приводит к неполноте разрешения поставленной задачи. Если бы даже успех сам по себе представлялся довольно вероятным, все же было бы крайне неразумно не проявить наибольших усилий, дабы быть вполне уверенными в успехе, ибо такое напряжение никогда не может дать отрицательных результатов. Пусть это ляжет тяжким бременем на страну, все же это не принесет особого ущерба, ибо тем скорее это бремя будет снято с ее плеч.

Огромное значение имеет то моральное впечатление, которое производят энергичные приготовления: всякий получает уверенность в успехе, а это лучшее средство поднять дух народа.

6. Второй принцип: возможно больше сосредоточивать свои силы там, где должны быть нанесены главные удары, не останавливаясь перед невыгодами, вытекающими из этого сосредоточения для других участков, дабы иметь большую уверенность в успехе на главном пункте. Этот успех покрывает все прочие невыгоды.

7. Третий принцип - не терять времени. Если мы не можем извлечь каких-либо особых выгод из промедления, то важно приступить к делу как можно скорее. Быстротой можно пресечь многие мероприятия противника в самом зародыше и привлечь на свою сторону общественное мнение.

Внезапность играет в стратегии гораздо большую роль, чем в тактике: она является наиболее действительным началом победы. Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Фридрих II, Наполеон обязаны быстроте действий самыми яркими лучами своей славы.

8. Наконец, четвертый принцип: с величайшей энергией использовать достигнутые нами успехи

Только преследование разбитого врага даст нам плоды победы.

9. Первый из этих принципов является основой трех остальных. Следуя ему, мы можем, не ставя всего на карту, применить остальные с величайшим дерзновением. Он дает нам средство непрерывно формировать в тылу новые силы, а с ними можно заглазить всякую постигшую нас неудачу.

Вот в чем заключается истинная осторожность, а не в том, чтобы двигаться вперед робкими шагами.

10. Малые государства в наши дни не могут вести завоевательных войн, но для войны оборонительной и они обладают огромными средствами. Поэтому я твердо убежден, что тот, кто будет напрягать все свои силы, чтобы выдвигать все новые и новые массы, кто принимает все мыслимые меры для повышения подготовки, кто держит свои силы сосредоточенными на главном направлении, кто, вооруженный таким образом, решительно и энергично преследует крупную цель, тот сделал все, что достижимо при стратегическом руководстве войной, и если боевое счастье не будет совершенно против него, в общем итоге неизменно окажется победителем, поскольку его противник будет отставать от него в напряжении усилий и энергии.

11. При соблюдении этих принципов форма операций в конечном счете не имеет особого значения. Впрочем, я попытаюсь в нескольких словах выяснить самое важное.

В тактике всегда стараются охватить противника, и притом ту часть его, против которой направлен главный удар, отчасти потому, что действие сил по концентрическим направлениям более выгодно, чем при прямых параллельных фронтах, а отчасти потому, что лишь этим путем мы имеем возможность оттеснить неприятеля от пути его отступления.

Если мы этот вопрос в отношении противника и позиции из области тактики перенесем в стратегию, на театр войны, следовательно, учтем и снабжение неприятеля, то окажется, что отдельные колонны или армии, имеющие назначение охватить неприятеля в большинстве случаев будут так далеко отстоять друг от друга, что окажутся не в состоянии принять участие в одном и том же бою. Противник, находясь в центре, будет иметь возможность обратиться против каждого отдельного корпуса и разобьет их поодиночке одной и той же армией. Кампании Фридриха II являют примеры этого, особенно в 1757 и 1758 гг.

А так как бой есть самое главное и решающее, то действующий по внешним линиям, если у него не будет решительного перевеса сил, утратит в боях все те преимущества, которые ему должен был доставить охват, ибо воздействие на снабжение проявляется крайне медленно, а победа, одержанная в сражении, чрезвычайно быстро.

Отсюда в стратегии тот, кто находится между частями неприятеля, находится в лучшем положении, чем тот, кто обходит своего противника, особенно при равных или слабейших силах.

Конечно, чтобы отрезать неприятеля от его пути отступления, стратегические обход и охват являются чрезвычайно действительным средством, но так как той же цели можно достигнуть также и посредством тактического обхода, то стратегический обход можно рекомендовать лишь в том случае, когда наши силы (моральные и физические) настолько превосходны, что мы все же останемся достаточно сильными на решительном пункте и по выделении обходящей группы.

Наполеон никогда не предпринимал стратегических обходов, хотя он часто, даже почти всегда, располагал моральным и физическим перевесом[388].

Фридрих II воспользовался этим приемом один только раз: во время своего вторжения в Богемию в 1757 г.

Правда, он этим достиг того, что первое сражение австрийцы могли дать лишь под Прагой; однако какую пользу принесло ему завоевание Богемии вплоть до самой Праги без решительной победы? Сражение под Коллином принудило его снова отказаться от всех его завоеваний - доказательство, что бои решают все. Под Прагой ему несомненно грозила опасность быть атакованным всеми силами австрийской армии до подхода Шверина. Он не подвергся бы этой опасности, если бы двинулся со всеми своими силами через Саксонию. Тогда первое сражение, вероятно, произошло бы под Будингом на Эгере, и оно было бы столь же решительным, как сражение под Прагой[389]. Поводом для такого концентрического наступления на Богемию бесспорно послужила зимняя дислокация прусской армии в Силезии и Саксонии, и крайне важно отметить, что в большинстве случаев именно такого рода соображения и играют более вескую роль, чем преимущества той или иной формы группировки сил, ибо удобоисполнимость операции способствует быстроте выполнения, а трения столь огромной машины, как армия, настолько велики, что без особой нужды их не следует увеличивать.

12. Только что приведенный нами принцип - по возможности сосредоточиваться на решительном направлении - уже сам по себе устраняет идею стратегического охвата, а отсюда сама собою вытекает группировка наших вооруженных сил. Поэтому я и вправе был заявить, что форма этой группировки не имеет особого значения. Однако в одном случае стратегическое воздействие на неприятельский фланг ведет к таким же крупным последствиям, как и в сражении, а именно - когда неприятель, действующий в бедной стране, с великим трудом устроит свои магазины, от целостности которых безусловно зависит успех его операций. В подобных случаях можно даже рекомендовать не идти с главными силами навстречу главной армии неприятеля, но устремиться на его базу. Но для этого необходимы два условия:

а) неприятель должен настолько удалиться от своей базы, чтобы наше движение принудило его к

значительному отступлению;

б) мы должны иметь возможность задержать его на главном операционном направлении небольшими силами при помощи естественных и искусственных преград, дабы он не мог сделать завоеваний, способных вознаградить его за потерю базы [390].

13. Про довольствование войск - неминуемое условие ведения войны, а потому оно оказывает большое влияние на операции, особенно тем, что допускает лишь до известного предела сосредоточение масс и является решающим фактором при выборе операционной линии, определяя полосу наступления на театре войны.

14. В областях, сколько-нибудь допускающих довольствие войск местными средствами, последние используются реквизиционным порядком.

При современном способе вести войну армия занимает значительно большее пространство, чем раньше. Образование в нашей армии самостоятельных корпусов сделало это возможным, не ставя нас в худшее положение по сравнению с противником, который сосредоточит в одном пункте на старый образец от 70000 до 100000 человек, ибо корпус современной организации может в течение некоторого времени вести борьбу с противником, вдвое и втрое его сильнейшим; тем временем подойдут на выручку остальные и если первый корпус даже окажется разбитым, то он сражался не даром, как мы это уже указывали по другому поводу.

Поэтому теперь отдельные дивизии и корпуса двигаются врозь, рядом или позади один другого; если они составляют одну и ту же армию, то удаление их друг от друга ограничивается лишь тем условием, чтобы они могли принять участие в общем сражении.

Это дает возможность питать войска непосредственно, без особых магазинов. Такая постановка снабжения облегчается организацией самих корпусов с их Генеральным штабом и интендантством.

15. Если решающее значение не принадлежит более веским основаниям, например, расположению неприятельской главной армии, то выбирают для операций наиболее плодородные области, ибо легкость снабжения способствует быстроте операции. Важнее вопросов снабжения может быть лишь расположение главной армии противника, столкновение с которой нам предстоит, положение столицы или крепости, которой мы стремимся овладеть. Все прочие основания, например, выгоднейшая форма группировки сил, о которой мы уже говорили, обычно имеют гораздо меньшее значение.

16. Несмотря на эту новую систему довольствия, мы еще далеки от того, чтобы совершенно обходиться без всяких магазинов, и мудрый полководец, даже если средства провинции и совершенно достаточны, все же не преминет устроить у себя в тылу магазины, на непредвиденный случай, чтобы иметь возможность сильнее сосредоточиться в известных пунктах. Эта предосторожность принадлежит к числу тех мер, которые не идут в ущерб поставленной задаче.

2. Оборона

1. Политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость; стратегически оборонительной войной называют такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре военных действий, который я себе подготовил для этой цели. Даю ли я на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера, это дела не меняет.

2. Избирают стратегическую оборону главным образом в тех случаях, когда неприятель сильнее нас. Естественно, что крепости и укрепленные лагеря, на которые следует смотреть, как на основу подготовки театра войны, представляют значительные преимущества; в число последних входят также знакомство с местностью и наличие хороших карт. С помощью этих преимуществ небольшая армия, базирующаяся на небольшое государство, располагающая небольшими средствами, будет скорее в состоянии оказать неприятелю сопротивление, чем без них.

Наряду с этим следующие два основания могут побудить остановиться на оборонительной войне.

Во-первых, если области, прилегающие к нашему театру войны, в значительной мере затрудняют операции по недостатку продовольствия. В этом случае мы избегаем неудобств, которые всецело ложатся на противника. Таково, например, в настоящее время (1812 г.) положение русской армии.

Во-вторых, когда неприятель превосходит нас в умении вести войну. На подготовленном театре войны, который нам знаком и где все побочные обстоятельства нам благоприятствуют, вести войну гораздо легче; здесь нельзя наделать так много ошибок. В этом случае, т.е. когда к оборонительной войне нас побуждает ненадежность наших войск и генералов, к стратегической обороне охотно присовокупляют и оборону тактическую, т.е. сражения даются на заранее подготовленных позициях, - опять-таки потому, что в этих условиях будет допущено меньше ошибок[391].

3. В войне оборонительной не менее, чем в войне наступательной, надлежит задаваться крупной целью. Таковой может быть не что иное, как истребление неприятельской армии или посредством сражения, или посредством постановки ее в крайне трудные для существования условия, что приводит ее в расстройство и принуждает к отступлению; в течение последнего она, естественно, подвергается большим потерям. Примерами тому могут служить походы Веллингтона 1810 и 1811 гг.

Следовательно, оборонительная война не сводится лишь к праздному выжиданию событий; выжидать следует только в предвидении очевидных и решительных выгод. Крайне опасно для обороняющегося то затишье перед бурей, во время которого наступающий собирается с силами для решительного удара.

Если бы австрийцы после сражения под Асперном утроили свои силы, как то сделал французский император, - а возможности к этому у них были, - то период затишья, предшествовавший сражению под Ваграмом, оказался бы для них полезным, но только при таком условии; так как, однако, они этого не сделали, то время оказалось для них потерянным, и было бы гораздо благоразумнее с их стороны, если бы они воспользовались невыгодным положением Наполеона, чтобы пожать плоды сражения под Асперном.

4. Назначение крепостей - отвлечь значительную часть неприятельских сил на осады. Этот промежуток времени должен быть использован на то, чтобы разбить остальную часть неприятельской армии. При этом надо давать сражение за своими крепостями, а не перед ними. Но не следует оставаться праздным наблюдателем, как их берет, как то сделал Бенигсен во время осады Данцига.

5. Большие реки, т.е. такие, через которые наводка моста представляет большие трудности, как, например, Дунай ниже Вены и Нижний Рейн, составляют естественную оборонительную линию. Но не следует равномерно распределять войска вдоль реки, чтобы непосредственно препятствовать переправе, - это опасно, а надо наблюдать ее, и там, где неприятель переправился, атаковать его со всех сторон в ту минуту, когда он не успел еще подтянуть все свои силы и еще ограничен узким пространством близ реки. Примером таких действий может служить сражение под Асперном. В сражении под Ваграмом австрийцы без всякой надобности предоставили французам слишком много пространств, чем избавили последних от специфических невыгод переправы через реку[392].

6. Горы составляют второй вид естественных преград, который может служить хорошей оборонительной линией, причем их оставляют впереди себя, занимая только легкими войсками и трактуя их до некоторой степени как реку, с тем чтобы предоставить неприятелю перевалить через них и затем, как только он начнет дебушировать отдельными колоннами из горных проходов, обрушиться на одну из них всеми силами; другой способ заключается в том, что в горы вводятся главные силы. В последнем случае следует защищать отдельные горные проходы лишь небольшими отрядами, а значительную часть армии (от одной трети до половины) держать в резерве, дабы атаковать превосходными силами одну из неприятельских колонн, которой удалось бы прорваться. Однако не следует распылать этого крупного резерва, пытаясь абсолютно преградить выход всем колоннам, но с самого начала надо задаться целью обрушиться на ту колонну, которую предполагают самой сильной. Если таким путем удастся разбить значительную часть наступающей армии, то остальные прорвавшиеся колонны отступят сами собою[393].

Строение большинства горных хребтов таково, что в толще их массы расположены более или менее высокие плоскогорья (плато), в то время как скаты, обращенные к равнинам, обычно пересечены глубокими, крутыми долинами, образующими горные проходы. Таким образом, обороняющийся найдет в горах местность, в которой он может быстро передвигаться вправо и влево, в то время как наступающие колонны отделены друг от друга крупными и неприступными хребтами. Лишь в тех случаях, когда горы носят такой характер, они представляют удобства для обороны. Если же горы суровы и неприступны во всю глубину, так что отряды обороняющегося окажутся разбросанными без взаимной связи, то оборонять их главными силами - дело опасное. Все выгоды при этих условиях оказываются на стороне наступающего, который имеет возможность атаковать отдельные пункты превосходными силами; и тогда ни один горный проход, ни один отдельный пункт не будет настолько крепок, чтобы им не могли быстро овладеть превосходные силы.

7. Вообще по поводу горной войны следует заметить, что в ней все зависит от искусства частных начальников, офицеров и еще в большей мере от духа солдат. Здесь не требуется большого искусства маневрирования, но нужны воинственный дух и преданность делу, ибо здесь каждый более или менее предоставлен самому себе. Вот почему народное ополчение особенно сильно в горной войне, ибо, лишенное первого, оно в высшей мере обладает последними двумя качествами.

8. Наконец, по поводу стратегической обороны надо заметить, что, будучи сильнее сама по себе, чем наступление, она должна служить лишь для того, чтобы добиться первых крупных успехов; но раз они достигнуты, а мир непосредственно за ними не последует, дальнейших успехов можно добиться лишь наступлением, ибо тот, кто постоянно хочет только обороняться, подвергается большой невыгоде всегда воевать за собственный счет. Этого ни одно государство долго не выдержит; подвергаясь ударам противника и ни разу не отвечая ударом на удар, обороняющийся несомненно в конце концов ослабевает и будет побит. Нужно начинать с обороны, чтобы тем вернее можно было кончить наступлением.

3. Наступление

1. Стратегическое наступление непосредственно приступает к достижению политической цели войны, ибо оно непосредственно направлено на разрушение неприятельских сил, тогда как стратегическая оборона пытается достигнуть этой политической цели отчасти лишь косвенным образом. Поэтому принципы наступления уже содержатся в общих принципах стратегии. Лишь о двух пунктах следует здесь упомянуть особо.

2. Первое - это безостановочное пополнение войск и вооружения. Для обороняющегося это сравнительно нетрудно благодаря близости источников такого пополнения. Наступающий же, хотя и располагает в большинстве случаев ресурсами более обширного государства, оказывается вынужденным доставлять свои ресурсы более или менее издалека и с известными затруднениями. Поэтому, чтобы никогда не испытывать недостатка в силах, он должен принять такие меры, чтобы наборы рекрут и перевозка вооружения задолго предшествовали появлению в них нужды. Дороги его операционной линии должны быть непрерывно заняты движением следующих к армии людей и транспортов, перевозящих все потребное снабжение; на этих дорогах должны быть устроены этапные пункты, содействующие быстрейшему следованию транспортов.

3. Даже при самых благоприятных условиях и при величайшем моральном и физическом превосходстве сил наступающий никогда не должен упускать из виду возможность крупной неудачи. Поэтому он должен подготовить на своей операционной линии такие пункты, куда он смог бы отойти со своей разбитой армией. Это будут крепости с укрепленными лагерями при них или же одни укрепленные лагери.

Большие реки - лучшее средство задержать на некоторое время преследующего неприятеля. Поэтому переправы через них должны быть защищены предместными укреплениями, усиленными поясом сильных редутов.

Для занятия таких пунктов, а также самых значительных городов и крепостей должно быть оставлено большее или меньшее количество войск в зависимости от большей или меньшей степени опасности, которая угрожает от налетов неприятеля или от восстания населения. Эти войска вместе с

прибывающими подкреплениями образуют новые корпуса, которые при успешном ходе дел продвигаются вслед за армией, в случае же неудачи размещаются в укрепленных пунктах для обеспечения отступления.

Наполеон в деле организации тыла своей армии всегда отличался чрезвычайной осмотрительностью, отчего самые его операции являлись менее рискованными, чем казались.

4. О применении на войне изложенных принципов

Принципы военного искусства сами по себе в высшей степени просты, вполне согласуются со здравым смыслом, и если в тактике они и опираются на специальные знания в большей мере, чем в стратегии, то все же эти знания столь необширны, что их едва ли можно сравнить с любой другой наукой по их объему и разнообразию. Таким образом, здесь не требуется ни учености, ни глубокой научности, даже не требуется особо выдающихся качеств ума. Если сверх навыка в суждении и требуется какое-либо особое свойство ума, то скорее всего таким свойством будет хитрость или изворотливость[394]. Долгое время утверждали прямо противоположное, но только из-за ложного благоговения перед предметом и по тщеславию писателей, занимавшихся этими вопросами. Нас в этом убеждает беспристрастное обсуждение этого предмета, практический же опыт еще бесповоротнее укрепит в нас такой взгляд. Еще в период революционных войн многие люди, не получившие никакого военного образования, проявили себя как искусные полководцы, даже как полководцы первой величины. По крайней мере, военное образование Конде, Валленштейна, Суворова и многих других весьма сомнительно[395].

Само ведение войны - дело трудное, в этом нет никакого сомнения, но трудность заключается не в том, что требуется особая ученость или огромный гений для того, чтобы усвоить себе истинные принципы военного искусства; это доступно каждому правильно развитому мозгу, свободному от предубеждений и сколько-нибудь знакомому с делом. Даже применение этих принципов на карте и на бумаге не представляет никаких трудностей, и набросать хороший операционный план це представляет особой мудрости[396]. Великая трудность заключается в том, чтобы при практическом выполнении остаться верным усвоенным принципам.

Обратить внимание на эту трудность и составляет задачу настоящих заключительных замечаний, а дать вашему королевскому высочеству ясное об этом представление я считаю самым важным из всего того, чего я хотел достигнуть всей этой запиской.

Все ведение войны напоминает сложную работу машины с огромным трением, так что комбинации, которые с большой легкостью набрасываются на бумаге, могут быть выполнены на деле лишь с большим напряжением сил.

Таким образом, свободная воля и мысль полководца ежеминутно встречают препоны своим движениям, и для преодоления этих препон требуется особая сила духа и разума. Среди этого трения приходится отбрасывать не одну удачную мысль и прибегать к более простым, скромным приемам, хотя более сложные и могли бы дать большие результаты.

Дать исчерпывающий перечень всех причин этого трения, пожалуй, невозможно, по главнейшие из них следующие:

1. В общем о положении противника и о его мероприятиях имеется гораздо менее данных, чем требуется для составления планов; бесчисленные сомнения возникают в момент выполнения принятого решения, вызываемые опасностями, грозящими отовсюду в случае крупных ошибок в предположениях, легших в основу принятого решения. Тогда нами овладевает чувство беспокойства, которое легко нападает на человека при выполнении большого дела, а переход от такого беспокойства к нерешительности и от нерешительности к полумерам представляет очень маленький, незаметный шаг.

2. К неточности сведений о размере сил неприятеля добавляется то, что слухи (все сведения, получаемые нами от сторожевых частей, от шпионов и из случайных источников) всегда их преувеличивают. Людская толпа боязлива по природе, а потому регулярно наблюдается

преувеличение опасности. Все воздействия, таким образом, объединяются на том, чтобы внушить полководцу ложное представление о силах неприятеля, с которым придется иметь дело; и это служит новым источником его нерешительности.

Нельзя себе и представить тех размеров, до которых может дойти такая недостаточность осведомления, а потому особенно важно заранее к пей подготовиться.

Раз все заранее спокойно обдумано, раз без предупреждения мы разобрались и установили наиболее вероятный случай, мы не должны сразу отказываться от первоначального мнения; надо подвергать строгой критике все доставляемые сведения, сравнивать их между собою, посылать за новыми и так далее. Очень часто неверные сведения могут быть немедленно опровергнуты, а иные данные - получить подтверждение; в обоих случаях мы получаем большую достоверность и можем сообразовать с ней свое решение. Если у нас нет полной достоверности, то надо себе сказать, что на войне ничего без риска не делается, что самая природа войны не дает безусловной возможности всегда наперед предвидеть, куда идешь, что вероятное все же остается вероятным, даже если оно и не представляется во всей своей полноте нашему чувственному взору, и что при прочих благоразумных мероприятиях не сразу же последует полная гибель от одной ошибки.

3. Неизвестность положения дел в каждую данную минуту распространяется не только на неприятеля, но и на свою армию. Последняя редко может быть настолько сосредоточенною, чтобы можно было в любой момент отчетливо обозреть все ее части. Если быть склонным к опасливости, то на этой почве могут возникать новые сомнения. Является желание выждать, а неизбежным его следствием будет задержка в общем действии.

Поэтому необходимо верить, что наш общий распорядок оправдывает ожидаемые от него результаты. В особенности надо доверять своим подчиненным начальникам, а потому на эти посты надлежит выбирать таких людей, на которых можно положиться, и это соображение ставить выше всяких других. Раз мы целесообразно наметили свои мероприятия и учли при этом возможные несчастные случайности и так устроились, что, если они нас постигнут при выполнении нашего плана, мы не погибнем сразу, то нам следует смело идти вперед среди мрака неизвестности.

4. Если мы решили вести войну с большим напряжением сил, то часто подчиненные начальники, а также и войска (особенно, если они не втянуты в войну) будут встречать непреодолимые в их представлении затруднения. Они найдут, что переходы слишком велики, что усилия слишком тяжки, что снабжение продовольствием невозможно. Стоит только дать веру всем этим затруднениям (Diffikultaten, как их называл Фридрих II) - и скоро окажешься подавленным ими; вместо того, чтобы действовать сильно и энергично, станешь слабым и бездеятельным.

Чтобы противостоять всему этому, необходимо доверять своим взглядам и предусмотрительности; в эти минуты такая убежденность имеет вид упрямства, но на самом деле представляет собою ту силу ума и характера, которую мы называем твердостью.

5. Все воздействия, которые мы учитываем на войне, никогда не бывают в точности такими, как их представляет себе тот, кто лично внимательно не наблюдал войну и не свыкся с ней.

Часто ошибаются на много часов в расчете марша какой-нибудь колонны, причем нельзя даже точно выяснить, от чего зависела задержка; часто возникают препятствия, которые заранее предвидеть было невозможно; часто предполагают достигнуть с армией известного пункта, но бывают вынуждены остановиться на несколько часов пути раньше; часто выделенный нами отряд оказывает гораздо меньшее сопротивление, чем мы ожидали, а неприятельский отряд - гораздо большее; часто средства какой-нибудь провинции оказываются скромнее, чем мы предполагали, и пр.

Все такие задержки могут быть заглажены не иначе, как ценою крупных усилий, которых полководец может добиться лишь строгостью, граничащей с жестокостью. Лишь в том случае, когда он убежден, что будет выполнено все, что только возможно, он может быть уверен, что эти мелкие затруднения не приобретут огромного влияния на операции и он окажется не слишком далеко от цели, которой мог бы достигнуть.

6. Можно принять за несомненное, что армия никогда не будет находиться в том самом состоянии, в каком ее рисует себе тот, кто из своего кабинета следит за операциями. Если он расположен к этой армии, он будет представлять ее себе на треть или на половину более сильной и более хорошей. Весьма естественно, что полководец, составляющий впервые план предстоящих операций, находится в таком же положении, но затем он видит, что его армия начинает таять, как он и не предполагал, что его кавалерия приходит в негодность, и пр. Поэтому то, что в начале похода и наблюдателю и полководцу кажется возможным и легким, при выполнении оказывается трудным и недостижимым, если полководец окажется человеком отважным, с сильной волей, то, побуждаемый высоким честолюбием, он все же будет преследовать свою цель; человек же заурядный найдет в состоянии своей армии достаточное оправдание, чтобы отказаться от достижения цели.

Массена доказал в Генуе и Португалии, какое воздействие сила воли полководца может оказать на его войска; в Генуе твердость его характера, можно, пожалуй, сказать - его жестокость, позволила его армии вынести чрезвычайные лишения и привела к большому успеху[397]; в Португалии он если и уступил, то по крайней мере сделал это много позже, чем сделали бы другие.

В большинстве случаев неприятельская армия будет находиться в таком же положении; вспомним хотя бы Валленштейна и Густава-Адольфа под Нюрнбергом, Наполеона и Бенигсена после сражения под Прейсиш-Эйлау. Но состояние противника не видно, а страдания собственной армии - перед глазами:

поэтому последние действуют на обыкновенного человека сильнее, ибо у обыкновенного человека чувственные впечатления берут верх над голосом разума.

7. Снабжение войск продовольствием, как бы оно ни производилось (из магазинов или путем реквизиции), представляет всегда такие трудности, что имеет в высшей степени решительный голос при выборе способа действия. Часто соображения этого порядка противятся самым действительным комбинациям и вынуждают заботиться о пище, тогда как можно было бы добиваться победы, самого блестящего успеха. Вследствие потребности в продовольствии вся машина приобретает тяжеловесность, из-за которой ее успехи столь отстают от полета широких замыслов.

Генерал, который тиранически требует от своих войск крайнего напряжения сил, величайших лишений; армия, в длительных войнах свыкшаяся с этими жертвами, - какое огромное преимущество будут они иметь перед своим противником, насколько скорее достигнут своей цели, несмотря на все препятствия! При одинаково хороших планах - сколь различен будет успех!

8. Вообще и для всех этих случаев надо всегда иметь перед глазами следующую истину.

Чувственные наглядные представления, получаемые в течение исполнения, живее составленных нами раньше путем зрелого размышления. Но они дают нам лишь непосредственно видимость предметов, а эта последняя, как известно, редко совпадает в полной мере с сущностью их. Поэтому нам грозит опасность пожертвовать плодами зрелых размышлений из-за впечатления, создавшегося по первому взгляду.

Что эти первичные впечатления, как общее правило, влекут в сторону страха и чрезмерной осторожности, зависит от природной боязливости человека, которая заставляет его глядеть на все односторонне.

Здесь, следовательно, надо быть настороже и питать прочное доверие к выводам своих прежних зрелых размышлений, чтобы таким путем укрепить себя против расслабляющего действия впечатлений момента.

При этих трудностях выполнения все, следовательно, зависит от верности и твердости собственного убеждения. Поэтому-то так важно изучение военной истории, ибо из нее мы узнаем явления войны, самый ход событий. Принципы, с которыми можно ознакомиться путем изучения теории, пригодны лишь к тому, чтобы облегчить это изучение и обратить внимание на то, что в военной истории является самым важным.

Итак, вы должны, ваше королевское высочество, ознакомиться с этими принципами, имея в виду проверить их при чтении истории войн, чтобы самому увидеть, где они совпадают с ходом событий и где эти события вносят в них тот или другой корректив или даже опровергают их вовсе.

Наряду с этим изучение военной истории при недостатке собственного опыта одно в состоянии дать наглядное представление о том, что мы назвали трением всей машины в целом.

Правда, не следует останавливаться лишь на общих выводах, еще менее следует доверять рассуждениям историков, но нужно, по возможности, углубляться в детали. Историки редко задаются целью изобразить высшую правду; обычно они хотят разукрасить деяния своей армии или же доказать совпадение исторических фактов с мнимыми правилами. Они выдумывают историю вместо того, чтобы ее писать. Для вышеуказанной цели не требуется истории многих войн. Детальное знакомство с несколькими отдельными боями полезнее, чем общее знакомство с многими кампаниями. Поэтому полезнее читать побольше отдельных реляций и дневников, чем исторических книг в собственном смысле этого слова. Образец такой реляции, который не может быть никогда превзойден, представляет описание обороны Менена в 1794 г., помещенное в мемуарах генерала фон Шарнгорста. Это повествование, особенно же рассказ о вылазке и прорыве гарнизона, даст в руки вашему королевскому высочеству масштаб того, как надо писать историю.

Ни один бой, как этот, не укрепил во мне так убеждения, что на войне до последней минуты нельзя отчаиваться в успехе и что влияние правильных принципов, которое никогда не может быть таким постоянным, как себе это представляют, неожиданно сказывается вновь в самом бедственном положении, когда, казалось, они уже утратили всякую силу.

Необходимо, чтобы какое-нибудь чувство одушевляло великие силы полководца, будь то честолюбие Цезаря, ненависть к врагу Ганнибала, гордая решимость Фридриха Великого погибнуть со славою.

Учебное пособие для обучения тактике, или учение о бое[398]

1. Общая теория боя

Цель боя

1. Какова цель боя:

- а) уничтожение неприятельских вооруженных сил,
- б) завладение каким-нибудь предметом,
- в) победа ради лишь воинской чести,
- г) соединение нескольких или всех этих целей[399].

Теория победы

2. Всех этих четырех целей можно достигнуть лишь путем победы.

3. Победа есть уход неприятеля с поля сражения.

4. К этому побуждают неприятеля:

- а) слишком крупные потери,
 - следовательно, страх перед превосходством противника,
 - или заключение, что выполнение задачи обойдется слишком дорого;

б) когда сильно расстроен его порядок, а следовательно, и действенность в целом;

в) когда условия местности стали для него чересчур невыгодными и он, следовательно, опасается чрезмерных потерь при продолжении боя (таким образом, здесь учитывается потеря позиции);

г) когда принятая группировка вооруженных сил влечет за собою слишком крупные невыгоды;

д) когда он захвачен внезапностью или даже нечаянно атакован и, следовательно, не имеет времени установить нужный распорядок и сделать соответствующие распоряжения;

е) когда он замечает, что неприятель значительно превосходит его численно;

ж) когда он замечает, что неприятель значительно превосходит его морально;

5. Во всех этих случаях полководец может быть вынужден отказаться от боя, так как у него нет надежды на его благоприятный исход и он опасается еще худших последствий, чем те, которые уже наступили.

6. Без какой-либо из этих причин отступление не имело бы оснований, и поэтому полководец или начальник, командующий в бою, не примет соответствующего решения.

7. Однако отступление может произойти фактически, помимо воли начальника:

а) когда войска отступают по недостатку мужества или доброй воли;

б) когда их гонит паника.

8. В этих условиях против воли начальника, командующего в бою, даже в случае, если отношения, указанные в пунктах от "а" до "е" складываются благоприятно, может быть, придется признать победу противника.

9. Подобный случай очень возможен при действиях небольших отрядов. Скоротечность боя в этих случаях часто не дает начальнику времени принять какое-либо решение.

10а. При больших массах войск это может иметь место лишь частично и лишь в самых редких случаях по отношению ко всем силам в целом. Однако из того, что несколько частей откроют противнику путь к легкой победе, для целого могут возникнуть невыгоды, указанные в пунктах от "а" до "д", чем может быть обусловлено решение полководца отступить.

10б. Указанные в пунктах "а", "б", "в" и "г" невыгодные соотношения при больших массах, участвующих в боях, выясняются полководцу не в форме арифметической суммы всех 17 сложившихся отдельных невыгод, ибо достаточно полной картины не бывает; эти невыгодные соотношения проявляются там, где они сосредоточиваются на небольшом пространстве и сказываются на значительной части войск; последней могут быть или главные силы, или значительная их часть. По этому важнейшему событию всего боя и принимается решение.

11. Наконец, полководца могут побудить к отказу от боя, а следовательно, к отступлению, и основания внешнего порядка, не связанные с самим боем, например, получение сведений, при которых отпадает цель боя или заметно изменяется стратегическая обстановка. Но это является уже перерывом боя и сюда не относится, ибо это уже не тактический акт, а стратегический.

12. Отказ от боя является, следовательно, признанием превосходства в данный момент противника - физического или морального - и подчинением его воле. В этом заключается первая моральная сила победы.

13. Так как отказаться от боя нельзя иным способом, как покинув поле сражения, то отступление с этого поля и являет собою знак такого признания, своего рода спуск флага[400].

14. Но признак победы еще не решает вопросов об ее размерах, значении и блеске. Эти три вопроса часто совпадают, но вовсе не тождественны.

15. Размер победы зависит от величины тех масс, над которыми она одержана, а также от количества взятых при этом трофеев. Захваченные орудия, пленные, доставшиеся в добычу обозы, число убитых и раненых входят в это понятие. Таким образом, над небольшим отрядом большой победы одержать нельзя.

16. Значение победы зависит от важности цели, достигнутой при помощи ее. Занятие важной позиции может придать крупное значение победе, ничтожной самой по себе.

17. Блеск победы заключается в относительной многочисленности трофеев по сравнению с силами победоносной армии.

18. Таким образом, бывают разного рода победы, а главное - победы разных степеней. Строго говоря, ни один бой не может закончиться без решения, следовательно, без победы, но словоупотребление и сама природа предмета требуют, чтобы лишь такие результаты боев рассматривались как победа, коим предшествовали бы значительные усилия.

19. Если неприятель делает лишь столько, сколько ему нужно для опознания наших намерений, а получив нужные для него сведения, тотчас же уклоняется от боя, то это нельзя назвать победой над ним; если же он делает больше этого, то, значит, он действительно искал победы, и его отказ от боя должен рассматриваться как поражение.

20. Так как прекратить бой можно лишь при условии, что одна из сторон или обе несколько отведут назад свои войска, пришедшие в соприкосновение с противником, то, собственно говоря, не может быть такого случая, про который можно сказать, что обе стороны удержали за собой поле сражения. Но поскольку, согласно требованию природы предмета и принятому словоупотреблению, под полем сражения следует разуметь только расположение главных сил, ибо лишь при отступлении главных сил появляются первые последствия победы, то, конечно, могут быть и сражения, остающиеся совершенно нерешенными.

Средство к победе есть бой

21. Средство к победе есть бой. Так как указанные в п. 4 под литерами от "а" до "ж" данные обуславливают победу, то они и являются ближайшими целями для боя.

22. Теперь мы должны ознакомиться с боем с различных его сторон.

Что такое отдельный бой[401]

23. Конкретно можно разбить каждый бой на столько отдельных боев, сколько имеется налицо бойцов. Но каждый отдельный индивид выявляется как самостоятельная величина лишь тогда, когда он сражается в одиночку, т.е. самостоятельно.

24. От одиночного боя боевые единицы, подчиненные одному начальнику, восходят к новым единицам, также объединенным командованием.

25. Эти единицы связаны между собой общей целью и планом, но не настолько тесно, чтобы отдельные члены не сохранили известной самостоятельности. Эта самостоятельность все возрастает, чем выше становится ступень единицы. Каким образом происходит эта эмансипация членов, мы будем иметь возможность показать лишь в дальнейшем изложении (п 97 и следующие).

26. Итак, каждый общий бой состоит из великого множества отдельных боев в нисходящем порядке членов до последнего самостоятельно действующего члена.

27. Но из отдельных, ведущихся рядом боев слагается и бой в целом.

28. Все отдельные бои мы называем частными боями, а целое - общим боем; понятие же общего боя мы связываем с условием командования, объединенного в одном лице, так что лишь то относится к одному бою, что руководится одной волей. (При кордонных позициях эту границу, никогда нельзя точно определить.)

29. То, что мы будем говорить о теории боя, должно быть отнесено в равной мере как к общему, так и к частному бою.

Принцип боя

30. Каждый бой есть проявление вражды, инстинктивно переходящей в него.

31. Этот инстинкт нападения на неприятеля и уничтожения его и есть подлинная стихия войны.

32. Но даже у самых первобытных людей это враждебное чувство не остается одним лишь инстинктом; к нему присоединяется рассуждающий разум, и непреднамеренный инстинкт переходит в преднамеренное действие.

33. Таким путем духовные силы подчиняются разуму.

34. Однако их никогда нельзя мыслить совершенно устраненными и нельзя поставить на их место одно устремление разума, ибо если бы они даже совершенно оказались поглощенными намерениями разума, то вновь разгорелись бы в процессе самой борьбы.

35. Так как наши войны не являются выражением вражды единичного человека против единичного же человека, то казалось бы, что в бою должно было бы совершенно отсутствовать всякое чувство вражды и он должен бы представлять чисто рассудочную деятельность.

36. Однако это вовсе не так. С одной стороны, нет никогда недостатка в коллективной ненависти у обеих сторон, проявляющейся в индивиде с большей или меньшей силой, так что каждый индивид из ненавидящей и ненавидимой стороны является и субъектом и объектом ненависти; с другой стороны, в самом процессе боя у индивидов в большей или меньшей степени разгорается действительное чувство вражды.

37. Жажда славы, честолюбие, своекорыстные побуждения, чувство солидарности и другие духовные силы могут заменить чувство вражды при отсутствии последнего.

38. Поэтому в бою редко или даже никогда не бывает, чтобы единственным мотивом действий сражающихся была воля командующего и предписанная задача; в нем всегда принимают значительное участие и духовные силы.

39. Это участие усиливается еще тем, что борьба протекает в сфере опасности, когда духовные силы приобретают особое значение.

40. Но и руководящий борьбой интеллект не может исчерпываться силами разума, и, следовательно, бой не может быть делом голого расчета, так как:

а) бой является столкновением живых физических и моральных сил, которые подчиняются лишь общей оценке, а не точному учету;

б) духовные силы, вступающие здесь в дело, могут обратить бой в предмет воодушевления, а следовательно, суждение о нем переносится в высшую инстанцию.

41. Итак, бой может быть актом таланта и гения в противоположность расчетливому разуму.

42. Духовные силы и гений, проявляющиеся в бою, должны рассматриваться как особые моральные величины, которые при их значительном неравенстве и эластичности беспрестанно

сказываются за пределами расчетливого разума.

43. Задача военного искусства - учитывать эти силы как в теории, так и на практике.

44. Чем больше их смогут использовать, тем сильнее и успешнее будет борьба.

45. Все изобретения искусства, как то: оружие, организация, прикладная тактика и принципы применения войск в бою, являются ограничениями естественного инстинкта, который должен быть подведен окольными путями к более действительному использованию своих сил. Но духовные силы не слишком поддаются перестройке; если мы чересчур хотим их обратить в орудие, то лишаем их порыва и сил. Поэтому им всегда надо предоставлять известный простор как при отдельных указаниях теории, так и в постоянном распорядке жизни армии. Для этого от теории требуется более высокая точка зрения и большая осмотрительность, а от практики - интуиция.

Расчленение боя

97. В п. 23 мы видели, что каждый бой есть многочленное целое, в котором самостоятельность членов неодинакова, уменьшаясь книзу. Теперь мы можем ближе исследовать этот вопрос.

98. Можно с полным правом рассматривать как начальную единицу бой части, которой можно руководить в бою словесной командой, например, батальона, батареи, кавалерийского полка и пр., если эти части действительно собраны воедино.

99. Где словесная команда оказывается недостаточной, прибегают к словесному или письменному приказу.

100. Словесная команда не поддается дальнейшей градации, она является уже частью исполнения. Приказ же имеет свои степени, начиная с высшей, граничащей в отношении определенности со словесной командой, и кончая величайшей общностью. Сам приказ не является частью исполнения, а представляет лишь поручение.

101. Все подчиненные словесной команде не имеют своей воли; но как только вместо нее является приказ, тотчас начинается известная самостоятельность членов, ибо приказ носит общий характер и воля начальника должна дополнить то, чего в нем недостает.

102. Если бы можно было заранее определить и предусмотреть бой во всех имеющих место рядом и следующих друг за другом частях и событиях, если бы, следовательно, план боя мог сразу охватить действия мельчайших частей, подобно устройству бездушной машины, то приказ не имел бы этой неопределенности.

103. Однако сражающиеся не перестают быть людьми и индивидами, они никогда не смогут быть превращены в лишенные воли машины, а местность, на которой они сражаются, редко бывает совершенно голой равниной, не оказывающей никакого влияния на бой. Поэтому не представляется никакой возможности наперед учесть все воздействия.

104. Эта неопределенность в плане возрастает с длительностью боя и числом сражающихся. Рукопашный бой небольшой части почти целиком содержится в его плане; между тем, план огневого боя даже небольшой части благодаря его длительности и приводящим случайностям не может в такой же мере проникнуть во все его подробности. С другой стороны, рукопашная схватка более значительных масс, например, кавалерийской дивизии в 2000-3000 сабель, не может быть в такой степени исчерпывающе охвачена первоначальным планом, чтобы воле частных начальников не приходилось многократно его восполнять. План же большого сражения, кроме приступа к нему, может набросать лишь главные его очертания.

105. Так как недостаточность плана (диспозиции) возрастает с увеличением времени и пространства, занимаемых боем, то, как общее правило, более крупным войсковым частям приходится предоставлять и больший простор, чем более мелким; и определенность приказов будет постепенно увеличиваться с уменьшением войсковой части вплоть до частей, управляемых словесной командой.

106. В зависимости от обстоятельств, в которых находится войсковая часть, ей может быть предоставлена различная степень самостоятельности. Пространство, время, характер местности и почвы, природа даваемого поручения должны ослаблять или усиливать определенность приказа для одной и той же части.

107. Помимо этого планомерного деления общего боя на отдельные члены, может возникнуть и непреднамеренное разделение его, притом:

а) так, что преднамеренные деления станут глубже, чем то было намечено в плане;

б) так, что появляется разделение там, где оно вовсе не предполагалось и где все должно было находиться под одной командой.

108. Это непреднамеренное деление возникает из обстоятельств, которые не удалось заранее предусмотреть.

109. Следствием является неодинаковый результат действий частей, которые, предполагалось, будут действовать совместно (ибо они могут оказаться в неравных условиях).

110. Отсюда у некоторых частей возникает потребность в изменениях, которые не входят в план целого:

а) или они хотят уклониться от невыгод, вытекающих из условий местности, соотношения сил и их группировки;

б) или в этих отношениях они имеют преимущества и хотят их использовать.

112. Тогда предстоит задача подогнать эти изменения к общему плану, почему:

а) в случае неудачи ее стараются тем или другим путем загладить;

б) в случае успеха его стараются использовать в той мере, в какой это не грозит опасностью реакции.

113. Таким образом, преднамеренное и непреднамеренное разделение общего боя на более или менее самостоятельные частные бои вызывает смену форм боя как в отношении смены рукопашных схваток и огневого боя, так и смены наступления и обороны в пределах общего боя в целом.

Бой состоит из двух актов: из акта разрушения и из решающего акта

114. Из огневого боя с его началом разрушения и из рукопашного боя с его прогоняющим началом вытекают два различных акта в частном бою: акт разрушения и акт решающий.

115. Чем массы меньше, тем в большей мере эти два акта будут состоять из одного простого огневого боя и одного простого рукопашного боя.

116. Чем массы становится больше, тем больше придется рассматривать эти акты в совокупности, так что огневой бой будет состоять из ряда одновременных и последовательных огневых боев, а решающий - также из нескольких рукопашных боев.

117. Таким образом, разделение боя не только продолжается, но оно все более и более расширяется по мере увеличения сражающихся масс, причем акт разрушения и решающий акт все более разделяются друг от друга во времени.

Акт разрушения

118. Чем целое больше, тем большее значение приобретает физическое уничтожение, ибо:

а) тем меньше становится влияние вождя (это влияние бывает больше в рукопашном бою, чем в огневом);

б) тем менее значительно моральное неравенство; при больших массах, например, целых армиях, остается только национальное различие; при небольших же массах наблюдается различие между частями и отдельными начальниками, наконец, имеют место случайные особенности, которые у больших масс сглаживаются;

в) тем глубже построение, т.е. тем больше резервов имеется налицо для возобновления боя, как мы то увидим впоследствии.

Таким образом, количество частных боев возрастает, а следовательно, и длительность общего боя; через это уменьшается влияние первого момента, который является столь решающим при изгнании противника.

119. Из предшествующего пункта следует, что чем целое больше, тем больше нужна подготовка решающего акта физическим уничтожением.

120. Эта подготовка заключается в том, что масса сражающихся уменьшается с обеих сторон и соотношение сил изменяется в нашу пользу.

121. Первого достаточно, если мы обладаем моральным или физическим превосходством; второе требуется, если такого превосходства нет.

127. Но не абсолютная величина масс служит препятствием в решающий момент (хотя и эта абсолютная величина небезразлична, ибо 50 человек против 50 могут немедленно приступить к решающему акту, но не 50000 человек против 50000), а величина относительная. Дело в том, что когда пять шестых целого уже померялись силами в акте взаимного уничтожения, то если они даже остались в полном состоянии равновесия, они все же ближе к конечному решению, которое должны принять, и теперь нужен лишь сравнительно незначительный повод для того, чтобы довести дело до решения. При этом безразлично, будет ли оставшаяся часть шестую частью армии в 30 000 человек, т.е. 5000, или же она будет шестую частью армии в 150000 человек, т.е. равняться 25000.

128. В акте разрушения основное намерение обеих сторон направлено к тому, чтобы получить перевес сил к моменту решающего акта.

129. Этого перевеса можно достигнуть уничтожением неприятельских физических сил, но он может получиться и из других условий, указанных в п. 4.

130. Итак, акту разрушения присуще естественное стремление использовать все имеющиеся налицо выгоды, насколько это дозволяют обстоятельства.

131. Каждый бой, в котором участвуют более крупные массы, распадается на несколько частных боев (п. 23), более или менее самостоятельных, из которых, следовательно, каждый часто должен содержать акт разрушения и решающий акт, раз мы хотим использовать выгоды, которые получили от первого акта.

135. Каждый из двух полководцев старается уже в акте разрушения добиться тех выгод, которые приводят к решающему исходу, и таким путем сколь возможно подготовить таковой.

138. Таким образом, уже акт разрушения с обеих сторон, но особенно со стороны наступающего, представляет осторожное продвижение к цели.

139. Так как в огневом бою число не имеет решающего значения, то сама собою возникает тенденция обойтись в нем возможно меньшим количеством войск.

140. Так как в акте разрушения главное место занимает огневой бой, то в нем должно

господствовать стремление к величайшей бережливости в отношении сил.

141. Так как в рукопашном бою численность войск весьма существенна, то часто придется в момент решения частных боев акта разрушения вводить в дело превосходные силы.

142. Впрочем, в общем и здесь характер бережливости должен преобладать, и, как общее правило, лишь те приступы к решению частных боев можно считать целесообразными, которые вытекают сами собою, не требуя особого численного превосходства.

143. Несвоевременное стремление к решающему акту имеет следующие последствия:

а) если он производится с соблюдением экономии сил, то приводит нас в положение, охваченное превосходными массами неприятеля;

б) если мы применяем надлежащие силы, то сами себя преждевременно истощаем.

144. Вопрос, не время ли приступить к частному решению, очень часто возникает во время акта разрушения; в отношении же главного решающего акта он возникает лишь под конец.

145. Акту разрушения присуща естественная тенденция переходить на отдельных пунктах в решающий акт, ибо каждое преимущество, представляющееся в ходе разрушения, может быть использовано в полной мере лишь через решающий акт, который становится потребностью.

146. Чем успешнее используются средства, примененные в акте разрушения, чем больше сказывается физическое или моральное превосходство, тем сильнее становится эта тенденция целого.

147. При незначительных или отрицательных результатах или при превосходстве сил противника эта тенденция будет на отдельных пунктах проявляться лишь так редко и в столь слабой степени, что для целого она как бы вовсе не будет существовать.

148. Эта естественная тенденция может вызывать в частных боях и в целом несвоевременный приступ к решению, что, однако, далеко не является злом; напротив, это - необходимое свойство акта разрушения, ибо без него многое было бы упущено.

152. Так как акт разрушения, развивающийся успешно, сам собою стремится перейти к решающему акту, то дело вождя скорее сводится к решению, когда и где настало время отпустить поводья и дать простор этому стремлению.

153. Когда тенденция к решающему акту в акте разрушения слабо выражена, то это одно уже может служить довольно верным признаком отсутствия шансов на победу.

154. Следовательно, в подобном случае командиры и полководцы большей частью будут не давать решение, а принимать его.

155. Там, где все же надо переходить и в этих условиях к решающему акту, переход обуславливается категорическим приказом, сопровождаемым всеми находящимися в распоряжении вождей средствами ободрения и увлечения.

Решающий акт

156. Решающий акт есть то событие, которое вызывает в одном из двух полководцев решение к отходу[402].

157. Мы уже указали основания для отхода в п. 4. Эти основания могут возникать постепенно из последовательного накопления в акте разрушения мелких неудач. В этом случае решающий акт не имеет места.

158. Но решение может быть вызвано и отдельным, крайне неблагоприятным событием, следовательно, внезапно, при все еще сохранявшемся до тех пор состоянии равновесия.

159. В этом случае можно видеть акт решения лишь в тех действиях противника, которые вызвали это событие.

160. Обычно же решение назревает мало-помалу в течение акта разрушения, и лишь последним толчком для побежденного является какое-либо особое событие. Таким образом, и в этом случае решение приходится рассматривать как данное противником.

161. Раз решение дается, оно должно быть положительным действием. Таковым может быть атака, но также и простой подход новых резервов, которые до того находились в скрытом месте.

165. При больших массах, состоящих из всех родов войск, решение никогда не будет заключаться в одном рукопашном: бою; для него потребуется новый огневой бой.

166. Но подобный огневой бой сам примет характер атаки; он будет вестись более густыми массами, т.е. действие будет сосредоточено во времени и пространстве и являться краткой подготовкой самой атаки.

170. К концу сражения забота о путях отступления получает все более и более важное значение; поэтому угроза этим путям может служить существенным средством для достижения решения.

171. На этом основании, где обстановка это позволяет, план сражения с самого начала будет ориентироваться на указанные пути.

172. Чем больше сражение или бой развиваются в духе такого плана, тем больше будет возрастать угроза путям отступления неприятеля.

173. Другое могучее средство достижения победы - это прорыв боевого порядка. Искусственная структура боевого порядка, в котором вооруженные массы вступают в бой, значительно страдает в продолжительной разрушительной борьбе, истощающей их силы. Если это потрясение и ослабление доведены до известной точки, то быстрый натиск сосредоточенными массами со стороны одного из борющихся на боевой фронт другого вызывает большое смятение, которое лишает последнего всякой возможности рассчитывать на победу и требует от него полного напряжения сил для того, чтобы отвести в безопасное место отдельные части и с грехом пополам восстановить нарушенную связь всего целого.

174. Из всего вышесказанного вытекает, что если в подготовительном акте господствует величайшая бережливость в отношении сил, то в решающем акте должно господствовать начало одоления при помощи численного превосходства

175. Если в подготовительном акте должны преобладать терпение, стойкость и хладнокровие, то в решающем акте преобладающее значение имеют отвага и пыл.

176. Из двух полководцев обычно лишь один дает решение, другой его принимает.

178. Так как положительную задачу ставит себе атакующий, то всего естественнее, чтобы он и давал решение, что чаще всего и имеет место.

179. Но если равновесие заметно нарушено, то решение может дать:

а) или полководец, достигнувший известных преимуществ,

б) или тот, кто терпит неудачу.

180. Первый случай - очевидно, самый естественный, и если этот полководец в то же самое

время является и атакующей стороной, то это становится еще естественнее; поэтому лишь в редких случаях инициатива решения не будет исходить от этого полководца.

181. Если же преимущества на стороне обороняющегося, то является естественным, что он дает решение, так как постепенно слагающаяся обстановка имеет более решающее значение, чем первоначальная задача атаки и обороны.

182. Атакующий, который терпит заметные неудачи и все же идет на решение, смотрит на это как на последнюю попытку достигнуть своей первоначальной задачи. Если обороняющийся дает ему для этого время, то вполне соответствует природе положительной задачи атакующего сделать такую последнюю попытку.

183. Обороняющийся же, терпящий заметную неудачу и все же желающий добиться решения, делает нечто совершенно противное природе, и на его действия надо смотреть как на акт отчаяния.

184. Там, где все находится еще в состоянии равновесия, успех обычно бывает на стороне того, кто дает решение, ибо в момент, когда бой созрел для решения, когда силы взаимно истощились в борьбе, положительное начало будет иметь гораздо больший вес, чем в начале его.

Разделение актов разрушения и решения во времени

188. Вышеприведенный взгляд, что каждый бой распадается па два отдельных акта, в первый момент встретит много возражений.

189. Эти возражения будут частью исходить из усвоенного ложного взгляда на бой, частью же из того, что понятию отдельного придают чересчур педантическое значение.

190. Слишком большую представляют себе противоположность между атакой и обороной, рассматривают обе эти деятельности как две чистые антитезы или же усматривают противоположность между ними там, где в действительности ее нет.

191. В результате такого взгляда получается, что наступающего рисуют себе с первого до последнего момента охваченным равномерным непрерывным стремлением к продвижению вперед, а приостановку его наступательного движения - как что-то всегда произвольное, вынужденное, зависящее от непосредственно встреченного сопротивления.

192. Согласно такому представлению всего естественнее было бы, если бы каждое наступление начиналось атакой, веденной с величайшим напором.

193. По отношению к артиллерии и при таком представлении уже привыкли к известному подготовительному акту; чересчур бросалось в глаза, что в противном случае она оказалась бы большей частью бесполезной.

194. Во всем остальном такое чистое, без примеси, стремление к продвижению вперед считали настолько естественным, что на атаку без единого выстрела смотрели, как на своего рода идеал.

Даже Фридрих Великий до сражения под Цорндорфом смотрел на огонь, как на нечто несовместимое с атакой.

195. Если впоследствии несколько и отошли от такого крайнего взгляда, все же донныне большинство полагает, что чем раньше атакующий овладеет важнейшими пунктами позиции, тем лучше.

197. Однако военная история и знакомство с оружием показывают нам, что полный отказ от огня при наступлении является абсурдом.

199. Наконец, в военной истории встречается бесчисленное множество случаев, когда от

добытого уже результата приходилось снова отказываться, понеся крупные потери, так как выдвигание вперед было неосторожно. Поэтому нельзя согласиться и с принципом, приведенным в п. 195.

200. Ввиду всего этого мы утверждаем, что все представление, которого мы только что коснулись, о чистой, несмешанной природе наступления, если нам будет дозволено так выразиться, ложно, ибо оно отвечает лишь весьма немногим, редко встречающимся случаям.

201. А раз начинать с рукопашного боя и приступать к решительному акту без подготовки противно природе вещей, то само собою возникает разделение на подготовку решительного акта и на самый решительный акт, т.е. на те два акта, которыми мы занимались.

207. Так как части известного целого (члены первого порядка) становятся все более и более самостоятельными по мере увеличения размеров этого целого, то, несомненно, и единство целого будет меньше на них действовать в смысле ограничения их самостоятельности; отсюда следует, что в пределах частных боев всегда может и будет происходить тем больше решающих актов, чем больше целое.

208. Следовательно, в более крупной части решающие акты не будут сливаться в одно целое в такой мере, как это случается в более мелкой части, так как они больше распределятся во времени и пространстве; но заметное разделение двух различных видов деятельности все же будет наблюдаться в начале и к концу.

209. Но части могут достигнуть таких размеров, деление между ними может сделаться таким значительным, что хотя их деятельность в бою все же будет еще исходить от воли полководца (чем и обуславливается цельность боя), однако это руководство будет ограничиваться одной постановкой первоначальной задачи или в лучшем случае постановкой нескольких таких задач в течение боя; в подобном случае такая часть объединяет в себе почти в полной мере всю организацию боя в целом.

210. Чем крупнее решительные акты, выпадающие на долю части, тем больше будут эти акты предопределять решение в целом; можно даже представить себе такое отношение частей, что в их решающих актах уже содержится решающий акт целого, так что особого решающего акта для целого не потребуется.

211. Если мы представим, что значительному корпусу, составляющему треть или даже половину целого, поручено взять значительный участок неприятельской позиции, то достигнутые этой частью результаты легко могут оказаться настолько важными, что решат судьбу целого; раз этот корпус выполнит свою задачу, то нового решающего акта уже не потребуется. Теперь мы можем вообразить себе положение таковым, что вследствие дальности расстояния и условий местности этот корпус не может получать много распоряжений в течение боя; тогда ему должны быть предоставлены и подготовка и самый решающий акт. Таким путем общий решающий акт может совершенно отпасть и разложиться на отдельные решающие акты нескольких крупных членов.

212. Несомненно в больших сражениях это часто случается, и педантическое представление о разделении обоих актов, на которые мы разлагаем бой, противоречило бы ходу подобного сражения.

214. Раздельность по форме всего яснее проявляется в небольших боях, где простой бой и бой рукопашный стоят в резком контрасте друг с другом. Этот контраст становится менее резким, когда обе сражающиеся части больше, ибо здесь в обоих актах две формы боя, из которых эти акты исходят, снова соединяются, но самые акты принимают более крупные размеры, они занимают больше времени и, следовательно, больше отодвигаются друг от друга во времени.

215. Разделение для целого может тоже прекратиться, поскольку решающий акт поручается членам первого порядка[403], но даже тогда в целом будут все же замечаться известные следы этого разделения, так как будут стремиться увязать во времени решающие акты этих различных членов; в одном случае будут стремиться к одновременности совершения решающих актов, в других же случаях для них будут устанавливать известную последовательность.

216. Таким образом, различие между этими двумя актами и для целого никогда окончательно не утратится, а то, что из него потеряется для целого, снова возродится у членов первого порядка.

217. Так надо понимать нашу точку зрения; при этом, понимании она, с одной стороны, не окажется лишенной реальности, с другой - будет направлять внимание старшего начальника в бою (будь то мелкий или крупный бой, частный или общий) на то, чтобы отводить каждому из двух актов боевой деятельности подобающую ему роль, дабы не проявлялась ни чрезмерная поспешность, ни упущение и запаздывание.

218. Чрезмерная поспешность будет проявлена тогда, когда не будет дано достаточного пространства и времени разрушительному началу, когда захотят рубить гордые узел; следствием этого явится неудачный исход решающего акта; этот исход или будет совершенно непоправимым, или нанесет существенный ущерб делу.

219. Упущение и промедление наблюдаются во всех случаях, где не доводят дела до окончательного решения по недостатку мужества или вследствие ошибочной оценки положения; неизбежным следствием этого будет напрасный расход сил, но отсюда может получиться и положительный ущерб, ибо момент зрелости событий для решения зависит не исключительно от длительности разрушения, но и от других обстоятельств, т.е. от благоприятного момента.

План боя. Определение

220а. План боя делает возможным его единство; каждая совместная деятельность требует такого единства. Это единство не что иное, как задача боя; она определяет указания, необходимые для каждой части в целях наилучшего разрешения данной задачи. Таким образом, установление задачи и вытекающих из нее распоряжений и составляет план.

220б. Под планом мы разумеем те распоряжения, которые даются для боя будь то до начала его, в самом начале или в течение боя, т.е. всю сумму воздействия разума на материю.

220в. Но, очевидно, есть существенна разница между указаниями, которые необходимо должны быть и могут быть сделаны заранее, и распоряжениями, вызываемыми лишь в процессе исполнения.

220г. Первое составляет план в собственном смысле этого слова, второе можно назвать вождением.

221. Так как подобные указания в процессе исполнения имеют своим основным источником взаимодействие противников, то мы пока лишь запомним это различие; ближе мы ознакомимся с ним, когда займемся этим взаимодействием.

222. Часть этого плана уже стереотипно предусматривается боевым порядком вооруженных сил, посредством которого большое число членов сводится к немногим.

223. В частном бою боевой порядок имеет большее значение, чем в общем: там он составляет часто весь план, и притом тем больше, чем меньше часть. В пределах батальона в крупном сражении почти не приходится отдавать каких-либо распоряжений, кроме тех, которые значатся в уставе, и разучены на учебном плацу; для дивизии же этого недостаточно, здесь уже необходимы конкретные указания.

224. В общем же бою, который ведет хотя бы самая мелкая часть, боевой порядок редко составляет весь план; во многих случаях план заставляет отказаться от обычного построения, чтобы получилась большая свобода для группировки в соответствии с конкретными условиями. Эскадрон, предпринимающий налет на небольшой неприятельский отряд, может разделиться на несколько отдельных частей с таким же успехом, как и самая большая армия.

Цель плана

225. Задача боя создает единство плана; мы можем рассматривать ее как цель боя, а именно - как

то направление, к которому должна тяготеть вся деятельность. >

226. Задача боя - это победа, следовательно, все то, что обуславливает победу и что перечислено в п. 4.

227. Все перечисленное в п. 4 может быть достигнуто лишь уничтожением неприятельских сил; таким образом, последнее является во всех случаях средством..

228. В уничтожении в большинстве случаев заключается и основной смысл боя.

229. В тех случаях, когда это так, весь план ориентируется на возможно большее уничтожение неприятельских вооруженных сил.

230. В тех же случаях, когда большее значение придается другим объектам, перечисленным в п. 1, а не уничтожению сил неприятеля, это последнее как средство занимает подчиненное место; тогда уже требуется не возможно большее уничтожение, а лишь достаточное, после чего уже можно следовать кратчайшим путем к цели.

231а. Бывают случаи, когда перечисленные в п. 4 в пп. "в", "г", "д", "е", "ж" условия, определяющие отход неприятеля, могут быть достигнуты вовсе без уничтожения неприятельских сил; тогда преодолевают неприятеля помощью маневра, а не посредством боя. Однако это отнюдь еще не победа; поэтому маневрирование может быть применяемо лишь постольку, поскольку смысл наших действия заключается не в одержании победы, а в чем-то другом.

231б. Правда, в этих случаях применение вооруженных сил все же будет заключать в себе всегда идею боя, а следовательно, уничтожение неприятельских сил, но лишь как нечто возможное, а не как нечто вероятное[404]. Ибо направляя свои намерения на нечто другое, а не на уничтожение вражеских вооруженных сил, мы исходим из предположения, что это другое окажется действительным и дело не дойдет до существенного сопротивления противника. Если мы не вправе сделать такое предположение, то мы не можем и избирать других объектов, а если окажется, что мы ошиблись в нашем предположении, то и весь план окажется ошибочным.

232. Из предыдущего параграфа следует, что во всех тех случаях, когда условием победы является значительное уничтожение неприятельских сил, последнее должно составлять и основной предмет плана.

233. Так как маневр сам по себе не представляет боя, а последний имеет место лишь тогда, когда маневр не достигает ожидаемого успеха, то и законы, регулирующие общий бой, не могут подходить к маневру, а своеобразные условия, играющие роль в маневре, не дают ничего для теории боя[405].

234. Правда, при практическом выполнении часто наблюдаются смешанные условия, но это не препятствует нам отделить в теории явления, различающиеся между собою по существу. Раз мы знаем свойства отдельных частей, комбинировать их уже нетрудно.

235. Итак, во всех случаях уничтожение неприятельских сил является нашим намерением, и условия, перечисленные в п. 4 в пп. "б", "г", "д", 237. Поскольку можно установить что-нибудь совершенно общее относительно плана боя, оно может заключаться лишь в наиболее действительном использовании собственных сил для уничтожения неприятельских.

Отношение между величиной успеха и его обеспеченностью

238. Так как на войне, а следовательно, и в бою мы имеем дело с моральными силами и воздействиями, не поддающимися точному учету, то всегда сохраняется большая неуверенность в успехе примененных средств.

239. Эта неуверенность еще более увеличивается вследствие множества случайностей, с которыми входит в соприкосновение военная деятельность.

240. Там, где господствует неуверенность, риск становится существенным элементом.

241. Рисковать в обычном смысле означает строить свой расчет на данных, которые скорее невероятны, чем вероятны. Но в широком смысле рисковать означает, однако, исходить из предпосылок, являющихся недостаточно обеспеченными. В этом последнем смысле мы и будем здесь пользоваться этим словом.

242. Если бы во всех встречающихся случаях можно было провести черту между вероятным и невероятным, то могла бы прийти мысль обратить ее в предельную черту риска и, таким образом, считать риск за пределами этой черты, т.е. риск в более узком смысле, недопустимым.

243. Однако, во-первых, такая черта представляет химеру, а во-вторых, борьба есть не только акт рассудка, но и акт страсти и мужества. Эти факторы исключить невозможно, и если бы мы вздумали чрезмерно их ограничить, то отняли бы у собственных сил самую могучую пружину, из-за чего оказались бы в постоянном убытке, так как в большинстве случаев частое неизбежное недохватывание до этой черты можно возместить только тем, что порою мы перейдем за эту черту.

244. Чем благоприятнее предположения, которые мы допускаем, т.е. чем больше мы хотим рисковать, тем крупнее результаты, которых ожидаем от применения тех же самых средств, а следовательно, тем крупнее цели, которыми мы задаемся.

245. Чем больше мы рискуем, тем успех менее вероятен, а следовательно, и менее обеспечен.

246. Таким образом, размер и обеспеченность успеха при тех же средствах находятся в противоречии.

247. Первый вопрос заключается в том, которому из этих двух противоположных начал следует отдавать предпочтение.

248. Здесь ничего определенного установить нельзя; на войне это является самым индивидуальным. Во-первых, решает этот вопрос обстановка, которая может сделать величайший риск необходимостью, а во-вторых, его решают дух предприимчивости и мужество, нечто совершенно субъективное, чего приказать нельзя. Можно требовать от вождя, чтобы он взвесил со знанием дела всю обстановку и средства, которыми располагает, и не переоценивал их действительности; раз он это сделал, то приходится уже предоставить ему самому решить, чего он думает достигнуть ими в зависимости от своего мужества[406].

Отношения между размерами успеха и его ценой

249. Второй вопрос относительно подлежащих уничтожению неприятельских сил касается цены, которой покупается его уничтожение.

250. При намерении уничтожить неприятельские силы обычно предполагается, конечно, уничтожить их больше, чем мы жертвуем своими. Однако это условие не является категорически необходимым, ибо могут встретиться случаи (например, при крупном численном превосходстве), когда простое уменьшение неприятельских сил составляет известное преимущество, хотя бы мы купили его еще большим уничтожением наших собственных.

251. Но даже тогда, когда наше намерение определенно направлено на уничтожение большего числа неприятельских сил, чем сколько мы при этом пожертвуем наших, все же вопрос о размере этой жертвы остается открытым, ибо вместе с этим размером, естественно, растет и понижается и успех наших действий.

252. Всякому ясно, что ответ на этот вопрос зависит от цены, которую мы придаем нашим силам, а следовательно, от конкретных обстоятельств; им и следует предоставить решение.

Мы не можем сказать ни того, чтобы общим правилом было возможно более бережливое отношение к своим вооруженным силам, ни того, что необходимо ими жертвовать без оглядки.

Атака и оборона[407]

257. В отношении вида боя существуют только два различия, которые встречаются всюду, а потому носят общий характер; первое исходит из позитивного или негативного характера намерения и дает наступление и оборону, второе - из природы применяемого оружия и дает огневой и рукопашный бой.

258. Строго говоря, оборона должна бы заключаться в одном лишь отражении удара, и ей подобало бы лишь одно оружие - щит.

259. Но это было бы чистым отрицанием, абсолютно страдательным отношением. Между тем, ведение войны - отнюдь не одно страдательное отношение, не одно претерпевание; поэтому в основу обороны никогда нельзя класть безусловную пассивность.

261. Оборона является борьбой, боем в такой же степени, как и атака.

262. Бой можно вести только ради победы, которая, следовательно, является целью обороны в той же мере, как и наступления.

263. Ничто не дает права мыслить победу обороняющегося как нечто негативное; если в отдельных случаях она и приближается к этому, то это зависит от конкретной обстановки данного случая; включать это в понятие обороны отнюдь не следует, иначе такое включение логически отразилось бы на всем представлении о бое и внесло бы в него известные противоречия или привело бы нас снова при строгом умозаключении к абсурду абсолютно страдательного отношения и претерпевания.

264. И все же есть в высшей степени существенное различие между атакой и обороной, которое, однако, является принципиально единственным, а именно: наступающий хочет действия (боя) и вызывает его к жизни, а обороняющийся его выжидает.

265. Этот принцип проходит красной нитью через всю войну, а следовательно, и через всю область боя, является первоисточком всех различий между атакой и обороной.

266. Но тот, кто желает какого-нибудь действия, стремится выполнить какую-либо задачу, и этой задачей должно быть нечто позитивное, ибо намерение, направленное на то, чтобы ничего не произошло, не может вызвать действия. Отсюда атака должна иметь позитивное намерение.

267. Победа не может быть этим намерением, ибо она является лишь средством. Даже в тех случаях, когда ищут победы ради нее самой, ради, например, воинской чести или для того, чтобы ее моральным весом оказать давление на политические переговоры, смысл заключается все же в воздействии победы, а не в самой победе.

268. Намерение победить должно в равной мере быть и у атакующего, и у обороняющегося, но истоки этого намерения у обоих разные: у первого таким истоком является задача, разрешению которой должна служить победа, у обороняющегося же - голый факт боя. У первого намерение приходит сверху, у второго оно вырабатывается снизу. Кто вообще дерется, может драться лишь из-за победы.

269. Из-за чего же сражается обороняющийся, т.е. ради чего принимает он бой? Из-за того, что он не хочет допустить осуществления позитивного намерения атакующего, т.е. прежде всего потому, что он хочет сохранить status quo[408]. Таково ближайшее и необходимое намерение обороняющегося; то, что в дальнейшем с этим связывается, уже не необходимо.

270. Таким образом, необходимое намерение обороняющегося или, вернее, необходимая часть намерения обороняющегося является негативною.

271a. Всяду, где эта негативность обороняющегося имеется налицо, т.е. всюду и всегда, где его интерес заключается в том, чтобы ничего не случилось и все оставалось по-прежнему, она должна его

побуждать к бездействию и выжиданию действий противника; но с того момента, как тот начал действовать, обороняющийся уже не может достигнуть осуществления своего намерения одним лишь выжиданием и бездействием. Теперь уж он начинает действовать так же, как его противник, и различие между ними исчезает.

2716. Если приложить это сперва к общему бою, то все различие между атакой и обороной сводилось бы к тому, что последняя выжидает первую, ход же самого боя в дальнейшем этим не обуславливается.

272. Однако этот принцип можно приложить и к частному бою; для членов и частей целого интерес также может заключаться в том, чтобы не наступило никаких перемен, что может и их побудить к выжиданию.

273. Это возможно не только для членов и частей обороняющегося, но и для членов и частей атакующего, и действительно встречается у обоих.

274. Однако естественно, что у обороняющегося это будет наблюдаться чаще, чем у атакующего, что мы яснее увидим лишь тогда, когда рассмотрим индивидуальные обстоятельства, вступающие в связь с принципом обороны.

275. Чем дальше вниз будет опускаться принцип обороны в общем бою вплоть до самых малых членов целого, и чем шире мы распространим его на все члены, тем общее сопротивление будет пассивнее, тем больше оборона будет приближаться к черте абсолютно страдательного отношения, на которое мы смотрим, как на абсурд.

276. Где в этом отношении выгоды выжидательного положения прекращаются для обороняющегося, т.е. где действенность такого выжидания оказывается исчерпанной и где до известной степени достигнута точка насыщенности, мы сможем установить лишь впоследствии.

277. Теперь мы выведем из вышесказанного лишь то заключение, что оборонительное или наступательное намерение отражается известным образом не только на завязке боя, но и проникает в действия сражающихся в течение всего боя, и, следовательно, мы действительно имеем два различных вида боя.

278. Поэтому план во всяком случае должен указать относительно боя в целом, следует ли ему быть наступательным или оборонительным.

280. Если мы пока оставим в стороне все те конкретные обстоятельства, в зависимости от которых решается вопрос о выборе между атакой и обороной, то получим лишь один общий закон, а именно: там, где хотят задержать решение, нужно действовать оборонительно; там же, где этого решения ищут, нужно действовать наступательно.

Последовательное применение вооруженных сил[409]

291. При общем действии отдельных сил одновременность этого действия сама по себе является основным условием. То же бывает и в бою. Так как число вооруженных сил в продукте их деятельности составляет известный фактор, то при всех прочих равных условиях одновременное применение всех вооруженных сил, т.е. максимальное сосредоточение их во времени против неприятеля, который не применяет их все сразу, даст победу, и притом сперва над той частью неприятельских вооруженных сил, которая введена им в дело; а так как благодаря этой победе над частью моральные силы победителя вообще возрастают, а моральные силы побежденного уменьшаются, то из этого следует, что даже в том случае, если потери окажутся одинаковыми у обеих сторон, такая частичная победа должна поднять общие силы победителя над общими силами побежденного и, следовательно, может обусловить победу и в общем бою.

292. Но заключение, к которому мы пришли в прошлом параграфе, базируется на двух предпосылках, которые не существуют, а именно: во-первых, что нет предела количеству применяемых сил и, во-вторых, что нет предела пользованию одной и той же воинской частью, пока от

нее что-либо остается.

293. Что касается первого условия, то самое пространство уже ограничивает число сражающихся, ибо то, что не может принять участия в действиях, должно считаться лишним. Этим ограничивается глубина и ширина построения всех предназначенных к одновременному действию бойцов, а следовательно, и их число.

294. Но еще гораздо более важное ограничение числа заключается в природе огневого боя. Введение в него крупных сил в известных границах оказывает лишь то действие, что усиливает общую силу огневого боя[410]. Следовательно, там, где для одной стороны в таком усилении уже нет выгоды, оно теряет для нее свое значение; таким путем количество одновременно применяемых сил скоро достигнет в этом случае своего максимума.

295. Этот максимум полностью зависит от конкретных условий местности, морального состояния войск и ближайшей задачи данного боя. Здесь достаточно сказать, что такой максимум существует.

296. Итак, число одновременно могущих быть применяемыми сил имеет свой максимум, за пределами которого уже наступает расточительность.

297. Точно так же имеет свой предел пользование одними и теми же вооруженными силами. Вооруженная сила, участвовавшая в огневом бою, мало-помалу становится не пригодной для дела, но и от рукопашного боя происходит такое же ухудшение. Если истощение физических сил в этом случае меньше, чем в огневом бою, то при неудачном исходе моральное истощение является гораздо большим.

298. Благодаря этому ухудшению, которому подвергаются все уцелевшие вооруженные силы, участвовавшие в бою, в последнем выявляется новый принцип, а именно - внутреннее превосходство свежих боевых сил над уже бывшими в употреблении.

299. Однако приходится считаться и с другим явлением, заключающимся во временном ухудшении бывших в деле вооруженных сил, а именно - в том кризисе, который в них вызывает каждый бой.

300. Рукопашный бой фактически не имеет никакой длительности. В тот момент, когда один кавалерийский полк бросается в атаку на другой, дело уже решено, и с теми немногими секундами, в течение которых происходит действительная рубка, не приходится считаться, как с периодом времени; почти то же бывает и с пехотой, и с крупными массами войск. Но этим дело не кончается; то критическое состояние, которое находит себе разряд в решающем акте, еще не заканчивается вполне с этим актом; победоносный полк, преследующий, распусшив поводья, побежденных, уже не походит на тот полк, который стоял на поле битвы в сомкнутых рядах; правда, моральная сила его поднялась, но его физические силы, степень его порядка, как общее правило, подорваны. Лишь благодаря потере моральных сил, понесенной противником, и тому обстоятельству, что он также расстроен, победитель удерживает свой перевес. Появись в этот момент новый противник, нет никакого сомнения, что он при равных качествах войск разобьет победителя.

301. Такой же кризис наблюдается и в огневом бою, так что те самые войска, которые только что победоносно отразили своим огнем противника, все же в это мгновение находятся в заметно ослабленном состоянии в отношении порядка и сил. Это состояние длится до тех пор, пока все пришедшее в расстройство снова не будет поставлено в рамки порядка.

302. То, что мы сейчас говорили о небольших частях, можно распространить и на крупные.

303. Сам по себе кризис в маленьких частях достигает больших размеров, так как он равномерно охватывает всю часть, но зато он бывает кратковременным.

304. Всего слабее бывает кризис целого[411], особенно же в целой армии, но зато такой кризис бывает и самым продолжительным.

305. До тех пор, пока боевой кризис у победителя продолжается, в этом кризисе заключается средство для побежденного восстановить бой, т.е. повернуть в свою пользу результат боя, если только он имеет возможность подвести свежие войска в соответственном количестве[412].

306. Это является вторым основанием для последовательного применения вооруженных сил в качестве действующего начала.

307. Но раз последовательное применение вооруженных сил в ряде боев, следующих один за другим, возможно, а одновременное их применение не безгранично, то из этого само собой вытекает, что силы, которые не могут действовать одновременно, могут оказаться действенными при последовательном их применении.

308. Рядом таких следующих один за другим боев длительность общего боя значительно увеличивается.

309. Эта длительность вводит новое основание для последовательного применения вооруженных сил, с которым следует считаться, так как в расчет входит новая величина, эта величина - непредвиденные события.

311. Продолжительность действия вводит в расчет и чистую случайность, а последняя по природе дела на войне играет большую роль, чем где бы то ни было.

312. С непредвиденными событиями вообще надо считаться, что может выразиться лишь в том, что оставляют позади соответственные силы, т.е. резерв в собственном смысле этого слова.

Глубина боевого порядка

313. Все бои, которые даются последовательно, требуют по тем основаниям, из которых они проистекают, свежих вооруженных сил. Эти последние могут быть или совершенно свежими, т.е. еще не бывшими в деле, или такими, которые уже были использованы, но благодаря отдыху более или менее вышли из своего состояния ослабления. Легко понять, что здесь могут быть различные градации.

314. И то, и другое применение, т.е. совершенно свежих сил или сил, уже использованных раньше, но отдохнувших, обусловлено нахождением их позади, т.е. группировкой вне сферы разрушительного акта.

315. И в этом могут быть градации, ибо сфера разрушения не обрывается сразу, но постепенно сходит на нет.

Полярность одновременного и последовательного применения вооруженных сил

321. Так как одновременное и последовательное применение вооруженных сил одно другому противоположно и обладает каждое известными преимуществами, то на них надлежит смотреть, как на два полюса, которые притягивают на свою сторону решение полководца и тем самым ставят его на точку, где они друг друга уравнивают; конечно, мы исходим из предпосылки правильной их оценки.

322. Теперь, значит, дело сводится к тому, чтобы ознакомиться с законами этой полярности, т.е. с выгодами и условиями обоих способов применения сил, и через это изучить их взаимоотношения.

329. Там, где нет особого интереса ускорять действие огня, обе стороны будут заинтересованы в том, чтобы обойтись возможно меньшим числом сил, т.е. применить лишь такое количество сил, чтобы слишком незначительным их числом не побудить противника тотчас же броситься в рукопашную.

330. Таким образом, одновременное применение вооруженных сил в огневом бою ограничено

недостаточностью выгоды[413] и обеим сторонам приходится прибегнуть к последовательному применению излишних сил.

340. Можно себе представить одновременное введение в бой большой суммы вооруженных сил при помощи большого протяжения фронта двояким образом, а именно:

а) тем, что удлиняя фронт, мы заставляем и противника удлинить свой фронт, в этом случае мы не получаем никакого преимущества перед неприятелем, но следствием этого является введение в дело с обеих сторон большего количества сил одновременно;

б) тем, что мы охватываем неприятельский фронт.

341. Одновременное введение обеими сторонами большего количества сил в немногих случаях будет отвечать интересам обеих сторон; притом не может быть уверенности, согласится ли неприятель на это дальнейшее удлинение.

342. Если он на него не пойдет, то или часть нашего фронта, т.е. наших вооруженных сил окажется без дела, или же мы должны будем применить излишнюю часть нашего фронта для охвата неприятеля.

343. Лишь страх перед таким охватом может побудить противника соответственно растянуть свой фронт.

344. Но когда нужно охватить противника, то, очевидно, лучше с самого начала принять соответствующий распорядок, и, следовательно, удлиненный фронт приходится рассматривать лишь с этой точки зрения.

345. Охватывающая форма применения вооруженных сил имеет ту особенность, что она не только увеличивает сумму одновременно примененных с обеих сторон вооруженных сил, но и дает возможность ввести в дело больше сил, чем противник.

348. Второе преимущество охватывающей формы - это более сильное действие концентрического огня.

349. Третье преимущество - это отрезание путей отступления.

350. Эти три преимущества охвата ослабевают с увеличением вооруженных сил или, говоря точнее, с увеличением их фронта и усиливаются с их уменьшением. с 356. Однако у охватывающей формы имеется и своеобразная невыгода, заключающаяся в том, что силы при ней растягиваются на большее пространство, откуда их действенность уменьшается в двух отношениях.

357. Время, потребное для того, чтобы пройти известное пространство, не может быть употреблено на то, чтобы сражаться. А все движения охватывающего, не направленные перпендикулярно к неприятельскому фронту, происходят на большем пространстве, чем движения охватываемого, ибо последний движется более или менее по радиусам меньшего круга, а охватывающий - по окружности большего, что представляет существенную разницу.

358. Отсюда для охваченного вытекает возможность легче пользоваться своими силами на различных пунктах.

359. Наряду с этим, с увеличением пространства уменьшается и единство целого, ибо донесениям и приказам приходится проходить большие расстояния.

360. Обе эти невыгоды охватывающей формы увеличиваются с расширением фронта. При немногих батальонах они незначительны, при крупных армиях они становятся весьма чувствительны.

364. Раз выгоды охвата при небольших фронтах очень велики, а невыгоды очень малы, и притом

первые уменьшаются, а вторые увеличиваются с увеличением фронта, то из этого следует, что может быть такая точка, где они будут взаимно уравновешивать друг друга.

365. За пределами точки расширение фронта не будет, следовательно, в состоянии противопоставить каких-либо преимуществ последовательному применению сил, а напротив, оно приведет к известным невыгодам.

370. Необходимо иметь позади всякого построения не подверженное обстрелу пространство для резервов, для командования и пр., находящихся позади фронта. Если бы они подвергались обстрелу с трех сторон, они перестали бы быть тем, к чему они предназначены.

371. Так как эти элементы при больших массах сами представляют более или менее крупные массы и, следовательно, требуют для себя значительного пространства, то не подвергающееся обстрелу пространство позади фронта должно быть тем большим, чем больше целое; по этой причине фронт должен расти с ростом масс.

372. Но пространство позади значительной массы войск должно быть большим только потому, что резервы и пр. нуждаются в большом пространстве, но оно должно быть еще потому большим, чтобы гарантировать большую безопасность, ибо, во-первых, случайно залетевшие снаряды оказали бы гораздо большее действие на крупные массы войск и обозы, чем на несколько батальонов; во-вторых, бои больших масс гораздо продолжительнее, а потому потери в войсках, расположенных позади фронта и, следовательно, не участвующих в бою, могут за это время стать гораздо более значительными.

380. Из всего до сих пор сказанного об этих двух выгодах охвата вытекает, что небольшие массы с трудом могут достигнуть достаточной длины фронта. Это настолько верно, что, как мы знаем из практики, они большей частью бывают вынуждены отказаться от стереотипного порядка своего построения и растягиваются значительно шире. В крайне редких случаях батальон, предоставленный самому себе, примет бой с длиной фронта своего обычного построения (150 - 200 шагов); он разделится поротно, а роты растянутся стрелковой цепью, оставив часть в качестве резерва; таким путем батальон займет в два, три или четыре раза большее пространство, чем сколько ему, собственно говоря, полагается.

381. Но чем массы становятся больше, тем легче бывает достигнуть необходимой длины фронта, ибо хотя эта последняя и растет вместе с ростом масс, но не в одинаковой мере.

382. Поэтому большим массам нет надобности отступать от нормального порядка построения и они имеют возможность сохранить позади часть войск.

384. У очень крупных масс (в армиях в 100 000, 150 000, 200 000 человек) мы наблюдаем постоянный рост резервов (от 1/4 до 1/3). Это доказывает, что силы все более и более превосходят потребности фронта.

387. Первые два преимущества охвата оказывают свое действие в смысле обеспечения успеха, увеличивая наши силы; третье достигает того же, но лишь при крайне коротких фронтах.

388. Оно влияет на мужество сражающихся на неприятельском фронте тем, что внушает им представление о потере пути отступления, что всегда производит весьма сильное впечатление на солдата.

389. Однако это будет иметь место лишь в том случае, когда опасность быть отрезанным настолько близка и очевидна, что впечатление от нее заглушает все законы дисциплины и силу приказаний и увлекает солдата совершенно произвольно.

390. При большом отдалении, когда раздающаяся пушечная и ружейная стрельба в тылу лишь намекает на это, в солдате может возникнуть беспокойство, но если дух войска не слишком плох, это ему не мешает слушаться приказаний вождя.

391. В этом случае выгода отрезывания, которую имеет охватывающий, уже не должна считаться за такую, которая обеспечивала бы в большей мере успех, т.е. придавала бы ему большую вероятность, а является лишь преимуществом, увеличивающим размер достигнутого успеха.

392. И в этом отношении третье преимущество охвата подчиняется той же антитезе: при коротком фронте оно бывает больше, а с удлинением его оно уменьшается, как то можно наблюдать с очевидностью.

393. Это, однако, не противоречит тому, что более крупные массы нуждаются в более широком фронте, чем мелкие. Отступление никогда не происходит по всей ширине фронта, а ведется по отдельным дорогам; отсюда само собою следует, что отступление крупных масс требует больше времени, чем более мелких; эта большая продолжительность времени требует, следовательно, более широкого фронта, чтобы неприятель, охватывающий его, не мог так скоро достигнуть пунктов, через которые производится отступление.

394. Раз третье преимущество охвата в большинстве случаев, а именно при не слишком коротких фронтах, отражается (согласно п. 391) лишь на размере, а не на обеспеченности успеха, то отсюда следует, что в зависимости от обстоятельств и намерений сражающихся оно приобретает совершенно различное значение.

395. Там, где вероятность успеха и без того незначительна, надо прежде всего позаботиться об обеспечении его; в таких случаях преимущество, влияющее главным образом на его размер, не может иметь особого значения.

396. В тех же случаях, когда это преимущество даже шло бы вразрез с этим вероятием (п. 365), оно представляло бы определенный ущерб.

397. В таких случаях придется постараться выгодами последовательного напряжения сил уравновесить выгоду большего фронта.

398. Итак, мы видим: положение безразличной точки между обоими полюсами одновременного и последовательного применения сил, ширины и глубины фронта не только складывается иначе у крупных и мелких масс, но и меняется в зависимости от обстановки и намерений обеих сторон.

399. Более слабая и более осторожная сторона должна отдавать предпочтение последовательному напряжению сил, а более сильная и отважная одновременно.

400. По своей природе атакующий бывает более сильным и отважным, безразлично по свойствам ли характера полководца или по необходимости.

401. Охватывающая форма боя, т.е. обуславливающая наиболее одновременное напряжение сил у нас и у противника, естественно, подходит для атакующего.

402. А охваченная, т.е. связанная с последовательным применением сил и потому обреченная на охват, есть, следовательно, естественная форма для обороны.

403. В первой заложена тенденция к быстрому решению, к последней заложена тенденция к выигрышу времени, и эти тенденции гармонируют с основным смыслом обеих форм боя.

404. Но в природе обороны заключается еще одно основание, склоняющее ее к более глубокому построению.

405. Одно из самых значительных преимуществ обороны заключается именно в поддержке, которую ей оказывают местность и рельеф, почему местная оборона и является существенным ее фактором.

406. Но ведь можно было бы предположить, что это поведет к удлинению фронта до крайних

пределов, чтобы использовать это преимущество в возможной степени: это односторонний подход, в котором можно видеть главнейший мотив, так часто склонявший полководцев занимать растянутые позиции.

411. Надо рассматривать как решительный ущерб для обороны занятие более растянутого фронта по сравнению с фронтом, необходимым атакующему для развертывания своих сил.

412. Как необходимо велик должен быть фронт атакующего, этим вопросом мы займемся впоследствии; здесь же мы можем лишь сказать, что когда атакующий занимает чересчур малый фронт, обороняющийся его за это наказывает не тем, что он сразу придает своему фронту большую длину, но принятием наступательных, охватывающих контрмер.

413. Поэтому можно уверенно сказать, что обороняющийся, чтобы во всяком случае избежать невыгод слишком растянутого фронта, должен занимать возможно меньший, насколько это позволяют обстоятельства, ибо через это он сбережет больше сил позади фронта; эти же последние никогда не могут оказаться без дела, как части слишком растянутого фронта.

414. Пока обороняющийся довольствуется возможно малым фронтом и старается сохранять возможно большую глубину, т.е. пока он следует естественной тенденции своей формы боя, до тех пор у наступающего проявляется обратная тенденция: растянуть свой фронт возможно шире, т.е. охватить своего противника возможно дальше.

415. Но это лишь тенденция, а не закон, ибо мы видели, что выгоды этого охвата уменьшаются с увеличением размеров фронтов, а следовательно, на известной точке уже не уравнивают выгод от последовательного применения сил. Этому закону подчинены в равной мере как атакующий, так и обороняющийся.

416. Здесь нам надо различить два неодинаковых протяжения фронта, а именно то, которое определяет обороняющийся принятой им группировкой, и то, которое вынуждается у обороны атакующим посредством намеченного им окрыления.

417. Если первое уже столь велико, что все выгоды от охвата флангов или исчезают, или лишаются силы, то последнее отпадает; наступающий должен искать получения выгод другими путями, как мы сейчас увидим.

418. Если же первое протяжение фронта так мало, насколько это только возможно, то наступающий вправе рассчитывать на известные выгоды от охвата флангов и окружения; здесь надлежит определить границы этого охвата.

419. Эта граница определяется (п. 356 - 365) невыгодами преувеличенного охвата.

420. Эти невыгоды появляются тогда, когда стараются осуществить охват противника вопреки чрезмерной растянутости неприятельского фронта; однако эти невыгоды становятся еще больше, как то наглядно видно при чрезмерно широком охвате короткой линии.

421. Раз эти невыгоды выпадают на долю наступающего, то выгоды последовательного применения сил, которые сохраняет оборона благодаря своему короткому фронту, получают тем большее значение.

422. Правда, может показаться, что обороняющийся, принявший короткий фронт и глубокое построение, не может посредством этого сохранить только на своей стороне выгоды последовательного применения сил, ибо если наступающий займет столь же короткий фронт и, следовательно, не будет оказывать противника, то у обоих в равной мере открывается возможность последовательного применения сил; если же наступающий охватит противника, то последний будет вынужден повсюду противопоставить фронт и, следовательно, будет сражаться на фронте такой же длины (если не считать незначительной разницы между двумя концентрическими кругами). Здесь приходится иметь в виду четыре соображения.

423. Во-первых, если атакующий в такой же мере сократит свой фронт, у обороняющегося всегда остается та выгода, что борьба из области растянутого и быстро решающегося боя переходит в область боя сосредоточенного и длительного, а большая длительность боя в интересах обороняющегося.

424. Во-вторых, обороняющийся, когда его охватывает противник, не всегда бывает вынужден сражаться с охватывающими частями параллельным фронтом, но может ударить им или во фланг, или в тыл, чему геометрические соотношения весьма благоприятствуют; это уже будет последовательное

применение сил, ибо это последнее не требует, чтобы вступающие позднее силы непременно применялись так же, как и предыдущие, или чтобы вообще последующие силы занимали место предыдущих, как мы сейчас подробнее укажем. Без размещения вооруженных сил позади[414] такой охват охватывающего был бы невозможен.

425. В-третьих, короткий фронт с сильными, расположенными позади резервами предоставляет наступающему произвести чересчур широкий охват (п. 420), из которого посредством имеющихся позади сил обороняющийся может извлечь выгоду.

426. В-четвертых, как на выгоду, можно смотреть и на то обстоятельство, что это обеспечивает обороняющегося от противоположной ошибки - напрасной затраты сил на участках фронта, не подвергающихся наступлению.

427. Таковы преимущества глубокого построения, т.е. последовательного применения сил. Они не только уравнивают обороняющемуся выгоды растянутого фронта, но и заставят наступающего не переступить известной границы охвата, не уничтожая, однако, тенденции к растягиванию фронта до этого предела.

428. Последняя тенденция у наступающего ослабевает или совершенно пропадает, когда обороняющийся сам занял чересчур растянутый фронт.

429. Правда, при таких условиях обороняющийся за недостатком оставленных позади сил уже не может наказать наступающего за чрезмерную растяжку при производстве им охвата, но и без этого выгоды, доставляемые охватом, становятся чересчур ничтожными.

430. Тогда наступающий уже не станет искать выгод от охвата, если обстановка не вынудит его придать особенное значение тому, чтобы отрезать путь отступления противнику. Таким путем тенденция к охвату окажется ослабленной.

431. И она совершенно отпадает, если обороняющийся займет столь широкий фронт, что наступающему будет возможно оставить праздною значительную долю этого фронта, ибо это для него явится существенным выигрышем.

432. В подобных случаях наступающему приходится добиваться преимущества, исходя уже не из растягивания фронта и охвата противника, а из противоположного приема, а именно - сосредоточения своих сил против одного какого-нибудь пункта. Что это равносильно глубокому построению, понять нетрудно.

433. До каких пределов атакующий может сократить ширину своего фронта, зависит:

- а) от количества его сил,
- б) от размеров неприятельского фронта,
- в) от готовности противника к контрнаступлению.

434. При небольших массах невыгодно оставлять незанятой какую-либо часть неприятельского фронта, ибо при легкости обозрения всего боя и небольших расстояниях эти части могут немедленно найти иное применение.

435. Из этого само собой следует, что и при крупных массах и широких фронтах участков, подвергающийся атаке, не должен быть чересчур мал, ибо отсюда, хотя бы частично, мог бы возникнуть только что указанный нами ущерб.

436. Но в общем вполне естественно, что атакующий, долженствующий добиваться преимущества посредством сосредоточения своих сил, ибо на то ему дает право чрезмерная растянутость фронта обороняющегося или его пассивность, может идти дальше в направлении сокращения своего фронта, чем обороняющийся, ибо последний не подготовлен своей растянутостью к активному противодействию посредством охвата.

437. Чем фронт обороняющегося шире, тем больше частей его наступающий может оставить без дела.

438. То же можно оказать в отношении сильно выраженного намерения вести чисто местную оборону.

439. Наконец, и относительно очень крупных войсковых масс.

440. Таким образом, наибольшую выгоду получит наступающий от сосредоточения своих сил, когда встречаются все эти благоприятные условия, а именно - крупные массы, слишком растянутый фронт и сильная тенденция к чисто местной обороне со стороны противника[415].

444. Из всех этих рассуждений мы видим, как безразличная точка между одновременным и последовательным применением сил занимает иное положение в зависимости от величины расположенных позади частей, от отношения сил, от отваги и осторожности.

Определение пространства

460. Если мы можем не вступать в бой с какою-либо частью неприятельских вооруженных сил, то тем самым мы становимся сильнее в борьбе с другими, будь то при одновременном или последовательном применении вооруженных сил. В таком случае мы вступим в бой всеми своими силами с частью неприятельских сил.

461. Следовательно, в этом случае на тех участках, где мы применим наши силы, мы будем или иметь превосходство над противником, или, по крайней мере, окажемся сильнее, чем этого следовало ожидать по общему соотношению сил.

462. Исходя из предпосылки, что с остальными частями противника мы можем не вступать в бой, силы, занимающие атакуемые участки, можно рассматривать как целое; таким способом происходит искусственное повышение наших сил благодаря большему их сосредоточению в пространстве.

463. Само собою ясно, что это средство составляет важный элемент всякого плана боя; оно применяется наиболее часто.

464. Поэтому важно ближе познакомиться с этим вопросом, дабы определить те части неприятельских сил, которые можно рассматривать в этом смысле как целое.

465. В п. 4 мы привели мотивы, определяющие отступление сражающегося. Ясно, что факты, из которых исходят эти мотивы, относятся или ко всем вооруженным силам в целом, или по крайней мере к столь существенной их части, что последняя имеет больше значения, чем все остальные, т.е. решает их судьбу вместе со своей.

466. Легко можно себе представить, что эти факты касаются всей вооруженной силы в целом при небольших массах войск, но не при более крупных. Правда, и здесь мотивы, указанные под литерами "г", "е", "ж", распространяются на целое, но остальные, особенно же потери, всегда касаются лишь известных частей, ибо при более значительных массах крайне невероятно, чтобы потери постигли в одинаковой мере все части.

467. Те части, состояние которых служит основанием для отступления, естественно, должны быть в отношении к целому значительными; ради краткости мы их назовем преодоленными.

468. Эти преодоленные части могут находиться рядом или быть в большей или меньшей степени распределенными среди всей армии.

469. Нет основания считать, из этих двух случаев более действительным, чем другой. Если корпус какой-либо армии совершенно разбит, а все остальные сохранились нетронутыми, то в одном случае это может оказаться лучше, в другом хуже, чем если бы потери были равномерно распределены по всей массе[416].

470. Второй случай предполагает равномерное применение стоящих друг против друга сил; теперь же мы рассматриваем лишь неравномерное (сосредоточенное на одном или нескольких участках) применение сил, поэтому нас интересует лишь первый случай.

471. Если преодоленные части расположены рядом, то на них можно смотреть в совокупности, как на одно целое, и такой смысл мы придаем нашим словам, когда говорим об атакованных и преодоленных частях или участках.

472. Если удастся определить, какова должна быть эта часть, чтобы господствовать над целым и увлекать его за собой, то мы тем самым определили бы, против какой части целого следует направлять свои силы и вести настоящую борьбу.

473. Если отвлечься от условий местности, то для определения той части, которая должна подвергнуться нашему нападению, мы обязаны принять во внимание только ее размер и положение. Прежде всего рассмотрим вопрос о размере.

474. Надо различать два случая: первый, когда мы сосредоточиваем свои силы против одной части неприятельских сил и ничего не противопоставляем другим частям, второй, когда мы противопоставляем остальным частям более слабые силы, дабы занять его внимание. И то и другое, очевидно, представляет собою сосредоточение сил в пространстве.

475. Вопрос о том, каких размеров должна быть та часть неприятельских сил, которую нам необходимо преодолеть, очевидно, равнозначен вопросу, насколько малым может быть наш фронт. Но этот вопрос мы уже рассмотрели в п. 433 и следующих.

476. Дабы точнее познакомиться с предметом во втором случае, мы сперва представим себе, что противник столь же положительно и деятельно настроен, как мы, из чего будет следовать, что если мы разобьем более значительной частью нашего целого менее значительную часть его целого, то он оплатит нам тем же.

477. Поэтому, если мы хотим, чтобы конечный успех был *in* нашей стороне, мы должны так устроиться, чтобы та часть неприятельских сил, которую мы разобьем, была бы больше в отношении целого, чем та часть, которой мы для этого пожертвуем, по отношению к нашему целому.

480. Чем больше наше численное превосходство, тем больше может быть та часть неприятельских сил, с которой мы вступаем в серьезную борьбу, и тем наш успех окажется значительнее. Чем мы слабее, тем меньше должна быть часть, с которой мы вступаем в серьезную борьбу, что согласуется с естественным законом, что слабый должен больше сосредоточивать свои силы.

481. Но при этом мы исходим из молчаливого предположения, что неприятелю потребуется столько же времени для того, чтобы разбить нашу слабую часть, сколько нам для того, чтобы одержать победу над его частью. Если бы это оказалось не так и имелась значительная разница во времени, то он получил бы возможность употребить часть своих войск против наших главных сил.

482. Но ведь победу, как общее правило, одерживают тем скорее, чем неравенство сил бывает больше; таким образом, отсюда следует, что мы не можем сделать ту часть, которой мы жертвуем,

произвольно малой, но что она должна сохранить сколько-нибудь сносное соотношение к неприятельским силам, которые она должна сковывать. Итак, сосредоточение сил у слабого имеет свои пределы.

484. Но если бы мы захотели пойти дальше и сделать вывод, что атакующий всегда одерживает победу в тех случаях, когда обороняющийся ничего положительного не предпринимает против слабейшей части атакующего (что очень часто наблюдается), то такой вывод был бы ошибочным; ибо в тех случаях, когда подвергающийся нападеишо не пытается искать вознаграждения за счет слабейшей части противника, то воздерживается он от этого, главным образом, потому, что он все же находит возможность ввести в бой часть своих главных сил, не подвергавшихся нападению, против наших главных сил и тем самым сделать сомнительной победу последних.

485. Чем меньше часть неприятельских сил, которую мы атакуем, тем легче это будет для него, отчасти благодаря незначительности пространства, отчасти же, и в особенности, потому, что моральная сила победы при незначительности масс гораздо меньше: победа над мелкой частью не так-то легко заставляет неприятеля терять голову и мужество и не лишает его способности использовать еще имеющиеся в его распоряжении средства для восстановления положения.

486. Если неприятель поставил себя в такое положение, что он не может ни вознаградить себя позитивной победой над нашей слабейшей частью, ни противопоставить нашему главному наступлению имеющиеся на неатакованных участках излишние силы, или если он вследствие своей нерешительности не надумает сделать ни то, ни другое, лишь в этих случаях атакующий может рассчитывать одолеть его сравнительно малыми силами посредством сосредоточения их.

487. Однако теория не должна изображать лишь одного обороняющегося в невыгодном положении невозможности отплатить должным образом противнику за сосредоточение им сил; она обязана указать на то, что каждая из обеих сторон, как атакующая, так и обороняющаяся, может оказаться в этом положении.

488. Дело в том, что непропорциональное сосредоточение сил на одном участке, чтобы достигнуть на нем превосходства, всегда базируется на надежде поразить противника внезапно, дабы он не имел ни времени собрать на этом участке столько же сил, ни возможности подготовиться отплатить той же монетой. Надежда на успех такой внезапности основывается по существу на заблаговременно принятом решении, т.е. на инициативе.

489. Однако это преимущество инициативы имеет свою антитезу, о чем будет еще речь впереди; здесь мы лишь отметим, что оно не составляет абсолютного преимущества, действие которого непременно должно сказаться во всех случаях.

490. Но если даже не считаться с теми основами успеха внезапности, которые заключаются в инициативе, и если даже нет для нее никакого объективного основания, так что успех всецело зависит от счастья, то все же теория не должна отвергать и этого фактора, ибо война - игра, из которой никак не может быть исключен элемент риска. Поэтому вполне допустимо даже при отсутствии всякого другого мотива сосредоточить свои силы наудачу в надежде поразить неприятеля внезапно.

491. Если той или другой стороне удастся поразить внезапно противника, будет ли то наступающий или обороняющийся, сторона, застигнутая таким образом врасплох, окажется до известной степени лишенной возможности отплатить противнику тем же самым.

497. При атаке флангов или тыла необходимо предполагать, что можно принудить неприятеля противопоставить нам в этих местах вооруженные силы; там, где мы не уверены в том, что таково будет воздействие нашего появления, последнее было бы опасно; ибо там, где не с кем сражаться, войска остаются праздными, и если это случится с главными силами, цель окажется несомненно не достигнутой.

498. Правда, такие случаи, чтобы противник оставил беззащитными свои фланги или свой тыл, чрезвычайно редки, однако они встречаются, и притом легче всего тогда, когда противник обеспечивает себя наступательными контрдействиями (Ваграм, Гогенлинден, Аустерлиц могут

служить примерами).

499. Атака центра (под которым мы разумеем не что иное, как часть фронта, не являющуюся флангом) отличается той особенностью, что она может повести к разделению частей, которое обычно называется прорывом.

500. Прорыв, очевидно, является противоположностью окружения. Оба действуют в случае победы чрезвычайно разрушительно на неприятельские силы, но каждый по-своему.

1) Охват содействует обеспечению успеха своим моральным воздействием, подрывая мужество противника.

2) Прорыв центра содействует обеспечению успеха тем, что при нем наши силы остаются более сосредоточенными. Мы уже говорили об этом.

3) Охват может непосредственно повести к уничтожению неприятельской армии, если он производится значительно превосходящими силами и увенчается успехом. Во всяком случае, если он приводит к победе, то успех первого дня бывает больше, чем при прорыве.

4) Прорыв может вести лишь косвенным образом к уничтожению неприятельской армии и редко проявляет свое действие в значительных размерах в первый же день, а скорее влияет стратегически в последующие дни.

501. Прорыв неприятельской армии посредством сосредоточения наших главных сил против одного участка предполагает чрезмерную растянутость неприятельского фронта, ибо гораздо труднее бывает приковать остальные вооруженные силы неприятеля более слабыми силами, и неприятельские силы, расположенные вблизи направления главного удара, легко могут быть направлены на борьбу с ним. К тому же при атаке, направленной на центр, таковые находятся по обеим сторонам, при атаке же на крыло - лишь с одной стороны.

502. Вследствие этого подобная атака центра легко подвергается концентрической контратаке неприятеля.

504. Мы рассмотрели сосредоточение главных сил на одном участке для действительного боя, но, конечно, оно может иметь место и на нескольких участках, на двух, даже на трех, не переставая быть сосредоточением сил против одной части неприятельской армии. Разумеется, с увеличением числа участков сила этого начала окажется ослабленной.

505. До сих пор мы имели в виду одни лишь объективные преимущества такого сосредоточения сил, а именно - более благоприятное соотношение сил на главном участке; существует, однако, и субъективное основание для вождя или полководца избрать этот прием, а именно дабы крепче держать в руках главную часть своих сил.

506. Хотя воля полководца и его разум руководят всем в сражении, однако эта воля и этот разум проникают лишь в крайне ослабленной степени до низших членов его армии, и это имеет большее место, чем дальше расположены части от полководца; значение и самостоятельность подчиненных начальников возрастают, и притом за счет верховной воли.

507. Но не только естественно, но при отсутствии какой-либо аномалии и выгодно, чтобы в руках главнокомандующего оставалась величайшая действенность власти, какую только допускает обстановка.

Взаимодействие

509. Нам остается рассмотреть лишь один вопрос - взаимодействие планов и действий обеих сторон.

510. Так как план боя в собственном смысле может устанавливать лишь то, что можно предвидеть в отношении действий, то сводится он обычно к трем сторонам дела, а именно: а) крупные линии боя, б) подготовка к нему, в) подробности начала.

511. Лишь начало боя может действительно быть полностью установлено планом; течение его уже требует новых, вытекающих из обстановки указаний и приказов, т.е. вождения.

512. Разумеется, желательно следовать принципам плана и при вождении, ибо цель и средства остаются теми же самыми; поэтому, если это не всегда может иметь место, то смотреть на это обстоятельство надо, как на неизбежное несовершенство.

513. Деятельность вождения, очевидно, носит совсем иной характер, чем деятельность создания плана. Последний составляется вне сферы опасности и на досуге; первое протекает всегда под давлением момента. План всегда разрешает вопросы с более высокой точки зрения с более широким кругозором. Вождение определяется ближайшим и самым конкретным, более того - это ближайшее и конкретнейшее часто насильственно увлекает его. Ниже мы будем говорить о различии в характере этих двух деятельностей интеллекта, здесь же мы ограничиваемся тем, что отделим их друг от друга как две различные фазы.

514. Если мы себе представим обе стороны так, что ни одна из них не знает ничего о мероприятиях противника, то каждая будет иметь возможность предпринимать свои меры лишь на основе общих принципов теории. Значительная доля их заключается уже в построении боевого порядка и в так называемой элементарной тактике армий, которая, естественно, базируется лишь на общих началах.

515. Но очевидно, что распорядок, рассчитанный лишь на общее, не может иметь действительности того распорядка, который построен в расчете на конкретные обстоятельства.

516. Следовательно, возможность принять свои меры позже, чем неприятель, уже учитывая мероприятия последнего, представляет огромное преимущество; это преимущество последней руки в карточной игре[417].

517. Редко или даже никогда не организуется бой без принятия в расчет конкретных обстоятельств. Первое из них, без знакомства с которым обойтись нельзя, это местность.

518. Знакомство с условиями местности присуще преимущественно обороняющемуся, ибо один он знает точно и наперед, на какой местности произойдет бой, и у него есть время соответственно обследовать местность. Здесь коренится вся теория позиции, поскольку она принадлежит к тактике. Если обороняющийся, кроме простого ознакомления с местностью, захочет использовать ее далее для чисто местной обороны, то отсюда будет вытекать более или менее определенное, детальное применение его вооруженных сил; вследствие этого наступающий оказывается вынужденным изучить его и принять в расчет при составлении своего плана.

521. В этом заключается первое проявление внимания со стороны противника к действиям другой стороны.

522. В большинстве случаев в этой стадии и завершаются планы той и другой стороны, дальнейшее уже принадлежит к вождению боем.

523. В боях, где *im ta*, ни другая сторона не является обороняющейся, обе идут друг другу навстречу, строй, боевой порядок и элементарная тактика (как стереотипная группировка, несколько видоизмененная в соответствии с условиями местности) заменяют план в собственном смысле.

524. При небольших частях это случается весьма часто, реже при крупных.

525. Но если действие делится на атаку и оборону, то наступающий оказывается в стадии, указанной в п. 522, и в отношении взаимодействия имеет явное преимущество перед обороняющимся, в его руках инициатива действия, а его противник уже должен был обнаружить своими

приготовлениями к обороне значительную часть того, что намерен делать.

526. В этом и заключается причина, почему до сих пор в теории смотрели на атаку, как на значительно более выгодную форму боя.

527. Однако взгляд на атаку как на более выгодную форму или, выражаясь более определенно, как на более сильную форму боя, приводит нас к абсурду, что мы покажем впоследствии. А это упускали из виду.

528. Ошибка этого вывода заключалась в переоценке преимущества, указанного в п. 525. Оно существенно в отношении взаимодействия, но составляет не все. Преимущество пользования условиями местности как вспомогательной силой, до известной степени подкрепляющей силы обороняющегося, во многих случаях имеет большое значение и при надлежащих мероприятиях могло бы иметь его в большинстве случаев.

529. Но неправильное пользование местностью (крайне растянутые позиции) и неправильная система обороны (полная пассивность ее) несомненно придали этому преимуществу атаки - предпринимать свои шаги "в последней руке" - такое значение, что атака почти исключительно ему обязана теми успехами, которых достигает на практике свыше естественной меры, присущей ей в действительности.

530. Так как участие интеллекта не прекращается с составлением плана в собственном смысле, то мы должны проследить роль взаимодействия и в области вождения боем.

531. Область вождения - это течение или длительность боя, а таковое тем длиннее, чем больше в нем последовательного применения сил.

532. Поэтому при расчете на вождение необходимо глубокое построение.

533. Таким образом, возникает вопрос, что лучше - довериться ли больше плану или руководству.

534. Очевидно, было бы нелепостью умышленно не принимать в расчет какую-либо имеющуюся налицо данную и, если она имеет какую-либо ценность для намеченного действия, не обсудить ее заранее. Но этим сказано не что иное, как только то, что плану следует лишь настолько вмешиваться в действие, насколько имеется у него данных, и что область вождения начинается лишь там, где план оказывается недостаточным. Таким образом, вождение является лишь заместителем плана и в качестве такового должно рассматриваться как необходимое зло.

535. Но, конечно, здесь мы говорим лишь о плане мотивированном. Все указания, долженствующие иметь конкретную тенденцию, не могут опираться на произвольные предположения, а должны опираться на определенные данные.

536. Следовательно, где данные прекращаются, должны останавливаться и указания плана, ибо, несомненно, лучше оставлять что-нибудь неопределенным, т.е. под охраной общих принципов, чем определять его, не считаясь с обстоятельствами, которые обнаружатся впоследствии.

537. Каждый план, который определяет заранее слишком много подробностей хода боя, должен поэтому оказаться ошибочным и пагубным, ибо подробности зависят не только от общих оснований, но и от частных, которых нельзя знать наперед.

538. Если принять во внимание, что воздействие отдельных обстоятельств (случайных и других) возрастает с увеличением времени и пространства, то станет ясно, что в этом и заключается причина, почему очень широко задуманные и сложные движения редко удаются и приводят к гибели.

539. Вообще в этом и заключается причина пагубности всех чересчур сложных и искусственных планов боя. Все они часто бессознательно опираются на множество мелких предположений, из которых большинство не оправдывается.

540. Вместо того, чтобы чрезмерно расширять план, лучше оставлять больше на долю вождения.

541. Но это предполагает (п. 523) глубокое построение, т.е. наличие крупных резервов.

542. Мы видели (п. 525), что атака в отношении взаимодействия распространяет свой план дальше, чем оборона.

543. С другой стороны, обороняющемуся условия местности дают многочисленные основания к тому, чтобы заранее определить ход боя, т.е. своим планом гораздо дальше проникнуть в ход боя. лии "не

544. Оставаясь на этой точке зрения, мы должны были бы сказать, что планы обороняющегося гораздо более исчерпывающи, чем планы атакующего, и, следовательно, последний должен гораздо больше отводить места вождению.

545. Однако это преимущество обороняющегося лишь кажущееся, а не действительное. В самом деле, мы не должны забывать, что мероприятия, вытекающие из условий местности, являются лишь приготовлениями, основанными на предположениях, а не на действительных мерах, принятых противником.

546. Лишь потому, что эти предположения обычно весьма правдоподобны, и поскольку они таковы, они и основанные на них мероприятия имеют ценность.

547. Но это условие, при котором строятся предположения обороняющегося и основанные на них мероприятия, естественно, очень ограничивает последние и вынуждает обороняющегося к величайшей осторожности в отношении своих мероприятий и планов.

548. Если он в них зашел слишком далеко, то атакующий имеет возможность от них уклониться, и тогда у него тотчас появляется мертвая сила, т. е. напрасная затрата сил.

549. Сюда относятся чересчур растянутые позиции и слишком частое применение местной обороны.

550. Как раз эти две ошибки часто обнаруживали невыгоду, вытекающую из преувеличенного расширения плана обороняющегося, и ту выгоду, которую атакующий может извлечь из естественного размера своего плана.

551. Лишь чрезвычайно сильные позиции, и притом такие, которые сильны со всех точек зрения, открывают плану обороняющегося более широкую область, чем область планов атакующего.

552. Но поскольку позиция менее совершенна или даже вовсе отсутствует или, наконец, поскольку не хватает времени хорошенько на ней устроиться, постольку же обороняющийся будет оставаться позади атакующего в отношении определенности своего плана и окажется вынужденным в большей мере довериться вождению боем.

553. Это нас снова приводит к тому положению, что обороняющемуся по преимуществу придется придерживаться приема последовательного применения сил.

554. Уже раньше мы видели, что лишь большие массы могут пользоваться преимуществами, связанными с коротким фронтом; теперь мы еще отметим, что обороняющийся должен предохранить себя от чрезмерного, вызываемого условиями местности расширения своего плана и пагубного распыления своих сил путем вспомогательных средств, заключающихся в ресурсах вождения, т.е. посредством сильных резервов.

555. Отсюда естественный вывод, что отношение обороняющегося к атакующему становится тем более благоприятным, чем большими становятся массы.

556. Таким образом, продолжительность боя, т.е. сильные резервы и, по возможности, последовательное их применение, является первым условием вождения боем, и превосходство в этом отношении должно вести к превосходству в вождении независимо от виртуозности того, кто его осуществляет; ибо самое высокое искусство бессильно при отсутствии средств, и очень легко можно себе представить, что менее искусный, но располагающий еще средствами борьбы получит перевес в течение боя.

558. В природе вещей, что определения плана больше касаются членов высшего порядка, а указания вождения - членов низшего порядка; следовательно, каждое отдельное распоряжение последнего будет иметь меньшее значение, но зато, естественно, они будут гораздо более многочисленными, благодаря чему разница в значении плана и вождения отчасти сглаживается.

559. Далее, в природе вещей, что вождение есть подлинная область взаимодействия и что здесь оно никогда не прекращается, ибо обе стороны стоят лицом к лицу и что, следовательно, взаимодействие или вызывает или видоизменяет большинство решений.

560. Если обороняющийся в особенности должен сберечь свои силы для вождения (п. 553) и в большинстве случаев оказывается в выгоде при их употреблении, то отсюда следует, не только может уравновесить свою сравнительную слабость в отношении взаимодействия планов преимуществами в отношении взаимодействия вождения, но может достигнуть: общего перевеса в отношении взаимодействия.

561. Но каково бы ни было в отдельных случаях взаимоотношение обеих сторон, всегда должно существовать известное стремление оказаться "за рукой" в своих мероприятиях, дабы иметь возможность учесть мероприятия противника.

562. Это стремление и есть подлинная основа значительного увеличения размера резервов, наблюдаемого в последнее время при применении крупных масс.

563. Мы не сомневаемся, что для всех значительных масс наряду с условиями местности резервы являются важнейшим фактором в деле обороны.

Характер вождения[418]

564. Мы уже сказали, что есть различие в характере между указаниями, даваемыми планом, и указаниями, из которых складывается вождение боем; причина тому заключается в том, что условия, при которых работает ум, различны в обоих случаях.

565. Это различие обстоятельств сводится к трем элементам, а именно к недостатку данных, к недостатку времени и к опасности.

566. Явления, которые при полном обозрении положения и общей связи всего в его целом составляют самое главное, могут и не казаться таковыми, когда этого обозрения нет; тогда другие явления, и притом, само собою понятно, ближайшие будут казаться преобладающими по своему значению.

567. Таким образом, если план боя представляет скорее геометрический чертеж, то вождение им - скорее перспективный[419], первый - скорее схематический набросок, второй - скорее изображение в перспективе. Как исправить погрешность, мы укажем в дальнейшем.

568. Недостаток времени влияет не только на недостаток обозрения, но и на возможность обсудить обстоятельства. Сравнивающее, взвешивающее, критическое суждение отходит на второй план в сравнении с интуицией, т.е. приобретенной упражнением находчивостью суждения. Это мы должны также отметить.

569. Человеческой природе свойственно, чтобы непосредственное чувство большой опасности для себя и для других являлось помехой для чистого разума.

570. Если таким путем суждение ума всячески стесняется и ослабляется, то на что придется опереться? Только на мужество.

571. В данном случае требуется мужество двоякого рода: мужество, чтобы не поддаться личной опасности, и мужество для того, чтобы рассчитывать на недостоверное и строить на этом свою деятельность.

572. Второй вид мужества обычно называют мужеством разума (*courage d'esprit*), для первого нет соответствующего закону антитезы названия, ибо и то название неверно.

573. Если мы спросим, что в первоначальном смысле называется мужеством, то окажется, что здесь понимается личное самопожертвование в опасности, и из этого пункта мы должны исходить, ибо на него опирается в конце концов все.

574. Такое чувство самопожертвования может исходить из двух совершенно разных источников: во-первых, из равнодушия к опасности - безразлично, происходит ли оно из органических свойств данного индивида, или из равнодушного отношения к жизни, или, наконец, из привычки к опасности, а во-вторых, из положительных мотивов: честолюбия, любви к отечеству, всякого рода воодушевления.

575. Лишь на первый вид мужества можно смотреть, как на подлинное, прирожденное или обратившееся во вторую природу мужество, и оно отличается той особенностью, что вполне тождественно с самим человеком и, следовательно, никогда его не покидает.

576. Иначе обстоит дело с мужеством, исходящим из положительных чувств. Эти чувства противостоят впечатлениям опасности, и при этом, естественно, все зависит от их отношения к ним. Бывают случаи, в которых они могут повести гораздо дальше, чем простое равнодушие к опасности, в других случаях впечатления опасности получают перевес над ними. При равнодушии к опасности сохраняется большая трезвость суждения, что ведет к стойкости; положительные же чувства, вдохновляющие мужество, делают человека более предприимчивым и ведут к смелости.

577. Если с подобными импульсами еще связано и равнодушие к опасности, то мы получим совершеннейшую форму личного мужества.

578. Это до сих пор рассмотренное нами мужество представляет нечто субъективное, оно касается лишь личного самопожертвования, - а потому мы его называем личным мужеством.

579. Но ведь вполне естественно, что человек, не придающий особой цены жертве собственной личностью, точно так же не будет придавать особой цены жертве другими (которые по занимаемому ими положению поставлены в зависимость от его воли). Он будет смотреть на них как на товар, которым он может распоряжаться в той же мере, как самим собою.

580. Точно так же и тот, которого привлекает к себе опасность благодаря какому-нибудь положительному чувству, или будет приписывать то же самое чувство другим, или будет считать себя вправе подчинить этих других своему чувству.

581. Обоими путями мужество приобретает объективный круг действия. Оно уже не только влияет на личное самопожертвование, но и на применение подчиненных вооруженных сил.

582. Если мужество исключает из души все слишком живые впечатления опасности, то оно оказывает влияние и на деятельность разума. Последняя становится свободной, так как освобождается от гнета забот.

583. Но, конечно, мужество не может создать ни сил разума, если последних нет налицо, ни тем более понимания и проницательности.

584. Таким образом, при недостаточном разумении и проницательности мужество может повести совершенно ошибочным путем.

585. Совсем иное происхождение мужества, которое называют мужеством разума. Оно исходит из убеждения необходимости риска, а также из большей проницательности, вследствие которой риск представляется не столь большим, как он кажется другим.

586. Это убеждение может возникнуть и у людей, не обладающих личным мужеством, но оно становится мужеством, т.е. известной силой, поддерживающей человека в момент опасности и затруднений и сохраняющей в нем равновесие своим влиянием на темперамент, будящим и повышающим в нем благороднейшие силы; поэтому-то термин мужество разума не вполне правилен, ибо из самого разума оно никогда не возникает. Но мысли порождают чувства, которые могут усилиться посредством длительного воздействия мыслительной способности; это известно каждому на основании личного опыта.

587. Если, с одной стороны, личное мужество поддерживает и тем самым повышает способности разума, а с другой - рассудочное убеждение пробуждает и оживляет силы темперамента, то оба вида мужества сближаются и могут даже совпасть, т.е. дать один и тот же результат при вождении. Впрочем, это бывает редко; обычно проявления мужества носят известные черты характера его происхождения.

588. Там, где сочетаются выдающееся личное мужество и крупный ум, вождение, естественно, достигает наибольшего совершенства.

589. Что мужество, исходящее из убеждений разума, распространяется преимущественно на риск и заключается в способности ввериться неизвестности и счастью, а не охватывает сферы личной опасности, вполне естественно, ибо опасность едва ли может служить предметом значительной деятельности разума.

590. Таким образом, мы видим, что в вождении боем, т.е. в момент опасности и затруднений, силы темперамента должны поддержать разум, а последний должен в свою очередь их будить.

591. Такое повышенное духовное состояние необходимо для того, чтобы суждение, не имеющее возможности все обозреть, лишённое досуга и находящееся под самым сильным давлением нахлынувших событий, все же могло принимать верные решения. Такое состояние можно назвать военным талантом.

592. Если рассматривать бой с множеством его мелких и крупных членов и связанных с ними действий, то бросается в глаза, что мужество, порождаемое чувством личного самопожертвования, будет господствовать в низших сферах, т.е. будет руководить преимущественно мелкими частями, другой же вид мужества - преимущественно крупными.

593. Чем ниже мы спускаемся по ступеням расчленения боя, тем действие становится проще, тем, следовательно, в большей мере простой рассудок будет достаточен, но тем больше будет личная опасность, а следовательно, тем большие требования будут предъявляться к личному мужеству.

594. Чем же выше мы будем подниматься по этой лестнице, тем значительнее и более чревата последствиями будет деятельность каждого лица, ибо вопросы, зависящие от его решения, находятся более или менее в тесной связи с целым. Отсюда следует, что здесь требуется более широкий кругозор.

595. Правда, чем выше пост, тем шире его горизонт, и с него лучше, чем с низкого, можно обозреть связь всех явлений; но все то, чего недостает в отношении общего обозрения в ходе боя, главным образом здесь-то и отсутствует; поэтому по преимуществу именно здесь и приходится так много делать наудачу, доверяясь интуиции.

596. Этот характер вождения все усиливается по мере развития боя, так как положение дел все больше удаляется от того, которое нам было известно.

597. Чем дальше продолжается бой, тем больше имеют место случайности, т.е. события, не входившие в наши расчеты, тем больше все выходит из колеи нормального порядка, тем больше хаоса и сумятицы появляется то там, то здесь.

598. Но по мере развития боя все более и более накапливаются и учащаются решающие акты, и тем меньше остается времени для обдумывания.

599. Таким-то образом и высшие члены мало-помалу, особенно в отдельных пунктах и в отдельные моменты, спускаются в сферу, где личное мужество имеет большее значение, чем рассудительность, и играет почти все решающую роль.

600. Таким путем в каждом бою все более и более исчерпываются все комбинации и в конце концов уже ведет борьбу и действует почти исключительно одно лишь мужество.

601. Мы видим, следовательно, что задача мужества и повышенного им интеллекта - сгладить затруднения, встречаемые в процессе вождения. Насколько успешно они могут с ними справиться - не в этом вопрос, потому что то же происходит у противника, и наши ошибки и промахи в большинстве случаев уравниваются его ошибками и промахами. Но что чрезвычайно важно - это не уступать противнику в мужестве и умственных силах, особенно в первом.

602. Есть, однако, еще одна способность, которая имеет в данном случае огромное значение, - это интуиция. Она представляет не только природный талант, но главным образом является в результате практики, знакомящей с явлениями и почти обращающей в привычку открытие истины, т.е. правильность суждения.

603. Наконец, нам остается отметить, что если в вождении обстоятельства заставляют придавать преимущественное значение ближним явлениям по сравнению с явлениями более высокого порядка и более отдаленными, то эта ошибка в обозрении явлений может быть исправлена лишь тем, что действующий, не ведая, прав ли он или нет, старается придать своим действиям определяющее значение. Это достигается тем, что он действительно стремится ко всем тем возможным результатам, которые могут быть достигнуты. Таким путем целое будет увлечено в известном направлении второстепенной точкой зрения при отсутствии более высокой, хотя оно всегда должно было бы быть руководимо с этой последней точки зрения.

Мы попытаемся разъяснить это примером. Когда дивизионный генерал в сумятице большого сражения теряет связь с целым и находится в нерешительности, отважиться ли ему на новое наступление или нет, то, решившись на него, он найдет известное успокоение за себя и за судьбу целого лишь в том, что будет стремиться не только довести свою атаку до конца, но и достигнуть такого успеха, который загладил бы все неудачи, какие бы имели место тем временем на других участках.

604. Подобный образ действия называется в тесном смысле этого слова решительным. Таким образом, взгляд, который мы здесь проводим, заключающийся в том, что лишь таким способом можно господствовать над неопределенностью положения, приводит к решительности; последняя ограждает от полумер и является самым блестящим качеством в вождении крупным боем[420].

Примечания

1. Шарнгорст фон Гергард, Иоганн-Давид (1756 - 1813), реформатор Прусской армии. (Здесь и далее примечания редактора первого издания).[^]

2. Клаузевиц имеет в виду известный труд Монтескье (1689-1755) "Дух законов".[^]

3. Гнейзенау Август (1760-1831), прусский фельдмаршал, ближайший сотрудник Шарнгорста в преобразовании прусской армии. Гнейзенау в 1830 году, в связи с июльской революцией во Франции предназначался командующим армией против Франции, а затем был назначен главнокомандующим войсками, сосредоточенными у границ Польши. В 1830 г. Клаузевиц разрабатывал план войны с Францией.[^]

4. "Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами" - Этой выпиской начинается тетрадь В.И. Ленина с выписками и замечаниями к книге Клаузевица.[^]

5. Мы переводим словом "интуиция", которого Клаузевиц не употреблял, выражение "такт суждения".[^]

6. Что у многих военных писателей, особенно у тех, которые хотели научно обосновать природу

- войны, дело об-стоит иначе, доказывают многие примеры. В своих рас-суждениях pro et contra (за и против) они уничтожают друг друга в такой степени, что в результате от них не остается даже хвостов, как в известном анекдоте о двух пожирающих друг друга львах. (Прим. 1-го немецкого из-дания.)[^]
- 7.** В нашем научном языке термины "политическая цель войны" и "цель военных действий" уже укоренились, и мы сочли возможным удержать их. Читатель должен, однако иметь ввиду, что в первом случае Клаузевиц употребляет слово "Zweck", а во втором "Ziel". Как ни близки эти оба слова русскому слову "цель", однако они представляют разные оттенки; грубой их передачей явились бы термины: "политический смысл войны", "конечный результат военных действий". Ленин, переводя Клаузевица, употребил выражение: "политический объект войны".[^]
- 8.** Подразумеваются наполеоновские войны.[^]
- 9.** В подлиннике - "сила воли"[^]
- 10.** Клаузевиц употребляет термин не "операция", а "действие".[^]
- 11.** Термином "оценка обстановки" мы заменяем слова оригинала "расчет вероятностей", давно вышедшие из употребления и затрудняющие понимание современному читателю.[^]
- 12.** Весь этот параграф выписан Лениным.[^]
- 13.** Разрядка слов "естественной тенденцией" и "логическую" принадлежит Ленину, выписавшему всю эту фразу и отметившему на полях "Начало отделения (выделения) объективного от субъективного". Затем Ленин возвращается к следующему абзацу: "перед этим Клаузевиц говорил о том, что чем сильнее мотивы войны, тем больше они охватывают все бытие - das ganze Dasein народов", - "тем больше совпадает военная цель, Ziel, и политический объект, Zweck войны, тем больше война кажется чисто военной, менее политической". "Чем слабее мотивы войны и "напряжение", тем меньше будет совпадать естественное направление военного элемента, т. е. насилие, с линией, которая диктуется политикой, тем более следовательно война отклонится от своего естественного направления; чем более политический объект отличается от цели идеальной истины, тем больше кажется, что война становится политической. Далее следует замечание Ленина: "Это NB: кажимость не есть еще действительность. Война кажется тем "военнее", чем она глубже политическая; - тем "политичнее", чем она менее глубоко политическая".[^]
- 14.** Эта фраза выписана Лениным[^]
- 15.** Разрядка Ленина, выписавшего этот абзац и поставившего против него на полях две нотабены.[^]
- 16.** Разрядка везде Ленина, выписавшего начало этого параграфа, поставившего нотабену против последней фразы и записавшего: "Очень метко о политической душе, сути, содержании войны и "народной" внешности".[^]
- 17.** Ленин по поводу последних 3 абзацев набросал следующую заметку: "Цель и средство в войне (книга 1-я, глава 2-я) - уничтожить Streitkraft (вооруженные силы), erobern das Land (завоевать страну) для? Для того, чтобы воля врага была сломлена и он согласился подписать мир.[^]
- 18.** 2 последних фразы выписаны Лениным. Он сопроводил их следующим замечанием: "Верно".[^]
- 19.** Легкость чтения перевода выиграла бы, если бы мы заменили слово "сопротивление" словом "оборона". Однако это было бы крупной неточностью ввиду того что Клаузевиц вкладывает в эти термины неодинаковое значение Оборона - это сопротивление плюс переход в контратаку.[^]
- 20.** В оригинале - Kampf. Клаузевиц вкладывал в него иногда представление не об одном бое, а обо всей боевой деятельности в целом. В дальнейшем мы будем переводить его словами: борьба или бой.[^]
- 21.** Под сохранением здесь Клаузевиц подразумевает работу снабжения и прочих служб.[^]
- 22.** Мысль Клаузевица: успех частного боя является с одной стороны целью для участвующей в нем войсковой части, с другой стороны - средством для достижения более высокой цели.[^]
- 23.** Распорядок (Anordnung) боя относится Клаузевицем к тактике, установка (Feststellung) боя - к стратегии.[^]
- 24.** Это место в труде Клаузевица, а также п. 3, главы III, части 2-й имел в виду Фридрих Энгельс в письме к Карлу Марксу от 7 января 1858 г.: "Между прочим я читаю теперь "Войну" Клаузевица. Оригинальный способ философствования, но по существу очень хорош. На вопрос, на каком наименовании остановиться - на военном искусстве или военной науке, ответ гласит, что война всего более подобна торговле векселями. Бой для войны, что расчет наличными в банкирском деле; как бы редко он в действительности ни происходил, но каждый оборот имеет в виду исключительно его, и в конце концов он должен иметь место и всё решить". ("Briefwechsel zwischen Marx und Engels, Stuttgart, 1913 т. II, стр. 281-282)[^]
- 25.** Понятие, среднее между интуицией и глазомером.[^]
- 26.** Буквально: мужество ума.[^]
- 27.** В действительности - во II главе 1-й части.[^]
- 28.** Указанная тема рассматривается во II главе 1-й части.[^]
- 29.** Т.е. движения, связанные с перестроениями боевых порядков и маневрированием в бою.[^]

30. В оригинале "лагеря".^
31. Т.е. армии.^
32. В наше время, конечно, значение вопроса о снабжении боеприпасов бесконечно возросло.^
33. Т.е. армии.^
34. Incognito - не указанных, под чужим именем.^
35. В этом параграфе Клаузевиц нападает на стратегическую теорию Жомини и эрцгерцога Карла.^
36. Имеется в виду теория Вилизена.^
37. Сарказмы Клаузевица направлены против Бюлова; последний указывал на значение "объективного угла", образуемого линиями, исходящими от пункта расположения армии к концам базиса. Чем армия уйдет дальше от базиса, тем угол делается острее, а положение армии - более сомнительным.^
38. Снова - против Жомини.^
39. Ленин выписал до этого места весь абзац; против слов: "национальная ненависть, в которой и в наших войнах, редко чувствуется недостаток", он пометил только "редко", и после выписки приписал: "национальная ненависть - во всякой войне".^
40. Клаузевиц употребляет термин "Betrachtung", понимающий научный подход, исследование, рассмотрение.^
41. В оригинале - подчиненной.^
42. Пушки делались в ту эпоху из бронзы, представлявшей сплав меди и олова.^
43. Т.е. переходит к выводу.^
44. Весь этот параграф выписан Лениным; последняя фраза отчеркнута и сопровождается нотабеной.^
45. Пример: если сумма цифр числа делится на 3, то и все число делится на 3.^
46. За и против.^
47. В оригинале: "конструкция научных вспомогательных линий".^
48. Ленин в своих заметках выписал по-немецки: "генерал Шарнгорст, который в своем "Спутнике" лучше всех писал о подлинной войне" (подчеркнуто Лениным), а сбоку пометил "между прочим". Клаузевиц имеет здесь в виду изданный в начале революционных войн труд Шарнгорста: "Militarisches Taschenbuch zum Gebrauch im Felde" 1793. Далее Клаузевиц имеет в виду наиболее известный труд Шарнгорста "Handbuch der Artillerie" переведенный в 1841 г. на русский язык.^
49. В оригинале - природы.^
50. В оригинале: служить приложением мысли.^
51. Исползованную в 1761 г. Фридрихом Великим против подавляющего превосходства австрийцев и русских.^
52. Фекьер (1648-1711) участник войн Людовика XIV. Мемуары Фекьера были изданы в 1725 г.^
53. Т. е. наполеоновскими.^
54. В действительности - в I.^
55. Вероятно I главы 1-й части. Вследствие постоянного изменения конструкции труда все ссылки Клаузевица на другие главы крайне сомнительны.^
56. В рукописи ранней обработки 2-й части помещены следующие отрывки, написанные рукой автора, с таким указанием: "Использовать при обработке I главы 3-й части"; так как переработка этой главы осталась невыполненной, то мы приводим полный текст этих отрывков (примечание немецкого издательства).^
57. Фактически: в III главе 1-й части.^
58. Весь этот абзац выписан Лениным, а две вышестоящие строки отчеркнуты им и сопровождаются нотабеной.^
59. Спасайся, кто может.^
60. Такой отдельной главы в труде нет.^
61. Эта фраза выписана Лениным. На полях отмечено по-русски: "осторожность и трусость".^
62. Последние полторы фразы выписаны Лениным по-немецки; Ленин добавил по-русски... "там она зло"...^
63. Этот абзац выписан Лениным.^
64. О начала абзаца выписано Лениным. Выписка отчеркнута в двух местах, последняя фраза сопровождается нотабеной.^
65. С начала абзаца выписано Лениным.^
66. Маратты - группа народов, населяющих центральную Индию, покоренная в XVIII веке англичанами.^
67. Темпельгоф (1737 - 1807) - прусский генерал и писатель, участник Семилетней войны. Он продолжил труд по истории Семилетней войны, начатый Лойдом; издание его относится к 1782 - 1801 гг.^
68. Массенбах - видный деятель старого прусского генерального штаба, потерпевшего крушение в

Йенской операции 1806 г. ^

69. Фридрих Великий, разбив в 1757 г. французов под Росбахом, немедленно устремился бить той же армией австрийцев под Лейтеном; Наполеон в 1814 г., разбив Блюхера в 5 боях, важнейшим из которых был Монмираль, устремился против Шварценберга и разбил под Монтро корпус принца Вюртембергского. ^

70. Темпельгоф, Ветеран, Фридрих Великий, ср. также "Посмертные сочинения Клаузевица", т. X, стр. 158 (Прим. нем. изд.). ^

71. Междудействие. ^

72. В середине августа 1760 г. кольцо окружения австрийских и русских войск стягивалось вокруг Фридриха. Лаудон, командовавший крупной частью австрийской армии, получив сведение о нахождении обоза Фридриха, решил напасть на него на рассвете 15 августа и, чтобы не поднять заранее тревоги, двинулся, не имея авангарда; но так как в ту же ночь Фридрих отвел свои главные силы, то Лаудон нарвался вместо обоза на главные силы пруссаков и к 5 часам утра был разбит. Главные силы австрийской армии Дауна, находившиеся на другом берегу болотистого ручья, не имели возможности вовремя под-держать Лаудона. Русские и австрийцы в результате этой победы Фридриха отошли, и кольцо окружения развалилось. ^

73. В 1800 г. австрийская армия Меласа капитулировала после сражения при Маренго, расплатившись за предоставление ей пути отступления в Австрию передачей всех ломбардских крепостей французам. В 1757 г., после победы под Прагой, Фридрих окружил в этом городе австрийскую армию Карла Лотарингского; но шедший на выручку Даун разбил Фридриха под Колиным и заставил его снять блокаду Праги и отступить. ^

74. В декабре 1740 г. и январе 1741 г. Фридрих почти без боя занял 25-тысячной армией Силезию; Австрия была совершенно не готова к одновре-менной войне с Пруссией и Францией, и вторжение пруссаков застало ее совершенно врасплох. ^

75. Ср. "Посмертные сочинения" того же автора, 2-е издание, т. VII, стр. 56 (Прим. нем. изд.). ^

76. Такой самостоятельной главы в труде Клаузевица нет. ^

77. Сражение 17 и 18 авг. 1803 г. Разбив союзную армию под Дрезденом, Наполеон направил к Кульму, на дорогу из Дрездена в Прагу, корпус Вандама, который должен был отрезать союзникам отступление. От непосредственного же преследования Наполеон затем почти отказался. Это позволило союзникам обрушиться всеми силами на корпус Вандама и уничтожить большую его часть. Вся артиллерия, 12 тысяч пленных с Вандамом во главе, досталась союзникам, для которых таким образом дрезденское поражение обратилось в успех. ^

78. Надо читать в I главе 1-й части. ^

79. I глава 1-й части. ^

80. Более подробно этот вопрос разбирается Клаузевицем в III главе 8-й части. ^

81. Все три сражения, о которых говорит Клаузевиц, имели место в 1745 г., во время 2-й Силезской войны. ^

82. Бель-Альянс - старинное название сражения при Ватерлоо. ^

83. В оригинале - "высшей потенци-ей". ^

84. Вероятно в IV главе 4-й части. ^

85. По распространенной неверной транскрипции - Лаоном. ^

86. Т.е. с начала революционных войн. ^

87. Ватерлоо. ^

88. В действительности в IV главе 4-й части. ^

89. Клаузевиц далее делится впечатлениями, вынесенны-ми им в бытность его в составе прусской армии, разгром-ленной Наполеоном под Иеной в 1806 г. ^

90. Клаузевиц говорит здесь об Ульме (1805 г.), так как это единственная операция Наполеона I, в которой он зах-ватил в плен неприятельскую армию (Мака), не вступая в сколько-нибудь серьезные бои. ^

91. Собственно Гросс-Гершен; в русской литературе боль-ше известно как сражение при Люцене. Оба сражения относятся к весенней кампании 1813 г. ^

92. Под Гохкирхом австрийцы (Даун), совершив ночью пе-редвижения, атаковали на рассвете 14 октября 1758 г. Фрид-риха Великого и нанесли ему тяжелое поражение. ^

93. Т.е. к характеристике сражения, данной по опыту Бородина и вообще походов 1812 и 1813 гг. ^

94. Этот абзац на немецком языке выписан Лениным. ^

95. От слов "теснимая сторона" и до конца абзаца, за исключением фразы "уже не рассчитывая на помощь стороны, которой взятыя неоткуда", немецкий текст выписан Лениным и сопровождается следующей заметкой на полях: "право на воскресение (побежденного)" ^

96. Намек на казаков, которые вообще пользуются вниманием Клаузевица и которых он лично

наблюдал при Бородине, находясь в отряде Уварова. ^

97. Клаузевиц понимает здесь под вспомогательными родами войск конницу и артиллерию. ^

98. Заняты были противником в Семилетнюю войну. ^

99. Или Люцене в 1813г. ^

100. Клаузевиц исходит из расчета 5 пехотинцев на 1 кавалериста, считая батальон за эскадрон. ^

101. К началу мировой войны 1914-1918 гг. на 1000 пехотинцев по нормальной германской организации приходилось уже свыше шести орудий. На ударных участках мировой войны в позиционный период сосредоточивалось свыше тридцати орудий на 1000 бойцов. ^

102. Подразделение - это боевое расписание армии, которое и ныне сохраняет известную продолжительность действия, хотя современные переброски резервов и перегруппировки вносят в него много изменений; построение, т.е. группировка сил, изменяется теперь с каждой новой задачей. Более соответствовало бы содержанию наименование этой главы: "Боевое расписание армии". ^

103. В настоящее время под влиянием быстрого развития техники тактика подвергается в самом ходе войны неоднократной капитальной ломке. ^

104. Клаузевиц, относя вопрос о построении боевого порядка к тактике, рассматривает боевой порядок со стратегической точки зрения только как боевое расписание, т.е. в чисто организационном отношении. - Ред. ^

105. Интересно проследить, как уменьшается часть под условием непосредственного командования голосом. Клаузевиц считает таковой единицей бригаду. Ген. Войде, переводчик Клаузевица в начале этого столетия, сомневался в возможности управлять так даже батальоном, видимо, допуская это для роты, а современный французский устав только боевую группу (в 10-12 человек) считает такой единицей, какую ее начальник будет "всегда" управлять непосредственно голосом. ^

106. В первой половине XIX века артиллеристы возражали против включения в мирное время артиллерии в состав общевойсковых соединений; подчинение батарей неспециалистам, по их мнению, грозило тем, что артиллерия - ученый род войск - растеряет свою ученость. ^

107. Стратегическое построение признается Клаузевицем лишь как внебоевой порядок, так как раз бой начался, построение представляет тактический порядок. ^

108. Дословно: общее построение армии. ^

109. В настоящее время кризис первой крупной операции отделяется от момента окончания развертывания всего несколькими днями. Под катастрофой Клаузевиц понимает, очевидно, крупное боевое столкновение. ^

110. Военная карьера Люксембурга продолжалась с 1643 по 1694 гг. Расцвет ее относится к Нидерландским походам Людовика XIV в последней четверти XVII века. Мемуары Люксембурга были изданы в 1758 г. ^

111. Походы Люксембурга лучше всего освещены в мемуарах Фекьера наиболее распространенном в XVIII веке военно-научном труде. ^

112. См. далее главу XVI части 5-й. ^

113. Главы VI и VII части 4-й. ^

114. Пикет - небольшая конная застава. ^

115. Описка автора; надо читать: "в V главе этой (т.е. пятой) части". ^

116. Клаузевиц исходит из господствовавшего тогда в тактике взгляда на кавалерию как на род войск, особенно пригодный для использования в качестве резерва. ^

117. В оригинале "Лагери". ^

118. Этой 9-й части не существует. Вероятно, надлежит читать "в 8-й части". ^

119. В современной Франции на каждые 6 километров фронта марша можно рассчитывать на одну шоссированную дорогу. ^

120. Клаузевиц указывает, что глубина походной колонны дивизии - 4 километра. ^

121. Автор хочет сказать, что в тактике возможен фланговый марш без каких-либо перестроений, при простом повороте всех частей налево или направо и движении их в колоннах рядами. ^

122. Клаузевиц имеет в виду контрмарш Шверина 6 мая 1757 г. перед сражением под Прагой; колонны Шверина были построены слева и, следовательно, приспособлены к развертыванию вправо, между тем 60000 Шверина, при которых находился и Фридрих Великий, вышли на самый правый фланг участка развертывания. Состоялась консультация опытных строевиков, - как быть? Чтобы сохранить нормальное положение в боевом порядке - правый фланг направо, левый налево, прусская армия завернула правое плечо кругом; голова колонны ушла на место хвоста, а хвост колонны встал на место головы; тогда армия зашла повзводно кругом, оказалась перестроенной в колонну справа и приступила к нормальному развертыванию влево. ^

123. Так как движение в голове колонны легче, чем в хвосте, то правильнее поочередно ставить в голову колонны то первые полки в дивизии (или первые батальоны в полку), то последние. ^

124. Надо читать - в V главе. ^

125. За последние шестьдесят лет техника организации походного движения сильно шагнула; момент выступления каждого полка точно исчисляется, длительность марша каждой части, если не происходит недоразумений, не зависит от состава колонны. Это обстоятельство, а также введение походных кухонь позволили несколько увеличить размер переходов по сравнению с нормами начала XIX века. ^

126. Учет задержек от гористой местности вполне возможен, по крайней мере, для движения пехоты, горной артиллерии и соответственного горным дорогам образца повозок. Приблизительно надо считать по лишнему часу на подъем на каждые 200 метров, кроме того, надо учитывать растяжку колонны после подъема и столпление перед подъемом. ^

127. В 1812 г. ^

128. Подразумевается армия - инструмент войны. ^

129. Все эти цифры заимствованы у Шамбр э. Сравни "Посмертные сочинения" автора, т. VII, 2-е изд., стр. 80 и след. - Прим. нем. издания. ^

130. В третий период входят потери французов под Бородином; кроме того, французская армия явно нуждалась в остановке для отдыха, но Наполеон стремился сначала достигнуть Москвы; при этом марш происходил в условиях наибольшего сосредоточения. ^

131. Большие потери корпуса Йорка объясняются молодым и несколоченным составом, а также плохим снабжением и обмундированием корпуса: не все солдаты в осеннюю кампанию были снабжены шинелями и суконной одеждой. ^

132. Однако сосредоточение войск с отходом назад представляется в тактическом отношении весьма угрожаемым, так как легко может перейти в бегство, и потому всегда избегалось ответственными начальниками. ^

133. Таковая глава осталась ненаписанной. ^

134. Надо читать "в VIII". ^

135. В эпоху Клаузевица технические средства связи (оптический телеграф) находились еще в младенческом состоянии. ^

136. Клаузевиц исходит из расчета 7 дворов на 1 квадратный километр. ^

137. Фактически только в 13 часов. ^

138. Клаузевиц в эту кампанию являлся начальником штаба корпуса Тильмана. ^

139. Современные исторические труды отрицают возможность сбора в древние и средние века тех огромных армий, о которых гласят явно преувеличенные данные первоисточников. ^

140. Т.е. после 1648 г., когда закончилась Тридцатилетняя война. ^

141. Так называемая пятипереходная система: государственный обоз (мучной транспорт) доставлял муку к хлебопекарням на три перехода от магазинов, а армейский обоз (хлебный транспорт) доставлял хлеб от пекарен еще на два перехода к армии. ^

142. 40-60 человек на 1 квадратный километр ^

143. Т.е. делается и более напряженной и распространяется на большем пространстве. ^

144. Если мы сравниваем операции различных армий в различные эпохи, то, помимо величины армий, мы должны также учесть и напряженность снабжения и пополнения. Современная армия, в которой, по некоторым подсчетам, требуется на орудие 6000 снарядов в год и на каждого бойца два заместителя, не может быть сравнима в отношении степени зависимости от базиса с армией эпохи Клаузевица, требовавшей всего 200-400 снарядов на орудие и 25-50% пополнений. ^

145. Термина "коммуникационная линия" Клаузевиц не употреблял, мы переводим этим термином, получившим в русском языке широкое распространение, выражение Клаузевица "Verbindungslinien", буквально связывающие линии. ^

146. В настоящее время подвоз совершается по линиям железных дорог и коротким грунтовыми ответвлениям от головных станций. Эти пути подвоза в настоящее время гораздо резче не совпадают с путями, по которым движутся сами войска, в частности - путями отступления. ^

147. Так, в Семилетнюю войну австрийцы, отбив большой транспорт, везший запасы изголодавшейся армии Фридриха Великого, заставила последнюю снять осаду Ольмюца и отступить. ^

148. В подлиннике "Gegend und Boden", т.е. "Страна и рельеф" (дословно - "почва"). Это двойное заглавие вызвано тем, что в эпоху Клаузевица слово "Gegend" еще не выражало полностью понятия местности. Клаузевиц поэтому ссылается на французское понятие "terrain", точно означающее "местность". ^

149. В оригинале "превышение". ^

150. Австрийцы наступали через пограничные горные перевалы в Силезию, Фридрих оставил проходы незанятыми, расположил за горами в долине и 4 июня 1745 г. разбил поочередно спускавшиеся с гор австрийские колонны. ^

151. Клаузевиц имеет в виду участвовавшие с 1814 г. рассуждения о том, что Лангрское плоскогорье представляет ключ к Франции, так как все ее важнейшие реки имеют истоки на это плоскогорье, путь с Лангрского плоскогорья к Парижу - постепенный почти непрерывный спуск. ^
152. Клаузевиц, таким образом, признает в своей стратегии как бы два этажа: 1) кампания на театре войны; 2) война в целом на всей территории страны. Первый этаж мы называем теперь областью оперативного искусства, а второй - стратегией. ^
153. О внезапности см. том I, часть 3-я, глава IX. ^
154. Это не вполне ясное место можно понимать так: в наполеоновскую эпоху отсутствовала систематическая разведка кавалерией, работы самостоятельных крупных кавалерийских частей перед фронтом не было вовсе, агентура и отдельные рекогносцировки штабных работников давали ценные данные лишь эпизодически, наступающий мог осветить обстановку, лишь серьезно ввязавшись в бой авангардом. На этом представлении о ходе ориентировки высшего командования и основывается в значительной мере роль авангарда как в наполеоновском военном искусстве, так и во французской военной доктрине. ^
155. Т.е. оборонительное. По старой терминологии наступающий "предлагает" сражение, обороняющийся "принимает" его. ^
156. Это утверждение не совсем вяжется с заключительными словами XXVIII главы 5-й части о том, что теперь местность может играть лишь второстепенную роль. ^
157. В настоящее время железнодорожный маневр открывает для обороны широкую возможность оперативного охвата наступающего. ^
158. См. часть 8-ю. ^
159. У Клаузевица: "denn der Einbruch hat erst die Verteidigung herbeigeführt", точный перевод означал бы: "ведь вторжение первоначально вызывает оборону". Так поняли Клаузевица и его переводчики Войде и Топорков (Ленинский сборник, т. XII, стр. 409). Эта плоская мысль совершенно не вяжется со всем контекстом. Мы полагаем у Клаузевица опisku и читаем: не "der Einbruch", а "den Einbruch", что придает всему предложению противоположный смысл. Мы тем более имеем право на такую поправку, что Клаузевиц вследствие дефектов своего начального образования до конца жизни делал ошибки в падежах. Наша поправка вполне согласуется с подобным изложением того же вопроса в главе 7-й этой части. ^
160. Этот отрывок со слов "Война существует более для обороняющегося" выписан по-немецки Лениным и сопровождается заметкой: "Ха-ха! Остроумно". ^
161. Вероятно, надо иметь в виду главу VI части 3-й, где признается величие Фридриха II, использовавшего в 1756 г. свою раннюю готовность для захвата Саксонии. ^
162. Ополчение. ^
163. Ленин выписал в оригинале вышестоящий абзац и сопроводил замечаниями: "большей частью" и "даже без восстания" и припиской: "(особенно да (пример):осведомление армии)". ^
164. Торрес-Ведрасская укрепленная позиция прикрывала небольшой полуостров, на котором находится столица Португалии - Лиссабон. В 1810 г. Веллингтон укрылся за укреплениями Торрес-Ведраса, а остальная территория Португалии была предоставлена Массене. Трудность сообщений и широкое развитие партизанских действий в тылу Массены вынудили его в 1811 г. к отступлению, принявшему бедственный характер. ^
165. Т.е. стремлением замедлить темп, выиграть время. ^
166. Когда наступающий гибнет от меча обороны и когда он гибнет от собственных усилий. ^
167. Эта задача была поставлена еще Кеплером. Вместо одной планеты здесь найдено почти три сотни астероидов. При жизни Клаузевица из них известны были только четыре. ^
168. От начала абзаца в оригинале выписано Лениным. ^
169. Ленин выписал эту фразу в оригинале, начиная со слов: "смутно руководясь", а к замечанию Клаузевица: "как впрочем и в большинстве случаев творчества на войне" (wie das Meiste, was iw Kriege geschieht) добавил: "и не только на войне" и отметил выписку на полях NB. ^
170. Т.е. преследующего позитивную цель. ^
171. Современная действительность далеко ушла от этих взглядов. ^
172. При современном маневрировании действие охвата сохраняется иногда в продолжение двух недель. Вспомним шлиффеновский план охвата левого крыла французских армий или хотя бы охват правого фланга русской 10-й армии в зимнем сражении в Августовских лесах (январь-февраль 1915г.). ^
173. Такими крепостями в особенности были крепости, построенные русскими в Польше уже после смерти Клаузевица: Новогеоргиевск, Ивангород и Брест-Литовск (вне города того же наименования). Такое направление крепостного строительства в России обуславливалось также и политическими причинами - глубоким недоверием русских властей к польскому населению после восстания 1830-1831

гг. ^

174. Т.е. когда дорога продолжает служить для армии как путь подвоза. ^

175. В подлиннике "как станции". ^

176. В эпоху Клаузевица Пруссия уже развивала свои крепости на Рейне как крепости-лагери, с этой целью на расстояние 2-3 километров от ядра крепости выносились несколько фортов. Такие крепости-лагери являлись прекрасным убежищем для прусских войск, расположенных в рейнских провинциях Пруссии, отделенных от основного материка прусской территории, и позволяли этим войскам переждать натиск французов до момента прибытия главных сил прусской армии. Таким образом, линия вынесенных фортов образовалась первоначально под давлением оперативных, а не технических требований: последние определенно сказались лишь после франко-прусской войны. ^

177. В подлиннике "wie Eisblocke", "как глыбы льда", мы читаем "Eisboockie". ^

178. Еще до мировой войны в одном из томов издания Большого генерального штаба "Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik", посвященном теме "Крепости в войнах Наполеона и в современной войне", было признано, что в настоящее время крепости - отчасти вследствие падения их пассивной силы, отчасти вследствие общего увеличения масштаба операций - утрачивают всякое значение, будучи предоставлены самим себе, и вся ценность их сохраняется лишь до момента, пока они остаются в связи с действующими в поле армиями. Отрываться от крепостей и оставлять их впереди своего фронта, как указывает Клаузевиц и как было вплоть до XX века, теперь нельзя. С отпадением роли "ледореза" утратился и важнейший смысл существования крепостей. ^

179. В настоящее время блокада осуществляется силами, в два раза меньшими гарнизона. Гарнизон Перемышля в 1914-1915 гг. силой в 120000 был прочно блокирован 50000 - 60000 русских ополченцев. ^

180. См. главу XXX 6-й части. ^

181. Общий план обороны только отчасти затронут в VI главе 6-й части; в целом же этот вопрос еще будет трактоваться в главах XXVII - XXX 6-й части, а также в 8-й части. ^

182. В оригинале: "естественный пункт наступления". ^

183. Когда Клаузевиц писал эти строки, ни одна из столиц крупных государств не была укреплена. К укреплению Парижа было приступлено лишь в 1841 г, уже после появления в печати труда Клаузевица. ^

184. Фшшппсбург представлял образец неудачно расположенной крепости и напоминал идиота, упершегося носом в стену. - Прим. нем. изд. ^

185. Т.е. стесняют сферу воздействия крепостей, почему последние лучше относить от них подальше. ^

186. В оригинале "в противоположность походному лагерю". ^

187. Т.е. отказывается от непосредственного удара по нашей живой силе. ^

188. В действительности - в XXVIII главе. ^

189. Последнюю мысль надлежит понимать так, что дурные влияния стратегических условий сами по себе устранены быть не могут, но последствия их могут все же исчезнуть, если удастся одержать общую победу. ^

190. Т.е. требует активных действий, а не упорного отстаивания местности. ^

191. Клаузевиц преждевременно похоронил это могущественное средство обороны, применявшееся римлянами (например, Траянов вал), китайцами (Великая стена), русскими (засечная черта), южными немцами (Шварцвальденские линии). Зачатки растянутых позиций встречаются уже в русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг., в русско-японскую войну на р. Шахэ выросли линии протяжением в 80 километров, в мировую войну линии выросли на тысячи километров. Основная причина этого воскрешения линий автоматическое оружие, обеспечивающее достаточную плотность огня и на широких фронтах. ^

192. Нормальная плотность боевых порядков эпохи Клаузевица - 10 бойцов на 1 метр фронта, таким образом, армия силой в 40 000 человек нормально могла занять фронт в 4 километра, обороняясь во все стороны, она могла бы удерживать площадь, лишь немногим превышающую 1 квадратный километр, о совершенной недостаточности последней и говорит Клаузевиц. ^

193. Клаузевиц лично рекогносцировал Дриссу в 1812 г., разгадал лживость связанной с нею идеи и существенно повлиял на ее оставление. См. "Hinterlassene Werke", том VIII, стр. 18-27. ^

194. Т.е. море, при господстве на нем нашего флота. ^

195. Т.е. области. ^

196. Т.е. если наступающий не может ни пройти мимо, ни окружить "крепкую позицию". ^

197. Брауншвейгским. Все примеры из Семилетней войны. ^

198. Блестящая критика Клаузевицем ошибочного представления о тактике в горах заслуживает и теперь полного внимания. ^

199. Эта мысль неоднократно повторяется в различных частях труда. ^

200. В оригинале "das sogenannte Tournieren", французский корень, который избирает в данном случае Клаузевиц для обозначения обхода, придает его словам несколько презрительный характер - "игра в обходы".[^]
201. Т.е. плоскогорье оказывается в действительности недостаточно плоским.[^]
202. Этот комплимент находится в противоречии с многими глухими вылазками против труда эрцгерцога Карла в предшествующих главах.[^]
203. Клаузевиц указывает на закрытый характер местности, препятствующий обзору и разведке.[^]
204. Т.е. когда преследуются задачи сторожевого охранения.[^]
205. Клаузевиц, очевидно, имеет в виду сражение при Риволи; последнее, однако, имело место не в 1796 г., а 14 января 1797 г.; в новейшей истории примерами являются бои под Траутенау и Скалицем 1866 г.[^]
206. Изложение этой главы стоит в непосредственной связи с главой XXIII этой же части "Ключ страны".[^]
207. Австрийский устав указывал, что надо во что бы то ни стало избегать ночлега войск на высотах, превышающих 2000 м.[^]
208. При дальности современного ружейного и пулеметного огня и при подвижности орудий расположение в долинах теперь представляется более угрожаемым.[^]
209. Надо разуметь "более крупный резерв". О стратегическом резерве см. главу XIII части 4-й.[^]
210. В оригинале "абсолютная".[^]
211. В оригинале "строго непосредственная". Очевидная описка.[^]
212. Для настоящего времени эти расчеты совершенно устарели. Нужно учитывать возможность неприятеля поддержать переправившиеся части могущественным дальним огнем современной артиллерии. В настоящее время при обороне рек приходится занимать такой же сплошной фронт, как и в других случаях: река представляет лишь выгодное тактическое препятствие перед фронтом, особенно чувствительно задерживающее вступление в бой бронесил противника.[^]
213. Имеется в виду прусский генерал Ведель. Вступив в командование войсками, он немедленно атаковал русскую армию Салтыкова; пруссаки вступали в бой по частям, не дожидаясь подхода своих резервов, и были разбиты наголову. В русских источниках сражение при Цюллихау часто упоминается под названием сражения при Пальциге.[^]
214. Клаузевиц имеет в виду глубокие врезанные долины рек центральной и юго-западной части Германии. Такой рекой являлась Заала, через которую Наполеон переправлялся в ночь перед сражением при Йене. Подъем артиллерии на крутой обрывистый берег долины происходил ночью при свете факелов; Наполеон лично наблюдал его и вливал энергию в исполнение этого незамысловатого дела, от которого, однако, зависел успех следующего дня.[^]
215. Клаузевиц в своем изложении имеет все время в виду сражение при Йене и в данном предложении осуждает сохранение пруссаками отдаленных резервов.[^]
216. Типичная для Клаузевица недооценка значения сообщений; преуменьшение значения подвоза объясняется не только несколько односторонним учетом опыта войн революции и Наполеона, но и полемикой с Виллизеном, переносившим центр тяжести стратегии на обеспечение работы тыла.[^]
217. В настоящее время заканчиваются работы по осушению огромного морского залива Зюдерзее.[^]
218. Бывшее графство Голландия - основное ядро современного королевства Нидерланды.[^]
219. Это отрицательное отношение к использованию лесов сохранилось вплоть до первой мировой войны, когда оно уже не отвечало новой обстановке. Лесистая местность сильно ограничивает действительность огня современных артиллерийских масс и крайне затрудняет современное наступление.[^]
220. В оригинале "татар", под которыми автор ошибочно понимает всех кочевников Азии, преимущественно монголов, от которых Великая стена защищала внутренний Китай.[^]
221. Фридрих Великий.[^]
222. Частично эта глава направлена против трудов эрцгерцога Карла.[^]
223. Переходя вброд Сиваш.[^]
224. Ленин выписал этот абзац в оригинале до этого места и сопроводил его замечанием: "Пример диалектики. Более определенный - более односторонний".[^]
225. См. главу XVII этой части.[^]
226. Клаузевиц употребляет слово "Bahn", которое надо понимать путь, имеющий конечную точку, наступающий делает какую-то карьеру, которая должна где-то прерваться и закончиться.[^]
227. В оригинале: "такт суждения, тренированные опытом".[^]
228. В оригинале "ландштурм".[^]
229. Т.е. возведенное в высшую степень.[^]
230. Клаузевиц вместо термина "операционная линия" употребляет выражение "линия предприятия".[^]

231. Фактически в X главе. ^

232. Клаузевиц полемизирует здесь с Бютовым, требовавшим эксцентрического направления отступления. ^

233. Клаузевиц или не знал, или делает вид, что не знает о секретном соглашении между русским и австрийским правительствами, согласно которому австрийский корпус Шварценберга должен был только создавать видимость военных действий против Тормасова. ^

234. В оригинале "вооружение народа". ^

235. Клаузевиц имеет в виду положение Пруссии после Йенского разгрома. ^

236. Последние четыре главы, начиная с настоящей, представляют углубленное авторское резюме всей растянутой шестой части. ^

237. Разумеются наполеоновские. ^

238. Глава VIII части 6-й. ^

239. Т.е. занятием позиций на пути обходного движения и атакой обходящего во фланг. При обороне Ричмонда во второй половине Гражданской войны в Соединенных Штатах генералу Ли удавалось забегать и преграждать путь войскам Гранта, что привело к позиционным формам борьбы. При хорошей постановке разведки такой прием оказывался действительным. ^

240. Полковник Массенбах - генерал-квартирмейстер принца Гогенлоэ, командовавшего в 1806 г. силезской группой прусских войск и союзным саксонским контингентом; герцог Брауншвейгский был прусским главнокомандующим. Препирательства между ними осложнялись нахождением при армии прусского короля, официально стоявшего в стороне от командования, но невольно являвшегося центром, к которому апеллировали обе стороны. ^

241. Глава VIII части 6-й. ^

242. Вследствие недостаточной подвижности и недальности, особенно в эпоху Фридриха Великого, массовое использование артиллерии удавалось преимущественно при обороне, увеличение количества орудий в армиях тесно связывалось с переходом от маневренной войны к более позиционным ее формам. ^

243. VIII глава 6-й части. ^

244. Фактически - в VIII главе. ^

245. "Счастливы владеющие". ^

246. Т.е. неуспех преимущественно ограничится моральным ущербом. ^

247. Очевидно, Фабий Кунктатор - противник Ганнибала. ^

248. Непременным условием. ^

249. Плеоназм - это нагромождение слов, имеющих тот же смысл и даже тот же корень (красивая красота). Армия, стоящая впереди крепости для ее защиты, это такое нагромождение оборонительных мероприятий, которые Клаузевиц уподобляет плеоназму. ^

250. Неизменное положение. ^

251. Австрийский главнокомандующий. ^

252. Нидерландские кампании маршала Мориса Саксонского (командующего французской армией) относятся к 1744- 1747 гг., причем кампания 1744 г. велась исключительно в стиле погони за взятием крепостей, а в следующих маршал Саксонский уже проявил тяготение к решению и давал крупные сражения. ^

253. Это глава V части 4-й, но помимо нес тот же вопрос освещается и в главе III части 4-й. ^

254. В оригинале: "Postenkrieg", т.е. нечто среднее между отрядной и позиционной войной. В австрийском Генеральном штабе соответственный метод ведения войны в середине XIX века назывался "колбасной стратегией", так как Крисманич подготовил секретные карты Богемского театра войны, на которых всевозможные позиции были отмечены условным знаком, напоминавшим большую или маленькую колбаску. Русский Генеральный штаб вплоть до Русско-японской войны также в лице своего Военно-ученого комитета и кафедры военной статистики направлял все усилия на изучение многих тысяч возможных для нас и для противника позиций, но не портил своими исследованиями карты, а издавал объемистые фолианты маршрутов с перечислением всех попутных позиций. Эта работа, конечно, всегда встречала резко скептическое отношение со стороны менее погрязших в ней лиц. ^

255. В XIV главе части 5-й. ^

256. По существу, это явление объясняется тем, что у австрийцев были прекрасные легкие войска, проникавшие в тыл пруссаков и нападавшие на их транспорты, а прусские легкие войска, созданные для этой цели Фридрихом Великим, оказались* мало пригодными, и никто на тылы австрийцев не нападал. Клаузевиц здесь уклоняется от того, чтобы признать превосходство в этом отношении за австрийцами. ^

257. Под диверсией понимается отвлечение внимания ударами в неожиданном направлении или в

- тылу. Клаузевиц под этим понятием преимущественно разумел второстепенные действия войск с демонстративной целью; теперь этот термин применяется почти исключительно для обозначения подпольных, террористических, вредительских и прочих выступлений в глубоком тылу неприятеля. [^]
- 258.** Глава XIII части 7-й. [^]
- 259.** Т.е. большой роли превосходства ума при маневрировании. [^]
- 260.** Речь идет о кампании 1675 г. на Рейне. [^]
- 261.** Клостер-Зевенская конвенция была заключена герцогом Кумберландским после понесенного им 26 июля 1757 г. поражения под Гастенбеком, герцог Кумберландский от имени Англии обязался перед французами распустить свою армию, собранную Англией для защиты Ганновера. Но после того, как французы были разбиты 6 ноября 1757 г. Фридрихом Великим под Росбахом, Англия сейчас же признала Клостер-Зевенскую конвенцию недействительной и вновь собрала для отстаивания Ганновера армию, командование которой было вручено герцогу Брауншвейгскому. Таким образом, ошибка французов заключалась в излишнем доверии к клочку бумаги и в недостаточном учете значения участия Англии в сухопутной войне на европейском континенте [^]
- 262.** Левое крыло пруссаков под начальством Гогенлоэ собиралось в Веймаре, поэтому в оригинале Клаузевиц называет его Веймарским корпусом. [^]
- 263.** Пфуль. [^]
- 264.** Блюхер на второй день боя заболел, а замещавший его начальник штаба Гнейзепу натолкнулся на резкую оппозицию командиров корпусов, старших его по чину, которая возглавлялась Йорком. [^]
- 265.** Часть 7-я труда Клаузевица представляет большей частью только наброски, главы IV, V и VI, затрагивающие глубочайшие вопросы наступления, представляют скорее программу-скелет, чем изложение затронутой темы, но приложенная в конце 7-й части черновая статья Клаузевица "О кульминационном пункте победы" в значительной степени восполняет этот пробел. Главы этого труда, трактующие вопросы оперативного порядка (VII, X - XII, XIV - XIX), представляют собой в настоящее время преимущественно исторический интерес. В стилистическом отношении первые семь глав 7-й части почти не обработаны, нет почти деления на абзацы, фразы отрывисты и скомканы, часто разделяются точкой с тире, знаменующей отсутствие связи в изложении. Эти недостатки немецкого текста наш перевод не стремился затушевать. Текст остальных глав 7-й части и всей 8-й части обработан Клаузевицем в достаточной степени. [^]
- 266.** Набросок этой главы без номера в конце 7-й части. [^]
- 267.** Часть 6-я, глава VIII. [^]
- 268.** Неспособность современных крепостей к длительному самостоятельному сопротивлению резко ослабляет их роль в обороне. В противоположность Клаузевицу Шлиффен подчеркивал активное значение крепостей, имея в виду в особенности крепость Мец: "Смысл современных больших крепостей не в том, чтобы содействовать обороне. Напротив того, их смысл - способствовать наступлению и численно более слабой стороны, так как они позволяют использующим их армиям наносить внезапные удары в различные стороны и прикрывают их фланг и тыл". [^]
- 269.** В эпоху империализма образование коалиции с наступательной целью, правда тщательно маскируемой, перестало быть случайностью. [^]
- 270.** Эта фраза выписана Лениным. [^]
- 271.** Здесь в рукописи следует: "Развитие этой темы - в статье о кульминационном пункте победы". Под этим заголовком сохранилась записка в папке с надписью: "Отдельные рассуждения как материалы". Эта записка, представляющая, по-видимому, обработку настоящей главы, здесь лишь бегло намеченной, помещена в конце 7-й части. (Прим. издателя к 1-му и 2-му нем. изданиям). [^]
- 272.** Клаузевиц набрасывает здесь только скелет главы, и у читателя может возникнуть сомнение при чтении двух рядом стоящих фраз: бой единственное средство уничтожения и бой - не единственное средство уничтожения, взятие крепости и оккупация территории ведут к тому же, вызывая моральное потрясение и пресекая источники пополнения противника. Это недоразумение разрешается тем, что Клаузевиц относит всякий территориальный выигрыш маневрирования за счет боя, не имевшего в действительности места вследствие уклонения противника (ч. 1-я, гл. II). [^]
- 273.** Клаузевиц употребляет французское выражение "rencontres", которому придавал значение не встречного боя, а случайного. [^]
- 274.** Эта мысль, направленная против увлечения маневрированием, не представляет окончательного мнения Клаузевица. В 8-й части главы IX Клаузевиц утверждает, что для достижения решительной победы путем охвата или сражения с перевернутым фронтом необходимо учесть нужные мероприятия уже в периоде развертывания. [^]
- 275.** В настоящее время эволюция огнестрельного оружия, расширившая фронты, совершенно изменила основные данные проблемы обороны рек, и последние используются именно как тактический барьер. [^]

276. Фактически главы XV, XVI и XVII. ^
277. Эта краткая, но очень ценная глава является стержнем всей 7-й части. ^
278. В 7-й части такой главы нет; этому вопросу посвящена глава X 4-й части. ^
279. Часть 3-я, глава IX. ^
280. Часть 7-я, глава III. ^
281. Aus der Not eine Tugend machen - очень близкая оперативному искусству пословица. ^
282. Ложные атаки. ^
283. Тем самым. ^
284. Глубокую верность этого замечания Клаузевица легко оценить на примере германского вторжения во Францию в 1914 г. Пока кризис не разрешился, тыл наступающего, почти не прикрытый со стороны моря и Нижней Сены, не подвергался сколько-нибудь серьезным покушениям. Обстановка решительно изменилась после Марны: когда наступающий перешел к обороне, прикрытые германского тыла с одной стороны и нападение на него с другой явились основными моментами "бега к морю". ^
285. Следующая, XVII глава. ^
286. Мимоходом. ^
287. Под литерой "Г". ^
288. В настоящее время подготовка наступления стала такой громоздкой (железнодорожные линии, шоссе, аэродромы и т.п.), что и здесь крупное наступление может обнаружить себя заранее. ^
289. Вследствие выделения одной трети для ведения осады. ^
290. Для прикрытия подвоза были выделены значительные силы: транспорты двигались между двумя рядами сплошных укреплений. Все же Виллар прорвал у Денсна сообщения Евгения Савойского и вынудил последнего отказаться от вторжения во Францию, снять осаду Ландресси и отступить. ^
291. В современных условиях некоторую отдаленную аналогию с темой этой главы можно усмотреть в наступлении заранее изготовившейся стороны на неприятельскую армию в период ее сосредоточения. ^
292. Наивысшую форму, венец. ^
293. Резервная кавалерия эпохи Клаузевица представляла собой конницу, предназначенную для нанесения последнего решительного удара на поле сражения, отсутствие огнестрельного оружия, за исключением пистолетов, делало ее негодной для выполнения самостоятельных задач. ^
294. Буквально - война вторжения, т.е. завоевательная война. Эта глава представляет выпад против Жомини, предостерегавшего против далеких наступлений с широкими завоевательными планами. ^
295. Выражение "манера" Клаузевиц употребляет в гетевском смысле для характеристики новых явлений эволюции искусства, связанных со своеобразием крупного мастера. ^
296. Сравн. главы IV и V - Прим. нем. изд. ^
297. Т.е. преимущество под П. 7 и невыгода под п. 5. ^
298. Это не совсем верно даже для времен Клаузевица. Теперь, разумеется, положение прямо противоположно оценке Клаузевица. ^
299. О безопасности сообщений наступающего, стремящегося к нанесению решительного удара, см. в конце главы XV части 7-й. ^
300. Под флангом здесь надо разумеется употребленное в фортификации выражение "фланк", т.е. линию обороны, перпендикулярную к общей линии фронта. ^
301. После Наполеона Мольтке-старшему удалось в кампаниях 1866 и 1870 гг. сохранить до конца этот перевес. ^
302. План Шлиффена стремился во что бы то ни стало избежать этого конечного перехода к обороне, и с этой целью Шлиффен добивался всеми средствами колоссального перевеса на заходящем правом фланге, нагромождая на нем в затылок друг другу четыре оперативных эшелона (второй - для осады Антверпена и борьбы с англичанами, третий - для захвата Кале и побережья Франции, четвертый - для осады Парижа). Последующие оперативные эшелоны Шлиффена были именно и предназначены для противодействия моментам, ослабляющим наступление, о которых говорит здесь Клаузевиц. ^
303. Часть восьмая, являющаяся лишь наброском первых глав, представляет наиболее ценную часть труда Клаузевица. Первые шесть глав представляют широкое развитие мыслей, изложенных только конспективно в I и II главах 1-й части. Глава IX, посвященная плану войны, представляет основу, из которой исходили все оперативные проекты прусского Генерального штаба, начиная с Мольтке-старшего и до Шлиффена включительно. ^
304. Часть 1-я, глава I. ^
305. Т.е. политический смысл войны и конечная военная цель. ^
306. Часть 3-я, глава XVI. ^
307. Это предложение выписано по-немецки В.И. Лениным, отчеркнуто трижды и снабжено комментарием: "Все войны таковы, что оба только защищаются". ^

308. Последние семь слов выписаны В.И. Лениным. ^
309. Описка автора; надо читать 1792 г. ^
310. Часть 1-я, глава I. - Прим. нем. изд. ^
311. Часть 1-я, глава II. - Прим. нем. изд. ^
312. Часть 7-я, главы IV и V и приложение к последней о кульминационном пункте победы. - Прим. нем. изд. ^
313. В.И. Ленин выписал по-немецки два вышестоящих предложения и отметил: "XVIII и XIX век. Различие" ^
314. Под татарами у Клаузевица надо понимать вообще кочевников-завоевателей. ^
315. Это соображение находится в явном противоречии с тем, что Клаузевиц говорит через три страницы об утонченной системе европейского равновесия. ^
316. Под кабинетом нужно понимать правительство XVIII века. Мы сохраняем этот термин Клаузевица, так как с ним связан другой характерный термин - "кабинетные войны". Политика "кабинетов" была, разумеется, тесно связана с интересами господствующих классов. ^
317. Т.е. боеспособного ландвера, ополчения или милиции.. ^
318. Интересы населения театров войны попираются империалистическими армиями в наше время в столь же грубой форме, как и при Чингисхане. ^
319. К этому месту относится следующая заметка В.И. Ленина: "Революция (французская) переделала все это". Далее выписан по-немецки текст Клаузевица: "Война сразу стала снова делом народа". ^
320. С этого слова и до конца предложения немецкий текст выписан В.И. Лениным. ^
321. Немецкий текст с начала абзаца выписан В.И. Лениным. ^
322. Т.е. при Наполеоне. ^
323. Точнее - Прейсиш-Эйлау. ^
324. Мольтке-старший стоял на этой точке зрения, рассматривая условия одновременной борьбы на два фронта. А граф Шлиффен именно в превосходстве совокупности сил противников усматривал необходимость обострить до крайности методы сокрушения. ^
325. Т.е. обуславливающей сокрушение противника, конечной военной цели. ^
326. Например, путем перестраховочных соглашений. В политике Бисмарка России отводилась преимущественно такая обеспечивающая роль. В Русско-японской войне Англия взяла на себя роль секунданта Японии, гарантировавшего последней свою помощь, если ей придется иметь дело помимо России с другим противником. ^
327. Таково было мнение генерала Ронья, который стремился на примере неудачного похода 1812 г. в Россию обосновать теорию методической войны. Еще раньше Клаузевица сам Наполеон па острове Святой Елены энергично его опровергал. ^
328. Сокрушительный замысел у Александра I впервые нашел фактическое выражение в плане окружения и уничтожения армии Наполеона на р. Березине; этот план был составлен в Петербурге немедленно после получения первого донесения о Бородинской битве, рисовавшего его как полупобеду русских. ^
329. От начала абзаца до сих пор текст выписан по-немецки В.И. Лениным, против середины его поставлено нотабене. ^
330. Несомненно, в эпоху империализма спайка военных союзов, основывающаяся и сочетающаяся с установлением тесных экономических связей, стала значительно прочнее. Однако эти союзы не устраняют свойственных капитализму противоречий, которые не позволяют союзникам полностью слить и направить все их усилия для достижения единой цели. ^
331. Заглавие выписано В.И. Лениным. Очевидно, эта глава имела вид, когда он писал: "Известно изречение одного из самых известных писателей по философии войн и по истории войн (Клаузевица), которое гласит: "Война есть продолжение политики иными средствами". Это изречение принадлежит писателю, который обзревал историю войн и выводил философские уроки из этой истории вскоре после эпохи наполеоновских войн. Этот писатель, основные мысли которого в настоящее время сделались безусловным приобретением всякого мыслящего человека - этот писатель уже около 80 лет назад боролся против обывательского и невежественного предрассудка, будто войну можно выделить из политики соответствующих правительств, соответственных классов, будто бы войну можно рассматривать как простое нападение, нарушающее мир, и затем восстановление этого разрушенного мира. Подрались и помирились. Это грубый и невежественный взгляд, десятки лет назад опровергнутый и опровергаемый всяким сколько-нибудь внимательным анализом любой исторической эпохи войн". ^
332. "Единство, соединяющее в практической жизни противоречивые элементы". Этой вставкой В.И. Ленина начинается обширная выписка немецкого текста, на полях пометка: " Самая важная глава". ^
333. Следующие 4 строки отчеркнуты В.И. Лениным в его выписке. ^

334. Следующие строки до конца абзаца отчеркнуты В.И. Лениным в его выписке; на полях поставлено нотабене. ^
335. Последнее предложение отчеркнуто В.И. Лениным и сопровождается заметкой: "Война - часть целого, это целое - политика". ^
336. Этот абзац выписан В.И. Лениным полностью. ^
337. Этот абзац полностью выписан В.И. Лениным. ^
338. Этот и следующий абзацы выписаны В.И. Лениным. Начало выписки отчеркнуто и сопровождается заметкой: "Только с этой точкой зрения все войны - вещи одного рода". ^
339. В.И. Ленин поставил после слова "патрули" в своей выписке (sic!), означающее согласие, буквально - так! ^
340. Следующие 3 абзаца выписаны В.И. Лениным. ^
341. Конец абзаца в выписке В.И. Ленина отчеркнут и сопровождается вопросом на полях: "Политика ли главное?" ^
342. Против этого места в выписке В.И. Ленин поставил вопрос: "Что есть политика?" ^
343. Против этого места В.И. Ленин пометил на полях: "Подход к марксизму!" ^
344. Конец абзаца в выписке В.И. Ленина трижды отчеркнут; на полях заметка: "Политика - представительство всех интересов целого общества". Сам В.И. Ленин видел в политике представительство лишь интересов господствующих классов. ^
345. Следующие 2 абзаца выписаны В.И. Лениным полностью. Начало первого абзаца дважды отчеркнуто и на полях стоит заметка: "Войны ведутся не из простой вражды". ^
346. Последнее предложение в выписке В.И. Ленина два раза отчеркнуто и против него на полях стоит заметка: "Политика родила войну". ^
347. Из этого абзаца В.И. Ленин выписал по-немецки: "С этой точки зрения... история станет более понятной". На полях против этой выписки поставлено нотабене. ^
348. Абзац выписан В.И. Лениным. ^
349. Отсюда и до конца абзаца немецкий текст выписан В.И. Лениным. ^
350. Клаузевиц имеет в виду министров иностранных дел Франции во вторую половину XVIII века Маршал Фукс-де-Белиль особенно отличился при отступлении французской армии от Праги в 1742 г. ^
351. В современных условиях, при наличии телеграфа и возросшем значении тыла, непрерывно высылающего в армию пополнения людьми, снарядами и техникой, обстановка радикально изменилась, и методы Карно заслуживают полного внимания. ^
352. Т.е. XVIII столетия. ^
353. Имеются в виду муштровка и искусство маневрирования в линейном порядке, достигшее особого расцвета в прусской армии. ^
354. Имеется в виду Беренхорст. ^
355. Как можно усмотреть из реального плана войны, составленного Клаузевицем в зиму 1830 - 1831 гг., здесь нужно разуместь, что захват небольшой, но богатой Бельгии на основном операционном направлении Аахен Брюссель - Париж, не удлиняющий фронта соприкосновения с враждебными силами, не ослабляет, а усиливает положение Пруссии. Бельгия, охваченная в 1830-1831 гг. революцией, рассматривалась как естественная союзница Франции, а Голландия - как союзница Пруссии. ^
356. Клаузевиц, учитывая географические данные, упускает из виду данные национального и в особенности социального порядка. ^
357. Горные хребты на границе с Австрией. ^
358. Т.е. подвержен охвату. ^
359. В настоящее время при наличии железных дорог действия по внутренним линиям возможны не только при обороне на тесном пространстве, но и при наступательных действиях на два фронта, что показала Германия в мировую войну. ^
360. Контрапрошами называла легкие укрепления, которые выносились при особенно активной обороне крепости вперед, за линию главной обороны, навстречу обнаруженной постепенной атаке осаждающего. ^
361. На эту главу надлежит смотреть, как на обоснование первого наброска войны с Францией. Клаузевиц исходил здесь из обстановки выступления Священного союза в случае новой вспышки революции во Франции. Многие мысли этой главы легли затем в основу планов Мольтке-старшего и Шлиффена. ^
362. Т.е. сокрушение врага, наступление с ограниченной целью, оборона с ограниченной целью. ^
363. Точнее - империи. ^
364. Граф Шлиффен исходил из этого положения, ослабляя до крайности оборону Лотарингии и очищая Верхний Эльзас, чтобы усилить перевес на правом фланге. Мольтке-младший, не разделяя

полностью идеи сокрушения, нарушил это положение, что обострило кризис на Марне. ^

365. Этот вопрос не затрагивается в главе III части 7-й, на которую ссылается Клаузевиц, о нем говорится, не употребляя этого термина, в главе IV части 8-й. ^

366. Шлиффен ввел термин "экстраординарная победа". ^

367. Эта глава осталась ненаписанной. ^

368. В сражении при Гохштедте в 1704 г. Клаузевиц упускает из виду различные мотивы внутренней политики, имеющие решающее значение для боеспособности различных армий. Близость уставов не сглаживает различия в боеспособности. В плен теперь можно брать не десятки, а сотни батальонов Но в основном Клаузевиц прав - развитие огнестрельного оружия уменьшило значение ординарной победы. ^

369. Клаузевиц здесь часто ограничивает понятие театра войны районом, местные средства которого могут быть нами использованы. ^

370. Клаузевиц понимает, главным образом, генералов Ронья и Сен-Сира. Под Литвой надо разуметь Литву и Белоруссию. ^

371. Клаузевиц умалчивает о тайном соглашении Шварценберга с русскими. Осторожный полководец не назначил бы политически ненадежных пруссаков и австрийцев сторожить свои сообщения. ^

372. Такой отказ от всякого вмешательства главного командования мыслим был лишь в эпоху Клаузевица, при отсутствии электрического телеграфа. ^

373. Этот вопрос являлся актуальным в августе 1914 г., когда после победы в Лотарингии в 6-й и 7-й германских армиях оказался избыток сил. Мольтке-младший допустил ошибку, предоставив им наступать перед собой, вместо того чтобы использовать их на важнейшем направлении. ^

374. Причиной очищения Бельгии австрийцами являлось понимание Тугутом глубокой заинтересованности Англии в том, чтобы лежащая против ее острова Бельгия не находилась в руках крупной континентальной державы, располагающей флотом. ^

375. Такой главы в бумагах Клаузевица не оказалось, и сама 8-я часть осталась не только не отделанной, но прямо оборванной на слове "глупец". ^

376. Этот пример является стратегической обработкой постановлений Карлсбадского конгресса на случай французской революции. В начале октября 1830 г. Клаузевиц в роли начальника штаба Гнейзенау был призван разработать план войны с революционной Францией уже ис в теории, а в предвидении реальной войны. ^

377. Нейтралитет России времен Николая I по отношению к революционной Франции представляет собой чистую фантазию. Клаузевиц хочет показать, что цели - сокрушения Франции - можно было достигнуть, не выжидая прибытия русских войск. ^

378. Эта глава была, вероятно, написана в 1828 г; с тех пор численный состав населения, конечно, изменился. - Прим. немецкого издания. ^

379. Запасные части. ^

380. Под этот план в значительной степени подогнано все изложение главы. Идея плана - наступление двумя равными группами па максимальном удалении одна от другой - весьма спорна. Сохранение одной более сильной главной группы представляло непригодное для Клаузевица решение, так как положение Австрии в Германской империи обеспечивало ей главное командование важнейшей группой, и Пруссия была бы отеснена на второй план. Клаузевиц же заботится не столько о выигрыше войны, сколько о том, чтобы предоставить в ней выигрышную роль Пруссии. ^

381. В дополнение к труду Клаузевица "О войне" мы даем еще выдержки оперативного и стратегического характера из двух других важнейших его теоретических трудов - "Важнейшие принципы войны" и "Учебное пособие для занятия по тактике, или учение о бое". Мы опускаем при этом устаревшие, чисто тактические положения. Приводимые здесь выдержки относятся к 1811-1812 гг.; следовательно, они были написаны на 10 - 17 лет раньше основного труда Клаузевица и частично явились для него материалом. Знакомство с ними, таким образом, позволяет проникнуть в ход мышления Клаузевица и глубже понять его основной труд. Во многих отношениях последний знаменует круп-ный шаг вперед, обусловленный новым военным опытом кампа-нии 1812 - 1815 гг., более глубоким знакомством с военной исто-рией и решительным переходом на диалектический метод иссле-дования. Это раннее произведение Клаузевица ("Важнейшие принципы войны") получило широкое распространение в рус-ской и французской армиях. Надо, однако, иметь в виду, что популярный в России перевод "Важнейших принципов войны" Драгомирова, переизданный в 1923 г., сделан не с немецкого оригина-ла, а с французского перевода, допустившего многие искажения и отступления от подлинника. Наш перевод строго согласуется с немецким текстом. ^

382. Этот пункт отчасти навеян мрачной обстановкой, в которой находилась после Тильзитского мира Пруссия, наполовину оккупиро-ванная французами, будущая война рисовалась Клаузевицу как отчаянное восстание, направленное против значительно превосходящего силами противника. ^

- 383.** Это правило Клаузевиц перенес и в стратегию (часть 8-я, гла-ва IX). Она явилась основным догматом ведения пруссаками войн 1866 - 1870 1871 гг. ^
- 384.** Этот вопрос подробно разобран в главе IV части 2-й. Нормаль-ные боевые порядки с повышением тактической подготовки всюду отменены. Упорным сторонником их в Германии являлся генерал Шерф. В русской армии период их существования при Николае I связывал-ся с максимальным застоём военной мысли. ^
- 385.** Клаузевиц не применяет вводимый нами для ясности тер-мин "участок". Он во всех случаях употребляет выражение "пункт". ^
- 386.** Этот раздел воспроизведен в нашем переводе полностью. ^
- 387.** Впоследствии, когда Клаузевиц углубился в вопросы стратегии, он, как видно из многих мест его капитального труда, резко изменил точку зрения на трудности, представляемые стратегией. ^
- 388.** Это утверждение исходит из недостаточного знакомства Клаузе-вица в 1812 г. с кампаниями Наполеона. Впрочем, маневрирование Наполеона было вскрыто в полном объеме военными историками лишь в последней четверти XIX столетия, и Клаузевиц в своем основ-ном труде также недооценивает оперативное маневрирование Наполе-она. ^
- 389.** В IX главе 8-й части Клаузевиц дает другую оценку этой кампа-нии. Как сражение под Будингом могло бы быть столь же решитель-ным, как под Прагой? Последнее вытекало из стратегического охвата пруссаков и, кроме того, было более удалено от границы, что увеличи-вало его значение (часть 8-я, глава IX). ^
- 390.** Мысль, на которой останавливается Клаузевиц весной 1812 г., любопытна в том отношении, что в то время в России ("бедная стра-на") возводился по идее Пфуля Дрисский лагерь для задержки фрон-тального наступления Наполеона, а армия Багратиона имела в виду для действий на стратегический фланг против магазинов. В скором времени Клаузевиц поступил на русскую службу и был сначала адъ-ютантом Пфуля. Ознакомившись с конкретными условиями осуще-ствления этой идеи, Клаузевиц многое сделал (личный доклад Алек-сандру I), чтобы русские отказались от этого губительного плана и бро-сили Дрисский лагерь. ^
- 391.** По-видимому, в этом абзаце, как и в предшествующем, Клаузе-виц имел в виду русскую армию. ^
- 392.** Действия австрийцев объясняются отчасти сильным огнем тя-желой артиллерии, выставленной Наполеоном в пункте переправы на острове Лобау, а отчасти желанием маневрировать в сражении на сообщения Наполеона с мостами, когда он несколько продвинется от них. Подготовка Наполеона и множество мостов, одновременно наве-денных, исключали возможность разбить французов в течение самой переправы. ^
- 393.** В главах 6 части, посвященных обороне в горах, Клаузевиц относится к ней гораздо более скептически, считая ее вовсе непригодной для обороны при преследовании решительных целей. ^
- 394.** Клаузевиц затем решительно изменил свои взгляды по этому поводу (см. часть 1-ю, главу III, часть 2-ю, часть 3-ю, главу X). Здесь Клаузевиц следует за величайшим скептиком в военных вопросах - Беренхорстом. ^
- 395.** А.В. Суворов не получил систематического образования, но мно-го работал над пополнением своего образования в течение всей жизни. Суворов знал языки: немецкий, французский, польский, турецкий, по-нимал финский и итальянский. Ланжерон в своих мемуарах расска-зывает, что после штурма Измаила в 1790 г. генерал-майор де Рибас представил ему волонтеров своей флотилии (из них было много ино-странцев самих разнообразных национальностей), и с каждым из них Суворов объяснялся на его родном языке. В области военных знаний Суворов был всеобъемлющ и много занимался военной историей; во-обще же обладал исключительной начитанностью. ^
- 396.** Изменение взглядов Клаузевица на стратегию после знаком-ства с ней видно хотя бы из сравнения этого положения с главой XI части 8-й. ^
- 397.** Армия Массены, осажденная в 1800 г в Генуе, обходилась долгое время почти без всякого продовольствия, голод заставил Массену согласиться на почетную капитуляцию - армия и расположенная к французам часть населения получили возможность отойти во Фран-цию, не складывая оружия; крайнее сопротивление Массены позволи-ло Бонапарту одержать победу под Маренго. ^
- 398.** В русском переводе не печаталось; здесь даются выдержки. Не-смотря на сугубо тактическое заглавие, мы видим в этой работе исход-ный набросок для капитального труда по стратегии. Внимание автора повсюду устремляется на оперативную сторону вопроса. Общий бой трактуется почти как операция. По-видимому, на этом основании ав-тор оставил этот опыт теории тактики без окончательной обработки и использовал его в десятках мест для капитального труда. ^
- 399.** Ср. часть 4-ю, главу V. ^
- 400.** Ср. всю теорию победы с главой IX части 4-й. ^
- 401.** Ср. часть 1-ю, главу II. ^

402. Эта концепция боя с решающим актом резко отличается от ха-рактеристики сражения во II главе 4-й части; она исходит из успеш-ных кампаний Наполеона и обученных армий, тогда как в своем капи-тальном труде Клаузевиц находился под давлением последних не-удачных для Наполеона войн с преобладанием плохо обученных войск. ^
403. Основное отличие довоенной французской доктрины от герман-ской заключалось в том, что в Германии решающий акт передоверялся частным начальникам, а во Франции считалось обязанностью соглас-но наполеоновской традиции организовать решающий акт в целом, и это являлось заботой старшего начальника даже во фронтовом маш-табе (Мальяр, Бонналь, Фош, Ланглау и г д). Последний случай наступит в условиях централизации, вызван-ной позиционным периодом мировой войны, в позиционных условиях частные бои отпадают, и остается единая огневая подготовка и еди-ное решающее движение на приступ. Эта тенденция продолжает гос-подствовать в оперативном искусстве и после окончания мировой войны. ^
404. См. часть 1-ю, главу II. ^
405. Ср. часть 7-ю, главу XIII и примечание к ней. ^
406. Соответственная п.п. 238-248 глава должна была иметься в капи-тальном труде, но осталась ненаписанной. ^
407. Ср. часть 6-ю, главу I. ^
408. Существующее положение. ^
409. К этой теме в стратегическом масштабе Клаузевиц возвращается в главе XII части 3-й капитального труда. ^
410. Т.е. густое построение, с одной стороны, позволяет вести и более сильный огонь, а с другой стороны, образует более благодатную ми-шень, вследствие чего действие огня с обеих сторон усиливается, как думает Клаузевиц, почти равномерно. ^
411. Впоследствии Клаузевиц изменил свое мнение: "Один боль-шой огонь достигает большей степени жара, чем несколько малень-ких". ^
412. Часть 4-я, глава VII. ^
413. Усовершенствование оружия и улучшение снабжения боепри-пасами увеличили выгоды энергичного ведения огневого боя и выз-вали быстрый рост фронта с конца XIX столетия. ^
414. Эта идея обороны с резервом на уступе играла большую роль в германской доктрине; в России она играла большую роль в кампании 1812 г. и вновь начала успешно культивироваться после Русско-японской войны. ^
415. Отсюда атаки позиционного фронта на узких участках 1915-1916 г.г. ^
416. Сомнительно. Концентрированные потери вызывают более се-рьезные моральные последствия. ^
417. Т.е. преимущество делать свой ход после партнеру. ^
418. Здесь Клаузевиц набрасывает вопросы, разработанные впослед-ствии в главе третьей части первой и главах шестой и седьмой части третьей капитального труда. ^
419. Автор имеет в виду отметить поверхностный, но конкретный характер вождения по сравнению с более глубоким и отвлеченным направлением плана. ^
420. На этом рукопись Клаузевица обрывается. ^ ^

Карл Клаузевиц

О войне

Издательства: Эксмо, Мидгард, 2007 г.

Суперобложка, 864 стр.

ISBN 978-5-699-24697-7

Тираж: 4000 экз.

Формат: 60x90/16